

А 139
36

802-11
225

СЫНЪ
ОТЕЧЕСТВА

И
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

мартъ - апрель
РЕДАКТОРЫ: Н. ГРЕЧЪ И Ф. БУЛГАРИНЪ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавецъ Александра Смирдина.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

—
1853.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА
и
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ III.

О Боже! грудь моя стѣснилась....
Вземли изгнанника мольбамъ!
На жизнь мою, и здѣсь, и тамъ,
Коварно злоба ополчилась,
И пѣть числа мои въ братахъ!
И гордо мнѣть: о въ чуждѣ спасенья.
Но Ты, о Господи, не имѣй гнѣвъ,
Твоя десница сокрушитъ,
Ихъ горделивы помышленья.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1837 года,
Марта 15 дня.

Ценсоръ *И. Горсаковъ.*
Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Возстань, о Мститель мой, возстань!
 И въ лучезарныя твердыни
 Простри погибельную длань,
 Надъ темнымъ скопищемъ гордыни!
 Надъ ихъ главами — въ вечный страхъ —
 Обрушь карательные громы,
 И расточи ихъ, яко прахъ,
 Въ пустынь вихрями песомый!
 Къ тебѣ, Защитникъ мой, зову:
 Ты възмещеши милостию правой,
 И вновь, увѣчанную славою,
 Превознесешь мою главу.
 И Твой ликующій народъ
 Воспещетъ пѣснию Сіона,
 И отъ божественнаго трона
 На землю благодать низойдетъ!

Н. ВАННИКОВЪ.

ШАНФАРИ.

АРАБСКАЯ КАССИДА.

Друзья! поднимайте верблюдовъ на ноги скорѣй:
 Шанфари къ врагамъ отъѣзжаетъ изъ вашихъ степей.
 Укладены выюки; ремень ихъ къ горбамъ притянулъ;
 Впередъ! Ночь спокойна, и мѣсяцъ пустынный блеснулъ.

Въ дорогу! Когда же починятъ туманы сойдутъ,
 Безстрашному всюду отъ козней найдется приютъ.

Не тѣсно нигдѣ мнѣ, когда я разсудкомъ владѣю,
 И роскошь изгнать, а горе размыкать умѣю.
 Найду я друзей и вѣрнѣй и надежныя васъ:
 То волкъ сиво-бурый, то пестро-узорчатый барсъ,
 Съ добычей растерзанной въ пасти, хромая гiena;
 Они мнѣ друзья: у нихъ неизвѣстна измѣна!
 Нѣтъ ложнаго друга, что тайны въ устахъ не хранитъ,
 Въ пустынь заблудшаго брата съ насмѣшкой бѣжитъ.
 У нихъ за обиду — есть мечь, за насмѣхъ — бой!
 Отважны — по имъ не сравнится въ отвагѣ со мной.
 Я первый на встрѣчу врагамъ вырываюся въ поле,
 Въ раздѣлъ жь добычи послѣдній являюся за долей.
 Великою мысли и воли вы мнѣ не равны:
 Кто чувствуетъ цѣну себѣ, тотъ стоитъ цѣны!

Я васъ оставляю, не стапу по васъ горевать,
 По людяхъ, которыхъ добромъ я не могъ привязать.
 Къ вамъ сердце мое никогда не лежало вполнѣ.
 Товарищей трое надежныхъ осталось при мнѣ:
 Безстрашное сердце, мой клинокъ булатный лихой,
 Да лукъ мой желтый, какъ шея верблюда крутой;
 Съ нимъ полсъ богатый на немъ бахрама дорогая;
 Колчанъ вырваной, тетива въ моемъ лукѣ тугая,
 Что выславъ стрѣлу, такъ жалобно стонетъ по ней,
 Какъ въжняя мать по похищенной дочкѣ своей.

Не воръ я, что почую, подкравшись къ чужимъ табунамъ,
 Вспугнетъ жеребцовъ и кобылъ выгоняетъ купцамъ;
 Я не трусь, не пустой волокита за женскимъ хвостомъ,
 Что мыслить, и судить, и дышитъ лишь женскимъ умомъ.
 Мое сердце не дрогнетъ, хоть въ сѣчѣ порой встрепенется;
 Воробьинымъ перовымъ полетомъ въ груди не забьется.
 Кто видѣлъ чтобъ я, весь день просидѣвъ подъ шатрами,
 Рысницы сурмою, а волосы мазалъ духами?
 Когда я въ степи среди ночи дорогу терялъ,
 Хоть вихорь и прахомъ, и щебнемъ меня осыпалъ?
 Лечу на верблюды, за мною лишь вѣтеръ летитъ,
 И брызжутъ огнистой струею кремни отъ копытъ.
 Мнѣ голодъ ничтоженъ: въ глубокомъ раздумь моемъ

Я стисну его, задущу — и не помню объ пемь;
 Питаюсь я прахомъ, и голодь, сдавался безъ бою,
 Съ стыдомъ сознается въ безсилъ своемъ падо мною.
 А если бь остался въ обозь, въ наметахъ моихъ,
 Гдѣ пища привольный? Гдѣ болѣе вишь дорогихъ?
 Но горько душа моя ваше презрѣнїе спосить,
 И если я вась не брошу, — она меня бросить.
 Въ груди моей мщенье свернулось, и вьется во мнѣ,
 Какъ питка крутал на пуццномъ внизъ вертень.

Съ зарей выхожу я, какъ волкъ на добычу голодный;
 Опъ рыщеть, и пастью лишь вьтерь хватаетъ холодный.
 Избѣгавъ пустыню, въ излучинахъ голыхъ степенъ
 Заложеть, бродитъ, и ждетъ тамъ добычи своей.
 Когда жь, истощавъ, изуряся безпомезной засадою,
 Опъ взвостъ — и вой его вторить голодное стадо!
 Какъ мьсаютъ, и плоскїи и тощїи, сквозить въ облака,
 Такъ плоски ихъ ребра и тощи пустые бока;
 Обрыскавини степь, они стонуть, визжать отъ страданья;
 Ихъ зубы звенять, какъ стрѣлы во время гаданья;
 Ихъ впалили они понуро, сердито глядятъ;
 Разпнуты пасти, какъ шни разщемленны, торчатъ.
 Завьль — и они съ нимъ завьли, сбѣгаясь на кочки —
 Такъ плачуть Фариса убитаго жены, иль дочки —
 Умолкнуль — и смолкли они. Вытье имъ въ отраду:
 Товариць въ бѣдѣ знать прїитецъ и волчьему стаду.
 Раздѣльное горе какъ будто не такъ тяжело.
 Вотъ стадо голодную пѣсню опять завело,
 Но вотъ оно смолкло — въ молчаньѣ лишь шерсть свою
 гложеть:
 Лучше молчать и страдать, когда вопль не поможетъ.

Несусь къ родинку я — и жаждущихъ строусовъ стая
 Напрасно несется, толпясь и крылами махал;
 Не обгонитъ ихъ быстрый вожатый верблюдки лихой —
 Ужь я у ключа, а ихъ стая далеко за мной.
 Я далѣе въ степь — а птицы на мутный родинкъ.
 Ихъ раздутые зобы, къ водѣ опущенный языкъ —
 Погоды предвѣстникъ. Отъ крика все стонеть кругомъ,

Какъ гуль каравана вдали на привальѣ дневномъ.
 Вотъ снова спялся, и вновь къ родинку палетъли,
 И сжалися въ тѣсный кружокъ, и каромецъ обьсли;
 Напились, зашумѣли, по воздуху крылья раскинувъ,
 Какъ въ значныхъ озахъ толпа удалыхъ Бедуиновъ.

Но если война безъ меня востосковалась по мнѣ —
 Довольно и вѣрно мечемъ послужилъ я войнѣ;
 А пылъ несчастья гнѣзда въ груди моей сьли,
 Страданья по жеребью тѣло мое раздѣлили;
 Засну ли — они, надъ моею склонившись глагою,
 Глядятъ, гдѣ въ вѣрнѣ ударъ нанести роковой.
 Бѣда за бѣдою стремится меня поразить,
 Печали путемъ лихорадки привыкли ходить,
 И пуце недуга терзаютъ убитую душу мою,
 Летятъ, припадаютъ, какъ жадныя птицы къ ручью;
 Сто разъ ихъ сполно — сто разъ опъ вновь налетать,
 И справа, и слѣва и сверху, и снизу разить!

Я бѣгалъ въ засуху босой по равнинѣ степенъ,
 Катясь по хребту ихъ, какъ лютый питомецъ ихъ, змѣй.
 Хотъ въ нѣгѣ я вькормленъ, въ богатствѣ, въ довольствѣ
 созрьль,

Но сыпь я терпѣнья: терпѣнья бронейю одѣль
 Я грудь удалую, въ которой отвага гѣены.
 Одеждой упорства покрывъ мои голые членъ,
 Въ степи безъ шатра я, и въ зной безъ покрова лежу,
 И весель, богатъ я, затѣмъ что себя не щаю.
 Въ дни прошлые счастья роскоши меня не прельщала,
 Постыдная праздность далеко Шавфари бѣжала.
 Слѣдиль ли я ухомъ пытливымъ за вздорной молвой?
 Когда я наморщилъ чело передъ славой чужой?

Вы помните ль ночь роковую, ту ночь непогодю,
 Такъ tempo-ужасную, такъ нестерпимо-холодну,
 Что Арабъ, чтобъ согрѣться, сжигалъ свои стрѣлы и лукъ?
 Я вышелъ на битву, спустился къ врагамъ, какъ паукъ;
 Мой вѣрный вожатый былъ молшїи пожаръ въ небесахъ,
 Сподвижники — громы, тревога и вражескїи страхъ!

Оставив дѣтей сиротами, вдовицами женъ,
 Принесъ я, какъ вышелъ — грозою и тмой окруженъ.
 Поутру, когда я спокойно въ шатръ отдыхалъ,
 Слухъ грозный о мнѣ, какъ самунъ, по степи пробѣжалъ.
 Сошлось двѣ толпы тамъ враговъ пораженныхъ монахъ;
 Я слышалъ догадки, распросы, проклятія ихъ.
 «Слыхали — толкуютъ — какъ въ полночь собаки ворчали;
 Мы думали, волкъ пробѣжалъ, иль гіены рычали,
 Иль испуганный струсъ въ пустынь крылами взмахнулъ,
 Но песь заворчалъ у кочевья — и тотчасъ уснулъ.
 То дивъ ли жестокой крови нашей вздумалъ испить?
 Человекъ ли? — Но нѣтъ! человеку столькоихъ не убить!»

Я въ полдень, какъ своды небесныя зносемъ пылалъ,
 Какъ змѣи отъ жару по степи вылиси и скакали,
 Въ дыривомъ плащѣ къ раскаленной землѣ припадалъ,
 И сивши турбанъ мой, я солнце главою вызывалъ.
 Мои грязныя кудри, какъ змѣи висѣли по вискамъ,
 Клочками къ пемытымъ моимъ прилипали щекамъ.

И лопо пустыни моея, безпредѣльной, пѣмой,
 Нагое и твердое вѣлоду, какъ щитъ боевой,
 Босыми стопами Шанфари не разъ измѣрялъ.
 Завидѣвъ громады утесовъ пустынныхъ и скалъ,
 Какъ песь быстроногий, взлѣзалъ я къ ихъ острой вершинѣ.
 Тамъ прѣдали дикія серны по голой стремнинѣ,
 Одетыя волной пухистой, и зыбкой, и пѣжной,
 Какъ красныя дѣвы, въ одеждѣ своей бѣлоснѣжной;
 Онъ не пугался приниельца въ привольѣ своемъ,
 Считаю его вожатымъ ихъ стада козломъ,
 Который съ такими на лбу роговыми вѣтвями,
 Что вскинувши морду, хвоста достигаетъ рогами,
 Иль ими вѣдывавшись за острый гранита отвѣсъ,
 Повиснетъ, какъ пташка, въ бездонной лазури небесъ!

ЯКОВЪ ДРАГОМАНОВЪ.

ПОКРЫВАЛО ЛЕВКОФЕН.

=

1

«Ты покинулъ островъ счастья, —
 Но Огигія любви,
 Томный отзвѣвъ сладострастья
 Млѣеть все еще въ крови.
 На открытомъ, бурномъ морѣ
 Раскачался твой паромъ —
 И ничтожное ты горе
 Держишь на сердцѣ своемъ!»

2

«Волнѣ ряды напестъ готовы
 Сокрушительный ударъ...
 Скинъ земной любви покровы,
 Брось Камисинъ тяжкій даръ!
 Скинъ и память наслажденья,
 Дымку чувственной тоски!
 Все съ себя, безъ сожалѣнья,
 Все, что топить, совлечи!»

5

«Въ откровеніи природы
 Чисто-мужеской, яви
 Образъ внутренней свободы,
 Твердость Вѣры и Любви!
 И съ рѣшительностью встрой,
 И съ прозорливымъ умомъ
 Силы нравственныя встрой
 Предъ слѣпымъ врага лицомъ!»

4

«И въ пустынь океана,
Гдѣ мятѣжь стихій кипить,
Человѣческаго сана
Явнишь царственный ты видъ!
И могущество слабое
Вмигъ почувствуетъ твое
Всемогущество людское
И безсиліе свое!»

5

«Дашь вельпие пучинѣ —
И сама пучина вода,
Хоть и съ ропотомъ, въ богинѣ
Помощь вѣрную пришлетъ!
И валы, твои злодѣи,
Пѣну ярости соткутъ
Покрываломъ Левкоен —
И покорно подадутъ!»

6

«И опасности не стало,
Какъ ни шумѣнь влажный путь:
Левкоен покрывало
Не допустить утонуть!
Побѣжденное, простонеть
Море жизни подъ тобой —
Не погибнеть, не потонеть
Тотъ, кто понялъ санъ людской!» —

7

Этотъ вѣщій голосъ свыше
Отзывается во мнѣ, —
И на сердцѣ стало тише
Въ самой шумной сторонѣ!

Я плыву въ опасномъ морѣ;
Мнѣ вослѣдъ недругъ глядитъ,
Но завистливое горе
Съ береговъ меня слѣдитъ.

8

Я ль рвался честолюбиво
Съ свѣжихъ, мирныхъ береговъ,
Въ путь, гдѣ тѣшится бурливо
Величавый строй валовъ?
Нѣтъ! судьбы великій геній
Неожиданно мѣня
Оторвалъ отъ вдохновеній,
Отъ домашнего огня!

9

Ахъ! не я ли былъ доволенъ
Въ ясной бѣдности своей,
Въ нуждахъ жизни тихъ и воленъ,
Съ чистой музою моею!
И не я ли, положъ горя
По домашнемъ житіи,
Замедлялъ на брегѣ моря,
Сколько могъ, стоны свои!

10

По судьба моя настала:
Я отшлылъ отъ милыхъ мѣстъ
Въ путь *гестей*, какъ называла
Зависть міра мой отъѣздъ!
Путь честей!.... Я недругъ лести,
Я хочу лишь сохранить
Образъ свѣтлой, *гестной* чести, —
Жить душею и любить!

11

Видя мрачныя затѣи
Вдутьихъ алчностью валовъ,
Я тотчасъ у Левкоен
Взялъ прославленный покровъ —
Самочувствія примаго,
И спасенія отъ золь,
И достоинства людскаго
Чисто-дѣвственнѣйшій символъ!

12

И ведомый тайнымъ зовомъ,
Обпаялся я суетъ,
Опоясался покровомъ —
И гляжу на мутный свѣтъ!
И спокойно, будто дома,
Подъ павсомъ мирныхъ сновъ,
Жду крушенія паромъ
Ежечасно... я готовъ!....

13

Сокрушительнымъ ударомъ
Оглушенный, можетъ быть,
Я очнусь подъ чужбымъ жаромъ
Сердца, жаднаго любить!
Совѣсть чистал, святал,
Послѣ горестной борьбы,
Ублажить, какъ Навзикая,
Побѣдителя судьбы.

1836.

ВАРОНЪ РОЗЕНЪ.**СТРАХЪ****БЕЗСЛѢДНАГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. ***

Писано въ 1822 году.

==

I.

Борюсь съ судьбой: грозитъ истлѣнье,
Забвенью обреченный гробъ...
Стрекочетъ и меня, въ унылый часъ, сравненье,
Сжимаетъ сердце мнѣ, наморщиваетъ лобъ...
Страданіе людей, возвышенныхъ судьбою,
Почтить Исторію главою.
Взираетъ міръ на ихъ дѣла....

.....

II.

Уже ль безслѣдно, утро жизни,
Моя, ты, юность! протекла?
Ты на алтарь своей отчизны
Нечистыхъ жертвъ не припесла:
Но ты нерадостна была...
Люблю страпу мою родную!...
Великъ, прекрасенъ, дивенъ міръ!
Его я презлеть сердцемъ чую!
Но, гость, не призванный на пирь,
Я въ міръ *parisius* блуждаю;
Въ семьѣ огромной — сирста...
Все жду чего-то, все мечтаю,
Но не сбывается мечта....

.....

* Изъ III части «Дурацкаго Калнака», которая, равно какъ и послѣднія IV и V части, вскорѣ изданы будутъ.

III

Кто крестъ несетъ въ уединеньи,
 Чей дѣйствии кругъ фортуны сжать,
 Кого бѣды въ тиши крутятъ,
 Тотъ — всѣмъ чужой... Его, въ тоскѣ безъ раздѣленья,
 Безмолвно гаснетъ вдохновенье....
 Онъ безъ свидѣтелей, безъ поприща боецъ,
 Ему съ рожденія терновый дагъ вѣнецъ,
 Умреть — его удѣлъ.... забвенье....

IV.

Ахъ! лучше бъ жизни не вкушать,
 И пресмыкаться бы съ толпою....
 Какъ страшно вовсе исчезать
 Борцу съ высокою душою!
 Привѣта славы не слышать,
 Всегда размоветвуя съ судьбою,
 Изнывъ подъ бременемъ труда,
 Оставить землю — безъ слѣда,
 Прекрасный мiръ — безъ упованья
 Достойнымъ быть его суда,
 Достойнымъ быть — воспоминанья....

В. ФИЛИМОНОВЪ.

ПАДАЮЩАЯ И ПОСТОЯННАЯ ЗВѢЗДЫ.

Сорвалась съ небосклона
 И летить, летить, летить,

Словно стрѣлка Аполлона,
 Небо струйкой бороздитъ,
 До земли не долетѣла
 И погасла въ тишинѣ,
 А другая пламенѣла,
 И по прежнему блестяла
 Неба въ синей вышинѣ!

Мысль блеснула, отдѣлилась,
 Попеслалась въ мiръ идей,
 И въ туманѣ общемъ скрылась
 Въ мiръ смуть и фонарей.
 Мысль другая долго тлѣла,
 Все свѣтлѣе и свѣтлѣй,
 Тихимъ пламенемъ горѣла,
 Вѣчной звездочкой блестяла —
 Солнцемъ стала для людей!

Л. ЯКУБОВИЧЪ.

ЛЪСЬ.

Снова тучи надо мною
 Собралися въ тишинѣ;
 Рокъ завистливый бѣдою
 Угрожаетъ снова мнѣ....

Пушкина.

Что, дремучій лѣсъ,
 Призадумался,
 Грустью темною
 Затуманился?

Русская Словесность.

Что Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головою въ бою!

Ты стоишь, поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный,
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвать
И развѣять въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалась
Речь высокая,
Сила гордалъ,
Доблесть царская?

У тебя-ль было —
Въ ночь безмолвную,
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя-ль было —
Въ дни роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя-ль было —
Поздно вечеромъ,

Стихотворенія.

Грозно съ бурею
Разговоръ поидеть.

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ,
Держи около!...»

Закружить она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твою,
Зашагается...

Встрепенувшись,
Разбушуешься —
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гуль.

Буря вспачется
Лѣшимъ-вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...

Гдѣ-жъ теперь твою
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился...

Одичалъ, заможь —
Только въ непогодѣ
Воешь жалобу
На безвременье.

Такъ-то, темный лѣсъ,
 Богатырь Бова!
 Всю ты жизнь свою
 Майль битвами.

Не осилили
 Тебя сильные —
 Такъ подрѣзала
 Осень черная.

Знать, во время сна,
 Къ безоружному,
 Попахлынули
 Силы вражьи....

Съ богатырскихъ плечъ
 Сняли голову —
 Не большой горой,
 А соломенкой....

А. КОЛЬЦОВЪ.

РАЗСВѢТЪ.

Срывая черный свой покровъ
 Съ отчизны пламенныхъ міровъ,
 Блѣдна, тренещеть въ нѣгъ ночь.
 Звѣзда зари, зѣира дочь,
 Въ своей одеждѣ золотой,
 Горить на ризѣ млы густой,

И утро будитъ вѣтерокъ.
 На сладко - дремлющій востокъ,
 Въ лучахъ, румяная заря,
 Льетъ пышно волны литаря.
 И солнце, щитъ кровавый днѣ,
 Судьбой скругленный изъ огня,
 Въ струяхъ пучины голубой,
 Какъ шаръ катится золотой:
 И въ безднѣ, слитой въ круглоту,
 Проводитъ яркую черту,
 И та черта, существъ змѣя,
 Сіяетъ въ цѣпи бытія,
 Ея и время не сотреть,
 Нѣмая вѣчность не пожреть.

П. АЛЕКСѢЕВЪ.

МОЯ ЗВѢЗДА.

Въ ночь подъ тучей зажглась, и въ туманъ облеклась,
 Дочь небесъ, ты, звѣзда серебряная;
 Въ переливахъ дробясь, и на мглу покатысь,
 Ты тонула въ безбрежьи, лучистая;
 Чуть видна и тускла, ты, блѣднѣя, пыла,
 Подъ ревущей грозой, безотрадна;
 Неясна ты была, но ты свѣтъ пролила
 Въ безнадежность души, ненаглядная;
 На бездонность пучинъ, свой отбросивъ рубинъ.

И сапфиръ проясня, ты манила меня,
 Къ высотамъ, гдѣ съ мірами кипить океанъ —
 Я помчался бѣ туда, золотая звѣзда,
 Но ту высь застилаетъ свинцовый туманъ.

П. АЛЕКСѢЕВЪ.

ЦВѢТОКЪ.

Природы милое творенье,
 Цвѣтокъ — долины украшенье,
 На мигъ взлетѣянный весной —
 Безвѣстенъ ты въ степи глухой.

Скажи, зачѣмъ же такъ алчешь,
 Росой заискрясь, пламенѣешь,
 И дышишь чѣмъ-то, какъ живымъ,
 Благоуханымъ и святымъ?

Ты для кого въ степи широкой?
 Ты для кого отъ селъ далеко?
 Не для крылатыхъ ли друзей,
 Поющихъ въ воздухъ степей!

Для нихъ ли въ роскоши, семьями,
 Румяной ягодой, цвѣтами
 И обалъняемъ для души,
 Вы, травки, зрѣете въ тиши? —

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
 Подругу, красную дѣвицу:
 Пока еще, твоей косою
 Не тронулъ ты травы степной!

А. КОЛЬЦОВЪ.

ЗАМОГИЛЬНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Памяти Булгакова).

Я помню, какъ тяжкимъ недугомъ страдал,
 Не ждавъ исцѣленья, со смертию въ груди,
 Мой бѣдный товарищъ, любовь проклиная,
 Не разъ говорилъ ты: «*страшися любви!*»

«Любови ли чистой, любви священной,
 На ветхой, на грязной землѣ обитать,
 И даръ свой сердечный, душѣ драгоценной,
 Предъ двѣю земного съ мольбой расточать?»

«Любовь — это перло не здѣшняго міра,
 Небесная магна, съ мастикой сосудъ,
 Вся святость избраннаго нами кумира,
 Вся дѣвственность мысли, хвала, а не судъ!»

«Любовь — это дума, мечта, упоенье,
Блаженный, блестящий, роскошный обманъ,
Восторгъ неизмѣнный, порывъ, сновидѣнье,
Плѣнительный призракъ, бѣглецъ лучшихъ странъ.

«Любовь — это ангелъ съ златыми крылами,
Взлѣбляемый въ сердцѣ, вскормленный въ тиши,
Но въ мигъ обольстить онь коварства мечтами,
Кольцомъ обовѣстятъ, какъ змѣй, вокругъ души....

«Не вѣрь же любви! — Чарующей силой,
Тоскою глубоко на грудь западетъ;
На ней впечатлѣть навѣкъ образъ милый
И радость навѣки съ собой унесетъ.

«Не вѣрь же любви! — Свои вдохновенья
На жертвенникъ лживый, ты въ даръ не клади;
Твой идолъ блестящій—земли порожденье:
Предъ нимъ не кручинься, ему не кади!

«Сперва увлечешься коварной мечтою,
И сердце и разумъ за-разъ очерти,
Ты въ омутъ бездонный, отважной душою,
Съ какимъ-то восторгомъ повергнешъ себя.

«А тамъ ты узнаешь терзанія ада,
Бессонницу, ревность, безсилную злость....
Не видно приманки, исчезла награда,
Лишь муки остались, чтобъ на сердцѣ взрость.

«Страшися, страшися любви вдохновенной,
Избытка чувствъ пылкихъ, товарищъ страшися!
Холоднымъ, суровымъ ты будь неизмѣнно —
Предъ созданными богами съ тоской не молися.

«Ребенокъ!.... ты ищешь отвѣта на чувства;
Себѣ отголосокъ ты мыслишь пайти;
Но въ миръ разврата одно есть искусство,
А чувства прямого пельзл обрѣсти.

«Смотри, какъ изсохъ я, какъ тяжело страдаю,
Какъ, юному, близокъ мнѣ жизни предѣлъ;
Въ проклятыяхъ и мукахъ теперь изнываю; —
Мечтатель! учися!.... вотъ страсти удѣлъ!»

И тихо угасъ ты, заснулъ спомъ глубокимъ,
Потухъ, какъ лампада въ полночной тиши —
Страдалецъ! разстался ты съ чувствомъ высокимъ,
Съ послѣднимъ порывомъ прекрасной души!

Едва лишь почилъ ты, едва отозвался
Твой голосъ печальный, послѣдній завѣтъ,
Какъ въ сумрачномъ сердцѣ наказъ не остался...
Любови безумной гремѣлъ ужъ привѣтъ!

И съ бодростью новой, всей силой желанья
Душа устремилась въ невѣдомый путь;
Уста лепетали неволью признанье,
И стало мнѣ сладко и тяжело вздохнуть!

Но радость съ душою, увя! не сдружилась,
А жизненной нити ужъ сгнило звено,
И черною кровью вмигъ сердце облилось,
И въ выси надзвѣздной гремитъ: свершено!

Сбылся, усопшій, твои предреканья;
Настигнуть я рокомъ, упалъ я душой,
И въ жизни мнѣ этой знать только страданья,
Не знать, что блаженство, не знать, что покой.

Пускай я постигнуть удѣломъ печальнымъ,
 Пусть жребій назначилъ мнѣ тяжкій конецъ,
 И поступью тихой, съ челомъ погребальнымъ,
 Смерть, близясь, подноситъ свой хладный впецъ.

Пусть вельно свыше мнѣ вѣчно крушиться,
 Но буду однимъ же и тѣмъ же все я,
 Попржнему стану страдать и молиться,
 Какъ жрецъ, я пребуду у ногъ алтаря.

Умчался годы!... Надъ мною несется
 Твой голосъ печальный, послѣдній завѣтъ,
 И мнится, порою еще раздастся:
Страшился любви, страшился, поэтъ!

1837. С. П. б.

Д. СУШКОВЪ.

ПАМЯТЬ БЫЛАГО.

Меня узнать желали вы.
 Съ небесной жаждой просвѣщеня,
 Устамъ повѣривши молвы,
 Но чѣмъ была я на мгновенье,
 То только случая игра:
 Я не поэтъ — прошла пора
 Момхъ восторговъ и мечтаній,
 И жизнь обратно все взяла,
 Чѣмъ выше міра и страданій
 Меня изъ праха вознесла!

Но ваше милое вниманье
 Вновь сердце пробудило мнѣ —
 Какъ не почувствовать сознанья,
 Не пожалѣть о старинѣ...

1837 г. Декабрь.
 Серпуховъ.

Н. ТЕРЮХИНА. *

ДВА МЕДВѢДЯ.

(Б А С Н Я).

Въ глухомъ бору, весной,
 Медвѣдь съ медвѣдемъ повстрѣчались,
 И подружались такъ они между собой,
 Что никогда съ тѣхъ поръ друзья не разставались;
 Гдѣ былъ одинъ, тамъ былъ навѣрно и другой,
 Но время какъ пришло собираться имъ въ дорогу,
 Искать себѣ берлогу,
 То сталъ одинъ, вотъ такъ другому говорить:
 «Чѣмъ розно зиму намъ съ тобой, дружище, жить,
 Не лучше ль согласиться,
 Въ одну берлогу намъ обонимъ завалиться?
 Тогда бь мы не были съ тобой разлучены,

* Бывшая дѣвица Теплова. Имѣя это знакомъ тѣмъ, кто помнитъ
 прежніе поэтическіе опыты г-жи Терюхиной. Вопреки ея собственно-
 му сознанію, видимъ, что она не перестала быть поэтомъ.

Ред. С. О. и С. А.

Русская Словесность.

Спокойно бы лежали,
 Да лапу лишь сосали
 До будущей весны.» —

Однако жъ, хотъ они берлогу отыскали,
 Подъ хворостомъ, въ чащѣ лѣсной,
 Въ которой точно бы нашли просторъ большой,
 Да какъ для общаго покоя
 Кому нибудь изъ двухъ, а старшимъ надо быть,
 То эту важную статью никакъ безъ боя
 Медвѣди не могли рѣшить,
 Врагами сдѣлались, не стало дружбы болъ,
 И слабой сильному былъ долженъ, по неволѣ,
 Берлогу вовсе уступить.

★ ★
 ★

Довольно, кажется, толкъ басни этой ясенъ?
 Онъ съ истиной согласенъ,
 Да и въ пословицѣ друзья его найдуть:
 Въ одной берлогѣ два медвѣдя не живутъ.

Ярославль. 1838 г.

П Р О З А.

ИСТИННОЕ

**И ДОСТОВѢРНОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ О ТОМЪ,
 КАКЪ НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ ПРИѢЗЖАЛИ ОБЪ-
 ДАТЬ И УЪХАЛИ БЕЗЪ ОБЪДА.**

(Быль, а не сказка).

Положеніе мужчины съ высшимъ умомъ
 нестерпимо въ провинціи.

Новѣйшее замѣчаніе Зинаиды — ой.

«Теперь перейдемъ-те, господа, къ отдѣ-
 лѣнію позвоночныхъ.....»

Изъ профессорской лекціи.

Долій Марковичъ, по всей справедливости, почи-
 тается важнымъ лицомъ въ уѣздѣ:

Во-первыхъ потому, что у него домъ на камен-
 номъ фундаментѣ.

Во-вторыхъ потому, что у него мебель краснаго
 дерева, и круглый годъ стоитъ безъ чахловъ (а
 это вѣдь не шутка; это значитъ: жить *открыто*).

Въ-третьихъ потому, что у него зала чрезвычай-но великолѣпна: въ ней стоитъ шкафъ съ серебря-но дѣдовскою посудою, время Самозванцевъ и Царя Алексѣя Михайловича, а на стѣнахъ нарисова-ны двѣнадцать каріатидъ, представляющихъ полное число лихорадокъ, не говоря уже о потолкѣ, ко-торый украшенъ живописными облаками, или, луч-ше сказать, самимъ хозяиномъ, который «изволить катиться по нимъ» на колесницѣ, наряда въ гу-бернскій мундиръ. (Все это «отличнѣйшей» работы, и въ сумеркахъ производитъ необычайный эффектъ; дамы даже пугаются.)

Въ-четвертыхъ потому, что у него маіорскій чинъ — дипломъ на уваженіе, умъ и добродѣтели въ деревнѣ. (Маіоръ не можетъ быть не умный; это уже тамъ аксіома.)

Въ-пятыхъ потому, что у него серьезный видъ и кубическая (слѣдовательно, возбуждающая почте-ніе) толстога тѣла.

Въ-шестыхъ потому, что онъ очень *политиченъ* съ дамами, пишетъ для нихъ просьбы — и для просительницъ и для отвѣтницъ въ одно время.

Въ-седьмыхъ потому, что онъ хорошо «разсказы-вается» о короткихъ связяхъ съ важными людьми въ Петербургѣ.

Въ-восьмыхъ потому, что онъ приучилъ засѣдате-лей и исправника прѣзжать къ нему по обязанно-стямъ службы не иначе, какъ въ мундиръ, и при-томъ въ утреннее время.

Въ-девятыхъ потому, что онъ *не судится* въ пер-вой инстанціи суда (нѣтъ примѣра, чтобы тамъ въ чемъ-либо ему отказывали), а проигрываетъ обык-новенно дѣла свои въ гражданской палатѣ, и

Въ-десятихъ потому, что у него водятся, кромѣ наливки — этой стихіи провинціального угощенія —

еще и «ренскія», которыя, вмѣстѣ съ поваромъ, утверждаютъ за нимъ единогласно уѣздный авто-ритетъ.

И дѣйствительно, Лолій Марковичъ есть камеръ-тонъ, путеводная звѣзда, идолъ уѣзднаго общества. Онъ тамъ представляетъ настоящаго феодала, окру-женъ подобающимъ числомъ вассаловъ, казнить и милуетъ своимъ мнѣніемъ, избираетъ дворянъ на службу, и можетъ вполне сказать: «никто же на ны!»

До сихъ поръ жизнь его текла мирно, какъ мут-ная струя по болоту; счастье его и слава, казалось, бы-ли упрочены на вѣки. За нихъ ручались, и давность времени, и *безпристрастная* критика уѣзда. Но, на бѣду Лолія Марковича, поселился, не въ дальнемъ отъ не-го разстояніи новый сосѣдъ, Садовскій — малый съ образованіемъ, немножко сѣсивый, какъ и всѣ нынѣшняя молодежь, но за то весельчакъ, славный товарищъ и романтикъ въ хозяйствѣ, потребитель клеверу, желѣзныхъ боронъ, и тому подобнаго.

Еще въ первое свиданіе его съ «уѣзднымъ свѣти-ломъ», онъ не имѣлъ счастья понравиться ему, по-тому, что рекомендуясь не прибавилъ обыкновен-ной, принятой въ этомъ случаѣ тамошними права-ми фразы: «позвольте мнѣ поручить себя вашему расположенію и покровительству» (т. е. не соблюлъ такой формы, которой слѣдовали всѣ прѣзжающіе въ уѣздъ, отъ 10 до 90 лѣтъ включительно), и къ тому же, какъ-то въ разговорѣ съ Лоліемъ Марко-вичемъ *слегка* не согласился съ нимъ.

А Лолій Марковичъ терпѣть не можетъ тѣхъ, ко-торые не ищутъ въ немъ, почитаетъ врагами тѣхъ, которые не соглашаются съ его мнѣніями, и отъ души ненавидитъ новичковъ, общающихся пре-восходство и самобѣтность.

Такимъ образомъ, молодой житель провинціи, за неисполненіе этихъ (для него истинно масонскихъ) статей узвдной подчиненности, подпалъ уже опаль, такъ сказать, *президента* деревенскаго общества, который, на первомъ же именованномъ собраніи, провозгласилъ его, *по впрныль* слухамъ, бульномъ, высланнымъ изъ столицы, человѣкомъ самага сомнительнаго поведенія, сварливымъ, и дерзкимъ на-слово.

Это значило — обвинить Садовскаго въ государственной измѣнѣ, и издать объявленіе, что въ домъ его чума.

Бѣдный дебютантъ на провинціальную жизнь, въ слѣдствіе такой біографической о немъ выходки, въ которой столько же было правды, сколько въ желѣзъ воздуха, не могъ объяснить себѣ холодности къ нему сосѣдей. Думая, что политика деревни такова, что надобно самому, безъ приглашеній, начинать знакомство, похвалъ онъ рекомендовать себя — и еще болѣе изумился обращенію и тону сосѣдей. Гдѣ приняли его сухо и принужденно — здравствуйте и прощайте; гдѣ просили извиненія, что нездоровы и не могутъ принять (а семейство изъ 15 человѣкъ), а гдѣ самой натянутой лаской надобли ему еще болѣе, чѣмъ прямымъ отвращеніемъ.

И за всѣмъ тѣмъ, онъ все таки не разгадалъ причины предубѣжденія къ нему. Сколько ни думалъ онъ объ этомъ — все напрасно. «Вѣрно я въ Киргизской степи поселился? Или меня принимаютъ за кого-нибудь другаго?» спрашивалъ онъ себя. И чтобы разувѣриться въ этомъ, придумалъ онъ за лучшее сдѣлать обѣдъ. «Авось-либо я познакомлюсь съ здѣшнимъ обществомъ; вѣдь скрипучія колеса надо подмазывать.» И не мѣшкая ни сколько, послалъ онъ просить къ себѣ всѣхъ, у кого былъ. Его благодарили, общались къ нему быть, если что не задер-

жить. Но въ назначенный день онъ напрасно ждалъ къ себѣ гостей. Кто просто не пріѣхалъ, кто прислалъ человѣка, съ извиненіемъ, что не можетъ быть. . . . по *десяти* причинамъ, а другіе — и это самые ревностные читатели Лолія Марковича — прохали *лишь* воротъ его, съ пѣснями.

Около трехъ часовъ однако жъ притащился къ нему, вереть изъ-за сорока, подсланный клеветъ Лолія Марковича, Иона Гаврилычъ Мелкутовъ, съ давнихъ уже лѣтъ исправляющій должность узвднаго сплетника, и, къ сожалѣнію, не утвержденный въ этомъ званіи, по причинѣ множества сонскателей. Впрочемъ, онъ и не заботился объ этой чести, какъ человѣкъ, назначенный для другой, болѣе важнѣйшей цѣли, потому что судьба сотворила его *геніель*, со всѣми условіями «высшаго призванія,» то есть, дала ему «чрезвычайность» — способность ѣсть за десятерыхъ и пить за одного, «сосредоточивъ въ немъ всѣ силы и помышленія въ одной идеѣ,» то есть, идеѣ желудка, о которомъ онъ думаетъ исключительно день и ночь, пятьдесятъ лѣтъ сряду. Одаренный нравственнымъ могуществомъ, или, иначе сказать, готовностью переносить, для достиженія своей цѣли, всевозможныя насмѣшки и униженія (какъ это и бываетъ съ великими людьми, непонятными толпою), въ замѣнъ «всеобъемлемости,» сродной генію, Мелкутовъ надѣленъ былъ лучшимъ качествомъ — *всеядностію*, или искусствомъ предлагать желудку своему всякую-всячину: ѣсть и хрѣнъ съ персиками, и артишоки (въ цѣломъ видѣ) съ деревяннымъ масломъ, и сушеные грибы съ медомъ, вмѣсто варенья, и все это безъ усилій, самымъ естественнымъ, граціознымъ образомъ. За то, какъ и хорошъ Иона Гаврилычъ, при этихъ достоинствахъ, «въ своей тарелкѣ!» Какъ онъ величественъ за

поросенкомъ, котораго побѣждаетъ всегда безъ хлѣба, за одинъ присѣсть! И — Боже мой! чего стоитъ «высшая роля» въ свѣтѣ! Какихъ, подумаешь, не перенесъ испытаній Иона Гаврильчъ! Садился, послѣ общаго стола, гдѣ обнаружили уже свои «дарованія,» въ другой разъ обѣдать — и на этомъ-то избитомъ попринцъ успѣвалъ покрыть себя блестящею славою: видно, для генія нѣтъ невозможнаго. Обѣдалъ, по приглашенію одного помѣщика, и подъ открытымъ небомъ, на особо устроенной эстрадѣ, изъ нѣсколькихъ бочекъ, соединенныхъ вмѣстѣ. И тамъ-то онъ возсѣдалъ на готическихъ креслахъ, въ тирольской распушенной шляпѣ, въ медвѣжьей шубѣ, мѣхомъ наружу, съ разливательной ложкой въ рукѣ, съ вертеломъ въ другой, и кушалъ *привозилъ* ему, на двухъ лошадяхъ, принадлежности обѣда, прямо изъ кастрюль и корчагъ. Когда же надобно было переменить «блюдо,» онъ звонилъ въ ямской колокольчикъ, и толпа мужиковъ, одѣтыхъ въ сарафаны и кокошники, и стоящихъ по сторонамъ, въ шеренгу, бросалась къ его услугамъ, а многочисленные зрители награждали подвиги героя единодушнымъ рукоплесканіемъ. Этого еще мало. Иона Гаврильчъ кушалъ на-вѣку своею, такое «*rot - rounti,*» какого никому еще, вѣроятно, не доставалось. При его глазахъ былъ смѣшанъ весь обѣдъ: супы, соусы, холодныя, пастеты, жаркія, десертъ, кофе, *въ одно* блюдо, которое и употребилъ онъ, во славу Божию и въ поученіе предстоящихъ. Послѣ этого, для генія Ионы Гаврильча пріѣхать неприглашенному на званый обѣдъ — было совершенною бездѣлицею. Такъ онъ сдѣлалъ и теперь; не будучи знакомъ съ Садовскимъ, онъ ѣхалъ къ нему на вѣрный обѣдъ.

— Честь имѣю рекомендоваться — пропищалъ онъ тоненькимъ голоскомъ, входя въ залу — я недалый

сосѣдъ вашъ, житель сельца Тараканова, Иона Гавриловъ, по фамиліи Мелкутовъ.

«Очень радъ познакомиться», отвѣчалъ Садовскій, удивляясь появленію фигуры, съ огромнымъ, выпученнымъ, какъ парусъ на вѣтрѣ, брюхомъ, съ закинутою назадъ головою, и съ *гужили* руками, потому, что онѣ казались привѣшенными.

— Я здѣсь пользуюсь расположеніемъ сосѣдства, — продолжалъ Мелкутовъ — проходилъ многія почетныя должности... служилъ въ городническомъ правленіи, и узнавши, что вы сегодня дома, за удовольствіе почелъ засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее почтеніе.

«Много васъ благодарю. Прошу покорно садиться,» промолвилъ хозяинъ.

И Мелкутовъ усѣлся на двухъ стульяхъ. Не прошло и часа времени, какъ онъ познакомилъ съ характеристикою почти всѣхъ сосѣдей; разсказалъ современные анекдоты, какъ одинъ разночинецъ откусилъ другому, подъ хмѣлькомъ, полпальца; какъ помѣщики Глушковъ и Забіякинъ поѣхали въ губернской городъ выигрывать другъ у друга тяжбу, для сокращенія дорожныхъ издержекъ, въ одной общей повозкѣ; какъ губернаторъ, замѣтя подпись судьи на опредѣленіи ниже секретаря, сказалъ ему: «вы нездоровы, г. судья? Вы, я слышалъ, просиживаете ночи на-пролетъ за бостономъ, и рискуете потерять видъ службы зрѣніе,» и проч. и проч. Садовскій слушалъ, слушалъ повѣствователя, и не могъ принять участія въ его разговорѣ: это для него была истинно санскритская граммата.

Въ шестомъ часу, онъ принужденъ былъ съѣсть съ этимъ единственнымъ гостемъ, пріѣхавшимъ къ нему, какъ мы уже замѣтили, безъ приглашенія, за столъ, и видѣть совершенное пораженіе гастрономи-

ческой армии своей, сформированной къ защитѣ противъ двадцати человѣкъ, простымъ «барабанщикомъ» Удивленіе его, при видѣ атаки Мелкутова на ипдѣйку, возрасло до крайности. Онъ началъ подчивать его. Тотъ кушалъ безъ обиняковъ, добль остатки тетерева, наклалъ полную тарелку пирожного, которое и соединилъ во рту съ тремя ломтями пеклеванного хлѣба, а тамъ принялся за кремь...

— У васъ сегодня галантирь прекрасный, — сказалъ Мелкутовъ.

«Не угодно-ли вамъ его еще? сдѣлайте одолженіе!» подхватилъ хозяинъ.

И поданное *опять* холодное отправилось вслѣдъ за кремемъ.... Изумленіе Садовскаго перешло въ неудержимый смѣхъ....

— Вы смѣетесь? — говорилъ Мелкутовъ — вѣрно тому анекдоту, который я вамъ сейчасъ разсказалъ? Онъ точно забавень, ха, ха, ха, ха! Вы превеселый человѣкъ, какъ я вижу. Я веселыхъ людей очень люблю, и за это буду съ вами откровенень....

И онъ, въ припадкѣ откровенности, объяснилъ Садовскому *причину* непріѣзда къ нему гостей — «слѣдствіемъ неблаговоленія къ нему Лолія Марковича,» доказалъ, какъ дважды два четыре, чрезвычайное вліяніе этого человѣка на деревенское общество, и заключилъ свое простосердечіе искреннимъ совѣтомъ: съѣздить поскорѣ къ Лолію Марковичу, поласкаться къ нему, попросить его расположенія и покровительства, или ждать, въ противномъ случаѣ, отъ его милости разныхъ непріятностей.

Такъ и случилось. Садовскій не могъ быть Молчалинымъ, и потому сдѣлался затворникомъ, не сталъ ѣздить никуда, и къ себѣ никого не приглашалъ. Но и при этой скромности, его не оставляли

въ покоѣ. То жаловались на его лошадей, то на мельницу, то на собакъ, что злы. А Лолій Марковичъ подалъ даже на него какую-то бумагу....

Но главная причина ненависти на него Лолія Марковича образовалась, въ послѣдствіи, не изъ бездѣлицы — не изъ нашествія козла въ огородъ, и истребленія имъ «самовольно, и безъ всякаго вѣдома,» какъ пишутъ въ деревенскихъ челобитныхъ, двухъ грядъ капусты, и не изъ жалобы на какое-нибудь *овсяное* разореніе, съ обыкновенной подъяческой фразой, что съѣли-де лошади сосѣда моего *немалое* количество чистаго полевого овса, когда рѣчь шла объ *нѣсколькихъ* снопахъ. Нѣтъ! дѣйствительная причина гнѣва на него феодала вышла... вамъ вѣрно не угадать ее!... *изъ различнаго лингвизма о законахъ электричества*. Вотъ какъ это случилось. Садовскій, между многими нововведеніями, поставилъ, на своей землѣ, 13 градоотводовъ. Поднялась какъ-то буря — ударилъ громъ, заиграла молнія — поля его спаслись отъ града, а нивы Лолія Марковича были имъ побиты. Кто-жъ тутъ былъ виноватъ? Разумѣется, деревенскій физикъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшилъ Лолій Марковичъ, потому что первое дѣйствіе его, послѣ потери хлѣба, было тайное приказаніе сломать и унести всѣ градоотводы у Садовскаго. Сказано и сдѣлано. Но, на мѣсто одной бѣды, случилась другая. Исполнителя приказаній схватили, и съ уликою, привели къ Садовскому. Тотъ признался во всемъ.

Вообразите превосходную канву для начатія тяжбы!... Какъ бы хорошо можно было оцѣнить градоотводы — истинные іероглифы для тамошняго мѣста! Написать длинное исковое прошеніе, на двадцати листахъ, мелкимъ, убористымъ почеркомъ, такъ, чтобы никто изъ присутствующихъ, куда бу-

детъ подана просьба, даже и изъ тѣхъ, которые безъ труда *гитають скоропись*, не посягнули на чтеніе его, а, съ благосклонною гримасою, передали бы на волю секретаря, отъ котораго и зависѣло бы рѣшеніе дѣла (а это, въ подобныхъ случаяхъ, не бездѣлица). Какъ бы хорошо можно было назначить цѣну каждому «шесту» (выписанному, разумѣется, изъ чужихъ краевъ) въ 80 рублей, потому, что онъ *де* способенъ поддерживать ходъ электрической матеріи; каждому «острею» (дѣланному, безъ всякаго сомнѣнія, въ Англіи), 50 руб. и, для большой точности, еще 40 коп.; «проволеку» и «композицію» для обмазки соломы (то есть, смолу) оцѣнить въ 55 р., а работу каждаго градоотвода, по крайней мѣрѣ, въ 60 р. Всего бы вышло тысячи на три, — не включая еще въ это число убытка, могущаго произойти отъ будущихъ бурь и граду, по которымъ *удовольствіе еще тягаться* предоставить себѣ впоследствии, особо. Право, иной любитель тлжбъ счелъ бы подобное обстоятельство настоящимъ кладомъ, но Садовскій былъ не изъ числа ихъ.

Онъ соблюлъ всю формальность казусаго дѣла, призвалъ къ себѣ сотскаго, стороннихъ свидѣтелей, и заковалъ преступника. Несчастный разрушитель электрической системы дрожалъ со страху; ему представлялись острогъ, наказаніе, ссылка. Но, къ спасенію его, обиженный помѣщикъ предложилъ ему средство заслужить прощеніе особенною услугою, которая состояла въ томъ, чтобы онъ взялъ лошадь съ телѣгою, покаталъ въ нее всѣ градоотводы, и ѣхалъ по окружнымъ сосѣдямъ, будто бы съ порученіемъ отъ своего барина, Лолія Марковича, кланяться имъ, предложить, кому только достанетъ, въ подарокъ по градоотводу, и просить,

въ слѣдующій четвертъ, къ себѣ откушать, «вмѣстѣ съ фамилією» (терминъ, необходимый въ деревенскихъ приглашеніяхъ). Но объ этомъ никакъ, подъ опасеніемъ тюрьмы, цѣпей, и потери за исправное исполненіе условія красной ассигнаціи, не говоритъ никому, и не являться къ барину до пятницы. Дѣлать было нечего. Трусливый лакей согласился; выпилъ порядочную мѣру «веселящей влаги,» и поѣхалъ развозить градоотводы, со всею важностію, приличною дѣлу. Разумѣется, приходскіе чины приняли это приглашеніе «почтеннѣйшаго» челоуѣка въ уѣздѣ съ подобающимъ вниманіемъ. И хотя нѣкоторые изъ нихъ прежде и не были удостоены знакомства Лолія Марковича, а другіе не знали, что дѣлать съ присланными *шестами* (признавъ за лучшее поставить ихъ посреди хмѣльниковъ, остреемъ къ землѣ), но всѣ всеобще благодарили отъ чистаго сердца, и общались быть непременно.

Есть провинціи, гдѣ знакомства можно сравнивать съ моткомъ гнилыхъ нитокъ, которыя надобно мотать очень осторожно — того и гляди, что онѣ порвутся. Ничего нѣтъ легче тамъ раззнакомиться: не оплатите вы за визитъ визитомъ, и къ вамъ ни за что въ свѣтъ не поѣдутъ, даже и на ваши похороны*; подтруните, въ веселую минуту, за гла-

* Вотъ почему одинъ изъ жителей деревни, шутникъ при жизни и забавникъ по смерти, помѣстивъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи слѣдующее:

С т а т ь я 15.

«Если заподнино будетъ извѣстно, что я, передъ тѣмъ, какъ покинуль этотъ свѣтъ, не оплатилъ кому-либо изъ своихъ сосѣдей *визита*, то покорнѣйше прошу исполнителей моего духовнаго завѣщанія исправить мое непростительное упушеніе, взять грѣшное тѣло мое «и отвезти въ тотъ домъ, гдѣ визитный долгъ мой могъ возбудить на «меня справедливое негодованіе. И этимъ тѣмъ мол ни сколько не оскорбится, а, напротивъ того, будетъ очень рада, что сосѣди мои, «при по-смертной готовности моей посѣтять ихъ, не откажутъ мнѣ «въ прощеніи и, быть можетъ, соберутся отдать послѣдній долгъ рас- «каившемуся грѣшнику.»

за, надъ своимъ сосѣдомъ — ему передадутъ это съ вариациями, и въ другомъ смыслѣ — и тогда прощай ваше знакомство: къ вамъ онъ не только не ступить ни ногою, но, безъ всякихъ объясненій, будетъ коситься на васъ, и постарается пронести имя ваше *лю* зло. Бѣда, если вы, къ этому имѣете еще *чрезполосицу*: знакомство ваше всегда на волоскѣ, и Пандоринъ ящичекъ готовъ открыться предъ вами ежеминутно. Но если вы исправны въ визитахъ, ни надъ кѣмъ не смѣялись, и, къ высочайшему благу на землѣ, не имѣете чрезполоснаго владѣнія, или пользуетесь такимъ же могуществомъ, какъ Лолій Марковичъ, то можете быть увѣрены, что по приглашенію вашему (разумѣется, чрезъ нарочнаго) знакомства ваши пробудятся, какъ бы гальванически. Чепчики вылетятъ изъ своихъ картоновъ, пожелтѣлые, какъ арестанты изъ темницы; мужчины распорядятся стрижкою волосъ, теченіемъ бритвы, велѣть вымыть себѣ маншкн, выгладить жилеты, осмотрѣть хомуты.... Вы во всемъ произведете тогда необыкновенную дѣятельность.

Такъ случилось и теперь. Но въ то время, когда дѣлались эти приглашенія, дворовые люди Садовскаго пропустили слухи, что пойманный въ электрической фуражировкѣ человекъ, не обнаруживъ подлиннаго умысла, скрылся. Лолій Марковичъ, отъ радости, проспалъ въ слѣдующее утро лишніе два часа. (Это былъ единственный мѣритель его веселаго расположенія.) Въ роковой же день, то есть, въ четвергъ, онъ проснулся, не ожидая собирающейся надъ нимъ тучи, ровно въ 11 часовъ. По обыкновенію, кликнулъ онъ къ себѣ «дворецкаго» и «камердинера» (это были доморощенные лакеи, въ старыхъ, или лучше сказать, старѣйшихъ господскихъ сюртукахъ), изъ которыхъ одинъ, по заведенному

порядку, сталъ надѣвать на него, еще въ постели, чулки, а другой чесать голову, и потомъ мыть расprostертые руки. Тутъ послышался на подъѣздѣ лошадинъ топотъ.

— Узнай, кто пріѣхалъ.

Надѣвавшій чулки человекъ побѣжалъ проворно на крыльцо.

— Панфилю Петровичу Мордочкину — сказалъ онъ, возвратясь.

«Что онъ не завтракалъ что ли?»

— Не могу знать-сь.

«Вели ему дать рюмку водки.»

— Слушаю-сь.

Лакей опять побѣжалъ вонъ.

— А что не пріѣзжалъ послѣ того засѣдательничко? спросилъ Лолій Марковичъ у оставшагося камердинера.

«Вчера былъ-сь, когда вы изволили опочивать-сь.»

— Ну, что же ему сказали?

«Мы сказали-сь, что если вы пожалѣвали-сь по тому же дѣлу-сь, по которому пріѣзжали нѣсколько разъ, то баринъ-сь мой не можетъ васъ принять-сь; они нездоровы....»

(Засѣдатель пріѣзжалъ исполнять *десятый*, повторительный указъ, по проигранной Лоліемъ Марковичемъ тяжбѣ.)

— Хорошо! Чепи еще въ головѣ — примолвилъ неприступный баринъ, снова засыпая.

И молчаніе опять воцарилось въ спальнѣ.... Лишь слышенъ былъ шопотъ огромнаго вѣера, сдѣланнаго изъ гусиныхъ перьевъ, которымъ, возвратившійся изъ командировки дворецкій, сталъ, по обыкновенію, отгонять мухъ отъ главы своего повелителя.

Въ этотъ промежутокъ подъѣхали еще гости.

Заборинъ — *новый* знакомый Лолія Марковича — (владѣлецъ 20-ти душъ крестьянъ, изъ которыхъ десятеро находятся въ бѣгахъ, а пятеро за старостию лѣтъ, кормятся мірскимъ подаваемъ, и потому) самъ-баринъ, самъ-крестьянинъ, въ стуртукъ, въ радужномъ жилетѣ, съ дутыми металлическими пуговицами, въ лѣгнемъ исподнемъ платкѣ, и теплой фуражкѣ, съ отвороченными ушками, и за нимъ, Савелій Максимовичъ Коноплянниковъ, отставной судья, по баснѣ И. А. Крылова, достойный уже кандидатъ въ рай, прѣхавшій на трехъ съ половиною колесахъ, потому, что остальная половина колеса разсыпалась по дорогѣ отъ сельца его, которой онъ не поправлялъ со временъ Семилѣтней Войны, дѣлая ее, такимъ образомъ, настоящимъ оселкомъ для пробы экипажей, лошадей и человѣческой груди, и почтита, вѣроятно, потерю головы своей на бугоркахъ и ямахъ, не такъ убыточною, какъ утрату девятидневной работы нѣсколькихъ человекъ, нужныхъ для поправки дороги.

Принуждены были доложить о прѣздѣ этихъ гостей.

— Чортъ-ли ихъ такъ рано принесъ! — бормоталъ сонный хозяинъ, лѣнливо надѣвая халатъ и приказывая подать себѣ чаю.

А званые гости безостановочно подъѣзжали.

Прикатился и Толстяковъ, въ «разсылин» перекладывающій фишки изъ чужой коробки въ свою, и по «ошибкѣ» заглядывающій въ карты противниковъ.

Потомъ Хуторскій, съ супругою, или, что все равно, съ строгимъ своимъ командиромъ.

Погода немножко, Волчковъ — танцоръ и буффъ своего круга.

За нимъ Багуниинъ, придерживающійся въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ объѣта деревней, то есть, дѣлающій шагъ впередъ и два назадъ.

И еще Наглядовъ — какаѣ-то *репетиція* своихъ и чужихъ словъ.

Эти гости, съ привычнымъ благоговѣніемъ къ хозяину дома, расположились ожидать его въ разныхъ комнатахъ. Въ гостиной услышились Багуниинъ и Г-жа Хуторская, съ вѣчнымъ своимъ ординарцемъ — супругомъ; въ залѣ остались Толстяковъ и Коноплянниковъ, слушать рассказы Наглядова, о происшествіяхъ по большой дорогѣ, а остальные посѣтители, непривыкшіе къ аристократическимъ чертогамъ, не пошли далѣе прихожей, и тогда только выступили въ залу, когда услышали въ ней голосъ Лолія Марковича, который, въ обыкновенной своей вице-формѣ — коричневомъ стуртукѣ и равендушныхъ шароварахъ — изволилъ выйти навстрѣчу къ гостямъ.

Послѣ извиненія передъ дамою, что заставилъ себя дожидаться, онъ, съ свойственною ему уѣздною чопорностию, пожалъ руку *сперва* у Толстякова, который стоялъ подалѣе другихъ гостей, потому что онъ былъ штабсъ-капитанъ, а съ прочими поздоровался послѣ него, потому что они были простые подпоручики и поручики, и посмотря на Мордочкина и компанію его, творящихъ ему у дверей залы поклоны, сказалъ:

— *И вы* здравствуйте!

Хотѣлъ было спросить у Багунина о здоровьи, но Наглядовъ началъ уже «бить репетицію»:

— Я вчера слышалъ, слышалъ, слышалъ, почтеннѣйшій мой сосѣдъ, что Анна Прокофьевна, сама Анна Прокофьевна собирается къ вамъ, сби-

рается... И сегодня я обогналъ ее, обогналъ, ѣдетъ къ вамъ, къ вамъ, къ вамъ... къ вамъ...

И дѣйствительно, въ прогонѣ показался какой-то дилижансъ, издали похожій на декорацию изъ Лемановскихъ превращеній, назначенную для любовныхъ свиданій, а вблизи напоминающій золотое время крытыхъ линѣекъ.

Лолію Марковичу нужно было ретироваться опять въ кабинетъ, потому что ни гдѣ такъ строго не требуютъ *фрака* для вѣжливости, какъ въ деревнѣ. Вы можете быть нечесаные, небритые, но непременно должны быть во фракѣ. Если же вы покажетесь, хотя бы то было на Страстной Недѣль, въ присутствіи дамъ въ сюртукѣ, вы будете тогда *неполитичны*, вы, значитъ, не жили «въ хорошемъ кругу». Но за то, если вы приневолите себя надѣть мундиръ, какой бы онъ ни былъ у васъ, мужчины отдадутъ вамъ на караулъ, а дамы залобезничаютъ съ вами до-смерти.

Пока Лолій Марковичъ кликалъ къ себѣ «дворецкаго», пока тотъ вынималъ фракъ, и слушалъ проклятія на безвременныхъ гостей, *беспѣдка Арлекина* и *Кололибинь* прикатилась уже къ крыльцу. И изъ нее, то есть, изъ первой половины линѣйки, вышли: Анна Прокофьевна Голубовская, уѣздная аристократка, со всею свѣсью барынь восьмидесятихъ годовъ, а за нею двѣ дочери — цвѣтки современнаго просвѣщенія, Русскія, Француженки отъ корешка до верхушки стебля. Изъ другой половины выступилъ дядюшка ихъ, N, N., «безъ рѣчей», съ трубкою въ рукѣ и съ кисетомъ въ другой (слѣдовательно, со всѣми своими наслажденіями). И потомъ выпрыгнули: горничная дѣвка, мосыка, и тринадцатилѣтній сынъ, одѣтый à l'enfant, въ куртку.

Лакей выбѣжалъ имъ на встрѣчу. Онъ, въ этомъ

случаѣ, руководствовался наставленіемъ своего господина, который приказалъ встрѣчать у *воротъ* только двухъ человекъ въ уѣздѣ, а у *подвѣзда* трехъ. Анна Прокофьевна принадлежала къ числу первыхъ и обратилась къ парламентарю съ вопросомъ:

— Здорова ли, Любовь Марковна?

(Надобно сказать, что Лолій Марковичъ жилъ съ сестрою.)

— Ихъ-съ нѣтъ дома; онѣ уѣхали въ городъ-съ, — отвѣчала лакей.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я этого и не слыхала! а давно? У васъ сегодня что такое? Поминки, что-ли?

— Не могу знать-съ; кажется, что нѣтъ ничего-съ.

— Ну, а Лолій Марковичъ *гдѣ?*

(Голубовская спросила это потому, что привыкла, чтобы ее встрѣчали хозяева на крыльцѣ, для чего она и посылаетъ всегда лакея доложить о своемъ пріѣздѣ. Теперь этого она не сдѣлала, потому что была звана, и рассчитывала, что ея ждуть съ нетерпѣніемъ.)

— Они-съ... они-съ занимаются гостями-съ — отвѣчала депутатъ изъ прихожей.

Это взбѣсило аристократку. Она знала, что окошки гостинной обращены къ дорогѣ, по которой она ѣхала, и забывчивости Лолія Марковича встрѣтить ее на крыльцѣ не простила бы даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ умиралъ въ эту минуту, а когда узнала, что онъ живехонекъ и занимается еще *другими* гостями — она не перенесла такого униженія и закричала:

— Сенька! подавай назадъ!

Потомъ обернулась къ изумленному лакею, и съ жаромъ проговорила ему:

— Скажи своему барину, что это очень неучтиво: звать къ себѣ дамъ, когда хозяйки нѣтъ дома; приглашать къ себѣ почтенныхъ людей, и не думать объ нихъ! Скажи ему, что я не одноворка какая нибудь, а высокородная особа... и разныхъ орденовъ кавалерша....

И черезъ минуту, линѣйка покатилаь обратно, съ шумомъ и негодованіемъ, какъ отбитая волна; всѣ помѣщенные въ ней заговорили и заспорили въ одно время — кто объ чемъ.

Лолій Марковичъ почти бѣгомъ выбѣжалъ на крыльцо. Но предмета его заботливости уже тамъ не было. Анна Прокофьевна ѣхала далеко, бранила весь свѣтъ, а Лолія Марковича въ особенности, и за нужное почла остановить попавшуюся ей Мятнину.

— Напрасно вы ѣдете, Матрена Селивановна — сказала она ей — у Лолія Марковича *никого* нѣтъ дома; сестра перебралась съ нимъ и уѣхала въ городъ; къ нему собрались только мужчины; онъ самъ въ халатъ теперь....

Это немножко утравило Мятнину, невѣсту лѣтъ въ 40. Она, конечно, не такъ боялась халата и мужчинъ, какъ *языка* Анны Прокофьевны, этой скрижали мѣстнаго этикета и Плутарха великихъ соблазнительныхъ исторій. И чтобы во всякомъ случаѣ не попасться ей на зубокъ, она принуждена была также воротиться домой.

Но, не смотря на эту оппозицію *большухи* общества, увѣрившей всѣхъ мужчинъ, которые ей попадались на дорогѣ, что Лолія Марковича *нѣтъ* дома, а дамъ пугавшей утреннимъ его дезабылье, гости съѣзжались, съ другихъ сторонъ, не на шутку.

Пріѣхалъ и Трубилицъ, «собственноручно» убивающій триста дупелей въ день, величайшій охот-

никъ, у котораго собака ловить *живыхъ* налимовъ, а въ Вятской деревнѣ растутъ, «въ изобиліи», пальмы, и водятся мериносы пушковой шерсти.

И потомъ, другъ-за-другомъ, Бѣговъ, Ванчикинъ и Елкинъ, статисты уѣзднаго общества.

За ними прикатился Взятовскій, всегдашній житель тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть богатые вотчины безъ управленія, которыми онъ, по довѣренности отъ владѣльцевъ, распоряжается нѣсколько лѣтъ *улыбочи*, такъ, что въ первые годы доходы съ имѣнія удваиваются и утраиваются. Послѣ чего, онъ беретъ себѣ (разумется, «по трудности» занятій) увольненіе, съ хвалебнымъ аттестатомъ, и ѣдетъ въ другія губерніи за тѣми же промыслами, а оставленные крестьяне просятъ у помѣщика средствъ..... для пропитанія.

И къ тремъ часамъ принесся на лихой тройкѣ Андрей Андреевичъ Лобковъ, представившій себѣ міръ Божій, со всеми красотою и наслажденіями его, въ образѣ конюшни. Въ ней-то онъ вкушаетъ всѣ радости, доступныя человѣку, глади свою любимую лошадь, въ ней-то и волнуется благороднѣйшими страстями, когда она хорошо вычищена, и тамъ-то онъ замѣчаетъ круговращеніе вселенной — по расходу овса и лошадиной мордѣ.

При такомъ необычайномъ приливѣ гостей, Лолій Марковичъ, какъ опытный кормчій, началъ сбавлять баласть, подошелъ къ Мордочкину, и спросилъ его:

— Что вамъ угодно?

«Я пріѣхалъ благодарить васъ — отвѣчалъ онъ ..... за... за спасеніе отъ грома-съ.

— Напрасно трудились! Я самъ знаю, что дѣлаю. (Лолій Марковичъ подумалъ, что Мордочкинъ, въ простотѣ сердца, благодаритъ его за *наимѣреніе* ис-

требить градоотводы Садовскаго, полезные, какъ онъ полагалъ, для одного, а вредные для прочихъ.)

— И воспользовался вашимъ приглашеніемъ, продолжалъ Мордочкинъ.

«Я васъ никогда не просилъ... и не могъ этого сдѣлать!» рѣзко отвѣчалъ Лолій Марковичъ, и потому въ полголоса обратился къ Заборину:

— Ты какимъ образомъ здѣсь очутился?

«Я-съ? Я прибылъ-съ къ вамъ, тоже-съ, припости-съ сердечное-съ... душевное-съ... благодареніе-съ... за избавленіе отъ грому-съ.

— Если только за этимъ, то можешь воротиться домой.

Но слово: *громъ*, напомнило многимъ гостямъ позабытую ими обязанность.

— Ахъ, Лолій Марковичъ! позвольте мнѣ поблагодарить васъ... за полезную посылку — сказалъ, съ низкимъ поклономъ Толстяковъ,

«И мнѣ также — прибавилъ Трубилинъ, кланяясь.

— И я вамъ очень благодаренъ — перебилъ его Хуторскій.

«Вы насъ крайне одолжили! — воскликнулъ громко Багуининъ.

— «Потѣшили!» — примолвилъ Волчковъ, съ «казенною» улыбкою.

«Это такъ нужно теперь, когда мы отъ граду столько терпимъ — проговорилъ, съ разстановкою, Андрей Андреевичъ.

— Терпимъ, очень терпимъ, терпимъ — прорепетировалъ Наглядовъ.

«И не знаемъ что дѣлать — подхватилъ Взятговскій, въ то время, какъ всѣ гости кланялись хозяину наперерывъ: одни за полученные градоотводы, а другіе такъ, потому что *всѣ* кланялись.....

Сцена была торжественная.

Волчковъ же, чтобы не упустить случая позабыть компанію, упалъ на колѣни, поднялъ кверху руки и закричалъ:

— Благодаримъ тебя, благодаримъ!....

Все «кланяющееся» взволновалось громкимъ смѣхомъ.

«Помилуйте, господа — сказалъ, наконецъ, Лолій Марковичъ — я ничего не сдѣлалъ; у меня было доброе намѣреніе, повѣрьте, общія польза.... Вы мнѣ напоминаете теперь — прибавилъ онъ, стараясь замять прежній разговоръ — тотъ случай, когда я былъ представленъ, въ 1816-му году, своимъ министромъ, къ ордену Св. Анны 2-й степени. Награда эта, какъ вамъ извѣстно уже, не состоялась, но я все-таки пріѣхалъ благодарить министра, тѣмъ болѣе, что былъ съ нимъ на «дружеской» ногѣ — и что же? Министръ обнялъ меня, поцѣловалъ въ плечо — и разсердился, зачѣмъ я его благодарилъ по пустякамъ!

При словѣ: «министръ», гости приняли опять серьезный видъ. Но Лолій Марковичъ уже разсердился на нихъ, точно такъ же, какъ и министръ на него, и смѣкнулъ дѣломъ, что этотъ *связдь* къ нему есть, по всей вѣроятности, заговоръ въ пользу Садовскаго, и насмѣшка надъ сломанными градоотводами, которой онъ никакъ не ожидалъ отъ своихъ сосѣдей. Въ умъ его блеснула злая мысль... отмстить имъ. Онъ пріободрился немного.

— Что же, господа! — сказалъ онъ — прошу покорно садиться. Эй, человекъ! столы сюда, карты....

И мигомъ развернулись три *оригиналы* нашего вѣка — три могилы мысли и воображенія.

— Пожалуйста! — продолжалъ хозяинъ, подавал карточки — вы съ Андреемъ Андреевичемъ и Кирилломъ Петровичемъ.... Не угодно-ли вамъ здѣсь?...

Прошу садиться. Вы . . . съ Купріяномъ Моисеевичемъ, если угодно . . .

«Нѣтъ-съ! Позвольте намъ доиграть партію съ Михайломъ Матвѣвичемъ и Константиномъ Сергѣевичемъ — возразилъ Багунинъ. Мы вчера заигрались до солнышка; никакъ не могли окончить *роберта*. Повѣрите-ли, глаза стали слипаться; трефы казались бубнами . . .

— Ну, какъ вамъ угодно. Вотъ вамъ честь и мѣсто . . . Вѣра Аполлоновна! . . . покорнѣйше васъ прошу . . . Ваши партнеры здѣсь . . .

И двѣнадцать человѣкъ были заняты современнымъ порядкомъ. При нынѣшнемъ «усовершенствованіи» свѣтской жизни, самый нерасторопный хозяинъ можетъ занять полъ-Европы: стоитъ только разнести карточки.

Послѣ чего, Лолій Марковичъ удалился въ свой кабинетъ, чтобы тамъ обдумать хорошенько планъ предполагаемаго мщенія. Онъ долго еще не могъ себя успокоить и прохаживался по комнатѣ.

— Меня дурачить . . . *меня!*! — говорилъ онъ самъ себѣ, приподнявъ палецъ ко лбу — промѣнять заслужившаго уваженіе человѣка на молокососа! . . . Пріѣхать въ домъ гурьбою, чтобы посмѣяться надъ хозяиномъ . . . надо *люпо!*! . . . И еще отобѣдать у меня! Заплатить зломъ за хлѣбъ-за-соль! . . . Развѣ я болванъ какой? . . . Эй, кто тамъ (крикнулъ онъ)? Послать ко мнѣ повара. (Поваръ явился) Оставь свое дѣло, и ступай сей-часъ же въ лѣсъ за грибами — до ужина ты не понадобишься. Вели варить кофе. (Поваръ ушелъ.) И какимъ путемъ они знали, что я велѣлъ сломать эту дрянъ у Садовскаго! . . . Гришка! поди сюда. Вели гостиннымъ лошадямъ дать прошлогодняго сѣна, которое подмокло . . . слышишь? (Лакей побѣжалъ исполнять при-

казаніе.) И что жъ тутъ смѣшнаго, что непроворнаго лакея поймали? Смѣшна его неловкость — слова нѣтъ! а я — ни сколько! . . . Эй, Васька! кучеровъ, пріѣзжихъ лакеевъ объдомъ не кормить. Если они чего попросятъ, то скажите имъ, что ключи отъ хлѣба увезъ староста съ собою, на работу. Понимаешь-ли?

— Слушаю-съ — отвѣчалъ лакей.

И Лолій Марковичъ, съ судорожнымъ удовольствіемъ, перевелъ карманные и стѣнные часы; послѣдніе пробили «пять».

И вотъ кто-то изъ играющихъ замѣтилъ, что по дорогѣ ѣдетъ старшій знакомецъ нашъ, Іона Гаврилычъ Мелкутовъ.

— Господа! — предложили компаніи Волчковъ — скажемъ-те ему, что мы отобѣдали . . .

«Хорошо, хорошо — примолвили многіе.

И ожидаемый геній желудка ввалился въ залу. Онъ, въ чални параднаго стола, скушалъ уже дома восемнадцать яицъ и (маленькаго формата) баранью ножку; кромѣ того, по-пути, завернулъ къ старухѣ Вельдогоиной, чтобы у ней отобѣдать поранѣе, въ чемъ и успѣлъ дѣйствительно.

— Іона Гаврилычъ! Сударь мой! что вы такъ поздно? — сказала ему Толстяковъ, протягивая руку. Не упали-ли вы опять въ грязь?

— Нѣтъ-съ! Богъ миловалъ — пропиталъ тоненькій, подземный голосокъ.

— Полно-те вамъ хлопотать: *золота* грязь не потемнить — замѣтилъ Волчковъ, улыбаясь.

И всѣ разсмѣялись. Іона Гаврилычъ поклонился.

— Вы вѣрно не обѣдали? — спросилъ у него Багунинъ.

«Никакъ нѣтъ — отвѣчалъ онъ.

— А мы сей-часъ лишь вышли изъ-за стола, — при-

бавиль Толстяковъ, видя подаваемый кофе, который многіе изъ гостей, хотя и не во-время, начали брать....

Это совершенно убѣдило Мелкутова въ истинѣ слышаннаго. Онъ, какъ Манфредъ, не содрогнулся бы, если бъ въ эту минуту поколебалась вселенная, но при словѣ: *отобѣдали* — онъ потерялся рѣшительно.

— Это.... это.... это.... вѣрно часы мои.... отстали — сказалъ онъ протяжно.

«Я думаю, что такъ.... Позвольте мнѣ посмотрѣть вашу взятку? Кто снесъ черви? Вы-съ?»

— Я-съ.

«Мы, кажется, въ восьми — послышался голосъ съ другаго стола.

— Нѣтъ-съ, въ шести — отвѣчалъ Толстяковъ.

«Помилуйте, въ восьми. Вы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись.... У насъ было 4, 2, 1 и 1, стало быть восемь.

— Въ шести, увѣрю васъ.

«Да, я маркирую....

— Нужды нѣтъ-съ!.... вы обсчитались....

«Вы-то, я думаю, стерли локтемъ одну цифру? Посмотрите-тко хорошенько....

— Не можетъ этого статься! — отвѣчалъ Толстяковъ сердито — въ шести, говорю вамъ.

Между этимъ споромъ, который (какъ это иногда водится въ провинціи) зашелъ *далеко*, Иона Гаврилычъ, началъ, по инстинкту, подвигаться къ кабинету хозяина, гдѣ, къ неописанной своей радости, нашель приготовленный столикъ на одинъ приборъ.

— Благодѣтель мой! я вѣдь еще не обѣдалъ! — заговорилъ онъ жалобнымъ голосомъ, увидя Лолія Марковича

«Для тебя, мой милый другъ, и накрыть этотъ столикъ.... Я самъ обѣдалъ уже....

— Слышалъ я, слышалъ; все здѣсь обѣдали, кромѣ меня.

«Да и какъ не обѣдать! шестой уже часъ.

— Виновать я предъ вами не множко, почтеннѣйшій благодѣтель — засидѣлся у Настасьи Петровны.. Чортъ возьми, какъ она бранить Анфису Климовну.. Говорить, что...

И рѣзка сплетней потекла обычнымъ порядкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли Ионъ Гавриловичу супу, ветчины и котлетовъ, въ которыхъ *для колпачи*, принялъ участіе и самъ хозяинъ

— Я за обѣдомъ почти ничего не ѣлъ — говорилъ онъ Мелкутову — голова что-то болѣла.... И теперь еще ѣмъ.... вотъ такъ, глядя на тебя.. «И хорошо дѣлаете! —

Собесѣдники закусили таки препорядочно. Часы, на форсированномъ маршѣ своемъ, пробіли шесть. Гостямъ понесли моченую морошку, и на двухъ блюдечкахъ варенье.

— Это что значить? говорили удивленные вистисты — до обѣда — варенье! Намъ не худо-бы закусить теперъ....

«Это вѣрно для Ионы Гавриловича — замѣтилъ кто-то.

А онъ тутъ и очутился. Чтобы не упустить случая поѣсть варенья, за подносомъ же и перешель онъ въ залу.

«Какъ вы можете кушать сладкое на тощакъ?» спросилъ Взятковскій, увидя его сластолюбивую дѣятельность.

— Я къ этому приучилъ свой желудокъ съ малолѣтства — отвѣчалъ Мелкутовъ. А вы что же не кушаете? Вѣдь послѣ обѣда варенье здорово.

«Что-то не хочется . . . примолвилъ управляющій чужими вотчинами. Вообразите: тузь самъ-пятъ козырей, четыре короля масти, ренонсъ въ пикахъ — и только одно леве! Ужасное несчастіе!

— Онеры наши. Вамъ сдавать-съ.

«Какъ же вы сегодня безъ обѣда-то проведете время, Иона Гаврилычъ? — спросилъ Волчковъ.

— Съ чаемъ повѣмъ побольше кренделей.

«И намъ не оставите? Покорно благодарю! Нѣтъ лучше . . . У васъ нѣтъ бубенъ? . . . Признайтесь повару, что вы не обѣдали . . . *Даму* неучтиво *бить!* . . . Онъ васъ накормитъ . . . А не то мы вамъ не уступимъ кренделей — говорилъ Волчковъ.

— Или объясните свое несчастіе Лолію Марковичу: онъ вамъ поможетъ остатками обѣда.

«Ему теперь не до меня; онъ получилъ какія-то письма, изъ которыхъ узналъ, что Афросинья Яковлевна и Василій Аванасьевичъ . . . нездоровы . . . отвѣчалъ Мелкутовъ.

— Неужели это правда? — спросилъ Хуторскій.

«Онъ такъ сказалъ — и крайне беспокоится . . . прибавилъ желудочный геній.

Въ самомъ дѣлѣ, Лолій Марковичъ получилъ нѣсколько записокъ, въ которыхъ сосѣди его, съ должною почтительностію, извинялись, что по болѣзни, не могутъ принять участія въ теперешнемъ его празднествѣ, но мысленно его раздѣляютъ.

— Да, они точно больны — сказалъ онъ, прочитавши записки — съ ума спятили навѣрное . . . надо учредить надъ ними опеку . . . Я поговорю съ предводителемъ.

И послѣ этого, когда Мелкутовъ ушелъ въ залу, онъ заперъ изнутри кабинетъ, раздѣлся, и легъ себѣ опочивать преспокойно.

Тѣмъ временемъ часы пробили семь, пробили и

восемь. Гости начали посматривать другъ на друга; вѣрнѣйшій регуляторъ ихъ, аппетитъ, началъ докладывать о времени обѣда.

— Хотя бы намъ закусить - то подали — твердили иные.

— И стола-то до сихъ поръ не накрываютъ! — замѣчали другіе.

— То-то есть, безъ хозяйки ничто не клеится — сказала Хуторскій, сильнѣе другихъ убѣжденный въ этомъ.

— Когда же мы будемъ обѣдать-то? — говорили бесѣдующіе — вѣдь на здѣшнихъ часахъ пробило восемь.

— Они впереди слишкомъ — успокивалъ ихъ Взятковскій.

И вотъ на двухъ столахъ доиграли законные четыре роббера, поговорили о жнитвѣ, о сѣнокошѣ, «о своей роднѣ», о возвышеніи цѣны на хлѣбъ . . . и разговоръ началъ перерываться. Нынче и въ провинціи словоохотность — вещь рѣдка въ обществѣ; теперь и тамъ, по примѣру столичныхъ нравовъ, начинаютъ уже процѣживать слова сквозь частое сито благоразумія, и отличатся — не любезностью и не желаніемъ «занять», по возможности, своего собесѣдника — какъ это положено въ уставѣ «истинной образованности» — а отличатся черствою осторожностію въ рѣчахъ и вопросахъ — этою родною сестрицею скуки. И тамъ вы найдете, среди множества, *мудрое* молчаніе, происходящее не отъ характера собесѣдниковъ, а отъ страсти ихъ (самой безплодной) казаться умнѣе, глубокомысленнѣе или, по крайней мѣрѣ разборчивѣе, чѣмъ позволяютъ имъ собственные средства. Послѣ этого не мудрено, что гости Лолія Марковича «безъ карты» (слѣдовательно, какъ мореходцы, безъ ком-

паса) чувствовали всю тяжесть медленного течения дня, и походили болѣе на просителей, собравшихся въ пріемной комнатѣ у вельможи (гдѣ всякой думаетъ только о себѣ, не заботясь объ окружающемъ), нежели на людей, которыхъ судьба назначила составлять всегдашнее сподручное между собою общество. Напрасно Волчковъ расточалъ свою веселость, передразнивалъ походку вороны, мяукалъ влюбленною кошкою, декламировалъ изъ Тредьяковскаго — ничто не помогало! Смѣялись мало — и то какъ-бы невольно. Можетъ быть, въ это нерасположеніе духа замѣшалась и вопіющая обѣда желудку, которому не принесли до девятаго часу ни какой жертвы. Рѣшить трудно. Не всегда должно обвинять нравы своего вѣка.

— Обрадовать-ли васъ, Иона Гавриловичъ? — сказалъ Толстяковъ, прохаживаясь по комнатѣ — вѣдь мы еще не обѣдали.

— Какъ не обѣдали? — До сихъ поръ не обѣдали? Нѣтъ! не обманете меня — отвѣчалъ Мелкутовъ? улыбаясь.

— Не обѣдали, право не обѣдали, ей-ей! не обѣдали! — прибавила репетиція въ образѣ Наглядова.

— Какъ же можно не обѣдать до девятаго часу!! Кто вамъ повѣритъ? — провозглашалъ геній — Вѣдь въ угловой комнатѣ готовятъ уже чай...

— Неужели? — спросили многие.

«Право, — и съ булкою: я пробовалъ ее ....

— Что же это значить, господа? Не хотятъ ли насъ сегодня заморить голодомъ?....

«Полно-те вамъ шутить!» возразилъ Мелкутовъ.

— А знаете-ли что? Вѣдь Лолій Марковичъ не спитъ, а прохаживается въ своей спальнѣ! — сказалъ тихонько Волчковъ, подсмотря это въ замочную скважину.

И нѣкоторые изъ гостей повѣрили собственными глазами наблюденіе Волчкова. Шопотъ сейчасъ-же, распространился по залѣ; досада и изумленіе выразились на всѣхъ лицахъ.

Съ боемъ девяти часовъ принесли и чай, но безъ булки. Половина гостей не брали его, а вельжи подавать экипажи и уѣхали.

Лолій Марковичъ все еще не выходилъ изъ кабинета, — «пускай-де спать уѣзжаютъ! — думалъ онъ — съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ и уѣдутъ.»

И вотъ Трубилинъ, посмотрѣвъ на подаваемые экипажи, замѣтилъ, что всѣ они имѣютъ тряскую конструкцію, а что у него, въ *Вятской деревнѣ*, есть чудесная, Іохимовской работы, коляска, до того спокойная, что онъ въ ней обыкновенно разливаетъ «на-ходу» самоваръ, — качаетъ во-весь опоръ, по горамъ, мостамъ и кочкамъ, и ни одна капля не прольется изъ чашки, а чайникъ стоитъ на самодувкѣ, какъ на столѣ. И при этомъ случалъ, Лобковъ не могъ не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній о конюшенномъ мирѣ, о привычкахъ лошадей, кучеровъ, и прочаго.

Наконецъ, двери въ кабинетъ растворились, и лакей, отъ имени хозяина, пригласилъ туда оставшихся гостей.

— Вы, вѣрно, не здоровы? — сказалъ ему вошедшій Лобковъ.

Лолій Марковичъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, развѣлся, какъ богатый купецъ передъ прикащиками.

— Должно быть такъ — отвѣчалъ онъ сурово, ни мало не извиняясь, что оставилъ гостей на произволъ — прошу садиться....

«Простудились .... какъ нибудь .... я полагаю — говорилъ ему Трубилинъ.

— Можетъ быть....

«Горючей бы вамъ сѣры принять на ночь — совѣтоваль ему Лобковъ, думая, что лекарства для лошади и для человѣка одни и тѣ же.

— Или тертаго хрѣну приложить къ затылку — прибавилъ Трубилинъ.

«Нѣтъ-съ! Лучше всего малины передъ обѣдомъ... хоть бы теперь, напримѣръ....

— Александрійскаго листу....

«Пуншу стакана три — какъ рукой снятьъ....

— Полно-те вамъ, господа! — возразилъ хозяинъ. Гдѣ вамъ знать хорошія лекарства! Много-ли вы смыслите въ медицину? Гдѣ вы бывали? Я такъ имѣлъ на вѣку дѣла съ придворными лейбъ-медиками, и вотъ эти капли рекомендованы ими, какъ самыя полезныя.... Онѣ называются *перпендикулярныя* — прибавилъ хозяинъ, показывая гостямъ скляночку съ мятной водою.

«А подавали-ли вамъ чай?» спросилъ онъ у нихъ небрежно.

— Пили-съ, пили-съ — отвѣчали они въ нѣсколь-ко голосовъ.

«То-то, кажется, пора....

— Ваши часы очень впереди — замѣтилъ Тол-стяковъ.

«Можетъ быть, но только я по нимъ распредѣ-ляю время. Вы, кажется, пріѣхали ко мнѣ ровно въ пять часовъ. Я только лишь отобѣдалъ... ска-залъ Лобкову хозяинъ.

— А что поваръ еще не возвращался? — спро-силъ, онъ потомъ у вошедшаго лакея, стараясь не вслушаться въ отвѣтъ конюшеннаго мудреца, кото-рый началъ говорить что-то такое объ обѣдѣ.

«Ни какъ нѣтъ-съ! — докладывалъ ему лакей.

— Надо-бы приготовить гостямъ закусточку....

«Слушаю-съ.

— Не безпокойтесь, пожалуста, Лолій Марковичъ. Мы сей-часъ ѣдемъ домой.... Вамъ теперь нужно спокойствіе — сказалъ Взятовскій, поглядывая на всѣхъ.

И — дѣлать было нечего! Запоздалые посѣтите-ли, другъ за-другомъ, простились съ Лоліемъ Марко-вичемъ, и — уѣхали.

Тѣмъ кончился градоотводный обѣдъ, данный въ лѣто отъ Р. Х. тысяча восемьсотъ тридцать.....

ВИКТОРЪ ВЛАДИМИРСКІЙ.

=

ОТРЫВКИ

ИЗЪ РОМАНА: ВОТЪ МОЯ СТРАСТЬ!

Тотъ не герой, кто моряка
 Простымъ солдатомъ называетъ,
 Н не поэтъ, когда слегка
 О битвахъ въ морѣ разсуждаетъ!
А. Зайцевъ.

Одряхла жизнь въ вещественности, одряхла на землѣ! Человѣкъ явился повелителемъ земли и гордымъ властелиномъ природы, а сердце его истаявало въ мечтахъ...

Но вотъ разостлалось передъ нимъ свободное, безграничное море; оно открыло ему свои пропасти, свои скрытыя бездны, и будто издвываясь надъ тщеславіемъ смертнаго, гуляло огромными валами, незапятнанными его слѣдомъ. Человѣкъ, въ порывѣ страсти, жадный славы, жадный созвучія своимъ властолюбивымъ чувствамъ, явился на послѣдней грани своей дерзости; въ немъ пробудилась сила гения — онъ позабылъ свою землю — ему тѣсно стало на клочкѣ земли, который привыкъ онъ считать своей собственностью, ему надобно было при-волье гордаго моря; ему захотѣлось смирить эту неукротимую стихію — онъ захотѣлъ явить свое торжество на этомъ своевольномъ, своенравномъ морѣ; онъ рѣшился съ нимъ помѣряться, побороться — или утонуть или побѣдить...

Человѣкъ воскресъ духомъ, приготовилъ себѣ но-

вую, чудную жизнь! А умъ его, утомленный разными безцвѣтными выкладками, ежедневной физической сдѣлкой, воспрянулъ, окрылился, и, въ гениальномъ припадкѣ, облекъ свою мысль въ вещественность, проникъ ее духомъ творчества — и корабль сдѣлался достойной наградой поэтическаго припадка; человѣкъ гордо назвалъ себя мореплавателемъ — полнымъ властелиномъ природы.

Человѣкъ сдѣлался мореплавателемъ, какъ будто для того, чтобы подружиться съ мыслию вѣчности, растерять свои мелкія потребности, свои прихоти, въ созерцаніи безконечности; заранее приучить себя жить въ понятіяхъ запредѣльнаго моря. Его жизнь сдѣлалась игрою ни чему не подвластной стихіи; наслажденіемъ стало издваться надъ опасностью; прихотью играть своенравіемъ моря! Человѣкъ окрѣпъ душой, и сила воли возмужала во власти...

Съ тѣхъ поръ, какъ Шварцъ изобрѣлъ порохъ, что значить побѣждать? Прикинъ больше пороху!....

Трусъ и герой, солдатъ и полководецъ, всѣ равно ставятъ свою жизнь на карту судьбы — слѣпой полетъ пули. Люди изобрѣли порохъ — уничтожилась личная храбрость, физическая мощь человѣка! «Пули найдеть виноватаго — двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.» Нѣсколько крупночекъ, и — можетъ быть, лучшее, возвышеннѣйшее твореніе падаетъ, и земля равно принимаетъ въ свои хладныя объятія дряхлющій остовъ старика и кипѣвшій мечтами трупъ юноши! Азіятецъ поглощаетъ опиумъ; отуманенное воображеніе его рисуетъ ему гурій эдема. «Аллахъ великъ! Въ книгѣ судебъ сочтена наша жизнь! — Аллахъ принимаетъ убитыхъ въ битвѣ» восклицаетъ онъ, и по крови врывается въ ряды

неприятеля... Безразсудно бѣшенство твое, сынъ Востока! — Нѣсколько вспышекъ пороху, и земля принимаетъ новую дань — трупъ твой!

Но осталась еще человѣку стоическая твердость — ее вызвалъ самъ человѣкъ, и облекъ во власть — власть творческую, власть, которая оковала непобѣдимую, неизмѣримую стихію — это власть надъ ея неукротимымъ порывомъ силы — власть надъ океаномъ!...

Если вы хотите знать, до какой степени человѣкъ можетъ быть чуждъ этихъ условныхъ, зачерствѣлыхъ приличій того, что люди зовутъ обществомъ, если хотите узнать, до какой степени онъ можетъ возвыситься, отдавши свой духъ безпредѣльности моря — бѣгите этихъ тѣсныхъ жилищъ, бѣгите этихъ мѣстъ, гдѣ самыя страсти затянуты, вытянуты въ струнку, и отдайтесь душою морю...

Тутъ вы можете помѣряться съ стихіей, и вашъ духъ, образованный въ грозной ярости стихій, перейметъ грозныя порывы моря, не станетъ подъ разрядъ нотныхъ чувствъ — штурмъ, ураганъ, эти неукротимые бичи живущихъ на землѣ, будутъ вашимъ побѣднымъ триумфомъ!

Въ утлой ладѣ плывешь ты по океану жизни, споришь, бѣшась съ дневными потребностями.....

Я покажу тебѣ конька, сооруженнаго тщеславіемъ человѣка, покажу въ то время, когда волны, въ гордой ярости, будутъ стонать у твоего шаткаго обиталища, въ то время, когда онъ, какъ будто грозно проситъ отдать имъ вѣковую ихъ, обычную свободу; проситъ человѣка не бороздить моря, не дѣлать волнъ, стройныхъ въ ихъ грозномъ величій.....

Я покажу тебѣ эту свирѣпую стихію, когда она будетъ бѣсноваться, ревѣть, но ты, какъ заколдо-

ванный, будешь спокойно носиться по ея поверхности — готовый могилѣ.

Ярость бури станетъ тебя убаюкивать, но ты не заснешь отъ гордости, отъ внутренней полноты — будешь считать себя великимъ, мощнымъ, несясь по безконечной пустынѣ волнъ....

—

Прекрасенъ, могучъ нашъ фрегатъ боевой,
Надмѣнный красавецъ на рейдѣ чужомъ,
Красавецъ безстрашный предъ буйной грозой
И страшный красавецъ — въ бою роковымъ!

Иванъ Суцковъ.

На Копенгагенскомъ рейдѣ стоялъ отличной красоты фрегатъ, гордый красавецъ, боевой красавецъ. Очарователъ, онъ какъ будто заснулъ на гладкой, ровной поверхности воды; казалось, и море и небо любовались чуднымъ фрегатомъ. Морю отдалъ онъ свое отраженіе; плескался, разстилаясь своимъ длиннымъ корпусомъ; рисовался бѣлой блестящей полосой—красавецъ!

Вода змѣится и навѣваетъ: «какъ хорошъ, какъ плавнители ты, сынъ нѣги!» И красавецъ поднялъ гордый взглядъ, и 36-ти фунтовыя пушки по рядамъ, грозно высматривая, говорили: «не лѣтъ меня, не думай, что я избалованный скиталецъ, избѣженное дитя—я тихъ и скромный — какъ вулканъ!...

Лихой, славный былъ фрегатъ *Отважный*...

Небо покрываетъ его своимъ прозрачнымъ голубымъ шатромъ, а онъ выпрямился, вознесся къ небу своимъ высокимъ рангоутомъ, отбилъ на небѣ длинныя полосы своими длинными реями, — перепутался снастями — хорошъ ты, хорошъ, избѣженный красавецъ! «До тебя не тронусь, не хочу обломать твоихъ тонкихъ флакштоговъ!» говорила ему буря. Но онъ указалъ ей на свою откинутую бизань, на

отшатнувшуюся гротъ-мачту, и отвѣчалъ: «взыграй знакомою мнѣ пѣсню — подамся впередъ, но, какъ побѣдитель, одержу верхъ надъ твоими порывами!»

Какъ хорошо, какъ чуденъ ты, какъ мощенъ ты, фрегатъ чародѣй, фрегатъ Отважный! Любуюсь тобою; ты милъ моему сердцу—ты мой вдохновитель—гордый конекъ чловѣка!...

Каютъ-компанія, каютъ-компанія! Жизнь, дружба, веселость, наслажденіе вечеромъ, разсужденіе за обѣдомъ, разсказъ товарищей, пѣснь юноши, преданія моря, надежды, восторги, воспоминаніе былого—все это слито въ словъ: «каютъ-компанія.»

О, сколько разъ благословлялъ я корабль, на которомъ была пріятная, веселая каютъ-компанія офицеровъ! Промокшій — до нервъ, замерзшій—до костей, усталый—до нельзя, сколько разъ благословлялъ я игривую теплоту каютъ-компаніи! Стаканъ чаю, сигара въ прикуску, съ веселымъ разсказомъ дружескаго круга—и все забыто, все оживо... Да, я забывалъ, что надо мною свирѣпствуетъ буря, и дождь заливаеъ холодъ, забывалъ, что темнота слѣпнеть глаза.—Я былъ въ каютъ-компаніи; снова оживалъ отдохновеніемъ, и чрезъ немного времени былъ опять готовъ на всѣ трудности службы, и на новыя, шести часовыя, рѣзкія выходы моря...

Если хотите имѣть понятіе о каютъ-компаніи фрегата *Отважнаго*, представьте себѣ довольно большую комнату, изящно раскрашенную; двѣ боковыя стѣны составляетъ перегородка, для каюгъ старшихъ офицеровъ. Днемъ свѣтъ пропускается сверху, сквозь огромный люкъ; вечеромъ, она освѣщена лампой по срединѣ; большое зеркало на задней стѣнѣ блеститъ отраженіемъ; во всю длину столъ; при концѣ диванъ, а остальное пространство занято стульями и креслами.

Сюда-то всѣ стекаются, чтобы купить мигъ веселой бесѣды въ кругу морскихъ друзей.

Вотъ кончился день, кончились его хлопоты, и всѣ занятія въ сторону; каждый позабываетъ себя для круга товарищей; всѣ шумятъ въ одно время, льются разные разсказы, всякой дорожитъ минутою веселаго расположенія, никто не гонится за требованіями на острогу; тутъ друзья, товарищи; каждому есть свое мѣсто, каждый выслушиваетъ, каждый говорить и всѣ смѣются. Тутъ и похищенныя впечатлѣнія берега, и опытность моря, и преданія исторіи, слились въ говоръ, въ открытыя сужденія откровенныхъ моряковъ. Это полный музыкальный оркестръ, гдѣ нельзя различить ни гобоя, ни фагота, гдѣ все вмѣстѣ, подъ ладъ строенное, слитое, сыгранное, составляетъ прелесть, отраду для слуха!.. Но не думайте... вѣдь и у насъ есть Турецкіе барабаны, необходимыя въ оркестрѣ, какъ и пискливая флейта.

Каютъ-компанія! Сколько разъ я всматривался въ удивительныя измѣненія людей въ твоихъ теплыхъ предѣлахъ, сравнивая ихъ при сильныхъ порывахъ шторма на шканцахъ..

Морякъ, за минуту сражавшійся со всею яростью стихій, заливаемый отбрызгами волнъ, до сердца продуваемый вѣтромъ, стоитъ едва застегнувши мундиръ на пуговицу—онъ, кажется, смѣется, издѣвается надъ мощью и гнѣвомъ природы.

Но, вотъ онъ спустился въ каютъ-компанію, и вы не повѣрили бы, что этотъ сибаритъ можетъ пройти по дождю—онъ изнемогъ въ привольѣ; онъ, кажется, таетъ нѣгою чувствъ—его рѣчи сладость—его взоръ свѣтится ласковымъ привѣтомъ.

Черезъ минуту: «Пошелъ всѣ наверхъ!» И первый другъ, и послѣдній лѣнтяй подпали подъ мо-

гущество его деспотизма — онъ грозенъ во взорѣ, твердъ, рѣшителенъ въ своихъ распоряженіяхъ, и этотъ же непреклонный левъ опустилъ гриву, подобралъ когти, и съ гордостью исправнаго матроса влущивается въ приказаніе старшаго.

Исчезъ порывъ, прошло нѣсколько мгновеній, и онъ, человѣкъ, казалось, только что и созданный для прихотей службы, для ея неумолимаго деспотизма, отвергаетъ всякую раздѣльность въ правахъ человѣка — онъ первый прикидываетъ кстатіи словцо, чтобы пораземѣнить, уже и безъ того веселую, дружескую бесѣду.

Каютъ-компанія — сколько оригинальныхъ характеровъ, какаѣ смѣсь! Но ты принимаешь подъ сѣнь свою одну чистую дружбу, одинъ безусловный привѣтъ. Морякъ — это повелитель, деспотъ — и рабъ самой прихоти своего старшаго; онъ избѣженъ до утомленія, и свирѣпъ до самозабвенія; тихъ до ребячества, и мощенъ, какъ повелитель стихій, скромнень до дѣвичьей краски на щекахъ, и надмѣненъ какъ избалованный герой побѣдъ надъ природою, въжливъ до почтенія, и презирающъ, какъ человѣкъ, оторванный отъ человечества. И это все слито, связано часто въ одномъ лицѣ, почти въ одно мгновеніе.

Морякъ, вырванный изъ общей цѣпи общества, въ душѣ своей носитъ все его отблески, все его добродѣтели. Герой въ борьбѣ съ природою — ему не чужды повѣсти славы; онъ философъ, какъ человѣкъ преданный себѣ, бесѣдующій безпрестанно съ собою; поэтъ въ душѣ — онъ сдружился съ моремъ; пучина другъ его; онъ выросъ, выкачался подъ напѣвъ гармоніи; онъ удержалъ первобытныя красы человѣка, убитыя искусствомъ. Владѣть другими — надобно быть человѣкомъ въ душѣ, а ко-

му же больше предоставляется власти, если не моряку? Онъ, въ полномъ смыслѣ, властелинъ надъ своими подчиненными!...

Море можетъ быть кладбищемъ, можетъ быть любовницей, но не женой, не безпрестанной спутницей — оно тѣшитъ, но не питаетъ; въ немъ пропасти волнуется могилами, но нѣтъ пищи человѣку — много воды, но нельзя утолить жажды.

Берегъ цвѣтуць — на югѣ зрѣютъ для моряка апельсины; въ Америкѣ мелькаютъ золотистыя колибри; тамъ лозы винограда даютъ ему вино; здѣсь поля зеленѣются для него плодородіемъ, а въ Африкѣ лѣса спорятъ съ вѣчностью. Служба, то закнеть его во льды сѣвера, то заброситъ подъ знойный экваторъ — и морякъ несется изъ страны въ страну; какъ божья птичка, паритъ въ небѣ, вьетъ гнѣздо на сѣверѣ и съ лѣтомъ отлетаетъ на югъ!... Удержите птичку на сѣверѣ, согрѣйте вашими искусственнымъ тепломъ, ухаживайте, лелѣйте, кормите ее, но она будетъ грустить — ей надобны полнота неба, необозримость воздуха — ей хочется улѣтѣть туда — туда, выше и выше, и на землю упасть — развѣ для отдыха, для пищи.

Такъ и моряку, надобно приволье моря, грозныя хляби его, съ ихъ грозными штормами, ураганами — пусть вызываютъ они его на бой... Ему надобно приволье цѣлаго неба, незапитаннаго землею, незараженнаго дыханіемъ злодѣйства, гдѣ мысль его сольется съ необозримостью природы, и побесѣдуетъ съ нею во всей полнотѣ!... Вотъ почему моряки такъ страстны къ морю, такъ обожаютъ море.

Перенесемъ же въ каютъ-компанію. «Да, самое пріятное воспоминаіе оставила служба въ Средиземномъ морѣ,» говорилъ 5-й лейтенантъ своему подвахтенному мичману — «какъ раздольно, весе-

ло, шумно, а впрочемъ, гдѣ трудъ, тамъ и отдыхъ. Проштурмовавши нѣсколько весеннихъ мѣсяцевъ въ блокадѣ подѣ Дарданеллами, съ такимъ восторгомъ подышнѣвъ воздухомъ Италиі... .

— Вы не можете крикомъ.

«Я увѣренъ, что вы спорите изъ одного желанія спорить; мы съ вами всегда сводимъ на одинъ ладъ — въ послѣдній разъ вы были убѣждены, но хотѣли поставить на своемъ, и доказывали, будто вся польза драйрепъ-блоковъ съ оковками состоитъ въ быстротѣ перемѣны марса-рей.

— Не объ драйрепъ-блокахъ дѣло! Корабль на мели — подходитъ къ нему для помощи, фрегатъ — ну, бросилъ якорь для завоза, и вотъ, при поворотѣ онъ будетъ у него подѣ скулой, а тотъ прямо на мели!

«Прямо на мели? Совсѣмъ нѣтъ! Онъ, при поворотѣ, бросаетъ якорь и выпускаетъ канатъ... .

— Вотъ еще незабвенная радостная картина — продолжалъ 3-й лейтенантъ свой отдѣльный разговоръ — признаюсь, въ то время я былъ увлеченъ своею службою, и самому себѣ только не завидовалъ, а впрочемъ, гдѣ и можно полюбить службу, потщеславиться своею службою, какъ не за границею!

«Слушайте! При легкомъ попутномъ вѣтрѣ, на нашемъ отличномъ, завидномъ корветѣ, входимъ въ Поро — все, все несемъ: лисели, даже трюмсели! Стоять три соединенныя Навариномъ эскадры: наша, Англійская, Французская, да Голландскій корветъ, Вотъ блистательный случай отличиться, пощеголять, и корвегомъ и командою! На эскадрахъ, не помню для чего, но только были спущены брамъ и бомъ-брамъ-реи.» Пошелъ все наверхъ! На якорь становитесь!»

— Просто, вы не хотите понять, и я вамъ начерчу.

— «Команда была общая:» все долой!» И вообразите — продолжалъ восторженно 3-й лейтенантъ — много ли команды на корветѣ? Положимъ, что даже нашъ поварь Италіянецъ стоялъ на снастяхъ... .

«Нѣтъ! я вовсе не пристрастенъ къ нему, Помилуйте! Можно ли его считать хорошимъ офицеромъ? Положимъ, что мы были точно въ бѣдственномъ положеніи: убавъ парусовъ — мы не прорѣзали бы рифа, и прямо на каменьяхъ, а между тѣмъ съ четверть часа лежали на боку; баластъ въ трюмѣ тронулся, а вѣтеръ все сильнѣе, да сильнѣе; мы точно были въ опасности быть опрокинутыми; забили люки, обтянули ихъ парусиной, а штормъ реветъ да реветъ! Но въ подобныхъ - то случаяхъ и нужно показывать гранитность характера. Да! пусть всѣ громаы Везувія хлопочутъ внутри, а на лицѣ — спокойная холодность, какъ снѣгъ на Шимборасо. Трусъ, конечно, не можетъ быть хорошимъ флотскимъ офицеромъ.

«Намъ сегодня съ вами не кончить. А все отъ того, что вы не хотите понять. — Якорь брошенъ съ томбуемъ, на барказѣ конецъ отъ кабельтова, прикрѣпленнаго къ канату — и онъ не можетъ падать на обмельвшій корабль.

— Все долой! Не услыхали урядники просвистать, какъ лисели сторѣли, лисель-стиргы вдвинули — все на гитовахъ. Салотуемъ! крѣпимъ марсели, и брамъ и бомъ-брамъ реи полетѣли на низъ. Вотъ славная команда! Тогда я былъ еще мичманомъ, да и то, въ восторгѣ, не помнилъ себя. Владиміръ Александровичъ былъ мой вахтенный лейтенантъ; ужасно крутилъ наверху; за то умѣлъ и привлечь къ себѣ, и показать настоящую цѣну службы.

Владиміръ Александровичъ Страстинъ, капитанъ фрегата *Отважный*, въ это время безмолвно си-

дѣль въ углу дивана. Сигара его потухла, но онъ машинально курилъ ее; нераскупоренная бутылка портгера была забыта. Онъ былъ въ какой-то летаргій, не жилъ въ бышними предметами; голоса, шумъ были для него, какъ вой бури для Индѣйскаго праведника, погруженнаго въ созерцаніе о Брамѣ. Да, онъ созерцалъ глубоко запавшій ликъ, думалъ безмолвную думу, думу, отъ которой льются слезами глаза, вся жизнь обращается въ окаменѣлость, въ такую окаменѣлость, которая не давить, не гнететь, но жжетъ наше тѣло. На противоположной сторонѣ стола собралась веселая, беззаботная бесѣда, смѣялись, шутили другъ надъ другомъ, рассказывали новые случаи, и наконецъ радость слилась въ пѣсно.

Если человѣкъ, поетъ, значить, что онъ полонъ чувствъ, живетъ, дышитъ ими, передаетъ пѣнь душу, бесѣдуетъ съ самимъ собою. Пой, пой, юноша!.. Пой, дѣва-красавица! Пойте — я пойму ваше сердце, и съ благоговѣніемъ угадаю вашу страстную мечту. Даже грустная пѣсня наводитъ отраду душѣ. Пѣсня — это эхо души. Въ то время, когда звуками исполняется душа, она похожа на кубокъ душистой амбры; изъ нея излетаетъ звукъ, какъ разстилается благоуханіе изъ открытаго кубка. Человѣкъ поетъ — это значить, что въ немъ пробудилась, сказала душа — сказала восторженностью.... Кто, поетъ, кто умѣетъ пѣть, тотъ отъ самаго рожденія благословленъ на созвучіе веселости.

«Ну, друзья, еще что нибудь — запѣвайте вы!»

И молодой мичманъ, чистый душою, какъ дѣвушка, запѣлъ пѣсно, сочиненную кадетомъ, въ благодарность попечительно нашихъ юныхъ дней.

Голосъ юноши звучалъ благоговѣніемъ, когда онъ произносилъ:

Меня товарищи просили
Сердце ихъ чувства изъяснить!

Хоръ громко, торжественно подкрѣплялъ куплеты, и вотъ вдругъ явился портретъ почтеннаго старца, золотая рамка мелькнула въ воздухѣ, и во время каждаго припѣва передавалась изъ рукъ въ руки, какъ братскій подарокъ.

— За здоровье почтеннаго!

«За здоровье почтеннаго, за здоровье!»

— Смирно! баттарей — залпъ будетъ — товсь! Или!

И всѣ съ шумными желаніями осушили рюмки.
«Жай!» закричалъ голосъ въ дверяхъ. — «Ну! друзья! служите паннихиду по Копенгагенъ — бѣдный, утопулъ за кормою!»

— За скорое возвращеніе въ Россію!

«За скорое возвращеніе!»

— Кто первый изъ матросовъ съ салинга увидитъ Дагерортъ — чарка за мной!

«Вѣчная память Копенгагену!» набожно сказалъ артиллеристъ, и залпомъ проглотилъ рюмку вина. «А хорошъ былъ покойникъ, славный, чистенькій городъ; стекла такъ и блестятъ, словно *Петербургскія* красавицы, а улицы-то, такіе широкія, раздольныя — такъ, что пьяный матросъ скорѣе упадетъ на срединѣ, нежели стукнется объ стѣну дома! И мальчишки-то, такіе приветливые — все бѣгаютъ и кричатъ: *Рушманъ, Рушманъ!*»

— Довольно, довольно! Какъ разораторствовался — радъ, что принялъ полныя почести отъ мальчишекъ!
«Онъ воспламенился передъ надеждой.»

Передъ какой?

Да развѣ вамъ когда нибудь приходилось передъ нимъ видѣть полную бутылку вина? Онъ всегда надѣется, надѣется се видѣть, и все еще надѣется!

Всѣ засмѣялись; голосъ артиллериста, какъ пере-

коть грома, раздавался между собеседниками; онъ вытягивалъ свои длинные усы.

«А, вы, господа — прогремѣль онъ — несчастные любовники, у которыхъ отхлопнули бутылочный талин.

— Эй, Павелъ, вина! — закричалъ, только что выпущенный изъ корпуса мичманъ.

Важная физиономія доктора пряснилась отъ такого воззванія; онъ улыбнулся на правую сторону, лѣвая всегда была абонирована его сигарой. *Прекрасно Дяллетс!* продолжалъ онъ, со всей глубокомысленностью Германскаго ученаго — прекрасно, — дальше схоронить вашъ спиритусъ въ спиритусузь!

— Но вѣдь онъ огонь? И этотъ внутренній огонь, того смотри, сожжетъ вашъ спиритусъ.

«Тогда горить, какъ пламя-пуденгъ, а дамы любить огненныхъ!

— Въ то время, какъ гремѣла музыка, — рассказывалъ штурманъ — и пѣнилось вино, замѣтилъ я удивительное свойство моей головы! Вообразите, она пустилась вальсировать!

«Ха! ха! ха! Ну, братъ, подгуляла-же она на твой счетъ!

— А что дѣлали ноги?

«Объ нихъ онъ забылъ, да впрочемъ, вѣдь и надобно имъ бѣдняшкамъ дать отдыхъ — вѣдь имъ и такъ много достается въ Кронштадтѣ.

— Дамы любятъ огненныхъ! дамы любятъ огненныхъ! кричали воспламененные юноши.

«Вздоръ! въ нихъ такъ притупились чувства отъ форменности моды и строгости приличій, что и огонь грѣеть ихъ, а не жжетъ!

— Въ море ихъ! — иронически сказалъ артиллеристъ,

— въ штормъ такъ разчувствуются, что улыбнутся и черному матрозскому сухарю.

«Браво, браво! жаль, что на берегу не укачиваетъ!

Въ это время раздались звуки форте-пиано, и тихой мелодіей слышались слова:

Я видѣлъ дѣвы молодой
Очаровательные взоры...

Голось, то увлекалъ восторгомъ, то слышался въ томной неопредѣленности, какъ будущее, то рулады лились вдохновеніемъ, и голось возносился, заливался, и распадался прежнимъ звукомъ, какъ мечтательный, но драгоценный призракъ надежды.

Всѣ молчали, слушали романсъ съ отраднымъ чувствомъ для души.

У Страстина заблестали глаза. Онъ какъ будто хотѣлъ припомнить что-то, глубоко вздохнулъ, и сталъ прислушиваться къ сладостному напѣву. Голова у него откинулась назадъ — онъ снова забылся. И тутъ, чтобы привести собесѣдниковъ на прежній шумный ладъ веселости, кто-то сказалъ, съ карикатурнымъ вздохомъ и съ сатирическо-серьезною физиогноміею;

Кого любовь встревожитъ,
Тому ужъ море не поможетъ!

«Браво! «подхватили многіе — браво нашъ фрегатскій рюмачъ!»...

Страстинъ былъ уже наверху. Нѣсколько матросовъ составляли темную группу на бакѣ; нѣкоторые изъ нихъ дремали, прижавшись къ борту; другіе стояли въ различныхъ положеніяхъ подлѣ пушекъ. Плавно горѣлъ огонь въ нахтоузѣ, освѣщая штурмана, закутаннаго въ шинель, и двухъ рулевыхъ; мѣрно ходилъ по шканцамъ вахтенный лейтенантъ. Внизу продолжала шумѣть веселая бесѣда. Страстинъ, преданный самому себѣ, преданный

глубокому чувству одиночества, растерзанный разлукой, ужаса которой въ первое мгновеніе не могъ еще онъ и постигнуть, но которая сдавила, окаменила теперь его бытіе. — Вы слышали — Страстинъ выбѣжалъ наверхъ. Чистый, прохладный вѣтеръ дулъ ему здѣсь прямо въ лицо. Онъ бросился на бортъ фрегата; до него долетали брызги клубившейся внизу воды; она, какъ будто исчезала отъ скорости фрегатнаго хода, и только бѣлая пѣна волнъ гуляла, какъ Гофмановы привидѣнія по кладбищу въ полночный часъ . . .

И на все это мрачное пространство смотрѣлъ только одинъ Страстинъ. Онъ повѣрялъ морю свою грусть, сравнивалъ свое темное будущее съ непроницаемою, грустною темнотою ночнаго мрака, въ которомъ взоръ его исчезалъ безъ привѣта, безъ пристанища . . .

— «Ужели такова моя будущность? Или я спалъ въ продолженіе этихъ 26-ти лѣтъ жизни? Или жизнь, своимъ мертвымъ покровомъ, окаменила все мои чувства? Теперь, когда огонь жжетъ меня, теперь, когда я глубоко, жестоко чувствую ея прощальныя слезы, когда взоръ ея освѣщается моей памятью . . . я воскресаю, но для чего? Тяжко расплатиться за мигъ наслажденія—за мгновеніе жизни?

Прежде я былъ такъ покоенъ. Полусоннаго ребенка убаюкиваютъ въ люлькѣ, и онъ засыпаетъ. . . Не такой ли былъ я ребенокъ? Море взлѣляло меня. — ему повѣрилъ я и дѣтскую улыбку, и восторженность юноши; — я былъ ребенокъ, безпечно довѣрившійся морю! . . . Засыпалъ я, не зная, что между людьми есть избранные, благословенные . . .

«Но теперь, когда осиротѣла душа послѣ роднаго привѣта, когда пробудился волканъ въ душѣ моей . . . будущее мое затерялось—мечты мои опу-

стынились! Все понятія, все чувства мои перелились въ огонь любви, а воображеніе, воображеніе чертитъ только милый образъ—можетъ быть, оторванный отъ меня навѣкъ. . . . Навѣкъ? . . . Все исчезнетъ, всему свой конецъ, кромѣ моей страсти! . . . Не затеряется она въ самой вѣчности . . . . Любовь передается избраннымъ, какъ благословіе Бога! Все имѣетъ предѣлъ, кромѣ страстей. . . . Сколько вѣковъ и сколько людей было? Они одушевлялись могуществомъ страстей . . . . Исчезли старіе люди, но страсти ихъ перешли къ намъ! Куда бѣжать мнѣ отъ самого себя? Куда мнѣ скрыться отъ будущаго? гдѣ мнѣ утонуть, разнести душою?

Человѣкъ! бѣдное, хилое созданіе! Тебѣ покажутъ волшебство фантазмагорическаго видѣнія . . . — Не прикажите ли взять рифъ? — спросилъ важный лейтенантъ, обращаясь къ Страстину.

Издѣваться надъ опасностью — вотъ наслажденіе моряка; играть всеми ужасами природы — вотъ его жизнь!

Утро слѣдующихъ сутокъ капитанъ встрѣтилъ на палубѣ; безмолвно смотрѣлъ онъ на море, на паруса, на снасти; онъ былъ въ предѣлахъ Россіи, могъ разсчитывать свою новую будущность—иную жизнь. . . . чувствовалъ блаженство имѣть очаровательную жену, — и воображеніе, послушное полнотѣ сердца, чертило, открывало ему счастье любовника-мужа. «Вотъ,» мечталъ онъ прохаживаясь по шканцамъ; вотъ утомленный отъ дневныхъ заботъ, утомленный безжизненной холодностью людей, — спѣшитъ онъ домой, укрыться отъ всего на свѣтъ, отъ всехъ нищенскихъ заботъ нашего бѣднаго бытія! *Его* встрѣчаетъ обворожительная жена; она ждетъ и не дождетъ его, изучаетъ привѣтъ, какъ ему выразить свою душу! Входитъ онъ, и другъ-

жена порхнеть къ нему въ объятія, прижметъ его къ своему сердцу, скажетъ ему: люблю, люблю тебя — ты утомился другъ — ты былъ съ холодными людьми — они не видятъ тебя въ тебѣ — прійди въ мои объятія, счастливецъ, любимецъ моего сердца! Я заслоню тебя отъ людей, одушеволю тебя, мой любовью спасу тебя отъ навѣтовъ людскихъ — заставлю моей страстью — забыть холодность окружающихъ!..»

И у Страстина блистали глаза; грудь спиралась желаніемъ. — Вотъ, снова, создавалась передъ нимъ картина — онъ отецъ!... Какъ много, много святаго, высокаго въ этомъ словѣ — отецъ!

Маленькій амуръ ластится къ матери. Она, какъ будто передаетъ въ него свои добродѣтели, свою душу, заставляетъ чувствовать это полусуществованное бытіе...

Дитя улыбается. Онъ говоритъ ему: «Ты любишь меня, моя душка? Ну, раземѣйся, улыбнись! Вотъ такъ! Ты любишь, душка, свою маму? А! ну, опять улыбнулся! А какъ поцѣлуешь ты своего папа? Ну, вотъ такъ, такъ, душа! Какъ скажешь па-па? Ну, такъ, такъ: *па-па... па-па...* И она беретъ младенца, и сама несетъ къ своему мужу....»

Да! онъ такъ мечталъ, такъ могъ мечтать, такъ долженъ былъ мечтать! У человѣка съ истинно-высокою, пылкою душою одинъ только мечты, когда онъ вскорѣ сдѣлается супругомъ милаго, любимаго существа — это жизнь семейная, какъ навѣкъ неразрывный союзъ сердца, какъ вторая эпоха послѣ рожденія, и послѣдняя передъ смертью!... На пылкость, на открытое, безнорочное стремленіе сердца, больше можно надѣяться, нежели на расчетъ ума, времени и обстоятельствъ. Основаніе сердечной пы-

кости благородство, никогда неизмѣняющееся въ чело-вѣкѣ, а мечты его вдохновеніе. Въ расчетъ случай, неудача — и все нерасчетливо измѣнится. Страстинъ могъ увлечься въ пылкія мечты: онъ былъ въ предѣлахъ Россіи; еще нѣсколько часовъ, и онъ въ Кронштадтѣ.

Давно уже прошли траверсъ-маяки Эггольмъ, придерживаясь къ Эстляндскому берегу. Вѣтеръ дѣлался круче и круче, но еще все было тихо, и въ морѣ, и въ небѣ.

— Убирайте брамсели — сказалъ капитанъ кроткимъ голосомъ человѣка, выведеннаго изъ мечтаній. — Какъ курсъ?

«Ость — пропирчалъ штурманскій кадетъ, стоявшій у компаса.

— Стоянетъ! — приподымая фуражку, сказалъ вахтенный штурманъ.

Брамсели закрѣпили.

Море, будто кипящая вода, стало метаться въ разныя стороны. Вѣтеръ сдѣлался порывистый и свѣжій.

— Вызвать команду! Взять рифъ!

И грозно насушилось небо и море, словно искусный врагъ, притаивъ свое дыханіе, чтобы вѣрнѣе, мѣтче подкараулить своего недруга. Даже слышно было, какъ нѣкоторые всплески падали и распадались, не образовавъ волны.

Вдругъ, посреди этой тиши, этого молчанія, какъ паденіе лавины въ Альпахъ, какъ рокотъ грома въ горахъ Кавказа, какъ шумный натискъ побѣдной конницы — быстро, грозно засвирѣло море, и изъ подъ вѣтра налетѣлъ шкваль, усиливаясь новыми порывами; снѣгъ засыпалъ глаза; стройный, протя-

жний вой вѣтра сливался съ рѣзкимъ отголоскомъ мятели; дробясь въ снастяхъ, онъ выражалъ вопль муки, вопль отчаянія, выражалъ всё страсти, всё чувства....

Фрегатъ, пораженный противнымъ вѣтромъ, вдругъ остановился — еще сопротивление, и онъ — обезсиленный, повалился на другую сторону....

— Фокъ на гитовы! Марса-фалы отдай! — простоналъ въ рупоръ вахтенный лейтенантъ, голосомъ, звучащимъ въ подобныхъ случаяхъ какою-то необыкновенною, дикою рѣзкостью.

Рей внизъ нейдутъ — марса гитовы лопнули — стенага и стенванты врѣзались въ марсель — фокъ давить фрегатъ.

«Бизань на гитовы, — форъ-стенага-стаксель поднять!»

Но фрегатъ, какъ заколдованный, лежалъ на боку, наклоняясь все больше и больше; волны врывались въ него, пѣнясь, играли на палубѣ, перекидывали черезъ него свои огромныя вершины, гуляли по-верхъ фрегата. И при каждомъ новомъ порывѣ, рангоутъ, протяжнымъ долгимъ скрипомъ, послѣднимъ усиліемъ, какъ бы отказываясь служить — еще минута, и его изломасть, вырветъ вѣтромъ — фрегатъ опрокинеть, зальеть....

И при всѣхъ отчаянныхъ усиліяхъ, матросы еле, еле могли что нибудь вытянуть. Осенній морозъ дѣлалъ самое жестокое сопротивление въ замерзшихъ снастяхъ....

Вѣтеръ ревѣлъ со всею силою бури поздней осени, со всею неукротимостью торжествующей свирѣпости; каждый новый напоръ моря глухо билъ въ корпусъ фрегата, и протяжный, унылый скрипъ,

большее и большее наклоненіе фрегата, и тяжелое сотрясеніе показывали самое гибельное состояніе. Уже пушки ушли въ воду; команда съ трудомъ держалась на палубѣ, а снѣгъ съ мятелью засыпалъ глаза, околечалъ члены.

«Задній ходъ!» закричалъ штурманъ.

Вершина огромнаго вала перепрыгнула сквозь гаки-бортъ; новый валъ множился, росъ, пѣнился, вздувался, какъ гнѣвъ сильнаго, высился, какъ отчаянный патискъ храбрыхъ, и вотъ — снова хлынула волна на широкую палубу.

«Рѣзать фокъ!» твердо произнесъ капитанъ. Бизань-шкотъ отдай!...

«Братъ рифы!» сказала Страстинъ. Онъ былъ мужественно спокоенъ; только голубые глаза его горѣли сверхъ естественнымъ огнемъ, всѣмъ пламенемъ души, сказывающей въ подобныхъ случаяхъ, когда малѣйшая неувѣренность въ себѣ, незначительная оплошность — ведутъ за собою разрушительное слѣдствіе...

Въ открытомъ морѣ, гдѣ видишь только ярость океана да мрачность неба, можно подружиться, померяться съ опасностью, и часто торжество надъ всѣми ужасами природы — вѣнчасть славою моряка.

Но тамъ, гдѣ близко сосѣдство земли, окруженной мелями и подводными камнями, тамъ часто, ни усилія искусства, ни торжество ума не въ состояніи оградить отъ опасности.

И вотъ, фрегатъ, съ отданными марса-фалами, заливаемый волнами, заносимый снѣгомъ, гонимый штормомъ, летѣлъ посреди яростной борьбы стихій.

Капитанъ рѣшился спуститься, штормовать въ открытое море. Направили курсъ далеко отъ берега.

Знаете ли, на чемъ основано счисленіе корабля? На компасъ, столько же измѣнчивомъ, какъ сердце кокетки; можете ли вы, при всей вашей благородной гордости, повѣрить хоть мгновенному чувству этой вертушки? Нѣтъ? Такъ точно нельзя совершенно, хотя можно немного побольше, положить на компасъ! Но если отъ компаса, или отъ любви кокетки, зависитъ ваша жизнь—вслите, заранѣе, служить себѣ паннихиду!

Капитанъ не хотѣлъ еще себя отпѣвать; кромѣ себя, ни на кого онъ не полагался, а вѣлѣлъ только впередъ смотрѣть! Опасность близкаго сосѣдства съ берегомъ, по модному выраженію, у него была на *усахъ*, хотя онъ и часто ихъ покручивалъ!

Молодой вахтенный лейтенантъ стоялъ на банкѣтѣ, откуда могъ вѣрнѣе озирать подвластный постъ, и распорядиться работами; то стряхивалъ онъ съ себя воду, оторванную вѣтромъ отъ вершины валовъ; то кричалъ: «впередъ смотрѣть» — и однообразное, заунывное: «впереди ничего не видать» — было отвѣтомъ; то съпалъ онъ градомъ командъ (не состоящихъ по штату, и не записанныхъ въ наличіе командныхъ словъ), побуждая скорѣе брать рифы, не смотря на то, что все было покрыто льдомъ.

Фрегатъ летѣлъ со скоростью аэролита; онъ взносился на валы; они били его въ ребра, взбѣгали высоко наверхъ, и распались въ брызгахъ, какъ водопадъ. То глубоко погружался фрегатъ между валовъ, будто въ водину пропасть. Четверо сильныхъ рулевыхъ раздѣнили, перерѣзывали волны, и онъ, послушный, выносили на своемъ хребтѣ, подымали фрегатъ къ тучамъ неба, и разстилались, передавали его ярости новыхъ собратій, и фрегатъ снова погружался, снова высился; всякой разъ

корма усаживалась разваломъ (транцами), и валъ свободно, раздольно гулялъ по широкой палубѣ.

Море какъ-то дивно возвышаетъ душу, неразгаданно проникаетъ въ нее своими бурными, глубокими порывами. Безпрерывное сближеніе съ опасностью, часто изъ прихоти, изъ тщеславія, какъ-то дружить съ нею — и вы, будто новобрачные, идете, наконецъ, рука въ руку съ опасностью, какъ жизнь вмѣстѣ съ истребляющею смертью...

Въ морѣ находите вы торжество надъ неукротимыми усиліями природы, издѣваетесь надъ ея разсвирѣплымъ могуществомъ, и отъ вашей предусмотрительности зависитъ все, все — и жизнь команды, и честь флага, и цѣлость вѣвреннаго фрегата, и все это довѣрчиво предано вашему глазу и уму.

Меня не упрекнуть въ несправедливости, въ излишней привязанности къ службѣ, если, по своему чуждому челоуѣку эгоисту, я считаю справедливымъ сознаніе своихъ чувствъ, и какъ думаю, такъ и пишу.

Нѣтъ, мой читатель! Это не мечтанія, не нагѣвы тихаго, безпріютнаго вдохновенія одичалой, осиротѣлой души!

Это не очарованіе души въ восторженный мигъ, не ея ложная поэзія — это истина. По крайней мѣрѣ, для меня, и такъ понималъ я морскую службу, отъ того и служу на морѣ, что иначе не могу понимать.

«Маякъ, маякъ!» закричало нѣсколько голосовъ съ баку.

И Кошкарь, со всеми ужасами буруновъ, съ тяжкимъ, глухимъ эхомъ грознаго прибола, какъ страшное, суевѣрное привидѣніе въ заповѣтный часъ, открылся, менѣе нежели въ одной милѣ.

Но это видѣніе было благотвѣльно, какъ освѣщеніе ужасною молніею, въ то время, когда вы готовы оступиться въ пропасть...

Миновать маякъ значило миновать опасность, и вѣрно, точно знать свое мѣсто.

— Лѣво! Больше лѣво! Марса-фалы подымай! — сказалъ капитанъ, громкимъ, торжественнымъ голосомъ. Въ то время, какъ фрегатъ *Отважный*, послушный рулю, тронулся, нырнулъ къ вѣтру, все ожило счастливою надеждою — легко было прорѣзать выдавшійся рифъ...

Но вдругъ вѣтръ зашелъ на нѣсколько румбовъ къ NW, и обезвѣтренный фрегатъ не могъ продолжать крутаго плаванія. Марсели пали, какъ будто придавились къ стѣнкамъ; руль, своимъ первоначальнымъ движеніемъ, способствовалъ итти къ вѣтру, и фрегатъ всѣмъ лагомъ потащило на маякъ...

Вообразите больного, умирающаго, разслабленнаго нервами чловѣка. Хотя онъ имѣетъ полную организацію, но всѣ усилія тщетны вдохнуть въ него свободныя движенія...

Теперь представьте себѣ фрегатъ: свѣжій, противный вѣтеръ влечетъ его прямо на крутой берегъ, на скрытые подъ водою, и высунувшіея наружу камни; пѣна отъ буруна за кормою сказывалась ревомъ, словно пѣснь убійцы, торжество злобы...

Положеніе гибельное!... Но въ подобныхъ - то случаяхъ и проявляется вся сила, вся твердость души.

На морѣ, въ этой школѣ чловѣческихъ испытаній и опыта надъ самимъ собою, часто нельзя отдѣлать мысли отъ выполненія. Критическій мигъ требуетъ быстрого движенія; одно командное слово мгновеніемъ рѣшаетъ участь всего, и быстрота мысли неволью дружится съ опасностью моря.

«Прямо руль!» внятно сказала капитанъ. Носъ фрегата покотился къ маяку.

«Гротъ садить!» продолжалъ онъ тѣмъ же отчетливымъ, повелительнымъ голосомъ. «Брасы дотягивать на лѣвой!» — Шкотъ на лѣвой! Выбирай гротъ-галсъ! — торопливо кричалъ вахтенный лейтенантъ — рви, молодцы!

Какъ бы приостановился фрегатъ въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ крайняго рифа. Одинъ натискъ — напоръ грота, и — онъ бросился къ вѣтру, нырнулъ отъ маяка.

«Прямо руль!»

Съ дикимъ безмолвіемъ, но съ слѣпымъ вѣрованіемъ всматривалась команда въ стоическую хладнокровность капитана, и въ дикую скалу, мимо которой велъ ее Страстишъ... Отъ твердости его зависла ихъ жизнь...

Снова море ревомъ своимъ оглушило слухъ; съ новою силою, съ ярою свирѣпостью хлынуло оно въ каменные ряды, неприступные для живыхъ. И дико поражающей отголосокъ буруна, далеко, далеко слышался удалявшимся на фрегатъ; они долго еще видѣли, какъ грозныя волны прыдали, и бѣлою пѣной низвергались, какъ старый валъ рушился быстрымъ натискомъ новаго... И былъ тутъ пиръ ярости стихій, не выражаемый ни въ дикихъ звукахъ Гайдена, ни въ звучныхъ вопляхъ Бетговена, ни въ святыхъ возгласахъ Моцарта; была тутъ симфонія, которая, подъ натѣвъ шторма, завѣряетъ въ непримиримой враждѣ моря и гранитныхъ утесовъ съ чловѣкомъ!

Вскорѣ очистился горизонтъ — открылся свободный входъ въ Ревель. Проштурмовавшие всю ночь мореплаватели издали еще крѣпили замерзшіе паруса.

Капитанъ сошелъ къ себѣ въ каюту. Глаза его были томны, лицо его блѣдно, но голосъ его звучалъ любовью. Теперь онъ опять былъ человекъ, любящій, страстный, а не духъ повелитель стихій....

В. ВОЙТЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДА

М. В. ЛОМОНОСОВА. *

Россійскихъ войскъ хвала растетъ,
Сердца прoderзки страхъ трясетъ,
Младой орелъ ужъ льва терзаетъ,
Прежъ нежелъ ждали, слышимъ вдругъ

* Литературная драгоценность, которая едва ли кому публиче была известна донынѣ, кромѣ немногихъ библиофиловъ. Это Ода, написанная Ломоносовымъ на побѣды надъ Шведами, которыми ознаменовано было кратковременное царствованіе Иоанна Антоновича. Вотъ полный титулъ ея: «Первые трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийскаго, чрезъ преславную побѣду, Августа 25-го 1741 года, въ Финляндіи поставленные; и въ высокій день тезоименитства Е. И. В., Августа 29 дня 1741 года, въ торжественной одѣ изображенные, отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова.» Стихотвореніе это было напечатано въ *Приказаніяхъ къ Видоисканію*, Сентября 11-го 1741 года, часть (т. е. №.) 73 и 74; но не было уже помѣщено въ полныхъ его сочиненіяхъ, гдѣ послѣ оды 1739 года, слѣдуетъ ода 1742 года («Какой пріятный зефиръ вѣетъ» и проч.) «Примѣчанія къ С. Петербургскимъ Ведомостямъ» первый *Русскій журналъ*, и, прибавимъ, весьма занимательный, и хорошо составленный въ свое время, начался съ Января 1728 года, и издавался 15 лѣтъ, въ 4; въ первомъ году ежемѣсячно, а съ 1729 по два по

Побѣды знакъ, палащій звукъ.
 Россія вновь трофеей въздымаеъ
 Въ другой на Финскихъ разѣ поляхъ.
 Свой ядъ премерзку завистъ травить;
 Въ неволно тая храбрость славить,
 Въ Россійскихъ зрѣла что полкахъ.

Оставивъ шумъ войны Граднѣ, **
 Израненъ весь, избитъ, чуть живъ,
 Къ полночнымъ съ южныхъ странъ склонился,
 Искаль къ покою горь, нещерь,

дулиста въ недѣлю; прекратились они въ 1742 году. Нѣкоторыя изъ статей были потомъ выбраны и напечатаны въ 1765 году, въ Москвѣ, въ 4, и въ 1766 году въ 8, но полныя экземпляры Прибавлений весьма рѣдки, а 1741 годъ такъ рѣдокъ, что такого экземпляра нѣтъ ни въ публичныхъ, ни въ частныхъ библіотекахъ, и, кажется, единственный экземпляръ его находится у С. Д. Полторацкаго; изъ этого-то экземпляра заимствовали мы предлагаемую здѣсь оду Ломоносова. Еще поясненіе: почему эта ода такъ плоха? Она гораздо ниже предшествовавшей ей оды 1739 года. Мы объяснимъ это состояніемъ души поэта: 1741 годъ былъ самымъ несчастнымъ въ жизни Ломоносова; весною, въ семь году, онъ бѣжалъ изъ Марбурга, оставя тамъ жену и дочь; попался въ Прусскую службу, дезертировалъ, и въ концѣ лѣта прѣхалъ въ Петербургъ, безъ всякихъ надеждъ, можетъ быть, съ отчаяніемъ въ душѣ. Время ли было ему думать тогда о стихахъ, едва имѣя кусокъ насущнаго хлѣба, не видя ничего въ будущемъ, разлученному съ своимъ семействомъ, и предчувствуя смерть отца? Во всякомъ отношеніи, стихи эти чрезвычайно любовитны, и спасая ихъ отъ весьма возможной гибели навсегда, перепечатываніемъ въ нашемъ журналѣ, мы благодаримъ отъ лица Русскихъ читателей почтеннаго и обязательнаго библіофила нашего, С. Д. Полторацкаго, превосходная библіотека котораго богата печатными Русскими рѣдкостями. Въ ней хранится, между прочимъ, собраніе и рукописныхъ рѣдкостей, двѣ его, П. К. Хавѣнкова, между которыми Карамзинъ нашель двѣ неоцѣнимыя драгоцѣнности: *Кіевскую* и *Вольнскую* летописи (И. Г. Р. Т. I. стр. xxxi). Онѣ принадлежать теперь Г. Полторацкому. *Ред. С. О. и С. А.*

** Марсъ.

У Финскихъ спать залезъ озеръ,
 Тростникъ подславъ, травой покрылся:
 Теперь ужъ, молвилъ, я вздохну:
 Изойдутъ язвы столь глубоки.
 Бѣжите, брани прочь жестоки,
 Ищите вамъ мою сестру. *

Кровавы очи лишь сомкнулъ,
 Внезапно тихъ къ себѣ почулъ
 Приходъ Венеры и Дианы.
 Лилы стали въ раны класть,
 Впустили въ нихъ врачебну масть,
 Смѣшавши ту съ водой Секваны:
 Ахъ, встань, прехрабрый воинъ, встань,
 О старой нашей вспомни дружбѣ,
 Вступи къ твоей некосно службѣ,
 Внеси въ Россію тяжку брань.

Вскочилъ какъ яръ изъ ложа левъ,
 Колеблетъ странъ предѣлы ревъ.
 Не такъ на верхъ высокой Эты
 Поднявшись ** братъ его шумѣлъ,
 Какъ ядъ внутри его кипѣлъ.
 Ужъ дѣйства есть его примѣты.
 Мутятся смежны намъ берега.
 Стокгольмъ подобнымъ пляствомъ шумень,
 Уязвленъ злобой, сталъ безумень,
 Отмкнуть велитъ войны врата.

Но что за вѣтръ съ полночныхъ странъ
 Пронырства васъ закрылъ въ туманъ?
 Не зрѣла чтобъ того Россія,
 Что вашихъ войскъ приходъ значить,
 За чѣмъ вашъ сборъ у насъ стоять?
 Въ закрытыя видны мысли злы,

* Беллона.

** Геркулесъ.

Въ шерсти овечьемъ зпатеиъ волкъ.
Хоть *Аннинъ* зракъ стъ насъ высоко:
Вторая есть, Которой око
Зритъ, твой къ чему намъ ренъ полкъ.

Къ предѣламъ нашимъ чтожъ пришли?
Надежда кажетъ что впреди?
Надежда пыиъ вамъ не лжна!
Къ себъ вамъ та земля влечеть,
Въ которой медъ съ млекоиъ течеть?
Нужъ впредъ; пройдите! пть и дива!
Вѣдъ вы почти ужъ такъ въ раю.
Коль близко наиа къ вамъ столица!
Но ближе тѣмъ парить *Орлица*,
Что править Свой полетъ ко льву.

Не самъ ли съ вами есть Нимвродъ,
Собрался весь гдъ вашъ народъ?
Что землю онъ прилежно роетъ?
Воздвигнуть хочеть столпъ и градъ?
Рушить прямой натуры рядъ?
Ужасну въ свѣтъ вещь откросъ!
Всѣ ждуть, чего не знаютъ ждаты.
Да чтожъ увидимъ мы за диво?
Кольно хочеть то кичливо
Другу Полтаву тутъ создать.

Смотри тяжка коль Шведовъ страсть,
Коль имъ страшна Россійска власть.
Куда хотять, того не знаютъ.
То тянутъ, то втыкаютъ мечъ,
То намъ грозять миръ пресѣчь,
То оной въ вѣкъ хранить желаютъ,
Чиплять то умыселъ намъ жестокъ,
Хотять намъ желчи быть горчае,
То восу сердце ихъ мячае,
Однако васъ сыскала свой рокъ.

Противу вѣтровъ сильныхъ плыть,
Среди неспособныхъ буръ встунить,
Отважны ихъ сердца дерзнули.
Колочей териъ, сухой тростникъ,
Тапся въ конхъ зной великъ,
Теперь ужъ явно вѣтъмъ вспыхнули.
Войну открыли Шведы намъ:
Горить сердца ихъ къ бою жарко;
Гремитъ Стокгольмъ трубами ярко,
Значитъ въ свѣту свой близкій громъ.

Однако топчуть, рѣжутъ, рвутъ,
Гублятъ, терзаютъ, грабятъ, жгутъ,
Склопляютъ насъ враги подъ ноги;
Россійску силу взяли въ плъвь,
Шурмуютъ близко нашихъ стѣвъ,
Щитаютъ вотъ добычи многи,
Да гдъ жъ? Въ снѣсномъ ихъ мозгу.
А въ тѣлѣ ужасъ потому мочить,
И явно въ сердце дрожъ пророчить,
Что будетъ имъ лежать внизу.

Подобно быстрой какъ соколъ
Съ руки ловцовой вверхъ и къ долъ
Бодро взираеть скорымъ окомъ,
На всякой часъ взлетѣть готовъ,
Похитить, гдъ увидитъ ловъ
Въ воздушномъ царствѣ свой широкомъ.
Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчной миръ попрали,
Враговъ, что нашъ покой смущали,
Враговъ, что насъ пожрать хотять.

Уже ступаетъ въ свой походъ
Къ трудамъ избранный нашъ народъ,
Нагимъ мечемъ на западъ блещеть,
Которой скраситъ Шведска кровь,

Что брань начать дерзнула вновь.
Противныхъ ближней край трепещеть.
На Финскомъ пещь черной дымъ,
Россійска ревность гдѣ кипѣла.
Сквозь слезы видитъ житель села,
Зажгла что месть огнемъ своимъ.

Вспятить не можетъ ихъ гора,
Металъ и пламень что съ верха
Жарчае Геклы къ нимъ рыгаютъ.
Хоть купно Вилманстрандъ на нихъ
Ретиво толь со ствнъ своихъ
Подобной блескъ и громъ пускаетъ.
Но искрамъ и огню претятъ.
Полки сильнѣйши горъ палящихъ
И ярко смертию имъ грозящихъ,
Стрѣламъ подобно сквозъ летятъ.

Въ моряхъ какъ южныхъ вѣчный востокъ,
Отъ горъ Атлантскихъ валъ высокъ
Крутить къ брегамъ четвертой части,
Съ корнемъ вырвавъ лѣсъ валить;
Пустыня, лугъ и берегъ дрожатъ,
Хотяжъ подмыты горы пасти.
Россійскій воинъ такъ врагамъ
Спѣшитъ отмстить свирѣпъ грозою,
Сбиваетъ сильной ихъ рукою.
Течетъ ручьями кровь къ ногамъ.

Вдается въ бѣгъ побитый Шведъ,
Бѣжитъ Россійской конникъ въ слѣдъ
Черезъ Шведскихъ труповъ кучи блѣдны
До самыхъ Вилманстрандскихъ рвовъ,
Безъ щету топчетъ тѣхъ головъ,
Что бытъ у насъ желали вредны.
Стигійскихъ * водъ шумятъ берега,
Гребутъ по нимъ побитыхъ души,

* Адскихъ.

Кричатъ тѣмъ, что стоять на суши,
Горька опять коль имъ бѣда.

За нами пушки, весь припасъ,
Прислалъ что самъ Стокгольмъ про насъ :
Даетъ подарокъ намъ въ неволю.
При Вилманстрандѣ слышенъ трескъ,
Мечей кровавыхъ виднѣтъ блескъ.
Ты будешь скоро равенъ полю,
Дерзнешь въ упрямствѣ ежели стать.
Подумать было кратко время,
Въ моментъ Славенско храбро племя,
Успѣло твой отпоръ пограть.

Последній копчикъ вспять бѣжить,
Оставшей трупъ и стыдъ смердитъ.
Къ себѣ скорѣ въ домъ спѣшите,
Скажите тамъ пріятну вѣсть,
Какую здѣсь достали честь,
Добычи часть друзьямъ дарите.
Не Карлъ ли тутъ же съ вами былъ?
Въ Москву опять желалъ пробиться?
Никакъ вамъ это въ правду снится.
Скачите въ слѣдъ; онъ кажется тѣмъ.

Не то ли вашъ воинской цвѣтъ,
Всходилъ которой двадцать лѣтъ,
Что долго въ пѣгъ жилъ спокойной?
Васъ тышитъ миръ, насъ Марсъ трудилъ;
Солдатъ вашъ спалъ, нашъ въ брани былъ,
Терпѣлъ Беллопы шумъ нестройной,
Забьли что вы такъ считать?
Что десять Русскихъ Шведъ прогонитъ?
Предъ нами что колѣни клонитъ
Хваливъ толь нашей славы татъ?

Но вотъ вамъ вашихъ бѣдъ починъ:
Сосѣда въ тѣбѣ ввели безъ винъ,

Давайте въ томъ другимъ примѣры.
 Избранной воинъ вашъ погранъ.
 Гдѣ вашъ спарядъ, запасы, станъ?
 Никакъ тому пеймете вѣры.
 Хотя и младъ Монархъ у насъ,
 Но славы Онъ чинитъ победы,
 Въ своихъ ступаетъ Предковъ слѣды,
 Недавно что карали васъ,

Высокой крови Царской Дщерь,
 Сильнѣйшей Что рукою дверь
 Отверзла къ славиѣшшимъ побѣдамъ,
 Тобою нашъ Россійской свѣтъ
 Во всѣхъ земляхъ какъ крикъ цвѣтеть,
 Наводитъ большій страхъ сосѣдамъ.
 Твоя десница въ первой годъ
 Поля багрить чрезъ кровь противныхъ,
 Являютъ намъ въ призракахъ дивныхъ,
 Созрѣеть сколь преславеиъ плодъ.

Добротъ чистѣйшій ликъ вознесъ
 Велику Анну въ дверь небесъ,
 Откуда зреть въ Россіи ясно
 Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
 На матернихъ Твоихъ рукахъ,
 Низводитъ веселье зорьъ всечасно,
 Къ героямъ держать рѣчь сію:
 Вотъ всѣхъ Моя громчайша слава!
 Во днѣхъ младыхъ сильна Держава,
 Взмужавъ до звѣздъ прославить ту.

Отца отечества Отецъ!
 Вручишь Кому небесъ Творецъ
 Храбрѣйшу въ свѣтъ силу править.
 Твоихъ премного сколь похвалъ,
 Самъ нашъ зависливъ врагъ позналъ,
 Не можетъ самъ Тебя не славить.

Въ бою Россійской всякъ солдатъ,
 Лишь толко бѣ для Гоанна было,
 Твоей для славы лишь бы слымо,
 Желаетъ смерть спести сто кратъ.

Прекрѣпкій Боже, сильный Царь,
 Что всю рукою держишь тварь,
 Зриши, что враги встають напрасно,
 Жезломъ карай ихъ мести самъ,
 Подай всегда побѣды намъ,
 Твое что имя славимъ гласно.
 Не ишуть, естли брань пресѣчь:
 Подай чтобъ также въ нихъ вознился,
 И новой кровью ихъ багрился
 Нагрѣтой въ ней Гоанновъ мечъ.

ЖАЖДА МОЛИТВЫ.

=

Въ твоихъ горахъ, въ священной той странѣ,
 Гдѣ жизнь твоя течетъ безгрѣшна и счастлива,
 О, помолись о недостойной мнѣ,
 Отецъ благочестивый!

Твоя мольба доступна небесамъ;
 Завиденъ твой удѣлъ, смиренный и прекрасной;
 Для васъ земля цвѣтеть обильно тамъ,
 Надъ вами небо вѣчно-ясно!

Какъ тамъ душа младенчески-чиста,
 Какъ ясны для нея и смерть и искупленье....
 Вамъ чужды наши заблужденья,
 И міра грѣхъ и суета!

И въ этой счастливой, далекой сторонѣ,
 Гдѣ жизнь твоя течетъ тиха, трудолюбива,
 О, помолись о недостойной мнѣ,
 Отецъ благочестивый!

И чтобы мракъ съ души моей исчезъ,
 Чтобы сердце вылилось въ молитвахъ умиленныхъ,
 Пришли мнѣ вѣтвь, какъ знаменье небесъ,
 Съ твоихъ долинъ благословенныхъ!.....

Н. ТЕРЮХИНА.

Серпуховъ, 1838 года.

ЗВѢЗДА.

Звѣзда! прости — пора мнѣ спать,
 Но жаль разстаться мнѣ съ тобою:
 Съ тобою я привыкъ мечтать,
 А я теперь живу мечтою.

И дасть ли мнѣ тревожный сонъ
 Отраду ложнаго видѣнья?
 Нѣтъ! чаще повторяеть онъ
 Дневныя сердцу впечатлѣнья.

А ты, волшебная звѣзда,
 Неизмѣнимая сіяешь,
 И сердцу грустному всегда
 О лучшихъ дняхъ напоминаешь.

И къ небу, тамъ, гдѣ свѣтишь ты,
 Мои стремятся всѣ желанья —
 Мои тамъ сбудутся мечты
 Звѣзда! прости-же до свиданья!

*

НАПОЛЕОНЪ ПРИ ВАТЕРЛОУ.

(СОНЕТЪ)

Царь побѣдъ, Властитель рока,
 Избалованный судьбой!
 Встали карою святой
 Тучи грозныя съ Востока!....

Шибче горнаго потока,
 Понеслись онъ грозой,
 Надъ блестящею звѣздой
 Славы шумной и далекой.

Посмотри!.... И мечъ во длань....
 Рѣшено!.... во имя рока
 Идутъ ратники на брань....

Но вот тучи от Востока
Разразились враг — сломилъ.
Царь побѣдъ — не побѣдилъ!....

КН. ВОЛКОНСКІЙ.

ЖИЗНЬ.

Какъ труденъ жизни путь земной!
То высятся утесовъ кручи,
То вдругъ овраги подъ погой,
Иль тернъ цѣпляется колючій.
Должна ль встрѣтитесь очамъ,
И руку ты простеръ къ цветамъ —
Вдругъ черныя нахлынутъ тучи
И тысячи громовъ снадутъ,
И грудь на части разорвутъ,
Гдѣ капля радости небесной
Влилася въ тѣсный сей сосудъ,
Обхваченный корой тѣлесной.

Лишь для страданій человекъ
На свѣтъ рождается, и весь вѣкъ
Томиться осужденъ въ неволю,
И тихо жребій свой споситъ,
Жельзной повинувъсь долъ,
Покуда не порвется нить!....

Хотя улыбкою, случайно,
И оживится блѣдный ликъ,
То не надолго искрой тайной

Запала радость, и проникъ
Небесный лучъ души въ тайникъ;
Опять въ тебя печаль вгрызется,
И долго ужъ потомъ страдать,
Бороться долженъ и вздыхать!....
Такъ вся здѣсь наша жизнь прядется!

Любовь! какъ сладостны твои
Восторговъ полныя мгновенья;
Въ столь дивныя ты свидѣнья
Вся облекаешь наши дни!....
Но въ то же время, какъ устами
Хотимъ донить мы кубокъ твой —
Вдругъ раздражается надъ нами
Перушь, направленный судьбой,
И ты — съ разбитыми сердцами,
Изъ груди стоны издаешь!....
Такъ въ вѣчной схваткѣ, день за днемъ,
Года уходить за годами,
И остаются о быломъ
Одни при насъ воспоминанья,
Какъ слѣдъ войны, или годовъ —
Остатки *vestige* домовъ,
Или *разрушенныхъ* зданья!
И мысль въ прошедшее летитъ,
И какъ паукъ, стражъ запустѣнья,
Прядеть свой изъ отравы бытъ,
Среди заглохнутаго строенья!

Такъ возвращался пилигримъ,
Съ запасомъ видѣннаго имъ,
Спѣшитъ на родину, въ надеждѣ
Увидѣть домъ, родныхъ, друзей,
Гдѣ жизнь его катилась прежде,
Какъ свѣтлый по цветамъ ручей.
Вотъ шагъ удвоитъ онъ, скорѣй
Къ порогу отчому подходитъ,
И что же? Домъ его — пустой,
Живой души въ немъ не находитъ;

Зоветь — и только гуль глухой,
 Ему въ отвѣтъ шлеть запустыне,
 Да гадовъ слышится шипѣнье
 Ползущихъ подъ его ногой!
 И онъ вздохнулъ, махнулъ рукой,
 Заплакавъ, дальше путь направилъ,
 Пустыню грустную оставилъ!

Къ чему стремится человекъ?
 Какъ суетны его желанья!
 Въ юдоли своего изгнанья,
 Какъ труженикъ онъ, цѣлый вѣкъ
 За счастьемъ гонится, что блещетъ
 Лукавой звѣздочкой вдали,
 Мелькнетъ, погаснетъ, вновь забрежжетъ...
 И мы, то въ мракъ на земли,
 То, очарованные свѣтомъ,
 Надежды ласковымъ привѣтомъ,
 Препоны разрушаемъ въ прахъ,
 Одолваемъ силой силу,
 И заглушая боль и страхъ,
 По тернамъ всѣ спѣшимъ въ могилу!
 И здѣсь ужъ, непробуднымъ сномъ
 Спитъ человекъ въ спокойномъ гробѣ,
 Пріютъ тѣсномъ и глухомъ,
 Не слыша больше ни о злобѣ,
 Ни о страданьяхъ и слезахъ,
 И братьяхъ, брошенныхъ судьбою,
 На трудныхъ жизненныхъ путяхъ,
 Съ страстями, съ надеждой и тоскою!

ЛЮБИТЬ.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

=

Соловьемъ залетнымъ
 Юность пролетѣла,
 Волной въ непогоду
 Радость прошумѣла!

Пора золотая
 Была, да сокрылась;
 Сила молодая
 Съ тѣломъ износилась.

Отъ кручины-думы
 Въ сердцѣ кровь застыла;
 Что любилъ, какъ душу —
 И та измѣнила!

Какъ былинку, вѣтеръ
 Молодца шатаетъ;
 Лицо — зима знобитъ,
 Солнце сожигаетъ.

До поры, до время
 Вѣсьмъ я весь изжилъ,
 И кафтанъ мой синий
 Съ плечъ долой свалился!

Русская Словесность.

Безъ любви, безъ счастья,
По-миру скитаюсь —
Разойдусь съ бѣдою,
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ —
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ-гниеть.

А. КОЛЬЦОВЪ.**КАРТИНА.**

КЪ .....У. *

1836.

Пустыня..... горы обнажены....
Тамъ моря даль..... вѣтрило корабля....
Могильный крестъ, къ землѣ сложенный....
Твоя картина: жизнь мол.
Какъ этихъ горъ чело пагое
Уныло — такъ мои унылы дни;

* Изъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: Унылыя песни.

Стихотворенія.

Какъ эта моря даль скрывается въ тѣни —
Такъ въ мракъ скрылось мое былое;
Въ грядущемъ здѣсь надежда мнѣ одна =
Могильный крестъ.....

Я не живу — я маюсь.
Я жизнь люблю, но смерть мнѣ не страшна —
Я не ищу ея и не чуждаюсь:
Къ чему мнѣ жизнь, когда она отравлена?

Предъ тѣмъ, кто видитъ душу нашу,
Прощаю тѣхъ, кто ядъ вмѣшалъ мнѣ въ жизни чашу,
Кто такъ легко отравою шутилъ,
И сердце растерзавъ, покинулъ безъ участя....
Я имъ молю у Бога счастья,
Какъ прежде счастья имъ молилъ.....

О другъ! тебя зовутъ къ веселью музы
На свѣтлый праздникъ бытія....
Ты сынъ, ты братъ — еще прекраснѣйшія узы
Тебя въ семь міръ ждуть.... Не сътуй на меня!
Я, въ ведро дней, тебѣ напомнилъ жизни грозы —
Не знай ихъ, добрый другъ!.....

Съ картиною твоей
Невольно расстаюсь. Взгляни: еще на ней
Печальный слѣдъ, мои остались слезы....
Тоска безмолвная ихъ выжала изъ глазъ —
И, можетъ быть, въ послѣдній разъ.....

В. ФИЛИМОНОВЪ.

КЪ П.....У. *

1837.

=

О добрый другъ! ты съ дѣтскихъ лѣтъ
 Меня любилъ въ сѣни роднаго крова;
 Меня, какъ юноша-поэтъ,
 Ты въ счастье встрѣтилъ какъ роднаго.
 Тогда тебѣ и мнѣ на небѣ голубомъ
 Звѣзда попутная светила:
 Какъ много на пути земномъ
 Она намъ радости сулила!
 Свернили розно мы тотъ путь:
 Судьба, карая насъ, свои пытала силы —
 Куда жъ сошлись страдалыцы отдохнуть?....
 Ты помнишь ночь.... Неву.... могилы....
 Теперь одинъ я часто тамъ,
 Гдѣ мы бывали часто оба:
 Пусть дни влечитъ судьба судима розно намъ,
 Мы вмѣстѣ мысляю — у гроба....

В. ФИЛИМОНОВЪ.

* Изъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: Жизнь.

ПОЕДИНОКЪ.

I.

Дохнула буря — цвѣтъ прекрасный
 Увяль на утренней зарѣ....
 Тому назадъ одно мигуеце
 Въ семь сердецъ билась вдохновець,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь;
 Теперь, какъ въ домъ опустыломъ,
 Все въ немъ и тихо, и темно....

А. Пушкинъ.

The common crowd but see the
 gloom
 Of wayward deeds, and fitting doom,
 The close observer can espy
 A noble soul....

Байронъ. Глушь.

=

Знаете ли вы гдѣ и какъ удобнѣе познаются чело-
 вѣкъ, его наклонности и привычки, даже его чув-
 ства и обычное расположеніе его мыслей?

Я берусь вамъ это сказать: на военной квартирѣ,
 тамъ, гдѣ вы не найдете ничего условнаго, куда не
 слѣдуютъ за кочующимъ ни суетность тщеславія, ни
 лицемерность самолюбія; тамъ, гдѣ челоуѣкъ бы-
 ваетъ собственно собою, гдѣ самостоятельность
 каждаго отражается около него во всей простотѣ,
 во всей суровости походной, ненаруженной жизни.

Въ гостиной, я разумью въ гостиной образованнаго челоуѣка есть много ненужнаго, много сторонняго; въ гостиной все обдуманно и приготовлено для пріема, для принужденія; ее строили, не хозяинъ, но обойщикъ и столяръ; изъ нея исключены необходимости и потребности вашей всендневной жизни, жизни задушевной и тайной. Кабинетъ, это святилище мыслящаго существа, обыкновенно закрытъ и недоступенъ, у того, кто любитъ занятіе и дорожить часами уединенія. У прочихъ, кабинетъ есть великолѣпный обманъ, нѣчто во вкусѣ тѣхъ несчастно — выдуманыхъ храмовъ, которыми, въ концѣ прошлаго столѣтія, Французы украшали свои сады. Зданія возвышались какъ будто для принятія алтарей всѣхъ боговъ міеологіи, но оставались пусты и необитаемы, а иногда обращались въ соблазнительныя будуары и увеселительныя павильоны. Точно то же происходитъ съ кабинетами нашего времени: вы увидите въ нихъ и письменный столъ, заваленный бумагами и перьями, и спойкойныя кресла для любителя занятій, и чернильцы разныхъ видовъ, и кипы бумаги, но хозяинъ, когда не принимаетъ посѣтителей, занятъ единственно чищеніемъ ногтей и войною съ мухами и пылью, нарушающими спокойную чистоту и безсмѣнный порядокъ его меблировки. О! какъ я ненавижу васъ, модныя, напрасныя, безжизненныя кабинеты, пустыя декорации безцвѣтной драмы, неловкое, глупое подражаніе самодовольной посредственности, кабинеты, уставленные изваянными и гравированными искаженными людьми великихъ, непонимаемыхъ своими жалкими почитателями, кабинеты, гдѣ тѣнью Наполеона клянется безмысленная ничтожность, гдѣ послѣдователь моды раз-

вѣсилъ по стѣнамъ своимъ портреты славныхъ людей не постигая величія души ихъ.

Сынъ оружія, всегда готовый сложить свою ставку, чтобъ итти вслѣдъ за кочевымъ знаменемъ, не успѣваетъ захватить съ собою ничего лишняго, ничего для прихоти, или приличія. Онъ бросилъ, онъ забылъ все изысканности жизни, которыя, нужны или ненужны, окружаютъ насъ, горожанъ. Подобно Древнимъ, всюду неразлучнымъ съ своими пенатами, онъ выбралъ себѣ въ вѣчныя спутники предметы своихъ занятій, своей привязанности, своихъ воспоминаній. Если случайно попала въ запасъ его какая нибудь бездѣлка, вещь безъ цѣли и назначенія для построннихъ, будьте увѣрены, что въ ней есть что нибудь завѣтное, дорогое, что съ нею сопряжена тайна ея владѣльца, что она занимаетъ неотъемлемое мѣсто въ тѣсномъ кругу его быта. Вся повѣсть военнаго вмѣщается въ его походномъ чемоданѣ. За то, какое обширное поле догадокъ и предположеній открыто физиологу во временномъ жилищѣ, гдѣ военный отдыхаетъ мимоходомъ, мѣсяцъ, недѣлю, день, смотря по обстоятельствамъ; за то, какъ все въ этомъ жилищѣ трепещетъ заимательностью, — какъ на всѣхъ предметахъ отражается нравъ жильца! Каждый изъ нихъ составляетъ рѣзкую черту въ характерическомъ цѣломъ! Они, или освящены чистыми воспоминаніями его дѣтства, или заложены знойной порой страстей, или свидѣтели тихой думы. Рядомъ съ неминуемымъ оружіемъ, съ безсмѣнными принадлежностями службы, вы увидите любимую книгу (если вашъ воинъ читаетъ), трубку, которая вѣрно сопутствовала ему во всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ ремесла, и неразъ докуривалась и гасла, безъ вѣдома его, въ его рукахъ, когда онъ погружался въ память минувша-

го, или въ мечту о будущемъ, этомъ будущемъ военнаго, гдѣ блескъ славы и сіяніе жслаемыхъ крестовъ непременно затемнены дымомъ сраженія, и потоками крови. Иногда вамъ представлятъ изображенія родителя, друга, нѣжной матери; чаще миниатюра милой, или карандашемъ набросанный абрисъ любимой лошади. Вамъ можетъ, на единственномъ столѣ, попасть подъ руку безличнѣйшій силуэтъ, въ которомъ одни глаза любовника умудрились найти сходство, потому что воображеніе дополняетъ и дорисовываетъ его, помощію образа, въ немъ запечатлѣннаго. Порою даже, но очень рѣдко, этотъ образъ обитаетъ въ самомъ сердцѣ, и тогда чернѣйшій силуэтъ лучезаренъ и свѣтелъ, и грѣетъ теплою радостью холодные часы разлуки. Но, увы! у большей части молодыхъ людей вы найдете веселые припѣвы Беранже и соблазнительныя рѣчи Парни. Разумѣется, что и тѣ и другіе вѣчно покрыты замѣчаніями, прибавленіями, гіероглифами, надъ которыми трудились и перо и свинецъ, и ногти и бритвы. Это-то и любопытнѣе! — Подобно испещренная книга заклеимена читателемъ, присвоена имъ; онъ породилъ собственныя ощущенія съ чужими мыслями сочинителя; онъ возражалъ ему противомысліемъ, и если ему, черезъ много лѣтъ, придется опять развернуть эту книгу, онъ найдетъ въ ней отголосокъ себя самого, съ памятникомъ давнопрошедшаго, которое никогда не терлетъ своихъ правъ надъ нашими сожалѣніями, хотя-бы мы припоминали въ немъ несравненно болѣе черныхъ полосъ горя, чѣмъ свѣтлыхъ арабесковъ. Жаль, что такіе архивы поручаются обыкновенно страницамъ, недостойнымъ ихъ сохранять! Мнѣ по сердцу старинные обычаи нашихъ прабабушекъ, которыя на бѣлыхъ мѣстахъ наследственнаго молитвенника записывали всѣ достопамят-

ные дни своей тихой, домашней жизни, автописи безгрѣшныхъ и краткія, неизвѣстныя свѣту, какъ самыя героини ихъ.

Но кажется, я не про это съ вами говорила, и, мнѣ странно теперь, что сцѣпленіе мыслей могло меня перебросить къ безмятежнымъ бабушкамъ отъ мятежныхъ случаевъ походной жизни ихъ потомковъ.

Послѣ утомительно медленныхъ походовъ, когда полкъ приходитъ на желанную квартиру, каждый спѣшитъ водвориться, убраться, быть у себя. Собственность каждаго, мало по малу, приводится въ порядокъ. Дымная, грязная изба принимаетъ видъ нѣкоторой опрятности, дотоль ей неизвѣстной; ковры защищаютъ оконницы отъ солнца и полъ отъ стужи. Всѣ принадлежности временнаго хозяина располагаются по удобнѣйшимъ мѣстамъ, то есть, всякая гдѣ, гдѣ можетъ скорѣе броситься въ ищущіе ихъ глаза.

У насъ все прибрано, все скрыто, все потеряно во множествѣ утвари, изобрѣтенной роскошью и общесжитіемъ, но тутъ, но въ тѣспотѣ и недостатокѣ, трудно подчинить предметы условному устройству, трудно даже скрасть улику слабости. Предатель штофъ изобличаетъ поклонника Вакха; колода картъ доноситъ на игрока.

II.

Around him some mysterious circle thrown
Repell'd approach, and show'd him still alone....

Байронъ, Мара.

Однако и фізіологъ и наблюдатель задумались бы не разъ, войдя въ избу, гдѣ стоялъ полковникъ

Валевичъ. Мудрено было бы имъ растолковать свои впечатлѣнія, разгадать видимое ими. Это жилище казалось созданнымъ нарочно, чтобы сбивать всѣ догадки и упреждать всѣ заключенія на счетъ жильца. Его товарищи увѣрили, что хандра находила на нихъ, когда они засиживались у него, а рядовые и денщики, когда служба, или случай, призывали ихъ къ полковнику, крестились переступая порогъ, и отчурывались на возвратномъ пути. Вечеромъ, народъ обходилъ съ ужасомъ это запретное жилище, и въ селахъ, гдѣ ставалъ Ф.....скій гусарскій полкъ, долго, долго говаривали не безъ трепета и не безъ удивленья, о причудливыхъ обычаяхъ страннаго Валевича, того высокаго и блѣднаго полковника, съ сѣдьющими черными кудрями и безулыбочнымъ лицомъ.

Куда ни приходилъ Валевичъ съ своимъ эскадронномъ, всюду его комната обивалась съ низу до верха чернымъ сукномъ. Его кровать имѣла совершенно видъ и форму гроба, и была изъ чернаго дерева, на винтахъ, чтобы удобнѣе складываться на дорогу. Надъ письменнымъ столомъ, который равно обить чернымъ, висѣлъ всегда пистолеть, и ни чья рука, кромѣ руки полковника, не прикасалась къ нему. Но и самъ полковникъ никогда не употреблялъ его. Пистолета не заряжали, не чистили; онъ былъ не любимымъ оружіемъ, но — таинственнымъ залогомъ чего-то давнишняго, чего-то мрачнаго и незабвеннаго.

Подъ нимъ, въ стѣну, вколачивался крючекъ, а на крючкѣ висѣла пуля, придѣланная къ петлѣ. Ея величина и соразмѣрность льно доказывали, что она нѣкогда служила зарядомъ своему сосѣду. Ржавчина съѣдала пулю, ржавчина сырая и красноватая; да еще видѣлись на ней какія-то неизгладимыя пятна;

говорили, что это были слѣды запекшейся крови. Конечно, кровь эту съ намѣреніемъ не смывали...

На столѣ, днемъ и ночью, горѣла лампада, выдѣланная изъ человѣческаго черепа, сквозь составы коего проливалось унылое сіяніе, озарявшее за лампадою стоявшую картину, голову молодаго человѣка рѣдкой красоты. Горизонтальное положеніе этой головы, ея закрытые глаза и осунувшіяся черты, ея желтоватыя отбѣнки достаточно свидѣтельствовали, что она была списана съ мертвеца. Но ничего бользеннаго, ничего страдальческаго не было замѣтно въ этомъ спискѣ; разрушеніе не обезобразило лица юноши; медленная борьба со смертью не наложила на него заранѣ печати тлѣнія, и онъ, безжизненный, являлся еще въ полномъ цвѣтѣ жизни и молодости. Явно было, что смерть печально схватила его, что громовый ударъ прервалъ бѣніе его сердца, остановилъ въ его жилахъ кипящую кровь. Онъ былъ такъ миловиденъ, такъ хорошъ, такъ привлекателенъ, что взорамъ жаль было проститься съ нимъ, или смотрѣть на него равнодушно. Его красота была изъ тѣхъ, которыя предвѣщаютъ силу, мысль, страсти, и взирая на закрытые глаза, нельзя было не угадывать, что нѣкогда они горѣли, сіяли и очаровывали. Выраженіе и игра фізіономіи покинули благородныя черты лица, но въ нихъ еще отражался отблескъ прекрасной души; но лучъ небесный озарялъ его высокій лобъ, полный идеальной чистоты, но улыбка еще не совсѣмъ слетѣла съ поблѣднѣвшихъ устъ. Голова была окружена прозрачною пеленою облаковъ, и мастерство художника умѣло заставить ее отдѣлиться отъ нихъ такъ искусно, что она казалась совсѣмъ выдавшеюся изъ богатой гебеновой рамы, украшенной золотою рѣзьбою.

За этимъ столомъ, передъ этою необыкновенною картиною, проводилъ Валевичъ большую часть дней, а иногда и безмолвные часы ночи. Разумется, думы его не могли быть свѣтлы и веселы въ присутствіи такихъ предметовъ, и потому, быть можетъ, не сообщалъ онъ никому своихъ думъ. Онъ велъ жизнь однообразную, выходилъ по долгу или необходимости, и неохотно принималъ своихъ сослуживцевъ. Когда-же кто изъ нихъ цѣплялся за него, Валевичъ немедленно закрывалъ занавѣсомъ и картину, и лампаду, и пистолеть, и никому не дозволено было разсмотрѣть ихъ болѣзнь. Его привычки были извѣстны; имъ никто не противорѣчилъ.

Валевичъ такъ сроднился съ своею чудною комнатою, что сосредоточилъ въ ней всю жизнь свою; онъ обжился съ нею, какъ монахъ съ своею кельею. Ему неловко было видѣть ея; онъ избѣгалъ всѣхъ случаевъ быть въ другомъ мѣстѣ. Многіе полагали, что онъ преданъ отвлеченнымъ наукамъ, и уединяется, чтобы заниматься ими свободно. Но въ опроверженіе этого мнѣнія замѣчали, что у него никогда не видали ни книгъ, ни какого либо ученаго снаряда. Ни одинъ журналъ не доходилъ до него; ничто не показывало, чтобы онъ занимался чѣмънибудь, исключая своихъ мыслей, или своихъ воспоминаній.

Этотъ особенный образъ жизни, это строгое одиночество Валевича тѣмъ болѣе удивляли всѣхъ окружавшихъ его, что судьба видимо создала его для совершенно противной цѣли. Онъ имѣлъ все, чтобы жить съ людьми по людски, и находить счастье и благосклонность на каждомъ шагѣ своемъ. Ему казалось немного болѣе 35 лѣтъ, и одаренный красивымъ станомъ и пріятнымъ лицомъ, онъ со стороны наружности не долженъ былъ, ни желать бо-

лѣе, ни завидовать другимъ. Быстрый умъ, истинное образованіе и отличное воспитаніе равно надѣлили его въ нравственномъ отношеніи. Онъ имѣлъ полное право гордиться своими предками и наследственнымъ честию своего имени. Знатность его родства и связей помѣщала его въ очеркъ уважительномъ и блестящемъ. Даже богатство осыпало его своими дарами, чтобы этому баловню судьбы не за что было упрекнуть ее, чтобы участь этого челоуѣка служила доказательствомъ, что она умѣетъ быть не врагомъ, а заботливою матерью, когда ей вздумается.

Подобныя преимущества возбудили сначала всю зависть офицеровъ Ф . . . . .скаго полка, когда Валевичъ, еще въ цвѣтущей молодости своей, былъ переведенъ къ нимъ изъ гвардіи за какой-то проступокъ, котораго начальники не разглашали, сберегая чувствительность виноватаго и гордость его родственниковъ. Всѣ взоры обращены были на новаго сослуживца, съ вниманіемъ, выжидавшимъ только случая, чтобы обратиться въ неприязнь. Но вскорѣ, неизлечимая задумчивость Валевича, и всѣ признаки душевнаго страданія, замѣченные въ немъ, доказали наблюдателямъ, что онъ былъ болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели зависти. Самолюбіе успокоилось; безобидный прищелецъ сдѣлался для всѣхъ предметомъ участія и доброжелательства.

Но любопытство не дремлетъ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ насъ, бѣдныхъ женщинъ, со временъ бабушки Еввы уличенныхъ въ любопытствѣ, и многіе старались разузнать подробности причину немилости, павшей на Валевича, въ надеждѣ имѣть ключъ къ истолкованію его странностей и его нелюдимства, потому что онъ съ первыхъ поръ отказался отъ веселаго собратства съ другими, и зажилъ своимъ таинственнымъ бытомъ. Къ сожалѣнію любопыт-

ныхъ, они не могли узнать ничего о прежней жизни Валевича, и онъ оставался для нихъ всегда загадочнымъ, всегда непонятнымъ.

III.

Le monde est monde partout....

P

Послѣ Турецкаго похода, полкъ, гдѣ служилъ Валевичъ, и гдѣ онъ отличался подвигами блистательной храбрости, пришелъ стоять въ главный городъ О...ской губерніи, къ общей радости жителей, а наиболее жителейца его. Важное событіе въ лѣтописяхъ провинціи приходъ полка, особенно по заключеніи славнаго мира и по окончаніи войны, благопріятной отечественному оружію. Все оживляется, все страхиваетъ долгій сонъ скуки и бездѣйствія. Купецъ сбываетъ съ рукъ свои залежалые запасы. Матушки готовятся сбить со двора засидѣвшихъ дочерей. Можете вообразить, какъ суетятся и тѣ и другія, какъ стараются наперерывъ выставлять свой товаръ лицомъ!... Во время войны уродилось много хлѣба, и повзросло много невестъ, хорошенкихъ, милыхъ, и всякихъ, а война, завербовавъ всѣхъ недорослей, всѣхъ молодыхъ помещиковъ, такъ опустошила бѣдный городъ, что двѣ зимы протекли безъ баловъ, и даже выборы начались, продолжались и кончились безъ малѣйшей вечеринки. Слѣдовательно, вступленіе полка было благовѣстомъ возстанія и суеты, и всеобщее ликование приветствовало побѣдителей Падишаха.

Любо было посмотреть, какъ переменились жен-

скія лица, долго окованныя великопостною важностью однообразной жизни. Любо было послушать, какъ стали толковать о нарядахъ, какъ стали задабривать отцовъ и мужей, чтобы вымапанными кнѣпами цвѣтныхъ бумажекъ расплатиться съ вожделѣннымъ Московскимъ Кузнецкимъ Мостомъ. Но преданіе говорить, что любопытнѣе всего было хоть на одинъ мигъ, заглянуть въ сердца двушекъ, или прислушаться къ разговорамъ въ уборныхъ, и родительскимъ наставленіямъ домашнихъ комитетовъ. Какъ стали любить прогулки и чистый воздухъ!... Какъ часто стали ходить къ обѣднѣ!

Дворянство собиралось дать великолѣпный балъ, и всѣ офицеры были приглашены, вообще и частно, вкупъ и порознь. Утрюмый Валевичъ отказался было отъ приглашенія, но дивизионный генераль требовалъ отъ него, чтобы онъ показался въ собраніи О...скихъ знаменитостей. Старикъ любилъ его, какъ сына, и хвасталъ имъ, какъ продавецъ птицъ ученымъ попугаемъ; онъ едва не считалъ Валевича своею собственностью, и усердно старался выказывать его при всѣхъ важныхъ случаяхъ, при инспекторскихъ смотрахъ и губернскихъ праздникахъ.

И въ этомъ старикъ былъ правъ. Лишь только его любимецъ показался, блѣдный и задумчивый, разсѣянный и равнодушный, всѣ двушки обратили на него все свое вниманіе. Между ними были воспитанницы Московскихъ пансіоновъ, прочитавшія тайкомъ Байрона въ плохомъ переводѣ, Виконта д'Арленкура во всей безтолковости подлинника. Онъ, воображая видѣть въ Валевичѣ героя романа, немедленно стали преслѣдовать его взорами и мечтами. Другія, коренныя обитательницы помѣстьевъ, были только знакомы съ всемірнымъ

Объгннмъ, и потому ихъ восхищеніе выражалось искаженнымъ стихомъ Пушкина, бѣднаго Пушкина, такъ часто переписываемого ошибочно не-поэтическими руками, что его прелестныя поэмы обратились въ жалкія пародіи. Эта страсть переписывать все, что является на родномъ языкѣ, отрасль экономіи, усердно употребляемая *узднѣли барышнями* — это зло неизлечимое и неизбѣжное, какъ подъячіе. Это наша родная *malattia*.

«Ахъ, ma chère!» говорила предводительская дочь, небрежно поправляя букли подозрительно-блѣкурья — «онъ точно Лара, точно Глуръ, и танцевень и мраченъ, и съ большими черными глазами! Ты не знаешь, женатъ ли онъ?...

— Посмотрите, возразила племянница коменданта, безприданница, давно пережившая годы опеки и попечительства, — посмотрите какъ онъ *интересенъ*, прямой жилецъ нездѣшняго міра, бездольный сынъ злополучія!... Не слышать, сколько душъ за нимъ?...

Такъ то разсуждали о Валевичѣ, въ томъ углу комнаты, куда рѣдко доходили приглашенія разборчивыхъ кавалеровъ, и гдѣ зрѣлыя и созрѣвающія дѣвушки пѣли полный досугъ наблюдать и толковать вдоволь. Пригожепкіе — а ихъ и въ губерніяхъ очень много, танцовали безъ отдыха, отъ всей души, но и онѣ мимоходомъ успѣвали замѣтить очарователя своихъ подругъ, и онѣ находили или выдумывали случай пропорхнуть передъ нимъ, надѣясь каждая про себя, что если общая веселость безсильна заманить каменнаго гостя въ вихоръ танцовъ, то *ей* онъ не можетъ противостать, и долженъ будетъ къ ея ногамъ принести повинную голову съ приглашеніемъ. Однако жъ всѣ

были обмануты въ своихъ видахъ. Валевичъ не покидалъ своего мѣста во весь вечеръ.

Начался котиліонъ. Тутъ невинный предметъ всѣхъ тщеславій собранія не зналъ, куда уйти, и какъ отказать отъ непрерывныхъ набѣговъ выбирающихъ дамъ. То его приглашали *горѣть*, или по крайности *обмануть*; то его приглашали искать *simpatia*; то къ нему, потупя глаза, приближались *pensée* и *sensitive*, прося его избрать одну изъ нихъ. Вотще увѣрялъ онъ честью, что никогда не танцуетъ; гостепріимныя *патріотки** не отставали отъ него, и не давали ему ни отдыха, ни сроку.

Партія матушекъ между тѣмъ не зѣвала: вскорѣ были собраны всѣ свѣдѣнія о Валевичѣ, о его родствѣ, имѣніи и доходахъ, и кумушки (гдѣ-жъ ихъ не найти?) разнесли эти вѣсти по всѣмъ предводительницамъ семействъ, могущихъ обнаружить притязанія на молодаго полковника. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ получилъ болѣе двадцати приглашеній къ помѣщикамъ въ городъ, за городъ, въ близкія и дальнія усадьбы, на именины, и запросто откушать и погостить. Онъ принималъ учтивости матушекъ точно такъ же, какъ попытки дочекъ, отговаривался отъ нихъ невозможностію отлучиться отъ должности, и оставилъ балъ не заглядѣвшись ни на одни глазки, не полюбовавшись ни одною ножкой, хотя часто свѣтлыя глазки привѣтно къ нему обращались, и много стройныхъ, маленькихъ ножекъ мелькали около него.

Это былъ однако первый балъ, на которомъ онъ присутствовалъ, съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ

* Къ военнымъ людямъ такъ и льнуть,
А потому что патріотки!...

Петербургга: Давно самолюбію его не приносили столько жертвъ, столько упонительныхъ предпочтеній, давно не бывалъ онъ въ чаду свѣтскихъ успѣховъ, давно присутствіемъ своимъ не волновалъ красавиць. Эти наслажденія его безпечной молодости должны-бъ были расшевелить и потрясти его воображеніе, если не сердце, и тѣ ощущенія, которыя слабѣютъ отъ частаго повторенія и освѣжаются послѣ долгаго сна, должны бѣ были могущественнѣе возстать въ груди и головѣ человѣка, долго невиданнаго свѣта въ праздничномъ нарядѣ.... Но ничего подобнаго не было.

IV.

Cet homme est desséché par les passions; aucune fraîcheur de jeunesse ne colore plus ses traits pétrifiés, sa bouche ne sait plus sourire. Il parle, il marche, il agit par habitude, par souvenir....

Жоржъ Зандъ.

И такъ вездѣ, въ уединеніи, въ толпѣ съ товарищами, въ присутствіи женщинъ, полковникъ Валевичъ сохранялъ свою непобѣдимую холодность, свое гордое, отчужденіе. Ни участіе людей, готовыхъ стать ему вѣрными друзьями, ни завлеченіе женскихъ приманокъ не могли поколебать его закаленного безчувствія. Вѣрно, на душѣ его лежитъ какая нибудь тайна, вѣрно онъ несчастливъ несчастьемъ сердца, вѣрно будущее не въ состояннн исцѣлить его, а прошедшее унесло въ бездну лѣтъ роковое событіе, навѣки сокрушившее судьбу его?...

Но чтобы человѣкъ его характера рѣшился самому себѣ сознаться въ злополучіи неисключимому, чтобы онъ рѣшился не таить отъ свѣта разтерзанныхъ ранъ своихъ, это злополучіе, эти раны должны превосходить мѣру твердости человѣческой. Чтобы поработить, чтобы погнуть душу, столь сильную, столь непреклонную — горе и несчастье должны быть глубоки, какъ море, какъ море всевластны и неукротимы.

Да, Валевичъ несчастливъ.

Но чѣмъ же больна его душа? Но какое чувство въ немъ страдаетъ?

Не женщина-ли заворожила его? Не былъ-ли онъ коварно обманутъ ея предательствомъ, ея измѣною? Не смерть-ли похитила у него возлюбленную?... Ужъ вѣрно онъ не могъ найти въ любви препону, которыхъ не рушила бы его воля, ужъ вѣрно ни чья власть не дерзнула бы отнять у него того, что онъ любилъ! Одно непостоянство, одна смерть могли побѣдить его.

Не пресыщеніе-ли, не злоупотребленіе-ли всѣхъ благъ жизни привели его къ преждевременному безчувствію, къ горькому посвященію въ разувѣрительныя истины бытія? Можетъ статься, черная фата презрѣнія облекла для него цѣлый міръ и все, что онъ вмѣщаетъ? Можетъ быть, его бурная молодость погубила, оборвала заранѣе всѣ цвѣты жизни, и онъ теперь осужденъ платить недобровольнымъ, бѣдственнымъ равнодушіемъ за безразсудное расточеніе чувствъ и мыслей своихъ. Можетъ быть, несчастный, на зарѣ своей жизни истратилъ онъ весь исбесный огонь, данный ему на длинный путь существованія — и полдень его безъ лучей и безъ свѣта, и вечеръ его будетъ холоденъ и мрвченъ!

Не самолюбіе-ли въ немъ оскорблено? Не руши-

лись-ли надъ главою оглушеннаго созидателя гордые замыслы, смѣлыя соображенія искателя почестей? ... Въроятно, Валевича сокрушаетъ исключеніе изъ гвардіи, и онъ не можетъ забыть блистательнаго поприща, закрывшагося внезапно передъ нимъ? Въроятно его сѣдаетъ обманутое честолюбіе, и старая рана не перестаетъ нѣть въ его сердцѣ?

Нѣтъ, нѣтъ! все не то.

Нѣтъ! никогда женщина не была властительницею этого необузданнаго существа. Никогда ея прихотливый превращенія не тревожили его сердца, руководимаго свѣтлымъ разсудкомъ. Онъ любилъ, но не тою чистою, пламенною, безкорыстною любовью, которую сулило благородство его души. Нѣтъ! онъ не зналъ, не испыталъ ничего подобнаго: онъ любилъ по-свѣтски, по-молодежьему. Онъ не жегъ ладона, не сотворялъ себѣ кумира, но выбиралъ игрушку, и утѣшался ею, пока глаза были ослѣплены ея красою, пока голосъ ея могъ принести ему сладкое волненіе. Онъ былъ повелителемъ, деспотомъ, судіею; онъ желѣзной волею переламывалъ причуды переменчивой, и покорялъ безхарактерность слабой. Онъ не требовалъ идеальнаго совершенства, не искалъ всепреданнаго сердца—нѣтъ! онъ хотѣлъ положительнаго, обыкновеннаго, того что встрѣчается легко и оставляется безъ усилій. Измѣны онъ не боялся, имѣя чудный талисманъ противъ нея и ея козней—онъ покидалъ первый, чтобы не быть покинутымъ. Смерть тоже не вооружалась противъ его многолетнихъ связей: она сторожитъ любовь истинную, она грозитъ любви несчастной, она разрываетъ безщадно священные союзы, но, Боже мой! что дѣлать ей въ чинно-устроенныхъ сортировкахъ свѣта? Ей извѣст-

но, что онъ и такъ непродолжительны. Ей извѣстно, что и безъ нея скоро рознятся разнокачественныя четы, собранныя случайно или прихотью, на единый мигъ, встрѣтившіяся безъ влеченья, расходящіяся безъ страданія. Нѣтъ! смерть ничего милаго не похищала у Валевича; онъ женщинамъ былъ обязанъ только красными минутами своей жизни; онъ не удостоилъ ихъ ни слезы, ни сожалѣнія!

Онъ не понималъ *разогарованья*, этой чумы нашихъ временъ, сообщенной бѣдному юношеству неосторожными исповѣдями нѣкоторыхъ страдальцевъ, людей, болѣе ожесточенныхъ противъ жизни, нежели полныхъ къ ней презрѣнію. Въро, что эти ропотствующіе болѣею частию поэты, сами себя обманывали неумышленно, утѣшались въ неудачахъ своихъ, облачаясь мантией подложнаго стоицизма, и принимая поклонныя науценія досады за презрѣніе отрезвившагося разсудка. Юнгъ, Руссо, Ламартинъ показали опасный примѣръ. Нѣтъ, они не были ни равнодушны къ измѣнившему счастью, ни разочарованы на счетъ истинныхъ благъ жизни; они опровергали то, что судьба отняла у нихъ; они въ собственныхъ глазахъ старались умалить его цѣну, чтобы утишить свои сожалѣнія. Они роптали, и ихъ бунтующее горе выражалось словами сокрушенія. Это всегда бываетъ съ опасно больными: они не хотятъ признать своего недуга, и называютъ его другимъ именемъ. Видя опасность, съ принужденнымъ спокойствіемъ говорятъ они о смерти, но жизнь никогда не бываетъ имъ такъ мила и такъ дорога! Толпа не разсуждала. Толпа повѣрила отчаянью и безучастью; она дивилась имъ, и вотъ слѣпыя послѣдователи и безсущественные повторители пред-

стали со всех сторон, и такъ прокричали о ничтожности всего земнаго и о собственномъ величии, что свѣтъ безъ осмотра согласился съ ними, принявъ ихъ рѣчи за истину, а ихъ за гениевъ, по ихъ же порукъ! И великій поэтъ вѣка, Байронъ, Богъ знаетъ почему, безъ его вѣдома произведенъ въ основатели этой школы, въ прототипы разочарованных — онъ, всю жизнь страдавшій дѣйствительными несчастіями, и угнетенный тяжестью существенныхъ скорбей!... Его, непонятаго оратора, брошеннаго супруга, рожденнаго съ органическимъ недостаткомъ, который мучилъ его самолюбіе, который проклиналъ онъ съ женскою суетностью, столь странно въ немъ, его обвинить въ безотчетной тоскѣ, въ болѣзни воображенія? — Но не имѣлъ ли онъ всехъ правъ пенять жребію и людямъ? Когда онъ, въ черныя свои минуты, говорилъ языкомъ ироніи и сарказма, не была-ли то любовничья ссора между имъ и природою, между имъ и жизнью? Когда онъ, и ему подобные, презрительно отталкиваютъ отъ себя чашу радостей и надеждъ, это не потому, что они упились — нѣтъ! потому, что они страдаютъ жаждою благъ, и знаютъ, что подносимая имъ чаша не довольно полна, не можетъ напоить ихъ до утоленія! Вотъ тайна душъ глубокострастныхъ! И добросовѣстный умъ Валевича рано постигъ эти истинны, и онъ не вѣрилъ разочарованью — онъ называлъ сплиномъ и хандрой здоровую мрачность мнимо-болящихъ. Что касается до эпикурейскаго пресъщенія Чайльдъ-Гарольдовъ и Онѣгвиныхъ, то онъ слишкомъ уважалъ себя самого, и потому не могъ поставить себя въ положеніе, въ которомъ можно было когда нибудь испытать его. Это казалось ему низко и ничтожно.

Валевичъ боготворилъ славу, особенно славу во-

енную; его душа ликовала на полѣ брани, среди мечей, опасностей и натисковъ смерти, гдѣ мужество находить себѣ просторъ, гдѣ личная храбрость борется со всеми соображеніями искусства, со всеми преимуществами силы массъ. И онъ любилъ войну собственно для войны, не считалъ ея средствомъ возвышенія, не желалъ ни власти, ни чиновъ. Но заслуженное отличіе, но выразительныя клики солдатской правды, когда онъ, смѣлый и пылкій, стремился въ бой, но блистательныя хвалы, съ которыми молва сочетала его имя — вотъ что цѣнилъ Валевичъ, что питало его гордость, удовлетворяло его самолюбію. Его приближенные увѣряли, что онъ въ минуту сраженія становился совершенно другимъ человекомъ. Его обыкновенная безжизненность смѣнялась дѣятельною и зоркою рѣшимостью. Вѣчное облако печали исчезало съ чела его; глаза его горѣли молніей; голосъ его величественно и сильно повѣдывалъ подчиненными, и онъ самъ, сражаясь какъ разъяренный левъ, бросался опрометью въ чашу съчи, въ пылъ огня, приказывал своимъ слѣдовать за нимъ. Явно было, что Валевичъ искалъ смерти. Но жребій его не выпадалъ, и онъ выходилъ невредимъ изъ боя, исключая нѣсколько неопасныхъ ранъ и контузій, о которыхъ онъ не позволялъ себѣ и говорить. Послѣ перваго дѣла, гдѣ онъ отличился, начальники хотѣли представить его къ переводу въ гвардію; онъ не допустилъ исполненія ихъ намѣреній, и твердо объявилъ свое желаніе остаться на прежнемъ мѣстѣ. Онъ не захотѣлъ промѣнять на позолоченную суетность Петербурга, ни строгаго рода своей жизни, ни знаменъ, подъ коими надѣялся скорѣе достигъ своей цѣли — желанной развязки существованія. Онъ радовался преимуществу опереживать прежнихъ това-

рищей, когда голосъ родины сзывалъ на рубежь битвъ; онъ съ восторгомъ разсчитывалъ, что въ рядахъ арміи, онъ ближе къ славъ, ближе къ смерти; что кровь его прежде крови другихъ могла пролиться, когда отечество потребуетъ жертвы, которою укрывается зданіе его величія. У каждаго свои мечты, свои надежды. Валевичу оставалось и тѣ и другія ограничить — сномъ могильнымъ.

Вы видите, что ни одно изъ предположеній нашихъ не оправдано, и что тайною Валевица не могло быть ни одно изъ тѣхъ страданій, которыя свойственны его годамъ, его положенію. Такъ чѣмъ же объяснить его?

Вотъ что восемь лѣтъ сряду спрашивали напрасно Ф.....скіе гусары, и на что ни одинъ изъ нихъ не могъ отвѣчать. Ихъ странный товарищъ успѣлъ однакожь снискать себѣ всю ихъ любовь и все уваженіе. Онъ при случаѣ доказывалъ, какая бездна добра и великодушія скрывалась подъ его уныніемъ. Онъ не разъ, совѣтами и попеченіями, спасалъ неопытность отъ гибели. Онъ не разъ сыпалъ золото, чтобы облегчить участь неимущихъ. Онъ не разъ входилъ въ дѣла семейныя, чтобы устроить счастье своихъ сослуживцевъ, и не разъ нѣжнымъ участіемъ залечивалъ сердечныя раны. Но готовый на помощь и услугу другимъ, онъ самъ никому не доверялся, и если кто нибудь хотѣлъ проникнуть въ его душу — холодомъ обдающая неприступность смѣняла тогчасъ его обычную обходительность.

V.

Quel est celui qui est sur de ne se jamais trahir?

Зимній вечеръ созвалъ нѣсколько гусаровъ къ Горцеву, одному изъ тѣхъ, которымъ судьба отвела уголокъ почище и попросторіи въ деревушкѣ, ими занимаемой. Кромѣ удовольствія отдохнуть и потолковать вмѣстѣ, гусаровъ собрало побужденіе, всѣмъ имъ общее. У нихъ было заведено между собою поочередно посылать въ ближайшій городъ за письмами и журналами, и въ тотъ вечеръ былъ именно почтовой день съ очередью Горцева.

Кто, не выѣзжая изъ многолюдныхъ городовъ, всегда находилъ занятіе и нищу въ новостяхъ, когда у него нѣтъ ни собственнаго дѣла, ни прибѣжища въ себѣ самомъ, тому трудно понять всю значительность, всю занимательность почтоваго дня для жителей уединенныхъ деревень, или для военныхъ, брошенныхъ въ совершенно отдѣльный очеркъ существованія, и рѣдко имѣющихъ сообщеніе съ міромъ, кипящимъ такъ далеко отъ нихъ, гдѣ у многихъ остались связи и отношенія, дорогія ихъ сердцамъ. Какъ ждуть, какъ жаждутъ вѣстей все тѣ, которые знаютъ разлуку съ близкими себѣ, или испытали волненіе ума, требующаго новизны и развлеченія!...

Гости Горцева, конечно, были знакомы съ ощущеніями, приносимыми почтой, ибо все они сошлись рано, молча раскуривали свои трубки, и нетерпѣливо поглядывали на дверь и на часы. Разговоръ не завязывался. Каждый ожидалъ, и преданный собственному раздумью, забывалъ замѣчать или прерывать раздумье прочихъ. Все желали пріѣзда

посланного; но сколько разных причин приводили въ дѣйствіе единодушное желаніе этого небольшого собранія! Одинъ ожидалъ оброка съ разоренныхъ крестьянъ, съ отчетомъ прикащика, ежегодно бросаемымъ въ печь безъ прочтенія. Другой боялся родительскихъ увѣщаній, вмѣсто звонкаго прибавленія, испрашиваемаго къ прежнимъ милостямъ. *Безродный* и *бездушный* политикъ заботился единственно о Доннѣ Маріи Португальской, или Ибрагимъ-Пашѣ, еженедѣльно занимавшихъ два, три часа его *fat-niente*. Молодой юнкеръ горѣлъ нетерпѣніемъ прочитатъ свое производство въ вожделѣнномъ Инвалидѣ, чтобы немедленно надѣть эполеты — эполеты, давно имъ приспанные, тщательно хранимые въ тайной шкатулкѣ, и навѣщаемые иногда, для поддержанія духа на стезяхъ службы, и ногъ въ стременахъ на манежныхъ упражненіяхъ. Кто готовился къ Іереміевскому плачу пѣжной половины, оставленной въ деревнѣ; кто заранѣе грызъ ногти, предвидя курсивное посланіе заимодавца. Немногіе съ сладкою надеждою и тихою радостью мечтали о почтѣ, но тѣ никому не сообщали чувствъ своихъ. Они ждали... они ждали нѣсколькихъ тоненькихъ страничекъ, мелко исписанныхъ въ клѣтку миленькой ручкою, тайкомъ, при покровительномъ сіяніи кіотнаго ночника.

О, для такихъ писемъ слѣдовало бѣл учредить особенную почту! Какая жалость подуматъ, что ихъ взвѣшиваютъ съ прочими, и зашиваютъ въ общій чемоданъ, между поздравленіемъ съ именинами старрой теткы и кредитною грамотою продавца саленныхъ свѣчь!... Какое несчастіе, что ихъ разносятъ жесткія и грязныя лапы почтальона!... Непремѣнно подамъ правительству *проектъ*, объ учрежденіи новаго пути сообщенія для любовныхъ посланій, и

увѣрена, что исполненіе его принесетъ казнѣ втрое больше дохода, чѣмъ вся почта Россіи вмѣстѣ — почти столько же, милостивыя государыни, сколько наши Парижскія *шали* и Лионскіе гро-гро!... По моему плану, съ этихъ избранныхъ писемъ не должно получать въсовыхъ денегъ, ни за холодную бумагу, ни за мертвый сургучъ, но высчитывать проценты за огненные выраженія страсти, за святые обѣты вѣрности. И сколько изъ моихъ знакомыхъ, къ концу года, нашли бы въ щегольской расходной книжкѣ: «Столько-то за признаніе П...у — столько-то за слово, данное Р...у — столько-то за клятву въ вѣчной любви Б—ву!»...

Не знаю, такимъ-ли размышленіямъ, или другимъ, предавались гости Горцева, когда дальній звукъ колокольчика возвѣстилъ имъ желаннаго гонца. Но навѣрно знаю, что все они вскочили съ своихъ мѣсть, выбѣжали на улицу, схватили разные пакеты, передавали ихъ изъ рукъ въ руки, и суетились, пока каждый не взялъ того, что ему слѣдовало. Тутъ воцарилось молчаніе. Все читали. Лишь изрѣдка тишина прерывалась восклицаніями удивленія, радости, или досады, но никто къ нимъ не прислушивался. Мало по малу, все письма дочитались, все умы успокоились; начались сообщенія новостей частныхъ и официальныхъ. Въ эту минуту, дверь растворилъ Валевичъ, иногда посѣщавшій вечернія бесѣды своихъ товарищей, болѣе въ званіи начальника, для соблюденія порядка, нежели по расположенію къ ихъ обществу. Но онъ всегда былъ увѣренъ, что обрадуетъ своимъ появленіемъ, и такая увѣренность побуждала его нелюдимость.

«А! Полковникъ... добро пожаловать — какъ вы меня обязали! Рѣдкій гость — садитесь!»... И хозяинъ свѣтлицы засуетился. — «Денщикъ! трубку

и чаю полковнику! Ступай проворнѣе! — Кстати, полковникъ, послушайте, сколько производствъ, сколько переменъ... Сейчасъ почти получили. — У кого-жь Инвалидъ?... А, Лосницкій, у тебя?... Пожалуйста, братецъ, читай вслухъ!»...

Лосницкій держалъ Инвалидъ, и пробѣгалъ его, отыскивая взоромъ занимательныя статьи, между тѣмъ, какъ маленькій юнкеръ, чрезъ плечо его, старался прочитать свое имя и производство.

«Господа, господа! сюда, слушайте!..» закричалъ вдругъ Лосницкій. — Вотъ дѣло не на шутку! Слушайте: «Военнымъ судомъ разжалованы, безъ выслуги, и лишены чиновъ и дворянства, поручикъ И...въ и корнетъ Б...къ.»

«Ахъ, какъ жаль!» сказали иные голоса.

— За что? Почему? — спросили другіе.

«Въ Инвалидъ болѣе ничего не сказано.»

— Какъ досадно! — Непонятно — жаль мнѣ бѣднаго поручика! — Да, и тотъ былъ славный мальчуганъ!...

«Постойте, господа — перервалъ Горцевъ, распечатывая еще одинъ огромный пакетъ—вотъ ко мнѣ нишутъ изъ Петербурга—моя кузина, старая дѣвушка — она знаетъ все сплетни городскія, бывалое и небывалое, и бывшее и будущее, и вспомнивъ, что я знакомъ съ обоими бѣдняками, она, вѣрно расскажетъ мнѣ ихъ исторію!...»

Все взоры, съ ожиданіемъ и безпокойствомъ устремились на Горцева. Онъ продолжалъ разбирать пространную эпистолу кузины. «Ахъ! да — такъ точно... Вотъ и объ этомъ!...»

— Проклятыя бабы! Ничего прямокомъ сказать не умѣютъ: страсть ихъ терять даромъ слова и время! Да еще все по-Французски, чтобы каждую немного дѣльную мысль разболтать цѣлымъ моремъ

водяныхъ фразъ!... La nouvelle qui fait événement... ces pauvres jeunes gens... quelle imprudence... Наконецъ!... Какъ? Что? Они дрались... оба ранены... они разжалованы за поединокъ!...»

— За поединокъ! — И все лица оживились, все умы откликнулись общему чувству. *Обида и честь*—эти два сильные побѣдителя мужчины, ложное истолкованіе которыхъ породило звѣрское, губительное злоупотребленіе — обида и честь пошли громкій отвѣтъ въ сердцахъ, кипящихъ жизнью и молодостью... Все сблизилось внезапно, все окружили Горцева, все молчали, но страсти говорили въ нихъ, и понимая одинъ другаго, все слѣдовали побужденію безпокойнаго любопытства.

Все?... Нѣтъ! не все. — Между тѣмъ, какъ слова: «за поединокъ» электризировали прочихъ, одинъ изъ присутствующихъ, будто громомъ пораженный, упалъ на свой стулъ, недвижимъ и полумертвъ. Чело его покрылось гробовою блѣдностью, и лицо покривилось мучительными судорогами. *Одного* голоса не доставало въ этомъ шумѣ трепещущихъ голосовъ. *Одинъ*, какъ отверженный, не смѣлъ раздѣлить общаго увлеченія, не сочувствовалъ ему, и лишь только немного опомнился, какъ убѣжалъ торопливо, и весь разстроенный.

— Гдѣ-жь полковникъ? Куда дѣвался Валевичъ!...

Вотъ что спросилъ каждый изъ офицеровъ, когда ихъ любопытство утомилось сообщеніемъ подробностей Петербургскаго поединка и его послѣдствій.

«Полковникъ изволили-съ уйти къ себѣ-съ. Имъ дѣлалось дурно-съ,» отвѣчала девица.

— Дурно? — переспросилъ кто-то.

«Да-съ, ваше благородіе-съ, дурно. Они даже помертвѣли, а какъ вышли на воздухъ, то изволили

зашататься. Я хотѣлъ было проводить до квартиры, но ихъ высокоблагородіе не позволили.»

— Странно — произнесъ Горцевъ, протяжно, и задумавшись.

«Что странно?»

— А такъ, ничего. Вы, вѣрно, никто не замѣтили: онъ не можетъ слышать о поединкѣ!

«Кто? Валевичъ?»

— Ну, да кто-жъ другой? Вотъ это даетъ мнѣ поводъ предполагать.... Да! я ужъ не въ первый разъ наблюдаю, и думаю, что теперь знаю почему онъ....

«Полно, полно, Горцевъ! Что за страсть у тебѣ отыскивать небывальщину и разгадывать малѣйшія движенія чловѣка? Романистъ!»

— Совсѣмъ не романистъ — возразилъ важно Горцевъ — но я хочу знать до основанія тѣхъ, кого называю друзьями, а Валевичъ, къ которому влечетъ меня всѣмъ сердцемъ, котораго я уважаю и цѣню высоко, онъ до сихъ поръ мнѣ неизвѣстенъ. Онъ, вѣрно, никогда самъ не разрѣшитъ моихъ сомнѣній. Онъ часто удивляетъ всѣхъ насъ, онъ непонятенъ, и я хочу его понять.»

«Но что-жъ ты заключаешь изъ его ухода?»

— Я заключаю, что разговоръ нашъ былъ ему неприятенъ, и припоминаю, что Валевичъ не терпитъ рѣчей о поединкахъ. Знаете-ли вы, что онъ едва не поссорился со мною, когда я въ Бессарабіи хотѣлъ проучить порядкомъ этого выскочку Красновидова? Знаете-ли вы, что онъ всю ночь провелъ у меня, уговаривая, убѣждая, спрашивая меня не вызывать Красновидова, и насильно удержалъ меня отъ дѣла съ нимъ? О, если бъ вы тогда посмотрѣли на Валевича, если бъ вы слышали его!... Какъ горлоч говорилъ онъ противъ поединковъ, какъ воз-

ставалъ онъ на обычай играть своимъ спокойствіемъ и жизнью другаго!... Довольно вамъ того, что онъ, злодѣй! поставилъ на своемъ, и не далъ мнѣ драться, а вы всѣ знаете, друзья, какъ это было мнѣ по-сердцу!...

«Такъ точно,» подхватилъ Лосницкій. «Теперь и я вспоминаю, что меня неоднократно поражало въ Валевичѣ его отвращеніе отъ дуэлей и дуэлистовъ. Какъ чловѣку, столь благородному и столь храброму, не быть приверженцемъ обычая, выставляющаго въ глазахъ свѣта храбрость и благородство?»

— Онъ самъ не имѣлъ дѣла ни съ кѣмъ, и это неудивительно, потому что мудрено итти съ нимъ ссориться безъ причины въ его медвѣжью нору. Но почему не терпитъ онъ, чтобы другіе перевѣдывались иногда пулей, или шпагой? Почему онъ арестовалъ меня и маленькаго Звидова, когда мы пошумѣли за какой-то вздоръ, тому пять лѣтъ назадъ? Это, помните.... Воля ваша, а я согласенъ съ Горцевымъ, что все это странно!... Не было-ли у него встарину какого нибудь поединка, очень жестокаго!

«Быть можетъ — это правдоподобно — возразили нѣкоторые, невольно увлеченные догадками двухъ наблюдателей.

— Но за что перевели его къ вамъ? — спросилъ юнкеръ.

«Вотъ этого именно никто не въ состояніи объяснить. Тогда мы напрасно старались развѣдать о жизни Валевича. Повѣсти объ ней никто намъ не сообщилъ. Говорятъ, будто начальники знали, но имъ не велѣно было разглашать.

VI.

.... thou shalt hear
My tale, my purpose....

Байронъ. Авид. пьеса.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ протекло послѣ того вечера, который нечаяннымъ обстоятельствомъ показалъ товарищамъ Валевича путь къ открытію его тайны. Съ тѣхъ поръ, ихъ любопытство все болѣе и болѣе возрастало, и въ совершенной беззанимательности ихъ быта, вдали отъ всякой новизны, отъ всѣхъ развлеченій, они предавались этому чувству со всѣмъ усердіемъ молодости и бездѣйствія. Много разъ пытались они, то просто, то стороной, завести съ Валевичемъ рѣчь о посидинкахъ, но онъ обыкновенно заминалъ разговоръ, а не то уходилъ отъ нихъ. Между тѣмъ, онъ, по-прежнему, продолжалъ исполнять рачительно всѣ обязанности службы, и проводить свое свободное время за чернымъ столомъ, передъ лнкомъ мертвеца.

Онъ полюбилъ особенно того молодого человека, который столь радостно ожидалъ права надѣть золотые эполеты. Савининъ — такъ назывался онъ — приходился дальнимъ родственникомъ Валевичу, и былъ отчасти порученъ ему своими родными. Добрый малый и съ умомъ, онъ былъ еще очень ребячливъ, довольно легкомысленъ, и потому Валевичу надлежало заботливо и продолжительно имъ заниматься. Но это принесло разсѣяніе мрачнымъ думамъ полковника, и онъ вскорѣ привязался къ Савинину, когда увидѣлъ въ немъ благодарность и готовность отвѣчать стараніямъ. Казалось даже, что пылкость и радушіе молодого человека немного согрѣли одинокое сердце его покровителя.

Савининъ занемогъ. Валевичъ, жертвуя своими привычками, ни на минуту не покидалъ его изголовья. Товарищи навѣщали больного по вечерамъ. Полковникъ иногда мѣшался въ ихъ бесѣду. Однажды, она обратилась на военные извѣстія, на Карлистовъ и Христиносовъ, на Сумалакареги и Родиля. Гусары напи единодушно скучали миромъ, и завидовали гидальгосамъ, въ случаѣ порубиться и прославиться на полѣ брани. Всѣхъ воспламененіе было Савининъ, не смотря на свою болѣзнь. Въ войнѣ, какъ въ любви, неопытные всегда нетерпѣливы и пылки; они готовы душу отдать первымъ глазкамъ, посулившимъ участіе; они готовы бросить жизнь свою первой пулѣ, просвиставшей надъ головою ихъ. Имъ сказали, что любовь и слава лучшіе дары существованія, и чтобы присвоить эти дары, чтобы насладиться ими, они стремятся на встрѣчу событіямъ, презирая неудачи и препоны. Какъ жаль, что этотъ жаръ не продолжителенъ; что обманъ разсвѣаетъ чадъ любви, а вѣтеръ уноситъ дымъ пороха; что отъ первой опохмѣляются, а отъ послѣдняго можно закопѣть!.... Какъ жаль, что прекраснѣйшія чувства скорѣе прочихъ исчезаютъ, менѣе прочихъ не прибавляются въ груди человѣческой!.... Но это общій законъ всего, искони царствующій порядокъ: прелестный изъ всѣхъ цвѣтотъ весны, цвѣтъ сирени, живетъ только недѣлю, а сосны и ели не знаютъ увяданія....

Увлеченный въ тридцатый край своихъ любимыхъ мечтаній, рзвый Савининъ живо выражалъ свое горе, упрекалъ судьбу, что онъ не былъ еще обстрѣлянъ вражьиимъ огнемъ.

«Вотъ господа», говорилъ онъ — вы всѣ счастливые меня: вы переходили за Балканы; вы брали Варшаву, нѣкоторые даже и въ Персію пропли по-

бдительнымъ походомъ,.... а я?... Полтора года служу, и неприятеля въ глаза не видывалъ!.... Въдѣ, надобно же быть такой бѣдѣ, что я не умѣлъ родится пятью годами прежде!

— Ну, Савининъ — отвѣчали ему — ты скоро вымолишь нашествіе Татаръ, чтобы только было тебѣ съ кѣмъ повоевать.

«А чѣмъ Татары не честные враги, достойные нашего оружія?... Удальцы, наѣзники, богатыри, стоятъ какогонибудь труса, хвастуна Француза или пресмыкающагося полу-жида!....»

— Савинину стоятъ только прибѣгнуть къ покровительницамъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ перелюбилъ; ихъ наберется такъ много, что онъ безъ хлопотъ устроитъ ему чудо. Какъ манна къ прадѣдамъ Израиля, къ намъ на голову, прямо сюда, въ село, съ облаковъ посыплется Татары съ новыми Мамаями, пофехтуютъ съ Савининымъ, и пропадутъ сквозь землю — а, не правда-ли?

«А онъ останется доволенъ и счастливъ.»

Савининъ нахмурился. «Шутите, шутите вдоволь! А мнѣ часто така охота обновить затворницу саблю, что всѣмъ сердцемъ прошу я Бога — послать мнѣ хоть какойнибудь случай порубиться.... хоть бы одинъ поединокъ!....»

— Поединокъ?... Безумецъ! — проговорилъ отрывисто звучный голосъ — «На поединокъ? Ты?... Тебѣ пролить кровь товарища, кровь друга.... потомъ.... Знаете ли вы, что такое угрызеніе совѣсти, совѣсти неумолимой, неусыпной совѣсти?... Понимаешь ли ты, что можно цѣлые годы, цѣлую жизнь протомиться подъ бременемъ совѣсти, занятнаго преступленіемъ?....»

Всѣ вздрогнули. Въ этихъ словахъ раздался крикъ души. Они были произнесены съ такимъ от-

зывомъ искренности и горести, что ни чья безопасность противъ нихъ не устояла. Самъ Савининъ оставилъ удивленный, и повѣса, за минуту прежде кичливый и своенравный до буйства, съ глубокимъ чувствомъ схватилъ руку Валевича.

«Полковникъ! что съ вами?... Ради Бога успокойтесь....»

Но полковникъ былъ уже спокоенъ. Блѣдный и, недвижный, онъ успѣлъ укротить неудержимый невольный порывъ свой. Онъ призвалъ на помощь всю силу своей воли, всю твердость своего характера. Онъ возвратился къ своей роли, заученной роли; онъ съ обыкновенною гордостью хотѣлъ закрыть свою рану.... Но было уже поздно — онъ проговорился не вѣще — онъ былъ понятъ, и его рука, судорожно сжимавшая взбунтованное сердце, подтверждала только, что эта потаенная рана всегда ныла, всегда точилась кровью.

Его обступили. Его умоляли не скрывать долѣе своей мрачной повѣсти. Его постигли вдругъ, его постигли вполне — и этотъ человекъ, молчавшій цѣлые годы, въ одну урочную минуту открывшійся безвозвратно, овладѣлъ всѣмъ участіемъ, всѣмъ вниманіемъ предстоившихъ. Среди всѣхъ этихъ молодыхъ людей, пораженныхъ появленіемъ необыкновеннаго характера, съ необыкновенными страданіями, онъ являлся какъ царь, изъ устъ котораго каждый ждетъ своего приговора. Человекъ высшаго разряда вдругъ выдался изъ толпы — и толпа невольно заблагоговѣла. Полковникъ неумышленно поразилъ воображеніе, и съ того часа, онъ поднялся въ мнѣніи другихъ до степени величія.

Настоятельно, убѣдительно просили всѣ его рассказать о своемъ поединкѣ, ибо никто уже не сомнѣвался, что поединокъ былъ вѣчною тайною его

жизни, тайною роковой и полною страшной занимательности. Савининъ былъ настойчивѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ. Долго еще зацѣпился Валевичъ, долго содрогался онъ при мысли — одѣтъ въ слова демона, терзающаго сердце его, отыскать на днѣ встревоженной памяти подробности, которыя онъ въ теченіе многихъ лѣтъ старался забыть навѣки.. Наконецъ, взоры его уныло остановились на молодомъ питомцѣ. Новая мысль, казалось, возникла въ умѣ его.

«Въ урокъ тебѣ!» сказала онъ, со вздохомъ. «Слушай, и пусть мой бѣдственный примѣръ удержитъ тебя на пути гибельнаго предрасудка. Я готовъ — извольте слушать!....»

VII.

Il était de ce monde ou les plus belles choses

Ont le pire destin . . . .

(*Très-voilà adage.*)

She speak'd not, she trac'd not, she breath'd
not his name,

There was grief in the sound, there was guilt
in the fame:

But the tear which now burns on her cheek
may impart

The deep thoughts that dwell in that silence
of heart!....

Байронъ, MISCELLANIES.

Не удивляйтесь мнѣ, не осуждайте меня законами шившихъ мнѣній, которыя далеки уже отъ мнѣній и понятій, господствовавшихъ во время моей молодости, тому лѣтъ съ десять. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, и новое поколѣніе не можетъ понять того, что сильно и глубоко дѣйствовало на насъ. Теперь поединки стали рѣдки. Они выходятъ изъ предѣловъ всѣдневнаго обычая; они поражаютъ общее вниманіе; объ нихъ говорятъ долго, съ ува-

сомъ и состраданіемъ, объ нихъ помнятъ съ чувствомъ скорби. Но въ мое время, они были случасмъ обыкновеннымъ, не исключительнымъ; они насчитывались десятками, и отнюдь не останавливали вниманія. Благодаря неоспоримому разлитію умѣренныхъ мыслей просвѣщенія, мало по малу изглаживаются послѣдніе, упорные слѣды варварскихъ временъ и правовъ, и наслѣдіе Среднихъ Вѣковъ, жалкіе предрасудки, подъ игомъ которыхъ долго стонали всѣ народы, всѣ государства Европы, постепенно уступаютъ здравому смыслу. Не много старѣе я васъ, товарищи, но уже много пережилъ заблужденій, и мои глаза видѣли много усовершенствованій въ произвольныхъ сужденіяхъ общежитія.

Въ ту пору, лѣва Среднихъ Вѣковъ саражала еще умы ложными понятіями о чести, и во имя благороднѣйшаго, чистѣйшаго чувствованія, во имя чести, совершались дѣла, противныя всѣмъ уставамъ нравственности, справедливости, и челоуѣколюбія. Поединокъ почитался безвиннымъ средствомъ доказать личную храбрость, благопріятнымъ случаемъ заслужить извѣстность, проучить друга и недруга, избавиться отъ соперника. Дуэлистъ былъ уважаемъ товарищами, и хорошо принять въ кругу женщинъ, особенно если дрался за женщину, или за то, чтобы обезславить женщину. И многіе изъ насъ за счастье вмѣняли себѣ быть герольди, или, по крайней мѣрѣ, свидѣтелями поединка. Я помню челоуѣка, который три года носилъ черную повязку на лбу, послѣ знаменитаго поединка, гдѣ онъ былъ секундантомъ, хотя не былъ даже оцарапанъ. Большой краснобай, онъ рассказывалъ мастерски о своихъ мнимыхъ ранахъ, своемъ великодушномъ посредничествѣ, гоненіяхъ, которымъ подвергся, и женщины, съ смѣшнымъ легковѣріемъ, воздвигли

обелискъ славы искусному ловителю ихъ благосклонности! Спасительная строгость законовъ не удерживала новыхъ рыцарей, искателей приключеній — рубились и стрѣлялись безпрестанно, и когда дѣло кончалось худо, убитаго хоронили съ почестями, а осужденнаго осматривали участіемъ.

Теперь, когда годы и раскаяніе преобразили во мнѣ прежняго, стараго челоука, теперь безъ ужаса не могу вспомнить, съ какимъ легкомысліемъ прощавлялъ я дерзость, съ какою увѣренностью облекалъ убійство именемъ доблести! Поединокъ — это испытаніе, гдѣ сильный непременно попираетъ слабого, гдѣ виновный оправдывается кровью побѣжденнаго, гдѣ хладнокровіе бездушія одолеваетъ неопытную пылкость, ослѣпленную страстью и заранѣе обезоруженную собственнымъ волненіемъ, поединокъ — это убійство дневное, руководствуемое правилами!... И на какихъ правилахъ, Боже мой! основанъ онъ, свирѣпый поединокъ!.. Какал странная, какал чудовищная изысканность опредѣлила законы дѣлу беззаконному, разсчитала возможности смертоубійства, назначила случаи, позволяющіе челоуку безупречно мѣтить въ свою жертву, обезоруженную, если ему выпадетъ выигрывать въ этой безнравственной лоттерей!... Врагъ можетъ вредить вамъ безотчетно, можетъ ограбить васъ, оторвать близкое вашему сердцу, подкосить у васъ подъ ногами цвѣты надежды вашей, лишь бы все это дѣлалось учтиво, съ соблюденіемъ приличій, съ предательною улыбкою свѣта — и вы молчите, и онъ безопасенъ, и онъ проходитъ мимо васъ съ торжественнымъ взоромъ ненависти, а вы, снѣдая свое сердце, вы ждете часа и времени, чтобъ имѣть право отмстить ему. Вы велите стихнуть вашему негодованію, вы говорите: «Погоди», кипящей враждѣ вашей, и ценужная

сталъ трепещетъ между тѣмъ въ своихъ ножнахъ, близъ вашего сердца.... А! какъ вы добродѣтельны, какъ великодушны, какъ умѣете вы прощать обиду!... Но незнакомый печально толкнулъ васъ, или занялъ безъ вѣдома ваше мѣсто, но другъ, въ минуту забвенія и запальчивости, или обезумленный чащею веселья, оскорбилъ васъ единымъ словомъ, словомъ, отвергаемымъ его разсудкомъ и сердцемъ, опровергаемымъ годами преданности — и вы бѣжите на бой съ нимъ, и только кровь, только жизнь могутъ удовлетворить вашему самолюбію, вашей чести! Иногда вы сами виноваты, вы чувствуете это — совѣсть, или привязанность, вопіютъ въ васъ; отъ глубины души желали - бы вы возвратить гибельное слово, выкупить мгновенный проступокъ, но предразсудокъ тутъ, но онъ велитъ, но свѣтъ смотритъ на васъ, готовый замарать васъ своимъ презрѣніемъ, своими насмѣшками... Станутъ сомнѣваться въ вашей храбрости, въ вашей чести — *въ чести* — и вы предпочитаете пятно крови пятну охужденія, вы сражаетесь, вы убиваете — вы довольны!... Что за бѣда, если съ вами останется совѣсть, если раскаяніе захватитъ васъ въ свои сожигающіе когти... Вы спасли, вы застраховали вашу *честь*!...

Стыжусь сказать — я не отставалъ отъ своихъ сверстниковъ; не только раздѣлялъ я ихъ опасныя мнѣнія, но еще отличался между ними щекотливостью и надмѣнностью. Раза два случилось мнѣ проколоть руку, прострѣлить мундиръ пріятелю, и скоро прослылъ я героемъ въ гостиныхъ своихъ знакомыхъ, скоро обраталась со мною шайка друзей, усердно прославлявшихъ меня, мои слова и поступки, и даже мою прическу. Они подражали мнѣ; я давалъ *тонъ*, былъ образцемъ ловкости, представлялъ въ свѣтъ моихъ приверженцевъ, по-

кровительствоваля однихъ, поддерживалъ другихъ — словомъ, меня такъ избаловалъ свѣтъ, успѣхи такъ вскружили мою голову, что я не могъ уже имѣть себѣ ни равнаго, ни подобнаго. Я окружилъ себя только тѣми, чье знакомство, по знатности или богатству ихъ, льстило моему тщеславію. Отрасли стариннѣйшихъ бояръ Россіи, и члены лучшихъ домовъ столицы стали *вседневыли* моими *короткили*. Горе тогда было молодымъ людямъ, поступавшимъ въ нашъ полкъ, или являвшимся на сценѣ нашего круга! Они подвергались строжайшему разбору, и не разъ, тихо-молчкомъ, выживали мы новобранца, или исключали изъ своего знакомства того, кто приходился намъ не по плечу. Я навлекъ на себя много недоброхотовъ, но былъ любимъ своими, былъ отличенъ женщинами — могли ли касаться меня невыгодные отзывы постороннихъ?... Напротивъ, я повторялъ себѣ, что истинное достоинство не можетъ существовать безъ завистниковъ.

Самъ я, друзья, не таковъ былъ тогда, какимъ вы меня видите теперь! Молодъ, богатъ, безпеченъ, я не бѣгалъ отъ людей, не таилъ въ уединеніи грызущихъ мученій, неизгладимыхъ воспоминаній, но живо и весело предавался всѣмъ наслажденіямъ суеты и роскоши, всѣмъ удовольствіямъ избранныхъ этого свѣта, гдѣ сердца оставляютъ въ сторонѣ, чтобы жить однимъ воображеніемъ, чтобы въриве веселиться, не опасаясь ни страданій, ни страстей. Впрочемъ, и тутъ не обойдется безъ исключеній, и тутъ, хотя рѣдко, попадаются души своеобразныя, которые не шутятъ ни жизнью, ни собою. Какъ знать, что мишура и цвѣты скрываютъ подъ своимъ наружнымъ блескомъ?...

Мнѣ случилось пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ своемъ имѣніи. Въ это время опредѣлился къ намъ

въ полкъ пріѣзжій изъ Москвы, который скоро сдѣлался предметомъ ненависти всѣхъ моихъ пріятелей. Новичокъ не принялъ ни доброжелательства, ни пренебреженія; онъ не искалъ ни въ комъ расположенія и дружбы, ни у кого не просилъ знакомства, и съ первыхъ дней своего прибытія оскорбилъ всѣ самолюбія, возбудилъ всѣ неудовольствія своимъ безпримѣрнымъ поведеніемъ. Не только не дѣлалъ онъ первыхъ шаговъ къ сближенію съ новыми товарищами, не только не сводилъ онъ съ ними тѣсныхъ связей, но казался избѣгающимъ ихъ. Онъ не любилъ вольнаго общества молодежи; онъ не пилъ шампанскаго, не бралъ картъ въ руки, и всѣ покушенія *обратить* его или *вышкочить*, оставались безуспѣшны. Онъ съ виду былъ робокъ и кротокъ, но на дѣлѣ упрямъ и непоколебимъ. Мои товарищи жаловались наперерывъ на недоступнаго принца, бранили его жестоко въ своихъ нисемахъ, и вызывали меня испытать надъ нимъ всевластіе моего краснорѣчія и моего вліянія.

Я возвратился, и нашелъ въ Алексѣ Дольскомъ совершенно противное тому, чего ожидалъ. Съ перваго взгляда открылось мнѣ, что его судили съ пристрастіемъ, и что блистательныя качества таились подъ его холодною оболочкою. Въмѣсто ребенка, котораго мнѣ надлежало пересоздать по нашему, я увидѣлъ челоуѣка самостоятельнаго, съ умомъ и душею, который заранѣе предначерталъ себѣ путь и слѣдовалъ по немъ, не заботясь о чужой цѣли и чужой дорогѣ. Я тотчасъ понялъ, что его не побѣдишь ни насмѣшкой, ни лаской. Я угадалъ, что если онъ чуждался насъ, то это было потому, что въ его существѣ было многое противорѣчное всѣмъ намъ. Онъ попалъ не въ свой міръ; его настоящая сфера была выше, свѣтлѣе, чистѣе нашей.

Однако жъ самолюбіе было вполонивъ, и я не отдалъ игры, не попытавшись на нее. Я рѣшилъ, или выманить доврїе Дольскаго, и быть ему хорошимъ прїателемъ, или преслѣдовать его булавочной войной, и заставить его избавить моихъ товарищей отъ своего присутствїя.

Началось тактикой обольщенїя. Отложивъ гордость до другаго случая, я упрелдиль Дольскаго пощенїемъ, осыпалъ его вѣжливостями. Это его удивило, и, я могъ замѣтить, даже польстило ему. Онъ отвѣчалъ учтивостью за учтивость, былъ благодаренъ мнѣ, но — болѣе ничего, и онъ опять не выходилъ изъ предѣловъ своей уклончивости. Мы видались часто, встрѣчались съ удовольствїемъ, но наши отношенїя не становились, ни искреннїе, ни короче, и мой Дольскїй не сближался. Съ каждымъ днемъ чувствовалъ я себя все болѣе и болѣе увлеченнымъ его благородными свойствами и милою его странностью. Разговоръ его вознаграждалъ меня своею живою занимательностью за вялую безмысленность моихъ *седневныхъ*. Алексѣй былъ одаренъ блистательнымъ умомъ, игривымъ воображенїемъ. Онъ былъ еще въ первомъ цвѣтѣ молодости, и рѣчи его были столь же молоды, веселы и непринужденны, какъ онъ самъ. Я не могъ дать себѣ отчета въ порывахъ, дотолѣ мнѣ вовсе неизвѣстныхъ, но понималъ, что въ душѣ моей что-то сильно говорило за Дольскаго, и что я былъ готовъ полюбить его, какъ брата. Я стыдился своихъ новыхъ впечатлѣній, издавна привыкнувъ не вѣрить безкорыстной дружбѣ. Шумное товарищество съ модными повѣсами заглушило во мнѣ потребность задушевной привязанности, основанной на взаимномъ уваженїи, и мнѣ было дивно, что во мнѣ проснулася мысль о возможности связи по сердцу, истинной, дружеской связи. И то

именно мнѣ нравилось въ Алексѣѣ, что я отгадывалъ въ немъ совершенно инья чувства, противоположный образъ мыслей. Онъ еще ничего не испыталъ, но обо всемъ намечтался. Онъ вѣрилъ, и высокой, безконечной дружбѣ, и самоотверженїю, и добродѣтели безъ прїязанїй. Онъ вѣрилъ еще пламеннѣе женщинамъ, и любви святой и возвышенной. Онъ былъ *съ нами*, но *не изъ насъ*. Страсти его были новы, жарки, сильны; онъ понималъ свою душу, и хотѣлъ оберечь ее чистою голубицею между коршуновъ честолюбія и среди воробьевъ легкомыслія, его окружавшихъ.

И для того-то убѣгалъ онъ насъ, уже избалованныхъ дѣтей свѣта, и для того-то обвивался онъ тихимъ безмолвїемъ своимъ, спасаясь благочестивымъ оспоминанїями дѣтства, чтобы не заразиться вашими заблужденїями. Онъ сказалъ себѣ, дитя съ горячимъ сердцемъ: «Не истощу ни одной мысли, не утрачу ни единого чувства понапрасну — все, все къ ногамъ единой!» — сказалъ, и ненарушимо хранилъ собственный завѣтъ, и съ гордымъ презрѣнїемъ смотрѣлъ издали на насъ, бросающихъ на вѣтеръ лучшія мгновенїя молодости. Онъ долженъ былъ родиться поэтомъ. Онъ никогда не писалъ стиховъ, но я разобралъ въ немъ зародышъ свѣтлаго дара, ему самому неизвѣтнаго, и слышалъ отголоски чудныхъ гимновъ въ порывахъ его неопытныхъ думъ. Онъ былъ прекрасенъ, прекрасенъ не положительною красотою древнихъ мраморовъ, Антїноя, или Аполлона Бельведерскаго, но прекрасенъ всеми идеальными прелестями, всеми духовными отѣнками новѣйшихъ творенїй рѣзца Англїйскихъ художниковъ — прекрасенъ, какъ фантастическія головы Вильгельма Мїерса! Его черты были тонки и нѣжны, свѣтились умомъ и чувствомъ. Его лицо

сило выраженіемъ, и яркая живость составляла главную его прелесть. Къ тому же, плавная пріятность его пріемовъ, изящность, точно женская, его вкуса и привычекъ, все въ немъ обнаруживало воспитаніе, полученное отъ женщины, все доказывало, что онъ долго былъ несмѣнною мечтою, первою и любимою заботою женщины, просвѣщенной и чувствительной.

Онъ возбуждалъ мое полное участіе, мое удивленіе. Я смотрѣлъ на него, какъ на выселенца изъ лучшаго края, мнѣ невѣдомаго, какъ на свѣтлое видѣніе, мимоходомъ заметвшее въ омутъ житейской суетности. Я не могъ себя представить, что его ожидала участь, равная участи обыкновенныхъ, что онъ будетъ круговращаться тѣми же стезями — потащется, поволочится, женится, получить чинъ, постарѣеть... все это казалось мнѣ неприличнымъ для него, несомвѣстнымъ ему. Я не могъ вообразить Дольскаго иначе, какъ молодымъ, и по виду и по душѣ. Я наблюдалъ за нимъ, и находилъ невыразимое удовольствіе въ этомъ наблюденіи характера, столь новаго для меня, созданія вседобраго, всесчастливаго. Сообщеніе съ нимъ освѣжало мою душу, опаленную зноемъ и сухостью свѣтскаго быта, или, лучше сказать, при немъ начиналъ я чувствовать, что у меня есть душа, способная къ иному образу жизни и помысленій. Я былъ умилень, и — въкъ не забуду я, что обязанъ знакомству Дольскаго чувствами и повлгѣями, какихъ ни одна обворожительница позлащенныхъ души, которой у нея не бывало, и присвоиваньемъ мыслей, изученныхъ въ книгахъ.

Алексѣй не зналъ, не замѣчалъ моей переменъ. Онъ не видалъ меня прежде, во всемъ сумасбродствѣ моей разсѣянности, и потому, полагалъ меня

точно такимъ всегда, какимъ становился я для него. Онъ началъ привыкать ко мнѣ. Я дорожилъ его уваженіемъ, боялся испугать его раждающею добѣріею, и невольно доходилъ до лицемѣрія, чтобы не потерять его дружбы. Мы сблизились, и прежній заговоръ далеко былъ отъ моей памяти, и я не думалъ уже, что обѣщался подчинить его безусловно тому вихрю, въ которомъ жилъ самъ. Но другіе за меня помнили, другіе твердили мнѣ слова мои, смѣялись тщетности моихъ усилій, шутили надо мною и — проснувшись отъ непривычнаго расположенія, уязвленный колкостями прежнихъ единомышленниковъ, я не захотѣлъ придать себѣ *страшности*, не захотѣлъ потерять выгоды моего блестящаго положенія въ свѣтѣ, ослабивъ свое вліяніе надъ товарищами... Я повиновался самолюбію, и внезапно удался отъ Дольскаго. Настала зима. Водоворотъ свѣта умчалъ меня во всѣ свои волненія, и вскорѣ потерялъ я изъ виду и Алексѣя, и минутное ослепленіе моей головы.

Тогда на первыхъ ступеняхъ моды блистала красавица, за которою многіе ходили съ отверженными ея оміамомъ и пылающимъ сердцемъ. Она года три прожила, протанцовала во всѣхъ залахъ высшаго круга, и оставалась незамѣченной въ толпѣ красотъ всякаго разбора и всякаго рода. Но однажды, на большомъ раутѣ, ей случилось явиться въ какомъ-то новоизобрѣтенномъ нарядѣ, который былъ ей очень къ лицу — она произвела впечатлѣніе; съ той поры зависть женщинъ выказала ее вниманію мужчинъ. Одинъ изъ законодательей общества, то есть, одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые успѣхами и притязаніями укрѣпили за собою право рѣшать судьбу женщинъ, быть судьями ихъ красоты, ума и пріятностей, одинъ изъ нихъ только что поссорился тогда съ знатною

сіяло выраженіемъ, и яркая живость составляла главную его прелесть. Къ тому же, плавная пріятность его пріемовъ, изящность, точно женская, его вкуса и привычекъ, все въ немъ обнаруживало воспитаніе, полученное отъ женщины, все доказывало, что онъ долго былъ несмынною мечтою, первою и любимую заботою женщины, просвѣщенной и чувствительной.

Онъ возбуждалъ мое полное участіе, мое удивленіе. Я смотрѣлъ на него, какъ на выселенца изъ лучшаго края, мнѣ невѣдомаго, какъ на свѣтлое видѣніе, мимоходомъ залетѣвшее въ омутъ житейской суетности. Я не могъ себѣ представить, что его ожидала участь, равная участи обыкновенныхъ, что онъ будетъ круговращаться тѣми же стезями — потанцуетъ, поволочится, женится, получить чинъ, поста-рѣтъ . . . все это казалось мнѣ неприличнымъ для него, несомвѣстнымъ ему. Я не могъ вообразить Дольскаго иначе, какъ молодымъ, и по виду и по дунѣ. Я наблюдалъ за нимъ, и находилъ пѣвыразимое удовольствіе въ этомъ наблюденіи характера, столь новаго для меня, созданія вседобраго, всесчастливаго. Сообщеніе съ нимъ освѣжало мою душу, опаленную зноемъ и сухостью свѣтскаго быта, или, лучше сказать, при немъ начиналъ я чувствовать, что у меня есть душа, способная къ иному образу жизни и помыслиній. Я былъ умиленъ, и — вѣкъ не забуду я, что обязанъ знакомству Дольскаго чувствами и помыслиніемъ, ка-кихъ ни одна обворожительница позлащенныхъ хо-ромъ не внушала мнѣ притворствомъ души, кото-рой у нея не бывало, и присвоиваньемъ мыслей, изученныхъ въ книгахъ.

Алексѣй не зналъ, не замѣчалъ моей перемѣны. Онъ не видалъ меня прежде, во всемъ сумасбродствѣ моей разсѣянности, и потому, полагалъ меня

точно такимъ всегда, какимъ становился я для не-го. Онъ началъ привыкать ко мнѣ. Я дорожилъ его уваженіемъ, боялся испугать его раждающеся довѣ-ріе, и невольно доходилъ до лицемѣрія, чтобы не потерять его дружбы. Мы сблизались, и прежній разговоръ далеко былъ отъ моей памяти, и я не ду-малъ уже, что обѣщался подчинить его безусловно тому вихрю, въ которомъ жилъ самъ. Но другіе за меня помнили, другіе твердили мнѣ слова мои, смѣ-лялись тщетности моихъ усилій, шутили надо мною и — проснувшись отъ непривычнаго расположенія, уязвленный колкостями прежнихъ единомышленни-ковъ, я не захотѣлъ придать себѣ странности, не захотѣлъ потерять выгоды моего блестящаго поло-женія въ свѣтѣ, ослабивъ свое вліяніе надъ товари-щами . . . Я повиновался самолюбію, и внезапно удалился отъ Дольскаго. Настала зима. Водоворотъ свѣта умчалъ меня во все свои волненія, и вскорѣ потерялъ я изъ виду и Алексѣя, и минутное осте-пененіе моей головы.

Тогда на первыхъ ступеняхъ моды блистала кра-савица, за которою многіе ходили съ отверженнымъ энміамомъ и пылающимъ сердцемъ. Она года три про-жила, протанцовала во всехъ залахъ высшаго круга, и оставалась незамѣченною въ толпѣ красотоъ всякаго раз-бора и всякаго рода. Но однажды, на большомъ раугѣ, ей случилось явиться въ какомъ-то новоизобрѣтенномъ нарядѣ, который былъ ей очень къ лицу — она произ-вела впечатлѣніе; съ той поры зависть женщинъ выка-зала се вниманію мужчинъ. Одинъ изъ законодате-лей общества, то есть, одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые успѣхами и притязаніями укрѣпили за собою право рѣшать судьбу женщинъ, быть судь-ями ихъ красоты, ума и пріятностей, одинъ изъ нихъ только что поспорилъ тогда съ знатною

дамою, признанною царицею прекрасныхъ, и царствовавшей безъ соперницъ въ котильонной области. Ему вздумалось взбѣсить свой развѣнчанный кумиръ и всколебать расколѣмъ ея владычество. Онъ обратился къ созвѣздію, едва мерцавшему на небосклонѣ извѣстности; на двухъ, или трехъ вечерахъ являлся чичижбемъ новой красавицы, и объявилъ потомъ, что она очень *миленькое* существо. Этого приговора достаточно было упрочить молву о красотѣ, нечаянно открытой, и всѣ незанятые, всѣ неопредѣленные къ мѣсту прилились ухаживать за свѣтлорусою Юліею. Такъ часто основываются всѣ славы большаго свѣта! Достоинства и красота, какъ необрѣтенные еще острова Океана, долго, долго остаются въ незамѣтности, въ забытіи; приходитъ наконецъ одинъ, которому они бросаются въ глаза, или который дѣлаетъ изъ нихъ орудіе собственнымъ видамъ; новый Колумбъ передаетъ ихъ имя молвѣ, и стадо подражателей несетъ дань удивленія тѣмъ, на кого дотолѣ взоръ ихъ упалъ только ненарокомъ или какъ милостыня! И вотъ чѣмъ началась слава женщины, которую я называлъ Юліею — не могу, не хочу, не смѣю сказать вамъ настоящаго ея имени.... Наканунъ потерянная въ толпѣ; она вдругъ увидѣла себя окруженною, обожаемою, превознесенною, и съ этой минуты она осталась на первомъ планѣ вѣчно движимой картины свѣта. Кто была она, эта Юлія? спросите вы. Юлія была жена человека извѣстнаго — не по личнымъ заслугамъ, а по чину и богатству — она благородно носила имя почетное, и если долго оставалась забытою отъ молвы, то не заключайте изъ этого, чтобы виною тому была ея непривлекательность. То правда, что она не была изъ сіяющихъ, роскошныхъ красотъ, которыя

тотчасъ овладѣваютъ вниманіемъ, какъ должнымъ оброкомъ, на которыхъ взоры останавливаются противовольно — она не поражала, ни правильностью въ чертахъ, ни румяною свѣжестью цвѣтущаго лица; но кому однажды удавалось заглянуть пристально въ ея голубые глаза, кто уловилъ, кто понялъ томную выразительность ея, тотъ уже не забывалъ ея вовекъ, даже въ присутствіи лучезарнѣйшихъ свѣтилъ прелести. Мнѣ кажется, она не была рождена внушить огненную, мятежную страсть, но ее можно, ее должно было любить тихого, неизмѣнною дружбою. Я думалъ такъ не о многихъ....

Но поклонники, преслѣдовавшіе Юлію, не спрашивали, какими свойствами ума и души была она достойна ихъ всеожженій. Иные обожали въ ней модную женщину, ту, которая возбуждала досаду въ соперницахъ, которую окружали люди извѣстные, ту, въ чьей короткости можно быть замѣчену, ту, на кого устремлено любопытство всей этой части общества, почти не дѣйствующей, которая живетъ и дышитъ заботою, узнать: «что дѣлаетъ такой-то — что говорить, и гдѣ бываютъ такіе-то?» Другіе искали въ Юліи добычи, лъстившей ихъ самолюбію, безпорочности, которую можно было обезславить, имени добраго и звонкаго, къ которому могли они прибить, какъ обвинительное клеймо, свое собственное имя, будто червемъ тлѣтворнымъ, обвивающее своимъ позорнымъ воспоминаніемъ все, къ чему оно коснется — вѣчный, неомываемый позоръ жертвы раздается въ ухахъ такихъ людей пѣснью торжества. О, если бы женщины, беззащитныя созданія, знали замыслы, тайную причину искушеній, имъ подготовленныхъ — какъ многія изъ нихъ остались бы безукоризненными, какъ легко

бы имъ стало сохранять непорушимое спокойство сердца!....

Не знаю, пронзительность ли спасла Юлію, или истинныя правила были ей защитою, но она осталась холодна и недоступна всѣмъ. Конечно, какъ женщина, какъ всѣ женщины, она должна была радоваться въ тиши и въ тайнѣ чувствъ своихъ, видя свои побѣды и успѣхи, но она не позволяла этой радости перелетѣть за предѣлы уборнаго столика, или уединеннаго каминна; она соблюла строго жаружность равнодушія совершеннаго; двѣ зимы сряду, злѣйшіе языки и лорнеты тщетно старались подстеречь въ ней хоть искру склонности, хоть минуту слабости.

Не думайте, чтобы подъ хвалами мои ми таилась тѣнь минувшаго пристрастія; не думайте, чтобы я былъ въ счету поклонниковъ той, о которой говорю съ такимъ уваженіемъ — нѣтъ, друзья, завѣрю васъ честью, что никогда не влюблялся я въ Юлію, и потому, можетъ быть, остаюсь теперь къ ней справедливымъ. По бывши издавна охотникомъ до соблазнительныхъ эпизодовъ балныхъ залъ, часто улучалъ я свободный часъ между ужиномъ и собственнымъ занятіемъ, чтобы наблюдать за другими. Бывало, притворившись ревнивымъ или отчаяннымъ, чтобы лучше быть принятъ назавтра, я покидалъ мою двухъ-дневную богиню, уходилъ въ уголокъ, гдѣ меня полагали страдающимъ и несчастнымъ, а самъ отъ души забавлялся всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ слышалъ и замѣчалъ вокругъ себя. И въ такія минуты макиавелизма и отдыха, долго слѣдуя взорами за Юліей, изъ любопытства, я имѣлъ время узнать ее такую, какъ описалъ вамъ. Прибавлю даже, я не записалъ въ служенье ей точно потому, что она казалась мнѣ выше пре-

ходящаго развлеченія, а я не хотѣлъ запутать, ковать себя страстью продолжительною и постоянною. Я всегда держался мнѣнія, что подобныя страсти приносятъ мало радости, много хлопотъ, и затрудняютъ сложное существованіе человѣка, счастливаго въ женщинахъ. Для одной, къ которой привяжешься, должно пожертвовать десятью, которыми правятся и забавляютъ. И потому, эти души *люблиця* и *метательныя* — съ ними горе, когда дойдетъ до развязки! Польются слезы, возстанутъ пени — онѣ преслѣдуютъ, онѣ ревнуютъ — нѣтъ! Богъ съ ними!.... То ли дѣло съ вертушкой? — думалъ я — принимаетъ благосклонно, а разстанешься такъ мило и весело, какъ будто никогда и рѣчи не бывало ни о чемъ, кромѣ вчерашняго дождя и завтрашняго гулянья!... Скажу вамъ болѣе: я имѣлъ такое жалкое понятіе о женщинахъ вообще, что, для чести ихъ пола, хотѣлъ остаться далеко отъ той, которую уважалъ. Я желалъ сохранить всегда приятное объ ней воспоминаніе, и потому боялся подвергнуть ее разочаровательному опыту любовныхъ отношеній. Я могъ насчитать уже такъ много утраченныхъ призраковъ, такъ много разрушенныхъ заблужденій!... Я такъ часто находилъ гусеницу, которую приходилось раздавить, тамъ, куда заманивала меня бабочка, ослѣпительная и радужная!...

Такимъ образомъ, я былъ знакомъ съ Юлією, но издалека, когда замѣтилъ въ ней, къ изумленію, всѣ признаки, всѣ примѣты раждающейся любви, но любви робкой, обуреваемой, невольной. Она страдала, она была безпокойна и разсѣяна, взволнована и увлечена. Она не находила уже въ себѣ той гордости, которою такъ долго украшалась. Она не имѣла привычной сноровки въ приемахъ и поступи, въ рѣчахъ и взорахъ; она забывала самоувѣренность

анокровія. Я могъ видѣть, какъ она нѣсколько сяцевъ истощала всѣ силы свои въ неравномъ разсудка противъ сердца, переходила медленно и постепенно чрезъ всѣ періоды страсти, уступала, примирялась съ новыми чувствами своими, наконецъ, отбросила сопротивленіе и покорилась судьбѣ, сердцу и любви. Она была любима — это не подлежало сомнѣнію, это объясняли мнѣ всѣ ея движенія, хотя напрасно искалъ я между нами счастливаго разрушителя ея покоя. Никто изъ чадъ суеты, около нея вертѣвшихся, не былъ предметомъ даже помысла о предпочтеніи; ни чье приближеніе ея не смущало, ни чей взоръ не заставлялъ ея краснѣть и трепетать, а это сбывало всѣ мои догадки. Но для кого же, стала она изобрѣтать ряды, въ которыхъ господствовали часто, и тайная мысль, и условное значеніе оттѣнковъ и цвѣтовъ?... Но для кого же, противообычно, прѣзжала она такъ рано, и оставалась такъ поздно, вездѣ, гдѣ можно было встрѣтиться и свидѣться?... Зачѣмъ выбирала она всегда мѣсто у дверей, у окна, тамъ, гдѣ ее скорѣе можно было отыскать, гдѣ легче было къ ней подойти? Зачѣмъ впадала она въ тревожное раздумье, нетерпѣливо слушала говорящихъ, и въ ту же минуту громко смѣялась, быстро съпала рѣчами, иногда безъ связи, и притворнымъ участіемъ старалась скрыть отъ нихъ свое отвращеніе, свою скуку? Она становилась искательницею, привѣтливѣе ко всѣмъ; она ласково и свободно обращалась съ тѣми, кого держала прежде въ почтительномъ отдаленіи. Она угождала, она льстила самолюбію женщинъ, прослывшихъ опасными своею зоркостью и смѣтливостью. Почтительностью и вниманіемъ задабривала она старухъ, предводительницъ общаго мнѣнія. Какъ будто хотѣла она умиловить свѣтъ,

какъ будто ей нужно было снисхожденіе, рачталась въ наружныхъ потворствахъ, она истощала для толпы весь свой умъ, всю свою любезность. Чувствуя, что ей день ото дня обязанности общезжитія становились постылье и тягостнѣе, она тѣмъ строже и точнѣ ихъ выполняла. Жертвуя собою, она хотѣла загладить передъ свѣтомъ свое невольное къ нему презрѣніе. Она метала ему подъ ноги свою жизнь внѣшнюю, для того, чтобы онъ не мѣшалъ ей уходить въ недосягаемую глубь души своей, и жить въ ней жизнью страсти, жизнью упительною и сокровенною. Я первый, и я одинъ разгадалъ ея глубоко-схороненную тайну, и то не вполне, и долго еще не могъ узнать я, къ кому склонилось ея сердце. Незначашій случай благопріятствовалъ моему любопытству — я узналъ любимаго ею — въ Алексѣѣ Дольскомъ!

Алексѣй Дольскій!... Странное, но понятное сближеніе двухъ сердецъ, созданныхъ другъ другу вѣсть подавать!... И если я былъ удивленъ, если меня поразило исчащенное открытіе взаимности между Юліею и Дольскимъ, это потому только, что я не зналъ даже объ ихъ знакомствѣ, не замѣчалъ даже появленія Дольскаго въ мірѣ гостиныхъ и залъ. Однако жъ, онъ былъ уже вездѣ представленъ и вездѣ принятъ, и казалось, онъ скоро и совершенно примѣнился къ этому міру. Мой мечтатель лвился мнѣ въ новомъ видѣ: онъ былъ столько же развязанъ, ловокъ и милъ въ обществѣ женщинъ, сколько знавалъ я его дикимъ и чуждающимся въ нашемъ кругу. Онъ успѣлъ уже попасть въ число избранныхъ; его отличали, его любили за умъ, за молодость, за красоту. Удачи придали ему смѣлость счастливецъ, и онъ чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, чувствовалъ, что быстрое развитіе блиста

тельныхъ дарованій будетъ приносить ему успѣхи и удовольствіе. Онъ былъ еще въ полномъ восторгѣ отъ чаръ свѣта, во всемъ пылу неопытности, просицей наслажденій и ощущеній у всего, что встрѣчается съ нею на пути. Онъ предавался всѣмъ примакамъ шума и забавы. Но между тѣмъ, не имъ отдавъ онъ первыя трепетанія сердца — онъ видѣлъ въ нихъ только торжественный поѣздъ, только пышную оправу истиннаго счастья, и счастье это — онъ испыталъ въ откровеніи любви къ Юліи.

Увидѣвъ Дольскаго на паркетномъ поприщѣ, близъ Юліи, я понялъ, что двѣ участи совершились, что нашедши однажды одинъ другаго, ни Юлія, ни онъ не могли разрозниться, не могли разойтись безъ чрезвычайнаго перелома въ судьбѣ и сердцахъ обоихъ. Они были предназначенные одинъ другому, всѣми сходствами, всѣми сочувствіями. Мнѣ показалось чуднымъ, что два существа, лившіяся мнѣ, каждое съ своей стороны, какъ воплощенное оправданіе своего пола, сошлись на стезяхъ жизни, такъ же, какъ и въ мечтахъ моихъ. Я задумался о тайнахъ предопредѣленія и судьбы. А онъ — какъ счастливъ былъ онъ, въ какомъ раю, въ какомъ очарованіи забывался онъ, упоенный первыми тревогами, первыми восторгами любви, и любви взаимной, раздѣленной!!!... Стократъ блаженный, онъ тотчасъ нашелъ то, о чемъ мечталъ, чего просилъ; онъ не пробилъ себѣ пути до желанной цѣли черезъ повторяемые обманы и долгія неудачи; онъ не купилъ себѣ полныхъ радостей мгновенными обнадѣживаніями и частымъ отчаженіемъ, которыя почти всегда падаютъ на долю пламенныхъ мечтателей, искателей невозможнаго и чудеснаго въ очеркъ обычаиности, въ быту сущности положительной, гдѣ мы, ясновидящіе, довольствуемся чувствами и благополучіемъ, для

нихъ и слабыми и презрѣнными. Судьба его была, какъ високосный годъ, въ порядкѣ общаго; онъ достигъ, онъ пришелъ, не начинавши ни странствованія, ни испытанія. Первая женщина, встрѣтившаяся ему, была именно та, которую онъ могъ боготворить, согласно со всѣми требованіями, со всѣми причудами своей надмѣнной и пылкой души, та, которая одна, быть можетъ, одна изъ многихъ, одна изъ всѣхъ, могла понять его вполне, и теплымъ сердцемъ оцѣнить его теплое сердце. Съ кокеткой, съ легкомысленной суетливой, онъ пропалъ бы совсѣмъ; онъ утратилъ бы невозвратную свѣжесть мечтаній чувствования, и все очарованіе, всю прелесть первоначальныхъ и живыхъ ощущеній молодости, святой и непорочной. Другія измяли бы его сердце, а эта приняла его, какъ даръ небесный! Другія истерзали бы его нравъ, раздражительный и страстный, а эта берегла и голубила его, какъ мать бережетъ и голубитъ своего первенца. Другія разрушили бы воздушный міръ его сновидній, его върваній, а эта, утомленная существенностью, познавшая свѣтъ и жильцовъ его, эта увивалась съ нимъ въ его заоблачныхъ созерцаніяхъ, и спасала его отъ хладовѣйныхъ уроковъ жизни и опытности. ....

Когда Юлія перестала внимать страшилищамъ воображенія, съ-измала напуганнаго преступленіемъ и позоромъ, когда она поняла возможность сочетать задушевныя радости любви съ собственнымъ уваженіемъ и строгостію добродѣтели, она предалась влеченію сердца со всею стремительностью утопающаго, находящаго нечужую половину избавленія. Она не стала болѣе терзать своихъ чувствъ; она уже не искала силъ отвергнуться навѣки отъ завиднаго рая, и возвратиться на землю, вкусивъ

блага неба. Но, позволивъ любить себя искренно, пламенно, всепреданно, но отдавъ всю душу свою, всё помыслы и мысли, она осталась вѣрна своему долгу, безукоризненно повиновалась совѣсти и закону. Она не заглушила голоса страсти, но умѣла сладить его съ голосомъ обязанностей, и любовь ея, сберегаемая въ тиши и въ тайнѣ, какъ пламя святилища, ублажила ихъ обонхъ, и пребыла недоступною, и непроницаемого тысячекому свѣту.

Только такая страсть, возвышенная и нѣжная, признанная и тайная, страсть, полная увлеченія, и вмѣстѣ строго подчиненная приличію, могла удовлетворить поэтическаго Дольскаго, и познакомить его со всеми радостями земными, не отравляя ихъ простудительною примѣсью сухой и влоей прозы, спокойнаго и безцвѣтнаго счастья. Любовь его была рыцарское служеніе красотѣ, уму и душѣ, и поощряемый ею, онъ могъ предпринять и выполнить много высокаго, много благороднаго. Самая тайна, окружавшая любовь его, самая предусмотрительность осторожной Юліи, придавали болѣе цѣны, болѣе отзыва его счастьемъ. Продолжительное, безсмѣнное благополучіе утомительно. Оно обращается въ привычку, идетъ только святости домашней жизни, взаимному довѣрью супружества, но въ сердечныхъ отношеніяхъ между любовниками — оно убійственныя разлуки, разочаровательныя измѣны. Горе, когда одна минута скуки вкрадется въ часы свиданій, когда эти свиданія достаются дешево, и проходятъ безмятежно — горе!.... Тогда близко, тогда неминуемо время, когда холодъ смѣнитъ скуку, когда горестъ и отвращеніе спросятъ отчета въ прежнемъ блаженствѣ! И горе, стократно горе, когда страсть становится связью, когда союзъ звучитъ цѣпью!.... Можно любить женщину, когда она падаетъ — дол-

жно презирать ее, если она упорствуетъ въ паденіи!... Увлеченіе минутное украшаетъ ее какимъ-то лучемъ отъ вѣнца отверженнаго демона, долго еще блестящаго и прелестнаго послѣ паденія, но этотъ лучъ — мимолетное зарево!... Спѣшите подивиться ему — онъ исчезнетъ, онъ потухнетъ — грѣшница ваша, какъ духъ тмы, все болѣе, все глубже утонетъ во мракъ и позоръ. Въ изступленіи страсти, она жалка, но — плѣнительна; отдыхая въ своемъ порокъ — она безобразна!... Жребій спасъ Дольскаго отъ подобнаго зрѣлища. Ему было суждено найти женщину, близъ которой онъ не долженъ былъ ожидать, что увидитъ изнанку своего счастья — вторую страницу листа любви.

Ихъ участь занимала меня. Невольно чувствовалъ я себя привлеченнымъ къ наблюденію этого сочетанія двухъ созданий, столь различествующихъ со всеми, роившимися около нихъ. Мнѣ любо было думать, что я, одинъ я раздѣляю ихъ тайну, что я одинъ свидѣтель между ними. Я считалъ себя лучшимъ, съ тѣхъ поръ, когда понялъ ихъ. Какъ часто, непризванный участникъ, неподозрѣваемый повѣренный, издали смотрѣлъ я на нихъ, среди волненія и шума многолюдныхъ праздниковъ! Какъ часто, мой лорнетъ, руководимый взорами одного изъ нихъ, терлся въ отвѣтномъ взорѣ другаго! Какъ я забавлялся ихъ смитеніемъ, когда они встрѣчались, ихъ досадою, когда ихъ раздѣляли непроходимыя волны толпы, и какъ ловилъ я всё отбѣнки, всё перевороты ихъ сердечной повѣсти....

И признаться ли?... Мнѣ, закоренѣлому скептику въ любви, мнѣ, вѣчному сообщнику мнѣйшій Мугаммеда и приговоровъ его, мнѣ не разъ случалось позавидовать восторженному и пылкому Алексѣю! Я видѣлъ его жизнь столь полною, столь прекрасною

— его жребій былъ столь очарователенъ, что я прельстился имъ противовольно. Я проклиналъ печальный даръ здраваго разсудка, не допустившій меня насладиться юными заблужденіями. Я проклиналъ прежнія наблюденія мои, такъ рано лишившія меня возможности *сперить* и *любить*. Я готовъ былъ промѣнять мою мрачную опытность на одно мгновеніе безпечнаго благополучія Алексѣя. Я желалъ ослѣпнуть душою, забиться умомъ, и заснуть неизвѣданнымъ сномъ этой легковѣрной любви. Я желалъ, чтобы сладкій голосъ женщины убагокалъ мое неразлучное сомнѣніе, чтобы ея обѣтныя взоры заглялись для меня метеоромъ, и помрачили свѣтильникъ докучливой истины.... И мало по малу, досада овладевала мною, бѣсовское искушеніе западало мнѣ въ мысли, и наконецъ — змѣй зависти лютвенно шепнулъ мнѣ — разрушить это чужое блаженство, дразнившее мои взоры, опалявшее мое воображеніе!...

Я не сказалъ еще вамъ, что былъ тщеславенъ до крайности; что избалованный безславными побѣдами надъ кокетствомъ и суетностью, я увѣрилъ себя, будто ни какая женщина не противостанетъ моему завлеченію. Это сознаніе нейдетъ теперь ко мнѣ; оно дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но я давно убилъ все самолюбіе, всѣ минувшія притязанія, и приношу ихъ теперь на закланіе, чтобы искупить прежнія ошибки—говорю о себѣ, какъ о давно усопшемъ....

Со всею самонадежностію человѣка, увѣреннаго въ успѣхъ, сблизился я съ Юлією, сталъ заниматься ею, смѣло и произвольно явился возлѣ нея съ кокетствомъ обожателя. Приносивъ ей мое поклоненіе, я долженъ былъ отстать отъ другихъ *короткостей*, и я спѣшилъ это сдѣлать, но съ шумомъ и огласкою, чтобы съ самаго начала угодить ея самолю-

бію блестящею жертвою. Я испыталъ, что женщины охотно принимаютъ такія жертвы, и любятъ покореннаго, завѣряющаго имъ торжество. Къ тому же тѣ, которыхъ я оставилъ для Юліи, были, и саномъ и красотою, лестными трофеями ея торжества, и я предвидѣлъ, что негодованіе ихъ скоро и громко донесетъ до ея слуха пріятно-звучную вѣсть о новой ея побѣдѣ. Я не ошибся. Черезъ недѣлю, ружаюсь, что Юлія не могла ступить, не внималъ моего имени, жужжавшаго на всѣхъ языкахъ. Такъ гласно обнаруживалъ я свои измѣны и новую страсть къ ней. Потомъ я ей самой сталъ намѣкать объ этой страсти, и скоро дошелъ до полнаго признанія.

Признаніе!.. Какъ старъ, какъ изношенъ этотъ вѣковѣчный обычай, какъ онъ смѣшонъ и пересмѣянъ, и какъ все еще служить онъ коварству, даже въ наше время, когда все старое перевелось!.. Но, замѣтьте, истинная любовь не употребляетъ этого пошлаго средства. Она открывается, она сообщается собственнымъ, безсловнымъ краснорѣчіемъ, краснорѣчіемъ прерывистаго голоса и скрытаго взора, краснорѣчіемъ непритворныхъ, неподкупныхъ примѣтъ ея. Признается обдуманное исканье, признается равнодушное волокитство, безсильные дать себя понять иначе. Повторяю вамъ: какъ-же это женщины вѣрятъ еще признаніямъ?

И я *признался*, желая быстро нанести послѣдній ударъ молодому сопернику. Я забылъ, постарался забыть, что Юлія не изъ числа обыкновенныхъ свѣтскихъ женщинъ. Я думалъ, по крайней мѣрѣ, что она, изъ соблюденія приличій, поступитъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ. Я надѣялся, что меня не промѣнятъ на Алексѣя, что его отправятъ, какъ новичка, съ доброю проповѣдью, а меня предпо-

чтутъ, хоть для того, чтобы подразнить нѣсколько приятельницъ, и показать свѣту первенство надъ ними. Но вмѣсто того, на первыхъ словахъ Юлія оставила меня сухимъ и непреклоннымъ отрицаніемъ, скрывающимся подъ уничтожительнымъ «не понимаю», которое выражается вдругъ, и пренебрежительными устами, и зеркальною прозрачностью спокойнаго взора, и едва замѣтнымъ движеніемъ гордыхъ плечъ — «не понимаю», которое значитъ, что не удостоиваютъ васъ даже тратою на васъ немного догадливости. Правда, есть другое «не понимаю», обворожительное и безцѣнное, сопровождаемое улыбкою и слезою, вопросомъ и трепетомъ.... О, спѣшите, спѣшите отвѣчать, когда услышите его. Знайте — это «не понимаю», оно значитъ: «боюсь и желаю понять — убѣдите — успокойте!» Я слышю часто слышалъ его, и не могъ-бы ошибиться въ такомъ случаѣ! Но я думалъ, что презрѣніе Юліи есть утонченное кокетство; что она испытываетъ меня; что жалость о Дольскомъ еще борется въ ея мысли съ искушеніями самолюбія — я думалъ многое, все, исключая обидной истины! Тщетно ласкалъ я себя утѣшеніемъ и надеждой — грезы мои уступили очевидности; я долженъ былъ удостовѣрять себя, что я отринуть безвозвратно....

Извѣстно-ли вамъ, что такое подобная неудача для надмѣннаго, не встрѣчавшаго дотолъ ни единого преткновенія на пути легкихъ успѣховъ и веселыхъ приключеній? Извѣстно-ли вамъ, какъ больно первое презрѣніе тому, кого окружали, кого отыскивали приманки и милости? Это такое сатаническое страданье, что оно вдругъ затмѣваетъ всѣ отрады прошедшаго, всѣ воспоминанія самодовольствія. Это почти паденіе съ престола — почти Ватерлоо, истребляющее цѣлое поприще славы и счастья!

И теперь еще не забудь я нестерпимой пытки этого вечера, хотя съ тѣхъ поръ много тяжкаго горя, много истинныхъ скорбей перебивало въ моей душѣ....

Я не любилъ Юлію — видно, я созданъ съ неполнымъ сердцемъ! Но есть страсти кромѣ любви, и тѣ всѣ кипѣли во мнѣ, буйныя, грозныя, неукротимыя. Душа моя была потрясена до основы — ее терзало оскорбленное самолюбіе; ее волновала сокрушенная мечта; ее язвило жало шипящей зависти! Я приподнял униженную голову, и поклялся отмстить этой Юлію, отмстить и ея Дольскому — Дольскому, чье одно имя обливало теперь отравой знойной пламя моей ярости, ему, кого возненавидѣлъ я всюю враждою гордеца, ради его поправнаго ногами женщины....

Мнѣ стоило одного слова, одного знака, чтобы открыть ихъ согласіе моимъ приверженцамъ, и возставить противъ Дольскаго всю прежнюю непріязнь ихъ, мною самимъ усыпленную. Но я подумалъ и разсудилъ, что такая неосторожная выходка разскажетъ мою собственную тайну, неожиданный урокъ моему высокомерию. Я зналъ лучшее средство наказать ихъ, не разглашая презрѣнія Юлію ко мнѣ, и вскорѣ предначерталъ себѣ ходъ къ двойной цѣли: рѣшился мстить, вмѣстѣ и за себя, и за общее удовольствіе моихъ тсварищей. Я воспользовался орудіемъ, которое дано было мнѣ короткимъ изученіемъ положенія и чувствъ Юлію. Я употребилъ самую неограниченную власть, которая только существуетъ, власть глубокой ненависти, знающей всѣ изгибы сердца своей жертвы, всѣ недостатки брони, защищающей ее. При первомъ свиданіи, съ притворнымъ равнодушіемъ, далъ я почувствовать Юлію, что отъ проникательности моей не ушли ни любовь Дольскаго, ни ея взаимность. Ужасъ объялъ ее; блѣд-

ность покрыла ее лицо; глаза ее потупились; она задрожала — я был доволен. Того-то я и хотелъ!.

Если бы она, какъ другія, какъ ты, кому ужъ не въ новость такіе смѣлые памѣтки, кто привыкъ возбуждать и переносить злыя догадки, издѣвчивыя замѣчанія — если бы она, подобно имъ, заплатила мнѣ за дерзость величественнымъ видомъ и взоромъ свысока — если бы она, съ спокойною усмѣшкою, стала доказывать мнѣ заблужденіе мое, въ опроверженіяхъ, полныхъ утвердительности — если бы она усмѣла, подъ мѣднымъ лбомъ, задушить неумолимый голосъ совѣсти — если бы сердитые и гордые упреки посыпались изъ устъ ея — мнѣ пришлось бы тогда удалиться, закусивъ губу. Но она была неопытна въ наукѣ наглости; она была нова на стезяхъ порока: она смутилась, испугалась, и я торжествовалъ. Я видѣлъ, что участь ея въ моихъ рукахъ!..

Этотъ первый опытъ удостовѣрилъ меня въ выгодахъ моего положенія; онъ показалъ мнѣ, какъ легко будетъ мое мщеніе. Съ того дня, какъ привидѣніе, какъ пугало, преслѣдовалъ я всюду несчастную чету. Тотчасъ убѣдился я по виду Дольскаго, что ему было сообщено о моей догадкѣ. — Онъ дрожалъ за свою тайну, но еще болѣе за Юлію, за эту Юлію, до него безукоризненную, какъ ангель, безпечную, какъ младенецъ въ колыбели, которую любовь его могла лишитъ уваженія свѣта и домашняго спокойствія! Дольскій намѣренъ былъ, привѣтливостью и ласкательствомъ, склонитъ меня къ молчанію и снисхожденію. Онъ ошибся. Въ свою очередь, я показался холоднымъ и оттолкнулъ его отъ себя. Сношенія взаимныхъ посѣщеній давно уже не существовали между нами; теперь пресѣклись протѣя сношенія знакомства. Все вниманіе мое было направлено на Юлію. Я дѣйствовалъ на нее и стра-

хомъ и стыдомъ. Мой инквизиторствующій взоръ, какъ магнетисмъ, покорялъ мнѣ ея волю, ея движенія. Моя злобная улыбка, какъ наговоръ, виводила ее. Издали трепетала она, услышавъ вытверженный шумъ моей походки. О, ей дорога была ея женская слава, блестящая непорочною бѣлизною, ей дороги были честное имя и всеобщее почтеніе, ей дорого было это подножіе, куда вознесли ее добродѣтели — можетъ быть, еще дороже были ей чарующая любовь Алексѣя, и взаимное, глубоко чувствуемое счастье, а она вѣдала, что отъ меня зависѣло разбить счастье ея въ дребезги, очернить ея славу, сокрушить ея судьбу! Она видѣла, что для этого стоило мнѣ только шепнуть одно имя на ухо товарищу, выронить одно слово на колѣни къ другой женщинѣ, возродить одно сомнѣніе въ воображеніи ея завистницъ... Потому, она боялась меня, бѣдная женщина, какъ ласточка боится бури, грозящей ея родимому гнѣзду, какъ горлица боится кругоплавающего коршуна, а я, какъ буря, шумѣлъ ей бѣдою въ уши, какъ коршунъ обвивалъ ее пристальными, злобными взорами...

Увижу-ли я, что Дольскій, долго выжидавши случая, наконецъ прокрался къ ней черезъ толпу, что они наслаждаются минутнымъ разговоромъ, сердечнымъ откликомъ, перерывающимъ длинное молчаніе осторожности — я тихо прохожу мимо ихъ, не сводя очей съ Юліи, и — тотчасъ судорожная дрожь перебиваетъ слова на устахъ ея, и тотчасъ она уходитъ далѣе! Прійдетъ ли мнѣ на мысль, что Алексѣю обѣщанъ рѣдкій котильонъ — я отправляюсь къ Юліи съ моимъ приглашеніемъ, и всегда нѣсколько словъ, хитро вpletенныхъ въ пустую форму приглашенія, заставляютъ ее отвѣчать: «Съ удовольствіемъ,» и отказать огорченному любовнику. Изъ глубины пар-

тера, я подстерегалъ приходъ Дольскаго къ ней въ ложу, наводилъ на нихъ свой лорнетъ, и Алексѣя отсылало прочь умоляющее и грустное движеніе головы, никому непримѣтное, исключая меня — меня, ихъ неумолимаго и вѣчнаго разлучителя. Потерянаго въ неисчислимости нулей и ничтожностей, я отыскалъ мужа Юліи, свелъ съ нимъ знакомство, и часто, и долго прогуливался съ нимъ объ руку по бальнымъ заламъ, рассказывая ему всякія пошлости, съ такимъ радушнымъ видомъ дружелюбія, что насъ скоро стали почитать друзьями неразлучными. А она — смотрѣвшая на насъ издали, старалась угадать по лицу мужа предметъ нашего разговора. . . . Но трудъ былъ излишній: какъ затертая обертка записной книги, устарѣвшей безъ употребленія, пустые листы которой не были отъ заляжанья, не исписаны за ихъ неспособностью, лицо моего спутника ничего не выражало въ своей бездушной окаменѣлости. И какъ торжествовалъ я, какъ упивался я своимъ всемогуществомъ надъ этимъ обожаемымъ кумиромъ общества, надъ гордѣйшею изъ гордыхъ нашей знати! Не знаю, уступилъ ли бы я тогда мое фантастическое вліяніе надъ Юліею за самую любовь ея, нѣсколько дней польстившую моей избалованной причудливости! Что въ любви, даже искренней, когда сердце въ ней не нуждается, и ея не просить? Но странность и таинственность моихъ отношеній къ Юліи приносили мнѣ неизвѣданныя, неприскучившія наслажденія, и сверхъ того, въ глазахъ свѣта, я пользовался явнымъ предпочтеніемъ моей мученицы. Она оказывала мнѣ большое вниманіе и много доброжелательства; она ненавидѣла меня, но, принужденная лицемѣрить, бросила свою женскую гордость въ пищу моему жестокому и безпощадному самолюбію; она поку-

пала у меня цѣною смиренія каждый проблескъ своего тревожнаго, невѣрнаго счастья. И чѣмъ далѣе заходила эта трехъ-личная безмолвная драма — драма безъ отзвука, безъ шума, тѣмъ болѣе запутывалась она всѣхъ насъ въ сѣти, все болѣе и болѣе стѣсняющіяся. — Какія сильныя страсти перегарали среди свѣта, въ глазахъ его! И онъ, слѣпой и равнодушный, онъ не понималъ ихъ, онъ не проникалъ въ чудную тайну трехъ существованій, такъ сѣпленныхъ враждою и любовью, что имъ разойтись можно было только, какъ концамъ Гордіева узла, разсѣченнымъ разрушительнымъ остриемъ меча! Никто не отгадывалъ взаимности Юліи и Дольскаго, никто не подозрѣвалъ, какъ дороги они были другъ другу, а и молчалъ, молчалъ, зная и чувствуя, что они *мои*, исключительно мои, пока имъ есть что скрывать, беречь, пока толпа не указала на нихъ съ насмѣшливымъ участіемъ. Скажите: придумаете ли вы мечь крови и огня, мечь полуденную, внезапную и неистовую, которая могла-бъ быть ужаснѣе и свирѣпѣе моей безмолвной, отрицательной мести?

Что было между тѣмъ съ бѣднымъ Дольскимъ? Онъ ревновалъ, онъ ревновалъ со всею болѣзненною стремительностію своего характера, со всею ожесточеніемъ первой страсти, взыскательной и болзливой. Я не кралъ у него счастья, но положилъ на него запретъ и опалу. Онъ мучился обхожденіемъ Юліи со мною, онъ страдалъ за каждое слово, за каждое мгновеніе, похищенное у него моимъ коварствомъ, но пребылъ твердъ въ намѣреніи своемъ — защититъ до конца Юлію отъ моихъ подозрѣній и намѣковъ. Они хотѣли меня разувѣрить, отыграться отъ меня. Но отъ глазъ моихъ ничто не укрывалось — и Дольскій былъ такъ пылокъ, такъ влюбленъ — ему ли было не изобличать себя стократно борьбою чувствъ своихъ!

Я утвренилъ былъ, что онъ свято охранитъ имя Юліи отъ непріятнаго отгула, но я ожидалъ, что въ порывъ отчаянія, онъ найдетъ, или придумаетъ случай вызвать меня на поединокъ, не упоминая объ Юліи. Я уже высматривалъ вблизи роковое мгновеніе, которое умчить его за предѣлы долготерпѣнія. Я чуялъ желанную развязку, и радовался этому дикою радостью...

Но время шло, но дни бѣжали, и развязка не наступала. Дольскій обманулъ мои ожиданія своимъ постоянствомъ. Онъ страдалъ, выносилъ, молчалъ. Онъ уходилъ отъ моей ненависти, какъ нѣкогда отъ моей дружбы. Непреклончивость не измѣняла ему; ревность не вывлекла его изъ очерка непостижимаго самовладыя.

Я началъ думать, что малодушіе виною этого страданія безъ гнѣва — я обвинилъ Дольскаго въ отсутствіи благородной храбрости — я готовъ былъ подписать ему пятнающій приговоръ презрѣнія. Случай оправдалъ его, и обнаружилъ мнѣ новую грань его нрава. Мы жили оба на одной улицѣ, и въ сосѣдствѣ нашемъ вспыхнулъ однажды сильный пожаръ. Въ нѣсколько секундъ, пламя обхватило огромный домъ, съ яростью, не давшею срока приспѣть на помощь. Когда изумленные жильцы бросились спасаться, внутреннія лѣстницы уже запылали огнемъ. Каждый бѣжалъ, унося малую часть своего достоянія — все вышло, все выползло, дѣти и старики, исключая одного больнаго, одержимаго бѣлою горячкою. Его никакъ не могли угорворить слѣдовать за другими. Пытались было употребить силу, но жаръ горячки подкрѣплялъ его, не могли сладить съ нимъ, — онъ одолѣлъ своихъ избавителей. Смятеніе ихъ возрастало съ опасностью, а несчастный безсмысленнымъ смѣхомъ встрѣчалъ ги-

бельное пламя и утѣшался необычайнымъ свѣтомъ. Его упрямство продолжалось; неминуемая гибель грозила — не было средствъ его вынести — страхъ и чувство самосохраненія побѣдили — всѣ разбѣжались — больной остался — несккупимая жертва мучительной смерти!

Сначала его видѣли у окна, смѣющагося этимъ пронзительнымъ хохотомъ безумія, который такъ бользненно отдается въ ухахъ мыслящаго. Странными кривляньями, онъ дразнилъ объятую ужасомъ толпу; онъ снялъ повязку съ головы своей, и весело кидалъ ихъ на воздухъ, ловилъ обѣими руками. Потомъ видно было, что жаръ и дымъ, проникнувъ въ комнату, стали его беспокоить. Наконецъ живѣйшее страданіе исказило его лице, страданіе совершенно физическое, страданіе безобразное, нестерпимое на видъ, страданіе твари, чувствующей гибель, безъ точнаго объ ней понятія. Онъ задыхался. Онъ сталъ плакать, кричать, ломать себѣ руки. Его жалостные вопли раздавались безотвѣтно — всѣ сострадали, но никто не могъ, не смѣлъ подать спасенія! Тщетно родные несчастнаго вызывали избавителя, тщетно золотомъ старались внушить отважность корыстолюбивымъ или нуждающимся — никто не рѣшался итти на явную смерть! Да, притомъ, рассуждая, что если и удастся дойти до него, то какъ спасти человѣка, который не только не пойметъ что ему дѣлать, но можетъ еще внезапною блажью погубить самого пришедшаго избавить? Зрѣлище съ каждымъ мгновеніемъ становилось раздражительнѣе. Вдругъ Алексѣй Дольскій, ѣхавшій мимо въ щегольской коляскѣ, выскакиваетъ изъ нея, разсѣкаетъ толпу, быстро бѣжитъ къ огненному дому, выхватываетъ лѣстницу у пожарныхъ служителей, и при громкихъ крикахъ удивленія, похвалы,

страха, приставляеть ее къ стѣнѣ, и смѣло подымается по ней къ окну больнаго, уже бѣснующагося отъ муки! Мы видѣли, какъ Дольскій прыгнулъ въ комнату; мы стояли въ трепетномъ ожиданіи, но вдругъ черный дымъ клубами вырвался изъ окна, и заслонилъ всю часть зданія густымъ покрываломъ своихъ прибывающихъ потоковъ. Всѣ сердца замерли; оглушительный трескъ всколебалъ воздухъ; мостовая застонала; всѣ умы постигнули страшное, но ни одинъ голосъ не сообщилъ своихъ мыслей; полъ бѣдовой комнаты обрушился! Народъ завопилъ единодушно слово состраданія, но смѣнилъ его тотчасъ своимъ восторженнымъ: «Ура!».... Алексѣй, крѣпко держа за собою обезпамятѣвшаго больнаго, показался на ступеняхъ лѣстницы, и сталъ спускаться, замедленный въ своихъ движеніяхъ омертвѣлою ношею своею. Казалось, оба въ опасности, но вотъ — окно, вслѣдъ за ними, извергло глыбу огня, и ихъ слабая подпора загорѣлась. Все замерло снова на кипящей улицѣ; одинъ Дольскій не терялъ духа.... «Держите!» вскричалъ онъ повелительно предстоящимъ, и сотни рукъ приняли на простыняхъ брошеннаго имъ безумнаго, между тѣмъ, какъ самъ спаситель, смѣло и ловко, прыгнулъ съ значительной высоты. Рукоплесканія, слезы, громкія благословенія народа встрѣтили Дольскаго, а онъ спокойный, безтрепетный, онъ, по-видимому, даже не подозрѣвалъ ничего сверхъ-обычнаго въ своемъ самоотверженіи, ничего ужаснаго въ опасностяхъ, которымъ подвергался. Только лицо его сіяло радостью ангела, только взоры его одушевлялись вдохновеніемъ бодрости и отваги.

Свидѣтель всего, я долженъ былъ убѣдиться, что ни одно блистательное качество не оставило украсить моего соперника. Онъ разительно опровергнулъ мои

подозрѣнія, смѣль съ себя поклепъ въ малодушіи, и доказавъ еще неизвѣстную мнѣ доблесть, только болѣе раздражилъ мою ненависть. Мнѣ не оставалось ни одного повода отказать ему въ уваженіи, а признавшись себѣ въ неоспоримомъ его превосходствѣ надо мною, я еще пламеннѣе предался адскому удовольствію — извить его въ чувствительнѣйшую часть его сердца! Мое гоненіе обвело вокругъ Дольскаго и Юлію заколдованный очеркъ, черезъ который они не смѣли переступить, который я зачеркивалъ все тѣснѣе и тѣснѣе, по произволу моей прихоти. Преслѣдовать ихъ — стало моею жизнію и цѣлью моего бытія въ приторномъ однообразіи свѣтской толчеи.

Наступилъ Великій Постъ — эта безцвѣтная череда дней безъ значенія въ большемъ свѣтѣ, послѣ полныхъ и шумныхъ часовъ сумасшедшей зимы. Сообщенія стали рѣже, встрѣчи знакомыхъ затруднительнѣе. Вы знаете, что въ эту пору всѣ исчезаютъ, всѣ прячутся подъ защиту домашняго камня, и волею или неволею, привыкають вновь къ его опустѣвшему, оставленному рубежу. Красавицы, утомленные продолжительностью баловъ и можетъ быть, волненіемъ сердечныхъ эпизодовъ, лѣзаютъ, полнѣютъ, разцвѣтають новою красотою. Ничто столько не полезно для здоровья, какъ скука и сонъ. Такое леченіе необходимо отъ времени до времени поэтамъ и женщинамъ. Скука въ головахъ и сонъ въ сердцахъ истребляютъ печальные слѣды усталости вещественной и душевной, готовятъ женщинѣ новыя торжества, а поэту новыя, свѣжія вдохновенія. Одна, лежа по цѣлымъ вечерамъ на мягкой софѣ, пріобрѣтаетъ опять розовые отбѣнки свои, утраченные на балахъ. Другой, измучивъ мысль творческими бессонницами, а душу жаркими страстями, подаеть

въ безчувственную лѣнь, убаюкивается на изголовьѣ ея, и возставши снова, воспарить далѣе и выше смѣлымъ полетомъ обновленнаго духа. Это точно какъ сурки, которые потому такъ живы и веселы лѣтнею порою, что всю чреду непогодъ проводятъ незамѣтно въ богатырскомъ свѣ Ильи Муромца, въ сладкомъ самозабвеніи околдованной царевны старинныхъ сказокъ. Но что дѣлать въ это время намъ, у кого нѣтъ ни красоты въ линіяхъ, ни поэзіи въ пару? Для насъ Великій Постъ самое плохое время въ подсолнечной сторонѣ, и мы не знаемъ какъ убить безконечность этого времени. За то, какъ жадно ловить всякое событіе; прерывающее тоску уединенія! Какъ радуются самые строгіе ханжи, когда неумолимые уставы общественныхъ обязанностей приневоливаютъ ихъ оставить кое-когда домашнюю Оиванду, и заплатить долгъ дружбѣ или учтивости!

Молодая хозяйка блестящаго и гостепріимнаго дома, утомленная покоемъ, затѣяла для своихъ избранныхъ увеселеніе въ новомъ и совершенно новомъ вкусѣ. По волѣ ея, на дачѣ у ней устроены были ледяныя горы, и она пригласила насъ на завтракъ и катанье. Надлежало общему сбору быть въ ея городскомъ домѣ; каждому изъ мужчинъ привезти бѣговыя санки, и отправляться на дачу съ одною изъ дамъ. На дачѣ ожидали гостей горы, обѣдъ, и потомъ концертъ. Постъ-скриптумъ программы говорилъ, что дамы во весь день не выберутъ другихъ кавалеровъ, и останутся на горахъ и за столомъ спутницами и сосѣдками своихъ катальщиковъ. Вѣрно, изобрѣтательная хозяйка имѣла свои виды. Въ числѣ приглашенныхъ были Дольскій и Юлія. Всѣ прихлынули въ домъ веселія, всѣ съѣхались рано, а Юлія изъ первыхъ, чрезвычай-

но милая, окутанная лебяжьимъ пухомъ и серебрястыми блондами. Но тайное безпокойство туманило ея черты, и я прочиталъ въ нихъ отсутствие Алексѣя. Я присосѣдился къ ней, выбралъ для разговора самый распространительный предметъ, и разыскалъ все свое краснорѣчіе. Она не слушала меня, но я этого ждалъ. Ея ужимки укоряли мою докучливость; она отвѣчала не впопадъ; проворные пальцы, съ досадою, мли роскошный боа, глаза не разставались съ дверью, и при каждомъ шорохѣ, она вздрагивала трепетомъ ожиданія и надежды. Хитро спросилъ я, какъ провела она вчерашній день, передпослѣдній, и сообразилъ изъ отвѣтовъ, что она двое сутокъ не встрѣчалась съ Дольскимъ. Слѣдственно, они не успѣли сговориться ѣхать вмѣстѣ; слѣдственно, забота о расположеніи этого дня причиною ея тревогъ! Я не предложилъ себя въ кавалеры; у меня была на это причина — мнѣ хотѣлось ихъ вдвое мучить....

Наконецъ, нѣсколько шпоръ вмѣстѣ зазвенѣло въ дальнихъ комнатахъ; слухъ любви тотчасъ узналъ любимую походку изъ всѣхъ прочихъ. Юлія покраснѣла до ушей подъ своей шляпой. Дольскій вошелъ. Онъ былъ пасмуренъ; онъ чопорно поклонился издали моей сосѣдкѣ, завелъ рѣчь съ другими женщинами, не смотря на Юлію. Я понялъ, что они въ размовкѣ, всталъ, и освободилъ Юлію отъ моей бесѣды. Дольскій оставался при своей досадѣ, но она дрожала при одной мысли — погубить въ спорѣ день, который могъ быть такъ красенъ въ ихъ сердечной лѣгописи! Она старалась умолить, привлечь его. Полныя просьбы, покорности и ласки, ея голубые глаза долго не находили всегдашняго привѣта въ безвзорныхъ глазахъ Дольскаго. Мнѣ почти хотѣлось пожалѣть о ней — такъ болѣзненна ста-

новила вся осанка ея. Но она скорбѣла чинно, благопристойно, тихомолкомъ; она ни на минуту не забывала, что ей надлежало безусловно покорить свои страданія утѣснительнымъ правиламъ приличія; она помнила, что сердцу ея позволено разбитъ въ ноющей груди, но не измѣнить себя при свидѣтеляхъ. Нельзя было не удивиться этой силѣ воли въ столь слабомъ созданіи! Наконецъ она побѣдила Дольскаго: сердитый колодъ слетѣлъ съ просвѣтлѣвшаго чела; улыбка сказала красавицѣ, что разладъ забытъ, и молодой человекъ, лавируя межъ кресель и дамъ, пришелъ занять покинутое мною мѣсто.

Небосклонъ ихъ воспламенился богатыми цвѣтами встающаго солнца радости, и мнѣ пришлось быть зрителемъ ихъ встрѣчи, ихъ примиренія. Оно свершилось безъ объясненій, безъ полу-гнѣва, почти безъ словъ. Одни лица говорили; одни глаза взаимно переводили задушевные мысли, между тѣмъ, какъ уста, рабы приличія, безсвязно лепетали суетныя рѣчи учтивости. И вотъ онъ поклонился, говоря что-то вслухъ, и вотъ, она отвѣчаетъ едва приметнымъ движеніемъ головки, и вотъ удовольствіе все живѣе и живѣе разыгрывается въ ихъ взорахъ.... Я понялъ приглашеніе, согласіе, воздушные замки сердца, всѣ обѣщанія безоблачнаго дня...

Тутъ приблизился я, и попросилъ Юлію сдѣлать мнѣ честь, ѣхать со мною. Надобно было посмотрѣть на ихъ смѣненіе, ихъ нерѣшимость.... Она подумала, и отвѣчала запинаясь, что дала слово другому. «Въ такомъ случаѣ, сударыня, не осмѣлюсь пожелать вамъ веселаго пути — желаніе было-бы лишнее!» — И говоря это, я бросилъ взоръ на Дольскаго, и сокрушилъ оробѣвшую Юлію усмѣшкою, въ которой вылилъ все, что только было на

сердцѣ моемъ яда и сарказмовъ. Юлія спохватилась. «Вы меня не поняли,» возразила она поспѣшно, «я помѣшала договорить, г-нъ Валевичъ — я дала слово, но если вамъ угодно.... чтобы имѣть удовольствіе.... я могу сказать моему родственнику.... чтобы онъ искалъ другой дамы!» Она ожидала, что я отступлюсь отъ своего приглашенія. «Благодарю покорно,» отвѣчалъ я, «и падаюсь, что вы не забудете милостиваго вашего обѣщанія.»

Слезы навернулись на длинныхъ рѣсницахъ Юліи. Она просила Дольскаго позвать ея родственника, который, вѣрно, и не подозревалъ, что его имя служило громовымъ отводомъ.

Она поѣхала со мною, но приговоренные къ смерти такъ-же охотно ѣздили на казнь. Тоска сгустилась томными сгибами надъ ея сближенными бровями; тоска нависла тучею надъ потухшею лазурью ея очей. — Разсѣяніе отвлекало ея мысли. Онъ неслись впередъ, онъ увивались вокругъ быстрыхъ санокъ, мчавшихъ вихремъ Дольскаго съ другою спутницею.... Я былъ неумолимо веселъ, шутилъ, любезничалъ, не давалъ Юліи задуматься, не давалъ ей засмотрѣться на длинный рядъ саней, предшествовавшихъ нашимъ.... Сначала она страдала и покорялась, но вскорѣ потеряла все терпѣніе. Женская досада возбудила, надоумила ее, вдохнула ей тѣ неисчетныя хитрости, которыми женщины такъ славно умѣютъ прикрывать свои настоящіе чувства. Въ порывѣ отчаяннаго гнѣва, она рѣшилась не дать торжествовать моей ненависти, рѣшилась бороться со мною, играть на тонкость; она думала усыпить мой надзоръ, изблечить меня въ ложныхъ предположеніяхъ, и вдругъ принялась всѣмъ остроуміемъ своимъ оживлять нашъ разговоръ, стала мила, весела, развязна. Она принимала мои шутки, са-

ма шутила, ласково и колко. Я понял ее, и притворился, будто принимаю все за правду, будто не сомневаюсь в ее новой благосклонности. Я хотѣлъ убѣдить ее, что она кокетничала, хотѣлъ, чтобы она почитала себя виноватою предо мною, и завлеченный самъ, предавался безотчетно удовольствію ее слушать. Она была изумительна въ этотъ день, и болѣе чѣмъ когда нибудь понималъ я, что ея любовь могла-бы пересоздать меня и все бытіе мое. Это чувство не располагало меня благопріятнѣе къ Дольскому. Я вспоминалъ, что безъ него какъ отгадать, что-бы могло случиться, если бы они никогда не свидѣлись, никогда не сошлись?

На горахъ, Юлія сначала отказалась послѣдовать общему примѣру рѣшимости дамъ. Онѣ болѣе приневолили ее, чѣмъ уговорили, скатиться по зеркальному льду. Раза два свезъ я ее благополучно съ искусственной крутизны. Немного ободрившись, она согласилась на третье путешествіе въ легкихъ салазкахъ. Но лишь только мы стали спускаться, сильный порывъ сѣвернаго вѣтра разстроилъ эфирныя букли Юліи. Освободивъ бѣленькую ручьку изъ гласированной перчатки, Юлія поправляла свои волосы, нагнувши голову, когда пронзительныя вопли со всѣхъ сторонъ заставили обоихъ насъ вздрогнуть. Я увидѣлъ, что какой-то неосторожный, бѣгомъ, поднимался на гору прямо на встрѣчу намъ.... Остановить стремленія салазокъ было невозможно — я обмеръ отъ страха за бѣгущаго, но, быстрѣе молніи, однимъ скачкомъ въ сторону, онъ очутился на боковой дорожкѣ, и сидѣлъ уже на перилахъ, прежде нежели могъ я рассмотреть и узнать его. Все это совершилось въ одно мгновеніе, менѣе чѣмъ въ секунду. Помню только, что изъ груди Юліи вырвался странный звукъ — не ропотъ, не крикъ — скорѣе стонъ, и

этотъ стонъ называлъ мнѣ того, кому грозила смерть! Когда мы съѣхали, Дольскій принималъ поздравленія за ловкость и присутствіе духа, которыми онъ спасъ себя, а Юлія лежала безъ памяти возлѣ меня. Ее окружили и унесли. Дамы приписали испугъ раздражительности нервовъ, и никому въ голову не пришло противорѣчить имъ другимъ заключеніемъ. Я нашелъ въ салазкахъ перчатку и платокъ, вѣроятно, выпавшіе изъ руки, когда Юлія лишилась чувствъ. Она явилась черезъ нѣсколько времени, но была такъ слаба, такъ разстроена, что немедленно уѣхала домой съ своимъ мужемъ. Какъ грустно кончился для нея день, которому мечты сулили быть такимъ благополучнымъ....

Послѣ роскошнаго обѣда и длиннаго концерта, все общество разъѣхалось. Насъ, молодыхъ людей, пригласилъ къ себѣ одинъ общій товарищъ, и мы цѣлымъ роємъ отправились погрѣться у него. Дольскій былъ съ нами.

Насъ было много; намъ было привольно и весело. Вечеръ прошелъ въ шумныхъ разговорахъ и непринужденномъ пированьи. Только двоимъ было не до разгулья. Дольскій безпокоился о здоровьи Юліи, а я негодовалъ на нее за участіе къ нему, на себя за впечатлѣнія, сохраненныя отъ утра, на него за всѣхъ и за все. Общее броженіе головъ и языковъ усиливало мое неудовольствіе. Я выжидалъ случая открыть ему просторъ. Какъ водится на братскихъ сборищахъ молодежи, разговоръ обратился на женщинъ, и каждый, какъ то же водится между благородными людьми, каждый сталъ исповѣдовать громко и подробно свои удачи прошлой недѣли, свои надежды для слѣдующей. Какъ много именъ, облеченныхъ чистою непорочною, выходитъ изъ такихъ бесѣдъ черныя грязи, въ которой ихъ по-

прали легкомыслие, неблагодарность и хвастовство этих флюгеров, которыми женщины ввряются со всею неосторожностью любящих сердец! В этот раз я молчал. Давно посвятивъ себя на мстительное лазутничество, давно занятой чужими тайнами, я запустилъ свои собственные дѣла, и мнѣ нѣчего было пересказать.... Моя необычайная скромность изумила собесѣдниковъ. Они приступили ко мнѣ съ вопросами, начали шутить, и — не знаю какой демонъ внушилъ мнѣ мысль: заодно спасти предъ друзьями мои молву непреодолимости, и нанести послѣдній ударъ предмету неугасимаго отвращенія! Я вспомнилъ платокъ, вспомнилъ перчатку, и они много полетѣли на столъ. «Вотъ вамъ и отвѣтъ и разсказъ мой. Смотрите!» То и другое схватили жадно; обѣ вещи пошли переходить около стола изъ рукъ въ руки. Перчатка первая пришла къ Дольскому. Я наблюдалъ. Онъ готовился было отдать ее безъ замѣчанія, какъ вдругъ, казалось, пораженъ былъ противоположнымъ любопытствомъ — ему бросился въ глаза отгискъ кольца, слишкомъ извѣстнаго, оставшійся на гибкой лайкѣ.... Онъ пристально осмотрѣлъ перчатку, поднесъ ее къ лицу; я видѣлъ, какъ онъ узналъ ее по запаху любимыхъ духовъ Юліи, которыми перчатка напиталась на ея рукъ. Дольскій вырвалъ платокъ у сосѣда, быстро отыскалъ мѣтку, и все лицо его взволновалось, когда онъ прочиталъ знакомыя буквы J. L., вышитыя по тонкому батисту, и окруженныя кабалистическимъ словомъ: *Абрака-добра*, тоже вышитымъ крупными буквами.... Юлія выбрала въ символы это Арабское слово, извѣстное въ лѣтописяхъ магіи, какъ сильный талисманъ. Написанное кругообразно, оно не имѣетъ ни начала, ни конца, и потому означаетъ *вѣчность*.

Блѣдный, какъ полотно, стиснувши зубы, Дольскій бросилъ на меня взоръ, который уничтожилъ бы меня своей выразительностью, если бы я не былъ укрѣпленъ ненавистью и завистью. «И такъ, Г-нъ Валевичъ, эти залого говорятъ, что васъ должно поздравить съ новою побѣдою?» сказалъ онъ. Голосъ его былъ отголоскомъ ужасной бури. «Да, отвѣчалъ я, съ двусмысленной улыбкой, «но поздравляйте умеренно — побѣда не много хлопотъ мнѣ стоила. Дама, подарившая меня этимъ на память, довольно нѣжна, и такъ легкомысленна, что уступки ей не въ диковинку. Но, только, право, она миленькое и пламенное существо, и стоитъ, чтобы осушить бокаль въ честь ея плутовскихъ глазокъ!» Я выпилъ и предложилъ Дольскому выпить со мною. Онъ молчалъ. Онъ хотѣлъ отвратить всякое объясненіе, предосудительное для Юліи. Я продолжалъ: «Знаете-ли, что эта пріятельница моя долго кокетничала, долго ловила меня? Она влюблена въ меня по уши, но я былъ жестокъ. И какъ она мастерски притворяется! Какъ чинно морочить она добрыхъ людей! Глядя на нее, никто не повѣрилъ-бы, что она суцная вертушка — посудите сами — я ее назову»...

Меня прервала чья-то рука, свинцомъ паллицимъ упавшая мнѣ на плечо. Дольскій, весь трепещущій, съ сверкающими глазами, былъ уже возлѣ меня. «Довольно», шепнулъ онъ мнѣ на ухо, — «довольно. Если въ васъ есть еще хоть немного чести и совѣсти — замолчите! Не порочьте имени ангела, не оскверняйте языка вашего ложью! Да, слышите-ли, М. Г., ложью!! Благодарите моею рукъ, что она еще повинуется разсудку, а не мнѣнію! Берегу ее, не васъ Завтра, чѣмъ свѣтъ, прошу васъ требовать

удовлетворенія, должнаго вамъ за мои слова. Стрѣляться, рѣзаться — что хотите — я на все согласенъ — только скорѣе, скорѣе и безъ шуму!» Его пальцы такъ крѣпко, такъ судорожно сжались около моего локтя, что я готовъ былъ кричать отъ боли. Не успѣлъ я произнести: «Да!» какъ онъ уже выбѣжалъ, пропалъ, исчезъ. Бѣдовая перчатка лежала у меня на колыняхъ — платокъ онъ унесъ. Его любовь среди неистоваго гнѣва напомнила мнѣ, что должно спасти отъ клеветы всякое свидѣтельство противъ Юліи. Я оглянулся. Занятые своимъ веселымъ разговоромъ, оглушенные безумнымъ хохотомъ, собесѣдники наши не замѣчали ни волненія Дольскаго ни его мгновеннаго разговора со мною, ни бѣгства его; они продолжали забавляться, и уже забыли о моей хвастливой исповѣди.

Я оставилъ ихъ вскорѣ, увѣряя, что мы условились съ Дольскимъ ѣхать вмѣстѣ. Имъ нѣкогда было разбирать правду моихъ словъ. Я спѣшилъ къ одному не присутствовавшему тутъ другу, звать его въ секунданты....

На другой день мы встрѣтились. Я былъ еще подъ властью наканунныхъ впечатлѣній, подъ властью неудачнаго покушенія и тщетнаго совмѣстничества, слѣдственно, былъ ожесточенъ и встревоженъ. Дольскій, напротивъ, явился спокойный, рѣшительный. Онъ изумилъ меня хладнокровіемъ, съ которымъ входилъ во всѣ распоряженія, во всѣ подробности. Онъ отвелъ меня въ сторону. «Г-нъ Валевичъ! прежде зналъ я васъ за благороднаго человека, и надѣюсь, что вы почувствуете, какъ недостойно, какъ низко было-бы безъ нужды вмѣшаться въ наше дѣло имя женщины, которую мы оба, которую всѣ, обязаны уважать, почитать и цѣнить

такъ, какъ она заслуживаетъ. Чѣмъ наша встрѣча ни кончится; объ ней упоминать не слѣдуетъ, и не зачѣмъ. Дайте мнѣ честное слово ваше, дайте мнѣ его!» Я обѣщала. «Пойдемте-же теперь!» И онъ возвратился къ свидѣтелямъ.

Насъ поставили. Шаги отмѣрены. Оружіе готово, курки взведены, выстрѣлы раздались — мы оба были ранены слегка. «Еще — мы вѣдь не шутимъ!» сказалъ Дольскій.

Снова зарядили — снова знакъ, снова выстрѣлы.... Чувствую пулю въ рукѣ, и вижу Дольскаго на землѣ, въ крови.

Въ одно мгновеніе, вся гнусность моего поступка, моего обмана, моего умышленнаго, постоиннаго наступанья — весь ужасъ *убійства*, все предстало моей мысли. Досада, зависть, ненависть, самолюбіе, все сгнуло, все рушилось — жгучій укоръ, жестокое раскаяніе пронзили мою душу. Совѣсть воскресла, застонала — она ропщетъ и теперь, теперь, когда девять лѣтъ прошли надъ роковымъ событіемъ....

Я вспомнилъ — зачѣмъ такъ поздно? — я вспомнилъ мои прежнія, заглушенные чувства къ моей жертвѣ, вспомнилъ, какъ сердце мое открывалось для него — его молодость, его душа, качества, дарованія все возстало вопія на убійцу, все, что небо вложило добраго въ него и въ меня, вооружилось на мою казнь, на мое вѣчное страданіе!

Онъ еще дышалъ. Я подошелъ къ нему. Слова раскаянія жгли уста мои. Онъ взялъ меня за руку.... Валевичъ! прощай! прощай все! Но, ради смерти, скажите: *то была клевета?* Я не сомнѣваюсь въ ней, но вы должны отречься — я хочу слышать отъ васъ — я купилъ теперь ея оправданье —

скажите, она вѣрна, она чиста?... И глаза его жадно смотрѣли въ мои взоры. «Чиста, какъ душа твою!» вскричалъ я, не помня себя. Онъ хотѣлъ кинуться ко мнѣ на шею, и въ объятіяхъ моихъ испустилъ духъ....

Полковникъ остановился, закрылъ лицо руками, и отвернулся. Онъ плакалъ, какъ женщина. Нѣскольکو разъ, во время разказа своего, боролся онъ съ собственными чувствами, чтобы продолжать разказъ, но при концѣ, голосъ его былъ едва слышенъ, и часто прерывался въ тяжело дышащей груди. Когда онъ умолкъ, то не имѣлъ уже силъ скрывать свои ощущенія, и скорбь его вырвалась на свободу. Всѣ слушатели хранили безмолвіе. Пылкій Савининъ, стыдившійся показать умиленіе, удерживалъ дыханіе, думалъ удержать слезы живѣйшаго участія и жалости. Нѣсколько минутъ прошло. Кто-то хотѣлъ встать. Полковникъ протянулъ руку. «Постойте — я еще не кончилъ. Вы слышали развязку, но мнѣ остается досказать вамъ послѣдствія, чтобы вы могли постигнуть — легко-ли моей душѣ»....

Онъ превозмогъ себя, и продолжалъ: «Меня привезли домой безъ чувствъ. Мнѣ вынули пулю изъ руки. Рана моя была опасна, и скоро пришелъ я въ память. Тотчасъ пріѣхалъ свидѣтель Дольскаго, и отдалъ мнѣ письмо отъ него. Вотъ оно — съ тѣхъ поръ не покидало оно меня ни на мгновеніе! Возьми, Савининъ — прочитай его — я усталъ, и не могу!» Савининъ молча отказался отрицательнымъ движеніемъ головы. Полковникъ передалъ письмо Горскому, и тотъ прочиталъ его вслухъ.

«Жаль мнѣ васъ, Валевичъ, видитъ Богъ — отъ души жаль. Судьба готовитъ вамъ нестерпимое раскаяніе. Въ васъ есть душа, въ васъ трепещутъ чувства, и вы поступили вопреки себѣ самому, но видно такъ суждено, видно такъ определено.

«Я васъ прощаю — прощаю, и здѣсь и на будущую жизнь; прощаю вамъ сердцемъ, и всѣми помыслами....

«Вотъ, что хотѣлъ я сказать вамъ прежде всего, предвидя, что оно будетъ вамъ отрадно и дорого. Знайте, помните, повторяйте себѣ часто, что я васъ простилъ. Эта мысль пусть будетъ вашею опорой, вашимъ утѣшеніемъ!

«Валевичъ! открыть ли вамъ! Я знаю васъ коротко, я оцѣнилъ васъ безпристрастно, и видѣлъ, какъ вы различны отъ того, чѣмъ вы кажетесь, чѣмъ вы хотите себя показывать! Я могъ бы васъ любить, Валевичъ, васъ однихъ изъ среди всѣхъ вашихъ. И потому, на краю гроба, хочу примириться съ вами, быть вамъ извѣстнымъ до глубины моей души. Хочу, чтобы вы поняли меня наконецъ, чтобы вы забыли ваши невыгодныя заключенія обо мнѣ, чтобы вы не чернили моей памяти тѣми подозрѣніями, которыя такъ долго дѣлали мнѣ адъ изъ моей жизни. Эти подозрѣнія, всѣ до одного угадалъ я; переносилъ ихъ, какъ жесточайшее испытаніе, могъ, но не долженъ былъ ихъ разрушать. Незаслуженное презрѣніе — адская сокрушительная тяжесть! Оно томилъ меня вживъ — не возьму его съ собою за предѣлы гроба, чтобы оно не разрушило гробницы надо мной.... Гробницы, говорю я, потому, что знаю, твердо знаю, что буду убитъ вами завтра. Для меня нѣтъ удачи, или неудачи — мнѣ ужъ назначенъ мигъ судьбы моей, въ игрѣ на

жизнь и смерть, намъ предстоящей. Случай ничего не можетъ для меня сдѣлать. Рокъ заранѣе бросилъ кости — вы будете только слѣпымъ орудіемъ его, Валевиць, и потому, еще разъ прошу васъ, не упрекайте себя никогда въ моей смерти. Мой жребій опредѣлилъ мнѣ погибнуть. Почему-же не подумать, не повѣрить обоимъ намъ, что вамъ опредѣлю меня сразить? Я вѣрю — а вы? Вы меня еще не понимаете, вамъ еще странно должно быть смѣсль моихъ рѣчей; но чтобы сдѣлаться понятнымъ, мнѣ должно начать издалека. Нынѣ, въ послѣдній разъ, мнѣ надобно чужое терпѣніе — не откажите въ вашемъ моему разсказу!

«Прочитайте его, и вы можете потомъ сказать вашимъ товарищамъ и друзьямъ, что презираемый ими Дольскій не былъ ни трусомъ, ни подлецомъ, какимъ многіе его считали. Вы будете моимъ третьимъ, моимъ добросовѣстнымъ свидѣтелемъ, а первые два — Богъ и моя мать!

«У меня есть мать, Валевиць, мать, въ которой моралистъ и христіанинъ равно признаютъ ту, кого они поставили-бы идеальнымъ примѣромъ всемъ другимъ матерямъ, мать, которой не отплатилъ бы я за любовь, пробывши цѣлую вѣчность въ благоговѣннѣй у ногъ ея — мать, которая явилась на земли, чтобы искупить своими материнскими чувствами, своими подвигами и совершенствами все грѣхи другихъ матерей. Хотѣть описать вамъ ея попеченія безъ счета, ея неутомимую заботливость ея самоотвергающую любовь, значило-бы начать съ минуты моего рожденія и продолжать до настоящей, приводя ежедневные, ежечасныя примѣры. Быть можетъ, вы оцените ее, когда узнаете, какія жертвы могло ей

приносить двадцати-лѣтнее сердце, бившееся сильными страстями, полное кипучею кровью....

«Оставшись сиротою въ малолѣтствѣ, обвинчавшись съ старикомъ, чтобы обезпечить себѣ кровь, кусокъ хлѣба и честное имя, она не знала ни радостей, ни взаимности даже дружбы — она никого не любила до меня, никого не любила, кромѣ меня: конечно, потому что небо хотѣло хоть единожды почти чудомъ, сберечь въ цѣлости всегда расточаемое сокровище женскаго сердца, чтобы посмотрѣть, какая мать выйдетъ изъ этой женщины съ необновленными чувствами, съ душою непочатою иной любовью. Другія познаютъ нѣжность материнскую послѣ страстей и пламенище и сильнѣе, а можно ли сосредоточить сердце въ чувствѣ спокойномъ и безкорыстномъ, когда оно уже перегорѣло въ чувствахъ огненныхъ и млежныхъ, въ себлюбивомъ счастьи страстной взаимности? Велите-ли бурному водопаду задремать тихимъ озеромъ? И потому, перелюбивши *многое и многихъ*, пылкія, чувствительныя женщины рѣдко бываютъ хорошими, нѣжными матерями. Ихъ душа обдѣвляла, ихъ сердце излюбили. Чадолюбива лишь та, которая приноситъ къ семейственному очагу душу свѣжую и юную, сердце чистое и свѣтлое. Правда, есть еще женщины, способныя страстно, единственно и всею душою возлюбить своего младенца: это тѣ, которыя не были счастливы въ другихъ привязанностяхъ, сочувствіе которыхъ осмѣлно, кому дружба измѣнила, кто въ любви нашелъ одну блестящую ложь, одно краткое заблужденіе, одно требованіе безъ отвѣта. Но въ материнской, *послѣдней* любви ихъ, есть отголосокъ отчаянія, есть тайная пеня и вѣчный страхъ. Прижимая младенца къ груди, онѣ говорятъ:

«Не обмани! все другое меня обмануло!» Нѣтъ, не такъ любила меня мать, не это могла говорить та, чье сердце миновали бури и пламя страстей, кому моя первая улыбка принесла первое волненіе радости. Моя мать вѣдала только одно призваніе въ здѣшнемъ мірѣ — за то, какъ исполнила она его...

«Я былъ четвертый ребенокъ у моихъ родителей; трое, прежде рожденныхъ, не дождалось окончанія перваго года своего, а потому и меня взростили при неизмѣнной боязни потерять. Отца не помню я вовсе. Онъ кончилъ вѣкъ свой, когда я былъ еще у кормилицы, то есть, когда мать моя еще кормила меня, ибо она сама исполнила первый долгъ матери, и не уступила своихъ правъ чужой. Въ послѣдствіи, когда я пришелъ въ возрастъ, и долженъ былъ получить образованіе, я не имѣлъ ни какого учителя, кромѣ моей матери. Она пріобрѣла все познанія, все свѣдѣнія, необходимыя воспитателю; она предалась изученію всехъ наукъ, преподаваемыхъ юношеству, и всегда наканунѣ сама вытверживала урокъ, который объясняла мнѣ на слѣдующій день. До опредѣленія моего въ университетъ, она одна была мнѣ наставникомъ, была моимъ профессоромъ. Ея женское сердце успѣло пріучить умъ ея къ строгой, сухой отвлеченности высшихъ знаній и наукъ. Она сдѣлалась ученою по чадолюбію.

«Когда я былъ на десятомъ году моемъ, у насъ въ домѣ случилось происшествіе, малозначащее въ сущности, но имѣвшее, съ той поры до нынѣшней, неограниченное вліяніе на все дни моей жизни.

«Мы жили обыкновенно въ подмосковной, и лѣтомъ и зимою. Мать моя не ѣздила въ Москву, не имѣла знакомства тамъ, ни желанія быть въ свѣтѣ,

котораго она никогда не видала, и посвятить совершенно всю свою молодость одному мнѣ. Дѣша свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, и лѣтнемъ привольемъ деревенскимъ, я былъ силенъ, рѣзвъ и смѣль. Меня не стѣсняли робкія привычки и уставы, какимъ съ колыбели подчиняютъ другихъ дѣтей. И потому, началъ я мыслить, вопрошать и помнить гораздо ранѣе обыкновеннаго. Мать не принуждала меня, не вырабатывала моего нрава: она только помогала ему развиваться, совершенствовала его кроткимъ руководствомъ своимъ. Я весь былъ отвѣтомъ ея душѣ, ея сердцу.

«Однажды, на святкахъ, дряхлая нищая, шедшая большою дорогою, подошла къ окну просить милостыни. Подаяніе и гостепримство были святы въ нашемъ домѣ; ее приняли, ее наградили. Она рассказала слугамъ, что она Цыганка, и слѣдственно, воровать мастерски. Обрадованныя горничныя, поочередно, прибѣгали къ ея искусству, и каждая прикрашивала потомъ чудеса, рассказываемыя предъидущею о старой колдунѣ. Все это слышала я только мелькомъ, потому, что меня никогда не пускали ни въ дѣвичью, ни въ переднія, и мнѣ возбранены были всякіе разговоры съ прислугой. На этотъ разъ, я ловилъ все ихъ толки, былъ пораженъ новымъ явленіемъ Восточнаго лица и полудикаго наряда Цыганки.

«Она мнѣ казалась чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ, и я не безъ удовольствія узналъ, что ей позволили переночевать у насъ. Я услышалъ также что вечеромъ она должна совершить главную гаданье — смотрѣть въ зеркало. — Смотрѣть въ зеркало — что это значить? думала я, смотрѣвшій во все зеркало и не выдавшій ничего особен-

наго, ни въ нихъ, ни на нихъ. Цѣлый день былъ я занятъ рѣшеніемъ этой загадки, и всѣмъ тѣмъ, что было непонятно для меня въ слухахъ о нашей гостьѣ. Вечеромъ, когда мать заготовляла наши уроки, я тайкомъ ушелъ изъ гостиной, и отправился въ запретную дѣвичью.

«Мое дѣтское воображеніе изумилось и взволновалось при входѣ туда: одинъ видъ комнаты, вовсе мнѣ незнакомой, былъ достаточенъ для того, чтобы произвести впечатлѣніе, но еще болѣе удивился я всѣмъ волшебнымъ запасамъ, которыми она была полна. Эти два зеркала, одно противъ другаго, эти двѣ свѣчи на столѣ, которыя отражались въ зеркалахъ до безконечности, рисуя блестящія, магическія перспективы свѣчъ и рамъ, постепенно уменьшающихся, необрѣзныя глыбы топленого воска и олова, разметанныя по всѣмъ угламъ, и сверхъ всего Цыганка, Цыганка съ сѣдыми, распущенными волосами, сидящая у стола — все это обдало меня какимъ-то страхомъ, какимъ-то волненіемъ, дотолъ мнѣ неизвѣстными, но не безъ сладости. Мысль о судьбѣ, о будущности, не ясно мелькнула въ умѣ моемъ; впервые захотѣлъ я узнать, что могло быть послѣ завтрашняго дня. — «Погадай мнѣ, Цыганка — я дамъ тебѣ вотъ это!» и я показавъ серебряную пряжку, удерживающую на мнѣ широкій поясъ моего дѣтскаго наряда. И теперь помню, какъ чудно засверкали впалые глаза старухи, какъ алчно сухія, черныя руки протянулись къ блестящему металлу. Она согласилась, сѣла предъ зеркаломъ, выслала всѣхъ вонъ, и мы остались вдвоемъ — мы, непонимающее себя счастье, которое вѣстрялось корыстью нищеты безвластной ничтожности, невѣдомо себя рѣшавшей въ этотъ урочный часъ участь

чужой жизни, одаренной всѣми благами земными, но испорченной и осужденной съ того часа, съ того мгновенія....

«Цыганка вперила глаза въ зеркало, приказывала мнѣ молчать и не шевелиться.

«Я сталъ за нею, какъ вкопанный, сложа руки, удерживая дыханіе, испытывая въ первый разъ въ жизни всѣ муки неизвѣстности, всѣ прелести запрещеннаго наслажденія.

«Не знаю долго-ли продолжалось это положеніе; напряженіе всѣхъ силъ и всѣхъ чувствъ моихъ скоро лишило меня и тѣхъ и другихъ. Я былъ уже какъ сонный, когда легкій шорохъ заставилъ меня встрепенуться. Матушка вошла съ строгимъ лицомъ. Я понялъ опасность, близость упрека, который былъ мнѣ болѣе всѣхъ наказаній, и какъ будто присутствіе ворожеи моею сообщило мнѣ хитрость ея единоплеменцевъ, я преклонилъ колѣно, послалъ матушкѣ умоляющій взоръ, и показавъ на зеркало, прошепталъ: «Чудесно!» Матушка хотѣла увести меня, но въ этотъ мигъ чутье женщины заговорило неодолимо; любопытство взяло верхъ надъ осторожностью и разсудкомъ; она подошла, изъ-за плеча Цыганки бросила взоръ въ роковое зеркало.... удивленіе изобразилось во всей особѣ ея — она осталась и смотрѣла.... Вдругъ двойной вопль раздался въ комнату, и я увидѣлъ матушку на полу. Ее вынесли безъ чувствъ — я побѣжалъ за нею. Цыганку оставили одну, но когда потомъ вспомнили объ ней, ея нигдѣ не отыскали, и никто не могъ сказать, куда она дѣвалась.

«Матушка опомнилась, но только для того, чтобы тотчасъ впасть въ нервическую горячку, подвергнувъ ее продолжительной опасности. Меня хо-

тѣли удалить, но моленіями и слезами купилъ я себѣ право не покидать больной, и всѣ дни ея недуга провелъ подлѣ нея, сиди у ногъ ея на скамейкѣ. Она безпрестанно бредила, и все обо мнѣ. «Отнимите пистолеть у Алеси! Не пускайте Алесу на дуэль! Не давайте имъ убить Алеси!»... Вотъ что слышалъ я ежеминутно отъ матушки, во все время трехъ-недѣльнаго ея безпамятства.

«Богъ оставилъ ее мнѣ, и когда она выздоровѣла, никогда не отвѣчала она на частые вопросы мои о зеркалѣ, Цыганкѣ, причинѣ ея крика и ея обморока. Нашъ бытъ пошелъ прежнимъ чередомъ, только мало по малу, одна за другою, всѣ военныя игрушки, мои любимыя, стали исчезать изъ дѣтской; пропало ружье, потомъ пропала сабля, потомъ пропалъ мой драгоценный киверъ, и наконецъ, сама невинная ташка моя, такъ завидно выпитая золотомъ руками матушки! Ни жалобы, ни просьбы мои, не выманили возобновленія моего арсенала. — Еще произошло нѣсколько перемѣнъ въ порядкѣ моихъ уроковъ: меня меньше занимали математикою, и старались внушить мнѣ охоту къ изученію иностранныхъ языковъ и словесностей. Только позднѣе, гораздо позднѣе понялъ я всѣ эти подробности материнской дальновидности.

«Спусти нѣсколько лѣтъ, мы переехали въ Москву: мнѣ надлежало окончить мое воспитаніе. Я сталъ посѣщать лекціи университета, и потомъ поступилъ въ студенты.

«Когда упоминалъ я о будущей моей службѣ, матушка всегда говорила мнѣ объ иностранной коллегіи, о министерствахъ, о камеръ-юнкерствѣ, а я перебивалъ рѣчь ея распросами о разныхъ мундирахъ гвардіи, и прошеніемъ о позволеніи мнѣ

посѣщать манежъ и школы фехтованья. У матушки на эти просьбы былъ одинъ отвѣтъ: «Она имѣла причины не желать, чтобы я былъ военнымъ, и надѣялась, что я не пойду ей наперекоръ.» Къ тому-жъ, она обыкновенно перерывала всѣ подобныя разговоры. А между тѣмъ, задушевные мечты мои упорно блестяли богатыми эпохею, приманчиво звенѣли гремлицами шпорами, и часто во снѣ видалъ я себя на запретномъ полѣ шумной битвы, куда наяву меня не допускали. Наконецъ, послѣдній экзаменъ мой приближался; слѣдовало рѣшить мою участь, и мы съ матушкой все еще не были согласны. Прекословіе пламеннымъ желаніямъ такъ огорчило меня, что я наконецъ занемогъ, и раздраженіе умственныхъ силъ, ежеминутно усиливаясь, свергло меня въ большую опасность. Не опишу вамъ отчаянія матушки, ея попеченій, ея безпокойства — вамъ можно вообразить ихъ. Врачи объявили ей страшный приговоръ: они грозили чахоткою, если скоро нельзя будетъ помочь сердечной горести моей, какъ они единогласно называли болѣзнь, меня угнетавшую. Матушка, въ ужасѣ, осыпала меня вопросами, и я долженъ былъ признаться. Она была поражена, много плакала, много думала, и сама открыла мнѣ свою тайну. Она противилась моему призванію, потому что бѣдовое зеркало Цыганки показало ей меня погибающимъ отъ пули, и потому что вторичное гаданье обо мнѣ предрекло мнѣ смерть на поединкѣ... Матушка, со всѣмъ благочестіемъ своимъ, съ рѣдкимъ образованіемъ и свѣтлымъ разумомъ, не могла отвергнуть суевѣрнаго страха, томившаго ей душу съ той поры, и она увѣрила меня, что не разъ мрачныя предчувствія подтверждали ея загадочное видѣніе.

«Я употребилъ всѣ способы разуверить, успокоить ее; она казалась уступчивѣе, но не была убѣждена; дала наконецъ свое согласіе, но въ замѣну того взяла съ меня клятву — помните, Валевичъ, страшную клятву, что *никогда не буду я драться на поединкѣ*. Сраженіе ея не пугало: она вѣрила, что Провидѣніе не захочетъ отнять у нея единственной любви ея жизни, тамъ, гдѣ жребій можетъ выбирать свои жертвы между тысячами; она боялась только этихъ кровавыхъ лоттерей, конми кичливость наша искушаетъ власть небесную. — На крестѣ, надѣтомъ на меня при купѣли, я произнесъ матери торжественный обѣтъ, ею требуемый.

«Выздоровленіе мое вскорѣ заплатило ей за жертву всѣхъ ея опасеній; я возвратился къ жизни, съ сердцемъ налегкѣ, съ душою, полною отваги и смѣлости, и былъ вполне счастливъ до самаго дня моего отъѣзда. Но, прощаясь съ бѣдною матерью, съ этимъ единственнымъ другомъ моего дѣтства, я отдалъ искреннюю дань скорби и сожалѣнія ей и всему, что оставлялъ за собою въ родительскомъ домѣ. Другіе, увѣжал на службу, переступаютъ за очеркъ тяжелаго повиновенія и продолжительнаго рабства, освобождаются отъ ига взыскательной семьи, рвутся на давно желанный просторъ, и кто не пойметъ, что слеза сыновней любви легко можетъ уступить въ сердцѣ ихъ первой улыбкѣ самобытности, первому жадному вдыханію вольнаго воздуха? Мой удѣлъ не походилъ на долю прочихъ. Никогда не былъ я стѣсненъ, ни строгостью, ни себялюбіемъ старшихъ; въ домѣ матери моей ни одна непріятность не пала на меня съ ея участіемъ; я шагнулъ за порогъ роднаго крова съ неподдѣльною горестію, съ слезами глубокаго, жи-

ваго чувства. Миръ и радость родителямъ, которые заслужили благодарность и довѣріе своихъ дѣтей! Они одни въ правѣ ожидать отъ сына сожалѣній, когда онъ отрываетъ отъ ихъ осѣдой жизни свою кипучую молодую судьбу...

«Напутныя слова матери были благословеніемъ, и мольба — быть осторожнымъ, беречь себя для нея. Узнаешь ли она, чего мнѣ стоило соблюденіе ея заповѣди!

«Золотыя мечты мои о военной жизни скоро рассыпались передъ тусклою существенностью. Валевичъ! это не укоръ, но я долженъ признаться, что *вы и товарищи ваши* паперерывъ старались разочаровать меня, бѣднаго неопытнаго сновѣрца. Съ первыхъ дней моего искуса, я узналъ свои заблужденія, измѣрилъ паденіе игривыхъ мечтаній, меня завербовавшихъ. Безумный! я задумалъ о рыцарствѣ, а ударился лбомъ объ ваши сердца! Я ожидалъ радушнаго собратства и теплыхъ рукожатій, а нашелъ ложное товарищество, съ тайнымъ недоброжелательствомъ, съ чиннымъ равнодушіемъ, подъ личиною свѣтской развязанности. Холодный разборъ, которому подвергли меня съ первой минуты знакомства, смутилъ и облилъ холодомъ мою пылкую откровенность. Взоры, окинувшіе меня со всѣхъ сторонъ, были такъ горды, такъ насмѣшливы, такъ наступательны, что я оробѣлъ предъ ними, я, привыкшій видѣть себя предметомъ любви, вниманія, одобренія своихъ домашнихъ. Тщетно высматривалъ я привѣта въ глазахъ когонибудь изъ васъ. Я страдалъ въ душѣ, понавши свое одиночество, но скоро понялъ еще болѣе, понялъ, что мнѣ необходимо было тщательно скрывать отъ васъ подлиннаго себя, если не хочу пасть добычею вашихъ

кожкостей, если не хочу стать посмѣшищемъ вашего злорѣчія. Усиліе было велико, но я побѣдилъ себя, заточилъ въ недосыгаемую глубь сердца все свѣтлое, все пріязненное, все довѣрчивое моего нрава; я облекся корою недоступности, чтобы спасти себя отъ васъ, и не измѣнить самому себя подъ властью примѣра и увлекающихъ обычаевъ.

«Я вамъ не нравился, — говорю вамъ, то есть, всему обществу вашему. Не ищите язвительной личности въ моихъ словахъ — я помирился съ вами теперь чистосердечно. Я вамъ не нравился, и могло-ли быть иначе? Воспитанный женщиною, и напуганный около нея этой нѣжности, этой мягкости обращенія, которая вмѣняется въ недостатокъ мужичья, невиданной свѣта, жившій дотоль съ матерью, съ любимыми книгами и дѣвственными мечтами, я былъ страненъ, неловокъ и дикъ на помѣльныхъ и шумныхъ бесѣдахъ вашихъ. Въ глазахъ вашихъ у меня былъ непростительный порокъ: я судилъ, чувствовалъ и мыслилъ своеобразно. И вы осудили меня въ одинъ голосъ, и я сталъ между вами отверженцемъ, Парисю, чѣмъ-то въ родѣ этихъ опальныхъ, которыхъ встарину, объявляли на ряду съ птицами небесными, вольною цѣлью стрѣлка. Только вы сначала не жизни моей хотѣли, не чести, а самолюбія и покоя моего; только вы меня оскорбляли не довольно явно, не такъ, чтобы я могъ требовать мщенія, но довольно ощутительно для того, чтобы возбудить во мнѣ все бѣшенство непризнаннаго человѣка.

«И такъ, первый сонъ моей жизни измѣнилъ нетерпѣливымъ ожиданіямъ, и ремесло оружія было для меня разочаровано. Но молодость упряма и настойчива; она не вдругъ отвыкаетъ отъ любимой

думы, и когда мнѣ пришлось сказать *прости* веселой чредѣ моего званія, я перенесъ всѣ надежды, всѣ порывы на чреду строгихъ обязанностей, войны и славы; я утѣшился мыслью, что поле брани когда нибудь откроется моею пламенной отвагѣ; я посвятилъ честолюбію и удалству пристрастіе, обманутое днями міра. Я сказалъ себя: *дойду!* — и теплая вѣра въ себя самого обвѣчала мнѣ, что подвиги и храбрость изобличаютъ несправедливость сослуживцевъ, и водворятъ меня съ честью въ ихъ рядахъ.

«Я узналъ васъ, Валевичъ, и съ первой минуты нашего знакомства вы внушили мнѣ непонятное чувство. Теперь я называю его *предчувствіемъ*, но тогда оно было безотчетно для моего разсудка. Не знаю, съ какой цѣлью, но вы обошлись со мною совсемъ не такъ, какъ другіе, какъ друзья ваши, и мнѣ пріятна была ласковость вашего приема. Умъ, образованность, пріязненность, все въ васъ привлекало меня — я чувствовалъ желаніе сблизиться съ вами, готовность просить дружбы у вашего сердца. Но въ то же время, что-то вдругъ отталкивало меня отъ васъ, и мнѣ становилось душно и тоскливо при васъ. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ: «Этотъ человекъ тебя погубитъ!...»

«Вскорѣ вы перемѣнились ко мнѣ. Это меня удивило столько же, сколько ваше недолгое недоброжелательство, и я не понималъ ни того, ни другаго. Но когда, вмѣсто прежней пріятности, я встрѣтилъ вашу холодную улыбку, эту улыбку, которая вмѣщала въ себя бездны ироніи и отдаленія, мнѣ стало легче и свободнѣе; я радовался, что былъ избавленъ отъ признательности къ вамъ; я былъ согласенъ съ самимъ собою, съ тѣхъ поръ, какъ не

видя себя обязанным васъ любить, я могъ — болтъся васъ, сколько мнѣ угодно.

«Между тѣмъ, каждый день, каждый часъ моей обновленной жизни приносилъ мнѣ испытаніе и искушеніе, подвергалъ меня, или невыразимой пыткой — подавлять оскорбленное самолюбіе, или горькой крайности невольно нарушить святую клятву. Я не могъ показаться среди товарищей, не бывши осыпанъ непріятностями всякаго рода. То на меня бросали взоры, за которыя все сердце рвалось заплакаться мщеніемъ и обидой. То до ушей моихъ доходили рѣчи, которыя всю кровь мою зажигали во мнѣ. И болѣе всего извила меня эта жалостная, насмѣшливая снисходительность, которую иные вздумали оказывать мнѣ, какъ безсловесной, беззащитной жертвѣ, видя мое чудесное незлобіе. О Боже! Если бы они могли разгадать это *милое незлобіе*, если бы имъ можно было взвѣсить, какого тяжести оно лежало на борющейся съ собою душѣ! Если бы я могъ сказать имъ мою мучительную тайну . . . Нѣтъ, нѣтъ! Эти люди легкомысленны, вѣтренны, безучастны, но они не вовсе испорчены; — имъ понятны еще и чувство чести, и самопожертвованіе; они устыдились бы пытки, такъ жестоко совершаемой ими надъ человѣкомъ, обезоруженнымъ невозвратнымъ словомъ; надъ человѣкомъ, скованнымъ примѣрнымъ, единственнымъ жребіемъ! И что я вытерпѣлъ, какъ я страдалъ, какъ сѣдѣла моя душа въ этомъ ужасномъ бою съ самимъ собою! Съ какимъ содроганіемъ гнѣва хваталась иногда рука моя за нетерпѣливую саблю! Съ какимъ воплемъ изступленія слово смерти стократно прилетало на трепетный языкъ! Но образъ матери становился между мною и врагами — я все переносилъ

силъ — и молчалъ! Ваши товарищи, вы сами, всѣ презирали, всѣ хулили меня, всѣ почитали меня малодушнымъ . . . Ахъ и смерть! Гдѣ же взять я силу и волю пережить эту мысль? Въ неизсякаемой благодарности къ несравненной матери!

«Да! для нея побѣдилъ я себя и васъ, и пребылъ твердъ несчастному обѣту. Это было первою моею жертвою — я убилъ свое самолюбіе, позволилъ запятнать свою честь! . . .

«Я разстался съ вашимъ обществомъ, и бросился въ тревоги свѣта, чтобы разсѣять убитый умъ, чтобы освѣжить воображеніе, омраченное всеневными тучами. Я приказалъ себѣ быть глухимъ и слѣпымъ для нападеній и преслѣдователей, и вскорѣ новизна и разнообразіе моего шумнаго быта заглушили во мнѣ полковья воспоминанія. Алчно пилъ я изъ позлащенной чаши пировъ, пламенно наслаждался ихъ блескомъ, ихъ удовольствіями, ихъ кипящимъ обаяніемъ, и, признаюсь, на краю гроба, признаюсь — да! я благодаренъ свѣту, я любилъ свѣтъ, я былъ счастливъ и доволенъ его угощеніемъ! Не мнѣ было судить, обманчивы-ли пріемъ толпы, измѣнчиво-ли ея радушіе; не мнѣ доискиваться, что таится подъ ея праздничными розами, подъ ея общительнымъ весельемъ! мнѣ достаточно было безотчетно наслаждаться: Я не имѣлъ ни нужды, ни охоты отуманивать себя напрасно печальною наукою строгаго разбора, этого отрадой старожиловъ. Потому прощаюсь я съ свѣтомъ, какъ съ пріятелемъ, безъ клеветы, безъ укоризнъ; покидаю его, не какъ възыскательный странникъ, всему бросившій свой надменный приговоръ, все видѣвшій сквозь отливъ собственной хандры, но какъ очарованный гость, твердящій на порогъ радостные мотивы бальной

музыки. Пусть черная фата отчаянія и безцвѣтный покровъ пресыщенія служить подкладкою розовой одеждѣ шумнаго свѣта, его роскоши и пирова! Не подъ моей рукою распадется эта свѣтлая одежда;— нѣтъ, она переживетъ меня долго, и —хоть она непрочна, но я еще неспрочнѣ ея, еще скорѣ увяну, истлѣю. Вскорѣ, мое веселье смѣнилось счастьемъ, моя суета обратилась въ жизнь, и безсмысленный блескъ роскошныхъ освѣщеній сталъ скуденъ и тѣменъ передъ лучезарнымъ явленіемъ, пролившимъ въ мою душу теплоту, сіяніе и чувство. Я узнала благо возвышеніе и дороже безпричинной свѣтской радости; я испыталъ волненіе страсти и предельность первыхъ тревогъ любви — встрѣтилъ, узналъ ее... вы знаете *кого*, и вторично понялъ я, что если небо хочетъ показать человѣку всѣ восторги своего рая, оно посылаетъ ему женщину съ любящимъ сердцемъ. Да, послѣ безпредѣльной нѣжности моей матери, всякая привязанность женщины показалась бы мнѣ слабою и недостаточною, если бы я не нашелъ именно той, которая любила съ такимъ же самозабвеніемъ, но еще пламеннѣе, еще живѣе. Вамъ ли могу я передать всю повѣсть моей страсти; вамъ-ли, не вѣрующему ни въ женщинъ, ни въ любовь? Вамъ-ли, слѣпорожденному, опишу я солнце небесъ и радугу Божию? Скажу вамъ только, что если избытокъ чувствъ не разорвалъ моего сердца, то это единственно потому что судьба берегла меня, зная, что этому сердцу и такъ уже не долго биться жизнью!...

«Мое счастье затмилось съ того дня, когда вы его *отгадали*, съ того часа, когда недобровѣщій взоръ вашъ взглянулъ на него. Я встрѣтилъ васъ на пути моемъ, какъ духа злобы, какъ гонителя, прикованнаго

къ стопамъ моимъ, и вашимъ бѣдовымъ вліаніемъ на сдвойнившуюся участь нашу объяснилось мнѣ то странное чувство, которое при первой встрѣчѣ предостерегало меня отъ васъ. Дайте сказать вамъ, что поведеніе ваше противъ насъ было недостойно благороднаго правосудія, и спросите потомъ у общественного правосудія, не подтвердить ли оно моего упрека. Если бы вы точно *любили* ее, любили ту, которую вы преслѣдовали такъ упорно, я понималъ бы васъ, и, ревнуя, былъ-бы долженъ уважать въ васъ чувство и выборъ, общіе намъ обоимъ. Но какъ далеки были вы отъ святой страсти, когда безъ жалости и безъ совѣсти играли спокойствіемъ и гордостью достойнѣйшей изъ всѣхъ женщинъ! Сначала я не проникнулъ въ мысли ваши, не отгадалъ васъ — безумецъ! я доставилъ вамъ восхитительное наслажденіе, обнаруживъ предъ вами врачебную зоркостью всѣ страданія, всѣ мученія моей ревности... Нѣсколько дней я почиталъ васъ предпочитаемымъ, нѣсколько дней удавалось вамъ терзать меня убійственными сомнѣніями. Теперь еще, въ этотъ предсмертный часъ, при воспоминаніи объ этихъ черныхъ дняхъ, все сердце мое вздрагиваетъ бѣшенымъ волненіемъ. Минутная недовѣрчивость была единственною моею виною противъ нее. Сердце мое не помнитъ, чтобы я чѣмъ нибудь другимъ оскорбилъ ее, и, благодаря нашей взаимной искренности, я не долго грѣшилъ даже и своими подозрѣніями.

«Но страданіе не кончилось съ сомнѣніемъ. Вы умѣли изобрѣсти терзанія иначе, и я не стану пересказывать вамъ всего, что чувствовалъ я, когда изъ неудачнаго поклонника, вдругъ сдѣлались вы обвинителемъ и судьбою отвергнувшей васъ. Увѣренъ,

что вы умѣли читать въ душѣ моей, что ни одна минута досадѣ monkъ не ушла отъ вашего вниманія. Все ясно было, къ чему клонилось ваше намѣреніе; я видѣлъ, что мое счастье вамъ кололо глаза, что вы хотѣли разрознить насъ страхомъ, когда исканія ваши остались безъ успѣха, что главнымъ цѣлью вашею было — задѣть мое сердце, такъ больно, чтобы вырвать у меня слово мести и знакъ гнѣва. Вы помните мое нѣмое терпѣніе; помните, какъ я переносилъ всѣ испытанія, какими вашей прихоти угодно было томить меня? Да, вы часто должны были въ душѣ вашей смѣяться надо мною, надъ тѣмъ, что вамъ казалось недостойнымъ малодушіемъ! Валевицъ! безпрекословно давалъ я вамъ лезвие колкими навѣтами женщину, которую долженъ былъ защищать и беречь, подвергая за нее опасности тысячу жизней. Я дозволялъ вамъ отнимать у меня всѣ радости ея присутствія, похищать передъ свѣтомъ всѣ признаки ея благосклонности, и — несчастная клятва моя не была нарушена! Второю моею жертвою сыновнему долгу были ревность, любовь и счастье, закланые желѣзною волею, въ тиши измученнаго сердца.

«Но судьбы не обойдешь! Не миновать ея, когда непреклонное предопредѣленіе вписало свой приговоръ на скрижаляхъ рока. Она рѣшила, и какъ вѣрныя струны, слишкомъ долго натягиваемыя неискусною рукою, всѣ усилія мои, вся власть моя надъ собою сокрушились вчера передъ словами вашими! Вы превозмогли. Последнее испытаніе истощило мои силы — буря вырвалась на просторъ, изъ глубины кипящей души. Видѣть позоръ, позоръ незаслуженный, угрожающій боготворимому предмету всѣхъ поклоненій, всего благоговѣйнаго пристрастія сво-

его, видѣть женщину, для служенія которой не находимъ довольно чистоты въ сердцѣ, довольно восторговъ души въ чистѣйшихъ и восторженнѣйшихъ порывахъ дѣвственнаго бытія, видѣть ее униженною дерзкой клеветой, охуленнымъ безстыднымъ хвастовствомъ легкомысленнаго злословія! — Вотъ чего не могъ я перенести, вотъ что заставило меня забыть — мою мать, и мое слово, и цѣлый міръ! Я видѣлъ чье имя готово было сорваться съ языка вашего, чье имя было бы предано неизгладимому запятнанію — нѣступленіе одолѣло меня; мнѣ едва осталось столько присутствія духа, чтобы образумить васъ, не измѣняя себѣ, и только одна мысль уцѣлѣла въ помраченномъ разсудкѣ. Я вспомнилъ, что защитить ея въ этотъ мигъ было бы сгубить ее непременно.... Вы знаете остальное....

«И теперь я не раскаиваюсь въ моемъ вызовѣ, не раскаиваюсь въ нарушеніи клятвы, столь долго завѣтной, хотя знаю, какъ много слезъ буду я стоять бѣдной матери.... Меня успокоиваетъ твердая увѣренность, что ея страданіе не продлится — она меня не переживетъ.... Думаю, что безукоризненно исполнилъ я долгъ свой противъ перваго друга моей жизни; — мнѣ оставался долгъ противъ иной — и его надлежало исполнить. Я счастливъ мыслью, что погибну за боготворимое существо. Съ невыразимою гордостью, чувствую, что смертію моею выкупаю я ее отъ поношенія. Эти двѣ женщины, мать и милая, раздѣляли между собою всѣ помыслы, всѣ чувства мои — ихъ однѣхъ успѣлъ я узнать и любить въ міръ. Но какъ различно могъ я доказать имъ мою любовь!... Одна требовала моей жизни, а для спокойствія, для чести другой смерть моя необходима. Да! я убѣжденъ въ этой печальной истинѣ —

ей безъ меня будетъ лучше, безопаснѣе. Живой, я могъ излишнею пылкостью подвергнуть ее величайшимъ огорченіямъ, могъ разстроить навѣки всю участь ея. Наша тайна, рано или поздно, должна была открыться, и диво даже, что она до сихъ поръ сохранялась невредима. Какъ любить и быть любимымъ такъ страстно, живучи среди свѣта, привыкшаго требовать отъ каждаго строгаго отчета въ малѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ его мнѣніяхъ и дѣяніяхъ? И я, я могъ-бы привлечь сокрушительную грозу на ея возлюбленную невинную голову, могъ быть виною ея неисцѣлимыхъ скорбей, зрителемъ невозвратимой гибели ея существованія, домашняго и общественнаго, и, уничтоженная, поправная, въ прахъ, въ пыли, она должна-бы видѣть во мнѣ ужъ не блаженство, а злополучіе свое... О, нѣтъ, нѣтъ! Стократъ лучше умереть въ утѣшительной вѣрѣ что я спасаю ее отъ людей и отъ себя, отъ вражды и любви, — умереть съ мыслью, что я скоро-ню въ моемъ тѣсномъ гробѣ единственный укоръ ея чистой жизни! Усопшій, я больше буду съ нею нежели теперь: воспоминаніе и поминованіе обо мнѣ не опасны, не грѣшны, и строгій долгъ не станетъ болѣе между ею и мною... Валевичъ! вы не измѣните намъ; вы не предадите судилищу злорѣчій и предрасудковъ нашу любовь, глубокую, истинную, задушевную! Вы поймете насъ, вы будете вѣрными и безмолвнымъ наперсникомъ моей могилы! Полагаюсь на васъ, на честь и раскalianіе ваше. Вы почитали себя въ правѣ ненавидѣть ту, которая васъ отринула. Вы были въ заблужденіи; но какъ бы то ни было, молъ тѣнь примиритъ васъ съ нею, молъ кровь измѣнитъ взаимныя отношенія, и не вы будете обиженнымъ! Она сдѣлается предметомъ ва-

шего состраданія, вашей жалости. Валевичъ, поручаю, завѣщаю ея вамъ; — *ее*, причину нашей распри — *вась*, несчастному побѣдителю! Вотъ вамъ *последняя* моя воля, залогъ мира между нами. Берегите ее, защитите ее отъ клеветы, если будетъ нужно, отдалите отъ нее все, похожее на подозрѣніе, и чтобы никогда, нигдѣ, уста ваши не произносили ея и моего имени вмѣстѣ!...

«Обо мнѣ не жалѣйте. Я кончаю свой минутный вѣкъ, покорный и спокойный. Моя судьба завидна. Немного пожилъ я, но много, но искренно *былъ любимъ*. Два сердца обязаны мнѣ своимъ земнымъ счастіемъ, своей надеждой въ мірѣ лучшемъ — двѣ женщины соединили на мнѣ, на *мнѣ одномъ*, всю свою преданность, всю заботливость и нѣжность свою — я былъ душою двухъ возвышенныхъ и великихъ душъ.

«Меня украдкою искушаютъ мысли о жизни. Мнѣ будто жаль ее, кажется... я узналъ не все ея радости, но разумъ мой говоритъ мнѣ противное, и я повторяю съ нимъ: хорошо, хорошо, что все *теперь* для меня кончается! Какъ предугадать, что было бы *послѣ*? Какъ угадать, что готовило мнѣ будущее, и чѣмъ *завтра* могло смѣнить *вчера*? Статся можетъ, мое счастье было, что я не изъ долголѣтнихъ? Лучше, лучше унести съ собою сердце полное очарованія, свѣта, теплоты, еще неотравленное ни обманомъ, ни утратою, ни разуврѣніемъ. И къ тому-же, какъ сладко, какъ освѣжительно думать, что не исчезну я изъ міра незамѣченный, что не пропаду я въ нѣмомъ забвеніи. О, если меня не напутствуютъ прощанія и благословенія, то они потомъ отыщутъ мой прахъ, и тризны по мнѣ будутъ правиться ежедневно въ сокровенной тиши одного оставшагося на землѣ сердца. Никогда не былъ я

себялюбцемъ, но нынѣ, въ послѣдній день моей жизни, я упиваюсь слезами, которыя прольются въ память мнѣ.

«Валевичъ! я сказалъ вамъ, что не жалю о жизни, но я не сказалъ, не могъ сказать, что мнѣ не жаль ея, что мнѣ не больно ее оставить.....»

«Пишу къ ней. Хочу самъ объявить ей разлуку. Отъ меня ударъ будетъ сноснѣе. Но я не скажу ни слова о несчастномъ платкѣ, о перчаткѣ. Зачѣмъ ей знать, что она была вмѣшана въ нашу ссору? Вчера я взялъ съ собою ложное свидѣтельство вашей коварной путки; оно сожжено со всѣмъ, что могло быть найдено послѣ меня. Всѣ предосторожности приняты, чтобы я былъ послѣднимъ слѣдомъ ея привязанности, а мнѣ не долго ждать истребленія. Я пылъ и тѣнь на ея жизни — сметите меня скоро! Изъ ея сердца меня ничто не изженетъ.»

«Валевичъ! вы единственный участникъ нашей тайны; вы силой вторглись въ это наперсничество, и вы не откажетесь отъ долга, призваннаго вами на свою голову. Вручите, доставьте ей мои прощальныя строки! Я увѣренъ, что вы примете на себя эту *персую* и *единственную* услугу, о которой я васъ прошу. Случай и средство вы найдете. Вы исполните все съ осторожностью, чтобы ни одна живая душа, кромѣ ее и васъ, не знала ничего. Но, ради Бога, нельзя-ли, чтобы *она* была увѣдомлена немедленно послѣ событія, прежде чѣмъ молва успѣетъ разойтись по городу? Боюсь, чтобы внезапная вѣсть не постигла ея при свидѣтеляхъ, чтобы людское безжалостное болтанье равнодушныхъ не было ей погребальнымъ моимъ колоколомъ. Кто знаетъ, до чего можетъ довести ее отчаяніе? Я, погибающій для того, чтобы упрочить ей безопасность и покой, я вправъ хотѣть, чтобы смерть моя

не разстроила моихъ расчетовъ, а мнѣ извѣстно, какъ умѣютъ толковать и блѣдность женщины, и малѣйшій признакъ ея волненія.

«Вамъ, Валевичъ, не стану говорить, какъ *она* выше всякаго осужденія, выше всякаго упрека. Вы сами въ томъ увѣрены — вы слѣдили нашу чистую взаимность, шагъ за шагомъ и отъ одной ступени до другой. Вы знаете, что она меня любила непорочною любовью ангеловъ, и что она отдала мнѣ всю свою душу, но ни единого чувства, ни единого трепета болье! Вы знаете, что нашу привязанность, мы оба, смѣло можемъ исповѣдать предъ небомъ, и что если я боюсь людей, то это потому только, что ихъ испорченное воображеніе вездѣ ищетъ соблазна и зла. Но передъ вами мнѣ нѣтъ нужды защищать ту, которую вы знаете не хуже меня.....»

«Вотъ и утро. Мы скоро увидимся. Я встрѣчу васъ безъ вражды — будьте въ томъ увѣрены.»

—

Горскій возвратилъ письмо полковнику. Тотъ продолжалъ свой разсказъ:

— Въ пакетѣ, привезенномъ секундantomъ, была еще бумага, подписанная Дольскимъ, и въ ней онъ объявлялъ, что самъ причиною своей смерти по *неосторожности*. Онъ хотѣлъ спасти меня отъ всякихъ неприяностей, но я не имѣлъ ни желанія, ни возможности скрыть истину. Бумага была изорвана, а я принужденъ оставить Петербургъ. Но я успѣлъ исполнить волю Алексѣя — выдумалъ сказку, и увѣрилъ своихъ товарищей, что мы дрались въ слѣдствіе жаркаго спора, случившагося въ то время, когда мы вмѣстѣ возвращались съ веселаго ужина. Никто не могъ опровергнуть словъ моихъ, ибо никто не зналъ, гдѣ и какъ былъ сдѣланъ вызовъ. — Лю-

себялюбцемъ, но нынѣ, въ послѣдній день моей жизни, я упиваюсь слезами, которыя прольются въ память мнѣ.

«Валевичъ! я сказалъ вамъ, что не жалю о жизни, но я не сказалъ, не могъ сказать, что мнѣ не жаль ея, что мнѣ не больно ее оставить....»

«Пишу къ ней. Хочу самъ объявить ей разлуку. Отъ меня ударъ будетъ сноснѣе. Но я не скажу ни слова о несчастномъ платкѣ, о перчаткѣ. Зачѣмъ ей знать, что она была вмѣшана въ нашу ссору? Вчера я взялъ съ собою ложное свидетельство вашей коварной шутки; оно сожжено со всѣмъ, что могло быть найдено послѣ меня. Всѣ предосторожности приняты, чтобы я былъ послѣднимъ слѣдомъ ея привязанности, а мнѣ не долго ждать истребленія. Я пылъ и тынъ на ея жизни — сметите меня скорее! Изъ ея сердца меня ничто не изменитъ.»

«Валевичъ! вы единственный участникъ нашей тайны; вы силой вторглись въ это наперсничество, и вы не откажетесь отъ долга, призваннаго вами на свою голову. Вручите, доставьте ей мои прощальныя строки! Я увѣренъ, что вы примете на себя эту *первую* и *единственную* услугу, о которой я васъ прошу. Случай и средство вы найдете. Вы исполните все съ осторожностью, чтобы ни одна живая душа, кромѣ ее и васъ, не знала ничего. Но, ради Бога, нельзя-ли, чтобы она была увѣдомлена немедленно послѣ событія, прежде чѣмъ молва успѣетъ разойтись по городу? Боюсь, чтобы внезапная вѣсть не постигла ея при свидѣтеляхъ, чтобы людское безжалостное болтанье равнодушныхъ не было ей погребальнымъ моимъ колоколомъ. Кто знаетъ, до чего можетъ довести ее отчаяніе? Я, погибающій для того, чтобы упрочить ей безопасность и покой, я вправъ хотѣть, чтобы смерть мол

не разстроила моихъ расчетовъ, а мнѣ извѣстно, какъ умѣютъ толковать и блѣдность женщины, и малѣйшій признакъ ея волненія.

«Вамъ, Валевичъ, не стану говорить, какъ она выше всякаго осужденія, выше всякаго упрека. Вы сами въ томъ увѣрены — вы слѣдили нашу чистую взаимность, шагъ за шагомъ и отъ одной ступени до другой. Вы знаете, что она меня любила непорочною любовью ангеловъ, и что она отдала мнѣ всю свою душу, но ни одинаго чувства, ни одинаго трепета болѣе! Вы знаете, что нашу привязанность, мы оба, смѣло можемъ исповѣдать предъ небомъ, и что если я боюсь людей, то это потому только, что ихъ испорченное воображеніе вездѣ ищетъ слазна и зла. Но передъ вами мнѣ нѣтъ нужды защищать ту, которую вы знаете не хуже меня....»

«Вотъ и утро. Мы скоро увидимся. Я встрѣчу васъ безъ вражды — будьте въ томъ увѣрены.»

Горскій возвратилъ письмо полковнику. Тотъ продолжалъ свой рассказъ:

— Въ пакетѣ, привезенномъ секундантомъ, была еще бумага, подписанная Дольскимъ, и въ ней онъ объявлялъ, что самъ причиною своей смерти по *неосторожности*. Онъ хотѣлъ спасти меня отъ всякихъ неприятностей, но я не имѣлъ ни желанія, ни возможности скрыть истину. Бумага была изорвана, а я принужденъ оставить Петербургъ. Но я успѣлъ исполнить волю Алексѣя — выдумалъ сказку, и увѣрилъ своихъ товарищей, что мы дрались въ слѣдствіе жаркаго спора, случившагося въ то время, когда мы вмѣстѣ возвращались съ веселаго ужина. Никто не могъ опровергнуть словъ моихъ, ибо никто не зналъ, гдѣ и какъ былъ сдѣланъ вызовъ. — Лю-

бонитство и злословіе не занялись поединкомъ, не сопутствуемымъ романомъ, и вскорѣ Дольскій и я равно были забыты большимъ свѣтомъ, куда ни тотъ, ни другой не возвратились.

— А Юлія?—Что случилось съ Юліей?—вскричало все, что было въ комнатѣ.

«Такъ, какъ и ее давно забыли, то я могъ рассказать эту быль, не нарушая обѣта, даннаго памяти Дольскаго, ибо я называлъ его возлюбленную вымышленнымъ именемъ, и конечно, никто изъ васъ не отгадаетъ ея настоящаго названія. Впрочемъ, теперь и она не должна опасаться пересудовъ молвы. —

— Какъ? Она умерла?...

«Нѣтъ! я недавно слышалъ объ ней: она живетъ въ своей деревнѣ, воспитываетъ своихъ дѣтей, и ухаживаетъ за подагрикомъ мужемъ.

— Но какъ приняла она извѣстіе о смерти бѣднаго Алексѣя?

«Какъ перенесла она свое горе?»

— Она? — Въ чужой душѣ кто-жь прочитаетъ? Но я сужу по наружности. Вечеромъ того бѣдоваго дня — я еще былъ свободенъ, а поединкомъ не разглашенъ — я собрался съ духомъ, чтобы отвезти ей письмо, увѣряя, что хочу просить ея ходатайства за секундантавъ, знавши обширныя связи ея мужа, по родству и знакомствамъ. — Я засталъ ее съ гостями, въ приемной, спокойную, привѣтливую, какъ всегда. Я просилъ разговора пассивно. Она вшла со мною въ свой кабинетъ, и тамъ, когда я объяснился, когда вручилъ завѣтную посылку замочнаго жильца, она смѣшалась, но только на минуту, и скоро пришла въ себя, распросила обо всѣхъ подробностяхъ вызова, поединка, несчастной ихъ развязкѣ. Потомъ молча поклонилась и отпу-

стила меня. Съ тѣхъ поръ мы больше не встрѣчались.

«Но вы вѣрно что нибудь объ ней слышали? Вы, конечно, знаете, какъ она вынесла свою потерю?...»

— Она? — отвѣчалъ Валевичъ, пожимая плечами — она осталась чѣмъ была прежде — знатною дамою, въ вихрѣ моды; она не переставала принимать; въ ея гостиной, какъ мнѣ сказывали, я имѣлъ много доброжелателей — она говорила о поединкѣ, и съ участіемъ обо мнѣ. Она выѣзжала, танцевала, была прекрасна, какъ прежде.

«Какъ! Возможно-ли? Такъ она не любила Дольскаго? Такъ бѣдный былъ игрушкою кокетки? Такъ она и не потужила объ немъ? Не была въ горячкѣ? Не впала въ чахотку?»

— Не сошла съ ума? Не сдѣлалась ханжей?

«Ея не возили въ чужіе края? Не лечили минеральными водами и Парижскими модными лавками?»

— Ни сколько. Но, случай жестоко прервалъ блестящій ходъ ея жизни. На пятомъ, или на шестомъ балѣ послѣ смерти Алексѣя, она, видно, слишкомъ отъ души танцевала, оступилась, упала, вывихнула себѣ ногу, и осталась хромою на весь свой вѣкъ. Весь медицинскій факультетъ лечилъ ее, но ничто не помогло. Это происшествіе такъ ее огорчило, что она не захотѣла оставаться въ свѣтѣ, гдѣ прежде временно попала въ *обойное лице*, въ число не танцующихъ. — Она уѣхала въ деревню...

«И по дѣломъ ей! Бездушная тварь! Пустая вертушка! Она заслужила свою участь!»

— Спасибо ногѣ, что подвернулась и отмстила за Дольскаго! Хотя отъ нея пришлось не выплывать контраданса надъ его прахомъ!

«Всѣ эти кокетки таковы. Кажется, душу за тебя отдадутъ, а умри — такъ и слезинкой не помянутъ! Хороши!»

— «Ошибаетесь, господа, ей Богу, вы всѣ ошибаетесь!» сказалъ, внезапно вставая полковой докторъ, дотоле безмолвствовавшій во весь вечеръ. Человѣкъ въ лѣтахъ, съ истиннымъ познаніемъ своей науки и прекрасною душою, онъ былъ всѣми уважаемъ и любимъ, всегда хранилъ кроткую важность во всѣхъ своихъ приемахъ, думалъ много, говорилъ мало; его рѣдкія слова имѣли вѣсь и значеніе передъ каждымъ, кто зналъ его.

Въ эту минуту, обычная недвижность лица его исчезла. Его глаза оживились; его черты показывали внутреннее волненіе, душевный взрывъ чувствительности. «Хотите-ли, господа, я доскажу вамъ былъ полковника, доскажу вамъ то, чего ни онъ, и никто въ мірѣ, кромѣ меня не подозреваетъ? Полковникъ! я узналъ ту, кого вы описали подъ вымышленнымъ именемъ Юліи; я не могъ не узнать ея, бывши близкимъ, ежечаснымъ свидѣтелемъ этого періода ея жизни. Я былъ домашнимъ врачомъ Юліи, лечилъ ее, когда всѣ почитали ее хромою, и могу присягнуть, что ноги ея обѣ цѣлы, что ни одна изъ нихъ не была и вывихнута, ни даже скольконибудь повреждена!

— Какъ? Но, что-жь значитъ ея болѣзнь, ея отъ-вѣдь?

«Значитъ то, что женщину, какъ гіероглифъ, не скоро разгадаешь, что свѣтъ судить по наружности, и что его, этого мудреца, легко обмануть! Юлія одарена душою твердою, волею всемогущею. Опытъ научилъ ее обладать собою, скрывать себя подъ непреступными покровами общепринятаго двуличія, и она сумѣла притвориться — вотъ и ~~всѣ~~ ~~она~~

поняла, что малѣйшій признакъ тревоги и грусти, малѣйшее отступленіе отъ привычекъ, измѣнять ей, изобличать тѣ чувства, которыя такъ долго, такъ тщательно она таила. Въ минуту ужаснѣйшаго перелома ея судьбы, она вспомнила, что есть *свѣтъ*, есть *общество*, и ихъ неумолимые толки. Она вспомнила, что ей должно беречь себя, свое имя, и сердце ея покорилось разсудку — скорбь уступила чистой гордости души возвышенной. — Юлія побѣдила себя, подавила въ себя всѣ сожалѣнія, всѣ терзанія, назначила себѣ роль, и выполнила ее, чего это ей ни стоило. Ея трауромъ была жестокая необходимость пышныхъ нарядовъ; ея терновымъ вѣнцомъ были цвѣты и алмазы, тяготившіе ея голову, и вмѣсто рыданій надгробныхъ, она принудила слухъ свой внимать аккордамъ бальной музыки. Она опредѣлила себѣ пытку, назначила ей срокъ, казнила себя пока жизнь и смерть Дольскаго не погрузились въ общій токъ забвенія, куда свѣтъ такъ скоро выбрасываетъ все то, что ему не нужно, все то, что перестаетъ занимать его праздное любопытство. Тогда Юлія выбрала самый блистательный праздникъ, балъ многолюдный и шумный, гдѣ весь городъ былъ ея свидѣтелемъ; она нарочно упала, прикинулась изуродованною, слегла въ постелью, и нѣсколько мѣсяцевъ переносила муки леченія, обременительное участіе и докучливость всеобщаго состраданія. Меня не могла она обмануть, и она отчасти открывася мнѣ, призналась, что ей нуженъ былъ предлогъ для вѣчнаго разрыва съ большимъ свѣтомъ. Я понялъ ее, помогъ ей въ безгрѣшномъ обманѣ, произнесъ надъ нею приговоръ неизлечимости. И сопровождаемая сожалѣніями толпы, она о ~~на~~ навсегда прежнее свое поприще, но оставила его какъ торжествующая царица, подъ за-

щитою имени блестящаго, съ незапятнанностью красоты, ума и достоинства. Она удалилась въ деревню, куда я самъ проводилъ ее. Тамъ воспитываетъ она своихъ дѣтей, ходить за устарѣвшимъ, хилымъ мужемъ, какъ вамъ уже сказалъ полковникъ — тамъ она живетъ жизнью души, жизнью таинственною, невысказанною. — Я и теперь въ перепискѣ съ нею. Она все та-же. . .

ЯСНОВИДЯЩАЯ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦАРЕВНА БАБЕ-БИ-БОБУ.

(Сказка МАРРИЕТТА).

=

Начинаю разсказъ свой — сказалъ Менуни — онъ потечетъ стройно и плавно, какъ верблюдъ идетъ въ степи, на пуги ко гробу нашего великаго пророка. Къ сѣверовостоку отъ обширнаго Индѣйскаго полуострова, находится страна благословенная; земля въ ней обильна всѣми возможными произведеніями природы, и вѣчноглубое небо лелѣетъ ее въ своихъ объятіяхъ. Государство это граничитъ къ востоку съ Лузитанією, которая, какъ всему свѣту извѣстно, лежитъ на сѣверъ отъ насъ, у береговъ Исландіи, получившей это названіе отъ чрезвычайнаго жаркаго климата своего. На югѣ примыкаетъ оно къ длинному полуострову — названія его не припомню — ну, да все равно. Извѣстно, что этотъ полуостровъ простирается до морей, находящихся во владѣніяхъ великаго Татарскаго Хана. Къ западу отъ этого царства лежитъ страна . . . названіе ея позабылъ — а къ сѣверу еще другая страна, — я ея имени мнѣ теперь не вспомнить. Зналъ, что мудрость Локмана то же самое въ сравненіи съ ученостію Вашего Благополучія, что простое хлѣбное зерно пе-

редь спѣлою дынею, я послѣ этого описанія считаю излишнимъ напоминать Вашему Высокомочію, что дѣло идетъ о могущественномъ государствѣ Суфрскомъ.

«Ты совершенно правъ,» отвѣчалъ паша, ты правъ, Менуни — продолжай.

Къ величайшему счастью раба Вашего Благополучія, онъ находится въ присутствіи самой мудрости, потому что я самъ еще навѣрное не зналъ названія этого государства — такъ продолжалъ Менуни. Память измѣнила мнѣ при взглядѣ на высокую особу вашу — такъ легкая газель бѣжитъ въ степь, слыша приближеніе каравана.

Въ этой прелестной странѣ, гдѣ соловей безъ умолку поетъ нѣжныя пѣсни своей возлюбленной розѣ, гдѣ розы до тѣхъ поръ изливаютъ благоуханіе, пока воздухъ весь не превратится въ самое благовонное куреніе, и вдыхая его, правовѣрные предвкушаютъ блаженство, ожидающее ихъ у порога рая, при встрѣчѣ съ дѣвственными гуріями золотой долины — въ этой благословенной странѣ жила Индѣйская царица. Небо надѣлило ее всѣми возможными прелестями, и одна улыбка царицы доставляла челоуѣку на цѣлый вѣкъ; 18 разъ уже наступала весна со дня ея рожденія, но она все еще одиноко жила во дворцѣ своемъ, по причинамъ, которыя я буду имѣть счастье въ послѣдствіи объяснить Вашему Благополучію. Въ этой странѣ, населенной тогда, по волѣ аллаха, невѣрными, вѣроятно, для размноженія рабовъ на служеніе правовѣрнымъ, потому что они въ послѣдствіи тутъ поселились, въ этой странѣ женщины ходили безъ покрывалъ; онѣ пресмыкались въ преступномъ невѣдѣніи этого священнаго обычая правовѣрныхъ, и во время торжественныхъ церемоній, всякій могъ

любоваться ихъ красотою, хотя, правду сказать, она всегда украшалась милою стыдливостію. За это ужасное преступленіе заповѣдей великаго пророка, души Суфрскихъ женщинъ, конечно, заслуживали бы вѣчную гибель, если бы только у женщинъ были души. По словамъ Мену, еще далеко до того времени, когда просвѣщеніе разольется отъ правовѣрныхъ на всѣ прочіе народы, и они въ состояніи будутъ понять величіе, безопасность нашихъ гаремовъ, оцѣнить вѣчно обитающее въ нихъ ненарушимое блаженство, и сверхъ того я долгомъ считаю замѣтить Вашему Благополучію...

«Продолжай рассказъ свой, Менуни,» прервалъ его Мустафа — «Его Высокомочіе не любитъ замѣчаній.»

— «Инцилахъ! Совсѣмъ нѣтъ,» сказалъ паша; «твое дѣло рассказывать повѣсть, а мы ужъ выскажемъ свое мнѣніе объ ней, когда ты кончишь.»

«Сама мудрость говоритъ устами вашими,» сказалъ Менуни, наклонивъ голову, и потомъ продолжалъ рассказъ свой.

По смерти Суфрскаго царя, наследовала престолъ его прекрасная Бабе-би-бобу (таково было имя царицы; на языкѣ той страны оно означало: *густыл сливок*). Согласно завѣщанію покойнаго родителя, утвержденному всѣми важнѣйшими государственными чинами, царица, достигнувъ 12ти-лѣтняго возраста, должна была избрать себѣ супруга, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы избранный юноша былъ одной касты съ нею, и чтобы на лицѣ у него и на рукахъ не было ни какихъ пятны, ни рубцовъ. И за то, когда два года спустя послѣ смерти отца, ей исполнилось 12 лѣтъ, во всѣ концы государства отправлены были скороходы и гонцы на легкихъ дромадерахъ и на лошадяхъ чи-

стой Арабской крови; они всюду провозглашали волю покойнаго царя. Скоро молва донесла вѣсть объ этомъ событіи въ сосѣдственныя государства, а оттуда она разлилась по всему свѣту; на земномъ шарѣ не было челоуѣка, который не зналъ бы, что въ непродолжительномъ времени царица Бабе-би-бобу изберетъ себѣ супруга. Но въ самомъ Суфрскомъ царствѣ, вся молодежь взволновалась, потому, что каждый надѣялся обратить на себя вниманіе царицы; всѣ женщины, безъ исключенія, принимали дѣятельное участіе въ этой суматохѣ, потому что... потому....

— «Потому, что женщины вѣчно мѣшajúтся въ свое дѣло!» прервалъ его паша; «продолжай, Менуни.»

«Мудрость Вашего Благополучія разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія, потому что нѣтъ другаго челоуѣка на свѣтѣ, который могъ бы объяснить поведеніе женщинъ.»

Словомъ: все государство перевернулось вверхъ дномъ; всѣ кричали, шумѣли, однихъ лелѣла надежда, другихъ терзали отчаяніе, ревность, зависть, любовныя попытки, удивленіе, сомнѣніе и тысяча иныхъ страстей и страстишекъ челоуѣческихъ — всѣхъ ихъ не пересчитаешь.

Дѣло въ томъ, что каждый юноша счелъ долгомъ повѣсить на плечо мандолину, и задумалъ про себя, что на него падетъ выборъ. Надежда воцарилась въ этой счастливой странѣ; на розы удвоилась цѣна; женихи вылили на себя весь запасъ розоваго масла, и чуть не воздвигали алтарей влюбленному соловью, но все это не надолго. Сомнѣніе заступило мѣсто надежды, когда каждый размыслилъ, что изъ трехъ миллионъ жениховъ только одному суждено счастье. — Ужъ это вѣсьмъ извѣстно — если много

совѣтниковъ, вѣчно нѣтъ ни какого толку; такъ и по случаю выбора жениха для царицы было столько совѣщаній, споровъ, разсужденій, произнесено столько рѣчей, что на восемнадцатомъ году своей жизни прекрасная райская птичка уединенно чиликала въ обширныхъ садахъ царскихъ.

— «По почему же?» прервалъ его паша, «почему не выдать ея за мужъ, когда есть три миллиона жениховъ, готовыхъ на ней жениться? Я не понимаю этой медленности!»

— «Конечно, этого никакъ не могло случиться, если бы Суфрскимъ вельможамъ досталась въ удѣлъ мудрость Вашего Благополучія. — Сомнѣніе было виною всѣхъ этихъ отсрочекъ. Не даромъ говоритъ поэтъ, что сомнѣніе мать или отецъ нерѣшительности. Это сомнѣніе родилось въ головѣ одного изъ браминновъ, а ужъ когда ему случалось сомнѣваться въ чемъ нибудь, такъ онъ тотчасъ принимался разсматривать дѣло со всѣхъ сторонъ, и никакъ не могъ ни на что рѣшиться. Всѣ эти длинные шесть лѣтъ ожиданія, женихи не переставали блуждать вокругъ дворца съ мандолиною подъ мышкою, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ пажей, носившихъ за ними огромные свертки любовныхъ сонетовъ, а царица Бабе-би-бобу все безъ мужа!»

— «Я начинаю думать, что царица твоя умретъ старою дѣвою,» нетерпѣливо сказалъ Паша.

Я буду имѣть честь объяснить это въ послѣдствіи. Все дѣло остановилось за однимъ недоразумѣніемъ: надлежало точнѣйшимъ образомъ объяснить смыслъ этихъ словъ: «чтобы на лицѣ и на рукахъ не было ни пятенъ, ни рубцовъ, и должно ли включать сюда родимыя пятна, или нѣтъ?» Глава браминновъ полагалъ, что родимое пятно тоже пятно. Мнѣніе его считало на своей сторонѣ много послѣдователей

именно тѣхъ, у кого лица и руки были совершенно чисты; напротивъ женихи съ родимыми пятнами единогласно утверждали, что не только это не пятна, но что родимья пятна нѣкоторымъ образомъ означаютъ избытокъ красоты. Наконецъ дѣло отдано было на разсмотрѣніе муфтіевъ. Мудрецы тщательно его взвѣсили, рассмотрѣли со всѣхъ сторонъ, пытались разрѣшить его посредствомъ математическихъ вычисленій, рассуждали объ немъ патоцакъ и послѣ вкуснаго обѣда, бредили имъ, засыпали и просыпались въ раздумь, рассмотрѣли его, разобрали, написали двадцать четыре тома доказательствъ и двадцать четыре тома опроверженій, и все это повело къ одному заключенію, что пятна суть пятна, а царевна все безъ мужа!

Тогда дѣло это поступило къ дервишамъ и факирамъ. Они раздѣлились на двѣ партіи, и собирались подъ тѣнью баніана; толковали цѣлые восемнадцать мѣсяцевъ, и по истеченіи этого времени половина изъ нихъ еще не знала, на что рѣшиться. Уставши говорить, они принялись дѣйствовать руками, и для удобнѣйшаго вразумленія, своихъ противниковъ стали сажать на колъ. Больше тысячи человѣкъ погибло съ каждой стороны, а царевна все безъ мужа!

Потомъ это дѣло принялись разсматривать университеты, разложили его метафизически, истратили въ споръ 22 милліона самыхъ утонченныхъ софисмовъ, но разрѣшеніе вопроса не подвинулось ни на шагъ впередъ, и царевна все безъ мужа!

Это еще не все. Народъ принялъ участіе въ спорѣ; онъ раздѣлился на партіи; цѣлые города и села враждовали между собою; мужъ шелъ противъ жены своей, отецъ противъ сына, сестра противъ брата, и даже случалось, если человѣкъ еще ни на что не могъ рѣшиться, такъ онъ шелъ противъ самого

себя. Весь народъ схватился за оружіе; слѣдствіемъ раздора двухъ партій было 400 возмущеній и 4 междоусобныхъ войны; но, что всего хуже, царевна все еще безъ мужа! Если благоугодно Вашему Благополучію, это вопросъ чрезвычайно щекотливый.

— «Какъ ты объ этомъ думаешь, Мустафа?» спросилъ паша.

«Если рабу Вашего Благополучія позволено сказать свое мнѣніе, такъ, по моему, глупо изъ комара дѣлать слона!»

— «Ты правъ, Мустафа, а этой царевнѣ не бывать за мужемъ!» — продолжай, Менуни!

Безпорядокъ и анархія дошли наконецъ до высочайшей степени, какъ вдругъ вопросъ разрѣшился совсемъ неожиданно, и кто жъ разрѣшилъ его? Мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, котораго господинъ его съкъ обыкновенно каждый вечеръ, подозрѣвая, что онъ принадлежитъ къ одной партіи, а госпожа съкла каждое утро, полагая, что онъ принадлежитъ къ другой. Бѣдный ребенокъ сказалъ однажды своему товарищу, что родимья пятна всякой воленъ считать пятнами, или цѣтъ, какъ кто захочетъ, но что онъ самъ рѣшительно ничего тутъ не понимаетъ. Домашнее шпіонство доведено было въ это время до такой степени совершенства, что если въ другу своему шепнули на ухо нѣсколько словъ по секрету, такъ каждое слово ваше раздавалось на тысячу миль въ окружности. И слова мальчика передавались изъ устъ въ уста; мысль показалась нова, потому что она примиряла объ партіи, между тѣмъ какъ объ партіи были слишкомъ далеки отъ примиренія. Ее рассмотрѣли, нашли превосходною, и съ быстрой молніи пронеслась она черезъ вѣси, грады, достигла порога царскаго дворца, и наконецъ проникла въ святилище дивана; мудрые совѣтники ца-

ревны признали эту мысль за поэтическое вдохновение; они определили объявить для свиданія всѣхъ и каждаго, что родимыя пятна вовсе не пятна; что впрочемъ это зависитъ отъ того, съ какой точки кто смотритъ на предметъ. Всѣ удивлялись мудрости такого опредѣленія. Конца не было восторгу, поздравленіямъ; родные жали другъ другу руки, и, что всего страннѣе — мужья помирились съ женами! — Царевнѣ блеснулъ слабый лучъ надежды выйти наконецъ замужъ.

Теперь все пришло въ порядокъ, потому что, по смыслу новаго опредѣленія, обѣ партіи были правы и слѣдовательно выходили двѣ истины. Столица наполнилась женихами, а воздухъ, напоенный ароматами розоваго масла, сладострастно ласкалъ звуки мандолины. Кто опишетъ великолѣпные дворца и роскошное убранство той залы, въ которой царевна принимала цвѣтъ Суфрекаго юношества? Нѣжное, томительное пѣніе хористокъ, и мгновенно возвышавшіеся, или тихо журчавшіе голоса ихъ, управляли движеніями танцовщицъ; юшья, эфирныя, онѣ летали въ воздухъ не касаясь земли, и казалось, имъ хотѣлось раздѣлить дань всеобщаго удивленія съ существомъ прелестнымъ, которое томилось и изнывало на своемъ изумрудномъ престолѣ. Три дня сряду провела царевна въ этой залѣ наслажденія; наскучили ей, утомили ее эти безпрестанно новые люди, которые повергались къ ногамъ ея, и потомъ удалялись. Четвертая заря занялась на небѣ, а никому еще не удалось подмѣтить ни одного движенія, ни одного вздоха, или взгляда юной царевны, который обнаружилъ бы хоть тѣнь предпочтенія. Молодые люди были въ отчаяніи; они начинали роптать; не одинъ юноша съ досадою стукнулъ ногою въ полъ сильнее обыкновеннаго, гнѣвно закручивая свой усъ;

среднее сословіе не одобряло пылкости юношей, и въ самомъ дѣлѣ, если поведенія ихъ нельзя было назвать глупымъ, по крайней мѣрѣ, оно было не совсемъ вѣжливо, и, что всего хуже, обнаруживало ужаснѣйшее невниманіе къ благосостоянію гражданъ, надъ которыми каждый изъ нихъ готовился царствовать, потому, что это стеченіе народа въ столицѣ оживляло торговлю и промышленность; къ тому жъ граждане довольно справедливо говорили, что царевна, ожидавшая цѣлыя шесть лѣтъ разрѣшенія постороннихъ для нея недоразумѣній, имѣла полное право употребить по крайней мѣрѣ равное число дней на разрѣшеніе своихъ собственныхъ сомнѣній. На утро четвертаго дня, прекрасная Бабе-би-бобу возсѣла на свои парчевыя подушки, скрывая прелестныя ножки свои въ складкахъ широкихъ шароваръ лазуреваго цвѣта; въ этотъ день, на лицѣ ея замѣтно было болѣе живости, а во взглядѣ болѣе жизни, чѣмъ прежде, но всѣ женихи все-таки появлялись и исчезали незамѣченные ею.

Петерпѣніе овладѣло даже браминями, стоявшими неподвижно по обѣимъ сторонамъ трона. Они начинали поговаривать о непостоянствѣ прекраснаго пола, о томъ, какъ трудно вразумить женщину, шопотомъ повторяли изрѣченія и пословицы Фердистана и другихъ о женскихъ капризахъ и вѣтренности прекрасной подруги человѣка; въ слова ихъ примѣшивалось болѣе желчи, по мѣрѣ того, какъ ноги ихъ уставали. Бѣдные сѣдовласые безумцы! не они ли своими разсужденіями и толками, цѣлыя шесть лѣтъ испытывали терпѣніе прекрасной царевны, и вовлекли народъ въ ужасную распрю? Если бы всѣ они покорились одной волѣ, народъ былъ бы спокоенъ, и все шло бы какъ нельзя лучше.

Около половины перваго часу, прекрасная Бабе-

би-бобу встала съ трона, ударила своей маленькой ручкой по другой пухленькой ручкѣ, махнула свитѣ и вышла изъ залы. Удивленіе было написано на всѣхъ лицахъ больше отъ того, что въ мину-ту отхода юной царевны, единственный сынъ бра-мина, глава партіи, преслѣдовавшей родимыя пятна, палъ ницъ передъ юною царевною, и хотя скло-нилъ главу свою во прахъ, но мыслью возсѣдалъ уже на тронѣ, рядомъ съ прекрасною Бабе-би-бобу.

Царевна опрометью побѣжала по тѣнистымъ ал-леямъ сада, и почти безъ чувствъ упала на скамей-ку, въ бесѣдкѣ изъ апельсиновыхъ деревь. Она сор-вала нѣсколько благоуханныхъ цвѣтовъ, и бросила ихъ слугѣ своему, любимому музыканту, Акотѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ цѣломъ Суфферскомъ царствѣ не нашлось бы ему соперника, въ искусствѣ играть на мандолинѣ! Но не только въ Суфферскомъ царствѣ, въ цѣломъ свѣтѣ трудно бѣ было отыскать человѣка, который умѣлъ бы терзать уши своего игрою, какъ Акота, и еще въ присутствіи прелестной Бабе-би-бобу, и, что всего страннѣе, царевна вовсе и не ду-мала изъявлять ему своего неудовольствія; оглушен-ные гости разбѣгались отъ этой музыки; юная Ба-бе-би-бобу оставалась одна съ своимъ любимымъ му-зыкантомъ, и никто не подозрѣвалъ, что если игра Акоты терзала уши царевны, за то души ихъ бы-ли настроены въ сладостной гармоніи, и упоитель-ный голосъ Акоты долженствовалъ вознаграждать прелестную Бабе-би-бобу за минутное страданіе.

По знаку, данному царевной, Акота съѣлъ; онъ сталъ играть, если только можно было назвать иг-рою, когда струны у него издавали такіе дикіе, не-стройныя звуки, что молодья фрейлины царевны потихоньку зажимали уши, и въ душѣ сокруша-

лись, что у повелительницы ихъ вовсе нѣтъ музы-кальнаго уха.

— «Ахъ, Акота!» сказала царевна, изливая на него весь пламень своихъ большихъ черныхъ глазъ, «если бы ты зналъ, какъ я страдаю на этихъ парчевыхъ по-душкахъ, какъ надоѣдаетъ мнѣ эта длинная процес-сія раздушенныхъ шутовъ и дураковъ! Ударь силь-нѣе въ струны, о возлюбленный души моей, осво-боди меня отъ этой досадной толпы, которая всю-ду меня преслѣдуетъ!»

Тутъ Акота схватилъ свою мандолину, и бѣдный инструментъ запищалъ, завижалъ, забылъ подъ его рукою, такъ, что на сто сажень въ окружности птицы поднялись съ дикимъ крикомъ; толстый кам-мергеръ, который вѣчно надоѣдалъ царевнѣ сво-имъ присутствіемъ, и все таки не могъ на нее на-глядѣться, закричалъ дикимъ голосомъ, а зубы его стучали какъ въ лихорадкѣ:

— «Габъ-Габъ-баба! чтобъ чортъ его взялъ и вмѣ-стѣ съ мандолиною!»

Тутъ онъ пустился бѣжать, задыхаясь отъ тол-щины. Фрейлины царевны не знали, что имъ дѣ-лать; положеніе ихъ было невыносимо; у нихъ па-тались всѣ зубы, а въ ушахъ звенѣли миллионы ко-локольчиковъ. Наконецъ Акота сдѣлалъ послѣднее усиліе, струны лопнули съ ужаснымъ трескомъ, и бѣдныя дѣвицы, забывъ всѣ приличія, разбѣжались кто куда попало. Акота и царевна остались одни.

— «Возлюбленный души моей!» сказала ему то-гда царевна, «я наконецъ придумала средство обез-печить наше счастье!» Тутъ они стали говорить по-тихоньку, вѣроятно изъ страха, чтобы ихъ не под-слушали. Нѣсколько минутъ Акота внималъ сла-достнымъ звукамъ, вылетавшимъ изъ устъ юной царевны; потомъ, поднимъ съ земли свою разбитую

мандолину, онъ отвѣсивъ поклонъ прекрасной царицѣ, и удалился.

Между тѣмъ по городу разнесся слухъ, что на закатѣ солнца назначенъ публичный смотръ всѣмъ кандидатамъ въ мужья, а мѣсто сбора — на пространной равнинѣ, въ окрестностяхъ города, на берегу быстрой рѣки. По этому случаю составлена была коммиссія изъ 12 старыхъ факировъ и 24 муллъ, вооруженныхъ очками. — Имъ поручено было тщательно осмотрѣть руки и головы жениховъ, и руководствуясь точнымъ смысломъ завѣщанія покойнаго царя, браковать за всѣ рубцы и пятна. И какъ отъ этого смотра зависѣло некоторымъ образомъ благосостояніе цѣлаго народа, то можно было сказать заранее, что онъ осчастливленъ будетъ присутствіемъ множества дамъ, потому что Суффрикіи женщины вообще отличались своими филантропическими чувствами, — словомъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала церемоніи. Весело было смотрѣть на Индѣйскихъ раджей, мчавшихся по улицамъ на гордыхъ коняхъ; глядя на эту толпу людей, скачущихъ за заставу, можно было подумать, что все народонаселеніе города бѣжитъ отъ чумы; но, къ великому удивленію народа, большая часть раджей, выѣхавъ за заставу, обращали коней своихъ совсѣмъ въ противоположную сторону; одни кричали, что этотъ смотръ настоящее варварство, что они никакъ не могутъ рѣшиться выставить себя на показъ, въ глазахъ такого множества народа; другіе утверждали, что слѣды почетныхъ ранъ, полученныхъ въ бояхъ, заставляютъ ихъ отказаться отъ соисканія. До этого навѣки достопамятнаго вечера, Суффрикіи не подозрѣвали еще, какими неоцѣненными сокровищами скромности и воинской славы, они по справедливости могли гордиться; слѣдуя

взорами за длиною нитью удаляющихся храбрыхъ воиновъ, многіе не шути принимались сожалѣть, что покойный царь, завѣщаніемъ своимъ отстранилъ отъ престола храбрыхъ воиновъ, носившихъ на тѣлѣ своемъ почетные знаки доблести; но брамины увѣщевали ихъ, говоря, что завѣщаніе царя имѣетъ таинственный смыслъ.

— «Клянусь бородою пророка, долго жъ царевнѣ твоей не могутъ принскать жениха!» зѣвая, сказала паша.

Смотръ былъ самый строгій; малѣйшій слѣдъ порѣза считался за рубецъ, а пятнышко ставилось за пятно, и если кому, для спасенія жизни, припускали когда нибудь пилвицъ, тотъ уже не могъ надѣяться обладать престоломъ и царевной.

— «Скажи мнѣ пожалуйста, считалось ли это за рубецъ, если, напримѣръ, цирюльничъ задѣлъ немного кожу?»

«Безъ всякаго сомнѣнія.»

— «Въ такомъ случаѣ, всѣ эти факиры и муллы со своими очками, и брамины — просто стадо ословъ! Не такъ ли, Мустафа?»

«Мудрость Вашего Благополучія подобна свѣтлой струѣ меду!» отвѣчалъ Мустафа.

— «Намъ съ тобой очень хорошо извѣстно, что если на кожѣ есть пятно, такъ ужъ трудно обойтись безъ пятна, однакожъ продолжай Менуни, и если можно, выдай замужъ свою царевну поскорѣе.»

Спустя около двухъ часовъ послѣ заката солнца, прекрасная Бабе-би-бобу, густыя сливки, вступила въ залу аудіенціи; она одѣта была еще великолѣпнѣе прежняго, и съ удивленіемъ замѣтила, что изъ тысячи жениховъ, у ней оставалось всего не болѣе пятидесяти. Гордый Акота отличался въ ихъ рядахъ, и уже не въ простомъ одѣяннѣ музыканта, а

въ роскошномъ костюмѣ своей касты. Если драгоценные камни на груди его уступали блескомъ украшеніямъ другихъ юношей, за то свѣтлыя очи его потемняли всѣ прочія.

Подлѣ Акоты стоялъ Мезримби, сынъ главы браминовъ, единственный соперникъ Акоты по красотѣ и любезности, но онъ былъ гордъ, властолюбивъ и жестокъ. Прекрасная Бабе-би-бобу боялась его, потому что *съ силу* особой статьи, въ завѣщаніи покойнаго родителя ея, главѣ браминовъ предоставлялось право избрать супруга прекрасной Бабе-би-бобу, по своему произволу, и опредѣленіе его должно было имѣть силу закона, если первый предметъ предпочтенія юной царевны по чему либо окажется неспособнымъ къ исправленію своей должности. — Прекрасные глаза царевны остановились сперва на Мезримби, и она затрепетала; но важный и мужественный видъ Акоты ее успокоилъ; она съѣла, и повела къ собравшимся юношамъ слѣдующую рѣчь:

«Вѣрные и благородные раджи! не вините меня, если обязанности царскаго сана заглушаютъ во мнѣ голосъ дѣвичьей стыдливости. Если вы всѣ такъ щедро одарены природою, какъ избрать мнѣ одного изъ васъ, и пренебрегать прочими? Предоставимъ бессмертному Вишну выборъ достойнѣйшаго царствовать надъ народомъ Суфферскимъ. Молите его о вдохновеніи! Я положила цвѣтокъ на сердце, долженствующее скоро признать одного изъ васъ своимъ владыкою. Отгадайте, какой этотъ цвѣтокъ, и первый кто назоветъ его по имени, да будетъ царемъ Суфферскимъ. Ударьте въ струны, благородные раджи, и одушевляясь сладостными звуками музыки, назовите избранный мною цвѣтокъ. Такъ Провидѣніе разрѣшитъ вопросъ, и никто не будетъ имѣть права сказать, что имъ пренебрегли!»

Произнеся эти слова, царевна опустила покрывало, и умолкла. Громъ рукоплесканій слился съ нѣжными звуками мандолины. Женихи между тѣмъ почесывали затылки, стараясь припомнить какойнибудь стихъ изъ Гафиза, или труженически прибирая упрямую рѣчю. Время текло, а влюбленные раджи все еще безмолвствовали. Наконецъ одинъ изъ нихъ выступилъ на средину, и въ краденомъ куплетѣ наименовалъ розу. Царевна граціозно махнула рукою; онъ въ бѣшенствѣ выбѣжалъ изъ комнаты, и разбилъ свою мандолину о каменныя ступени дворца. Потомъ всѣ выступали поочереды, тщетно истощали Индѣйскую флору, и удалялись съ отчаяніемъ въ груди. И сами эти красивые Суфферы, полныя надеждъ и озаренныя лучами свѣтлаго присутствія царевны, не подобны ли они были самому роскошному цвѣтнику? Съ отчаяніемъ въ груди, юноши оставались тѣми же цвѣтами, только сорванныя со своихъ нѣжныхъ стебельковъ, заблкнувъ въ лучахъ палящаго зноя красоты, или заискрысь крупными слезами росы, они бѣжали искать смерти далеко отъ предмета своего обожанія. Оставалось уже немного соперниковъ, когда самоувѣренный Мезримби, страшась, чтобы Акота не предупредилъ его, выступилъ на средину съ мандолиною въ рукахъ. Мезримби считался однимъ изъ лучшихъ поэтовъ Суфферскихъ; въ самомъ дѣлѣ, природа щедро одарила его всѣми возможными талантами, только не вложила въ сердце ни какого понятія о добродѣтели. Давъ изученное положеніе своему стану, онъ пропѣлъ слѣдующее:

«Соловей поетъ любовь свою въ тишинѣ ночи, но никогда не промолвитъ имени своей возлюбленной.»

«Не цвѣты ли настоящій языкъ любви? И соловей

заводить свою унылую пѣсню, качаясь на веткѣ, посреди шиповъ розоваго кустарника.»

«Вѣнь, спрятанный на груди твоей, прелестный майскій цвѣтокъ, эмблему любви твоей. . . .»

Когда Мезримби пропѣлъ два первые станса, царевна затрепетала отъ страху, чтобы онъ не проникъ ея тайны; съ чрезвычайнымъ волненіемъ выслушала она послѣднюю строфу; сердце ея наполнилось восторгомъ, когда она удостовѣрилась, что Мезримби не угадалъ имени спрятаннаго цвѣтка. Царевна нетерпѣливо махнула рукою, и Мезримби удалился.

Тогда Акота ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, и прелестною игрою своею удивилъ всѣхъ окружавшихъ царевну, тѣмъ болѣе, что они и не подозревали въ немъ этого таланта; потомъ, голосомъ чистымъ и нѣжнымъ, онъ пропѣлъ слѣдующее:

«На юныхъ ланитахъ и устахъ твоихъ цвѣтутъ розы; дыханіе твое подобно запаху, который онъ разливаютъ вокругъ себя; грудь твоя бѣла, какъ лилія долины.»

«Но лилія и роза, и другіе цвѣты садовъ Индѣйскихъ потеряли бы блескъ свой на груди твоей, и отъ стыда склонили бы свои нѣжныя головки.»

«Крапивный цвѣтокъ сокрытъ на прелестной груди твоей; колыбель его посреди шиповъ, но прикосновеніе къ нему не причиняетъ ни какой боли: это эмблема счастья, которое даютъ намъ страсти.»

Акота замолчалъ; трепещущая царевна медленно приподнялась на парчевыхъ подушкахъ, и подала крапивный цвѣтокъ счастливому Акотѣ, воскликнувъ: «Такова воля неба!»

— «Но какимъ образомъ могъ отгадать Акота, что царевна задумала именно на крапивный цвѣ-

токъ? Отъ чего жъ никому другому не вошло этого въ голову? Не понимаю! А ты, Мустафа?

«Совершенная правда Ваше Благополучіе!» отвѣчалъ Мустафа. «Остается только одно средство объяснить себѣ этотъ случай, и именно тѣмъ, что въ уединенной бесѣдѣ съ Акотою, царевна открыла ему свою тайну.»

— «Правда, Мустафа, и слава аллаху! Царевна наконецъ замужемъ!»

«Падаю въ прахъ предъ лицомъ Вашего Благополучія, но Царевна еще не замужемъ,» сказалъ Менуни — «повѣсть не кончена!»

— «Мишаллахъ!» вскричалъ Паша: «да выйдетъ ли она когда нибудь замужъ?»

«Это я буду имѣть честь объяснить впоследствии Вашему Благополучію, если рабу вашему позволено будетъ продолжать разсказъ свой.»

— «Да, продолжай, Менуни, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.»

Посреди криковъ: «Да здравствуетъ Акота, законный царь Суфферскій!» вельможи посадили его на престоль, и всѣ важнѣйшіе государственные чиновники приносили ему поздравленія. Обрядъ бракосочетанія долженствовалъ совершиться на другой день. Засѣданіе кончилось, и всякій спѣшилъ домой, приготовиться къ предстоящей церемоніи.

Но какими словами выразить ревность, зависть и негодованіе Мезримби и отца его, главы браминовъ! Они заключили вдвоемъ наступательный и оборонительный союзъ. Акота еще не царь, пока не совершенъ обрядъ его бракосочетанія съ прекрасною царевною Бабе-би-бобу, и если-бы на другое утро, прежде церемоніи, на лицѣ его оказался какой нибудь рубецъ или пятно, тогда, согласно волѣ покойнаго царя, право избрать ему преемника, предоста-

лялось брамину, а кого жь избрать ему, если не собственного сына?

— «Отец мой!» говорит юный Мезримби, между тѣмъ, какъ сердце его кипитъ самыми черными страстями — «нѣмые ожидаютъ моихъ приказаній, а въ этой стлянкѣ — ѣдкая кислота; она устами любовницы вопьется въ лицо надменнаго Акоты. Я увѣренъ, что онъ все время не выйдетъ изъ дворцовыхъ садовъ; знаю даже ту бесѣдку, гдѣ онъ умѣлъ овладѣть сердцемъ Царевны. Остается намъ призвать нѣмыхъ, объявить имъ свою волю, и къ восходу солнца, наследіе трона Суфферскаго перейдетъ въ поколѣніе Мезримби!»

Глава браминовъ согласился съ предложеніемъ своего сына. Нѣмые призваны. Эти черныя и отвратительныя твари раболопно склонились при входѣ, и послѣдовали за своимъ господиномъ, который, вмѣстѣ съ отцемъ, пустился обходными дорогами въ царскій паркъ. Медленно, и оглядываясь во всѣ стороны, приближались они къ бесѣдкѣ; согласно показанію Мезримби, Акота ожидалъ тамъ прихода любимицы своего сердца. Къ счастью, змѣя зашипѣла подъ ногами стараго брамина; онъ невольно вскрикнулъ, и это восклицаніе разбудило Акоту отъ упоительныхъ мечтаній. Сквозь густую сѣнь древесныхъ листьевъ, ему удалось разглядѣть Мезримби, старика отца его и нѣмыхъ. Увѣренный, что они затѣяли что нибудь недоброе, онъ прилегъ къ землѣ, и притаился за розовыми кустами, но въ торопяхъ оставилъ на дерновой скамьѣ свой плащъ и мандолину. Мезримби вошелъ въ бесѣдку и знаками отдалъ нѣмымъ свои приказанія; онъ указалъ имъ на плащъ и на мандолину, по которымъ можно узнать жертву, и вручилъ пузырьрекъ съ ѣдкою кислотою. Они, въ свою очередь, пока-

зали знаками, что понимаютъ, и всѣ разошлись въ разныя стороны; глава браминовъ воротился домой; нѣмые, какъ змѣи ускользнули въ кусты, а Мезримби въ ожиданіи, чѣмъ кончится затѣянное дѣло, скрылся въ глубинѣ грота. Акота, разгадавъ все, какъ нельзя лучше, посмѣивался изъ-подтишка, и благодарилъ аллаха за открытіе этого гнуснаго заговора; онъ потихоньку проползъ въ бесѣдку, взялъ свой плащъ и мандолину, и воротился на старое мѣсто, караулить своихъ соперниковъ. Такимъ образомъ они всѣ оставались насторожѣ, пока солнце не скрылось за отдаленными горами, отдѣляющими Суфферское царство отъ другаго государства, котораго имя осмѣлился я позабыть въ свѣтломъ присутствіи Вашего Благополучія. Мезримби одинъ былъ неспокоенъ. Въ ужасномъ волненіи онъ прохаживался взадъ и впередъ; наконецъ остановился, и какъ нарочно съѣлъ подлѣ дерева, за которымъ скрывался Акота. На ближнемъ кустѣ соловей разсыпалъ свои блестящія трели; Мезримби невольно заслушался его пѣсней. Страсти притаились въ груди его, и онъ забылся сладкимъ сномъ. Акота тотчасъ замѣтилъ это, подкрадся потихоньку, накинулъ на него свой плащъ, и взялъ нѣсколько акордовъ на мандолинѣ, старался, чтобы эти звуки не могли ускользнуть отъ напряженнаго вниманія нѣмыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не разбудили Мезримби. Такъ и случилось: черезъ минуту нѣмые уже пробирались по кустамъ, какъ тигры, чуя добычу. Акота скрылся за деревьями; они, какъ выходцы съ того свѣта, тихо приблизились къ спящему, признали плащъ Акоты и его мандолину. Этого довольно; прежде нежели Мезримби успѣлъ открыть глаза, въ лицо его уже впиалась кислота; ему завязали ротъ шалью, связали

руки и ноги, чтобы отнять всякую возможность принять мѣры для отвращенія гибельнаго дѣйствія яда. Нѣмые, въ полной увѣренности, что исполнили волю своего господина, спѣшили дать ему отчетъ объ успѣшномъ окончаніи возложеннаго на нихъ порученія. Они донесли старому брамину, что все исполнено, какъ нельзя лучше, и что Акота брошенъ ими въ лѣсу. Браминъ счелъ нужнымъ имѣть подъ рукой Акоту, думая на другой день, торжественно представить его всему двору.

Въ слѣдствіе этихъ мудрыхъ соображеній, онъ приказалъ нѣмымъ привести Акоту въ домъ свой, и караулить его до утра. Между тѣмъ, пока рабы ходили къ старому брамину, настоящій Акота подошелъ къ несчастному страдалцу; онъ стоналъ отъ боли, но лице его было обвито шалью. Акота сперва хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ, но скоро онъ увидѣлъ всю отвратительность подобнаго поступка. Тогда другая мысль пришла ему въ голову. Онъ помѣнялся съ Мезримби плащомъ, тюрбаномъ и книжаломъ, и поспѣшилъ домой. Скоро нѣмые воротились, взвалили на плеча несчастнаго Мезримби, и понесли его въ жилище стараго брамина. Приказавъ запереть его въ бесѣдкѣ, старикъ совершилъ свои молитвы и легъ спать.

Солнце встало надъ землею Суфурскою и наводило ее своими лучами, но тысячи жителей предупредили восходъ его; утро прошло въ приготовленіяхъ къ трижды благополучному дню, въ который прекрасная Царевна Бабе-би-бобу долженствовала выйти замужъ, и даровать подданнымъ своимъ царя. Всѣ улицы наполнены были народомъ, пѣшкомъ, на лошадахъ, на верблюдахъ, на слонахъ; тафта, китайскій атласъ, шали, кашемировые шар-

фы, драгоценные камни, золото, брилліанты, блестяли, искрились, переливались на солнцѣ въ тысячу цвѣтовъ; все радовалось и веселилось, потому что прекрасная царевна Бабе-би-бобу выходила наконецъ замужъ.

— «Дай ей, аллахъ, выйти поскорѣе!» нетерпѣливо замѣтилъ Паша.

Рано утромъ, герольды возвѣстили, что царевна сама избрала себѣ супруга, что онъ, по рожденію своему, принадлежитъ къ высшей кастѣ, и приглашали всѣхъ и каждаго присутствовать при совершеніи обряда бракосочетанія. Все населеніе города двинулось во дворецъ. Солнце высоко стояло на небѣ, и веселые лучи его игриво освѣщали поверхность въ 10 квадратныхъ миль, на которой человѣческія головы торчали, какъ камни на мостовой. Царица вступила въ залу аудіенціи, въ сопровожденіи свиты и высокихъ душеприкащиковъ отца своего. Впереди всѣхъ шелъ глава браминовъ; не видя сына своего во все утро, онъ искалъ его глазами въ толпѣ. Наконецъ увидѣлъ его плащъ, тюрбанъ и оправленный драгоценными камнями кинжалъ, но лице его скрывалось за тонкимъ кашемировымъ покрываломъ, и старій браминъ улыбнулся невольно, при мысли, что сынъ его вздумалъ точно такъ же завѣсить лицо свое, какъ у мнимаго Акоты оно завѣшено было по приказанію брамина. Тысяча звонкихъ трубъ и двѣ тысячи пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили начало церемоніи. Народъ отгвѣчалъ радостными кликами. И вдругъ все смолкло, какъ въ могилѣ. Глава браминовъ всталъ, и прочитавъ приличную торжеству молитву, провозгласилъ завѣщаніе покойнаго владыки. Потомъ онъ объяснилъ существо новаго закона, въ силу котора-

го подь опасеніемъ смертной казни слѣдовало признавать родимыя пятна не шрамами, а только пятнами, впрочемъ съ тѣмъ условіемъ, что все зависить отъ того, съ какой точки смотрѣть на предметъ. — «Но выборъ царевны еще не сдѣланъ», продолжалъ ученый браминъ — «вмѣсто того, чтобы дѣйствовать своею собственною волею, она представила рѣшить судьбу свою случаю, не испросивъ даже предварительно согласія браминовъ; сердце вѣщало мнѣ вчера, что этотъ поступокъ не только нарушаетъ силу завѣщанія покойнаго царя, но и противенъ небесамъ. Вѣщій сонъ постигъ меня вчера ночью, и неизвѣстный голосъ сказалъ мнѣ, что небеса не допустятъ нарушенія завѣщанія. Какой тайный смыслъ скрываютъ въ себѣ эти непонятныя слова? Не знаю. Можетъ быть, Акота уже обладаетъ сердцемъ юной царевны!»

«Такъ!» сказала царевна своимъ сладкимъ, нѣжнымъ голоскомъ, «и воля родителя моего исполнится!»

— «Гдѣ же счастливый раджа?» сказалъ глава браминовъ — «пусть онъ предстанетъ предъ свѣтлыя очи царевны?»

Бабе-би-бобу и всѣ придворные, пораженные отсутствіемъ Акоты въ такую торжественную минуту, удивились еще болѣе, когда онъ приблизился, подерживаемый четырьмя неграми, и съ покрываломъ на лицѣ.

— «Вотъ», сказалъ глава браминовъ, «вотъ избранный юноша, счастливый Акота; откройте лицо, и подведите его къ Царевнѣ.»

Нсвольники исполнили это приказаніе. Царевна ужаснулась, увидѣвъ изуродованное лицо, въ которомъ нельзя уже было признать ни одной черты ея возлюбленнаго. Она вскочила съ трона; дикій

воплъ ея разнесся на всѣ десять тысячъ квадратныхъ миль, занимаемыхъ народомъ; она безъ чувствъ упала на руки своихъ приближенныхъ дамъ.

— «Да! это его платье», продолжалъ глава браминовъ, «но кто узнаетъ въ этомъ человѣкъ юношу безъ всякаго порока на лицѣ? Такъ угодно было Вишну», примолвилъ старикъ, тихо наклонясь въ знакъ глубокой преданности верховному правосудію, и всѣ присутствовавшіе такимъ же образомъ изъяснили свои чувства.

— «Воля небесъ непремѣнна!» продолжалъ браминъ: «вотъ послѣдствія нарушенія завѣщанія покойнаго царя! Присутствіе высшей власти здѣсь очевидно, не правда ли?» прибавилъ онъ, обращаясь къ высшимъ государственнымъ сановникамъ, и всѣ наклонились, объявивъ единогласно, что присутствіе высшей власти очевидно, какъ нельзя болѣе, а нѣмые смѣялись про себя, сколько позволяли имъ изуродованные языки. «На насъ лежитъ долгъ исполнить волю покойнаго государя, который завѣщалъ мнѣ, главѣ браминовъ, избрать супруга Царевнѣ, если собственный выборъ ея будетъ неудаченъ. Властію, мнѣ данною, объявляю царемъ сына моего Мезрими! Преклонитесь передъ Мезрими, будущимъ царемъ Суфрскимъ!»

Акота, еще скрывая лицо свое подь покрываломъ, и въ одеждѣ Мезрими, приблизился къ брамину. Глава браминовъ, и всѣ придворные, повинулись его волю, пали ницъ передъ Акотою, челою во прахъ. Въ это время Акота сбросилъ съ себя покрывало, и вставъ, они увидѣли его подлѣ трона, во всемъ блескѣ красоты и величія. Браминъ вскрикнулъ еще громче принцессы, такъ, что она тотчасъ пришла въ чувство.

Придворные изумились, вида Акоту въ платьѣ Мезримби.

— «Кто жь ты?» спросилъ глава браминовъ своего несчастнаго сына.

— «Я,» вскричалъ онъ, изнемогая подъ бременемъ горести и стыда, «я — то есть, я былъ Мезримби!»

— «Господа!» сказалъ Акота, возвысивъ голосъ, «глава браминовъ объявилъ самъ, и вы подтвердили своимъ согласіемъ, что здѣсь очевидно присутствіе высшей власти, которая никогда не оставляетъ безъ наказанія лицемеріе, жестокость и несправедливость.»

Глава браминовъ покотился на полъ въ страшныхъ судорогахъ, и его вынесли, вмѣстѣ съ несчастнымъ сыномъ.

Между тѣмъ юная Царевна пришла въ себя и упала въ объятія Акоты; поручивъ ее попеченіямъ придворныхъ дамъ, Акота, обратясь къ собранію, сказала такую умную, прекрасную, удивительную рѣчь, что ее положено было написать золотыми буквами, и хранить изъ рода въ родъ, какъ образецъ Суфферскаго краснорѣчія. Акота объяснилъ имъ поступокъ Мезримби, и то, какъ онъ сдѣлался жертвою своихъ собственныхъ козней. Когда онъ кончилъ, всѣ приветствовали его, какъ царя, и на пространствѣ десяти квадратныхъ миль воздухъ огласился криками: «Да здравствуетъ царь Акота и прекрасная царевна Бабе-би-бобу, густыя сливки!»

Но кто опишетъ великолѣпную процессію, послѣдовавшую вечеромъ этого достопамятнаго дня? Кто изобразить благородную гордость Акоты и блескъ очей прекрасной Царевны? Рассказывать ли мнѣ, какъ соловьи пѣли до смерти, какъ.....

— «Не беспокойся», прервалъ его Паша, «а скажи

намъ только, вышла ли наконецъ замужъ твоя несравненная Бабе-би-бобу?»

— «Въ тотъ же самый вечеръ, Ваше Благополучіе!»

— «Слава аллаху!» отвѣчалъ Паша. «Мустафа, на- гради Менуни, чтобы онъ во весь вѣкъ свой помнилъ, какъ выгодно удостоится чести рассказать повѣсть Пашѣ, даже если она и растянута немножко: я ужъ было думалъ, что Царевнѣ не бывать замужемъ!»

Сказавъ это, Паша всталъ и пошелъ въ гаремъ свой.

ПОХОЖДЕНІЯ

УЧТИВѢЙШАГО ЧЕЛОВѢКА ВЪ МІРѢ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ).

При Дворѣ Лудовика XIV-го существовалъ особенный классъ людей, отличавшихся всегда въ исполненіи трудной должности прислужниковъ. Эти люди не проливали своей драгоцѣнной крови на поляхъ сраженій, а если рѣшались на это, то не иначе, какъ въ глазахъ Лудовика. Они не вмѣшивались въ политику, смотрѣли на дѣла государственныя, какъ на занятія, недостойныя ихъ, и принимали участіе только въ происшествіяхъ, случившихся во внутренности дворца. Для нихъ міръ оканчивался на разстояніи ста шаговъ отъ короля, и они рѣдко отходили дальше, потому, что каждый изъ нихъ имѣлъ какую нибудь должность при особѣ королевской. Они не унижались, подобно другимъ, до того, чтобы льстить министрамъ, не вмѣшивались ни въ какія интриги, но посвящали себя единственно почтительному вниманію къ особѣ Лудовика. Быть назначенными для провожанія Короля

на охоту, или во время прогулокъ подавать ему трость и шляпу, нести передъ нимъ подсвѣчникъ, составлять партію его въ реверси, кормить хлѣбомъ карповъ, наполнявшихъ Версальскіе пруды, участвовать въ кадрилихъ и представлять въ нихъ Тиренсовъ — вотъ въ чемъ заключалась вся ихъ жизнь. Такъ велось уже издавна; это было у нихъ въ крови, и перешло къ нимъ черезъ три или четыре поколѣнія.

Герцогъ Куалень, братъ Епископа Орлеанскаго, представлялъ собою совершеннѣйшій образецъ такого придворнаго, изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, и оригиналь, какого уже болѣе никогда не увидятъ; онъ былъ перломъ вѣка маленькихъ *апартаментовъ*.

Достигнувъ возраста, въ который можно было явиться ко Двору, Куалень, по рожденію своему пользовавшійся всеми правами близкихъ придворныхъ, занялъ мѣсто въ толпѣ спутниковъ, обращавшихся вокругъ блистательнаго королевскаго солнца, и составлявшихъ то, что называлось тогда цвѣтомъ дворянства. Онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своего неутомимою точностью и оригинальностью своего честолюбія. Нравиться Королю было цѣлью всѣхъ его стараній, а ласковое слово Его Величества единственною наградою, которой онъ желалъ. Вѣжливость его была такъ чрезмѣрна, что вошла наконецъ въ пословицу, и часто доставляла случай посмѣяться. Но благородный Герцогъ никогда не хотѣлъ вѣрить, чтобы излишняя вѣжливость могла быть смѣшна, и если бы онъ не боялся сдѣлать неучтивость своимъ современникамъ, то, конечно, упрекалъ бы ихъ за то, что они не слѣдовали его примѣру.

Когда дворецъ въ Марли былъ оконченъ, Король, любившій Куалена, назначилъ его въ число тѣхъ придворныхъ, которые должны были сопровождать поѣздъ въ этотъ увеселительный замокъ. По малому пространству комнатъ въ Марли, Его Величество могъ брать съ собою только весьма небольшую свиту, и потому почиталось за величайшую честь, быть въ числѣ приглашенныхъ. Такое отличіе, какъ и тысячи другихъ мелочей, доказывали особенное благоволеніе Лудовика. Однажды Герцогъ, котораго всегда приглашали въ Марли, былъ какъ-то забытъ и не получилъ приглашенія; это до того его огорчило, что онъ едва не сдѣлался боленъ. Король, замѣтя на слѣдующій день необыкновенно грустный видъ Герцога, спросилъ его, не случилось ли съ нимъ какогонибудь несчастія. Куаленъ не смѣлъ признаться въ настоящей причинѣ своей грусти, но Епископъ Орлеанскій сказалъ объ этомъ Лудовику XIV-му по секрету. Его Величество былъ внутренно очень доволенъ такою чувствительностью Герцога, и принималъ въ уваженіе то, что онъ не имѣлъ никакой особенной должности, и не принималъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, обещалъ на будущее время не забывать его. Съ тѣхъ поръ Куаленъ сталъ уже принимать постоянное участіе во всѣхъ увеселеніяхъ Короля, былъ приглашаемъ на всѣ прогулки, на охоту, и если бы не раздѣлялъ этой выгоды съ нѣкоторыми другими придворными, то его можно было бы принять за тѣнь Короля — такъ близко слѣдовалъ онъ всегда за Его Величествомъ.

Сень-Симонъ, къ сожалѣнію, не оставилъ намъ почти ни какихъ свѣдѣній объ этомъ любопытномъ человѣкѣ, но рассказываетъ объ немъ два анек-

дота, прекрасно его характеризующіе. Какой-то посланникъ посѣтилъ однажды Куалена, и Герцогъ, прощаясь съ нимъ, хотѣлъ проводить его до улицы; случилось, что дипломатъ былъ почти такъ же вѣжливъ, какъ и самъ Герцогъ, и всѣми силами сталъ противиться такому особенному вниманію. Тогда начался споръ, и посланникъ, видя, что остается побѣжденнымъ, если не прибѣгнетъ къ какомунибудь отчаянному средству, заперъ на замокъ дверь въ сѣни, чтобы помѣшать Герцогу итти далѣе. Куаленъ, встревоженный такимъ неожиданнымъ препятствіемъ, открылъ окно въ прихожей комнатѣ, и видя, что оно не очень высоко отъ земли, выскочилъ на улицу, бросился къ каретѣ посланника, успѣлъ добѣжать во время, и поклониться ему еще одинъ разъ.

— Помилуйте, Герцогъ—воскликнулъ посланникъ—какимъ образомъ очутились вы здѣсь? Ужъ не бѣсъ ли какой помогъ вамъ?

«Меня привело сюда уваженіе, которымъ я вамъ обязанъ, а не что другое,» отвѣчалъ Куаленъ.

— Но вы изорвали свои чулки! Ахъ, Боже мой! не ушиблись ли вы?

«Не обращайтесь на это вниманія; радуюсь, что исполнилъ въ отношеніи къ вамъ мою обязанность, а все остальное вздоръ. Пусть это на будущее время научитъ васъ не противиться мнѣ, если должно исполнить обязанность вѣжливости.»

Между тѣмъ, выпрыгнувъ изъ окна, Куаленъ вывихнулъ себѣ у руки большой палець. Король узналъ объ этомъ приключеніи, и прислалъ къ нему своего лекаря Феликса. Вытерпѣвши довольно мучительную перевязку, Герцогъ хотѣлъ, въ знакъ ува-

женія своего къ королевскому хирургу, проводить его до лѣстницы. Ни какія возраженія не помогали, и хирургъ и Герцогъ ухватились за дверь, и оба тянули ее къ себѣ за замочную ручку, такъ, что Куаленъ снова вывихнулъ себѣ палець, и хирургу пришлось снова дѣлать ему операцію, гораздо мучительнѣйшую первой.

Другой анекдотъ не менѣе страненъ, и доказываетъ также всю оригинальность этого человѣка.

Самъ Сень-Симонъ, возвращаясь изъ Фонтенебло, наѣхалъ на сломавшуюся карету, стоящую посреди дороги; это была карета Герцога Куалена. Герцогъ глядѣлъ на часы и топалъ ногою отъ нетерпѣнія, между тѣмъ, какъ деревенскій кузнецъ чинилъ его экипажъ. Въ тотъ вечеръ Король давалъ въ Тюльери большой ужинъ, и Куаленъ ни за что въ свѣтъ не хотѣлъ бы пропустить такого торжества. Сень-Симонъ остановился и предложилъ ему мѣсто въ своей каретѣ, что было принято съ величайшею благодарностію. Въ каретѣ было всего четверо, потому, что г-жа Сень-Симонъ взяла съ собою двухъ своихъ горничныхъ. Когда надобно было отправляться въ путь, Куаленъ замѣтилъ, что горничныхъ хотѣли оставить въ деревнѣ; онъ въ ту жъ минуту вышелъ изъ кареты.

— Ваша карета полна, Герцогъ — сказалъ онъ Сень-Симону — я обезпокоилъ бы васъ, и потому хочу лучше остаться....

«Напротивъ, намъ будетъ еще покойнѣе, потому, что, вмѣсто четырехъ человѣкъ, насъ будетъ всего трое.

— Вы, конечно, шутите? Неужели вы полагаете, я потеряю, чтобы эти дѣвицы шли пѣшкомъ? Гер-

цогиня можетъ имѣть въ нихъ нужду сегодня вечеромъ, и я сдѣлаюсь причиною, что она будетъ лишена ихъ — пѣтъ! никогда....

«Герцогиня можетъ обойтись сегодня безъ своихъ служанокъ; онѣ ей не нужны.

— Я вамъ не вѣрю, Герцогъ. Если Герцогиня возьметъ ихъ съ собою въ Парижъ, слѣдовательно имѣть въ нихъ нужду — это ясно, и мнѣ не возможно принять вашего предложенія....

«Ну, въ такомъ случаѣ, мы возьмемъ одну изъ нихъ и оставимъ другую.

— И это не возможно.... Если бы Герцогиня хотѣла имѣть только одну горничную, то въ каретѣ вашей не было бы двухъ.

«Садитесь, Герцогъ!.... Потѣснившись немного, мы помѣстимся всѣ пятеро; карета моя довольно велика....

— Вотъ это дѣло другое, — согласенъ.

Пока Куаленъ садился, Сень-Симонъ сдѣлалъ людямъ своимъ знакъ; они захлопнули дверцы, и поскакали во всю прыть, оставя на дорогѣ обѣихъ горничныхъ. Тогда Куаленъ, взбѣшенный тѣмъ, что его такъ безсовѣстно обманули, высовывается до половины тѣла въ одно изъ окошекъ кареты, и кричитъ кучеру, чтобы онъ остановился, угрожая, въ противномъ случаѣ, броситься прямо подъ колеса. Кучеръ, слѣдуя приказанію своего господина, продолжаетъ погонять лошадей. Видя это, Герцогъ хочетъ исполнить свою угрозу, но, къ счастью, Сень-Симонъ успѣваетъ во время удержатъ его. Надобно было однако жъ остановиться, чтобы взять обѣихъ горничныхъ, и когда все было сдѣлано по

желанію Куалена, онъ сталъ съ горестью выговаривать Сень-Симону за его обманъ.

— Вотъ — говорилъ онъ — одна изъ самыхъ величайшихъ опасностей, которой я когда либо подвергался. Да, Герцогъ, клянусь вамъ честію, я бросился бы изъ кареты, если бы вы не уступили мнѣ!

По странной прихоти природы, которой невозможно объяснить, этотъ *учтивѣйшій человекъ въ мірѣ* имѣлъ брата, весьма грубаго въ обращеніи, небезпокоившаго себя ни для кого, и какъ будто хваставшаго своимъ цинизмомъ. Шевалье Куалень умѣлъ бы обезславить свое великое имя, столько же, сколько Герцогъ его облагораживалъ, если бы нелюдность этого младшаго брата и привычка его къ дурному обществу, не удаляли его постоянно отъ Двора. Добродѣтель покойной Герцогини Куалень была выше всякаго подозрѣнія, по этому и должно полагать, что этотъ младшій сынъ родился въ день самый несчастливый. Видя въ членахъ одного и того же семейства такіа странныя противоположности, надобно желать, чтобы люди обращали особенное вниманіе на всѣ минуты своей жизни. Нельзя себя вообразить, сколькихъ трудовъ, къ несчастію, совершенно бесполезныхъ, стоило Герцогу Куалену одно стараніе — придать брату своему хорошіе манеры, и внушить ему любовь къ порядочному обществу: въ награду за свои совѣты, и за примѣръ, имъ подаваемый, получалъ онъ только насмѣшки, и часто дѣлался жертвою такихъ ужасныхъ шутокъ, что жалко было смотрѣть на его отчаяніе. Вотъ одна изъ нихъ:

Во время кампаніи 1672 года, въ которой Луловикъ XIV принималъ личное участіе, Герцогу Куа-

лену и брату его отвели въ какомъ-то маленькомъ городкѣ квартиру, у одной дамы. Хозяйка старалась доставить постояльцамъ своимъ всевозможный покой и всякое удобство. Хотя она была простая мѣщанка, Герцогъ обращался однако же съ нею съ обыкновенною своею вѣжливостію; онъ такъ рассыпался въ учтивостяхъ предъ своею хозяйкою, и наговорилъ ей столько комплиментовъ, что она не имѣла даже времени замѣтить, какая неимоверная разница была между двумя братьями. Къ тому же и Шевалье не былъ въ этотъ вечеръ такъ грубъ, какъ бывалъ обыкновенно; онъ провинился только тѣмъ, что тотчасъ же послѣ ужина ушелъ къ себѣ въ комнату, но Герцогъ старался извинить его, и приписывалъ такое невниманіе къ хозяйкѣ дома чрезмѣрной усталости брата. Во время отъѣзда, на другой день, Куалень, будучи принужденъ расплачиваться учтивостями за двоихъ, рассыпался въ комплиментахъ предъ хозяйкою такъ долго, что всѣ придворныя кареты уже проѣхали, и его экипажъ былъ принужденъ слѣдовать позади всѣхъ. Шевалье, раздосадованный многорѣчивою плодовитостію брата, заставившею ихъ такъ запоздать, молчалъ въ продолженіе трехъ часовъ, и потомъ вдругъ воскликнулъ:

«Надобно сказать правду, почтеннѣйшій братецъ, что ваши неистощимыя вѣжливости и комплименты могутъ вывести иногда изъ терпѣнія самаго смирнаго человека.

— Шевалье — отвѣчалъ Куалень — вы не можете не сознаться, что вѣжливость почти добродѣтель, слѣдовательно, она никогда не можетъ быть лишнею.

«Я сейчас докажу вамъ противное. Если бы нынѣшнимъ утромъ, вы поблагодарили свою хозяйку обыкновеннымъ образомъ, не надѣдая ей кучею бесполезныхъ и ничего не значащихъ фразъ, мы не были бы теперь позади всего двора, на ружейный выстрѣлъ отъ каретъ, гдѣ сидятъ дамы, и въ со-сѣдствѣ тельжекъ, на которыхъ везутъ кухню и поваровъ.

— Это доказываетъ только, что другіе не имѣли къ своимъ хозяевамъ того вниманія, которымъ они были имъ обязаны.

«Да, это значить, что съ вашимъ характеромъ вы посвятили бы четыре часа на комплименты, если бы было принято употреблять на это только часть времени. Но, хорошо — на сей разъ я наказалъ васъ за вашу проклятую страсть къ церемоніямъ.

— Какъ это? — спросилъ Герцогъ съ безпокойствомъ.

«Вы вѣрно думаете, что оставили въ домъ нашей хорошенькой мѣщанки самое выгодное о себѣ мнѣніе? Разочаруйтесь, — я готовъ биться объ закладъ, что она принимаетъ теперь всѣ ваши вѣжливости за самую злую насмѣшку.

— Любезный братецъ! я васъ не понимаю.

«А вотъ, вы сейчасъ меня поймете, если удостоите выслушать рассказъ...»

И съ громкимъ хохотомъ Шевалье рассказалъ брату, что пока разсыпался Герцогъ въ учтивостяхъ, онъ успѣлъ притащить въ комнату козла, одѣвъ его въ чепчикъ и платье, связалъ ему ноги, и положилъ его въ постелю доброй хозяйки, которая, пришедши успокоиться отъ вѣжливостей Герцога,

увидитъ нежданнаго гостя, почтетъ его, по крайней мѣрѣ, за чорта, испугается, и вѣроятно, не скажетъ спасибо въ слѣдъ за своими гостями...

И новый хохотъ заключилъ рассказъ объ этомъ глупомъ дѣлѣ, сопровождаемый самыми грубыми насмѣшками...

Вопль ярости вырвался изъ груди Герцога при рассказѣ брата, и онъ въ ту же минуту приказалъ кучеру остановиться.

— Отпряги сію минуту лошадь — воскликнулъ онъ внѣ себя — я поскачу назадъ верхомъ!

«А что подумаетъ Король, если вы не успѣете возвратиться къ столу, и не будете присутствовать въ опочивальнѣ Его Величества?» замѣтилъ Шевалье съ лукавымъ видомъ, — «такая неисправность случилась бы съ вами въ первый разъ въ жизни.»

Положеніе Герцога было столь затруднительно, что онъ съ отчаянья вѣрно вырвалъ бы себѣ всѣ волосы, если бы голова его не была покрыта огромнымъ парикомъ, который вѣсилъ, по крайней мѣрѣ, фунта два съ половиной:

— Нѣчего дѣлать! — сказалъ онъ наконецъ, уступая чувству долга — но я не могу снести, чтобы ужасное подозрѣніе тяготѣло надо мною въ столь дурномъ, безстыдномъ нахальствѣ — я напишу, я извинюсь, и въ доказательство, что извиненіе мое будетъ не пустымъ комплиментомъ... Шевалье, я не признаю уже васъ моимъ братомъ, и не хочу имѣть съ вами ничего общаго!

«Ну, полно, не сердитесь, вѣдь все это была только выдумка. Я хотѣлъ испугать васъ.

— Клянись мнѣ, клянись спасеніемъ вашей души, а иначе я не повѣрю вамъ.

«Клянусь, Герцогъ, клянусь вамъ честью нашего имени.

— Несчастный! вы недостойны носить это имя, которое я хотѣлъ бы вырвать у васъ!

«Ахъ, Боже мой! Неужели, будучи Куаленомъ, нельзя и пошутить?»

— Не шутите со мной никогда такимъ образомъ, Шевалье!

Шевалье стоило большого труда, увѣрить брата, что онъ хотѣлъ только напугать его. Куалень, сѣвъ опять въ карету, былъ въ продолженіе всего дня чрезвычайно встревоженъ и невеселъ, жалѣлъ безпрестанно, что не удостоился лично, точно ли эта глупая шутка была выдумка. Придворные долго забавлялись этимъ анекдотомъ, и даже самъ Король, услышавъ его, улыбнулся. Дамы прозвали послѣ того Шевалье *козломъ*, и удвоили ласковость свою съ Герцогомъ.

Кстати о дамахъ, или о женщинахъ, если вамъ угодно, и о любви, потому, что *женщина и любовь*, это почти одно и то же.

Нельзя сказать, чтобы Куалень былъ врагъ волокитства — любви тогда не знали; напротивъ, но онъ слишкомъ много уважалъ приличія, и потому никогда не могъ рѣшиться переступить тѣ границы, за которыя нельзя перешагнуть не нарушивъ законовъ вѣжливости, и не уступивъ порывамъ нашей природы, столь грубой и неучливой. Куалень, будучи слишкомъ въ вѣжливыхъ отношеніяхъ со всѣмъ прекраснымъ поломъ вообще, не могъ пользоваться ни какими особенными благосклонностями. Съ начала каждаго волокитства, онъ умѣлъ

вести себя какъ нельзя лучше, и приступъ его былъ всегда хорошъ; но проходилъ мѣсяць, и онъ оставался все еще на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и въ первый день, не сдѣлавъ впередъ ни одного шагу. Жизнь его была прекраснымъ, но безконечнымъ предисловіемъ любви. Къ тому же благородный Герцогъ не могъ пожаловаться на излишнюю пылкость въ дѣлахъ любовныхъ. Страсти, наполняя душу слишкомъ большимъ безпокойствомъ, отнимаютъ у разсудка свободу и легкость, необходимыя для чловѣка придворнаго, и вотъ отъ чего Герцогъ всячески старался предохранить себя отъ нихъ. Кажется однако же достовѣрнымъ, что Куалень не устоялъ противъ прелестей молодой вдовушки, наслѣдницы одного знатнаго Бретанскаго дома, и съ той минуты, въ которую совершилось это чудо, не будучи волшебникомъ, можно было уже предсказать, что дама эта получитъ со временемъ при Дворѣ Версальскомъ табуретъ герцогини, если только возметя за интригу съ нѣкоторымъ искусствомъ.

Въ продолженіе той же самой кампаніи въ Голландіи, во время которой Шевалье Куалень сыгралъ дурную шутку съ своимъ братомъ, Герцогъ увидѣлъ въ первый разъ Маркизу де Кергоэ, ѣхавшую въ одной изъ каретъ, принадлежавшихъ къ королевской свитѣ. Герцогъ былъ верхомъ, какъ и многіе другіе знатные господа.

— Не знаю, не сонъ ли это? — сказалъ онъ, протирая себѣ глаза — но мнѣ кажется, будто я вижу въ числѣ дамъ незнакомое мнѣ лице.

«Оно, конечно, странно,» отвѣчалъ одинъ изъ придворныхъ, «что вѣжливый Куалень встрѣчаетъ при Дворѣ какое-нибудь незнакомое лице, которому онъ еще не поклонился. Но я вамъ объясню эту тай-

ну. Эта молодая дама — вдова храброго морского офицера, умершаго на службѣ королевской. Она прѣхала въ Парижъ въ самый день отъѣзда Короля, а какъ она изъ хорошей фамиліи, то и получила позволеніе слѣдовать за Королемъ. Говорятъ, что она дозволено вѣтрена, и любитъ пококетничать.

— Она вдова? Слава Богу! — воскликнулъ Герцогъ.

«Что это значитъ?... Ужъ не влюбились ли вы? Ну, Герцогъ, вотъ случай показать свою ловкость и умъне жить. Бьюсь объ закладъ, что вы не осмѣлитесь приблизиться къ этой дамѣ и заговорить съ нею... Ну, Куаленъ, ободритесь — вдовушка, говорятъ, не сурова и богата...»

Тотъ, кто говорилъ это, не успѣлъ еще кончить своей фразы, какъ Герцогъ, приложивъ руку къ шляпѣ, и согнувшись довольно ловко, рисовался уже на своей лошади подлѣ самыхъ дверецъ кареты, и расточалъ молодой вдовушкѣ всевозможныя вѣжливости и комплименты. Такъ провелъ онъ цѣлый день, и вечеромъ, когда Дворъ остановился на ночлегъ, насмѣшники были принуждены сознаться, что Куаленъ и молодая вдовушка казались самыми короткими друзьями.

Король никогда не отправлялся на войну безъ своего Двора, который въ походѣ, ни въ какомъ случаѣ, не составлялъ менѣе 5000 человекъ. Не смотря на всѣ старанія и аккуратность Кавуа, главнаго гофъ-штабъ-квартирмейстера, случалось довольно часто, что не все еще бывало приготовлено, когда Дворъ выходилъ уже изъ каретъ. Такъ, однажды, послѣ форсированнаго марша, миль въ шесть, Дворъ попалъ въ замокъ Брейзахъ, гдѣ все было въ ужас-

нѣйшемъ безпорядкѣ. Квартиры не были расписаны; повара не имѣли хорошей кухни; не было даже приличной комнаты для карточной игры. Его Величество обнаружилъ свое неудовольствіе, и это еще болѣе всѣхъ встревожило. Король не могъ обѣдать безъ дамъ, а какъ онѣ не имѣли времени переодѣться, то и явились къ столу въ своихъ дорожныхъ платьяхъ. Мрачный Брейзахскій замокъ былъ похожъ на тюрьму; всѣ казались чрезвычайно невеселы, и никогда еще ужасы войны не были чувствуемы въ такой степени, какъ въ этотъ день. Сердце Куалена разрывалось, видя величайшаго монарха въ мірѣ въ такомъ мрачномъ убѣжищѣ, и онъ едва не упалъ въ обморокъ, когда ему сказали, что у кровати двоюродной сестры Короля не было занавѣсъ.

— Въ другой разъ будемъ счастливѣе — сказалъ Король, выходя изъ-за стола. — Теперь лучше всего лечь спать, и отправиться отсюда завтра какъ можно ранѣе — въ девять часовъ утра.

Противопоставивъ героическую твердость неожиданнымъ ударамъ судьбы, Лудовикъ XIV возвратилъ всему Двору своему немного мужества, но каждый изъ придворныхъ, уходя въ свою комнату, и зная, что въ этотъ вечеръ не будетъ ни брелана, ни реверси, чувствовалъ на сердцѣ какую-то необыкновенную тяжесть. Куаленъ оставилъ спальню Его Величества послѣ всѣхъ. Пробираясь по темнымъ лѣстницамъ замка, и мечтая о томъ, какъ грустно было видѣть Короля въ комнатѣ, столь дурно меблированной, встрѣтился онъ вдругъ съ одною изъ придворныхъ дамъ, встревоженный видъ которой доказывалъ сильное безпокойство. Дама эта была Маркиза де Кергоэ.

— Вы видите меня въ ужаснѣйшемъ положеніи, Герцогъ; всѣ дамы давно уже улеглись, а я нищу и не нахожу своей комнаты — имени моего нѣтъ ни на одной двери. Г. де Кавуа, вѣрно, забылъ обо мнѣ!

Куалень затрепеталъ всѣмъ тѣломъ; все его существо превратилось въ пламенное желаніе — быть полезнымъ Маркизѣ, и въ жажду помочь ей въ такомъ горестномъ положеніи. Исторія двухъ горничныхъ женщинъ Герцогини де Сенъ-Симонъ была ничто въ сравненіи съ этимъ ужаснымъ несчастіемъ.

— О небо! — воскликнулъ онъ — если бы я былъ гофъ-штабъ-квартирмейстеромъ, я не пережилъ бы такой опрометчивости!

«Стоитъ ли это, чтобы жертвовать жизнію!» отвѣчала Маркиза, самолюбію которой было пріятно слышать такіа рыцарскія рѣчи.

— Я все таки умертвилъ бы себя, увѣряю васъ, — продолжалъ Герцогъ — но теперь не время говорить о томъ, что бы я сдѣлалъ, а надобно подумать о средствахъ, какъ вывести васъ изъ затруднительнаго положенія. Останьтесь здѣсь на минуту. Я пойду отыскивать г. де Кавуа, и приведу его къ вамъ.

Герцогъ напрасно искалъ по всему замку гофъ-штабъ-квартирмейстера. Кавуа, распорядившись совершенно, отправился ночевать въ городъ, и Куалень долженъ былъ возвратиться одинъ, въ величайшемъ отчаяніи.

— Это, право, начинаетъ становиться забавно — сказала молодая вдовушка, видя, что ей ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ смѣяться надъ сво-

нмъ несчастіемъ. — Мнѣ придется провести ночь на этой лѣстницѣ; если бы я знала хорошо какую нибудь даму, я пошла бы попросить себя пристанища, но я еще такъ недавно при Дворѣ...

«Вамъ остается только одно средство, Маркиза — принять мою квартиру.

— А вы?..... — спросила маркиза съ смущеніемъ.

«Не заботьтесь обо мнѣ; я уже распоряджусь какъ нибудь.

Когда они пришли въ квартиру Герцога, то увидѣли, что она состояла изъ одной небольшой комнаты, съ маленькою прихожею.

— Комната не великолѣпна — сказала Куалень — но въ ней, по крайней мѣрѣ, будете вы у себя.

«А мои женщины, которыхъ я нигдѣ не могла найти?» воскликнула Маркиза съ ужасомъ. «Я умру отъ страха, оставшись одна въ этой комнатѣ, съ такими толстыми стѣнами, съ рѣшетчатымъ окномъ! Если бы можно было, по крайней мѣрѣ, замкнуть дверь, но замокъ, кажется, совсѣмъ испорченъ.

— Бѣдная Маркиза! — повторилъ нѣсколько разъ Герцогъ.

«Куда же пойдете вы?» спросила Маркиза.

— Право, самъ не знаю. Брата моего, кардинала, къ несчастію, здѣсь нѣтъ.

«Удовольствуетесь ли вы этою переднею, Герцогъ?»

— Мнѣ было бы здѣсь очень хорошо, но я боюсь васъ обезпокоить.

«Вамъ этого нѣчего болѣться; ваше сосѣдство избавило бы меня отъ страха.... но....

— Понимаю, маркиза. Приличія и ваша добрая слава заставляютъ меня...

Куалень хотѣлъ было уже итти, но молодая вдовушка прибавила:

«Но что же дѣлать? Вѣдь не всегда же бываетъ военное время...

— Какал ужасная вещь война!

«И я думаю, что безпорядокъ, въ которомъ находился сегодня весь Дворъ, будетъ въ глазахъ свѣта достаточнымъ извиненіемъ.

— Я соглашусь лучше почевать въ лѣсу, чѣмъ подвергнуть васъ малѣйшему подозрѣнію.

«Нѣтъ, Герцогъ, это было бы безчеловѣчно—лишить васъ убѣжища, въ такую позднюю пору; да къ тому же я, право, не могу быть спокойна, оставшись одна въ такомъ страшномъ мѣстѣ. Вы обяжете меня, оставшись здѣсь!

— Въ такомъ случаѣ я не смѣю противиться, и расположусь на стулѣ въ передней комнатѣ.

«Да, это будетъ лучше, а завтра расскажемъ мы все, что случилось, и вѣроятно, никто не скажетъ ничего дурнаго.

— Первый, кто бы осмѣлился на это, будетъ имѣть дѣло со мною!

«Жертву, которую вы мнѣ приносите, Герцогъ, я соглашусь принять, но только на одномъ условіи... Вы должны взять непременно одинъ матрацъ съ моей кровати.

— Увѣряю васъ, что для меня будетъ достаточно стула.

«Нѣтъ, Герцогъ, я требую, чтобы вы взяли матрацъ.

Герцогъ долго противился; но Маркиза объявила, что возвратится на лѣстницу, если воля ея не будетъ исполнена, и онъ долженъ былъ уступить. Всѣ нужныя приготовленія сдѣланы были пополамъ со смѣхомъ. Странному этому приключенію Куалень былъ обязанъ какимъ-то особеннымъ приключеніемъ, до котораго онъ никогда не доходилъ.

— Страшное дѣло война! — говорилъ онъ потомъ, пока его камердинеръ перестилалъ постель Маркизы. «Кто могъ бы предвидѣть такое приключеніе!

Матрацъ былъ разостланъ на полу въ передней, и благородный Герцогъ, пожелавъ доброй ночи Маркизы, отправился на свой бивакъ. Минуть съ десять лежалъ онъ, завернувшись въ свой плащъ, какъ услышалъ вдругъ жалобный голосъ Маркизы. Съ безпокойствомъ подошелъ онъ къ двери.

— Боже мой! Боже мой! какъ я сегодня несчастлива! — говорила вдовушка.

«Что такое еще случилось?... Что съ вами, маркиза? Ради Бога, отвѣчайте!...

— Судьба, кажется, рѣшила, чтобы я не ложилась спать во всю ночь... и мнѣ придется покориться ей, если вы не придете ко мнѣ на помощь.

Куалень отворилъ дверь. Маркиза торопливо накинула свою косынку, но не могла сдѣлать этого очень скоро, такъ, чтобы помѣшать Герцогу увидѣть пару чудесныхъ плечъ, ослѣпительной бѣлизны. Что же касается до рукъ, кругленькихъ и пухленькихъ, Маркиза и не думала ихъ закрывать. Видя такое плѣнительное неглиже, и столько полу-

скрытых прелестей, благородный Герцог почувствовал необыкновенное волнение, в котором самъ себя не могъ отдать отчета.

— Я никакъ не могу спать въ платьѣ, — сказала Маркиза, смѣючись, — сзади застегнута у меня пряжка, и мнѣ не возможно достать ея... Какъ безпокойны эти платья со шлейфомъ!... Я не усну во всю ночь, если лягу не раздѣвшись.

Герцогъ отстегнулъ предательскую пряжку, увидѣлъ очаровательную, прелестную спинку, и волнение его еще увеличилось! Ему пришло было въ голову — прикоснуться устами къ этимъ нѣжнымъ плечамъ, которые, казалось, были мягче и роскошнѣе ихъ покрывавшаго бархата... Но онъ тотчасъ самъ ужаснулся такого искушенія!.. Призвавъ на помощь всю свою твердость, Куаленъ успѣлъ восторжествовать надъ духомъ зла, который, чуть было не соблазнилъ его, и едва не заставилъ позабыть уваженіе къ дамѣ.

— Странное дѣло война! — повторилъ онъ опять, бросивъ невольно на прелести Маркизы такой взоръ, въ нескромности котораго онъ не могъ внутренно не сознаться.

«Любезный Герцогъ,» отвѣчала Маркиза съ улыбкой, «общайте мнѣ, что въ разсказѣ о нашемъ приключеніи, обстоятельство это не будетъ имѣть мѣста. Злые языки могли бы растолковать дѣло совершенно иначе, и повредили бы этимъ моему доброму имени.

— Будьте спокойны, Маркиза, и я клянусь вамъ моею честью, что никогда не скажу о пряжкѣ ни одного слова; вы увидите, что я человѣкъ скромный, на котораго можно полагаться.

«Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Хотя помощь Куалена была уже ненужна, онъ дожидался однакоже чего-то, не имѣя силъ уйти. Маркиза распустила свои волосы, чтобы собрать ихъ въ платокъ, который долженъ былъ замѣнить ей ночной чепчикъ. Герцогъ, видя себя отъ восторга къ такимъ прелестямъ, хотѣлъ броситься къ ногамъ Маркизы, и признаться ей въ любви своей, но, къ счастью, онъ скоро образумился и вспомнилъ, что къ такому важному признанію не должно приступать въ подобную критическую минуту. Тогда было слишкомъ много обольстителей, употребившихъ во зло довѣренность прекраснаго пола, и онъ ни за что въ свѣтъ не согласился бы, хотя самымъ малѣйшимъ поступкомъ, навлечь на себя подозрѣніе, и быть включеннымъ въ число этихъ безсовѣстныхъ людей. Между тѣмъ Маркиза не говорила однакоже, чтобы онъ удалился, а Герцогъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, любуясь ею, и не зная, на что рѣшиться. Онъ долго пробылъ бы въ такомъ жестокомъ положеніи, если бы стукъ, раздавшійся у передней двери, и слова: «именемъ Короля,» не вывели его изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился.

— Я погибла! воскликнула Маркиза.

— Погибли! отъ чего же?

— Если узнаютъ теперь, что я здѣсь, то не повѣрятъ, что мы имѣли намѣреніе разсказать обо всемъ!

— Маркиза! я не изъ числа тѣхъ людей, благородство и честь которыхъ могли бы быть подвержаемы. Успокойтесь я беру все на себя.

Куаленъ тихонько выбрался въ переднюю, и отво-

рилъ дверь присланному отъ Короля. То былъ Гюитри, главный начальникъ королевскаго гардероба.

«Герцогъ!» сказалъ онъ, «Принцъ Конде сейчасъ только прислалъ къ Королю четырехъ важныхъ пльнниковъ знатнаго рода. Его Величество, не зная гдѣ бы помѣстить ихъ, проситъ васъ принять на нынѣшнюю ночь одного изъ этихъ господъ, а именно Крафа Фанъ Эрскота, Голландскаго знатнаго дворянина.... Но, что я вижу? Что значитъ весь этотъ беспорядокъ — этотъ матраць, тутъ на полу?»

— Это ничего не значитъ, Гюитри; это глупость, сдѣланная Кавуа — я расскажу вамъ все это завтра.

Гюитри съ недоувѣрчивостью посматрѣлъ вокругъ себя, и отправился размѣщать остальныхъ пльнниковъ.

— М. Г. — сказалъ Герцогъ своему гостю, я въ отчаяннн, что не могу предложить вамъ моей постели.... Необходимость заставила меня уступить ее одной дамѣ; у меня остается только этотъ матраць, и я съ удовольствіемъ отдаю его вамъ.

Пльнникъ, который былъ почти столько же въжливъ, какъ и Куалень, отвѣчалъ:

— Герцогъ! я никогда не соглашусь лишитъ васъ матраца. Я засну на этомъ стулѣ.

«Нѣтъ, сударь, нѣтъ!.... Это невозможно; я лучше соглашусь не спать цѣлую ночь, нежели видѣть васъ въ такомъ безпокойномъ положенн!»

— Я скажу вамъ то же самое — я не лягу, если вы не согласитесь, по крайней мѣрѣ, раздѣлитъ со мною матраць.

«Но я обезпокою васъ; онъ узокъ для двоихъ.»

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ оставить его для себя.

«Это невозможно, и если вы, непременно требуете, то я хочу лучше раздѣлитъ его съ вами.»

Они завернулись въ свои плащи, и легли другъ подлѣ друга, но отодвигаясь безпрестанно, чтобы дать болѣе мѣста, кончили тѣмъ, что заснули на полу, остави между собою матраць совершенно свободнымъ и незанятымъ.

Между тѣмъ Гюитри принесъ молодымъ королевскимъ камергерамъ удивительную новость: «У Куалена были любовныя шашки!» Онъ принялъ королевскаго посланнаго на порогѣ, не впустилъ его въ комнату, и пльнникъ долженъ былъ остаться въ передней. Все это доказывало, что во второй комнатѣ, вѣрно, была какая нибудь дама. Такое извѣстнє заставило молодыхъ людей много смѣяться, и они такъ много объ этомъ толковали, что рѣшили наконецъ — увѣриться въ истинѣ. Но какимъ образомъ пробраться въ комнату Герцога, чтобы не навлечь на себя потомъ какой нибудь непрнятности?

— Одно привидѣннє имѣеть на это право, — сказалъ Гюитри.

«Привидѣннє! Вотъ прекрасное средство,» воскликнула молодежь. «Жителямъ того свѣта позволено все! Душа какого нибудь стариннаго пльнника можетъ бродитъ по переходамъ этого замка; пусть же кто нибудь изъ насъ нарядится привидѣнемъ, и проберется въ комнату Куалена.»

— Но надобно отворитъ дверь безъ шума.

«Она едва держится на петляхъ.»

— Предлагаю средство — сказалъ одинъ изъ

придворныхъ. Насъ здѣсь всего пятнадцать человѣкъ; соберемъ всѣ ключи отъ нашихъ комнатъ; изъ нихъ, вѣрно, найдется хоть одинъ, который подойдетъ къ замку герцогской двери.

— А кто будетъ привидѣнъ?

— Надобно, чтобы это былъ ктонибудь изъ Герцоговъ, для того, чтобы въ случаѣ ссоры, соперники были одинакаго званія.

Герцогъ Рошфоръ былъ избранъ единогласно. Его завернули въ простыню, набѣлили ему лице и дали въ руки факель. Дверь была отворена безъ большихъ затрудненій, и когда привидѣнъ переступило черезъ порогъ герцогской прихожей, всѣ молодые повѣсы удалились потихоньку.

Куалень проснулся отъ свѣта, который отбрасывалъ отъ себя факель, тогда какъ товарищъ его, сражавшійся наканунѣ и уставшій до невозможно-сти, спалъ самымъ глубокимъ сномъ.

Видя предъ собою такое страшное существо, Куалень схватился за пистолеть, и прицѣлился въ привидѣнъ. Онъ хотѣлъ уже выстрѣлить, и вѣрно навѣки уложилъ бы въ землю выходца съ того свѣта, если бы Рошфоръ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, не сдѣлалъ ему пренежато поклона. Куалень въ ту же минуту подумалъ, что такой учтивый покойникъ долженъ быть какойнибудь придворный прежняго Двора, столь славнаго своими прекрасными манерами и вѣжливостію. Онъ положилъ пистолеть, и поклонясь въ свою очередь привидѣнню, спрашивалъ его, чѣмъ онъ можетъ быть ему полезенъ. Рошфоръ, опасаясь быть узнаннымъ, если станетъ говорить, рѣшился молчать, и сдѣлалъ

только Герцогу знакъ, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ.

— Я весь къ вашимъ услугамъ—отвѣчалъ Куалень, съ обыкновенною своею вѣжливостію — благоволите пойти впередъ, и показать мнѣ дорогу.

Привидѣнъ обошло почти всѣ корридоры замка. Рошфоръ убѣдился, что Куалень не былъ замѣшанъ въ любовныхъ шашняхъ, и не зналъ, какъ кончить эту прогулку и куда отвести Герцога. Онъ придумалъ загасить свой факель, и приготовился уже наступить на него ногою, когда Герцогъ, самымъ учтивымъ образомъ, попросилъ его остановиться.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одно замѣчаніе — сказалъ Куалень. Я предполагаю, что здѣсь именно то мѣсто, гдѣ вы были погребены, и что вы желаете быть перенесены на кладбище?

Привидѣнъ сдѣлало утвердительный знакъ.

— И такъ, мнѣ будетъ очень трудно найти завтра это мѣсто, если вы оставите меня въ темнотѣ. Ссудите же меня вашимъ факеломъ, если только это не обезпочитъ васъ; онъ пособитъ мнѣ также добраться до моей комнаты. Извините меня, прошу васъ. Вѣрьте, одно желаніе исполнить вашу волю, могло заставить меня обратиться къ вамъ съ подобною просьбою; къ тому же я полагаю, что для васъ огонь вещь совершенно ненужная.

Рошфоръ отдалъ факель.

— Теперь вы можете положиться на мое усердіе; прежде чѣмъ Дворъ оставитъ этотъ замокъ, я прикажу отыскать ваши кости, и отслужу обѣдню за упокой вашей души. Горжусь, что вы избрали именно меня для такого дѣла; это доказательство вашего

ко мнѣ уваженія, которое я въ полной мѣрѣ умѣю цѣнить, и вы можете отнынѣ почитать меня вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Герцогъ простился съ привидѣниемъ самымъ вѣжливымъ образомъ, и отправился спать, оставивъ Ронфора на лѣстницѣ, гдѣ онъ едва не сломилъ себѣ шею, и по крайней мѣрѣ около часу не могъ найти дороги въ свою комнату.

Не смотря на всю поспѣшность Куалена, онъ явился на половину Короля, когда исторія о привидѣннн была уже тамъ разсказана.

— А! это вы, любезный Куалень — сказала Королю. Вчера тяготѣло надъ вами ужасное подозрѣнне; васъ обвиняли въ томъ, будто вы соблазнили одну какую-то даму, и будто успѣли даже завести ее къ себѣ въ комнату, гдѣ она пробыла съ вами цѣлую ночь.

« Кажется, нынѣшнимъ утромъ клевета не потеряла даромъ своего времени,» отвѣчалъ Герцогъ.

— Обвиненіе было такъ ужасно, что даже мертвые встали изъ гробовъ своихъ, но они не нашли ничего въ чемъ бы упрекнуть васъ. — Скажите же намъ теперь, что скрывали вы съ такою таинственностью въ вашей комнатѣ?

Куалень разсказалъ обо всемъ, съ такою увѣренностью и простодушіемъ, что никто не осмѣлился обнаружить и малѣйшаго сомнѣнія; потомъ, обратясь къ гофъ-штабъ-квартирмейстеру, и взглянувъ на него съ жалостію, онъ сказалъ:

— Бѣдный Кавуа! я въ отчаяннн, что былъ принужденъ донести Его Величеству о вашей вчерашней ошибкѣ; но вы поняли, конечно, что честь не позволила мнѣ молчать.

— Мы прощаемъ Кавуа — возразилъ Король; — но я долженъ поздравить васъ, Герцогъ, съ счастіемъ пользоваться прекрасною репутаціею. Если бы Маркиза Кергоэ приняла комнату какого нибудь повѣсы, какъ на примѣръ Лозена, или Гюнши, никто не повѣрилъ бы, что дѣло обошлось такъ скромно и невинно. Вотъ, господа, что значитъ примѣрная жизнь. Обманчивая наружность можетъ быть опасна только людямъ подозрительнымъ, а теперь Маркиза Кергоэ можетъ быть совершенно спокойна — злословіе не коснется ея.

«Надѣюсь,» сказалъ Куалень, «потому, что если Ваше Величество позволите, и если Маркиза приметъ благосклонно мое предложеніе, то я женюсь на ней по возвращеннн въ Версаль.»

— А! такъ вы влюбились въ нее нынѣшнюю ночью?

«Государь! я былъ уже влюбленъ въ Маркизу, прежде этого приключенія.»

— Въ такомъ случаѣ, я совершенно на все согласенъ.

Первая свадьба, празднованная по окончаннн кампанн, была свадьба Герцога Куалена и Маркизы Кергоэ. Знавшіе вѣтренность молодой вдовушки, думали, что Герцогу будетъ съ нею много хлопотъ, но мнѣніе это оказалось совершенно ошибочнымъ. Получивъ знаменитое имя и табуретъ, она поняла всю важность своего положенія, и никогда не имѣла даже мысли, помрачить какими нибудь проступками столь уважаемос имя. Не должно также думать, что бы Герцогъ Куалень, учтивый до чрезмѣрности, былъ человекомъ слабымъ. Нѣтъ, онъ отличался твердостью характера, и могъ быть добрымъ путе-

водителемъ для молодой неопытной женщины. Прежде нежели кончилась кампанія, въ продолженіе которой Герцогъ влюбился въ Маркизу, имѣлъ онъ случай выказать свой характеръ съ такой стороны, съ какой его никто еще не зналъ.

Герцогъ былъ всегда чрезвычайно учтивъ со всѣми, но если кто нибудь осмѣливался оказать ему неуваженіе въ чемъ нибудь, то мщеніе его было ужасно, и онъ не скоро забывалъ оскорбленіе. Нѣтъ ничего страннаго, что въ землѣ столь просвѣщенной, какъ Франція, прошло много времени, прежде нежели представился случай, когда благородный Герцогъ увидѣлъ себя принужденнымъ отбросить свою обычную вѣжливость, и превратиться въ разъяреннаго льва. Насталъ однако же наконецъ день, въ который изумленный міръ увидѣлъ это страшное зрѣлище.

Это было въ день взятія Монса. На этотъ разъ, гофъ-штабъ-квартирмейстеръ не сдѣлалъ ни какой ошибки, и если бы каждый рѣшился терпѣливо перенести небольшія неприятности, неизбѣжныя въ военное время, то не случилось бы ничего особеннаго; но Маркизь де Креки, будучи недоволенъ комнатою, ему отведенною, отправился искать другой, которая была бы спокойнѣе, и не смотря на надпись мѣломъ, гласившую такъ: «*Герцогу де Куалену*, неосторожный Маркизь расположился въ комнатѣ благороднаго Герцога, подумавши конечно: «Куалень человекъ столь учтивый, что вѣрно не будетъ сердиться!»

Если бы Маркизь де Креки взялся за это вѣжливо, если бы онъ только обнаружилъ желаніе помѣняться комнатами, Куалень отправился бы лучше спать подъ открытымъ небомъ, нежели отказалъ-бы въ просьбѣ, сдѣланной учтивымъ образомъ. Но видя, что съ человекомъ такого званія, какъ онъ, осмѣли-

вались поступать столь опрометчиво, герцогъ взбѣсился до невѣроятности. Онъ побѣжалъ въ комнаты маршала де Креки, брата похитителя, который, бывши въ числѣ главныхъ начальниковъ въ войскѣ, имѣлъ отличную квартиру, и найдя ихъ незанятыми, расположился тамъ, какъ дома. Распорядившись такимъ образомъ, поставилъ онъ у дверей своихъ слугъ, съ пистолетами въ рукахъ, и приказалъ стрѣлять, если бы кто нибудь вздумалъ пробраться въ комнаты силою.

Маршалъ не замедлил явиться.

— Господинъ маршалъ! — закричалъ ему Куалень — братъ вашъ дерзкимъ образомъ занялъ мои комнаты. Совѣтую вамъ хорошенько пожурить его; если же вы намѣрены заступиться за него, то, клянусь честью, дѣло не обойдется безъ кровопролитія.

«Перестаньте герцогъ! За чѣмъ такъ сердиться» отвѣчалъ маршалъ — мы не станемъ рѣзаться за такую бездѣлицу. Оставайтесь въ моихъ комнатахъ, любезный Куалень, если это вамъ угодно, а я хорошенько побраню брата.

— Этого недоволено, маршалъ. Надобно, чтобы онъ извинился передо мною, въ присутствіи всѣхъ, а не то я буду жаловаться королю, и если мнѣ не окажутъ справедливости, то между нами будетъ непримиримая вражда. Мы увидимъ, захочетъ ли Его Величество, чтобы подобные безпорядки возобновлялись каждый вечеръ!

— Ну, полно, Герцогъ — почивайте спокойно — все уладится такъ, какъ вы хотите.

На слѣдующій день, дѣло было представлено на судъ короля, который оправдалъ Куалена во всѣхъ пунктахъ, и сдѣлалъ маркизу де Креки строгій вы-

говоръ. Не малаго труда стоило помирить двухъ противниковъ, и, можетъ быть, никогда бы не достигли до этого, если бы Людовикъ XIV-й не принялъ на себя званія посредника. — Случай этотъ показаль во всемъ блескъ твердость герцога Куалена, и удвоилъ къ нему дружбу короля. Съ этого дня перестали уже шутить, такъ, какъ прежде, надъ вѣжливостью благороднаго герцога, который тѣмъ не менѣе остался *учитивѣйшимъ челоукомъ*, не только во Франціи, но и во цѣломъ мѣрѣ.

=

КНИГА ЛЮБВИ *

=

Въ этой книгѣ хотѣла бы я записать всѣ тайныя мысли, приходящія мнѣ въ безмолвные часы ночи, описать это движеніе духа, созрѣвающего въ любви, какъ при полуденномъ солнцѣ.

Хочу искать истины, а въ ней присутствія друга; я прежде заблуждалась, думая, что онъ отъ меня далеко.

Любовь внутреннее пребываніе въ другомъ: я не разлучена съ тобой, если правда то, что я тебя люблю.

Смотрю на волны, бьющія въ берегъ, на стѣлыя нивы, отражаемыя рѣкою, на прозрачный туманъ, на дальнія вершины, зажженные лучами восходящаго солнца — и подобно пчелѣ, собирающей медъ свѣжихъ цвѣтовъ долины — взоръ мой вездѣ нахо-

* Отрывки изъ Дневника Беттины Арнимъ. Можемъ увѣдомить читателей, что замѣчательная, и надѣлавшая столько шума въ Германіи переписка ея съ Гете (Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde, Берлинъ, 1835 г. 2 ч.) переведена на Русскій языкъ, вмѣстѣ съ Дневникомъ, и вскорѣ будетъ напечатана. Намъ пріятно ознакомить публику съ Русскимъ переводомъ предварительно. О книгѣ поговоримъ послѣ подробнѣе. Странная мечтательность Беттины объясняется тѣмъ, что она была страстно влюблена въ старика Гете. Любовь чисто платоническая, почти смѣшная для толпы! Беттина и любовь ея любовьтвое психическое явленіе среди нашего мѣра — ихъ поймутъ немногіе.

дить любовь, и носить ее тайно, и хранить ее въ сердцѣ, какъ пчела хранитъ медь своей.

Такъ думала я сегодня утромъ, ходя по берегу Рейна, и возбужденная этою безконечною жизнью природы, ждала тихаго вечера, потому что тогда какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ: «Другъ здѣсь» — тогда я высыплю передъ нимъ, какъ цвѣты, всѣ дневныя воспоминанія; тогда я лягу на землю, и стану обнимать ее, эту прекрасную землю, носящую друга, и меня вмѣстѣ съ нимъ.

Швальбахъ, въ жизни.

Для тебя нѣтъ названія.

Молчу и не называю тебя, хотя бы и сладко было назвать тебя по имени.

Прекрасный человекъ! Лице нѣжное, полное выраженія — о другъ! какимъ описаніемъ замѣню я твое имя? Названіе имени есть волшебное средство для возобновленія отдаленнаго предмета въ памяти. Здѣсь, на вершинѣ, окруженной лѣсистыми ущельями, семь разъ повторяющее эхо — я не смѣю произнести твоего имени — я не хочу слышать голоса, столь же пламенно, столь же сильно зывающаго къ тебѣ.

О ты . . . . тебѣ самому, нѣтъ, я не скажу тебѣ самому, я не вѣрю даже этой кингѣ твоего имени, точно такъ же, какъ не повѣрю его отголоску эха!

Ахъ! я не коснусь твоего имени — совершенно отрешенный отъ всего земнаго, ты будешь принадлежать мнѣ . . .

Э.исз.

Я не лягу спать, не поговоривши съ тобой, не смотря на мою усталость. Глаза слипаются и раз-

двѣляютъ насъ; насъ не разлучаютъ ни горы, ни рѣки, ни время, ни даже твоя холодность, ни то, что ты ни меня, ни моей любви къ тебѣ не знаешь — а раздѣляешь сонъ. Зачѣмъ же разлучаться? Я прилну къ груди твоей; пламя мое обхватитъ твое сердце — и такъ заснутъ.

* * *

Нѣтъ! я не назову тебя, ты, къ которому я зываю — преклони ко мнѣ слухъ свой! . . . Вѣдь ты охотно слушаешь, когда вокругъ тебя болтаютъ — такъ слушай же меня. Не такъ какъ у тѣхъ, которые о тебѣ болтаютъ, о тебѣ рассуждаютъ — нѣтъ, у меня къ тебѣ, къ созерцанію тебя, собираются всѣ мои мысли. Какъ ручей, пробившійся черезъ камень, бѣжитъ по тѣнистой долинѣ, и вдыхаетъ въ себя всѣ цвѣты ея, такъ я вдыхаю тебя, милый другъ!

Ручей этотъ только журчитъ, лепечетъ; немного однообразныхъ мелодій смѣняются въ его теченіи, но вникни дружески въ его лепетанье — тогда ты услышишь восторженные клики, жалобы, просьбы и угрозы, и еще услышишь и почувствуешь тайны, торжественныя, свѣтлыя тайны, понятныя только для того, кто любить.

* * *

Усталость моя прошла, и я не хочу болѣе спать; мѣсяцъ взонмелъ; тучи летятъ и покрываютъ его, но онъ опять выходитъ и снова освѣщаетъ меня.

Воображаю теперь твой домъ, твою лѣстницу, и что я сижу на этой лѣстницѣ, а сосѣдняя долина освѣщена луннымъ сіяніемъ. Я думаю: время гонитъ время, стремится и принимаетъ различныя образы, другъ друга смѣняющіе, какъ эти тучи. Человекъ привязанъ ко времени и думаетъ, что все съ нимъ

*

проходить — и не видеть онъ чистаго свѣта, про-
ницающаго время, подобно этому мѣсяцу, свѣтяще-
му сквозь эти тучи.

О, да! сознай мою любовь, и знай, что время
проходить, но въ ней заключается то, что каждое
летучее мгновеніе ея дѣлается вѣчностію.

* * *

Полночь уже давно прошла, а я все еще лежала
въ окнѣ, и теперь только примѣтила, что свѣча моя
обгорѣла.

Въ какихъ же мысляхъ была я такъ погружена?
Я думала: ты теперь спишь, и смотрѣла на рѣку,
на берегу которой собралось нѣсколько людей; они
зажгли огонь, тамъ, гдѣ бѣлѣть холмы, и пѣли пѣ-
сни для того, чтобъ не заснуть. Я слушаю ихъ
пѣсни, я также не сплю и думаю о тебѣ. Это без-
престанное погруженіе моего духа въ душу твою
есть великая тайна любви; изъ нея можетъ родить-
ся то, чего ты никакъ не предчувствуешь.

Да, ты спишь теперь! Снится ли тебѣ что ни-
будь и — истиненъ ли твой сонъ, какъ мой? Я ви-
жу себя у ногъ твоихъ, къ которымъ я крѣпко
прижалась — я думаю, что я подлѣ тебя; сонъ
этотъ мѣшаетъ мнѣ думать о чемънибудь дру-
гомъ....

* * *

Другъ! вчера я была глубоко тронута и встрево-
жена; о тебѣ говорили много несправедливаго. Нѣтъ,
я тебя лучше знаю; черезъ дни твои проходитъ
нить, соединяющая ихъ съ неземнымъ; не всякое
существованіе связано такою нитью, и всякое раз-
рушается безъ нея.

Чтобы существованіе твое никогда не разруша-
лось, чтобы оно было вѣчною дѣйствительностію—

вотъ чего я требую. Ты такъ прекрасенъ, всѣ дви-
женія твои такъ прекрасны, потому что они вы-
раженіе духа: понимать прекрасное не значить ли
любить тебя? — А любовь не требуетъ ли, чтобы
ты былъ вѣченъ? Что дѣлать мнѣ передъ тобою,
какъ не вѣчно принимать твой духовный образъ въ
себя! Да, видишь ли ты — это мое ежедневное за-
нятіе, и все, что я ни предпринимаю другаго —
все должно преклониться передъ тобою. Тебѣ слу-
жить тайно, въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, жить тобою
и въ твоемъ присутствіи, въ толпѣ людской и въ
удиненіи — вотъ мое святое, неизмѣнимое стре-
мленіе, хотя-бы ты и не призналъ, и даже отвер-
гнулъ его.

Вся природа не что иное какъ символъ духа;
она свята, потому что выражаетъ его; чрезъ нее
человѣкъ сознаетъ свой собственный духъ, со-
знаетъ, что для нея также нужна любовь, что онъ
хочетъ прильнуть къ Духу, какъ къ устамъ милаго
предмета. Если бъ я обладала тобою, но не обладала
твоимъ духомъ, который не чувствовалъ-бы меня—
это никакъ не удовлетворило бы моего пламенно-
го стремленія.

Какъ далеко идетъ любовь! Она развѣваетъ свои
знамена, она завоевываетъ свои царства; съ радост-
ными и побѣдными кликами спѣшитъ она къ сво-
ему источнику — любовь идетъ такъ далеко, что
возвращается къ началу, изъ котораго истекла.

И тамъ, гдѣ двое любятъ другъ друга, тамъ уни-
чтожается конечная граница между ними. Но дол-
жна ли я жаловаться, что ты меня не такъ же лю-
бишь? Развѣ этотъ огонь не во мнѣ, и развѣ онъ
меня не грѣетъ? — И развѣ это внутреннее пламя
не есть всеобъемлющее блаженство?

И лѣсъ, и горы, и крутой берегъ рѣки — все

это, освѣщаемое солнцемъ, улыбается мнѣ, потому, что мое сердце, потому, что духъ мой дышитъ на нихъ вѣчною весною.

* * *

Я не прошучу тебя, чудная ночь, какъ вчера; хочу заснуть въ твоихъ объятіяхъ; ты будешь убаюкивать меня на встрѣчу дневному свѣту — и тогда я нарву свѣжихъ цвѣтовъ на память легкихъ сновидній. Такъ пламенные поцѣлуи подобны полуоткрытой розѣ, а лепетаніе любви тихому колебанію цвѣтовъ; движеніе мыслей похоже на шелестъ травы; какъ дождевыя капли катятся жемчужинами по вѣтвямъ, такъ катятся одна за другою слезы переполненнаго блаженства, такъ же стучитъ порывающееся сердце, какъ соловей, вдохновенный утреннею зарею. Онъ радуется, потому что любить; онъ вздыхаетъ отъ любви, груститъ отъ любви — и такъ, сладкая ночь, спать, спать на встрѣчу утренней зарѣ, которая пришлетъ мнѣ всѣ плоды, спящіе для любви!

* * *

Другъ! Онъ не выдуманъ этотъ внутренній міръ, онъ основанъ на знаніи и тайнѣ, онъ основанъ на высшемъ вѣрованіи; любовь есть духъ этого внутренняго міра — она есть душа природы.

Мысли тоже въ духовномъ мірѣ, что ощущенія въ чувственномъ. Это чувственное наслажденіе моего духа приковываетъ меня къ тебѣ, дѣлаетъ то, что ты наполняешь мысль мою. Меня глубоко потрясаетъ то, что ты есть, что ты родился въ этомъ чувственномъ мірѣ, что твое чувственное явленіе свидѣтельствуетъ о томъ предчувствіи, о томъ откровеніи, которыя я обѣ тебѣ имѣю.

Любовь есть познаніе; я могу наслаждаться то-

бою только въ мысли, которая научаетъ меня понимать и чувствовать тебя. Когда жъ я тебя совершенно пойму — будешь ли ты тогда принадлежать мнѣ совершенно? Можешь ли ты принадлежать непонимающему тебя? Познаніе не есть ли сладкій, чувственный переходъ въ друга? ... Существуетъ только одна граница; она раздѣляетъ конечно отъ безконечнаго — познаніе уничтожаетъ эту границу; двое, понимающіе другъ друга — другъ въ другѣ безконечны. Понимать значитъ любить; чего мы не любимъ, того не понимаемъ, и чего мы не понимаемъ, то не существуетъ для насъ.

А такъ, какъ я хочу, чтобы ты былъ мой, то я и думаю о тебѣ, потому что мышленіе научаетъ меня понимать тебя.

* * *

Если же все мое существо достойно любви твоей, то сознаніе мое о тебѣ ложно. Но я приближаюсь къ тебѣ болѣе и болѣе, когда мои внѣшнія дѣйствія и вся внѣшняя жизнь моя движутся въ созвучіи любви, когда я чувствую себя свободно отъ всякаго чуждаго вліянія, когда я чувствую, что принадлежу тебѣ, и что я свободно посвятилась тебѣ.

Я не обладаю тобою въ этой внѣшней жизни; другіе хвалятся твоею вѣрностію, твоимъ довѣріемъ, твоею преданностію, другіе входятъ въ лабиринтъ груди твоей; они увѣрены въ тебѣ, они удовлетворяютъ тебя.

Я — ничто. Во мнѣ нѣтъ ничего, чего бы ты желалъ; ни одно утро не пробудило тебя мыслью обо мнѣ; ни одинъ вечеръ не привелъ тебя ко мнѣ. — Ты не дома у меня.

Но довѣренность и преданность мои къ тебѣ без-

конечны въ этомъ внутреннемъ мірѣ; всѣ чудесные пути духа моего ведутъ къ тебѣ — да, всѣ они проведены тобою.

—
На *Иоганнисбергъ*, рано поутру.

Солнечный лучъ пробился сквозь этотъ кустъ до меня, и играетъ подъ тѣнью трепещущихъ листьевъ. Зачѣмъ я пришла сюда такъ рано, сюда, гдѣ даль надо мною возвышается и теряется въ безконечности?

Такъ все идетъ далѣе и далѣе; страны поднимаются другъ за другомъ до горизонта — и мы думаемъ, что по вершинамъ горъ взойдемъ на небо. А тамъ простираются передъ нами такія же долины, окруженные мрачною стѣною горъ, и по которымъ такъ же пасутся овечки, какъ и здѣсь. И такъ, какъ эти горы возвышаются одна надъ другою, такъ же и дни жизни — и ни одинъ изъ нихъ не есть послѣдній передъ тѣмъ, въ которомъ откроется вся вѣчность.

Бѣдъ тотъ день, тотъ часъ, которые меня примутъ, какъ я тебя принимаю, играющій солнечный лучъ? — Свиданіе — прими меня въ себя! — Ты, занимающій вершину моей жизни, живущій въ чистомъ небесномъ эфирѣ, прими меня въ свои объятія! Позволь лучу любви, свѣтящему изъ глазъ моихъ, играть въ груди твоей, подобно этому лучу утренняго солнца!

* * *

Вчера я порывалась къ тебѣ; я думала: каждое мгновеніе мое потеряно, потому что тебя не было подлѣ меня.

Обладать тобою одно мгновеніе — сколько блаженства это дало бы мнѣ!

Какъ богатъ ты, ты, который можешь дать столько блаженства, ты, который можешь дать вѣчность въ одно мгновеніе.

Вчера я писала къ тебѣ рано поутру; я взяла съ собою книгу и чернилицу, и пошла еще до утра вдоль по долинѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ черными стѣнами; съ нихъ стремились, ручьи и капились по мягкой травѣ, и лепетали, какъ колыхельныя дѣти. Что было мнѣ дѣлать! Біеніе моего сердца, глаза полные слезъ — все говорило о твоёмъ отсутствіи. Да, я хотѣла, мнѣ нужно было пожаловаться тебѣ, тебѣ самому, на то, что тебя подлѣ меня не было, а солнце свѣтило такъ радостно! Вдругъ что-то за мною зашевелилось — былъ ли это дикій звѣрь, или звукъ прилетѣвшій издали? Я быстро взбѣжала на вершину, какъ будто тебѣ на встрѣчу; тамъ открылась взору моему безконечная даль — туманы расходились, и мнѣ казалось, что ты услышалъ мои просьбы, что тайно приблизился ты ко мнѣ, и смотрѣлъ на меня, и крѣпко прижималъ къ таинственной груди своей.

Всякое истинное стремленіе приобретаетъ и достигаетъ, всякое истинное стремленіе вѣчно и въ вѣрменіи. Чего мнѣ бояться? Если стремленіе мое къ тебѣ конечно, то ты вмѣстѣ съ нимъ исчезнешь; если же нѣтъ, то оно достигнетъ своей цѣли; даже и теперь оно мнѣ дало богатый, безконечный внутренний міръ. Созерцаніе и мысли питаютъ меня, и я чувствую себя во внутреннемъ и живомъ сочувствіи съ твоимъ духомъ.

Природа дитя; она хочетъ быть понятою; мудрость ея состоитъ въ томъ, что она рисуетъ картины, отражающія внутренней міръ нашъ, и кто ее

созерцаетъ, и кто проникаетъ въ глубь ея, тому разрѣшаетъ она всѣ вопросы, всѣ внутреннія загадки; кто прильнетъ къ ней, тотъ почувствуетъ и пойметъ себя въ ней; она каждому говоритъ истину, счастливцу и несчастливцу. Она облегчаетъ душу и предлагаетъ сокровища свои бѣдному; она въ одно время раздражаетъ чувственность и оживляетъ духъ.

Я думаю, что ты часто чувствовалъ то же самое, ходи по рошамъ и по долинамъ; что часто въ жаркій полдень, ты сидѣлъ въ тѣни, и смотрѣлъ на широкую долину, и понималъ въ ней языкъ безмолвія; я думаю, природа мѣняется съ тобою мыслями, и ты чувствуешь въ ней отраженіе своей высшей природы; иногда она даже и потрясала, и разрывала твою душу — но ты не боишься ея, какъ другіе люди.

Покуда мы дѣти, находимся на степени чувства, природа ухаживаетъ за нами, какъ мать, питаетъ и раститъ духъ нашъ, до тѣхъ поръ пока онъ не возмужаетъ. Тогда превращается она въ нашего генія, пробуждаетъ въ насъ высшія потребности, принуждаетъ къ самопознанію, къ проницанію въ самую внутреннюю глубь, и какъ бы тамъ ни сильны были противорѣчія, какъ бы ужасно ни свирѣпствовало тамъ разрушеніе — вѣра въ высшую природу и въ генія нашего разрѣшитъ все въ гармонію, возстановитъ первобытную красоту. Я говорю это тебѣ сегодня, позднимъ вечеромъ, говорю тебѣ, отдаленная отъ тебя странами и рѣками, отдаленная потому, что ты обо мнѣ не думаешь, и всякій, кто бы узналъ объ этомъ, назвалъ бы это сумасшествіемъ. Я говорю съ тобой изъ глубины души моей, и не смотря на то, что ты не слышишь меня, духъ мой принуждаетъ меня все это сказать тебѣ. Здѣсь, вда-

ли отъ тебя, говорю я съ тобою, и все мое чувственное существованіе ничто для меня передъ этимъ духовнымъ разговоромъ. Ты живешь въ груди моей — и я живу ужъ не одинокою, но двойною жизнью.

Вечеромъ, послѣ грозы, которая, можетъ быть, пошла къ тебе.

Успокойся, бушующее сердце, какъ успокоился вечеръ, разорвавшій эти тучи; громъ уже не гремитъ болѣе, дождь пересталъ, и звѣзды восходятъ одна за другою на небо.

Ночная тишина царствуетъ повсюду. Я совершенно одна. Безконечная даль разстилается предо мною; этой дали нѣтъ конца — только тамъ, гдѣ живетъ любящее сердце — только тамъ отчизна, только тамъ нѣтъ дали. Если бѣ ты меня любилъ, я знала бы гдѣ кончается даль.

Да, успокойся, сердце! Не волнуйся болѣе, утишься и ты, какъ утихла природа подъ покровомъ ночи.

Что съ тобою сердце? Развѣ ты не чувствуешь? Развѣ нѣтъ въ тебѣ предчувствія всего, что бы тамъ ни случилось? — Ночь покроетъ тебя и любовь твою.

Ночью распускаются розы, и когда свѣтъ изгоняетъ мракъ, тогда являютъ себя во всей красотѣ своей.

Въ тебѣ теперь ночь, сердце мое! Темная, таинственная ночь живить розы и вливаетъ ихъ съ появленіемъ утренней зари въ нѣдра общей жизни природы, для наслажденія любовью.

Да, жаловаться, вздыхать — вотъ твое наслажденіе; просить, спрашивать: когда будетъ этому конецъ, сердце?

Пишу вечеромъ, и хоть немного строкъ, но это продолжится до поздней ночи.

Обо* многомъ должна я думать; много должна говорить волшебныхъ словъ, для того, чтобы, привлечь друга въ кругъ свой, и когда ты войдешь въ него — тогда — что скажу я тебѣ тогда, что внимаю я новаго? Чѣмъ займу я тебя?

* * *

На Рейнѣ.

Здѣсь, на горѣ, окруженный виноградниками, стоитъ храмъ, построенный наподобіе храма Діаны Эфесской.

Вчера я видѣла его вдали, освѣщенный вечернею зарею; онъ былъ такъ свѣтелъ, стоялъ такъ гордо подъ мрачными, громовыми облаками. Я сравнивала твое свѣтлое чело съ куполомъ этого храма, подъ которымъ прятались птицы, испуганныя бурей — онъ такъ величественно возвышался надъ всею окружностью.

Не смотря на то, что я живу довольно далеко отъ этого храма, сходство, которое вчера вечеромъ нашла я въ немъ съ тобою, побудило меня прійти къ нему, для того, чтобы писать къ тебѣ, и лишь только показались первые лучи солнца, я побѣжала по лугамъ, покрытымъ росой. И вотъ теперь я положила руку на маленькій жертвенникъ, и хочу клясться тебѣ: девять колоннъ, окружающихъ жертвенникъ, будутъ свидѣтелями, что я клянусь тебѣ.

Въ чѣмъ, другъ, въ чѣмъ будетъ состоять моя клятва? Въ томъ ли, что я всегда буду вѣрна тебѣ, хотя бь ты и не требовалъ? — Или въ томъ, что я буду любить тебя тайно, тайно — не повѣряя любви моей никому, кромѣ этой книги, не повѣряя

ся даже тебѣ? Въ вѣрности я не могу клясться — клятва эта заключала бы въ себѣ слишкомъ много самостоятельности, а я уже совершенно отдалась тебѣ и не принадлежу себѣ болѣе. — Любить тебя тайно, никому не повѣрять любви моей, кромѣ этой книги? — Нѣтъ! я не могу, я не хочу этого — книга эта отголосокъ тайнъ моихъ, и онъ долженъ отзываться въ груди твоей — прими его, вдохни его въ себя, позволь ему просвѣтить тебя; пусть устремится жаждущій взоръ твой, хоть одинъ разъ, одинъ только разъ, на этотъ чистый, свѣтлый лучъ любви!

Въ чѣмъ буду я тебѣ клясться?

* * *

Я расскажу тебѣ сегодня, что со мной было вчера: подъ крышею прекраснаго, прошедшаго міра, освѣщеннаго безчисленными цвѣтами утренней зари, я стояла, и положила руку свою на жертвенникъ, къ которому, вѣроятно, никто еще не прикасался съ подобнымъ намѣреніемъ. Властелинъ! Странное происходило тогда въ моемъ сердцѣ; я спросила тебя въ шутку, въ сладкой задумчивости: «Какую клятву произнесу я тебѣ?» — и потомъ спросила себя: «Это ли тотъ міръ, въ которомъ ты живешь?» И можешь ли ты шутить съ собою здѣсь, въ этой безмолвной природѣ, гдѣ все прислушивается къ твоему внутреннему голосу? — Тамъ, въ дальней долинь, подымается жаворонокъ съ радостною пѣснью; здѣсь, у этого храма, ласточки, свившія свои гнѣзда, лепечуть между собою... И я склонилла голову мою на камень и думала о тебѣ; сбѣжала на берегъ, нарвала цвѣтовъ, положила ихъ на жертвенникъ, и думала: «Пусть листья этой книги навѣвають любовью на духъ твой, какъ цвѣты эти

дышать благовоніемъ для духа того прекраснаго древняго міра, къ которому принадлежитъ этотъ храмъ! Вѣдь твой духъ подобно ему высказываетъ святой порядокъ красоты — и мнѣ дѣла нѣтъ до того, существую ли и значу ли я что нибудь для тебя....

Да, милый другъ! Значу ли я что нибудь для тебя — что мнѣ объ этомъ спрашивать? Развѣ я не знаю, что для тебя не даромъ жаворонокъ подымается съ веселою пѣснью къ небу; что ты чувствуешь шелесту утренняго вѣтра въ вѣтвяхъ; что ты понимаешь языкъ природы и ея глубокое безмолвіе? Чего же мнѣ болѣться, что ты не поймешь или не почувствуешь меня? И потому, я не хочу клясться быть чѣмъ нибудь для тебя — я убѣждена, знаю, что существую для тебя, что я для тебя то, чѣмъ можетъ быть свѣтлый, гармоническій звукъ природы, духовное прикосновеніе этого чувственного міра....

* * *

Въ Июль мѣсяцъ.

Эти дни, эти страны заключаютъ въ себя что-то райское; роскошь природы улыбается мнѣ въ этихъ спѣлыхъ плодахъ; я чувствую въ себѣ играніе жизни, и я одинока, какъ первый человѣкъ, и какъ онъ учусь властвовать и управлять счастіемъ, для того, чтобы міръ согласовался съ моею волею. Я хочу, чтобы ты дѣлалъ меня блаженною, потому только, что я тебя знаю и понимаю, и потому, что твое нравственное чувство есть сфера духовныхъ твореній моихъ. Только въ тебя одного могу я передать этотъ міръ чувствъ. Твоя красота есть доброта, питающая, покрывающая, награждающая меня; она утѣшаетъ меня, и возвышаетъ мнѣ небо.

Можетъ ли человѣкъ быть лучше для этого организованаго, нежели я?

* * *

Опять окружена я этою богатою природою, и погружена въ нее сердцемъ и душою, и опять должна я говорить о своей двойной болѣзни.

Сегодня я была въ другомъ храмѣ, расположенномъ на горѣ, и возвышающемся надъ прекраснѣйшею рѣкою Германіи, во всемъ ея великолѣпнн. На берегу разбѣяны мѣстечки и города. Подъ этимъ свѣтлымъ небомъ, они лежатъ, какъ покоящіяся стада.

Что мнѣ эта роскошь природы? Что мнѣ до этой живой жизни, до этой многообразной дѣятельности, движущейся по пестрымъ полямъ? — Лодки несутъ въ разныя стороны, и быстро переѣзжаютъ путь другъ другу, и каждая имѣетъ свою особенную цѣль. Какъ эти лодки, и ты имѣешь свою цѣль, и ты также быстро пронесешься мимо меня, и не будешь болѣе спрашивать обо мнѣ, и въ твоей памяти исчезнутъ вздохи мои и послѣдніе слѣды воспоминаній!

Такъ думала я, смотря съ высоты храма на людскую дѣятельность, когда вообразила, что все новое можетъ занять тебя каждую минуту, и совершенно изгнать меня изъ твоего міра. И я слышала, какъ волны шумѣли въ глубинѣ, и птицы порхали вокругъ меня и надо мною, и мнѣ казалось, что вечерняя звѣзда призывала меня къ себѣ, и тѣмъ болѣе стремлюсь я къ тебѣ. О! открой мнѣ грудь твою, и позволь мнѣ отдохнуть на ней отъ слезъ, вызванныхъ страннымъ предчувствіемъ — я для тебя ничто — ты меня позабудешь! — Нѣтъ! не забывай меня, возьми меня и прижми къ себѣ

крѣпче, и пусть безмолвіе, окружающее насъ, пронесетъ надъ нами благословеніе!

* * *

Ты мнѣ сказалъ тогда при прощаньи, ты требовалъ, чтобы я писала къ тебѣ обо всемъ, чтобы я подробно описывала тебѣ все, что я думаю и чувствую. И съ радостью исполнила бы я твое желаніе, но, другъ, какъ же я стану описывать тебѣ всѣ эти чудные пути моей жизни, чуть чуть освѣщенные смеркающимъ свѣтомъ разсудка? И эти мечты моего счастья (потому что я мечтаю быть счастливою), которыя иногда такъ бурно, такъ странно, такъ непонятно меня волнуютъ?

Какими красками изображу я тебѣ мое счастье, такъ, какъ я его понимаю? Посмотри на эту полную луну, тихо плавающую по чистому небу, и на эту вѣтвистую, густую лѣпу — смотри, подъ нею сидятъ двое, и они такъ же лепечутъ между собою, какъ эти листья; смотри, какъ пламенно они другъ друга любятъ, какъ одинъ стремится къ другому, и какъ другой склоняется къ нему, и внимаетъ его лепету, лепету любви! — И мѣсяць и звѣзды не исчезнутъ, а эти души, утоленные другъ въ другъ, расправятъ свои крылья и перенесутся въ высшіе міры...

Пусть это выразитъ тебѣ мое счастье, милый другъ, пусть это выразитъ его хоть одинъ разъ совершенно...

Какъ глазъ обнимаетъ красоту, такъ обнимаетъ ее духъ; онъ проникаетъ въ глубину внутренней и внешней красоты, и волшебными словами приводитъ ихъ въ гармоническое соотношеніе. И тѣло и духъ дѣйствуютъ магически другъ на друга; они разцвѣтаютъ другъ въ другъ, и мы называемъ это одушевленною, просвѣтленною красотою. Други это

лепетаніе любви, когда любящіеся говорятъ другъ другу, что они прекрасны!

* * *

Гдѣ успокоишься ты, душа моя? Гдѣ будешь ты дышать свободно и прійдешь въ себя? — Въ маленькомъ пространствѣ, въ груди друга. Быть въ тебѣ — вотъ мое блаженство!

Ахъ! какъ мнѣ хорошо, когда я, какъ дитя, могу играть въ твоемъ присутствіи, когда все, что я начинаю, исполнено твоимъ присутствіемъ, и когда я могу проникать въ твою природу, которой никто не знаетъ и никто не предчувствуетъ... Какъ я блаженна, когда я одна съ тобою, тамъ гдѣ играютъ и отражаются звѣзды, въ свѣтлой глубинѣ души твоей...

Прости мнѣ, что я построила въ тебѣ міръ свой; не разрушай твоею волею того, что не могло быть построено произвольно!

Цѣлую слѣды ногъ твоихъ! Нѣтъ, я не хочу жить въ твоемъ внешнемъ мірѣ, но не оставляй меня въ моемъ духовномъ, внутреннемъ мірѣ; положи дружески руку свою на мою голову, которая склоняется предъ тобою потому что она посвящена любви.

Вѣтеръ стучитъ въ мои окна. Изъ какой страны прилетѣлъ онъ? Откуда онъ? Скоро ли перенесся онъ ко мнѣ отъ тебя, и съ бурнымъ дыханіемъ своимъ, не принесъ ли онъ мнѣ хотя частицы твоего дыханія?

Вѣрю въ сознаніе духа; оно лежитъ не въ чувствѣ, не въ созерцаніи, или понятіи — оно выражается въ гармоническомъ соединеніи всѣхъ понимающихъ органовъ, и когда эти органы служатъ любви, тогда открываютъ они друга, тогда они зеркало его внутренняго міра.

Существовать въ другѣ, въ отдаленіи отъ него и безъ всякаго внѣшняго соотношенія съ нимъ, не свидѣтельствуетъ ли это сильнѣе всего другаго о могуществѣ и безконечности духа?

* * *

Неужели мнѣ нечего сказать тебѣ сегодня? Что же тревожить меня съ самаго утра? Ахъ! да, воробьи выгнали ласточекъ изъ ихъ гнѣздышка, подъ самымъ моимъ окномъ; ласточки болтливы, но онѣ любятъ, онѣ живутъ такъ мирно; воробьи разсуждаютъ, и такъ утвердительно, такъ гордятся своимъ остроуміемъ. Когда ласточка возвращается на свою родину, ея горлышко разливается въ нѣжныхъ разсказахъ; взаимное щебетанье есть стихія ея любви, ея радостей, какъ эфиръ стихія ея міроваго созерцанія. Воробей перелетаетъ съ мѣста на мѣсто; у него есть своя частица корыстолюбія; онъ не живетъ, какъ ласточка, подъ теплымъ крылышкомъ друга.

И вотъ ласточка улетѣла, и воробей поселился въ ея гнѣздышкѣ, гдѣ было столько сладкихъ тайнъ, гдѣ жило столько сновиднѣй!

Ахъ, другъ! я чуть чуть не написала твоего имени, увлеченная негодованіемъ на воробья, за то, что онъ выгналъ мою ласточку. Послушай: ласточка — это я, а кто же воробей? — Ты самъ это знаешь, а я, право, ласточка.

* * *

Полночь.

Пѣсни подъ моимъ окномъ; они сидятъ у дверей домика; вѣрно, мѣсяць, играя съ облаками, побудилъ ихъ къ пѣнію, или заставила ихъ пѣть скука бездѣйствія; голоса раздаются въ уединеніи ночи, и только плескъ волнъ наполняетъ долгіе промежутки ихъ пѣсень.

Что же эти пѣсни для меня? Зачѣмъ же онѣ на меня такъ сильно дѣйствуютъ, такъ, что я насилу могу удержаться отъ слезъ? — Это призывъ туда, въ даль... О, если бы ты былъ тамъ, тамъ, гдѣ исчезаютъ ихъ послѣдніе звуки, если бы ты могъ почувствовать то волненіе, которое онѣ во мнѣ пробудили, и если бы ты зналъ, что въ тебѣ лежитъ блаженство утоленія?

Ахъ! спать, спать! Не слушать болѣе этихъ пѣсень. Вѣдь тамъ въ дали нѣтъ эха — тамъ нѣтъ для меня отголоска!

Все, что я тебѣ разсказываю, все это такъ мало: однообразное пѣніе, блескъ мѣсяца, глубокій мракъ, таинственная тишина, прерыванье сердца въ даль — вотъ и все, но что жъ еще можетъ дать тебѣ мое переполненное сердце?

* * *

Другъ! утренняя заря меня уже пробудила, хотя я вчера не могла заснуть до самой глубокой ночи. Другъ, милый другъ! Мой возлюбленный! Сонъ мой былъ коротокъ; я видѣла тебя, и всякій разъ, какъ я съ тобою, во снѣ ли, на яву ли, время летитъ такъ скоро. Вотъ отъ чего сердце мое такъ сильно бьется, и голова и щеки горятъ — время безъ жалости уноситъ наше блаженство. О, если бы мы не боялись потерять того, что любимъ! Какъ мирно было-бы наше блаженство, какая глубокая тишина царствовала-бы въ немъ! Когда мы проходимъ мимо кладбища, и думаемъ: душно, тѣсно должно быть тамъ трепещущему сердцу — тогда, тихая торжественная грусть овладѣваетъ нами. Но если-бы любовь могла соединить двоихъ, и превратить ихъ въ одного, если бы она уединила ихъ, какъ это кладбище, и если бы тогда исторія всего человѣчества

пролетѣла мимо ихъ — что имъ до нея? — Да, я могу спрашивать — но ты — нѣтъ.....

Что снилось мнѣ? Мы стояли, склонившись другъ къ другу, въ сумракѣ ночи; звѣзды смотрѣлись въ глаза твои. Сладкій свѣтъ моихъ мечтаній и сіянье звѣздъ сливались съ блескомъ твоихъ очей, а мои взоры, слѣдуя за этими строками, теряются теперь въ дали. Только одно твое сердце можетъ рѣшить, какъ далеко ты отъ меня; мои взоры видѣли нынѣ ночью, какъ мѣсячный лучъ игралъ въ глазахъ твоихъ.

Мнѣ видѣлся ты. Ты мечталъ со мною, ты говорилъ, и во мнѣ отдаются еще звуки твоего голоса. Что ты говорилъ — я не помню; то вѣрно были слова любви, потому что сладкій трепетъ пробѣгалъ по моимъ членамъ.

Богъ все создалъ, и создалъ все премудро, и вся премудрость для любви, а они называютъ любящаго — сумасшедшимъ!

Премудрость — атмосфера любви; любящій дышитъ премудростью, и она не въя его — нѣтъ! — его дыханье есть премудрость, его взглядъ чувство, и это отдѣляетъ его отъ всего, что не воля любви, что не воля премудрости.

Премудрость даетъ любви все; она стремится фантазію въ страны сновидній, и подноситъ къ устамъ счастливица сладкій плодъ, утоляющій его жажду. Въ то время, какъ невдохновенный гнется къ землѣ для того, чтобы положить въ нее сѣмена своего будущаго счастья, земля всегда обманываетъ его предуготворительностью.

А я впиваю въ себя наслажденіе изъ этихъ сновидній, изъ этихъ чудныхъ восторговъ, пробужденныхъ во мнѣ призрачнымъ страданіемъ и мнимымъ счастьемъ, и премудрость, всегдашняя сопутница моего вдохновенія, высоко подымаетъ меня на своихъ

гордыхъ волнахъ, высоко надъ пошлымъ понятіемъ, обыкновенно называемымъ *разсудкомъ*, высоко надъ земнымъ удѣломъ человека, надъ земнымъ призваніемъ его, въ которомъ мы отыскиваемъ свое счастье.

Какъ это прекрасно, что премудрость любви дѣйствительно, управляетъ моими сновидніями, что самъ Богъ правитъ моимъ парусомъ тамъ, гдѣ у меня нѣтъ воли, и несетъ меня, погруженную въ сладкомъ снѣ, къ моей цѣли, для достиженія которой я всегда хотѣла-бы бодрствовать! Зачѣмъ же и ты также не мечтаешь обо мнѣ? Зачѣмъ не призываешь ты меня къ себѣ, и не примешь въ свои объятія, и не погрузишь привѣтливыхъ очей своихъ въ мои очи?

Другъ! вѣдь ты здѣсь! Эти свѣтлые, солнечные пути свиваются между собою, и ведутъ наконецъ къ тебѣ — вступи же на нихъ, иди по этимъ страннымъ, лабиринтнымъ сцѣпленіямъ, которые разрываются, можетъ быть, тамъ, гдѣ твой взоръ встрѣтится съ моимъ взоромъ, такъ какъ загадка, волнующая грудь, разрешится тамъ, гдѣ твой духъ прикоснется къ моему духу.

* * *

Сегодня перебирала я эти листки — одни вѣдохи и порывы сердца къ тебѣ!

Въ какомъ бы смущеніи стояла я передъ тобою, если бѣ ты прочелъ эту книгу! — И такъ, пусть останется она скрытою, какъ свидѣтельница моего стыда. Но, нѣтъ, другъ, я должна вѣрить, что все это сольется когда нибудь съ твоимъ духомъ, хотя мнѣ иногда и кажется, что я должна убѣгать тебя, тебя, и этихъ странныхъ порывовъ сердца. Называю ихъ странными, потому что они хотятъ всего и ничего не желаютъ. Но это минутное отклоненіе отъ тебя заключаетъ въ себѣ двойную прелесть: ка-

какая-то внутренняя сила будитъ меня съ утреннею зарею, и влечетъ меня туда, на эти горы, какъ будто я могу достигнуть тебя — и чѣмъ же все это кончается? — Я опять принимаюсь за свою книгу. Ну, такъ что же? Дни проходятъ, такъ или иначе, а я ничего не теряю, собирая себя въ этихъ листкахъ.

* * *

Сегодня я рано вышла въ поле, и пошла по первой тропинкѣ; еще было такъ рано, что испуганныя куропатки вылетали изъ подъ ногъ монаховъ; луга, освѣщенные утреннимъ блескомъ, были покрыты безчисленными паутинками, и роса горѣла на нихъ свѣтлыми каплями.

Природа была такъ прекрасна, такая чудная гармонія царствовала въ ней, что я почувствовала истину этихъ словъ: *Weg du Traum so Gold du bist, hier auch Lieb und Leben ist* (прочь, золотыя сновидѣнія — здѣсь также есть любовь и жизнь)... Когда послѣ такой прогулки я возвращаюсь къ людямъ, всегда чувствую я себя одинокою между ними.

Ахъ! эти люди — я не понимаю ихъ духа! Духъ влечетъ впередъ; онъ освѣщаетъ всегда новые пути, или летитъ навстрѣчу, какъ страсть, и погружается въ грудь, и одушевляетъ ее, и свѣжится въ ней. Духъ легокъ, какъ эфиръ. Вотъ почему любовь всегда ищетъ его, и достигнувъ его сливается съ нимъ. Вся моя хитрость состоитъ въ томъ, что любовь моя всегда слѣдуетъ за духомъ.

За тобой слѣдую я по уединеннымъ тропинкамъ, и когда все тихо и спокойно вокругъ меня, тогда каждый листочекъ лепечетъ мнѣ о тебѣ, тогда останавливаю я мои мысли, и жадно прислушиваюсь, и всѣ мои чувства расширяются и распространяются, какъ сѣть, для того, чтобы обнять тебя. Я ищу

въ тебѣ не великаго писателя, и не твоей огромной славы — нѣтъ! меня радуетъ то, что живетъ въ глазахъ твоихъ; меня радуютъ свободныя и вмѣстѣ гордыя движенія твоихъ членовъ, живыя измѣненія твоего голоса; меня радуетъ это торжественное молчаніе, это безмолвіе, вдругъ прерываемое словомъ, вылетѣвшимъ изъ глубины твоего сердца. Люблю смотреть на тебя, когда ты ходишь взадъ и впередъ, и бросаешь на все быстрый взглядъ свой. Вотъ что меня радуетъ и ничто другое, и ни какое блестящее качество твое не можетъ для меня сравниться съ этимъ.

Тогда пробираюсь я между изгородовъ и кустарниковъ. Солнце жжетъ меня, и я ложусь на траву — не отъ усталости — нѣтъ! а отъ того, что мнѣ мой есть мнѣ фантазія, и я живу въ немъ только минутами. Но онъ возвышаетъ меня до тебя, до того, котораго я не сравниваю съ другими. Съ солнечнымъ свѣтомъ, проникающимъ сквозь кустарники, съ легкими облаками, плывущими къ горнымъ вершинамъ, съ плескомъ воды, бьющей о камни, съ шумнымъ вѣтромъ, который клонитъ густыя вѣтви навстрѣчу солнечнымъ лучамъ — вотъ съ чѣмъ люблю я тебя сравнивать, вотъ въ чемъ нахожу я изображеніе твоего духа! Жужжанье пчелы, звонкій полетъ майскаго жука, переноситъ меня въ твое присутствіе, и самый лай собаки, принесенный полочнымъ вѣтромъ, пробуждаетъ во мнѣ воспоминаніе о тебѣ. Когда облака играютъ съ мѣсяцемъ, или стройно плывутъ, облитыя свѣтомъ, и какъ будто преобразенныя — тогда все духъ, духъ живущій въ груди твоей, тогда мнѣ мнится, что твой духъ летитъ навстрѣчу ко мнѣ, и радостно передается дыханію любви, которое носитъ тебя, какъ волны.

Видишь ли? Я люблю такъ природу, потому что

люблю тебя, и радостно покоюсь въ ней, и погружаюсь въ нее, потому что я люблю углубляться въ раздумье о тебѣ.

Ахъ! такъ какъ тебя нигдѣ нѣтъ, и тыздѣсь, потому, что я болѣе всего другаго ощущаю твое присутствіе — то ты непременно долженъ быть въ этихъ безчисленныхъ отголоскахъ моего чувства.

Я знаю одного! Какъ съ дѣтскою улыбкою, сроднился онъ съ премудростію и наукою. Жизнь природы его храмъ и его вѣра. Онъ видитъ въ ней отпечатокъ и откровеніе духа, и облекаетъ каждый предметъ ея въ личное, живое *ты*. Въ его пѣсняхъ звучитъ божественный восторгъ — во всемъ себѣ чувствовать, и принимать въ себя всѣ тайны, и сознать себя въ нихъ.....

Зерно, вложенное въ землю, оживляется, и эта жизнь стремится въ новое царство, въ воздухъ. Если бы въ зерно не было прежде жизни, то она не пробудилась бы въ немъ — только жизнь переходитъ въ жизнь. Если бы въ самомъ человѣкѣ не было внутренней возможности блаженства, то онъ не могъ бы быть блаженнымъ. Зародышъ неба точно такъ же лежитъ въ груди, какъ зародышъ цвѣтка въ зернѣ, и блаженство точно такъ же разцвѣтаетъ въ высшемъ элементѣ, какъ растеніе, вырвавшееся изъ зерна сквозь землю, и возродившееся въ новой, высшей стихіи, въ воздухѣ. Всякая жизнь питается высшею стихіею, и тамъ, гдѣ нѣтъ этой стихіи, тамъ не можетъ быть жизни.

Познаніе, откровеніе — вотъ зерна высшей жизни, а земная жизнь почва, на которой они посѣяны. Смерть переходъ посѣянаго въ свѣтъ, просвѣтленіе посѣянаго. Произрастать, цвѣсть, приносить плоды

отъ сѣмянъ, положенныхъ въ насъ духомъ въ этой жизни — вотъ жизнь послѣ смерти.

Ты эфиръ, въ которомъ живутъ мои мысли; онѣ летаютъ и играютъ въ тебѣ, какъ птицы въ воздухѣ.

И какъ птицы отдыхаютъ въ своемъ гнѣздѣ, такъ и я отдыхаю, думая о тебѣ, и сосредоточивая на тебя все свое сознаніе.

Духъ въ духъ безконеченъ, но духъ въ чувствѣ есть безконечное, заключенное въ конечномъ.

Мои мысли собираются къ тебѣ, какъ пчелы собираются вокругъ цвѣтущаго дерева. Онѣ касаются тысячи цвѣтковъ, и отъ одного перелетаютъ къ другому, и каждый изъ нихъ представляетъ имъ новое. Любовь точно такъ же повторяется, и каждое повтореніе для нея ново.

Любовь есть вѣчный перворожденецъ, вѣчное мгновенье. Для нея нѣтъ времени; она внѣ времени, какъ вѣчность. Любовь коротка, а вѣчность небесное мгновенье.

Ничто небесное не проходитъ, но временное проходитъ въ небесномъ.

Здѣсь на столѣ лежатъ душистый виноградъ, и пушистый персикъ, и пестрая гвоздика; роза лежитъ впереди, и впиваетъ въ себя единственный лучъ солнца, пробивающійся сквозь закрытый ставень. Какъ роскошна она! Я назову ее Психеею. Какъ манитъ она къ себѣ этотъ солнечный лучъ, и какъ роскошно краснѣется и благоухаетъ подъ его прикосновеніемъ! Здѣсь дѣло хвалить мастера. Роза! какъ хвалишь ты свѣтъ? Какъ Психелъ Амура. Безконечно прекрасенъ Амуръ, и красота его

просвѣтляется Психеею, какъ свѣтъ просвѣтляетъ эту розу. И я, я, которая думаю просвѣтлиться твоею красотою, я подхожу къ зеркалу, чтобы узнать, не похорошѣла ли я, какъ она.

Солнце склонилось къ вечеру; роза осталась въ тѣни, а я быстро пробѣгаю поля и лѣса, и думаю о тебѣ, о томъ, что ты наполнишь меня, какъ свѣтъ.

* * *

Порваніе сердца и предчувствіе близки другъ къ другу, и одно пробуждаетъ другое.

Духъ жаждетъ сочетанія съ понятіемъ. Хочу быть любимую, или хочу быть понятою — это одно и то же.

Духъ такъ отраденъ, потому что мы чувствуемъ, какъ изъ земной жизни развивается духовная, и переходитъ въ небесную, и становится безсмертною.

Любовь есть духовное око. Она узнаетъ небесное. Предчувствіе высшихъ истинъ заставляетъ насъ желать любви.

Въ тебѣ вижу я тысячу зародышей, развивающихся для безсмертія, и я хочу вдохнуть въ себя каждый изъ нихъ. Прикосновеніе духа къ духу — вотъ небесное электричество.

Все здѣсь откровеніе. Духъ дается откровеніемъ, а потому оно духъ духа. Въ насъ заключается духъ любви, а духъ этого духа есть для любви искусство.

Все ничтожно. Только воля переноситъ насъ за земную жизнь, только воля можетъ быть небесною.

* * *

Душа жаждетъ истины, и упивается ею, будто земля, утомленная продолжительною засухою,

впиваетъ въ себя крупныя дождевыя капли, предвѣстницы грозы. Истина такъ же электрической огонь, какъ и молнія. Чувствую въ груди своей это необъятное небо, съ его летучими облаками; слышу, какъ бушуетъ въ головѣ моей сырой, порывистый вѣтеръ, и какъ постепенно возвышаются и усиливаются торжественные раскаты грома, эти всегдашніе проводники электрическаго огня духа. Жизнь, это путь черезъ любовь, а духъ, кончающійся смертію, это тайный, скрытый огонь, вливающийся съ смертію въ свѣтъ.

Да, электрической огонь! Онъ шумитъ и пылаетъ, и искры — мысли — летятъ въ трубу.

И когда кто нибудь прикасается ко мнѣ въ чувствѣ моей духовности, тогда пробуждается духъ, и съ бурными раскатами играетъ въ пульсовомъ біеніи и въ электрическомъ сотрясеніи воздуха. Такъ думала я, когда, говоря со мною, ты коснулся руки моей.

Это написано послѣ бури, передъ наступленіемъ ночи.

* * *

Я молода, но я уже разрѣшила для себя много предразсудковъ. Если бы я могла разрѣшить и этотъ: «во времени ничто не старѣется». Въдѣ голодь и жажда никогда не старѣются; точно такъ же и духъ. Его настоящее условливаетъ его будущее. Кто вѣрить въ будущее, и кто такимъ образомъ перегоняетъ время, тотъ можетъ ли подлежать его могуществу?

Я замѣтила, что на деревьяхъ, за поблѣкшимъ листкомъ, всегда кроется зародышъ будущаго цвѣтка. Въ юномъ, свѣжемъ и сильномъ тѣлѣ жизнь, точно такъ же, питательная оболочка духовнаго цвѣт-

ка. И когда въ земномъ движеніи времени оболочка эта завянетъ и отпадетъ, тогда пробьется изъ нея духъ, какъ вѣчный, небесный цвѣтокъ!

Я познала эту отрадную истину, гуляя позднюю осенью между поблекшихъ кустовъ, раскрывая почки и вырывая изъ земли коренья. Изъ сосредоточенныхъ силъ настоящаго вездѣ пробивалось будущее. И такъ нѣтъ старости, нѣтъ смерти? — Есть одни вѣчныя жертвоприношенія времени для новой весенней жизни, и какъ бѣлень тотъ, кто не приноситъ себя въ жертву будущему!

Гдѣ не вѣсть на меня родной воздухъ небснаго, тамъ чувствую я себя встревоженною, и мнѣ кажется, что я заблудилась.

Ты храмъ мой, и когда я хочу быть съ тобою, то очищаюсь сперва отъ ежедневной заботы, какъ будто облакаюсь въ новое праздничное платье.

Я называю небеснымъ то, что мгновенно обхватываетъ духъ на жизненномъ пути его, и расширяетъ и развиваетъ его, какъ солнце расвиваетъ цвѣты и плоды. Ты смотришь на меня, какъ солнце, и освѣжаешь меня, какъ западный вѣтеръ. Вотъ подъ какимъ вліяніемъ цвѣтутъ мои мысли.

Эта жизненная эпоха, наполненная тобою, провела черту, обнимающую вѣчность. Все внутренне образующееся выражаетъ неземное. Черта эта обняла всю мою внутреннюю жизнь, и назови эту жизнь какъ хочешь — сознаниемъ всего высшаго, доступнаго для духа.....

Что бодрствуетъ, то пробуждаетъ. Въ тебѣ вѣрно бодрствуетъ то, что меня пробуждаетъ. Изъ груди твоей звучитъ голосъ, говорящій душѣ моей. То, что пробуждается этимъ голосомъ — тайна, а пробужденная тайна есть просвѣтленіе чловѣка.

Многое вижу и чувствую я, чего не могу выговорить. Кто любить, тотъ учится познавать, и знаніе научаетъ любить. И такъ, можетъ быть, я расту въ познаніи, которое теперь не болѣе, какъ предчувствіе. Во мнѣ еще сохранилось ощущеніе той минуты, когда мнѣ пришла свѣтлая мысль вылить въ грудь твою всѣ свои мысли и всю свою внутреннюю жизнь; мнѣ казалось тогда, что я вырвалась изъ мрачной долины въ свѣтлыя, эфирныя пространства.

Въ этомъ саду, гдѣ гуляла я еще ребенкомъ, расла дѣвственная виноградная лоза, и высоко подымалась она вдоль по каменной стѣнѣ. Я смотрѣла на ея маленькія вѣтви, которыми она цѣплялась, и дивилась ихъ безчисленнымъ сцѣпленіямъ. Когда прошла весна, и лѣтнее пламя влилось въ юную и нѣжную жизнь этого милаго растенія, тогда попали его покраснѣвшіе листья въ траву, для украшенія осени. Ахъ! и я также! Умиравшая, но еще пламенная, прошусь я съ тобою. И эти листья, точно также разстелются по зеленому лугу, который покроетъ время.

Нѣтъ, я не притворюсь съ тобой. Ты сказала: «Если ты притворица, то это не принесетъ тебѣ большой чести — вѣдь меня легко обмануть!»

Я не хочу быть притворицей, и не спрашиваю тебя, обманываешь ли ты меня или нѣтъ. — Но я хочу служить тебѣ, такому, каковъ ты есть.

Уединенный, освѣщаемый каждый вечеръ звѣздою, не измѣнить ей!

Что сдѣлалъ ты мнѣ такого, что бы заставило ме-

ни обманывать тебя? Все, что я понимаю въ тебѣ, даетъ мнѣ блаженство. Ты не можешь оскорбить ни глаза, ни духа, и я высоко подвигалась надъ всеми мелочными условіями, съ тѣхъ поръ, какъ открываюсь тебѣ. И изъ глубины моего сердца течетъ только чистое и свѣтлое вино, въ которомъ отражается твой образъ.

Не правда-ли: ты не думаешь, чтобы я тебя обманывала?

Есть злыя ошибки, потрясающія насъ, какъ горючка; и когда онѣ проходятъ, тогда мы чувствуемъ, при выздоровленіи, что мы были ужасно больны. Но притворство — ядъ, отравляющій середину сердца, и если бы я не могла носить тебя въ сердцѣ моемъ, что было бы тогда со мною?

Въ письмахъ своихъ, ничего не хотѣла я говорить тебѣ объ этомъ. Но, здѣсь, въ этой книгѣ, мнѣ грустно, что ты можешь еще во мнѣ сомнѣваться. Я хочу разсказать тебѣ о моемъ дѣтствѣ, о дняхъ, протекшихъ до моей встрѣчи съ тобою. Вся моя жизнь была приготовленіемъ къ тебѣ. Какъ давно я знаю тебя, какъ часто видала я тебя закрытыми глазами, и какъ давно присутствіе твое въ дѣйствительномъ мірѣ оправдало мое долгое ожиданіе.

Въ вислицхъ садахъ Семирамиды воспитывалась я, легкая, стройная серна, ручная и привѣтливая для каждой ласки, но свободная и необузданная въ своихъ наклонностяхъ. Кто могъ оторвать меня отъ утеса, раскаленного полуденнымъ солнцемъ? Кто помышаль бы мнѣ взлѣзть на высокую крутизну, или на вершину дерева, и кто вырвалъ-бы меня изъ моего мечтательнаго забвенія посреди живущихъ, или разстроилъ мои ночныя прогулки по тропинкамъ, покрытымъ туманомъ? Меня сохраняли Парки, Музы и Граціи, жившія въ маленькой долинтѣ,

которая, вмѣстѣ съ ближнимъ лѣсомъ, отвѣчала тройнымъ эхомъ на шумъ сосѣдней мельницы. Долина пересѣкалась рѣкою, и противоположный берегъ рѣки былъ занятъ Цыганами, которые ловили въ рѣкѣ днемъ золото, а ночью собирались въ лѣсу, вокругъ пламяющихъ огней. Берегъ, по сю сторону рѣки, былъ покрытъ бѣляющимися на солнцѣ полотнами, и пасущимися лошадьми и ослиами, принадлежавшими къ мельницѣ. Пѣсни уединеннаго сторожа и пѣніе соловья раздавались въ лѣтнія ночи, а крикъ гусей и ревъ воловъ возвѣщали приближеніе утра, и безмолвіе дня было какъ будто продолженіемъ торжественнаго гимна ночи.

Много ночей провела я тамъ, на свободѣ, я, восьмилѣтнее дитя, подъ безконечнымъ сводомъ неба, и не думаешь ли ты, что это ничего? Это было мое геройство, потому что я была смѣла, и сама не знала объ этомъ. Вся страна, сколько я могла обхватить ее взоромъ, служила мнѣ постелью. Спала ли я на краю берега, омываемаго плещущими волнами, или на крутой скалѣ, вся вымоченная падающею рососою — мнѣ было все равно. Но, другъ! когда мракъ исчезалъ, и утренняя заря обнимала меня своимъ пурпурнымъ блескомъ, и когда вмѣстѣ съ торжественнымъ пѣніемъ поднимающагося жаворонка, и среди восторженныхъ кликовъ всѣхъ пернатыхъ обитателей чуднаго Божьяго міра, она пробуждала меня — какъ думаешь ты, другъ, что чувствовала я тогда? Не менѣе всей природы чувствовала я себя, и съ высоты смотрѣла на все человѣчество. Я помню еще двѣ такія ночи. Было душно. Тихо ускользнула я изъ спальни, гдѣ другія спали крѣпкимъ сномъ, и меня встрѣтила гроза; я скрылась подъ густую бесѣдку цвѣтущей липы; молнія сверкала сквозь ея густыя вѣтви, и мгновенно освѣщала

дальніе лѣса и одинокія скалы. Мнѣ стало страшно, и я крѣпко обняла дерево, но въ немъ не было сердца, которое могло бы отвѣчать біенію моего сердца.

О милый другъ! Если бы подь этою древесною корою встрѣтила я живое пульсовое біеніе, я не испугалась бы. Это едва замѣтное движеніе, это біеніе въ груди вливають довѣренность, и даже робкаго могутъ превратить въ героя. Я увѣряю тебя, другъ, что если бъ я ощутила біеніе твоего сердца у моего сердца, и ты повелъ бы меня тогда на смерть, я — радостно пошла бы съ тобою.

Но тогда, въ эту бурную ночь, мнѣ было страшно, сердце мое сильно билось. Тогда я еще не умѣла пѣть прекрасной пѣсни:

Wie ist Natur so hold und gut,
Die mich am Busen hält.

Какъ прекрасна, какъ добра природа, прижимающая меня къ груди своей!

Я чувствовала себя одинокою, посреди этого ужаснаго бушеванія бури, и съ тѣмъ вмѣстѣ, мнѣ было такъ хорошо.... Что-то торжественное таилось въ сердцѣ. Вдругъ ударилъ колоколъ на монастырской башнѣ. Отшельницы, въ ночныхъ одѣніяхъ, съ зажженными свѣчами, спѣшили укрыться подь сводами хоровъ, и я видѣла изъ подь моего дерева, потрясаемаго бурей, трепетный блескъ бѣгущихъ огней вдоль по длиннымъ галереямъ. Скоро ихъ *Ora pro nobis* слилось съ завываньемъ вѣтра, и съ каждою новою молніею раздавался звонъ священнаго колокола, и гдѣ только слышался звукъ его, тамъ все оставалось неприкосновеннымъ ужасу бури.

Одна я была внѣ монастырскихъ стѣнъ, подь де-

ревомъ, среди бушующихъ стихій, въ то время, какъ всѣ спутницы моего дѣтства спрятались, будто испуганное стадо, подь самымъ крѣпкимъ сводомъ, и пѣли молитвы для отклоненія опасности. И это казалось мнѣ такъ непонятно подь моею вѣтвистою бесѣдкою, между тѣмъ, какъ свистѣ вѣтра и громъ, будто рыкающіе львы, поглощали и ихъ пѣніе, и самый звукъ колокола. Никто изъ нихъ не устоялъ бы со мною на этомъ мѣстѣ, а это придавало мнѣ силы, и поддержало меня противъ страха этой чудной ночи. Я почувствовала себя брошенной во всеобъемлющую природу. Вѣдь проливной дождь не портитъ же цвѣтовъ на ихъ тоненькихъ стебелькахъ, и я была бы пристыжена довѣренностью птичекъ, если бы испугалась.

* * *

Такъ постепенно пріобрѣла я увѣренность, и сроднилась съ природою, и для забавы вынесла много такихъ испытаній. Буря и гроза всегда вызывали меня изъ дому, и мнѣ было весело съ ними. Я не боялась палящаго солнца, и съ цвѣткомъ во рту ложилась на траву между жужжащихъ пчелъ, и была увѣрена, что ни одна изъ нихъ не ужалитъ губъ моихъ. До такой степени слилась я съ природою, что играла всѣмъ тѣмъ, чего другіа боялись. Темною ночью, узкія тропинки, между темныхъ кустарниковъ, манили меня къ себѣ, и представляли мнѣ что-то таинственное, но никогда и ничего страшнаго....

На ровной лужайкѣ, зеленѣющей при подошвѣ скалы, стояла монастырская церковь, окруженная высокою виноградною аллеєю. Эта аллея вела къ дверямъ алтаря, у которыхъ я часто сидѣла, окончивъ свои церковныя обязанности. Должность

на меня возложенная, повѣрялась обыкновенно общей любимицѣ, и всѣ монахини выбрали меня единоголасно для ея исправленія. Въ углубленіи этой двери сидѣла я часто, когда солнце только что переступало за полдень, иhalbо отъ меня, въ углу строевія, стояли ульи, подъ высокими акаціями, а направо красовался маленькій пчелиный садикъ, съ душистыми травами и гвоздиками, изъ которыхъ пчелы собирали медъ свой. Оттуда могла я смотрѣть въ даль, всегда столь дивно потрясающую младенческую душу, въ эту даль, которая, всегда та же, лежитъ передъ нами въ непрерывной игрѣ свѣта и тѣни; и первая пробуждаетъ въ насъ трепетное предчувствіе скрытой будущности. Тамъ сидѣла я, и видѣла, какъ пчелы возвращались въ свои улья; какъ онѣ купались въ блестящей пыли цвѣтовъ, и какъ летѣли далѣе и далѣе, и тѣрялись наконецъ въ неопредѣленной дали. Я слѣдила за ними, когда онѣ исчезали въ голубомъ эфирѣ облитомъ солнечнымъ блескомъ, и тогда, посреди глубокаго чувства грусти, мгновенно вспыхивало во мнѣ предчувствіе безконечнаго блаженства.

Да, грусть есть зеркало блаженства. — Ты чувствуешь, ты видишь въ немъ понятнымъ то счастье, къ которому ты стремишься. Да, и въ самомъ счастьи, посреди всего блеска радости, просвѣчиваетъ эта горькая сладость. Счастье зеркало, въ которомъ отражается эта, изъ безконечной глубины, вытекающая грусть! И теперь еще чувствую я себя иногда, какъ въ дѣтствѣ, въ томъ состояніи духа, которое тихо возникало во мнѣ съ приближеніемъ сумрака, и постепенно проходило: когда свѣтъ солнца смѣнялся блескомъ звѣздъ, и вечерняя роса развивала мои кудри. Холодный, ночной воздухъ

свѣжилъ меня; я ласкалась, я играла съ бесчисленными очами, глядѣвшими на меня во мракѣ изъ за каждаго кустарника. Я взлетала на каштановыя деревья, и съ эластическою гибкостію ложилась на ихъ вѣтви. И когда вѣтеръ скользилъ между ними, и каждый листокъ лепеталъ, тогда, казалось мнѣ, что они говорятъ *моимъ* языкомъ. Я влѣзала и на виноградную рѣшетку, прислоненную къ церковной стѣнѣ, и слушала, какъ ласточки болтали въ своихъ гнѣздахъ; полусонныя, онѣ едва издавали два, три короткіе звука, и щебетанье ихъ прерывалось долгимъ звукомъ, вылетающимъ изъ маленькой грудки, отъ полноты блаженства. Безпрерывныя радости любви, непрерывное спокойствіе, и тепленькое, родное гнѣздышко — вотъ жизнь ихъ.

Горе мнѣ, что мое сердце такъ безконечно страдаетъ, только отъ того, что въ дѣтствѣ своемъ созерцала я всю эту жизнь природы! Эти безчисленные вздохи любви, оживляющіе безмолвіе чудной лѣтней ночи, и посреди ихъ одинокое дитя, прислушивающееся къ ихъ блаженству, къ ихъ восторгамъ, дитя, слѣдящее за тайною природы въ душистыхъ чашечкахъ цвѣтовъ, врывающееся въ себя благоуханіе, и произносящее благословеніе надъ созрѣвшимъ виноградомъ, прежде чѣмъ вкусила его!...

Но тамъ было высокое дерево съ фантастическими вѣтвями и съ широкими бархатными листьями, образовавшими чудесную бесѣдку. Часто лежала я подъ этимъ прохладнымъ сводомъ, и смотрѣла вверхъ, какъ солнце проглядывало сквозь его густую зелень, и съ свободною грудью засыпала я въ его тѣни, и тогда мнѣ снились сладкіе сны любви — да, право такъ, — а то, проспнувшись, я не могла

бы не испугаться: зрѣлый плодъ, упавшій съ дерева, и окропившій меня своимъ благоуханнымъ сокомъ, пробудилъ меня, и я, никогда не видавшая прежде этого прекраснаго, пунцоваго плода шелковницы, проглотила его съ довѣренностью, какъ погмощаетъ первый поцѣлуй любви! — Да, есть такіе поцѣлуи, которые такъ же вкусны, какъ плоды шелковницы.

Другъ, не глупости ли это? И достойно ли это того, чтобъ я тебѣ рассказывала?

Москва.

Съ Н.н. ВАКУНИНЪ.

ЛЮБОВЬ, ПОЭЗІЯ

СУМАСШЕСТВІЕ.

(Отрывокъ изъ неизданнаго журнала Виллиама Купера *).

—

Есть города, древнія названія которыхъ переносятъ насъ къ столь отдаленному прошедшему, что только одно преданіе можетъ оправдать ихъ историческую этимологию. Если вы вы посѣтите когда нибудь маленкій городокъ Гунтингдонъ (страна охоты), столицу графства сего же имени, въ Англіи, то напрасно будете искать тамъ слѣдовъ лѣса, среди котораго нѣсколько охотниковъ построили себѣ первоначально хижины, еще прежде Нордманскаго завоеванія. Красивая рѣка его, Уза, не орошаетъ теперь другихъ деревъ, кромѣ разсѣянныхъ изрѣдка по бе-

* Англичане почитаютъ Купера (Cowper) обновителемъ Англійской поэзіи, послѣ несчастнаго классическаго ея перехода; онъ жилъ въ половинѣ и концѣ прошлаго вѣка. Больной, слабый, мечтатель, сумасшедшій, увлеченный мистическимъ вдохновеніемъ, все это передалъ онъ въ своихъ эггическихкихъ созданіяхъ, и послѣ него началась повалъ эпоха Англійской поэзіи. Жизнь его была чудный романъ, и этотъ отрывокъ можетъ дать объ ней нѣкоторое понятіе, лучше нной биографіи. Въ то время, которое здѣсь описывается, Куперъ еще не писалъ стиховъ, и только что вышелъ изъ дома сумасшедшихъ, гдѣ пробылъ онъ полтора года, у славнаго Коттона, врача-поэта и философа, возвратившаго ему разумъ своими поличеніями. Мы помѣстимъ, можетъ быть, еще нѣсколько отрывковъ изъ записокъ и переписки Купера. *Перев.*

регамъ ея ивъ; широкая равнина, на которой паслись нѣкогда олени и лани — теперь зеленый лугъ весною, болото осенью, не представляет охотнику другой дани, кромѣ дикихъ утокъ, и кое-какихъ птицъ, водящихся въ болотистыхъ мѣстахъ.

Можетъ быть, вы любите развалины? Вы читали въ Кемденовой Британніи и Генриховой хроникѣ, что въ Гунтингдонъ было когда-то пятнадцать красивыхъ церквей, пріорство канониковъ, доминиканскій монастырь, богатая больница, замокъ, построенный Римскими легіонами и возобновленный въ послѣдствіи однимъ Шотландскимъ Принцемъ, носившимъ званіе Графа Гунтингдонскаго, и проч. и проч. — Увы! теперь нѣтъ уже слѣдовъ, ни церквей ни монастыря, ни больницы, ни замка, ни даже дубовъ древняго лѣса.

Ко всѣмъ этимъ погибшимъ предметамъ, о которыхъ пожалѣютъ и художникъ, и поэтъ, нынѣшніе жители Гунтингдона, занимающіеся варкою своего чуднаго пива, совершенно равнодушны. Впрочемъ, пивоваренный промыселъ тамъ уже не то, чѣмъ былъ во времена Кромвеля, семейство котораго, какъ извѣстно, не почитало униженіемъ жить доходами отъ своей Гунтингдонской пивоварни. Земляки Лорда Протектора еще до сихъ поръ горделиво показываютъ мѣсто, гдѣ стоитъ домъ его. Это ихъ единственный памятникъ. Не знаю, по неуваженію ли къ историческому величію этихъ стѣнъ, или по любви къ *комфарту*, но домъ этотъ показался слишкомъ малъ одному изъ послѣднихъ его владѣтелей, и онъ совершенно его перестроилъ. Жилище это теперь гораздо обширнѣе и покойнѣе, но не смотря на то, нельзя не пожалѣть, что благородный Англичанинъ нашего вѣка не сохранилъ, по крайней мѣрѣ, про-

стой комнатки, гдѣ жена пивовара произвела на свѣтъ человека, который, какъ рассказываютъ въ Гунтингдонѣ, бывши еще ребенкомъ, видѣлъ однажды привидѣніе, отдернувшее быстро занавѣсы его кровати, и проговорившее ему, какъ новому Макбету: *ты будешь королемъ!*

Въ 1765 году, въ Гунтингдонѣ, какъ и теперь, было только двѣ тысячи жителей, и слѣдовательно, былъ онъ *маленькимъ городкомъ*, гдѣ всѣ обращались другъ съ другомъ какъ добрые сосѣди, гдѣ самое незначущее происшествіе составляло эпоху, и гдѣ каждый чужеземецъ, который вздумалъ бы поселиться въ городѣ, неминуемо сдѣлался бы предметомъ всеобщаго любопытства и тысячи вопросовъ. «Римъ или пустыня!» восклицалъ кто-то изъ Древнихъ. И, дѣйствительно, только посреди большой толпы, или среди совершеннаго уединенія, можно остаться незамѣченнымъ. — Истина эта, вѣроятно, не пришла въ голову одного молодого человека, который въ 1765 году прибылъ въ Гунтингдонъ, съ намѣреніемъ жить тамъ въ совершенномъ уединеніи, убѣгать свѣта, предаться ученію, не посѣщать ни какого общества, не ходить никуда, кромѣ церкви, и ограничить всѣ свои удовольствія прогулкой по берегамъ Узы. Онъ нашелъ для себя хорошо меблированную комнату и поселился тамъ вмѣстѣ съ своимъ слугою, который, будучи почти такъ же молчаливъ, какъ и его господинъ, всячески старался избѣгать всѣхъ вопросовъ и разговоровъ. Прошло недѣли съ двѣ, но еще до истеченія ихъ всѣ жители Гунтингдона страшно желали узнать, кто были этотъ молодой человекъ и слуга его? Любопытство овладѣло всѣми... — Сдѣлавшись предметомъ вниманія и догадокъ, своихъ сосѣдей особенно, скромный не-

знакомец прошелъ постепенно всѣ ступени лѣстницы общественнаго мнѣнія, и былъ, по прихоти тѣхъ, которые хотѣли знать его исторію, то переодѣтымъ принцемъ, то несчастнымъ изгнанникомъ.—Всѣ предположенія были однако жъ въ его пользу. Его больной, покорный видъ, его физіономія, болѣе робкая, нежели смѣлая, возбудили участіе всѣхъ, кто только встрѣчался съ нимъ, а его постоянное посѣщеніе церкви и благоговѣніе его молитвы доказывали, что онъ былъ благочестивымъ христіаниномъ. Хотя жители Гунтингдонскіе и не были врагами удовольствій, но тѣмъ не менѣе не стали-бы уважать того, кто не исполнялъ бы обязанностей протестанта. Почтенный пасторъ Годсонъ не могъ жаловаться, чтобы танцы и игра отвлекали кого нибудь изъ его прихожанъ отъ ихъ христіанскихъ обязанностей, или чтобы они не собирались около его кафедры въ тѣ дни, когда онъ говорилъ свои длинныя и краснорѣчивыя проповѣди.

Въ особенномъ обществѣ благочестивыхъ, считавшемъ въ числѣ своихъ членовъ наибольшую часть добрыхъ жителей маленькаго городка, были однако жъ семейства, которыя особенно проникнувшись духомъ благочестія, и усердствуя о своемъ спасеніи, отвергали уже рѣшительно всякое свѣтское разсѣяніе и слѣдовали всѣмъ правиламъ самой строгой жизни Пуританъ. Семейство Морлей-Унвинсъ и изъ нихъ могло похвастаться образцомъ тѣхъ святыхъ обитателей, гдѣ все дышитъ ароматомъ добрыхъ дѣлъ, и гдѣ самое незначущее слово, кажется, принадлежитъ къ молитвѣ, или къ христіанскому поученію. — Главою этого почтеннаго семейства былъ Г. Морлей-Унвинсъ, пасторъ, уважаемый по своимъ лѣтамъ, приготовлявшій воспитанниковъ къ университетскому

курсу. Жена была моложе его, и хотя сыну ихъ было 20, а дочери 18 лѣтъ, но тихое спокойствіе свѣтлой, благочестивой жизни сохранило ей свѣжесть молодости, такъ, что весьма часто можно было почестъ ее скорѣе за старшую сестру ея дочери, нежели за мать. Въ характерѣ Морлей-Унвинса было что-то напоминавшее простоту Вакефильдскаго Священника, и молодой Вилліамъ, назначаемый въ духовное званіе, чистосердіемъ своимъ очень походилъ на того добраго Моисея, котораго Гольдемитъ сдѣлалъ вторымъ сыномъ героя своего романа. Но Морлей былъ избавленъ отъ горя бороться у себя въ домѣ съ тою мелочною суетностью, которая была причиной несчастій семейства Примрозъ. Благодушная жена его и молодая миссъ Унвинсъ, праздничными пародами своими доказывали, что онъ наряжался не столько для людей, сколько для почести праздника. Отъ того ни одинъ повѣса, подобный Торниллю, не обратилъ бы на себя ихъ вниманія, и даже не удостоился бы чести внушить имъ отвращеніе стараніями своими нравиться; онъ остался бы незамѣченнымъ, и успѣлъ бы развѣ только пробудить то холодное любопытство, которое мы чувствуемъ иногда къ челоуѣку, совершенно для насъ чуждому.

Но благочестивый Гунтингдонскій незнакомецъ не могъ не возбудить въ семействѣ Морлей величайшаго участія. По какому-то таинственному сочувствію, христіанская любовь къ ближнему проявилась къ нему въ этомъ семействѣ, во всей своей силѣ, и какъ будто угадала, что онъ былъ посланъ въ Гунтингдонъ какимъ нибудь ангеломъ утѣшителемъ. Братское сочувствіе сблизило его сперва съ молодымъ Морлеемъ, подлѣ, котораго, по какому-то

странному случаю, всегда сидѣлъ онъ рядомъ въ церкви; эти два молодые человека глядѣли другъ на друга, какъ будто встрѣчавшіеся когда-то, хотя еще ни разу не помѣнялись другъ съ другомъ словами. Наконецъ, въ одно утро, когда незнакомецъ, кончивъ свою молитву, удалился подъ тѣнь густыхъ вязовъ, въ аллею, по которой онъ, со времени своего прибытія въ Гунтингдонъ, часто любилъ гулять, Вилліамъ Морлей послѣдовалъ за нимъ, оставивъ его, и предложилъ ему свою дружбу. Пятнадцатиминутнаго разговора было имъ достаточно открыть свои сердца, и сильноежатіе руки, при разставаніи, замѣнило имъ всѣ клятвы и увѣренія въ неизмѣнной и вѣчной дружбѣ.

Молодой Морлей Унвинсъ возвратился домой съ лицомъ, сіявшимъ необыкновеннымъ счастіемъ, поразившимъ все семейство: «Наконецъ узналъ я, кто этотъ незнакомецъ» воскликнулъ онъ, «и представляю его вамъ въ воскресенье. Онъ не знатный вельможа, скрывающійся здѣсь тайно, какъ предполагалъ соседъ Радклифъ, ни разорившійся игрокъ, какъ говорилъ еще вчера соседъ Мервейнъ, но если жизнь его не заключаетъ въ себѣ ничего знаменитаго, ничего не обыкновеннаго для возбужденія любопытства, которое такъ много заботилось объ немъ, у насъ въ Гунтингдонъ, за то все оправдываетъ ту братскую любовь, которую онъ внушилъ мнѣ. Онъ истинный христіанинъ, страдавшій долго и много, христіанинъ, на котораго Богъ указалъ святымъ перстомъ своимъ, и котораго просвѣтилъ Онъ страданіями. Онъ называется Куперъ, и имя его, также какъ и мое, Вилліамъ.»

— Мы примемъ его со всѣмъ радушіемъ, сказалъ

Морлей - отецъ, и ты долженъ быть, любезный Вилліамъ, пригласить его отобѣдать вмѣстѣ съ нами.

— Я могу еще это сдѣлать, батюшка, потому, что увижу его завтра.

На другой день приглашеніе было сдѣлано и принято. Незнакомецъ провелъ слѣдующее воскресенье въ семействѣ Морлей Унвинса, и прощаясь съ нимъ, обещалъ часто посѣщать его.

Прошло не болѣе двухъ недѣль, со времени начала знакомства и можно было подуматъ, что въ этомъ благочестивомъ домѣ возобновились только для незнакомца старинныя связи дружбы. Какъ ни мало еще извѣстно имя Вилліама Купера, имя это со временемъ будетъ включено всею Европою въ имена величайшихъ поэтовъ; и потому, желая обнаружить передъ читателями самыя сокровеннѣшія чувства гения, который въ то время самъ еще не созналъ себя, мы предоставляемъ здѣсь ему самому продолжать свою исторію, и приведемъ отрывки изъ журнала, въ который онъ записывалъ свои мысли и событія. Это родъ исповѣди, которая была имъ посвящена подругѣ его дѣтства, или лучше сказать, какой-то таинственной Музѣ, имени которой онъ не хотѣлъ произнести передъ людьми.

Журналъ, введенный въ Гунтингдонъ.

Гунтингдонъ, 1765 года.

— Я не хотѣлъ видѣть тебя, и даже писать къ тебѣ, Теодора, но ты, конечно, одобришь меня за то, что я рѣшился покориться голосу моей совѣсти, заставляющей меня сознаться въ несправедливости моего преступнаго проклятія, и оправдать въ глазахъ твоихъ, какъ онъ уже оправданъ въ моихъ, то-

го человека, которого смѣлъ я называть своенравнымъ и жестокимъ отцемъ.

«Да, Теодора, я проклиналъ его. Онъ, по моему мнѣнію, былъ врагомъ родной своей дочери: онъ не позволилъ ей быть моею, онъ могъ сказать ей, что любовь моя составитъ несчастіе всей ея жизни — я проклиналъ его за излишнюю проникательность и за строгое благоразуміе, предохранившее тебя отъ несчастія сдѣлаться подругою безумнаго.... Теперь вижу, что онъ былъ правъ, и молю его о прощеніи. И ты также, Теодора, ты должна простить меня. Знаю, что ты все еще меня любишь, но я разрѣшаю тебя отъ клятвъ, тобою данныхъ, и молю тебя только не отказать мнѣ въ сожалѣніи.

«Вотъ уже три мѣсяца, какъ выпущенъ я изъ Сентъ-Албанскаго сумасшедшаго дома. Теодора! Вотъ уже три мѣсяца, какъ я спокоенъ но, не — исцѣленъ. Да, весь умъ мой заключается теперь только въ умѣнь скрывать мое сумасшествіе, притворяться предъ всѣми — только съ тобою я откровененъ и то изъ страха, чтобы ты, по своей великодушной добѣрчивости, не стала упорствовать въ намѣреніи посвятить всю жизнь твоему Вилліаму, съ которымъ хотѣла раздѣлить и бѣдность и несчастія. Ты сказала это отцу своему, помню, въ то время, когда онъ, желая скрыть настоящую причину своего несогласія на нашъ союзъ, основывалъ свой отказъ на недостаточномъ нашемъ состояніи. И теперь, чтобы оправдать его, я долженъ явиться тебѣ такимъ, каковъ я дѣйствительно; я долженъ показать тебѣ тотъ роковой кругъ, въ который едва не ввелъ тебя, и гдѣ ты была бы принуждена раздѣлять со мною какое-то странное двойственное существованіе, которое влачу я посреди людей, существованіе ужасно,

мучительное, въ которомъ все, воображеніе, чувства, мечты, дѣйствительность, находятся въ безпрестанной борьбѣ.

Хорошо еще, если бы я долженъ былъ бороться только съ обманомъ зрѣнія и слуха, но, нѣтъ, — предо мною все еще носятся чудныя видѣнія; я вижу ихъ глазами души, и какой-то тайный, внутренній голосъ говоритъ мнѣ, обманываютъ ли меня, или нѣтъ, мое зрѣніе и мой слухъ. Кажусь однако же спокойнымъ, вмѣшиваюсь въ разговоръ, какъ будто человекъ благоразумный и разсудительный, который видитъ и слышитъ такъ-же, какъ и всѣ другіе люди. Ахъ! если бы знали, чего стоить мнѣ это спокойствіе, это хладнокровіе, эта логическая разсудительность, если бы знали все, то не стали бы удивляться, отъ чего часто готовъ я воскликнуть: «Отведите меня въ Сентъ-Албанъ — я сумасшедшій, хочу возвратиться къ сумасшедшимъ, чтобы отдохнуть отъ усилій моего мнимаго разума! Тамъ по крайней мѣрѣ, будетъ мнѣ позволено не удерживать воплей отчаянія, которые душатъ меня здѣсь; тамъ безъ боязни можно будетъ мнѣ высказывать все, что я вижу и слышу, или думаю видѣть и слышать; тамъ, наконецъ, буду я смѣло и громко отвѣчать моимъ видимымъ и невидимымъ друзьямъ и врагамъ!»

«Но слова эти не покажутся ли тебѣ, Теодора, словами сумасшедшаго? Понимаешь-ли ты меня, Теодора, ты, которая говорила когда-то — помнишь ли ты это? — что всѣ мысли мои были тебѣ доступны, что ты угадывала ихъ, что даже при нашемъ молчаніи, ты умѣешь вопрошать мою душу, исторгать у нея одну за одной, всѣ мысли, всѣ думы, и заставляешь ее обнаруживать твоей душѣ всѣ свои тайны? Что до меня касается, какъ я все это помню!

Ты часто угадывала мою душу, лучше меня самого. Помню я тотъ вечеръ, когда, замѣнивъ вашего учителя, я диктовалъ тебѣ и сестрѣ твоей какой-то урокъ. Хотя двѣ страницы твоей тетради вмѣщали въ себѣ едва только одну фразу книги, но я долженъ былъ сознаться, что написанное тобою было такъ же вѣрно, какъ и то, что написала Генриетта, съ тою разницею, что она передала слова, а ты смыслъ этихъ словъ.»

«Но тогда, Теодора, твой Виллиамъ былъ еще похожъ на другихъ людей, тогда у него не было иной тайны, кромѣ тайны нашей любви. Теперь совсѣмъ другое. Можетъ быть, проницательность твоя была бы теперь уничтожена тою личиною безстрастія, которою я покрывалъ мое лицо; можетъ быть, теперь ты, больше чѣмъ кто нибудь другой, была бы обманута ясностью моего слуха и естественностью звуковъ моего голоса. Узнай же отъ самого меня, чѣмъ сдѣлался я теперь, и благослови предусмотрительность отца своего! Генриетта, конечно, сообщила тебѣ письма, которыя я писалъ къ ней; она, вѣрно, успѣшила подтвердить тебѣ извѣстіе о моемъ исцѣленіи, и ты знаешь уже теперь, что братъ мой навялъ для меня здѣсь комнату, и вѣрный Робертъ не хотѣлъ меня покинуть. Послѣ двухъ-недѣльнаго совершеннаго уединенія, вдругъ увидѣлъ я себя введеннымъ въ семейство почтеннаго Морлея-Уонвинаса, гдѣ меня приняли, какъ роднаго, возвратившагося изъ дальнихъ путешествій.»

«Какая-то святость окружаетъ это семейство, у котораго есть убѣжище мира и спокойствія. Порядокъ, царствующій во внутреннемъ убранствѣ комнатъ, простота и опрятность мебели, маленькій, прекрасно обработанный садикъ, правильныя клум-

бы котораго видны въ окно залы, скромный видъ служанки, и даже ласковость собаки, которая вмѣсто того, чтобы лаять, поднялась и пришла лизать мнѣ руки — все это преисполнило меня съ перваго раза какимъ-то тихимъ удовольствіемъ, которымъ я давно уже не наслаждался. Самъ не знаю, отъ чего, семейство это внушаетъ мнѣ, всегда столь робкому и застѣнчивому, смѣлость и довѣрчивость. Не здѣсь ли наконецъ та пристань, гдѣ мнѣ можно будетъ отдохнуть послѣ бурь жизни, и гдѣ, предавшись тихимъ ощущеніямъ дружбы, снова привяжусь я, мало по малу, къ жизни и къ обществу людей?

Настроенный на такой ладъ видомъ мѣстъ и безчувственныхъ предметовъ, что скажу я тебѣ о впечатлѣніи, какое произвели на меня самые обитатели этого дома? Между нами не было ни малѣйшей принужденности ни минутнаго замѣшательства когда мистрисъ Морлей начала со мною разговоръ, въ которомъ принимали также по временамъ участіе мужъ ея и сынъ.

Послѣ перваго моего посѣщенія, сдѣлался я постояннымъ, ежедневнымъ ихъ гостемъ, и будучи свидѣтелемъ ихъ домашняго быта, во всѣхъ его подробностяхъ, чувствовалъ, что привязываюсь къ нимъ все болѣе и болѣе. Не стану рассказывать тебѣ, какъ внимательны, какъ ласковы были они ко мнѣ. Казалось, они занимались только однимъ мною, и когда бы и явился ли къ нимъ, въ какомъ бы трудѣ, или удовольствіи ихъ ни принималъ участія, мѣсто мое было всегда готово, приходъ мой всегда бывалъ имъ приятенъ. Спрашиваю самого себя, по какому непонятному чуду, всѣ малѣйшіе желанія мои здѣсь предупреждаются? Писалъ ли я наканунѣ къ брату, что намѣренъ пріѣхать повидаться съ

нимъ — уже почтенный г. Морлей предлагаетъ отвѣсти меня въ Кембриджъ въ своей маленькой каретѣ! Хотѣлось ли мнѣ проѣхать верхомъ, или купаться въ волнахъ Узы, въ жаркое послѣобѣденное время, мой соименникъ, которому думалъ только я поговорить объ этомъ, пригласивъ его съ собою, уже является ко мнѣ, съ такимъ точно предложеніемъ! Ты не можешь представить себѣ особенно всей внимательности мистрисъ Морлей. Съ какою заботливостью придумываетъ она, каждый день, какое нибудь новое удовольствіе, и приписываетъ новый предметъ для разговора. Страданія сдѣлали меня эгонистомъ, и всегда замѣчалъ я, уже слишкомъ поздно, что употребляю, можетъ быть, во зло участіе какое внушаетъ блѣдность моего лица и недавняя болѣзнь моя. Въ разговоръ мистрисъ Морлей есть непостижимая, увлекательная прелесть; онъ преисполненъ ума, природной веселости, и дышитъ только чувствами истинной христіанки.

«Мнѣ не доставало одного: связать еще крѣпче узы столь нѣжнаго сочувствія съ этимъ семействомъ, испросивъ позволеніе жить подъ одною съ ними кровлей. Провидѣніе скоро исполнило и это желаніе. Почему бы, говорилъ я самъ себѣ, почему бы не сдѣлать мнѣ настоящимъ жильцомъ мистрисъ Морлей, когда у нея есть комната, назначенная для одного изъ учениковъ, которыхъ г. Морлей приготовляетъ къ поступленію въ Кембриджскій университетъ? Этотъ ученикъ, для котораго комната была нанята, уѣхалъ, и возвращеніе его довольно сомнительно. Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней спрашивалъ я съ особеннымъ участіемъ объ этомъ ученикѣ, не смѣя еще обнаружить надеждъ быть его преемникомъ; наконецъ, почталіонъ приноситъ письмо; его читаютъ вслухъ

при мнѣ; ученикъ пишетъ, что комната ему болѣе не нужна. «Ну, что жъ,» сказала мистрисъ Морлей, глядя на меня — у насъ есть уже новый постоялецъ» — Когда намѣрены вы переѣхать? — спросилъ меня г. Морлей, не дожидаясь отвѣта моего на слова, сказанныя его супругою. «Я приду къ вамъ завтра утромъ, пособить вамъ укладываться» — прибавилъ другъ мой Вилліамъ.

«У всѣхъ насъ въ продолженіе этихъ трехъ дней, была одна и та же мысль.....

«Теперь опишу тебѣ, Теодора, какъ проходятъ наши дни. Мы завтракаемъ около 8-ми или 9-ти часовъ; до одиннадцати читаемъ мы потомъ Священное Писаніе, или проповѣди какого нибудь служителя истинной вѣры. Въ одиннадцать отправляемся мы въ церковь, гдѣ служба совершается два раза въ день. Время отъ двѣнадцати часовъ до трехъ проводимъ мы, какъ кому вздумается. Въ продолженіе этихъ трехъ часовъ, я, или читаю у себя въ комнатѣ, или гуляю, ѣзжу верхомъ, или работаю въ саду. Въ три часа мы обѣдаемъ, послѣ чего, если погода благоприятствуетъ, отправляемся въ садъ, гдѣ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ Морлей, провожу я время въ пріятной, назидательной бесѣдѣ, до самаго чая. Когда идетъ дождь, мы остаемся въ комнатахъ, разговариваемъ, поемъ гимны, и благодаря арфѣ мистрисъ Морлей, составляемъ довольно порядочный концертъ, въ которомъ сердца наши гораздо согласнѣ нашихъ голосовъ. Послѣ чаю отправляемся мы гулять. Мистрисъ Морлей любитъ ходить, и мы никогда не дѣлаемъ прогулки менѣ четырехъ миль. Въ короткіе дни, прогулка эта совершается между 12-ю часами и обѣдомъ. Когда смеркнется, мы принимаемся читать, или продолжаемъ разговоръ, до самаго ужина,

оканчивала обыкновенно вечеръ, или, гимномъ, или чтеніемъ проповѣди. Наконецъ, по знаку Морлея, всѣ умолкають; служанка присоединяется къ намъ. Всѣ мы становимся на колѣнахъ и совершаемъ нашу вечернюю молитву. Ты видишь, что имѣя столько занятій, мы не находимъ довольно времени гоняться за тѣмъ, что свѣтъ называетъ удовольствіями. Въ Гунтингъ намъ легко могли бы найти ихъ; мало домовъ, въ которыхъ бы не танцовали и не играли въ карты. Но мы всегда отказывались принимать участіе въ подобныхъ удовольствіяхъ, и потому, то называютъ насъ здѣсь методистами.

«Такова моя жизнь, Теодора, и въ этомъ тихомъ уединеніи, въ этомъ святилищѣ непорочности, могъ бы я надѣяться найти тотъ миръ, котораго ищутъ въ стѣнахъ монастырскихъ.... Что же?.... И здѣсь врагъ моего спокойствія преслѣдуетъ меня опять своими видѣніями; даже и здѣсь, среди этой однообразной, тихой жизни, бываю я часто тревожимъ, среди бѣлаго дня, мечтами, фантастическіе образы которыхъ безпрестанно представляются моему *отрому зрѣнію*, которымъ, по несчастію, я надѣленъ.

«Ты видишь, Теодора, какими окольными дорогами дохожу я до этого признанія, которое долженъ былъ сдѣлать тебѣ; ты видишь какъ я боюсь сказать, что меня посѣщаетъ какой-то духъ, демонъ, или призракъ — назови его, какъ ты хочешь, потому, что я отказываюсь опредѣлить существо, одаренное обликомъ, и которое между тѣмъ доступно только моему зрѣнію. Прежде нежели я стану продолжать мой расказъ, хочу увѣрить тебя, что я не боленъ, что пульсъ мой бьется правильно, и что завтра былъ

бы я въ состояніи повторить тебѣ, слово въ слово, все ^{то}, что пишу сегодня.

«Говоря обо всѣхъ членахъ почтеннаго семейства, при одномъ шагу меня въ Гунтингдонъ, я не сказалъ тебѣ ничего о миссъ Фанни. Эта Фанни похожа на мать; это списокъ, поставленный рядомъ съ подлинникомъ. У матери и у дочери одинъ и тотъ же взглядъ, одинъ и тотъ же станъ, ^{одна} и та же наружность, но первая говоритъ, а вторая только слушаетъ. Чрезмѣрная скромность, особенно же въ присутствіи матери, заставляетъ дочь, почти всегда, молчать. Физиогномія ея есть отблескъ физиогноміи матери; она оживляется только тогда, когда бываетъ оживлена физиогноміи мистриссъ Морлей. Можно подумать, что Шекспирова Пердикка, рядомъ съ его Герміоной, та же прелесть формъ, тотъ же звукъ голоса, та же кротость. Но прелесть эта холодна, голосъ не выразителенъ, кротость болѣе покорная, нежели нѣжная. Въ 18 лѣтъ, Фанни уже не дѣвочка, но еще и не дѣвушка — въ ней все чужая привычка, все подражаніе матери. Въ ней нѣтъ ничего своего,—словомъ, она вылитая мать, но только у ней нѣтъ души мистриссъ Морлей.

«Вообрази, что мнѣ пришло вдругъ въ голову? Эта молодая дѣвушка, не понимающая самой себя, и одаренная движеніемъ и словомъ, что она такое? Автоматъ и чужое эхо. Отъ чего? Отъ того, что отдаетъ, сама этого, не зная, свое тѣло и свой образъ духу, который подъ этою похищенною имъ личиною, является ко мнѣ, сторожить меня и смущаетъ своимъ взоромъ. Да, я увѣрюсь, что это Фанни, и вмѣстѣ съ тѣмъ не Фанни, если только это дѣвическое тѣло, которому я отказываю въ душѣ, не имѣетъ двухъ душъ. Да, какъ же объяснить тогда

что это тѣло, въ одно и тоже время, можетъ быть и не быть, или что оно имѣетъ сознаніе только одной изъ двухъ жизней, а не обѣихъ вмѣстѣ? — Много разъ думалъ уже я, какъ найти объясненіе этой тайны, и часто самъ не вѣрю такому странному механизму, но можно ли отрицать его, когда онъ явно дѣйствуетъ на меня?

«Теперь, Теодора, ты можешь составить себѣ понятіе о моемъ положеніи, и о той силѣ, которая нужна мнѣ, чтобы не измѣнить самому себѣ. Все семейство собрано въ одной комнатѣ. Мистриссъ Морлей посылаетъ за чѣмъ нибудь дочь свою въ другую половину дома, или сама Фанни встаетъ и уходитъ. Что же?... Черезъ минуту послѣ ея ухода, обращаю я голову въ ту сторону, гдѣ видѣлъ Фанни, и вижу ее возвратившуюся, тихо, безъ всякаго шума; положивъ палецъ на уста, она какъ будто проситъ меня не сказывать объ ея возвращеніи, которое замѣчаю только я одинъ; она боится, чтобы удивленіе мое не измѣнило мнѣ. Когда же она увѣряется въ моей скромности, то садится спокойно на свое мѣсто, и вступаетъ со мною въ странный разговоръ глазами и движеніями. Когда же, освободивъ мало по малу съ этимъ привидѣніемъ, я осмѣлюсь наконецъ разсматривать его пристальнѣе, то эта Фанни, еще недавно столь равнодушная ко всему, что происходило вокругъ нея, кажется мнѣ перемѣнившейся совершенно, не лицомъ, но выраженіемъ лица: холодная наружность ея, какъ будто оживляется свѣтомъ разума, подобно алебастровой статуѣ, которую художникъ освѣтилъ изнутри лампадою. Наконецъ, она исчезаетъ, точно такъ-же, какъ львица, и когда настоящая Фанни возвращается, она всегда находитъ свое мѣсто незанятымъ, и садится на него,

съ своимъ всегдашнимъ хладнокровіемъ. Она не смущается отъ моего вопрошающаго взора, точно такъ же, какъ другая Фанни не смущалась отъ него за минуту передъ тѣмъ, и отвѣчала мнѣ только своею остроумною улыбкою.

«Все это только обманъ моего разстроеннаго воображенія, мечты сумасшедшаго, бредъ безумца, не такъ-ли скажешь ты, Теодора? — Пожалѣй-же объ этомъ безумцѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ порадуйся, что между имъ и міромъ, этимъ міромъ, который только для него одного не таковъ, какъ для всѣхъ другихъ, является призракъ, но крайней мѣрѣ, прекрасный, съ привѣтнымъ, почти нѣжнымъ взглядомъ, призракъ, котораго этотъ безумецъ готовъ почитать за духа хранителя, ставшаго подлѣ него для того, чтобы предохранить отъ страшныхъ видѣній, которыя, полтора года тому, завели его въ больницу Сентъ-Албанскую.

Продолженіе журнала, спустя 15 дней.

Не знаю, добрый ли это, или злой духъ, но онъ омрачаетъ мои мысли самымъ страннымъ образомъ. Каждый разъ, когда онъ является передо мною, я не имѣю уже собственной воли, но завишу совершенно отъ его взора и отъ малѣйшаго знака его руки. Рабство это мнѣ несносно, но я не смѣю сбросить его съ себя. Меня мучитъ теперь любопытство узнать: чувствуетъ ли Фанни сознаніе того, что тѣло ея служитъ оболочкою, которую принимаетъ на себя мой духъ? Мнѣ кажется, будто она не такъ уже безстрастна, какъ была прежде, и будто все существо ея мало по малу измѣнилось. Я замѣтилъ въ глазахъ ея искру того огня, которымъ они горятъ въ то время, когда таинственный духъ обитаетъ въ

ней. Вчера, напримѣръ, Фанни говорила со мною съ какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ, и мнѣ казалось даже, будто двѣ души, ея собственная и душа ея двойника, слились въ ней вмѣстѣ въ ту минуту. Мы были одни. Два раза готовъ я былъ просить ее — объяснить мнѣ двойственное ея существованіе. Меня не останавливало даже опасеніе обнаружить предъ нею мое помѣшательство — если это только помѣшательство. Но мать вошла въ комнату, и помѣшала мнѣ говорить.

«Не подозрѣваетъ ли мистрисъ Морлей этого необъяснимаго сношенія, которое существуетъ между моимъ духомъ и душою ея дочери, если только Фанни остается ея дочерью въ своемъ чудномъ превращеніи? Нѣсколько словъ, сказанныхъ какъ бы мимоходомъ матерью Фанни, во время нашихъ послѣднихъ бесѣдъ, заставляютъ меня болѣть, не подозрѣваетъ ли она какой нибудь тайны... Даже самъ почтенный г. Морлей... Но, нѣтъ, нѣтъ! Онъ, кажется, занятъ всею другими мыслями, и его, какъ отца, заботитъ одно обстоятельство, о которомъ онъ ищетъ случая поговорить со мною. Какъ бы то ни было, а мои сношенія съ призракомъ ставятъ меня въ самое тягостное положеніе, и дѣлаютъ меня недоверчивымъ и подозрительнымъ. Я содрогаюсь каждый разъ, когда какое нибудь двусмысленное слово поражаетъ мой слухъ, и думаю, что оно непременно относится ко мнѣ.

Надобно рассказать тебѣ о вчерашней моей прогулкѣ съ мистрисъ Морлей. Окрестности городка небогаты красивыми мѣстами. Рѣка Уза и берега ея составляютъ лучшее украшеніе равнины, на которой стоитъ Гунтингдонъ. Чаще всего цѣлью нашихъ прогулокъ бываетъ прекрасная деревенька

Гертфордъ. Церковь ея расположена весьма живописно, на небольшой возвышенности, склоняющейся отлогою покатою къ рѣкѣ, волны которой омываютъ каменный заборъ, окружающій кладбище. Я люблю это кладбище, и понимаю, какъ подобное мѣсто могло внушить Грею его меланхолическую элегію. Вчера, мистрисъ Морлей и я, помолясь въ церкви, отправились на кладбище, и стали разсматривать надгробныя надписи. На одну изъ нихъ обратилъ я особенное вниманіе моею почтенной и благочестивой подруги; эпитафія эта хорошо выражала скорбь супружеской любви — то была вдова, говорящая своему мужу:

Thou wast too good to live on earth with me,
And I not good enough to die with thee.

Ты былъ бы слишкомъ добръ жить
со мною,
А я недостойна умереть съ тобою.

— Не удивляетесь ли вы, подобно мнѣ, тому чувству, которое начертало эти два стиха? — сказала я мистрисъ Морлей.

— Если женщина, начертавшая эту надпись, осталась вѣрна такой священной скорби — отвѣчала мистрисъ Морлей, то, конечно, небо не могло оставаться долго невнимательно къ ея страданіямъ и молитвамъ. Какъ радостна должна была показаться ей смерть! Рѣдко случается, чтобы мы, женщины, не раскаявались въ послѣдствіи въ томъ выборѣ, который сдѣлали въ такомъ возрастѣ, когда мы еще были неспособны выбирать.

— Но неужели думаете вы — сказалъ я съ улыбкой — что особенная пронизательность, которую

вы надѣлите мужчинъ, не можетъ быть также иногда обманута

О, Вилліамъ — отвѣчала она — я знаю, что вы имѣете противъ женитьбы большое предубѣжденіе!

«Вы это знаете? — спросилъ я ее, не понимая въ чемъ заключалась ея мысль.

— Да, я знаю это — продолжала она — и далека отъ того, чтобы осуждать васъ, не смотря на то, что вашъ образъ мыслей не будетъ одобренъ всѣми. Вѣрьте словамъ моимъ, хоть съ вами говорить супруга и мать. Очень хорошо постигаю я все, что можетъ удалить васъ отъ женитьбы, васъ, человекъ съ душою нѣжною, цѣломудренною, стремящеюся только къ одному идеальному совершенству. Если вы любили, Вилліамъ, я хочу сказать, если вы любили любовью настоящею, то сомнѣваюсь я, чтобы васъ поняли, какъ должно понять, и потому, испытавъ первую неудачу, вы — перестали вѣрить женщинамъ.

— Право, сударыня — отвѣчалъ я, стараясь отклонить всякое примѣненіе къ прошедшему, и къ страсти, которая должна остаться погребенною въ моемъ сердцѣ, какъ бесполезное сокровище скупца — право, вы придаете мнѣ слишкомъ строгое мнѣніе о женщинахъ и въ то же время считаете меня слишкомъ гордымъ и самонадѣннымъ. Позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я убѣжденъ только въ собственныхъ своихъ несовершенствахъ, и слѣпо вѣрю совершенству всѣхъ женщинъ.

— Для пустынника, вы сохранили еще слишкомъ много остатковъ вѣжливаго тона этого блестящаго Лондонскаго общества, отъ котораго отказались вы теперь, Вилліамъ — сказала мнѣ мистриссъ Морлей,

съ усмѣшкою. Но оставимъ совершенства вашего и нашего пола, или скажемъ лучше, со всею откровенностью, что и тотъ и другой рѣдко выдерживаютъ испытаніе брака.

— Бракъ есть однако же установленіе святое, таинство признаваемое всѣми христіанскими церквами....

— О — прервала она — вы, кажется, намѣрены поддерживать духовный тезисъ, но предупреждаю васъ заранее — вы будете побѣждены — я сама жена теолога! — Вы плохо стали бы защищать дѣло, совершенно вамъ чуждое. Къ тому же, мой другъ, я нападаю не на постановленіе, не на таинство, а хочу только оправдать васъ въ собственныхъ вашихъ глазахъ, какъ оправдывала недавно предъ моимъ мужемъ, который осуждалъ васъ за то, что вы отказались соединить свою судьбу съ судьбою достойной васъ подруги. Ахъ! если бы бракъ былъ всегда символомъ, всегда освященіемъ союза душъ, но... не такъ понимаетъ его наша испорченная природа, и наша образованность, лишенная поэзіи.

— Женщины одарены особеннымъ дарованіемъ поддерживать парадоксы — сказала я. — Продолжайте, сударыня, я не стану прерывать васъ.

— Но я говорю съ вами не шутя, Вилліамъ — возразила она. Мнѣ хочется доказать вамъ, что вступившись за васъ противъ г. Морлея, не смотря на предложеніе, которое, во всѣхъ отношеніяхъ, должно было казаться мнѣ самымъ пріятнымъ, я только предупредила объясненія, которыя были бы для него невразумительны. Г. Морлей человекъ прекрасный, богобоязненный, умный, но простота души его не въ состояніи постигнуть всѣхъ этихъ тонкостей

чувства, которыя бываютъ удѣломъ только немногихъ. Г. Морлей никогда не хотѣлъ понять того, что бракъ можетъ быть союзомъ совершенно мистическимъ. То что вы услышите теперь отъ меня, докажетъ вамъ, какъ велика моя къ вамъ довѣренность, и какъ умѣю я понимать ваши чувства. Знайте же, Вилліамъ, что отвращеніе мое къ браку было такъ сильно, что только одна покорность моя волю Божіей могла поддержать меня въ первые два года, когда убѣдилась я, что обманываюсь, думалъ, будто бы мужъ, которому было тридцать лѣтъ болѣе, нежели мнѣ, могъ быть мнѣ только вторымъ отцомъ.... Но прогулка наша продолжалась долѣе обыкновеннаго, и мы зашли слишкомъ далеко; сядемъ-те отдохнуть подъ эту иву, которая склонилась надъ рѣкою, и я расскажу вамъ, мой другъ, всѣ несчастія моей молодости. Вы не будете смѣяться надъ ними, Вилліамъ, какъ позволилъ себѣ это однажды г. Морлей, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ. Отецъ мой былъ честный купецъ, торговавшій сукномъ въ Элей. Мать моя, по счастью, пристрастила меня къ чтенію, и когда я лишилась ее, на 15-мъ году моего возраста, то книги были для меня единственнымъ утѣшеніемъ. Хотя мы жили вообще очень скромно, и мало посѣщали общество, я скоро сдѣлалась однако же предметомъ исканій одного молодого челоука, котораго я назову Артуромъ. Отецъ мой принималъ съ удовольствіемъ его посещенія, и предпочиталъ его тремъ другимъ вздыхателямъ, которые нравились ему менѣе. Не скрою отъ васъ, что я была неравнодушна къ Артуру. Скромный, почтительный, внимательный, онъ былъ счастливъ моимъ присутствіемъ, счастливъ улыбкою, которою я встрѣчала его. Не знаю сколько времени продолжа-

лось бы это невинное счастье, если бы отецъ мой, имѣвшій намѣреніе вступить во второй бракъ, не вздумалъ, мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ перваго нашего знакомства съ Артуромъ, смѣяться надъ нимъ, называть его ребенкомъ, не умѣющимъ справиться съ молодою дѣвушкою, увѣряя, что робкій любовникъ не можетъ никогда нравиться женщинамъ. Почтенный отецъ мой перелгалъ своими словами въ прозу какой-то куплетъ, слышанный имъ въ театрѣ, и который онъ часто пѣвалъ при мнѣ, не обращая вниманія на румянецъ стыда, покрывавшій щеки дочери. Однимъ словомъ (я узнала это въ послѣдствіи) онъ зазвалъ Артура въ таверну, осушилъ съ нимъ бутылку хересу, и уснѣлъ словами и насмѣшками своими вскружить ему голову. Въ этотъ день Артуръ долженъ былъ прійти къ намъ, и читать мнѣ въ слухъ послѣднія главы «Телемака,» одну изъ самыхъ свѣтскихъ книгъ, которыя я когда либо читала. Увидя его вошедшаго въ залу съ шляпою на головѣ, и съ видомъ какого-то особеннаго фанфаронства, я потушила глаза, а Артуръ, припомня все, что ему говорили, и призвавъ на помощь 20-тилѣтнюю свою пылкость, усиленную парами хереса, не поколебался принять на себя роль смѣльчака.... Безъ всякихъ обиняковъ, онъ, никогда неприкасавшійся даже къ пальцу руки моей, обнялъ меня вдругъ, и горящими устами своими поцѣловалъ въ шею....

— Что это значить, сударь?—закричала я, внѣ себя отъ стыда, негодованія и гнѣва, давшихъ мнѣ силы поспѣшно оттолкнуть дерзкаго. Я выбѣжала изъ залы, и оставила его тамъ, пораженнаго презрительнымъ взглядомъ, который я на него бросила.

«Артуръ пошелъ разсказать отцу моему о своей неудачѣ. Батюшка общалъ ему помирить его со мною, посовѣтовавши однако жъ не показывать дня два, или три, и увѣряя, что это было прекрасное средство подстрекнуть самолюбіе женщины, прикидывающейся скромницею. Что до меня касается, то поступокъ Артура возбудилъ во мнѣ отвращеніе ко всѣмъ мужчинамъ, и я объявила-бы отцу моему, что отказываюсь навсегда отъ замужства, если бы старая служанка не открыла мнѣ тайны поступковъ моего отца—старанія сбыть меня поскорѣ съ рукъ, и потомъ жениться. Служанка эта, любившая мою мать, и закрывшая ей глаза, представила мнѣ такую страшную картину участи, которая ожидала меня при мачихѣ, что я рѣшилась оставить домъ родительскій. Притворяясь, будто не замѣчаю насмѣшливыхъ улыбокъ отца моего, я не обращала вниманія на грубыя примѣненія, которыя онъ дѣлалъ на мой счетъ, говоря о лицемерной скромности богомолокъ, и слыша, что онъ говорилъ мнѣ въ оправданіе Артура, я молчала. Тогда сказалъ онъ мнѣ наконецъ: «Ты должна выбрать себѣ мужа — его ли, или другаго, мнѣ все равно—богатаго, если надѣешься плѣнить такого; бѣднаго, если не будетъ богатаго; старика, если молодые пугаютъ тебя; хоть г-на Морлея, нашего пастора, который смотритъ на тебя такъ умилно, даромъ, онъ десятью годами старше твоего отца.

— Да, батюшка, отвѣчала я; Г. Морлей скорѣе, чѣмъ кто нибудь другой, можетъ сдѣлать меня счастливою.

Отецъ мой не заставилъ меня повторить этого отвѣта два раза, и я сдѣлалась женою г. Морлея-Уквинса, который вскорѣ получилъ пасторское

мѣсто въ Норфолкѣ, куда мы отправились, и отсюда переѣхали въ Гунтингдонъ, потому что въ Норфолкѣ овладѣла мною нестерпимая грусть.

Не мѣсто, гдѣ мы жили, но гибель всѣхъ моихъ дѣвическихъ очарованій наводила на меня эту грусть. — Не думайте, чтобы я жалѣла, зачѣмъ не вышла за 20-ти-лѣтняго Артура, прекраснаго мужчину, и предпочла ему 50-ти-лѣтняго пастора.... Нѣтъ, Вилліамъ, я менѣе плакала бы, менѣе грустила, если бы онъ былъ еще старѣе, и когда бы въ немъ могла я видѣть только втораго своего отца! Да, любезный Вилліамъ, уважая г. Морлея, люблю его примодушіе, его нѣсколько мѣщанскую открытость, но я не могу однако же не сознаться, что въ романическихъ мечтахъ, которыя создавало мнѣ мое дѣвическое воображеніе, падѣлась я на счастье не столь спокойное, не столь обыкновенное, какъ то, которымъ наслаждаюсь теперь. Обязанности матери, опытность и рассудокъ ослабили наконецъ грусть, которой не могла я вѣрить никому, потому что всѣ почли бы ее смѣшною. Не знаю отъ чего, но когда я познакомилась съ вами, ваша мечтательность, неопредѣленность и восторженность вашего взора, звукъ вашего голоса, однообразность нашихъ чувствъ и вкусовъ, все это пробудило во мнѣ мои юношескія воспоминанія, и я уступила наконецъ потребности вѣрить ихъ вашей дружбѣ. Не удивляйтесь же, Вилліамъ, если я понимала даже ваше молчаніе. Какъ долго ждала я такого друга, какъ вы! И какъ благодарю я Бога, что онъ послалъ мнѣ его, въ такія лѣта, когда короткость обращенія не можетъ быть, не только преступна, но даже не въ состояніи пробудить свѣтлаго злословія. Вѣдь

я могла-бъ быть вашею матерью, — прибавила мистриссъ Морлей, пожавши мнѣ руку.

— Что жь отвѣчалъ я на весь этотъ разсказъ? — Ни слова. — Онъ до того растрогалъ, до того смутилъ меня, что я самъ не могу опредѣлить ни моей грусти, ни моего смущенія. Въ дружбѣ женщины, должно въ этомъ признаться, въ дружбѣ самой чистой, самой христіанской, заключается столько нѣжности, что даже самая любовь имѣла бы полное право ей позавидовать. Ахъ! Теодора! если бы я не считалъ обязанностью вылечить тебя отъ твоей страсти, какою бы то ни было цѣною, можетъ быть, я утаилъ-бы отъ тебя чувство этой новой привязанности, которая отогрѣла мое бѣдное, безумное сердце, или лучше сказать, я давно бы уже самъ отъ нея отказался.

«Мистриссъ Морлей отерла слезы, выкатившіяся изъ ея глазъ. Молча встали мы, и я послѣдовалъ за нею до самаго дома, забывъ, въ первый разъ еще, на нѣсколько часовъ о томъ призракѣ, который первыя слова ея, казалось, должны были вызвать.»

«Возвратясь домой, мы нашли все семейство собравшимся для молитвы. Душа моя была, какъ нельзя болѣе, настроена для этой священной обязанности, и ты видишь, Теодора, что небо благословило стало быть дружбу мою съ мистриссъ Морлей.»

Продолженіе журнала. Пять дней спустя.

«Нѣсколько словъ изъ послѣдняго моего разговора съ Мистрисъ Морлей, должны были показаться тебѣ темными. Сегодня могу я объяснить тебѣ эту загадку.

«Два дня тому, г. Морлей предложилъ мнѣ сопутствовать ему въ Кембриджъ. Я очень хорошо видѣла, что на этотъ разъ повѣзка наша была только предлогомъ имѣть случай поговорить со мною. Между тѣмъ, во всю дорогу, мы говорили о предметахъ незначительныхъ, или, по крайней мѣрѣ, совершенно чуждыхъ тому, что у добраго старика было въ то время на сердцѣ. — Проведя весь день въ Кембриджѣ, онъ съ своими старыми товарищами, а я съ моимъ братомъ, около вечера съѣли мы молча въ карету. Каждый изъ насъ былъ убѣжденъ, что скоро начнется разговоръ, о предметѣ, который занималъ насъ обоихъ. Когда мы проѣхали городскую заставу, я сталъ упрекать себя, что дѣйствовалъ въ отношеніи къ старику точно такъ-же, какъ поступали Римскіе гладиаторы, которые потому только не напускались первые на своего врага, что боялись быть побѣжденными. И такъ, я рѣшился заговорить первый, и замѣтилъ Г. Морлею, что мы были скорѣе похожи на двухъ дуэлистовъ, отправляющихся на мѣсто битвы, нежели на двухъ друзей, которые ѣхали вмѣстѣ для того, чтобы провести время.

— Благодарю васъ, любезный Вилліамъ, за то, что вы первый рѣшились прервать молчаніе — сказалъ онъ мнѣ. Мнѣ такъ досадно видѣть, что вы противитесь одному изъ моихъ любимѣйшихъ плановъ, что я невольно какъ будто сержусь на васъ!

— Право, почтенный другъ мой — отвѣчалъ я ему — если я виноватъ въ чемъ нибудь, то невольно, потому, что сегодня въ первый разъ говорите вы мнѣ о какихъ-то вашихъ планахъ.

— Да, что касается собственно до меня, такъ это правда, но вѣдь жена моя говорила вамъ объ этомъ,

и вы противопоставили ей такія причины, которыя не могли быть опровергнуты—я долженъ въ этомъ признаться.

— Да, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, узнать, что я говорилъ такого, чтобы показалось вамъ такъ неприятно, и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумно.

— Къ чему всѣ эти уловки? Вы произнесли объѣтъ безбрачія, будто какой нибудь католическій монахъ... Вы свободны въ своихъ поступкахъ, любезный другъ, и я долженъ самъ на себя пенять, что хотѣлъ располагать будущимъ, не посоветовавшись съ вами — хотѣлъ дать дочери моей такого мужа, котораго мы всѣ уже любили, какъ роднаго сына. Впрочемъ, несправедливо было-бы съ моей стороны, если бы я сердился на васъ. Отказъ вашъ не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы показаться оскорбительнымъ для самолюбія Фанни, или обиднымъ для моей отцовской гордости.

— Но, Г. Морлей — сказалъ я ему — признаюсь вамъ откровенно, что вы объявите мнѣ объ отказѣ, который не могъ быть сдѣланъ мною, ибо я вовсе не зналъ вашего предложенія, и предварительно....

— Да, предварительно — возразилъ Г. Морлей — вотъ настоящее слово! Угадали-ли вы или нѣтъ мое намѣреніе, но говоря вообще противъ брака, вы избавили меня этимъ отъ неприятности выслушать отказъ, и—я благодарю васъ за это. Я могъ, по крайней мѣрѣ, смѣло отвѣчать послѣ этого на другое предложеніе, которое мнѣ не такъ-то по сердцу, потому, что оно, можетъ быть, навсегда разлучитъ меня съ дочерью.

Г. Морлей столь упрямъ держался своей мысли, что мнѣ почти невозможно было выразить ему все-

го удивленія, какое чувствовалъ я, видя, что за превратный смыслъ придали моему разговору съ мистриссъ Морлей! Видишь ли, Теодора, какъ нѣсколько неопредѣленныхъ словъ, на которыя я не могъ отвѣчать, потому, что смыслъ ихъ былъ слишкомъ теменъ для меня, сдѣлались, благодаря пылкости воображенія мистриссъ Морлей, виною весьма большихъ послѣдствій. Я рѣшился выдержать все это, какъ можно осторожно, и говорить, какъ можно менѣе, боясь, чтобы пылкость оправданія не увлекла меня, и чтобы не сказать чего нибудь лишняго о моемъ прошедшемъ, и о той странной способности двойственного зрѣнія, которое было достаточно причиною отказаться отъ женитьбы на Фанни, и тогда даже, если бы я дѣйствительно думала объ этомъ.

Къ счастью Морлей-теологъ сдѣлался защитникомъ моимъ противъ Морлей-отца. Высказавъ мнѣ о своей дочери все, что только могъ высказать, почтенный пасторъ не устоялъ противъ искушенія, — прочитать мнѣ длинную проповѣдь, гдѣ доказывалъ онъ, что человекъ не долженъ жить въ одиночествѣ. Я былъ радъ возможности избѣжать *особенныхъ* объясненій на счетъ этого вопроса, и потому далъ ему полную свободу распространиться объ немъ *вообще*. Все преимущество осталось на его сторонѣ, и я самъ усердно хлопоталъ объ этомъ.

Увы! какъ много есть въ Англіи проповѣдниковъ которые стараются не столько обратить грѣшника сколько удивить его силою своего краснорѣчія! Г. Морлей хотѣлъ блеснуть передо мною, вмѣсто того чтобы убѣдить меня. Онъ совершенно помирился со мной и простилъ мнѣ мои несоглашенія съ его

намъреніями, когда я объявилъ ему что г. Гогдсонъ, пасторъ нашей церкви, никогда не говоритъ такъ краснорѣчиво. Г. Морлей причастенъ только одной суетности — именно, желанію блистать своимъ проповѣдями передъ своимъ собратомъ, который гораздо моложе его, и который, можетъ быть, самъ вызывалъ его иногда на это невинное соперничество.

«Мы возвратились въ Гунтингдонъ довольно поздно; все семейство было уже собрано для общей молитвы, и у насъ не было много времени поговорить о нашей поѣздкѣ. Никогда еще не былъ я такъ разсѣянъ во время молитвы, какъ въ этотъ разъ. Какъ то противъ воли старался я угадать по глазамъ Фанни, знала ли она о томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ происходило въ семействѣ? Благоговѣніе ея при молитвѣ должно было напомнить мнѣ о моихъ обязанностяхъ; она ни разу не обратила взоромъ своихъ въ мою сторону. По окончаніи, ушла она вмѣстѣ съ матерью въ свою комнату, и скоро она наконецъ увидѣла я ее опять... Я хочу сказать, что увидѣлъ ея призракъ, который прошелъ только чрезъ залу, бросивъ на меня взоръ, исполненный грусти и упрека. Теперь спрашиваю я, въ чемъ упрекалъ *онъ* меня? Въ томъ ли, что я былъ разсѣянъ во время молитвы, или въ томъ, что польстилъ я суетности г. Морлея, стараясь избѣжать его вопросовъ?... Но съ этихъ поръ, призракъ уже не является мнѣ болѣе. Я все еще чувствую его присутствіе, чувствую, что онъ всегда подлѣ меня, и можетъ быть, даже въ эту самую минуту, невидимая голова его, невидимая даже для меня, склоняется на мое плечо, и смотритъ на эти строки, чтобы убѣдиться не обманываю ли я и тебя, Теодора, такъ, какъ моего почтеннаго хозяина....

Продолженіе журнала.

Негодованіе призрака, который, какъ Шотландскіе броуни, кажется, принимаетъ болѣе участія въ выгодахъ семейства, нежели самое это семейство, все еще продолжается. Онъ является мнѣ все еще грустнымъ, и даже гнѣвнымъ. Что предвѣщаютъ его грусть и его нѣмыя угрозы?—Или я предметъ его сожалѣнія? Но что можетъ случиться съ мною хуже того, что было уже прежде? Не угрожаетъ ли Фанни какое нибудь несчастье? Она не можетъ теперь сдѣлаться жертвою несчастья, подобнаго тому, отъ котораго спасъ тебя отецъ твой, Теодора, и отъ котораго материнскій инстинктъ мистриссъ Морлей тоже предохранилъ-бы дочь ея, если бы даже я и согласился на желаніе моего почтеннаго хозяина.

«По крайней мѣрѣ, размышленіе успокоило мою совѣсть; вниманіе, и дружеское участіе, которое всѣ *видимые* члены семейства продолжаютъ мнѣ оказывать, возвратило мнѣ всю мою беззаботность.

«Дружба ко мнѣ мистриссъ Морлей ни мало не измѣнилась, а, напротивъ, мнѣ кажется, что она сдѣлалась еще нѣжнѣе.

Г. Марлей все еще называетъ меня своимъ вторымъ сыномъ.

«Вилліамъ, знавшій все дѣло, обращается со мною, какъ съ братомъ. Наконецъ Фанни, которая, какъ я полагаю, одна только ни чего не знаетъ, Фанни съ каждымъ днемъ менѣе застѣнчивая съ своимъ вторымъ братомъ, отвѣчаетъ на имя сестры, которое онъ даетъ ей, улыбкой доказывающею, что слова имѣютъ уже для нея смыслъ.

Хочешь ли ты имѣть понятіе о томъ, какъ цѣнятъ вниманіе ко мнѣ новыхъ моихъ родныхъ, тѣ, съ которыми я связанъ узами крови? Хотя ты не

была на послѣднемъ семейномъ совѣщаніи, но ты вѣрно знаешь, Теодора, что двоюродный братъ нашъ, полковникъ, жаловался на мою расточительность, и требовалъ, чтобы уменьшили на половину жалованье, прибавляемое къ маленькимъ доходамъ бѣднаго родственника, который до того *безумель*. (Ахъ! зачѣмъ это не *единственное* безуміе, въ которомъ я чистосердечно признаюсь), что держитъ у себя вѣрнаго слугу Роберта, и сверхъ того принялъ еще на себя воспитаніе чужаго ребенка. Я отослалъ Роберта, потому, что услуга его, дѣйствительно, мнѣ здѣсь ненужна, но призрѣнный мною сирота никогда не будетъ мною оставленъ. До тѣхъ поръ, пока я буду имѣть насущный хлѣбъ, не отдамъ я этого ребенка отцу его; это было бы все равно, что отдать его въ адъ!... Жалью даже, зачѣмъ оставилъ я его въ Сентъ-Албанъ, такъ близко отъ отца, и потому собираюсь привезти его въ Гунтингдонъ, гдѣ отдамъ его въ ученіе какому нибудь честному ремесленнику. Въ то время, когда я слышалъ звуки того страшнаго привидѣнія, которое говорило мнѣ о моемъ отлученіи отъ неба, надѣялся я искупить мою собственную душу, предохранивъ другую отъ вѣчной гибели, и если голосъ привидѣнія теперь замолкъ, если ужасы, терзавшіе, меня, приняли теперь другую, не столь страшную форму, то, кто знаетъ, не было ли это благотворительное дѣло виною, что мученія мои смягчились? Кто знаетъ, не въ замѣну ли христіанскаго участія, оказаннаго мною этому ребенку, нашель я родственное участіе въ семействѣ Морлеевъ? Продолжайте же, любезный братецъ, продолжайте, г. полковникъ, жаловаться на мою расточительность.

«Видя однако жъ приближеніе срока платежа, я на-

ходилъ въ весьма затруднительномъ положеніи, въ отношеніи къ своимъ хозяевамъ, потому, что занявъ мѣсто богатаго постояльца, который платилъ имъ хорошо, я не хотѣлъ платить менѣе его. Не дождавшись послѣдняго числа мѣсяца, предупредилъ я мистриссъ Морлей, что мнѣ, вѣроятно, придется искать другаго, болѣе дешеваго стола, нежели тотъ, который имѣлъ у нея. Ахъ, Теодора! если бы ты видѣла, какъ были приняты эти слова!... Какъ досталось бы мистриссъ Морлей, если бы она зависѣла отъ такого двоюроднаго брата, какъ мой полковникъ... Она рѣшительно объявила мнѣ, что мужъ ея, и она сама, не хотятъ, чтобы я платилъ болѣе половины того, что они получали отъ моего предмѣстника!

Желая совершенно успокоить тебя, Теодора, на счетъ моего годоваго бюджета, я долженъ сказать, что у меня есть еще одно средство противъ мудраго замѣчанія моего полковника. Не далѣе, какъ сего дня поутру, получилъ я изъ Лондона безыменное письмо. Почеркъ мнѣ незнакомъ, но меня удивило бы, если бы ты не узнала той, которая диктовала это письмо; по крайней мѣрѣ, мое сердце трепетало при каждомъ его словѣ. — «Успокойтесь», пишетъ ко мнѣ эта таинственная рука. «Если одни осуждаютъ васъ, то есть другіе которые отдадутъ вамъ справедливость, и если пенсія, получаемая вами отъ родныхъ, будетъ уменьшена, то недостающая сумма будетъ доставляема къ вамъ отъ одной любящей васъ особы». Теперь я богаче васъ, любезный братецъ полковникъ! И такъ, Теодора, я намѣренъ заплатить, долги, послѣ чего думаю предпринять небольшое путешествіе, которое продолжится мѣсяца два. Путешествіе это имѣетъ много предлоговъ. Во первыхъ, я знаю что оно устроитъ дѣла г. Морлея, который,

хотя и не говорилъ мнѣ ни слова, но сколько я могъ догадаться, то мнѣ кажется, что онъ ожидаетъ къ себѣ какого то гостя, и комната моя останется къ его услугамъ; во вторыхъ, мнѣ хочется посоветоваться въ Сентъ-Албанъ съ докторомъ Коттономъ, на счетъ этого призрака, меня преслѣдующаго, или, лучше сказать, мнѣ хочется узнать, будетъ ли онъ преслѣдовать меня и въ другомъ мѣстѣ. Ты видишь что только эта *тѣнь* лежитъ теперь на моемъ счастьи, на единственномъ счастьи, которое мнѣ осталось, съ тѣхъ поръ какъ я отказался отъ того, о которомъ мы когда-то мечтали вмѣстѣ съ тобою. Я долженъ былъ отдалить себя отъ моего кровнаго семейства, но въ замѣну его нашелъ я другое, и не могу почитать себя одинокимъ и покинутымъ. Любовь не могла быть моимъ удѣломъ, но за то дружба, почти столь же нѣжная, какъ и любовь, утѣшаетъ меня. Таинственное существо, которое я начиналъ почитать своимъ добрымъ ангеломъ, сердится на меня, и вотъ другой добрый ангелъ пишетъ ко мнѣ письмо самое нѣжное... Ахъ! Теодора, какою силою преисполнило меня это письмо, даже противъ моего безумія... Какія сладостныя слезы заставило оно меня проливать сегодня утромъ! Оно согрѣло мое сердце, и придало ему нѣсколько той веселости, которая золотила для насъ столько приятныхъ вечеровъ въ Сутамптонъ-Роу. Помнишь ли ты, какъ даже самый портретъ нашего предка Канцлера казался, улыбающаго нашей радости?.. Ахъ! куда дѣвались вы свѣтлыя видѣнія минувшаго? Что случилось съ вами?...

Продолженіе журнала, писанное въ Сентъ-Албанъ, въ томъ самомъ домѣ сумасшедшихъ, гдѣ Куперъ провелъ прежде полтора года.

«Отсутствие мое изъ Гунтингдона продолжилось болѣе, нежели я думалъ, и я иробиую здѣсь еще нѣсколько дней, не смотря на безпрестанныя письма г. Марлея который говоритъ мнѣ, что меня ожидаютъ къ семейному празднику, который, по первоначальнымъ планамъ, прибавляетъ онъ, не могъ бы обойтись безъ меня. Къ счастью, мнѣ удалось найти предлогъ, прикрыть настоящую причину того, почему я не рѣшаюсь прѣѣхать на этотъ праздникъ. Фанни выходитъ замужъ. Она уже не будетъ въ домѣ своего отца, когда я возвращусь туда. Мой докторъ, одинъ только знающій теперь тайну моего суевѣрнаго безумія, кромѣ тебя, думаетъ, что такъ какъ призракъ не переходитъ запредѣлъ, въ которомъ обитаетъ та, чей образъ онъ принимаетъ на себя, то было бы благоразумнѣе дожидаться отъѣзда Фанни, а вмѣстѣ съ нею и удаленія ея тѣни.

«Впрочемъ, путешествіе принесло мнѣ пользу, а болѣе всего радуюсь я тому, что посоветовался съ докторомъ на счетъ моего привидѣнія. Въ его присутствіи чувствую я какую-то особенную силу души, которой самъ удивляюсь. Врачъ и поэтъ, христіанинъ вѣрующій и человекъ свѣтской, докторъ Наанаиль Когтонъ, уже исторгнувшій меня одинъ разъ изъ бездны самаго мрачнаго безумія своими утѣшеніями, еще болѣе, нежели своими лекарствами, имѣть надо мною истинно магнетическое могущество. — Теперь я понимаю, какъ болѣзни, эти демоны, умолакаютъ, трепещутъ и обращаются въ бѣгство по голоосу искуснаго заклинателя — врача. Докторъ Коттонъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ вра-

чей, которые идутъ наперекоръ предубѣжденіямъ и предрасудкамъ своихъ больныхъ. Онъ съмъ и начинаеть, что искусно осваивается съ самыми странными ихъ идеями и впечатлѣніями; у него всегда есть въ запасъ какой нибудь примѣръ, гораздо страннѣе и нелѣпѣе вашего, который онъ приводитъ для того, чтобы пріобрѣсти вашу довѣренность, и никогда не пристыдить онъ того малаго остатка разума, которымъ вы пользуетесь. Потому мало отъ истинны. Я замѣтилъ также, какъ искусно умѣеть онъ пріучать слабый разумъ къ трудамъ размышленія, какъ останавливаетъ онъ его, именно въ ту минуту, когда онъ начинаеть утомиться, посредствомъ какой нибудь хитрости, приводитъ опять къ началному основанію разговора, до тѣхъ поръ, пока добьется правильнаго логическаго заключенія. Къ тому же, для каждаго больного есть у него особенное нравственное леченіе, и, такъ сказать, новая метода, что не мѣшаетъ однакоже пользоваться всѣмъ его больнымъ прекрасными общими правилами заведенія. — Однимъ словомъ, онъ болѣе отецъ, нежели докторъ своихъ больныхъ. Онъ переноситъ ихъ прихоти; сочиняеть стихи, вмѣстѣ съ больными поэтами, или какъ истинный знатокъ этого рода сумасшествія, слушаетъ съ терпѣніемъ стихи, которые ему читають; онъ музыкантъ съ безумными музыкантами, всѣ растираеть краски для сумасшедшихъ живописцевъ и весьма уважаетъ чудные фрески, которыми они расписывають стѣны своихъ комнатъ; онъ вступаетъ въ разсужденія съ метафизиками, и помогаетъ въ самыхъ труднѣйшихъ работахъ своимъ больнымъ такъ что я видѣлъ однажды какъ онъ вмѣстѣ съ одними бывшими про-

повѣдникомъ занимался тасканьемъ тяжелыхъ камней, которые сей послѣдній раскладывалъ на дворѣ, увѣряя, что *маститъ адъ благими молитвеніями своихъ прихожанъ*, осуществляя такимъ образомъ слова какого-то Португальскаго монаха.

«Стараясь показать мнѣ силу собственнаго убѣжденія въ совершенномъ моемъ выздоровленіи, позволилъ онъ мнѣ, сегодня утромъ, возобновить знакомство со всѣми прежними товарищами моего бѣдствія, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы я не долго съ ними бесѣдовалъ. — Признаюсь, вовсе не имѣлъ я къ тому охоты, и вѣрно не пойду къ нимъ опять. Какая странная разница между моимъ безуміемъ и безуміемъ всѣхъ этихъ несчастныхъ! Ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвается въ совершенной ясности своего разсудка, я — каждую минуту трепещу за свой разумъ!»

Продолженіе журнала, Гунтингдонъ, Іюль 1767.

If solid happiness me prize
Within our breast this jewel lies,
And they are fool who roam;
The world has nothing to bestow;
From our own self, our bliss must flow,
And that dear hut our home, etc.

Если ищешь прочнаго счастья, ищи его въ сердцѣ своемъ, и забудь, кто бѣгаетъ за нимъ по свѣту. Міру намъ нѣчего дать; въ насъ самихъ наше счастье, въ нашемъ тихомъ убѣжищѣ...

«Эти слова, столь простые, которые мы иногда читали вмѣстѣ съ тобою, Теодора, написаны моимъ добрымъ Сентъ-Албанскимъ докторомъ, и я прочелъ ихъ наизусть, увидавъ издалека мирныя кровли домовъ Гунтингдона. Я остановился на томъ мѣстѣ гдѣ поэтъ сравниваетъ себя съ голубицею ковчега счастливою тѣмъ, что она опять нашла прежнее свое убѣжище....»

«Семейство новыхъ родныхъ моихъ приняло меня,

какъ былъ принятъ блудный сынъ Евангельской притчи. На меня немного сердились за продолжительное отсутствіе, но возвращеніе мое заставило забыть всѣ упреки, которыми хотѣли меня встрѣтить. Надобно сказать, что возвращеніе это пришлось очень кстати; оно наполнило нѣкоторымъ образомъ ту пустоту, которая царствовала здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ дней, по случаю отъѣзда Фанни, сдѣлавшейся мистриссъ Полей, и уѣхавшей съ своимъ мужемъ въ Іоркъ а, также и отсутствія Вилліама, отправившагося въ Лондонъ, хлопотать о пасторскомъ мѣстѣ въ Мери-ле-Бонъ. «Вы наше послѣдніе дѣтище!» сказалъ мнѣ г. Морлей, прижавъ меня къ груди своей. «Вы насъ больше не покинете» — прибавила мистриссъ Морлей, отирая слезы — и я обѣщала уже никогда не разставаться съ ними, какъ будто будущее зависѣло отъ меня.... Впрочемъ, я не раскаиваюсь въ моемъ обѣщаніи. Что можетъ быть печальнѣе, какъ видѣть отца и мать, употребившихъ всѣ усилія къ тому, чтобы пристроить своихъ дѣтей, и оставшихся потомъ на старости въ совершенномъ одиночествѣ! Теперь возвратилъ я опять сына моимъ роднымъ, посланнымъ мнѣ благоспѣшно провидѣніемъ. Что до меня касается, то я не могу довольно нарадоваться, что имѣю случай заплатить хоть отчасти долгъ благодарности. Тебѣ извѣстно, что я не принадлежу къ числу людей, которые не знаютъ, что въ истинныхъ привязанностяхъ жизни, никакое благодѣяніе не можетъ унижить того, кто надѣется имѣть цѣлую вѣчность для благодарности.

«Но я увѣренъ, Теодора, что тебѣ болѣе всего хочется знать, что сдѣлалось съ моимъ видѣніемъ, которое заставило меня прожить въ Сентъ-Албанѣ долѣе, нежели я располагалъ. Вотъ что скажу я тебѣ на

это, милая сестра: не знаю, одно ли присутствіе Фанни было причиной эгого видѣнія, или попеченіе и добрые совѣты доктора Коттона укрѣпили, съ помощью Божіею, мой рассудокъ, но со времени моего возвращенія, призракъ уже болѣе не является. Во мнѣ остается только какое-то безпокойство, каждый разъ, когда г. Морлей говоритъ мнѣ о своей дочери, и грустно восклицаетъ: «Другъ мой, мнѣ кажется, будто я вижу ее!» Тогда я смотрю, и мнѣ кажется, будто и я также ее вижу, но только подобно отцу, не глазами, а воспоминаніемъ.... Это уже не тотъ мучительный призракъ, который являлся мнѣ, то съ улыбкою, то съ упрекомъ. Не знаю, замѣтила ли мистриссъ Морлей странное впечатлѣніе, какое бывало производить на меня присутствіе Фанни, но она такъ внимательна, что говорить со мною о дочери весьма рѣдко, и занимается гораздо болѣе сыномъ.

«Кстати объ немъ. Я послалъ къ нему рекомендательное письмо, которое онъ долженъ вручить сестрѣ нашей, женѣ грознаго полковника. Ты поймешь, отъ чего я предпочелъ рекомендовать Вилліама лучше мистриссъ Куперъ, нежели леди Гескетъ. Я знаю, что сестра твоя, съ своею обыкновенною откровенностью, думаетъ, отдавая впрочемъ полную справедливость добродѣтелямъ моихъ хозяевъ, будто ихъ благочестіе преувеличено, и доходитъ до грубаго методизма, тогда, какъ это послѣднее обстоятельство послужитъ лучшею рекомендаціею брату Вилліаму въ глазахъ мистриссъ Куперъ. Я долженъ сдѣлать тебѣ признаніе, которое докажетъ, какъ все то, что говорятъ о моихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, преувеличено и какъ смиреніе было бы для меня не лишнимъ. Самолюбіе мое играло не послѣднюю

роль взятъ писемъ. Если полковникъ не самый великодушный, за то самый богатый изъ всѣхъ членовъ нашей гордой фамиліи, а потому я радъ быть, что Вилліамъ Морлей увидитъ *Куперовъ* во всей ихъ свѣтской *славы*, тѣмъ болѣе, что здѣсь есть люди, которые, завидуя дружбѣ, оказываемой Морлеями незнакомцу, позволили себѣ выставить меня, какъ ничтожнаго бѣдняка, не имѣющаго пріюта, прикидывающагося больнымъ, чтобы возбудить къ себѣ участіе, и болѣе любящаго хорошій столъ своихъ хозяевъ, нежели ихъ святую бесѣду. Хозяева мои, правда, пожали плечами, услышавъ всѣ эти злыя рѣчи; я также въ свою очередь показала, что презираю ихъ, но кровь Куперовъ тайно заговорила во мнѣ. Въместо того, чтобы смириться христіански въ этомъ мірѣ, и тѣмъ возвыситься въ будущемъ, я былъ радъ случаю, который могъ изгладить впечатлѣнія, всегда оставляемыя, даже самою грубою клеветою, и теперь, когда Вилліамъ можетъ сказать послѣ своего возвращенія: «Я видѣлъ благородное семейство незнакомца, бѣдняка, нашего объѣдалы. Въ Гунтингтонѣ нѣтъ ни одной фамиліи, которал могла бы поставить свое родословное дерево рядомъ съ его деревомъ, а въ коллекціи портретовъ его предковъ, Англія можетъ увидѣть многихъ изъ своихъ знаменитыхъ людей!» Это чувство гордости не кажется ли тебѣ, Теодора, признакомъ моего исцѣленія? Когда я долженъ былъ бороться съ врагами міра невидимаго, я мало заботился о врагѣхъ міра дѣйствительнаго. Вотъ еще другой признакъ до тѣхъ поръ, пока виднія преслѣдовали меня: какой-то ложный стыдъ заставлялъ меня избѣгать всего, что только могло имѣть какую нибудь связь съ моимъ безуміемъ, но теперь, я не стараюсь

уже болѣе скрывать, сколь много былъ я униженъ въ моемъ достоинствѣ человѣка мыслящаго. Я хочу написать для моихъ добрыхъ хозяевъ, и для тебя, Теодора, повѣсть жестокаго разстройства ума, посредствомъ котораго милосердому Богу было благоугодно привести меня опять къ подножію его креста»

Продолженіе журнала. Іюль 1767 года.

«Увы! Теодора, какимъ новымъ несчастіемъ providѣнію угодно было лишить меня моего гордаго спокойствія! Конечно, я слишкомъ легко привыкала къ сладостнымъ удовольствіямъ моего уединенія, и *разсудокъ* мой сдѣлался бы, можетъ быть, мало по малу *гордостью*. Гдѣ то счастье, которымъ наслаждался я въ Гунтингтонѣ!.... Мы лишились г. Морлей — какая потеря для насъ! Какая смерть для него! Не это ли предсказывало мнѣ мое грозное видѣніе?»

«Г. Морлей, еще довольно крѣпкій по своимъ лѣтамъ, отправлялся каждое воскресенье служить объдно въ своей Гримстонской церкви. Въ прошедшее воскресенье, по обыкновенію, съѣлъ онъ очень рано верхомъ на лошади, и отправился въ путь. Часа черезъ три послѣ его отъѣзда, является крестьянинъ, спрашиваетъ меня, и съ испуганнымъ видомъ объявляетъ мнѣ, что лошадь г-на Морлей, взбѣсившись, сбросила его на землю; онъ упалъ и проломилъ себѣ черепъ. Бѣдный старецъ лежалъ безъ чувствъ въ бѣдной хижинѣ, за милю отъ города. Я хотѣлъ было сначала скрыть отъ мистриссъ Морлей такое ужасное извѣстіе, и бѣжать одинъ въ указанное мѣсто. Но, подумавъ я, какъ объяснить ей причину моего отсутствія, и кому предоставить объявить ей о случившемся, съ тою осторожностью, какой требуетъ подобный ужасный случай? Къ тому же,

можетъ быть, г. Морлей еще не умеръ; можетъ быть, ему надобно сказать что нибудь женѣ своей передъ смертью? Все это заставило меня рѣшиться объявить ей половину правды, и тѣмъ приготовить ее ко всему. Не могу выразить тебѣ ея горести.

— Постѣвнимъ! — сказала она — я должна за-крыть ему глаза, если это еще не поздно! Мы от-правились, и не проговорили другъ другу ни одно-го слова, до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ, прово-жавшій насъ, не сказалъ намъ: «Онъ здѣсь!» Но въ самую ту минуту, когда я сжалъ руку мистриссъ Морлей, не зная, какъ сказать ей, что если она уви-дитъ только одинъ трупъ... жена нашего прово-жатаго вышла къ намъ на встрѣчу, и закричала намъ: «*Онъ живъ еще!*» Мы бросились въ хижину. Онъ то-чно жилъ еще, но жизнь эта не имѣла уже созна-нія жизни. По крайней мѣрѣ, онъ выражалъ ее только глухими стenanіями, которыя исторгали у него тѣлесныя муки. Онъ не узналъ насъ. Докторъ, за которымъ было послано въ то же время, какъ и за нами, явился только черезъ часъ послѣ насъ. Едва взглянулъ онъ на больного, какъ покачалъ голо-вою. Только одинъ Богъ могъ возвратитъ его нашимъ слезамъ, а Богъ, казалось, хотѣлъ примѣромъ этимъ показать намъ, что Онъ отзываетъ насъ къ себѣ не-рѣдко въ тѣ минуты, когда мы менѣ всего думаемъ о смерти. Сильное кровопусканіе успокоило нѣсколько страданія больного, но на слѣдующій день лихорадка обнаружилась съ новою силою, и до самой послед-ней минуты, жизнь старика была только одною страшною предсмертною мукѣю, продолжавшесю четверы сутки!... Ахъ! Теодора! ужасны были эти *четыре дня*, приведенные нами въ хижинѣ, изъ ко-торой мы не могли перенести несчастнаго страданья

ца въ Гутингдонъ! Старикъ былъ еще силенъ и здо-ровъ, и если бы не этотъ несчастный случай, то онъ, могъ прожить еще, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ, какъ говорилъ докторъ. Надобно было видѣть его въ бореніяхъ со смертью. Онъ вдругъ приподнимался на своихъ подушкахъ, осматривался кругомъ ди-кими глазами, и простиралъ свои руки, сжавъ ихъ грозно, какъ старый гладиаторъ, который хочетъ отразитъ врага, поражающаго его. Ни одно слово не вылетало изъ его устъ, запекшихся кровью, но гла-за его, не имѣя уже зрѣнія, блистали еще необык-новенною яркостью. Гдѣ была его душа? Какое ужа-сное видѣніе испытывала она въ эти минуты боренія физическаго, продолжавшагося до уничтоженія послѣдняго элемента жизни? Вилліамъ къ которо-му послалъ я нарочнаго, пріѣхалъ въ среду, т. е. за день до смерти отца, и увезъ мать свою, оставя меня од-ного принятъ послѣдній вздохъ умирающаго старика. Мнѣ казалось, будто я самъ умираю, видя какъ по-тухали его глаза, и какъ голова его упала на ко-нецъ на подушки, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не подыматься... Крестьянинъ и все его семейство удалились. Не смотря на всю мою любовь къ у-мершему, я чувствовалъ какой-то необъяснимый ужасъ, вспомнивъ о моихъ прежнихъ видѣніяхъ — я невольно думалъ, что онъ вѣрно выдержалъ борь-бу съ какимъ нибудь призракомъ, и я ожидалъ ка-ждую минуту появленія незримаго побѣдителя, ко-торый обратитъ свой гнѣвъ на слабого свидѣтеля этой борьбы... Все это заставляло меня по какому-то инстинкту, закрывать глаза. Предан-ный столь непріятному впечатлѣнію, я сталъ во-прошати собственную совѣсть мою, и мысли мои были такъ мрачны, что мнѣ стало нако-

нець страшно самого себя. Мнѣ казалось, что я былъ во многомъ виноватъ противъ старика, моего друга и благодѣтеля, и что если бы онъ могъ заговорить, то я услышалъ бы его упреки... Мысль эта заставила меня броситься на колѣни передъ кроватью умершаго. Въ эту самую минуту, потому-ли, что душа не оставляла еще неостывшаго тѣла, или, по власти моего ужаса возвратилась она къ минутной жизни, но я увидѣлъ, какъ онъ вдругъ приподнялся на кровати, я чувствовалъ — да, я чувствовалъ, какъ онъ сказалъ мнѣ: «*Вилліамъ! я прощаю тебя!*»

«Когда семейство крестьянина возвратилось въ хижину, я лежалъ на полу безъ чувствъ....»

«Послѣ погребальнаго обряда, болѣе двухъ недѣль былъ я въ ужасномъ положеніи, слыша безпрестанно слова: «*Я прощаю тебя!*» Къ чему это прощеніе, или лучше сказать, этотъ упрекъ, въ которомъ я не могу отдать себѣ отчета? Мало по малу, возможность соединить мои слезы съ слезами мистриссъ Морлей и Вилліама, побѣдила мой суевѣрный страхъ, и уничтожила терзанія совѣсти. Наша общая горестъ связала насъ еще тѣснѣе другъ съ другомъ. Но, мистрисъ Морлей и я, мы не въ состояніи оставаться въ Гунтингдонѣ. Когда Вилліамъ уѣдетъ отъ насъ, мы оставимъ Гунтингдонъ, и переѣдемъ въ какой нибудь другой городъ. Вилліамъ возвращается завтра въ свой приходъ, потому что, благодаря стараніямъ нашего двоюроднаго брата, онъ получилъ въ Лондонѣ мѣсто пастора...»

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ОЧЕРКЪ

НОВѢЙШЕЙ ИТАЛІАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Статья Фортуната Пранди.)

Если литературная исторія каждаго народа должна раздѣляться на періоды, и сіи періоды надобно характеризовать именемъ главнаго дѣятеля въ каждомъ, то, говоря о новѣйшей литературѣ Италіанской, мы назвали-бы ее *періодомъ Монти*.

Имя *Монти* было главнымъ и первымъ въ продолженіе цѣлаго періода, который начался въ концѣ прошедшаго столѣтія и кончился смертью Монти, умершаго въ 1827 году.

Два только источника вдохновенія были у этого поэта Данте и слава Италіи. Они были вѣтрами, которые наполнили паруса на ладѣ знаменитаго поэта; онъ не открылъ новыхъ и неизвѣстныхъ странъ, но его плаваніе было блистательное и смѣлое. Странное движеніе умовъ пробѣгло тогда Европу. Италіанцы хотѣли подражать народамъ Сѣверной Америки, и это бросало среди нихъ сѣмена волненій Французской революціи, а отражался на литературѣ, разрушало прежніе авторитеты, и особенно поколебало диктаторство Италіанскихъ Академій. Еще прежде Монти, представителями литературной тревоги были Чезаротти, Парини, Альфьери. Болѣе знаменитый чѣмъ они, Монти особенно отличался независимостью мысли, и въ подражаніи Данту искалъ основы для своихъ поэтическихъ созданій. Много являлось тутъ силы и самобытности, которыя были подъ стѣпью его эпохъ, и дол-

жны были уничтожить все сладостныя подражанія Петрарку, (признанныя образцовыми въ началѣ XVIII-го вѣка) Манфреди, Ролли, Лазарини, Запоти. Раболѣпство уставамъ Академій пало и разрушилось. Вѣра въ древнія формы поколебалась; брошено было однообразное повтореніе однихъ и тѣхъ же образовъ, однихъ и тѣхъ же метровъ, однихъ и тѣхъ же ритмовъ—это былъ важный шагъ!

Монти былъ начальникомъ другихъ въ измѣненіи вышнихъ формъ. Такое измѣненіе всегда предшествуетъ дальнѣйшему перелому въ идеяхъ. Больше чувственный, нежели чувствительный, богатырь воображеніемъ, но не знатокъ человѣческаго сердца, Монти обнялъ только вышнюю и физическую, такъ сказать, часть искусства. Съ удивительною способностію стихотворца, видя языкомъ сильнымъ, пламеннымъ, краснорѣчивымъ, игралъ трудностями метровъ и непокорностію рѣимы, управляя въ совершенствѣ поэтическимъ выраженіемъ, Монти и не примѣчалъ, что искусство имѣетъ свою душу; что безъ нея оно только блестящій призракъ, бесполезный челоуѣчеству, безплодный, эфемерный. Въ рукахъ Монти возродилась вышняя форма, и вотъ она, юная, живая, блестящая, ослѣпела всѣхъ, но какъ мыльный пузырь, отражающій поочередно то лазурь неба, то зелень лѣсовъ, эта поэзія, непрочная, безжизненная, поднялась для того только, чтобы поплавать нѣсколько въ атмосферу, и тотчасъ же лопнуть и исчезнуть. Прошелъ вѣкъ Монти, прошли его идеи и потребности.—Нынѣ не читаюгъ уже Монти. Развѣ только двѣ, три пѣсни изъ его *Mascheroniana*, еще два, три лирическія вдохновенія, и нѣсколько отличныхъ тирадъ, передадутъ слѣдующему поколѣнію имя этого поэта, столько же искусства въ версификаціи, какъ трубадуры Среднихъ Вѣковъ, которому, подобно имъ, суждено было оставить послѣ себя блестящій, но не продолжительный слѣдъ.

Такова участь всякой чувственной и вышней поэзіи. Пусть она щедрою рукою разсыпаетъ формы и яркіе цвѣты—все таки это одиѣ формы и краски, и что бы ни говорили, ни что такъ не переходчиво, какъ вещественное. Вышность всегда безжизненна. Характеръ слабый и первичный, безъ глубины въ мысли, безъ сильной и увлекающей религіи, получавшій все вдохновенія не обсуживая ихъ, и составлявшій изъ себя эхо всѣхъ вышнихъ отголосковъ, какіе только по-

ражали его—Монти никогда не достигалъ той глубины, гдѣ виднѣ сердечный, таинственный и святой источникъ искусства; его дѣйствующія лица, лишеныя существенной жизни, мелькаютъ, какъ тѣни. Слушалъ его, въ ничега не заимствуя; и однообразіе его прекрасныхъ звуковъ и великихъ образовъ наконецъ утомляетъ слушателя, завлеченнаго вначалѣ. Сравнивали Монти съ Дантомъ, но сила Данта была въ мысли—сила Монти всегда только въ выраженіи; душа Данте была могучая и неукротимая—душа Монти мягкая и безцвѣтная. Данте не ползалъ поочереды у ногъ Папы и Императора, не хвалилъ поочереды и революціи и Австріи. Первый стихъ Данта покорился поэту, а не повелевалъ имъ; страсть и глубокая наблюдательность шли въ первыхъ рядахъ у этого сильнаго, ужаснаго ума, который допускалъ воображеніе только во вторые ряды, и не отдавалъ своего дворца *à la folle du logis*.

Школа Монти была однако жъ блестящая, и имѣла нѣкотораго рода юность—юность формъ; она была зародышемъ той школы, которая въ послѣдствіи возникла во Франціи подъ теоретическимъ названіемъ: *искусство для искусства*, (*l'art pour l'art*). Она имѣла много послѣдователей, въ числѣ которыхъ одинъ стѣнитъ быть упомянутымъ—это *Чезарь Аричи*, уроженецъ Брешии, искусный стихотворецъ, но безъ всякой оригинальности. Онъ считалъ себя призваннымъ къ судьбѣ великаго поэта. Уго Фосколо разрушилъ эту мечту: поэма Аричи на смерть Юсифа Венту имѣла большой успѣхъ. Комментарій Фосколо причислялъ автора ея къ тѣмъ хорошимъ рѣимачамъ, которые не должны называться поэтами, т. е. творцами. Векоръ Аричи ограничился обработываніемъ науки выраженія—одной, для которой природа создала его. Его поэма *Происхожденіе фонтановъ*, примѣчательный образецъ той чистоты и той прелести формъ, которые, услаждая вѣкъ на минуту, не замѣняютъ силы мыслей. Послѣ него и Монти, школа ихъ исчезла. Она совершила свое время и кончила свое дѣло. Классическій слогъ, сбитый съ поприща и смятый въ прахъ, не смѣлъ уже явиться. Политическій матеріализмъ, который Монти пустилъ въ моду, не замедлилъ послѣдовать въ могилу за этимъ рабскимъ подражаніемъ Древнимъ. Милліоны подражаній *Виргилію* и *Сенека* надобно на-

скусило бродить въ сферѣ, паполненной формами безъ жизни, и раздвѣченной красками безъ существенности.

Дрхльвшій тогда Монти съ горестью видѣлъ, 'какъ новое поколѣнiе пошло въ путь ему неизвѣстный, и взяло полеть болѣе возвышенный. Передъ смертью, онъ покушался бороться съ увлеченiемъ общества; его хилая и леденѣвшая рука вела безсильную борьбу за языческую мнoлогiю. Никто не обращалъ вниманiя на возгласы отжившаго свое время поэта, и на потокъ общихъ мѣсть, пущенныхъ имъ противъ невѣжества и безначалiя нововодителей. Припомнили, что онъ точь въ точь противное говаривалъ въ своемъ *Бардъ Чернаго лѣса*. Отрипнутый всѣми, Монти «завернулся въ свой плащъ», и умеръ молча, какъ побѣжденный боець.

Между тѣмъ литературная передѣлка шла своимъ путемъ— уничтожили академическую поэзiю, уронили поэзiю формы и красокъ. Къ чему же это повело? Здѣсь открывался необъятный горизонтъ. Настоящее, прошедшее, будущее — все поэзiя! Пѣть оковъ. Человѣкъ и природа, существенное и идеальное, небо и мiръ, все принадлежить поэту. Классическая тюрьма разрушена до основанiя. Рѣшетка, сквозь которую классики смотрѣли на мiръ, лежитъ въ обломкахъ. Что сдѣлаютъ изъ этой свободы, вновь прiобрѣтенной, изъ этой побѣды, которая сама по себѣ была разрушенiемъ? Диктаторство прошедшаго брошено; для будущаго пѣть ни теорiи, ни правилъ, ни устаисвѣннаго плана, ни опредѣленной цѣли. Покровъ изорванъ; испуганный взглядъ человѣка видитъ безпредѣльность; что онъ станетъ теперь дѣлать?

Въ литературѣ, какъ и въ обществѣ, пѣть будущаго безъ вѣры и законовъ. И чѣмъ обширнѣе безграницная свобода, тѣмъ труднѣе ея употребленiе. Этотъ романтизмъ, неимѣвшiй основанiя, также должеъ былъ уничтожиться послѣ школы Монти и послѣ классической школы. Поочередно, повал литературная братiя обращалась, и всегда напрасно, или къ воспоминанiю прошедшаго, то есть къ среднему вѣку, или къ будущему, невѣстному и сбивчивому, то есть къ самому мечтательному мистицизму. Такъ было даже въ 1830 году. Все, что романтизмъ заключаетъ въ себѣ сумасброднаго, исчерпано Италианцами, и погнбло. Наконецъ поняли, что литература вещь полезная, могучая, плодovitая; что не стоитъ открывать рта и печатать книги, если обществу пѣть ни какой

пользы. Прощайте навсегда, не только слабыя эсе гiи Викто-релли и Фругони, но и звучные и блестящiе образы Монти и его школы!

Когда почувствовали пустоту этой литературы формъ, условной и подражательной, совѣсть, польза, народность были сборнымъ лозунгомъ. Сильные умы направились къ результатамъ полезнымъ для народа и публики. Конечно, меньше стали писать, и меньше стало являться трудовъ прiятныхъ, забавныхъ, по сфера, въ которой съ тѣхъ поръ поселилась поэзiя Италянская, получила силу и глубину. Дѣло пошло о перевоспитанiи народа—задача обширная, достойная высокихъ умовъ! Великая тѣнь Данта встала и парила надъ новымъ поколѣнiемъ, молчанiе котораго было такъ же выразительно, какъ и самое слово — это молчанiе высказывало рѣшимость не говорить пустяковъ, а слово его было паиздательно и сильно. Гений Данте предсѣдалъ при этомъ перерожденiи. Въ живой водѣ его величественной и патриотической поэзiи закалили слабость и безсилiе поэзiи современной. Безчисленныя изданiя *Божественной Комедiи* появлялись безпрерывно; заматательныя комментарiи, и между ними Фернандо Арриабене, свидѣтельствовали силу и единопущiе общаго движенiя. Флорентинская *Литологiя*, журналъ въ родѣ Англiйскихъ *обозрѣнiй*, нынѣ прекращенный, содержалъ въ себѣ множество статей объ этомъ важномъ предметѣ. Не забудемъ имени, котораго теперь не произносятъ въ Итали, наполовину справедливо и наполовину по неблаго-дарности — это *Уго Фосколо*. Напрасно хотятъ затмить память этого мужа, который облагородилъ критику, и филологическiе труды свои посвятилъ нравственности и, какъ несчастiю, политикѣ. Каковы бы ни были бѣдствiя, или, если угодно, превратности бурной жизни его, неутомимая война, которую онъ объявилъ политическому безстыдству и современному продажничеству, дѣлаютъ память его незабвенною. Двѣ трети его рукописей не изданы, и находятся въ рукахъ Англiйскаго книгопродавца Инккеринга. Описанiе его жизни, напечатанное недавно, походить не столько на биографiю, сколько на пасквиль, или, по меньшей мѣрѣ, на карикатуру. Его литературное влiянiе усилилось особенно съ 1827 года. Еще и до сихъ поръ онъ управляетъ Италянской критикой. Въместо того, чтобы изучать Данта филологически и грамма-

тически, как дѣлали это до него, Фосколо призналъ въ этомъ поэтѣ не только творца языка, но и умъ изобрѣтателя, и гений великаго гражданина, патриота, оракула Италійской пародности. Конечно, Фосколо не осуществилъ всего, что онъ предпринялъ; онъ указалъ на дорогу, и не проложилъ ея, но сколько же и препонъ было вокругъ его! Нищета, изгнаніе, порывы душевные, тоска соперничества. Первый, — надобно это припомнить, — онъ научилъ комментаторовъ не разсѣкать слоговъ, не насловать словъ, больше заниматься душою поэта, нежели его описаніями, больше его гениемъ, нежели его формою. Онъ однимъ взмахомъ уничтожилъ толпу пошлыхъ комментаторовъ, и разсѣялъ ихъ холодные тонски, смѣшныя предположенія, темныя догадки. Онъ принудилъ всѣхъ комментаторовъ Данта взять истинный свѣтъ критики, который одинъ можетъ освѣщать изученіе Данта — Исторію, и если Фосколо самъ и не далъ совершеннаго комментарія на образцовое произведеніе Италіи, трудное для всякихъ изъясненій, то онъ сдѣлалъ возможною для последователей эту тернистую и безпредѣльную работу.

Вдохновеніе Фосколо было не только важное, но и бурное; ему не доставало нравственности сильной и прочной; оно родилось въ бурь и борьбъ; оно умѣло ненавидѣть и проклинать, но не научилось создавать и любить. Народность, которой онъ хотѣлъ достигъ, къ которой онъ стремился, — была тщетный призракъ, имѣла всю запальчивость и все несчастье лихорадочныхъ, но бессильныхъ порывовъ. Буйная вакхантка, эта народность громогласно требовала безначалія, и въ бышествовѣ своемъ ломала себѣ руки и рвала волосы. Такая литература опять ошибка, хотя она и противоположна классикамъ и Монти. Вдохновеніе истинное спокойно, и не обуреваются бышесными страстями. Потому съ изгнаніемъ самихъ поэтовъ школы Уго Фосколо, послѣ политическихъ переворотовъ, уничтожилась въ Италіи и самая ихъ школа. Муза ихъ отзывается иногда въ странахъ чуждыхъ, но въ Италіи ея не слышно. Оды Верге поются только подъ чужимъ небомъ; множество лирическихъ отрывковъ, впрочемъ высокаго достоинства, остаются неизданными. Чѣмъ же замѣнилось въ Италіи это проявленіе буйной поэзіи? Нынешняя Италійская Литература имѣетъ характеръ самый неопредѣленный — это какаля-то поэзія перехода. Она занимаетъ

ся нравственною философіей, и не измѣнилъ своему обществу долгу, укротила свое пржепее, смѣлое и мятежное выраженіе гнѣва и печали.

Можно эту послѣднюю, современную школу назвать *школою нравственнаго возобновленія*. Она признаетъ главою своею *Манзони*. Главная пышь, она обращается къ народу и стремится возродить его нравственность, опираясь на Христіанство, котораго ученіе дышитъ во всѣхъ ея произведеніяхъ. Не много робкая и чувствительная, но достойная похвалы за намѣреніе, она скрытно, никогда не утомляя, гонитъ всякій феодализмъ мѣшній. Въ романахъ этой школы, довольно близкихъ къ романамъ Коцебу и его подражателей, феодализмъ всегда почти человекъ чувствительный, и кровожадный притѣснитель и варваръ; непорочность правовъ всегда принадлежитъ горцу, крестьянину, какому нибудь изгнаннику. Подлѣ такихъ, довольно однообразныхъ лицъ, вы видите съ одной стороны священника, а съ другой молодую дѣвушку христіанку; одинъ представляетъ религіозность, сообщеніе неба съ землею; другая, чистоту и непорочность въ борьбѣ съ злыми. Феодальный тиранъ умираетъ, то отъ старости, то среди своихъ преступленій, иногда раскаявающихся, но всегда поставленный поэтомъ въ драматическую форму. Благочестивое лице священника и кроткое лице молодой дѣвушки отдѣляются на темномъ грунтѣ, и все оканчивается славою добродѣтели и религіи. Тонкость анализа, счастливое распределеніе красокъ — таковы достоинства этихъ произведеній, но надобно сказать, что это не дѣйствительная жизнь, это не истинная поэзія, не природа мучая и разнообразная романовъ Вальтеръ-Скотта. Преобладаніе назидательности, подготовленной заранее, слишкомъ очевидно, и свобода поэта исчезаетъ въ условіяхъ созданія. Исторія и Поэзія не такъ дѣлаютъ и творятъ. Въ нихъ больше разнообразія и простора. Не въ томъ дѣло, чтобы наносить удары тому или другому сословію. Внутренне сынамъ Италіи доверенность, силу души, надежду и вѣру, любовь къ отчизнѣ; учите ихъ полагаться другъ на друга, считать себя братьями, ити однимъ шагомъ къ великой цѣли — общему благу. Гоните эгоизмъ, духъ личности, мѣстные вражды. Не въ томъ сила, чтобы воспитать и улучшить каждаго особенно, но воспитать и улучшить народъ. Вы говорите своимъ соотече-

ственикамъ: надобно смиряться, молиться, ждать лучшаго, покоряться несчастію, быть христіанами; небо наше отечество, а наука—безуміе, и правда—только у Бога! Италія знаетъ сама все, что вы ей проповѣдуете, и она знаетъ это не хуже васъ. Въмѣсто безсильной безнадежности, внушите ей мужественную бодрость въ настоящемъ. Вложите въ души соотчичей тѣ непоколебимыхъ добродѣтели, которые ведутъ народъ ко всемъ родамъ величія. Не поощряйте тѣсной личности, которая едва можетъ развить добродѣтели отдѣльныя, но возродите благородный патриотизмъ національный, внушите согласіе, преданность каждому ко всемъ и всѣмъ къ каждому. Школа Манзони, Гросси и Пеллико ужь слишкомъ исключительно обращается, по нашему мнѣнію, къ человѣку отчужденному отъ подобныхъ себѣ. Рожденная въ такомъ политическомъ обществѣ, гдѣ общественный союзъ слабъ, или и вовсе не существуетъ, эта школа не смѣетъ или не хочетъ возвысить чувства народности, которое съ одной стороны, показалось бы, можетъ быть, опаснымъ, а съ другой, не всегда согласовалось съ отвлеченною правдивостью, нѣсколько тѣсною, которая служила ей основаніемъ.

Между хорошими произведеніями этой школы замѣтны на первомъ мѣстѣ: *Мои тельничъ*, Сильвіо Пеллико; *Марко Висконти*, романъ XIV-го столѣтія, Гросси; *Гекторъ Фіераноска*, соч. Массимо д' Азеліо, отличнаго живописца, зятя Манзони. Европа знаетъ всѣ сіи произведенія, и произнесла надъ ними свой судъ.

Отыскавъ тайну возвышеннаго и чистаго слога, Пеллико не выдержалъ своего полета въ *Cantiche*. Въ трагедіяхъ его не достаетъ силы, хотя во всемъ, что вышло изъ пера его, есть мѣста, отличающіяся особенною, умилительною простотою. Намъ кажется, что въ Италіи не отдали полной справедливости *Висконти* Гросси, вторая часть котораго исполнена красотъ, хотя въ ней и не достаетъ силы выраженія. Элегической гений, настоящій Беллини поэтъ, Гросси слабъ во всѣхъ своихъ описаніяхъ сраженій. Борьба и жестокость несвойственны его кисти; но онъ прекрасенъ въ выраженіи чувствъ искреннихъ и глубокихъ, самоотверженія, благочестія и въжности. Его Ильдегондъ доказалъ дарованіи автора въ этомъ родѣ; несправедливыя критики испугали его, сбили съ настоящей дороги, и только недавно онъ опять на

все попалъ въ своемъ опытѣ подъ заглавіемъ: *Улрико и Лида*. Чистота слога д' Азеліо не выкупаютъ недостатковъ воображенія и теплоты въ его произведеніи. Однако жъ послѣднія сцены прекрасны и сильны. Мы можемъ привести много другихъ именъ, достойныхъ быть извѣстными. Таковы: *Лудовикъ Каррери*, Падуанскій, въ гимнахъ котораго сквозитъ сила мысли и любовь къ природѣ рѣдко совмѣстныя; онъ творецъ нѣсколькихъ народныхъ пѣсень, которыя тѣмъ больше заслуживаютъ похвалу, что это именно тотъ родъ поэзіи, котораго пѣвѣшья Италія почти не имѣетъ. *Жанъ Баттисто Ждорасини*, *Поэтическія прелюдіи* котораго, изданныя въ Луккѣ, 1836 года, дышатъ въжностью и прелестью, *Юлій Карпано*, 33-хъ лѣтъ отъ роду, патриотической порывъ коего не безъ успѣха, искалъ высокихъ вдохновеній въ его: *Идѣ де ла Туръ*, изданной въ 1834 году. Чистота рисунка, гармонія и сила замѣтны въ *Гардскомъ Озерѣ* и *Стансахъ* Бертони. Не много побольше отдѣлки въ очеркахъ и побольше терпѣнія въ исполненіи, помѣстили бы въ первый разрядъ этихъ молодыхъ соревнователей *Самуила Біава*, родившагося въ Ломбардіи, который издалъ въ Милашѣ, въ 1833 году, *Лирическія мелодіи* и *Севъ-Рока*, *пильеріа - праведника XIII-го вѣка*. *Сборникъ* (il Ricoglitore), журналъ, издаваемый въ Милашѣ, служитъ органомъ всей этой новой Италіянской, поэтической школы. Къ ней принадлежитъ большая часть людей съ дарованіемъ, удалившихся изъ изгнанныхъ изъ Италіи послѣ новѣйшихъ смутъ. Мы выпишемъ здѣсь отрывокъ изъ неопечатанной оды — произведеніе одного изъ этихъ несчастныхъ молодыхъ поэтовъ, надѣясь, что читатель прочтетъ его не безъ участія:

НАПОЛЕОНОВУ СЫНУ.

«Вопиственные помыслы, вы, солнцы славы, не льяйтесь его взорамъ! Гимнъ отечества, повѣствованія родины, умолкните! Зачѣмъ хотите вы раскрыть передъ нимъ колыбель и молчу?»

«Пусть никогда не узнаетъ онъ о томъ безмѣрномъ блескѣ, которымъ озаренъ былъ его отецъ! Пусть не знаетъ онъ обширнаго царства, высокихъ дѣланій и изгнанія того человѣка, для котораго море и бури были робкими темничными стражами!»

«Сынъ изгнанника! скажи мнѣ, что ты ощущаешь, что чув-

ствовалъ ты, размышляя о судьбахъ Европы и Азии, переносясь къ прошедшему.»

«Когда голосъ цѣлаго міра готовъ вещать тебѣ о покоренныхъ народахъ, о западномъ тронѣ, возникшемъ на столькихъ побѣдахъ, ужасномъ уединеніи, и этомъ царскомъ опустѣвшемъ дворцѣ?»

«Сколько разъ ты, которые слышали голосъ твой, содрогались, думая, что это голосъ отца твоего, отдаленное эхо этого звука, который наполнялъ всю землю и парилъ надъ морями.»

«Таковъ бѣдный пленецъ, сынъ орла самодержавнаго, похищенный изъ его сферы, пѣшникъ желѣзныхъ затворовъ, устремляющій на солнце, къ которому хотѣлъ бы онъ вознестись, свой алчный, но безсильный взоръ.»

«Бѣдное дитя! сонъ безпробудный сомкнулъ глаза твои, и никогда не выдали тебя, пробѣгающимъ ужасный лѣсъ штыковъ, ни побѣдителемъ, удерживающимъ бѣгъ своего бурнаго коня.»

«Нѣтъ! никогда бронзовая колонна, эта эмблема столькихъ побѣдъ, не представляется передо мною въ своемъ торжественномъ видѣ, безъ того, чтобы я не помыслилъ о тебѣ бѣвѣстный юноша!»*

* Non gli apparite, o fulgidi
Soli, o pensier di guerra!
Tacite, o storie, o cantici
Della natal sua terra!
Perche una culla et un feretro
Valetе a lui scoprir?

Quai soli fimmeggiarono
Sul padre, ignora il figlio;
Nou sappia il vasto imperio,
Le geste, ne l'esiglio
Dell' uom che i mari e i turbini
Temcam di custodir....

Dimmi, o figliuol dell' Esule,
Cio ch' ha il tuo cor provato
Quando in pensar dell' Asia,
E dell' Europa il fato,
Parean per te risorgere
I giorni che morir!

Самоотверженіе, благочестіе, нравственность, всѣ личныя добродѣтели, больше кроткія, чѣмъ сильныя, больше побезныя, чѣмъ великія, больше достойныя уваженія, чѣмъ положительныя въ своихъ послѣдствіяхъ, руководствуютъ усиліями и успѣхами поэтовъ, идущихъ по слѣдамъ Манзони. Есть что-то страдательное и элегическое въ ихъ поэтическомъ огнѣ. Другіе писатели, утомленные жизнью, отвергая эту избѣженность, написали на своихъ знаменахъ грозныя имена Байрона и Фосколо. Выше излагали мы сущность и стремленіе сего послѣдняго. Его ученики, какъ онъ самъ, усвоили себѣ поэзію жестокую и мстительную, гений буйный и воинственный Сред-

Quando i soggetti popoli,
E il trono d'occidente,
E il vittorie, e l'orrida
Ritratta, e la cadente
Abbandonnata reggia
Il mondo ti narro!

Oh quanti udir credeano,
Quando parlavan teco,
Della sua voce un fremito,
Della sua voce, un' eco!
Essa volo sul pelago,
Essa la terra empie....

Qual rapita dell' aquila
La generosa prole
Per la ferrata gabbia
S'affisa invan nel sole,
Ver cui vorrebbe stendere
Il veloce poter....

Nell sonno ineccevitabile
Gli occhi, o Garzon chiudesti,
Ne mai per dentro a dubbia
Selva d'armi movesti
Obliquo, o per vittoria
Fermasti il tuo corsier.

Mai la colonna, splendida
Altezza di trofei,
La trionfale immagine
Non offre agli occhi miei
Che la tua non percotami
La vista del pensier....

ных Вѣровъ. Ихъ отверженіе падаетъ не только на угнетающихъ, но и на угнетенныхъ. Они проклинаютъ сильныхъ и безсильныхъ. Этотъ безмысленный порывъ иногда исполненъ мимолетнаго величія, но даже и тогда, какъ эта школа поэтовъ благословляетъ, вы подумаете, что она пишетъ проклятія такъ безразсудно грозно ея вдохновеніе. Она придирается ко всему, порицаетъ все, и только истиннѣе сердца, или лучше воображенія, можетъ спасти ее отъ дикаго атенсма. Дышащая энтузіазмомъ и бышеною страстью, эта школа терлетъ всю свою поэзію, едва только начнетъ выражать кротость; описывать невинность, давать свѣту уроки въ тихой преданности и святомъ самоотреченіи. Она не хочетъ представлять людей такими, каковы они суть. Она, или возвышаетъ, или унижаетъ ихъ; ея герои вылиты изъ бронзы; ихъ преступленія, какъ и добродѣтели ихъ, въ двадцать футовъ вышиною; любовь ихъ буря; ихъ разговоръ проклятіе; ихъ улыбка — сарказмъ! Микель Анжелю, Данте, Альфьери — вотъ ихъ кумиры! Въ своей тревожной лихорадкѣ, послѣдователь Фосколо забываетъ будущее, привязывается къ видѣніямъ прошедшаго, не хочетъ смотрѣть на бытіе человѣка иначе, какъ на ожесточенную борьбу противъ зла, смѣется надъ безконечнымъ и будущимъ, надъ жизнью и смертью и восклицаетъ: «жить или умереть — ничто! Дѣло въ томъ, чтобы жить благородно и умереть благородно. Величіе заключается — въ силѣ.» Сфера такой школы безъ сомнѣнія бѣдна и ограничена, и она непременно должна впадать въ поддѣльное, искусственное и ложное.

Произведенія такого рода не многочисленны въ новѣйшей Литературѣ Италіанской, и число ихъ весьма невелико. Въ особенности надобно отличить между ними *Висеситскую битву* Гераззи, уроженца Ливорнскаго, и *Осаду Флоренціи* (изданную) въ 1836 году Ансельмомъ Гварланди Гераззи, которая ставитъ авторовъ, по силѣ и живости воображенія, выше многихъ писателей новѣйшей эпохи. Вдохновеніе поэта высокое; оно придаетъ ужасные звуки его неукротимому негодванію. «Осада Флоренціи» вообще сочиненіе мало извѣстное, но въ немъ есть мѣста, возвышающіяся до силы гения; въ немъ есть матеріалы на двадцать романовъ; жизни его достанетъ на двадцать поэмъ. Особенно указываемъ на введеніе; на ту главу, въ которой Микель-Анджело получаетъ тайное

порученіе; на картину бѣдствій Флоренціи, и борьбу Франца Ферруччи противъ враговъ своихъ. Все это написано, или лучше сказано, изваяно, мастерски. Какой же недостатокъ въ этомъ превосходитъ произведеніе? Тотъ, что авторъ многимъ жертвовалъ искусству. Онъ представилъ Флоренцію, какъ древній, великолѣпный памятникъ, который лучи современнаго образованія золотятъ блестящимъ цвѣтомъ, не проникая въ глубину его. Это прошедшее выдвинуто въ преувеличенномъ величіи, красѣ и славѣ невѣрныхъ. Эта прошлая Флоренція слишкомъ красива. Проклятіе противъ рода человѣческаго и возстаніе противъ гоненій неумолимаго рока — вотъ послѣднее слѣдствіе даже мастерскихъ произведеній такого рода, и оно скорее родитъ мизантропію, нежели наслажденіе.

И такъ въ новѣйшей Италіанской поэзіи видны, съ одной стороны, порывъ силы поэтической, но всего чаще отчаянный и бѣдственный, а съ другой какое-то самоотверженіе безотчетное и страдательное. Между этими двумя стремленіями стоятъ эклектики, терпѣливые рабочіе люди, которые хотѣли бы проскользнуть между двумя партіями, и примирить подражаніе Данту съ подражаніями Древнимъ, отдѣлку фразы съ порывомъ идей. Ихъ произведенія, направленные къ возвышенной цѣли, выражая только обороты словъ, менѣе или болѣе искусны, становятся ниже тѣхъ, которыхъ мы уже означили. Авторы этой школы, какъ-то: *Николитти* и *Барль Маретто*, уроженецъ изъ Севы въ Пиемонтѣ, сообщаютъ классическимъ фигурамъ и формамъ наружную драпировку обветшалаго романтизма. Другіе, напримѣръ: *Леонарди де Ренатти*, ищутъ чистаго классическаго выраженія для современныхъ мыслей. Меланхолія, часто кроткая и глубокая, которая дышитъ мѣстами въ ихъ произведеніяхъ, не спасаетъ ихъ отъ забвенія. Еще ниже ихъ надо поставить *Россини*, *Варезе*, *Фалькониетти*, у которыхъ въ романахъ есть примѣчательныя сцены, но цѣлое вообще пошло, слабо и недостаточно.

Въ романахъ, какъ мы уже видѣли, пышнѣе движеніе литературы въ Италіи есть движеніе восходящее, но задерживаемое разными местными обстоятельствомъ; это движеніе болѣе показываетъ добрую волю и счастливыя намѣренія; нежели истинные успѣхи. Италіи болѣе прилично теперь ученіе; только оно одно можетъ возвысить Италіянцевъ, и именно, въ особенности этимъ отличился онъ съ 1830 года. Евро-

ла удивится, если вполне узнает все, что сдѣлала въ этомъ родѣ литературы вышшая Италія.

Все вниманіе, вся умственная сила людей, сколько побудь замѣтныхъ, слѣдуютъ въ Италіи историческому направленію. «Исторія Милана», соч. *Верри*, въ первое время появленія въ свѣтъ, имѣла только *одного* покупателя, но съ 18 0 года была она издана нѣсколько разъ. *Николини*, о которомъ говорили мы выше, и котораго общественное мнѣніе ставитъ во главу всѣхъ живыхъ Италійскихъ поэтовъ, по нашему мнѣнію, есть писатель существенно прозаическій; онъ самъ слагаетъ нынѣ съ себя вѣнокъ, который его современники опредѣлили ему, какъ поэту, и обрекаетъ себя на обширные и тѣлостные труды изслѣдователя и историка. Скоро минетъ семь лѣтъ его совершенному молчанію, которое обидѣетъ памъ хорошую исторію борьбы Италійскихъ Гвельфовъ, во время Императоровъ Швабской династїи, исторію, которую любопытно будетъ слѣдить съ Гибеллинскими разсказами Пьмца Раумера о тѣхъ же самыхъ происшествіяхъ. Ключъ исторіи Италійской находится, какъ мы думаемъ, въ гени Гвельфа, а не въ гени Гибеллиа. Николини посвящать себя особенному изученію предмета, о которомъ мы говоримъ. Ботта и Гросси нынѣ уже не существуютъ болѣе. Прозанкъ не можетъ оспаривать пальмы у Николини. Прямой наследникъ Фосколо, такъ часто оклеветанный, сильный и сжатый, пламенный, онъ оставляетъ далеко за собою всѣхъ современниковъ; подобно Фосколо, онъ пренебрегъ измѣненныя украшенія Тосканскаго слога, и въ его твореніяхъ явился проза строгая, логическая, обильная и полная жизни. Страницы, посвященныя имъ художествамъ, Оркану, Микель-Анджелу — несравнены, и сила выраженія идетъ въ нихъ объ руку съ силой мысли.

Мы предпочитаемъ, не только могучаго, безпорядочнаго Фосколо, но и Николини, какъ прозаика, *Петру Жюрдани*, котораго многіе Италійцы считаютъ главою и великимъ челоукомъ современной прозы. Нынѣ уже мало цѣнятъ бездушную чистоту слога, и только мысль даетъ ему существенную красоту. Къ чему намъ слова, гармонически вышшая, это журчаніе воды, текущей съ пера бездушнаго писателя?

Только идея рываетъ для насъ все, а въ гармоническихъ періодахъ, въ прозрачной фразѣ Жюрдани — не ищите сокрови-

ща мыслей — въ ней нѣтъ тайнства идей. Все ясно, по мелко: это превосходное средство баюкать и усыплять Италію которая дремлетъ въ летаргическомъ полуснѣ.

Италія обилуетъ историческими образцами, по все еще ся исторіи ждетъ руки, которая умла бы провести въ ней великія, окончательныя черты. Характеры знаменитыхъ людей Италіи изучены съ удивительною прозорливостію; побужденія ихъ дѣль найдены и взвышены. Искусный выводъ, свѣжія картины, подробности правовъ, живопись эпохъ и мѣстности, все есть. Къ несчастію, зотъ мелкій духъ федераціи, это раздробленное соперничество частностей, погубившее Италію, управляло идеями писателей, о которыхъ мы говоримъ. Каждый изъ нихъ схватилъ лоскутъ изъ этой разорванной багряницы, не доходя до причинъ уничтоженнаго единства, ни сколько не пытаясь возсоздать его, не изыкала изъ занимательныхъ и печальныхъ лѣтописей Италіи урока, который таится въ нихъ. Нравственной и политической философіи не достаетъ даже въ исторіи Макіавели. Отъ чего люди успѣвали или не успѣвали? Отъ чего начинаются и какъ оканчиваются все эти перевороты? Вотъ что высказываетъ Макіавель, съ силою анализа и выраженія, въ которыхъ нѣтъ ему равныхъ, но онъ не искалъ въ величинъ частномъ и временномъ нѣкоторыхъ Италійскихъ областей, общихъ слѣдствій, и въ то же время не понималъ тайны общаго упадка.

Истинному историку Италіи должно объяснить это раздробленіе, обрисовать его и извлечь поучительные уроки для челоучества...

Чезарь Бальбо началъ было полную исторію Италіи, и принужденъ былъ остановиться на третьемъ томѣ. Еще не настало время писать настоящую исторію новейшей Италіи. Можно, подобно Графу Бальбо, заниматься свободно и съ успѣхомъ эпохами Готовъ и Лонгобардовъ, но далѣе предпріятіе становится невозможнымъ. Собрать матеріалы, сближать факты, пролагать дорогу — вотъ все, что можно теперь дѣлать. Каждая область Италіи находитъ нынѣ своего частнаго историка. Такова *Исторія древнихъ законовъ Пьемонта*, *Графа Клониса*, изданная въ Туринѣ 1833 года; *Опытъ о финансахъ Королевства Савойскаго*, *Лудовика Чибраріо*, и *Исторія Кіери*, его же; *Исторія Коло Чезаря Канту*; исторія происшествій, относящихся до Брианза, *Иенатія Канту*

Очеркъ Венеціанской торговли, изданный въ Венеціи въ 1833 году, *Фабіанъ Мутинелли*. Укажемъ еще на замѣчанія о Павіи, написанныя *Роболли*, который напечаталъ первый томъ ихъ въ 1830 году; *Историческія и политическія Записки Казаль-Маджіоре, Джіованни Ролани; Записки о Салудційи и Маркизахъ Салози*, изданныя адвокатомъ *Дельфи-чо Мулетти*. *Графъ Польпей Липта* съ удивительною неутомимостью, и не смотря на недостаточность матеріаловъ, въ которой упрекаютъ его, продолжаетъ свою исторію знаменитыхъ семействъ въ Италіи, книгу безпристрастную и хорошо написанную. *Мануилъ Цеккони*, въ своихъ трудахъ надъ Венеціанскими надписями, открылъ путь слишкомъ пренебрегаемымъ до сихъ поръ, и который долженъ вести къ драгоценнымъ выводамъ. Въ Реджіо, въ Герцогствѣ Моденскомъ, гдѣ всякой другой историческій трудъ возбудилъ бы недобринность, исторія литературы нашла толкователей ученыхъ и проникательныхъ. Книга: *Біографическія замѣчанія о писателяхъ, родившихся въ владѣніяхъ дома Эстовъ*, удачно продолжаетъ исторію литературы Тирабоски. *Тинальдо* издалъ въ Венеціи *Біографіи знаменитыхъ Италійцевъ XVIІІ вѣка*, уже слишкомъ наполненныя незначительными именами и подробностями безъ всякаго интереса, по обилію свѣдѣній. Италійцы начали также изучать вліяніе, какое отциспа на ихъ имѣла на другіе народы, и это изученіе произвело превосходные результаты. Въ 1831, во Флоренціи, издано *Путешествіе профессора Чалми въ Польшу*, а его же *Критическое изслѣдованіе о древнихъ сношеніяхъ Италіи съ Польшею, Россією и другими северными странами*, вышло въ свѣтъ въ 1834 году. Въ томъ же году Лудовикъ Саули издалъ въ Туринѣ свою *Исторію Генуэзской колоніи въ Галатіи*, драгоценный трудъ, содержащій въ себѣ весь лѣтописи торговли Генуэзскихъ колоній съ Генуей, со дня первыхъ сношеній Генуэцевъ съ Константинополемъ, до истребленія Галатской колоніи Магометомъ II-мъ. Здѣсь особенно примѣчательны, какъ неизданные донынѣ документы, множество договоровъ Императоровъ Греческихъ съ Генуэзской Республикой.

Возникшій всюду порывъ на изысканія перерывъ и обратилъ во всѣхъ чужеземныхъ бібліотекахъ всѣ ветхія сокровища, относительно Италійской исторіи. Докторъ *Марсанъ*, профессоръ Падуанскій, составилъ любопытныя примѣ-

чанія къ рукописямъ Королевской бібліотеки въ Парижѣ. Въ семь отношеній *Іосифъ Моллини* собралъ дань съ другихъ бібліотекъ Франціи, извлекъ безчисленные документы, депеши, союзные договоры, частныя письма, которые вышли во Флоренціи, въ двухъ томахъ. Тутъ между другими рѣдкостями, замѣчательны многія письма Лудовика XII-го, Франциска I-го, Леона X-го, Юлія II-го, Іоанна Медичи.

Джисно Капони, который составилъ превосходныя примѣчанія къ этому труду, общааетъ также исторію преобразователя Тосканы, Великаго Герцога Леопольда. Трудъ Моллини, поддержанный и ободренный, дополнитъ важный пропускъ, послуживъ продолженіемъ превосходнаго труда (*Regum italicarum scriptores*) Муратори. Другой трудъ, еще болѣе отвѣчающій потребностямъ и расположенію вѣка — *Исторія городскихъ общинъ въ Италіи*, соч. *Карла Морбіо*, автора *Исторіи Новары*, вышедшей въ Миланѣ, въ 1832 году. Два тома этого важнаго произведенія находятся передъ судомъ публики, и содержатъ документы, относящіяся до Феррары, Павіи, Фазенцы и Новары. Пусть молодой писатель, продолжаетъ собирать драгоценныя свѣдѣнія, пусть онъ восходитъ съ тѣмъ неутомимымъ терпѣніемъ, какое онъ выказалъ, до самыхъ источниковъ Италійскихъ муниципальныхъ законовъ; но онъ долженъ обращать болѣе вниманія къ типографической корректурѣ, которая такъ важна въ подобной книгѣ, и вспомнить, что легкій и пріятный слогъ никогда не безобразитъ твореній самой глубокой учености.

Мы принуждены умолчать о множествѣ другихъ произведеній, исполненныхъ достоинствомъ, но не можемъ забыть двухъ исторій Генуи, исполненіе и планъ которыхъ замѣчательны. Первая издана въ Туринѣ, въ 1834 году. Авторъ ея *Геронимъ Серра*, котораго Лордъ Вилліамъ Бентинкъ наименовалъ, въ 1814 году, президентомъ правительства Генуэзскаго. Серра исключительный патриотъ, патриотъ мѣстности — порокъ, или несчастіе, общее нынѣшнимъ Италійцамъ! Но его вдохновеніе, немного сжатое, являетъ силу и откровенность, и весь его трудъ хорошо отвѣчаетъ эпитафею, избранному имъ изъ Полибія: «Кто имѣетъ передъ глазами высокія дѣянія своихъ предковъ, тотъ не страшится ни числа, ни силы враговъ своего отечества.» Потому-то Исторія Генуи становится у автора нерѣдко панегирикомъ. Если вѣрить автору,

то ни один Генуезецъ никогда и ничего не дѣлалъ дурнаго. Не ищите у Серры чувства *Италийской* народности, столь рѣдкой, по столь желаемой нынѣ. Онъ не Италианецъ, а — Генуезецъ. Въ четырехъ томахъ помѣстилъ авторъ исторію древней Лигуріи и Генуи, и довелъ ее до 1483 года, съ котораго начинается хроника Казани, когда Республика Генуэзская, потерявшая свои восточныя колоніи, ступила на дорогу упадка. Жальемъ, что новый историкъ не слѣдовалъ далѣе за политическимъ развитіемъ Генуи. Пять диссертаций, помѣщенныхъ въ концѣ, какъ дополненія исторіи, содержатъ подробности превосходныя, и прежде неизвѣстныя, о торговлѣ, мореплаваніи и правахъ Генуэзскихъ, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ. Вообще, кромѣ лишняго патриотизма мѣстности, это безпристрастное и полезное произведеніе, и нельзя не пожалѣть, что оно не полно. *Карль Варезе*, писатель школы Ботты, о которомъ мы поговоримъ далѣе, издалъ въ 1835 году, у Гравье въ Генуѣ, другую Исторію сей республики, которая начинается съ одиннадцатаго вѣка, эпохи освобожденія Генуи, и останавливается на 1814 годъ. Вся она будетъ состоять изъ восьми томовъ. Слогъ книги превосходный, но нельзя не возстать противъ холоднаго скептицизма и безverantwortнаго равнодушія, которое авторъ замѣстивалъ у Ботты и Гвиччардини.

Ботта, недавно умершій въ Парижѣ, былъ представителемъ обширнаго количества писателей, систематически почувствительныхъ къ успѣхамъ и благу человечества, что однако жъ не мѣшало имъ имѣть дарованія, блескъ и краснорѣчіе. Нельзя не удивляться глубокому знанію языка, скажности, силѣ и свѣжести, которыя характеризуютъ самого Ботту. Впрочемъ, онъ имѣетъ право на все участіе своихъ соотечественниковъ; онъ былъ въ полномъ смыслѣ Италианецъ, собралъ преданія древнихъ Италийскихъ школъ, и его бурная и несчастная жизнь еще больше выставляетъ дѣйствительныя его заслуги. Ему слѣдовали, ему подражали, наиболѣе потому, что онъ снова прильнулся къ стариннымъ недостаткамъ Италийской народности; онъ льстилъ слабостямъ, принималъ всѣ историческіе факты за настоящую боль, бросая въ сторону всѣ философскіе выводы, какъ ложныя или мелочныя вещи; эта теорія — истинное отсутствіе всякой теоріи, сдѣлала изъ исторіи рядъ пустыхъ явленій, ко-

торыя отнимаютъ всякаго рода значеніе у судьбы человѣка, его жизни, его будущаго, и окончательно, могутъ назваться клеветою на Провидѣніе.

Возможно-ли, чтобы родъ человѣчскій не былъ подчиненъ ни какому закону судьбы, и чтобы его образованіе не имѣло ни развитія, ни успѣховъ? Не значить ли это ставить человѣка ниже животнаго, ниже прозябаемаго? Все въ нашемъ мірѣ правильно, и подчинено неизмѣнной системѣ. Нѣтъ случая въ мірѣ. Случай — это слово безсмысленное и, пустое. Неужели одно человечество исключено изъ общаго закона, управляющаго всеми органическими существами, который ихъ содержитъ и уравниваетъ? Не вѣримъ! — Исторія должна изяснять развитіе и успѣхи человечества. Когда же она хочетъ быть только *разсказомъ*, она просто сказка; ея повѣствованія, доказательства, и весь историческій отчетъ, если не имѣютъ цѣлю наученія явнаго или подразумеваемаго, суть праздныя и ложныя реестры именъ и дѣлъ. Въмѣсто того, чтобы принять за правило, что каждый народъ содѣйствуетъ съ своей стороны великому воспитанію рода человѣческаго, Ботта уединилъ каждую группу лицъ, показывая ея возвышеніе, развитіе, потомъ паденіе и смерть — и ничего болѣе! Объемъ совершенно ложный, нѣтъ народа, который своимъ вліяніемъ на сосѣдніе народы, не содѣйствовалъ бы общему образованію. Взглядъ брошенный Боттою на настоящую Италію, есть взглядъ какого-то нелѣпаго отчаянія: онъ ничего не слышитъ, ничего не надѣется, закутывается въ свой скептической плащъ, смѣется надъ утопіями и химерическими вѣрованіями въ добро; по временамъ утѣшается только уничтоженіемъ того, что дурно, и воображаетъ, будто онъ уже много сдѣлалъ, и можетъ спокойно дремать, произнесъ на кого-либо проклятіе. Время отъ времени вырываются сожалѣніе, восклицаніе, фраза, искусно направленная, но для сущности дѣла нѣтъ рѣшительно ничего. Видно, что въ душѣ писателя таится одна только личность, а личность не возраждаетъ и не грѣетъ души. Уныніе, скептицизмъ, изпѣкшенность Ботты ничего въ себѣ не имѣютъ, что могло бы прямо пошевелить сердце. И оттого, не смотря на непріязненное направленіе, въ Италіи дали полную свободу сочиненіямъ Ботты, допуская ихъ расходиться въ множествѣ изданій. Карль Албертъ, Король Сардинскій,

послалъ даже Боттъ орденъ за заслуги. Безъ основанія и безъ философіи, хотя одаренный честною и перорочною душою, Ботта, близкій къ Англійскимъ горіямъ своимъ заключеніями, но безъ единства и вѣсу въ своей системѣ, долженъ былъ подвѣствовать на весьма немногихъ своихъ современниковъ.

Это невѣріе въ успѣхи рода человѣческаго, которое онъ заимствовалъ у Гвиччардини, кладеть пѣтно на сочиненія многихъ писателей пылѣвшей Италіи. «Что сдѣлалось бы съ славою человечества,» спрашиваетъ Помпей Литта, «если бы нашли настоящіи причины самыхъ блистательныхъ подвиговъ?» — «Деньги и мѣста,» сказалъ онъ еще, «суть опасныя и неизбежныя подводные камни, гдѣ погибають самые образованные люди. Гвиччардини, отрицающій возможность общественнаго успѣха, возбутовалъ гордость, или, лучше сказать, шарлатанство нашего времени, но три вѣка, протекшіе съ его эпохи, доказываютъ, что онъ былъ въ свое время гораздо дальновиднѣе, нежели предполагали!» — Нельзя размышлять хуже этого! Каксе ни было бы число людей, жадныхъ къ почестямъ и корысти, какіе ни приписывали бы имъ пороки, какимъ безславіемъ ни чернили бы ихъ, родъ человѣчскій, разсматриваемый вообще, все таки сдѣлалъ важныя пріобрѣтенія—воля Гвиччардини, Ботты и всѣхъ ихъ послѣдователей! Онъ вознесся къ болѣе высокому и чистому познанію многихъ великихъ истинъ, а со стороны общественнаго благосостоянія, онъ испыталъ видимое улучшеніе. Проступки и даже преступленія частныя не мѣшаютъ общему доброму развитію. Умъ Ботты, мелкій въ этомъ отношеніи, и система равнодушія, имъ усвоенная, заразили не только творенія Варезе, но и *Исторію Неаполя съ 1734 по 1825 годъ*, генерала Колетты. Изгнанный изъ отечества, за участіе въ происшествіяхъ 1820 года, принятый правительствомъ Тосканскимъ, Колетта въ пользу употребилъ свои сѣдѣнія, и самъ началъ и кончилъ свое историческое воспитаніе въ изгнаніи. Четыре тома, оставленные имъ, впрочемъ хорошо написанные, но несчастно заражены именно тѣмъ поддѣльнымъ равнодушіемъ, источникъ котораго въ Макіавелъ, и который, черезъ Гвиччардини, дошелъ до Ботты. Колетта всего болѣе хотеть казаться безпристрастнымъ. Онъ не хочетъ склониться ни на сторону повелителя, ни на сторону

поддѣльнаго. Но, изъясните мнѣ, что такое это мнимое безпристрастіе, если не виновное равнодушіе? Вижу, что писатель бонтя преувеличиваній, впадаетъ въ сомнѣніе — и только. Вы подумаете, что деспотизмъ Бонапарта все еще тяготѣетъ надъ нимъ, и что онъ уклонится отъ ферулы Наполеоновскихъ цензоровъ. И вотъ потому-то Боттъ не достаетъ силы, отчетливости, благороднаго негодованія. А какую эпоху, и какую землю онъ описываетъ! Едва ли достало бы пера Ювеналова или Тацитова на то предпріятіе, за которое онъ взялся!

Неоднократныя переизданія, хорошіе переводы, прекрасное изданіе исторіи Ливорна, соч. *Мазы*, доказываютъ существенную плодovitость въ движеніи Италіанскаго ума. Король Сардинскій, котораго нельзя упрекать въ недостатокъ политики, сильно чувствовалъ неодолимое движеніе, которымъ увлечена вся Италія. Повелѣніемъ 20 Апрѣля 1833 года, парочно было поручено исторической комиссіи собрать древніе документы, отъносящіеся до исторіи Сардинскаго Королевства. Первый томъ этого собранія, историческая важность котораго весьма понятна: 1900 страницъ въ листъ, гдѣ находится до 1050-ти неизвѣстныхъ прежде документовъ, изъ которыхъ 195 раньше одиннадцатаго вѣка, вышелъ въ Туринъ въ 1836 году.

Италіанская Философія идетъ тихо; она находится ниже уровня исторіи, и, скажемъ лучше, недостатокъ философіи именно вредитъ развитію самыхъ историческихъ изученій. Безъ философическаго направленія, болѣе опредѣленнаго, болѣе дѣйствительнаго, какъ можно подняться до высоты исторической истины? *Галуппи*, *Роландози*, и многіе другіе, доказали въ философіи свой умъ и знаніе — и только. Но ни одинъ изъ нихъ не поднялся выше посредственности. Италіанское мышленіе до сихъ поръ еще подчинено авторитету Французскихъ писателей восемнадцатаго вѣка — авторитету, который имѣлъ нѣкогда свою цѣну, но теперь, скептическій, неблагоприятный, плодovitый на отрицанія, онъ вовсе не способенъ создать что-либо великое.

Въ Италіи найдете еще эту чувственную философію, болѣе или меньше переодѣтую, которая годится только для нападешей, и которой, суждено ничего не выстроить на развалинахъ спиритуализма. Въ Италіи ей недостаетъ характера

для нападенія, и силы, которыя составляли нѣкогда ея величіе во Франціи. Школа подражанія — и уже по этому блѣдная и слабая — она хотя и таитъ свое происхожденіе, но шаткость ея основаній сама собою выказывается. Даже, когда ей хочется скрыть свои начала, и тогда удерживаетъ она отличительныя свои черты: привычку къ пролиіи и скептизмъ, преобладаніе опыта, неспособность обнять цѣлое, дробность, вялость изложенія, тѣсные, и потому ложныя, взгляды, отрицаніе нравственнаго человѣка, высокомеріе и невѣріе. Вся эта толпа ложныхъ понятій, способная только укрѣпить личность и въпечатлѣть эгоизмъ, наполняетъ произведенія Италійскихъ философовъ. Недавно Романьози однимъ почеркомъ пера осудилъ и уничтожилъ философію Гегеля, не имѣя для этого другихъ данныхъ, кромѣ двухъ страницъ анализа, свалившихся съ пера Лерминье. Что бы ни говорили на счетъ теорій ученаго Нѣмца, за всѣмъ тѣмъ, попытка соласить критику Канта съ идеализмомъ Фихте и идентитизмомъ Шеллинга — мысль прекрасная, усиліе, достойное ума крѣпкаго обширнаго и мощнаго. Нѣтъ ни малѣйшаго права пренебрегать легко и поспѣшно философіею такого объема, тогда какъ, подобно Романьози, опровергающей върять, что состояніе дикаго есть основаніе и образецъ общественнаго состоянія, когда, подобно ему, онъ утверждаетъ, что законъ есть оружіе защиты, мщенія или угрозы, а не средство благосостоянія и нравственности.

Все это чрезвычайно устарѣло. Анализъ Боннета, привитой къ философіи Гоббеса, не можетъ проявить ни какого великаго слѣдствія. Держась за ложную и уже исчезнувшую философію, но ловко умѣя въ своихъ усиліяхъ придавать Италійскимъ изученіямъ историческое движеніе, Романьози ничего не создалъ, даже не проложилъ новаго пути къ старому. Отголосокъ прошедшаго мертваго, онъ не достигъ даже и той высоты въ обобщеніи идей, которыя нѣкогда отличали Кампанеллей, Телезиевъ, Бруно. Это разлагающее вліаніе Романьози, вмѣстѣ съ вліаніемъ Ботты, о которомъ мы уже говорили выше, угрожаетъ будущему Италійскому поколѣнію. Для его спасенія требуется болѣе объема и глубины въ наблюденіи, и нѣчто не столь поверхностное и пустое, какъ нынѣшняя философія Италійцевъ. Отсюда только можетъ родиться отеческій и спаси-

тельный союзъ, долженствующій нѣкогда соединить стремленіе философіи съ истинами религіи, возвыситъ философію въ рою, и защититъ ее отъ гибели.

Слабый проблескъ, повидимому, предвѣщающій будущее, о которомъ мы говоримъ, начинается озарять только самое младшее изъ Италійскихъ поколѣній. Оно ощущаетъ потребность союза, народности и еднородности. Идеи, о которыхъ мы говоримъ, вообще приняты въ одномъ литературномъ кругѣ, который первый составилъ планъ освобожденія отъ матеріальнаго и нравственнаго умствованія; отсюда произошли труды Паскаля Галуппи, Тронае въ Королевствѣ Неаполитанскомъ, а также труды Балтасара Поли, касательно Нѣмецкаго философа Теннемана, и превосходное изданіе произведеній Вико, изданное въ Миланѣ Іосифомъ Феррари. По крайней мѣрѣ, въ этихъ произведеніяхъ видны признаки возобновленія, движеніе впередъ, общаніе и начатки силы.

Это еще только первоначальное возстаніе противъ философіи XVIII-го вѣка. Замѣтны успѣхи мысли, но она еще не высказала полной формулы. *Мамміани*, въ книгѣ, изданной въ 1855 году, гдѣ говоритъ о возобновленіи древней Италійской Философіи, удовольствовался легкимъ очеркомъ системы, основанной на индивидуализмѣ, и слѣдовательно на самомъ шаткомъ основаніи. Слишкомъ была преувеличена важность этого произведенія, которое не выше мелочныхъ изслѣдованій Боннета, и не имѣетъ ничего общаго въ объѣмѣ и цѣли.

Литературная критика въ Италіи такъ-же бѣдна и бесплодна, какъ философія, и не удивительно: критика есть литературная философія. Этотъ огромный пробѣлъ Италійской литературы не замѣщается малымъ числомъ хорошихъ статей въ новѣйшихъ журналахъ, ни книжечкою Балби *о литературѣ первыхъ одиннадцати столѣтій Христіанской эры*. Эта книжечка, которой многіе приписываютъ величайшую важность, опирается на основаніе видимо ложное. Авторъ предполагаетъ, что искусство Древнихъ подвергалось періодическимъ переменамъ безъ всякихъ успѣховъ, и что у новыхъ народовъ, напротивъ, законъ, управляющій переменами, есть законъ непрерывной прогрессіи. Нельзя не шутя утверждать такой мысли, если только безпристрастно заглянемъ въ лѣто-

писи искусства. Въ большей части переводовъ иностранныхъ произведений, даже въ превосходномъ Мафеевомъ переводѣ Шиллера, пожертвовано вѣрностью для какой-то условной легкости, которая, не сопровождаемая высокой критикой, необходимымъ изъясненіемъ переводимыхъ авторовъ, увлекаетъ въ рабское подражаніе, не спасая отъ темноты, ихъ окружающей. *Сто восьмидесять газетъ и журналовъ*, издаваемыхъ нынѣ въ Италіи, не представляютъ ничего примѣчательнаго по части литературной критики, за исключеніемъ немногихъ статей, помѣщаемыхъ Амбразоли въ *Миланской Библиотекѣ*, журналъ подчиненномъ Австрійскому вліянію, и Чесаремъ Канту, литераторомъ съ умомъ гибкимъ и неутомимымъ, который печатаетъ въ *Указателѣ* и *Recoglitore*.

Что касается до Италійскихъ академій, онѣ влечутъ жалкое и вялое существованіе, безъ всякаго единства, движенія и силы. Главою этихъ академическихъ развалинъ Италія слагать призракъ, извѣстный подъ славнымъ именемъ Академіи de la Crusca. Должно уступить почетное исключеніе въ пользу Академіи Туринской, которая, по крайней мѣрѣ, направляетъ посылки и вниманіе охотниковъ на плодотворную и полезную посылку. Такъ, въ 1835 году, члены этого ученаго общества предложили на состязаніе занимательный вопросъ для нынѣшней Италіи: *какое было начало городскихъ общинъ Италійскихъ?* Вскорѣ они увидѣли, что эта задача навела на самые тернистые и опасные политическіе вопросы, и академики удовольствовались требованіемъ отъ сопскаателей *исторіи разныя измѣненія земснаго владычя въ Италіи*, что было однако жъ почти тоже самое. Трудъ, получившій премію, принадлежитъ г-мъ Везме и Фоссати. Эти два писателя приняли систему благоприятную Германскому преобладанію въ Италіи. Въ своей Исторіи земской собственности, со времени паденія Римской Имперіи до учрежденія ленныхъ помѣстьевъ, они доускаютъ въ первой эпохѣ, или Готскомъ владычествѣ, перевѣсъ народнаго элемента. Они не отвергаютъ его и для третьяго періода, простирающагося отъ Карла Великаго до восшествія на престолъ Оттона, но утверждаютъ, что въ промежуточномъ, Ломбардскомъ періодѣ, въ теченіе котораго община Италійская образовалась, всякое Римское вліяніе кончилось въ Италіи, и уступило мѣсто единственному элементу—Германскому. Эту систему поддерживали нѣсколько пристра-

стныхъ, большею частью Нѣмецкихъ ученыхъ, и между прочими историкъ Лео, котораго сочиненіе *о конституціяхъ Ломбардскихъ городовъ*, переведенное Графомъ Бальбо, издано въ Туринѣ въ 1836 году. Канту и Манзони въ Италіи, а Савинни въ Германіи, нападаютъ на такую систему, и по нашему—они правы. Не надобно принимать этого вопроса за пустой. Отъ эпохи, которую мы означили, начинается общественная жизнь нынѣшней Италіи. Необходимо слѣдуетъ доказать, что колыбель Италійской общины принадлежала не Германіи, а самой Италіи.

Впрочемъ, не отъ академій своихъ ожидаютъ Италійцы возражающаго и жизненнаго направленія; гораздо полезнѣе движеніе умовъ, въ ученомъ и литературномъ отношеніи, началось отъ одного конца полуострова до другаго: отличнѣйшіе Италійцы занялись распространеніемъ народнаго воспитанія, особенно воспитаніемъ своихъ бѣдныхъ земляковъ. Труды этихъ благотвельныхъ людей безчисленны; вы найдете ихъ въ начальныхъ школахъ земледѣлія, въ школахъ, назначенныхъ для дѣтскаго возраста, въ безчисленныхъ книгахъ, которыми стараются они распространить нравственность, излагая ее повѣстями, или отрывками въ прозѣ и стихахъ. Цельзя не одобрить содѣяствій, женщинъ, особливо матерей, въ сихъ началахъ возрожденія. И такую похвалу отдадимъ мы Госкаскимъ, а еще болѣе, Ломбардскимъ женщинамъ: онѣ берутъ самое дѣятельное участіе въ огромномъ, благотвельномъ движеніи. Приведемъ, не только съ уваженіемъ, но и съ заслуженною данью удивленія и сочувствія, имя Рафаэля Ламбрускіни, священника, вся жизнь котораго составлена изъ благотвореній бѣднымъ и ихъ дѣтямъ. Его журналъ, подъ заглавіемъ *Воспитатель бѣдныхъ*, ссызвалъ къ этой святой обязанности всѣхъ великодушныхъ людей, которые радужно отвѣчали на его зовъ; первый номеръ журнала имѣлъ уже *тысячу сто* подписчиковъ. Вся школа Манзони шла по этой же дорогѣ, и больше всего отличаются здѣсь: *Нерагонагалый Наставникъ*, издаваемый въ Венеціи, *Чтенія для простолюдиновъ*, издаваемый въ Туринѣ, и *Дѣтскій журналъ*, который выходитъ въ Піаченцѣ съ 1833 года. *Самуилъ Біава* сочинилъ нѣсколько превосходныхъ народныхъ писемъ. Не должно забывать именъ *Канту*, братьевъ *Сакки*, *Микелла Парри*, уроженцовъ Милана; *Гетриха Майера*, жи-

вущаго въ Тосканѣ; *Иосифа Годемо*, жителя Венеціи; *Фанани*, живущаго въ Тревизѣ.

Вотъ счастливые признаки будущаго блага, и въ то же время почтенныя и благородныя усилія, для убѣжденія тѣхъ, которые думаютъ, будто Италія, истощенная и подавленная тяжкими переворотами, не можетъ двигаться впередъ и достигнуть полнаго развитія своихъ умственныхъ способностей. Не только пыль, когда миръ и тишина упрочены для сей благословенной природою земли, но и посреди томленій и страданій, подъ тяжестью самыхъ горестныхъ обстоятельствъ, и подъ гнетомъ переворотовъ, удающаго умственныхъ способности, разцвѣли произведенія, о которыхъ мы говорили, и которымъ, если хотимъ исполнить быть справедливыми, должно приписать двойную или тройную цѣну, противъ ихъ существеннаго достоинства.

Много знаменитыхъ Италійцевъ, и не находясь въ отечествѣ, занимаются однакожъ трудами, прославляющими Италію. Таковы: *Вильгельмъ Либри*, членъ Французскаго Института, одинъ изъ первыхъ математиковъ Италійскихъ, который составляя свою *Исторію математическихъ и физическихъ знаний въ Италію*, дополняетъ пропускъ, какимъ народная неблагодарность и нерадѣніе долго пренебрегали. *Ордиани*, профессоръ въ Корфу, углубился въ Этрусскія древности, и съ успѣхомъ изучаетъ темныя происхожденія Италійскихъ народовъ. *Беркетъ*, первый поднявъ знамя романтизма въ Италіи, проложилъ путь новой народной поэзіи. Назовемъ еще *Розетти* и *Пистручи*, которые, своимъ патріотизмомъ, возобновили Италійскую импровизацію; *Анжелони*, восторженнаго политическаго писателя, котораго правилъ мы все не раздѣляемъ, отдавая справедливость его дарованіямъ, и *Жанноне*, известнаго своею поэмою *Измалитки*. Въ изгнаніи и въ чужой землѣ, *Скальвини* перевелъ Гетева Фауста; *Віанни Жовани* составилъ полную жизнь Фра-Паоло Арпи; *Толмаго* и *Уголи* отличились трудами въ исторіи и литературной критикѣ. Такимъ-то образомъ Италійская литература, хотя заключенная въ тѣсный протокъ, тѣмъ не менѣе продолжаетъ стремить свои живыя волны въ общій океанъ человѣческаго вѣдѣнія.

Сравнительная таблица книгопечатанія въ разныхъ Италійскихъ областяхъ докажетъ, что если оно не цвѣтеть

жизнью, подобно книгопечатанію другихъ странъ, то и не находится въ совершенномъ упадкѣ. Вотъ общій итогъ литературной дѣятельности въ Италіи, за 1836 годъ:

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИТАЛІЯНСКАГО КНИГОПЕЧАТАНІЯ въ 1836 ГОДУ.

	Число изданныхъ книгъ:		
	въ столицѣ.	въ цѣлой области.	и того
Кор. Ломбардо-Венец. (Ломбардія)	522	226	748
- (Венеція)	297	546	843
Королевство Сардинское	211	243	454
Герцогство Пармское	75	36	111
- Моденское	26	14	40
- Лукское	27	—	27
- Тосканское	102	49	151
Папскія владѣнія	125	175	300
Королевство Обѣихъ Сицилій	260	296	556
	1645	1619	3264

Разумѣется, мы выдаемъ это библиографическое извѣстіе только за то, чего оно стоитъ, и не беремъ представить полнаго понятія объ умственномъ движеніи каждаго государства. Для этого надлежало бы дать отчетъ не только въ количествѣ, но и въ достоинствѣ книгъ.

По крайней мѣрѣ, здѣсь очевидно, что Европа напрасно такъ невнимательна къ новымъ развитіямъ ума и свѣжимъ усиліямъ его въ Италіи. Мы видѣли выше, что она не только уже усвоила, но пережила и миновала романтизмъ. Франція все еще стоитъ не далѣе этой точки, когда Италія не перестаетъ идти далѣе. Жатва умственная въ ней еще не изобильна, но посѣвъ, какъ намъ кажется, довольно хорошъ, и мы не сомнѣваемся, что въ будущемъ умственная сторона Италіи быстро пріобрѣтетъ новыя силы и зрѣлость; богатые плоды будутъ результатомъ такого великаго труда. Въ послѣднее время, едва-ли два, три, четыре знаменитыя имени перелетѣли за границы Италійскаго полуострова, и стали известны Европѣ, которая знаетъ, напримѣръ, что *Манзони* и *Пеллико* существуютъ, и едва-ли не только! Имена Фосколо и Ботты принадле-

лежать уже эпохъ прежней. Франціи смотреть на Италію какъ на мертвый трупъ; Англія не знаетъ, жива ли она, или мертва умственно. Вообще Европейцы думаютъ, что въ послѣднее время, вся умственная сила Италіи погасла. Да будетъ же извѣстно, что Италія существуетъ еще, и чѣмъ отдаленнѣе тѣ источники, въ которыхъ она черпаетъ свое умственное существованіе, и ту умственную жизнь, которую мы вкратцѣ здѣсь очертили, тѣмъ болѣе общается она въ будущемъ.

(Revue Britannique, London and Westminster Review).

ЛЮБОПЫТНАЯ СТАТЬЯ

ИЗЪ GAZETTES DE FRANCE, 1648 ГОДА.

Недавно перебирали мы повременные листки, издававшіеся въ 1648 году во Франціи, книгопродавцемъ и типографщикомъ Матвѣемъ Коломбелемъ (Mathieu Colombel, maistre imprimeur et marchand libraire à Paris), подъ общимъ названіемъ *газеты*, и печатавшіеся неопредѣленно, съ разными частными титулами, но подъ общею нумераціею листовъ и страницъ. Мы особенно остановились на листкѣ подъ № 154 (стр. 1373—1384). Тутъ заключаются двѣ статьи: *рѣчь Русскаго монаха*, будто бы, говоренная по случаю тогдашнихъ смятеній въ Москвѣ, и *извѣстіе о болѣзни Польской Королевы* (la Harangue d'un callogere ou Religieux Moscovite sur le sujet des émotions de ce Royaume là et qui se trouvent aujourd'hui presque par tout le monde, avec l'estat de la maladie de la Reyne de Pologne). Листокъ отмѣченъ внизу датою: A Paris, du Bureau d'Adresse, aux Galleries de Louvre, devant la rue St. Thomas, le 8 Octobre, 1648. Слѣдовательно, этотъ листокъ явился черезъ *четыре мѣсяца* послѣ несчастныхъ событій въ Москвѣ, описанныхъ Олеаріемъ, (и съ него Карамзиньмъ), бывшихъ въ началѣ царствованія Алексіева. Но Олеарій не упоминаетъ ни объ какой рѣчи *калугера* (съ Греческаго, *каллогеръ*, то есть, честный отецъ). Откуда могъ взять ее издатель *газеты*? Если она и выдумка, то стоитъ замѣчанія, будучи *современного* вы-

думкою. Между тѣмъ, рѣчь эта имѣетъ свое ораторское достоинство, хотя явно, что такъ не могъ говорить Русскій инокъ XVII вѣка. Вѣроятно, однако жъ, что она была сообщена къмъ нибудь изъ Москвы, и было что нибудь говорено подобное. Мы прилагаемъ здѣсь вѣрный переводъ рѣчи. Въ подлинникъ занимаетъ она четыре четвертки малаго Формата.

«Рѣчь калугера, или монаха Московскаго по случаю смятеній въ семь государствъ и почти во всели современноли свѣтъ.»

«Юня 12-го сего года было ужаснѣйшее возмущеніе въ великомъ городѣ Москвѣ, въ продолженіе коего произошло столько событій, и столь странныхъ, что подробности ихъ скорѣе надобно позабыть, нежели возобновлять въ памяти. Нашелся одинъ изъ Московскихъ монаховъ, называемыхъ калугерами, почитаемый всѣми за его примѣрную жизнь, и весьма ревностный къ своей вѣрѣ, которал, какъ вамъ извѣстно, Греческал, признающая власть Греческаго патріарха. Сей монахъ былъ такъ счастливъ, что укротилъ ярость народа своими убѣжденіями. Я думаю, что значило-бы оскорбить потомство, если не сказать ему объ этомъ. И притомъ, въ самыхъ важныхъ исторіяхъ древности имѣемъ мы повѣствованія о рѣчахъ, говоренныхъ при разныхъ, требовавшихъ того случаяхъ, какъ-то, о рѣчи Мененія Агриппы, спасага Римъ, и Дунайскаго крестьянина, которому удивлялся Римскій Сенатъ.

«Иной началъ-бы рѣчь свою вами, слушатели (такъ говорилъ калугерь), но кого вижу я окрестъ себя такого, которому надобно-бъ было воздать сію честь, говоря съ нимъ почтительными словами? Тѣмъ ли воздать се, которые ударами мечей и сѣкирь учили болѣе трехъ-сотъ убійствъ, и нарушили ува-

женіе къ мѣстамъ и особамъ священнымъ? Тѣмъ-ли, которые произвели столь великое запаленіе, еще дымящееся, и начавши его въ пяти разныхъ мѣстахъ, въ 14 часовъ превратили половину жилищъ въ пепель, разорили болѣе 10,000 чертоговъ и болѣе 50,000 хижинъ обывательскихъ, причемъ трудно исчислить, сколько задохлось людей, отъ огня и дыма? Обращусь-ли къ нашимъ боярамъ и главнымъ сенаторамъ? Но они лишены власти, и говоря съ ними, я сдѣлалъ-бы то же, что невольникъ галерный, начавшій испрашивать помощи у товарища, скованнаго одною съ нимъ цѣпью. И такъ, я скажу вамъ, народъ жалкій, суди, лишеныя власти, повелители безъ подчиненныхъ, подчиненные безъ повелителей, вамъ всѣмъ, толпа безобразная, предметъ ужаса, что болѣе для своего утѣшенія, для того буду я говорить, чтобы не безмолвствовать при разореніи отчизны, когда бѣдствіе ея превосходить всякое выраженіе, когда не вижу я ни какой надежды для ея успокоенія; я буду оплакивать общее злоключеніе наше.

«Бѣдственныя развалины древняго великолѣпія величайшаго изъ городовъ, находящихся между Азіею и хладнымъ Ледовитымъ Моремъ, если никто не скорбитъ объ васъ — скорбите сами о себѣ!

«Но кто внимаетъ мнѣ? Пока я говорю вамъ, видя васъ рыскающихъ по улицамъ въ безуміи, подобно львицамъ, ищущимъ добычи, чего могу надѣяться, кромѣ пожертвованія самимъ собою, для укрощенія вашей ярости? Что говорю я? Кажется, что наши бѣдствія, не довольствуясь разореніемъ благосостоянія и погибелью людей, убиваютъ самыя наши умы, и у самого меня отнимаютъ разумъ, долженствовавшій вразумить меня, что жалобы тщетны и убѣжденія бесполезны для тѣхъ,

кто ничего не оставил неприкосновеннымъ и неоскверненнымъ, отъ малаго до великаго! Надѣяться ли мнѣ, что тѣ, кого не остановили уваженіе къ женамъ ихъ, дѣтямъ, чести и добродѣтели, чѣмъ прежде они такъ славилась, тѣ, которые перешли всѣ предѣлы уваженія къ святости мѣстъ, къ чести и благопристойности, могутъ быть удержаны къ чему-либо благоговѣніемъ?

«Но, если и не можемъ мы пособить чрезмѣрности золь, есть нѣкоторое услажденіе оплакивать ихъ; страждущаго облегчаетъ сѣтованіе. Видимъ нерѣдко людей, знающихъ, что болѣзнь ихъ смертельна и превосходить всякое врачебное пособіе, но и они находятъ облегченіе, слушая разговоръ объ ней, и изслѣдуя причины ея. Поступимъ здѣсь такъ, и поелику я начинаю замѣчать, что нѣкоторые изъ васъ обращаютъ ко мнѣ вниманіе, и понемногу укрѣпляютъ свое необыкновенное бѣшенство, я буду подражать врачамъ, употребляющимъ минуты припадковъ для передачи больнымъ лекарства. Мои любезные Московитяне, вы, имѣвшие столько причинъ помышлять о спокойствіи, и столь благотѣлствуемые имъ прежде, когда, напротивъ, вы столько терпите отъ смятеній и безпорядковъ, не достигая еще всей глубины золь, въ которую вы поверглись — вспомните, что вы люди, что вы христіане, и еще изъ числа тѣхъ христіанъ, которые особенно отличались братолюбіемъ, паче всѣхъ другихъ, отличенныхъ вѣрою отъ язычниковъ и идолопоклонниковъ! Таковы-ли должны быть тому слѣдствія? Къ чему же служить вамъ послѣ сего молить Бога, да отпуститъ онъ вамъ грѣхи ваши, какъ вы отпускаете обидящимъ васъ? Совершая свое ужасное мщеніе, не все-ли равно, что сказать Господу Богу: «Осуди насъ, Господи, и въ семь мѣръ»

и въ будущемъ, со всею строгостью суда твоего, и послыку надъ ближнимъ нашимъ истощаемъ мы всю ярость гнѣва нашего, не щади насъ отъ ярости твоего гнѣва?» Кто не ужаснется такой молитвы, но не такъ-ли вы поступаете, читая «Отче нашъ» среди ужасовъ смятенія, и подъемля къ небесамъ ваши окровавленные руки?

«По крайней мѣрѣ, я былъ-бы доволенъ, если бы могъ извлечь изъ устъ вашихъ, на сей разъ безмолвныхъ, истинныя причины вашихъ жалобъ. Надѣюсь, я показалъ-бы вамъ тогда, что скорѣ бѣдствія наши надобно относить къ причинѣ всеобщей, нежели къ частной, если только не къ намъ самимъ. Отнесемъ-ли ихъ гнѣву Божію, изливавшемуся на весь человѣческій родъ, тѣмъ съ большею справедливостью въ послѣднее время, что его возбуждаетъ чаще и наиболее беззаконіе вѣрующихъ, паче невѣрныхъ, ибо, по словамъ Спасителя, тяжеле будетъ судъ его вѣдающимъ его и знающимъ волю его, и не исполняющимъ ея? Отнесемъ-ли ихъ къ какому нибудь вліянію небесныхъ созвздій, употребленному божественнымъ правосудіемъ, какъ могущее орудіе его гнѣва?»

«Истинно, грядущіе вѣки съ удивленіемъ прочтутъ въ лѣтописяхъ нашихъ, что гнѣвъ Божій проявлялся въ наши времена почти по всему лицу земли. Если и всегда рѣдко пребывалъ мѣръ въ тишинѣ, а храмъ Януса былъ закрытъ едва-ли не во время только рождества Господа нашего въ царствованіе Августа, поелику Римская Имперія не имѣла тогда ни съ кѣмъ войны, то никогда смятенія одного края не сообщались другому, и если у одного народа была война, другой пребывалъ въ мирѣ, вмѣсто того, что нынѣ смятенія людей, не толь-

ко всеобща, но почти вездѣ представляютъ одинаковый предлогъ.

«Мы слышимъ, что три королевства Великобританскія подверглись волненіямъ, еще продолжающимся; Неаполь имъ послѣдовалъ; въ Китаѣ сдѣлался свой переворотъ; Константинополь погрязъ въ бунтъ; Германія раздѣлилась на крамолы; Польша вся стоитъ въ оружіи, и грозитъ великимъ раздѣленіемъ; Мадриту былъ свой участокъ въ мятежахъ; Риму свой, и только особенному покровительству небесному приписать можно, что нѣкоторые другія царства изъяты изъ нихъ, и только угрожаются ими, а что дѣлается среди насъ — объ этомъ говорятъ самыя дѣла, и слова ненужны.

«Правило извѣстно, что всеобщему дѣлу и причины должны быть всеобщія. И не подумайте, когда я говорю вамъ о вліяніяхъ созвѣздіи, чтобы этимъ хотѣлъ я уменьшить власть Божію. Нѣтъ, дѣла царей принадлежать имъ, и особенно имъ, тѣмъ съ большимъ величіемъ и блескомъ, когда производятся черезъ ихъ совѣты и суды, и чрезъ уполномоченныхъ, все равно какъ-бы они сами ихъ производили. Такъ и Богъ не менѣе творитъ самъ, что творитъ, или допускаетъ на земли, когда изливаетъ на нее слѣдствія своей воли, своего позволенія, своихъ вѣчныхъ опредѣленій, первоначально путями небесными, а потомъ чрезъ воздухъ, и другія стихіи, все равно, какъ онъ творилъ-бы то же самое безъ естественныхъ средствъ, что мы называемъ чудомъ, и что гораздо больше колебало-бы порядокъ природы, нежели предоставленіе ей свободы ея обыкновеннаго теченія, сдѣпленіемъ утвержденныхъ причинъ съ ихъ слѣдствіями.

«Ахъ! если бѣ могли мы читать въ сихъ блестящихъ буквахъ, въ сихъ величественныхъ тѣлахъ

небесныхъ, нынѣ столь для насъ невѣдомыхъ, при недостаткѣ нашего знанія, сколькихъ золь избѣгли бы мы и сколькихъ событій пагубныхъ! Но поелику божественная мудрость хотѣла сохранить себя и пророкамъ своимъ сіе знаніе, хотя и есть люди, утверждающіе, будто они его вѣдаютъ, будемъ благодарить, мои любезные соотечественники, передъ тайнами Всемогущаго! Не станемъ изыскивать другихъ причинъ нашимъ смятеніямъ, нашимъ безпорядкамъ и волненіямъ, кромѣ насъ самихъ, найдемъ ихъ въ нашихъ грѣхахъ, и далекіе отъ осужденія другъ друга, обнимемъ одинъ другаго, примиримся съ Богомъ, и миръ будетъ, и съ небомъ, и съ стихіями, и съ людьми, и съ самими нами! Тогда подтвердится слово, что мудрый звѣздами преобладаетъ. Тогда на другихъ, злыхъ, обратится гнѣвъ Божій, угрожающій въ Писаніи, прокатить колесо свое (то есть, вліянія небесъ, непрерывно вращающіяся) по главамъ нечестивыхъ. И сей миръ нашъ будетъ истиннымъ блаженствомъ нашей жизни и образомъ вѣчнаго блаженства!»

Странное было то дѣло, что всѣ обитатели обширнаго города Москвы (о которыхъ исторія рассказываетъ намъ столь много чудеснаго, что будто бы даже есть тамъ замокъ, гдѣ великій герцогъ Московскій, именуемый подданными Царь, или Императоръ, содержитъ весьма удобно 20,000 чело-вѣкъ для своего охраненія), едва только выслушали рѣчь, то оставили свои мечи и сѣкиры, и свои горящія факелы, и устыдясь прошедшихъ дѣлъ своихъ, рѣшились поступать впредь лучше, и снова въ миръ принялись за торговлю и за другія обыкновенныя упражненія.

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ ЭССЕКСА,

РАЗБИТАГО КИТОМЪ ВЪ ЮЖНОМЪ МОРЬ, ВЪ 1820 ГОДУ.

=

Корабль Эссексъ, подъ начальствомъ капитана Джоржа Полерда, отправился изъ Нантукета, что въ Сѣверной Америкѣ, 19-го Ноября 1820 года, для промысла китовъ въ Южное Море.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, промыселъ былъ весьма удаченъ: добыто 750 боченковъ китоваго жира, въ гораздо кратчайшее время, нежели какъ-то обыкновенно бываетъ въ путешествіяхъ сего рода, продолжающихся вообще отъ двухъ до трехъ лѣтъ.

20-го Ноября 1820 года, судно было подъ экваторомъ, около 118° западной долготы, когда показались многіе киты, къ великой радости экипажа, полагавшаго вскорѣ докончить свой грузъ. Но сколь тщетны надежды человѣческія!

Боты немедленно были спущены для преслѣдованія китовъ. Капитанъ корабля, Джоржъ Полердъ, и второй штурманъ, Томасъ Чепшель, успѣли каждый убить по одному киту, и дѣятельно занимались обезпеченіемъ себя въ своей добычѣ, какъ бывшій на штурманскомъ ботѣ негръ вскричалъ: «Хозяинъ! гдѣ же корабль?» Штурманъ оглянулся, и увидѣлъ, что Эссексъ лежитъ на боку, а близъ него огромный китъ. Огрѣзавъ тотчасъ китоловную нить, онъ бросился къ кораблю. Капитанъ, увидѣвъ что случилось, сдѣ-

лалъ тоже. Лишь только достигли они къ кораблю, то, къ великому изумленію своему, узнали что въ него ударилъ огромнѣйшій китъ, который поднялся подлѣ самаго судна, потомъ нырнулъ подъ него, и отбилъ большую часть фальшкиля. Этотъ китъ появился опять, отошелъ съ четверть мили, потомъ вдругъ вернулся и ударилъ съ великою силою въ корабль съ подвѣтренной стороны. Ударъ сей былъ жесточайшій: передняя часть корабля была повреждена, и самое судно двинулось на значительное разстояніе, наполнилось водою и упало на бокъ. Экипажъ употребилъ всѣ свои усилія; мачты были отрублены, и корабль приведенъ въ прямое положеніе; но онъ былъ уже совершенно разбитъ; только одно количество находившагося въ немъ китоваго жира удерживало его отъ потопленія. Нельзя было узнать, причинилъ ли китъ и себѣ какой вредъ: онъ оставался еще нѣсколько часовъ въ виду, не подходя однако жъ къ кораблю близко.

Когда капитанъ нашель, что спасеніе корабля было невозможно, то онъ приказалъ держать три бота въ готовности, и велѣлъ прорубить палубу, чтобы добраться до какихъ нибудь провизій, но успѣли достать только небольшое количество воды и нѣсколько весьма подмокшихъ сухарей.

Казалось, что Эссексъ продержится еще нѣсколько дней, и капитанъ рѣшился на немъ остаться, надѣясь, что въ продолженіе сего времени, прійдетъ, можетъ быть, какое либо изъ китоловныхъ судовъ, посѣщающихъ обыкновенно эту часть Тихаго Океана. Въ семъ положеніи находился экипажъ три дня, когда капитанъ, видя, что надежда не сбывается, раздѣлилъ своихъ людей (числомъ 20 человекъ) на три отряда, и какъ вѣтръ дулъ свѣжо отъ востока, то онъ рѣшился на покушеніе до-

стигнуть Дружества Острововъ. Согласно съ симъ, стали править къ востоку, и плыли скоро двадцать три дни, не усматривая никакой земли. Въ продолженіе сего времени, имѣли только по половинѣ сухаря и по кружкѣ воды на человѣка въ сутки; на большую порцію нельзя было отважиться, ибо, взятый съ корабля, весь запасъ состоялъ въ 150 фунтахъ сухарей и въ 50 галонахъ воды; случившіеся иногда дожди подавали значительное облегченіе.

На двадцать четвертый день по оставленіи Эссекса, увидѣли землю. Это былъ островъ, подъ 24° 26' ю. ш. и 124° 37' з. д., открытый, не долго, капитаномъ корабля Елисаветы Кингомъ, и названный имъ Островомъ Елисаветы. Онъ имѣетъ въ окружности около 8, или 9 миль, низменный, плоскій, и почти весь покрытъ лѣсомъ и весьма толстымъ валежникомъ.

Берегъ былъ скалистъ и прибой высокъ; люди же ослабли, такъ, что не иначе могли пристать къ нему, какъ съ большою трудностію. Первые ихъ поиски были за водою, и велика ихъ была радость, когда имъ удалось отыскать ключъ прѣсной воды между скалами берега, но и уныніе ихъ было не малое, когда, по обзорѣніи острова, они нашли его лишеннымъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, и немѣющимъ нигдѣ другой прѣсной воды. На другой день прискорбныя чувствованія еще болѣе увеличились, ибо единственный ключъ прѣсной воды затопленъ былъ поднявшимся на скалы моремъ и не могъ быть опять найденъ. Въ сей крайности они снова искали воды на островѣ, копали колодцы, но все безъ успѣха. Единственнымъ пособіемъ ихъ было то малое количество воды, какое находили въ ямахъ между скалами.

Шесть дней продолжали они осматривать островъ. Капитанъ, и большая часть экипажа, вида положеніе свое отчаяннымъ, рѣшились опять пуститься въ море. Материкъ Южной Америки находился отъ нихъ въ 1700 миляхъ, и они, въ своемъ бѣдственномъ состояніи, не могли уповать, что достигнуть земли; вся надежда ихъ была на возможность встрѣтиться съ какимъ нибудь судномъ, плывя въ направленіи къ матеріку.

Томасъ Чеппель, второй штурманъ, находясь въ весьма слабомъ состояніи, думалъ, что для него все равно остаться и на островѣ, ибо не представлялось ни какихъ видовъ, чтобы онъ могъ пережить путешествіе, хотя бы оно и удалось его спутникамъ, что весьма было сомнительно при столь малыхъ ботахъ и при такомъ скудномъ запасѣ провіант. Двое изъ его товарищей рѣшились остаться съ нимъ.

26 Декабря боты оставили островъ. Минута разлуки была, по истинѣ, минутою испытанія для всѣхъ. Они разставались со взаимными мольбами и пожеланіями благъ: семнадцать человѣкъ отваживались итти въ море, имѣя предъ собою почти вѣрную смерть, между тѣмъ, какъ трое оставались на скалистомъ, безводномъ островѣ, не представлявшемъ почти ни какихъ средствъ къ поддержанію жизни. Врачи и тяжки были виды сихъ бѣдныхъ людей. Они тщетно продолжали свои поиски за водою; рыли опять безъ успѣха колодцы, и надежда казалась уже исчезавшею, какъ внезапно Провидѣніе облегчило страданія ихъ, ниспосланиемъ проливнаго дождя. Избавленные отъ смертной жажды, они, во-первыхъ, должны были заботиться о добычаніи себѣ пищи, и труды ихъ въ этомъ отношеніи были также весьма велики. Главнѣйшее по-

собіе ихъ составляли небольшія птицы, величиною съ чернаго дрозда, которыхъ ловили въ гнѣздахъ, и для этого они должны были всякую ночь лазить по деревьямъ, чтобы достать себѣ это скудное пропитаніе. На иныхъ изъ деревьевъ росли въ небольшомъ количествѣ ягоды, кои также доставляли нѣкоторое облегченіе. Черепоконныхъ искали они тщетно, и хотя по временамъ выдали со скалъ много аккуль и другой рыбы, но, по немѣнню рыболовныхъ снарядовъ, не могли ловить ее. Однажды показалось много черепахъ, и имъ удалось схватить пять, но тогда у нихъ не было воды, а въ такое время они мало имѣли позыву къ ѣдѣ, и прежде, нежели одна черепаха была съѣдена, другія уже все пищу не годились.

Жестоки были страданія ихъ отъ недостатка воды; весь запасъ ея состоялъ въ томъ, что могло остаться въ ямахъ между скалами, послѣ выпавшихъ иногда дождей, и случалось такъ, что въ продолженіе пяти и шести дней они не имѣли ни капли; въ такомъ случаѣ принуждены бывали сосать кровь изъ пойманныхъ птицъ, и хотя утоляли нѣсколько свою жажду этимъ способомъ, но прибѣгали къ нему крайне неохотно, тѣмъ паче, что чувствовали отъ того большое разстройство.

Между скалами находились многія, образованныя природою пещеры, которыя служили имъ убѣжищемъ отъ вѣтровъ и дождей. Въ одной изъ нихъ, они нашли восемь человѣческихъ оставовъ, кои, по всей вѣроятности, были останки какихъ либо бѣдныхъ мореходовъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе у сего острова, и погибшихъ отъ недостатка пищи и воды. Они лежали одинъ подлѣ другаго, какъ будто бы легли и умерли вмѣстѣ. Это зрѣлище глубоко тронуло нашихъ сградальцевъ: они находились

въ подобномъ положеніи, и имѣли причину ожидать такого же конца. Часто ложились они на ночь съ распухшими языками и съ запекшимися отъ жажды устами, не надѣясь увидѣть восхожденіе солнца, и невозможно составить себѣ понятія объ ихъ чувствованіяхъ, когда при утренней зарѣ находили они, что Провидѣніе виявъ ихъ молитвамъ и отвѣтствовало ниспосланиемъ дождя.

Въ семъ бѣдственномъ положеніи пробывши отъ 40 Декабря 1820 до 5 Апрѣля слѣдующаго года, ожидал каждый день, что какое нибудь судно коснется острова; но дни и недѣли проходили, и страдальцы оставались въ томъ безпокойномъ ожиданіи, которое всегда убиваетъ духъ и ослабляетъ усиліе людей, неукрѣпимыхъ вѣрою.

Утромъ 5 Апрѣля, были они, по обыкновенію, въ лѣсу, для отысканія себѣ, сколько слабость ихъ позволяла имъ, пищи и воды, чувствуя, что на избавленіе нѣтъ надежды и ожидал приближенія смерти, какъ вдругъ вниманіе ихъ возбуждено было звукомъ, который сочли они за отдаленный громъ. Взглянувъ на море, они увидѣли корабль, который только что выпалилъ изъ пушки. Радость при этомъ зрѣлищѣ можно удобнѣе вообразить, нежели описать. Они пали на колѣни, и благодарили Бога за ниспосланіе имъ избавленія, когда они наименѣе того ожидали; потомъ поспѣшили къ берегу, и увидѣли ботъ, идущій къ нимъ. Прибой былъ весьма великъ, и берегъ такъ унизанъ скалами, что ботъ безъ большой опасности не могъ къ нему приблизиться. Штурманъ, хорошій пловецъ, будучи нѣсколько крѣпче другихъ, бросился въ море и достигъ бота, хотя едва не погибъ въ то мгновеніе, когда спасеніе было надъ головою; товарищи его ползли сколько можно далѣе по выдавшимся въ море скаламъ, и при

большомъ усилии экипажа, были взяты на боть и доставлены на корабль Суррей, находившійся подъ управленіемъ капитана Рейнъ, который принялъ ихъ и обходился съ ними, равно какъ и весь экипажъ, самымъ радушнымъ образомъ. Здоровье и силы ихъ вскорѣ поправились, такъ что они могли прохаживаться по палубѣ и участвовать въ корабельныхъ работахъ.

Находясь на кораблѣ, они услышали плачевную и скорбную исторію своего капитана и сослуживцевъ. По оставленіи острова, боты разлучились. Капитанскій боть находился шестидесять дней въ морѣ, когда перенять былъ Американскимъ китоловомъ, и когда оставались въ живыхъ только капитанъ, да еще мальчикъ. Скудный запасъ провизіи скоро истощился, и жизнь поддерживалась только трупами умершихъ товарищей. Подробности страданій ихъ, по чрезмѣрности своей, не могутъ быть рассказаны, но онъ подтверждены такими доказательствами, въ коихъ нельзя усомниться. Корабль, перенявшій капитана По-лерда, достигъ въ немногіе дни Вальпарейсо. Свѣдѣнія о потерѣ Эссекса, и о покинутыхъ на островѣ людяхъ, были немедленно сообщены капитану Американскаго Фрегата, находившагося тогда въ семь портѣ, который съ жаркимъ человеколюбіемъ старался найти судно, для посылки къ острову, ибо собственный его корабль не былъ еще готовъ для выхода въ море. Капитанъ Рейнъ принялъ обязанность на себя, и немедленно отправился; переходъ его былъ скоръ, и по всеблаговому Божію провидѣнію, штурманъ съ товарищами былъ сохраненъ до неожиданнаго избавленія.

Другой штурманъ и двое оставшихся въ живыхъ изъ экипажа его бота, были переняты кораблемъ,

по претерпѣніи такихъ же страданій, какія испытывалъ капитаномъ, но о третьемъ ботѣ ничего не слышали. Полагать должно, что экипажъ его погибъ съ голоду, или нашелъ въ волнахъ свою могилу.

Суррей отплылъ въ Новый Южный Валлисъ, гдѣ штурманъ и его товарищи размѣстились по разнымъ кораблямъ. Чеппель находился нѣсколько мѣсяцевъ на кораблѣ Суплей, а потомъ на кораблѣ Кентъ, при капитанѣ Грейдонѣ. Онъ прибылъ благополучно въ Лондонъ въ Іюнь 1823 года, и сообщилъ намъ подробности, изъ коихъ составлено это извѣстіе.

Съ Англійскаго, В. ФЕДОТОВЪ.

=

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

I.

ГРАММАТА ВТОРАГО САМОВАНЦА, ИЗВѢСТНАГО ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ТУШИНСКАГО ВОРА, ВЪ СМОЛЕНСКѢ, ВОЕВОДѢ БОЛГРИНУ М. Б. ШЕННУ И СМОЛДЯНАМЪ*.

Божіею милостию и пречистое Богородицы и по благоволенію всеильного въ Троицы славимаго Бога нашего, бысть въ преднихъ лѣтъхъ отъ начала отъ превысокіе великіе славы искони вѣчнаго великого нашего Царского спунія отъ Августа Кесаря, Тивирел Царя Римского, его Царскому великому Величеству Господь Богъ повелѣлъ быти на земли надо многими Цары превысокимъ Царемъ и Обладателемъ многихъ странъ Восточныхъ и Сѣверныхъ, Южныхъ и Полуденныхъ, и отъ того Царского великого корени отросль въ новой благодати отъ благоплоднаго родства отъ Князя Володымера Кіевскаго, и отъ его великого пенсходимаго корени отросль и азъ нынѣ въ новой благодати Нового Иерусалима, Московскіе области великого Величества Самодержецъ и Вседержитель и великого Царского Скипетра Государствъ Государь и Обладатель, многихъ странъ Восточныхъ и Сѣверныхъ, Южныхъ и Полуденныхъ, Царь Казанской и Царь Астраханской, и инымъ многимъ Царемъ Царь милосердой и щедрой и праведной и грозной и премудрой и храброй, великимъ разумомъ и премудростію равенъ премудрому Царю Соломону, а храбростию и превысокою ве-

* Драгоценная эта граммата найдена Княземъ М. А. Оболенскимъ въ спискѣ, вѣроятно, доставленномъ тайно тогдашнему канцлеру Литовскому Льву Сапегѣ, ибо на оборотѣ списка написано такъ: od Сага Dumitra w Smolensk gramota, aby go mieli za Сага. А далье: «Ясневельможному пану, пану его милости, пану Льву Сапегѣ, канцлеру великаго князства Литовскаго, Могилевскому, Черновскому, etc. etc., Старостѣ, пану моему милостивому.» Ред. Сынъ Отец.

ликою славою подобешъ Царю Александру Македонскому, прирожденный Московскій Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Руси, Богомъ хранимый и Богомъ избранный и Богомъ почтенный и Богомъ дарованный и Богомъ помазанный, и надо всеми Ордами превознесенъ вторымъ и ислевымъ уподобися, покровеніемъ десницею Вышнего Бога и умиленіемъ пречистее Царицы пречистее Владычницы нашея Богородицы и присно-Дѣвы Марыи, надежы нашей праведной всему православному Хрестіанству, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Алексея и Ионы и ихъ святыми молитвами и благословеніемъ, единый подсолнечный Хрестіанскій Царь, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Руси, и отъ Нашего Царского Величества великого въ нашу отчину въ Смоленскѣ Богомолцомъ нашимъ, началу и власти: Архіепископу, и Епископу, и Архимандриту, и Игумену, и Протопопомъ, и Попомъ, и Дьякономъ и всему освященному Собору, вашимъ твердымъ ученіемъ и наказаніемъ утвержаецца православная Хрестіанская вѣра и спасаетя родъ человѣчскій; и прытомъ Боярину нашему и Воеводѣ Михаилу Борисовичу Шенну съ товарищы, и Двораномъ, и Дѣтемъ Болрскимъ, и Головамъ Стрелецкимъ и Казацкимъ, и большымъ Торговымъ людемъ, и Сотникомъ Стрелецкимъ и Казацкимъ, и Стрелцомъ, и Козакомъ, и Пушкаремъ и Затемщикомъ, и черныхъ слободъ Посацкимъ людемъ, и всякимъ Посацкимъ, Жилецкимъ людемъ города Смоленска и Смоленскаго уѣзду Старостамъ и Цѣловальникомъ и Хрестіаномъ. Вѣдома вамъ учинилось, что грѣхъ ради нашихъ измѣнишки наши и холоны наши искони вѣчные изогнали насъ отъ нашего Царского прародительскаго Престола: и Божіею милостию и пречистые Богородицы и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Алексея и Ионы и великого Чудотворца Николаи и ихъ Святыми молитвами и благословеніемъ, Московскіе области великаго Величества Самодержца и Вседержителя Россійскому Государству милосердой и праведной и щедрой, лъзъ прырожденный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси, даль Богъ, здоровъ и Богомъ хранимъ и невредимъ ничимъ бысть, радуясь и веселясь и пребывая въ благодати Божой, хвала Бога по величій его милости, а въ своей прародительской Царской

ископа вѣчной отчизнѣ въ Сѣверскихъ странахъ, азъ милосердый и праведный и щедрый прыроженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси упрашиваю и умоляю у Небеснаго Царя и у пречистой Богородицы милости, чтобъ Владыка Небесный Царь отовратить отъ насъ свой праведный гнѣвъ и того всего православнаго Христіанскаго роду, и умиосердился бы надъ нами и падо всемъ Христіанскимъ родомъ своимъ неизрѣченнымъ милосердіемъ и утолил бы Христіанскую кровь своими щедротами, а мнѣ бы рабу свесему, прыроженному Государю вашему, Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Руси Господь Богъ повелѣлъ быти на нашомъ прародительскомъ Царскомъ Престолѣ на Москвѣ; а вамъ, нашимъ прыроженнымъ людямъ всего Московскаго нашего Государства, объявляю свое Царское великое Величество и многолѣтнее здравье. И выбъ, прыроженные люди наши, слышечы про наше Царское великое Величество и многолѣтнее здравье, обще радовались и веселилися и сумнѣны бы въ сердцахъ своихъ никакова не держали, не прельщались никакими мѣрами, и былибъ вы надежны на милость Божую и пречистой Богородицы и великаго Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье; а вѣдаете вы и сами, что азъ милосердый и праведный и щедрый, прыроженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси милостивъ и щедрый: хотя бы и подъявельный измѣнникъ нашъ Василей Шуйской покорился намъ Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу Всея Руси, намъ добилъ челомъ и вину свою принесть, и мы бы и той его страдичей винѣ не помстилися и вину бы ему отдали и евобъ бездѣльника пожаловали по своему Царскому милосердому обычаю; потому что всякому неправедному запеже Богъ мститель, а не мы. И вы, прыроженные наши люди всего Московскаго нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подлинно, что умысли наши измѣнники, прежь сего восталъ злокозненный врагъ и отступникъ вѣри Христіанскіе еретики Борисъ Годуновъ и гонитель на нашъ благоплодной Царской корень, и хотѣлъ онъ наше Царское благоплодное родство отъ благоплоднаго корени Равноапостольнаго ота Князя Володымера Киевскаго, меня великаго Величества

Государя Царя и Великаго Князя Дмитрея Ивановича, всея Руси Самодержца и Вседержителя Московскіе области великаго Величества Россійскому Государству во младенчествѣ известный, умысли онъ съ сатаномъ со отцомъ своимъ и со агельи его и съ своими совѣтниками превознести на нашемъ благоплодномъ, послѣдуючы нашому благоплодному Царскому корени и превознесся, на благозданномъ Престолѣ Божіемъ нимъ свѣтъ сотворенъ, а намъ Господь Богъ нарекъ насъ быти Царями, какъ Апостоль Павелъ пишетъ въ Петровомъ Посланиі во второй главѣ, а въ зачалъ въ пятидесять-семомъ сице пишетъ: Бога бойтеса, а Царя чтите, сей бо есть слуга Божій; Олексѣй Митрополитъ томужъ послѣдуючы пишетъ, что никако благоплодному корени отъ благоплоднаго родства Князя Володымера Киевскаго и ихъ Богозданному Престолу Божіему никако прошеніе не будетъ; а пинѣ богоотступники и еретики Олексѣя Митрополита Московскаго Чудотворца ставлять лживымъ учителемъ и не называють его Святимъ, и Пророка Давыда темъ же ставлять лживымъ Пророкомъ, что тотъ Пророкъ Давыдъ пишетъ во Псалтыре въ четырнадцатой каонимѣ, а во псалмѣ во сто четвертомъ: не прикасайтеса помазанному моему и во Пророцехъ монхъ не лукавнуйте, за ваше беззаконіе прызоветъ гладъ на землю и всяко утверженіе хлѣбное порушйтъ; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ, въ каонимѣ 12, а во псалмѣ 88: вознесу рогъ его и положу на мори руку его и на рѣкахъ десницу его; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ въ каонимѣ 16, а во псалмѣ во 109: изъ чрева преждѣ десницы родихъ тя, клатся Господь и не раскается; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ до нихъ богоотступниковъ и еретиковъ, что они отъ Бога отступаютъ, крестъ цѣлуютъ Богу и потомъ намъ Великимъ Государемъ ино; неложно написалъ Пророкъ Давыдъ въ каонимѣ одинадцатой и во псалмѣ семьдесятъ семомъ, что устами своими хвалите Бога, а языкомъ своимъ лжете ему и искрени его во сердцахъ вашихъ отнюдь никако не бывало. И его Борисовы совѣтники Богданъ Яковлевъ сынъ Бѣльскій, да Ондрей Петровъ сынъ Клешиный, да Василей Щолкаловъ отрынули отъ себя его злокозненный умыслъ и прынесли искреннюю благодать во сердцахъ своихъ, и помня намъ Великимъ Государемъ крестное цѣло-

ваше, какъ блаженное помяти Государу нашому батюшку Великому Государу Цару и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи и память крестъ цѣловали, что была имъ никакова злого умыслу въ сердцехъ своихъ на насъ прырожденныхъ Царей и не мыслити на отца нашего и на у весь плодъ его: и милосердый всеильный въ трехъ лицахъ славимый Богъ, не хотя его злокозненного умыслу и его отца сатаны, извергъ его съ Богозданного Престола Божіею, аки сатану съ Небеси. И вы, прырожденные наши люди всего Московскаго нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подыменно его (*подлинно, что*) для ради его вражьего совѣту злокозненного умыслу богоотступника и еретика Бориса Годунова и тогда Хрестіанское неповинныя крови много пролилося на Москвѣ и на Угличъ и въ иныхъ во многихъ городехъ, что онъ нашъ измѣнникъ богоотступникъ и еретикъ Борисъ Годуновъ невинно многихъ людей побилъ розными муками; и вы, прырожденные наши люди, о томъ разумѣйте, за его Борисовы злокозненныя козни? Владыка Небесный Царь праведного своего гнѣву на него на злодѣя не посла ли, и его во мгновеніи око не сокрушы ли и память его злодѣйная съ шумомъ не погибла ли, а наше Царское великое Величеству десницею Вышнего Бога покровенство и по ся мѣста отъ его злокозненнаго умыслу. И нынѣ, томуужъ послѣдующы, второй досталъ злокозненный врагъ и отщепенецъ вѣры Хрестіанское, еретикъ Василій Шуйскій, холопъ нашъ искони вѣчное, хотѣлъ онъ благоплодное наше Царское родство отъ благоплоднаго корени Равноапостольного ота Князя Володымера Кневскаго, мени Великого Государи Цара и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всея Русіи Самодержца и Вседержителя Московское области великого Величества Россійскаго Государства, извести, умысла онъ холопъ нашъ съ сатаною со отцемъ своимъ и со аггелы и съ своими совѣтниками превознесся на нашемъ благоплодномъ, послѣдующы нашему благоплодному Царскому корени и превознесся, на Богозданномъ Престолѣ Божіимъ нимъ свѣтъ сотворенъ, а намъ Господь Богъ парекъ насъ быти Царями. И милосердый всеильный въ трехъ лицахъ славимый Богъ отвратилъ отъ насъ праведный свой гнѣвъ и отъ моего оканства, уподобися Ангелову благовѣствованію, проглаголавъ мнѣ изъ ихъ совѣту

человѣкъ, что умышляеть надо мною Василей Шуйской, хочеть мене злой смерти предати; и мене Господь Богъ десницею своею покрывъ отъ его злокозненнаго умысла, не предавъ Богоотступнику и еретнику въ руки, которой не помяти на крестное цѣлованіе, какъ намъ Великимъ Государемъ блаженныя памяти Государу нашему батюшку Великому Государу Цару и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и блаженныя памяти брату нашему Великому Государу Цару и Великому Князю Ѳздору Ивановичу всея Русіи, и намъ Государу Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русіи, и нынѣ намъ измѣнникъ: но токмо всемогущему въ трехъ лицахъ славимому Богу, что намъ Великимъ Государемъ крестъ цѣловали, что было имъ надъ нами Государи своими никакая зла не умышляти, и иного Государа мимо нашего благоплодное родство не избрати и не хотѣти и не мыслити, и Государства нашего подъ нами Государи своими не подыскивати, и насъ Великого Государа Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи милосердый въ Троицы славимый Богъ укрывъ насъ десницею своею отъ его злокозненнаго умысла, злой смерти не предавъ, а въ наше мѣста убилъ Нѣмчына именемъ Арцыкапустъ. И вы, прырожденные наши люди всего Московскаго нашего Государства, и сами о томъ подлинно вѣдаете, что для ради его вражьего совѣту и злокозненнаго умыслу богоотступника и еретика Василья Шуйскаго, что неповинныя Хрестіанскіе крови много пролилося и нынѣ безпрестани льется; и вы, прырожденные наши люди, сего ли не разумѣете его вражьегожъ совѣту, злокозненнаго умыслу, той его воровской еретической прелести, не токмо что онъ нашъ благоплодной Царской корень посегулъ, но и Хрестіанскую вѣрѣ гонитель и губитель сталъ, что онъ на Хрестіанскую кровь накупаеть Агаревъ Иглеоонъ Евать и Хрестіанъ въ бусурманскую вѣру преводить и продаетъ Срачынамъ Хрестіанской родъ, и младенцовъ побиваютъ и вдовичъ оскверняютъ и дѣвнцъ растлѣтъ, и храмы Божіи разоряютъ и образомъ Божіимъ поругаютъ. Да тотъ же нашъ измѣнникъ богоотступникъ и еретикъ и попратель вѣры Хрестіанское, Василей Шуйской, насъ Великого Государа Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи называетъ богоотступникомъ и еретикомъ, будто я Грышко

Атреевъ: и вы, прироженные наши многіе люди, знали Грышку Отрепьева, каковъ былъ Грышка Атреевъ, коль старъ, и колькихъ лѣтъ, и каковъ образомъ, и каковы волосы и какова борода; и вамъ прироженнымъ нашимъ людемъ будетъ Богъ отомстителъ Саваоуъ Господь нашъ Исусъ Христосъ, какъ Давидъ Пророкъ пишетъ во Псалтырь въ 13 каѳизмъ, въ девеносто въ третьемъ псалмъ: Богъ отомщеніе Господь, Богъ отомщеніе, и молитъ, да вдовица и младенецъ не токма ихъ измѣнниковъ нашихъ порушилъ, но и Небо пропинаетъ и богоотступниковъ на нитный путь приводитъ. И азъ милосердый и праведный и щедрый прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Россіи не дивно на измѣнника своего, на богоотступника и еретика и попрадела въры Хрестіанской, на Василья Шуйского; потому что онъ отъ Бога отступилъ, и въру Хрестіанскую попралъ, и наше Царское крестное цѣлованье забылъ, и нарекъ онъ себя быти проклятою ехидною, и превознесъ онъ, аки сатана, и похотѣлъ онъ пребывать со отцомъ своимъ сатаноу во адъ; а вы, прироженные наши люди, стражете въ суете днѣй нашихъ: а мнѣ дива на васъ нѣтъ, на учителей нашихъ на Архиепископы и Епископы и на у весь освященный Соборъ, и на тебъ Боярына нашего и Воеводъ и на Дворанъ и на другихъ Боярскихъ и всего нашего Московскаго Государства прироженныхъ нашихъ людей, что вы такую измѣннику нашему богоотступнику и еретику въры послѣдствуете и тлѣнному его житію служите. И вы, прироженные наши, о томъ разумѣйте, что азъ не о своемъ Царскомъ великомъ Величествѣ сътую и туку, жалъ мнѣ васъ бдѣнныи и неразумныхъ нашихъ прироженныхъ людей, что вы за невѣды душамъ своимъ готовите адъ, стражете и служите и угакаете тлѣнному его житію, проклятой ехиднѣ, измѣннику нашему и холопу искони въчпому Василью Шуйскому, и върыте вы его вражескому совѣту, злокозненному умыслу и той его воровской еретической прелесной совѣсти и пребываете вы во тмѣ своимъ неразуміемъ: а наше Царское великое Величество будетъ Богомъ права, а не вами, и вся вся возможна отъ Бога, а не отъ человекъ; Богъ что восхощетъ, то и сотворитъ. А азъ милосердый и праведный и щедрый прироженный Великій Государь вашъ Царь и Ве-

ликій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси сходилъ отъ ихъ злокозненнаго умыслу въ Литовскую землю, и былъ въ Литовской земли Богохрапимъ и здоровъ, и пришлоу зъ Литовскіе землі въ вашу отчину въ Московскую землю въ преславуущій градъ Старадубъ во 12 недѣль, и не хотѣлъ я себе воскорѣ объявить и назвалъ я себя Андреемъ Нагимъ для своихъ измѣнниковъ Василья Шуйскаго, и его совѣтниковъ и мѣня, Государя вашего прироженнаго и милосердаго и праведнаго и щедрого и Скипетра Державца, Великаго Государя и Великаго Царя и Великаго Князя Дмитрія Ивановича всея Руси узнали насъ прироженные наши люди многіихъ городовъ, и добили намъ челомъ и вину свою приесли, что азъ истинной и праведной и щедрой прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси; и азъ милосердой и праведной и щедрой Великой Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси не токма правыхъ людей жалую, но и виннымъ своимъ прироженнымъ вину отдаю и жалую ихъ своимъ Царскимъ великимъ жалованемъ. И вы, прироженные наши люди всего Московскаго нашего Государства, разумѣйте, свѣтъ ли лутче, или тьма; намъ ли прироженному и Великому Государю своему Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Руси служить, или измѣннику нашему холопу, а своему вамъ брату Василью Шуйскому; грѣхъ ли лутче творить, или правду содѣвать; кровь ли Хрестіанская неповинная проливать, или утолить; и кому будетъ въ той неповинной Хрестіанской крови отвѣтъ Богу дать и на комъ та неповинная Хрестіанская кровь възщетца, и суди тому Господь Богъ, хто на нашъ Царской благоплодной корень посегнулъ и хто нашему Царскому благоплодному кореню гонитель и губитель сталъ. Ты, Боярынъ нашъ и Воевода, и Дворане и Дѣти Боярскіе и всего нашего Московскаго Государства, и сами о томъ подлинно вѣдаете, что прежь сего Господь Богъ выдалъ былъ намъ измѣнника нашего и богоотступника и еретика Василья Шуйскаго за его злокозненный умыселъ, что онъ на насъ злой совѣтъ совѣщевалъ; и азъ милосердый и праведный и щедрый и прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси той его страшной винѣ не помстися, и вину ему отдати и казнить его

не велѣлъ, по своему Царскому милосердому обычаю. И вы, прирожденные наши люди о томъ разумѣйте, что уже измѣннику нашему и богоотступнику и еретикъ и попатрелю вѣры Хрестіанской Василью Шуйскому тѣнное его житіе скончается, за множество нечестіе его и за высокоуміе великое и за превозношенія и за гордость и за пированья певѣрное и за его лукавые сатанинскіе дѣла гробъ его отверзаетца, и адъ приняти его готовитца за его лѣстное къ намъ глаголанья; и выбѣ, прирожденные наши люди всего нашего Московского Государства, помня Бога и души свои и наше Царское крестное цѣлованье, отовратились вы отъ измѣнника нашего отъ Василья Шуйскаго и отъ его тѣннаго прелѣстнаго житія и обратились вы къ Нашему искони вѣчному и пресвѣтлому къ Царскому великому Величеству. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и выбѣ, Богомолцы наши Архіепископъ, и Епископъ, и Архимандриты, и Игумены, и Протопопы, и Попы, и Дьяконы и весь освѣщенный Соборъ, нарицаетесь вы пастыри и учителя и вожови словеснымъ овцамъ, помня Бога и души свои и свое иноческое общанье къ Богу, собравшись вы въ Соборную церковь, и пѣльнѣ молебны съ званіями и молились Бога о Государыни нашей матушки о Государыни Царицы и Великой Княгини Марии Ѳеодоровной всея Руси, а во иноцехъ инокъ Марфѣ, и о насъ о Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Дмитрѣѣ Ивановичѣ всея Руси; а тыбѣ, Боярину нашъ и Восвода Михайло Борисовичъ Шенинъ съ товарищи, и Двораны, и Дѣти Болгарскіе, и Головы и Сотники Стрелецкіе и Казацкіе, и Стрѣльцы и Казаки, и Пушкари и Затинщики, и всякіе Торговыя и черныхъ слободы Посацкіе, Жилецкіе люди, помня Бога и души свои и наше Царское крестное цѣлованье, и блаженныя памяти брата нашего Великого Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси и насъ милосердаго и праведнаго и щедраго Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрѣя Ивановича всея Руси къ себѣ великое мое жалованье, и выбѣ, прирожденные наши люди, служили намъ и прямилн, какъ служили и прямилн прежде сего блаженныя памяти Государю нашему батюшкѣ Великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, и блаженныя памяти брату нашему Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всея Руси

и намъ Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрѣю Ивановичу всея Руси; а вѣдаете вы и сами, что лѣзъ истинный и милосердый и праведный и щодрый, прирожденный Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Дмитрѣй Ивановичъ всея Руси, своихъ измѣнниковъ и прежь сево торговою казнью не казнилъ, не токмо что смертию. И выбѣ, прирожденные наши люди, надежны были на милость Божию и пречистой Богородицы и великого Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье; а вѣдаете вы, прирожденные наши люди, что ни мать къ дѣтямъ своимъ такъ, какъ я къ прирожденнымъ людямъ . . . . . И выбѣ, прирожденные наши люди, помня Бога и души свои, крестъ бы намъ вы цѣловали по прежнему, и намъ добили челомъ и вину свою принесли; а какъ вы, прирожденные наши люди, намъ Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрѣю Ивановичу всея Руси добьете челомъ и вину свою принесете, и мы васъ пожалуемъ тѣмъ, чѣво у васъ и на разумъ пѣтъ. Тѣ, которые бездѣлники, вражымъ совѣтомъ и злокозненнымъ умысломъ, вѣскоръ намъ прирожденному и милосердому и праведному и щедрому Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрѣю Ивановичу всея Руси не добьютъ и вину своею не принесутъ, и на тѣхъ людей Владыка Небесный Царь пошлетъ праведной своей пѣбѣ; а отъ Нашего Царского Величества тѣмъ бездѣлникомъ милости не будетъ, за ихъ воровство. Да и о томъ, намъ вѣдомо умнилось, что грѣхъ ради нашихъ и всего Московского нашего Государства, что въ Московскомъ нашемъ Государствѣ объявилось еретичество великое: вражымъ совѣтомъ, злокозненнымъ умысломъ многіе называются Царевичами Московскими, прирожденными Царскимъ семени. Вы, прирожденные наши люди Московского нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подлинно, сколько блаженныя памяти у Государя нашего батюшкѣ Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси и его благоплоднаго отросли была насъ: нашъ первый братъ нашъ Царевичъ и Великій Князь Дмитрѣй Ивановичъ всея Руси, да Царевичъ и Великій Князь Иванъ Ивановичъ всея Руси, да Царевичъ и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Руси, что были Московскіе области великого Величества на Московскомъ Государствѣ Царемъ; а родились они отъ Царицы и

Великіе Княгини Настасеи Романовной всея Руси, а язъ Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси родился отъ Царицы и Великіе Княгини Марьи Федоровной всея Руси Нагихъ. И вы, прирожденные наши люди, и сами въдаете, что большаго брата нашего Царевича и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Руси во младенчествѣ не стало; а у брата нашего Царевича и Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси дѣтей не было; а у брата нашего Московскій области великого Величества Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси, что былъ на Московскомъ Государствѣ Царемъ, одна была дочь Царевна Ѳеодосья и тое дву лѣтъ не стало. А нынѣ объявляюща въ Астрахани и въ Полскихъ юртехъ многіе Царевичи Московского Государства: въ Астрахани Царевичъ Августъ Князь Иванъ, а сказывается Государя нашего батюшка блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси сынъ, что была блаженные памяти за батюшкою нашимъ за Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси Колтовскихъ, и онъ сказывается отъ тое родился; и вы, прирожденные наши люди, и сами въдаете, что за Государемъ нашимъ батюшкою за Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси была Колтовская . . . . семнадцать недѣль. Да вотъ въ Астраханижъ, сказываютъ, объявился Царевичъ Лаврентей, а называетъ себя брата нашего Царевича и Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси сынъ, а сказывается родился отъ Царицы и Великой Княгини Елены Ивановой Шереметевыхъ; и вы, прирожденные наши люди всего нашего Московского Государства, и сами въдаете подлинно, что за братомъ нашимъ за Царевичемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ всея Руси Шереметевыхъ была, а дѣтей у него не было. Да изъ Полскихъ же юртовъ объявлялся Петръ Царевичъ и иные многіе Царевичи въ Полскихъ юртехъ объявляюща: Царевичъ Ѳедоръ, Царевичъ Клементей, Царевичъ Савелей, Царевичъ Семіонъ, Царевичъ Василей, Царевичъ Ершакъ, Царевичъ Гаврылка, Царевичъ Мартинка, а называютъ себя, будто они блаженные памяти брата нашего Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси дѣти, а наши племянники; и вы, прирожденные наши люди всего Московского нашего Государства, и сами въдаете

о томъ подлинно, что блаженные памяти брата нашего Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Руси одна была дочь Царевна Ѳеодосья, и тое дву лѣтъ не стало, а болши того у него дѣтей не бывало. И вы, прирожденные наши люди всего Московского нашего Государства, той еретической прелести и вражью совѣту не вѣрили и не прелщались никакими мѣрами и сумнѣнья бы въ сердцахъ своихъ никакова не держали; а въдаете вы, прирожденные наши люди, что Московскіе области великого Величества Самодержца Московскому Государству, блаженные памяти Государя нашего батюшка Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, что отъ его благоплодного родства и отъ благоплодного его корени единъ язъ, милосердый и праведный и щедрый и прирожденный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси, Богомъ хранимъ и здаровъ. И выбъ, прирожденные наши люди, служили намъ и прямили по прежнему: и язъ милосердый и праведный и щедрый прирожденный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси послалъ въ Поппзовыя города и въ Полскіе юрты тѣхъ воровъ сыскавать, которые называются Царевичами; а сыскавъ, велѣлъ бити кнутомъ; а бивъ кнутомъ, велѣлъ ихъ помѣтать въ тюрьму до нашего указа. А какъ мы Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси, по милости Божей, будемъ на прародителей нашихъ престолъ Російского Государства въ Москвѣ, и мы про тѣ про всѣ воровскіе прелести совѣ . . . . . и тѣмъ воровъ велѣмъ свой Царской указъ унищити; а васъ . . . . ., которые намъ служить и прямиать, пожалуемъ тѣмъ, чего у васъ и на разумъ итъ. Да слухъ насъ дошлеть, что вы, прирожденные . . . . ., хотѣли намъ добити челомъ и вину свою принести, и . . . . ., который назывался Царевичемъ Петромъ . . . . . и въ иныхъ городахъ многихъ нашихъ прирожденныхъ людей побилъ невинно разными муками: и язъ милосердый и праведный и щедрый прирожденный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси и самъ о такомъ великомъ грѣхъ сътую и тужу, что Крестіянскіе невинно крови много пролилося. Да слухъ насъ дошлеть, что вы, наши прирожденные люди, блюдетесь нашихъ ратныхъ Литовскихъ людей и Козаковъ и отъ нихъ пасметва и убойства и гра-

бежи; и выбъ, прироченные наши люди, отнюдь сумнѣнь въ сердцахъ своихъ никакова не держали, а былибъ въ надежи на милость Божію и пречистѣй Богородицы и великого Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье. Писавъ Нашего Царского Величества на нашемъ стану на Орль, лѣта 7116 (1608), Апрелья въ 24 день.

А приписъ у сей грамоты: Московскіе облости великого Величества Самодержца и Вседержителя Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Руси, Dmitr Car.

Дотого Царь подписалъ своею рукою. — *Далше слыдуеть приписка:* «Тутъ можетъ быть орель мѣсто печати, молваный.»

II.

ИКАЗЪ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА КНЯЗЮ Д. М. ПОЖАРСКОМУ, ДАННЫЙ 1653 ГОДА.

Лѣта 7141-го Ноябрья въ 11 день, Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всея Русіи, и отецъ ево Государевъ Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи указали Болрину Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, да Симоновскому Архимариту Левкью, да Мосею Федоровичу Гльбову, да Дьякомъ: Василью Кошину, да Божену Степанову быти на Москвѣ у своево Государева дѣла у сборныхъ денегъ, для того, въ прошломъ во 127 году съ повелѣнья Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всея Русіи учинено было перемирье Московскому Государству съ Польшею и съ Литвою на четырнадцать лѣтъ на шесть мѣсцовъ, съ крестнымъ цѣлованьемъ и съ записми. А въ договорныхъ записяхъ написано, что было Королевича Владислава Царемъ и Великимъ Княземъ Московскимъ не писати, и въ тѣ было перемирные лѣта Польскимъ и Литовскимъ Сенатаремъ, и Польскимъ и Литовскимъ людямъ никакихъ неправдъ и обидъ не чинити, и городовъ и мѣстъ не поселятъ. А какъ послѣ того събѣжались Московскаго Государства послы, Болринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарищи съ Александромъ Гасевскимъ съ товарищи, межъ Вязмы и Дорогобужа на рѣчкѣ на Поляновкѣ и розмѣну на обѣ стороны учинили Великого Государя Царя и Великого

Князя Михайла Федоровича всея Русіи отца, Великаго Государя, Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи розмѣнили, а Болръ и Дворянъ приехали, а Литовскихъ Полковниковъ отпустили въ ихъ землю, и розмѣнили на обѣ стороны и назавтрел прислали ко всемъ Государевымъ Болромъ листъ за ихъ Сенатарскими печатми, а отдалъ тотъ листъ Болрину Федору Ивановичу Шереметеву, и въ томъ листу написано Государево имя не съ полнымъ именованьемъ и не по ево Царскому достоинству, а Королевича своего Владислава въ томъ листу написали Царемъ и Великимъ Княземъ Московскимъ и не въ одномъ мѣстѣ, чево ему Богъ не далъ, умышленьемъ и своимъ лукавствомъ, забывъ свое крестное цѣлованье и мирное постановленье; да и въ иныхъ мѣстѣхъ Александро Гасевской и изъ иныхъ изъ порубежныхъ городовъ Воеводы и урядники въ листѣхъ своихъ Государево имя писали не по ево царскому достоинству, не по мирному договору и крестному цѣлованью; и Болре, видя ихъ такіа многія неправды, съ Государева повелѣнья о тѣхъ о всѣхъ неправдахъ посылали къ Паномъ-Радѣ посланниковъ не одинова, и Пань-Рада тѣмъ воромъ, которые Государское имя описывали не по ево Царскому достоинству и не противъ мирнаго постановленія, наказанья никакова не учинили; и послѣ того по повелѣнью прежняго Жегимонта, Короля ево Владислава и Пановъ-Радъ изъ Литовскихъ Украинныхъ городовъ чрезъ мирное постановленье Московскаго Государства землѣ въ порубежныхъ въ Украинныхъ городѣхъ многія неправды и задоры усилились, и на Государевѣ землѣ города и остроги поставили, и слободы устроили и засъки завели, и у многихъ Дворянъ и у дѣтей Болрекихъ и у великихъ людей изъ за рубежа Польскіе и Литовскіе люди села и деревни воевали, и крестьянъ за рубежъ вывозили и побивали до смерти, и всякое злое разоренье дѣлали, а Литовскіе Урядники на воровъ росправы николи не давали, и Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всея Русіи советовавъ съ отцомъ своимъ съ Великимъ Государемъ, Святѣйшимъ Патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи, прося у Бога милости и говоря о томъ съ Болряи, указали послати на Польскихъ Королевичей, на Владислава и на Казимера, и на Польскихъ и на Литовскихъ людей за ихъ многіе неправды

Боляръ своихъ и Воеводъ, Михаила Борисовича Шенна съ товарищи, а съ ними посланы Нѣмецкіе Полковники и Капитаны, и Ротмистры конные, и солдаты наемные Нѣмецкіе и Русскіе многіе люди. А для тое службы ратнымъ людемъ Московскаго Государства дано Государево жалованье великое, а Русскихъ и Нѣмецкихъ солдатъ, Полковникомъ и Ротмистромъ, и ихъ пѣшимъ людемъ даютъ кормовые деньги помѣсячно безъ переводу. И Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ, и отецъ ево Государевъ Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи, совѣтовавъ съ Митрополиты, и со Архіепископы и съ Епископы и со всемъ Освященнымъ Соборомъ, и съ Боляры и съ Околыничими и съ Думными людьми, и съ Стольники, и съ Стряпчими, и съ Дворяны и съ приказными людьми, и съ гостями и всякихъ чиновъ съ людьми, что нынѣ въ походъ съ Боляры и воеводы рати конные и пѣшіе многіе люди, и впредь безъ прибыльные безъ великіе рати съ Польскими и съ Литовскими людьми не раздѣлялся, и Митрополиты бѣ, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и всего Освященнаго чину, и Боляре, и Околыничіе, и Думные люди, и Стольники, и Стряпчіе, и Дворяне, и приказные люди, и гости, и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства вспоможенные ратнымъ людемъ на жалованье дали денегъ, а съ торговыхъ съ Московскихъ людей и въ городѣхъ съ гостей и съ торговыхъ съ лутчихъ и съ середнихъ съ молотчихъ людей, Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, и отецъ ево Государевъ, Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи указали взяти ратнымъ людемъ на жалованье пятую денгу. А которые Боляре и Околыничіе, и Стольники, и Стряпчіе, и Дворяне, и Дьяки и всякіе приказные люди въ городѣхъ, и съ тѣхъ указалъ Государь и отецъ ево Государевъ, Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи взяти на жалованье ратнымъ людемъ, хто что дастъ. И на Соборѣ Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены, и Боляре, и Околыничіе, и Думные люди, и Стольники, и Дворяне, и приказные люди, и гости, и Гостинные и суконные сотни, и Чорныхъ сотенъ и всякіе люди, Государю Царю и

Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, и отцу ево Государеву, Великому Государю, Святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русіи челомъ ударили, Власти: Крутицкой Митрополитъ Павелъ и иные Власти, домовыхъ и келейныхъ своихъ денегъ дали, а иные Власти, и Боляре, и Околыничіе, и Думные люди, и Стольники, и Дворяне, и Дьяки на Соборѣ говорили, что они вспоможенье ратнымъ людемъ денегъ дадутъ, а что хто дастъ и тому они принесутъ росписи. И Болярину Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, да Симоновскому Архимариту Левкью, да Мосею Ѳеодоровичу Глыбову, да Дьякомъ: Василью Коппинцу, да Бажену Степанову тѣ деньги съ Митрополитовъ, и съ Архіепископовъ, и съ Игуменовъ, и съ Келарей, и съ Казначеевъ, и со всехъ монастырей, которые на Москвѣ, и которые Власти и монастыри въ городѣхъ сбирати деньги, хто что Государю и Великому Государю Святѣйшему Патріарху вспоможенье ратнымъ людемъ домовыхъ и келейныхъ денегъ, а то въ города къ Митрополитомъ, и къ Архіепископомъ, и Епископомъ, и къ Архимаритомъ, и къ Игуменомъ, и къ Келаремъ, и къ Строителемъ по монастыремъ въ Государевыхъ грамотахъ написать имянно, чтобъ они домовыхъ монастырскихъ казенныхъ и келейныхъ своихъ денегъ къ Государю и къ Великому Государю Святѣйшему Патріарху прислали не скудно, изъ своихъ бы приказныхъ людей, которые у нихъ Митрополитовъ и съ монастырскихъ служекъ, которые у нихъ живутъ по приказомъ, смотря по пожиткомъ, денегъ взяли на жалованье ратнымъ людемъ и тѣ деньги прислали съ своимъ деньгами вмѣстѣ, а къ Боляромъ, и къ Околыничимъ, и Думнымъ Дьякомъ, подьякомъ и къ приказнымъ всякихъ чиновъ людемъ посылати имъ, чтобъ Боляре, и Околыничіе, и Думные Дьяки, и Дьяки и всякіе приказные люди Государю, Великому Государю Святѣйшему Патріарху вспоможенье ратнымъ людемъ денегъ дали, а съ гостей, и съ торговыхъ и со всякихъ людей имати имъ съ ихъ пожитковъ и съ промысловъ и съ ихъ животовъ пятую денгу. Да и въ города къ Воеводамъ и къ Дьякомъ, которые по городомъ, и къ Губнымъ Старостамъ, и къ городовымъ прикащикомъ и ко всякимъ приказнымъ людемъ послать Государевы грамоты, чтобъ они съ своихъ пожитковъ вспоможенье ратнымъ

людемъ на жалованье денегъ дали, а къ гостемъ и къ торговымъ ко всякимъ людямъ, которые въ городѣхъ для сбору посылати Властей, Архимаритовъ и Игуменовъ, а съ ними Дворинъ добрыхъ. А вельти въ городѣхъ гостемъ и торговымъ лутчимъ и середнимъ и молотчимъ всякимъ людямъ vybrати межъ себя гостей и торговыхъ людей, чтобъ думами своими были прмы, и тѣхъ выборныхъ людей приведа къ вѣрѣ, ихъ допрашивати про гостей, и про торговые люди и про ихъ прожитки, чтобъ другъ про друга сказывали правду, и животовъ своихъ и промысловъ не таили, и съ тѣхъ гостей и съ торговыхъ со всякихъ людей, съ Митрополитныхъ, и Архіепископовыхъ и Епископовыхъ, и съ монастырскихъ и съ Боярскихъ имати шталъ деньга ихъ животовъ на вспоможенье ратнымъ людямъ. А одилично имъ межъ себя vybrати вельть людей добрыхъ и душами прямыхъ, и сами бы про свои животы сказали, и про гости, и про торговые, и про всякіе промышленные люди про ихъ прожитки вправду, а взди съ нихъ шталъ деньга, съ ихъ животовъ и съ промысловъ, безо всякіе хитрости пятинные деньги Архимариту или Игумену по священству, а Дворяномъ по Государеву крестному цѣлованью, ненарова никому и не покрывал ни покомъ, и посуловъ и поминковъ имъ отъ того ни у кого ничего не имати, да тѣ деньги присылати къ Москвѣ съ тѣмижъ людьми, которые собирали. А сколько хто, Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы и Архимариты и Игумены и всего Освященнаго чщу на Москвѣ дадутъ, и изъ городовъ Воеводы и приказные люди, и изъ монастырей Власти денегъ монастырскихъ и своихъ келейныхъ, и что хто дастъ ихъ приказные люди и монастырскіе служки и къ Москвѣ пришлютъ, и что дадутъ Бояре и Околиціе, и Думные люди, и Дьяки, и всякіе приказные люди и гости, и торговые всякіе люди на Москвѣ и въ городѣхъ дадутъ денегъ, и Боярину Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, да Симоновскому Архимариту Левкью, да Мосею Глѣбову, да Дьякомъ, Василью Кошнину, да Бажену Степанову, тѣ деньги вельть писати въ приходные книги порознь по статьямъ, хто что дастъ. А сколько у нихъ въ зборъ на Москвѣ и изъ городовъ въ привозъ денегъ будетъ, и имъ про то сказывати Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Русіи, и отцу ево Государеву Великому

Государю, Святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русіи.

III.

КАКАЗЪ ЦАРЯ АЛЕКСІЯ МИХАЙЛОВИЧА ЖИЛЬЦУ П. М. ЧЕРТОВСКОМУ, 1671 ГОДА.

Въ 7179 году Царь Алексѣй Михайловичъ, по вступленіи въ бракъ съ Натальею Кирилловною Нарышкиною, посылалъ въ Малороссію жильца Ивана Михайлова Чертовскаго, для извѣщенія о томъ гетмана Демьяна Игнатовича, архіепископа Черниговскаго Лазаря Барановича, и Кіевопечерскаго монастыря архимандрита Иннокентія Гизеля.

Въ наказъ, ему данномъ, прописано:

А какъ онъ Иванъ будетъ у Архіепископа и ему говорить рѣчь.

А молвить:

Божіею милостию Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ и Сѣверныхъ отиць и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и Государь и обладатель, Его Царское Величество, прислалъ ево Ивана къ нему, Своего Царского Величества богомольцу, къ Пресвященному Лазарю Барановичу, Архіепископу Черниговскому и Новгородскому съ своего Царского Величества богомольною грамотою, и вельтъ ему про свою Государскую радость сказати, что въ пятиншемъ во 179 году Генваря въ 20 день, изволилъ Онъ Великій Государь, Его Царское Величество соетатися законному браку; а въ супругу поплалъ Себѣ Кирила Полуехтовича Нарышкина дщерь дѣвицу Наталію Кирилловну.

И онъ бы, Его Царского Величества богомольецъ за него Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича и всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, и за Его Царского Величества Супругу, Великую Государыню, Благовѣрную Царицу и Великую Княгиню Наталію Кирилловну, молилъ въ Тронцѣ славимаго Бога и Пресвятую Богородицу и всѣхъ Святыхъ, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, соборне и келейне и за Ихъ Государское многолѣтнее здоровье пѣли молебны съ звономъ чтобъ Господь Богъ даровалъ Имъ многолѣтнее здравіе и благородныя чада, въ паслѣде рода Ихъ; такжебъ онъ Пресвященный Архіепископъ области своєї

во все города, и уезды и въ монастыри, о томъ разослать свои Архирейскіе грамоты.

А изговори рѣчь и подавь Великого Государя грамоту, явити ему Архiepископу Великого Государя милость и жалованье.

А мольть:

Великій Государь, Его Царское Величество, жалуя тебѣ Своего Царского Величества богомольца, велѣль спросить о спасеніи и прислалъ отъ Своего Царского Величества радостного стола ковшъ взвару, кавришку, часть короवाल, хлѣба и сыра, да Великія Государыни и Царицы и Великія Книгини Наталіи Кириловны жалованья ширинку, и онъ бы Его Царского Величества богомольецъ Пресвященный Архiepископъ, види Ихъ Государскую къ себѣ премоную милость и жалованье, потомужъ Бога молилъ.

Да что съ нимъ Иваномъ онъ Архiepископъ о какихъ дѣлахъ Великого Государя поговорить и какъ ево изъ Новгорода въ Батуринъ отпустить, и ему то все написать въ статейной списокъ.

А какъ онъ прѣдетъ въ Батуринъ, и ему Ивану послать къ Гетману Демьяну Игнатовичу, кого пригоже и велѣть потомужъ про себя сказать.

И какъ онъ Иванъ будетъ у Гетмана Демьяна Игнатовича и ему о радости Великого Государя, о сочтаніи законного брака и о присылкѣ ево Великого Государя жалованья, отъ Его Царского Величества радостного стола и ширинки явити Гетману и говорить рѣчь, по сему наказу примѣриася, какъ о томъ написано выше сего, и отдавъ Гетману Велико-го Государя грамоту, спросить ево Гетмана о здоровьѣ.

А мольть:

Великій Государь, Его Царское Величество, жалуя ево Гетмана Демьяна Игнатовича, и брата ево Василья Игнатовича, и старшину, и Полковниковъ и про все войско Запорожское велѣль спросить о здоровьѣ.

И отдавъ Великого Государя жалованье Гетману Демьяну Игнатовичу, и брату ево Василью Игнатовичу, что съ нимъ Иваномъ къ нимъ послано, говорить Гетману, чтобъ онъ Гетманъ, о той Его Государской радости, о сочтаніи законного брака Его Велико-го Государя Малороссійскихъ городовъ во все полки къ Полковникомъ и къ Сотникамъ писати велѣль, чтобъ во всехъ городахъ, и въ уѣздахъ вслѣднихъ чиновъ жилицкимъ людямъ, о Его

Великого Государя, Его Царского Величества Государской радости было ведомо.

Великого Государя Его Царского Величества о Его Государской радости, о сочтаніи законного брака Архимандриту Инокентію Гизелю рѣчь говорить и Великого Государя жалованье явить и отдать, и о спасеніи ево Архимандрита и всей братіи спросить, противъ тогожъ, какъ написано въ семь наказъ выше сего Архiepископу.

Да что о какихъ дѣлахъ Великого Государя съ нимъ Иваномъ Гетманъ Демьянъ Игнатовичъ и Архимандритъ Инокентій поговорятъ, и ему Ивану то все написать въ статейной списокъ имянно.

А учини о томъ о всемъ по сему Великому Государю указу, ѣхати ему Ивану къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу къ Москвѣ, а прѣхавъ явтица и статейной свой списокъ подать въ Приказъ Малыя Росіи Думному Дворянину Артемену Сергѣевичу Матвѣеву, да Дьяку Григорью Богданову.

Божією милостію отъ Великого Государя Царя и Великого Князя Алексія Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ и Сѣверныхъ отчина и дѣдича и наследника и Государя и обладателя, Нашего Царского Величества богомольцу, Пресвященному Лазарю Барановичу Архiepископу Черниговскому и Новгородскому Наше Царского Величества милостивое слово.

Въ нынѣшнемъ во 179 году Генваря въ 22 день, изволили Мы Великій Государь Наше Царское Величество, сочтатися законного браку, а пояти дщерь Кирилы Подухтовича Нарышкина Наталію Кириловну, и тебѣ бы Нашего Царского Величества богомольцу Пресвященному Лазарю Барановичу Архiepископу Черниговскому и Новгородскому, со всемъ освещеннымъ Соборомъ молити Всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога и Пречистую Богородицу и всехъ Святыхъ, и пяти молебны съ звономъ о Нашемъ Великому Государю Нашему Царскому Величеству, и о Благочестивой Государынѣ Царицѣ и Великой Книгини Наталіи Кириловнѣ, чтобъ милостивый Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота Нашего и даровалъ бы Намъ благородные чада въ наследіе рода, собор-

ле и келейне; а Нашего Царского Величества въ Малоросійскіе во всѣ города и уѣзды въ монастыри и по церквамъ, которые подъ твою областію послалъ отъ себя свои Архіереіскіе грамоты и велѣлъ имъ пѣть молебны противъ сего Нашего Великого Государя указу, какъ писано выше сего. А съ сею Нашею Царского Величества грамотою посланъ Нашего Царского Величества Жилецъ Иванъ Чертовской. — Да къ тебѣжъ Нашего Царского Величества богомольцу отъ Нашего Царского Величества радостного стола ковшъ взвару, ковришка, часть коровалъ, хлѣба и сыра, да Нашей Царского Величества супруги Царицы и Великія Княгини Наталіи Кириловны жалованья ширинка, послано съ нимъ же Иваномъ. — Писанъ въ Государствіи Нашего дворя въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ. Лѣта отъ созданія міра 7179 мѣсяца Генваря 24 днѣ.

Въ Печерской монастырь къ Архимандриту къ Инокентію Гизелю съ братьею, Великого Государя грамота писана противъ сей Архіепископскіи грамоты примѣнялась.

Божіею милостию отъ Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Великіи и Малыи и Бѣлыи Росіи Самодержца, и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ, и Западныхъ и Сѣверныхъ отчича, и дѣдича, и наследника и Государя и обладателя, Нашего Царского Величества милостивое слово.

Въ нынѣшнемъ во 179 году Генваря въ 22 день, изволили Мы Великій Государь Наше Царское Величество сочтатися законному браку, а поити дочеръ Кирила Полуехтовича Нарышкина Наталію Кириловну. — И Мы Великій Государь Наше Царское Величество, жалуя тебя Нашего Царского Величества Гетмана Демьяна Игнатовича и брата твоего Василья Игнатовича, послали отъ Своего Царского Величества радостного стола, взвару по ковшу, по ковришкѣ, по части коровалъ, хлѣба и сыра, да Нашей Царского Величества супруги Царицы и Великіе Княгини Наталіи Кириловны жалованья по ширинкѣ. И тебѣжъ Нашего Царского Величества, войска Запорожскаго сее стороны Днѣпра Гетману Демьяну Игнатовичю Наше Великого Государя жалованье принявъ, сю Нашу Царского Величества радость войска Запорожскаго старшинѣ, при тебѣ будучей въ Батуринѣ и всякого чина людемъ объявити, и для вѣдома во всѣ полки къ

Полковникамъ и къ Сотникамъ послати, чтобъ о сей Нашей Государской радости въ Нашихъ Великого Государя Малоросійскихъ городѣхъ всякихъ чиновъ жителемъ вездѣ было вѣдомо, а съ сею Нашею Великого Государя, Нашего Царского Величества грамотою и зъ жалованьемъ посланъ къ тебѣ Гетману Нашего Царского Величества жилецъ Иванъ Чертовской Писанъ въ Государствіи дворя, въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Лѣта отъ созданія міра 7179-го мѣсяца Генваря 24 днѣ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ.

I.

ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ШЕЛИХОВЪ.

Григорій Ивановичъ Шелиховъ, Рыльскій именитый гражданинъ, возведенный въ дворянское достоинство за заслуги отечеству. Первоначально имѣя небольшое состояніе, онъ производилъ торговлю по Сибири. Въ то время вниманіе торгующаго тамъ купечества обращено было на открытіе острововъ въ Тихомъ Океанѣ, и на промысла морскихъ бобровъ, на тѣхъ новооткрываемыхъ островахъ, отъ которыхъ компаньоны, отправлявшіе суда, при счастливомъ возвращеніи ихъ, получали знатныя прибыли. Компаньоны состояли большею частію изъ купцовъ Россійскихъ и Сибирскихъ городовъ. Увлеченный ихъ успѣхами, Шелиховъ захватилъ въ Камчатку, и тамъ въ 1776 году вступилъ въ товарищество съ Камчатскимъ купцомъ Лукой Алинымъ; общимъ издвигеніемъ построили судно въ Нижнекамчатскѣ, и назвавъ оное Св. Павель, въ томъ же году отправили на острова. Это судно возвратилось въ 1780 году, имѣя грузу 936 шкуръ бобровъ морскихъ, 1580 песцовъ голубыхъ, и 34,000 морскихъ котовъ, по тогдашнимъ цѣнамъ на 74,240 рублей.

Въ 1777 году, Шелиховъ, будучи въ Охотскѣ, обратилъ вниманіе на Курильскіе Острова, съ даль-

новиднымъ планомъ, кромѣ промысла бобровъ, открыть сношенія съ Японцами, и буде представится возможность, завести съ ними постоянную торговлю. Съ этою цѣлью онъ соединился съ столь же предприимчивымъ Якутскимъ купцомъ Лебедевымъ-Ласточкинымъ, и построивъ въ Охотскѣ гукорь Николай, поручилъ его въ команду, данному отъ Охотскаго порта, штурману Пѣтушкову. Прибывъ къ 18 острову, Пѣтушковъ расположился тамъ зимовать, и былъ такъ счастливъ, что въ теченіе десяти мѣсяцовъ пребыванія на островѣ, промыслилъ и приобрѣлъ покупкою отъ Курильцевъ 970 морскихъ бобровъ, 135 лисицъ лучшихъ сортовъ и 195 песцовъ голубыхъ. Пѣтушковъ на байдарѣ ѣздилъ въ гавань Аткись на Матемаѣ, но сношенія съ Японцами не имѣли успѣха.

По возвращеніи въ Охотскій портъ, компаньоны Шелиховъ и Лебедевъ, довольные удачнымъ промысломъ бобровъ, отправили вновь то же судно въ 1778 году. Командиромъ былъ определенъ дворянинъ Антипинъ. Прибывъ къ 18 острову, онъ расположился зимовать.

Въ этотъ разъ не имѣли удачнаго промысла, равно какъ и сношенія съ Японцами, къ которымъ ѣздилъ Антипинъ на байдарѣ въ заливъ Аткись, были неуспѣшны. Можетъ быть, въ ожиданіи лучшаго, Антипинъ рѣшился провести другую зиму; но 8 Января 1780 года сдѣлалось жестокое землетрясеніе. Море взволновалось и поднялось такъ высоко, что гукорь, стоявшій въ гавани, отнесло на средину острова. Антипинъ, не имѣя способствъ спастись судно на воду, оставилъ его, и рѣшился плыть на байдарѣ въ Камчатку. Вывезенная имъ рухлядь была очень маловажна.

Эта неудача ослабила виды на Курильскіе Острова, и Шелиховъ до времени ихъ оставилъ.

Между тѣмъ, вступи въ компанію съ купцами Пановыми, онъ отправилъ изъ Нижнекамчатска судно Варомоея и Варнавы на Алеутскіе Острова. В. Н. Берхъ, неутомимый собиратель актовъ этого времени, пишетъ, что о плаваніи того судна нѣтъ ни какихъ извѣстій, но оно возвратилось въ 1781 году, съ грузомъ, оцѣненнымъ въ 58,000 рублей.

Въ то же время сблизился съ компаньонами въ отправленіи судовъ капиталистъ, Курскій имлиный гражданинъ И. Л. Голиковъ; онъ содержалъ питейные откупа по Иркутской Губерніи, и, по предложенію Шелихова, вступилъ съ нимъ въ товарищество. Въ Камчаткѣ было построено судно Св. Андрея Первозваннаго, и отправлено изъ Петропавловской гавани на Алеутскіе Острова, въ 1777 году. На обратномъ пути, оно претерпѣло крушеніе, но спасенный отъ гибели грузъ проданъ за 133,450 рублей. Этотъ богатый въ то время грузъ вознаградилъ компаньоновъ за всѣ убытки, и сверхъ того доставилъ хорошія выгоды.

По запискамъ В. Н. Берха видно, что Шелиховъ, испытывая счастье въ разныхъ компаніяхъ, въ 1778 году, въ сотовариществѣ съ Камчатскимъ купцомъ Козицынымъ, отправилъ ботъ Николай на Алеутскіе Острова, который три раза совершалъ плаваніе, по каковы были успѣхи, о томъ не собрано свѣдѣній.

Въ 1779 году, по компаніи съ Голиковымъ, Шелиховъ отправилъ судно, названное Св. Іоаннъ Предтеча изъ Петропавловской гавани, которое, проведя шесть лѣтъ на Алеутскихъ Островахъ, возвратилось въ Охотскъ въ 1784 году, и вывезло 1074 бобровъ морскихъ, 927 песцовъ голубыхъ, и 440 котовъ морскихъ.

Отправленное въ 1776 году, судно Св. Павель, какъ сказано, возвратилось съ значительнымъ грузомъ, и это подкрѣпленіе доставило Шелихову новыя средства для дальнѣйшихъ предпріятій. Онъ построилъ вновь судно, и назвавъ оное Іоаннъ Рыльскій, отправилъ изъ Петропавловской гавани на Алеутскіе Острова. По шестилѣтнемъ странствованіи, судно, возвращаясь, при берегахъ Камчатки потерпѣло крушеніе. Грузъ, состоявшій изъ 900 бобровъ, 18,500 котовъ и 930 песцовъ голубыхъ, былъ спасенъ.

Въ 1781 году, Шелиховъ съ Лебедевымъ отправилъ судно Св. Георгія на Алеутскіе Острова, поручивъ его въ команду штурману Прибылову. Вояжъ этого судна продолжался до 1790 года, и Прибыловъ былъ столь счастливъ, что отойдя съ Уналашки въ Берингово Море, открылъ новый островъ, названный, по имени судна, Св. Георгія, въ 1788 году, оставя тамъ аргель рабочихъ, которые въ слѣдующемъ году съ высотъ острова усмотрѣли другой. Поѣхавъ на него въ байдарѣ, нашли его наполненнымъ морскими бобрами и котами, и назвали островомъ Св. Павла. Шелиховъ, по своей дѣятельности сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Петербургѣ, пользовался отличнѣйшимъ расположеніемъ славнаго въ то время вельможи Графа П. А. Зубова, и въ признательность свою назвалъ вновь открытую купу Островами Зубова, но это названіе было только по его собственнымъ актамъ. Гидрографы, въ память открывателя присвоили имъ названіе Прибыловыхъ. Я имѣлъ собственноручное письмо Шелихова къ Баранову, въ которомъ онъ пишетъ, что грузъ, вывезенный Прибыловымъ съ новооткрытыхъ острововъ, состоялъ изъ 2,000 бобровъ, 40,000 котиковъ, 6,000 песцовъ, голубыхъ, 1,000 пудовъ моржевыхъ клыковъ и 500 пуд. усовъ китовыхъ, которые добыты

сорока человеками Русскихъ въ теченіе двухъ годовъ.

Въ томъ же 1781 году, Шелиховъ, по товариществу съ Алипымъ, отправилъ вновь судно Св. Павла, которое, по пятилѣтнемъ странствованіи, возвратилось съ бѣднымъ грузомъ, по оцѣнкѣ въ 135,000 рублей.

Между тѣмъ Шелиховъ, тѣснѣ соединившись съ Голиковымъ, въ умѣ своемъ изобрѣталъ планы болѣе обширныя, и постепенно отдѣляясь отъ участія мелкихъ компаньоновъ, оставилъ только часть своего капитала въ компаніи Лебедева, въ акціяхъ на суднѣ Георгія, котораго плаваніе было слишкомъ продолжительно, и вывозъ мѣховъ самый бѣдный.

Въ этомъ очеркѣ мы видѣли, что Шелиховъ только испытывалъ силы свои, изучалъ образъ упражненій въ промышленности, и старался пріобрѣсти довѣренность главнаго своего соучастника, съ пособіями котораго могъ бы приступить къ важнѣйшимъ предпріятіямъ, по планамъ болѣе обширнымъ и надежнымъ. Онъ видѣлъ, по выраженію Адмирала Крузенштерна, образъ прежней разрушительной промышленности, производимой безъ вниманія на состояніе островитянъ. Съ умомъ, свойственнымъ государственному человеку, онъ поставилъ главнѣйшею цѣлью упрочить для отечества занятіе острова, привести обитателей ихъ въ подданство Россіи, завести осѣлости, гдѣ только возможно, и потомъ уже заботиться о собственныхъ выгодахъ и пріобрѣтеніяхъ новыхъ сокровищъ въ странахъ отдаленныхъ.

Не ранѣе 1783 года Шелиховъ могъ произвести въ дѣйство свои обширныя замыслы. Къ этому времени у него были выстроены три корабля, съ именами: 1-е, Трехъ Святителей, 2-е, Симеона и

Анны и 3-е Св. Михаила. Близъ Охотскаго порта истекаетъ въ море рѣка Уракъ; при устьѣ оной основалъ Шелиховъ собственную свою верфь. Посадивъ на суда 192 человекъ рабочихъ, онъ самъ, сопутствуемый своею женою, 16 Августа изъ устья рѣки вышелъ въ море на галиотъ Трехъ Святителей. Недостаточныя познанія мореплавателей того времени заставляли ихъ ползти туда, гдѣ болѣе опасностей, и вмѣсто открытаго пути въ океанъ проливомъ между 2 и 5 островомъ, они проходили между Камчаткой и островомъ Сумшу. 2-го Сентября, достигнувъ пролива, стали на якорь, и взяли на островъ запасти прѣсною водою. На другой день пустились въ путь. 12 числа начался крѣпкій вѣтръ, продолжавшійся двое сутокъ, и въ это время суда разлучились. Черезъ два дня, два первыя судна, соединясь, пристали къ Берингову Острову, 24 Сентября, на которомъ и прозимовали, но третьяго судна не могли дожидаться.

На этомъ острову не могли уже найти ни бобровъ ни котиковъ, что доказываетъ, какъ безрасчетно частныя компаніи производили промыслы. Берингъ нашелъ тамъ, въ 1742 году, несмѣтное множество тѣхъ животныхъ, а черезъ сорокъ лѣтъ не было уже и признаковъ ихъ. Правда, что нѣсколько компаніоновъ успѣли обогатиться, но что же осталось для послѣдователей? Надобно знать, что Беринговъ Островъ не былъ обитаемъ, и потому каждое судно, по приходѣ туда, строило себѣ жилища, чтобы провести зиму. По этому можно судить, сколь спокойно проведена была зима Шелиховымъ съ его супругой. — Время года вездѣ на Сѣверѣ суровое, тамъ сопровождается сильными вѣтрами и снѣжными бурунами, часто засыпающими юрты, изъ которыхъ, выходя вверхъ по лѣстницѣ, нельзя

было сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, чтобы не погрузиться въ снѣжные сугробы.

16 Юня 1784 года, оба корабля оставили островъ, но 19-го при туманъ разлучились. На другой день Шелиховъ присталъ къ Мѣдному Острову, и запаса тамъ мясомъ морскихъ китовъ; 23, отплывъ оттуда, слѣдовалъ по южную сторону гряды Алеутскихъ Острововъ, имѣлъ въ виду Атху, Амлю, Сегуамъ, Амухту и Четырехъ-Сопочные Острова. 12-го числа Юля переходя на сѣверную сторону гряды, онъ сошелся съ галиотомъ Симеонъ, и 13-го они вмѣстѣ пришли въ Уналашку.

Шелиховъ не былъ ученымъ наблюдателемъ, и не могъ дѣлать опредѣленій видѣннымъ имъ острововъ; но онъ все то, что слышалъ положеніи ихъ, произведеніяхъ, народонаселеніи и о физическихъ явленіяхъ, записывалъ и приводилъ въ порядокъ, и первый издалъ исправное свѣдѣніе, до насъ дошедшее. Такое вниманіе доказываетъ наблюдательный умъ и точность въ изысканіяхъ.

Исправя свои нужды, 22 Юля суда вышли въ море. Шелиховъ счелъ за нужное согласить съ собою 10 Лисьевскихъ Алеутовъ, чтобы употребить ихъ переводчиками. Изъ Берингова Моря въ Океанъ вышли проливомъ, заключающимся между островами Уникокомъ и Акуномъ, который и нынѣ почитается за безопаснѣйшій, и Шелиховъ замѣтилъ, что «сей проливъ ничего судовому ходу препятствующаго не имѣетъ, потому, что чистъ и простраенъ, только во время прилива и отлива быстрота въ немъ сильнѣйшая».

Островъ Кадыкъ есть наибольшій изъ прилежащихъ къ матеріку Америки острововъ. «Кадыкъ» было собственное его имя, но у сосѣдственныхъ островитянъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Кихтака,

что означаетъ «великій» или «большой» островъ. Онъ былъ населенъ народомъ воинственнымъ, и пристававшіе туда Русскіе промышленники нѣсколько разъ были отражаемы Кадыкцами, которые не только не позволили имъ заниматься ловомъ бобровъ, но не хотѣли имѣть торговли и мѣны. Они смѣло нападали и заставляли уходить обратно. Шелиховъ это зналъ, и мысль овладѣть народомъ независимымъ, сильнымъ, и богатымъ драгоценными мѣхами, была его цѣлю. На двухъ судахъ онъ имѣлъ до 130 человѣкъ Русскихъ и 10 Лисьевскихъ Алеутовъ, и будучи исправно вооруженъ, могъ надѣяться противостать народу многочисленному, но слабо вооруженному луками, стрѣлами и копьями.

Остановясь на якорѣ въ одной удобной гавани, которую, по имени судна, назвалъ Трехъ Святителей, онъ на другой день послалъ людей, на четырехъ байдарахъ, къ берегу, чтобы освѣдомиться о населеніи. На одной изъ байдаръ рабочіе успѣли захватить островитянина и привезли на судно. Шелиховъ угостилъ, одарилъ его и отпустилъ на берегъ. Этотъ первый посѣтитель навсегда остался вѣрнымъ, часто прѣзжалъ на суда, и предостерегалъ отъ нападеній своихъ единоземцевъ. Первые дни мало видѣли туземцевъ, но 9 числа, отѣхавъ отъ судна верстъ на 40, увидѣли ихъ множество, собравшихся на неприступномъ каменномъ утесѣ. Шелиховъ, узнавши о томъ, поѣхалъ самъ, и ласкою старался склонить ихъ къ мѣнѣ и торговлѣ. Но дикіе, вмѣсто отвѣта, пустили въ него стрѣлы, что заставило его удалиться, и не пренебрегая угрозами ихъ, принять мѣры осторожности. 12 Августа, когда Шелиховъ расположился на берегу, недалеко отъ соборща островитянъ, они въ большемъ числѣ, въ полночь, напали съ такою жестокостію, что при малѣй-

шей оплошности небольшой отряд палъ бы на мѣсть. Шелиховъ говоритъ: «Очевидная смерть подала намъ бодрость, и мы, защищаясь ружьями, едва могли обратить дикарей въ бѣгство. Сраженіе продолжалось съ четверть часа. Съ восхожденіемъ солнца не видѣли уже никого, да и убитыхъ ни одного человѣка, ибо дикіе унесли ихъ съ собою.» Черезъ переметчика изъ Лисьевскихъ Алсутовъ, Шелиховъ узналъ, что дикари ожидаютъ подкрѣпленія изъ другихъ мѣсть, и потому немедленно рѣшился согнать ихъ съ возвышенности. Подступивъ къ крутизнѣ, стрѣляли изъ ружей, но мало наносили вреда; дикіе со своей стороны отбивали, пуская съ высоты стрѣлы. Видя, что ружейные выстрѣлы для дикихъ нестрашны, Шелиховъ употребилъ въ дѣло 5 двухъ-фунтовыхъ пушекъ, стараясь разрушать ихъ жилища. Звукъ неизвѣстнаго оружія, и разрушеніе слабыхъ строеній, навели въ страхъ, и островитяне побѣжали изъ засады, оставя на мѣсть 5 человѣкъ раненыхъ. Шелиховъ говоритъ, что взято въ плѣнъ до тысячи человѣкъ, но онъ распустилъ большую половину, и только до 400 привезли на судно въ гавань. Изъ этихъ плѣнныхъ, онъ избралъ одного старшиною, и снабдивъ его нужными потребностями, обѣщавъ свою помощь, оставя изъ нихъ аманатами до 20 человѣкъ. Поселивъ въ разстояніи 15 верстъ отъ судна, дикари были всегда вѣрными его союзниками. Приглашенные на помощь изъ окрестностей, увидя бѣгущихъ отъ пораженія, разбѣжались по своимъ селеніямъ. Но страхъ дикарей скоро миновался. Увидѣвъ байдары Русскихъ въ Игакской бухтѣ, въ ненастное время, ночью, они напали на нихъ, и дѣйствовали копьями и стрѣлами. Удачною стрѣлбою изъ ружей, дикихъ разогнали,

но кожаные байдары были сильно повреждены копьями, и 6 человѣкъ Русскихъ ранено.

И такъ неоднократные опыты убѣдили Шелихова, что онъ долженъ былъ безпрестанно защищаться отъ нападенія островитянъ, которые, какъ онъ зналъ отъ приверженныхъ къ нему, почитали возможнымъ не только изгнать Русскихъ съ острова, но и ни одного человѣка не оставить въ живыхъ. Промышленники шли для пріобрѣтенія бобровъ, а не съ тѣмъ, чтобы подвергать жизнь свою ежедневной опасности; они все знали, что три судна, приходившія къ Кадьяку въ 1761, 1776 и 1784 годахъ, тщетно пытались производить уловъ звѣрей. Дикари немедленно ихъ отразили, и принудили удалиться отъ острова. Промышленники не могли быть равнодушны, и колебались въ своихъ мнѣніяхъ. Шелиховъ, твердый и рѣшительный въ предположеніяхъ, осторожный при опасностяхъ и ревностный въ пріобрѣтеніи отечеству области отдаленной и народа воинственнаго, пренебрегалъ угрозой дикарей, и ободрялъ своихъ подчиненныхъ надеждою на перемѣну обстоятельствъ.

Посланные для развѣданія мѣсть по окрестностямъ байдары всегда должны были обороняться, но между тѣмъ Шелиховъ ближайшихъ къ себѣ жителей ласкалъ, угощалъ, привлачивалъ подарками, и пріобрѣлъ отъ многихъ довѣренность и уваженіе. Чтобы дать имъ понятіе о силѣ огнестрѣльнаго орудія, онъ пробурилъ большой камень, наложилъ туда пороху, и утвердивъ замокъ отъ ружья, привлачивъ къ нему длинную веревку. Пригласивъ для присутствія при этомъ опытѣ множество мирныхъ островитянъ, Шелиховъ велѣлъ сдѣлать выстрѣлъ и огромный камень разлетѣлся по частямъ. Слухи о дѣйствіи пороха поселили всеобщій страхъ, и мало по

малу наклонили къ союзу. Тутъ Шелиховъ не жалѣлъ издержекъ для подарковъ, и пользовался всѣмъ что могло удивить или прельстить дикихъ. Чрезъ толмачей онъ давалъ имъ понятіе о истинахъ Христіанской Вѣры, о великолѣпнн церковнаго богослуженія, о силѣ, славѣ, кротости и милосердіи великой Монархини, о могуществѣ и богатствѣ народа Русскаго, объ одеждѣ, пищѣ, образѣ жизни и торговль подвластныхъ Россіи народовъ.

Картинъ, зеркала, Кулибинскій фонарь, чтеніе книгъ, письмена и другія чудеса для дикарей были поводомъ, что Шелихова почитали они выше всѣхъ обыкновенныхъ людей и сдѣлались къ нему почтительны и привязаны совершенно. Дикари приводили къ нему аманатами дѣтей своихъ, и просили учить ихъ по-Русски говорить и читать книги. Онъ устроилъ школу для 25 мальчиковъ, и предписалъ правила для обращенія съ ними.

Исполнивъ великое дѣло приобрѣтенія подь державу Россіи народа многочисленнаго, Шелиховъ открылъ путь и къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ по сѣверному берегу Америки.

Въ 1785 г. между рабочими обнаружилась цынготная болѣзнь въ сильной степени. Это происшествіе, разнесшееся между дикарями, побудило ихъ къ новымъ заговорамъ для нападенія, но умыселъ скоро былъ открытъ преданными, и главные начинщики были представлены Шелихову.

2 Мая, онъ отправилъ въ четырехъ байдарахъ 52 человека Русскихъ и 120 Алеутовъ къ востоку до Кенайскаго Залива, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и людьми, населяющими на пути лежащіе острова и берега Америки. Посланные возвратились въ Августъ, имѣвши свиданія съ островитянами, Кенайцами и Чугачами, нигдѣ не подвергаясь нападенію

ямъ и привезли съ собою 20 человекъ заложниковъ отъ разныхъ племенъ. Между тѣмъ по острову Кадьяку производилась въ разныхъ мѣстахъ торговля и мѣна на мѣха. Въ Декабрѣ того жъ года отправлены Шелиховымъ двое промышленниковъ въ Кенайскую Губу, съ товарами для торговли, и будучи увѣренными въ миролюбивомъ обращеніи Кенайцовъ, они сопровождаемы были однимъ только толмачемъ.

Въ Февраль 1786 года, Шелиховъ былъ увѣдомленъ отъ Деларова съ Аляски, что разлучившійся при вступленіи въ море галіотъ Михаилъ, въ Маѣ 1785, вышель изъ Уналашки, терпѣлъ крѣпкіе вѣтры, потерялъ мачту, снова пришелъ въ Уналашку, и тамъ зимовалъ.

Отъ Марта мѣсяца Шелиховъ командировалъ большой отрядъ Алеутовъ подь надзоромъ пяти Русскихъ, къ Мысу Св. Иліи, располагаясь построить тамъ крѣпость. На пути туда, отрядъ потерпѣлъ на островѣ Щуяхъ непріятности отъ поколебавшихся въ вѣрности народовъ; по полученіи подкрѣпленія, эти непріятности уничтожились, и отрядомъ выстроены укрѣпленія на Аюгнакѣ и при Кенайской Губѣ

Приготовясь оставить Кадьякъ, Шелиховъ поручилъ управленіе достойному довѣрія Енисейскому купцу Самойлову, и далъ ему полное наставленіе, какъ содержать своихъ людей, и какъ обращаться съ островитянами. Онъ взялъ съ собою изъ нихъ 15 человекъ, чтобы показать Иркутскъ, и внушить въ нихъ понятіе о могуществѣ Русскихъ и о пространствахъ предѣловъ Россіи. 22 Мая, на галіотѣ Трехъ Святителей, вышель онъ въ море, въ сопровожденіи начальника островитянъ. Къ Курильскимъ Островамъ подошли 30 Іюля, и прошедъ первымъ проливомъ, задержались дней шесть противными вѣтрами и

склонились къ Большерѣцку. Тутъ остановились на якорь, и Шелиховъ съѣхалъ на берегъ. Между тѣмъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ, судно сорвало съ якоря и отнесло въ море.

Пріѣхавши въ Большерѣцкъ, Шелиховъ узналъ, что въ Петропавловскую гавань пришло Англійское судно съ товарами; онъ немедленно туда отправился, и прибывъ 23 Августа, узналъ, что судно принадлежитъ Остъ-Индской Компаніи, и изъ Кантона пришло въ гавань подъ командою капитана Питерса. Англичане, желая сбытъ свой грузъ, ласкали и угощали Шелихова, и по пріѣздѣ въ гавань начальника Камчатки, Барона Штейнгейля, условившись о покупкѣ, Шелиховъ купилъ у нихъ на 6611 рублей, съ переводомъ платежа на Москву. Окончивъ свои дѣла, 5 Сентября, онъ оставилъ гавань, и чрезъ три дни пріѣхалъ въ Большерѣцкъ. Здѣсь онъ сбывъ покупные товары, съ выгодною по 50%. Промыселъ, вѣзтый имъ съ Кадьяка, состоялъ изъ 1111 бобровъ и 1060 лисиць. Оставя Большерѣцкъ 12 Сентября, Шелиховъ рѣшился ѣхать кругомъ Камчатки на собакахъ. Путь сей есть самый труднѣйшій, какой можно только себѣ представить: переѣздъ чрезъ ненаселенныя пустыни, и потомъ чрезъ селенія Коряковъ, народа вовсе недружелюбнаго. Подвергая жизнь свою опасности, Шелиховъ достигъ въ Охотскъ 27 Января 1787 года. Жена его, оставшаяся на галіотѣ, достигла въ Охотскъ благополучно. Взявъ ее съ собою, онъ выѣхалъ изъ Охотска, также на собакахъ, 8 Февраля. Тутъ, въ продолженіе пути, долженъ былъ онъ мѣнять свои экипажи, и гдѣ только была возможность, ѣхать на собакахъ, оленяхъ, быкахъ и лошадяхъ. 12 Марта достигли Якутска, а 6 Апрѣля Иркутска.

Сколько препятствій и опасностей предстояло въ

плаваніи, прожитіи на Кадьякѣ и обратномъ проѣздѣ! Для преодоленія ихъ, нужны были твердость характера и непремѣнное направленіе слѣдовать предположенному плану. Шелиховъ достигъ своей цѣли, но сколько пожертвовалъ для того!

Вмѣсто оставленнаго на Кадьякѣ временнаго правителя Самойлова, Шелиховъ условился съ Грекомъ Е. И. Деларовымъ, челоѣкомъ, бывшимъ на островахъ и свѣдущимъ по части промышленности. Летомъ 1787 года, Деларовъ изъ Охотска отправился въ Кадьякъ; въ слѣдующемъ году Деларовъ, по предписаніямъ Шелихова, посылалъ штурмановъ Измайлова и Бочарова къ сѣверозападному берегу Америки до залива Льюа, которые выполнили съ похвалою возложенное на нихъ порученіе, и описаннымъ мѣстамъ составили карты. Въ 1789 году Деларовъ основалъ селеніе въ Кенайской Губѣ и на посланномъ въ Охотскъ суднѣ отправилъ къ Шелихову 5500 бобровъ морскихъ, 1385 выдръ, 138 бобровъ рѣчныхъ и 4788 лисиць разныхъ сортовъ.

По возвращеніи въ Иркутскъ, Шелиховъ ѣздилъ въ Петербургъ, и представилъ высшему начальству донесенія о своихъ дѣйствіяхъ во время пребыванія на Кадьякѣ, которыя были удостоены Высочайшаго вниманія Императрицы. По повелѣнію Ея Правительствующему Сенату, въ 1788 году Шелиховъ пожалованъ золотою медалью, осыпанною алмазами, и ношенія на шеѣ, на голубой лентѣ, шпагою и похвальною грамотою, дозволившею продолжать начатые подвиги на пользу торговли. Послѣ сего, находясь въ Иркутскѣ, какъ сборномъ мѣстѣ промысловыхъ товаровъ, онъ оттуда распоряжалъ дѣлами компаніи своей съ Голиковымъ, который, не присылая къ нему капиталовъ на подкрѣпленіе дѣйствій, нерѣдко приводилъ Шелихова въ затрудни-

тельное положеніе, и это было причиною ихъ взаимныхъ неудовольствій, доводившихъ до жалобъ по присутственнымъ мѣстамъ.

Деларовъ, назначенный на опредѣленное время, требовалъ себѣ смѣны, и Шелиховъ нашелъ достойнаго ему преемника въ лицѣ Александра Андреевича Баранова, съ которымъ условился окончательно въ Охотскѣ, и въ 1790 году отправилъ его на Кадьякъ.

Дѣла и подвиги Баранова описаны особенно, и выборъ сего дѣятельнаго и умнаго правителя дѣлаетъ большую честь Шелихову.

Будучи на Кадьякѣ, Шелиховъ примѣтилъ, что нѣкоторые изъ островитянъ, убѣдясь въ высокихъ истинахъ Православной Вѣры, желали быть приняты въ вѣдра ея, и окрѣщены простолюдинами. Онъ зналъ, что ничто такъ не сильно двинуть дикій народъ къ образованію, какъ дѣйствіе благодати Божіей, и вѣра, внушаемая служителями Церкви. Убѣдясь въ необходимости озарить свѣтомъ Евангелія дикарей, онъ представлялъ о томъ Иркутскому генераль-губернатору Пилю, который прошеніе Шелихова послалъ на Высочайшее воззрѣніе Государыни Императрицы. Ея Величество, указомъ Правительствующему Сенату, даннымъ 30 Июня 1793 года, повелѣла назначить духовную миссію. Для сего избранъ былъ Архимандритъ, съ приличнымъ числомъ монашествующихъ.

Для основанія ремеслъ и земледѣлія на Кадьякѣ, Шелиховъ просилъ генераль-губернатора снабдить его изъ ссыльныхъ 20 человекъ мастерами, кузнецами, слесарями, мѣдниками, плотниками, и другихъ ремесленниками, и 10-ю семейными хлѣбопашцами. Государыня Императрица Высочайше повелѣть соизволила, указомъ Сенату отъ 31 Декабря

1793 года, всѣхъ тѣхъ людей отпустить Шелихову.

Духовная миссія прибыла въ Иркутскъ изъ Санкт-Петербурга зимнимъ путемъ, и для удобнаго отправленія ея въ Америку, равно какъ и ремесленныхъ поселенцевъ, Шелиховъ самъ поѣхалъ въ Охотскъ, и на судахъ Трехъ Святителей и Св. Екатерины, отправилъ всѣхъ въ распоряженіе Баранова.

Мысль снабдить ремесленниками новую колонію была прекрасна, но люди изъ преступниковъ не были къ тому способны, и изъ 20-ти, двое или трое съ пользою исправляли свое дѣло; остальные же, по дурному поведенію и худой нравственности, были отяготительны и вредны для мѣстнаго начальства.

Основавъ осѣдлость на Кадьякѣ, и подкрѣпляя оную, Шелиховъ предписывалъ Баранову распространять владѣніе далѣе по берегу Америки, и между тѣмъ отправить часть Русскихъ и Алеутовъ на Курильскіе Острова, для занятія 18-го острова. Барановъ отозвался рѣшительно, что, обращая главное вниманіе на укрѣпленіе по Америкѣ и на увеличеніе промысловъ, онъ не можетъ удѣлить судовъ и людей для Курильскихъ Острововъ.

Это извѣстіе Шелиховъ получилъ въ 1794 году, и не имѣлъ тогда въ Охотскѣ лишнихъ людей, отправленіе отложилъ на слѣдующій годъ; по дѣламъ своимъ, онъ не могъ самъ ѣхать въ Охотскъ, и потому управленіе Охотскою конторою поручилъ брату своему, И. П. Шелихову, который и отправилъ на 18 островъ отрядъ Русскихъ, подъ начальствомъ Звѣздочетова, человека опытнаго, но по характеру

своему лютаго звѣря, недостойнаго ни какой довѣренности въ управленіи людьми. Дѣла его съ начала и до конца были цѣпью злодѣяній.

Шелиховъ, какъ видно по нѣкоторымъ его отзывамъ, двадцать разъ посѣщалъ Охотскъ, и нѣсколько разъ Камчатку, не изъ любопытства, но по побужденію своего дѣятельнаго ума, а въ Америкѣ, сколько для чести себя, а больше для пользы государственной трудился неутомимо, и следовательно, работалъ преимущественно умомъ. Люди, которые работаютъ тѣломъ, оставляя въ покоѣ умственные способности, трудами своими ослабляютъ только силы тѣла, но человекъ, дѣйствующій умомъ, встрѣчаетъ на пути своемъ безпрестанныя преполы, безпокойства, неудачи, и всѣ эти препятствія ослабляютъ духъ и тѣло, и съ свойствомъ пылкимъ людей скорѣе склоняютъ къ гробу.

Такъ и Шелиховъ, будучи еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ, оставилъ здѣшній міръ, не исполня всѣхъ своихъ предположеній, но въ главной цѣли, онъ и по смерти своей былъ счастливъ. Человекъ, избранный имъ для управленія дѣлами въ Америкѣ, былъ человекъ необыкновенный. Онъ усилилъ предначертанія Шелихова, и возвелъ компанію до возможной степени благосостоянія. Съ именемъ Г. И. Шелихова стоять на ряду имя А. А. Баранова.

Шелиховъ скончался 20 Юля 1795 г., въ Иркутскѣ, на 48 году отъ роду, и погребенъ подлѣ алтаря соборной церкви въ тамошнемъ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Надъ могилою его, въ 1800 году наследниками поставленъ мраморный памятникъ, стоящій около 12 т. рублей, съ особеннымъ искус-

ствомъ обработанный въ Екатеринбургѣ. На мраморѣ изсѣчена надпись краснорѣчиваго Дмитріева:

Какъ царства падали къ столамъ Екатерины,
Россѣ Шелиховъ, безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ,
Притекъ въ Америку сквозь бурныя пучины,
И нову область Ей и Богу покорилъ.

Но памятникъ, Шелихову воздвигнутый, видѣнъ только въ Иркутскѣ, а Россія чтитъ его памятникомъ, удостоенную Высочайшаго покровительства, Россійско-Американскую Компанію.

По смерти Шелихова, Императрица Екатерина II наградила труды и подвиги его дарованіемъ жень его и потомству права наследственнаго достоинства Россійскаго дворянина, предоставя производить торговлю. Императоръ Павелъ I-й, удостоивъ своего покровительства составившуюся тогда Россійско-Американскую Компанію, повелѣлъ, чтобы изъ семейства Шелихова назначенъ былъ первенствующій Директоръ, и этого званія удостоенъ былъ зять Шелихова, М. М. Буддаковъ.

К. ХЛѢБНИКОВЪ.

II.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИГУМНОВЪ.

Октября 24-го 1835 года, скончался въ Иркутскѣ, на 74 году отъ рожденія, знатокъ и любитель Монгольской Словесности, переводчикъ Монгольскаго языка при общемъ Губернскомъ Управленіи, Статскій Совѣтникъ и Ордена Св. Станислава 3-й стѣпени кавалеръ *Александръ Васильевичъ Игуменовъ*. Предки его исправляли разныя должности при пограничной службѣ. Дѣдъ его былъ смотрителемъ каравановъ, отправлявшихся въ Ургу и Пекинъ, а отецъ, Коллежскій Ассесоръ Василій Игуменовъ, служа переводчикомъ въ Пограничномъ Правленіи на Кяхтѣ, исправлялъ должность Пристава при нашихъ духовныхъ миссіяхъ, бывшихъ въ Пекинъ въ 1774, 1781 и 1794 годахъ, а потомъ находился при разныхъ должностяхъ въ Забайкальскомъ краѣ.

Александръ Васильевичъ родился въ Кударинской крѣпости, на Китайской границѣ. Первые лѣта дѣтства провелъ онъ совершенно между Монголами, говорилъ на ихъ языкъ лучше, нежели на природномъ, жилъ въ юртѣ, одѣвался какъ Монголъ, и баранину предпочиталъ хлѣбу.

Въ 1771 году Игуменовъ вступилъ ученикомъ, въ учрежденную тогда, въ г. Селенгинскѣ, школу Монгольскаго языка, и въ 1777 году выпущенъ изъ нея толмачемъ въ пограничную канцелярію.

Въ 1781 и 1782 годахъ сопровождалъ въ Пекинъ нашу духовную миссію, въ званіи переводчика, и,

по возвращеніи сдѣлался извѣстенъ, какъ человекъ съ дарованіями, незабвенному Иркутскому Губернатору Францу Николаевичу Кличкѣ, который доставилъ ему случай, отправиться сначала въ Москву, а потомъ въ Петербургъ. Это было первое путешествіе Сибиряка въ Россію, для образованія.

Въ Москвѣ Игуменовъ принять былъ въ домъ извѣстнаго Никиты Акинѣевича Демидова, гдѣ и пользовался уроками лучшихъ учителей столицы. Пребываніе въ домъ знаменитаго человека, бесѣда съ образованнѣйшими людьми тогдашняго времени, переродили, такъ сказать, этаго жителя степей Монгольскихъ. Онъ перечиталъ все, что тогда было написано по-Русски. По досреди разгара его умственныхъ занятій, необыкновенное происшествіе заставило его возвратиться на родину. Въ 1786 году Китайцы поймали нашихъ бѣглецовъ, грабившихъ въ Монголіи, передали ихъ нашему пограничному начальству, и требовали, согласно послѣднему трактату, смертной казни виновнымъ. Тщетно увѣряли Китайцевъ, что казнь у насъ уничтожена; они были непреклонны, доказывая по своему, что законъ долженъ быть неизмѣненъ вѣки. Началась переписка. Между тѣмъ Китайцы, видя, что ихъ требованіе не уважается, заперли ворота въ Маймачинъ, и прекратили торговлю.

Игуменовъ, услышавъ о столь важномъ происшествіи, не могъ быть равнодушнымъ. Онъ хорошо зналъ, что остановка Кяхтинской торговли разоритъ жителей Забайкальскаго края. Съ горестію оставилъ онъ занятія науками, блестящее общество, удовольствія столичной жизни, и бросился въ Иркутскъ. Здѣсь, объясняясь съ губернаторомъ, уди-

вилъ его свѣдѣніями въ дѣлѣ Китайской торговли, знаніемъ обычаевъ и законовъ Китайскихъ. Губернаторъ послалъ его въ Кяхту, съ полномочіемъ, дѣйствовать для возстановленія торговли всѣми средствами. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся въ теченіе 1790 года, Игумновъ умѣлъ доказать Китайцамъ, что преступники накажутся смертію, но головы имъ рубить не стануть. Въ самомъ дѣлѣ, передъ ними засѣкли кнутомъ каздаго-го закоренѣлаго злодѣя. Китайцы, удостовѣрившись, что преступникъ умеръ, отворили ворота въ Маймачинъ, 9 Февраля 1792 года. За это дѣло Игумновъ, по Высочайшему повелѣнію, прсизведенъ изъ губернскихъ регистраторовъ въ коллежскіе секретари. Такая неслыханная, по тогдашнему времени, награда возродила зависть. Знакомство съ начальствомъ, занятія науками и музыкою, отвлекали его отъ прежнихъ сотоварищей, и отъ распространившейся по Сибири заразы, убивать время за картами.

Игумновъ вступилъ въ пограничную службу и о-пять занялся любимымъ своимъ Монгольскимъ языкомъ. Между тѣмъ завистники и люди подьяческаго образа мыслей не дремали: они выставляли Игумнова вездѣ какъ Чацкаго. Его связи съ Монголами, Китайскими купцами, Дзургучеемъ (начальникъ Маймачина), нашли опасными для блага Государства. Игумновъ прослылъ за челоуѣка сомнительнаго на Китайской границѣ. Узнавъ объ этомъ, онъ оставилъ пограничную службу, и въ 1793 году опредѣленъ въ Нерчинскъ судьбою нижней расправы.

Исполняя должность свою по долгу присяги, и постоянно заботясь о выгодахъ общественныхъ, онъ

не могъ равнодушно смотрѣть на не позвольтельную торговлю, которую тогда производили по всей Китайской границѣ. Нерчинскій уѣздъ получалъ тогда изъ-за границы кирпичный чай, китайки, дабы, полушелковицы, мѣня на скоть; цѣна говядины возвышалась въ уѣздѣ съ каждымъ годомъ: бѣдные терпѣли, богатые наживались, казна теряла свои выгоды. Въ этой торговлѣ участвовали всѣ чиновники. Игумновъ, обнаруживая свои мысли о злоупотребленіи, и не участвуя въ преступныхъ выгодахъ своихъ товарищей, нажилъ всеобщее неудовольствіе. Его разгласили вреднымъ челоуѣкомъ, и это несправедливое названіе онъ унесъ съ собою во гробъ. Игумновъ зналъ эти толки, презиралъ ихъ, но страдалъ во всю жизнь; недовѣрчивость и скрытность, послѣдствія угнетенія, обнаруживались въ его характерѣ. Видя около себя кислыя рожи, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, Игумновъ рѣшился искать другаго мѣста. Въ 1795 году переведенъ онъ былъ въ Иркутскъ судьбою нижняго надворнаго суда. Не смотря на интриги завистниковъ, высшее начальство всегда отдавало справедливость его образу мыслей и патріотическимъ намѣреніямъ.

Прекращеніе Кяхтинской торговли имѣло весьма вредное вліяніе на благосостояніе Восточной Сибири: тогда не думали еще о раскрытіи внутреннихъ источниковъ промышленности; выгодная торговля съ Китаемъ останавливала всякое покушеніе, измѣнить прежній образъ промышленности. Большая часть жителей или производили торговлю, или приготавливали матеріалы для оной, или занимались перевозкою товаровъ. Жители Забайкальскаго края не имѣли позволительной возможности, сбывать свои произведенія за границу. Для крестьянъ Верхне-

удинскаго, Иркутскаго и Нижнеудинскаго уѣздовъ, чрезъ которые лежитъ торговалъ дорога, изсякъ источникъ пропитанія. Чай, китайка, сахаръ леденецъ, даба, и прочіе Китайскіе товары, необходимыя тогда для жителей, вздорожали. Во всей губерніи оказалась значительная недоимка. Въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ она возрасла до ужасной суммы. Въ 1797 году, Высочайшимъ указомъ повелѣно взыскать недоимку съ губернаторовъ. Иркутскій губернаторъ, наслышавшись отъ нѣкоторыхъ благомыслящихъ людей объ отличныхъ качествахъ Игумнова, его дѣятельности и познаніяхъ тамошняго края, опредѣлилъ его исправникомъ Верхнеудинскаго уѣзда, вмѣнивъ въ главнѣйшую обязанность взысканіе недоимки. Игумновъ, зналъ всѣ источники тамошней промышленности, указавъ ихъ капиталистамъ: бѣдные поступили къ нимъ въ работники, въ прикащики, и деньги получили оборотъ. Въ слѣдствіе этихъ благоразумныхъ мѣръ болѣе половины недоимки собрано было въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, и вѣроятно Игумновъ успѣлъ бы кончить свое порученіе, но дѣятельность его была остановлена Манифестомъ о прощеніи недоимокъ. За точное исполненіе столь важнаго порученія, Игумновъ, въ 1798 году, произведенъ былъ въ Коллежскіе Ассесоры.

Въ томъ же году, бывшій въ Иркутскѣ Генераль-Кригсъ-Коммисаръ Новицкій составилъ проектъ о распространеніи и улучшеніи суконной фабрики въ Иркутскѣ: ему хотѣлось, чтобы фабрика снабжала сукномъ всѣ войска Сибирскаго корпуса. Но онъ встрѣтилъ затрудненіе въ приобрѣтеніи нужнаго количества шерсти. Посланные отъ фабрики коммисіонеры дѣйствовали безуспѣшно. Буряты съ

несмѣтными табунами овецъ не знали выгодъ отъ продажи шерсти; имъ нужно было растолковать, истребить предрассудки, и указать на новый источникъ доходовъ; нуженъ былъ человекъ, котораго бы они уважали, и слѣдовательно, которому вѣрили бы. Выборъ палъ на Игумнова. Гражданскій губернаторъ убѣдилъ его принять на себя должность главнаго коммисіонера по закупкѣ шерсти. Игумновъ отправился за Байкаль въ 1798 году, и закупилъ шерсти болѣе 10,000 пудовъ, по 2 р. 60 к., тогда, какъ прежде едва могли получить шерсти до 3000 пудовъ, платя за пудъ по 3 рубля. Въ слѣдующемъ году онъ купилъ столько же шерсти по 2 р. 50 к. за пудъ. Дѣйствія фабрики распространились; Буряты поняли свои выгоды, и съ тѣхъ поръ фабрика снабжается шерстью безостановочно.

Въ 1799 году Высочайше повелѣно было водворить 10000 поселенцевъ за Байкаломъ, въ Нерчинскомъ уѣздѣ. Бывшій въ Иркутскѣ Военный Губернаторъ Леццано, видя, что новыя селенія строятся весьма медленно, сдѣлалъ Игумнова главнымъ смотрителемъ Нерчинскихъ поселеній, въ полной увѣренности, что дѣла примутъ лучший ходъ.

Игумновъ, пріѣхавъ на мѣсто, нашелъ, что смотрители поселенія заботились только о своихъ выгодахъ; деньги, назначенныя на постройку домовъ, были израсходованы, Богъ знаетъ, куда, а съ остальными ничего нельзя было предпринять. Желая непременно оправдать выборъ начальства, онъ обратился къ частнымъ средствамъ. Буряты, всегдашніе его друзья, по первому убѣжденію, пожертвовали 1000 лошадей для возки лѣса, и болѣе 1000 пудовъ ржи и пшеницы для сѣмянъ. При этихъ средствахъ Игумновъ въ первый годъ выстроилъ 100 домовъ. На

слѣдующій годъ, когда подрядчики за каждый домъ просили по 400 руб., онъ построилъ положенное число домовъ, и каждый домъ обошелся въ 24 рубль.

Этотъ примѣръ обнаружилъ поступки прежнихъ смотрителей; обличенные на дѣлъ, они въ оправданіе свое распускали клеветы, а постулившіе на ихъ мѣста, въ чаініи большихъ выгодъ, нашли одно только жалованье, и твердили, что Игумновъ «испортилъ» выгодное мѣсто.

Зная, что безпрестанныя занятія удержать поселщиковъ, людей, сосланныхъ за преступленія, отъ шалостей и злодѣяній, Игумновъ старался упражнять ихъ работами. Зимой готовили они матеріалы для построекъ, а лѣтомъ занимались полевыми работами. Безпрерывные труды приучали ихъ къ трудолюбію, и чтожь? Въ продолженіе управленія Игумновымъ поселеніями, не сдѣлано поселщиками ни одного смертоубійства, ни разбоя, ни воровства, а на третій годъ поселенцы снабжали хлѣбомъ даже коренныхъ жителей. Присланный, по Высочайшему повелѣнію, для осмотра поселеній Иркутской губерніи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Лаба, отдалъ полную справедливость дѣятельности и безкорыстію Игумнова. Въ продолженіе этой службы онъ произведенъ въ Надворные Совѣтники.

Въ 1805 году прибыло въ Иркутскъ пышное посольство въ Китай, подъ начальствомъ Графа Головкина. Игумновъ поступилъ въ свиту посла, какъ искусный переводчикъ и знатокъ Монголіи и Китая. Извѣстно, что посольство возвратилось изъ

перваго Монгольскаго города Урги, не достигнувъ своей цѣли. По отъѣздѣ посла, Игумновъ опредѣленъ былъ въ Верхнеудинскъ уѣзднымъ судьей. Здѣсь рѣшился онъ завести постоянное пребываніе. Выполнивъ свои обязанности по долгу совѣсти и присяги, онъ вскорѣ нажилъ враговъ; его успѣли оклеветать передъ губернаторомъ, какъ чловѣка вреднаго и при случаѣ опаснаго. Въ 1807 году онъ переведенъ былъ ассесоромъ въ Иркутскую Казенную Палату. Всегда покорный волѣ начальства, онъ оставилъ домъ, семейство, и пустился въ Иркутскъ, въ надеждѣ, лично оправдаться передъ губернаторомъ. Но старанія его были напрасны; къ несчастію, губернаторъ былъ такой чловѣкъ, который не любилъ перемѣнять мнѣній, однажды принятыхъ. Види всеобщее недоброжелательство, Игумновъ оставилъ службу въ 1809 году, и удалился въ Верхнеудинскъ. Не имѣя ни пенсіи, ни состоянія, онъ занялся хозяйствомъ, садилъ табакъ, косилъ сѣно, пахалъ пашню, рубилъ дрова. Буряты, всегдашніе его друзья, не оставляли его и въ черные дни жизни. Они предложили ему, обучать дѣтей своихъ по-Русски и по-Монгольски. Игумновъ, испросивъ у Иркутской гимназіи дозволеніе, открылъ частную школу. Въ 1814 году, обозрѣвавшій Иркутскую губернію, извѣстный Петръ Андреевичъ Словцовъ, изучилъ, найдя въ Верхнеудинскѣ чловѣка, преданнаго Монгольской Литературѣ и наукамъ, но одѣтаго въ сукно туземной фабрики, и гонимаго общими мнѣніемъ. Словцовъ хорошо зналъ, что значило тогда общее мнѣніе въ Сибири, и людей, которые его устанавливали. Онъ ободрилъ Игумнова и принялъ участіе въ судьбѣ его. Бесѣда умнаго чловѣка оживила бѣднаго ориенталиста: онъ до самой смерти

не могъ безъ сердечнаго умиленія произносить имени Словцова.

Въ 1819 году дѣла Сибирскія приняли другое направление. Игумновъ назначенъ былъ членомъ Верхнеудинской Слѣдственной Коммисіи, а съ 1822 года переселился въ Иркутскъ, гдѣ жилъ до смерти своей. Въ томъ же году опредѣленъ засѣдателемъ Совѣстнаго Суда; а по упраздненіи этого мѣста сдѣланъ, по желанію, переводчикомъ Монгольскаго языка при Общемъ Губернскомъ Управленіи. Въ теченіе послѣдней службы онъ получилъ чины Коллежскаго и Статскаго Совѣтника. Въ 1832 году награжденъ былъ Орденомъ Св. Станислава 3-й степени.

Еще въ 1787 году, по возвращеніи изъ Петербурга, Игумновъ началъ составлять Монгольскій Словарь, тогда, какъ цѣлой Европѣ и не думали объ этомъ языкѣ. Расположивъ словарь по корнямъ словъ, онъ не могъ кончить своей работы; часто бывало, при внимательномъ наблюденіи, онъ находилъ нѣкоторыя слова принадлежащими другому корню; иногда пропущенное заставляло его передѣлывать нѣсколько листовъ; иногда, получивъ новую Монгольскую книгу, онъ находилъ новыя слова; тогда работа начиналась снова, и проч. Стараясь подчинить Монгольскій языкъ правиламъ, онъ изподоволь составилъ Монгольскую Грамматику. Въ послѣдствіе времени перемѣнилъ онъ форму своего словаря, началъ составлять его по алфавиту; но этотъ трудъ, при слабости здоровья сочинителя, не конченъ. Первый томъ словаря, и книгу Зерцала Манджурскаго и Монгольскаго слова, завѣщалъ онъ библиотекѣ Иркутской Гимназіи.

Преданный до энтузіасма любимому предмету, онъ нерѣдко впадалъ въ заблужденія; напримѣръ, въ одной Монгольской исторіи онъ нашелъ, что какой-то Русскій діаконъ, въ XI столѣтіи, жилъ въ Монголіи, и научилъ жителей письменамъ. Убѣдясь въ справедливости этого сказанія, онъ началъ искать сходства между Монгольскими и Русскими литерами, и въ 1814 году составилъ сравнительную таблицу. Стоитъ только отъ Русской буквы отнять какую нибудь часть, или написать литеру на изнанку, или бокомъ, тогда выйдетъ Монгольская буква. Если такое открытіе не имѣетъ исторической важности, по крайней мѣрѣ, оно облегчаетъ изученіе чтенія, и Игумновъ въ нѣсколько уроковъ научалъ читать и писать по-Монгольски.

Страсть къ Монгольскому языку въ немъ была столь велика, что онъ ввелъ даже свое правописаніе, стараясь согласить произношеніе съ письменами.

Онъ выходилъ изъ себя, когда узналъ, что въ 1817 году переводъ Евангелія поручили двумъ Бурятамъ, его бывшимъ ученикамъ. Въ полной увѣренности, что такое святое дѣло угодно небесамъ, онъ принялся переводить Евангеліе, и кончилъ четырехъ Евангелистовъ. Но трудъ его опоздалъ. Евангеліе, переведенное двумя Бурятами, жившими въ Петербургѣ, вышло изъ печати. Игумновъ написалъ на него огромнѣйшую рецензію, которую читали многіе, и которалъ лежитъ теперь между бумагами его.

Всегдашняя мысль покойника была ввести преподаваніе Монгольскаго языка въ Иркутскихъ училищахъ. Въ 1822 году, онъ убѣдилъ тамошняго Архіепископа Михаила открыть классъ Монгольска-

го языка въ семинаріи; здѣсь нѣсколько лѣтъ обучалъ онъ, безъ возмездія за труды.

Надобно было видѣть, какъ восхищался онъ, узнавши, что Монгольскій языкъ введенъ въ Казанскій Университетъ, съ какимъ жаромъ вычислялъ онъ послѣдствія, которыя произойдутъ отъ введенія Монгольскихъ познаній въ Европейскій міръ! Онъ увѣренъ былъ, что большая перемена произойдетъ въ астрономіи, медицинѣ и химіи, и весьма сожалѣлъ, что не получилъ систематическаго образованія, и что непрерывныя занятія по службѣ часто лишали его возможности предаваться любимому предмету.

Въ 1828 году, попечитель Казанскаго Университета пригласилъ его обучать Монгольскому языку двухъ студентовъ, отправленныхъ въ Иркутскъ. Эта новость оживила старика: онъ просиживалъ ночи, старался, до пріѣзда своихъ учениковъ, всевозможно облегчить способъ преподаванія; мысль, что трудность языка поселить въ нихъ отвращеніе, убивала его.

Необыкновенные успѣхи Гг. Попова и Ковалевскаго облегчили Игумнова; онъ даже рѣшился провести съ ними цѣлое лѣто за Байкаломъ, среди Монголовъ. Надежда, что ученики его будутъ проводниками познаній между степями Монголіи и Европою, укрѣпляла его силы, уже ослабленные лѣтами.

Не имѣя наслѣдниковъ мужескаго пола, онъ страшился, что по смерти его, огромная Монгольская библіотека будетъ растащена; но извѣстный ориенталистъ Баронъ Шиллингъ, бывшій въ Иркутскѣ, снялъ гору съ плечъ старика, купивши эту библіотеку. Игумновъ радовался, передавалъ любимыя кни-

ги въ чистыя руки, но съ нѣкоторыми сочиненіями никакъ не могъ разстаться.

Считая себя обязаннымъ Иркутской Гимназіи, за дозволеніе обучать дѣтей Бурятовъ Русской и Монгольской грамотѣ, онъ передъ смертію завѣщалъ гимназіи 4000 руб., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этихъ денегъ употреблялись на учебныя пособія и платѣ бѣднымъ ученикамъ.

Игумновъ въ молодости занимался Русскою литературою, и велъ было записки о событіяхъ Восточной Сибири, но молва, что онъ записываетъ происшествія для того, чтобы при переменахъ начальства подать ябеду, разсердила его: онъ бросилъ записки свои въ огонь. Въ послѣдствіи, опять принялся онъ за нихъ, и писалъ уже изъ памяти. Длинный рядъ событій, въ продолженіе 50 лѣтъ, былъ у него всегда предъ глазами.

Какъ бы въ уплату за гоненія, онъ любилъ ободрять юные таланты. Замѣтивъ мальчика съ дарованіями, онъ ласкалъ его, поощрялъ, помогалъ словомъ и дѣломъ. Найдутся люди, которые и теперь скажутъ, что обязаны Игумнову охотою къ учению.

Труды Игумнова были огромны, занятія единственны, но кто объ нихъ знаетъ? Множество переводовъ, записокъ о Монголахъ, о Ламайской вѣрѣ, хранятся въ бумагахъ покойника. Правда, сочинители статей о Монголахъ, черпали изъ нихъ полными ведрами, но ни одинъ не указалъ на источники; каждый выдавалъ за свое. Игумновъ жилъ не въ своемъ вѣкѣ; гласъ его былъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Онъ росъ, какъ одинокая пальма въ степи,

никѣмъ не знаемая и полезная только для самой себя. Скромность, свойственная истиннымъ талантамъ, недостатокъ одобренія, гоненія, дурное мнѣніе, останавливали его при началѣ всякаго предпріятія, а досада, что шарлатанъ и хвастунъ успѣваютъ, отнимали у него руки. Но утѣшимся! Ученые труды оріенталиста попали въ хорошія руки. Публика, вѣроятно, ихъ увидитъ, если не въ цѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отрывкахъ.

Н. ЩУКИНЪ.

=

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ КИТАЯ, СОСТАВЛЕННАГО О. ІАКИНОМЪ.*

I.

Приказъ ученыхъ,

состоящій изъ присутствія, канцеляри и разныхъ установленій.

Составъ присутствія и предметы его.

Въ Приказѣ ученыхъ присутствуютъ два управляющихъ Приказомъ Сю-ши.

Управляющіе Приказомъ Сю-ши назначаются Государемъ изъ министровъ, президентовъ и совѣтниковъ палаты.

Приказъ ученыхъ занимается приготовленіемъ чиновниковъ для государственной службы.

Управляющіе приказомъ Сю-ши, магистровъ, присланныхъ изъ Обрядовой палаты, представляютъ къ дворцовому испытанію.

По окончаніи испытанія на степень магистровъ, Обрядовая палата препровождаетъ въ Приказъ ученыхъ поименный списокъ получившихъ сію степень, а управляющіе Сю-ши просятъ Государя произвести имъ въ тронной Бао-хо-дянь, личное испытаніе, называемое дворцовымъ испытаніемъ Чао-кяо. На семь испытаній сочиняютъ, по предложеніямъ, даннымъ отъ Государя: одно разсужденіе, одинъ манифестъ, одинъ докладъ и стихи. Послѣ сего государственные чиновники, назначенные для пересмотра задачъ, представляютъ Го-

* Мы извѣщали уже въ Свѣ. Пчелѣ объ этомъ новомъ и важномъ трудѣ нашего почтеннаго Хинезиста, и долгомъ поставляемъ — благодарить его за украшеніе нашего журнала статьею, драгоценною для каждаго просвѣщеннаго читателя. *Ред. С. О. и С. А.*

никѣмъ не знаема и полезная только для самой себя. Скромность, свойственная истиннымъ талантамъ, недостатокъ одобренія, гоненія, дурное мнѣніе, останавливали его при началѣ всякаго предпріятія, а досада, что шарлатанъ и хвастунъ успѣваютъ, отнимали у него руки. Но утѣшимся! Ученые труды ориенталиста попали въ хорошія руки. Публика, вѣроятно, ихъ увидитъ, если не въ цѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, въ отрывкахъ.

Н. ЩУКИНЪ.

=

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ КИТАЯ, СОСТАВЛЕННАГО О. ІАКИНѢОМЪ.*

I.

Приказъ ученыхъ,

состоящій изъ присутствія, канцеляріи и разныхъ установленій.

Составъ присутствія и предметы его.

Въ Приказѣ ученыхъ присутствуютъ два управляющихъ Приказомъ Сю-ши.

Управляющіе Приказомъ Сю-ши назначаются Государемъ изъ министровъ, президентовъ и совѣтниковъ палатъ.

Приказъ ученыхъ занимается приготовленіемъ чиновниковъ для государственной службы.

Управляющіе приказомъ Сю-ши, магистровъ, присланныхъ изъ Обрядовой палаты, представляютъ къ дворцовому испытанію.

По окончаніи испытанія на степень магистровъ, Обрядовая палата препровождаетъ въ Приказъ ученыхъ поименный списокъ получившихъ сію степень, а управляющіе Сю-ши просятъ Государя произвести имъ въ тронной Бао-хо-днѣ, личное испытаніе, называемое дворцовымъ испытаніемъ Чао-кляо. На семь испытаній сочиняютъ, по предложеніямъ, даннымъ отъ Государя: одно разсужденіе, одинъ манифестъ, одинъ докладъ и стихи. Послѣ сего государственные чиновники, назначенные для пересмотра задачъ, представляютъ Го-

* Мы извѣщали уже въ Сѣв. Пчелѣ объ этомъ новомъ и важномъ трудѣ нашего почтеннаго Хинезиста, и долгомъ поставляемъ — благодарить его за украшеніе нашего журнала статью, драгоценною для каждаго просвѣщеннаго читателя. *Ред. С. О. и С. А.*

сударю задачи въ неопредѣленномъ числѣ, и безъ разбора разрядовъ.

Магистровъ, бывшихъ на дворцовомъ испытаніи, не разбирая приняты, или не приняты чьи задачи, представляютъ Государю, который самъ отмѣчаетъ ихъ на докторскую степень.

Послѣ дворцоваго испытанія министры и управляющіе Приказомъ Сіо-ши представляютъ Государю магистровъ въ слѣдующемъ порядкѣ однихъ за другими:

1) Изъ желтопоясныхъ, 2) изъ трехъ военныхъ званій, * 3) изъ губерній Чжѣ-ли и Фынь-тхлянъ, 4) изъ губерній Цзянь-су, 5) изъ губерній Анъ-хой, 6) изъ губерній Цзянь-си, 7) изъ губерній Чже-цзянь, 8) изъ губерній Фу-цзянь, 9) изъ губерній Ху-бэй, 10) изъ губерній Ху-нань, 11) изъ губерній Хэ-нань, 12) изъ губерній Шань-дунъ, 13) изъ губерній Сянь-си, 14) изъ губерній Шань-си, 15) изъ губерній Гань-су, 16) изъ губерній Сы-чуань, 17) изъ губерній Гуань-дунъ, 18) изъ губерній Гуань-си, 19) изъ губерній Юнь-нань, 20) изъ губерній Гуй-чжеу.

Представленіе производится съ наблюденіемъ разрядовъ. Удостоенные докторскаго званія отмѣчаются на зеленоверхнихъ ярлыкахъ, и въ особливомъ спискѣ.

Управляющіе приказомъ Сіо-ши бывають при каждомъ входѣ Государя въ тронную.

Начальствующіе Сіо-ши становятся вѣдъ тронной, за восточную дверь, ниже членовъ государственнаго кабинета.

Ежегодно, въ день весенняго и въ день осенняго равноденствій, ** исправляють ученый пиръ, для котораго назначаютъ четырехъ дежурныхъ толковниковъ, двухъ Маньчжуровъ и двухъ Китайцевъ, и предварительно представляютъ Государю на утвержденіе.

Толковниковъ ученаго пира избирають шестнадцать, восемь изъ Маньчжуровъ и восемь изъ Китайцевъ. Маньчжурскими толковниками назначаются гражданскіе и военныя чиновники первыхъ трехъ классовъ; Китайскими толковни-

* Т. е. Маньчжуровъ, Монголовъ и знаменитыхъ Китайцевъ.

** Весеннее равноденствіе называется Среднею весны, а осеннее Среднею осени. Въ 1835 году первое случилось Марта 10, въ 3 часа и 19 минутъ пополудни, а послѣднее Сентября 12, въ 3 часа и 16 минутъ полночи.

ками назначаются высшіе чиновники, разныхъ присутственныхъ мѣстъ, вышедшіе изъ Приказа ученыхъ. Управляющіе Сіо-ши подаютъ Государю списокъ чиновниковъ, для назначенія изъ нихъ толковниковъ а когда приблизится время ученаго пира, то подаютъ Государю списокъ назначенныхъ толковниковъ, для утвержденія изъ нихъ четырехъ дежурныхъ.

Послѣ утвержденія толковниковъ, избирають содержаніе для толкованія, переводить царское сужденіе, и читають толкованіе предъ Государемъ.

Управляющіе приказомъ Сіо-ши, обще съ дежурными толковниками, заблаговременно представляютъ Государю на утвержденіе названіе книги, назначаемой ими для толкованія. Послѣ сего избирають самое содержаніе толкованія, и подаютъ Государю два экземпляра его, на Маньчжурскомъ и Китайскомъ языкахъ. Когда же сойдеть царское сужденіе на толкованіе, то и его переводить на Маньчжурскій языкъ и подаютъ Государю. По наступленіи времени, Государь входитъ въ тронную Вынь-хуа-динь. Дежурные толковники, выступивъ изъ рядовъ чиновниковъ, подходятъ къ столу, и učinивъ одно коленопрклоненіе, съ тремя земными поклонами, читають толкованіе. По прочтеніи его, Государь произноситъ свое сужденіе. По окончаніи такой церемоніи, управляющіе Сіо-ши опять подаютъ Государю царское сужденіе и первый экземпляръ толкованія.

Предъ тѣмъ, когда наступитъ время Государю отправиться въ Приказъ ученыхъ, управляющіе Сіо-ши сообщаютъ въ разныя присутственныя мѣста о учиненіи должныхъ со стороны каждаго приготовленій.

Сообщаютъ въ Коммиссаріатскую контору объ изготовленіи престола; въ Дворцовое правленіе о присылкѣ столовъ, чаю и вина; въ Музыкальную капеллу о колоколѣ; въ Обрядовую палату о сопровожденіи Государя въ храмъ Древняго Учителя и докладъ Государю о назначеніи князей и вельможъ для распоряженій при угощеніи.

Государь, по прибытіи въ Приказъ ученыхъ, является въ Храмъ Древняго Учителя. Послѣ сего начинается пиръ, въ которомъ участвуютъ князья, вельможи и прочіе чиновники.

Государь прѣзжаетъ въ Приказъ ученыхъ въ церемоніальномъ одѣяніи. Члены Обрядовой палаты ведутъ его въ храмъ Древняго Учителя, гдѣ совершаетъ онъ обрядъ двукратнаго

коленнопреклоненія, съ шестью земными поклонами. Престолъ для Государя поставляется во второй залъ, у сѣверной стѣны, лицомъ на югъ. Предъ престоломъ, въ некоторомъ отдаленіи, поставляется его обѣденный столъ, а по сторонамъ стола другіе столы, для князей и вельможъ; столы для прочихъ чиновниковъ разставляются у крыльца на обѣихъ сторонахъ. При вступленіи Государя въ залу играетъ малая музыка, а князья, вельможи и чиновники приветствуютъ его, становясь на колѣни подлѣ своихъ мѣстъ. Когда государь сядетъ на престолъ, малая музыка умолкаетъ, а начинается большая музыка. Въ сіе время князья, вельможи и чиновники дѣлаютъ по три земныхъ поклона, столъ подлѣ своихъ мѣсть. Какъ скоро музыка умолкнетъ, то они, поклонившись, садятся на свои мѣста. Начинаетъ духовая музыка, и Государь кушаетъ чай. Князья, вельможи и чиновники, ставъ подлѣ своихъ мѣсть, дѣлаютъ земной поклонъ, и музыка умолкаетъ. Тѣлохранители подаютъ князьямъ, вельможамъ и чиновникамъ чай, и каждый изъ нихъ дѣлаетъ земной поклонъ, а выпивъ чай, еще дѣлаютъ земной поклонъ и садятся. Послѣ сего подвигаютъ къ престолу царскій столъ съ кушаньемъ. Играетъ духовая музыка, и Государь начинаетъ кушать. Музыка перестаетъ, и тѣлохранители подаютъ кушанье на разные столы. По окончаніи уносятъ Государевъ столъ, а за нимъ и прочіе столы, и вмѣсто ихъ разставляютъ столы съ виномъ. Членъ церемоніальнаго отдѣленія выходитъ на крыльцо съ бокаломъ. Играетъ музыка, а князья, вельможи и чиновники встаютъ съ мѣсть. Членъ церемоніальнаго отдѣленія, становясь на восточную сторону дверей, наливаютъ вино. Вельможа, подносящій вино, выступаетъ изъ рядовъ, и въ дверяхъ становится на колѣни, а вслѣдъ за нимъ становится на колѣни князья, вельможи и чиновники. Членъ церемоніальнаго отдѣленія, съ коленнопреклоненіемъ, передаетъ бокалъ подносящему вельможѣ, а сей, принявъ бокалъ, подноситъ Государю, и возвратясь на прежнее мѣсто (въ дверяхъ), становится на колѣни. Государь кушаетъ вино. Вельможа, подносящій вино, отдаетъ земной поклонъ; за нимъ вслѣдъ тоже исполняютъ князья, вельможи и чиновники. Вельможа, подносящій вино, приблизившись къ Государю, принимаетъ бокалъ, и отступивъ на прежнее мѣсто, становится на колѣни. Членъ церемоніальнаго отдѣленія, съ коленно-

преклоненіемъ, принимаетъ у него бокалъ. Князья, вельможи и чиновники встаютъ. Членъ церемоніальнаго отдѣленія наливаютъ вино въ золотой кубокъ, и подаетъ вельможѣ, подносящему вино, а сей, учинивъ земной поклонъ, выпиваетъ его. Членъ церемоніальнаго отдѣленія, принявъ кубокъ, уходитъ, послѣ чего и вельможа, подносящій вино, учинивъ земной поклонъ, встаетъ и уходитъ. Музыка умолкаетъ, а князья, вельможи и чиновники садятся. Тѣлохранители, подлѣ надзоромъ придворныхъ чиновниковъ, подаютъ вино князьямъ, вельможамъ и чиновникамъ, а они, ставъ на колѣни, совершаютъ земной поклонъ, и выпивъ, еще кланяются до земли одинъ разъ. Послѣ сего, царскіе тѣлохранители приносятъ къ Государю вино. Князья и вельможи, назначенные Государемъ для смотрѣнія за угощеніемъ, одинъ за другимъ выступаютъ изъ своихъ мѣсть, и становясь подлѣ Государя на колѣни, принимаютъ вино. Каждый, поклонившись, выпиваетъ вино; потомъ, поклонившись въ землю, возвращается къ прежнему мѣсту, и еще поклонившись въ землю, садится. Членъ комитета Хунъ-лу-сы докладываетъ Государю, что пиръ кончился. Князья, вельможи и чиновники, на своихъ мѣстахъ, совершаютъ коленнопреклоненіе, съ тремя земными поклонами. Играетъ большая музыка. Князья, вельможи и чиновники становятся на колѣни на своихъ мѣстахъ. Начинаетъ играть малая музыка. Члены Обрядовой палаты ведутъ Государя въ залу Цинь-ли-тхань, для небольшого отдыха, а управляющіе Сіо-ши просятъ его возвратиться во дворецъ.

При выгздѣ Государя изъ дворца на ученый пиръ, члены Приказа ученыхъ встрѣчаютъ, а при возвращеніи во дворецъ провожаютъ его. Послѣ пира являютъ они къ Государю, съ благодарностью, и подносятъ стихи.

Князья и вельможи, также и вельможи, вышедшіе по службѣ изъ Приказа ученыхъ, встрѣчаютъ Государя подлѣ дороги у воротъ Чанъ-апъ-цзо-мынь, и провожаютъ до воротъ Приказа ученыхъ, всѣ одѣтые въ кафтаны съ полосами, въ курмахъ съ пашивками. На другой день пира, члены приказа за ученыхъ, обще съ князьями, вельможами и чиновниками, бывшими на пиру, являюся за воротами Цянь-цинъ-мынь, и исполняютъ обрядъ троекратнаго коленно-преклоненія съ девятью земными поклонами.

Составъ канцеляріи, и распределение въ ней занятій.

Канцелярія Приказа состоитъ изъ комитета сочинителей и камеръ, журнальной и корректурной.

Комитетъ сочинителей состоитъ:

1) Изъ пяти *Ши-ду Сю-ши*, двухъ Маньчжуровъ и трехъ Китайцевъ.

2) Изъ пяти *Ши-цзынь Сю-ши*, двухъ Маньчжуровъ и трехъ Китайцевъ.

3) Изъ пяти *Ши-ду*, двухъ Маньчжуровъ и трехъ Китайцевъ.

4) Изъ пяти *Ши-цзынь*, двухъ Маньчжуровъ и трехъ Китайцевъ.

5) Изъ сочинителей, Сю сюань.

Послѣ каждаго испытанія, первой магистръ перваго разряда поступаетъ въ Приказъ въ должность сочинителя. Число сочинителей не опредѣлено.

6) Младшихъ сочинителей, Бянь-сю.

Послѣ каждаго испытанія, второй и третій магистры изъ перваго разряда поступаютъ въ приказъ младшими сочинителями. Магистры 2 разряда, по выходѣ изъ академій, также поступаютъ въ младшіе сочинители. Число ихъ не опредѣлено.

7) Корректоровъ Цзынь-тхао.

Магистры 3 разряда, по выходѣ изъ академій, поступаютъ въ корректоры. Число ихъ не опредѣлено.

Члены ученаго комитета, въ ученыхъ комиссіяхъ, занимаютъ должности приставовъ и сочинителей.

Для сочиненія біографіи покойнаго Государя, его поученій къ народу и историческихъ записокъ, управляющіе приказомъ Сю-ши отряжаютъ, съ комиссіею, смотрителя и сочинителей. Для сочиненія царской родословной отряжаютъ смотрителя въ Княжеское правленіе.

Такимъ же образомъ составляютъ комиссіи для сочиненія историческихъ книгъ, поручаемыхъ Государемъ.

Прямая обязанность членовъ ученаго комитета состоитъ въ сочиненіи книгъ, Правительствомъ издаваемыхъ. Отъ начала нынѣшней династіи Государей въ Китаѣ до настоящаго времени (т. е. съ 1644 по 1817 годъ) трудами ихъ изданы:

Въ 1645 г. Исторія династіи Минь. *Минь-ши.*

Въ 1656 г. Полная исторія Китайскаго Государства. *Тхунь цзынь-цзоань-шу.*

Пространный смыслъ книги о почтеніи къ родителямъ. *Сло-цзи-лянь-и.* Толкованіе на книгу перемънь. *И-цзынь-тхунь-тху.*

Въ 1677 г. Толкованіе на четырехъ книжкахъ *Жи-цзынь Сы-шу Цзы-и.*

Въ 1679 г. *Цзынь-динь Хуай-той-биао.*

Исторія династіи Минь. *Минь-ши.*

Въ 1680 г. Толкованіе на Древнюю Исторію *Жи-цзынь*

Шу-цзынь Цзы-и.

Въ 1682 г. Покореніе трехъ бунтовщиковъ. *Пхэй-динь, Сань-ши Шень-су-фань-лао.*

Въ 1683 г. Толкованіе на книгу перемънь *Жи-цзынь И-цзынь-цзы-и.*

Въ 1684 г. Полное собраніе уложеній династіи Цинь (пять царствующихъ) *Да-цзынь-хой-дзянь.*

Въ 1685 г. Пространная Географія Государства Китайскаго. *Да-цзынь И-тхунь-тху.*

Зерцало древней словесности. *Гу-вэнь-юань-цзынь.*

Въ 1697 г. Покореніе сѣверной Монголіи *Пхэй-динь Шо-ло-фань-ляо.*

Въ 1699 г. Изъясненіе на весну и осень.

Въ 1704 г. Словарь стихотворческой. *Пхэй-вэнь-юань-фу.*

Въ 1705 г. Пхэй-вэнь Юань-шу Хуа-пху.

Въ 1706 г. О налогахъ при разныхъ династіяхъ. *Ли-дай-фу-лэй.*

Стихотворческой словарь. *Пхэй-вэнь Ци-юань-су-ши-сюань.*

Въ 1707 г. Полное собраніе стихотвореній династіи Тхань.

Цзоань-тхань-ши.

Собраніе стихотвореній разныхъ династій. *Ли-дай тхунь-хуа Ши-лэй.*

Собраніе остальныхъ стихотвореній разныхъ династій *Ли-дай Ши-юй.*

Въ 1708 г. Естественная Исторія растений. *Гуань-цзоань-фань-пху.*

Въ 1709 г. Стихотворенія, вышедшія при четырехъ Государяхъ настоящей династіи. *Хуань-цзынь вэнь-инь Сы-чао-инь.*

Въ 1710 г. Китайскій словарь правленія Кхань-си, *Кхань-си цзынь-дзянь.*

- Энциклопедія *Юань-цзынь лэй-хань*.
 Въ 1711 г. Полное собраніе стихотвореній династіи Вить.
Цюань-цзынь-ши.
 Въ 1712 г. Лѣтопись Китайскаго Государства. *Ли-дай цзи-ши Нянъ-бао*.
 Въ 1713 г. *Вань-шю Шень-длань*.
 Собраніе сочиненій ученаго Чжу-цзы. *Чжу-цзы цюань-шю*.
 Въ 1715 г. Прямое толкованіе на книгу перемѣнъ динн.
 Чжеу. *Чжеу-и Чжеу-гжунь*.
 Изъясненіе астрономич. календаря. *Юэ-линъ И-ло*.
Инь-юнь шань-вэй Цы-пху.
 Собраніе пьсень *Цюй-пху*.
 Въ 1717 г. Философія *Синь-ли Цзинь-и*.
 Въ 1719 г. *Бинь-цзы-лэй блань*.
 Въ 1720 г. Дополненіе къ стихотворческому словарю.
Юнь-фу ши-и.
 Въ 1721 г. Сводъ изъясненій на Древнюю Исторію. *Шу-цзинъ Чуань-шо лэй цуань*.
 Сводъ изъясненій на древнія стихотворенія. *Ши-цзинъ Чуань-шо Лэй цуань*.
 Отборныя мѣста изъ философовъ и историковъ. *Цзы-ши Цзинь-хуа*.
Фынь-лэй цзы-цзинь.
 Въ 1723 г. Исторія династіи Минь. *Минь-ши*.
 Біографіи чиновниковъ, отличившихся заслугами. *Гунь-чень-Чжуань*.
 Въ 1724 г. Собраніе уложеній настоящей династіи Цинь съ дополненіемъ. *Да-цинъ-Хой-длань*.
 Въ 1727 г. Изъясненіе на книгу о почтеніи къ родителямъ.
Сло-цзинъ цзи-гжю.
 Собраніе родословныхъ книгъ восьми знаменъ. *Па-ци Тхунь-лэи *) Цици*.
 Въ 1728 г. *Чжи-Чжунъ Чень-сянь*.
 Въ 1729 г. Изъясненіе на весну и осень. *Жи-цзынь гунь-шо цзы-и*.
 Въ 1733 г. *Хуань-цинъ вьт-инь*.
 Въ 1736 г. Изъясненіе на книгу о чинахъ Динь-Чжеу.
Чжеу-гуань и-шю.

* Переведено на Русскій языкъ, и напечатано, подъ неправильнымъ названіемъ: *О происхожденіи Маньчжурскаго народа*.

- Изъясненіе на книгу о церемоніальныхъ обрядахъ. *И-ли и-шю*.
 Изъясненіе на книгу Записки о обрядахъ. *Ли-цзи и-шю*.
 Обряды (настоящей) династіи Цинь. *Да-цинъ Тхунь-ли*.
 Толкованіе на Записки о обрядахъ. *Жи-цзынь ли-цзи цзы-и*.
 Въ 1737 г. Изслѣдованіе сельскаго домоводства. *Шеу-ши тхунь-кхао*.
 Въ 1739 г. Исторія династіи Минь. *Минь-цзи-гань-му*.
 Въ 1740 г. *Гунь-ши*.
 Въ 1744 г. *Хуань-чао-сы-литъ длань гу*.
Ши-цой-бао.
 Ми-длань чжу-линъ.
 Родословныя книги родовъ въ восьми Маньчжурскихъ знаменахъ *Впа-ци Мань-гжю Ши-цзу тхунь-пезу*.
 Въ 1745 г. *Тьхлинь-лу Линь инь*.
 Донесенія Двору настоящей династіи.
 Въ 1747 г. *Хуань-цинъ вьт-инь*.
 Энциклопедія, подъ названіемъ *Воль-сянь Тхунь-кхао*.
 Собраніе уложеній вышней династіи. *Да-цинъ хой-длань*.
 Уложенія изъ собранія уложеній династіи Цинь; *Да-цинъ хой-длань-цзы-ли*.
 Въ 1748 г. О покореніи Тангутовъ въ Цинь-чуань. *Пьхинь-динъ Цзинь-гуань Фань-лло*.
 Въ 1749 г. *Си-цинъ-гу цзынь*.
 Изъясненіе на св. книги и Исторію *Цзинь-ли Цзынь-и*.
 Въ 1750 г. *Тхунь-вьт-юнь-тхунь*.
Сь-юнь-лэй-и.
 Въ 1751 г. Хуань-чао-чжи-гунь-тху. Костюмы инородцевъ, обитающихъ въ Китаѣ, и иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Китай.
 Описаніе Китайскихъ монетъ. *Цань-лу*.
 Въ 1754 г. Историческое описаніе хребта Пхань-шань.
Пхань-шань-гжю.
 Въ 1755 г. Смысль книги перемѣнъ динн. Чжеу. *Чжеу-и шю-и*.
 Ши-и чже-чжунъ.
 Въ 1756 г. Историческое описаніе Западнаго края. *Хуань-юй Си-той тху-гжю*.
 Историческое описаніе Же-хэ. *Же-хэ-гжю*.

Въ 1758 г. Прямое изъясненіе весны и осени. *Чунь-цзо Чжи-цзы.*

Въ 1759 г. Чертежи храмовъ, жертвенныхъ сосудовъ, оружія, математическихъ вещей, при нынѣшней династіи, и пр. *Хуань-гао-Ли-ци Тху-ши.*

Въ 1761 г. *Гунь-ши.*

Въ 1763 г. Географическій словарь Западнаго края. *Си-той Тхунь-вэнь-гэси.* (на шести языкахъ: Маньчжурскомъ, Монгольскомъ, Китайскомъ, Калмыцкомъ, Тангутскомъ и Турецкомъ).

Инь-гонь-шу-ай. Стихотворч. словарь.

Въ 1764 г. Біографіи Князей царствующаго въ Китаѣ дома, отличившихся заслугами. *Цзунь-ши вань-гунь Гунь-ци бiao-гэсуань.*

Пространное статистическое описаніе Китая. *Ди-цинъ и тхунь-гэнь.*

Хуань-гао ли-ци Тху-ши. См. 1759 г.

Въ 1767 г. Сюй-Тхунь-дэнь.

Хуань-гао-тхунь-дэнь.

Хуань-гао-тхунь-гэнь.

Юй-пэхи Тхунь-цзынь и лань (исторія).

Въ 1769 г. *Чжэнь-шунь-хуа-хэ Толъ-ши вэнь.*

Въ 1771 г. Маньчжурскій словарь съ дополненіемъ. *Цзэнь-динъ шинь-вэнь-цзынь.*

Цзэнь-лань-ло.

Въ 1772 г. О покореніи Чжунгаровъ. *Пэхинь-динъ Чжунгаръ Фань-ло.*

Въ 1773 г. Основаніе царства Маньчжураи. *Кхай-го Фань-ло.*

Полное собраніе издаваемыхъ книгъ. *Сы-кху-цзоань шу **.

Жи ся цзо вэнь-кхэо.

Въ 1774 г. *Линь-цинъ цзи ло.*

Въ 1775 г. Исторія Китайскаго государства въ трехъ періодахъ. *Тхунь-цзынь вань-шу Сань-бэнь.*

Въ 1776 г. Покореніе Тангутовъ въ обонхъ Цзинь-чуань. *Пэхинь-динъ лань цзинъ гуань фань-ло.*

Біографіи мужей, павшихъ за стечество. *Шень-чао сонь-цзэ чжу-чепъ лу.*

* Сіе собраніе книгъ составляетъ дворцовую бібліотеку.

Въ 1777 г. О происхожденіи Маньчжурскаго дома. *Мань-гэсу юань ло кхэо.*

Обряды жертвоприношенія Духамъ и Небу, на Маньчжурскомъ языкѣ. *Мань-гэсу цзи-лэнь цзи-тэхли дэнь-ли.*

Въ 1778 г. Историческія записки Педагогическаго Института. *Го-цзы-цзынь-гэси.*

Въ 1779 г. Біографіи Монгольскихъ Князей, отличившихся заслугами. *Мэнь-гу вань-Гунь Гунь-ци Бiao-гэсуань.*

Маньчжурскій словарь, съ Монгольскимъ и Китайскимъ переводами. *Мань-гэсу мэнь-гу Хань-цзы. Сань-хэ шэнь-инь цань-вэнь-цзынь.*

Въ 1779 г. Пространное статистическое описаніе Маньчжурин. *Шень-цзынь Тхунь-гэнь.*

Въ 1780 г. Описаніе чиновъ при разныхъ династіяхъ. *Ли-дай-гэси-гуань-бiao.*

Въ 1781 г. Записки о городѣ Лань-чжеу. *Лань-гэсу цзи-лло Цзунь-ши вань-гунь Гунь-ци бiao-чжуань.*

Въ 1782 г. Описаніе вершинъ Желтой рѣки. *Хэ-юань-цзи-лло.*

Въ 1784 г. Записки о крѣпости Ши-фынъ-пху. *Ши-фынъ-пху цзи-лло.*

Описаніе горы Цинь-лянъ-мань. *Цинь-лянъ-мань-гэнь.*

Въ 1786 г. Путешествіе Государя въ южныя страны. *Нань-сонъ Шень-дэнь.*

Въ 1788 г. Описаніе покоренія острова Формозы. *Пэхинь-динъ-Тхай вань цзи-лло.*

Въ 1791 г. Описаніе торжества семидесятилѣтія. *Па-сонъ-вань шэу-шэнь-дэнь.*

Въ 1793 г. Родословныя книги восьми знаменъ. *Бна-ци тхунь-гэнь.*

Въ 1793 г. Покореніе народа Мiao. *Пэхинь-мiao цзи-лло.*

Въ 1801 г. Собраніе уложеній дин. Цинь. *Да-цинъ хой-дэнь.* Изложеніе собранія уложеній дин. Цинь. *Да-цинъ-хой-дэнь шэнь-лэ.*

Гунь-шэнь.

Въ 1802 г. О истребленіи мятежниковъ въ трехъ губерніяхъ. *Чао-пэхинь-Сань-шэнь Сь-фэй Фань-ло.*

Въ 1803 г. Біографіи заслуженныхъ чиновниковъ. *Гунь-чэнь-гэсуань.*

Въ 1804 г. Хуанъ-гао Тхунъ-линь-диль-су.

Въ 1806 г. Хуанъ-цинъ виль-инъ.

Въ 1808 г. Полное собрание сочинений династии Тхашь.

Цоанъ-тханъ-виль.

Въ 1810 г. Цунъ-ши-ванъ-гунъ Гунъ-ци бию-чжуанъ.

Митъ-су ванъ-гунъ-гунъ-ци бию чжуанъ.

Донесение двору.

Въ 1811 г. Цинъ-лянъ шанъ-гжи.

Да-цинъ и-тхунъ-гжи.

Путешествие Государя на западъ. *Си-сюнь-шенъ-диль.*

Въ 1817 г. О укрѣпленіи Желтой рѣки. *Чжы-хэ Фанъ-ляо.*

Члены Ученаго Комитета обязаны сочинять еще:

1. Молитвы для случайныхъ жертвоприношеній.
2. Грамматы на получение царской печати,
3. Грамматы на возведеніе въ княжеское достоинство,
4. Указныя молитвы.

Это суть молитвы, возсылаемыя Государемъ той умершей особѣ, которую удостоиваетъ онъ жертвоприношеніемъ.

Членамъ Ученаго Комитета, обще съ чиновниками Наслѣдничьяго Правленія, бываетъ большое испытаніе.

Время большаго испытанія не опредѣлено. Оно бываетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. Государь самъ даетъ предложеніе для двухъ пѣсь стиховъ, доклада и разсужденія. На испытаніи должны быть всѣ чиновники Наслѣдничьяго Правленія, начиная съ младшихъ чиновъ присутствія, а въ Комитетъ Ученыхъ начиная съ Ши-ду Сѣ-ши. Для пересмотра задачъ, Государь назначаетъ высшихъ чиновниковъ. Испытуемые дѣлятся на четыре разряда: поставленные въ первый разрядъ преимущественно повышаются; поставленные во второй разрядъ, или повышаются чиномъ, или при повышеніи упоминаются объ нихъ въ донесеніи; поставленные въ третій разрядъ оставляются при прежней должности, штрафуются вычетомъ жалованья, понижаются чинами съ переводомъ; поставленные въ четвертый разрядъ штрафуются вычетомъ жалованья, понижаются чинами, съ переводомъ, отставляются отъ службы. Все сіе производится по утвержденію Государя.

Въ Журнальной Камерѣ четыре временныхъ члена изъ Комитета Ученыхъ, два журналиста и два помощника ихъ. Они завѣдываютъ письмоводствомъ по приказу, управляютъ

канцелярскими служителями и сторожами, имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи бібліотеку.

Въ бібліотекѣ приказа хранятся разныя книги, изъ коихъ огромнѣйшія: 1) собраніе, изданное Государемъ Жинь-ди Тхунъ-шу цзи чепъ; 2) подлинникъ полнаго собранія всѣхъ книгъ Сы-кху цоанъ-шу-и; 3) собраніе книгъ династии Минъ, составленное въ правленіе Юнь-лэ Юнь-лэ да-диль.

Въ корректурной камерѣ четыре члена и 44 битешни. Члены занимаются повѣркою бывовыхъ бумагъ, какъ на Маньчжурскомъ, такъ и на Китайскомъ языкахъ, а битешни переводомъ съ Китайскаго на Маньчжурскій языкъ.

Разныя установленія.

Къ Приказу ученыхъ принадлежатъ установленія: Академія словесности; Коммисія придворныхъ журналистовъ; Общество историческое.

Въ Академіи словесности два учителя, Маньчжуръ и Китаецъ: они занимаются высшимъ образованіемъ академикомъ.

Учители назначаются по представленію палаты чиновъ, изъ управляющихъ приказомъ Сѣ-ши и Сѣ-ши государственнаго кабинета, или изъ министровъ, президентовъ и совѣтниковъ палаты.

Образующимся академикамъ каждый мѣсяць дважды задаютъ по двѣ пѣсы стиховъ. Сверхъ сего управляющіе приказомъ Сѣ-ши, и нѣсколько членовъ Ученаго Комитета, высшаго образованія, назначаются младшими учителями, которые также ежемѣсячно дважды задаютъ упражненія академикамъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ назначено обучаться Маньчжурскому языку. Сія воспитанники получаютъ изъ палаты финансовъ по 4 лапа серебра въ мѣсяць, на содержаніе. Въ пособіе къ сему содержанію, главныя солянныя пристава ежегодно присылаютъ на жалованье имъ 1440 лапъ серебра, которое дѣлится на наличное число.

Два пристава имѣютъ надзоръ за ихъ поведеніемъ. Въ Академію назначаетъ управляющій приказомъ Сію-ши изъ новыхъ магистровъ, прошедшихъ Дворцовое испытаніе, и имѣющихъ не болѣе 30 лѣтъ отъ роду. По прошествіи трехъ лѣтъ, они вторично проходятъ дворцовое испытаніе, что называется *выходомъ изъ Академіи (Санъ-гуанъ)*. Послѣ сего министры

и управляющие Приказом Сіо-ши представляют академикомъ Государю, точно такимъ же порядкомъ, какъ представляютъ магистровъ послѣ Дворцоваго испытанія, т. е. по губершьямъ и разрядамъ. Послѣ представленія, лучшие академики поступаютъ въ Ученый Комитетъ, къ разнымъ должностямъ, а остальные распределяются по палатамъ въ секретари, и по губершьямъ въ уездные правители.

Комиссія придворныхъ журналистовъ состоитъ изъ 22 членомъ, которые отряжаются изъ управляющихъ приказомъ Сіо-ши, изъ членомъ Ученого Комитета и изъ членомъ Наслѣдничьяго Правленія. Они занимаются веденіемъ дворцовыхъ записокъ (дневника).

Обязанность придворныхъ журналистовъ заключается въ замѣчаніи дѣйствій и словъ, при разныхъ событіяхъ при дворѣ. Потому, они должны быть:

1) При торжественныхъ собраніяхъ при Дворѣ.

Когда въ три главныхъ торжества Государь шествуетъ въ тронную Тхай-хо-диль, для принятія поздравленій, то четыре журналиста, въ придворномъ одѣяніи, прежде являюся къ тронной Чжушъ-хо-диль, и становятся на западной сторонѣ царской мостовой. По совершеніи поклошенія Государю въ Чжушъ-хо-диль, они переходятъ въ тронную Тхай-хо-диль, и становятся на западной сторонѣ у третьей колонны отъ дверей. Какъ скоро Государь, по принятіи поздравленія отъ членомъ, возвратится въ свои комнаты, то и журналисты расходятся. То же дѣлаютъ они и при обыкновенныхъ собраніяхъ при дворѣ, для которыхъ Государь входитъ въ тронную. (Подробно опредѣлено, въ какомъ одѣяніи журналисты должны быть, и гдѣ мѣста занимать должны при церемоніальныхъ дворцовыхъ собраніяхъ въ другихъ мѣстахъ.)

2) Когда Государь совершаетъ ученый пиръ, или посѣщаетъ Би-юнь.

3) Когда Государь производитъ большой смотръ войскамъ.

4) Когда Государь совершаетъ обрядъ землепашества.

5) Когда Государь самъ совершаетъ жертвоприношеніе.

6) Когда Государь является на царскія кладбища своихъ предковъ.

При каждомъ изъ сихъ случаевъ, журналисты занимаютъ определенное для нихъ церемоніальное мѣсто.

Придворные журналисты пишутъ свой журналъ по возвращеніи съ церемоній.

Они ведутъ журналъ въ слѣдующемъ порядкѣ: во-первыхъ вписываютъ именныя указы; потомъ доклады палатъ; далѣе доклады изъ губершій, и донесенія Государю отъ восьми знаменъ; наконецъ, донесенія столичныхъ и губернскихъ чиновниковъ. Что касается до порядка по дѣламъ, то прежде записываютъ казенныя дѣла, а потомъ частныя. Наслѣдкомъ, записываютъ представленія чиновниковъ Государю, отъ палаты, приказовъ и присутственныхъ мѣстъ; за симъ представленія офицеровъ изъ восьми знаменъ. Именныя указы каждаго дня вносятся прежде по большимъ и важнымъ, а потомъ по маловажнымъ дѣламъ; по дѣламъ же, касающимся до жертвенниковъ храма царскимъ предкамъ, и кладбищъ ихъ, въ самомъ началѣ пишутся. Изъ палатскихъ докладовъ прежде вписываютъ доклады Государственнаго кабинета, потомъ доклады Княжескаго правленія, Приказа ученыхъ, шести палатъ и Приказа Монгольскихъ дѣлъ. Если же случатся доклады Обрядовой палаты и поздравленія двора, или изъ комитета Тхай-чапъ-сы о жертвоприношеніи, то вписываютъ ихъ выше докладовъ государственнаго кабинета. Изъ губернскихъ докладовъ, прежде вносятся odkлады отъ генераль-губернаторовъ, а потомъ отъ губернаторовъ, по старшинству губершій одной предъ другою. Касательно чиновниковъ, представляемыхъ Государю Палатою чиновъ, прежде вносятся ежемѣсячно выбираемыхъ, потомъ изъ Приказа ученыхъ; далѣе присутствующихъ въ столичныхъ судебныхъ мѣстахъ; членомъ конторъ и отдѣленій Прокурорскаго приказа, чиновниковъ, служащихъ въ палатахъ и писшихъ чиновниковъ, служащихъ въ столицѣ. Губернскихъ чиновниковъ вносятся по старшинству классовъ. Въ первыхъ вписываютъ отличныхъ; потомъ остающихся при прежнихъ должностяхъ; потомъ определяемыхъ къ прежнимъ должностямъ; далѣе понижаемыхъ съ переводомъ, отрываемыхъ съ лишеніемъ чиновъ, отставленныхъ по болѣзни и опять принимаемыхъ въ службу. Далѣе отрѣшенныхъ по шести статьямъ; потомъ битши, студентовъ по заслугамъ отцовъ. Изъ чиновниковъ, представляемыхъ Военною палатою, прежде вносятся столичныхъ, а потомъ губернскихъ; потомъ пониженныхъ и отрѣшенныхъ къ прежнимъ должно-

стямъ. По знаменамъ выписываютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде офицеровъ Желтаго Знамени съ каймою; потомъ Желтаго Знамени; далѣе Бѣлаго Знамени, Краснаго Знамени, Бѣлаго съ каймою, Краснаго съ каймою, Синяго знамя и Синяго съ каймою. Въ каждомъ Знамени прежде вносятъ Маньчжуровъ, потомъ Монголовъ, наконецъ офицеровъ Китайскаго корпуса и Охраннаго корпуса.

Въ журналъ записываютъ происшествія, съ означеніемъ года, мѣсяца, дня и имени дежурныхъ журналистовъ, и потомъ полагаютъ въ лицикъ.

Журналъ сочиняется ежемесячно въ двухъ книжкахъ, что въ продолженіе года составляетъ 24 книжки. Прежде сочиняютъ вчернь, и старшіе журналисты, пересмотрѣвъ каждую книжку по статьямъ, прибавляютъ, поправляютъ, и потомъ представляютъ управляющимъ приказомъ Сю-ши на разсмотрѣніе и утвержденіе. Далѣе, подписавъ годъ, мѣсяцы и дни, прозванія и имена дежурныхъ журналистовъ, скрѣпляютъ печатью Приказа ученыхъ, полагаютъ въ желѣзныи лицикъ, и запираютъ замкомъ съ печатью.

Въ концѣ года препровождаютъ журналъ въ государственной кабинетъ, и сдаютъ въ архивъ.

Ежегодно, въ 12-ый мѣсяць, журналъ препровождается въ государственной кабинетъ, гдѣ Сю-ши, обще съ журналистами, еще пересматриваютъ его и сдаютъ въ архивъ.

Въ комиссія придворныхъ журналистовъ три секретаря, и 16 битени. Первые занимаютъ составленіемъ бумагъ, а послѣдніе переводомъ ихъ на Маньчжурской языкъ.

Примѣч. Сей журналъ собственно есть собраніе матеріаловъ для государственной исторіи Китая. Пекинская газета составляетъ извлеченіе изъ сего журнала, дѣлаемое изъ выписокъ палатскихъ конторъ.

Историческое общество состоитъ изъ главноуправляющихъ назначаемыхъ Государемъ въ неопредѣленномъ числѣ, четырехъ смотрителей, десяти историографовъ, 34-хъ сочинителей и 18-хъ корректоровъ. Общество занимается сочиненіемъ Исторіи Китайскаго Государства.

Историческое общество не имѣетъ штатныхъ членовъ. Для исправленія должности смотрителей изъ Маньчжуровъ отряжаются члены отдѣленій изъ государственнаго кабинета; для исправленія должности смотрителей изъ Китайцевъ от-

ряжаются члены Ученаго комитета; для исправленія должности историографовъ и сочинителей, изъ Маньчжуровъ отряжаются разные чиновники, изъ Государственнаго кабинета, изъ палатъ, и члены конторъ и отдѣленій прокурорскаго приказа; для исправленія должности историографовъ и сочинителей изъ Китайцевъ отряжаются члены Ученаго комитета.

Составъ Исторіи состоитъ:

1) Изъ записокъ о Государяхъ. Бѣнь-цзѣ.

Записки о Государяхъ извлекаются изъ жизнеописанія каждаго Государя, составляемаго преемникомъ его.

2) Изъ повѣствованій (біографій).

Сія статья дѣлится на повѣствованія о вельможахъ, вѣрныхъ престолу чиновникахъ, ученыхъ, искусныхъ дѣлопрavitелѣхъ, почтительныхъ и дружелюбныхъ, цѣломудренныхъ женахъ и дѣвицахъ, инородческихъ чиновникахъ, иностранцахъ. Сверхъ сего пишутся повѣствованія о помощникахъ начальниковъ, и о мятежникахъ.

3) Изъ записокъ о разныхъ предметахъ.

Какъ-то: записки объ астрономіи, о календарѣ, обрядахъ, войскѣ, наказаніяхъ, музыкѣ, наукахъ и художествахъ, землеописаніи, рѣкахъ и каналахъ, экипажахъ, костюмахъ, царскомъ кортежѣ, промышленности (народномъ продовольствіи) чинахъ, выборахъ и одобреніяхъ.

4) Изъ изложеній.

Изложеніемъ, *Біао*, называется: 1) поздравительный адресъ Государю отъ чиновъ на Новый годъ; 2) описаніе заслугъ, оказанныхъ Князьями царствующаго Дома; 3) повѣствованіе о Монгольскихъ и Туркистанскихъ Князьяхъ.

ПЕКИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Составъ Правленія и предметы его.

Въ Пекинскомъ Областномъ Правленіи присутствуютъ главноуправляющей и областной правитель.

Главноуправляющей назначается Государемъ, изъ президентовъ и советниковъ палатъ. Начиная съ главноуправляющаго, всѣ чиновники, служащіе въ Областномъ Правленіи, суть изъ Китайцевъ.

Т. II. — Отд. III.

Областное Правленіе завѣдываетъ земскими дѣлами по Пекинской области.

Пекинской округъ раздѣленъ на два уѣзда. Кромѣ того Пекоиская область заключаетъ въ себя пять округовъ и 17 уѣздовъ, управленіе коихъ раздѣлено на четыре части и поручено четыремъ областнымъ помощникамъ, которые всѣ состоятъ въ зависимости отъ Пекинскаго Областнаго Правителя. Объ уголовныхъ дѣлахъ, по конямъ присуждается къ вѣчной ссылке, областной правитель, черезъ председателя Уголовнаго Суда и генералъ-губернатора, представляетъ въ Уголовную Палату, а дѣла, по конямъ присуждаются къ временной ссылке и тѣлесному наказанію, самъ рѣшаетъ. Такимъ же образомъ областные помощники доносятъ Палатѣ Финансовъ о казенныхъ расходахъ.

Областному Правителю въ обязанность поставлено:

1) Исправлять жертвоприношеніе въ храмахъ и на кладбищахъ, въ предѣлахъ своей области.

2) Доставлять жертвенный скотъ для жертвенниковъ и храма царскимъ предкамъ.

Комитетъ Тхай-чанъ-сы ежегодно требуетъ по 240 быковъ для жертвоприношеній. Въ это число, въ Пекинской области закунается 200 головъ, а остальные сорокъ доставляетъ Дворцовое Правленіе изъ своихъ стадъ.

3) Представлять землю пяти цвѣтовъ для жертвенника Духу-ше, ибо поверхность жертвенника Духу-ше выстилается землею пяти цвѣтовъ, въ соотвѣстствіе пяти странамъ свѣта.

4) Справляться о цѣнахъ на хлѣбъ и курсъ на серебро, и доносить Государю.

5) Доносить Государю о количествѣ выпавшаго снѣга, или дождя.

6) Нанимать вощиковъ для казны, и избирать служителей Областного Правленія наряжаетъ вощиковъ съ телѣгами $\frac{1}{10}$, а $\frac{3}{10}$ доставляетъ Дворцовое Правленіе. Вощикамъ выдается опредѣленная законами плата. Служителей въ разныхъ казенныхъ мѣста избираетъ Областное Правленіе.

7) Пещись о богоугодныхъ заведеніяхъ. Въ Пекинь за воротами Гуанъ-нинъ-мынь находится богадѣльня, а за воротами Гуанъ-цой-мынь воспитательный домъ. Оба сія заведенія состоятъ въ вѣдѣніи Областнаго Правленія. На содержаніе богадѣльни положено въ 1722у году 1000 ланъ серебра;

въ 1783 году положено 300 мѣшковъ проса; въ 1802 году прибавлено 5000 ланъ серебра. Сверхъ того, люди, движимые состраданіемъ, дѣлаютъ пожертвованія деньгами, хлѣбомъ и одѣяніемъ.

При наступленіи весны, Областное Правленіе приготовляетъ Духа весны *Мань-шенъ*, съ глинянымъ воломъ *Тху-шо*.

Еще въ шестомъ мѣсяцѣ, Областное Правленіе сообщаетъ Астрономическому Институту о сдѣланіи чертежа Духу весны съ глинянымъ воломъ, что выражается однимъ словомъ *Тху-шо-Манъ-шенъ*. Послѣ зимняго поворота, въ день *ченъ*, берутъ воду и глину, въ странѣ свойства текущаго года. Остовъ дѣлаютъ изъ тутоваго дерева. Волъ имѣетъ въ вышину четыре фута, изображая симъ четыре времени года; въ длину восемь футовъ, изображая симъ восемь главныхъ перемѣнъ въ году; хвостъ его длиною въ $1\frac{2}{10}$ фута, т. е. 12 дюймовъ, представляя симъ 12 мѣсяцовъ въ году. Цвѣтъ головы его соотвѣтствуетъ пшю года. Цвѣтъ туловища соотвѣтствуетъ вѣтви года. Цвѣтъ брюха соотвѣтствуетъ особенной части года. Цвѣтъ рога, ушей и хвоста соотвѣтствуетъ пшю того дня, въ который начало весны приходится. Цвѣтъ ногъ соотвѣтствуетъ вѣтви того дня, въ который начало весны приходится. — Цвѣтъ копытъ соотвѣтствуетъ особенной части дня, въ который приходится начало весны. Ротъ сжать, или открыть, а хвостъ на правую или на лѣвую сторону, смотря по году. Въ нечетный годъ ротъ открыть и хвостъ обращенъ въ лѣвую сторону, а въ четный наоборотъ. Духъ весны въ вышину имѣетъ три фута, пять дюймовъ и пять долей, т. е. 365 долей фута. Симъ представляется 365 дней въ году. Внѣзъ, длиною въ два фута и четыре дюйма, т. е. въ 24 дюйма, представляетъ тѣмъ 24 воздушныхъ перемѣны въ году. Цвѣтъ одѣянія и полса соотвѣтствуетъ вѣтви дня, въ который начало весны. Въ носу вола кляпикъ, а Духъ весны въ рукѣ держитъ плеть. Кляпикъ изъ тутоваго дерева, плеть дѣлается изъ талины. Матерія поводка у кляпика и плети соотвѣтствуютъ вѣтви дня, въ который приходится начало весны. Въ дни, подѣ названіемъ: *шъ, сы, шень, хай*, употребляютъ нееньку; въ дни подѣ названіемъ: *цзъ, мао, оу, ю*, употребляютъ грубыя конопля; въ дни *геу, чень, вэй* и *слюй* употребляютъ шелкъ. — Въ нечетный годъ Духъ весны стоитъ по лѣвую, а въ четный по правую сторону вола. Если начало весны при-

дется за пять дней до Нового года, то Духъ весны стоитъ впереди вола; если начало весны пятью днями позже Нового года, то Духъ весны стоитъ позади вола. Если начало весны случится, прежде, или послѣ Нового года, менѣе пяти дней, то Духъ весны стоитъ наряду съ воломъ. За день до начала весны встрѣчаютъ ее въ восточномъ предмѣстїи; по наступленїи времени представляютъ ее во дворецъ, а потомъ бичуютъ.

За день до начала весны разбиваютъ цвѣтной балаганъ за воротами Дунь-чжи-мышь, и ставятъ въ ономъ Духа весны съ глинянымъ воломъ. Кромѣ того разбиваютъ другой цвѣтный балаганъ, на дворъ областного Правленїя. Областной Правитель, съ своими подчиненными, выѣзжаетъ въ предмѣстїе, для встрѣчи весны, и при игрании музыки, провожаетъ ее во дворъ Областного Правленїя. Здѣсь поставляютъ на вола двѣ горы весны, и относятъ его въ Палату обрядовъ. Въ день начала весны, семьдесятъ два областныхъ студента, предшествуемыхъ студентами Астрономическаго Института, берутъ Духа съ воломъ на плеча, несутъ чрезъ ворота Дунь-чань-ань-мышь, Тянь-ань-мышь, Дуань-мышь, и предъ воротами Вумьшъ ставятъ на длинный столъ, приготовленный уѣздными Правителями. Какъ скоро придутъ сюда Главноуправляющїй, Областной правитель, Помощникъ его, и члены Обрядовой Палаты, студенты берутъ столъ на плеча, и предшествуемые чиновниками Обрядовой Палаты несутъ его за ворота Хэу-цзо-мышь. Члены Обрядовой Палаты и члены Областного Правленїя сопровождаютъ ихъ. Какъ скоро чиновники Астрономическаго Института доносятъ о наступленїи времени, то эвухи переносятъ Духа съ воломъ къ воротамъ Лянь-цзинь-мышь. Главноуправляющїй и Областной Правитель, съ коленнопреклошенїемъ, подаютъ поздравительный адресъ, при которомъ главный эвухъ одну гору весны представляетъ Государю, а другую Государынѣ. По осмотрѣ, первую гору переносятъ въ тропицу Тхай-хо-диль, а вторую въ тропицу Бао-хо-диль, и поставляютъ въ восточномъ тепломъ отдѣленїи. По окончанїи церемонїи, Главноуправляющїй, Областной Правитель, и помощникъ, возвращаются съ воломъ въ Правленїе, гдѣ при боѣ въ литавры бичуютъ вола плетью, три раза, въ поощренїе земледѣлїя.

Передъ обрядомъ землепашества, Областное Правленїе

представляетъ земледѣльческія орудїя, почетныхъ стариковъ и землепашцевъ. Когда Государь самъ пашетъ землю, то Областной Правитель подаетъ ему плеть; послѣ чего смотритъ, пока поле все будетъ вспахано. Когда же хлѣбъ созреетъ, то зерна, собранныя съ посѣва государева, изъ Областнаго Правленїя поступаютъ въ жертвенный анбаръ, для предложенїя въ храмахъ. Областное Правленїе изготовляетъ для Государя соху, шелковую плеть, желтаго цвѣта, вѣко темное; для трехъ князей и девяти болръ соха и шелковыя плети бываютъ краснаго цвѣта, вѣка черныя, наполненные зернами для посѣва; вола для сохи государевой приводятъ рыжаго, для прочихъ—черныхъ. Предъ наступленїемъ землепашества Правленїе избираетъ 35 почетныхъ стариковъ, и 42 земледѣльцевъ. Когда Государь самъ пашетъ, то два почетныхъ старика ведутъ воловъ, а два земледѣльца поддерживаютъ соху. Изъ трехъ князей и членовъ девяти присутственныхъ мѣстъ, у каждаго, одинъ почетный старикъ ведетъ вола и два земледѣльца поддерживаютъ соху. Областной Правитель, съ своими чиновниками, въ церемонїальномъ одѣяніи, а почетные старики у Государя въ шелковыхъ цвѣтныхъ кафтанахъ, и въ курмакхъ съ пашивками; почетные старики у князей и судей бываютъ въ китайчатыхъ кафтанахъ; шляпы на всѣхъ съ шариками. Земледѣльцы въ валяныхъ шапочкахъ, съ кистями, въ китайчатыхъ рубахахъ и штанахъ. При вспахиванїи остальной земли, надѣваютъ они травяное платье, изъ осоки и соломенныхъ шляпы въ видѣ треугольника. По окончанїи обряда землепашества, Областной Правитель, съ своими чиновниками, почетными стариками и землепашцами, становятся на западную сторону земледѣльческаго кургана, лицомъ къ северу, и исполнивъ по провозглашенїю три коленнопреклошенїя, съ девятью земными поклонами, остаются въ ожиданїи, пока почетные старики и земледѣльцы вспашутъ остальную землю. — Когда Государь самъ совершаетъ обрядъ, то Областной Правитель, съ почетными стариками, земледѣльцами, вспахиваетъ и засѣваетъ остальную землю. По уборѣ посѣва, Правленїе, въ избранный Астрономическимъ Институтомъ счастливый день, представляетъ сарачинское пшено, просо, пшеницу и горохъ, въ жертвенный хлѣбный анбаръ.

На деревенскомъ пирѣ, Областной Правитель представляетъ лицо хозяина. Онъ избираетъ почетныхъ по лѣтамъ и добро-

дѣтелямъ представлять гостей. Деревенское ширшество производится дважды въ годъ, въ 15 день первой весенней луны, и въ первый день зимней луны.

Передъ деревенскимъ пиромъ дѣлаютъ справку о служащихъ чиновникахъ, уважаемыхъ по лѣтамъ и добродѣтелямъ, и назначаютъ изъ нихъ одного большимъ гостемъ да-бинь, а другого младшимъ цзе-бынь. Прочіе всѣ назначаются простыми гостями, кромѣ трехъ старшинъ, подъ названіями перваго, втораго и третьяго гостя. О всѣхъ сихъ гостяхъ, Увѣдныя Суды представляютъ Правленію списокъ, съ означеніемъ прозванія, имени и родины, а Правленіе доноситъ Палатѣ. Дозволяется быть на пиршествѣ ученымъ людямъ и известнымъ чиновникамъ, желающимъ посмотреть на сей обрядъ, подъ названіемъ *избранныхъ*. Сельское ширшество происходитъ въ сборномъ залѣ областного училища.

На деревенскомъ пирѣ назначаютъ каждому его мѣсто; дѣлаютъ взаимныя привѣтствія, читаютъ законы и поютъ пѣсню. За день до деревенскаго пира, служители расставляютъ стулья въ училищномъ залѣ. Мѣсто для большаго гостя назначаютъ въ сѣверо-западной сторонѣ зала — лицомъ къ югу; мѣсто для хозяина въ юго-восточной сторонѣ зала — лицомъ къ западу. Мѣсто для младшаго гостя съ юго-западной стороны зала, лицомъ на востокъ; мѣсто для перваго, втораго и третьяго гостей къ западу отъ большаго гостя, лицомъ на югъ; мѣста прочихъ гостей на западной сторонѣ, лицомъ на востокъ; мѣсто для чиновниковъ на восточной сторонѣ, лицомъ на западъ. Членъ Обрядовой Палаты, наблюдающій за церемоніею, сидитъ на дворѣ, въ восточной палаткѣ. Мѣсто распорядителя съ хозяина на востокъ, лицомъ на сѣверъ. Мѣсто для избранныхъ въ сѣверовосточномъ углу залы. При деревенскомъ пирѣ бывають два церемоніальныхъ предводителя, избираемыхъ изъ студентовъ. Обрядъ поклоненія совершается по провозглашенію и руководству. По прибытіи гостей, хозяинъ, съ своими чиновниками, выходитъ встрѣтить ихъ за воротами и привѣтствуетъ легкимъ наклопеніемъ головы, съ сложенными у груди руками, что называется *цзо-и*. Тѣмъ же отвѣтствуютъ имъ и всѣ гости; послѣ чего входятъ во дворъ. Гости, подошедъ къ крыльцу, по западной, а хозяинъ по восточной сторонѣ, троекратно дѣлаютъ другъ предъ другомъ вышепомянутую учтивость, троекратно уступаютъ

другъ другу передъ и потомъ всходить. Гости идутъ склоняясь лицомъ на востокъ, а хозяинъ на западъ, и потомъ еще кланяются другъ другу. Большой гость, подошедъ къ своему мѣсту, приглашаетъ младшаго гостя съестъ; младшій гость, подошедъ къ своему мѣсту, приглашаетъ прочихъ гостей съестъ. Послѣ сего, всѣ садятся. Хозяинъ дѣлаетъ предъ гостями легкое наклоненіе головы, а гости тѣмъ же отвѣтствуютъ ему; послѣ сего, онъ и подчиненные его подходятъ къ своимъ мѣстамъ, и всѣ садятся. При входѣ распорядителя, гости всѣ встають. Распорядитель дѣлаетъ имъ легкое наклоненіе головы, прижавъ сложенные руки къ груди. Гости тою же учтивостію отвѣтствуютъ ему. Наконецъ, входитъ чтець законовъ, и всѣ дѣлаютъ ему привѣтствіе, по высшему обряду. Когда подадутъ кушанье, то хозяинъ поднимаетъ большаго гостя виномъ. Гость взаимно поднимаетъ, и потомъ оба двукратно кланяются другъ другу. Хозяинъ поднимаетъ младшаго гостя а сей взаимно поднимаетъ его, и оба кланяются другъ другу какъ выше означено. Послѣ того всѣ садятся. Служители подносятъ прочимъ гостямъ. По окончаніи стола, всѣ встають. Хозяинъ съ своими чиновниками становится лицомъ на западъ, а гости лицомъ на востокъ, и двукратно кланяются другъ другу, послѣ чего гости выходятъ, а хозяинъ, съ своими чиновниками, провожаетъ ихъ за ворота училища, и сдѣлавъ имъ легкое наклоненіе головы, возвращается. На деревенскомъ пирѣ преимущественно соблюдаются два обряда, го коимъ должно *поднимать* и *читать законы*. Когда распорядитель встанетъ посреди залы, то служитель подноситъ ему бокаль. Распорядитель, принявъ вино, говоритъ къ присутствующимъ: «Деревенскій пиръ не съ тѣмъ учрежденъ, чтобы здѣсь пить и ѣсть, но изъ уваженія къ Государю, по указанію древнихъ постановленій, для возвышенія обряда, и просвѣщенія. Пусть старшіе и младшіе соревнуютъ взаимно — сановники въ усердіи къ престолу, сыновья въ почтеніи къ родителямъ. Пусть старшіе и младшіе соблюдаютъ свои отношенія — старшіе братья дружелюбіе, младшіе уваженіе къ нимъ; въ домѣ да будетъ любовь между родными, внѣ со- «гласіе съ сосѣдями, дабы симъ образомъ поддерживались въ «правственности къ славѣ родившихъ.» Послѣ сего, пантомимисты и музыканты областного училища (избранные изъ студентовъ) составляютъ оркестръ, по западную сторону крыль-

ца, и поютъ известные четыре канта, въ коихъ изображаются любовь къ родителямъ и благоправіе. Четверо поютъ на голосахъ; четверо играютъ на гармоникѣ, четверо поютъ на флейтъ, четверо на гобой, трое на гуслихъ, одинъ на сѣ (родъ колокола), одинъ на вислицхъ блюдцяхъ, одинъ бьетъ въ литавру, и одинъ въ дощечки (вмѣсто камертона). По окончаніи кантовъ, попеременно, одинъ изъ пѣвчихъ поетъ и одинъ играетъ на гармоникѣ. — Когда же число гостей бываетъ недостаточно, то праздникъ откладывается.

Предъ вступленіемъ въ экзаменальный дворъ и по выходѣ изъ онаго, Областной Правитель дѣлаетъ угощеніе при музыкальномъ кантатѣ Лу-мишь Сомень (мычить).

Въ 6-й день 8-го мѣсяца, т. е. за день до вступленія въ экзаменальный дворъ, Областной Правитель дѣлаетъ угощеніе въ Правленіи, подъ названіемъ шанъ-ма-линь, т. е. «пиръ на лошадей садиться», или прощальный пиръ. При выходѣ изъ экзаменального двора, въ слѣдующій день дѣлаютъ въ Правленіи вторичное угощеніе, въ которомъ участвуютъ всѣ получившіе степень кандидата, и сверхъ того могутъ, съ государева дозволенія, быть получившіе степень кандидата назадъ тому за 60 лѣтъ. Сей пиръ называется лу-мишь, т. е. олень мычить. Расположеніе пиршества таково: въ день перваго пиршества, угощаемые, по выходѣ изъ дворца, чрезъ ворота дунъ-чень-апъ-мынь, садятся на верховыхъ лошадей, и предшествуемые музыкою и церемоніальнымъ кортежемъ, пріѣзжаютъ ко вторымъ воротамъ Правленія, гдѣ правительвъ помощникъ принимаетъ ихъ, и вводитъ во внутренней дворъ. По входѣ на крыльцо, всѣ становятся предъ столомъ съ куреніями, въ ряды, и совершаютъ обрядъ троекратнаго коленнопреклоненія съ девятью земными поклонами; потомъ входятъ въ залу, гдѣ по привѣтствіи другъ друга, легкимъ наклоненіемъ головы, садятся за столъ. По окончаніи стола вторично совершаютъ обрядъ поклоненія предъ столомъ съ куреніями. Послѣ сего, Главноуправляющій и Областной Правитель провожаютъ гостей въ экзаменальный дворъ, гдѣ и сами остаются. Точно такимъ же образомъ угощеніе дѣлается и по выходѣ изъ экзаменального двора, но только съ прибавленіемъ столовъ для новыхъ кандидатовъ, располагаемыхъ на обихъ сторонахъ помоста. Гости, по возвращеніи изъ дворца, совершаютъ обрядъ поклоненія, входятъ въ залу, и по взаимномъ привѣ-

ствіи, садятся, а первый кандидатъ (Цзъ-соань), съ товарищами, совершаетъ обрядъ благодаренія. Они становятся на колѣна, и по порядку кланяются чиновникамъ, бывшимъ на испытаніи. Высшимъ дѣлаютъ по четыре поклона, на которые имъ не отвѣтствуютъ; среднимъ по четыре, и сіи отвѣтствуютъ двумя; низшимъ по два поклона, на которые и они отвѣтствуютъ двумя-же. Подобныя угощенія бывають предъ испытаніемъ и послѣ испытанія военныхъ кандидатовъ.

При объявленіи о получившихъ степень магистра, члены Правленія встрѣчаютъ трехъ магистровъ перваго разряда у воротъ чанъ-апъ-мынь, и по совершеніи угощенія въ Правленіи провожаютъ до квартиры.

Въ день объявленія о магистрахъ, Главноуправляющій, Областной Правитель, и товарищъ его, въ церемоніальномъ одѣяніи, ожидаютъ въ балаганѣ у воротъ дунъ-чанъ-апъ-мынь. Чжуанъ-юань, пханъ-линь и тханъ-хуа (почетные титулы перваго, втораго и третьяго магистровъ изъ перваго разряда), по выходѣ изъ дворца, приглашаются въ балаганъ, гдѣ, по учиненіи привѣтствія, надѣваютъ приготовленное для нихъ почетное одѣяніе. Главноуправляющій, Областной Правитель и товарищъ его троекратно подносятъ гостямъ вино, которое и сами съ ними пьютъ, столъ. Послѣ сего, по учиненіи взаимнаго привѣтствія, садятся на верховыхъ лошадей, и предшествуемые музыкою, пріѣзжаютъ въ Правленіе. Первый магистръ съ товарищами входитъ по западному, а Главноуправляющій, правитель и товарищъ его по восточному крыльцу; на крыльцѣ, предъ столомъ съ куреніями, совершаютъ обрядъ поклоненія, а по вступленіи въ залу дѣлаютъ взаимное привѣтствіе. Главноуправляющій, правитель и товарищъ его, подчивая магистровъ виномъ, двукратно кланяются, на что магистры тѣмъ же отвѣтствуютъ, а потомъ, взаимно подчивая, также кланяются двукратно, на что Главноуправляющій, правитель и товарищъ его тѣмъ же отвѣтствуютъ. Чиновники Правленія, поздравляя магистровъ, двукратно кланяются; магистры тѣмъ же отвѣтствуютъ имъ. По окончаніи пира совершаютъ обрядъ поклоненія предъ столомъ съ куреніями; послѣ чего Главноуправляющій, правитель и товарищъ его, переодѣвшись въ обыкновенное платье, съ нашивками, провожаютъ перваго магистра до квартиры.

Областное Правленіе имѣетъ надзоръ за исправностію ссык-

ныхъ командъ по четыремъ дорогамъ, и въ концѣ года доносить Военной Палатѣ.

Уголовная Палата отправляетъ въ Правленіе приговоренныхъ къ пяти родамъ временной, и тремъ родамъ вѣчной ссылки, для отправленія ихъ въ мѣста ссылки, назначаемыя по его усмотрѣнію.

Правленіе, назначивъ мѣста приговореннымъ къ временной ссылкѣ, отправляетъ ихъ туда по почтѣ, а приговоренныхъ къ вѣчной ссылкѣ, по назначеніи мѣстъ имѣ, отсылаетъ въ Уздныя Суды, для препровожденія.

Товарищъ правителя завѣдываетъ училищами. Предъ го- гичнымъ и губерскимъ испытаніями составляетъ онъ списокъ учениковъ, и препровождаетъ къ попечителю училищъ. Онъ же имѣетъ надзоръ за ученіемъ и содержаніемъ студентовъ въ высшемъ училищѣ. (Цзинь-тхайшу-юань) во вѣшнемъ городѣ.

Когда Государь самъ воздѣлываетъ землю, товарищъ правителя поситъ вѣко съ зёрнами для посѣва. При губерскомъ испытаніи исправля должность пристава, помогаетъ смотрителю.

Старшій и младшій помощники, порознь, занимаются земскими дѣлами, и представляютъ присутствію на утвержденіе.

Старшій помощникъ занимается сборомъ податей, исчисленіемъ народонаселенія, и дѣлами по землямъ, а младшій помощникъ одною судною частію. Секретарь и повѣчникъ завѣдываютъ пріемомъ и отпускомъ бумагъ и вообще письменными дѣлами, а тюремный приставъ завѣдываетъ арестантами.

Въ областномъ училищѣ два старшихъ учителя, Маньчжуръ и Китаецъ, и два младшихъ учителя, также Маньчжуръ и Китаецъ. Они ежемѣсячно смотрятъ за задачами гражданскихъ студентовъ и стрѣляніемъ изъ лука военныхъ студентовъ, лѣнливыхъ штрафуютъ, и чрезъ три года доносятъ объ успѣхахъ попечителю училищъ. Они же завѣдываютъ бібліотекою и утварью, употребляемою при жертвоприношеніяхъ. Съ музыкантами и пантомимистами дѣлаютъ они приношеніе въ храмъ учителей Кхунь-цзы; на сельскомъ пиршествѣ одинъ изъ нихъ исправляетъ должность распорядителя.

III.

КОМИТЕТЬ ХУНЬ-ЛУ-СЫ.

Составъ Комитета и предметы его.

Въ Комитетъ хунь-лу-сы присутствуютъ: Главноуправляющій, два председателя, и два помощника. Они завѣдываютъ церемоніями при большихъ выходахъ, и пиршествахъ при дворѣ.

Должность Главноуправляющаго исправляетъ Маньчжурскій Президентъ Обрядовой Палаты.

Предъ обыкновеннымъ собраніемъ при дворѣ, Комитетъ входитъ къ Государю съ докладомъ, и по полученіи его указа производитъ приуготовленія.

Князья, получившіе наследственное достоинство, чиновники повышенные, переведенные, получившіе постороннюю должность, надбавочный санъ и похвальное замѣчаніе, также пониженные чинами, опять опредѣленные къ должности, лишены чини, съ оставленіемъ при прежней должности, и уволенные отъ службы, обязаны лично изъявить благодарность Государю. Когда число такихъ чиновниковъ дойдетъ до ста, то Комитетъ докладомъ проситъ Государя учинить выходъ въ тронную. Такіе выходы положены въ 1, 5, 10, 15, 20 и 25 числа. Это суть обыкновенные выходы при дворѣ. Комитетъ, по полученіи указа, сообщаетъ въ разныя присутственныя мѣста, дабы къ назначенному времени собрались чиновники, долженствующіе принести благодарность Государю.

Такимъ же образомъ Комитетъ поступаетъ и предъ торжественнымъ собраніемъ. Отобравъ билеты (адресы, съ означеніемъ прозванія, имени и достоинства), проситъ Государя въ тронную Тхай-хо-диль. При семъ выходѣ, и поздравленіе, и благодареніе производится по церемоніалу.

Къ большому выходу чиновники собираются у воротъ Ву-мынь, гдѣ у обоихъ боковыхъ воровъ отбираютъ адреса чиновниковъ, долженствующихъ благодарить Государя; у чиновниковъ же, дѣйствующихъ въ церемоніалѣ, не требуютъ адресовъ. Какъ скоро князья и чиновники станутъ на своихъ мѣстахъ, то Главноуправляющій въ Комитетъ, Президентъ Палаты, одинъ изъ председателей, и два церемоніальныхъ машатая идутъ къ воротамъ длян-динь-мынь, проситъ Госу-

даря, а по возвращении становятся под северным свѣсомъ тронной Бао-хо-дянь, и ожидаютъ прихода Государева въ Тхай-хо-дянь. — Если при большомъ выходѣ случаются чиновники, долженствующие благодарить, то они совершаютъ обрядъ поклоненія передъ тронною Бао-хо-дянь, и послѣ сего Государь входитъ въ тронную Тхай-хо-дянь. При обыкновенномъ выходѣ, одни благодарящіе чиновники совершаютъ обрядъ поклоненія. Но если случится иностранный посланникъ, то Князья и прочіе чиновники, вмѣстѣ съ благодарящими, совершаютъ обрядъ. При возгласѣ: *Присутствовать* всѣ приступаютъ. При возгласѣ: *Преклонить колѣна* — всѣ преклоняютъ колѣна. При возгласѣ: *Совершить поклоненіе* — троекратно становятся на колѣни, и дѣлаютъ девять поклоновъ въ землю. При возгласѣ: *Отступить* — всѣ возвращаются къ своимъ мѣстамъ.

Когда Государь входитъ въ тронную Бао-хо-дянь дать задачу для дворцоваго испытанія, что члены Комитета представляютъ чтецовъ задачъ и испытываемыхъ для совершенія обряда. Передъ объявленіемъ магистровъ, становятся на мѣста по порядку. При чтеніи указа магистры совершаютъ обрядъ по церемониалу, и по совершеніи обряда уходятъ.

Какъ скоро чтецы задачъ совершатъ обрядъ, то членъ Обрядовой Палаты, принявъ предложеніе, полагаетъ на желтый столъ, стоящій на срединѣ краснаго крыльца, а потомъ ведетъ испытываемыхъ за тронную Бао-хо-дянь, гдѣ они, на красномъ крыльцѣ, раздѣляясь на двѣ стороны, совершаютъ обрядъ поклоненія. При объявленіи магистровъ, Государь входитъ въ тронную Тхай-хо-дянь. По распоряженію Главноуправляющаго президента, князья и чиновники, дежурные, чтецы задачъ, и разныя чиновники, назначенные быть при испытаніи, становятся позади церемониальнаго кортежа восточнаго крыльца, а испытываемые становятся отъ кортежа по югъ, по обѣимъ сторонамъ. Три чиновника для трехъ передачъ (приказовъ) становятся на западъ, позади трехъ ступоу крыльца, лицомъ на востокъ. Четыре церемониальныхъ глшателя становятся по церемониалу. Какъ скоро чиновники совершатъ обрядъ, то одинъ изъ магистровъ выпоситъ изъ тронной на крыльцо объявленіе о получившихъ степень магистра, и передаетъ президенту Обрядовой Палаты а президентъ, принявъ оное съ колѣнопреклоненіемъ, пола-

гаетъ на желтый столъ, посреди краснаго крыльца; потомъ переводитъ магистровъ изъ-за кортежа къ класснымъ горкамъ, предъ которыми становятся они въ два ряда, лицомъ на северъ. Какъ скоро гланатай провозгласитъ: *Указъ*, то магистры становятся на колѣни. Чтець указа становится на восточной сторонѣ крыльца, лицомъ на западъ, и читаетъ, указъ: токого-то года, мѣсяца и числа производимо было дворцовое испытаніе магистровъ. Государь благоизволилъ магистрамъ перваго разряда дать титулъ *магистровъ*, магистрамъ втораго разряда дать титулъ *вышедшихъ изъ магистровъ* (*Цзинь-ми-чу-мень*); магистрамъ третьяго разряда дать титулъ *вѣсть вышедшихъ изъ магистровъ* (*Тхунь-цзинь-ми-чу-мень*). Послѣ сего чиновникъ, сообщаящій объявленіе, возглаголетъ: *Первый магистръ перваго разряда такой-то*. Когда сіе объявленіе передано будетъ по красному крыльцу внизъ, то распорядитель классовъ ведетъ его на восточную сторону къ класснымъ горкамъ 10 класса, и становится на колѣни. Вторично возглаголетъ: *Второй магистръ перваго разряда такой-то*. Послѣ двухъ передачъ, ведутъ его на западную сторону, къ класснымъ горкамъ 13 класса и ставятъ на колѣни. Въ третій разъ возглаголетъ: *Третій магистръ перваго разряда такой-то*. Послѣ трехъ передачъ, ведутъ его къ класснымъ горкамъ 14 класса, и становятся на колѣни. Въ четвертый разъ возглаголетъ: *Первый магистръ втораго разряда, такой-то, и съ нимъ столько-то; первый магистръ третьяго разряда такой-то, и съ нимъ столько-то*. О всѣхъ трижды передаютъ но ихъ не выводятъ изъ рядовъ. Послѣ сего чиновникъ Обрядовой Палаты, взявъ объявленіе, сходитъ среднимъ крыльцемъ, выходитъ среднимъ проходомъ воротъ — Тхай-хо-мынь, и за нимъ ведутъ трехъ магистровъ перваго разряда, а потомъ и прочихъ. По выходѣ изъ дворца, они становятся по обѣимъ сторонамъ воротъ Ву-мынь. Если производитель дворцовое испытаніе военнымъ магистрамъ, то также одинъ изъ магистровъ принимаетъ объявленіе, и передаетъ имену Военной Палаты, которой, принявъ объявленіе съ колѣнопреклоненіемъ, полагаетъ на столъ на красномъ крыльцѣ, а по совершеніи обряда, членъ отдѣленія Военной Палаты беретъ объявленіе и выходитъ изъ дворца.

Когда Государь бываетъ на ученомъ пиршествѣ, то два

председателя вводить толковниковъ Маньчжурскаго и Китайскаго въ тронную.

Когда подносить Государю жизнеописание покойнаго его родителя, и его наставленія къ народу, то два председателя вводятъ сочинителей, съ ихъ сочиненіями, въ тронную Бао-хо-дьянъ; и какъ скоро Государь по принятіи книгъ, вступить въ тронную Тхай-хо-дьянъ, для принятія поздравленія отъ чиновниковъ, то два председателя словесно доносятъ ему, и передаютъ его отвѣтъ поздравляющимъ.

Подобнымъ же образомъ Государь принимаетъ поздравленіе по совершеніи обряда землепашества.

Комитету въ обязанность постановлено, при совершеніи обрядовъ при Государѣ, наблюдать следующее:

1. Чтобы являющіеся во дворецъ входили и выходили тѣмъ воротами, которыми на каждый случай предписано проходить, соответственно классу.
2. Чтобы во дворецъ каждый становился въ томъ ряду, въ которомъ слѣдуетъ ему быть по классу.
3. Чтобы каждый становился на той сторонѣ, на которой предписано ему быть, смотря по мѣсту, случаю и званію.
4. Доносить Государю о неявишихся во дворецъ, безъ предварительнаго объявленія законной причины.
5. Доносить Государю на тѣхъ, которые во дворецъ будутъ громко говорить, перешептываться, стоять спиною къ тронной, или безъ причины переходить чрезъ царскую дорогу, съ одной стороны на другую.

При Комитетъ находится 16 церемоніальныхъ махатаевъ и четыре ученика. Должность ихъ, при выходѣ Государя, состоитъ въ провозглашеніи пріемовъ поклоненія и объявленія указовъ.

IV.

Астрономическій Институтъ.

Онъ состоитъ изъ присутствія, и трехъ комиссій.

I. Составъ присутствія.

Въ Астрономическомъ Институтѣ присутствуютъ Главноуправляющій, назначаемый Государемъ, два председателя, — два вице-председателя и четыре совѣтника. Они заведываютъ астрономическими наблюденіями и вычисленіемъ времени.

Примѣчаніе. До высылки Европейскихъ милліонеровъ изъ

Китаю трое изъ нихъ присутствовали въ институтѣ, и занимались, не сочиненіемъ календарей, какъ думали въ Европѣ, а повѣркою вычисленій, дѣлаемыхъ Китайскими астрономами.

Въ 1 день средняго весенняго (Мартовской луны) мѣсяца, институтъ представляетъ Государю образецъ мѣсяцослова на будущій годъ, а по полученіи указа приступаетъ къ сочиненію.

Мѣсяцословъ Ши-сянь-шу есть двоякій: одинъ сочиняемый для Государя, а другой для всего государства. Въ обоихъ изложено астрономическое раздѣленіе времени на мѣсяца и восемь главныхъ перемѣнъ — два поворота, два равноденствія, начала весны, лѣта, осени и зимы; сверхъ сего показано въ немъ восхожденіе и захожденіе солнца, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи; точное время народженія, полнолунія и четвертой мѣсяца. Сверхъ астрономическихъ наблюденій, еще помѣщены въ немъ бываютъ астрономическія исчисленія счастливыхъ и несчастливыхъ дней, съ показаніемъ, что въ который день слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, и мнѣологическое распредѣленіе странъ свѣта, разнымъ духамъ, въ годовое управленіе. Государевъ мѣсяцословъ отличается отъ общаго небольшимъ распространеніемъ послѣдней статьи, и сверхъ того представляется только на Маньчжурскомъ и Китайскомъ языкахъ, а общій мѣсяцословъ печатается на трехъ языкахъ: Маньчжурскомъ, Монгольскомъ и Китайскомъ. Сверхъ обыкновеннаго мѣсяцослова, издается еще мѣсяцословъ на стоянціи семи плавателей *Ци-чжэнь-ши-сянь-шу*, печатаемый на языкахъ Маньчжурскомъ и Китайскомъ.

Институтъ, кончивъ сочиненіе мѣсяцослова, разсылаетъ образцы онаго по губерніямъ, а въ 1-й день перваго зимняго (Ноябрьской луны) мѣсяца представляетъ напечатанный мѣсяцословъ Государю и Государынѣ.

Въ 1-й день четвертаго мѣсяца, институтъ препровождаетъ въ Военную Палату по одному для каждой губерніи экземпляръ мѣсяцослова, на Китайскомъ языкѣ, а палата разсылаетъ ихъ къ председателямъ Казенныхъ Палатъ, которые печатаютъ по этимъ образцамъ нужное для своихъ губерній число экземпляровъ, и въ свое время рассылаютъ по областямъ, округамъ и уѣздамъ. Институтъ подноситъ Государю одинъ письменный экземпляръ на Маньчжурскомъ и Китайскомъ языкахъ, одинъ печатный экземпляръ на трехъ

языкахъ, и одинъ печатный-же экземпляръ о состояннн планетъ, на двухъ языкахъ, въ шелковой, желтой оболочкѣ, и безъ приложенія печати. Государынѣ подносятся одинъ экземпляръ, на трехъ языкахъ, одинъ экземпляръ о состояннн планетъ, на двухъ языкахъ; такое же число тремъ первымъ Государевымъ супругамъ, всѣмъ въ желтой оболочкѣ и безъ печати, а четвертый безъ оболочки.

Послѣ сего институтъ выпускаетъ въ свѣтъ мѣсяцословъ, и рассылаетъ мѣсяцословы, куда слѣдуетъ. Каждому князю посылается по одному экземпляру, на Маньчжурскомъ и Китайскомъ языкахъ, въ канцелярнн восьми знаменъ, въ Палаты, приказы и присутственные мѣста, каждому чиновнику, по одному экземпляру; Маньчжурамъ на Маньчжурскомъ Монголамъ на Монгольскомъ, дивизионнымъ Китайцамъ на Китайскомъ языкахъ.

Въ 1-й день Новаго года, также при началѣ восьми большихъ годовыхъ перемѣнъ производится гаданіе о вѣтрахъ.

На Пекинской обсерваторіи поставлена вѣха, съ флюгеромъ, показывающимъ направленіе вѣтровъ. На новый годъ, въ 1 часу по полуночи, въ оба поворота, въ оба равноденствія и въ началѣ годовыхъ временъ, въ минуты между окончаніемъ одной и началомъ другой перемѣны, наблюдаютъ по этой вѣтренной вѣхѣ, съ какой стороны дуетъ вѣтръ и чрезъ три дни доносятъ Государю. Такимъ же образомъ наблюдаютъ, съ какой стороны услышанъ будетъ первый громъ и представляютъ Государю.

Институтъ заблаговременно представляетъ Государю о солнечныхъ и лунныхъ затмѣннхъ, а въ свое время производить наблюденія надъ оными.

Институтъ, еще за пять мѣсяцевъ до затмѣнн, вычисливъ, въ какихъ, и въ какое время, и какое затмѣніе видимо будетъ представлять Государю чертежъ, который при указѣ сдается Обрядовой Палатѣ, а палата обнародываетъ его по Имперіи. Предъ самымъ затмѣніемъ, председатели института, съ своими чиновниками и съ чиновниками Обрядовой Палаты, всходятъ на обсерваторію, для наблюденія, а въ присутственныхъ мѣста отправляютъ казенныхъ воспитанниковъ, которые, при затмѣнн солнца, или луны, показываютъ начало, полногу и конецъ затмѣнн. Въ пасмурные дни наблюденій не дѣлаютъ.

Институтъ, предъ началомъ весны, утверждаетъ форму духа весны, съ глинянымъ воломъ.

Пекинское Областное Правленіе, еще за шесть мѣсяцевъ до начала весны, сообщаетъ въ институтъ о начертаннн формы духа весны, съ глинянымъ воломъ, и чертежъ сей представляетъ Государю. Въ день начала весны каждому Князю посылается одинъ экземпляръ сего чертежа.

Институтъ опредѣляетъ дни для жертвоприношеній.

Жертвы приносятъ на кругломъ жертвенникѣ въ зимній поворотъ; на четвероугольномъ жертвенникѣ въ лѣтній поворотъ; утреннему солнцу при весеннемъ равноденствіи; вечерней лунѣ при осеннемъ равноденствіи; временныя предложенія въ великомъ храмѣ совершаются въ 1-й день перваго весенняго, перваго лѣтняго, перваго осенняго и перваго зимняго мѣсяцевъ; общее жертвоприношеніе въ великомъ храмѣ совершается за день до новаго года; жертвоприношеніе съ моленіемъ о хлѣбороднн совершается перваго весенняго мѣсяца въ 1-й день подъ названіемъ *Синъ*; съ (исключеніемъ) жертвоприношеніе въ храмѣ планеты Юпитера бываетъ въ счастливый день, изъ чиселъ 8, 9 и 10-го, въ средній, весенній и средній осенній мѣсяцы. Въ 1-й день, подъ названіемъ *Сюй*, совершается жертвоприношеніе духамъ *Ше* и *Цзи*, а въ первый день, подъ названіемъ *Динъ*, возніе въ храмѣ древняго учителя, Въ исходъ втораго, или въ началѣ третьяго мѣсяца, въ счастливый день подъ названіемъ *Хай*, совершается жертвоприношеніе изобрѣтателю земледѣлія. Въ третій мѣсяць, въ счастливый день, жертвоприношеніе изобрѣтателнцъ шелководнн. Въ средній весенній и въ средній зимній мѣсяцы, въ 1-й день, подъ названіемъ *Цзи*, совершается жертвоприношеніе изобрѣтателямъ врачеванія. Весною и осенью, въ счастливый день, также въ 15-й день пятаго мѣсяца, совершается жертвоприношеніе славному Гуань-ди. Въ третій день втораго мѣсяца также въ счастливый день средняго осенняго мѣсяца, приносятъ жертву въ храмѣ Выпъ-чанъ-міао. Въ 23 день шестаго мѣсяца приносятъ жертву духу огня, Хо-шенъ. Весною и осенью, въ счастливый день, приносятъ жертву въ храмѣ царей. Въ день рожденія Государева совершается предложеніе въ Сянь-ю-гуанъ. Въ храмѣ Восточной освященной горы, въ храмѣ покровителю города, и въ храмахъ, посвященныхъ славнымъ мужамъ, приносятъ жертву въ дни, которые инсти-

туть опредѣляетъ въ девятомъ мѣсяцѣ предшествовавшего года, и сообщаетъ комитету Тхай-чань-сы.

Когда Государь самъ совершаетъ жертвоприношеніе, то чиновники института опредѣляютъ часы.

Жертвоприношеніе на кругломъ жертвенникѣ, въ храмѣ моленія о хлѣбородіи, и въ храмѣ небу, совершается за $1\frac{1}{2}$ часа до восхода солнечнаго; на четвероугольномъ жертвенникѣ за $1\frac{1}{2}$ часа до восхода солнечнаго; въ Великомъ храмѣ, на жертвенникѣ духамъ Ше и Цзи, за часъ до восхода солнечнаго; на жертвенникѣ солнцу за $1\frac{1}{2}$ часа до восхожденія солнечнаго; на жертвенникѣ луны въ три часа по полудни; на жертвенникѣ избобрѣтателю земледѣлія въ половинѣ шестаго по полуночи; въ храмѣ царей и въ храмѣ древняго учителя за $1\frac{1}{2}$ часа до восхода солнечнаго. Институтъ предварительно дѣлаетъ справки о часахъ жертвоприношенія, и сообщаетъ комитету Тхай-чань-сы, а въ день жертвоприношенія отряжаетъ двухъ чиновниковъ, которые, вмѣстѣ съ чиновниками Обрядовой Палаты и комитета Тхай-чань-сы, ожидаютъ у воротъ Государева дворца, чтобы доложить о наступленіи времени.

Такимъ же образомъ, институтъ поступаетъ въ тѣ дни, когда бываетъ большой, или обыкновенный, выходы при дворѣ.

Онъ посылаетъ двухъ чиновниковъ, ожидать времени и доложить Государю о наступленіи минутъ идти въ тронную

Въ институтѣ, кромѣ присутствія, находятся еще три комисіи: одна для сочиненія мѣсяцслова; другая для произведенія наблюденій на обсерваторіи; третья для наблюденія водныхъ часовъ.

Въ комисіи для сочиненія мѣсяцслова находится 33 астронома и 63 студента, которые занимаются сочиненіемъ мѣсяцслова, вычисленіемъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, и стоянія планетъ.

Для сочиненія мѣсяцслова предварительно вычисляютъ:

1. Годовыя перемѣны въ атмосферѣ.

Годовыхъ перемѣнъ въ атмосферѣ считается 24. Онѣ вычисляются по истинному теченію солнца. Въ первомъ градусѣ перваго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Синь-цзи-гунь, *зимній поворотъ*, середина * 11 мѣсяца; чрезъ 15^о *малыя мо-*

* Подѣ срединою разумѣется средія точка, а подѣ колыномъ — вещь одной и начало другой перемѣны.

розги, колыно 12 мѣсяца. Въ 1^о втораго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Юань-ву-гунь, *большіе морозы*, середина 12 мѣсяца; чрезъ 15^о *Начало весны* колына 1-го мѣсяца. Въ 1^о третьяго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Цзюй-цзы-гунь, *дождевая вода*, середина 1-го мѣсяца; чрезъ 15^о *пробужденіе животныхъ и насекомыхъ отъ лежки*, колыно втораго мѣсяца. Въ 1^о четвертаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Цзиль-лэ-гунь, *весеннее равноденствіе*, середина втораго мѣсяца; чрезъ 15^о *листья*, колыно третьяго мѣсяца. Въ 1^о пятаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Да-лян-гунь, *хлѣбный дождь*, середина третьяго мѣсяца; чрезъ 15^о *начало льта*, колыно четвертаго мѣсяца. Въ 1^о шестаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Ши-чен-гунь, *наливъ*, середина 4 мѣсяца; чрезъ 15^о *созрѣніе*, колыно пятаго мѣсяца. Въ 1^о седьмаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Чунь-шеу-гунь, *лѣтній поворотъ*, середина 5-го мѣсяца; чрезъ 15^о *малыя жары*, колыно пятаго мѣсяца. Въ 1^о восьмаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Чунь-хо-гунь, *большіе жары*, середина шестаго мѣсяца; чрезъ 15^о *начало осени*, колыно 7-го мѣсяца. Въ 1^о девятаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Чунь-вэй-гунь, *конецъ жаровъ*, середина 7-го мѣсяца; чрезъ 15^о *блглая роса*, колыно 8-го мѣсяца. Въ 1^о десятаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Шеу-синь-гунь, *осеннее равноденствіе* середина, 8 мѣсяца; чрезъ 15^о *мерзлая роса*, колыно девятаго мѣсяца. Въ 1^о одиннадцатаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Да-хо-гунь, *паденіе инеи*, середина 9-го мѣсяца; чрезъ 15^о *начало зимы*, колыно 10-го мѣсяца. Въ 1^о двѣнадцатаго звѣна эклиптики, подѣ названіемъ Чжи-му-гунь, *малыя снѣги*, середина десятаго мѣсяца; чрезъ 15^о *большіе снѣги*, колыно 11 мѣсяца.

Прилипаніе. Китайцы раздѣляютъ эклиптику, или орбиту солнца, на 12 звеньевъ, изъ коихъ каждое содержитъ въ себѣ 30 градусовъ, и имѣетъ свое названіе. Это сходствуетъ съ принятыми въ Европѣ двѣнадцатью знаками зодіака. Двадцать четыре перемѣны въ атмосферѣ въ 1835 году опредѣлены были слѣдующимъ образомъ:

Начало весны въ 7-й день 1-го мѣсяца, въ 5 часовъ и 17 минутъ по полудни (24 Января).

Дождевая вода въ 22 день 1-го мѣсяца, въ часъ и 12 минутъ по полудни (8 Февраля).

Пробуждение сплещивъ въ лежку въ 8-й день 2-го мѣсяца, въ часъ и 52 минуты по полудни (25 Февраля).

Весеннее равноденствіе въ 23 день 2-го мѣсяца, въ 3 часа и 19 минутъ по полудни (10 Марта).

Ясность въ 8-й день 3-го мѣсяца, въ 5 часовъ и 51 минуту по полудни (25 Марта).

Хлебный дождь въ 24 день 3-го мѣсяца, въ 3 часа и 45 минутъ по полуночи (10 Апрѣля).

Начало лѣта въ 9 день 4-го мѣсяца, въ 2 часа 36 минутъ по полудни (25 Апрѣля).

Малый наливъ въ 25-й день 4-го мѣсяца, въ 4 часа 24 минуты по полуночи (11 Мая).

Созрѣніе въ 11-й день 5-го мѣсяца, въ 5 часовъ 38 минутъ по полудни (26 Мая).

Лѣтний поворотъ въ 27-й день 5-го мѣсяца, въ 51 минуту перваго часа по полудни (11 Юня).

Малые жары въ 15-й день 6-го мѣсяца, въ 6 часовъ и 28 минутъ по полуночи (26 Юня).

Большіе жары въ 28 день 6-го мѣсяца, въ 11 часовъ 42 минуты по полудни (9 Юля).

Конечъ жаровъ въ 1-й день 7-го мѣсяца, въ 6 часовъ 32 минуты по полуночи (12 Августа).

Начало осени въ 14-й день высокоскаго 6-го мѣсяца, въ 4 часа 22 минуты по полудни (27 Юля).

Бѣлая роса въ 16 день 7 мѣсяца, въ 6 часовъ 25 минутъ по полудни (26 Августа).

Осеннее равноденствіе, въ 3, день 8-го мѣсяца, въ 3 часа 21 минуту по полуночи (12 Сентября).

Мерзлая роса въ 18-й день 8-го мѣсяца, въ 9 часовъ 19 минутъ по полуночи (27 Сентября).

Паденіе ислъ въ 3 день 9-го мѣсяца, въ 11 часовъ 45 минутъ по полуночи (12 Октябля).

Начало зимы въ 18 день 9-го мѣсяца, въ 11 часовъ 20 минутъ по полуночи (27 Октябля).

Малые снѣги въ 4-й день 10-го мѣсяца, въ 7 часовъ 58 минутъ по полуночи (11 Ноября).

Большіе снѣги въ 19-й день 10-го мѣсяца, въ 2 часа 48 минутъ по полуночи (26 Ноября).

Зимний поворотъ въ 5-й день 11-го мѣсяца, въ 6 часовъ 20 минутъ по полудни (10 Декабря).

Малые морозы въ 18-й день 11 мѣсяца, въ часъ и 19 минуту по полудни (25 Декабря).

Большіе морозы въ 4-й день 12-го мѣсяца, въ 6 часовъ 35 минутъ по полуночи (19 Января).

Начало весны въ 19 день 12-го мѣсяца, въ 58 минутъ 1-го часа по полуночи (24 Января).

2. Новолуніе и полнолуніе.

Черезъ вычисленіе разстоянія луны отъ солнца доходятъ, когда солнце и луна, въ истинномъ ихъ теченіи, сходятся въ одномъ градусѣ одного котораго либо звѣна эклиптики, и сіе соединеніе называется *рожденіемъ луны*. Удаленіе луны отъ солнца на три звѣна эклиптики, или на 90° , производитъ первую четверть; разстояніе на 180 производитъ полнолуніе; разстояніе на 270° производитъ послѣднюю четверть.

3. Восхожденіе и захожденіе солнца въ разныхъ мѣстахъ Платеріи.

Время восхожденія солнца на каждомъ мѣстѣ вычисляется по градусамъ географической широты, иначе высоты надъ сѣвернымъ полюсомъ.

4. Определеніе года, мѣсяцовъ и дней.

Годъ раздѣляется на солнечный, *Суй*, и лунный, *Нинь*. Первый считается отъ точки зимняго поворота до точки слѣдующаго зимняго поворота, и содержитъ въ себѣ 365 дней 5 часовъ, 3 четверти, 3 минуты и 57 секундъ. Лунный годъ считается съ 1 дня 1 мѣсяца до истеченія 12 мѣсяца, и содержитъ въ 12 мѣсяцахъ 365 дней съ остатками. Остатки простираются до шести дней. Когда изъ нихъ остатковъ составится цѣлый мѣсяць, сверхъ обыкновенныхъ 12 мѣсяцовъ, то опредѣляется *высокосный* мѣсяць, немѣющій средины, и поставляется высокоснымъ. Въ немъ время выше колѣна соединенія относится къ предыдущему, а время ниже колѣна соединенія къ слѣдующему мѣсяцу. Мѣсяць бываетъ *большой* и *малый*; первый имѣетъ 30, второй 29 дней. День содержитъ въ себѣ 12 часовъ; часъ дѣлится на предыдущую и слѣдующую половину, или на два малыхъ часа. Малый часъ содержитъ въ себѣ четыре четверти. День начинается

* Смотря по иню 1-го дня предыдущаго и послѣдующаго мѣсяца, если пень 1-го дня тотъ же, то бываетъ *большой* мѣсяць, а если пень другой, то *малый* мѣсяць.

одинадцатымъ часомъ по полудни, а оканчивается одинадцатымъ по полуночи (подъ днемъ же разумются сутки).

Примѣчаніе. Въ разговорахъ, подъ солнечнымъ годомъ разумется текущій, а подъ луннымъ круглый протекшій годъ.

5. *Определение счастливыхъ и несчастливыхъ дней.*

Раздѣленіе дней на счастливые и несчастливые, и припроевленіе дѣлъ съ оными производится не на основаніи вліянія небесныхъ свѣтъ, а на мнѣніи, что въ какой день приличнѣе дѣлать, сообразуясь съ свойствами духовъ, коимъ извѣстные дни ввѣряются въ управленіе. Въ слѣдствіе сего мнѣнія есть въ году дни любимые небомъ, дни, въ которые небо особенно изливааетъ милости, и проч. — Дни любимые небомъ суть: въ первомъ мѣсяцѣ, подъ названіемъ И-хай; во второмъ Цзл-суй; въ третьемъ И-ю; въ четвертомъ Бинь-шенъ; въ пятомъ Динь-вэй; въ шестомъ Суй-ву; въ седьмомъ Гынъ-ченъ; въ девятомъ Синь-мао; въ десятомъ Шин-анъ; въ одинадцатомъ Кхуй-чеу; въ двенадцатомъ Цзл-цзы. Государь имѣетъ 67, а подданные 37 дѣлъ, которыхъ исполненіе зависитъ отъ дней, почему таковыя дѣла начинаются, или производятся въ тѣ дни, которые въ мѣсяцословъ означены благопріятствующими для нихъ. Даже религіозное моленіе подчинено вліянію счастливыхъ дней.

Въ Коммисіи наблюденій на обсерваторіи находится 11 астрономовъ и 43 ученика, которые занимаются наблюденіемъ небесныхъ явленій, какъ-то:

1. Измѣреніемъ дней по солнечной тѣни, что производить въ полдень весенняго и осенняго равноденствія.
2. Измѣреніемъ ночей по средней звѣздѣ.
3. Измѣреніемъ взаимнаго отстоянія планетъ между собою.
4. Наблюденіемъ явленій въ солнцѣ, лунѣ и пяти планетахъ.

Въ юговосточномъ углу Пекина, на городской стѣнѣ, построена обсерваторія, на которой два астронома, съ 15-ю учениками, определены для наблюденій. Изъ нихъ четыре человека смотрятъ въ четыре стороны, и чрезъ каждые два часа смѣняются. Наблюденія производятся помощію математическихкихъ орудій, паходящихся на обсерваторіи.

5. Забѣчаніемъ разныхъ воздушныхъ явленій, прохожденія кометъ и блудящихъ звѣздъ.

Астрономы ведутъ журналъ, въ которомъ ежедневно замѣчаютъ состояніе погоды, и разныя измѣненія въ атмосферѣ.

Сей журналъ называется Цинь-минь-фынь-той-лу; пишется на двухъ языкахъ: Маньчжурскомъ и Китайскомъ, и во второй мѣсяцъ слѣдующаго представляется Государю.

Въ Коммисіи наблюденія водяныхъ часовъ находится 13 астрономовъ, 8 учениковъ астрономіи и 10 учениковъ для опредѣленія счастливыхъ и несчастливыхъ дней. Они занимаются:

1. Определеніемъ истиннаго времени дня и ночи на разныхъ мѣстахъ.

Круглый день, т. е. сутки, содержитъ въ себѣ 12 часовъ, часъ восемь четвертей, четверть 60 минутъ, минута 60 секундъ. Въ день весенняго и осенняго равноденствія день и ночь повсюду равны, а послѣ сего длина дней и ночей каждаго мѣста зависитъ отъ его близости къ полюсу, или экватору.

2. Наблюденіемъ времени по водянымъ часамъ.

3. Назначеніемъ счастливыхъ дней для тѣхъ жертвоприношеній, совершенію которыхъ нѣтъ опредѣленныхъ дней.

4. Назначеніемъ счастливыхъ дней для тѣхъ выѣздовъ Государя, для которыхъ нѣтъ опредѣленнаго времени.

5. Выборомъ мѣстъ, имѣющихъ счастливое расположеніе.

Примѣчаніе. Хорошее во всѣхъ физическихъ отношеніяхъ мѣстоположеніе считается счастливымъ, т. е. имѣющимъ счастливое вліяніе на обстоятельства живущихъ на ономъ. По сему правилу, Китайцы наиболѣе домашнія несчастія приписываютъ обитаемому мѣсту, и если оно имѣетъ неблагопріятное положеніе, то нерѣдко перемѣняютъ даже мѣста самыхъ кладбищъ, т. е. вырываютъ гробы своихъ предковъ и переносятъ на другое мѣсто.

V.

Врачебный Приказъ.

Составъ Врачебнаго приказа и предметъ его.

Въ Врачебномъ приказѣ присутствуютъ предсѣдатель приказа, старшій и младшій совѣтники. Они завѣдываютъ испытаніемъ врачей въ девяти отдѣленіяхъ врачебной науки, и съ своими подчиненными занимаются только врачеваніемъ.

Примѣчаніе. Врачебный приказъ собственно есть врачебная придворная контора, члены коей постоянно служатъ при дворѣ, и отсель, по надобности, отправляются въ разныя мѣста.

Служащіе во дворцѣ исправляютъ дежурство по очередямъ.

Предсѣдатель, помощники, и подчиненные имъ чиновники, исправляютъ дежурство каждый по тому отдѣленію своей науки, по которому былъ на испытаніи. Исправляющіе дежурство во внутреннемъ дворцѣ называются дворцовыми; дежурящіе въ внутренняго дворца называются шестью дежурствами. Первые дежурятъ въ дворцовой аптекѣ, и въ дежурныхъ комнатахъ передъ внутреннимъ дворцомъ, а послѣдніе во вѣнскихъ дежурныхъ комнатахъ.

Дворцовые лекари сопутствуютъ Государю во всѣхъ его путешествіяхъ.

Въ доровѣ даются имъ казенныя подводы, содержаніе и палатки.

Они пользуются царскую фамилію, и врачебныя припасы для сего заблаговременно заготовляютъ.

Чиновникъ Врачебнаго приказа, по осмотрѣ болѣзни, идетъ съ эвнухомъ въ дворцовую аптеку, и набравъ лекарственнаго матеріаловъ по рецепту, представляетъ оныя Государю, съ описаніемъ свойствъ ихъ, за подписью своею и эвнуха. Послѣ сего оба они обязаны присутствовать при вареніи лекарства.

Для приготовленія лекарства Государю, берется двойной пріемъ, а когда оно сварится, разливаютъ его въ два сосуда. Изъ перваго должны отвѣдать прежде царскій лекарь, потомъ предсѣдательвъ помощникъ, а наконецъ эвнухъ. Второю сосудъ съ лекарствомъ подаютъ Государю. Кто ошибется въ наборѣ лекарства по рецепту, или въ подписи на конвертѣ съ наборомъ, тотъ судится какъ государственннй преступникъ. Лекарственныя припасы для дворцовой аптеки покупаются черезъ подрядчиковъ, и принимаются чиновниками приказа, которые, отобравъ лучшіе, сырыми сдаютъ ихъ въ дворцовую аптеку, а здѣсь ученики сами готовятъ ихъ къ употребленію.

Врачебная наука у Китайцевъ раздѣляется на девять отдѣленій, по болѣзнямъ и средствамъ леченія, какъ-то: о болѣзняхъ простудныхъ, о болѣзняхъ женскихъ, о поврежденіяхъ и ранахъ, о леченіи прокалываніемъ и прижиганіемъ, о болѣзняхъ глазныхъ, о болѣзняхъ зубныхъ и гортанныхъ, о костоправленіи, и проч. Каждый дворцовый лекарь и уче-

никъ обязаны упражняться преимущественно въ одномъ которомъ либо изъ упомянутыхъ отдѣленій, а испытываются во всѣхъ девяти отдѣленіяхъ.

Государь посылаетъ дворцовыхъ лекарей къ вельможамъ и заграничнымъ князьямъ.

Когда князь, царевна, или кто изъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ впадетъ въ болѣзнь, то Государь посылаетъ къ заболѣвшей особѣ тѣлохранителя, съ дежурнымъ, или съ наряженнымъ изъ приказа лекаремъ, который, по возвращеніи, доносить Государю, какъ о родѣ болѣзни, такъ и о способѣ ея леченія. Когда заболѣтъ царевна, мужъ ея, или князь какой либо, изъ живущихъ за границею, то Государь по почтѣ посылаетъ туда лекаря, съ лекарствами изъ дворцовой аптеки, который по возвращеніи также подаетъ Государю донесеніе.

Изъ Врачебнаго приказа еще отправляютъ лекарей въ армію, въ экзаменальный домъ въ столицѣ, и въ столичную тюрьму.

Къ арміи отправляютъ одного лекаря, въ главную квартиру. Въ экзаменальный дворъ наряжаютъ двухъ учениковъ на время испытанія, а въ тюрьму опредѣляютъ двухъ учениковъ на шесть лѣтъ.

Въ приказѣ считается 15-ть царскихъ лекарей, 30-ть старшихъ лекарей *Ли-шу*, 40 младшихъ лекарей *И-ши*, и 30 учениковъ.

На вакантныя мѣста учениковъ принимаются совершенно знающіе врачебную науку. Ученики повышаются на убывшія мѣста младшихъ лекарей, младшіе на мѣста старшихъ, старшіе на мѣста царскихъ лекарей.

БУЛАВОЧНАЯ ФАБРИКА

И

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(СТАТЬЯ НИЗАРЪ).

Эти два посѣщенія соединяю я въ одну статью, потому, во-первыхъ, что они сдѣланы были въ одинъ день, а во-вторыхъ и потому, что они доставили мнѣ двойной случай удивляться *лаконисму* Англичанъ. Лаконизмъ Спартанскій славенъ былъ въ цѣлой древности; но сомнѣваюсь, чтобы онъ былъ строже и непреклоннѣе лаконисма Англійскаго. Не говорить ничего лишняго, и никогда не разнообразить звуковъ голоса для выраженія чегонибудь — вотъ подъ какими видами проявляется онъ, особенно для иностранцевъ, требующихъ и многихъ объясненій, и многихъ подробностей. Во Франціи, гдѣ Вольтеръ написалъ этотъ прелестный стихъ:

Le superflu, chose si nécessaire,
Излишнее, вещь столь необходимая,

стихъ, заключающій мысль весьма справедливую, особенно для разговора, мы разнообразимъ даже и то, какъ подходить къ другимъ и спрашивать, нѣтъ-ли чего новаго? Сколько характеровъ, столько различныхъ формъ. Если нѣтъ разнообразія въ словахъ, то оно въ движеніяхъ, сопровождающихъ рѣчь, въ игрѣ фізіономіи, во взорахъ, въ выраженіи голоса. Чѣмъ повторять одинакое одинаковымъ образомъ, мы перебрасываемъ конецъ къ началу, начало къ концу

и вмѣсто того, чтобы начать: *какъ вы поживаете?* мы этимъ кончимъ. Въ Англій, отъ начала вѣковъ, все высказывается одинаковыми словами, одинаковымъ голосомъ, съ одинаковымъ видомъ, въ одинаковое время. Вызываю васъ: отгадайте, по встрѣчѣ Англичанина съ Англичаниномъ, два ли это купца, привыкшіе встрѣчаться каждый день въ ихъ Royal-Exchange (биржѣ), или два друга, давно разлученные, изъ которыхъ одинъ, только что поутру, приплылъ изъ Америки? Эти два человѣка, обмѣнявшіеся пожатіемъ рукъ на троттуарѣ, отнюдь не показываютъ, что они благодарятъ случай, столкнувшій ихъ одного съ другимъ, когда ихъ разлучали и занятія, и дѣла, и дальнее разстояніе ихъ жилищъ. Кажется, будто эта встрѣча условное свиданіе по дѣламъ, и вмѣсто пріятнаго забвенія времени, они употребляютъ его на полезное.

Всѣ тѣ мелочи, которыя говорятся между друзьями, обмѣнъ быстрыхъ довѣренностей о томъ, что случилось въ то время, пока не видались, краткая повѣсть о замѣчательныхъ случаяхъ жизни, не найдутъ въ Англій ушей праздныхъ и любопытныхъ, предоставляемыхъ намъ ежедневно счастливымъ случаемъ во Франціи. Кажется, у Англичанина всегда и все рассчитано на часы. Не торопясь никогда, онъ не терлетъ ни одной минуты. Можно сказать, что онъ вышелъ изъ дому, рассчитавъ на *регуляторъ* минуты, во сколько и что именно должно сдѣлать. Все распределено: столько-то на желаю здравствовать, столько для распроса о новостяхъ, столько для прощанья. Если бы одинъ изъ встрѣтившихся съ нимъ захотѣлъ продолжить вопросы и отвѣты, ввести чтонибудь новое, разнообразить разговоръ, то другой въ это время думалъ бы про себя, и въ умѣ оканчивалъ дѣла свои. Этотъ *лаконизмъ* можетъ быть

не отличительнымъ качествомъ для одного лица особенно, если мы будемъ судить объ немъ, соображаясь съ нашимъ народнымъ вкусомъ къ излишеству, столь необходимому для насъ въ разговорѣ. Но если это обычай цѣлаго народа, великимъ долженъ быть этотъ народъ, берегающій такимъ образомъ свое время, самъ дѣлающійся временемъ, идущимъ на милліонахъ ногъ, которыя управляются и движутся къ цѣли милліонами головъ, и у котораго всѣ мгновенія суть событія предвидѣнныя и постепенныя безъ рѣшительнаго заключенія. Потому Англичане не ничтожный народъ, и Спарта, которая, вся легко умѣстилась-бы въ одномъ изъ графствъ Англіи, уступала только однимъ Аѳинамъ, гдѣ такъ хорошо умѣли высказывать совершенно бесполезное.

Другая форма Британскаго лаконизма состоитъ въ правилѣ: не говорить ничего лишняго. Здѣсь рѣчь о томъ, что мы называемъ во Франціи собственно-народнымъ духомъ. Хотѣлось бы мнѣ объяснить это лаконически. Первое правило, не говорить ничего лишняго, то, чтобы умѣть не говорить ничего, въ чемъ нѣтъ существенной пользы — я чуть было не сказалъ цѣнности, ибо слова въ Англіи такъ же оцѣняются, какъ банковые билеты. Пойдемъ-те за двумя Англичанами по большому тротуару Голборнскаго. Пройдя сто шаговъ, они перекинутъ другъ другу нѣсколько словъ, потомъ замолчатъ, и продолжаютъ идти вмѣстѣ и порознь. Кто изъ насъ, идя съ другомъ, даже съ постороннимъ, удержать языкъ на сто шаговъ? А они удержатъ его на двѣсти, на триста шаговъ, даже до самаго Банка, если нѣтъ ничего, что было-бы выгодно передать другъ другу. Говорить же изъ тщеславія — это почти непримѣрно въ ихъ землѣ. Англичанинъ доказываетъ превосходство свое дѣлами. На-

что ему тратить съ вами умъ? Вѣдь на умъ нѣтъ оборота, и за его умныя слова вы ему ничего не заплатите.

Второе правило: не говорить ничего лишняго — предлагать обо всемъ только необходимое число вопросовъ и отвѣтовъ. Дѣло идетъ о какомъ нибудь заведеніи. Хорошо. Есть известное число идей, которыми это заведеніе соединяется съ общими понятіями. Это, или общественная потребность, которой оно удовлетворяетъ, или общность его образованія, или его приходы и расходы, или главнѣйшіе его выводы. Предстоитъ дѣло частной промышленности. Мысли, къ нему относящіяся, заключатся въ тѣсномъ кругѣ доходовъ и расходовъ, убытка и прибыли, выводовъ вѣдшихъ и настоящихъ. Пока вы не отделились отъ всего этого, вы получаете отвѣты, краткіе, но прямые и удовлетворительные. Выступите на шагъ вѣнъ круга, заговорите о недостаткахъ заведенія, будущности, его оборотѣ промышленномъ, сторонѣ нравственной. Какъ! Что это такое? Что говоритъ онъ? Видно это праздный богачъ, или плохой хозяинъ своего языка, если онъ надѣдается людямъ распросами о томъ, знаніе чего не приноситъ имъ ни какой пользы. Особенно для иностранцевъ, любопытныхъ и склонныхъ къ распросамъ свыше предписанной программы, Англичане всего болѣе лаконически на послѣдній манеръ. Отъ того, сколько путешественниковъ возвращается изъ Англіи съ увѣренностью, что они были слишкомъ умны для Англіи. Это совершенная неправда. Если у Англичанъ слишкомъ много лаконизма, то есть и вопрошатели, неумѣющіе ни ограничивать, ни приводить въ ясность свои вопросы. Можетъ быть, я былъ изъ числа, такихъ, и если такъ, то мой небольшой рассказъ послужитъ урокомъ для тѣхъ, которые, подоб-

но мнѣ, не умѣють на чужбинѣ, сохранить скромности и ясности въ словахъ.

Прежде всего, чтобы при первомъ шагѣ не испугать потопомъ литературныхъ мелочей тѣхъ, которые должны были показать мнѣ булавочную фабрику и домъ сумасшедшихъ, я не рекомендовалъ себя имъ, ни въ званіи профессора, ни въ званіи писателя — два титула, отъ которыхъ они убѣжали и кроме испуга, названіемъ Француза, титулъ, который Англичане очень посредственно уважають, не взиралъ на союзъ съ нами. Сверхъ того, я рѣшился строго наблюдать за собою. Я отнималъ немножко времени у людей занятыхъ, и если Англичанинъ такъ скупъ на свое вниманіе для тѣхъ, кого можетъ выслушать съ какою нибудь для себя выгодой, то съ чего быть ему щедрѣе для любопытнаго, котораго надобно-бы спровадить, какъ грабителя времени, если бы сила приличій общественныхъ не принуждала удѣлить ему частички вниманія за ничто? И такъ, я заготовилъ списокъ моихъ вопросовъ, и начерталъ свой кругъ, чтобы не заставить платить слишкомъ дорого за мою прихоть приобрѣтать разнообразныя познанія, и показать тѣмъ, что я дорожу собственнымъ мовмъ временемъ, такъ же какъ и чужимъ. Моя прогулка началась булавочною фабрикою.

Я нашелъ фабриканта за его конторкою, занятаго письменными дѣлами, съ шляпою на головѣ, которой онъ не снялъ, почитая это излишнимъ. Онъ прочиталъ рекомендательное письмо, кивнулъ мнѣ головою, и тотчасъ приступилъ къ показу своего заведенія, выставилъ на столъ различныя корбочки образцовъ всякаго рода булавокъ, выработываемыхъ на его фабрикѣ: булавки для убора, шпильки, булавки для собраній насѣкомыхъ. Я спра-

шивалъ цѣну при каждой новой корбочкѣ. Столько-то, безъ поясненій. Корбочки осмотрѣны. «Сюда пожалуйте, *come this way*», сказалъ онъ мнѣ, и открылъ дверь, которая вела въ мастерскія. Я слѣдовалъ за нимъ.

Онъ далъ мнѣ осмотрѣть первыя мастерскія подобно и не торопясь. Пока я глядѣлъ, хозяйнѣ обращалъ рѣчь къ работникамъ, и одною рукою перехватывалъ у меня то время, которое давалъ другою. Впрочемъ, я и не надѣдалъ ему многими вопросами. Вовсе незнакомый съ дѣломъ промышленности пойметъ съ перваго взгляда весь составъ игольной фабрики. Въ сопровожденіи фабриканта, который не отдалъ себя однако жъ мнѣ въполнѣ, обѣжалъ я главныя мастерскія: волоочильный станокъ, на которомъ изъ куска мѣди, толщиною въ палець, тянутъ безконечную нитку, обвертывающуюся безчисленными кругами вокругъ цилиндра; мастерскую, гдѣ женщины, на большомъ столѣ, растягивають и выпрямляютъ эту самую нитку, изрѣзанную на прутья одинаковой величины; другую, гдѣ эти прутья длиною въ восемь и десять футовъ, сами собою рѣжутся на тысячи кусковъ, въ данну булавки; ту, гдѣ эти отрѣзки острятъ искусные работники на точильномъ камнѣ, изъ котораго брызжетъ тысяча искръ. Тутъ все просто, и я немогъ ошибаться моими вопросами. Сколько въ день выработывается на волоочильномъ станкѣ мѣдныхъ прутьевъ? Сколько эти женщины изготовляютъ ихъ? Сколько работникъ можетъ отточить булавокъ? На все былъ отвѣтъ общій.

Однако жъ, тихомолкомъ, про себя, я сравнивалъ силу и простоту средствъ фабричнаго производства, превосходство издѣлій, тяжелый воздухъ мастерскихъ и состояніе предметовъ и людей, занимавшихъ меня несравненно болѣе того, что выходило изъ ихъ

рукъ. Въ этомъ отношеніи особенно избаловала меня Бельгія. Тамъ гениальный человекъ, Джонъ Кокериль сомнилъ усовершенствованіе работъ съ улучшеніемъ жребія рабочихъ. Для помѣщенія человека подъ одну крышу съ паромъ, сдѣлавшимся его необходимымъ помощникомъ, онъ возвысилъ, расширилъ крышу, чтобы машина не портила воздуха необходимаго для рабочаго. Серенскія мастерскія, этотъ дворецъ новой промышленности, могутъ служить образцомъ для всѣхъ новыхъ предпріятій, и вопіющимъ упрекомъ противъ старинныхъ фабрикъ, водворяющихъ новыя изобрѣтенія въ старинныхъ, нездоровыхъ стѣнахъ, затѣснивъ въ одну кучу людей и машины въ тѣсныхъ углахъ, гдѣ машины душатъ человека, и алчный цилиндръ грозитъ каждый мигъ увлечь рабочаго, уцѣпясь за его лохмотья. Въ Серенѣ появились наконецъ грозные и неопредѣленные вопросы о новомъ устройствѣ работъ, тарифахъ, платѣ за труды, вопросы, которые рѣшались у насъ пушечными выстрѣлами. Передъ столь счастливымъ опытомъ падаютъ всѣ теоріи, при которыхъ раздражаются, не понимая другъ друга, и шумными возгласами отнимаютъ довѣренность у основательнѣйшихъ доводовъ. Здѣсь все рѣшено, и образованности не отъ чего краснѣть. Признакъ людей превосходныхъ — ничего недѣлать въ половину. Джонъ Кокериль, не обыкновенный торговецъ, заставляющій работниковъ пресмыкаться въ приюгахъ обветшалыхъ, чтобы набивать карманъ экономією отъ ихъ несчастнаго житія. У него была полная мысль, и онъ ничего не забылъ — даже и людей. Вотъ наконецъ мастерскія, гдѣ хозяинъ и работникъ друзья, гдѣ машина помогаетъ труду и умножаетъ его, гдѣ силы человека сбережены, плата ему прибавлена, жизнь человека безопасна и дыханіе свободно. Я жалѣлъ о Се-

ренѣ въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, въ Лондонѣ, посѣщая фабрики, гдѣ промышленность XIX-го вѣка помѣщена въ мастерскихъ Среднихъ вѣковъ. Новыя изобрѣтенія борются здѣсь съ старинными навыками. Польза новыхъ изобрѣтеній проявляется въ вещахъ, а вредъ стараго вполне тяготеетъ надъ людьми. Воспоминаніе Серена преслѣдовало меня на этой булавочной фабрикѣ, и тогда, какъ я вдыхалъ въ себя воздухъ, сгущенный невидимою пылью мѣди, и тогда, какъ взбирался я на лѣстницы, по ступенькамъ въ половину съданнымъ временемъ, трещавшимъ подъ моими ногами, прорубленнымъ въ доскахъ, для сбереженія мѣста. Но я ничего не говорилъ фабриканту, чувствовалъ, что это было бы излишнее. Я безмолвствовалъ и предлагалъ только вопросы кстати, о полномъ числѣ рабочихъ при заведеніи, объ исправности ихъ въ работѣ и тому подобныхъ предметахъ.

Такою-же скромностью наблюдалъ я, проходя рабочую, гдѣ простымъ и быстрымъ средствомъ приготавливаютъ мягкую мѣдь для булавокъ. На это достаточно одного взрослога и одного мальчика. Мальчикъ вертитъ рукоятку, которая обвертываетъ около себя латунный пруть; взрослый, одною рукою беретъ нѣсколько прутиковъ, а другою рѣжетъ ихъ ножницами въ объемъ булавочной головки. Въ одинъ разъ падаетъ двѣнадцать головокъ, а какъ работникъ приближаетъ ножницы къ мѣди столько разъ въ минуту, сколько ударяетъ пульсъ, то можно исчислить сколько одинъ человекъ можетъ изготовить булавочныхъ головокъ въ день. Объ этомъ я спросилъ фабриканта. Онъ отвѣчалъ, съ такою экономическою быстротою и Англійскимъ счетомъ, что я ничего не понималъ.

Но гдѣ не могъ я зажать рта, то есть, не могъ не разразиться бесполезными словами, это войдя въ залу, низкую, темную, гдѣ тридцать ребятишекъ, дѣвочекъ и мальчиковъ, подъ надзоромъ женщины, вооруженной тросточкою, очень похожею на розгу, наколачивали булавочныя головки. Каждый изъ нихъ сидѣлъ предъ какимъ-то вислицимъ молоткомъ; названіе *наголовника* (*tétoir*) достаточно высказываетъ его употребленіе, онъ падаетъ отвѣсно на булавку, выставляющую головку свою изъ дырочки, сдѣланной въ небольшой наковальнѣ. Работа сложная и утонченная. Вынимать булавки одну за другою изъ ящичка, накладывать на нихъ кусочекъ мягкой латуни, потомъ провести такимъ образомъ заготовленную булавку, въ дырочку, ударить по ней молотомъ, вынуть ее, и все это сдѣлать съ ловкостью, такъ, чтобы не уколоть и не раздавить пальца, и скромностію для выгоды фабриканта, и все это продолжать безъ остановки въ продолженіе шести часовъ, не слишкомъ ли этого много для бѣдныхъ дѣтей? Имъ запрещено разговаривать; они могутъ только обмѣниваться улыбками въ быстрый перелетъ мгновений, когда успѣютъ оторвать безъ вреда глаза свои отъ работы. Надзирательница, какъ сторожевая собака, обходя около станковъ, грозила палочкою тѣмъ которыхъ не могла достать рука этой лоскутницы, и вскрикивала охриплымъ голосомъ: «За дѣло! за дѣло», *make haste, make haste*. По временамъ быстро оборачивала голову, чтобы уловить и наказать нѣсколько прошептанныхъ словъ, мгновенную разсѣянность, шалость, потому что дѣти смѣются за работою, и въ ихъ рученкахъ рабочія орудія часто походятъ на игрушки. Слухъ этой женщины, изошренный не менѣе ея глазъ, умѣетъ от-

личать въ стукъ тридцати молотковъ, безпрестанно падающихъ и поднимающихся, не прервалъ ли кто работы отдыхомъ, или не вполне стукнулъ, можетъ быть, отъ того, что молотокъ упалъ на бѣдный пальчикъ, котораго не успѣли отдернуть. Прوماхи наказываютъ вычетомъ одного пенни изъ ничтожной дневной платы, а каково ребенку, когда онъ съ этимъ вычетомъ возвращается въ свое голодное семейство?

Я узналъ, что дѣти вырабатываютъ только по шести пенсовъ, или двѣнадцати нашихъ су. Сердце у меня пошевелилось, и я спѣшилъ выйти.

— Не слишкомъ ли тяжело для дѣтей работать въ день шесть часовъ сряду? спросилъ я фабриканта.

Отвѣта не было.

— Сколько прилежный ребенокъ можетъ наколотить головокъ въ день?

Съ удовольствіемъ сказано было число.

— Но если эти дѣти, въ продолженіе шести часовъ столько же выработаютъ, сколько могли бы выработать взрослые въ такой срокъ, то для чего не выдается имъ хоть половинная плата?

Уста фабриканта были сомкнуты.

— Какой средній возрастъ этихъ дѣтей?

Онъ отвѣчалъ. Самымъ старшимъ не было двѣнадцати лѣтъ.

— Но такая тяжелая и ранняя работа не пагубна ли для ихъ здоровья?

Онъ заговорилъ съ надзирательницею.

— Можете ли вы занимать работою цѣлый годъ всѣхъ этихъ тридцатерыхъ дѣтей?

«Нѣтъ».

— Когда вы ихъ отсылаете, что-же они дѣлаютъ? Молчаніе.

— Ежели вы требуете отъ ребенка всѣхъ силъ, которыя можетъ онъ издержать въ одинъ день, не справедливо-ли будетъ, чтобы онъ получалъ и плату достаточную на всѣ дневныя его нужды?

Молчаніе.

— Продаете-ли вы равное количество, или болѣе черныхъ булавокъ, нежели бѣлыхъ?

— Черныхъ болѣе, отвѣчалъ онъ голосомъ чело-вѣка, котораго ввели на его колею.

Мы вышли изъ мастерской; я располагался идти. Благодарность моя была коротка. — *Good by, Sir.* — *Good by, Sir.*

Не почель-ли онъ меня глупцомъ, онъ, въ глазахъ котораго бѣдныя дѣти суть машины? Можетъ быть. — Во всякомъ случаѣ я не былъ ни сколько обязанъ ему за четверть часа моего посѣщенія, ибо онъ только нѣсколькими минутами ускорилъ обходъ, который долженъ былъ дѣлать позже. Съ чистою совѣстью, направилъ я шаги — въ домъ сумасшедшихъ.

Это заведеніе основано и содержится добровольною подпискою. Вывѣска высказываетъ объ этомъ проходимъ, и къ чести Англій, вывѣски такого рода тамъ не рѣдки. Впрочемъ, ничего болѣе для наружности. Домъ сумасшедшихъ походитъ на всѣ другіе дома, жители которыхъ предполагаются людьми разумными. Я стукнулъ въ дверь блестящимъ мѣднымъ молоткомъ, и слуга вышелъ отпереть мнѣ. То былъ слуга доктора, управляющаго заведеніемъ. Онъ проводилъ меня къ своему господину, чело-вѣку важному и холодному, который прочиталъ мое рекомендательное письмо, поклонился мнѣ, и молча пошелъ передо мною, съ двойнымъ ключемъ въ

рукахъ, пригласивъ меня движеніемъ руки за собою слѣдовать. Вскорѣ очутились мы посреди лишенныхъ ума. Сюда принимаются оба пола; мы начали осмотрѣть мужскою половиною.

Первый встрѣтившій насъ былъ парикмахеръ, приведенный сюда не бѣдностью и не семейными горестями, но природною слабостью мозга. Вчесанные тупею волосы, засученные рукава, засаленный сюртукъ, тѣлодвиженія, все обличало въ немъ весельчака. Я угадалъ его, не спрашивая доктора, который вѣрно былъ благодаренъ мнѣ, что я не озабочивалъ его объясненіемъ при первомъ встрѣчномъ. Бѣдный парикмахеръ почитаетъ себя церемоніймейстеромъ. Три раза въ день, съ одинаковыми приемами, съ одинаковыми словами, онъ ведетъ доктора по своему корридору, указываетъ ему дорогу во всѣ комнаты, отпираетъ двери, и представляетъ товарищей своего несчастія. Это лучший безумецъ въ мірѣ. Однако жъ его, который брилъ столько людей, брвютъ другіе, опасался, чтобы онъ не перерзалъ себѣ горла.

Вслѣдъ за нимъ, величественнымъ шагомъ, подливъ голову, закинувъ полу сюртука на плечо, явился чело-вѣкъ довольно значительнаго вида, который почитаетъ себя Карломъ Кемблемъ. Сквозь шумный потокъ несвязныхъ словъ, я отличилъ имена Отелла и Дездемоны. Онъ жалуется, что завистники заточили его, чтобы онъ не помрачалъ ихъ своею славою. Онъ просилъ меня возвратить его театру, гдѣ ожидали его рукоплесканія толпы. Я обещалъ заняться этимъ. Тогда онъ оставилъ насъ, уроду нѣсколько стиховъ изъ Отелла, и началъ трагически прохаживаться по корридору, какъ актеръ,

обдумывающій за кулисами разительность своего выхода, бормоча первые стихи своей роли.

Что могло передать этому чловѣку такое странное безуміе? Былъ ли то бѣдный провинціальный комедіантъ, который переселилъ себя въ роли представляемыхъ имъ лицъ? Или это умъ нѣжный, но бранный, для котораго чтеніе Шекспира было слишкомъ крѣпкимъ напиткомъ? Я хотѣлъ узнать обо всемъ этомъ у доктора. О первомъ онъ ничего не зналъ, и отвѣчалъ мнѣ: Не знаю, *I do not know*. Касательно второй моей догадки, очевидно бесполезной, онъ даже и не прислушался къ ней.

— Сколько у васъ теперь сумасшедшихъ, мужчинъ и женщинъ?

Докторъ торопливо сказалъ мнѣ число.

— Сколько издерживается среднимъ числомъ на этихъ несчастныхъ?

Онъ отвѣчалъ.

— Какое число сумасшедшихъ исцѣляется, и сколько неизлечимыхъ?

И на это былъ отвѣтъ. И при каждомъ отвѣтѣ лицо доктора разсвѣтало. Прекрасно. Вотъ вопросы, которые должно предлагать между людьми умными, знающимъ цѣну времени. Хорошо-бы былъ примѣръ для дома сумасшедшихъ выходить за черту точнаго, положительнаго и настоящаго!

— Смотрите — сказалъ мнѣ докторъ, указывая на чловѣка, полурастянувшагося на столѣ, и повидимому, полусоннаго. «Это Французъ.» Онъ толкнулъ его, желая разбудить.

Я подалъ руку бѣдняку.

— Мы земляки — сказалъ я.

«Да,» отвѣчалъ онъ, зѣвая.

— Изъ которой вы части Франціи?

«Да.»

— Вы кажетесь печальны — продолжалъ я — чѣмъ же вы недовольны?

«Да.» —

Я не могъ понять, что значили всѣ эти *да*. Было ли это упорное безсмысліе? — Хотѣлъ ли онъ наказать меня, за то что я разбудилъ его? Я взялъ его за руку.

— Пожалуйста — сказалъ я — поговоримъ-те. Ради ли вы видѣть вашего соотечественника?

«Да.»

Все одно *да*. И такъ, въ этомъ состояло его безуміе. Было ли это наказаніе за *нѣтъ*, несправедливо произнесенное въ здоровомъ разсудкѣ, или иссохнувшая память удержала только одно это слово? — Прощайте — сказалъ я. *Да*, отвѣчалъ онъ. Докторъ улыбнулся. Я почелъ эту улыбку приглашеніемъ къ вопросамъ, но не тутъ то было. Мои вопросы казались ему упражненіемъ въ Англійскомъ языкѣ.

Мы видѣли около сорока сумасшедшихъ. Нѣкоторые были очень странны, но большая часть безъ всякихъ рѣзкихъ отбѣнокъ. Такъ и въ обществѣ, большая часть бываетъ пошла и безцвѣтна. Оригиналы не многочисленнѣе между умными, какъ и между сумасшедшими. Только двое изъ сихъ несчастныхъ были связаны. Они преслѣдовали насъ бранью. Одинъ изъ нихъ, до половины тѣла посаженный въ какую-то будку, съ связанными руками, призывалъ древнія Англійскія права свободы — странная и драгоценная почестъ прекраснымъ законамъ великой страны! Но законы покровительствуютъ только тѣмъ, которые надѣлены какою-нибудь частью ра-

зума, оставившаго ихъ. Я понялъ еще, что онъ просилъ меня отмстить за него доктору, отнявшему у него свободу. Впрочемъ, во всемъ этомъ не было ни какой связи. Съ такимъ же гнѣвомъ произносилъ онъ слова, непричастныя его страсти и перемѣшанныя съ ругательствами. Этотъ человекъ былъ изъ тѣхъ сумасшедшихъ, о которыхъ прислужники говорятъ: «Онъ злой.» Сколько болѣе злыхъ свободны, потому что въ злобѣ ихъ есть связь, и что развращенный разумъ ихъ употребляетъ мысли связныя и постепенныя для услуги вредному ихъ инстинкту!

Сумасшедшіе излечимые перемѣшаны съ неизлечимыми. Мнѣ весьма хотѣлось спросить у доктора, не замедляетъ ли эта смѣсь выздоровленія, и не прилипчиво ли безуміе неизлечимое? Но я понималъ, что вопросъ будетъ слишкомъ умозрительнъ, и не осмѣлился спросить. Желая однако жъ прослыть человекомъ положительнымъ. —

— У сумасшедшихъ вообще такъ-ли хороша аппетитъ, какъ и у здоровыхъ? — спросилъ я доктора.

«Иные ѣдятъ много, но большая часть мало.»

— Чувствительны ли они къ перемѣнамъ погоды?

«Иные. Другіе не понимаютъ разницы между холодомъ и жаромъ.»

— Хорошо ли они спятъ?

«Нѣкоторые мало, а иные вовсе не спятъ. Остальные какъ люди въ здоровомъ разумѣ.»

Нашъ разговоръ былъ оживленъ. Я держался въ надлежащемъ объемѣ его. Докторъ дышалъ свободно грудью. И между тѣмъ, почему можно было различить, о комъ мы говорили, о людяхъ или о скотахъ?

Докторъ отворилъ толстую, желѣзную дверь, ведущую въ женское отдѣленіе. При первомъ шагѣ поразили меня видъ и нарядъ прислужницъ. У протестантовъ нѣтъ сердобольныхъ дѣвъ, которыя отдаютъ на помощь несчастныхъ сумасшедшихъ разумъ нерѣдко нѣжный и превосходный, и добровольно заключаютъ себя въ плачевныя темницы, дѣлая изъ своей юности прислугу старости, а разумомъ своимъ охраняя безуміе. Въмѣсто скромныхъ и молчаливыхъ монахинь, купившихъ придаными своимъ право ухаживать за бѣдными и больными, я увидѣлъ наемныхъ служанокъ, довольно красивыхъ дѣвушекъ, щегольски одѣтыхъ, съ открытою шеєю, и плечами сдва закрытыми кисейной косыночкой, по обыкновенію прислужницъ въ хорошихъ Англійскихъ домахъ.

Одна изъ нихъ провела насъ въ комнату, гдѣ три смиренныя сумасшедшія занимались шитьемъ и глаженьемъ. Та, которая гладила, оставила утюгъ, подошла прямо ко мнѣ, и сказала, что она дочь Карла I, и что враги несправедливо ее заперли. Она прибавила, что ея заточеніе временное, что она восторжествуетъ наконецъ надъ своими врагами, и выйдетъ замужъ за принца, который ее любитъ, «если только», сказала она мнѣ на ухо, «показывая на доктора, вы поможете мнѣ освободиться отъ этого человека.» Потомъ взяла она утюгъ свой, и начала очень ловко разглаживать, бормоча слова: «король, замужство, принцъ». Двѣ другія не подняли, даже головы. Онѣ шлили очень скоро и искусно; кромѣ того, что имъ надобно показывать, гдѣ начинать и гдѣ оканчивать шитье, безъ чего онѣ шьютъ какъ попало, и даже дошивши до конца, все еще шьютъ, подобно машинѣ продолжающей вертѣться,

когда дѣло ея кончено. Эти бѣдныя женщины содержатся лучше другихъ. Онѣ живутъ съ прислужницами, и помогаютъ во всѣхъ ихъ работахъ; имъ даютъ чай, мѣсто у очага, и слабый остатокъ разума, какъ будто перешедшій въ ихъ пальцы, ставитъ ихъ на степень домашнихъ животныхъ.

Большая часть этихъ злополучныхъ женщинъ, излечимыхъ и неизлечимыхъ, не представляли ничего любопытнаго безжалостному чувству посетителя, которое не видитъ ничего необыкновеннаго въ безмѣрности ихъ бѣдствія, и доискивается чегонибудь новаго, даже въ послѣдней степени злополучія человѣческаго. Нѣкоторыя изъ нихъ бродили по длиннымъ корридорамъ, толкая другъ друга, но не говоря ни съ кѣмъ, можетъ быть, никого не видя, останавливаясь безъ дѣли, глядя безъ любопытства, начиная и переставая говорить безъ всякой причины, съ неизгладимою печатю унынія на челѣ, хотя лишеныя того, что ее причиняетъ, бѣдныя, растительныя существа, казалось, смутно жалѣвшія объ отсутствіи благороднаго хозяина, который когда-то обиталъ въ нихъ! Другія сидѣли по угламъ комнатъ, выбираемая мѣста по темному чувству стыда, какъ будто онѣ сдѣлали важное преступленіе потерю разума. Другія смотрѣли въ окна, ни на что не глядя, и — кто знаетъ? можетъ быть, думая, что находится во мракѣ. Онѣ не заводятъ между собою знакомства, хотя видятся ежедневно; у нихъ нѣтъ ни предпочтенія, ни привычекъ; онѣ сходятся, не узнавая одна другую, и даже инстинктъ общезительности, случайно сближающій животныхъ, пріучающій и связывающій иногда породы различныя, и даже враждебныя, умеръ для нихъ. Вновь приходящія, не возбуждаютъ въ нихъ

любопытства. Почему имъ знать, что ихъ не было вчера? Что такое вчера? Что такое завтра? У сумасшедшихъ нѣтъ чувства времени; они не чувствуютъ какъ старѣются; у нихъ нѣтъ понятія о началѣ и концѣ. Увы! у нихъ нѣтъ даже надежды на смерть. Они не знаютъ, кто былъ исчезнувшій изъ ихъ круга, и не понимаютъ, что дѣлаютъ люди, которые укладываютъ его въ гробъ, и освобожденіе ли это, или новая тюрьма.

Докторъ позволялъ мнѣ ходить, не говоря ни слова; иногда обращался съ приказаніями, или выслушивалъ донесенія прислужницъ, и подобно булавочному фабриканту употреблялъ въ пользу свое снисхожденіе, дѣлая вдругъ два дѣла. Я не хотѣлъ однакожъ оставить послѣ себя идеи пустошоловаго, и отыскивалъ какуюнибудь сторону статистическую, или по части управленія, чтобы показать въ глазахъ его, что и я причастенъ грѣху психологическаго любопытства. Нѣсколько вопросовъ пришло мнѣ въ голову, хотъ и не всѣ они были удачны.

— Докторъ! — сказалъ я; отысканы ли и определены ли главныя причины безумія?

« Главныхъ три: ревность, пьянство, нищета.

— Полагаете-ли вы ихъ общими повсюду? — сказалъ я неосторожно.

Онъ ничего не отвѣчалъ. Это было излишнее.

— Изъ этихъ трехъ причинъ, которая имѣетъ больше жертвъ? присовокупилъ я.

« Пьянство.

— Если такъ, то безуміе есть наказаніе. Эта мысль утѣшительна.

Онъ меня не слушалъ.

— Какой самый главный способъ леченья?

— Не лечить ничѣмъ. Сбереженіе здоровья и хорошій прсмотръ, лучшія средства, кромѣ нѣкоторыхъ сложныхъ случаевъ безумія.

— Во сколько времени вылечиваются одержимые самымъ малымъ сумасшествіемъ?

— Время бываетъ неравно.

— Всегда-ли возобновляется болѣзнь?

Я опять заговорился. Отвѣта не было.

— Сколько, среднимъ числомъ, приходитъ и выбываетъ ихъ у васъ въ годъ?

Онъ сказалъ число.

Я истощилъ положительные вопросы, и чувствовалъ, что понятія неопредѣленные, которыя такъ любимъ мы во Франціи, которыя поддерживаютъ разговоръ, возвышаютъ умъ, отрываютъ насъ отъ вещественности, толпились на устахъ моихъ. Чуть было не остыдился себя я опять, какъ вдругъ грубая, веселая пѣсня, излетѣвшая изъ залы бѣшеныхъ прервала мои мысли, и спасла меня отъ презрительнаго молчанія доктора. Эта пѣсня, или лучше большую лѣстницу расходилась по всему зданію. Уже нѣсколько разъ раздавался и исчезалъ этотъ дикій голось въ слухъ моему, но я не обращалъ на него вниманія, полагая, что то поеть какой нибудь безумецъ. Но это была дѣвушка, лѣтъ двадцати пяти, метавшаяся въ изступленіи на людей, которую надлежало затянуть въ фуфайку, и которая безъ памяти поеть день и ночь, сказалъ мнѣ докторъ. Нищета, порокъ, болѣзнь довели ее до этого. Она сидѣла въ будкѣ — и теперь еще вижу я съ ужасомъ эту бритую голову, которую она раскачивала постоянно, какъ дикій звѣрь въ клеткѣ, и это лицо, побагровѣвшее отъ усиленнаго пѣнія,

и эти толстыя, сладострастныя губы высказывавшія, какова долженствовала быть нравственность пѣсни, и эти глаза влажныя и безстыдныя, какъ будто несчастная сидѣла еще съ матросами, въ какомъ нибудь шинкѣ Сити. Докторъ сказалъ ей нѣсколько словъ, но она не слыхала ихъ; онъ погладилъ ее рукою по головѣ, но въ ней не осталось даже чувства собаки, которую ласкаютъ; она продолжала пѣть, и будетъ пѣть пока грудь ее не лопнетъ. Едва могутъ прервать ее на одинъ мигъ, чтобы насильно дать ей что нибудь поѣсть. Ночью относятъ ее въ отдаленный уголь зданія, гдѣ ей ужасная веселость не можетъ тревожить несчастныхъ подругъ, не совершенно еще лишенныхъ сна. Память этой злополучной сберегла тактъ, но памяти словъ у нея нѣтъ, и они попадаютъ ей въ уста, и вырываются безъ участія ея воли; отъ всего что прежде было у нея разумомъ, она сохранила только ничтожную способность, помнить пѣсню разгульнаго разврата. Я думалъ, что не увижу уже ничего плачевнѣе этого животнаго тѣла, ругающагося изступленными пѣснями надъ исчезнувшимъ умомъ, и однако же въ той же комнатѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ несчастной, увидѣлъ я нѣчто еще жалостнѣйшее, поразившее меня еще тяжеле.

То была другая дѣвушка, почти такихъ же лѣтъ, приведенная только поутру. При самомъ входѣ въ домъ, ее надобно было связать —, до такой крайности простиралось ее бѣшенство. Она сидѣла въ закрытомъ стулѣ, назначаемомъ для тѣхъ, которые находятся въ первой степени изступленія, и имѣютъ минуты спокойствія. Это родъ непосредственнаго заключенія, достаточный удержатъ, и не раздражающій ихъ. Бѣдное твореніе, послѣ громкихъ

воплей и усилій вырваться, вдругъ присмирѣла, и когда мнѣ ее показали, она казалась погруженною въ задумчивость. Голова ея, склоненная на колѣни, какъ будто увлеченная тяжестью вещественности, неподдерживаемую волею, выказывала, на шеѣ и открытыхъ плечахъ, едва изглаженные слѣды болѣзни, клеймо порока, который сначала испортилъ ея разумъ, а потомъ похитилъ его. Но откуда взялся порокъ? Отъ нищеты. Въ гробовыхъ пирахъ бѣдняка, порокъ идетъ рука объ-руку съ нищетою и безуміемъ. У несчастной дѣвушки видны еще были остатки красоты; подъ знаками болѣзни, плеча ея казались ослѣпительной бѣлизны, а нѣжная шея закрывалась густыми волосами, которые къ вечеру должныствовали сдѣлаться добычею ножницъ. Я не смѣлъ просить доктора показать мнѣ лицо ея. Если она закрылась по остатку стыда, какъ укорялъ-бы я себя въ томъ, что оскорбилъ единственную и послѣднюю тѣнь оставшагося въ ней разсудка! Но докторъ, по званію возстановителя разума, не былъ такъ робокъ; онъ приподнял ей тихонько голову, которую она предоставила ему, какъ будто усыпленная, но взглянувъ на насъ, она закричала глухимъ голосомъ, какъ цѣломудренное существо, которое застали нагимъ въ наготѣ его, судорожно вырвалась изъ рукъ доктора, и спрятала голову въ колѣни. Мнѣ едва удалось на нее взглянуть, но какъ ни быстръ былъ взглядъ мой, мнѣ показалось, что лицо ея, кроткое и утомленное, не было еще лицомъ безумной, и потому-ли, что болѣзнь еще была нова, и не успѣла еще изгладить божественной печати, или ея безуміе было только лихорадочнымъ припадкомъ, но глаза ея выражали только стыдъ и

жалобу, двѣ благороднѣйшія скорби существовать разумныхъ.

Я оставилъ комнату, содрогаясь всѣмъ тѣломъ. Доселѣ щадилъ я лаконисмъ доктора, но теперь душа моя такъ закипѣла, что я невольно бросился въ излишній разговоръ, и хотѣлъ увлечь его, хотя бы вовсе долженъ былъ я лишиться добраго его обо мнѣ мнѣнія, и заставить его во всю жизнь говорить, что настоящіе сумасшедшіе не заперты въ домахъ ума лишенныхъ.

«Не лучше ли будетъ М. Г., сказала я встревоженнымъ голосомъ — отдѣлить эту бѣдную дѣвушку, нежели запереть въ одной комнатѣ съ этимъ погибшимъ твореньемъ, видъ котораго наведетъ безуміе даже на здороваго человѣка? Не сомнѣваюсь, что вы уже рѣшились бы на это, если бы ваше заведеніе раздѣлилось не на залы и комнаты, а состояло изъ отдѣльныхъ горницъ. Безуміе этой несчастной есть плодъ развратной жизни, а потому не думаете ли вы, что вмѣсто того, чтобы бросить ее, при первомъ шагѣ, между существовъ еще безумнѣйшихъ, и такъ сказать, заклеить ее знакомъ сумасшедшихъ домовъ, не лучше-ли окружить ее людьми разсудительными и ласковыми, которые, идеями порядка, благопристойности и спокойствія, навели бы ее на разумъ, можетъ быть, болѣе разстроенный, нежели уничтоженный? Неужели вы безусловно повѣрите, что она сумасшедшая потому только, что къ вамъ привели ее за такую? Тюремщикъ, къ которому приводятъ узника, долженъ-ли непременно думать, что этотъ человѣкъ виновенъ? Ахъ, М. Г.! какъ благородно ваше званіе! Вы возвращаете разумъ тѣмъ, которые его лишились; вы воскрешаете мертвыхъ, возвращая душу человѣка въ тѣло животнаго. Но

такое званіе, какъ оно должно озаботить человѣка, столь основательнаго и проницательнаго, какъ вы! Какъ нѣжно, опасно ваше изученіе, какъ оно должно заставлять страшиться, чтобы затрудненія сопряженныя съ нимъ, не поселили наконецъ отвращенія, и не ожесточили врача, на котораго возложена такая обязанность! То, что я говорю вамъ, можетъ быть, не показываетъ человѣка важнаго и властелина надъ своими нервами, подобнаго вашимъ счастливымъ землякамъ; но если я немножко не обезумѣлъ здѣсь, не могу повѣрить, чтобы несчастная, которую мы теперь видѣли, была вовсе сумасшедшая, и твердо увѣренъ, что общество, которое вы ей дадите подвергнетъ ее ненесчастному безумію.» Докторъ сдѣлалъ одинъ отвѣтъ на всѣ эти вопросы и слова, которыя прерывалъ я молчаніемъ, съ намѣреніемъ вывести его изъ терпѣнія. Мы сошли съ большой лѣстницы, раздѣляющей домъ на два различныя заведенія. Онъ, по доброму Англійскому обычаю, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Больше нѣчего смотреть, *There is nothing more to see.*» Потомъ учтиво поклонившись мнѣ, ниспѣшно ушелъ онъ въ свой кабинетъ, и тотъ же слуга, который отворилъ мнѣ дверь при входѣ, отворилъ ее для выхода.

Я удалился, убѣжденный, что докторъ будетъ имѣть обо мнѣ, и обо всѣхъ Французахъ понятіе, что мы самые неугомонные говоруны бесполезныхъ пустяковъ, если только удѣлитъ онъ частичку своего времени, чтобы составить себѣ какое нибудь понятіе о Французахъ и обо мнѣ.

ИСТОРИЯ ЛИТВЫ.

(Статья Иосифа Крашевскаго.)

Въ нынѣшнее время видимаго всюду направленія къ историческимъ трудамъ, неизлишнимъ, кажется, будетъ остановиться немного надъ возможностью написать исторію Литвы, надъ ея матеріалами, и способомъ, какъ должно бы было ими воспользоваться. Этотъ клочекъ земли, и его событія, представляютъ собою отдѣльный и великій нравственный феопомень, который долженъ, независимо отъ общихъ правилъ, обратить на себя вниманіе, требуя отъ будущаго историка особеннаго изслѣдованія его свойствъ и надлежащаго примѣненія.

Кромѣ сочиненій трудолюбивыхъ изыскателей, мы еще рѣшительно ничего доселѣ не имѣемъ о началѣ Литвы. Древнія основанія этихъ фактовъ сокрушены и низпровергнуты, такъ, что желая писать Литовскую исторію, надобно ее не премѣнно пересоздавать, и склеивать изъ мелкихъ лоскутковъ, а пресыщенную ложными преданіями древность очистить, и совершенно наново переработать. Собственно говоря, Литовскихъ лѣтописцевъ нѣтъ; памятники погибли, преданія стѣснились въ одинъ уголокъ, и то, перемѣшанныя, большею частью, съ излишкомъ позднѣйшихъ прибавленій, для очищенія отъ которыхъ надобны весьма зоркіе глаза. Литва является въ Европѣ на степени благоустроеннаго народа весьма уже поздно, позднѣе всѣхъ прочихъ народовъ, ибо въ XIV-мъ только вѣкѣ принимаетъ она Христіанскую Вѣру, ведущую за собою просвѣщеніе, торговлю и сношенія. До XIV-го вѣка не имѣетъ она своихъ собственныхъ письменныхъ памятниковъ, и все ея прошедшее темно и покрыто мракомъ невѣстности. Гдѣ же искать проясненія мрака? Въ лѣтопи-

слях сосѣднихъ народовъ, племень Скандинавскихъ, Руси, Поляковъ и Нѣмцовъ? — Но и онѣ не дають, ни основательныхъ свѣдѣній, ни безпристрастнаго понятія, будучи составлены постоянными врагами, по слухамъ, искаженнымъ страстями.

При самомъ началѣ своемъ, Литва остается невѣдомою. Весь ея матеріалъ составляютъ преданія неточныя, мелкіе лѣтописные отрывки, разбросанные и перемѣшанные, весьма поздно записанные, наконецъ пристрастныя клеветы враговъ, которыя также, по неимѣнію другихъ свѣдѣній, вошли въ составъ Литовской исторіи. Въ этомъ лабиринтѣ, какъ отыскать начала Литвы? Какъ добраться до ея колыбели?

Родословныя владѣтельныхъ князей расходятся, подраздѣляются, одна другую сбиваютъ, или даже простымъ вычисленіемъ лѣтъ и поколѣній разнятся съ событіями, не согласуются со временемъ, и такъ доходятъ почти до XIV вѣка.

Герулы, Алапы, Скандинавы поочередно служатъ засѣвомъ позднѣйшей Литвы. Собственный Литовскій языкъ и его нарѣчія, которыя могли бы своимъ средоточіемъ повести на прямую дорогу, являютъ сходны со всеми почти языками, не показывая ни съ однимъ изъ нихъ преобладающаго средоточія; одинаково проявляются тутъ слѣды Славянъ, Готтовъ и Финновъ, осколки многихъ временъ и народовъ. Выводъ дѣлается трудный. Такимъ образомъ, первоначальная исторія Литвы приходится къ намъ, какъ чрезвычайно крѣпко смотанный клубокъ, котораго, одні руки не въ состояніи размотать, и не достаетъ на это ни единого вѣка, ни односторонняго занятія: нужны долговременныя и усильныя изслѣдованія о свойствахъ народа, его преданіяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ; нужно безпристрастное ихъ противоположеніе, и сличеніе съ прочими, имъ подобными, чтобы отыскать какое либо тутъ средоточіе. А легко ли такой трудъ? Вѣка насыпаны курганъ Литвы, и потребны вѣка и тысячи рукъ, чтобы разрыть этотъ *Мылжину Калмай* и открыть лежащія въ немъ кости.

Сношенія, обстоятельства, случай и удобства увлекаютъ въ изслѣдованія историковъ на Югъ и на Западъ, тогда, какъ, вопреки системъ, вопреки удобствамъ и наружностямъ, должно искать исторіи Литвы на Сѣверъ, а можетъ стать и на Востокъ. Пока двойнымъ трудомъ, изслѣдованія Литовскихъ преданій не будутъ сравнены и сличены основательно

съ преданіями прочихъ сѣверныхъ народовъ, отъ коихъ могли они прійти, до тѣхъ поръ должны еще густые слои мрака покрывать Литовскую исторію. — Кто знаетъ, не у Скандинавовъ ли найдется, быть можетъ, ключъ къ этой исторіи? Сѣверныя Саги, ихъ изученіе, сличеніе, и т. п., суть непременная часть изслѣдовацій о первоначальной Литвѣ. Сличенія съ дальнѣйшими преданіями другихъ народовъ ни къ чему не ведутъ, развѣ только къ усмотрѣнію тѣхъ общихъ аналогическихъ чертъ, какія можно, при тщательномъ трудѣ, выслѣдить въ исторіи всѣхъ народовъ свѣта.

Въ этомъ отношеніи, исторія средоточія народовъ идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и исторія созданій: все они тянутся огромною, непрерывною цѣпью сходствъ, крайнія звѣнья которой, весьма между собою различныя, соединяетъ только постепенное сравненіе среднихъ. Но отыскивалъ начала и средоточія, на сѣверъ ли, на западъ ли, или въ иномъ гдѣ либо мѣстѣ, не надобно приступать къ исторіи съ готовою системою, опережающею факты, и къ ней ихъ приноравливать. Должно изучать, и потомъ быть убѣждену. Иначе, какъ въ желчной болѣзни, въ которой все цвѣта сливаются въ одинъ цвѣтъ, все приметъ ложную наружность и разцвѣтку, а происшествія будутъ невѣрны и натянуты. Принятіе системы, столь вредное даже въ дальнѣйшихъ, уже болѣе ясныхъ частяхъ исторіи, рѣшительно безобразитъ и уродуетъ ея начало. Должно быть готову, предъ первымъ доводомъ, противнымъ нашей системѣ, сбросить съ себя оковы внутренняго убѣжденія и поддаться очевидности, ибо въ исторіи единое и главное дѣло — истина.

За столько трудовъ, за столько усилій — награда самая неблагодарная. Историкъ, добывающій изъ сокровища паматниковъ, просто труженникъ въ золотыхъ рудоконяхъ, о которомъ позабываютъ люди, только отбирая у него золото. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло о началахъ народовъ, о возсозданіи, изъ костей остова этого затеряннаго прѣдисторическаго маконта, можетъ ли историкъ показать что нибудь больше, кромѣ начитанности и черстваго труда? Можетъ ли онъ эту часть исторіи такъ обработать, чтобы придать ей историческую жизнь и цѣлость? Никогда. Остовы ископаемыхъ животныхъ всегда останутся остовами. Древнія исторіи народовъ всегда будутъ только сборниками чиселъ и именъ, по-

служать къ выводамъ, сравненіямъ, сухимъ розыскамъ и сличеніямъ, но безжизненнымъ, мертвымъ, не насытить души, и не будутъ никогда тѣмъ, чѣмъ стремятся быть, и должна быть исторія.

Исторія исподоволь возвращается къ тому, чѣмъ она была нѣкогда — говорю возвращається, потому, что исторія потонула было на нѣкоторое время въ запутанныхъ изслѣдованіяхъ, которыя должны были наступить послѣ варварскихъ опустошителей, изгладившихъ столько древнихъ слѣдовъ, а потомъ гнбнуть въ неумѣстныхъ риторическихъ декламацияхъ. — Исторія—это картина прошедшаго, это отзывъ его голоса, призракъ протекшей жизни, а не списокъ названій, не таблица лѣтъ, не исчисленіе именъ. Здѣсь требуется не анализъ дробныхъ частей, но совокупленіе ихъ въ одно цѣлое. Пусть одни готовятъ для нея сухіе матеріалы, другіе употребляютъ ихъ въ дѣло, строятъ и на ново пересоздаютъ; одни готовятъ глину, другіе выливаютъ жизнь искусства. Исторія для того, чтобы она говорила человѣку, должна быть цѣлою, такъ чтобы не недоставало ей ни одной черты, и чтобы эти черты составляли при томъ полную и совершенную цѣлость. Надобно, чтобы какъ въ зеркалѣ, отразился въ ней, всеми сторонами, народы и времена. Ничѣмъ не должно пренебрегать здѣсь, когда идетъ дѣло о созданіи великолѣпнѣйшаго, можетъ быть, изъ человеческихъ твореній, этого оживленія мертвыхъ, возводимыхъ изъ праха, этой борьбы со всемогущимъ временемъ, которое человѣкъ останавливаетъ письменами и мыслью. Все годится на это великое дѣло, отъ основныхъ политическихъ событій до самыхъ мелкихъ чертъ нравственныхъ. Долго, слишкомъ долго односторонняя исторія записывала только кровавыя и великія дѣянія толпы. Нынѣ только узнали мы, какъ многого не доставало этому зданію, и начали его перестраивать. Передъ нами была великолѣпная, обширная громада, не оживленная и необитаемая. Умственное движеніе, мнѣнія, перемены обычаевъ, постороннія вліянія, характеры достопамятнѣйшихъ лицъ, нравы всей массы дѣятелей, все это вошло въ раму новой исторіи, и сдѣлалось непремьною потребностью для ея цѣлости и полноты.

Гдѣ же найти все сіи матеріалы, для воздвиженія на ново первоначальной исторіи Литвы? — Нигдѣ нѣтъ ихъ. Все это

будетъ только остовъ мамонта, на который люди будутъ смотреть съ благоговѣніемъ, не понимая его вполне.

Сообразимъ только, какъ еще малосложна исторія Литвы, когда нѣсколько начинается уже проясниться сношеніями, или лучше сказать войнами съ сосѣдними народами. Жители Литвы, смѣсь Славянъ, Готовъ и Финновъ, недовольно спаянные между собою, и раздробленные на мелкія удѣльные княжества, обитаютъ въ лѣсахъ, на почвѣ земли, всеѣмъ обильной, что доставляетъ природа дикимъ странамъ, дремучими лѣсами, животными, водами, мужественнымъ народомъ, скитающимся по непроходимымъ дебрямъ. До этой эпохи непроницаемая мгла покрываетъ исторію Литвы; одни только темные слухи о пристающихъ къ берегамъ Балтійскаго Моря корабляхъ Римскихъ, потомъ Нордманнскихъ, и о торгѣ литаремъ, заступаютъ для насъ мѣсто исторіи. По мѣстоположенію, связямъ, нѣсколько различному языку, и наконецъ по неизвѣстнымъ случаямъ, народъ Литовскій, многочисленный, однородный на видѣ, хотя составленный изъ разныхъ первоначальныхъ частей, разбивается снова на разноименныя племена Пруссій, Самогитціи, Латышей, Литовцевъ, Куроновъ, Ятвяговъ. Народы сіи, или, лучше сказать, этотъ народъ занимаетъ берега Балтійскаго Моря отъ Вислы до Двины, въ глубинѣ опоясывалась Вилією, Нѣменомъ, Бугомъ. Но границы его неопредѣленны, ибо едва только начинается онъ быть извѣстнымъ и видимымъ, судьба его зависитъ уже отъ битвъ, и онъ, то покоряетъ, то терлетъ земли свои, въ болахъ съ Русью и Ляхами.

Съ 1000 по 1230 годъ, исторія Литовцевъ тѣмъ только дѣлается извѣстною, что край ихъ былъ раздѣленъ на мелкія части, что пладѣли ими *кунигасы* (*kunigasy*), которые, ни между собою, ни съ сосѣдями не были въ ладу, дрались, ссорились и убивали другъ друга. — Въ эту эпоху войскъ возникаютъ на берегахъ рѣкъ области и города; народъ собирается, толпится, соединяется для общаго нападенія и защиты. Вотъ собственно начало быта, уже народнаго, общественнаго, который, сперва разбросанный порознь по лѣсамъ, на однихъ границахъ нѣсколько болѣе скопленный, представлялъ картину совершенно дикаго народа, только на границахъ начинавшаго выходить изъ дикаго состоянія, отъ сно-

шеий съ мореходцами, посѣтителями береговъ Балтійскихъ, и завѣзкими въ глубь Руси, за товаромъ, странниками.

Сохранившіяся имена купигасовъ, господствовавшихъ въ княжества Литовскихъ съ 1000 г., служатъ доказательствомъ, на какія мелкія части раздроблена была тогда Литва. Племя властителей было не изъ туземцовъ, но вышло изъ Нордманнѣи, а не изъ Италиі, откуда упорно, основываясь на простонародномъ повѣрьѣ, стараются выводить его Литовскіе летописцы, вопреки обнимающей весь древній міръ исторіи, которая не упоминаетъ ни о малѣйшемъ переселеніи народовъ изъ Италиі, ниже объ одномъ изъ тѣхъ именъ, какія Литовцы придаютъ своимъ мнимымъ предкамъ. Одинъ только разъ упомянутый Палемонъ не можетъ ни подъ какимъ видомъ быть Палемономъ Литвы.

Князья основываютъ замки Юрборкъ, Ковно, Дзевалтовъ, Вилкомирь, Керновъ, и т. д.

Около 1050 г. Русины вторгаются въ Литву подъ Керновъ, который осаждаютъ. Нѣсколько поздне Литовскіе князья, пользуясь смутами на Руси, отторгаютъ отъ нея Брацлавъ, и основываютъ Полоцкое княжество, земли между Двиною и Вилією. Кромъ внешней войны, раззоряютъ еще Литву собственныя ея жители, въ междоусобныхъ схваткахъ. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, Литовцы, соединясь съ Половцами и Русью, въ первый, кажется, разъ нападаютъ на Польшу, въ 1080 году. Но соединеніе это съ сосѣдями, произведенное личною войною, было не долговременно. Черезъ три года потомъ, Литва призываетъ къ себѣ въ помощь Ятвяговъ, для нападенія на Русь около Луцка, Владимира, Львова (въ Червошной Руси). — Сказываютъ намъ о столицѣ въ Дзевалтовѣ, перенесенной потомъ въ Керновъ, но трудно повѣрить, чтобы уже въ эту эпоху разнородныя княжества соединяла одна верховная власть, имѣвшая столицу. Дзевалтовъ и Керновъ можно достовѣрнѣе полагать двумя укрепленными болѣе другихъ замками.

Здѣсь наступаетъ столѣтній промежутокъ, вовсе непонятный, означающій собою, либо совершенную тишину края, либо какія нибудь ужасныя смуты. Разсматривая столь уже ясныя въ это время дѣла западныхъ странъ Европы, трудно понять, какимъ образомъ исторія не сохранила изъ цѣлаго столѣтія въ Литвѣ ни малѣйшаго событія. Но это было такъ дѣй-

ствительно, и мы напрасно старались бы искать разрѣшенія такой непонятной загадки. Только уже около 1200 года, снова являются Литовцы съ Ятвягами, предпринимая походы на Русь, изъ Кернова. Ромапъ, князь Галицкій и Владимірскій, побдитель прочихъ Князей Русскихъ, упрещаетъ ихъ, нападаетъ и захватываетъ часть сосѣдственнаго своей Руси Литовскаго владѣнія. Литва, приневоленная завоевателемъ, идетъ съ нимъ вмѣстѣ противъ Ляховъ, покорная и послушная. Но первая побѣда, одержанная Поляками, образумляетъ побѣжденныхъ Галицкимъ Княземъ; снова встаютъ они въ силахъ и замышляютъ выйти изъ подъ иноплеменина ига. Литовцы нападаютъ на Русиновъ, обезсѣленныхъ въ концѣ послѣднимъ походомъ, и возвращаются во сволси съ добычею, но въ побѣдоносномъ своемъ бѣгствѣ застигнуты они подъ Слонимомъ Русью, поражены и разбиты на голову. Первые годы этого столѣтія представляютъ непрерывную борьбу Литвы съ Русью. Слонимская битва, кажется, рѣшаетъ покое покореніе Литвы, но несомнѣнію и внутренній междоусобій Руси, возникшія по случаю смерти Романа, не даютъ воспользоваться Русинамъ побѣдою.

Новая борьба съ Владиміромъ подъ Кіевомъ, въ 1206 году, заставляетъ Литву, послѣ нѣскольkokратныхъ усній сверженія съ себя ига, прекратить на нѣкоторое время военныя дѣйствія, и укрыться въ глубь неприступнаго почти края, за лѣса и болоты, которые служатъ естественнымъ отъ неприятеля укрѣпленіемъ. Впрочемъ не долго пребываютъ Литовцы въ бездѣйствіи; вскорѣ снова, вмѣшиваются они въ дѣла, поддерживая сторону Руси противъ Коломана Венгерскаго, который завладѣлъ Галичемъ, и соединенно съ Половцами преклоняютъ побѣду. Галичъ и Коломанъ поддаются.

Въ такихъ обстоятельствахъ, наступаетъ благоприятная возрастъ и расширенію Литвы эпоха, обезсѣненія Руси и пораженія ея Монголами. Тогда, съ одной стороны овладеваютъ Русскими землями Татары, а Литовцы, умѣя этимъ пользоваться, движутъ свои силы, среди суровой зимы, на берегъ Двины къ Полоцку, но встрѣивъ тамъ неожиданный отпоръ со стороны Князей Смоленскихъ и Новгородскихъ, дважды отступаютъ они назадъ. Наконецъ, наученные опытностію и примѣромъ Монголовъ, для успѣшнѣйшаго нападенія и покоренія ближайшей части Руси, сое-

диняются они всё вмѣстѣ, въ одну массу, избираютъ себѣ одного вождя, вѣроятно сильнѣйшаго числомъ поданныхъ, и предпринимаютъ новый походъ на Русь (1217 г.).

Въ сожженномъ Монголами Новогрудкѣ, Литовцы строятъ новое замчище, и населяютъ его, готовя себѣ какъ бы пристань, или нѣкое убѣжище въ случаѣ неудачи, и мѣсто, откуда можно бы удобнѣе дѣлать набѣги на Русь. Отсюда гнаются Литовцы къ сосѣдямъ, Ятвягамъ, Руси на пустое и удобное для покоренія съ его сожженными замками Подлесье, а потомъ къ Гродну, Бресту и Дрогичину, и вездѣ на пути поддаются имъ жители, разоренные Монголами, оставшіеся безъ предводителей, радующіеся, что въ новыя повелителяхъ найдутъ, быть можетъ, себѣ помощь противъ враговъ. Этотъ походъ Литвы доставляетъ земли между Вилією и Припятью, и до самаго Мозыря расширять ея предѣлы. Съ сей поры Литовцы дѣлаются повелителями покоренныхъ на Руси Новогрудка, Гродна, Бреста и Подлесья, владѣніе которымъ было однако жъ только временное, и по дѣрженное превратному жребію войны.

Но между тѣмъ, какъ въ эту сторону господствованіе Литвы расширяется, съ другой стороны возникаетъ грозный для нея врагъ (1218 г.). Меченосцы овладѣваютъ Лифляндією (Ливонію) и замышляютъ отсюда покорить и окрестить Самогичію. Даниа, посредствомъ ихъ, вознамѣревается завоевать Литву, начиная отъ береговъ Балтійскаго моря. Этимиъ временемъ Литовцы вмѣшиваются въ войну съ Князьями Мазовецкими. Наслѣдникъ Батяга, предводитель Монголовъ, требуетъ отъ нихъ дани съ завоеваннаго ими Русскаго края, который они сначала опустошили, и тѣмъ самымъ покорили. Литовцы думаютъ, медлятъ, и наконецъ готовятся къ оборонѣ, ожидая нападенія. Надъ устьемъ Припяти встрѣчаетъ ихъ предводитель Монголовъ съ мечемъ и войною. Литва побѣждаетъ. Такимъ образомъ еще болѣе усиливается владѣтельство Князей Литовскихъ надъ покоренными Русскими землями, защищенными отъ Монголовъ и какъ бы вторично завоеванными, а вмѣстѣ съ тѣмъ Литовцы удерживаютъ дальнѣйшіе замыслы дерзостныхъ варваровъ, могущихъ ворваться въ глубь Славянскихъ земель и Европу. Событіе весьма важное, ибо оно отбрасываетъ назадъ Монголовъ, уже приготовленныхъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Мало того, Полоцкое княжество, отторгнутое

отъ Руси и Литвы, и нѣсколько времени независимое, также поработается Литвою совершенно. Одинъ изъ князей ея воцаряется на тронѣ покореннаго Полоцка, другой Новогрудка. По вѣтѣ снова (1220) Русскіе Князья Мстиславъ Романовичъ и Владиміръ Кіевскій, идутъ отнимать Новогрудокъ. Литовцы для отраженія соединяются съ Самогичією; доходить до битвы надъ Ясіюдою, которую проигрываетъ Мстиславъ, и Литовцы, пользуясь побѣдою, покоряютъ Пинскъ и Туровъ, два Подлясскіе города. Послѣ сего послѣдняго похода, продолжается нѣкоторое время тишина на границахъ, которою снова пользуется Литва, нападаетъ на Монголовъ, останавливаетъ ихъ вторженіе въ глубь, отталкиваетъ ихъ, и въ слѣдствіе этой борьбы простираетъ свои новыя завоеванія, захватывая себѣ во власть Мозырь, Стародубъ, Черниговъ, и всю Сѣверскую землю послѣ Монголовъ.

Впервые вводится Христіанская Вѣра въ Литовскія княжества Полоцкимъ Княземъ, котораго близость Руси и постоянныя съ нею сношенія склоняютъ къ принятію Греческаго исповѣданія. Полоцкъ, отдѣляемый отъ Литвы Березиною, снова защищаетъ свою независимость отъ Руси, Смоленя и Псковитянъ. Греческое исповѣданіе исподоволь проникаетъ чрезъ Полоцкъ въ Литву.

Съ другой стороны все еще грозитъ Литвѣ орденъ Мечевыхъ рыцарей, который, воюя именемъ вѣры, не стыдится на символическихъ мечехъ начертывать правило своего братства: «наслаіе». Но съ первыхъ шаговъ, направленныхъ съ этой стороны на покореніе Литвы, всѣ Литовцы вооружаются и соединяются вмѣстѣ противъ рыцарей-нижковъ (1225 г.), которые, вспомоствуемые покровительствомъ Папы, усиленно хотятъ вторгнуться въ Литовскій край. Обращенные во владѣніе Папы, обезпеченное папскою грамотою (3 Февраля 1225), Литовцы начинаютъ укрѣпляться, и папскій легатъ Вильгельмъ обязываетъ ихъ и осматриваетъ, какъ новую собственность главы церкви, пріобрѣтенную ей мечемъ и политкою. Схватки съ орденомъ постоянно уже клонятся на сторону Литвы, но Мечевые рыцари, не теряя бодрости, безпрестанно возобновляютъ свои усилія вторгнуться въ Литву, и стараются осаждать Литовскіе замки по рѣкѣ Двинѣ. — Литва, соединенными силами, вмѣстѣ съ Пруссією, ратоборствуетъ противъ ордена, соединившагося съ Копрадомъ, княземъ Ма-

зоецкимъ. Борьба идетъ жестокая. Два дня продолжается упорная битва, которую наконецъ проигрываетъ орденъ, и Конрадъ въ другомъ мѣстѣ ищетъ себѣ помощи. Не успѣла еще Литва сдѣлаться съ этой стороны спокойнѣе, какъ наступаетъ новая борьба съ Монголами, которые въ многочисленныхъ силахъ тлуютъ снова на Литву. Все Литовскіе Князья соединяются вмѣстѣ, идутъ съ ними также и Русскіе владетели покоренныхъ княжествъ, Князья Святославъ Кіевскій, Симеонъ Друцкій и Давидъ Луцкій. Битва на р. Окуневкѣ, въ окрестностяхъ Мозыря, еще разъ счастливая для Литвы, оканчивается взятіемъ въ плѣнъ предводителя Монголовъ. Столь удачный успѣхъ оружія соединилъ въ одно Литовскія княжества, общностью дѣла и потребностью славнои обороны. Но все еще можно кажется насчитать въ Литвѣ нѣсколько господствующихъ, съ одинакою властью, Князей: Альгимунда Завилійскаго, который воюетъ съ Давидомъ Луцкимъ за границы Подлесья, Утенеса въ Самогидіи, Василия Роголодовича въ Полоцкѣ, домогающагося отнятьхъ, земель у Псковитянъ, и налагающаго подать на побѣжденных Псковъ.

Два столѣтія слишкомъ, вкратцѣ пройденной нами, исторіи Литвы, къ сущности истинной и очищенной, представляютъ картину однихъ только случайно счастливыхъ войнъ, все болѣе и болѣе раздвигавшихъ предѣлы края, именуемаго Литвою, составленнаго уже изъ многихъ Русскихъ, покоренныхъ Литовцами земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ первобытныхъ Литовскихъ. Не трудно уже и здѣсь провидѣть, что по положенію Литвы: завоевывать, или быть завоеванною, неминуемая ея участь, ибо отсюда она окружена врагами, имѣя соседями Меченосцевъ, Нѣмцовъ, Ляховъ, Мазовію, Русь и Монголовъ. Чудеснымъ почти образомъ край этотъ, изъ разнородныхъ частей составленный, разорванный на дробныя удѣльныя княжества, не довольно между собою спаяныя, переживаетъ въ такихъ обстоятельствахъ столѣтія и побѣдносно существуетъ. Внутренній бытъ Литвы, ея обычаи, предашія, боги, представляются намъ такими, какихъ ожидать можно только у дикаго народа, живущаго войною и обитающаго въ лѣсахъ, первобытный характеръ котораго однакожь кротокъ, что обнаруживается изъ образа домашней его жизни. Сосѣдство Руси и ея вліяніе мало еще дасть

себя чувствовать, ибо постоянная война претятствуетъ большому образованію.

Слѣдственно, эта часть исторіи Литвы, требующая еще много усовершенствованій, сама по себѣ такъ незамечательна, такъ мало является въ ней лицъ, а между тѣмъ такъ много представляетъ она происшествій, и такъ часто повторяются въ ней войны, причинъ которыхъ мы не можемъ достаточно увидѣть, что при всемъ усердномъ желаніи, почти невозможно оживить ее, представить за пово, и проявить въ ней полную картину, какой требуетъ исторія.

Только со времянь Мендога исторія Литвы становится полнѣе, оживленнѣе и занимательнѣе. Иностранцы лѣтописи упоминають о Литвѣ пространнѣе. Нѣмцы знаютъ и описываютъ Литву какъ враги; Русины, какъ враги и союзники; Поляки, какъ сосѣди и враги. Исторія господствующей династіи становится болѣе драматическою и подробною, изличною, какъ созданіе поэтическое. Соперничество Крестоносцевъ бросаетъ теперь много свѣта на исторію Литвы. Лѣтописи ордена становятся отчасти и ея лѣтописью, хотя фанатическій эгонсмъ рыцарей по своему переназначаетъ въ нихъ Литовскія происшествія. Частые союзы, и еще болѣе частыя войны и попытки торговли, ознакомиваютъ Литву съ рыцарями и съ Поляками. Христіанство, введенное мечемъ, укрѣпляется кровью. Литва, въ этой безконечной борьбѣ, становится страшною, скопляется, сливается въ одну массу, а неожиданнымъ соединеніемъ съ Польшею, усиливается, и въ то же время терять свою самобытность. Отсюда, уже до самаго начала XIV вѣка, нѣтъ недостатка въ матеріалахъ для превосходной исторіи, чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе, чѣмъ далѣе, тѣмъ полнѣе. Наконецъ, когда уже вліяніемъ сосѣдственной Руси, полуплещаетъ незамѣтно язычество, настаетъ рѣшительное соединеніе Литвы съ Польшею, сліяніе въ одно государство и совершенное вполноченіе, выступаетъ на сцену могучее, великое лицо богатыря, сіющее въ исторіи Литвы, лицо исполнское — Витольдъ. Подобно явленіямъ Гомеровскаго міра, господствуетъ онъ надъ исторією XIV-го и начала XV-го столѣтія. Если которая либо часть, то именно эта часть исторіи Литвы, гдѣ онъ во всемъ блескѣ сіяетъ, ближе подходитъ къ эпопеѣ. И если бытъ когда нибудь эпопеѣ Литовской, то непременно долженъ въ ней преобладать Витольдъ,

и безъ него нѣтъ эпопей Литовской. Въ немъ и около него она исключительно. Онъ все представляетъ намъ, чего потребуемъ мы для героя, сильную мысль, могучую дань, твердое сердце, высокій умъ. Миръ, его окружающій, становится отъ его отраженія поэтическимъ и великимъ. Его жизнь, его войны, даже его хитрости — какія картины! Онъ и Ягайло, онъ и старикъ его отецъ, и Бирута его мать, и паперникъ Войдилло, и неусыпно ожидающіе гибели Литвы Крестоносцы, и эти разговаривающіе съ нимъ подъ Ворскою Татары, и послѣднее его, предсмертное желаніе добыть себѣ корону, и его борьба съ непреклоннымъ Збигневомъ Олесницкимъ, и его вторая женитьба, и этотъ возлюбленный его Мандрикъ — все это чистая эпопея, драма, исторія и романъ. Въ нѣсколькихъ десятилѣтіяхъ жизни Витольда представляется безконечный матеріалъ для поэтовъ.

Но здѣсь и конецъ Литвы. Витольдъ умираетъ, а съ нимъ почти умираетъ и Литва; дальнѣйшее ея существованіе, какъ жизнь хилющаго прозябанія, рѣдко проявляется самобытно. Литвы надобно уже искать въ Польшѣ, которая ее цѣлкою поглотила; она теряетъ свою самостоятельность, черты ея изглаживаются, обычаи измѣняются, она принимаетъ Латинское крещеніе, и уже въ концѣ XV-го столѣтія, начало котораго озаряетъ собою Витольдъ, начинаются религиозныя распри, бѣдствіе, простирающееся на дальнѣйшую Литовскую исторію, лишающее ее жизненныхъ силъ и самой жизни. Въ этихъ борьбахъ тратится вся внутренняя мощь народа.

Исторія Литвы до Сигизмунда Августа отбывается еще нѣсколько и просвѣчивается въ исторіи Польской, но съ послѣдней политической уніи ея съ Польшею, она еще болѣе, если только можетъ быть болѣе убитая самобытна, Литва изглажена въ конецъ, безъ малѣйшаго сопротивленія и защиты. Такъ приготовили ее къ этому время и сцѣпленіе обстоятельствъ.

Но доселѣ исторія ея сохраняется въ немногихъ только отрывкахъ, въ разсказахъ о ней иноземцевъ, болѣею частью, неосновательныхъ, и въ публичныхъ актахъ, по своей сущности сухихъ. Въ XIV вѣкѣ возникаютъ историческіе Литовскіе матеріалы и историки, объемлющіе внутренній бытъ Литовскаго края. Слѣдующія за симъ событія имѣютъ ихъ такое уже множество, что историкъ, обозрѣвающій остатки

исторической Литвы, долженъ непремѣнно остановиться надъ ихъ выборомъ, и отбрасывая многіе изъ матеріаловъ, еще отъ себя долженъ пополнять исторію критикою величайшаго множества такихъ пропущеній, которыхъ важность слишкомъ преувеличили древніе историки своею старинною методою, какъ напримѣръ описанія, войны, битвы, рѣчей, и т. п., только что запутывающихъ исторію, и часто собственно негодныхъ, служа только вымышленными цвѣтками для прикрасы, но здѣсь весьма должно остерегаться, чтобы не утратить такихъ чертъ, которыя хотя и въ смѣшеніи съ вымышленными мѣстами, принадлежатъ однако жъ исторіи. Впрочемъ кто знаетъ, не болѣе ли здѣсь надобно придать, нежели отбросить. — Весь внутренній бытъ народа, духъ времени, умственная бытопись образованія или порчи — вотъ чего не коснулось еще ни чье перо, и что непремѣнно должно быть придано къ Литовской исторіи. Нѣтъ такой старой книжки нѣтъ такого, по виду незначительнаго, лоскутка бумаги, который не послужилъ бы къ доставленію какой нибудь, можетъ быть, великой черты. Посему разысканія, для пересозданія этой пренебреженной части исторіи, должно почестъ трудомъ огромнымъ и многостороннимъ. Здѣсь именно можетъ писатель выказать свой умъ и знанія, ибо летописи и метрики, какъ остовъ огромнаго зданія, будутъ служить только основаніемъ, а остально надобно ему самому создать, соединить въ цѣлое и проникнуть своею жизнью. — Чѣмъ далѣе подвигаетесь тѣмъ незамѣтнѣе становится Литва, и подъ конецъ XIV-го вѣка она уже проявляетъ одно только важное событіе: несовершенное сліяніе народовъ Польскаго съ Литовскимъ, и принятіе Мацѣевского на епископство Виленское. Но этотъ случай болѣе, кажется, принести должно видамъ частно дѣйствующихъ лицъ, нежели народному духу. Если вообще хотите коснуться правовъ или происшествій, то находите уже все это общее и слитое въ одно. Различествуютъ еще постановленія, но исполненія закона схожи; отдѣльно же взятыя законодательныя дополненія и поправки, болѣе и болѣе изглаживаются временемъ. Слѣдующая за симъ эпоха, хотя уже нѣкоторымъ образомъ болѣе Польская, нежели Литовская должна обнимать въ особенности борьбу реформациі съ католическимъ духовенствомъ и измѣненіями законовъ и государственнаго управленія, которое все болѣе и болѣе слабѣетъ, подъ

безпрестанно возрастающею силою дворянства и войска, составляющих уже почти отдельное политическое тѣло от народа. Здѣсь явственнѣе видимо измѣненіе нравовъ, отъ вліянія на нихъ путешествій Латовцевъ и вѣщныхъ сномей, умственное движеніе, пробужденное реформаціею, и они требуютъ глубокой проницательности и опытнаго разумія. Количество книжныхъ матеріаловъ становится здѣсь огромнымъ и достаточнымъ, въ особенности если включить въ то число новѣйшія открытія. Тутъ являютя даже пасквили и стихотворенія, которыхъ отнюдь не должно упускать изъ виду, пренебрегая ими, ибо они изображаютъ духъ времени, и ярко оживляютъ предъ нами картину прошедшаго. Сколько неоцѣненныхъ живительныхъ для исторіи замѣтокъ находится въ *Гурицколя*, особенно въ *Ревъ*, и въ столькихъ другихъ современныхъ книжкахъ! А сколько ихъ также зарыто въ условными выводами въ гербовникахъ, безъ помощи которыхъ нельзя обойтись историку.

Съ Польскаго, **В. РОМАНОВИЧЪ.**

головочные данные и сведения об ответственности	
История, политика, словесность, науки и искусства	
а и место издания Россия, Санкт-Петербург	
ели: 1812-1817 не указано ; 1818-1820 издатель Н. Греч ; 1821-1822, ч. 75- Воейков и Н. Греч ; 1822, ч. 77-82 - 1824 Н. Греч ; 1825-1837 Н. Греч. и Ф. рин ; 1838-1840 А. Смирдин ; 1841-1844 не указано ; 1847 М. Ольхин и К. аков ; 1848-1950 К. Жернаков ; 1851 не указано ; 1852 Р. П. Фурман;	
од издания 1812 - 1852	
одичность: 1812г.; 1838-1852гг. – ежемесячник; 1813-1824гг.; 1829-1836гг. – еженедельник; 1825-1828гг. – выходил 2 раза в месяц;	
ождения:	
ечание: Подзаг.: 1814-1824: исторический, политический и литературный ал ; 1834-1835: журнал словесности, политики и истории ; 1829-1833 ал литературы... ; 1834-1835 журнал словесности, политики и истории ; журнал словесности, истории и политики ; 1841 не указан ; 1842-1850 ал истории, политики, словесности, наук и искусств ; 1851 обзор ; 1852 рия, политика, словесность, науки и искусства; Изм. загл.: 1812-1813 Сын отечества : исторический и тический журнал ; 1825-1828 Журнал литературы, политики и современной рии ; 1829-1833 Сын отечества и Северный архив ; 1836-37 Сын Отечества ; , т. 1-2 Сын Отечества и Северный архив ; 1838, т. 3-6 - 1840 Сын чества;	
о хранения оригинала, шифр ФГУ " Российская государственная библиотека " А 139/36 XX 438/1 VI 15/2 Е 46/484	

Заглавие	
хронологический охват материалов на рулоне	183
приложения	
отсутствуют след. номера (стр.)	
оригинал плохо читается (№ журн. и стр.)	Бумага же ст отрест
Неправильный переплёт (№ журн. и стр.)	

IV.

К Р И Т И К А.

OEUVRES COMPLÈTES DE LAMARTINE, ETC. (Полное собрание сочинений Ламартина). Бриссель. Издание 1857 года, въ бол. 8, въ двѣ колонны, съ портретомъ и рисунками.

(Статья Низара).

Съ тѣхъ поръ, какъ мы признали истинною, что писателей надобно судить не только по общимъ законамъ искусства, но еще и въ отношеніи времени и мѣста, и гдѣ когда они жили, критика наша сдѣлалась, нѣкоторымъ образомъ, двойственною, раздѣляясь между *Эстетикою* и *Исторіею*. Съ одной стороны, она должна смотреть на поэта въ его эпоху, и отличать, что онъ извлекъ отсюда; съ другой, она должна слѣдить созданія поэта съ всеобщими типами искусства, и съ подобными произведеніями прежнихъ временъ. Съ выполненіемъ только сихъ обоихъ условій, равно трудныхъ, ибо первое требуетъ большой наблюдательности и чувства, а другое весьма вѣрнаго инстинкта и полного свѣдѣнія о законахъ искусства, критика сама становится искусствомъ самобытнымъ и творческимъ. — Съ первыхъ словъ оскорбляю я самолюбіе многихъ, думающихъ, будто имъ только принадлежитъ преимущественно творчество, потому что произведенія ихъ носятъ на

себя родовые титулы, съ коими особенно соединяется идея создания. Но по сущности, а не по титуламъ оцѣниваются произведенія ума, и если творчество, въ самомъ строгомъ смыслѣ, состоитъ въ вымыслѣ новаго, въ какомъ-бы то ни было порядкѣ идей, или въ воспроизведеніи — подѣ обновленными силою и естественностью сознанія формами, мыслей и чувствъ вѣчныхъ, повторяю — можетъ быть, гораздо болѣе найдется самобытности, въ наше время, у того, кто *судитъ*, нежели у того, кто *творитъ*. Впрочемъ литературное изобрѣтеніе бываетъ различно, смотря по эпохамъ. То найдемъ его болѣе у поэтовъ, то у историковъ, то у философовъ, то у критиковъ. Квинтиліанъ, Сенека, Тацитъ, развѣ не болѣе изобрѣли, нежели Стацій и Силій Италикъ?

Всякая критика, когда она разсматриваетъ только отношенія поэта къ его эпохѣ, будетъ неполна. Она подвергается опасности быть похожею на панегирики, составленныя живымъ авторамъ, и никогда не разделяющія ихъ безсмертія, какъ торжественныя врата, сооруженныя на случай проѣзда знатныхъ людей, и не переживающія дня такой торжественной церемоніи. Критика, разсматривающая только съ высшей точки искусства, сверхъ того, что опять таки будетъ неполною, подвергается еще опасности пропустить мимоглазъ то, что каждая эпоха прибавляетъ истиннаго и прочнаго къ общему сокровищу вѣковъ, пренебечь, какъ вещами однодневными, созданнымъ для продолжительной жизни, и если первая изъ этихъ критикъ можетъ перейти въ *апологию*, второй изъ нихъ легко сдѣлаться *сатирою*. Средины держаться трудно, ибо для этого надобно, ни больше, ни меньше, примирить въ себѣ два расположенія, повидимому, одно другимъ исключаемыя. Рѣдко бываетъ, чтобы привычка оцѣнять живыхъ писателей по ихъ отношеніямъ къ эпохѣ не доводила, отъ излишней благосклонности къ сочиненію, до рабской угодливости сочинителю. Впро-

чемъ, тутъ критику существенныя барыши. Критика дѣлается другомъ поэта, иногда даже его затрапезникомъ, дѣлитъ съ нимъ часть успѣха, становится провозвѣстникомъ великаго. Такъ, почти всегда; напротивъ, исключительное увлеченіе только условіями искусства ведетъ къ излишней угрюмости; оно увлекаетъ критику отъ строгости, поводомъ которой должно быть сочиненіе, въ личное предубѣжденіе противъ сочинителя; успѣхъ можетъ сдѣлать ее ядовитою, ибо успѣхъ тутъ дѣло опасное, какъ всякій успѣхъ критики. Особливо въ наше время средина трудна, потому, что безконечныя споры довели каждого изъ насъ до крайнихъ предѣловъ его частнаго чувствованія. Критика фактовъ временныхъ, приличій современныхъ между поэтомъ и его эпохою, слишкомъ торопилась у насъ безсмертить мимолетныя вещи, а критика общихъ началъ, можетъ быть, слишкомъ уже ограничила часть вѣковаго прочнаго въ современныхъ твореніяхъ поэтическихъ. Такъ, если и легко открыть въ первой, подѣ объясненіями, болѣе дружескими, нежели основательными, точки, гдѣ она сойдется со второю, а во второй, сквозь угрюмость, отыскать истинныя похвалы, по которымъ она согласится съ первою, мы не имѣемъ еще однако жъ такого излщнаго образца критики, какой можемъ вообразить. Или тѣ, у которыхъ достало-бы безпристрастія, необходимаго для его осуществленія, не обладали ни дарованіемъ, ни вкусомъ? Или скорѣе, не пылкость ли ума, требующая каждой точки взгляда отдѣльно, чтобы потомъ обнять общность глубоко и ново, дѣлала безпристрастіе невозможнымъ?

Мои мысли, можетъ быть, будутъ почтены знакомъ искренности при началѣ разсужденія о поэтѣ, столь справедливо любимомъ, знакомъ, показывающимъ при началѣ критики на него, что я самъ стараюсь предварительно ослабить авторитетъ всего,

что буду говорить далее. Сознаваясь, что изъ двухъ частныхъ точекъ, соединеніемъ конхъ сдѣлалась-бы критика высшимъ искусствомъ, особенно склоняюсь я къ основаніямъ критики общимъ, тѣмъ самымъ непосредственно отказываюсь я отъ всякаго притязанія на честь высшаго критицизма. И хотя значить напередъ поселить недоувѣрчивость къ моимъ идеямъ, объявляя, что я предпочитаю ту, или другую сторону, но лучше отважиться на подобную опасность, нежели сказать, что станемъ держаться середины, и такого обѣщанія не исполнить дѣйствительно. Не мнѣ узнавать истину вполнѣ, но, по крайней мѣрѣ, у меня будетъ точка опоры, съ которой можно узнать значительную ея часть. И кто посмѣетъ сказать, чтобы въ наше время особливо, онъ могъ найти и объяснить, въ какомъ-бы то ни было порядкѣ идей, даже и половину истины?

Оба рода критики очень полезны, хотя и различно, но я думаю, что критика, изыскивающая преданія и идеи продолжительныя, гораздо полезнѣе для большей части людей, нежели критика, разлагающая только взаимныя соотношенія поэта и его современниковъ. Какъ во времена необузданности нравственной никто не станеть составлять теоріи моральной изъ тысячи условій того, что называютъ *общественностью*, такъ значило-бы худо употребить свое время, въ эпоху необузданности литературной, склоняясь съ излишкомъ въ понятія писателей, которые были ея причиною, или слѣдствіемъ. Для того, чтобы не сомнѣваться въ достоинствѣ рода, которымъ занимаемся, потребно убѣжденіе въ великой истинѣ, что умы здравые, во всѣ эпохи, занимаютъ тѣми родами, которые объемлютъ собою болѣе разумныя и истины прочной, а что величайшее достоинство всегда остается на сторонѣ истины и разума — это безспорно. Спрашиваемъ: за что берутся въ наше время умы здравые и прямые, тѣ, которые

способны и къ дѣйствию и къ созерцанію? За Исторію, Философію, Политику и Критику. Доказательство, по крайней мѣрѣ, для меня, что наибольшей прочности созданія первой трети нашего вѣка, тѣ, гдѣ болѣе говорить умъ, суть созданія Исторіи, Философіи, Политики и Критики. Если я увѣряюсь такимъ образомъ, что не умственная прихоть и не частное отношеніе влекутъ меня къ Критикѣ, издобно мнѣ увѣриться, что непобѣдимый инстинктъ нашего времени, по которому самые превосходные умы, намъ современные, двинуты на попринць идей положительныхъ, увлекаетъ и меня за ними, какъ простодушна война за великими вождями. Что за дѣло, если такое изъясненіе мнѣ неблагопріятно—будь только оно вѣрно.

Да, если бы послѣ всего этого, мое занятіе критикою было просто частнымъ вкусомъ — что-же? не дурной вкусъ: любить великихъ писателей прошедшаго и настоящаго времени; сквозь дымъ жертвенныхъ куреній стараться узнать истинную цѣну созданій современныхъ; очистить себя такимъ образомъ отъ этихъ несчастныхъ восторговъ, которыми губять писателей любимцевъ народа! Горжусь, что презираю литературную зависимость, литературное рабство критики передъ писателями, и эти холодныя обожанія, какими льстецы одуряютъ своего идола, расточая драгоценныя качества ума человѣческаго въ безплодныхъ похвалахъ. Курье сказала, преувеличивая, разумется, мысль своимъ сатирическимъ, но всегда вѣрнымъ и ловкимъ умомъ: «Мы, Французы, любимъ *ливрою*.» Если не передъ мечемъ героя, такъ мы склоняемся передъ лирою поэта. Мы толпимся вокругъ именитаго автора, носимъ девизъ его, и его дѣло наше собственное дѣло, въ случаѣ сколько нибудь живаго нападенія критики, которая осторожно спасла себя отъ общаго тумана, чтобы потомъ не разочаровываться поворотомъ мнѣній. Мы

повергаемъ къ стопамъ обожяемаго поэта нашу великодушный гивъ, предлагаемъ ему нашу руку для наказанія безразсуднаго смѣльчака, и хвастаемся, что брось онъ намъ хоть бархатную перчатку, мы рукой до нея не дотронемся; наши дамы возобновляютъ, притомъ сцены Мольеровыхъ *Précieuses*; всѣ мы утѣшаемъ бѣднаго поэта, который только что посмѣивается отъ полученнаго удара. Мы кричимъ о Зоилахъ—брань такая немножко устарѣла, но лесть всегда останется новою. Тутъ заключаются два или три рода тщеславія. Тщеславіе короткости для моднаго чловѣка, которому дружба знаменитаго мужа — титулъ, поддержка, придача цѣны въ гостинной, причина быть часто спрашиваемымъ и много говорить. Другой родъ тщеславія — получить записочку отъ знаменитаго мужа съ его *спасибомъ*, и за его печатью — это родъ привилегіи на умъ для невѣрующихъ, и особливо для книгопродавца, который неохотно беретъ наши рукописи. Третье тщеславіе не шутка — не показаться отсталымъ отъ вѣка, что бываетъ пугаломъ многихъ замѣчательныхъ умовъ, какъ будто ходъ впередъ означается, не замбно худаго хорошимъ, но только стараго новымъ! И вотъ, противится всему этому литературному фетишизму, этой страсти людей — дѣлать изъ себя подмоетки идолу, который, можетъ быть, заживо увидить себя разбитымъ, задерживать наконецъ своею личностью всѣ беспорядочныя движенія, которыя ниспровергають порядокъ настоящій, все это дѣло, которое, если не можетъ быть совершенно безплоднымъ, то остается заблужденіемъ (если только оно въ самомъ дѣлѣ заблужденіе), которое мало даетъ личныхъ выгодъ, а еще меньше литературной чести.

Изъ дурныхъ привычекъ, оставшихся намъ отъ прошедшаго столѣтія, самая смѣшная есть понятіе о критикѣ, такое, какое имѣлъ прежде Вольтеръ о

Фреронъ. Малѣйшій дѣятель *творчества*, если не считаетъ еще самого себя Вольтеромъ, то имѣеть уже, по крайней мѣрѣ, своего Фрерона, котораго горделиво приносить себѣ на жертву въ своемъ предисловіи. Разница между тѣмъ весьма велика въ отношеніяхъ критики и критикуемыхъ писателей прошлаго столѣтія и нашего времени. Прежде, писатель, хотя и властитель умовъ, хотя и довольно могущій, такъ, что легко могла бы закружиться у него голова, наслаждался однако жъ только свободою терпимости подъ властью общественнаго мнѣнія, безпутнаго, но тѣмъ скорѣе готоваго обратиться къ деспотизму. Была еще тогда цѣла Бастилія, и книгу могли передать въ руки публичнаго инквизиторства. Если критика не всегда служила орудіемъ подобнаго преслѣдованія, не получала за то платы, какъ невольники у древнихъ, которымъ приказывали бѣжать съ ругательствами за колесницею триумфатора, унижая то, чего не могли заставить замолчать, все таки ее могли подозрѣвать въ этомъ съ нѣкоторымъ основаніемъ, и видѣть въ ней скорѣе корыстную сообщницу другихъ, нежели самобытнаго, безпристрастнаго судію. Теперь нѣтъ ничего подобнаго. Писатели наши совершенно независимы, и если еще не позволяютъ имъ на сценѣ всего, что только имъ вздумается дѣлать, если не позволяютъ Аристофанамъ нашимъ выводить на сцену живыми современныхъ Сократовъ, за то полная имъ воля говорить что угодно, и не надобно уже имъ просить особенныхъ позволеній сказать что либо! Общество отдало имъ свои права надъ ними, объявило ихъ чистыми отъ всякой ответственности, въ силу нравственной независимости мыслей. Они стѣсняются только собственною своею ответственностью, подчиняются только тому, чему чловѣкъ, имѣющій честь держать перо въ рукъ, первый долженъ подчинить себя по доброй волѣ. Что касается до критики, она остается, предъ лицомъ

писателя побѣдительнаго и всемогущаго, одна, безъ всякаго, косвеннаго и примаго сообщенія съ властью, которая занялась кой-чѣмъ поважнѣе литературныхъ сплетней, безъ всякаго другаго пособія, кромѣ правоты и здраваго смысла, держась, и противъ людей, которымъ хлопаютъ толпа, и противъ толпы, которая имъ хлопаютъ, имѣя противъ себя не только невыгоду одиночества, но еще и предразсудокъ о литературномъ ничтожествѣ *судителл* противъ *производителл*. Словомъ, силы такъ неравны, что едва ли даже великодушно теперь провинникамъ критики соединяться съ писателемъ, защищеннымъ цѣлою фалангою противъ одного непріятеля. Не странно-ли, что роли совершенно перемѣнились, а понятія о критикѣ остались прежнія?

Если писатель не есть непосредственная сила въ обществѣ, и если общественныя наши отношенія должны занимать наиболѣе вниманіе наше, неужели въ преніяхъ литературныхъ должны мы видѣть только споры о томъ, какъ хуже или лучше развѣлечъ досугъ людей, занятыхъ совсѣмъ другимъ, важнѣйшимъ? Ошибка великая, когда подумать, хоть сколько нибудь, о вліяніи писателей и книгъ на общество! Большая разница для общества въ томъ, употребляетъ-ли человекъ съ дарованіемъ перо свое на защиту нравственности, чистоты нравовъ и обязанностей нашихъ, или дѣлаетъ изъ него только средство для проявленія своего эгоизма; старается-ли онъ глубоко изслѣдовать страсти человѣческой, и показать вредную логику ихъ и скрытыя опасности, или оправдываетъ чувственность ихъ, ведетъ къ подражанію ей, и быство ихъ дѣлаетъ основой сильныхъ характеровъ; заставляютъ-ли любить жизнь труда и чистоты душевной, или возносить въ своемъ твореніи жизнь разгульную и безнравственную; укрѣпляетъ и поддерживаетъ разумнѣе юношей языкомъ ума, или восхищаетъ его привычкою дурно говорить, что часто

ведетъ къ привычкѣ дурно поступать? Если все это правда, какъ-же хотятъ, чтобы критика не возставала противъ всѣхъ литературныхъ злоупотребленій, и чтобы въ этой оппозиціи не было ничего обольстительнаго для человека съ умомъ и сердцемъ? Мы понимаемъ страсти общественныя; хвалимъ, если осуждаютъ вреднаго дѣятеля общественнаго, и — едва прощаемъ противоборство литературное и оппозицію противъ писателя, который во зло употребляетъ свое право все высказывать. Не отъ того-ли это, что вредъ общественный заставляеть страждущихъ жаловаться и кричать громко, а вредъ литературный, не только не производитъ жалобъ, но даже едва бываетъ замѣтенъ? Не отъ того-ли это, что мы думаемъ, будто зло тогда только зло, когда на него жалуются, а зло, которое льстить намъ и не возбуждаетъ жалобъ, перестаетъ быть вреднымъ? Сто журналовъ кричатъ противъ того-ли или другаго чиновника, который завтра перестанетъ быть вреднымъ, смѣнившись съ своего мѣста, и — ни одинъ не возстанетъ противъ писателя, который отучаетъ нашихъ жень отъ семейной жизни, внушая имъ гибельныя фантазіи увлекательныхъ, буйныхъ страстей, сына учить презирать отца, и восстанавлиеть бышинство воображенія противъ добрыхъ наклонностей инстинкта! Что до меня касается, то не только я уравниваю объ оппозиціи по ихъ пользѣ, но, смотря по дарованію и направленію идей писателя народнаго, оппозицію литературную почитаю болѣе полезною въ иномъ случаѣ, нежели оппозицію политическую. Моими словами я придаю болѣе важности писателю, вліяніе котораго, можетъ быть, во все и не имѣетъ вредной цѣли, нежели тѣ, кто судить его подъ владычествомъ пошлой увѣренности, будто словесность есть только раскраска каждаго образованнаго общества. Пусть эти люди думаютъ, что писатели суть только привѣски къ общественному

убору, что Расинъ и Мольеръ были игрушками царствованія Лудовика XIV-го, а В. Гюго и Ламартинъ легкія забавы въ правленіе Лудовика-Филиппа. Я полагаю, напротивъ, что они важные двигатели общества, имбующіе раболѣпныхъ кліентовъ, и въ слѣдствіе того, въ ихъ дѣйствіяхъ я готовъ указывать на злоупотребленія ихъ власти, столько же важныя, какъ нерышительность между *coopération* и *translimitation* — готовъ составить противъ нихъ оппозицію, не опровергая притомъ законности ихъ дарованія, и даже не сомнѣваясь въ правахъ ихъ на литературную власть.

Да не почтутъ всего сказаннаго мною предисловіемъ къ объявленію войны знаменитому поэту, сочиненіями котораго хочу я теперь заняться. Кромѣ смѣшнаго въ угрозы такого рода, Ламартинъ долженъ ожидать отъ меня скорѣе мелкихъ замѣтокъ, робко высказанныхъ, нежели рѣзкой критики: всегда былъ я ревностнымъ его обожателемъ, и иногда успѣвалъ даже хвалить его, такъ, что самые горячіе поборники его со мной соглашались. Все сказанное мною суть простыя размышленія, для тѣхъ, кто раздражается всякимъ критическимъ замѣчаніемъ, потому-ли, что многіе не хотятъ видѣть въ безпристрастной критикѣ болѣе похвалы, нежели въ самой безусловной похвалѣ, или потому, что эти люди мало размышляли о сущности, важности, правахъ и обязанностяхъ критика въ наше время. Если предварительныя изъясненія не сдѣлаютъ непріятелей критики болѣе сговорчивыми, по крайней мѣрѣ, они уменьшаютъ виновность ея передъ глазами людей безпристрастныхъ.

Впрочемъ, въ Ламартинѣ нѣтъ ничего, что заставило-бы критику быть противъ него излишне строгою. Знаменитый поэтъ не имѣетъ своей ложной системы въ поэзіи; онъ никогда не писалъ оскорбительныхъ предисловій противъ своихъ противниковъ; онъ не начальникъ особенной школы. Слава

его не есть угнетеніе другихъ, и не тяготѣть на тѣхъ, которые усомнились бы въ подлинности его величія. Сочиненія Ламартина привлекательны и ласковы, какъ онъ самъ. Ласковость безконечная и космополитская, кажется, дѣйствительно составляетъ отличительный характеръ Ламартина. Нашъ поэтъ лишень *чувства критики*. Такимъ является онъ, какъ странствователь, среди Турокъ и Арабовъ Востока; такимъ видимъ его и въ отечествѣ, какъ депутата, среди политическихъ Арабовъ и Турокъ. Хотя часто на сторонѣ оппозиціи, хотя всегда на сторонѣ понятій благородныхъ и мѣръ примирительныхъ, онъ осуждаетъ однако жъ подъ такими общими, такими ласковыми формулами, что непріятель нашего поэта мало заботится, за него или противъ него онъ спорить. Для его отрицательныхъ голосовъ надобно бы выбрать что нибудь другое, менѣе рѣшительное нежели черный шарикъ — какой нибудь *сѣрый* шарикъ, потому что всегда есть немножко *да*, въ самомъ *нѣтъ* нашего поэта. Онъ парадный ораторъ всѣхъ великодушныхъ идей, которыя какъ нибудь могутъ прицѣпиться къ политикѣ, всѣхъ уклоненій, какія нравственная философія можетъ согласить съ суетою человеческой жизни. Не ждите отъ него, ни поясненій, ни причинъ, по которымъ можно-бъ было преклонить собраніе на ту или на другую сторону; всегда услышите отъ него декламацию честнаго челоуѣка, полу-поэтическую рѣчь, послѣ которой спорное дѣло останется тѣмъ, чѣмъ оно прежде было. Такимъ образомъ, Ламартинъ всегда остается, не при *своемъ мнѣніи*, ибо мнѣніе утверждаетъ, или сирровергаетъ, но, при *своемъ впечатлѣніи*. Онъ въ одно время начальникъ, ораторъ и вся партія нравственныхъ идей въ политикѣ. Говорятъ, что онъ гордится этимъ, и смотритъ на себя, какъ на завязь будущей партіи, которая займетъ всѣ мѣста въ палатѣ депутатовъ. Но бѣда, если Провидѣнію угодно будетъ, хоть не на долго ввѣрить

дѣла Франціи большинству людей, или лучше сказать, поэтовъ, у которыхъ главою будетъ Ламартинъ: я боюсь, что со втораго засѣданія, они заспорятъ о гармоніяхъ поэтическихъ и религиозныхъ, а хитрый бѣсъ успѣетъ между тѣмъ перевернуть вверхъ дномъ весь ихъ мірскія заботы.

Недостатокъ критическаго чувства можетъ быть почтенъ въ политикѣ слѣдствіемъ, или высшей терпимости или высокой стыдливости ума — можетъ быть добродѣтелью въ депутата, но въ поэтѣ не останется безъ него качества, столь же необходимаго, какъ вдохновеніе. Литературная исторія не представляетъ намъ ни одного примѣра великаго поэта, который не имѣлъ бы чувства критики въ высшей степени. Сладостный *Виргилій* говорилъ: *Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi*, а что это такое значить? Чувство критики. Многие писали сатиры; у всѣхъ были предпочтенія и ненависти. Именъ привожу здѣсь не нужно, ибо о комъ ни вспомните, можете вписать его въ этотъ реестръ. Живое, сильное различіе хорошаго отъ дурнаго всегда было признакомъ генія, ибо, кажется, что нельзя ни изыскивать горячо, ни проявить ярко прекраснаго, безъ ненависти къ дурному. Если что нибудь заставляетъ сомнѣваться въ геніальности Ламартина, это именно то, что чувства подобнаго различія у него вовсе нѣтъ. Тѣмъ увлекательнѣе становится онъ черезъ это, какъ человекъ, но не это-ли препятствуетъ ему, какъ поэту, достигнуть такой степени красоты, гдѣ видимъ себя перешедшими черезъ все мели, избѣгнувшими всѣхъ несовершенствъ? Отсутствие чувства критическаго лишаетъ нашего поэта силы, столь необходимой для мощнаго и правильнаго полета, и передаетъ его самодовольствію, тѣмъ болѣе опасному, что оно невинно и всего менѣе походитъ на гордость. Эту слабость давно замѣтили въ Ламартинѣ, который, какъ говорятъ, удивляется самъ себя болѣе

всѣхъ своихъ жаркихъ поклонниковъ, вмѣстѣ сложенныхъ, но притомъ вовсе не знаетъ гордости. Такое удивленіе не что иное, какъ родъ поэтическаго свидѣтельства въ добромъ поведеніи, которое даетъ самой себѣ добродушная нравственность, сдѣлавши какое нибудь доброе дѣло. Ламартинъ хвалилъ самъ себя, не желя хвастать, безъ уловокъ, безъ всякаго изъ тѣхъ расчетовъ гордости, которая отказывается отъ кусочка ладана, для того только, чтобы получить потомъ кусочекъ побольше. Это истинное самозабвеніе факира — говорю, совсѣмъ не думая смѣяться. Рассказываютъ анекдоты, и пересказываютъ ихъ безъ всякой злости, потому что самозабвеніе нашего поэта не представляетъ ничего обиднаго, и потому, что уваженіе къ его благородной личности заграждаетъ уста всякому злорѣчию. «Новое открытіе!» — скажутъ мнѣ — «поэтъ, имѣвшій успѣхъ — тщеславенъ!» — Я не побоюсь за самолюбивое противорѣчіе, если оно будетъ въ поэтѣ несправедливо осуждаемъ, въ *Расинѣ*, напримѣръ, современники котораго не понимали красоту *Говолин*. Но я трепещу за самодовольствіе въ родѣ *Ронсардовскаго*, у поэта, котораго всѣ любятъ и хвалятъ. За недостаткомъ противоборства съ своимъ вѣкъ, великій поэтъ долженъ имѣть своего противника и своего критика въ самомъ себѣ. Кто доволенъ собою, можетъ иногда судить себя, но кто самъ себя удивляется, тотъ не судитъ себя никогда. Чего не станете бояться за поэта, если онъ глядитъ на самого себя только въ очи людей, удивляющихся ему? — Въ сатиру, посвященной *Мольеру*, изобразивъ портретъ *глупца*, который «все дѣлаетъ съ удовольствіемъ,»

Et toujours amoureux de ce qu'il vient d'écrire,
Ravi d'étonnement, en soi-même s'admire,

Буало прибавляетъ :

Mais un esprit sublime en vain veut s'élever
 A ce degré parfait qu'il tâche de trouver;
 Et toujours mécontent de ce qu'il vient de faire,
 Il plaît à tout le monde et ne saurait se plaire.

«Вот—сказалъ послѣ того Мольеръ Буало—самая прекрасная истина, какую вы когда нибудь изрели людямъ! Я не изъ числа тѣхъ великихъ людей, о которыхъ вы говорите, но каковъ—бы я ни былъ, ничего въ жизнь мою не сдѣлалъ я такого, чѣмъ былъ-бы я именно доволенъ!» Лабрюйеръ, изъясняя мысль Буало, сказалъ: «Та же вѣрность сужденія, по которой мы пишемъ хорошо, показываетъ намъ, что написанное нами едеа ли стоитъ быть прочитаннымъ.» Эти анекдоты XVII вѣка суть правила сужденія для критики по преданіямъ, которая утверждается не только на основаніяхъ и порядкѣ, но и на сходствѣ обычаевъ и предосторожностей ума великихъ писателей всѣхъ вѣковъ. Когда видимъ Мольера, Буало, Лабрюйера соглашающихся, что они не могутъ *правиться самимъ собой* (*se plaire à eux-mêmes*), какъ-же не подумать, что великое самодовольствіе несообразно съ гениальностью? Не надобно-ли дать мѣсто сомнѣнію о принадлежности къ гениямъ поэта, неизмѣннаго критическаго чувства своихъ предшественниковъ, на этой драгоценной *невозможности быть довольнымъ собою*, которая внушала тяжкое сомнѣніе Виргилію объ Энеидѣ, Мольеру о Тартюфѣ и Мизантропѣ, Буало о превосходствѣ его стиховъ, Лабрюйеру объ его характерахъ, Расину объ его Говеліи?

Боясь быть слишкомъ строгимъ, ищущу, видъ моего сознанія и видъ преданій, причинъ, могущихъ ослабить мое осужденіе. Скажу прежде всего, что если отчасти можно отдать нѣсколько чести вѣку упоминутыхъ мною великихъ людей за сильное вниманіе ихъ къ самимъ себѣ и ихъ угрюмую скромность, то и на нашу эпоху можно положить отвѣтственность

за это безмѣрное удивленіе себѣ самому, ослабляющее дарованія Ламартина. Прибавимъ, что нашъ поэтъ распространяетъ на всѣхъ своихъ современниковъ доброе мнѣніе, какимъ чтитъ самого себя. Онъ говоритъ, что изъ сотни и болѣе писемъ, которыя получаетъ онъ каждую недѣлю отъ неизвѣстныхъ поэтовъ, тридцать вмѣщаютъ въ себѣ величайшія красоты поэтическія. По такому расчету въ самый плохой годъ Франція производитъ отъ *тысячи до полторыхъ тысячъ* хорошихъ поэтовъ! Но, если по пропорціи, въ какой почитаетъ самъ себя, Ламартинъ возвышаетъ въ мнѣніи своемъ все, его окружающее, то разстояніе, оставаясь одинаково между поэтомъ и толпою, показываетъ намъ, что доброе мнѣніе его о другихъ непременно указываетъ ему и все превосходство его надъ другими. Дивлюсь послѣ этого, какъ еще такъ скромнѣ нашъ поэтъ! Лелземый похвалами и кажденіями, переведенный на чудныя винетки и на плаксивую музыку, служащій праздничнымъ подаркомъ, даже въ пансіонахъ молодыхъ дѣвушекъ, центръ всѣхъ задумчивыхъ, по природѣ или изъ подражанія мечтателей, критикуемый съ удивленіемъ, изумляющій до обожанія, сравниваемый, то съ орломъ, который не мигнетъ, смотря прямо на солнце, то съ лебедемъ, разсѣвающимъ лазурныя волны, то съ соловьемъ, то съ духомъ небеснымъ, поочередно муза, бардъ, пророчатель, предметъ мечтаній всѣхъ женщинъ молодыхъ и прекрасныхъ, предлагающихъ ему сердца, исполненныя грусти и наслажденій, имъ воспѣтыхъ, отецъ, по крайней мѣрѣ крестный, безчисленнаго множества красивыхъ томиковъ женской поэзіи, премеланхолическихъ и въ прахъ раздушенныхъ—почти невѣроятно, какъ этотъ человекъ, долженствующій послѣ такихъ нѣжностей и обожаній дойти до буддійскаго обоготворенія самого себя, остановился только на чувствѣ скромнаго удивленія самому себѣ! Но таково условіе бытія че-

ловѣческаго: если изъ всего этого не произошло вредныхъ слѣдствій на характеръ поэта, какъ чловѣка, то жестоко пострадало его дарованіе поэтическое. Мнѣ очень хотѣлось-бы оставить за Ламартиномъ титулъ чловѣка гениальнаго, даже и потому, что это единственный титулъ, которымъ можетъ удовольствоваться въ наше время писатель самый скромный, но если характеръ его можетъ выиграть отъ такого усладительнаго изъясненія, какъ согласить, даже въ какую угодно пользу, это правило, что доволство самимъ собою препятствуетъ совершенству поэта? Скажемъ и то еще: какъ намъ сознаться, что во Франціи, въ XIX вѣкѣ, можно быть поетомъ-гениемъ при несовершенныхъ произведеніяхъ, такихъ то есть, гдѣ плохое занимаетъ мѣста больше, нежели хорошее?

Не оглушать-ли насъ здѣсь словомъ: *потомство*, хотя я знаю, какъ жестоко устарѣла идея потомства, до того устарѣла, что самое слово это въ критикѣ сдѣлалось смѣшно? Не могу подуматъ, чтобы сколько нибудь порядочный писатель не испытывалъ къ созданію своему того чувства, какое испытываетъ отецъ къ своему сыну — естественнаго желанія пережить себя въ немъ. Чудовищное дѣло это презрѣніе, какимъ хвастаются въ наше время, къ древнему върованію поэтовъ въ безсмертіе, въ эту силу, ниспещущую съ неба, и поддерживающую большую часть изъ нихъ въ борьбѣ съ жизнью! Даже при упадкѣ Латинской литературы, вы находите Стациа, обремененнаго легкими лаврами, и говорящаго о потомствѣ со страхомъ и почтеніемъ. Оставить послѣ себя лучшую часть — это мысль, укорененная въ сердцѣ чловѣка, такая, которой не станеть odporивать поэтъ, не солгавши на свою природу и не презирая самого себя. Даже тѣ, которые говорили о славѣ съ набожною строгостью Бослюэта, и насмѣшливо противоплагали потомству вѣчность, даже тѣ

во глубинѣ сердца всегда хранили желаніе—высказать хоть послѣднимъ людямъ свое презрѣніе къ дыму славы, показать потомству свое горделивое къ нему неуваженіе. Что до меня, не знаю, чѣмъ-же можно болѣе сдѣлать чести поэту, если не тѣмъ, что предположить въ немъ благородную заботливость о потомствѣ, и спросить у него потомъ: что готовишь ты потомству? Ламартинъ, изъ всѣхъ нынѣшнихъ поэтовъ есть тотъ, котораго подобный вопросъ долженъ всего менше озадачить, ибо не говоря уже, что никто другой не можетъ на такой вопросъ отвѣчать удовлетворительнѣе, одна изъ лучшихъ привычекъ ума его—утѣшаться подобными общими мѣстами, отъ которыхъ сильно бѣется сердце каждаго чловѣка, одареннаго умомъ благороднымъ, и которыя переживуть тѣхъ, кто ихъ презираетъ.

Но еще не спрашивая у поэта, что онъ сдѣлалъ для потомства, прилично будетъ опредѣлить, чего требуетъ отъ насъ потомство.

Поэзія, важная и прочная, существуетъ только въ двухъ, весьма различныхъ порядкахъ идей, или вѣчныхъ истинъ. Первый изъ нихъ составляютъ идеи, или истины практическія. Область ихъ безмѣрна и неистощима. Это чловѣкъ, подъ чертами самыми постоянными, такой, какимъ представляютъ его намъ исторія въ своихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, и искусство въ своихъ самыхъ народныхъ памятникахъ, такой, какимъ видимъ мы его внѣ насъ и въ самихъ насъ, съ тою изъ нашихъ способностей, которая похожа сама на себя во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ эпохахъ —разумомъ. Здѣсь смѣхъ и слезы, радости и страданія, любовь и ненависть, всѣ страсти чловѣческія, въ ихъ формахъ самыхъ сжатыхъ. Здѣсь причины дѣйствій, игра характеровъ, все чѣмъ изучаетъ чловѣкъ чловѣка. Здѣсь всѣ красоты литературныя, которыя въ то же время составляютъ и правила жизни практической, всѣ сіи неизмѣняемыя сходства и

всѣ постоянныя различія, образующія, какъ-бы общій капиталъ, отъ котораго всѣ литературы суть послѣдовательныя развитія, раздѣльныя по вышнимъ формамъ языковъ, но сходныя и родныя по мыслямъ.

Второй порядокъ состоитъ въ томъ участкѣ идей, или истинъ, которыя, кажется, болѣе принадлежать отвлеченности, нежели практикѣ, воображенію болѣе, нежели разуму. Отнесемъ сюда всѣ идеи о назначеніи человека; объ его незримыхъ отношеніяхъ къ Богу, и къ міру, который опредѣленъ человеку жилищемъ; объ его надеждахъ и его трепеть, касательно всего, что слѣдуетъ за смертью; о безмѣрныхъ пустотахъ души, которыя тщетно сплелись наполнить собою всѣ религіи, разрушая одна другую, и что наполнила только истинная, божественная Вѣра; о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя поясняются намъ ея святыми догматами, но и за всѣмъ тѣмъ терзали однако жъ людей, даже подобныхъ Паскалю — философу и христіанину; о тревогѣ человека, какъ созданія конечнаго въ безконечномъ; о печальномъ любознаніи человека, касательно невидимаго міра, и нетерпѣніи его разгадать загадку здѣшной жизни. Не отнимемъ отъ всего этого названія истинъ, хотя онѣ не суть практическія, и воображеніе наше, питаясь ими, сообщаетъ имъ свою подвижность и свои прихоти. Вѣчная недостоверность становится уже для него достоверностью по своей вѣчности, и если справедливо, что воображеніе занято здѣсь болѣе разума, разумъ въ свой чередъ, далекій отъ пренебреженія сею областью мыслей, движется и преслѣдуетъ ихъ напротивъ во всемъ, что представляется здѣсь постояннаго, до тѣхъ предѣловъ, гдѣ безконечность препятствуетъ ему итти далѣе. За сею точкою трудно ему извлекать красоты продолжительныя: онъ становятся предметомъ отвлеченныхъ тонкостей, фантазій, или литературныхъ пре-

ходящихъ модъ, добычею того воображенія, которое перемѣняется во всѣ эпохи, и дѣлается первою и менѣе всего жалѣемою развалиною временныхъ успѣй человека.

Ничего и доказывать здѣсь, что оба сія порядка идей требуютъ одинаковаго совершенства языка. Ни ясность практическихъ идей не увольняетъ ихъ отъ красоты выраженія, ни полусвѣтъ идей отвлеченныхъ не даетъ имъ права на небрежность и темноту. Надобно, чтобы языку поэта не только не доставало ни одного изъ общихъ качествъ, которыя собственны всѣмъ языкамъ литературнымъ, но чтобы языкъ его былъ еще совершенно сообразенъ генію его народа. Если, напримѣръ, народъ дѣятеленъ, практикъ, одаренъ чувствомъ прямымъ, мало увлеченъ мечтаньемъ, и ни сколько не терпитъ невразумительности, словомъ, если это народъ Французскій, языкъ поэта не долженъ быть ни неопредѣленный, ни туманный, ни многословный, ни облеченный въ тѣ темноты, которыя у Нѣмцевъ называются *полутью* (*répompé*).

Стихотворенія Ламартина не принадлежать собственно къ порядку истинъ практическихъ. Не скажемъ, чтобы въ нихъ вовсе нельзя было отыскать чертъ жизни дѣйствительной, какія на каждой страницѣ своей передаютъ намъ поэты эпическіе, драматическіе, философическіе, но сія черты мало опредѣлены, или безмѣрно растянуты привычкою все идеализировать, составляющею складъ ума, особенно свойственный Ламартину. Земля, позорище жизни человѣческой, эта земля, которую Данте обременилъ картиною столькохъ золь, кажется Ламартину какою-то планетою небесною, населенною существами, болѣе насъ совершенными. Она освѣщается солнцемъ, болѣе нашего теплымъ, омывается морями, менѣе нашихъ бурными, орошается ручьями, сладостнѣе нашихъ журчащими, ласкается, но не опу-

стопаются вътрами. Можно назвать Ламартиновскую землю мѣстомъ пребыванія какихъ-то среднихъ существъ между ангеломъ и человѣкомъ. У пастушекъ въ этой землѣ *пальчики изъ слоновой кости* (*des doigts d'ivoire*); собачка одарена качествами и пріятностями, какія только любовникъ, самый увлеченный страстью, придаетъ своей любовницѣ, или самая тщеславная мать желаетъ для своей дочери. Движенія козы роскошнѣе движенія одалиски, взгляды ея нѣжнѣе взглядовъ юной супруги, которая видитъ своего мужа, пришедшего издалека, послѣ долгаго отсутствія, а мысли ея изысканнѣе сонета Вуатюрова. Все увеличивается, все очищается, все украшается въ соразмѣрности; самый крошечный ландшафтъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ климаты и всѣ солнца вмѣстѣ; лужицы становятся озерами, а озера дѣлаются морями. Языкъ цвѣтится, нежится на описанія такой изумительной природы. Кто бы не подумалъ, что рѣчь идетъ о птицѣ въ слѣдующемъ стихѣ?

A surprendre en son nid le faon qui vient d'éclore...

Вы скажете, что *nid* (гнѣздо) не говорится о четвероногихъ; что *éclore* говоритъ собственно только объ яйцеродныхъ, и особенно о птицахъ, для которыхъ это пріятное слово кажется какъ-будто нарочно созданнымъ. Но что до этого за дѣло? Ламартину хотѣлось дать для оленя (*faon*), мѣсто жилища благороднѣе, нежели какая нибудь трущоба въ лѣсу, а образъ рожденія болѣе поэтической, нежели разрѣшеніе самки оленя послѣ обыкновенной беременности. Такъ возвеличиваетъ и преобразуетъ онъ всѣ вещи, и если я привелъ здѣсь стихъ его, то не столько для критики словъ, сколько для того, чтобы изъ тысячи показать одинъ примѣръ *манерности*, съ какою Ламартинъ смотритъ на действительность и выражаетъ ее.

И такъ, слава его не здѣсь — она въ тѣхъ идеяхъ, или метафизическихъ истинахъ, которыхъ высказалъ я подробности, за невозможностью сдѣлать имъ точное опредѣленіе.

Первыя стихотворенія Ламартина, кромѣ прелести стиха, представляли еще прелесть новости. До тѣхъ поръ поэты бывали переводчиками чувствъ общихъ, поэзія ихъ какимъ-то искусствомъ публичнымъ. Поэтъ прятался за свои творенія, былъ человѣкомъ невѣстнымъ толпѣ, передавая ей изъ личныхъ мыслей своихъ только то, что должно было идти прямо къ сердцу, или къ разуму другихъ людей; впрочемъ, это и должно быть всегда истиннымъ характеромъ поэта. Древніе лицензобразили это въ Гомера, воспѣвающимъ народамъ Греціи стихи о богахъ и герояхъ ихъ общей отчизны. Поэтъ въ воображеніи народномъ былъ человѣкомъ, которому боги дали способность выражать мысли всѣхъ, страстными, гармоническими словами. Времена новыя, съ ихъ болѣе суровыми вѣрованіями, должныствовали отнять у поэта его древнія принадлежности, его мелодическую лиру, его лавровый вѣнокъ, его таинственное сообщеніе съ музами, оставляя ему его характеръ, и его роль человѣка общественнаго. Такова была еще во Франціи общая идея о поэтахъ, когда явился Ламартинъ. Но поэты, его предшественники, болѣе или менѣе измѣнили уже этотъ характеръ и понизили роль, или по униженію рода своихъ занятій, или по недостатку генія. Мы были утомлены офціальною поэзіею, въ которой поэты не были героями. Требовался человѣкъ, который выложилъ-бы вполне сердце свое на бумагу. Такимъ человѣкомъ явился для насъ Ламартинъ. Воображеніе всѣхъ обратилось на молодого человѣка, который разсказывалъ исторію нѣсколькихъ годовъ своей жизни, совершенно невѣдомой, и въ которой всѣ

событія составляло сомнѣніе обо всѣхъ невидимыхъ предметахъ міра, а главное дѣло состояло въ любви.

Успѣхи пачала Ламартинова утвердили старинное мнѣніе о характерѣ и роли поэта вообще. Ламартинъ не всѣмъ нравился, потому, что онъ былъ поэтъ всѣхъ. Его исторія, болѣе или менѣе, была исторіею всѣхъ нѣжныхъ и образованныхъ умовъ его эпохи. У всѣхъ была въ душѣ какая-то неуверенность, и всѣ тѣ, кто любилъ, всѣ тѣ, кто хотѣлъ любить, или давали, или должны были давать любви своей частную форму мыслей любовника Эльвиры. Ламартинъ собственно не выдумалъ ничего новаго. Съ пачала XIX-го столѣтія, а особливо со времени паденія Наполеона, воображенія были приготовлены къ такому роду поэзіи. Послѣ Вертера почти нѣчего было сказать о нездоровьѣ возвышенныхъ умовъ въ непонимающемъ ихъ обществѣ, и объ этой щекотливости сердца, во глубинѣ которой таится червь гордости. Байронъ ввелъ въ моду завистливую независимость и увлекательный безпорядокъ гения. Шатобрианъ описалъ болѣзнь Рене, скоро сдѣлавшуюся заразительною, и указалъ воображенію человека путь Веры. Г-жа Сталь глубоко изслѣдовала всѣ эти вліянія, полу-общественныя, полу-литературныя, естественный плодъ переворотовъ, которыя, уничтожая всѣ межеумочныя поколѣнія, и обременяя юношей всею тяжестью прошедшаго и будущаго, влагаютъ въ сердца ихъ, подлѣ обольщеній юности, сомнѣнія стариковъ, и непомерное отвращеніе подлѣ безмерной потребности влѣческихъ вѣрованій. Языкъ такой метафизики уже существовалъ, и прекрасные образцы его явились уже въ прозѣ. Найдены уже были остроумныя, или краснорѣчивыя формулы для безстыднаго сомнѣнія, которое одуряетъ или опьяняетъ его собственная ловкость, такъ-же какъ и для сомнѣнія грустнаго и безнадежнаго, которое стремится къ безотчетной вѣ-

рѣ. Были онъ и для темнаго таинства смерти, для брэнной человѣческой мудрости, для мимолетнаго полета жизни, для ничтожества нашей славы, были онъ и для выраженія вѣшней природы, приспособленной къ нервической чувствительности новыхъ писателей, которые старались выполнить ее движеніями, жалобами, пѣснями, гармоніями, и создать изъ нея что-то замѣняющее высшую идею. Были они наконецъ и для этой особенной любви XIX вѣка, любви безпокойной, скучающей, занятой не только самимъ, но и чужими дѣлами, выдающей смерть свою въ минуту пачала, бурной безъ причины, жадной бѣдствій и слезъ, и, при удовлетвореніи себя по примѣру древнихъ, скрывающей жадность вещественности подлѣ необыкновенною роскошью, утонченностью и отчаяніемъ. Но истинное изобрѣтеніе Ламартина состояло въ томъ, что онъ первый переложилъ въ прекрасные стихи самыя нѣжныя и самыя прочныя изъ этихъ идей, съ особеннымъ очарованіемъ сладости, легкости и мѣры, которое почитали до него едва ли сроднымъ съ строгими условіями Французской поэзіи.

Первыя *Méditations* оставались вѣрны такимъ условіямъ. Къ счастью юнаго поэта, систематическія предисловія, возобновленія поэзіи XVI-го вѣка, теорія искусства для самаго искусства, всѣ эти проекты переработки поэтическаго языка, оставались еще въ будущемъ. Все что мы имѣли отъ поэтовъ, такъ называемыхъ *классическихъ*, если оно и не уравнивалось съ мѣрою великихъ преданій искусства, все однакожъ это сохраняло, по крайности, вѣрованіе въ него, и оправдывало его превосходство, даже самымъ беспіемъ удовлетворить его строгимъ требованіямъ. Никому еще не приходило въ голову оспаривать, что Французская поэзія не должна быть, подобно прозѣ, точною, опредѣленною, сильною, обузданною, исправною. Ламартинъ писалъ свои пер-

вые стихи подь классическою отвѣтственностью, и если не съ вѣрною и выдержанною идеею о мѣрѣ прочности, какую придаетъ она произведеніямъ ума, то, по крайней мѣрѣ, съ счастливымъ, истинно Французскимъ инстинктомъ, и повидимому, готовясь хорошимъ первоначальнымъ ученіемъ. Онъ вѣрилъ тогда болѣе въ выгоды, нежели въ трудности искусства. Онъ былъ тогда неизвѣстенъ, уединенъ, безъ пособія друзей, которые заставляютъ поэта влюбляться въ собственные его недостатки, дѣлають ихъ ему болѣе драгоцѣнными, нежели самыя добрыя его качества, становясь бойцами и рыцарями его пороковъ. Говорять, что Ламартинъ нашелъ даже тогда, чего никогда не находятъ поэты, если не ищутъ по совѣсти, Горациевскаго аристарха, Булловскаго друга, готоваго осуждать, челоуѣка, со вкусомъ и умомъ, сужденіямъ коего жертвовалъ онъ стихами, которые, если и были хороши, то ознаменовывались дурною манерою. Полагаю, что этотъ другъ-судія старался тогда усилить критическую сторону, въ которой надлежало Ламартину всегда остаться слабымъ, старался спасти его отъ легкости, съ какою пишетъ онъ стихи.

Съ самаго начала, Ламартинъ имѣлъ два рода обожателей—одни были партизаны классическихъ преданій, а другіе принадлежали къ поколѣнію болѣе юному, долженствовавшему вскорѣ преувеличить и заставить гримасничать всѣ чувствованія и всѣ припадки современной эпохи. Первые, скромные и осторожные, почти безпокойные о томъ, что оставалось еще сдѣлать юному поэту, нежели изумленные тѣмъ, что онъ уже сдѣлалъ, сопровождали удивленіе совѣтами. Они просили его наблюдать за самимъ собою, сжимать свои стихи, и не пѣть, если онъ пишетъ. Другіе, льстя недостаткамъ, какъ такой сторонѣ, которой можно подражать, кричали, что надобна свобода, преданность музѣ, лира золотая, и на

ней надобно перебирать, какъ попало, всѣ струны, то есть, говоря просто — надобно усиливать свои недостатки, чтобы ими самобытно укрѣпиться на жалкихъ подражаніяхъ, какія отъ нихъ произойдутъ. — Обыкновенная тактика подражателей: толкать поэта по стезѣ ихъ ошибокъ, чтобы этими ошибками прикрываться потомъ, какъ авторитетомъ, отъ критики! Новыя Méditations возобновили сшибку противорѣчащихъ совѣтовъ. Партизаны преданій требовали разнообразія, а подражатели и ихъ теоретики преувеличеній; одни совѣтовали болѣе думать о читателяхъ, нежели о себѣ самомъ, другіе думать только о себѣ самомъ, забывая читателей; одни — оставались при прежнемъ языкѣ и преданіяхъ, а другіе — создать себѣ свой языкъ, по самовластительному праву поэта, и открыть эру новыхъ преданій; одни изучать *Виргилиевы Георгіки*, *Расинову Говолію*, даже *пѣтику Буало*, строгое искусство котораго славно было приложить къ идеямъ болѣе поэтическимъ и болѣе занимательнымъ, а другіе — не ходить дальѣ *Андрея Шенье*, развѣ иногда только пользоваться уроками *Ронсара*, но за то чаще пересматривать *Англійскихъ озерныхъ поэтовъ*, *Вордсворта*, *Колериджа*, и еще кого-то изъ этихъ великихъ мастеровъ говорить о томъ со всею тщательностью, чѣмъ не походятъ они ни на одного изъ своихъ читателей.

Похвалы новой школы превозмогли совѣты партизановъ преданій. Похвалы были безусловны и безграничны — онъ шли отъ юношей, отъ женщинъ, которыя лучше лицезображаютъ славу въ глазахъ поэтовъ, нежели важныя и угрюмыя лица людей зрѣлаго возраста и стр гихъ критиковъ. Поэта вѣнчали стихами и цвѣтами; молодежь посвящала ему свои стихотворенія — блѣдные сколки съ его твореній; молодья женщины ахали и признавались ему въ любви, и даже разбили нѣкоторые изъ духовныхъ

укрѣпленій сердца, вздыхавшаго по идеальной Эльвирѣ. Ламартинъ увлекся. Его подчинили себѣ чуждыя вліянія. Онъ принялъ языкъ своей избранной публики, и сталъ почитать тѣсными предѣлы первыхъ своихъ Méditations. Онъ началъ писать наскоро, карандашемъ, диктовать. Уже являлась тогда знаменитая теорія искусства для самого искусства (de l'art pour l'art). Ламартинъ подчинился ей, и слѣдствіемъ были два тома его Harmonies religieuses.

Явившіяся въ 1824 году, они представили намъ, можетъ быть, болѣе хорошихъ стиховъ, но менѣе хорошихъ піесъ, нежели Méditations, и болѣе ознаменовались недостаткомъ, который, кажется, предназначенъ былъ сдѣлаться основнымъ камнемъ преткновенія для поэта—многословіемъ. Впрочемъ, тутъ почти не было уже слѣдовъ жизни практической. Въ Méditations, самый простой читатель могъ еще распознать иногда себя, въ скорбяхъ, въ радостяхъ поэта, часто весьма положительныхъ. Въ Гармоніяхъ поэтъ уединился болѣе и болѣе отъ всѣхъ, и совсѣмъ скрылся отъ взоровъ людскихъ въ облакахъ своей туманной поэзіи. Это не былъ уже поэтъ эпохи, которую великій прозаикъ Шатобрианъ очертилъ кратко въ важнѣйшихъ ея направленіяхъ, и въ тѣхъ ея недугахъ, которыми сближается она съ общою участію человечества. Ламартинъ улетѣлъ отъ насъ въ міры, куда не можемъ мы летѣть съ нимъ, по неизвѣстнѣ крыльевъ, и гдѣ нѣтъ для насъ ни какого уголка пріютнаго. Многіе, не смѣя еще этого сказать громко, многіе, говоря это въ слухъ, раскланялись съ Ламартиномъ послѣ его Гармоній. Иные находили, что въ половинѣ книги повторились, ослабленныя излишнимъ развитіемъ, самыя мелодическія ноты изъ Méditations. Другіе не хотѣли слѣдовать за поэтомъ далѣе того предѣла, до коего доходило ихъ право критики и суда. Мы любимъ только тѣ предметы, до которыхъ мысль

наша, если она и слабѣе мысли поэта, достигать можетъ.

Самый титулъ книги показывалъ главную мысль: изъяснить все гармоніи, которыми созданіе соединяется съ творцемъ его.

Прекрасно! — Но вотъ поэтъ пускается въ путь, отъ видимаго переходитъ къ невидимому, и вопрошаетъ все твореніе объ отношеніяхъ его къ Создателю. И вотъ—онъ спрашиваетъ у дуба, какъ изъ жолудя, чѣмъ онъ былъ сначала, упавши изъ орлиного клюва на какую нибудь бесплодную землю, сдѣлался онъ дубомъ и распростеръ свои обширныя вѣтви, такъ, что ихъ достаточно укрыть отъ бури пастыря и его стадо? Онъ спрашиваетъ у утра, откуда свѣжесть его и прелесть? что заставляеть лѣса шумѣть? что подьметъ чашечки цвѣтовъ, склоненныя вечернею росой? что пробуждаетъ вѣтры изъ ихъ таинственнаго сна? Онъ спрашиваетъ у ночи, кто далъ ей этотъ безмолвный языкъ, понимаемый только поэтомъ, любовникомъ и страдальцомъ, и для чего человекъ страшится ночной темноты? Онъ спрашиваетъ, по чьей волѣ женщина, столь прелестная и столь слабая, рождаетъ человека, который объемлетъ мыслью безконечность, и умираетъ, знаетъ, что онъ безсмертенъ? — На каждый вопросъ слѣдуетъ отвѣтъ, однообразный; вы поймете его, и — вотъ вамъ сѣтка, сплетенная поэтомъ, подъ именемъ Гармоній! — Но иногда, поэтъ, отъ мысли къ мысли, восходитъ до престола Божьяго, и тамъ голосъ его перестаетъ быть человѣческимъ. Это какой-то мистическій гимнъ, безъ словъ явственныхъ, который только приготовленные мистическими размышленіями могутъ постигать. Уподобляютъ такіа выходы нашего поэта отдаленному эху пѣсни ангеловъ, которое слышится непонятно. Говорятъ, что сердце поэта таетъ отъ лучей свѣта божественнаго, и онъ уже самъ не знаетъ, куда дохнуть ему гармониче-

скими и неопредѣленными вздохами; иногда снова пускается онъ въ земной эмпирей, горя желаніемъ видѣть его и познать, но на сей разъ въра его недостаточна; божественное не одушевляетъ его желанія; онъ спѣшитъ улетѣть опять къ небу, но крылья его, ослабленныя сомнѣніемъ, не поднимаютъ его, и истощенныя бесплодными усиліями, онъ падаетъ отъ усталости на землю, и разбиваетъ безсилныя крылья свои о камень. Намъ кажется, будто все это — слова, и — ничего больше...

Все твореніе, говорятъ намъ, облагороживается подъ перомъ поэта, для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ непосредственнаго полета къ небу. Описанія Ламартина становятся такими, что нашъ бѣдный міръ кажется только грубымъ ихъ оттискомъ. Нѣтъ въ міръ страны; столь любимой небомъ, которой Ламартинъ не рѣшился-бы украсить и идеализировать, для прямого-ли возношенія оттуда въ небеса, или для того, чтобы наше слабое разуміе не смѣло туда проникнуть. Это что-то такое выше самой Италіи, земли отличенной между всѣми, гдѣ вѣтерокъ столь сладостенъ, часы столь лѣтны, тѣнь столь усыпительна, что поколѣнія людскія переходятъ незамѣтно изъ сна въ смерть, между величайшею изъ всѣхъ исторій въ міръ и ожиданіемъ какого нибудь пѣлуна, который помогаетъ имъ убить нѣсколько скучныхъ часовъ дня — нѣтъ! земля Ламартина даже и не эта земля, гдѣ все прекрасно въ самомъ своемъ разрушеніи. У вѣтерковъ Ламартина есть голосъ, и онъ напѣваетъ мелодіи, скользятъ по вѣтвямъ сосенъ, безчисленнымъ струнамъ этой безмѣрной лиры. Вѣтры дѣлаются благоухающими дыханіями, выходящими изъ груди моря. Заливы, усыянные бѣлющими парусами — это вторыя небеса, бѣлющія звѣздами, или обширныя зеркала лазури, куда склоняется образъ небесъ. Поэтъ Гармоній одаренъ чувствомъ, котораго у насъ нѣтъ. Есть какіе-то звуки, которые

онъ слышитъ, и для которыхъ мы глухи; есть цвѣты, которые просто попираемъ мы ногами, и которые для него испускаютъ упоющія благоуханія. Если и положить, что все это точно такъ, и правда, то въ первыхъ пѣсняхъ твоихъ, о великій поэтъ! мы могли еще слѣдовать за тобою, въ міръ мыслей возвышенныхъ, но похожихъ на наши — мы далеко отъ тебя отставали, и видѣли только твое лицо въ облакахъ, улыбающееся намъ, какъ братьямъ, видѣли твою руку, которую протягивалъ ты къ намъ, указывая путь за собою по твоимъ блестящимъ слѣдамъ. Но въ твоихъ *гармоніяхъ*, мы со-всѣмъ потеряли тебя изъ виду. Ты закрылъ отъ насъ свое дружеское лицо, и такъ далеко улетѣлъ въ высь, что изъ всѣхъ слѣдовавшихъ за тобою, многіе остановились на разныхъ ступеняхъ высшаго пространства, и стали читать твои *Méditations*, желая утѣшиться въ твоемъ отсутствіи. Если-же кто говоритъ, будто онъ понималъ тебя, и слѣдовалъ за тобою до самой крайней степени высоты, то, поверь, что онъ тебя не видалъ, но — или лгалъ, или вѣрилъ тебѣ на слово!

Поэма *Жоселенъ* была поворотомъ къ практическимъ идеямъ. Ламартинъ нисшелъ съ горныхъ въ обыкновенную жизнь. *Жоселенъ* романъ въ стихахъ. *Гармоніи* были составлены въ эпоху теоріи «искусства для искусства.» Въ то время, многіе поэты, оставшіеся въ послѣдствіи людьми съ дарованіями, обладались страстью — быть непонятными для другихъ. Одни хотѣли этого отъ добраго сердца и искренно, и ничѣмъ не пренебрегали для достиженія такой похвальной цѣли, а для другихъ это было однимъ изъ тысячи средствъ тщеславія, похожимъ на передачу суда потомству, въ случаѣ неудачи, на томъ основаніи, что если толпа не понимаетъ насъ, не ясно-ли, что наши творенія должны быть выше понятій этой толпы, и поймутся только болѣе умными

потомками? Темный плащъ стало быть годился на защиту отъ критикъ, въ случаѣ стрѣльбы ихъ, годился и для утѣхи въ такой бѣдѣ, когда намъ не удивляются за живо. Теорія de l'art pour l'art была славнымъ парадоксомъ суетности поэтической. Ламартинъ, худо защищаемый своимъ критическимъ чутьемъ, открытымъ впрочемъ для всѣхъ новыхъ идей по своей привѣтливой природѣ, попался въ ловушку, и сталъ на сторонѣ людей, отвергавшихъ всѣ правила. Но, какъ всякій умъ, образованный и плодотворный, впадающій въ софисмъ, онъ не потерялъ здѣсь своихъ естественныхъ свойствъ, и въ ложную теорію искусства «внѣ искусства» внесъ красоты искусства всѣхъ странъ и вѣковъ. Все однакожъ, дѣлая уступку даже и на политическія обстоятельства, въ которыхъ явились *гармоніи* въ 1830 году, на страшное соперничество, какое представляло тогда занятіе умовъ политикою, надобно сознаться, что *гармоніи* были приняты хуже *Méditations*. Ламартинъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Какъ-бы ни высоко парили надъ нашими головами поэты, все таки имъ не хочется, чтобы наши бѣдныя головы охлаждались къ нимъ, и чтобы мы изъясняли ихъ паренію менѣе вниманія. Стихи по теорію искусства для искусства удалили отъ поэта толпу. Романическая форма могла привлечь ее снова; толпа перешла на эту идею, и — Ламартинъ явился съ *Жоселеюмъ*.

Успѣхи всѣхъ этихъ трехъ твореній были неравны, но сложенные вмѣстѣ, они являются безмѣрны.

И это потому, что Ламартинъ былъ поэтомъ, не только важной мысли нашей эпохи, но и прихотей ея воображенія и литературныхъ ея фантазій.

Méditations, первый и самый чистый плодъ его, столь новаго дарованія, явились въ тѣ минуты, когда мода и подражаніе не унизили еще этихъ важныхъ наклонностей, этихъ обращеній къ религіи, и

этихъ неопикуемыхъ прискорбій ума нашихъ поколѣній, рожденныхъ беззащитными. Не доставало послѣдней, изображающей ихъ правды, подъ формою поэтической, чистою, гармоническою, и истинно народною, этимъ тысячамъ страданій, кроткихъ и нежныхъ, этимъ тысячамъ наслажденій прискорбныхъ, отъѣнки коихъ долженъ былъ изобразить Ламартинъ, съ такою прелестью, и тамъ и здѣсь, съ такою вѣрностью слова, что выраженія его присовокупились къ сокровищамъ нашего языка. Всѣ эти идеи были еще искренни въ робкомъ и выдержанномъ разборѣ, который первый сдѣлалъ имъ Ламартинъ. Теоретики и подражатели не дѣлали еще изъ нихъ искусственной поэзіи, перенося вдохновеніе сердца въ голову.

Гармоніи представили другую наклонность эпохи, все еще важную, хотя и болѣе смешанную съ фантазією. Это было какое-то особенное вѣрованіе, мутный отзывъ чистой религіи, вѣра въ бога полу-христіанскаго, полу-пантеистическаго, похожаго на божество Виргилія и Спинозы. Это было вѣрованіе великой схоластической поэзіи Данте и Сенъ-Тома, вѣрованіе въ душу вселенной, дышащую въ вѣтеркахъ, говорящую въ шумъ волнъ морскихъ, колышущуюся въ малѣйшей былинкѣ, выдыхающуюся въ цвѣтахъ, лепечущую въ шелестъ листьевъ, говорящую, поющую, гремящую въ тысячахъ звуковъ природы. Это было тогдашнее вѣрованіе эпохи, плодъ разныхъ вліяній, болѣе или менѣе важныхъ — во первыхъ, сомнѣнія полупобѣжденнаго созданіемъ *Méditations*, а потомъ народности, какою вдругъ получили Данте, и всѣ произведенія Среднихъ Вѣковъ. «Гармоніи» представили предметъ вѣры великимъ, многообразнымъ, разнovidнымъ въ частностяхъ, и такъ, какъ смешанно представляло его себѣ воображеніе публики. Потому онъ должны были успѣть. Ничего не пренебрегъ поэтъ и для успѣха по теоріи de l'art

pour l'art, литературной прихоти, на мгновение встали овладевшей, но исчезнувшей потомъ, съ новыми политическими бурями, когда исчезло многое, казавшееся гораздо болѣе прочнымъ.

Въ *Жоселень*, религиозныя направленія немного яснѣе, нежели въ *гармоніяхъ*, и какъ послѣ жаднаго вѣры сомнѣнія въ *Méditations*, явилось библейско-пантеническое вѣрованіе «*Гармоній*,» такъ это опять новое вѣрованіе, еще двусмысленное, долженствовало болѣе и болѣе поясняться, и переходить въ чистое православіе, христіанскую вѣру. Предметъ вѣры *Жоселена*, Католическаго священника, это уже догматы Католической Церкви. Почему? Потому, что эпоха, или лучше сказать, толпа умовъ, нетерпѣливыхъ и порывистыхъ, которую означаютъ симъ именемъ, полагала себя обратившеюся къ вѣрованію, изложенному въ *Жоселень*. Менѣе нежели въ 20 лѣтъ, эти люди, а съ ними и *Ламартинъ*, перешли отъ сомнѣній къ вѣрѣ, странно смѣшанной, а стѣ этой вѣры къ какому-то католицизму безъ дѣлъ и безъ обрядовъ. И такъ «*Жоселень*» опять успѣлъ, вопервыхъ потому, что герой поэмы былъ Католическій священникъ, хотя многіе спорили противъ неправильнаго посвященія его въ тюрьму Епископа, а далѣе онъ успѣлъ потому, что удовлетворялъ прихоть, гораздо менѣе важную, но рѣшительную для успѣха — общій вкусъ къ романической формѣ. И вотъ, какъ мыслю *гармоній*, *Ламартинъ* сдѣлался поэтомъ наклонности важной и возвышенной, а слогомъ польстилъ прихоти «искусства безъ искусства,» такъ созданиемъ *Жоселена*, и выводомъ Католическаго пастыря, онъ удовлетворилъ вѣрующимъ, и тѣмъ, кто желалъ вѣрить, а принятіемъ романической формы, онъ заставилъ всѣ легкіе умы читать себя.

Такъ шевелилъ *Ламартинъ* своихъ современниковъ, сталкиваясь со всѣми ихъ стремленіями, если не силою своей пронизательности, то, по крайней

мѣрѣ, сходствомъ съ ними своей природы и своихъ личныхъ наклонностей. Онъ былъ, впрочемъ, столь искрененъ, столь самоубѣжденъ, выражалъ-ли сторону важную и глубокую, переводилъ-ли въ эфемерные стихи сторону ничтожную. Онъ мало держался противъ нашихъ литературныхъ прихотей, но онъ не льстилъ современному буйству страстей, и никогда не искалъ себѣ успѣха въ нравственности. Особенно этимъ высокимъ характеромъ проникъ онъ въ нашу общественность, глубже всѣхъ другихъ современныхъ ему поэтовъ; успѣхъ его былъ успѣхомъ домашняго чтенія. Самому сладострастію придавъ онъ видъ стыдливости, цѣломудріе языка, удерживающія читателя въ кругу позволенныхъ мыслей, и рисующія любовь чертами, столь меланхолическими, ставя грусть такъ близко подлѣ удовольствій, что поэтъ заставляеть этимъ столько же ихъ желать, сколько и страшиться. Онъ принималъ, впрочемъ, всѣ преданія семействъ, всѣ сіи добродушные и простые уроки мудрости, умѣренности, благовольтельности, которые мать получаетъ отъ дѣда, а дочь принимаетъ отъ матери. Онъ проникъ своимъ прелестнымъ талантомъ всю эту обыкновенную нравственность, въ которой нѣтъ счастья челоуѣку. Наконецъ, онъ хотѣлъ быть поэтомъ, котораго дарятъ на праздникахъ, поэтомъ подарковъ на Новый годъ, и успѣлъ въ томъ, какъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ книгопродавцы, у которыхъ, переплетенныя въ видѣ подарочныхъ книжечекъ, сочиненія *Ламартина* раскупаются грудями въ день Нового года.

Намъ остается изслѣдовать, что-же успѣлъ, и что погибнетъ изъ этой народности? Намъ остается — судить *Ламартина* по высшему взгляду искусства, по суду потомства. Это самая щекотливая сторона нашей обязанности, ибо если пощада здѣсь предосудительна, то заблужденія имѣють важныя слѣдствія; ихъ можно принять за корыстныя обольщенія,

тому, кто пожелает нѣкогда прочесть акты процесса, между нашею новою поэзіею и прежнею поэзіею по преданіямъ.

Чтобы съ честью выйти изъ нашего судилища, надобно уметь различать въ твореніяхъ поэта то, что принадлежитъ прихотямъ его вѣка, отъ того, что создано для всѣхъ вѣковъ; другими словами—то что имѣетъ цѣнность частную въ литературной исторіи, отъ того, что и теперь и всегда не перестанетъ быть совершеннымъ выраженіемъ идей и истинъ вѣчныхъ. Подобное различеніе столько же произвольно, сколько различеніе въ политикѣ, когда изъ одинакихъ обстоятельствъ въ прошедшемъ и настоящемъ, выводитъ она одинаковыя слѣдствія. Исторія, и тамъ, и здѣсь, даетъ намъ основанія, ибо перевороты литературные прихотливы, не менѣе переворотовъ политическихъ, а дѣйствіе безъ причины бываетъ только для тѣхъ, кто не уметь, ни изучать, ни размышлять.

По недостатку этого различенія, столь грубо обманываются современники, судя о дѣйствительной цѣнности сочиненій, и обманываютъ самихъ сочинителей, насчетъ собственныхъ силъ ихъ. Кто изъ читателей не увѣренъ, что понравившееся ему сегодня, должно нравиться всегда и всѣмъ? Писатели, утверждаясь на этомъ, вмѣсто мысленія для всѣхъ вѣковъ, и для всѣхъ людей, мыслятъ только для жадныхъ воображеній своей эпохи. Есть между ними одаренные умомъ болѣе глубокимъ, ищущіе не лести мимолетнымъ прихотямъ, но встрѣчи съ болѣе прочнымъ; за то другіе, все дѣлая только для настоящаго, умираютъ, едва только настоящее сдѣлается прошедшимъ.

Расположеніе литературной публики, во всѣ эпохи, не равно, но всегда смѣшивается изъ разума и воображенія; посредничество разума въ умственныхъ наслажденіяхъ всегда бываетъ, нѣкоторымъ обра-

зомъ, страдательное и невольное. Не разумомъ увлекаемся мы въ поэзіи. Удовлетвореніе, имъ доставляемое, тайно и молчаливо, и поелику не стараемся мы передавать его другимъ, то оно и не производитъ прозелитовъ. Разумъ не заразителенъ, подобно воображенію. Только симъ послѣднимъ, мы бываемъ схвачены и увлечены, и только отсюда приходятъ къ намъ самыя живыя наслажденія литературныя. Мы не хотѣлось-бы здѣсь опредѣлять, что такое есть *воображеніе*, о которомъ имѣли столь ясную идею въ XVII вѣкѣ, и которое Боссюэ и Фенелонъ просто называли собственнымъ именемъ, каждый разъ, когда хотѣли говорить объ источникъ нашихъ обольщеній и нашихъ ошибокъ. Но критика по преданіямъ не только должна выдерживать споръ о дѣлѣ, ей надобно еще, кромѣ того, возвращать смыслъ различнымъ словамъ. И такъ, утвердимъ, что съ литературной точки зрѣнія, безпокойная способность человеческая, всегда соблазняющаяся, всегда несытая, столь же легко забавляемая, сколь мгновенно скучающая, все стремящая къ крайностямъ, и все истощающая, не знающая наслажденій по размышленію, способность, которую болѣе раздражаютъ, нежели удовлетворяютъ ея собственныя наслажденія—это *воображеніе*. Она заразительна въ томъ смыслѣ, что когда она обладаетъ нами, когда, подобно хмѣлю, попадаетъ намъ въ голову, то придаетъ намъ величайшее обиліе словъ, и потребность распространять ихъ связывается со всѣми корыстями нашего ума и нашего самолюбія; мы распространяемъ ее тогда разговорами, спорами, связываясь ею съ другими, какъ будто какими-то договорами, наступательными и оборонительными, на чемъ держатся всѣ литературныя крамолы. Надобно-ли прибавлять, что воображеніе, кромѣ существенныхъ его немощей, измѣняется, не только въ каждой эпохѣ, но и въ каждомъ климатѣ, холодномъ, тепломъ, весною, зимою,

сегодня, завтра и непрерывно? И смотря потому, кому именно говорить большая часть сочиненія, разуму, или воображенію, способности неизблемой, или способности изменяющейся, расчеты на продолжительность его будутъ больше или меньше. Прибавимъ еще, что каждое сочиненіе, гдѣ нѣтъ участка разуму, хоть-бы оно восхитило всѣ воображенія, и увлекло всѣ литературныя партіи — младенецъ, родившійся мертвымъ.

Исторія литературы дѣлаетъ изъ нашей идеи совершенную достовѣрность. Перечтемъ извѣстности, основанныя на воображеніи современниковъ. Сколькія изъ нихъ оставили по себѣ только плачевныя развалины! Кто не знаетъ, какъ высоко стоялъ Ронсаръ, слетѣвшій такъ низко! Вуатюръ былъ столь великъ, что черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти Буало не смѣлъ не удивляться ему. Не обратились-ли на мгновеніе глаза всѣхъ, въ первые годы XVIII-го вѣка, на этого Ламоть-Гудара, сократившаго въ переводѣ Французскими стихами Гомера, за что заставлялъ онъ благодарить себя творца Илиады въ одѣ своей: *Тѣнь Гомера*, перекладывая притомъ въ прозу трагедіи Расиновы? Какой поэтъ можетъ похвалиться народностью болѣе Делилевой? Макферсоновъ *Ossianъ*, эта поддѣлка сдѣлавшаяся нынѣ смѣшною, гдѣ столько тумановъ, столько тѣней нравились прежде, ввели въ моду вкусъ къ туманамъ, а теперь испарились, выдохлись, и тщетно наполняютъ мрачную пустоту, развѣ этотъ *Ossianъ* не былъ нѣкогда поставленъ, за свою дикую, первобытную прелесть, на ряду съ Илиадою и Одиссеей? И всѣ сии поэты, настоящіе и псевдонимы, нравились не только школьникамъ, женщинамъ, всѣмъ этимъ жалкимъ умамъ, которые дивятся безъ сужденія — они нравились важнымъ людямъ, положительнымъ умамъ, великимъ мужамъ. Монтанъ, истинно древній мудрецъ, читавшій *Virgilia* и *Horacia*, не запрещалъ-ли Французской поэзіи итти

дальше Ронсара? Монтескьё съ удивленіемъ говорилъ о трагедіяхъ Ламоть-Гудара. Наполеонъ разбѣживался, читая *Ossiana*. Гете заставлялъ Вертера признаваться, что онъ пренебрегаетъ Гомера, дотоле его любимаго поэта, для туманнаго *Ossiana*, и въ слѣдствіе, и подъ очарованіемъ чтенія *Ossiana*, Вертеръ и Шарлотта измѣряли бездну, ихъ разъединяющую, а Вертеръ думалъ о самоубійствѣ. Не видимъ-ли мы почтенныхъ старцевъ, воспламеняющихся, говоря о стихахъ Делилевыхъ, и даже плачущихъ крупными слезами, когда начинаютъ они на память читать отрывки — изъ чего-бы вы думали? — описанія шахматной игры!

Причина успѣха всего этого, была причиною и паденія его. Современное воображеніе увлекалось на минуту, и потомъ, измѣнивъ вкусъ свой, оставляло любимцевъ своихъ съ условнымъ безсмертіемъ, совершенно отличнымъ отъ безсмертія положительнаго, по которому книга остается навсегда читаемою. Когда лихорадка внѣшней эрудиціи, и ложнаго подражанія формамъ Древнихъ, поддерживавшія Ронсара, утишилась — Ронсаръ хлопнулся о землю, и его огромный *infolio*, перебранный столькими раздушенными ручками, просмотрѣнный столькими слезящими глазками, былъ навсегда освистанъ Малербомъ. Вуатюръ исчезъ съ шапкою Фронды, съ жалкою поэзіею *de riens galans* (щеголеватыхъ бездѣлокъ), со всеми этими различіями любви, которые Сарразенъ представляетъ намъ составляющими поэздъ Вуатюра

Les amours d'obligation;
Les amours d'inclination;
Quantité d'amours idolâtres;
Une troupe d'amours folâtres;
Force cupidons intéressés
Des cupidons insensés;
Des petits amours à fleurettes,
D'autres petites amourettes,

Mèment de vieilles amours
 Qui ne laissent pas d'avoir cours
 En depot des amours nouvelles. . . .

Ламоть-Гударь успѣлъ въ мнѣніи Монтеस्कѣ именно своею холодною версификаціею, смѣсью разума и анализа, которой не было еще довольно философамъ XVIII вѣка, и которая составляла грубое заблужденіе въ поэзіи. Только что воображеніе публики сдѣлалось требовательнѣе, Ламоть-Гударь былъ позабытъ, и похвалы Монтеस्कѣ, и даже самого Вольтера, не могли ни задержать, ни усладить его паденія. Отреченіе Оссіана произнесено было въ одинъ день съ Наполеоновымъ. Похвалы Наполеона не могли поддержать этой поддѣлки, возвеличенной минутою прихотью на дикую и туманную поэзію, и поставленной въ рядъ съ Илиадою. Вертеръ, колебавшійся между Макферсономъ и Омиромъ, долженъ былъ думать о томъ, какъ-бы самого себя поддержать при поворотѣ воображенія, отчего наружу выставились все его слабыя стороны. Демиль, менѣе всѣхъ другихъ современниковъ умершій, удовлетворивъ съ рѣдкимъ искусствомъ странную прихоть воображенія отцовъ нашихъ, заставлявшую ихъ удивляться мастерству поэта въ перифразахъ, не упали ли даже гораздо ниже того, нежели можно было упать съ его достоинствами?

Но вотъ примѣры разительнѣе. Возьмемъ ихъ во второй половинѣ XVII вѣка, самомъ прекрасномъ времени нашей поэзіи. Вы увидите, какъ даже въ образцовыхъ твореніяхъ, воображеніе убиваетъ все, къ чему коснется, безсмертитъ все, что презираетъ, или пренебрегаетъ. Что имѣло тогда успѣхъ въ *Митридатѣ*, *Британикѣ*, *Баязетѣ*? Не *Митридат*-ли? Не эта-ли сцена третьяго акта, гдѣ раскрывается великій человекъ, имя котораго на мгновеніе было равно имени Рима? Не *Агриппина*-ли, *Неронъ*, *Акомать*, эти характеры, столь обширные, столь

глубокіе, эти жизни, столь полныя? Пѣтъ! послушайте г-жу Севинье, друга старику Корнелию, рѣшившуюся наконецъ удивляться чему нибудь въ Расинѣ. Чему-же она удивляется? Въ *Митридатѣ* — любви Ксифареса и Моимы! Митридатъ старый ревнивецъ, которому сердечно желаютъ скорѣе издохнуть, чтобы Ксифаресъ женился скорѣе на своей любовницѣ. Что касается до безсмертной сцены, миленькая капризница, безъ сомнѣнія, видить въ ней только вставку, очень хорошо написанную, для того, чтобы терпѣливѣе можно было изъ-за нея дожидаться сценъ волокитства, сущности трагедіи. Въ *Британикѣ* — это нѣжные привѣты юнаго князя Юпіи, опасности, какимъ подвергаетъ его любовь, и *charmantes douceurs* (прелестныя сладости) княжны. Въ *Баязетѣ* — вся романтическая часть, все-гдѣ точно удивительная, но отнюдь не *Акомать*, наполняющей собою весь первый актъ. Отъ *Беренсы*, которая намъ кажется слишкомъ перерумяченную — плакали всѣ. — Отъ чего-же это происходило? Не отъ того-ли, что современное воображеніе было чувствительно только къ любви, или, лучше сказать, къ особенной формѣ любви, которую мы называемъ нынѣ волокитствомъ? Не отъ того-ли это было, что всѣ умы, занятые тогда словесностью, были обращены къ этому волокитству, которое, сказать правду, не хуже представляло любовь, какъ и наша современная смѣсь весьма положительной чувственности съ мечтательною манерностью, что удостоиваемъ мы названіемъ любви...

Вообразите же, какое несчастіе было бы для Расина и для насъ, если бы онъ не имѣлъ силы создать Митридата, Агриппины, Нерона, Акомата; если бы онъ не находилъ въ сердцѣ своемъ, болѣе глубокомъ, и болѣе разумномъ, нежели сердца его современниковъ, безсмертной любви Федры; если бы онъ не хотѣлъ быть лучше освидѣннѣмъ за то, что

дѣлать, нежели хвалимымъ за то, что дѣлалъ Придонъ; если бы онъ не создалъ и не написалъ Гоэоли для Буало и Ментенонъ, этихъ угрюмыхъ представителей разума, одобреніемъ котораго всегда живуть умныя созданія?

Какой достовѣрности не получить наша мысль, если, указавши на успѣхи, убивавшіе вполнѣ, или по частямъ, творенія, внушенныя воображеніемъ современниковъ, мы представимъ еще примѣры паденій, за коими непременно слѣдуетъ возмездіе противное; если мы скажемъ, что изъ всѣхъ піесъ Мольера, менѣе всего апплодированы были *Тартюфъ*, *Мизантропъ*, *Ученыя женщины*—эти образцы искусства человеческого; дайте, что Буало весьма удивилъ Лудовика XIV-го, когда назвалъ Мольера величайшимъ человѣкомъ своего вѣка; что та же публика, которая ахала отъ Беренисы, ничего не поняла въ Гоэоли, и самая сильная піеса Расинова была всего менѣе одобрена! Если, выходя изъ нашей литературы, обилующей уроками такого рода, мы станемъ исчислять въ иностранныхъ литературахъ пріатры великихъ непонятыхъ писателей, не потому, чтобы вѣкъ ихъ былъ невѣжественный, какъ говорятъ многіе, но потому, что сии писатели не довольно приспособляли свой прекрасный геній къ изображенію современниковъ; если станемъ исчислять всѣ оспоренныя потомъ извѣстности, и всѣ безсмертія, возникшія послѣ смерти, не должно ли, по истинѣ, заключить, что поэту надобно болѣе пугаться, нежели ослѣпляться славою современною?

Столько полныхъ и частныхъ развалинъ, столько именъ, возвеличенныхъ сначала, и упавшихъ потомъ ниже дѣйствительной ихъ цѣнности, столько засохшихъ вѣтокъ на самыхъ мощныхъ деревьяхъ, отпрысковъ, одолженныхъ мгновеннымъ бытіемъ своимъ прихоти воображенія, столько примѣровъ счастья для умственныхъ произведеній, столь различнаго въ

настоящемъ и въ будущемъ, все это недовольно ли говорить намъ, что мы должны строго смотреть за нашими, самыми искренними удивленіями, и не подписывать нашего речательства за самыя восхитительныя для насъ творенія? Часто за сухія вѣтви, или засыхающіе отпрыски, мы готовы спорить, и нерѣдко любимъ даже развалины. Въмѣсто того, чтобы бранить критика, который для пользы самого поэта, для большаго и большаго его возвышенія, напоминаетъ ему сін великія измѣненія въ исторіи ума человеческого, мы должны—бы слушать его съ трепетомъ, и—почему не сказать этого?—съ некоторымъ почтеніемъ. Критикъ не передастъ-ли правъ своихъ каждому и всѣмъ? Не учить-ли онъ насъ уваженію къ самимъ себѣ, возставая противъ нашего воображенія, которое равняетъ разумъ нашъ модѣ на прически и покрой платья, и говоря, что только разумъ нашъ даетъ намъ вѣчное могущество? Впрочемъ, чему дивиться, когда толпа на это не смотритъ, и грубо любитъ поэта, любитъ потому только, что онъ ее забавляетъ? Но какъ-же друзья поэта, для которыхъ искусство и литература суть ежедневные предметы бесѣды, которыхъ надобно предположить знатоками, не боятся уподобиться тѣмъ друзьямъ, какими полны всѣ литературныя исторіи, друзьямъ, ссужающимъ свои плеча, и носящимъ на нихъ нѣсколько времени надъ толпою кумиръ, который потомъ валится и самихъ ихъ давитъ? Какъ и поэты наши, подобно всѣмъ великимъ предшественникамъ, долженствующіе быть самыми учеными изъ всѣхъ насъ, не поразсудятъ безпристрастно о почестяхъ и паденіяхъ поэтическихъ? Они говорятъ о жизни и смерти, о любви, о времени; смѣло оцупываютъ они всѣ наши тайны, можетъ быть, потому, что не боятся увидѣть въ нихъ уроковъ, которые имъ не общи со всѣми. Но почему не оцупываютъ они тайнъ славы, и того, что заставляетъ жить и уни-

рать мысль человеческую? Можетъ быть, потому, что здѣсь нашли-бы они болѣе совѣтовъ, нежели лестн, и болѣе обязанностей, нежели правъ.

Я не побоюсь строго приложить къ Ламартину всего, сказаннаго мною. Но, поелику я присвоиваю себѣ лично нѣкоторый участокъ въ пользу воображенія, столь высоко вознесшаго Ламартина, то мнѣ хотѣлось-бы убѣдиться, что многое, кажущееся мнѣ теперь въ его поэзи истинными временными, суть новыя стороны истины всѣхъ вѣковъ, предназначенныя присовокупиться къ общему сокровищу, капиталу — да простятъ мнѣ это финансовое слово въ нашъ промышленный вѣкъ—идей всеобщихъ. Взгляши такую предосторожность противъ самого себя, не желая ни чего преувеличивать, я откровенно выскажу мою мысль. Перечтемъ на дубѣ, увѣщенномъ ветками, вѣтки, которыя должны засохнуть.

Вотъ ужъ и этого будетъ не мало, если я скажу, что мнѣ не нравится теперь въ Ламартина многое, прежде мною любимое. Но не могутъ-ли мнѣ отвѣчать, что тѣмъ хуже для меня, когда особенная чувствительность, заставлявшая меня прежде любить, теперь высохла, и слѣдовательно, мое сердце и мой вкусъ суть тѣ сухія вѣтки, о которыхъ я говорю? Если и правда, что мой умъ, болѣе созрѣвшій, или болѣе отяжелѣвшій, не понимаетъ того, что некогда приводило его въ такое усладительное волненіе, почему-же эта чувствительность, потухшая для любимаго мною прежде, сильнѣе и прочнѣе укрѣпилась для того, чѣмъ прежде я пренебрегала, или чего не понимала? Почему, если я не потерялъ притомъ во все способности удивляться, не заключить мнѣ лучше, что то, чему прежде удивлялся я, не стоило удивленія? Нѣтъ! я смотря, какъ на начало смерти для созданій поэта, если что нравилось читателю его въ 20 лѣтъ, не нравится болѣе тому-же читателю въ 30 и слѣдственно, показы-

ваетъ, что испытаніе времени не благоприятствуетъ ему въ жизни даже одного наблюдателя. Станете-ли спорить, что этотъ наблюдатель съ прибавкою опыта, стоитъ тѣмъ менѣе, чѣмъ меньше остается ему жить, и что это общая участь всѣхъ разумныхъ существъ? На все это, право, сказать нѣчего, какъ и на то возраженіе, будто тайна удивленія принадлежитъ только безбородымъ юношамъ, или уже такимъ людямъ, у которыхъ, какъ у Лафонтенова козла, борода длиннѣе здраваго смысла. Соглашаюсь однакожь, не отнимать у Ламартина ничего, чѣмъ удивлялъ онъ меня прежде. Посмотримъ на дѣло болѣе общимъ образомъ.

Когда для Ламартина наступитъ то, что Боссюэтъ называетъ *великимъ разсмотрѣніемъ* (le grand discernement), то есть, когда потомство произведетъ разборъ добра и зла въ его твореніяхъ, сколько выкинетъ оно такого, что казалось намъ живымъ и цветущимъ! Что останется, если уже говорить о подробностяхъ, изъ этихъ безконечныхъ развитій частнаго чувства, изъ этой живописи собственнаго сердца, гдѣ поэтъ томится въ безчетныхъ анализахъ, и испаряется въ своихъ собственныхъ мысляхъ; изъ этого вдохновеннаго состоянія, очень похожаго на состояніе врачей, о которыхъ говоритъ Фенелонъ, «считающихъ свой собственный вкусъ признакомъ прелести, свои собственныя желанія волею судьбы, воображающихъ, что все испытываемое ими невольно, и идетъ свыше;» наконецъ, изъ столькихъ мѣстъ, гдѣ поэтъ лелеялъ всѣ наклонности своей эпохи, почиталъ лихорадочный жаръ восторгомъ, изыскивалъ прихоти вкуса, преслѣдуя особенное въ частномъ, и исключеніе въ исключеніи? Сколько предвижу я помарокъ, которыя потомство съдѣлаетъ на многихъ страницахъ, и столь изысканныхъ, и столь темныхъ въ одно время!

Но оставимъ все, что поэтъ добровольно создалъ

для явной смерти, и посмотримъ на другое, что въ его творенiяхъ было собственно плодомъ его вкуса. Что останется отъ любви, такой, какою понимаютъ ее наши поэты? Что останется отъ этихъ томленiй, тщательно анализированныхъ, отъ этой гордой меланхоли, отъ этой жеманной чувственности, на что сводять теперь окончанiе нашей любви? Люди самобытные въ потомствѣ, конечно, будутъ любить не по нашему, а подражатели въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, любящiе воображенiемъ, также не преминутъ выдумать какой нибудь особый манеръ любить, со всемъ отличный отъ нашего. Если всѣ эти люди станутъ читать темныя мадригалы нашихъ поэтовъ, то, безъ сомнѣнiя, съ такимъ же презрѣнiемъ, съ какимъ читаемъ мы Вуатюрковы *tiens galans*, и подрумяненныя нѣжности Расина. По какому праву думать намъ, будто мы отыскали болѣе общую, болѣе прочную форму любви? Почему быть намъ въ этомъ счастливѣе великаго Расина? И такъ—сколько же цвѣтковъ Ламартиновыхъ завянетъ? Сколь многое у него погибнетъ? Сколько пламени его потухнетъ! Если какой-нибудь Сомезъ не составитъ словаря для его поэтического языка, наши внуки спутаются въ загадкахъ его любви. И можетъ-быть, это дастъ право на мѣсто въ Академiи Надписей, если принятъся растолковывать, что *Лоранса* Ламартинова и *Нецвольстнал*, о которой вздыхаетъ Викторъ Гюго въ своихъ *Chants du crépuscule*, означаютъ особенную часть любовнаго, или верховное, безконечное благо, если судить по поэтической *politique humanitaire*!

Пойдемъ далѣе. Что останется отъ этого неопредѣленнаго вѣрованiя, то пантеистическаго, гдѣ предметъ его представляется какою-то безличностью великаго духа *Виргиліева*, то еще особеннаго, когда оно почти преобразуется въ библейскую вѣру, христіанскую, такъ, что въ поэзію входитъ посвященiе пастора и католическая обѣднiя? Если стануть читать Ламартина

въ простомъ духѣ католицизма, то какъ помирить съ нимъ нарушенiе обрядовъ, напимѣръ, тамъ, гдѣ епископъ посвящаетъ въ пасторы челоуѣка, не бывшаго діакономъ, и какъ согласить описанiя поэта, называющаго себя христіаниномъ, который изображаетъ сердце католическаго пастора, раздѣленное между обязанностями его сана и любовью? Какъ согласить всю эту смѣсь сомнѣнiй и надеждъ, обращенiя къ прежнему, домогательства на что-то новое?

Но пойдемъ до конца. Одинъ изъ самыхъ общихъ предметовъ поэзіи XIX вѣка, мутный источникъ, изъ котораго черпаютъ всѣ, кто только пишетъ стихи, это метафизика печалей безъ причины, неизяснимой скуки, томленiя людей здоровыхъ — все это общее вдохновенiе учителей и учениковъ. Тутъ, говоря нынѣшнимъ метафорическимъ языкомъ, чаши, разбивающiяся, едва только хотятъ прикоснуться къ нимъ устами, и вмѣсто вина, чистаго и здороваго, содержащiя только дрожжи и ядъ; цвѣты, которые вянуть, не распустившись; обломки зеркалъ, рѣжущiе руки тѣхъ, кто мечтаетъ видѣть въ нихъ клочекъ истины; утомленiе страстей, величественный обманъ ума, поддѣльныя кости, раззоряющiя всѣхъ игроковъ, удовольствiя скорбныя, скорби усладительныя. Предположите людей, выгоднѣе насъ живущихъ, или увлеченныхъ къ будущему такимъ могущимъ порывомъ, что имъ нѣкогда заниматься микроскопическимъ анализомъ всѣхъ скорбей настоящаго, и что-же останется для этихъ людей отъ нашей поэтической метафизики и нашихъ льнивыхъ мечтанiй? Какъ жаль имъ будетъ насъ, у которыхъ мысль хворала еще не родившись, которые, вмѣсто мужественной борьбы съ трудностями жизни, складывали только руки, и прислушивались къ своему безпильному стону, или изъ подражанiя прививали себѣ модныя скорби? Какое дѣйствiе будетъ на эти, занятыя совсѣмъ другимъ поколенiя, если они бу-

дуть имѣть время перелистывать иногда поэтовъ нашего времени? «Это слѣдствія припадковъ головной боли,» скажутъ они. — «Вѣроятно, такая странная хандра происходила отъ особеннаго образа жизни нашихъ предковъ; вѣроятно, эти люди мыслили и писали при свѣтѣ блѣдной лампы Среднихъ Вѣковъ, превращая день въ ночь, совершенно различно отъ великихъ писателей XVII вѣка, работавшихъ при дневномъ свѣтѣ, «истинной радости очей,» по словамъ одного великаго изъ нихъ мужа, Боссюэта. Вѣроятно, эти люди услаждались безмолвіемъ и ночнымъ уединеніемъ, и принуждали свое тщедушное тѣло, изнуренное усталостью жизни, странными наслажденіями, продолжительными бесѣдами, къ работѣ, отъ чего раждались у нихъ такіе болѣзненные стихи. Но во всякомъ случаѣ — это не человѣки, хоть оныя и не грубые Эшкуррейцы, которые за сытнымъ обѣдомъ поютъ свои грязныя наслажденія тѣлесныя, и своимъ здоровьемъ и своею радостью ругаются страждущимъ и умирающимъ съ голоду?»

Что сказать и объ этой прихотливой, и не менѣе угрожаемой переменами формъ, которую придумали мы для выраженія вѣчно истинныхъ отношеній человека къ природѣ? Что останется отъ этихъ описаній, гдѣ все дышитъ, поетъ, смѣется и плачетъ? Потомки, которые не поймутъ ничего въ нашихъ изысканныхъ изложеніяхъ утонченныхъ страданій, что поймутъ они въ этихъ непрерывныхъ концертахъ природы, гдѣ воды составляютъ la basse sans repos; въ этихъ лугахъ, которыхъ le velours enivre des fleurs qui l'emailent le vent qui les respire; водопадахъ, играющихъ, то съ вѣтромъ, то avec le rayon du jour, qui modulent des sons inégaux où chaque soupir de l'ame l'article en note, попеременно бывал арфами, съ струнами, ou le vent et les eaux rendent toujours des chants nouveaux; этомъ звѣнящемъ воздухъ, froissé du vol des anges; этихъ вѣтрахъ, умираю-

щихъ, comme un soupir à demi consolé; черныхъ пняхъ, куна которыхъ является enfermant dans leur sein comme un lac de culture; атмосферъ, гдѣ плаваютъ роса,

Qui rejaillit du sol et qui bout dans le jour.

И чтобы сказать однимъ словомъ, объ этомъ описательномъ родѣ, не изображающемъ, ни качества, ни вида предметовъ, не описывающемъ ничего, какъ что есть, но изображающемъ озеро образами, взятыми изъ лѣсу, а лѣсъ фигурами, взятыми изъ озера, небо, посредствомъ земли, а землю посредствомъ неба, къ природѣ дѣйствительной прибавляя еще какую-то природу поддѣльную? Сколько странницъ, и какая бездна стиховъ одною переменною вкуса, вдругъ сдѣлаются непонятны! Какое страшное опустошеніе произойдетъ въ этомъ дремучемъ лѣсу современныхъ нашихъ описаній!

Мы выбрали изъ прихотей вкуса и воображеній, вдохновлявшихъ нашу поэзію, и самаго знаменитаго, самаго народнаго поэта, тѣ, которыя дадутъ современной нашей поэзіи въ лѣтописяхъ литературныхъ, ея отличительную физиогномію. Мы могли бы означить еще много этихъ шалостей, менѣе общихъ, болѣе странныхъ, но для чего говорить о томъ, что уже гибнетъ само собою, и для чего слишкомъ нападать на людей, которые достоинствами дѣлаютъ намъ честь, а недостатками вредятъ искусству потому только, что многими пороки ихъ поставлены за достоинства! Но мы должны были указать на эти пороки и недостатки, для подтвержденія справедливости нашей критики.

Намъ скажутъ, что всѣ литературы представляютъ примѣры наклонностей и вкусовъ, различныхъ съ нашими, также имѣющихъ свое частное, но что за всѣмъ тѣмъ, это не препятствовало въ нихъ безсмертнымъ твореніямъ. Сомнѣваемся въ аналогіи, но аналогія въ сторону. Покажите намъ въ какой

нибудь литературъ, какой нибудь примѣръ творенія прихоти, пережившій эту прихоть, и дурно при томъ написанный? Слогъ имѣеть удивительное свойство сохранять мысли самыя ломкія — это кедровая скръшка, гдѣ хранилась любимая книга Александра. Слогъ здравый сообщаетъ нѣчто изъ своей жизненности и своей живучести предметамъ, собственно не принадлежащимъ къ порядку прочныхъ и живущихъ. Онъ какъ будто насильно вдавливаешь въ нихъ жизнь, для спора будущимъ поколѣніямъ. Въ здоровомъ слогѣ есть какая-то сообразность съ неизмѣнными законами ума человеческого, которая никогда не перестанетъ быть истинною, и которой достаточно заставить жить цѣлыя столѣтія пѣсню, шалость, прихоть, по идее своей совершенно частныя и мѣстныя. *Налой* Буало, пустая шутка, жпветъ и будетъ жить за совершенство слога. Если бы Ламартинъ былъ такъ-же хорошъ по слогу въ самыхъ запутанныхъ идеяхъ своихъ, какъ Расинъ въ *Беренсъ*, онъ въ половину выигралъ-бы свою тяжбу, потому, что безсмертіе Беренсы все-таки безсмертіе, хоть и бѣдное; на него можно еще сослаться, хоть-бы и со всеми оговорками, какія необходимы для творца Гоэолин. Но слогъ *Гармоній* и *Жоселена* станеть-ли съ слогомъ Беренсы?

Общее замѣчаніе: ничѣмъ такъ не усиливаются искусственныя ошибки, не теряются естественныя достоинства слога, какъ угожденіемъ современному воображенію. Причина самая простая. Поэтъ, увлеченный толпою, принужденный кричать и бѣжать съ нею, долженъ облегчить себя отъ всего, что затрудняло-бы его въ бѣгѣ и прыжкахъ, то есть, отъ всего того, что служить основою хорошему слогу — размышленія, способности исправлять себя, выбора и времени. Думая по прихоти другихъ, онъ теряетъ свою естественность, не обладаетъ собою, дѣлается орудіемъ толпы, мечтая повелѣвать ею. Расинъ,

столь точный, столь нервный, столь свободный во всемъ томъ, что наименѣе правилось въ его время, въ Гоэолин, напримѣръ, и вообще въ исторической и философической части своихъ созданій, пренебреженной его современниками, вяль, холоденъ, приторенъ въ перифразѣ, части романической, единственной, по которой современники признавали его достойнымъ соперникомъ Корнея. Мольеръ, часто своевольный въ его любимыхъ современниками пѣсахъ, дѣлается поэтомъ гостинной, щеголеватымъ, пысканнымъ, платя могучимъ геніемъ дань современному вкусу, и онъ сжатъ какъ Буало, при обилии и силѣ, какихъ не было у Буало, въ пѣсахъ, менѣе всего хвалимыхъ современниками, гдѣ сбрасывалъ онъ смѣшныя узы воображенія ихъ. Буало такъ превосходень, умѣлъ сказать въ стихахъ именно то, что хотѣлъ сказать, потому, что борясь со всеми прихотями современнаго воображенія, изъ качествъ, которыя съ нимъ были несовмѣстны, изъ размышленія, выбора, времени, дѣлалъ онъ оружіе, которымъ сражался. Все это вѣрная истина для прозы и для стиховъ. Слогъ, столь чистый, вѣрный, неизмѣняемый у Бурдалу, и чудный слогъ Боссюэта, въ которомъ искусство и инстинктъ составляли одно, эти два слога, столь различно совершенные, не одолжены-ли прочностью своею тому, что оба великіе оратора были исповѣдники и судіи всѣхъ шалостей воображенія современнаго?

По какому же праву Ламартинъ избѣгнетъ закона, въ силу коего эфемерныя мысли облекаются въ формы поддѣльныя и хрупкія? Почему онъ будетъ счастливѣе Расина и Мольера, и успѣетъ прочно построить на пескѣ? Увы! напротивъ — никто болѣе его не подверженъ въ семь случаевъ опасности. Кромѣ невыгоды явиться позднѣе другихъ, кромѣ того, что онъ не получилъ дара прочнаго мышленія, мы уже говорили — онъ лишень чувства высшей кри-

тики, дававшей другимъ силу создавать творенія, которымъ не слышали они современной похвалы. Поешь Meditations, Ламартинъ вышелъ изъ условій всякой поэзіи, кромѣ поэзіи, предоставленной фантазіи частной и мѣстной. За слова, мы съ нимъ спорить не будемъ. Этотъ споръ уже кончился. Класическія преданія не стоятъ уже за чистоту языка. Дѣло идетъ о самой сущности поэзіи—спорять за поэтическій складъ языка Мольера, Расина, Буало, Лафонтена, Корнеля, за то, чтобы этого склада не передѣлывать. И здѣсь-то надобно защитить нашу поэзію отъ ошибокъ Ламартина—общность поэтического языка, просимъ мы его, если только еще не поздно, пощадить и не уродовать.

Гармоніи представляли уже слишкомъ много этихъ безконечныхъ періодовъ, гдѣ фраза начинается безпрестанно, и не оканчивается никогда. *Жоселень* довелъ до крайности такое жалкое своеволие. Фразы поэтической въ немъ почти вовсе нѣтъ. Гдѣ это разнообразіе изворотовъ, гдѣ фразы неровной длины, подражаніе естественному ходу ума, который, то рвется впередъ, то задерживается, здѣсь прерывается, тамъ растягивается, и изображаетъ точно дыханіе мысли? Періодъ безъ дна и безъ границъ поглотилъ все эти формы и утонилъ все отъѣтки. Рѣдко мысль поэта образуетъ нѣчто отдѣльное цѣлое, полное, отчетливое, неизмѣющее частей хилыхъ и наростовъ чуждыхъ. Или слова бѣгутъ передъ мыслью, или они тянутся еще, когда мысли уже нѣтъ. Вотъ двѣ формы, показывающія привычку, или лѣнь ума, разрушительную для поэтического языка. Иногда мысль, или то, что должно быть мыслью, начинается смѣшенно подъ неопредѣленною формою прелюдіи. Мало по малу, поэтъ оживаетъ; мысль, какъ будто хочетъ освободиться, стихи текутъ, образы скопляются, но дорогою, все это подымаетъ другія мысли, которыя замѣня-

ютъ первую, потомъ еще другія, которыя гонятъ этихъ. Умъ, увлеченный вдругъ многими сиренами, не знаетъ уже куда ему броситься. Но въ другой разъ, напротивъ, мысль съ начала объявляется открыто, и какъ струна, сильно тронутая, даетъ полный звукъ. Но мало по малу, она слабѣетъ, уменьшается развиваясь, становится невѣрною, туманною, похожею на звукъ, который исчезалъ, теряетъ свою первобытную чистоту, и походитъ на все умирающіе звуки. Наконецъ, когда мысль уже истощена, остаются еще стихи и число, какъ будто отдаленное эхо, такъ, что если звукъ пересталъ, безмолвія еще нѣтъ, ухо уже ничего не слышитъ, но душа думаетъ еще что-то слышать; да сравненіе мысли съ звукомъ ничего тутъ не говоритъ. Излишнее въ музыкѣ можетъ быть необходимымъ, а въ поэзіи слова должны начинаться и кончиться съ мыслью. Умъ требовательнѣе уха, и не довольствуется нѣгою пустозвучія. Ему покажите дорогу, даже ночью; дѣйствительность—даже въ царствѣ тьней.

Что-же выходитъ? Уму должно собласть права свои; онъ перескакиваетъ черезъ все прелюдіи мысли, черезъ все ея отзвучія, когда она кончилась, бѣжить къ ея сущности, ея душѣ. Таковъ законъ его, даже въ тѣ эпохи, когда теоріи стараются сбить его въ естественныхъ привычкахъ. Ничѣмъ не отучите ума нашего отъ этого, и если правда, что бывали примѣры, гдѣ подробности убивали сущность поэзіи, и бывалъ притомъ успѣхъ, то, на вѣрное, не подробности были тутъ причиною, но снисходительность, какую заслужилъ авторъ другимъ, болѣе соразмѣрными твореніями.

Если вся рѣчь касается описаній, гдѣ влечется поэтъ, мало думая, но не переставая писать, умъ поступаетъ подобно Буало, читавшему Скудеру: «скачетъ черезъ двадцать страницъ, ниша окончанія.» Самый пошлый, и самый ловкій читатель, одарены этою быстро-

тою взгляда, которая заставляет их издали видѣть въ книгѣ, ведетъ его прямо къ ея цѣли. Если въ разсказѣ поэтъ дѣйствуетъ вяло—читатель теряетъ къ нему всякое уваженіе, увлекается инстинктомъ, движется впередъ любопытствомъ—горе поэту, который знаа напередъ развязку, и не имѣя нетерпѣнія читателей, выбираетъ окольную дорогу! Разсказъ его — собственность читателя; онъ располагаетъ имъ самогластно, рѣжетъ, сокращаетъ его по своему. Я увѣренъ — многіе, даже заклятые восторженники Жоселена, плакавшіе надъ нимъ слезами, напередъ обещанными, иногда бѣжали умомъ впередъ по страницамъ его, предупреждая свои глаза. Такъ крута покатошь, гдѣ ставить насъ увлекательное повествованіе, что мы едва вытерпѣваемъ задержку великими красотами языка, скорѣе хотимъ воротиться на нихъ по окончаніи перваго чтенія, нежели остановиться. Но что будетъ, если драма, или разсказъ задерживаются подробностями ненужными, на которыя слишкомъ много взглянуть и одинъ разъ? Такъ прочитывается цѣлая половина Жоселена, такъ читаются всѣ романы простонародные, надъ которыми Жоселевъ имѣетъ одно преимущество — быть одинаково съ ними забавнымъ, въ родѣ болѣе трудномъ. Читатели взяли его по заглавію — онъ назвался *эпизодомъ*, и его начали читать какъ эпизодъ, гдѣ немногія событія тонуть въ объемъ поэмы. Среди развитій ищутъ эпизода, прощаютъ развитія поэту, какъ своевольство простонародной книги, какъ простонародному романисту прощаютъ его безконечныя описанія, гдѣ разгуливаетъ его крошечная мысль. Вѣдь надобно-же всякому дать развернуться! Но успѣхъ-ли это? Не самая-ли горькая это насмѣшка надъ поэзіею? И великій Конде также выслушивалъ жалкіе стихи Шапелена, но....

Скажемъ еще Ламартину, боясь за будущую славу его: если у насъ не можетъ быть поэтическаго

языка, при слогѣ, гдѣ фразу составляетъ періодъ въ 30 и 40 стиховъ, безъ остановки, также не можетъ у насъ быть *поэмъ съ эпизодами въ 8,000 стиховъ*. Если будущая, какъ говорятъ роѣме *humanitaire*, Ламартина, будетъ соразмѣрна его эпизоду, и онъ обещаетъ написать ее не въ 40,000, а въ 100,000 стиховъ, по образцу эпоей Индѣйскихъ — мы боимся за него, повторяемъ откровенно! На удивленіе времени надобно немного, но для чтенія потребно его будетъ не мало. Дайте-же намъ сперва времени и досуга на такое поэтическое разлитіе во вкусъ Восточномъ. У Индѣйцевъ не потому-ли поэмы были такъ *многостиховны*, что библіотеки ихъ были не многотомны. У насъ на рукахъ великіе писатели пяти, или шести литературъ, не считая Французской литературы, и въ добавокъ еще столько необходимо чтенія, что на него, ни больше, ни меньше — не достаетъ жизни челоуѣка. Пока еще какой-нибудь Омаръ не истопилъ печей всѣмъ, что надобно намъ читать, пока Ламартины не испросилъ себѣ привилегіи быть читаннымъ прежде всего, право, не знаю, гдѣ можно намъ будетъ найти времени и досуга на чтеніе *гуманитарной* Ламартиновой поэмы въ 100,000 стиховъ! Развѣ издавать ее журналомъ, стиховъ по 300 каждый день, и тогда мы успѣемъ управиться съ нею въ теченіе года....

Когда въ такихъ ошибкахъ надобно обличать поэта, стоять-ли критики ошибки его въ исполненіи подробностей? Должно-ли доказывать ошибки его — въ этой ложной поэтической стыдливости, которая боится мѣщанскаго слова, и замѣняетъ его мниморавносильными, измѣняющими смыслъ? Въ этой привычкѣ все идеализировать, отнимающей у предметов ихъ форму и природу, то закутывая ихъ, такъ, что платье скрываетъ ихъ самихъ, то улѣтучивая ихъ такъ, что они разлетаются парами? Къ чему указывать на многорѣчіе, недостатокъ критики, по-

дражаніе всѣмъ слогамъ, то перифразъ Деміа, то пошлостямъ новѣйшей школы для ускоренія работы и облегченія труда, повтореніе одинакихъ оборотовъ, какъ у маломыслящаго музыканта повтореніе мотивовъ, на которые попалъ онъ нечаянно, кучу словесныхъ наростовъ, рифмъ по неволѣ, тысячу другихъ ошибокъ? Все это мы забываемъ при испугѣ, который заставляетъ насъ чувствовать слухъ о будущей Индѣйской поэмѣ!

Вопросъ: что *останется* отъ Ламартина? Множество прекрасныхъ стиховъ изъ посредственныхъ поэмъ—последнихъ цвѣтковъ умирающей поэзіи; память о великихъ поэтическихъ способностяхъ, далеко неисполнившихъ обѣщанія; гармоническое, звучное имя поэта, котораго спсходительный вѣкъ подарилъ слишкомъ легкою славою, и въ которомъ современники слишкомъ полюбили свои собственные недостатки.

Больше могло-бы *остаться*, если бы Ламартинъ былъ одаренъ критическимъ чувствомъ, совершенное отсутствіе котораго заставляетъ подозревать послѣднія его творенія; если бы вмѣсто я, хотя и не столь *ненавистнаго*, какъ то, о которомъ говорилъ Паскаль, онъ, подобно всѣмъ великимъ людямъ, чувствовалъ плодородное недовольство своимъ сочиненіями, которое возбуждаетъ удерживая; если бы, выше своего успѣха, строже къ себѣ, нежели вѣкъ его, онъ далъ намъ, вмѣсто небрежныхъ стиховъ и идей Жоселена, поэмы нѣжныя, умныя, глубокія, какъ *Méditations*, писанныя языкомъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ *Harmonies*, и сжатая вообще болѣе всего того, что онъ писалъ.....

Если счастье, или, говоря неопозитическимъ языкомъ Ламартина, добрый ангелъ выведетъ его на первую дорогу, столь быстро доведшую его до легкой и опасной славы, критикъ будетъ не малая честь, что строгимъ урокомъ пробудила она со-

знаніе силъ великаго поэта. Но если, уступая эфемернымъ успѣхамъ, требующимъ отъ него Индѣйскихъ поэмъ, поэтъ не послушается насъ, критика утѣшится оправданіемъ передъ потомствомъ, невозможнымъ судіею всѣхъ, что она не раздѣляла съ толпою удивленія, удержавшаго въ ряду поэтовъ второстепенныхъ такого поэта, который имѣлъ отъ природы довольно силы—стать наряду съ гениальными людьми первой степени.

Геодезія, или руководство къ изслѣдованію общаго вида земли, построению картъ, и производству тригонометрическихъ и топографическихъ съемокъ и нивелировокъ. Составилъ А. Болотовъ, ген. штаба полковникъ. Ч. 1. *Сферическая тригонометрія, астрономическая геодезія, высшая геодезія;* часть II. *Проекція картъ, нивелированіе, топографія.* СПБ. 1836 и 1837 г. въ 8, XVI, 360, IX, 445 стр., съ таблицами и рисунками.

Градусное измѣреніе, произведенное въ концѣ прошедшаго столѣтія Деламбромъ и Мешепемъ между Дюнкирхеномъ и Барселоною, было важною эпохою для Геодезіи. Первоклассные тогдашніе ученые, Лапласъ, Деламбрь, Лежандръ и другіе, занялись развитіемъ и усовершенствованіемъ теоретической и практической части сей науки; по труды сихъ великихъ геометровъ должно разсматривать только какъ драгоценные матеріалы: первый, воспользовавшійся ими, былъ Пуассанъ, который подарилъ любителей математики двумя обширными твореніями: одно изъ нихъ *Traité de Géodésie* въ 2-хъ томахъ, а другое *Traité de Topographie, d'Arpentage et de Nivellement*. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ Пуассанъ изложилъ все важнѣйшія открытія своихъ предшественниковъ, и сверхъ того обогатилъ ихъ новыми формулами, выведенными имъ самимъ; словомъ, предложилъ все, относящееся до производства разнаго рода съемки и нивелировки, составленія картъ и изслѣдованія фигуры земли, въ томъ видѣ, въ какомъ геодезія и топографія была во Франціи въ началъ нынѣшняго столѣтія. Кроме того, по части геодезіи написано во Франціи множество превосходныхъ статей, изъ коихъ большая часть была помѣщена въ *Mémorial du dépôt de la guerre*.

Сколь много Французскіе ученые сдѣлали услугъ со времени Деламбра для астрономіи и геодезіи по части теоретической, столь мало подвинули они впередъ часть практическую, т. е. усовершенствованіе самыхъ наблюденій. Происходила ли эта безпечность отъ излишней увѣренности, что все созданное Деламбромъ, которымъ Франція имѣетъ такое

право гордиться, не подлежитъ уже ни какому измѣненію, или отъ какихъ либо иныхъ причинъ, мы не беремъ на это отвѣчать; знаемъ только то, что Франція и до сихъ поръ, стоитъ на той же самой точкѣ по части практической астрономіи, на какой она находилась за 40 лѣтъ тому, и что не только нынѣшніе Французскіе ученые не обращаютъ должнаго вниманія на этотъ важный предметъ, но даже большая часть изъ нихъ не знаютъ, что дѣлается въ Германіи. Многимъ покажется это невѣроятнымъ, однако же это истина, для подтвержденія которой есть многія доказательства.

Нельзя сдѣлать упрека Германскимъ ученымъ, чтобы они находились въ подобномъ бездѣйствіи въ продолженіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Можно утвердительно сказать, что услуги, оказанныя *практической астрономіи* первокласснымъ геометромъ нынѣшняго столѣтія *Гауссомъ*, знаменитымъ *Бесселемъ* и нашимъ академикомъ *Струве*, столь же важны, сколь важны тѣ, коими Ньютонъ, Лейбницъ и Эйлеръ доставили анализу введеніе вычисленія *величинъ безконечно-малыхъ*. Эти астрономы, первые, обратили вниманіе на, такъ сказать, неуловимыя погрѣшности, встрѣчавшіяся при всѣхъ наблюденіяхъ, погрѣшности, происходившія, или отъ самыхъ способовъ наблюденій, или отъ недостаточности устройства существовавшихъ тогда инструментовъ. Мюнхенскіе художники Рейхенбахъ, Эртель, Утцшнейдеръ, постигнувъ мысль знаменитыхъ ученыхъ, снабдили ихъ усовершенствованными повторительными теодолитами, астрономическими теодолитами, универсальными инструментами и многими другими, между тѣмъ, какъ Франція довольствовалась, и по сіе время еще довольствуется, своимъ повторительнымъ кругомъ. Труды Германскихъ астрономовъ не ограничились усовершенствованіемъ однихъ только способовъ наблюденій; не менѣе важными заслугами ихъ должно считать и тѣ, которыя состояли въ приложеніи *вычисленія вѣроятностей* къ практической астрономіи; это вычисленіе, хотя и создано Французскими геометрами прошедшаго столѣтія, въ особенности же глубокомысленнымъ Лапласомъ, однакоже только со времени появленія въ свѣтъ Гауссова творенія *Theoria motus corporum caelestium*, оно получило свое и обширное приложеніе къ астрономіи и геодезіи. Такимъ образомъ, Германія, возведи практическую часть астрономіи на высшую степень совер-

шенства, довершила то зданіе, котораго основаніе было столь успѣшно положено Франціею.

Досель мы говорили объ успѣхахъ одной только *высшей*, или *собственно такъ называемой геодезіи*, т. е. имѣющей предметомъ измѣреніе значительныхъ протяженій земной поверхности, совершаемое съ двойною цѣлью, во 1-хъ, для опредѣленія вида и величины земнаго сфероида, и во 2-хъ, какъ дѣйствіе приготовительное, для составленія картъ и производства подробныхъ съемокъ. Успѣхи прочихъ отраслей геодезіи, какъ-то: *топографіи*, *ивселлированія* и *поэстрошія географическихъ спѣтокъ*, опередили по времени высшую геодезію. Искусство производить подробную съемку находилось въ прошедшемъ столѣтіи въ томъ же почти самомъ положеніи, какъ нынѣ: оно выигрывало только по временамъ отъ вновь изобрѣтаемыхъ, или болѣе усовершенствованныхъ инструментовъ. Нивеллированіе топографическое и тригонометрическое было создано и усовершенствовано Французскими учеными; успѣхъ измѣренія высоты горъ барометромъ шелъ вообще вмѣстѣ съ успѣхами наукъ физическихъ; главнѣйшія же услуги въ этомъ отношеніи оказаны Лапласомъ. Усовершенствованіемъ проекцій картъ, мы обязаны также Французскимъ ученымъ.

Всѣ открытія Германскихъ ученыхъ помѣщались въ *Astron. Nachrichten*, издаваемыхъ Шумахеромъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Эти статьи излагались, какъ и большая часть твореній великихъ геометровъ, сжато, и были доступны однимъ только весьма сильнымъ въ математикѣ. Полнаго сочиненія, въ которомъ геодезія была-бы изложена въ новѣйшемъ ея видѣ, написана была языкомъ простымъ и яснымъ, рѣшительно не имѣлось. Могутъ на это возразить, что составленіе подобнаго рода книгъ есть дѣло второстепенное. Согласны, но отрицетъ ли кто нибудь пользу, ими доставляемую? Записки и прочія статьи, разбросанныя въ повременныхъ изданіяхъ, могутъ быть доступны небольшому числу ученыхъ. Наибольшая же масса читателей, желающихъ познакомиться съ наукою, прибѣгаетъ всегда къ сочиненіямъ, въ которыхъ она уже обработана, предложена въ связи и послѣдовательномъ порядкѣ. Но что видимъ написанное во Франціи и Германіи въ этомъ родѣ? Мы уже сказали, что во Франціи полнѣйшимъ твореніемъ по части

геодезіи было сочиненіе Пюиссапа. Сей ученый, кажется, въ свою очередь имѣлъ въ виду также небольшое число читателей, ибо въ противномъ случаѣ не нагрузилъ бы его такимъ множествомъ формулъ, и написалъ бы его въ большей послѣдовательности. Не говоря о другихъ мелочныхъ сочиненіяхъ, появившихся въ разные времена во Франціи, замѣчательнѣйшее, по нашему мнѣнію, есть геодезія Франкера, изданная въ 1835 году. Этотъ ученый, преподавая геодезію въ *Faculté des Sciences*, написалъ свою книгу въ пользу своихъ слушателей. Онъ извлекъ изъ Пюиссановыхъ твореній все существенно необходимое, упростилъ выводъ формулъ, и вообще изложилъ всю аналитическую часть геодезіи съ тѣмъ искусствомъ, какимъ отличаются всѣ творенія этого современнаго намъ математика. Но за всѣмъ тѣмъ Франкерова геодезія снова подтвердила намъ, что Французскіе ученые далеко отстали отъ Германскихъ въ практикѣ, Франкеръ, гдѣ ни касается до практики, вездѣ говорить слегка, и съ упущеніями, даже гораздо большими нежели Пюиссапъ.

Германія была богата числомъ элементарныхъ книгъ, касательно производства съемки. Къ разряду такихъ книгъ, принадлежатъ сочиненія Лемаса, Нетто, Монтануса и другихъ. Лучшее же сочиненіе по этому предмету было *Lehrbuch der practischen Geometrie von Ulrich*; оно явилось въ 1833 и 1834 годахъ. Эта книга отличается отъ всѣхъ, до нея вышедшихъ, кромѣ полноты содержанія многихъ способовъ проверки и употребленія инструментовъ, и множества дѣльных замѣчаній, касательно производства съемки, также и тѣмъ, что въ ней читатель не найдетъ того неспосаго и утомительнаго многословія, какимъ отличаются всѣ элементарныя Нѣмецкія книги, изъ коихъ большая часть составлены весьма плохими математиками. Но не взирая на нѣкоторыя превосходныя статьи Ульриха, замѣтны въ немъ и многіе недостатки. Не говоря о статьѣ о *глазотѣрныхъ съемкахъ*, показывающей, что авторъ знаетъ этотъ предметъ теоретически, но не практически, все относящееся до высшей геодезіи написано неудовлетворительно; не говорится ни слова объ измѣреніи дугъ меридіановъ и параллелей; въ статьѣ о вычисленіи координатъ не принимается во вниманіе не только сжатость земли, но даже и сферическій

елъ видѣ; нѣтъ также никакого приложенія геодезическихъ дѣйствій къ рѣшенію ученыхъ вопросовъ, т. е. касательно изслѣдованія вида и величины земли.

У насъ въ Россіи недостатокъ въ геодезическихъ книгахъ былъ въ особенности ошутителенъ. Мы не только не имѣли никакого полнаго курса геодезіи, но даже самыхъ элементарныхъ руководствъ для производства какой бы то ни было съемки. Въ книги у насъ по этому предмету состояли изъ сочиненія *Денъ-де Монтессона о военной съемкѣ* (переведенной г-мъ Бурнашевымъ), и изъ мелочныхъ брошюръ, появлявшихся въ разные времена, въ которыхъ описывались кое-какіе инструменты. Первое, будучи написано еще въ прошедшемъ столѣтіи, слишкомъ устарѣло, и самую цѣль имѣло одностороннюю, какъ показываетъ его заглавіе; всѣ же прочія не стоятъ никакого вниманія.

Подполковникъ Болотовъ, преподавая геодезію въ Императорской Военной Академіи, съ самаго учрежденія этого высшаго военно-учебнаго заведенія, и вида такой недостатка въ книгахъ по важной части прикладной математики, предпринялъ издать въ свѣтъ курсъ, который знакомилъ бы нашихъ соотечественниковъ со всеми отраслями геодезіи, и вмѣстѣ служилъ бы практическимъ руководствомъ къ производству разнаго рода съемокъ.

Для доставленія въ семь послѣднемъ отношеніи болѣе пользы, онъ изложилъ всѣ отрасли геодезіи въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ производится *геодезическія и топографическія работы*. Такимъ образомъ онъ излагаетъ сперва *астрономическую и высшую*, или собственно такъ называемую *геодезію*; потомъ объясняетъ черченіе *географическихъ системъ*, и заключаетъ *инвентаризаціею и топографіею*. Кроме собственной опытности, авторъ совѣтовался съ отличными знатоками дѣла, касательно плана книги, столь превосходно изобрѣтеннаго, что Франкеръ писалъ къ нему, когда почтенный авторъ препроводилъ для разсмотрѣнія къ знаменитому математику планъ свой: «онъ кажется мнѣ столь хорошо придуманнымъ, что конечно заслужить всеобщее одобреніе. Je vous encourage de tout mon pouvoir à réaliser votre projet.» Изложеніе книги г-на Болотова покажетъ это яснѣе.

Астрономическая геодезія написана авторомъ сокращенно, не въ видѣ руководства къ практическимъ дѣйствіямъ, но въ

видѣ взгляда на астрономические способы, ведущіе къ опредѣленію широты, долготы и азимуты. Тутъ можно автору сдѣлать еще упрекъ, за чѣмъ онъ не изложилъ пространнѣе этого важнаго предмета для геодезиста, не помѣстивъ описанія наиболѣе употребительныхъ астрономическихъ инструментовъ, не ввелъ формулъ, словомъ — не написалъ астрономической геодезіи въ объемъ столь же полный, какъ излагаетъ свою высшую геодезію. За то *высшая геодезія* написана г-мъ Болотовымъ съ большими подробностями; все относящееся до *практической части* изложено полнѣе, чѣмъ во всѣхъ иностранныхъ курсахъ, въ особенности же описаніе и употребленіе инструментовъ, какъ-то: гелиотроповъ, повторительныхъ теодолитовъ и базиснаго прибора, усовершенствованнаго въ Механическомъ Заведеніи Главнаго Штаба. Всѣмъ этимъ инструментамъ предложены весьма ясныя чертежи, которыхъ мы доселѣ еще нигдѣ не встрѣчали. Въ статьѣ о системахъ координатъ, авторъ знакомитъ насъ съ двумя новыми способами, Бесселя и генерала Шуберта. Первый изъ этихъ способовъ былъ помѣщенъ въ *Astronom. Nachrichten*, а второй былъ для насъ совершенною новостью, потому, что этотъ способъ доселѣ нигдѣ не былъ еще описанъ. Статья о фигурѣ земли, заимствованная авторомъ изъ Франкеровой геодезіи, любопытна новыми результатами сжатости земнаго сфероида, выведенными изъ нашихъ *Русскихъ* градусныхъ измѣреній. Предметъ заслуживаетъ нѣсколько болѣе подробнаго полененія.

Извѣстно, что уже болѣе столѣтія видъ и величина нашей планеты, составляютъ предметъ изслѣдованія первоклассныхъ ученыхъ. Въ геодезіи доказывается, что *сжатость земли*, т. е. содержаніе разности ея полуосей къ радіусу экватора, и длину самыхъ осей можно легко опредѣлить посредствомъ алгебраическихъ формулъ, коль скоро будутъ измѣрены длины двухъ дугъ меридіановъ, лежащихъ въ дальнемъ одна отъ другой разстояніи, при извѣстныхъ широтахъ оконечностей каждой изъ сихъ дугъ. Съ этою цѣлью были производимы градусныя измѣренія въ Перу — Бугеромъ и Кондаминномъ, во Франціи — Деламбромъ, Мешенемъ, Біотомъ и Араго, въ Швеціи — Шванбергомъ и Оффербомомъ, въ Ост-Индіи — Ламбономъ и Эверестомъ, въ Англіи — ген. Райемъ, въ Германіи — Гауссомъ, и наконецъ у насъ въ Остзейскихъ про-

випцяхъ академикомъ Струве; дуга сего послѣдняго измѣренія была продолжена къ югу генераль-лейтенантомъ Теннеромъ; всего измѣрено у насъ въ Россіи 8° 2' 28", 9. Если бы земля была правильнѣй эллипсоидъ вращенія, то изъ каждаго двухъ измѣренныхъ дугъ получались бы для величины сжатости одни и тѣже результаты. Но на дѣлѣ оказываются результаты различныя, изъ чего заключаютъ, что земля есть тѣло неправильной фигуры. Впрочемъ всѣ результаты весьма мало различаются отъ $\frac{1}{505}$, величины, выведенной Лапласомъ изъ лунныхъ неравенствъ. Такъ, наприм. изъ Перувианской и Французской дуги, сжатость найдена равною $\frac{1}{509767}$. Изъ измѣреній Перувианскаго, Французскаго, Лапландскаго, Ост-Индскаго и Англійскаго, найдена Абовскимъ профессоромъ Валбекомъ сжатость $\frac{1}{501778}$. Точнѣйшій же результатъ принимается нынѣ, выведенный Геттингенскимъ проф. Шмидтомъ изъ вынесказанныхъ измѣреній, съ присоединеніемъ дуги, измѣренной Гауссомъ въ Германіи; результатъ сей есть $\frac{1}{50745}$.

Г. Болотовъ, вводя въ вычисленіе дугу, измѣренную г. академикомъ Струве, и дугу Перувианскую, пашель для величины сжатости $\frac{1}{509249}$; вводя въ вычисленіе первую изъ величинъ дугъ и дугу, Индійскую $\frac{1}{50357}$. Наконецъ, вводя въ вычисленіе всю дугу измѣренную Струве и генераломъ Теннеромъ, и дугу Перувианскую, получилъ для сжатости $\frac{1}{50238}$.

Въ заключеніе 1-й части геодезін, г-нъ Болотовъ напечаталъ статью о приложеніи вычисленія вѣроятностей къ геодезическимъ дѣйствіямъ, составленную г. Шинновымъ, изъ Berl. astron. Jahrbuch. Желательно, чтобы при слѣдующемъ изданіи своей геодезін, авторъ болѣе развилъ эту важную статью, которая, по нашему мнѣнію, написана не совсѣмъ удовлетворительно; будучи изложена весьма сжато, она дѣлается доступною для весьма малаго числа читателей.

Вторая часть геодезін г-на Болотова начинается взглядомъ на различныя роды картъ, масштабы, способы составленія картъ, нанесеніе точекъ съти на листы бумаги. Проекціи картъ и нивелированіе составлены изъ Французскихъ авторовъ и изложены весьма обширно. Въ статьѣ о нивелированіи, мы нашли выводъ барометрической формулы, замѣчательный по своей простотѣ и ясности; тутъ же приложены барометрическія таблицы Гаусса, которыя по точности и краткости

заслуживаютъ преимущество предъ всѣми, доселѣ изданными. Особенное же вниманіе заслуживаетъ въ этой части *топографія*, или *искусствъ геодезіи*. Всѣ сочиненія, доселѣ изданныя на иностранныхъ языкахъ по этому предмету, заключали только описаніе и употребленіе различныхъ родовъ инструментовъ, безъ объясненія, въ какихъ именно случаяхъ полезно дѣйствовать каждымъ изъ нихъ. Нашъ авторъ, изложивъ описаніе инструментовъ, объясняетъ сперва ходъ производства инструментальной топографической съемки мензулою; потомъ производство глазомѣрной съемки, съ помощію разныхъ инструментовъ, и наконецъ заключаетъ хозяйственною съемкою, гдѣ излагаетъ *способы различныя трезлопосыныхъ владѣній и раздѣлки земли на десятины*. Это расположеніе статей доставило возможность автору написать свою топографію въ видѣ руководства къ производству разнаго рода съемокъ, необходимаго для каждаго военнаго офицера, для землемера, и даже для помѣщика. Желательно, чтобы наши отечественныя ученые оценили этотъ превосходный трудъ почтеннаго автора, не заимствованный имъ изъ теоріи, но составляющій плодъ собственной его опытности. Мы забыли еще упомянуть, что въ статьѣ объ инструментахъ, авторъ знакомитъ насъ съ *дальноизмѣритель* (Distancen messer), инструментомъ, который, по дѣланнымъ опытамъ, оказывается гораздо удобнѣе для измѣренія разстояній, нежели цѣпь. Замѣчательны также описанія, кои г-нъ Болотовъ объясняетъ намъ: *призматическій кругъ* Штейнгеля и *мензулу* нашего соотечественника Стефана. Оба эти инструмента изобрѣтены не съ большимъ годъ тому назадъ. Первый изъ нихъ есть инструментъ ручной, т. е. не требующій штатива, и по точности своей превосходитъ секстанта, а мензула Стефана есть лучшая предъ всѣми, доселѣ существовавшими.

Таково сочиненіе, о которомъ хотѣли мы сказать читателямъ нашимъ, и которое смѣло можно назвать Европейскимъ по его внутреннему достоинству, съ чѣмъ соединены краткость, ясность и вѣрность отличнаго изложенія.

Въ заключеніе считаемъ полезнымъ присовокупить, что книга г-на Болотова издана весьма красиво, и напечатана двумя шрифтами, крупнымъ и мелкимъ. Первый предназначенъ для читателя, незнающаго аналитической геометріи и

дифференціального исчисленія, и вообще для тѣхъ, которые желаютъ знать геодезію практически, не входя во многія теоретическія изслѣдованія. Чрезъ пропускъ статей, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, общаѧ связь науки ни сколько не нарушается. Это доказываетъ отличное знаніе дѣла и опытность, приобретаемую только практикою учебною. Рисунки и чертежи при книгѣ г-на Болотова сдѣланы превосходно.

М. Н.

=

Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ, или Статика и Гидростатика. Соч. Ординарнаго Профессора Н. Брашмана. Москва въ Университетской типографіи, 1837 г., въ 8, 350 стр.

Предполагая, что статья о книгѣ математической, если имѣетъ небольшое число читателей, за то эти читатели *знаютъ* предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, мы безъ всякихъ предварительныхъ изъясненій приступимъ сперва къ изложенію плана въ книгѣ Г-на Брашмана, а потомъ уже войдемъ въ нѣкоторыя особенныя подробности. *Odi profani*, извините!

Изъяснивши приготовительныя понятія въ своемъ введеніи, авторъ въ I-й главѣ говоритъ о *силахъ, приложенныхъ къ одной точкѣ*. Доказательство параллелограмма силъ самое простое, и замѣчательное тѣмъ, что точка приложенія силъ не переносится — взято авторомъ у Г. Коши; теорія совокупленія силъ заимствована у Г. Остроградскаго. Какъ приложеніе этой теоріи, авторъ предлагаетъ теорію притяженія и въ особенности притяженія тѣлъ, ограниченныхъ сферическою и эллипсоидальною поверхностью. Для послѣдняго случая авторъ прекрасно опредѣляетъ величину притягательныхъ силъ въ эллиптическихъ функціяхъ; также съ большою ясностью излагаетъ знаменитую теорему Эйвори (*Yvory*), посредствомъ которой, опредѣленіе силы притяженія эллипсоида на точку *вне* его находящуюся, сводится на вычисленіе силы притяженія другаго эллипсоида на точку, внутри его находящуюся. Приложенія сей теоремы безчисленны, особливо въ Небесной Механикѣ.

Мы беремъ смѣлость замѣтить здѣсь почтенному автору, что точное и отчетливое изложеніе его, ни сколько не выигрываетъ отъ того, что онъ давнишнее, выразительное слово, *равнодѣйствующая* (*resultante*), къ которому весь привыкли замѣнить другимъ, областнымъ Московскимъ словомъ — *составная*; напротивъ, языкъ механики много теряетъ отъ такихъ, совсѣмъ ненужныхъ переменъ. Надо же ему когда ни-
Т II. — Отд. IV.

будь установиться. Точно то же позволяемъ себѣ замѣтить автору и на счетъ его любимаго глагола *проэкицировать*. Г. Академикъ Буяиковскій, во всѣхъ статьяхъ своего Лексикона, гдѣ только можно, удерживаетъ слова, которыя уже вошли въ математическій языкъ. Его статья: *Composition des forces*, отвѣчающая первой главѣ Г. Брашмана, удерживаетъ глаголъ *проэкицировать*, слова *равнодѣйствующая*, *составляющая*, и всѣ употребительные термины. Вообще всѣмъ будущимъ математическимъ писателямъ нельзя не посоветовать — придерживаться математическаго языка Г. Буяиковскаго, который, вѣроятно, въ этомъ дѣлѣ не оставляетъ совѣщаться съ другими членами Академіи.

Во 2-й главѣ авторъ говоритъ о *равновѣсїи* точки свободной, и подверженной *одному*, или *двумъ* условіямъ. Авторъ предполагаетъ, что больше *двухъ* быть не можетъ (стр. 70); это несправедливо: ихъ можетъ быть *три*, и даже больше, но самая эта ошибка дѣлаетъ честь автору, потому, что онъ хотѣлъ дать самое генеральное изложеніе вопроса, чего прежде нѣкто не дѣлалъ. Впрочемъ, ошибку поправить легко, и тогда теорія Г. Брашмана получитъ все свое совершенство. Авторъ въ этой главѣ слѣдовалъ Лагранжу и Г. Остроградскому.

3-я глава разсуждаетъ о *равновѣсїи силъ, приложенныхъ къ какой ни есть системѣ точекъ*. Здѣсь авторъ доказываетъ начало *возможныхъ скоростей* (*principe des vitesses virtuelles*). Доказательство принадлежитъ Коши; только авторъ обобщилъ его, и распространилъ на тотъ случай, когда возможный моментъ будетъ и отрицательный; такимъ образомъ подчинилъ онъ сему началу равновѣсія, которое Г. Остроградскій недавно первый началъ разсматривать.

Въ 4-й главѣ авторъ прилагаетъ предшешую теорію къ неизмѣняемой системѣ. Вся эта глава отличается ясностью и удачнымъ изложеніемъ. Здѣсь въ сокращенномъ видѣ заключается второе отдѣленіе первой главы, и вся вторая глава Статикъ Понсо.

Послѣ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей, мы опять позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: почему авторъ не хотѣлъ всѣ случаи теоріи равновѣсія силъ, окончательно приведенной къ совершенству Г. Остроградскимъ, пояснить приложеніемъ къ простымъ машинамъ, рычагу, блоку, и прочему? — Соглас-

ны, что эта статья читается въ Университетѣ по Статикъ Понсо, но тамъ особый, геометрической приѣмъ; для начинающихъ, это приложеніе гораздо болѣе выяснило бы аналитическую теорію равновѣсія, нежели голое, хотя и превосходное изложеніе. Вѣроятно, Г. профессоръ дѣлаетъ это на каюдръ: почему бы не сдѣлать и въ книгѣ? Впрочемъ пропускъ слишкомъ маловаженъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что авторъ сдѣлалъ вообще.

Въ V и VI главахъ авторъ не оставляетъ болѣе ничего желать, касательно опредѣленія центра тяжести. Общая теорія изложена въ двухъ словахъ. Многочисленные примѣры доставляютъ прекрасное упражненіе въ интегрированіи функций. Приѣмы интеграцій очень хороши.

Въ VII главѣ авторъ излагаетъ теорію *взаимныхъ кривыхъ*, которая прилагается къ подъемнымъ мостамъ. Въ первый разъ предложилъ ее л'Опиталь; въ послѣдствіи занимались ею славные геометры: Иванъ Бернулліи и академикъ нашъ Фузей, отецъ конференцъ-секретаря Академіи. Теорія веровнаго многоугольника взята изъ академическаго мемуара Г. Остроградскаго.

Глава VIII о *гибкой линіи* предложена по теоріи Лагранжа, съ развитіями, принадлежащими самому автору.

Глава IX объ упругой пластинкѣ и упругой линіи, заимствована изъ Лагранжа, безъ прибавленій.

Глава X. Условія о *прогности равновѣсія* авторъ изложилъ по Лагранжу, прибавивъ прекрасныя развитія того же предмета, сдѣланныя Г. Остроградскимъ. Слово: *прогность*, въ Русскомъ языкѣ означаетъ способность тѣлъ противиться разрушительному дѣйствию химическихъ силъ, точно такъ же, какъ *крѣпость* означаетъ способность тѣлъ противиться разрушительному дѣйствию *механическихъ* силъ. Стало быть авторъ неправильно перевелъ: *stabilité d'équilibre*, словомъ: *прогность* равновѣсія. У насъ давно принято прекрасное выраженіе: *устойчивость* равновѣсія. По всему видно, что авторъ не любитъ длинныхъ Русскихъ словъ, а мы смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что длинныя наши слова суть одинъ изъ главныхъ источниковъ гармоніи нашего языка точно такъ же, какъ выраженіе длинныхъ мыслей въ «краткихъ словахъ» есть стихія Русская.

Просто, ясно и отчетливо приложили авторъ въ XI главѣ общую теорію равновѣсія къ несжимаемымъ жидкостямъ, и въ XII главѣ къ упругимъ жидкостямъ, по Лагранжу и Г. Остроградскому. Въ XIII главѣ поясняется приложеніе общей теоріи равновѣсіемъ *тяжелыхъ* жидкостей въ сосудахъ, соединенныхъ между собою каналами, и изслѣдованіемъ о центрѣ давленія. *Теорія равновѣсія плавающихъ тѣлъ*, занимающая XIV главу, принадлежитъ Г. Остроградскому. Г. Брашманъ весьма удачно изложилъ ее, какъ частный случай общей теоріи равновѣсія, и прекрасно вывелъ два извѣстныхъ начала равновѣсія плавающихъ тѣлъ: 1, *чтобы весь плавающий тѣла былъ равенъ весу вытѣсненной массы жидкости*. 2, *чтобы линія, соединяющая центръ тяжести тѣла съ центромъ тяжести вытѣсненной жидкости, была вертикальна*. Мы особенно рекомендуемъ Гг. кораблестроителямъ и гидравликамъ изученіе вообще всей теоріи равновѣсія жидкостей, особливо этой главы, и слѣдующей XV, гдѣ авторъ разсуждаетъ о *прочности равновѣсія плавающихъ тѣлъ*. Объ этомъ предметѣ еще въ прошломъ столѣтіи писали, прежде другихъ Бугеръ, потомъ Даниилъ Бернулли и Эйлеръ, но приѣмамъ сихъ геометровъ не доставало той общности, какую находимъ въ теоріи, изложенной Г. Брашманомъ. Не смотря, что она нигдѣ прежде не была напечатана, мы беремъ смѣлость принисывать ее Г. Остроградскому, какъ по тѣмъ мастерскимъ приѣмамъ, по которымъ такъ хорошо узнается нашъ геометръ, а еще болѣе потому, что мы слышали эту теорію на экзаменѣ въ одномъ изъ высшихъ заведеній въ Петербургѣ, гдѣ Механику читаетъ Г. Остроградскій. Въ заключеніе этой главы Г. Брашманъ излагаетъ условіе *устойчивости* равновѣсія въ формулахъ и буквахъ (стр. 343) — это затрудняетъ читателя. Почему бы не сказать такъ: «Устойчивость равновѣсія плавающего тѣла, котораго центръ тяжести находится выше центра тяжести вытѣсненной жидкости, требуетъ, *чтобы наименьшая величина момента инерціи плоскости плаванія* (грузовой ватерлиніи), *была больше исжели объема погруженной части, помноженный на разстояніе между центрами тяжести цѣлаго тѣла и погруженной его части?* — Напротивъ, авторъ выразилъ: «требуется, чтобы наименьшая величина *интеграла M*, распространеннаго на всю плоскость плаванія АВ въ положеніи

равновѣсія, была» и проч. Это не ясно. Читатель принужденъ справляться — что такое интегралъ M?

Глава XVI и послѣдняя, занимается изслѣдованіемъ фигуры однородной жидкости, обращающейся около неподвижной оси, и предоставленной взаимному притяженію собственныхъ частицъ. Здѣсь авторъ весьма остроумно излагаетъ новую теорію, которую первый предложилъ Г. Якоби, безъ доказательства. Не знаемъ, откуда Г. Брашманъ заимствовалъ это прекрасное доказательство, и полагаемъ, что оно принадлежитъ самому автору разсматриваемой книги.

Въ I-мъ примѣчаніи очень хорошо изложена теорія образования переменныхъ въ кратныхъ (multiples) интегралахъ, по мемуару Г. Остроградскаго, слишкомъ сжато, но, къ сожалѣнію не пояснена частными примѣрами. Чего нельзя было требовать отъ Г. Остроградскаго, писавшаго для ученыхъ, того нельзя простить въ книгѣ, писанной для учащихся.

Во II-мъ примѣчаніи авторъ находитъ уравненія растянутой или сжатой эллипсоиды и гипоциклоиды, потомъ переходитъ къ уравненіямъ обыкновенной эллипсоиды и гипоциклоиды. — Мы не видимъ тѣсной связи между предметомъ книги и этою статьею, болѣе журнальною и любопытною, нежели учебною. Но за всякій излишекъ позволено лишь благодарить.

Книга оканчивается *теоріей молекулярныхъ силъ*. По-Русски это переводятъ теорію *гастическихъ силъ*. Авторъ сперва излагаетъ анализъ, необходимый для этой теоріи, который сверхъ того имѣетъ много другихъ приложений, относящихся къ теоріи вида небесныхъ тѣлъ, къ распространенію теплоты и электричества внутри сферондовъ, къ приливу и отливу. Сей анализъ состоитъ въ изслѣдованіи свойствъ рациональных и цѣлыхъ функций, содержащихъ синусы и косинусы двухъ переменныхъ угловъ. Онъ созданъ Лежандромъ Лапласомъ, и нѣсколько упрощенъ Пуассономъ Г. Брашманъ, съ своей стороны, сдѣлалъ его доступнымъ и для учащихся, и за это тѣмъ болѣе должно благодарить трудолюбиваго и ученаго профессора, что на Русскомъ языкѣ не только ни одной строчки не было писано, но даже не было упомянуто о немъ, а тѣмъ менѣе о его приложенияхъ.

Потомъ авторъ прилагаетъ этотъ анализъ къ частичнымъ (молекулярнымъ) дѣйствіямъ, основываясь на гипотезѣ Италіянскаго геометра Моссоти, которая состоитъ въ слѣдующемъ: «Всѣ тѣла состоятъ изъ отдѣльныхъ частицъ, столь малыхъ, что всякое тѣло содержитъ ихъ въ себѣ безчисленное множество. Разстоянія между этими частицами также чрезвычайно малы, по несравненно больше, нежели самыя частицы. Эти промежутки содержатъ эфиръ, который проникаетъ все тѣла.

«Однородныя частицы отталкиваются, разнородныя взаимно притягиваются (по Ньютонову закону) въ прямомъ содержаніи массъ, въ обратномъ квадратовъ разстоянія, т. е. частицы матеріи взаимно отталкиваются, и частицы эфира тоже, какъ однородныя, но частицы эфира и частицы матеріи, какъ разнородныя, взаимно притягиваются.»

Вотъ содержаніе прекрасной гипотезы Г. Моссоти; многіе ученые, особливо Англійскіе математическіе журналы, встрѣтили ее съ восторгомъ. Этою гипотезою объясняютъ равновѣсія матеріальныхъ частицъ, въ составѣ тѣлъ, т. е. существованіе всѣхъ естественныхъ тѣлъ, и всѣ возможныя явленія: общее тяготѣніе, явленія тепла, капиллярныя дѣйствія, даже явленія свѣта, электричества и магнетизма. Изъ этого можно судить, сколько Русскіе обязаны Г. Брашману за изложеніе анализа и теоріи *частичныхъ* силъ, изложеніе ясное и подробное. Одна эта статья занимаетъ четвертую часть всей книги.

На слова автора, въ концѣ его предисловія: — «Удачно ли исполнилъ я мысль свою, и какое достоинство имѣетъ это сочиненіе, о томъ предоставляю читателямъ.» — мы беремъ смѣлость отвѣчать: совершенно удачно. Книга Г-на Брашмана полна неоспоримыхъ достоинствъ. Всѣ возможныя теоріи равновѣсія основаны на одномъ, самомъ простомъ правилѣ «возможныхъ перемѣщеній,» въ томъ совершенномъ видѣ, до котораго довелъ его нашъ геометръ Г. Остроградскій, такъ, что во всѣхъ возможныхъ приложеніяхъ повторяется одинъ и тотъ же общій пріемъ. Больше этой простоты нельзя, кажется, и ожидать.

Вся книга нашего автора основана на современномъ анализѣ, котораго изложеніе въ тоже время, при обыкновенномъ руководствѣ учителя, подъ силу каждому учащемуся.

Самые драгоценныя труды первѣйшихъ геометровъ прекрасно связаны одною нитью науки. Мы даже стыдимся сравнивать книгу Г. Брашмана со всеми Русскими учебными книгами, оригинальными и переводными, по части Механики — такъ она далеко отъ всѣхъ ихъ впереди! Смѣемъ утверждать даже, что и въ другихъ націяхъ, теоріи равновѣсія излагается не такъ совершенно. Однимъ словомъ, книга Г-на Брашмана, по нашему мнѣнію, лучшее руководство для университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, одна изъ числа тѣхъ, которыя всякій благонамѣренный, образованный человекъ встрѣчаетъ съ полнымъ уваженіемъ къ ученымъ заслугамъ и достоинствамъ автора, и съ полною признательностью за полезный, хорошо исполненный и во время предложенный трудъ.

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-й ГОДЪ.

(10 Марта 1838 г.)

Обязанность журналиста бываетъ иногда очень, и всегда порядочно затруднительна, если онъ не считаетъ журнала своего тетрадью, которую обязанъ наполнить чѣмъ нибудь, и кинуть публикѣ въ опредѣленный день. Какое дѣло до того, что такое набили вы въ вашу книжку, вранье-ли, правда-ли ваши статьи и статейки, хороши-ли, худы-ли онѣ, *человѣчески* или *безчеловѣчно* онѣ написаны — была-бы книжка, не въ *прочетъ* читателю до новой книжки, и дѣло въ калпакъ, если не въ шляпѣ! Вотъ, можно, напримѣръ, вставить сперва двѣ, три, четыре повѣсти въ родѣ, хоть Поль де-Кока; потомъ что нибудь *ученое*, хоть о давно известной вещи, только съ заглавіемъ новымъ и помудренѣе; потомъ *полезное* — хоть о пользѣ пудрета въ домашнемъ хозяйствѣ; потомъ — не то что *критику*, а такъ выписку изъ книги, съ прибавкой брани на хвостикъ, или похвалы, смотря по погодѣ; потомъ *библиографію*, то есть, не то что библиографію, а такъ, понимаете, чтобы никто не понялъ, что это такое, сказка объ Еруслаанѣ Лазаревичѣ, или известія о новыхъ книгахъ; потомъ, можно дополнить *смѣсью* какою нибудь, пятимъ и десятимъ, тѣмъ

и другимъ, а потомъ — но довольно съ васъ! И такой планъ журналовъ давно извѣстенъ въ Японіи — слава Богу, что у насъ, въ Россіи, такъ не дѣлалось и не дѣлается: наши прошедшіе, настоящіе и будущіе журналисты все люди умные, совѣстливые, дорого цѣнить умъ и вниманіе публики — да благословить ихъ за то *Фебъ*, и дать имъ добраго здорovia, долгаго вѣка, счастья и таланта, и *таланта!* — Но видите, въ Японіи такъ всегда дѣлается, и описанный нами планъ журнальныхъ книжекъ выдуманъ весьма мудрымъ журналистомъ Японскимъ, Цингъ-по-Фококфомъ. Этотъ почтенный журналистъ говорилъ такъ: «не будь ученъ — *кажись* *ученымъ*; не говори о себѣ: «*не знаю*,» другимъ говори: «*вы ничего не знаете*;» будь смѣль, да дѣлай книжку толще, и конецъ концовъ» (это была его всегдашняя любимая поговорка)! Все это описано въ Японской книгѣ, родѣ журнальной энциклопедіи, помнится, называемой: *Кокфъ-тэуранъ-санъ*, изданной въ Еддо....

Но мы заговорили было о чѣмъ-то другомъ — да, о журналахъ не въ Японскомъ родѣ, а о журналахъ настоящихъ, въ значеніи этого слова, какъ оно принимается у насъ и въ Европѣ. Мы сказали, что обязанность журналиста бываетъ всегда затруднительна, и именно тѣмъ, что отъ него требуется хорошее. Но, тутъ-бы еще бѣда не велика. Всякій дѣлатель книгъ не долженъ смѣть являться передъ публику съ *нехорошимъ*, и хорошаго въ мірѣ совсѣмъ не такъ мало, какъ многіе думаютъ. Сочинители книгъ, которыхъ часто можно было бы называть *редакторами*, никогда не затруднятся представить хорошее. Вотъ какъ это дѣлается, или можетъ дѣлаться. Сколько, полагаете вы, находится у челоvѣческаго ума до сихъ поръ на рукахъ *истинъ*, основныхъ, коренныхъ, главныхъ, «абсолютныхъ» —

если угодно? Дюжины двѣ, не болѣе. Такъ, но эти двѣ дюжины катаетъ родъ человѣческой по билларду своей мысли, и арифметическая прогрессія можетъ вамъ доказать, что отъ 24-хъ основныхъ чиселъ уравненіе выйдетъ бесконечно. Одни такіе итоги частныхъ результатовъ, какъ Шеллингъ, Шекспиръ и Гете задаютъ уму человѣческому работы лѣтъ на триста каждый. Теперь сочтите еще передачу готового съ языка на языкъ — весь этотъ умственный карамболъ человечества, и вы согласитесь, что на книгу развѣ дуракъ не найдетъ того, что было-бы хорошо. Такъ съ книгами, а съ журналомъ совсѣмъ не такъ. Программа журнала не условіе-ли, не только на *хорошее*, но еще и на *новое*? Вотъ здѣсь-то настоящая бѣда! *Новое* — да еще премудрый древній философъ сказалъ, что «новаго ничего нѣтъ подъ солнцемъ». Какъ-же прикажете извернуться журналисту, когда каждый мѣсяцъ долженъ онъ отвѣчать на вопросъ читателя: «Ну, М. Г., что новаго?» Хорошо было-бы тутъ отыграться шуткою Вольтера. Вы ее знаете? У него былъ пріятель, который при каждой встрѣчѣ мучилъ его обыкновенно двумя вопросами: «все-ли вы въ добромъ здоровьѣ и что новаго?» — Вольтеру это надобно, и вотъ онъ, при каждой встрѣчѣ, началъ предупреждать своего пріятеля словами: «Здравствуйте, любезный другъ! Я совершенно здоровъ, и новаго ничего не знаю!» — Но какъ сказать это публикѣ, когда программу журнала взять уже ежемѣсячный подрядъ на «хорошее» и — *новое*? И вотъ бѣднѣйшій журналистъ принужденъ вертѣться, словно береста на огонь, и за *новость* выдавать даже и то, что ничего новаго въ приходѣ не имѣется. Что-жъ, вѣдь и это будетъ ново? Прошелъ мѣсяцъ, и человекъ не выдумалъ ни одной новинки! Такъ говорить и сдѣлалъ недавно одинъ журналистъ въ Ти-

бетъ, гдѣ журнальная литература находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Прелюбопытное извѣстіе объ этомъ Тибетскомъ журналистѣ помѣщено въ Сингапурскомъ журналѣ, выписку изъ котораго Англичане на пароходѣ привезли въ Суэзъ, откуда получили мы ее недавно черезъ Одессу. Тибетскому журналисту надобно было отдавать отчетъ о новыхъ Малайскихъ книгахъ, и онъ началъ тѣмъ, что новыхъ книгъ ни какихъ нѣтъ, а которыя и есть, то онъ такая дрянь, что онъ не въ состояніи былъ отъ горя ихъ читать, и потокъ слезъ лишилъ было его совершенно зрѣнія, такъ, что онъ радъ не радъ былъ, когда одинъ премудрый лама принесъ ему изъ Бухары машину, которою можно *разучиться читать*; разучившись читать, разумеется, онъ не можетъ уже читать книгъ, ни худыхъ ни хорошихъ, и тѣмъ менѣе отдавать объ нихъ отчетъ, потому что какъ-же отдавать отчетъ о книгѣ, когда мы ее не читали? Тибетскимъ журналистамъ, видно, неизвѣстенъ еще секретъ: именно о томъ-то и говорить много, чего вовсе не знаешь. Это секретъ весьма извѣстный на островѣ Борнео, на который тамошнее правительство недавно отказало даже въ *brevet d'invention*, или привилегіи, потому что секретъ этотъ извѣстенъ уже всѣмъ Борнейцамъ.

Согласитесь, что Тибетскій журналистъ отыгрался очень ловко. Публика Тибетская расхохоталась, а кто смѣется, тотъ, разумеется, обезоруженъ, по крайней мѣрѣ, не сердится. А тамъ, пройдетъ мѣсяцъ, и если есть присловье: «дастъ Богъ день, дасть и умъ,» какъ не прибыть уму въ мѣсяцъ! Много-ли людей живетъ въ настоящемъ? Большая часть маюются, какъ часовой маятникъ, отъ *вчера* къ *завтра*, и *настолице* всячески стараются забыть. Ихъ дѣло только качаться взадъ и впередъ, не думая, что указываетъ часовая стрѣлка. Для такихъ людей,

оговорка, похожая на Тибетскую, чистая прибыль даже.....

Но что ни говорите, а чуть было и намъ не пришлось поступить по-Тибетски съ Русскою библіографіею за Февраль мѣсяцъ — заплакать, и сказать: «Мм. Гг., новаго ничего нѣтъ!»

Вы не вѣрите — вы удивляетесь, если и вѣрите. «Да, что же дѣлали наши авторы и наши типографіи въ Февраль? Помилуйте — да, мы сами видѣли объявленія о столькихъ новыхъ книгахъ, о которыхъ вы намъ еще ничего не сказали!»

Во первыхъ, ММ. Гг., *Февраль* такъ и всегда бываетъ самый *постный* мѣсяцъ по книжнымъ новостямъ. Какъ то, не стовариваясь, безъ всякаго умысла, типографическая дѣятельность у насъ и вездѣ выставляется ярче всего въ срединѣ зимы, съ Ноября до Февраля. Тутъ является все, въ концѣ стараго и въ началѣ новаго года, какъ будто литература и типографіи спѣшатъ передавать пріѣхавшимъ въ столицы гостямъ новости и запасы на зельто, до новаго пріѣзда ихъ въ столицы, опять зимою. Литераторы зимою нагуливаются въ столицахъ, ожидая прелестнаго лѣта, усладительныхъ дачъ загородныхъ, очаровательнаго сельскаго уединенія, этихъ источниковъ одушежительной скуки, томительной любви, сердечнаго откровения и разгула воображенію. И вотъ *полугодовой* запасъ библіографической истощили мы, имѣя честь представлять читателямъ отчетъ за литературу прошлаго года, и за литературу Январскую.

И теперь есть у насъ въ будущемъ въ виду кое-что многое и любопытное. Вотъ, напримеръ, мы ждемъ *Фауста*, переведеннаго г-мъ Губеромъ; *Искусителя*, новаго романа г-на Загоскина, второй книжки *Вечеровъ на Карповкѣ*, г-жи Жуковой; *Путешествіа къ Св. Мъстамъ*, которое богато печатается у

А. Ф. Смирдина, г-мъ Норовымъ; *Сборника*, альманаха на новоселье, которое праздновалъ А. Ф. Восейковъ; *Исторіи Римской*, Мишеле, которая уже переведена; *Донъ Кихота*, великолѣпно печатаемаго г-мъ Плюшаромъ; превосходнаго описанія произведеній ваятеля Мартоса; Китайской грамматики, почтеннаго О. Іакинѣа (извините, мы исчисляемъ не систематически); новаго, прекраснаго изданія *басень Хемницера*, г-мъ Фариковымъ; *Живописнаго путешествія по Америкѣ*, Дорбиньи, вдругъ печатаемаго въ Москвѣ и въ Петербургѣ, г-ми Н. Н. Глазуновымъ и А. А. Плюшаромъ; Англійскаго лексикона, печатаемаго въ Москвѣ К. А. Полевымъ, вмѣстѣ съ грамматикою; новаго перевода *Курса* Франкера; трагедіи Н. В. Кукольника, *Домишкино*, которой видѣли уже мы начало; *Калеба*, извѣстнаго Годвинова, но донинѣ бывшаго у насъ неизвѣстнымъ романа. Все это будутъ явленія замѣчательныя, стоящія того, чтобы объ нихъ поговорить. Не упоминаемъ уже о томъ, что доносятъ намъ литературные сыщики, и о чемъ мы не можемъ сказать утвердительно, а развѣ скажемъ за тайну нашимъ читателямъ, только съ тѣмъ, чтобы они никому не говорили. Вотъ намъ сказывали, что Князь В. Ф. Одоевскій окончилъ свой превосходный романъ, который отчасти мы знаемъ, и который покажетъ вполне высокое дарованіе этого писателя, донинѣ испытывавшаго силы свои въ небольшихъ только разсказахъ. Кстати, эти разсказы вскорѣ издастъ онъ вмѣстѣ въ одной книжкѣ. Еще говорили намъ, что сочинительница, превосходная повѣсть которой помѣщена нами во 2-й книжкѣ Сына Отечества (*Чины и деньги*) издастъ цѣлую книгу своихъ повѣстей, подъ названіемъ: *Разсказы ясновидицъ*; что Н. Ф. Павловъ кончилъ прелестный, небольшой романъ; что Баронъ Е. Ф. Розень отдастъ на театрѣ, и напечатаетъ свою

новую трагедию: *Дочь Иоанна III-го*; что сцена и словесность Русская обогатятся къ зимѣ еще новою трагедию Н. В. Кукольника... Но, Боже мой, Боже мой! что за болтливость! какъ можно выдавать за вѣрное слухи... По крайней мѣрѣ, пусть все это покажетъ ревностное усердіе наше и откровенное желаніе, чтобы всѣ эти слухи перешли въ дѣйствительность, и мы напередъ уже радуемся и живимся надеждой, что читатели не побранятъ насъ за нескромную нашу болтливость.....

Между тѣмъ, все это остается въ будущемъ, а въ настоящемъ передъ нами самая тощая библиографія по всѣмъ отраслямъ литературы, хоть отъ такой литературы ни чуть не бываетъ легче бѣдному журналисту....

Почему-бы такъ? Вотъ почему, ММ. ГГ., вотъ почему: говоря, что мы не находимъ ничего такого, о чемъ-бы сказать было можно, мы не скажемъ, будто *новыхъ книгъ нѣтъ*. Нѣтъ! *есть онѣ*, къ сожалѣнію, и мы могли-бы вамъ исчислить ихъ съ полсотни. Хотите-ли, наприимѣръ, прослушать титулы всякой всячины, которая вышла съ мѣткою 1838 года, следственно, въ Январь и Февраль, и о которой мы не имѣли чести вамъ докладывать? Просимъ вниманія:

Повѣсти и путешествіе въ Маймаченъ, А. П. Степанова, 2 части; *Повѣсти въ стихахъ*, М. Павлова; *Фантастическое зеркало* (стихотворенія); *Крамольники*, романъ, въ 4-хъ частяхъ; *Три повѣсти Ниркомскаго*; *Повѣсть и разсказъ*, Н. Андреева; *Наталья*, Русская повѣсть; Два романа Поль де-Кока; *Стихотворенія К. Скосырева*; *Странный балъ*, В. Н. Оллина; *Сынъ актрисы*, романъ въ 3-хъ частяхъ; *Таинственный житель близъ Покровскаго Собора*, повѣсть, и проч. и проч., не считая двадцати водеви-

лей, десятковъ двухъ книгъ разнаго содержанія, и еще прочаго и прочаго, начиная съ аффишъ, оканчивая философіею. Мы не скажемъ — и сохрани насъ Богъ сказать — чтобы все исчисленное нами была рѣшительная пустота — нѣтъ! Тутъ есть постепенности хорошаго, ничто однако жъ не восходитъ выше посредственности, желѣзной, мѣдной, серебряной, даже золотой, но все таки *посредственности*. Вотъ изъ романовъ и повѣстей, мы отличимъ: *Три повѣсти*, г-на Ниркомскаго, и *Повѣсть и разсказъ*, г-на Андреева. Тутъ есть мысль, тутъ есть что-то такое на чувство похожее. Но — общность, подробности, слогъ, все вмѣстѣ и порознь не выдерживаютъ ни какой критики, и ни сколько не умножаютъ собою итога существенныхъ пріобрѣтеній нашей современной литературы. — Вотъ еще, наприимѣръ, изъ учебныхъ книгъ: г-нъ Погодинъ началъ издавать книжечки *Краткихъ исторій*, обѣщаетъ ихъ издать 20, издалъ уже двѣ, гдѣ помѣщена *Исторія Пруссіи*, Пелица (*Всеобщая Историческая Библиотека*), издвигеніемъ профессора Погодина и всѣ двадцать продаетъ онъ за 30 рублей. Въ вышедшихъ книжкахъ заключаются выписки, мало приуроченныя къ читателямъ, — учебники, какихъ у насъ есть сотни. — Вотъ еще, изъ «ученыхъ» книгъ: *Опытъ философіи природы*, соч. И. Кедрова, сказать наприкладъ. Мысль добрая, прекрасная, мысль, но вѣдь философія, какъ скрипка, на которой, если кто не играетъ въ совершенствѣ, тотъ играетъ дурно, и годится только для общаго оркестра, называемаго *литературою*, гдѣ критика безпощадно бьетъ такту, а музыканты, философы, романисты, стихотворцы, прозаики гудятъ, и гудятъ, пока не откроется занавѣсъ, и вниманіе невнимательнаго слушателя не увлечется сценою.

Право, многимъ окажемъ мы болѣе добра, если не

станемъ ничего объ нихъ говорить, нежели начавши толковать и растолковывать, совѣтовать и отсовѣтывать. Во-первыхъ, научить критикою писать — невозможно; заставить критикою *не писать* — еще невозможно; слѣдственно — пусть пишутъ — авось *вытщутся*, и либо станутъ писать лучше, или сами перестанутъ писать.

Но мы хотѣли объяснить вамъ, почему журналисту не легче съ такою литературою, о которой сказать нѣчего. Потому ММ. ГГ., что въдъ все таки эту литературу надобно слѣдить, книги, составляющія ее, надобно читать. Попробуйте-ка прочитать такихъ книгъ въ мѣсяцъ десятка три, четыре!.. Какой-то путешественникъ рассказывалъ, что гдѣ-то видѣлъ онъ пчелъ, величиною съ барана. «А улы у нихъ какіе?» спросилъ его кто-то. — Улы? Обыкновенные. — «Но какъ же онъ могутъ влѣзть въ такіе улы?» — А что же дѣлать? *Хоть тресни, да ползай!* — отвѣчалъ путешественникъ. — Такъ и здѣсь: хороши-ли, худы-ли *посыл* книги—*хоть тресни, да читай!* — И, право, зѣвая за мною новорожденною книжицею, подумаете, что легче барану въ обыкновенный улей пролѣзть, нежели читателю прочитать такую книгу! Да, что-жъ тутъ дѣлать? Отговариваться нельзя. Терпѣніе такая добродѣтель, которою прежде всего долженъ запастись всякій чело-вѣкъ, а журналистъ погибъ безъ нея, умеръ на первой книжкѣ своего журнала!...

Однако жъ, неужели не вышло въ Февраль ничего такого, на что стоило-бы обратить вниманіе особенное? Нѣтъ, этого мы не скажемъ.

И вотъ первое—вышли три тома *Сочиненій Пушкина*, изданіе, начатое послѣ его кончины, не великолѣпное, но весьма опрятное и полное. Въ 1-мъ томѣ помѣщены: *Евгеній Онегинъ*, *Борисъ Годуновъ*, и *Драматическія сцены* (отрывокъ изъ Фауста, Пиръ

во время чумы, Моцартъ и Салерн, Скупой рыцарь); во 2-мъ *Русланъ и Людмила*, *Кавказскій пленникъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ*, *Братья разбойники*, *Цыганы*, *Графъ Нулинъ*, *Полтава*, *Домикъ въ Коломнѣ*, *Анджело*; въ 3-мъ мелкія стихотворенія.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ драматическомъ переводѣ: это *Ролла*, небольшая пьеска, переведенная Н. В. Кукольниковъ, и разданная имъ при Художественной газетѣ. Содержаніе извѣстно читателямъ Сына Отечества: Н. И. Гречъ обстоятельно рассказалъ его въ своемъ «Письмѣ о заграничныхъ театрахъ»; это *Le chef d'oeuvre inconnu*, Лафона, пьеса, показывающая необыкновенное дарованіе автора. О переводѣ говорить нѣчего. Онъ въ прозѣ, какъ и подлинникъ.

Вышелъ еще прекрасный романъ: *Блѣшопочишки*, переводъ, какъ говорятъ, съ Фламандскаго. Это живая картина феодальныхъ мятежей и городскихъ общинъ въ Среднихъ Вѣкахъ, имѣющая всю цѣну романа, и расположенная въ драматическихъ разсказахъ.

Наконецъ, изъ книгъ содержанія болѣе важнаго, замѣтимъ выходъ XI-го тома *Энциклопедическаго Лексикона*, г-на Плюшара, и 6-й тетради *Лексикона Чистой и Прикладной Математики*, г-на академика Буныковского, чѣмъ началось 2-е отдѣленіе 1-го тома; всего будетъ два тома, въ каждомъ по два отдѣленія, въ пять тетрадей, или выпусковъ (*livraison*). Тѣмъ болѣе должны мы здѣсь упомянуть объ этомъ Лексиконѣ, что мало обратили вниманіе читателей на эту драгоценную книгу, плодъ труда и учености необыкновенныхъ. Здѣсь, въ азбучномъ порядкѣ, по Французскому алфавиту, изъясняются все безчисленные предметы математическихъ знаній, языкомъ простымъ, яснымъ, понятнымъ всякому, сколько нибудъ
Т. II. — Отд. IV.

знакомому съ математикою. Сущность науки означается здѣсь сообразно нынѣшнему высокому ея совершенству, ибо это не переводъ какихъ нибудь иностранныхъ словарей, но почти самобытный трудъ нашего знаменитаго математика, трудъ обширный и безкорыстный, плодъ усердія къ наукѣ. Алфавитный порядокъ доведенъ въ шестой тетради до слога *Co* (*Construire, Contact*). Изданіе прекрасно въ большую четвертку, въ двѣ колонны, а цѣна изумительно дешевая (по 2 рубля за тетрадь).

Еще вышла замѣчательная книга: *Изложеніе Астрономіи*, перев. съ Англійскаго г-мъ Крузенштерномъ. Это извѣстное сочиненіе Гершеля, написанное для Лерднеровой Англійской Циклопедіи, гдѣ изложена важная наука астрономовъ въ самомъ понятномъ видѣ, пріятно и увлекательно. Имя автора порука за книгу.

И, кажется, только. По крайней мѣрѣ, перебиралъ всѣ новости, о которыхъ мы прежде не упоминали, мы ничего въ нихъ не находимъ. Не заглянуть-ли намъ развѣ въ журнальный міръ? Вотъ ужъ третій мѣсяць въ половинѣ. Что въ это время дѣлала наша Русская журналистика? Писала, говорила. *Библиотеки для чтенія* вышло три огромныя книги. *Литературныя Прибавленія*, вмѣсто листового формата, явились въ четвертушку, и стали, не знаемъ, лучше-ли, но разнообразіемъ содержаніемъ. Съ *Стелериною Пчелою* сдѣлался наружный метаморфозъ совсѣмъ другой—листы ея увеличились почти цѣлою третью. *Художественная Газета* выходитъ съ новаго года книжечками, прелестно напечатанными, съ гравюрами и полиטיפажами. Смертныхъ случаевъ по журналамъ не замѣчено—всѣ они здравствуютъ, хоть въ нѣкоторыхъ изданіяхъ замѣчаются признаки сильной чахотки. Но за то литературу Русскую можно

поздравить съ нѣсколькими поворожденными. Явились вновь: земледѣльческій журналъ М. Г. Павлова (*Русскій Земледѣлецъ*), и два журнала Садоводства. *Дѣтскій Журналъ* преобразился въ рукахъ А. П. Башуцкаго, и къ его «Журналу Общеполезныхъ Свѣдѣній» прибавились отдѣльно *Листки промышленности, ремесла, искусства и фабрикъ* еще можно причислить къ новостямъ *С. Петербургскія Губернскія Вѣдомости*, которыя съ новаго года начаты при здѣшнемъ Губернскомъ Правленіи. — Вотъ сколько новостей, но на сей разъ не хочется намъ пускаться въ прогулку по міру журнальному, и мы поговоримъ лучше о томъ, что отраднѣе для души и веселѣе для сердца — взглянемъ попристальнѣе на три прекрасныя явленія поэтическія, о которыхъ мы уже извѣщали нашихъ читателей, именно о двухъ *романахъ* А. Ѳ. Вельтмана, о *Стихотвореніяхъ* В. П. Бенедиктова, и о *поэмѣ* г-на Бернета Елена.

Да, обо всѣхъ этихъ явленіяхъ стоитъ поговорить нѣсколько подробнѣе. Вельтманъ и Бенедиктовъ уже совершили для насъ многое, а Бернетъ столь многое обещаетъ. Всѣ они еще такъ полны жизнью, еще такъ много могутъ сдѣлать въ будущемъ, что критикъ съ ними поговорить и легко и весело — легко потому, что люди, отличенные сильнымъ дарованіемъ, никогда на нее не сердятся; весело потому, что если что нибудь у нихъ не выполнится противъ формъ критическаго суда, за то сама критика увлекается прелестью прекраснаго, того, что видитъ у людей съ дарованіемъ истиннымъ.

Начнемъ, по старшинству, съ Вельтмановыхъ новыхъ романовъ. Вы знаете ихъ названіе: *Сердце и думка*, и *Виргинія*, или *попѣдка въ Россію*.

Съ самыхъ первыхъ опытовъ *Странишка*, съ самыхъ первыхъ главъ *Кащей*, всѣ отличили въ Вельтманѣ поэтическое дарованіе, оригинальность, искус-

ство разсказа и превосходное искусство завязки въ разсказѣ. Но этому вредило прихотливое своеволие воображенія, странности въ подробностяхъ, и, главнѣйше, совершенное неумѣнье развязать, и какаѣ-то торопливость, какъ будто поэтъ спѣшитъ высказать все, что ясно и неясно у него въ головѣ, все что онъ знаетъ, что слышалъ, что думаетъ. И въ «Странникѣ» это уже утомляло. Читатели требовали созданій полныхъ, отчетливыхъ. Вельтманъ издалъ нѣскольکو романовъ, но чѣмъ далѣе шель онъ, тѣмъ болѣе усиливались его недостатки. Планы его являлись какимъ-то своевольнымъ разгуломъ фантазій, гибли въ смѣшанныхъ подробностяхъ, и ни одинъ не доходилъ до развязки удовлетворительной. Поэтъ ставилъ точку, гдѣ ему *хотѣлось*, а не тамъ, гдѣ было *надобно*. Не знаю, кто бы у насъ былъ оригинальнѣе Вельтмана въ основной идеѣ каждаго романа, кто бы лучше его умѣлъ *начать разсказъ*, и у кого можно бы было найти столько блестящихъ искръ, таящихся въ жарницахъ каждаго творенія. Между тѣмъ, именно, это были не созданія, а какія-то развалины чего-то, что поэтъ строилъ, и самъ потомъ разрушалъ и зажигалъ, какъ будто любуясь пожаромъ, и какъ будто думая: «Я богатъ—построю лучше!» Мы никогда не помыслимъ смѣяться надъ страстью Вельтмана къ этимологій, и надъ идеями его о первобытной исторіи чловѣчества; въ нихъ скрыты истины великія, но жаль только, что до сихъ поръ Вельтманъ не подумалъ сдѣлать изъ нихъ чего нибудь полнаго, и былъ въ исторіи поэтъ, а въ поэтическія созданія старался перенести свою этимологию и исторію. Одно другому мѣшало, и, къ несчастью, родъ чловѣческой давно уже отвыкъ отъ того времени, когда исторія была легендой, повѣстью дѣда внуку, да притомъ, эта легенда не походила на Вельтмановы созданія. Такъ и въ соединеніи міра вещественнаго съ міромъ фантазій,

думы поэта съ положительностью жизни, Вельтманъ никогда не зналъ и не искалъ размѣра и правилъ. Отъ того, мы не узнаемъ у него жизни нашей, не увлекаемся вполне и въ его поэтическій міръ.

Любезный поэтъ не скажетъ, чтобы мы этого ему не говорили много разъ, любя его, какъ писателя, и какъ чловѣка, но видя бесполезность совѣтовъ, мы начинаемъ думать, что стало быть таково уже свойство природы нашего поэта, что блестящія качества его дарованій зависятъ у него отъ присутствія недостатковъ. И объ этомъ мы искренно жальемъ. Вельтманъ могъ-бы стать высоко, а теперь онъ остается, и, можетъ быть, останется съ гениальными только частями, но ничего цѣлаго и совершеннаго не оставитъ потомству, никогда не передастъ и современникамъ наслажденія полнаго, не возмущаемаго чувствомъ досады на поэта, который тратитъ силы свои на удалство и проказы. Хотите-ли примѣра: *Зореньку* Вельтмана знаютъ и поютъ все, а поэму, гдѣ она была помѣщена—все забыли, да такъ и должно быть.

Два новые романа совершенно подтверждаютъ наше мнѣніе. Мы не будемъ излагать ихъ содержанія, предполагая, что они уже извѣстны читателямъ. Въ обоихъ основная идея — прелесть; въ обоихъ подробности очаровательно хороши; мысль, остроуміе, душа истиннаго поэта прорываются повсюду. Но ни тотъ, ни другой романъ не выдерживаютъ ни какого критическаго суда, во-первыхъ, уже и потому, что разнообразныхъ подробностей въ нихъ до утомленія много, такъ много, что ихъ достало бы еще на четыре романа; во-вторыхъ потому, что тутъ съ безпримѣрнымъ своеволіемъ смѣшаны до того разнородныя части — наша нынѣшняя жизнь съ странною какою-то миеологіею въдѣмъ и русалокъ, карикатура съ поэтическими очерками, что подумаете, будто поэтъ забылъ, что на одной

картинъ нельзя написать декорации и битвы, портрета и ландшафта, или это будетъ попури, годное только для стѣнъ какого нибудь загороднаго, фантастическаго помѣстья. Но подробности, по крайней мѣрѣ, многія подробности, повторяемъ, прелесть! Что за мастерство такое схватывать очерки смѣшнаго, какъ напримѣръ, въ провинціальномъ балѣ, и въ сценахъ у провинціальной свахи; какъ мила эта Виргинія въ поэтическія минуты своего бытія; какъ вѣрны нѣкоторыя черты, схваченныя съ женскаго сердца; какъ добродушны многія мѣста Русскаго юмора въ описаніи вѣдьмъ и духовъ! Если бы поэтъ умѣлъ обдумать планъ свой, не увлекался воображеніемъ, не сбивался безпрестанно съ дороги, могъ такъ развязать, какъ началъ, и выдержать до конца—его *Сердце и думка* надолго остались бы перломъ словесности нашей. Теперь мы опять повторимъ прежнее: части прекрасны, а цѣлаго, полнаго созданія нѣтъ. Если вы спросите насъ объ изложеніи и языкѣ Вельтмана въ новыхъ его романахъ, мы скажемъ одно: и въ этомъ отразились всѣ недостатки идей и плана. Смирренно просимъ извиненія, и переходимъ къ другому поэту, котораго можно упрекнуть такъ-же, какъ Вельтмана, только въ другихъ отношеніяхъ.

Г-нъ Бенедиктовъ принадлежитъ къ самымъ юнымъ, по своему появленію, поэтамъ нашимъ. Мы даже вовсе не знали его имени, когда явилась небольшая книжка его *стихотвореній*, въ 1835 году. Къ счастью или несчастью поэта, ее встрѣтили съ восторгомъ. Журналисты прогрѣмили ей хвалою, безъ отчета и доказательствъ; дамы не могли начинать стиховъ Бенедиктова; во всѣхъ журналахъ и альманахахъ поэту отвели почетное мѣсто. Оцѣняютъ-ли поэтъ выгоды и невыгоды своего положенія?

Невыгоды: онъ явился послѣ Пушкина и его то-

варищей, когда стихъ Русскій поставленъ уже на высокую степень совершенства; когда ни одна идея не кажется уже чуждою Русскимъ читателямъ; когда они постигаютъ уже Гамлета на сценѣ, и Фауста въ вѣрномъ переводѣ; когда власть классицизма погибла у насъ неозвратно, и прошелъ даже несчастный періодъ новѣйшаго, бышеннаго Французскаго романтизма. Все это мы называемъ невыгодами, а почему? Потому, что если все это свободно развязываетъ крылья дарованію сильному, тѣмъ страшнѣе, тѣмъ тяжелѣе требованія отъ него читателей. Нелединскаго пѣсень не стали бы читать въ періодъ Пушкина; элегія Баратынскаго и лихой стихъ Языкова уже недостаточны для нашего времени. Теперь намъ мало *стиха*—надобна *идея*—мысли хотимъ мы, и самаго *стиха*, не прочно звенящаго, но такого, гдѣ гармонически отзывались-бы чувство и душа. Дайте намъ и забокальную пѣсню, но не оглушайте насъ въ ней только звономъ чаши. Дайте намъ и элегію, только не склеивайте ее изъ чего-то темнаго, тоски безъ причины, и *былаго* и *отцѣптъшаго*, когда мы вовсе не видимъ и не знаемъ еще цвѣли-ль вы когда нибудь. Все это можетъ обратиться въ выгоды великія, но, смѣлый Икаръ, попробуйте сперва свои крылья, а потомъ летите!

Въ чемъ-же состояли собственно выгоды нашего поэта? Въ томъ, что поэзія Русская походила на сжатое поле, когда явился Бенедиктовъ. Среди него возвышался только *одинъ* поэтъ—Пушкинъ; остальное было скошено и сложено въ скирды литературной исторіи. Читатели жаждали поэзіи, стиховъ, и съ радостью срывали васильки и дикіе цвѣточки, кое-гдѣ пестрѣвшіе окрестъ Пушкина. Счастливому стеченію обстоятельствъ юный поэтъ былъ одоленъ внезапною благосклонностью публики. Книжка его напечаталась *вторымъ* изданіемъ въ 1836 году, и вотъ въ 1838 году вышла *второй* книжка

его «стихотворений.» Три года прошло — надежды перешли-ль въ существенность, вызрѣль-ли нашъ поэтъ? Дарованіе его раздвинулось-ли, укрѣпилось-ли?

Бенедиктовъ поэтъ лирическій. Не станемъ требовать отъ него ни эпопеи, ни драмы, ни большихъ піесъ; скажемъ ему съ Сумароковымъ:

Слагай, къ чему влечетъ тебя твоа природа.

Мы не требуемъ отъ него даже и *многихъ* созаданій; пусть будетъ не много, но *хорошо*, но, *лучше* того, что было прежде. Во *второй* книжкѣ 29 піесъ — довольно.

Съ самыхъ первыхъ опытовъ, съ первой книжки Бенедиктова въ немъ безспорно былъ видѣнъ *даръ стиха*, умѣнье живописать природу, способность находить новыя, такъ сказать, *созвучія* въ Русскихъ словахъ. Но все это не выкупало непростительныхъ недостатковъ: незнанія гармоническаго порядка словъ, неровности стиховъ, поверхностнаго взгляда на природу, иногда безвкусія, и всегда какой-то *изысканности* и страннаго смѣшенія образовъ, при отсутствіи или безотчетности и мелкости идей. Среди словъ гармоническихъ вырывались у Бенедиктова слова, Богъ въсть какія, прозаическія и тяжкія; подлѣ стиха прелестнаго стоялъ стихъ неправильный; въ природѣ онъ видѣлъ только краски, тѣни, волны, горы, рѣки, и писалъ съ нихъ яркіе ландшафты, не проникнутые душою истинной поэзіи; изысканность являлась въ натянутыхъ фразахъ, неестественныхъ образахъ, а мелкость идей въ ограниченныхъ взглядахъ на любовь, на дружбу, на жизнь, на женщинъ. Ни одна глубокая идея, ни одно Шекспировское, Байроновское, Гетеовское чувство не прорывалось этой поэзіи — ничего въ ней не было новаго, смѣлаго, глубокаго, и даже самобытнаго.

Такъ было въ *первой* книжкѣ, въ 1835 году, о которой мы ничего не будемъ говорить, какъ о пер-

выхъ, извинительныхъ попытокъ поэта. Иное-ли теперь, во *второй* книжкѣ, въ 1838 году? — Къ сожалѣнію, признаемся, что мы не замѣчаемъ шага впередъ, а находимъ повтореніе прежнихъ недостатковъ, что заставляетъ насъ думать, что либо они, какъ мы выше замѣтили, говоря о Вельтманѣ, необходимы при блестящихъ качествахъ поэта, или — что также случается — онъ увѣрился, будто эти недостатки суть красоты въ немъ, и добровольно не хочетъ отъ нихъ исправиться. Мы такъ много уважаемъ поэта нашего, что рываемся сказать ему горькія истины, и осмѣливаемся доказать ихъ.

Начнемъ съ идей.

Въ 29-ти новыхъ піесахъ Бенедиктова, три или четыре піесы собственно картины: *Море*, *Развалины*, *Ватерлоо*; далѣе *семь*, *восемь*, можно назвать чѣмъ-то въ родъ *параболъ*. Это *Перлъ*, *Искра*, *Заря*, *Горный источникъ*, *Жизнь и смерть*, *Пожаръ*, *Бездна*, *Горная выси*. Еще *четыре* собственно-элегии: *Прости*, *Радость и горе*, *Швецъ*, *А. Б.—ну*. Другія *четыре* въ родъ чего-то альбомно-жизнеописнаго: *Кудри*, *Черноокой*, *Предостереженіе*, *К—ну*. Еще *одну піесу* мы не знаемъ какъ и назвать — это *Холодное признаніе* — несчастный родъ чего-то особеннаго. Наконецъ *девять* піесъ изображаютъ чувство любви.

Что такое находимъ въ картинахъ? Вотъ поэтъ на берегу моря; онъ сравниваетъ его съ вѣчностью; видитъ погруженіе въ него солнца, отраженіе въ немъ звѣздъ, выходъ изъ него солнца; представляетъ солнце платящимъ морю за ночлегъ золотомъ; море сердится за плату, бушуетъ; солнце пугается и прячется въ тучу, и — вдругъ является *побѣдитель* моря — кто же это? Другое солнце? нѣтъ — это *корабль*; море разбиваетъ побѣдителя; уподобленіе моря человечеству; мысль, что поэтъ только въ бурю можетъ любить море, и вотъ все это составляетъ

пъесу: *Море*. — Какъ солнце изъ тумана, Наполеонъ является изъ своего Эльбскаго изгнанія. Онъ двинулъ свои войска, хочетъ битвою рѣшить жребій; идетъ бой, гремятъ громаы, летаютъ ядра, свистятъ пули — отдыхъ, ночь, ненастье — опять бой, пальба, крикъ, шумъ; бой проигранъ; Наполеонъ бѣжитъ, и какъ туча, падаетъ въ океанъ—это *Ватерлоо*.

Перейдемъ къ тому, что мы назвали *параболами*. Здѣсь опять картины, съ приложеніемъ какого нибудь уподобленія. *Пожаръ*—вспыхнулъ огонь, начался пожаръ—все пылаетъ, рушится, потухло. Поэтъ глядитъ на солнце, и думаетъ: и ты не потухнешь-ли, какъ этотъ пожаръ?—*Искра* — камень лежитъ на дороге; ударъ—вылетѣла искра—пожаръ, и камень разрушается отъ жара. Таковъ поэтъ, то безмолвный, то сгорающій отъ огня, воспаленнаго искрою. — *Заря* горитъ на небѣ, и предвѣщаетъ, или начало дня, или начало ночи; у дѣвушки также горятъ щеки румянцемъ, и поэтъ думаетъ: заря-ли это невинности, или предвѣщаніе грѣшнаго паденія? и проч.

Въ элегіяхъ поэтъ, то метафорами разбираетъ значеніе слова: *прости*; то готовъ поѣлиться съ людьми «какою-то» радостью, а себѣ оставить «какое-то» горе; то удивляется странной прихотливости поэтическаго характера, и проч.

Альбомно - живописными піесами назвали мы тѣ піесы, гдѣ уже безъ всякой цѣли и безъ всякой мысли описываются кудри, стройный станъ и глазки красавицы, орель-мужчина, который терсбитъ грудь красавицы, и проч.

Спрашиваемъ: стоятъ-ли хорошихъ стиховъ вся такая миниатюрная живопись предметовъ, и такая мелкота идей? Какъ? Изображать Ватерлоо для того только, чтобы сказать, какъ стрѣляли тамъ изъ пушекъ? Созерцать море для того только, чтобы видѣть какъ заходитъ въ него солнце, и какъ ходятъ по морю волны? — Кто изъ насъ не наберетъ въ полча-

са сотни различныхъ сравненій — жемчужины съ тайною думой поэта, росы съ освѣжающими сердце слезами, снѣга съ гробовымъ саваномъ, подъ которыми таится жизнь, шампанскаго съ мимолетнымъ похмѣльемъ радости, колокольнаго звона съ голосомъ матери, призывающей къ покаянію, и проч., что не стоитъ и одного стиха, потому что сто разъ было сказано и пересказано, и что совсѣмъ не того требуемъ мы отъ поэзіи? — Еще больше жаль траты стиховъ на дѣтское описаніе ручекъ, ножекъ, кудрей, башмачковъ, пальчиковъ. — А всего лучше посмотрите на любовные стихи нашего поэта. Чтѣ онъ, описываетъ-ли онъ въ нихъ глубокія стороны этого чувства, эту жизнь и смерть вмѣстѣ, мудрое безуміе челоуѣка, или лепетъ насъ роскошью наслажденій, терзаетъ изступленіемъ, открываетъ въ страсти своей новыя стороны, новыя припадки Сомнамбулизма сердца? Совсѣмъ нѣтъ! вы видите его, то указывающаго на домикъ на Петербургской сторонѣ, гдѣ жила его милая; то это милая говоритъ ему: *возвратись*, когда онъ идетъ въ походъ, и по возвращеніи принимаетъ его холодно; то она возвращается уже замужемъ, и поэтъ клянется скрывать свою любовь, и только писать для нея стихи; то она опять ѣдетъ, и опять обѣщаніе поэта писать объ ней стихи; то онъ остылъ сердцемъ, отвыкъ отъ любви и не любить никого; то ему еще хотѣлось-бы любить, и все это какія-то юношескія шалости, и все это вовсе не любовь, потому, что все это высказывается слишкомъ кудряво, такъ мудрено, какъ любовь и истинное чувство никогда не говорятъ. Не упоминаемъ уже о тѣхъ піесахъ гдѣ поэтъ уподобляетъ сердце свое снѣговой вершинѣ горы, освѣщаемой солнцемъ любви, когда все остальное еще въ сумракѣ, или какъ прежде Фениксу, сгорѣвшему въ огонь любви, и возродившемуся для новой страсти. И кромѣ этихъ явно изысканныхъ піесъ, осталь-

ное и близко подлѣ любви не бывало — мы видимъ одно, что поэтъ никогда не испытывалъ, не зналъ любви, такъ какъ вообще о стихахъ Бенедиктова можно подуматъ, что они не суть слѣдствія мыслей, но что поэтъ пишетъ и ставитъ ихъ одинъ подлѣ другаго, предоставляя случаю, родится-ли изъ нихъ какая мысль, или они останутся только «мѣдью звячущею, кимваломъ бряцающимъ».

Точно это можно подуматъ, соображая, какъ излагаетъ, какъ выражается Бенедиктовъ, и въ этомъ-то *выраженіи* видимъ мы самое несчастное направленіе его дарованія. Онъ истинный мучитель словъ и образовъ; начавши что нибудь говорить, онъ бросается отъ сравненія къ сравненію, отъ образа къ образу, отъ тропа къ тропу, отъ фигуры къ фигурѣ, и все гибнетъ у него подъ этою мозаикою, и мысли своей уже не умѣетъ онъ догнать ни какимъ манеромъ, кажется, онъ далъ обѣтъ: не говорить ничего просто. Надобно-ли сказать: *петь* — это говорится: гнать брагу въ распаленныя уста; *точить саблю* — это шаркать желѣзомъ о камень; *остановиться*, когда *хотѣлъ обнять* — заморозить объятія, кинутья въ воздухъ; *цѣловать локонъ красавицы* — припекать кудри поцѣлуемъ; *огонь пылаетъ, искры сыплются* — встаетъ пурпурное знамя и высыпаетъ рать искръ; *предаться страстямъ* — обворожить шаткіи умъ могучимъ хмѣлемъ страстей; *писать стихи* — взорваться могучимъ порывомъ, и загремѣть въ живомъ огнѣ серебряныхъ созвучій; *быть унылымъ* — отгнать уныніемъ краски веселія; *бокаль шампанскаго* — это фіалъ съ игрою звѣздъ въ мятежной глубинѣ; *писать одушевляя любовью* — отковывать въ горниль сердца стихи; *перенести испытанія* — пройти мучительную гамму сердечной музыки!....

Хотите-ли еще уподобленій и сравненій? *Развалины*—это время желало быть художникомъ, и из-

сѣкло до *рубцовъ* стѣну; *кудри*—это змѣйки, кольца, струйки, шелковый каскадъ, золотая розсыпь; *корабль*—это белопарусный алтарь, Бедуинъ влажной пустыни; *пожаръ*—это любовникъ, обнимающій зданія; *лазурь неба* — эмаль божественныхъ высотъ; *взоры дѣвы*—бѣшеное блистаніе фосфора; *ея дыханіе* — мускусъ любви (кстати, у этой дѣвы—станъ *Азіатская змѣя*, въ очахъ *кипитъ смола*, а съ чела *дышитъ пламенемъ тропическая буря*).

Мы не исчислили-бы на двухъ печатныхъ листахъ всего, что по нашему мнѣнію, составляетъ существенный порокъ и гибель для стиховъ Бенедиктова—этой изысканности словъ, фигуръ и образовъ. Къ несчастію, логика не всегда притомъ руководствуетъ прихотью поэта, и иногда онъ совершенно путается и сбивается. Мы отнюдь не хотимъ лишать поэзіи метафоръ, гиперболей, красокъ, цвѣтовъ. Но вспомните, что тутъ умъ долженъ руководствовать, что все это должно быть вѣрно, какъ вѣрны метафоры и гиперболы ума и природы. Радуга переливается цвѣтами, но по стройной системѣ оптики. Самые бѣшеные порывы великихъ поэтовъ изумляютъ логикою словъ и идей—читайте *Фариса* Мицкевича, *Тму* Байрона, созданія *Жанъ-Поля*, *Гете*, *Шекспира*, и вы изумитесь, какъ глубоко и вѣрно изучали они природу, и какъ строго и точно слушались ума. Никогда горы *не улетаютъ* у нихъ въ облака, *не повиснутъ* тамъ, и не будутъ въ то же время *ступенями* съ неба на землю, слѣдственно, будутъ оставаться на землѣ; никогда не найдете у нихъ въ одной и той-же *пѣснѣ*, что солнце погружается въ море, какъ въ *купаль*, а выходитъ изъ него, какъ изъ *купальни*, и между тѣмъ *водитъ дружбу* съ моремъ, *ходитъ къ нему* на ночь, и потомъ *сидитъ* на небѣ, какъ въ *спальнѣ пурпурной*, платя за ночь легъ лучами, которые, въ одно и то же время, *брызжутъ златомъ*, составляютъ *блестящую пыль*, на-

зываются *блестками и жемчужомъ, калеными стрѣлами, и лучами просто, только огневыми и блестящими.*

Къ несчастію, изысканность перѣдко доводитъ нашего поэта до явной ссоры даже съ языкомъ. Горы у него *придають*, роза *краситъ* голову красавицы *роскошью эдема*, кудри *дремлютъ*, баль становится *ароматною сферою*, грудь *мечется*, сердце *несется вздохами*, вопросъ *сверкаетъ*, сердца *стучатъ*, море *презрительно плещетъ влагой*, искра *разгорается красотой*, всадникъ *оскорбляетъ* коня ударомъ, побѣду *свѣтъ* и она *всходитъ*, у взоровъ *является прѣтъ*, грудь дѣвушки становится жаркимъ *пухомъ*, который *теребятъ* юноши; поэтъ голову *бросаетъ, какъ пошу*, на ладонь (это значитъ: подпереть голову рукою); грудь у него *зыблется, какъ колыбель*; онъ *хочетъ забрызгать каплей цѣлый міръ* и пьетъ горе *чащей шире неба, глубже моря*; перо его *трепещетъ услужливо*, а строки *звучныя горятъ*, уста *изсыхаютъ*, умъ *купається въ холодномъ морѣ думъ*, въ любовь его *ложится* вѣчность. Такъ Наполеонъ *заряжаетъ* мысль *огнемъ гремучихъ вдохновеній*, пока тучи *лопаются*, а счастье *машетъ при огневомъ бореньѣ сомнительнымъ вѣнкомъ.*

Все это было и уже въ первыхъ стихахъ Бенедиктова, и все могло быть прощено, но не простится теперь, особливо, если мы видимъ, что съ годами все это болѣе и болѣе умножается. Можетъ быть, это было одною изъ причинъ успѣха поэта — было почтено оригинальностью, рѣзвостями младенца, который обѣщаль въ себя могучаго великана. Можетъ быть, это и теперь нравится юношамъ, у которыхъ воображеніе не управляется умомъ, которымъ хорошо безъ разбора все то, чего они сами не понимаютъ. Да, не слушаетъ ихъ, нашъ милый поэтъ! Умоляемъ его не слушать лстиваго голоса безотчетной дружбы, и не вѣрить аханью вост рженныхъ дамъ и дѣ-

вушекъ. Въ глубинѣ души своей, въ природѣ, въ челоуѣкѣ, онъ найдетъ идеи въковыя, а въ Русскомъ словѣ, которое такъ доступно ему, истинныя краски для идей, похожія не на Китайскую живопись, но на колоритъ великихъ художниковъ. Надобно учиться и изучать, мыслить, а не одному восторгу слѣдовать, закаливать вдохновеніе въ глубокой думѣ ума. Безъ того — мы укажемъ нашему поэту на двадцать, почти современныхъ примѣровъ, какъ мимолетенъ успѣхъ, какъ бѣдна извѣстность, покупаемая только угодливостью прихотямъ необузданнаго воображенія. И вотъ, какъ будто нарочно случилось, что въ этой-же книжкѣ С. О., мы помѣстили превосходную статью о Ламартинѣ, Низара, одного изъ умныхъ и мыслящихъ критиковъ современной Франціи. Статья эта драгоценна и для современной Русской Словесности по многимъ отношеніямъ, и мы совѣтовали-бы внимательно прочитать ее г-ну Бенедиктову, и многимъ другимъ юнымъ поэтамъ нашимъ. Ложная мысль, будто нынѣ нѣтъ уже правилъ для искусства; что нынѣ предоставлена полная свобода поэтамъ, говорить что хотятъ, дѣлать что угодно, эта мысль, столь выгодная для самолюбивой посредственности, для прихотей юнаго и лѣниваго вдохновенія, можетъ сдѣлаться вѣрною пагубою самому сильному дарованію. Что мудренѣе плясанья на проволокахъ, скачки на трехъ лошадяхъ разомъ? Но истинное-ли это искусство! Въ этомъ-ли выражается мимика танцовъ, какъ искусства, и искусство всадника, взятое съ изящной стороны? — Объ этомъ стѣдуетъ подумать, когда мы ставимъ на карту наше дарованіе. Пренебрегать своимъ дарованіемъ, значитъ не уважать въ немъ драгоценнаго дара Божія, удѣляемаго немногимъ. Если г-нъ Бенедиктовъ оглянется окрестъ себя, внутреннее чувство скажетъ ему, какъ выше многихъ стоитъ онъ, и это не будетъ гордостью, но благороднымъ сознаніемъ собственна-

го достоинства. Послѣ этого, онъ не оскорбится критикою, которая жестоко на него нападаетъ, оставляя другихъ въ покоѣ, отъ него требуетъ столь многого а отъ другихъ мало, или вовсе ничего. Боже мой! отъ нихъ, этихъ *другихъ*, критика именно ничего не требуетъ — пусть пишутъ, какъ имъ угодно! Найдется журналистъ, который приметъ *стишки* въ свой журналъ, а добрая критика скажетъ при выходѣ книжечки этихъ стиховъ: «Очень мило, М. Г., продолжайте!» Только съ тѣмъ, кого мы уважаемъ, можемъ мы и бесѣдовать о тайнахъ истиннаго искусства, только достойному бойцу можемъ мы бросать перчатку на бой.

Вотъ почему хотимъ мы подробно поговорить и съ г-мъ Берестомъ, въ которомъ признаемъ дарованіе прекрасное, но опять видимъ превратное направленіе и невѣрность языка, хотя совсѣмъ особенную, нежели у г-на Бенедиктова. Предѣлы статьи нашей не позволяютъ намъ этого. До слѣдующей книжки. Еще разъ, извините искренность нашу, и вѣрьте, что она происходитъ отъ желанія добра, и частно для поэтовъ, которымъ не бесполезенъ голосъ холоднаго разсудка, и обще для всѣхъ насъ, потому, что прекрасное дарованіе есть достояніе общее — мы дорожимъ имъ. Это перлы прозаической бездны жизни нашей, это радуга по темному небу нашихъ суесть и вещественныхъ сторонъ нашего бѣднаго бытія общественнаго.

Н. ПОЛЕВОЙ.

VICTOR HUGO. OEUVRES COMPLÈTES, ETC. (Полное собраніе сочиненій Виктора Гюго. Парижъ, 1837 г.)

(Статья Густава Планша*.)

В. Гюго приблизился къ рѣшительному времени своей жизни: ему теперь 36 лѣтъ, и извѣстность имени его непрерывно слабѣетъ болѣе и болѣе. Чему приписать такой упадокъ? Или силы нашего поэта истощились? Или публика сдѣлалась къ нему неблагоприятною? По прихоти-ли, по несправедливости, или по пресъщенію забывать она поэта, увѣчаннаго ею? Осуждена-ли она вѣчно искать только новыхъ впечатлѣній? Видя холодное невниманіе, съ какимъ, вотъ уже пять лѣтъ, встрѣчаютъ лирическія стихотворенія В. Гюго, невозможно не задать себѣ подобныхъ вопросовъ, или, лучше сказать, вопросы эти представляются сами собою, и критика припуждена объ нихъ говорить. Знаемъ все, что можно сказать о неблагодарности толпы, однако жъ не думаемъ, чтобы неблагодарность была единственною причиною упадка, который явно испытываетъ те-

* Передавая эту статью читателямъ нашимъ, мы исполняемъ обязаніе наше — быть посредниками литературной критики между нами и Европейскими авторитетами. Сень-Бевъ, Низаръ, Планшъ, безъ сомнѣнія лучшіе критики современной Франціи, но если можно раздѣлить почти исполнѣ мнѣніе перваго о *Делюль* (С. О., кн. I), и мнѣніе втораго о *Ламартина* (С. О., кн. II), то во многомъ нельзя согласиться съ Планшемъ, касательно *В. Гюго*. Любопытно слушать однако жъ, что говорить о замѣчательномъ соотечественникѣ своемъ сами Французы. Тутъ есть много правды, и поводъ многое замѣтить для себя, и многому поучиться. *Прим. Переводника.*

Т. II. — Отд. IV.

перь В. Гюго. Все что есть дѣйствительнаго въ дарованіи поэта, объявлено и признано единогласно. Даже тѣ, кто не сочувствуетъ позолоченнымъ строфамъ его *Orientales*), обильнымъ описаніямъ *Notre-Dame de Paris* и суетному великолѣпію Лукреціи Борджія, не могутъ отказать В. Гюго въ особенной способности владѣть языкомъ. Но, кажется, что ему непременно надобна отчаянная битва для возбужденія вниманія. Съ тѣхъ поръ, какъ битва кончилась, вниманіе къ нему слабѣетъ, и можетъ быть, не далеко уже время, когда оно заснетъ безъ просыпа. Желаетъ, чтобы будущее не оправдало нашихъ предрѣченій, но искренно думаемъ, что большее число читателей раздѣляетъ наши опасенія. Впрочемъ, не въ 36 лѣтъ отъ роду позволено отказываться отъ своего обновленія, и отъ самого В. Гюго зависитъ опровергнуть наши сомнѣнія рядомъ неожиданныхъ созданий. Что касается до того, чѣмъ въ теченіе двадцати лѣтъ обозначилъ онъ свое имя, ему надобно рѣшиться—заживо видѣть все это, и вскорѣ, исчезнувшимъ подъ неукротимому волною забвенія. Тяжелы такія слова — признаемся, и между тѣмъ безъ преувеличеній выражаютъ они мысль, съ которою согласны теперь уже весьма многіе. Разумѣется, не надобно брать нашихъ словъ въ смыслъ безусловномъ. Если творенія В. Гюго кажутся намъ осужденными на близкое забвеніе, имя его навсегда останется между именами самыхъ смѣлыхъ, самыхъ ловкихъ, самыхъ настойчивыхъ нововодителей, и конечно, такал неполная слава не безъ цѣны. Если даже В. Гюго упорно останется при литературной системѣ, имъ начатой, и станеть утверждать, что для всѣхъ насъ горизонтъ простирается не далѣе горизонта его зрѣнія, мѣсто его въ современной литературѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, не какъ эра плодородія, но, по крайней мѣрѣ, какъ эра спасительнаго перелома. Каково-бы ни было рѣ-

шеніе, на которомъ остановится В. Гюго, будетъ-ли онъ продолжать себя, или возобновить себя, выйдетъ-ли наконецъ на поприще истинной поэзіи, или будетъ оставаться на безчисленныхъ нотахъ, не составляя изъ нихъ ни какой партитѣи, пришло время изучить и строго опредѣлить оды, романы и драмы, составляющія собраніе его сочиненій. Не смотря на его лѣта, онъ принадлежитъ уже литературной исторіи. Продолжая путь, по которому шелъ донинѣ, въ теченіе 20 лѣтъ, никогда и ничего не сдѣлаетъ онъ выше того, что до сихъ поръ имъ сдѣлано. Мы убѣждены, что въ нынѣшнемъ очеркѣ его мыслей, онъ исполнилъ все, что могъ исполнить. Если онъ отважится на новый путь, преобразить себя, переродить себя, откажется отъ любви словъ для любви идей, то черезъ десять лѣтъ, критикъ надобно будетъ судить въ немъ совсѣмъ другаго чело-вѣка, котораго мы еще не знаемъ, похожаго на нынѣшняго В. Гюго только по имени.

Оды и баллады заняли у В. Гюго періодъ десяти лѣтъ, и составили три тома, изданные въ 1822, 1824 и 1826 гг. — Въ нихъ очевидное зерно всѣхъ качествъ, какія поэтъ долженъ былъ развить въ послѣдствіи, подъ формами болѣе блестящими. Но въ нихъ также рѣзкое отличіе отъ всѣхъ послѣдовавшихъ потомъ сочиненій нашего поэта, и критикъ является тутъ любопытный предметъ для изученія. Оставимъ другимъ грустную утѣху—сравнить роялистскія оды В. Гюго съ демократическими одами, которыя издалъ онъ въ послѣднія семь лѣтъ. По нашему мнѣнію, подобное противорѣчіе неизбѣжно въ чело-вѣкѣ, который началъ писать слишкомъ рано. Безъ сомнѣнія, лучше выжидать возраста болѣе зрѣлаго, и не касаться политическихъ вопросовъ, не изслѣдовавши ихъ предварительно, мы всегда предпочтемъ однако жъ легкомысленную измѣнчивость подлому лицемерству, и гораздо труднѣе для

насъ было-бы оправдать В. Гюго, когда-бы онъ стоялъ за повѣрья, въ которыя давно пересталъ вѣрить. Онъ подвергся общему жребію: по мѣрѣ того, какъ поднимаемся въ жизни, видѣть потемняющіеся, или вовсе разваливающіеся кумиры, то того, то друго-го оболъщенія, въ которыхъ мы были увѣрены прежде отъ всего сердца. Онъ почелъ долгомъ гласно объявить отступленіе отъ прежнихъ своихъ надеждъ, и не намъ осуждать его за такую искренность. Но въ одахъ и балладахъ В. Гюго можно изучать совсѣмъ другое, кромѣ политическихъ понятій поэта въ теченіе десяти лѣтъ. Пятая книга одъ его, конечно, весьма несовершенныхъ, если судить объ нихъ съ литературной точки зрѣнія, выражаетъ собою рядъ идей и чувствъ, кажется, теперь совершенно имъ позабытыхъ. Въ этой пятой книгѣ, складъ которой вообще болѣе подходитъ къ элегіи, нежели къ одѣ, были искреннія надежды, дѣйствительныя движенія и пламенныя, изъ сердца изникнувшіе обѣты. Рѣчь поэта, еще неискуснаго, еще неопытнаго, смѣшено переводила на слова чувство и идею, которыя онъ ей доверялъ. Стансы шли тамъ ощупью, на цыпочкахъ; строфы едва осмѣливались распростирать свои крылья, и криво перелетали черезъ поле, на которое пускали ихъ летать. Потому надобна истинная настойчивость труда, если хотѣть въ этой пятой книгѣ открыть прелесть и добродушіе движеній, жаръ и увѣренность, одушевляющія поэта истиннаго.

Но пусть форма тутъ несовершенна, стихъ заикается, образы невѣрны, по крайней мѣрѣ, сердце поэта играло дѣйствительную роль въ этихъ скромныхъ элегіяхъ. Если требуете отъ нихъ лучшаго пересказа души и сердцу, за то радуетесь, видя, что стансы тутъ не состоятъ только что изъ словъ, и что поэтъ жилъ и чувствовалъ, не начиная еще говорить. Оплодотворяемая внимательнымъ изуче-

ніемъ самого себя, эта пятая книга, которая была только зародышемъ, а не зрѣлымъ плодомъ, могла бы развернуться богатою жатвою. Но ея не пригрѣло солнце, не освѣжила ея роса небесная, и зародышь погнѣбъ, какъ будто никогда не существовалъ.

О роялистскихъ одахъ В. Гюго сказать нѣчего, ибо эти оды, писанныя имъ отъ 16 лѣтнаго до 26 лѣтнаго возраста, ознаменованы такою неопытностью, что давно изгладились бы изъ памяти всѣхъ, если бы поэтъ, продолжая свое лирическое поприще, не увлекалъ естественно нашего вниманія на свои первые опыты. Не совсѣмъ лишеныя занимательности, онѣ болѣе надуты, нежели высоки. Образы въ нихъ перебиваютъ другъ друга, вмѣсто взаимной помощи, и трескотня словъ рѣдко скрываетъ тщедушность или ничтожество мыслей. Не побоймся поставить, такъ названныхъ поэтомъ, политическихъ одъ гораздо ниже пятой его книги, ибо въ этихъ одахъ нѣтъ ничего ни самобытнаго, ни личнаго. Съ подписью такого имени, которое осталось темнымъ въ послѣдствіи, онъ не стоилъ бы даже ни какого вниманія. Подписанныя В. Гюго, онѣ доказываютъ, что доказано уже очень давно, именно то, что надобно сперва жить, а потомъ уже думать вслухъ, и что внутреннее убѣжденіе человека, какое бы оно ни было, всегда непрочное, если его не утвердила опытность.

Пятнадцать балладъ, присовокупленныхъ къ тремъ упомянутымъ собраніямъ, и изданныхъ въ первый разъ въ 1828 году, означаютъ у В. Гюго время несчастнаго перехода отъ мысли неполной къ разрушенію всякой мысли. *La Chasse du Burgrave* и *la Passe d'armes du roi Jean* превосходятъ суетностью и пустотою все, что только самое бѣдное воображеніе можетъ придумать. Другія піесы, какъ будто

хотят пролепетать какую-то мысль, но только хотят—и не исполняют своего намѣренія.

Что предвѣщали баллады, исполнилось въ *Ориенталахъ* съ ужасающею силою. Безсознательное, однако жъ искреннее убѣжденіе, какое видѣли въ политическихъ одахъ, чувства, хотя и смѣшанныя, которыя угадывали мы подъ туманнымъ покрываломъ пятой книги одъ—исчезли безъ возврата, и не покупались даже на новую борьбу съ живописными преувеличеніями и съ музыкальностью, чему совершенно предался нашъ поэтъ. Между языкомъ одъ и балладъ, и языкомъ *Ориенталовъ*—страшная бездна! Сколько Вандейскій пѣвецъ и Шериданскій мечтатель былъ прежде неспособенъ передавать слову все то, что онъ чувствовалъ, столько поэтъ *Ориенталовъ* явился твердъ и могущъ въ своемъ словѣ. Онъ говоритъ все, что хочетъ, но за то, прибавимъ, ему сказать нечего. Весь на парадъ своихъ строфъ, занятой ихъ ученьемъ, маршами ихъ попарно, въ три ряда, колонною, онъ не имѣлъ досуга спросить у самого себя: всѣ эти позолоченные ряды моихъ воиновъ, годятся-ли они на войну, или созданы мною только для парада? Гордый послушаніемъ стиха, онъ радостно глядитъ на него, умилется отъ удовольствія, и въ детскомъ самозабвеніи забываетъ о первомъ и главномъ условіи поэзіи. Онъ поетъ для пѣнья, играетъ звуками, разсыпаетъ тоны и полутоны, перемѣняетъ мѣру, и, повторяемъ, не заботится о главномъ въ поэзіи. Что же такое онъ позабываетъ, о чемъ онъ не заботится, и что такое это главное? Чувствовать и мыслить. Всего хуже, что это дѣлается у него по волю и систематически. Восхищенный ловкостью, какую умѣетъ придать своему стиху, поэтъ начинаетъ думать, что поэзія можетъ обойтись безъ чувства и идеи. Мало по малу онъ убѣждается, что поэтическое дарованіе состоитъ въ развитіи до безконечности гибкихъ словъ,

и надобно сознаться, что такая странная увѣренность сдѣлалась заразою многихъ послѣ В. Гюго. *Ориенталы* казались ученикамъ В. Гюго самымъ полнымъ торжествомъ, какое только можетъ одержать поэзія. Сознавая блескъ и богатство этого собранія стихотвореній, мы думаемъ, что поэзія—собственно, поэзія истинная, не играла никакой роли въ *Ориенталахъ*, ибо поэзія, которая не говоритъ ни сердцу, ни разуму, не возбуждаетъ никакого сочувствія, не ведетъ ни къ какому размышленію—не стѣдитъ имени поэзіи—она ребяческая игрушка! Въ *Ориенталахъ* нѣтъ ни одной страницы, которая пошевелила, научила-бы васъ, ни одной, которая показала-бы, что поэтъ чувствовалъ или мыслилъ, жилъ общею жизнью, былъ членомъ семейства, государства, былъ способенъ къ радости или печали, плакалъ въ уединеніи или въ умиленіи, и извѣдалъ счастье внутреннихъ движеній души и сердца. Строфы свѣтятся, развиваются, съ гибкостью чудною, но наслажденіе читать ихъ есть наслажденіе бесплодное, не оставляющее ни какого слѣда въ памяти. Удивляясь стихотворцу, мы не видимъ поэта.

Если бы В. Гюго, наученный опытомъ, недовольный тѣмъ, что его не поняли, предположилъ себѣ улучшеніе строфъ, какъ средство, а не какъ цѣль; если бы онъ умножилъ формы поэтического рима, съ намѣреніемъ дать своей мысли болѣе прѣмести, или легкости, мы первые поздравили-бы его съ такою смѣлою рѣшительностью. Но явно, что въ *Ориенталахъ* строфа все, а мысль ничто. Поэтъ надѣлалъ безчисленное множество различныхъ формъ, и когда онъ были готовы, пустилъ въ нихъ растопленный металлъ, изъ одного удовольствія—посмотрѣть, какъ онъ течетъ. Что-же вышло? Металлъ застылъ и сдѣлался глыбами, но застывшая глыба бронзы не составляетъ еще статуй.

В. Гюго извѣщаетъ римъ рабское благоговѣніе,

и мы согласны съ нимъ, ибо просодія нашего языка слишкомъ недостаточна и неопредѣленна, такъ, что ея одной не достанетъ для мелодіи нашего стиха безъ риѣмы; но благоговѣніе къ риѣмъ увлекаетъ В. Гюго далеко за предѣлы истины, ибо онъ явно придаетъ риѣмъ способность раждать мысль. Сходство, или тожество окончаній увлекаетъ его въ самыя странныя прихоти; мысли, которыя задаетъ онъ себѣ, походятъ на безпрестанный закладъ, но онъ въ явной ссорѣ съ разсудкомъ. Кажется, какъ будто у поэта нѣтъ другаго намѣренія, кромѣ удивленія читателей, и для этого зоветъ онъ на помощь къ себѣ связку самыхъ противорѣчащихъ идей. Риѣма, странно имъ понимаемая, подчиняетъ мысль всѣмъ случайностямъ лоттерей, и между тѣмъ только риѣма наполняетъ все формы, какія устроилъ В. Гюго для *Ориенталовъ*. Риѣма сзываетъ съ самыхъ отдаленныхъ точекъ, и тѣсно соединяетъ идеи, которыя безъ того никогда не встрѣтились-бы одна съ другою. Если В. Гюго полагалъ высшею цѣлью поэта удивленіе читателей, онъ совершенно достигъ свое цѣли, и *Ориенталы* вполне выразили его желаніе. Но мы думаемъ, что поэзія, переносится-ли она на Востокъ, ищетъ-ли она предмета пѣснопѣній своихъ на Западѣ, обязана считать за что нибудь сердце и разсудокъ, а потому *Ориенталы* кажутся намъ поэтическими *солфеджіями*, и — ничѣмъ болѣе! Мы видимъ въ собраніи ихъ книгу, полезную для справки обо всемъ томъ, что касается внѣшности поэзіи, и въ этомъ отношеніи рекомендуемъ мы чтеніе ихъ охотно. Но для внутренней стороны, болѣе важной, болѣе трудной, той, которая говоритъ памяти и размышленію, нѣтъ ничего въ *Ориенталахъ*. Изъ сорока пѣсень, въ нихъ находящихся, нѣтъ ни одной, которая была-бы внушена мыслью, или сердцемъ, ни одной истинно поэтической, въ высокомъ смыслѣ этого слова. Конечно, надобно дарова-

ніе необыкновенное—написать четыре тысячи стиховъ, въ которыхъ сердце и разумъ ни сколько не участвуютъ, и мы очень понимаемъ, почему В. Гюго самъ себѣ удивляется и рукоплещетъ за *Ориенталы*: онъ хотѣлъ ослѣпить пустымъ блескомъ слова, и его желаніе исполнилось.

Если риѣма передала *Ориенталы* всѣмъ случайностямъ лоттерей, понятіе поэта о сущности образовъ, къ несчастью, явилось не менѣе странно. Вразумленный чтеніемъ лирическихъ поэтовъ, В. Гюго понималъ, что образы, для пособія мыслямъ, должны повиноваться законамъ сходства. Этого не зналъ онъ прежде, писавши свои политическія оды, но опытность въ стихосложеніи открыла-бы ему эту тайну, если бы онъ даже и не заглядывалъ въ древнюю литературу. Вотъ почему строго уважалъ онъ сходство образовъ, создавая строфы *Ориенталовъ*. Но вскоре преувеличилъ онъ цѣнность сходствъ, какъ преувеличилъ цѣнность риѣмы. Вместо того, чтобы видѣть въ образѣ одежду мысли, онъ сдѣлалъ изъ него что-то эгоистическое и независимое, послѣдовалъ примѣру ваятелей, которые прихотливо кладутъ сгибы одежды, не помышляя о формахъ тѣла, какія одежда должна показывать, скрывая наготу. Признаемся, что однажды рѣшившись слѣдовать такому ученію, В. Гюго умѣлъ привести его въ исполненіе съ рѣдкою ловкостью. Если образы, рассыпанные въ *Ориенталахъ*, не служатъ одеждою никакой идеи, за то они блистательны и богаты, и поэтъ не разстается съ ними до тѣхъ поръ, пока не представитъ ихъ подъ всѣми видами, самыми многоразличными. Намъ кажется, что онъ совершенно ошибается въ цѣнности и значеніи образовъ, но изъ своего заблужденія извлекаетъ онъ выгоды съ ловкостью удивительною, и безъ труда можно понять почему, примѣръ его нашелъ многихъ подражателей. Успѣхъ не извиняетъ ошибки. Если бы образы могли имѣть сами по себѣ

независимую цѣнность, надлежало-бы изгладить изъ памяти человѣческой всѣ законы мысли, всѣ условія слова. Первѣйшіе писатели Греціи, Италіи и Франціи не знали послѣ этого стихій поэтическаго слога, и единодушное удивленіемъ, увѣчавшее ихъ, было, слѣдовательно, удивленіе невѣждъ. Но ученіе В. Гюго не выдерживаетъ суда, и послѣ его примѣра остается достовѣрнымъ, что образъ долженъ повиноваться мысли, служить ей уборомъ и украшеніемъ, а самъ по себѣ, онъ ни какой независимой цѣнности не имѣетъ.

Приложеніе этого ученія, которое стараемся мы здѣсь опровергнуть, видно на каждой страницѣ *Ориенталовъ*, такъ-же, какъ теорія плодovitой риѣмы. Но эгоизмъ образовъ и плодovitость риѣмъ не могли ничего создать, кромѣ ряда картинъ прихотливыхъ, безъ логическаго соображенія, безъ связи, и—такъовъ, дѣйствительно, общій характеръ *Ориенталовъ*. Не только рассказы, которые хотѣть быть драматическими, завязываются и развязываются въ нихъ безъ дѣйствующихъ лицъ, но и самая мѣстность, гдѣ являються эти дѣйствователи безъ души, дѣлается мѣстностью невозможною.

Въ *Осеннихъ Листьяхъ*, В. Гюго хотѣлъ опять обратиться къ мысли, и напомнить многословію его обязанность — повиновеніе, но это было уже поздно. Простыя и истинныя чувства, дышавшія въ пятой книгѣ *Одъ*, захохотавшія подъ густыми вѣтвями горделиваго языка, не могли ни развернуться, ни преобразиться. Любовникъ, сдѣлавшійся отцомъ, тщетно искалъ въ глубинѣ души своей радостей и надеждъ, нѣкогда имъ воспѣтыхъ. *Осенніе Листья* порывъ поэзіи благородный, но неудачный. Между тѣмъ, не поколеблемся мы сказать, что это собраніе стихотвореній выше всѣхъ другихъ лирическихъ произведеній В. Гюго. Хотя поэтъ только вполонину исполнилъ на дѣлѣ намѣреніе, имъ предположенное,

хотя не могъ онъ овладѣть мыслью, какъ надѣялся, и сдѣлать языкъ свой послушнымъ, но въ общемъ характерѣ *Осеннихъ Листьевъ* видно честное признаніе, которое надобно замѣтить. Не смотря на блестящій успѣхъ *Ориенталовъ*, В. Гюго чувствовалъ, что кромѣ вышней поэзіи есть поэзія, не столь блестящая, но красоты болѣе прочной, и рѣшился достигнуть этой поэзіи, имъ понимаемой. По нашему мнѣнію, онъ далеко не достигъ славной цѣли своей, но справедливость требуетъ похвалить смѣлость и надежды на себя поэта.

Поприме, пройденное авторомъ *Осеннихъ Листьевъ*, объемлетъ небосклонъ необозримый, ибо поэтъ предпринималъ въ нихъ воспѣть семейныя радости, и указать людямъ на обязанности, ими управляющія, и назначеніе, имъ предопредѣленное. Если какой либо предметъ могъ быть обширенъ, и способенъ увлечь мысль въ высшія области поэтическія, то это, безъ сомнѣнія, предметъ *Осеннихъ Листьевъ*. Почему-же В. Гюго остался ниже предмета, имъ избраннаго? Почему семейныя радости, и назначеніе человечества, указанное ему Провидѣніемъ, нашли въ *Осеннихъ Листьяхъ* отзывъ нестройный, едва уловимый? Почему мысли, которыя хотѣлъ намъ раскрыть поэтъ, переданы здѣсь языкомъ темнымъ, къ которому тщетно ищемъ мы ключа? Намъ кажется, что постройка такого зданія, какъ *Ориенталы*, не могла остаться ненаказанною. В. Гюго воздвигнулъ капище *словамъ*, и униженно благоговѣлъ въ немъ передъ *римою*. Онъ кольнопреклонился передъ эгоистическими образами, и вычеркнулъ мысль изъ книги поэзіи. Такое идолопоклонство долженствовало быть наказано, рано или поздно. Когда началъ поэтъ свои *Осенніе Листья*, когда хотѣлъ пѣть радости семейныя, и цѣль, назначенную человечеству, наказаніе его началось. Напрасно пытался онъ вопросить свое сердце — сердце его

отказывалось отвѣчать, и уста его, расточительныя на слова, налагали молчаніе на оцѣпеневшую мысль. Вотъ, конечно, наставительное обстоятельство, о которомъ стоить подумать. Зародышъ, скрытый въ пятой книгѣ Одь, могъ быть угаданъ только малымъ числомъ читателей. Но было позволено надѣяться, что этотъ зародышъ разовьется и достигнетъ зрѣлости. Часъ зрѣнія наступить, а зародышъ исчезъ. Сочиненіе *Ориенталювъ* дало В. Гюго привычки, уже непобѣдимыя; исключительное благоговѣніе къ словамъ безвозвратно изуродовало мысли поэта, и увлекло его отъ общей жизни. Когда хотѣлъ онъ вернуться въ человѣческое семейство, имъ оставленное, когда онъ потребовалъ своего права гражданства между идеями, отъ которыхъ бѣжалъ прежде, тогда нашелъ всѣ входы запертыми, и едва только могъ замѣтить жильцовъ, между которыми хотѣлъ снова поселиться. Иден отказались принять его. Онъ веротился къ словамъ.

И между тѣмъ, мы предпочитаемъ *Осеніе Листья* всѣмъ другимъ собраніямъ лирическихъ стихотвореній В. Гюго. Такое предпочтеніе изъяснить легко. Если, действительно, поэтъ былъ побѣжденъ въ начатой имъ битвѣ, паденіе его было не безъ славы. Если онъ не сказалъ всего, что хотѣлъ сказать, или, лучше сказать, если слишкомъ проворное слово его часто глушило своимъ шумнымъ журчаньемъ самыя первыя начатки мыслей, мы должны отдать справедливость намѣренію и надеждамъ, какія онъ имѣлъ. Изданные послѣ пятой книги Одь, *Осеніе Листья* были бы непостижимою загадкою. Ни чей умъ не понялъ бы, какъ юный мечтатель, достигшій зрѣлаго возраста, такъ рано потерялъ память о своихъ первыхъ надеждахъ, такъ рано оставилъ мѣръ самопознанія для какого-то міра зрѣнія? Но *Ориенталювъ*, находясь между 5-ю книгою Одь и *Осенними Листьями*, разрѣшаютъ всѣ сомнѣнія, и ясно пока-

зываютъ намъ умственное томленіе поэта. Если чему удивляемся мы въ *Осеннихъ Листьяхъ*, то именно тому, что В. Гюго, послѣ долгаго пребыванія въ народѣ словъ, нашелъ еще въ сердцѣ своемъ слѣды забвенныхъ имъ чувствованій.

Чтеніе *Осеннихъ Листьевъ* обильно уроками, и бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ сочиненія нашего поэта. Изучивъ внимательно это собраніе пѣснь лирическихъ, въ коихъ общая мысль столь вѣрна, а исполненіе столь неоконченно, легко понять, почему романы и драмы В. Гюго представили потомъ такія странныя лица. Если творецъ *Осеннихъ Листьевъ* такъ мало успѣлъ въ изслѣдованіи своихъ собственныхъ чувствъ, нечего удивляться, когда онъ теряется вовсе, отваживаясь изобрѣтать другихъ людей и оживлять пепель исторіи. Создавая *Осеніе Листья*, онъ въ самомъ себѣ имѣлъ модель, съ которой ваялъ, и только у самопознанія своего надобно было ему спрашиваться, для полной обработки избраннаго предмета. Между тѣмъ, и тутъ едва могъ онъ создать только обликъ предположеннаго имъ. Зная столь худо самого себя, какъ-же знать ему другихъ людей? Если онъ былъ бесплепенъ собрать открытія собственнаго самопознанія, какъ-же было ему сдѣлаться вѣрнымъ отзывомъ прошедшаго? Изъ всѣхъ формъ поэзіи, та, которая должна легко достигнуть истины, конечно, форма поэзіи лирической, ибо поэтъ, создающій оду и элегію, находитъ въ самомъ себѣ, и въ себѣ одномъ, всѣ стихіи своего созданія. Славить-ли онъ честь своей отчизны, выигранную битву, паденіе великихъ — только у своего движенія спрашивается онъ, и у него всегда передъ глазами то, что онъ хочетъ живописать. Если утвердимъ, что ни одна форма поэтическая такъ не близка къ правдѣ, какъ лирическая — что-же? Почему въ *Осеннихъ Листьяхъ*, В. Гюго остался далеко за идеаломъ, который предположилъ себѣ? При-

выкинувши писать ослѣпляющими глаза красками, смѣшивать въ строфахъ своихъ лазурь неба и лазурь моря, зелень столѣтнихъ дубовъ и зелень луговъ, булатныя сабли и шитые золотомъ чапراки Нумидійскихъ коней, когда рѣшился онъ углубиться въ тайны самопознанія и вопрошать мѣръ незримый, когда началъ онъ искать темы на свою пѣсню въ области идей, книга, имъ вопрошенная, осталась безотвѣтною на большую часть его вопросовъ, и едва могъ онъ пролепетать нѣсколько фразъ изъ этой таинственной книги, которая была между тѣмъ — *онъ самъ!* Послѣ этого, не имѣемъ-ли мы права утверждать, что *Осенніе Листья* изъясняютъ романы и драмы В. Гюго.

Пѣсни сумерекъ (*Chants du Crépuscule*) выразили упадокъ смѣлости, котораго не предвѣщали *Осенніе Листья*. Утомленный борьбою, какую выдержалъ противъ своей мятежной мысли, поэтъ обратился къ своимъ суетнымъ привычкамъ: онъ не пытался уже болѣе списывать внутренней мѣръ, и если ему приходилось еще столкнуться съ идеею, онъ спѣшилъ закутать ее въ саванъ безчисленныхъ словъ; не достигнувъ блеска *Ориенталовъ*, онъ остался далеко за истинною *Осеннихъ Листьевъ*. Единства вовсе нѣтъ въ *Пѣсняхъ сумерекъ*. Авторъ обѣщалъ собраніе стихотвореній политическихъ: это собраніе еще не издано имъ, но тамъ и здѣсь въ томикѣ, изданномъ въ 1835 году, видны пѣсы, явно принадлежащія къ этому незаданному собранію. В. Гюго покушался объединить одною мыслию противорѣчащія стихіи своей книги, и освѣтить одинаковымъ свѣтомъ всѣ части этого лирическаго памятника. Все это хотѣлъ онъ сдѣлать, но очевидность тутъ сильнѣе скрытнаго хотѣнія автора, и *Пѣсни сумерекъ* поразили всѣхъ читателей своимъ смѣшеніемъ. Предисловіе и вступленіе, предназначенныя изъяснить намѣреніе поэта, только что сгустили мракъ, облекавшій всѣ пѣсы

въ его новой книгѣ. Если хотите повѣрить это, стоить изучить, одинъ послѣ другаго, три отрывка разныхъ родовъ, въ коихъ заключаются всѣ качества и всѣ недостатки цѣлаго собранія. Ода, писанная послѣ Іюля 1830 года, ясно показываетъ, что В. Гюго не лучше понимаетъ государство, какъ и семейство. Въ этой одѣ множество стиховъ искусно составленныхъ, но просимъ угадать, какая мысль управлять общностью оды? Съ начала до конца, это смѣшанная громада образовъ безъ значенія. Въ плодovitыхъ строфахъ, въ искусно поставленныхъ словахъ, исполняющихъ превосходно всѣ движенія, предпринятныя имъ поэтомъ, мы не видимъ ни какого сочувствія, ни къ славы нашего оружія, ни къ достоинству государственному, ни къ мирнымъ подвигамъ, ни къ воинскимъ завоеваніямъ, ни къ развитію какихъ-либо нашихъ идей. Сѣтованіе о прешедшей династіи представляло весьма естественное начало пѣснь поэта. Нельзя-же было В. Гюго, пѣвцу Вандейскихъ битвъ, перейти прямо къ идеямъ противоположнымъ, но онъ совершенно забылъ о рѣзкости такого перехода, и прихотливо выставилъ передъ нами рядъ картинъ, которыя можете опять переставить, какъ вамъ угодно. Словомъ, поэтъ сочинилъ оду весьма искусную и вовсе незначительную — сборъ словъ безъ идей. Если всѣ пѣсы политическаго, обѣщаннаго В. Гюго собранія стихотвореній, будутъ походить на эту оду, мы не пожалѣемъ, когда вовсе не увидимъ этого обѣщаннаго собранія.

Пѣсь, посвященной дѣвицѣ Луизѣ Б., удивлялись вообще всѣ, любуясь богатствомъ и обиліемъ, какія показалъ въ ней поэтъ. Не противорѣча большинству голосовъ, противоположимъ однако жъ безотчетной похвалѣ нѣсколько замѣчаній. Безъ сомнѣнія, видно, что человекъ, написавшій эту пѣсу, управляетъ языкомъ съ необыкновенною силою, и по произволу

располагаетъ цезурою, риемою и образами; для одной идеи, онъ находитъ множество изворотовъ, свидетельствующихъ полное познаніе слова. Но нѣтъ-ли между образами, имъ употребленными, слишкомъ пошлыхъ и низкихъ? Страсти, сравненныя съ прохожими, которые тревожатъ благочестиваго мужа въ его убжищѣ, и развратъ и безбожіе, уподобленные ножу, которымъ выскребаютъ имя, начертанное на колоколѣ, можетъ-ли то и другое почестся фигурами, достойными лирической поэзіи? Не думаемъ. Идея первой изъ нихъ была счастливая, и если В. Гюго и не самъ создалъ ее, если онъ взялъ ее у Шиллера, мы похвалимъ даже за хорошій выборъ изъ чужаго. Но эта идея могла сдѣлаться поэтической тогда только, когда бъ ее сопровождалъ стройный порядокъ полнаго развитія, о которомъ, кажется, нашъ поэтъ рѣшительно не помышлялъ. Какъ въ *Ориеталахъ*, риема, повидимому, совершенно ему покорная, не разъ увлекала его далеко отъ главной мысли, и заставляла сближать образы, которымъ никогда не слѣдовало бы встрѣчаться. Читая эту піесу, легко убѣдиться, что за полное распоряженіе своею рабынею-риемою, В. Гюго принимаетъ отъ этой рабыни самыя стѣснительныя для него условія. Риема согласна его слушаться, и не заставляетъ кликать себя два раза, но за то велитъ она поэту, при первой волѣ ея, распрощаться съ идеей. Она слушается его, но за то, чего она захочетъ, и поэтъ того-же долженъ захотѣть. Призванная имъ, она бѣжить къ нему, но гонитъ прочь идею, въ которой должна помѣститься. Такое владычество очень походитъ на рабство, и надобно согласиться, что по этому отношенію піеса, о которой мы говоримъ, далеко отъ изъявленнаго ей удивленія. Признаемся, что она риемована съ удивительнымъ искусствомъ, но искусство это такъ дорого стоило В. Гюго, что безъ оговорокъ хвалить его невозможно. Больше

возвышенія, и между тѣмъ больше трезвости поэтической, и болѣе строгаго выбора образовъ—вотъ чего желали-бы мы отъ поэта, и чего въ немъ не находимъ. Риема, предписывающая забвеніе идеи, не можетъ назваться вполне послушною и, искусство, принужденное къ подобнымъ уступкамъ, не есть еще искусство полное.

Предпоследняя піеса въ *Пьсляхъ сумерекъ*, посвященная дѣвицѣ Луизѣ Б. (*Que nous avons le doute en nous*), заслуживаетъ равномѣрные упреки. Предметъ, выбранный поэтомъ и поставленный въ заглавіи, забыть имъ совершенно. То, что было угодно В. Гюго назвать *сомнѣніемъ*, можетъ быть названо совсѣмъ другимъ именемъ, и піеса будетъ и тогда годиться. Образы, вызванныя поэтомъ въ объясненіе его мысли, лишены возвышенности, строгости, и изъ грустнаго чувства, за которое онъ взялся, дѣлаютъ какую-то ребяческую игрушку. Не возможно повѣрить, чтобы поэтъ дѣйствительно испытывалъ то, что онъ покушается описывать. Столько тутъ кокетства и прихотей, въ сравненіяхъ, которыя онъ употребляетъ! Слова играютъ у него такую большую роль, а идея такую маленькую, что сердце читателя отказывается отъ всякаго сочувствія. Между тѣмъ *сомнѣніе*, поэтически понимаемое, составило-бы прекрасный предметъ для элегіи. Но для обработки его, надлежало взять муку сомнѣнія съ ея важной стороны, и особливо ясно и отчетливо должно было отличить сомнѣнія сердца отъ сомнѣній ума, ибо недостоверность истинъ, преследуемыхъ наукою, не есть скорбь, но желаніе вѣдать, когда погибель вѣрованія, котораго знаніе наше не можетъ и не смѣетъ доказывать положительно, но которое притомъ необходимо нашему сердцу, есть мука, достойная поэтическаго состраданія. В. Гюго не замѣтилъ, кажется, ни одного изъ такихъ условій своего предмета, и въ піесѣ

его невозможно различить, идетъ-ли тутъ дѣло о недостовѣрности ученыхъ свѣдѣній, или о разрушеніи утѣшительныхъ вѣрованій. Говорил откровенно, скажемъ, что сомнѣніе тутъ только предлогъ, по которому В. Гюго рѣшуетъ нѣсколько стансовъ, но собственно у него нѣтъ ни какой искренней скорби, ни какой рѣзкой горести, ни какой потребности въ участіи, или въ довѣренности нашей. Сомнѣніе темное, неопредѣленное, по которому вышиваетъ онъ остроумныя, наудачу выбранныя сравненія, вмѣсто внушенія намъ умилительныхъ чувствъ, пробуждаетъ чувство совершенно противное. Съ досадою спрашиваете: возможно-ли столь поверхностно говорить объ идеѣ столь важной? Позволено-ли, *кстати* о скорби, собирать столько суетныхъ, щеголеватыхъ образовъ? И дѣло кончится убѣжденіемъ, что ни о какомъ вѣрованіи В. Гюго не заботится; что всякое вѣрованіе ему бесполезно, или не стоитъ его вниманія; что онъ поэтъ для пѣнія, не имѣя ни какой существенной скорби, которою хотѣлъ-бы съ нами подѣлиться. Плачевный выводъ, и его охотно бы готовы мы были уничтожить, но, къ сожалѣнію, очевидность его кажется неоспоримою. И вотъ куда заводитъ нашего поэта страсть къ словамъ и благоговѣніе къ нимъ!

«*Задушевныя отзывы*» (*Voix intérieures*), изданныя въ прошедшемъ году, походятъ на приговоръ, пропнесенный на самого себя поэтомъ. Это собраніе стихотвореній, смотря на него съ литературной стороны, выше *Пѣсней сумерекъ*. Если оно не представляеть читателю совершеннаго единства, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ нѣтъ такой нерышительности, такого умственного колебанія, какое видно въ «*Пѣсняхъ сумерекъ*.» Но мы должны сказать, и безъ сомнѣнія, В. Гюго самъ знаетъ это лучше всѣхъ, что «*Задушевныя отзывы*» его, гораздо ниже «*Осеннихъ Листьевъ*» въ отношеніи человѣческой истины, и го-

раздо хуже *Ориенталовъ* въ отношеніи лирическаго блеска. Два чувства преимуществуютъ въ этомъ собраніи и наполняютъ его — гордость и гнѣвъ. Безспорно, что въ гордости и гнѣвѣ можно найти счастливыя вдохновенія, но съ какими условіями? Не должно-ли, чтобы гордость была законная, а гнѣвъ направленъ противъ дѣйствительнаго врага? На чемъ же держится гордость В. Гюго? На кого обращенъ гнѣвъ его? Поэтъ удивляется самъ себя, и жалуется, что другіе не дивятся ему столько, сколько хотѣлось-бы ему; онъ обвиняетъ за это въ зависти и испорченности cadaго, кто позволяетъ себя доложить ему, что онъ иногда ошибается. Если бы В. Гюго довольствовался собственнымъ своимъ рукописаніемъ собственному своему дарованію, мы имѣли бы право только улыбнуться на такую поэтическую шутку. Но гордость, въ какой онъ сознается, какую показываетъ онъ въ *Задушевныхъ отзывахъ*, стоитъ приговора гораздо строже, ибо поэтъ, безъ шутокъ, требуетъ отъ насъ апофеоза, увѣрять въ своемъ всезнаніи, и во всякомъ не безусловномъ удивленіи видѣть невѣжество и безбожіе. Взлетѣвши на ужасныя высоты, которыя едва можетъ измѣрять глазъ человѣческой, какъ, въ самомъ дѣлѣ, не почувствовать головокруженія? И В. Гюго не избѣгъ этой дани человѣческой слабости — у него, просто, голова закружилась. Такое головокруженіе вдохновило его оду *Къ Олимпію*; слабость головы продиктовала ему всѣ эти безсмысленныя строфы идолопоклоннической оды, которая раздѣлила В. Гюго на двѣ половины. Одна изъ этихъ половинокъ кланяется другой; одна жрецъ, который кадитъ, а другая кумиръ, принимающій каженіе. Для изучающихъ внимательно болѣзнь души человѣческой, конечно, это любопытное, трогательное позорище, но вида такое превращеніе, вида чловѣка-кумира и жреца вмѣстѣ, критикъ нѣтъ даже надобности изрекать какой ни-

будь приговоръ, потому, что большой самъ его прозносить. Безъ сомнѣнн, не превращала еще себя въ кумиры, не ставя еще генія своего на алтарь, и не коленнопреклоняясь предъ нимъ, поэтъ долженъ былъ страдать жестоко; не сказывая еще о недостаточности для него человѣческой славы, не разрывая еще вѣнца, наложеннаго на его голову толпою, онъ долженъ былъ бороться съ страшными видѣннми. День, въ который онъ увѣрился въ своемъ апофеозѣ, конечно, истощилъ въ немъ всю мученія оскорбленной гордости, и увѣренность въ апофеозъ была для него бальзамомъ, которымъ хотѣлъ онъ исцѣлить свои нестерпимыя раны. Писатель, рывшійся на такое дѣло, не стѣитъ грозной критики — она только жалеть объ немъ, но не судить его.

И между тѣмъ, гнѣвъ В. Гюго не знаетъ другихъ враговъ, кромѣ критики. Только на этого одного врага сыплются все его брани, только въ него устремлены все эти горячіе возгласы, которыми хотѣлось-бы поэту выразить презрѣнн, а выражается только облитая желчью гордость. Если когда нибудь гнѣвъ человѣческой былъ безразсуденъ и безсмысленъ, то, конечно, гнѣвъ нашего поэта самый безразсудный и безсмысленный; если брань когда нибудь была незаслуженная, то, безспорно, эта брань его на критику. Право, никогда еще критика не встрѣчала никакого поэта такъ бережно и почтительно. Исключая первую эпоху поэзіи В. Гюго (а тогда, кажется, нечего было входить объ немъ въ большіе споры), надобно ему сознаться, что съ десяти лѣтъ, то есть, съ того времени, какъ нашелъ для мыслей своихъ добраго изъяснителя въ стихъ, В. Гюго видѣлъ для каждаго изъ своихъ твореній общее вниманіе, имѣлъ слушателей смѣлыхъ, безкорыстныхъ, ясновидящихъ, такихъ, однимъ словомъ, которыхъ можетъ пожелать себя самый мощный геній. Вокругъ каждаго его произведенія воца-

рялось сначала глубокое молчаніе, а потомъ начинался страшный шумъ. Значить, что толпа выслушивала его сначала въ благоговѣйномъ безмолвіи, а потомъ, благоговѣйно выслушавши, рукоплескала, или воплями изъясняла свой споръ противъ цѣнности того, что выслушала. Но и самыя вопли сіи суть славныя почести, воздаваемыя поэту, ибо того не презираютъ съ кѣмъ сражаются, и многіе поэты, не стѣующіе на толпу, охотно обмѣняли бы бурный жребій В. Гюго на молчаливое бытіе, которымъ награждаетъ ихъ равнодушнн слушателей. Безъ бурь, имъ испытанныхъ, имя В. Гюго не гремѣло-бы въ отзвѣвахъ, на которые жалуется теперь поэтъ, съ такою прихотливою неблагодарностью. Если онъ хотѣлъ мира, то за чѣмъ-же не остался онъ въ своемъ уголкѣ, а если онъ хотѣлъ летать тамъ, гдѣ летаютъ орлы, онъ долженъ былъ рывшиться на клики противъ его смѣлой гордости.

Гордость и гнѣвъ были, слѣдовательно, плохими совѣтниками для В. Гюго. Несмотря на свое удивительное искусство рнѣмовать, поэтъ не могъ дать своимъ яростнымъ жалобамъ, своимъ гимнамъ самому себя выраженія, способнаго возбудить сочувствіе наше. Едва нѣсколько послушныхъ ушей вяли его гимнамъ и жалобамъ. Однако жъ, ошибочно будемъ приписывать такое равнодушнн самой сущности чувствъ, излагаемыхъ В. Гюго, ибо каждое изъ этихъ чувствъ, выраженное искренно, не преминуло-бы тронуть насъ. Но форма, въ какую облечь авторъ свои *Задушевныя отзывы*, столь многословна и столь многорѣчива, что сочувствіе наше дѣлается невозможнымъ. Слово тутъ такое обиліе, мысль тутъ такая рѣдкость, строфы, вмѣсто того, чтобы нести мысли на себя, хлещутъ на нихъ волнами столь усиленными, что поглощаютъ ихъ и скрываютъ отъ глазъ. Говоря собственно, поэзія, такая, какую открываютъ намъ «Задушевныя отзы-

вы»—это рѣка безъ источника и безъ береговъ. Невозможно понять, откуда она течетъ и гдѣ остановится. Русло, которое прорываетъ она, бездонно и безгранично. Линіи, которыя она описываетъ, столь прихотливы, столь противорѣчащи, что самый настойчивый глазъ не можетъ открыть, откуда и куда идутъ онѣ. Когда бранчивая или сѣтующая ода начинаетъ лепетать намъ о чувствахъ поэта, кажется, будто она доканчиваетъ давно начатую фразу, говорить возмась рѣчи, первыя слова которой не дошли до насъ, и когда она останавливается, закрываетъ свои многоглазые уста, мы ждемъ еще, для полнаго понятія, словъ, которыхъ она намъ не скажетъ. Это впечатлѣніе, передаваемое нами, смѣемъ увѣрить, весьма точно, зависитъ совершенно отъ поэтической формы, принятой В. Гюго. «Оріенталямъ» надобно приписать невниманіе и равнодушіе, съ какими встрѣчены «Задушевные отъзывы»; отъ строфъ, «Оріанталовъ» влюбленныхъ въ свои пестрыя крылья, должно требовать отчета въ безмолвіи и пренебреженіи, которыми публика казнила потомъ гордость и гнѣвъ нашего поэта. Если бы онъ придалъ даже несправедливымъ чувствамъ выраженіе простое и открытое, его не одобрили-бы, но тѣмъ не менѣе выслушали.

Мнѣніе, излагаемое нами здѣсь о лирическихъ твореніяхъ В. Гюго, покажется строгимъ его многочисленнымъ хвалителямъ, но едва ли размышленіе не заставитъ всякаго согласиться съ нами, ибо никто болѣе насъ не расположенъ хвалить всего, что сдѣлать похвалы въ лирическихъ сочиненіяхъ В. Гюго. Не смотря на изъявленное нами предубѣжденіе къ сей части его сочиненій, не смотря на достоинство одъ его, изданныхъ въ теченіе 20 лѣтъ, мы не можемъ закрыть глазъ на очевидность дѣла, и принуждены признаться, что лучшія оды В. Гюго заключаютъ красоты поверхностныя и неполныя. Са-

мое удивительное искусство стихосложенія не замѣняетъ, и никогда не замѣнитъ, искренности, глубины и чувства. Но во всѣхъ лирическихъ твореніяхъ В. Гюго, гдѣ найдете вы страницу, въ которой дышало бы чувство искреннее? Пятая книга Одъ кажется отъѣтомъ на вопросъ, нами предлагаемый, но согласится-ли В. Гюго быть судимымъ по этой пятой книгѣ? Конечно, нѣтъ. Хотя ко всемъ своимъ твореніямъ изъясляетъ онъ благоговѣніе изумительное, хотя онъ не дерзаетъ забывать и вычеркивать даже и одинаго стиха, подписаннаго его именемъ, но онъ долженъ болѣе насъ сознавать, что пятая книга его была только лепетъ младенца, а не изящное пѣніе. Чувства, находящіяся въ этой книгѣ, суть чувства истинныя, и легко могли-бы они быть поэтически поды перомъ опытнаго художника, но когда взялся излагать ихъ В. Гюго, онъ былъ еще неопытенъ, чуждъ всемъ трудностямъ языка, всемъ хитростямъ стихосложенія, и не могъ ясно выражать того, что у него было на сердце. Неопредѣленные надежды, задумчивыя мечты Шервизійской должны, переданныя тому же изъяснителю пять лѣтъ спустя, конечно, считались-бы теперь между самыми чистыми памятниками Французской поэзіи. Очерченныя рукою неискусною, всѣ эти мечты остались какимъ-то началомъ, приступомъ, показывая, что сдѣлалъ бы изъ себя В. Гюго, если-бы пріобрѣлъ полное познаніе поэтическаго орудія, не начиная еще пѣть свои чувства и свои мысли. Да, несомнительно—пятая книга Одъ заслуживаетъ быть разсмотрѣнною, но между удивляющимися В. Гюго найдется-ли хоть одинъ, кто видѣлъ-бы въ этихъ Одахъ рядъ твореній оконченныхъ? Не думаемъ.

Такимъ образомъ, первые годы юности В. Гюго, то есть время между 16-ю и 22-мя годами его жизни, представляются въ лирическихъ его твореніяхъ весьма неполно. Мечтатель и любовникъ нашли въ ху-

дожникъ отголосокъ невѣрный. Были-ль счастливые въ немъ супругъ и отецъ? *Осеніе Листья* служатъ на то отвѣтомъ. Собраніе это кажется намъ выше всѣхъ лирическихъ твореній В. Гюго, но если слогъ «Осеннихъ Листьевъ» превосходить блескомъ и ясностью слогъ пятой книги *Одъ*, какъ далеки отъ искренняго движенія юности эти поддѣльные чувства отца семейства! Любовникъ, тревожимый смятеніями безъ числа, лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ будущимъ, жадный на преслѣдованіе благополучія, передъ нимъ убѣгающаго, преданный вѣрованіямъ, о которыхъ еще нѣкогда было ему подумать, онъ ищетъ въ искусствѣ стихосложенія болѣе отрады, нежели занятія. Нельзя говорить онъ, что хочетъ сказать, но за то говорить только въ часы вдохновенія, и стихи переходятъ на уста его изъ сердца. Потомъ, составляя свои «*Оріенталы*» и «*Осеніе Листья*», онъ отдалъ свое сердце и свое воображеніе въ услугу повелительному слову, хотѣлъ, чтобы чувство и мысль излетали изъ удара словъ, какъ огонь высѣкается изъ удара огнивомъ въ кремень. Обольщенный журчаньемъ гармоническихъ строфъ, онъ думалъ, что уже подчинилъ поэзію своимъ прихотямъ, и что каждый разъ, едва только захочется ему пѣть, онъ найдетъ ее покорною и услужливою, какъ струны арфы. Рукоплескаемый, упоенный, онъ сталъ жалеть о людяхъ, которые заботятся, какъ имъ жить, чувствовать и мыслить, рѣшаются на всѣ попытки ученія и страсти, прежде нежели начнутъ говорить съ другими. Но такое заблужденіе, въ началѣ раздѣляемое многочисленными учениками, должно стовало имѣть конецъ, и теперь самые страстные обожатели В. Гюго не поддерживаютъ уже спора за человѣческую и живую сторону *Оріенталовъ* и *Осеннихъ Листьевъ*. Они не отрекаются отъ своего прежняго восторга, продолжаютъ хвалить музыкальное достоинство обоихъ собраній, но добродушно го-

рюють, что оба эти великолѣпные дворца обитаемы, и что чувства и мысль не оживляютъ этихъ мелодическихъ пѣснопѣній.

Позволено думать, что В. Гюго понимаетъ всю тщету поэзіи, исключительно музыкальной. Смѣлая борьба его противъ самого себя, въ *Осеннихъ Листьяхъ*, кажется, придаетъ нашему мнѣнію характеръ доказанной истины. Увидя недочетъ, когда хотѣлъ славить семейныя радости, не естественно-ли было ему разорвать съ досадою всѣ связи съ прежними привычками, и съ геройскою рѣшительностью отказать отъ незаконной славы, которая его погубила. Переходя отъ поэзіи домашней къ поэзіи политической, не долженъ-ли онъ былъ поссориться съ прежнимъ собою, или лучше сказать, вновь начать изученіе человѣческой жизни, познанію которой онъ совершенно разучился? Да, безъ сомнѣнія, все это долженъ былъ онъ сдѣлать, но онъ не хотѣлъ обновить себя. Объ отечествѣ говорилъ онъ, какъ о своемъ семействѣ, съ легкостью, которую можно-бъ было назвать пренебреженіемъ, если бы она не заслужила извиненія совершеннымъ незнаніемъ того, о чемъ говорить поэтъ. «*Пѣсни сумерекъ*» и «*Задушевныя отзывы*» гдѣ блещутъ такъ и сямъ и спорки философической и политической мысли, суть также пусты и суетны, какъ «*Оріенталы*,» и едва напоминаютъ, смѣшнымъ образомъ, искреннее, но безсильное намѣреніе *Осеннихъ Листьевъ*. Такое паденіе не заключаетъ въ себя ничего, чему можно-бъ было удивляться. Если ловкость строфъ не могла избавить поэта отъ внимательнаго изученія домашней жизни, какимъ-же образомъ болѣе и болѣе ученая опытность въ стихосложеніи могла его ввести въ познаніе тайнъ политическихъ или общихъ законовъ человѣчества? Если В. Гюго хоть однажды надѣялся, что одною силою воли пойметъ вопросы, которыхъ никогда не изучалъ, то онъ—

былъ близокъ къ сумасшествію. И вотъ почему, «Пѣсни сумерекъ» и «Задумчивые отзвѣвы» заставляютъ насъ думать, что онъ всегда пренебрегалъ изученіемъ философическихъ и политическихъ вопросовъ. Какіе плоды принесло это пренебреженіе? Поэтъ плаваешь во мракъ, какъ мореходецъ безъ карты и компаса. Онъ возглашаетъ, не зная, куда летятъ его слова, но если встрѣтилъ онъ послѣ того слушателей невнимательныхъ и равнодушныхъ, то безмолвіе ихъ должно было показывать ему, что онъ истощилъ уже всѣ сокровища своего заблужденія. Изъ словъ извлекъ онъ все, что только въ нихъ было. Если онъ не хочетъ пережить самого себя, время ему призвать на помощь идеи, до сихъ поръ имъ пренебреженныя.

Хотя три романа, предшествовавшіе роману *Notre-Dame de Paris*, были далеки отъ литературной важности сего послѣдняго, но между тѣмъ необходимо изучить ихъ съ строгимъ вниманіемъ, дабы понять и изъяснить послѣдовательныя превращенія поэтическаго дарованія В. Гюго. Эти превращенія были однако жъ болѣе мнимыя, нежели дѣйствительныя, болѣе поверхностныя, нежели глубокія. Подъ различіемъ здѣсь скрывается тождество. Легко отъ *Notre-Dame de Paris* перейти къ *Гану Исландскому*, и отъ Гана Исландскаго перейти обратно. Не будетъ лишнимъ обозначить характеристику трехъ первыхъ покушеній, которыми ознаменовался выходъ В. Гюго на романическое поприще, ибо такой трудъ поучителенъ, не менѣе изслѣдованія его лирическихъ произведеній. Если бы авторъ книги *Notre-Dame de Paris* теперь издалъ своего *Гана*, разумѣется, такая книга не приобрѣла-бы успѣха, и не возбудила-бы даже сильнаго противоборства. Этотъ романъ-мелодрама третьяго разряда, и безъ сомнѣнія, давно былъ бы онъ забытъ, безъ любопытства, какое возбуждаетъ въ насъ первое сочиненіе автора, въ послѣдствіи сдѣ-

лавшагося столь славнымъ. Ганъ Исландскій и Спигудри суть безобразныя чудовища, возбуждающія только отвращеніе. Признаемся, что Этель и Орденеръ бросаютъ на разсказъ, впрочемъ самый обыкновенный, самый однообразный, и наполняющій собою девять десятыхъ долей книги, что-то въ родѣ поэтическаго колорита. Если и многого не достаетъ Этели и Орденеру для того, чтобы могли они назваться созданіями новыми и лицами самобытно избрѣтенными, тѣмъ не менѣе эти два лица пробуждаютъ въ читателѣ дѣйствительное участіе, ибо, по крайней мѣрѣ, принадлежатъ они къ семейству человѣческому, между тѣмъ какъ другія лица книги сосредоточиваютъ въ себѣ только всѣ роды безобразія. Если любовь Этели и Орденера приводитъ на память всѣ вздорные романы, какіе читывали мы въ дѣтствѣ, по крайней мѣрѣ эта любовь возможна, и это качество, столь незначительное по наружности, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ книгѣ В. Гюго, ибо весьма рано авторъ нашъ началъ уже почитать свою фантазію выше ума, и, слѣдственно, ставить ее противоположностью ума. Если какой нибудь изъ дѣйствующихъ его созданъ такъ, что можетъ жить общеою жизнью, надобно намъ благодарить поэта за такую снисходительность, и за его уваженіе къ человѣческому типу. Читеніе *Гана* не можетъ быть виною ни какого важнаго вопроса; предметъ его, идея и исполненіе не стоятъ ни похвалъ, ни оужденій, и не смотря на непреоборимое удивленіе къ собственнымъ своимъ твореніямъ, безъ сомнѣнія, В. Гюго согласится, что первый романъ его, во всѣхъ отношеніяхъ, достоинъ занять мѣсто только подлѣ сказки о Рауль Синей Бородѣ. Было-бы несправедливо послѣ сего доказывать ничтожество романа, но должно замѣтить однакожъ, что пристрастіе В. Гюго къ чудовищамъ было изъяснено въ первый разъ въ Ганѣ Исландскомъ.

Въ *Бугъ-Жаргалъ*, это пристрастіе явилось подъ формами не столь безобразными, но съ упорствомъ, доказавшимъ обдуманную систему. Невозможно не сознать близкаго родства между Ганомъ Исландскимъ и карликомъ Габибрагомъ. Сознаемся, что найдется болѣе новости, болѣе самобытности, если угодно, въ особѣ Габибрага, но эта самобытность, сведенная къ самому простому выраженію, есть ничто иное, какъ соединеніе безобразія нравственнаго съ безобразіемъ физическимъ. Если Габибрагъ не столь отвратителенъ, какъ Ганъ Исландскій, то потому только, что у него хитрость преимуществуетъ надъ свирьпостью, что неполному тѣлу его служить особенно живой умъ, особенная ловкость, и что въ злодѣйствѣ его есть ученая сторона, поддерживающая вниманіе. Любовь капитана Овернея и Маріи не новѣ любви Орденера и Этели, но, благодаря богатству ландшадта, гдѣ помѣщена эта любовь, мы принимаемъ за новое изобретеніе то, что уже читали сто разъ. Преданность только и великодушіе Бугъ-Жаргала заслуживаютъ похвалу, какъ орудіе, искусно употребленное для дѣла. Лицо этого невольника величественно, оживленъ, просто. Слогъ романа очевидно выше слога въ Ганъ Исландскомъ, но не забудьте, что сочиненный въ 16 лѣтъ отъ роду, Бугъ-Жургалъ былъ пересмотрѣнъ и передѣланъ болѣею частью черезъ восемь лѣтъ потомъ, когда автору было уже 24 года. Въ этомъ не остается сомнѣнія, послѣ собственнаго сознанія В. Гюго. И такъ, мы имѣемъ право судить Бугъ-Жаргала, не какъ опытъ юности, но какъ твореніе, на досугъ исправленное. Мысль романа, хотя и превосходить мысль, какая была въ Ганъ Исландскомъ, не заслуживаетъ однако жъ большихъ похвалъ. Біассу и плактажистъ креоль суть типы свирьпости и трусливой глупости, весьма дурно очеркнутые. Только слогъ, своею быстротою, изяществомъ, умѣрен-

ностью въ прикрасахъ, придаетъ Бугъ-Жаргалу литературную цѣнность, которой тщетно стали-бы мы искать въ дѣйствующихъ лицахъ.

Послѣдній день осужденнаго (*Le dernier jour d'un condamné*), написанный почти въ одно время съ *Оріенталями*, заключаетъ въ себѣ всѣ несчастныя недостатки и качества этого собранія лирическихъ стихотвореній. Предметъ, взятый съ важной стороны его, казалось, могъ быть предметомъ для психологическаго изученія. Но В. Гюго, отгадывая отчасти условія предмета, нашелъ однако жъ средства говорить объ немъ почти безпрестанно только съ видимой, вѣшной стороны, едва намекая, и то смѣшанно, на сторону внутреннюю, невидимую, то есть, на самую важнѣйшую и единственную, которая могла быть истинно поэтической. Онъ предположилъ себѣ описать нравственныя пытки чловѣка, на смерть осужденнаго, считающаго въ темницѣ своей часы, минуты, секунды, которые остается ему дожить. Задача была такого свойства, что могла испробовать В. Гюго отъ предубѣжденія въ пользу видимаго, вѣшняго міра; можно было надѣяться, что преслѣдуя идею столь плодоносную, онъ забудетъ мало по малу свою любовь къ шуму и цвѣту, откажется отъ благоговѣнія къ словамъ, обратится къ мысли, къ чувству терпѣливымъ ученіемъ, прилежнымъ анализомъ выбранной темы. Не справедливо было-бы сказать, что рассказъ о послѣднемъ днѣ осужденнаго былъ для В. Гюго работою бесполезною, но будемъ исполнѣ правдивы, и скажемъ, что онъ не извлекъ изъ труда своего всего, что могъ извлечь. Только одинъ эпизодъ заслуживаетъ быть похваленъ безъ оговорокъ: это рассказъ о Пепитѣ, но именно этотъ рассказъ принадлежитъ къ сторонѣ, пренебреженной В. Гюго во всемъ остальномъ. Картина любви, столь свѣжей, столь чистой, столь пламенной и цѣломудренной въ одно время, превосход-

но противопоставляется отчаянному состоянію осужденнаго, и мы должны жалеть, что авторъ только одинъ разъ почерпнулъ изъ этого источника чувствованій. Не станемъ отвергать особеннаго искусства и описательнаго обилія, какія В. Гюго показалъ въ своемъ романъ. Очевидно для каждаго пишущаго, что литераторъ, которому одолжены мы этою одноличною повѣстью, владѣть языкомъ съ уврѣнною повелителя, и говорить именно то, что хочетъ сказать, безъ затрудненій, безъ замѣшательства, безъ нерѣшительности. Но если языкъ ему повинуется, за то рѣдко получаетъ онъ приказанія повиноваться мысли. Очерки Бисетра и заковки каторжныхъ, переходъ изъ Бисетра въ Парижъ, между солдатомъ и писаремъ, проповѣдь священника, засѣданіе уголовного суда и одѣванье осужденнаго, принадлежать болѣе мелодрамъ, нежели поэзіи собственно, и неоспоримое дарованіе автора не можетъ закрыть здѣсь простонародимства его картинъ. Книга, безспорно, доказываетъ силу, но задача, выбранная авторомъ, обѣщала намъ поэму, и сбманула насъ. Мы думали присутствовать при мученіяхъ душевныхъ, а у насъ передъ глазами только страданіе тѣлесное.

Лица Гана Исландскаго и Габибрага не появлялись въ «Послѣднемъ днѣ осужденнаго», да, правда, имъ и трудно было найти мѣсто въ этомъ похоронномъ разсказѣ. Но В. Гюго не могъ обойтись безъ чудовища, и онъ изобразилъ свой милый типъ въ лицѣ общественнаго правосудія. Человѣческое правосудіе, такое, какимъ показываетъ его намъ В. Гюго, жадно крови, не менѣе Гана Исландскаго и Габибрага. Судья жестокъ, не менѣе разбойника, или уродливаго карлы. Между этими двумя жестокостями нѣтъ другой разности, кромѣ той, что одна изъ нихъ облечена только въ громкія названія. Но воля ваша, а тутъ мало толку. Мысль В. Гюго столько разъ по-

вторялась потомъ его послѣдователями, что успѣла сдѣлаться пошлостью, и если романъ В. Гюго былъ, какъ утврѣяютъ насъ, доказательствомъ противъ смертной казни — ошибка явная: автору надобно было нападать на уставъ, а чѣмъ тутъ виноваты бѣдные судьи?

Въ романъ *Notre-Dame de Paris*, мы находимъ въ полной зрѣлости литературныя качества, которыя только въ зародышѣ существовали въ трехъ, прежде исчисленныхъ нами сочиненіяхъ В. Гюго. Если хотите быть справедливы, разсматривайте В. Гюго, какъ романиста, только въ романъ *послѣднемъ*, а другіе почитайте дополнительными поясненіями. Романъ *Notre-Dame*, написанный на 29 году жизни автора, можетъ быть принимаемъ, если не послѣднимъ словомъ автора нашего, то, по крайней мѣрѣ, полнымъ выраженіемъ воли, долго испытываемой, и подвергнутой всѣмъ опытамъ мысленія. — Дѣйствующія лица романа принадлежатъ-ли къ семейству чело-вѣческому? Не думаемъ. Литературное дарованіе В. Гюго явилось-ли въ этомъ сочиненіи богаче, разнообразнѣе, нежели въ романахъ предшествовавшихъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Слогъ неоспоримо выше слога «Гана Исландскаго, Бугъ-Жаргала» и «Послѣдняго дня,» но, съ сожалѣніемъ прибавимъ, что слогъ обогатился здѣсь рѣшительно на счетъ мысли. Этель, Орденеръ, Марія, Доверней, Пепита исчезли, исчезли невозвратно, и уступили мѣсто фигурамъ, безспорно, искусно написаннымъ, но бытіе которыхъ, какъ людей, невозможно. Писатель сталъ искуснѣе, но позѣ болѣе и болѣе удаляется отъ истины чело-вѣческой, безъ которой нѣтъ истинной поэзіи.

Гренгуаръ, назначенный по волю автора изображать собою бѣдность поэтическаго быта въ XV вѣкѣ, ничто иное, какъ изуродованная карикатура, не возбуждающая ни смѣха, ни жалости. Въ этомъ лицѣ такая любовь къ униженію, упадокъ чело-вѣка,

столь охотно принятой, такое полное презрѣніе ко всякому достоинству, что сочувствіе наше дѣлается рѣшительно невозможнымъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, увлечь насъ этому подлецу, въ которомъ нѣтъ ни воли, ни уваженія къ самому себѣ, ни силы сражаться съ бѣдностью, ни вѣры во власть превыше власти человѣческой? Такой актеръ, если только такой актеръ, дѣйствительно когданибудь существовалъ, недостоинъ очерка поэтическаго! Это что-то такое повыше дворной собаки, но ниже самаго подлаго раба. Истинно, чѣмъ больше размышляете надъ Гренгуаромъ, тѣмъ меньше понимаете, какъ могъ В. Гюго подумать — олицетворять поэзію въ этомъ ничемъ, который даже и въ шуты не годится!

Фебусъ Шатоперъ, влюбленный въ свои шпоры и въ свою шапку, чувственный эгоистъ, вздорливый шалуунъ, имѣетъ передъ Гренгуаромъ положительныя выгоды. Если онъ не занимаетъ насъ, по крайней мѣрѣ, онъ возмуженъ, а это достоинство которымъ пренебрегать не должно. Однакожь, что станеть дѣлать такое лицо въ романъ? Если праздность можетъ до такой степени унижить способности человѣскія, объ чемъ мы и не будемъ спорить, то для чего выводить на сцену челоука, у котораго остается только имя челоуческое? Пусть Фебусъ походитъ на многихъ гарнизонныхъ героевъ, да мы не вѣривъ, чтобы подобные герои успѣли когданибудь возбудить какоенибудь наше сочувствіе. Мы хорошо видимъ, что Фебусъ Шатоперъ не любитъ Флёръ-де-Ли Гонделарье, но никогда не поймемъ мы, какъ Эсмемальда можетъ любить Фебуса Шатопера, потому что красота, достаточная для возбужденія любви, недостаточна поддержать ея, а съ первыхъ словъ Эсмемальда должна была угадать, что Фебусъ челоуекъ безъ сердца, недостойный ни какой любви.

Клодъ и Жеганъ Фролло, одинъ діаконъ, другой

школьникъ, не столь удалены отъ истины, какъ Гренгуаръ, но оба эти лица, подобно Фебусу, кажется, неспособны возбудить ни какого истиннаго участія. Скажите, что такое Клодъ? Челоуекъ, который одурѣлъ отъ воздержанія, фанатикъ, котораго чувственность доводитъ до безумія, дикій звѣрь, а не челоуекъ, предметъ, достойный изученія медицинскаго, но отвратительный для поэта. Положимъ, что страданія Клода могли быть дѣйствительны, да все-ли то, что можетъ быть дѣйствительно, годится въ поэзію? Если однажды принять въ поэтическую область людей, похожихъ на Клода, то вся святость поэзіи должна погибнуть. Пусть еще Клодъ остается, а въ школьникъ Жеганъ, мы не понимаемъ даже и того, что въ этомъ негодяи можетъ, какънибудь, увлечь какихънибудь читателей. Хитрѣ Гренгуара, онъ такой-же подлець. Его жадность и лѣность, понятныя въ 12-ти-лѣтнемъ мальчишкѣ, гадки въ челоуекѣ, который достигаетъ почти совершеннолѣтія. Собственно-говоря, Жеганъ отраженіе Гренгуара. Шалости его грубы, но не забавны; говорить онъ языкомъ кабаковъ, и неужели все это можетъ усладить когонибудь? Истинно, не постигаемъ даже, что за мысль была у В. Гюго, когда онъ создавалъ своего гадкаго школьника!

Ни слова о *Флёръ-де-Ли Гонделорье*: авторъ обрисовалъ это страдательное лицо съ небрежностью, весьма извинительною. Эта блондушка, молодая дѣвушка, гордая своею красотою, играетъ такую ничтожную роль въ романъ, что весьма естественно было автору едва только очеркнуть ея характеръ; впрочемъ, говоря объ естественности, безъ обвиненій въ жеманствѣ, Флёръ-де-Ли — могла-бы упрекнуть Фебуса за наглую грубость его обхожденія съ нею. Молодая, благородная дѣвушка, воспитанная въ глазахъ матери, не можетъ почестъ знакомъ люб-

ви короткость въ манерахъ, которая годится только съ женщиной, опытной въ любовныхъ шалостяхъ.

Очевидно, что *Эсмеральда* и *Казимодо* суть два главных лица въ романъ. На нихъ хотѣлъ авторъ сосредоточить наше вниманіе и наше участіе, и потому на нихъ особенно должно обратиться изслѣдованіе человеческого достоинства его творенія. Намъ кажется, что эти два лица, сближенные одно съ другимъ, или, лучше сказать, противоположенные одно другому, должны произвести впечатлѣніе, похожее больше на удивленіе, нежели на сочувствіе, и оба они едва ли вынесутъ опытъ разсмотрѣнія подробнаго. Не упрекаемъ автора, что въ *Эсмеральдѣ* его повторяются *Мишона* и *Фенелла*. Что до того! Мы упрекнемъ его въ другомъ, въ томъ, что онъ забылъ придать лицу, взятому имъ у другихъ, естественность, какая дышитъ въ *Вильгельмѣ Мейстерѣ* и *Певериль-Пикъ*. Цыганка *В. Гюго*—это лицо, исполненное свѣжести и прелести, когда является на сцену — почти всегда ничтожно и бездушнo, едва только начинаетъ дѣйствовать и говорить. Только однажды шевелитъ она сердце, въ сценѣ, когда даетъ пить *Казимодо*, но за то, въ безобразныхъ сценахъ съ *Клодомъ*, въ соблазнительныхъ съ *Фебусомъ*, *Эсмеральда* не имѣетъ ни достоинства цѣломудрія, ни увлеченія страсти. Это картинка, а не женщина. Что касается до *Казимодо*, составляющаго сущность всей книги, это превращенный *Ганъ Исландскій* и *Габибрагъ*—превращеніе, сдѣланное съ успѣхомъ, но вѣрное типу, который никогда не теряется изъ вида *В. Гюго*. Это *чудовище*, покоренное вдохновенію добра, но не перестающее быть чудовищемъ. Мы однажды на всегда и никакъ не соглашаемся, чтобы чудовища имѣли право гражданства въ области поэзіи. Любовь *Казимодо* къ *Эсмеральдѣ*, развѣ это любовь человѣческая? Нѣтъ! это привязанность собаки къ ея господину. Между Цы-

ганкою, прелестною, летучею, какъ пчелка, и звонаремъ, который соединяетъ въ себѣ всѣ роды видимаго безобразія, поставить любовь, какъ поставилъ ее *В. Гюго*, не значить-ли это — удивленіемъ думать замѣнить участіе, и противорѣчіе принять высшимъ закономъ въ поэзіи? Подобная теорія не стоитъ опроверженія, ибо она опровергаетъ сама себя.

И такъ, въ романъ *В. Гюго* нѣтъ ни какого существеннаго достоинства? спросятъ насъ. Этого мы не скажемъ. *Исторія Пакеты Шантъ-Флѣри*, хотя разсказанная, можетъ быть, съ излишнею, чопорною простотою, между тѣмъ исполнена чувства, и не принадлежитъ къ тому міру, гдѣ обитаютъ всѣ лица романа. *Безуміе Сашетты* не менѣе страстно. Но прибавить-ли? Намъ кажется, что въ описаніи *Крысей норы*, *В. Гюго* часто переходитъ за предѣлы поэзіи. Попавши на дорогу истинную, онъ безпрестанно сбивается съ неѣ. Мы далеки отъ того, чтобы раздѣлять удивленіе многихъ къ описанію *Подворья чудесъ*, но въ странной этой картинѣ нельзя не признать особенной силы, хотя не вѣримъ мы, чтобы вся эта грязь, гдѣ кишатъ нищіе и мошенники, стоила пріобрѣтенныхъ ею похвалъ, не смотря на искусство разсказчика, хотя мы и признаемъ безспорныя способности *В. Гюго* въ его темныхъ очеркахъ. Жаль, что челобитія противъ судей, начатая въ *Послѣднемъ днѣ*, и здѣсь продолжается. Глава, названная *Безпристрастнымъ взглядомъ на судейство*, ничто иное, какъ надутая, многословная декламация, бесполезная для романа, и отвергаемая здравымъ разсудкомъ.

Что преимуществуетъ въ романъ, что доставило ему успѣхъ, это уборка вишняя. Книга имѣла успѣхъ, не смотря на недостатки непростительные. Отвергать успѣха мы не станемъ, но постараемся объяснить его. Намъ кажется, что ложный вкусъ

поэта нашелъ себѣ сильнаго союзника въ ложномъ вкусѣ читателей. Создавая романъ свой, В. Гюго совѣтовался съ инстинктомъ своего времени, и потому что онъ угождалъ ему, современники расхвалили В. Гюго. Лѣтъ за семь, Франція любила внѣшнюю пустоту, и предпочитала поэзію внѣшнюю внутренней поэзіи души и ума. Безъ сомнѣнія, вкусъ этотъ былъ ложный; его и тогда старались опровергать люди просвѣщенные, но большинство увлекалось имъ, и это большинство рукоплескало роману В. Гюго. Теперь вкусъ публики измѣнился. Большинство, вразумленное спорами, перешло къ малому числу прежнихъ мнѣній; оно требуетъ отъ поэзіи чего-то другаго, кромѣ потѣхи глазъ, и поэтическое достоинство романа В. Гюго подвергается сильному спору.

Не будемъ однакожъ увлекаться такимъ противодействіемъ. Если романъ В. Гюго, дѣйствительно, не превосходная книга, въ высшемъ значеніи сего слова, не позабудемъ блестящихъ качествъ, отличающихъ его, не признаемъ которыхъ было-бы несправедливо. Говоря прямо — камень и драпировка суть главные, едва-ли не единственные актеры этой книги. Но никогда еще камень и драпировка не были выставлены на сцену такъ великолѣпно, такъ роскошно. Никогда языкъ нашъ не доставлялъ для рисовки ихъ такихъ богатыхъ, такихъ разнообразныхъ матеріаловъ. Если камень и драпировка недостаточны для романа, это еще не причина отвергать живописныя достоинства В. Гюго. Но въ самой живописи, не только въ поэзіи, во всѣхъ школахъ первую ролю играетъ человѣкъ; камень и драпировка, для Рафаэля, Павла Веронеза и Рубенса, были только придаточными достоинствами? Безспорно: справедливость требуетъ дополнить, что В. Гюго соединилъ въ себѣ эти придаточныя достоинства творчества, какъ великій художникъ.

Важность, приданная камню и драпировкѣ, неизбежно должна была затмить, если не совсѣмъ изгладить, важность человѣка, и дѣйствительно, въ Notre-Dame de Paris, человѣкъ есть только изваяніе на камнѣ, чучело, для выказыванія драпировки. Очевидно, что авторъ охотнѣе откажется отъ своего діакона и звонаря для собора, нежели отъ собора для діакона и звонаря. Казимодо и Клодь Фролло превосходятъ подъ сводами храма, въ галлерей между двумя башнями, подъ рѣзьбою, ихъ украшающею, и—поэтъ рисуетъ ихъ для пополненія картины. Но не заставляйте его подвигать къ вамъ ближе эти фигуры, названныя имъ человѣческими, ибо приблизивши ихъ къ вамъ, онъ уменьшитъ живописный эффектъ соборнаго зданія; камень и драпировка низойдутъ на принадлежащую имъ степень, и утѣха зрѣнія, единственное, что имѣли въ виду, не будетъ уже тѣмъ, чего хотѣлъ отъ нея авторъ — исключительно и всевластною. Здѣсь, если не ошибаемся, истинное достоинство, и также существенный недостатокъ романа В. Гюго. Въ странномъ, чудовищномъ твореніи этомъ, человѣкъ и камень слиты во едино, образуютъ нечто нераздѣльное. Подъ арками зданія, человѣкъ тутъ то же самое, что плѣсень на стѣнѣ, мохъ на дубѣ. Подъ перомъ В. Гюго оживаетъ камень, и кажется, онъ готовъ повиноваться всѣмъ страстямъ человѣческимъ. Воображеніе, ослѣпленное на нѣсколько мгновений, мечтаетъ видѣть въ этомъ увеличеніи области мыслей человѣческихъ, завоеваніе вещественности идею умственную. Но, вскорѣ, разочарованное, оно замѣчаетъ, что вещественность осталась тамъ, гдѣ она была, а человѣкъ окаменѣлъ. Чудовища, изваянныя на столпахъ зданія, остаются недвижимы, а кровь, текущая въ жилахъ человѣка, застываетъ, дыханіе его остановилось, глазъ не видитъ—человѣкъ сошелъ на степень камня, не возвысивши его до себѣ! Согласны, что про-

известь описанное нами странное обольщеніе, увеличить имъ, хоть на минуту, область умственную, надобно искусство не малое. Мы и не отвергаемъ искусства, но знаемъ, что создаемъ имъ, хоть и мгновенныя обольщенія, пагубны поэзіи; они отвращаютъ насъ отъ наслажденій истинныхъ, наслажденій умственныхъ, и приучаютъ къ забавамъ, похожимъ на мечтанія, производимыя опіумомъ.

И не только поэзія сильно страдаетъ отъ переменъ ролей между камнемъ и человѣкомъ, но и самый языкъ не можетъ ненаказанно выразить сущности такого чудовищнаго перехода. Едва только камень является на сцену, едва человѣкъ становится ниже его, въ языкъ дѣлается точно такое-же превращеніе. Вещественная часть языка, то есть, слова, покоряютъ умственную часть его, то есть, синтаксисъ. Сведенная на чистую описательность, поэзія имѣетъ надобность въ синонимахъ, въ эпитетахъ; ей потребны густыя фразы, гдѣ вѣтви непроницаемы; занятая тысячами подробностей, встрѣчаемыхъ ею на пути, оживленная желаніемъ изобразить все, что замѣчаетъ вокругъ себя, гдѣ возьметъ она времени наблюдать очерки идей, и вѣрно проводить ихъ? Слова являются ей съ нестоимыми сокровищами; они тутъ, какъ послушныя краски для живописца, и только къ нимъ начинаетъ она относиться во всѣхъ случаяхъ; въ нихъ находятъ средства для передачи всѣхъ прихотей свѣта, всѣхъ формъ тѣла, всѣхъ отблнкновъ, всѣхъ лучей, всѣхъ тѣней. Обольщенная послушаніемъ и покорностью словъ, она скоро начинаетъ думать, что языкъ весь заключается въ словахъ, и когда ей потомъ будетъ потребность изобразить идею, чуждую міра вѣшняго, когда ей надобно говорить разумомъ разуму, она замѣчаетъ сама, но уже поздно, что слова, сведенныя на нихъ самихъ, недостаточны для ея мысли. Тогда зоветъ она на помощь синтаксисъ, его пренебреженный, но

сей союзникъ, такъ несправедливо забытый, неидетъ на призывъ, и поэзія, вмѣсто яснаго слова, издаетъ только невнятный лепетъ. Все, что мы выражаемъ здѣсь общими словами, легко повѣрить чтеніемъ романа В. Гюго. Владѣя словами, В. Гюго показалъ намъ многія стороны нашего языка, оставшіяся до него въ тѣни, или нѣкогда блиставшія, и потому забытыя; но онъ пренебрегъ законами, которые управляютъ словами, ибо познаніе и приложеніе сихъ законовъ едва замѣтны въ его живописи камня и драпировки. Поставъ онъ на первомъ планѣ людей, а церковь вдали, волею или неволею, ему привелось-бы призвать на помощь синтаксисъ. Но заключенный въ очеркъ вещественности, онъ долженъ былъ преимущественно заниматься вещественною стороною языка. Вотъ почему, проза въ романѣ В. Гюго блистательна, но далеко неполна.

Драмы В. Гюго суть, по нашему мнѣнію, самыя слабыя изъ всѣхъ его твореній. Если то, что мы говорили объ его лирическихъ сочиненіяхъ и романахъ, понято и заслужило согласіе нашихъ читателей, конечно, никто изъ нихъ не осудитъ насъ за излишнюю строгость. Въ самомъ дѣлѣ, Драма, изъ всѣхъ литературныхъ формъ, требуетъ наиболѣе познанія чловѣка, а мы имѣемъ недостаточныя причины полагать, что В. Гюго никогда его не изучалъ. Невѣримъ, и даже далеки мы отъ увѣренности, будто онъ исполнилъ въ Драмѣ всѣ свои обѣщанія, но если бы даже онъ и исполнилъ ихъ, то мы не можемъ согласиться съ условіями, какія полагаетъ онъ для поэзіи драматической. Предисловіе къ *Кромвелю*, гдѣ, въ 1827 году, изложилъ онъ свою теорію Драмы, ясно доказываетъ, что о поэзіи вообще, и о Драмѣ частно, идеи его весьма неполны и неточны. Онъ утверждаетъ, что повсюду Ода предшествовала Эпосъ, а эпосея Драма. Единственное доказательство въ подкрѣпленіе сей мысли то, что Библія была

прежде Гомера, а Гомеръ прежде Шекспира! Но взглянемъ только на отечество Шекспира, и въ немъ найдемъ опроверженіе теоріи, изложенной В. Гюго. Шекспиръ явился въ Англіи прежде Мильтона, а Мильтонъ прежде Байрона. Первый родился въ 1563 году, второй въ 1608, третій въ 1788 году. Полагаемъ, что В. Гюго не станетъ спорить, ни объ эпическомъ достоинствѣ Мильтона, ни объ лиризмѣ Байроновомъ. Чѣмъ-же послѣ этого дѣлается теорія нашего поэта? Легко было-бы найти въ другихъ литературахъ Европы рядъ доказательствъ, подобныхъ тому, какое представляетъ намъ Англійская литература, и съ исторією въ рукахъ опровергнуть выводы, которые В. Гюго признаетъ всеобщими. Но критикъ странно спорить о томъ, что само собою разрушается, и лучше положить просто, что В. Гюго, желая писать для сцены, хотѣлъ показать превосходство Драмы надъ всеми другими поэтическими формами. Для оправданія себя, для доказательства, что онъ имѣлъ право оставить Оду и Романъ, и приняться за Драму, всего удобнѣе было заспорить, будто Драма заключаетъ въ себя сущность Оды и Эпопеи. За чѣмъ уничтожать пріятную мечту, когда притомъ она и ни чему не вредитъ? Исторія съ этимъ несогласна, но общія идеи В. Гюго вѣдь времени и пространства, и слѣдственно, онъ выше Исторіи. Онъ излагаютъ истины, ускользающія отъ всякой повѣрки, вѣрныя только для нашего автора. Хорошо, прекрасно. Укажемъ на несогласіе Исторіи съ В. Гюго, и пусть они рѣшаютъ между собою споръ, какъ имъ угодно.

Обращаясь къ теоріи Драмы, В. Гюго утверждаетъ, будто Драма должна содержать вполне действительность жизни, и потому, онъ споритъ противъ полноты Греческаго театра, ибо въ немъ не было смѣшнаго. Это смѣшное кажется нашему поэту необходимою стихією для драматической действительности,

сти, и всякое покушеніе ограничить важность смѣшнаго, полагаетъ онъ нарушеніемъ самого главнаго условія Драмы. Былъ въ Греціи поэтъ Аристофанъ, и онъ видѣлъ назначеніе и важность смѣшнаго въ драматической поэзіи, но чтобы то и другое было узвано вполне, понято толпою и поэтами, надобно было много времени. До Шекспира и Рабеле смѣшное существовало только въ зародышѣ, явное доказательство этого состоитъ въ ничтожествѣ твореній Аристофана. В. Гюго не говоритъ ни объ одномъ изъ нихъ отдѣльно, но кто-же не знаетъ, что *Облака* и *Шмели* суть опыты самой робкой сатиры? Даже школьникъ скажетъ вамъ, хоть немного знакомый съ Греческою литературою, что «Пантагрисъль» и «Виндзорскія кумушки» превосходятъ смѣлостью «Облака» и «Шмелей». Если кто нибудь осмѣлится утверждать противное, скажетъ, что Аристофанъ столько-же смѣль, какъ Рабеле и Шекспиръ, что онъ простиралъ насмѣшку такъ-же далеко, какъ сатира и комедія новѣйшая, у В. Гюго, мы не сомнѣваемся, отвѣтъ готовъ: онъ скажетъ, что его теорія смѣшнаго, такъ-же, какъ его всеобщая теорія поэзіи, выше историческихъ фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если исторія судитъ по Аристофану, по Гомеру, то вѣдь все это частности, а теоріи В. Гюго всеобщы, и не могутъ быть инаковы. Хоть онъ всегда сговаривается, что его предисловія совсѣмъ не щиты для его твореній, но мы осмѣливаемся думать, что его драматическая теорія выкована была для защиты его «Кромвеля», и потому спорить не шутя—мы отказываемся. Такъ онъ видитъ въ Греческой трагедіи только раздробленіе Гомерова эпоса, смѣшная титановъ Эхила, людей Сафока, и говорунновъ Эврипида. Назвавши «Облака» и «Шмелей» твореніями ничтожными, почему не поставить на одну линію *Прометей*, *Эдипа Царя*, *Ипполита*? Въ настоящемъ литературномъ спорѣ, такіа обмолвки

требовали-бы опроверженія, но не должно забывать, что В. Гюго, писавши свое предисловіе къ «Кромвелю», хотѣлъ доказать только одно: поэзія драматическая есть первая изъ всѣхъ поэзій, и до Шекспира она не существовала. Стараясь достигнуть такого вывода, нельзя было не противорѣчить исторіи, но за то выводъ сдѣлался удивительно вѣренъ.

Когда мы смели, какъ бесполезную и ненужную пыль, древнюю трагедію и комедію, оставалось намъ утвердить тожество драмы и дѣйствительности. Тут дѣло оказывалось гораздо затруднительнѣе. Но В. Гюго удалилъ трудности, утвердивъ прежде всего, что сказанное имъ находится уже въ общихъ законахъ поэзій и смѣшнаго. Если много времени надобно было для развитія смѣшнаго и драматической поэзій, если смѣшное есть принадлежность всякой дѣйствительности, если Драма, жемаля пребыть вѣрною своему происхожденію, должна сообразоваться съ дѣйствительностью, следовательно, смѣшное должно находиться въ Драмѣ. Весь этотъ силлогизмъ нельзя назвать не погрѣшительнымъ, и, можетъ быть, онъ распался-бы отъ первыхъ ударовъ разсмотрѣнія, сколько нибудь строгаго. Если мы удовольствовались сказавши только, что историческія доказательства В. Гюго ложны, то о теоретическихъ выводахъ его вове и ни сколько не хотимъ мы спорить. Несомнительно, что Драма, отъ начала ея до нашихъ временъ, чрезвычайно измѣнилась, какъ и всѣ другіе роды поэзій, но между этими измѣненіями и дѣйствительностью жизни, какъ высшею цѣлью Драмъ, остается еще бездна, которую можно закрыть развѣ только предисловіемъ къ «Кромвелю.» Признаемся, что, по нашему мнѣнію, объединять Драмъ и дѣйствительность, значить оспаривать основные законы всякой поэзій.

Впрочемъ, раздѣленіе дѣйствительности отъ искусства было уже такъ часто предметомъ споровъ, что

смѣшно было-бы даже настоять на этой истинѣ, издавна сдѣлавшейся очевидною. И для чего это? Мы поступимъ совсѣмъ иначе. В. Гюго думаетъ, что тожество Драмъ будетъ то, когда она дополнитъ Исторію, возстановитъ ея потерянные части. Пусть ни историки, ни поэты съ этимъ не соглашаются, но теорія драмы, тождественной съ дѣйствительностью, послужитъ намъ къ сужденію о практикѣ сего вывода въ Драмахъ В. Гюго. Если драмы его окажутся дѣйствительны въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, если онѣ выполнять всѣ обѣщанія предисловія къ «Кромвелю,» онѣ будутъ еще далеки отъ настоящей поэзій, но, по крайней мѣрѣ, будутъ онѣ оправданіемъ теоріи поэта, будутъ вѣрны его выводу. — По несчастію, ничего изъ легче, какъ доказать противное, разрушить теорію нашего поэта его практикою, а практику его уничтожить его теорією.

Что можемъ мы сказать о *Кромвелѣ*, равно прилагается къ тремъ первымъ драмамъ, которыя передавъ сценѣ В. Гюго. Потому, намъ приличнѣе кажется поговорить сперва о *Маріонъ де-Лормъ*, *Герцани* и *Король забавляется*. По нашему мнѣнію, изъ всѣхъ драмъ В. Гюго, *Маріона* есть единственная, гдѣ заключаются некоторыя стихіи драматической поэзій. *Маріона* и *Дидье*, занимающіе первый планъ драмы, выражаютъ мысли свои подъ формою, исключительно лирическою, но самая сущность ихъ мыслей и ихъ характеровъ могла быть способна къ драматическому развитію. *Лудовикъ XIII* и *Маркизь Нанжи* заслуживаютъ одинаковую похвалу и одинаковое осужденіе. Они говорятъ лирическими куплетами, они не живутъ, но — могли-бы жить. Что касается до исторической дѣйствительности этихъ лицъ, то объ ней и спорить нечего. Въ первой половинѣ XVII вѣка характеръ *Дидье* не существовалъ и не могъ существовать. Вообразить себѣ возможность та-

кого характера можно послѣ того только, когда лирическая поэзія произвела уже Вергера и Рене, Лару и Чайльдъ-Гарольда, и Уландъ и Ламартинъ достигли послѣднихъ предѣловъ мечтательности. Мариона не верна не только исторіи, но и типу своему. Она до того забыла свои первыя преступленія, что мы не можемъ почестъ ея несчастною. Если-бы пожелать представить это лицо человѣчески, если уже не-исторически дѣйствительнымъ, то надлежало-бы заставить зрителя присутствовать при первомъ развитіи любви Марионы къ Дидье, такъ, чтобы видѣть оныя, какъ страсть смывается съ ея преступнаго сердца всѣ пятна порока, и очищаетъ, освѣжаетъ душу этой развратной женщины. Феодалная гордость Маркиза Нанжи, не противорѣча прямо исторіи, между тѣмъ противорѣчитъ полной дѣйствительности. Правда, что Французская аристократія гордо еще подымала голову въ первые годы царствованія Лудовика XIII, но она противилась Ришелье оружіемъ, а когда приходила просить у него милости, то уже не являлась къ нему съ княжескою стражею. Лудовикъ XIII былъ невольникъ Кардинала; если иногда и приходило ему на мысль сбросить съ себя иго, это желаніе не возвышалось у него до проявленія воли, но какъ слабъ оныи былъ, пошлымъ простякомъ никогда однакожь оныи не являлся, и всегда отплачивалъ насмѣшкой между своими любимцами гордому повелителю Франціи и ея Короля, не смѣя только самъ принять на себя правленія государства, но сохраняя всѣ формы королевскія. Слѣдственно, историческій Лудовикъ XIII не похожъ на созданнаго В. Гюго.

Въ *Германи* находимъ мы опять всѣ лица, всѣ положенія, и охотно сказали-бы мы, всѣ лирическіе куплеты Марионы де-Лормъ. Дидье сдѣлался Германи, Марія Доною Соль, Маркизь Нанжи превратился въ Донъ Рун де Сильва; что касается до Донъ

Карлоса, который во второй половинѣ піесы имѣется уже Карломъ V, да позволено будетъ намъ видѣть въ немъ соединеніе Саверни и Лаффема. Когда оныи ищеть приключеній—это Саверни; когда переходитъ къ жестокости—это Лаффема, и только въ сценахъ великодушія, не продолжая собою ни того, ни другаго, оныи становится выше обонхъ своихъ предшественниковъ. Такъ, но если бы В. Гюго, вѣрный теоріи своего предисловія къ *Кромвелю*, дѣйствительно предполагалъ себя въ Марионѣ и Германи дополнять историческую дѣйствительность, возстановлять потерянные части исторіи, словомъ, воскрешать прошедшее, то конечно, не написалъ-бы оныи два раза одинаковой піесы, съ измѣненіями едва замѣтными. Отъ мѣстности Лудовика XIII до мѣстности Карла V такъ далеко, что изъ Марионы передѣлать Германи можно было только съ совершеннымъ забвеніемъ исторической дѣйствительности Лудовика и Карла, а это именно и сдѣлалъ В. Гюго. Предложивъ драматическимъ поэтамъ дѣйствительность, какъ высшую цѣль Драмы, во имя дѣйствительности уничтоживъ прежнюю трагедію и комедію, съ одинаковымъ презрѣніемъ перемѣшалъ оныи дѣйствительность Испаніи XVI и Франціи XVII вѣка. Выходитъ, что и самъ В. Гюго считаетъ свои теоріи за шутку—не болѣе. Изучаемыя отдѣльно, различные части Германи выше частей Марионы, въ отношеніи слога и стиховъ. Но на сценѣ Германи возбуждаетъ менѣе интереса, нежели Мариона. Лица и положенія ихъ разительно сходны между собою, но въ Германи Ода выставилась свободнѣе, и человѣкъ почти совершенно изчезъ въ хвостовствѣ поэта.

И въ драмѣ: *Король забавляется*, Ода, какъ въ Германи и Марионѣ, замѣняетъ дѣйствительность историческую и дѣйствительность человѣческую. Но въ сей піесѣ начинается уже пробиваться идея, долженствовавшая въ послѣдствіи увлечь В. Гюго столь

же далеко отъ поэзіи, какъ и отъ исторіи. Эта идея состоитъ въ томъ, чтобы *антитезу* принять за основную точку драматическаго движенія. Дѣйствительно, въ пьесъ: *Король забавляется*, не говорится уже, ни о живописи двора Франциска I, ни о картинахъ религіозныхъ волненій, раздиравшихъ Францію XVI вѣка. Единственная цѣль поэта — показать развратъ въ величій и величіе души подъ дурацкимъ калпакомъ. На этихъ двухъ антитезахъ вертится вся пьеса, и чтобы представить ихъ на сценѣ, В. Гюго не боится уродовать исторію, какъ уродовалъ онъ ее въ *Маріонъ* и *Гернани*, стараясь замѣнить драму одою. Если при новомъ своемъ покушеніи, какъ при двухъ первыхъ, онъ не распозналъ основныхъ условій всякой драматической поэзіи — развитія характеровъ подъ формою вѣроподобнаго дѣйствія, то надобно прибавить, что въ куплетахъ, какіе говоритъ Трибюле, стихосложение весьма богато. Но внѣшнее искусство не могло изгладить главнаго недостатка пьесы — произвольнаго нарушенія дѣйствительности, исторической и человеческой. Лица этой драмы не живутъ и не могутъ жить.

Лукреція Борджиа, *Марія Тудоръ*, *Анджело*, называютъ въ драматическомъ поприщѣ В. Гюго болѣе и болѣе увеличивающееся презрѣніе къ исторіи и къ самой поэзіи. И пятнадцатилѣтній школьникъ укажетъ вамъ, вольныя или невольныя, ошибки, какими исполнены всѣ три, упомянутыя нами сочиненія, а потому и не станемъ мы ихъ вычислять, но въ этихъ пьесахъ, гдѣ третьи акты хуже вторыхъ, а вторые хуже первыхъ, мы укажемъ на погрѣшность, важную болѣе незнація исторіи — совершенное незнаніе, или презрѣніе человеческой природы, антитезу, постоянно поставляемую вмѣсто развитія характеровъ. Материнская любовь въ развратной женщинѣ, искатель приключеній между королевскимъ альковомъ и сѣкирою палача, цѣломудренная, идеальная

любовь въ сердцѣ торговли своими прелестями — вотъ антитезы, которыя В. Гюго беретъ себѣ теками драмы, и развиваетъ съ пособіемъ кинжала и яда, декоратера и машиниста. Всѣ эти созданія не принадлежатъ, ни исторіи, ни человечеству, и невѣроятность характеровъ не выкупается въ нихъ лирическимъ порывомъ, какой виднѣ былъ въ *Маріонъ*, *Гернани*, *Трибюле*. Однажды попавши на такую покатистую дорогу, гдѣ остановится В. Гюго?

Упавши отъ оды къ антитезѣ, отъ антитезы къ декорациямъ, согласится-ли В. Гюго возобновить въ себѣ истинны поэзіи? Найдеть ли онъ средства приложить свое словесное богатство къ твореніямъ прочнымъ, памятникамъ истинно прекраснымъ, возбуждающимъ въ зрителѣ нѣчто болѣе удивленія, — сочувствіе толпы и одобреніе людей просвѣщенныхъ? Онъ обладаетъ великими средствами: въ теченіе 20 лѣтъ, множествомъ твореній, хотя и несовершенныхъ, онъ доказалъ всю обширность, всю ловкость своего искусства. Наступило теперь время употребить ему свои превосходныя орудія иначе, нежели какъ онъ употреблялъ ихъ досель. Его оды, романы, драмы состоятъ изъ словъ, безъ участія ума и сердца. Эта истина, для насъ очевидная, мы увѣрены, скоро сдѣлается болѣе общою, и то, что говоримъ теперь мы, скажутъ всѣ, даже и ученики В. Гюго. Недалеко это время, и черезъ годъ какой-нибудь, можетъ быть, критикъ не будетъ уже надобности доказывать такой правды, съ которою всѣ будутъ согласны. Самые жаркіе, самые вѣрные обожатели нашего поэта убѣдятся, что не въ однихъ только изворотахъ слова заключается поэзія, и остатокъ своего начальника, если онъ по прежнему останется исключительнымъ поклонникомъ словъ. Но въ 37 лѣтъ еще не позволено отказываться отъ обновленія себя. Превращеніе, о которомъ советуемъ мы подумать В. Гюго, которое необходимо

для него, это превращеніе такого притомъ свойства, что В. Гюго стоитъ только захотеть, и онъ совершить его. Полный властитель слова, онъ говоритъ все, что захочетъ. Чего-же недостаетъ ему? Идей для словъ. Для достиженія къ истинному красно-рѣчию, для построенія вновь своей колеблющейся славы на прочномъ основаніи, надобно ему рѣшиться жить въ обществѣ книгъ и людей. Жизнь-собственно, практика человѣческихъ страстей, анализъ корыстей, движущихъ невѣжественную толпу, надеждъ, укрѣпляющихъ умы просвѣщенные — вотъ гдѣ должны быть его первые уроки. Въ стихосложеніи для него нѣтъ болѣе тайнъ, но сердце человѣческое полно тайнами, которыхъ онъ не знаетъ вовсе. Если у него достанетъ смѣлости углубиться въ задачи души человѣческой, даже и не подозрѣваемые имъ, если онъ рѣшится посвятить себя изученію человека, въ которомъ завизывается и развязывается столько драмъ, невѣдмыхъ и ужасныхъ, мы не сомнѣваемся, что быстро достигнетъ онъ до своего перерожденія, и вновь привлечетъ къ себѣ измѣнчивое удивленіе современниковъ. Когда будетъ онъ жить общєю жизнью, когда вмѣшается онъ въ движенія, увлекающія общество, въ борьбу между семействами и народами, онъ появится въ лирической поэзіи, романъ и драмъ съ новыми силами, и мы не станемъ упрекать его за его несбыточные мечты и уродливыя странности.

Но практики общей жизни недостаточно для возобновленія, какого мы ожидаемъ отъ В. Гюго. Этого перваго опыта достанетъ ему преобразовать развѣ только свое лирическое дарованіе. Если авторъ *Notre-Dame de Paris* и *Гернани* рѣшится опять представить на сценѣ лица, игравшія роль въ прошедшемъ, ему надобно изучать прошедшее. Ученики В. Гюго много кричали объ историческихъ познаніяхъ своего учителя, но если не вѣрить тому, что онъ

по доброй волѣ забываетъ все, что знаетъ, едва только примется за перо, то мы принуждены думать, что знаетъ онъ весьма многое, ибо каждый разъ, когда дѣло коснется до исторіи, онъ обнаруживаетъ, или величайшее къ ней презрѣніе, или совершенное незнаніе. Намъ нѣтъ надобности разгадывать, вовсе ли не знаетъ нашъ авторъ исторической дѣйствительности, или пренебрегаетъ ею, и критикъ мало нужды слѣдовать за причиною очевиднаго результата. Мы скажемъ лучше, что и пренебреженіе, и незнаніе не суть доказательства вѣрнаго вкуса. Каждый разъ, когда поэтъ вводитъ въ романъ, или въ драму историческое лицо, его обязанность узнать это лицо. Онъ можетъ преобразовать его, сообразно съ законами искусства, но ему не позволено уродовать истину. А драмы В. Гюго не противоречатъ ли всѣ рѣшительно историческимъ даннымъ? *Notre-Dame de Paris* кажется чѣмъ-то наиболее сообразнымъ съ историческою правдою: это потому, что камень и драпировку гораздо легче изучить, нежели человека, жизнь его, дѣла, характеръ. Изученіе прошедшаго теперь вездѣ въ такомъ почетѣ, что свѣдѣнія, приписываемыя В. Гюго его учениками, найдутъ судей строгихъ. Если авторъ *Гернани* хочетъ заимствовать изъ исторіи имена для своихъ романовъ и драмъ, надобно, чтобы онъ требовалъ отъ нея чего нибудь побольше, кромѣ безполезнаго и обманчиваго названія — искалъ человека, людей, которые скрыты подъ взятыми изъ исторіи именами. На этомъ только условіи позволимъ мы ему переводить исторію на сцену. Пусть не льститъ онъ надеждою еще обманывать легковѣріе людей праздныхъ и лживыхъ, ибо и самые невѣжды знаютъ теперь, что Лукреція Борджилъ, Марія Тудоръ, Карль V-й, Францискъ I-й, Лудовикъ XIII й и Ришельё совсѣмъ не играли въ исторіи тѣхъ странныхъ ролей, какія на сценѣ заставляютъ ихъ играть В. Гюго. Всѣ видятъ

теперь, что авторъ столькохъ романовъ и драмъ почитаетъ себя увлеченнымъ отъ изученія истины всемогуществомъ своего гения, но никто не вѣрять въ его странное тщеславіе и самоувѣреніе. Нѣтъ возможности ничего знать не учась, и если В. Гюго все хочетъ замѣнить собою, онъ скоро увидитъ свое полное отчужденіе отъ всего.

Повторимъ: узнать общую жизнь, изучить исторію — вотъ два испытанія, на которыя надобно рѣшиться В. Гюго, когда онъ за-живо не хочетъ видѣть умершею своей поэтической славы. Прирожденный то къ изслѣдованію человека, то къ познанію прошедшаго, умъ его, требующій только оплодотворенія, вскорѣ проявитъ богатую жатву. Одна исторія будетъ для поэта и романиста изученіемъ неполнымъ, но изъясненная ежедневною жизнью, но освѣщенная всеобщимъ изученіемъ человѣчества, она представитъ В. Гюго неистощимый источникъ созданій. Пора ему подумать, почувствовать лучше насть, что обновленіе для него необходимо. Что иное значать его грозные клики противъ критики, если свести ихъ къ самому простому значенію? Если бы онъ былъ увѣренъ въ правотѣ своей, не сомнѣвался въ себѣ самомъ, онъ не увлекся-бы порывами неосторожнаго гнѣва. Если бы онъ былъ истинно проникнуть несправедливостью нападеній на него, то предоставилъ бы времени и правотѣ своей открыть истину, и отмстить за себя. Гнѣвъ его есть сознаніе. Вотъ ужъ двадцать лѣтъ бьется онъ за славу, за народность своего имени. Кажалось, онъ достигалъ уже своей цѣли, но теперь не видить-ли онъ, что ошибся? Онъ почелъ поэзію какою-то мечту, долго преслѣдовалъ ее, и не успѣлъ догнать. Надобно приняться за работу снова, пуститься въ новый путь. Браничивость его на тѣхъ, кто говоритъ ему правду, не имѣетъ ничего удивительнаго — это вопль скорби, крикъ негодованія. Но то и другое богаты уроками,

и мы увѣрены, что В. Гюго, хладнокровно отдавая себѣ отчетъ, увѣрится въ словахъ нашихъ. Люди, которыхъ обвиняетъ онъ въ злости, скоро будутъ искренними его друзьями, безжалостными только его ошибкамъ. Тѣхъ, кого теперь проклинаетъ, забудетъ онъ благословлять. Онъ извѣдалъ славу въ такіе годы, когда первоклассные поэты едва осмѣливались на робкіе опыты. Забыть эту славу, безспорно, тяжелое дѣло. Но кто въ 36 лѣтъ отчаялся въ себѣ, тотъ недостоинъ истинной славы. Творенія, какими В. Гюго означитъ вторую половину своей жизни, утѣшатъ его за тяжелое пожертвованіе. Пусть онъ откажется отъ прежняго какъ отъ ошибки юности, пусть возвеличитъ себя въ новомъ перерожденіи. Это нашъ обѣтъ, наша надежда. Мы забудемъ прошедшее, и будемъ рукоплескать новымъ торжествамъ нашего поэта.

Н. ПОЛЕВОЙ.

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-й ГОДЪ.

(15 Апрѣля 1838 г.)

Если мы жаловались на безплодіе Русской литературы за *Февраль*, то совсѣмъ не пожалуемся на нашу *Мартовскую* литературу. Да, и нельзя иначе. Мартъ издревле славился на Руси своими благодѣями. Нѣкогда мы начинали даже Новый годъ съ Марта. Вспомните, что если въ это время у насъ *нѣтъ еще весны*, то мы все таки *считаемъ Мартъ началомъ весны*. А не все-ли это равно? Говоря, что въ Мартъ у насъ весна, мы точно такіе же богачи, какъ скупой, у котораго лежатъ тысячи подъ замкомъ. А *Мартовскій снѣгъ* — если хотите, маленькое противорѣчіе нашей веснѣ — *Мартовскій снѣгъ*, неужели вы позабыли этотъ драгоценный запасъ для туалета нашихъ прабабушекъ? Онъ славился болѣе всякой воды грацій, одезальповъ, одетальони нынѣшнихъ, и издревле придавалъ свѣжесть, блескъ, красоту краснымъ Русскимъ дѣвушкамъ. Въ это-же время добрые хозяева запасались *Мартовскимъ пивомъ*, квасомъ, медомъ, и заколачивали въ глубокіе ледники своихъ дѣдовскихъ хоромъ запасы усладительныхъ, прохладительныхъ напитковъ на лѣтніе жары. Свѣтлый праздникъ, красная

горка, качели, начало хороводовъ — все это бывало въ самомъ Мартѣ, или такъ близко подлѣ него, что отъ Марта у насъ изстари вѣяло и весною и радостью. Какъ-же Русской литературѣ измѣнить старинному обычаю? И она не измѣнила, добрая Русская литература! Къ празднику подарила она насъ многими *обновками*, которымъ можно порадоваться, которыя можно назвать *праздничными*. Оставя шутки, въ самомъ дѣлѣ, въ Мартѣ и въ началѣ Апрѣля вышло много книгъ важныхъ, любопытныхъ и замѣчательныхъ, по разнымъ отношеніямъ.

Первое мѣсто изъ нихъ, безспорно, принадлежитъ *Путешествію въ Святую Землю*, г-на Норова. Мы представимъ объ этой книгѣ подробный отчетъ. Увлечательность предмета, исполненіе, и даже великольное изданіе книги, съ картами и картинками, должны обратить на нее особенное вниманіе наше. Авторъ совершилъ странствованіе чрезвычайно любопытное: черезъ Визу и Триестъ прибылъ онъ въ Египетъ, проѣхалъ до предѣловъ Нубіи, перебрался черезъ Суецъ и Сирію, посѣтилъ Иерусалимъ, осмотрѣлъ въ разныхъ направленіяхъ Палестину, по берегамъ Малой Азіи достигъ Царяграда, и черезъ Сербію, Венгрію и Галицію, воротился въ Россію. Теперь напечатана имъ только часть его путешествія, собственно относящаяся къ описанію Святой Земли, и показывающая обширныя свѣдѣнія автора въ изученіи описываемой имъ страны, и превосходное умѣнье рассказывать о видѣнномъ.

Другой Русскій паломникъ, путешествіе котораго уже столь извѣстно всѣмъ Русскимъ читателямъ, А. Н. Муравьевъ подарилъ насъ небольшимъ, но драгоценнымъ сочиненіемъ: *Воспоминанія о посѣщеніи Святыхъ Московской Государемъ Наслѣдникомъ*. Имѣвши неоцѣнимое счастье сопровождать Государя Цесаревича при обозрѣніи древнихъ храмовъ и обителей, въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, могъ-ли нашъ

пламенный поэт не подѣлиться съ соотечественниками восторгомъ, какой возбуждали въ душѣ его благочестіе Великаго Постытителя, великое зрѣлище юнаго Царевича среди остатковъ святой древности Московской, и благоговѣніе, съ какимъ всюду встрѣчала и приветствовала его любовь народа Русскаго? Со всѣмъ этимъ, авторъ умѣлъ соединить любопытныя описанія главнѣйшихъ достопамятностей виднаго имъ. Мы не распространяемся о книгѣ г-на Муравьева, потому, что также намѣрены говорить объ ней подробнѣе. Если бы она не заключала даже въ себѣ историческихъ, новыхъ и любопытныхъ, свѣдѣній, если бы не была внушена краснорѣчивымъ голосомъ сердца, то все она осталась бы драгоценною для каждаго изъ насъ, за то пламенное, увлекающее чувство любви къ Царю и Его Августѣйшему Дому, которое дышитъ въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ автора, а чувству этому всегда найдется отзывъ въ сердцѣ каждаго, кому дороги слава и счастье отечества.

Такимъ высокимъ чувствомъ ознаменовано небольшое сочиненіе — *рѣчь*, которая была приготовлена для произнесенія при торжественномъ открытіи С. Петербургскаго Университета, профессоромъ А. В. Никитенко (*Похвальное слово Петру Великому*). Какой предметъ могъ быть ближе и драгоценнѣе памяти Великаго, при перенесеніи Университета въ зданіе, имъ воздвигнутое? Но авторъ соединилъ съ словомъ своимъ о Петрѣ идею обширную, глубокую, и, если не ошибаемся, въ первый еще разъ эта идея сказана во всеуслышаніе. Всѣ называли Петра Великимъ: сколько было однако жъ такихъ, которые тѣмъ не менѣе осуждали дѣла его въ нѣкоторомъ отношеніи, находя несообразность многого изъ нихъ, и приписывая имъ, и именно имъ, тѣ немногія вредныя послѣдствія, какимъ необходимо сопровождается на землѣ всякое благо. Г-нъ Ни-

китенко беретъ основною мыслью: «Петръ долженъ былъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, и отнюдь не иначе, какъ онъ дѣйствовалъ.» Для рѣшенія столь великой задачи, авторъ разсматриваетъ Петра какъ явленіе въковое и міровое, и здѣсь-то открывается философически *необходимость историческая*. Краснорѣчивое изложеніе соединено у почтеннаго автора съ его величественною идеею, а отъ основной мысли сочиненіе его получаетъ до—стоинство не только ораторскаго, но и философскаго произведенія. Исторія должна раскрыть и доказать вполнѣ тѣ великія истины, которыя авторъ долженъ былъ намѣкнуть налету, но заслуга автора останется навсегда при немъ неотъемлемою.

А гдѣ Исторія Петра Великаго? Смертью Пушкина, мы лишены надежды скоро имѣть Исторію нашего безсмертнаго Петра, достойную его великаго имени. За такую исторію ручалось намъ славное имя автора, усердіе, съ какимъ спѣшилъ онъ исполнить волю Великаго Потомка Петра, желавшаго видѣть написанную Пушкинымъ Исторію его правды, и начало труда, которому Пушкинъ предался съ поэтической ревностью. Здѣсь однако жъ должно намъ упомянуть о новомъ трудѣ П. П. Свиньина, котораго ждемъ мы съ большимъ нетерпѣніемъ. Этому почтенному литератору, всю жизнь свою посвятившему изученію отечества и познанію его исторіи и достопамятностей, должно было ознаменовать себя наконецъ трудомъ достойнымъ — онъ избралъ предметомъ такого труда Исторію Петра Великаго, и почти уже кончилъ свое обширное сочиненіе, посвятивъ ему нѣсколько лѣтъ постояннаго сельскаго досуга. Почтенный авторъ вскорѣ намѣренъ приступить къ печатанію. Слышавъ чтеніе нѣсколькихъ отрывковъ, и бесѣдуя съ П. П. Свиньинимъ объ его исторіи, мы полагаемъ, что его сочиненіе особенно отличится критикою фактовъ, и оби-

лиемъ иностранныхъ источниковъ, которые авторъ старался и успѣлъ собрать. Впрочемъ, отнюдь не смѣемъ мы предупреждать поспѣшнымъ сужденіемъ такого труда, который носить на себѣ печать благороднаго порыва къ чести и славы отечества, и былъ совершенъ безкорыстно и съ ученою добросовѣстностью. Напротивъ, мы ожидаемъ отъ сочиненія г-на Свиньина весьма многого, но какъ однако жъ не пожалѣть о Пушкинѣ! — Говоря объ Исторіи Петра Великаго, какъ не сказать благодарнаго слова и за предпріятіе, которое усердно продолжаетъ въ Москвѣ К. А. Полевой, издавая вновь известное сочиненіе Голикова: *Дѣянія и Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго*? Теперь вышелъ 4-й томъ новаго изданія, гдѣ помѣщены Дѣянія и Дополненія, въѣсть, по 1712 годъ. Что ни сдѣлаемъ мы потомъ для Исторіи нашего безсмертнаго Петра, но трудъ Голикова навсегда останется драгоценнымъ и незабвеннымъ, какъ собраніе матеріаловъ и потому новый издатель, передавая въ опрятномъ и дешовомъ изданіи книгу Голикова, сдѣлавшуюся весьма рѣдкою и дорогою, оказываетъ по нашему мнѣнію, услугу литературѣ отечественной.

Въ краткой, или учебной, *Русской Исторіи*, Н. Г. Устрялова, которой вышелъ теперь 3-й томъ, повѣствованіе идетъ также о Петрѣ. Авторъ оканчиваетъ третью часть своей Исторіи вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II, но большую часть книги его занимаетъ Петръ. Да и нельзя иначе. Отдадимъ справедливость, что г-нъ Устряловъ, сколько сжатый очеркъ книги его позволялъ ему, умѣлъ означить и отъѣнить главные черты жизни и дѣлъ Великаго. Особенно любопытны изображенія Россіи до Петра и послѣ Петра.

Переходимъ къ явленію нашей исторической литературы, болѣе обширному: вышли 3 и 4 части *Rossii*, сочиненія Ѳ. В. Булгарина. Въ этихъ ча-

стяхъ авторъ выбрался уже изъ мрака *Славяницыны*, начинаетъ третью часть Руссами, и въ четвертой доводитъ Русскую Исторію до кончины Ярослава. Довольно для вразумленія нашего въ его систему, взглядъ, изложеніе подробностей, и — признаемся, читая книгу почтеннаго Ѳ. В., мы чувствуемъ весьма сильную охоту поспорить съ нимъ обо многомъ, и весьма во многомъ, и тѣмъ болѣе, что не отказываясь отъ критики, напротивъ, почтенный авторъ довольно рѣзко противорѣчитъ своимъ предшественникамъ, и, какъ намъ кажется — не всегда справедливо. Собственно, книга г-на Булгарина не есть прагматическая, либо повѣствовательная исторія. Это картина, очерки исторіи, гдѣ критика поясняетъ сущность событій, не входя въ подробности, что можно видѣть и изъ объема книги: она заключится въ 12-ти небольшихъ книжкахъ, изъ которыхъ исторіи посвятится *шесть*. По самому объему, это *очеркъ* только, не болѣе. Но мы удержимъ наше критическое нетерпѣніе, и повременимъ нашимъ подробнымъ отчетомъ о книгѣ Ѳ. В. Булгарина до полнаго ея окончанія. Между тѣмъ нельзя не замѣтить... Извините, любезнѣйшій Ѳ. В., если мы скажемъ, что приложенная вами къ 3-й части карта Руси X-го и XI-го вѣка, просто — ужасна! Она такъ некрасива, и такъ испещрена грамматическими ошибками вашего литографа, что мы советовали-бы вамъ, при слѣдующемъ томѣ, уничтожить ее, и замѣнить другою, болѣе опрятною.

Вотъ еще любопытная брошюрка для Русской Исторіи: *Указатель трактатовъ и сношеній Россіи, съ 1462-го по 1826 годъ*, сочиненіе г-на Доброклонскаго. Это весьма дѣльно составленный реестръ трактатовъ и государственныхъ договоровъ, заключенныхъ съ XV-го вѣка, съ того времени, какъ Россія вступила на высокую чреду политическихъ обществъ въ ряду другихъ государствъ Европы. Ав-

торъ обозначаетъ кратко содержаніе каждаго акта, и указываетъ, гдѣ онъ помѣщенъ вполнѣ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемся мы здѣсь къ новому труду И. П. Сахарова. Онъ ждалъ, ждалъ, что сдѣлаютъ другіе, и принялся наконецъ самъ за дѣло, видя, что отъ другихъ не скоро дождешься. Говоримъ объ изданной имъ первой книжкѣ *Пѣснь Русскаго народа*. Въ началѣ издатель критически обозрѣваетъ всѣ собранія Русскихъ народныхъ пѣсень, и все, что сдѣлано было донинѣ для Русскаго пѣснопѣнія. Статья эта весьма любопытна, и показываетъ библіографическія и археографическія знанія его, столь извѣстныя уже по другимъ его трудамъ. Выходитъ по разсмотрѣнію, что сдѣлано было донинѣ для нашей родной пѣсни весьма немного, а главное, что и это немного дѣлано было своеволью и дурно. Отъ г-на Сахарова узнаемъ мы, что напрасно Новикову приписывается честь *перваго собранія* простонародныхъ и старинныхъ пѣсень: Чулковъ, неумолимый Чулковъ, предупредилъ его, и первый собралъ и издалъ пѣсни въ 1770 году. Но его пѣсенникъ сдѣлался библіографическою рѣдчайшею рѣдкостью, когда и Новиковскій, перепечатанный съ Чулковскаго (1780 года) довольно уже рѣдокъ. Не менѣе любопытно замѣчаніе г-на Сахарова, что Древнія Русскія Стихотворенія, изданныя Ключаревымъ и Графомъ Румянцевымъ, безъ всякаго основанія сльвуть собранными Киришею Даниловымъ, и что они, напротивъ, были списаны и собраны Н. А. Демидовымъ. Множество другихъ, подобныхъ симъ литературныхъ замѣчатій нашли мы у Г-на Сахарова. За ними слѣдуетъ у него живой, историческо-юмористическій разсказъ о Святкахъ, и *Святочныя пѣсни*, варианты ихъ, сличеніе съ Малороссійскими, и проч. — Словомъ, этотъ новый трудъ г-на Сахарова надобно причислить, по достоинству, къ прежнимъ его трудамъ,

столь извѣстнымъ каждому, любящему родную Русскую старину.

Укажемъ небольшую брошюрку, изданную А. Я. Булгаковымъ: онъ описалъ жизнь добраго, почтеннаго брата своего, столь памятнаго жителямъ Москвы и Петербурга (*Биографія К. Я. Булгакова*), бывшаго Директора Почтоваго Департамента, и С. П. бургскаго Почтъ - Директора. Слѣдуя по стопамъ знаменитаго своего родителя, 37 лѣтъ посвятилъ незабвенный К. Я. служенію отечеству. Онъ родился въ Царьградѣ (1782 года), былъ отличнымъ дипломатомъ, былъ любимъ покойнымъ Императоромъ Александромъ, удостоился особеннаго вниманія и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и какія событія напоминаютъ жизнь его! Въ день *вступленія въ Парижъ*, К. Я. за услуги свои пожалованъ былъ въ дѣйств. статскіе совѣтники. Множество драгоценныхъ чертъ сообщаетъ намъ благоговѣющей къ памяти брата, почтенный биографъ. Вотъ одна изъ нихъ: встрѣтивъ К. Я., послѣ награжденія Аннинскою лентою, покойный Александръ привѣтливо сказалъ ему: «Знаешь-ли, что мнѣ, можетъ быть пріятнѣе видѣть на тебѣ эту ленту, нежели тебѣ носить ее!» Такъ умѣютъ награждать Русскіе Цари. «Подражай дѣду твоему, будь достойнымъ сыномъ твоего отца», говоритъ почтенный авторъ, посвящая трудъ свой юному племяннику, сыну К. Я.

Обращаясь къ литературнымъ явленіямъ, собственно-полезнымъ, скажемъ о выходѣ книги г-на Профессора Чицова: *Паровыя машины*, гдѣ сей важный предметъ современнаго общежитія представленъ въ историческомъ и систематическомъ обзорѣ, но такъ при томъ, что книгу пойметъ и уразумѣетъ всякій читатель. Она украшена рисунками и чертежами, и особенно любопытна по своей исторической части. Здѣсь видите лѣтопись паровой маши-

ны, отъ перваго опыта съ парами, сдѣланнаго Герономъ Александрійскимъ, до нынѣшнихъ сложныхъ и огромныхъ паровыхъ двигателей, замѣняющихъ тысячи силъ и тысячи рукъ человѣческихъ.

Д. П. Шелеховъ собралъ статьи о Земледѣліи и Сельскомъ Хозяйствѣ, помѣщенныя имъ въ разныхъ годахъ Б. для Ч., и издаетъ ихъ въ двухъ томахъ, подъ названіемъ: *Народное руководство въ Сельскомъ Хозяйствѣ*. Вышелъ *первый томъ*, изданный даже великолѣпно, судя по предмету книги. Авторъ удалилъ всякую полемику, занимавшую въ Б. для Ч. многія изъ его статей, и говоритъ только положительно и догматически. Можно надѣяться, что агрономы будутъ ему благодарны; мы слышали самыя лестныя отзывы о статьяхъ г-на Шелехова, отъ нѣкоторыхъ агрономовъ, весьма притомъ желавшихъ удаленія отъ нихъ шумной агрономической полемики.

Почтенный литераторъ нашъ, г-нъ Ободовскій, столь извѣстный своими прежними трудами по части Педагогіи вообще, издалъ краткое руководство къ Физической Географіи (*Физическая Географія*, Александра Ободовскаго), тѣмъ болѣе важное, что въ учебныхъ изложеніяхъ нашихъ, вообще пренебрегаема была эта важная часть знаній географическихъ.

Къ полезнымъ учебнымъ книгамъ причисляемъ небольшой *Италіанско-Россійскій* (то есть, *Русскій*) *Словарь*, котораго *первая часть* выдана въ Москвѣ. Этимъ трудомъ одолжены мы дамъ, г-жѣ Криворотовой. Кажется, что донынѣ у насъ не было никакого Италіанскаго словаря, хотя прелестнаго языка Италіанскаго нельзя назвать чуждымъ на Руси. *Первому опыту* можно простить неполноту и несовершенство.

Кстати о Лексиконахъ: вышла пятая книжка (*первая изъ четырехъ*, которыя должны быть изданы въ нынѣшнемъ году, и составитъ *второй томъ*) *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*. Превосход-

ная отдылка статей и выборъ ихъ, сообразный предположенной цѣли — *прежній*: въ этомъ заключается достаточная похвала для знакомыхъ съ сею полезною книгою. — Вышла еще 2-я тетрадь (7-я изъ числа десяти входящихъ въ полный томъ) II-го отдѣленія *Лексикона чистой и прикладной Математики*, В. Я. Буяковскаго. Мы уже говорили объ этомъ ученомъ трудѣ нашего знаменитаго академика.

Родителямъ, желающимъ доставить для дѣтей чтеніе прятное и полезное, укажемъ на *Чимборазскаго Пустынишка*, переведеннаго Г-жею Зражевскою. Дѣти могутъ найти тутъ прекрасный, трогательный разсказъ, и краткое, но занимательное описаніе Америки.

Именемъ дамы заключаая отдѣленіе книгъ, имѣющихъ цѣлью собственно — *полезное*, переходимъ въ литературную область *приятнаго*, къ Словесности собственно — *изящной*, или такъ называемой изящной. И какъ-же мы рады, что и здѣсь встречается намъ произведеніе дамы, отечественной писательницы. Подъ такимъ добрымъ предзнаменованіемъ, мы какъ-то чувствуемъ болѣе силы пересчитать то, что сдѣлали *кавалеры*, мужчины — писатели, чувствуемъ себя добре, судя объ ихъ произведеніяхъ. Поспѣшимъ-же сказать читателямъ, отъ чего сдѣлались мы добре: мы прочитали *вторую*, и, къ сожалѣнію, *последнюю* книжку *Вечеровъ на Карповкѣ* г-жи Жуковой. О первой мы уже говорили, исчисляя прошлогоднія книги.

Не любопытно-ли будетъ здѣсь прежде всего замѣтить, что мы немилосердо упрекаемъ нашихъ милыхъ соотечественницъ, будто онѣ не *говорятъ* по-Русски, не *читаютъ* по-Русски, и потому мы не знаемъ даже, гдѣ намъ прислушаться къ Русскому *разговорному* языку. Справедливо, что пока женщины не заговорятъ на какомъ нибудь языкѣ — увъ! ему оставаться книжнымъ, схоластическимъ, логи-

ческииъ, фразеологическииъ, ученыиъ — какииъ хотите, только не бытъ ему *разговорныиъ*! Но справедливы-ли однакожь всѣ эти упреки, и еще болѣе не сами-ли мы виноваты, гораздо болѣе нашихъ дамъ? Воля ваша, ММ. ГГ. а дамы наши говорятъ по-Русски, любятъ Русскій языкъ, и мы первые сознаемся, что намъ приходилось иногда съ ума сходить даже отъ очаровательныхъ галлицисмовъ женскаго разговора, за которые, въ бывшее время — теперь, оно уже давно для насъ прошло — мы были бы готовы отдать всѣ грамматики и риторикки въ свѣтъ. Но пусть разговоръ Русскій еще дѣло спорное. Мы не понимаемъ: чѣмъ оправдается хвастливый эгоизмъ мужчинъ, если мы укажемъ ему на участіе, какое наши милыя соотечественницы всегда принимали и принимаютъ въ отечественной Словесности? О томъ уже не говоримъ ни слова, кто одушевлялъ нашихъ поэтовъ и прозаистовъ — неблагодарныхъ, безсовѣстныхъ, которые плакали въ упоеніи и восторгѣ счастья и горя, на колыняхъ у милыхъ ножекъ, и потомъ съ досадою говорили о своихъ кумирахъ.

Опъ не стойтъ ни страстей,

Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ...

Тутъ ужъ только самый упорный эгоизмъ отвергнетъ истину. Но мы говоримъ о прямомъ участіи Русскихъ женщинъ въ нашей Словесности. Опять не станемъ мы искать доказательствъ далеко; не станемъ говорить, что обязанная съ самаго начала женщина ознакомленіемъ съ знаніями и письменностью Грековъ, Русь издревле видала — дочь Всеволода, великую, славную «начетницу и списательницу книгъ»; мудрую Ирину, дочь Царя Михаила, первую въ *краснописаніи* въ свое время; умную, гордую Софію, дочь Царя Алексія, которая, какъ говорятъ, сама писала *комидіи*. Екатерина, грома Стамбуль, восхищала своими шутками Вольтера, мысля о законахъ Русскихъ, показала собою и при-

мѣръ Русской женщины — писательницы — сочиняла комедіи, писала статьи о нравахъ и оперы, участвовала въ журналахъ, въ переводахъ, шутила съ Фонтъ-Визиниимъ, плакала, читая Фелицу Державина. Примѣръ Державной Жены не оставался безплоднымъ: рядъ женщинъ съ дарованіемъ занималъ и занимаетъ съ тѣхъ поръ почетное мѣсто въ Русской литературѣ. Вспомните *Е. Р. Дашкову*, президента двухъ Академій; *Е. В. Хераскову*, которую Сумароковъ называлъ *разумною Россіянкою*; задумчивую *Хвостову*, сочинительницу «Камина» и «Ручейка»; *А. П. Бушину*, во многихъ стихотвореніяхъ показавшую дарованіе поэтическое. Да, и въ наше *не-поэтическое* время, когда мужчины запускаятъ бороды, и клянутся въ водяныхъ стихахъ, что поэзіи нѣтъ въ мірѣ, и что они совсѣмъ разочаровались, сколько поэзіи и очарованія найдемъ мы въ созданіяхъ нашихъ милыхъ соотечественницъ! Читали-ль вы эти пламенные повѣсти *Ясновидящей*, гдѣ не знаете, чему болѣе удивляться — глубокому-ли знанію страстей и сердца человѣческаго, или горящему увлекательному языку? А эти стихи, отмѣченные подписью: *Гр. Е. Р.*, гдѣ сердце кажется синонимомъ ума? — Кто не вспомнить о переводахъ изъ Шиллера *А. П. Глинки*, о стихахъ г-жъ *Готтоцевой*, *Тимашевой*, *Тепловой*? Неужели вы забыли нашего *Дѣвицу-Кавалериста*, г-жу Александру? А повѣсти и прекрасные переводы г-жи *Ситниковой*, сочиненія и переводы г-жъ *Ишимовой* и *Зражеской*, нравоучительныя сказки и сочиненія г-жи *Зонитазъ*, вдохновенные стихи *Елисаветы Кульманъ*, такъ рано улетѣвшей за предѣлы міра, и пѣжныя, милыя стихотворенія дѣвицы *Шаховой*, и поэмы г-жи *Фуксъ*... Мы въ затрудненіи отъ избытка, а не отъ недостатка женскихъ дарованій, какими обилуетъ наша родная Русь; мы боимся да-

же, говоря правду, разсердить Г-дъ мужчинъ, которые хотятъ грудью взять претрудную дорогу на Парнассъ, гору высокую, и не замѣчаютъ, что малыи соотечественницы наши давно уже вспорхнули туда на крылышкахъ *à la Tagliani*. Пожалуй, эгоисты-мужчины готовы будутъ сказать намъ, что нашимъ дамамъ не трудно было добраться до вершинъ Парнасса, потому, что Музы, сами женщины, указали имъ тихонько прямую дорожку къ златовласому Фебу.... Они готовы будутъ разсердиться на насъ... Извиняемся, извиняемся — право, Мм. Гг., такъ къ слову пришлось поговорить намъ о дамской литературѣ — видите — мы хотели сказать вамъ о повѣстяхъ г-жи Жуковой.

Первая часть *Вечеровъ на Карповкѣ* обнаруживала уже въ сочинительницѣ дарованіе замѣчательное; вторая не измѣняетъ надеждъ, хотя сочинительница взяла теперь на себя обязанность весьма трудную: въ исторической повѣсти (*Нѣмая*), она переноситъ насъ въ вѣкъ Анны, и исторически изображаетъ событія середины прошлаго вѣка. Здѣсь недостаточно было только *чувствовать* — надобно было *знать* вѣкъ, и г-жа Жукова изумила насъ своимъ познаніемъ прошлаго вѣка: ея «Нѣмая», по нашему мнѣнію, одна изъ лучшихъ историческихъ повѣстей въ Русской литературѣ. За то двѣ другія повѣсти напомнили намъ мастерство завязки и сердечную теплоту повѣстей 1-й части *Вечеровъ на Карповкѣ*. Здѣсь поспышимъ мы еще оправдать Г-жу Жукову отъ большой напраслины. Одна изъ этихъ повѣстей, *Провиціалка*, была помѣщена въ Библ. для Читенія прошлаго года (Октябрь). Многіе изумлялись, куда дѣвался прелестный, увлекательный рассказъ сочинительницы. Что за фразы, что за слова, что за выраженія! Теперь мы прочитали снова эту повѣсть, такъ, какъ написала ее сама сочинительница, и — глазамъ своимъ не повѣрили! Редакторъ Б. для Ч. по-

зволилъ себѣ вычеркивать, измѣнять, переправлять, а главное *вставлятъ* въ повѣсть г-жи Жуковой отъ себя, такія заплатки, которыя совершенно обезобразили повѣсть. Напримѣръ:

Нагрузка экипажа Надежды Карповны продолжалась *шестнадцать* минутъ. *Между тѣмъ, какъ въ него* безконечно (?) *набивали дышцы, дыгоксы, дптей*, Катя сидѣла въ углу, почти безъ чувствъ; сердце *гуть не разорвалось* въ ея *аволнованной* груди; она *ничего не видѣла* и не помнила. *Я не стану* рассказывать, сколько она страдала, сколько плакала, какіе *дѣлала обиты*. Добрая Надежда Карповна, замѣтивъ ея глубокую печаль, которую она (?) приписывала разлукѣ съ отцомъ, рѣшилась доставить ей *нѣсколько разлегенія*, и уговорила свою кузину свезти (кого-же свезти?) на нѣкоторые вечера и на балъ Дворянскаго Собранія. Красота Кати *сдѣлала впечатлѣніе* (въ комъ? на кого?). *Соблюдала во всемя историческую точность (!)* и *должна* также упомянуть объ *одномя* почти невѣроятномъ обстоятельстве: *старая двка*, врагъ закоренный *всего мужесскаго*, однимъ словомъ, Надежда Карповна — кто-бы это подумалъ! — испытала *тѣлстворное вліяніе столицы на гистоту правое!* Съ каждымъ днемъ *болѣе и болѣе ослабвало* ея непреодолимое отвращеніе къ (?) *мужчинамъ*. Система ея — *зампиченія* въ счастіи женщины мужа вареньями, поколебалась *въ главнѣхъ своихъ основаніяхъ*, до того, что сама она *возвылила* мысль выдать свою любимицу, свою *гистую (?)* Катю, замужъ, какъ это можно видѣть изъ *слюдоющего* разговора, который и привожу въ *подлинникѣ*.

Вы удивляетесь явному незнанію языка, и несообразности мыслей въ *этой* выпискѣ? Не дивитесь этому: г-жа Жукова такъ же виновата во всемъ этомъ какъ вы и я — она и не думала писать *этихъ 24-хъ* строчекъ! Редакторъ Б. для Ч. вычеркнулъ то, что было въ рукописи сочинительницы, и вставилъ *это*, что вы изволили читать въ *эту* минуту! * Еще примѣръ: Сочинительница говоритъ:

* Вотъ что *исключили* Редакторъ Б. для Ч., замѣняя это включеніе своего вставкою: „Тяжело сказаны: „прости“ на долгую разлuku, тяжело ошвыкнушь ошъ счастія, которое сдѣлалось поиреобоснью бышнй, разорвалъ ниши, которія привязывали насъ къ жизни блаженешвомъ ежедневнымъ, и ошказаны ошъ счастія, когда оно слилось съ жизнью, вошло въ составъ ея; но въ разлукѣ

«Теперь, она была съ нимъ въ саду, по это было въ первый разъ. О, повѣрьте, въ первый разъ! Первая любовь, какъ первые шаги дитяти, робка и медлительна. Въ старости, мы возвращаемся къ младенчеству, и опять становимся дѣтьми, и любимая женщина играетъ нами, какъ игрушкою. Толь-

есть воспоминаніе, которое, какъ задапокъ будущаго, указываетъ вдали зарю надежды: что было, возвратишься, — и при этой мысли, душа перенесетъ въ прошлую мечтѣ; есть тихая грусть, есть слезы, есть мысль: тамъ далеко, въ чужой споротѣ, онъ думаетъ обо мнѣ, взоры наши встрѣтились въ любимой звѣздѣ, мысль сольется въ передешномъ облакѣ. Но потеряешь любовь!... уверишься въ равнодушіи того, который еще царствуетъ въ душѣ нашей, владеетъ жизнью нашею! Съ чѣмъ можно это сравнить? — съ смертію? — Можешь быть, но надъ гробомъ милаго горитъ надежда вѣчнаго свиданія, сердце благоговѣнно бьется при мысли, что духъ его вынаетъ надъ оставленнымъ другомъ, что онъ мыслитъ объ немъ въ обшпелыхъ небесахъ. Смерть похищаетъ предметъ любви, но не любовь, не вѣру въ счастье, не довершенность къ человѣчеству. А измѣна! она все ошнмаетъ; она бросаетъ сердце въ степь безопрадиую, гдѣ — сыпучій песокъ, жгучее солнце, гдѣ душетъ гибельный симумъ, и никогда нѣтъ прохладнаго дыханія вѣсера... Гибнешь не одна любовь: предешь жизни, младенчески души гибнуть съ нею; сердце знакомится съ опыномъ... Можешь быть, оно полюбитъ вновь, но ему не жить, не радоваться, какъ прежде! „Счастливы, кто умираетъ въ юности!“ шакъ думали древніе: „онъ любезенъ богамъ,“ говорили они. „Счастливы, чье сердце разорвалось при первомъ ударѣ,“ шепшала на своей вдохновенной лирѣ, задумчивый пѣвецъ Альбиона, и я скажу: счастливы! онъ не узнаетъ, что сердце можетъ перестать любить, что горестъ можешь изсакнуть, что можно пережить несчастье и снова радоваться. Снова? Такъ. Надежденіе опять найдешь, не не найдуща чпсные, безоблачные дни первого чувства, не найдешь безпечность дншаша, съ кошою гуляешь онъ по цвѣтшному лугу, пока опытъ не скажетъ ему: пушь ешь змѣя! Милое невѣдѣніе сердца! ны улешешь, какъ дѣшество, какъ быспрошенная молодость! Можешь быть, подъ старостю, мы пошому болѣе привязываемся къ существамъ, украшеннымъ прелестію первого возраста, что они напоминають намъ лучшее время жизни нашей. Мы слѣдуемъ за движеніями ихъ, наблюдаемъ ихъ чувствованія, слушаемъ воспламеншый бредъ ихъ милыхъ, ихъ свѣжихъ надеждъ, и невольно переносимся въ прошедшее, когда и мы вѣрили, надѣялись, смѣлялись. О, удобно забывашъ чтобъ быть счастливымъ! Гдѣ, у кого научишься сморшрш на все равнодушно, наслаждаешься, какъ наслаждаешься опытный садовникъ букетомъ цвѣтшвъ, любешь ни розу и избѣга шповъ ед, восхищашся пышною горшешіею а не сѣчуя, что она безъ запаха, вшная аромашъ адашуры и не забываш, что она опралаенъ домъ; словомъ, принимаш жизнь какъ она есть, не улешая въ поднебесье, не желаш несбыточнаго, не пребуя невозможнаго.“ — Все это показалось, видно, Редактору В. для Ч. не хорошо, или не красиво, было исключено, и замѣнено нѣсколькими спрками его издѣлія.

ко въ зрѣломъ возрастѣ, когда человекъ умѣетъ господствовать надъ страстями, и понимаетъ свѣтъ, онъ умѣетъ любить и наслаждаться.»

Все это было *передѣлано* въ Б. для Ч. *этакимъ образомъ*:

«Теперь, какъ мы видѣли (?), она была уже съ нимъ въ саду, но только въ первый разъ. О, *шверное* въ первый разъ! Первая любовь, какъ первые шаги дитяти, робка и медлительна. Во второй дѣло любви пошло-бы скорѣе. Къ счастью Катя, такъ случилось, что и онъ тоже любилъ въ первый разъ!

Мы не осмѣлимся рѣшать, могутъ ли простираться до такой степени права журналиста на *исправленіе* статей, печатаемыхъ въ журналѣ его, и поговоримъ о другомъ. О чѣмъ-бы, наиримѣръ? Да, все еще о *повѣстяхъ*. Ихъ явилось въ Мартѣ и началъ Апрель такое изобиліе, и достойныхъ замѣчанія, что это право, должно каждаго изъ насъ порадовать.

П. П. Каменскій издалъ двѣ небольшія красивыя книжки своихъ «*Повѣстей и рассказовъ*». Читатели видѣли одну изъ помѣщенныхъ здѣсь повѣстей г-на Каменскаго въ Альманахѣ г-на Владиславлева. Намъ кажется, что если слогъ и самый размахъ идей повѣствователя показываютъ въ немъ еще пылкую неопытность, то это же самое общаетъ многое въ будущемъ. *Гмелинъ*, *Конецъ міра*, особливо отрывки изъ романа: *Энскій*, оживлены мыслью, и отличаются прекрасною живостью подробностей.

В. А. Владиславлевъ собралъ и издалъ, также въ двухъ книжкахъ, свои *Повѣсти и рассказы*, продолженіе двухъ прежде напечатанныхъ книжекъ. Остроумная, и кака-то добродушная притомъ шутка, кажется, всего болѣе удастся нашему любезному рассказчику.

Г-нъ Марковъ напечаталъ свои повѣсти и рассказы, подъ названіемъ: *Мечты и Были* (три небольшіе томика). Мы съ удовольствіемъ прочли тутъ «Очерки военной жизни»; пожелаемъ вообще видѣть менѣе

страшнаго въ повѣстяхъ и разсказахъ автора, и полюбавались нѣкоторыми изъ «Стихотвореній» заключающихся въ 1-й части, ибо первая часть вся составлена изъ разныхъ пѣснь и отрывковъ въ стихахъ.

Современникъ, издаваемый П. А. Плетневымъ, былъ скуще прежняго на хорошіе стихи, въ первой книжкѣ нынѣшняго года, которая вышла въ Мартѣ. Сочиненій Пушкина нашли мы въ ней двѣ пѣссы. Одна (*Кто знаетъ край*) напомнила намъ его своими роскошными звуками. Кажется, что это отрывокъ изъ чего-то; поэтъ мимоходомъ описываетъ Италію, и сѣверную *попѣтительницу* этой благодатной страны, но все это вмѣстѣ, походитъ на какіе-то безсвязные едва долетающіе до насъ звуки лиры великаго поэта. Другая маленькая пѣска Пушкина: *Послѣдніе цвѣты*, прелестна; подумаете, что она родилась въ воображеніи какого нибудь антологическаго поэта Греціи. Вотъ она:

Цвѣты послѣдніе милыи
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣ пробуждаютъ въ насъ.
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣ самаго свиданья.

Тайныя думы, стихотвореніе «Графини Е. Р-ной», напомнили намъ другое: то время милой, игривой Французской поэзіи, когда остроумный мадригалъ выливался въ гармоническій, звучный стихъ, и одушевлялъ собою высшее общество самаго блестящаго Двора Европейскаго. «*Тайная Дума*» не сказываетъ имени *Той*, которая внушила ее, но вы угадываете это драгоценное, священное имя, когда читаете слѣдующіе очаровательные стихи:

...Когда за ней слѣдить глаза мон,
Когда я издали люблюсь, молча, ею—
Забывъ все вышнее, я умъ и сердце грыю
Лишь созерцаюшь одной ея души.
Всѣхъ женскихъ доблестей, всѣхъ думъ и чувствъ высокихъ
Мнѣ повѣсть говорить взоръ голубыхъ очей:

Ей внятень, ей знакомъ и гласъ небесъ далекихъ,
И нищеты призывъ, и стонъ земныхъ скорбей.
Слезу несчастнаго, поэта вдохновенне,
Молитвы благодать — все, все пойметъ она.
Въ душѣ ея живутъ восторгъ и умиленье,
И тихая мечта ей на удѣлъ дана...

Не правда ли вы угадали, вы отрадно угадали это «невъсказанное» имя Вдохновительницы *Тайныхъ Думъ*?

Пропускаемъ другія стихотворенія *Современника*, потому что объ нихъ сказать нечего — они въ порядкѣ вещей; но не можемъ не остановиться на двухъ пѣсахъ, по причинамъ особеннымъ.

Что такое сдѣлалось съ милою музою Е. А. Баратынскаго? Шалить она, или не шутя позабыла свои *старые годы*? Какъ вы думаете, чьи, наприимѣръ, слѣдующіе стихи?

Сначала, мысль *воплощена*

Въ поэму сжатую поэма,
Какъ двѣ юная телна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, *осмѣлившись*, она
Уже *увертлива, рвиста*,
Со *всѣхъ сторонъ своихъ видна*,
Какъ *искушенная жена* (?),
Въ свободной прозѣ романиста;
Болунья старалъ, *за тѣмъ*
Она, *подъсмѣля* (?), крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной,
Давно ужъ *видолое* всѣмъ.

Вообразите, что это стихи Баратынскаго!! Не *плоды журнальной полемики*, какъ не сказать, что такіе стихи, какъ *искушенная жена*, какъ *темная двѣя*, не *подъемлютъ* и не *воплощаютъ* ни какой мысли, кромѣ одной только: зачѣмъ писать стихи, если время ихъ для насъ прошло? О, Лесааж! какъ ты былъ уменъ!

Другою странною встрѣчею въ «Современникъ» былъ для насъ переводъ Байроновой поэмы: *Мазена*. Мы изумились, какъ можно, въ журналъ, ознаменованномъ именемъ и памятью Пушкина, помѣщать

такой и такими стихами сдѣланный переводъ, и—
чего-же еще? поэмы Байрона! Впрочемъ, зачѣмъ

Плодить въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ?

Эти два стиха мы готовы взять за эниграфъ, при
разборѣ прозы *Современника*.

Отдѣлимъ прежде всего прекрасную, хотя и не
литературную—собственно статью: «Путешествіе по
Россіи Е. И. В. Государя Цесаревича Наслѣдника»—
здѣсь повѣсть идетъ о предметъ столь великомъ, что
если бы и не изящно была она написана, то бы-
ла бы для насъ усладительна и драгоценна. По за-
нимательности разсказа, должно еще замѣтить статью
г-на Невѣдомскаго: «Послѣднее сраженіе Фигиера.»—
Какъ вѣрное изображеніе Парижскихъ колобродныхъ
и сумасбродныхъ сплетней, любопытна: «Хрошка
Русскаго въ Парижѣ» (надобно бы только, хоть
сколько нибудь, позаботиться о слоге этой статьи,
который можно назвать Русско-Французскимъ попу-
ри, или Французскимъ руссизмомъ, въ противопо-
ложность Русскому галлицизму.) Но вотъ что насъ
изумило: не уже ли почтенный и глубоко нами ува-
жаемый издатель Современника почитаетъ къ чему
нибудь полезными критическія и библиографическія
статьи, подобныя помѣщеннымъ въ 1-й книжкѣ
«Современника», или сколько нибудь изящными двѣ
повѣсти, помѣщенныя въ ней (*Два Студента* и *По-
ходная жизнь*)? О статьяхъ: *Литературныя утраты*
и *Праздникъ въ честь Крылова*, мы не говоримъ ни
слова, потому, что мы два раза прочитали ихъ, и—
рѣшительно, ничего, вовсе ничего не поняли, о чемъ
въ нихъ говорится! Конечно, искусство надобно не-
малое — написать три листа печатныхъ, говорить
много, и не сказать ничего, но такое искусство го-
дится, какъ говорить, въ дипломатикѣ, а не въ ли-
тературѣ. Признаемся, что первой книжкой *Совре-
меника* на 1838-й годъ, мы далеко не удовлетвори-

лись въ надеждахъ нашихъ. Впрочемъ, можетъ быть,
мы ошибаемся; по крайней мѣрѣ смѣемъ увѣрить,
что мы желаемъ ему отъ души и сердца всяческихъ
успѣховъ и большаго совершенства. Всякое дѣло
оцѣняется по способамъ и средствамъ. Вспомните
средства и объемъ *Современника*.

Вотъ, напримѣръ, мы далеко не будемъ столь
строги къ *Сборнику*, изданному А. О. Воейковымъ,
и не согласимся съ неумолимымъ приговоромъ О. В.
Булгарина, который подробно разбиралъ это собра-
ніе стиховъ и прозы, и страшно осудилъ его! За
что-же такая немилость, грозный аристархъ, за что?
Vous êtes orfèvre, Monsieur Josse! скажутъ намъ. Ви-
нимся въ слабости, но это въ сторону — нижепод-
писавшійся готовъ назвать ложкой дегтю въ бочкѣ
меду небольшое участіе свое въ *Сборникѣ*. Разберемъ
дѣло юридическимъ порядкомъ. Что такое *Сборникъ*?
Нѣсколько литераторовъ, весело собравшихся на по-
воселье, хотѣли оставить на память хозяину что ни-
будь, и составили нѣчто въ родѣ альбома, куда ка-
ждый вписалъ, или впечаталъ, если можно такъ
сказать, что у него было подъ рукой, готовое, безъ
дальнихъ приготовленій: и безъ всякихъ требованій.
Зачѣмъ-же спрашивать отъ такого собранія, почему
не выполняетъ оно условій, которыя обязанъ вы-
полнить какой нибудь великолѣпный литературный
альманахъ? Не все-ли это равно, что отъ журналь-
ной летучей статьи желать совершенства ученой
диссертациі, отъ легкой повѣсти альманачной без-
смертныхъ красотъ «Вильгельма Мейстера?» Точка
зрѣнія — важное дѣло Мм. Гг. — А кромѣ того,
воля ваша, въ *Сборникѣ* можно замѣтить нѣсколько
статей, которыя не испортили бы никакого журна-
ла и альманаха. Прочитайте: *Перевѣздъ изъ Англіи*
во Францію, М. М. Михайлова; *Ленортъ*, Н. В. Ку-
кольника; *Фантазію*, Барона Е. О. Розена; *Донъ*, Л.
А. Якубовича; *Судьбу поэта*, Э. И. Губера; *Молит-*

су, А. В. Кольцова. Осужденный критикомъ отрывокъ изъ жизнеописанія фонъ-Визина (Князя П. А. Вяземскаго) любопытенъ по фактамъ. Отрывокъ изъ романа: *Курбский*, Б. М. Федорова (стр. 169—198), похвалимъ мы безусловно — онъ достоинъ вниманія, и отдѣлкой, и мыслью. Вы хотите поставить въ вину автору то, что онъ долго не выдаетъ своего романа вполне? Но такова воля автора, и до нея ни какому критику дѣла нѣтъ. По крайней мѣрѣ, все это такъ намъ кажется, и мы говоримъ откровенно свое мнѣніе.

Заключимъ извѣстіе о новостяхъ литературныхъ нѣсколькими словами о *последнихъ частяхъ* поэмы г-на Филимонова: *Дурацкій калтакъ*. Если вы любите шутку умную, безтребовательную, съ задаткомъ мысли и чувства — прочтите эти главы. Онъ заставить васъ улыбнуться и задуматься...

Назвать ли *новостью* изданныя въ пяти томахъ «*Сочиненія Н. И. Греча?*» Авторъ собралъ въ нихъ уже известное публикѣ: Два романа свои, *Черная женщина* и *Попѣдка въ Германію*, свои записки о прогулкахъ за границу въ 1817 и 1835 гг., и нѣсколько мелкихъ статей, которыя были разбросаны въ журналахъ и альманахахъ, или отдѣльными брошюрками. Но все это вмѣстѣ назовемъ мы новостью, и весьма пріятною. Признаемся, мы снова перечитали всѣ *пять томовъ* сочиненій Греча, и ихъ чтеніе принесло намъ удовольствія больше нежели чтанье чего нибудь совершенно новаго. Отъ чего же это? Неужели стѣ того, что сочиненія Греча напомнили намъ такъ много блага, того, что неизгладимо врѣзало въ память изъ прошедшаго, съ чѣмъ соединено воспоминаніе минувшей юности нашей? Можетъ быть, но это еще не все: Н. И. Гречу надобно было собрать воедино свои сочиненія, чтобы современники могли имѣть передъ глазами *данныя*, для сужденія объ его литературныхъ заслугахъ. Намъ хотѣлось бы поговорить объ

этомъ подробнѣе, и мы предоставляемъ себѣ въ будущемъ это удовольствіе.

Говоря о Февральскихъ литературныхъ новостяхъ, мы указали читателямъ нашимъ на нѣкоторыя надежды наши въ будущемъ. Здѣсь прибавимъ еще нѣсколько такихъ-же указаній, полагая, что подобныя извѣстія радуютъ многихъ, вмѣстѣ съ нами.

Надобно ли говорить здѣсь объ Исторіи Отечественной Войны 1812 года, уже оконченной А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ? Высочайшее вниманіе, какого удостоился сей обширный и столь быстро совершенный трудъ нашего знаменитаго война-писателя, есть самое драгоценное свидѣтельство въ его неоспоримомъ достоинствѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія сей драгоценной книги. Ей надобно пояснить и разказать столь многое; картина столь обширна, что едва ли въ Современной Исторіи сыщемъ предметъ болѣе великій, болѣе любопытный.

Нашъ Русскій Парри, Баронъ Ф. П. Врангель приступилъ къ печатанію своего достопамятнаго путешествія по берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю. Отсутствие почтеннаго путешественника изъ Россіи, и нѣсколько-лѣтнее пребываніе его въ Америкѣ, были причиною, что любопытное, и важное въ ученомъ отношеніи, Сибирское его путешествіе было известно только по немногимъ отрывкамъ. Теперь оно издается, будетъ напечатано превосходно, съ картами и картинками, и конечно, составитъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій, не только въ нашей, но и въ Европейской литературѣ.

Въ Москвѣ готовится также описаніе любопытнаго путешествія, совершеннаго однимъ изъ нашихъ почтенныхъ соотечественниковъ: Н. С. Всеволожскій, года два тому, посѣтившій Турцію, Малую Азію, Грецію, Африку, Мальту, Италію и Францію, издаетъ свои записки, въ высшей степени за-

нимательныя. Мы слышали изъ нихъ нѣсколь-
ко отрывковъ, и пожелали скорѣйшаго ихъ вы-
хода.

Н. И. Гречъ намѣренъ приступить къ печатанью
записокъ, веденныхъ имъ во время прошлагодней
прогулки его по Англіи, Франціи и Германіи. Чи-
татели могутъ судить о занимательности ихъ по от-
рывкамъ, какіе были помѣщены въ разныхъ жур-
налахъ.

П. П. Свиньинъ приступаетъ къ изданію живо-
писнаго собранія Русскихъ достопамятностей — пло-
да многолѣтнихъ трудовъ и путешествій своихъ по
Россіи. Подъ названіемъ: *Картины Россіи и бытъ*
разноплеменныхъ ея народовъ, книга будетъ выхо-
дить частями. Въ каждой помѣстится по сороку ри-
сунковъ, отлично гравированныхъ въ Англіи, съ
объяснительнымъ текстомъ автора. Мы видали ри-
сунки. Они мастерски сдѣланы, а мѣстныя свѣ-
дѣнія, собранныя авторомъ, драгоценны.

Кстати о великольных изданіяхъ: А. Ф. Смир-
динъ издастъ къ Новому году нѣчто въ родъ альма-
наха — собраніе повѣстей, стихотвореній и литера-
турныхъ статей извѣстныхъ Русскихъ авторовъ.
Тутъ будутъ: неизданная донынѣ поэма Пушкина;
драма Кукольника; повѣсти: О. И. Сенковского,
Князя А. А. Шаховскаго, Дѣвицы-Кавалериста (г-жи
Александровой), и проч. и проч. — Къ статьѣ ка-
ждаго автора будетъ приложенъ портретъ его, бу-
дутъ и кромѣ того картинки, отлично нарисован-
ныя. И портреты и картинки гравированы въ Лон-
донѣ, а текстъ печатается щегольски, на лучшей
веленовой бумагѣ.... Но вы знаете, что Смирдинъ
не любитъ издавать некрасиво, а здѣсь хочетъ оцъ
соединить все возможное изящество по части типо-
графической.

Н. ПОЛЕВОЙ.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОЧЕРКИ ИСПАНИИ *.

I.

Полководцы и войны Дона Карлоса.

Война за наследство престоломъ Фердинанда VII-го
вѣроятно, будетъ не послѣднимъ изъ любопытныхъ
происшествій нашего времени для потомства. И
теперь уже безпристрастные умы съ меньшимъ преду-
бѣжденіемъ смотрятъ на сильную борьбу Дона Кар-
лоса съ правительствомъ Королевы Христины. Нель-
зя и теперь не признать великихъ талантовъ, нео-
граниченной преданности и примѣрнаго мужества
въ тѣхъ людяхъ, которые, не смотря на страданія
и опасности повсемѣстныя, столько лѣтъ поддержи-

* Подъ такимъ общимъ заглавіемъ, мы помѣстимъ нѣсколько любо-
пытныхъ статей, изображающихъ нынѣшнее состояніе Испаніи, и ха-
рактеръ современныхъ событій въ сей странѣ. Здѣсь представляется
характеристика Донъ-Карлосовыхъ полководцевъ и воиновъ, изложен-
ная Англійскимъ офицеромъ, служившимъ въ войскахъ претендента.
Статья эта помѣщена была въ Fraser's Magazine, и безъ измѣненій пе-
реведена во Французскіе журналы. Мы сохраняемъ въ концѣ ея, от-
дѣльно, примѣчаніе Французскаго журналиста. Не смотря на явное
пристрастіе описателя, какая картина этотъ лагерь Дона Карлоса, среди
Бискайскихъ Горъ, съ полудикими физиономіями Кабреры, Мернио,
Пинсиро, Гибелалде, Сороса, Сапса, и другихъ! *Ред. С. О. и С. А.*

вають Испанскую войну, нерѣдко оглушали побѣднымъ крикомъ своимъ слухъ правительницы, даже въ оградѣ дворца ея, и два раза, въ виду трепетаващаго Мадрита, ставили побѣдное знамя свое. Удивительный характеръ, выказанный Басками, будетъ имѣть свое мѣсто въ Исторіи между горцами Англійскаго претендента и подвигами арміи Конде; то же воинское безстрашіе, тотъ же религиозный и моральный героизмъ, та же увѣренность, тѣ же обязанности.

Справедливость требуетъ уничтожить клеветы либеральныхъ Европейскихъ журналовъ, которые выдаютъ вѣрныхъ Донъ-Карлосовыхъ солдатъ за шайку разбойниковъ, — сбродъ отверженцевъ всѣхъ земель, и видятъ, въ главной квартирѣ его, вертепъ Чернаго Льса, или хищническое Кавказское гнѣздо. Если мы не можемъ представить нашимъ читателямъ полной картины дѣлъ подданныхъ Карла V, то пусть хотя очеркъ главныхъ начальниковъ Карлосовыхъ, слегка набросанный, покажетъ, что должны дѣлать солдаты при такихъ генералахъ. Виллареаль, Мерино, Сансъ, Алваро, Кабрера, Сумалакарреги — это бессмертныя имена на страницахъ народной чести и рыцарской вѣрности; это благородный и святой сонмъ юныхъ и престарѣлыхъ воиновъ, между которыми, не смотря на молодость, первый и особенно блистаетъ племянникъ Донъ Карлоса, *Инфантъ Донъ Себастьянъ*.

Послѣ подвоза съѣстныхъ припасовъ въ осажденный Бильбао, Виллареаль, главнокомандовавшій въ то время арміей Дона Карлоса, такъ хорошо понималъ опасность своего положенія, что рѣшился просить Государя объ увольненіи. Выборъ преемника сильно волновалъ главный штабъ, гдѣ зависть и соперничество сдѣлали изъ главнаго начальствованія предметъ ужаса. Чтобы положить конецъ внутреннимъ

раздорамъ, во всякомъ случаѣ вреднымъ его дѣлу, Донъ Карлосъ показалъ здѣсь умную и высокую политику, назначивъ главнокомандующимъ своего племянника, Донъ Себастьяна. Это назначеніе всѣхъ удовлетворило; всѣ честолюбія сравнялись, ни одно не было тронуту, но въ то же время, со стороны Государя, предать Донъ Себастьяна во всѣ опасности войны невѣрной и ожесточенной—это было высокое мужество! Юный Принцъ доказалъ, не смотря на свою неопытность и молодбыя лѣта, что онъ достоинъ той отвѣтственности, которую Донъ Карлосъ возложилъ на него. Его поведеніе день ото дня болѣе оправдываетъ надежды, которыя онъ подавалъ всегда.

Такъ первое дѣло его командованія было переобразование арміи: ни одна изъ безчисленныхъ мелочей, связанныхъ съ этою великою мѣрою, не казалась ему лишнею. Онъ не стыдился сознаваться въ своемъ незнаніи — черта скромности, рѣдкая въ характерѣ Испанца; въ частныхъ вопросахъ, онъ принималъ всѣ совѣты съ искреннею благодарностью, и столько же былъ твердъ и скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ. Быстрота, съ какою онъ подоспѣлъ на помощь Гибелладу, и искусные маневры, принудившіе ретироваться Эспартеро и Ирибарена, тогда какъ онъ считалъ было за нужное переменить театръ военныхъ дѣйствій въ провинціяхъ — это свѣжіе факты, въ которыхъ нѣтъ возможности усомниться. Съ горстью людей гордыхъ, смѣлыхъ, и ожесточенныхъ, можно сказать, до бѣшенства, безпрестанными лишеніями и страданіями, но въ то же время энтузіастовъ своего дѣла, изъ которыхъ каждый лично преданъ Государю, своему предводителю, съ такою горстью, сохранять полную, непоколебимую увѣренность — это добродѣтель высокая! Подержи только Карлисты нынѣшній планъ войны, и

этой живой дѣятельности достаточно, чтобы въ короткое время корона Испанская увѣнчала ихъ предводителя.

Марія Терезія, Принцесса Бейрская, дочь Дона Иоанна VI-го Португальскаго, сестра Дона Педра и Дона Мигуэля и супруги Дона Карлоса, была въ замужествѣ за Инфантомъ Педро, сыномъ Принца Габріеля, дяди Дона Карлоса. Инфантъ умеръ 4 Июля 1812, оставя одного сына, Себастьяна Габріеля, молодого принца, о которомъ мы теперь говоримъ. Онъ двоюродный племянникъ Дону Карлосу, и родной его послѣдней супругѣ, потомокъ отъ Бурбоновъ и отъ крови Браганской, родился въ 1811 году, признанъ Великимъ Пріоромъ Святаго Иоанна, обвѣнчался 7 Апрѣля 1832 года заочно, и 25 Мая того же года лично съ Маріей Амаліей, дочерью Франциска I, Короля Обѣихъ Сицилій. Эта Принцесса сестра Христины, Королевы правительницы Испанской. Инфантъ росту средняго, плотный, но черты лица его дышатъ силою и добродушіемъ. Острый умъ оживляетъ его счастливую физиономію, которой легкое поврежденіе праваго глаза придаетъ особую выразительность. Вообще, видъ его выказываетъ неистощимую ласковость, чрезвычайную дѣятельность ума и сердца, и мужескую суровость, которая не боится воинскихъ трудовъ. Донъ Себастьянъ славный наѣздникъ, и когда, сопровождаемый своимъ главнымъ штабомъ, даетъ волю своему коню, онъ мчится такъ быстро, что свита вскорѣ исчезаетъ позади его въ пыльномъ облакѣ дороги, или въ дыму сраженія. Всѣ его приемы отменно вѣжливы, а слова полны прелести; онъ соединяетъ свѣтскость *джентльмена* съ любезностью потомка Генриха IV-го. Наконецъ домашніе и слуги любятъ его и преданы ему почти романически. Въ этомъ Прин-

цѣ есть все, и разительныя способности, которыя увлекаютъ сердца, и свойства твердыя, которыя обезпечиваютъ побѣду. Особенно удивляются ему люди такіе, какъ на примѣръ, Графъ Мадера, которые могутъ сблизать его поведеніе съ чудесными усиліями Донъ Мигуэля, въ подобномъ же стеченіи обстоятельствъ возраста, опасностей и отвѣтственности.

Графъ Мадера, Португальскій дворянинъ, знатнаго происхожденія, принятъ въ главный штабъ Дона Карлоса, въ качествѣ генераль-адъютанта. Этотъ генераль извѣстенъ теперь болѣе подъ именемъ Дона Альвара, которое носилъ онъ, когда еще защищалъ островъ Мадеру, гдѣ былъ губернаторомъ въ послѣднее время Португальскихъ смуть. Послѣ договора Эвора-да-Монтскаго, онъ согласился сдать вѣренное ему управленіе, но только тогда, когда получилъ собственноручное повелѣніе повелителя, Дона Мигуэля. Не смотря на рѣшительность образа мыслей, всѣ партіи въ Португаліи до такой степени уважали Графа Мадеру за его характеръ, что новое правительство обѣщало утвердить его во всѣхъ прежнихъ званіяхъ, если только онъ согласится присягнуть Дону Педру; онъ отказался, предпочитая изгнаніе чести служить—это его слова—*хитрической шайкѣ*. Отвѣтъ показываетъ, до какой степени друзья Дона Мигуэля преданы его судьбѣ, и уничтожаетъ клеветы либеральныхъ журналовъ, которыми чернятъ характеръ этого несчастнаго государя.

Графъ Мадера считается знаткомъ военнаго искусства. Во время Французской войны на Полуостровѣ, онъ находился подъ начальствомъ Веллингтона, сначала маіоромъ одиннадцатаго и двадцать третьяго линейныхъ полковъ Португальской арміи,

а послѣ адъютантомъ Англійскаго полководца. Множество чиновъ и орденовъ были наградой заслугъ и испытанныхъ его талантовъ. Служба Дона Альвара, при его характерѣ и чрезвычайно ласковомъ обращеніи, не замедлила приобрести ему уваженіе и довѣренность начальника, который завѣщалъ ему свою шпагу. Графъ Мадера никогда не расставался съ этимъ оружіемъ, блистательнымъ свидѣтельствомъ тѣхъ чувствъ, которыя умѣлъ онъ внушить начальнику Британскихъ войскъ. Потомъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ революціи Опортской, въ 1828 году, и для этого, отправился въ Монтевидео въ званіи генераль-адъютанта Португальской дивизіи, которою въ послѣдствіи самъ командовалъ. Нынѣ, по чрезвычайному отвращенію Испанскаго солдата ко всякому иностранному начальству, и по особенному плану войны за наслѣдство, Графъ Мадера не можетъ развернуть своихъ тактическихъ талантовъ въ пользу Дона Карлоса, но его совѣты имѣютъ большое вліяніе на распоряженія этого Принца, которому онъ служитъ, можно сказать, гораздо существеннѣе своею обширною опытностью. Ему теперь сорокъ два года. Его видный ростъ — пять футовъ десять дюймовъ — длинные, свѣтлые волосы, прекрасный станъ, дѣлаютъ его самымъ привлекательнымъ военнымъ человекомъ.

Кажется, Провидѣнію угодно было, въ свѣтъ, окружающей особу Дона Карлоса, соединить самыя разительныя противоположности военной поэзіи. Подлѣ Донъ Себастьяна, идеала преждевременной зрѣлости ума и тѣлесныхъ силъ, нельзя не удивляться побѣлѣвшимъ волосамъ, разрушающемуся составу и почтеннымъ ранамъ стараго генерала *Раймонда Пинеиро* (Pinheiro). Въ Португальской службѣ онъ

управлялъ въ Миньо (Minho), и командовалъ у Браги, когда роялисты были отброшены въ Гимаренъ и въ Санта-Тирсо, въ то время какъ адмиралъ Непиръ захватилъ Кормино, и овладѣлъ Віаной. Укрывшись въ Трасть-ось-Монтесъ съ остатками своего корпуса, онъ соединился съ генераломъ Санта-Марта на берегахъ Тамеа въ долину Амарантской. Здѣсь, послѣднее усиліе и отчаянное покушеніе не могли замедлить движенія впередъ непріятельскихъ колоннъ. Увлеченный въ общее паденіе всѣхъ защитниковъ Донъ Мигуэля, Пинеиро принужденъ былъ оставить свое семейство и удалиться въ Англию, и едва избѣжалъ смерти, скрывшись подъ защиту Британскаго знамени, когда явился въ станъ Дона Карлоса. Несчастье не уставало преслѣдовать его; новыя опасности ожидали его мужество. Взятый въ плѣнъ въ экспедиціи Гомеса, онъ открылъ грудь свою выстрѣламъ Христиносовъ; имъ стыдно стало посягать на жизнь, которая, казалось, сама готова была угаснуть. Генералъ воспользовался ихъ оплошностью, обманулъ стражу и легко достигъ союзныхъ провинцій.

Пинеиро былъ нѣсколько времени коммендантомъ крѣпости Сень-Жюльенъ на устьѣ Тага; онъ оставилъ тамъ память своего человѣколюбія, доказаннаго при исполненіи обязанностей. Крѣпость Сень-Жюльенъ была политическою тюрьмою въ правленіе Донъ Мигуэля. Жизнь Пинеиро — прекрасная картина воинскихъ превратностей; наружность его отличается правильными пропорціями. Ростъ его болѣе шести футовъ; видъ воинственный, взглядъ рыцарскій, огненный; это желѣзный человекъ по его плечистому составу и силѣ характера, безстрашный партизанъ, въ родѣ Кабреры.

Вотъ, безспорно, самый сильный человекъ, самый смѣлый умъ въ арміи Дона Карлоса, послѣ того,

какъ не стало Сумалакарреги. Подвиги *Рамона Кабреры* носятъ печать героическихъ временъ Среднихъ Вѣковъ, и того волшебства, которымъ сопровождаются встрѣчи его съ непріятельскими войсками, достало бы на цѣлую поэму Аріоста. Семейство готовило его къ духовному званію, и для того онъ учился въ Саррагосскомъ университетѣ. Нѣжная мать и набожная Испанка, Донна Кабрера столько же пламенно, какъ и нетерпѣливо ожидала того дня, когда сынъ ея, простершись передъ алтаремъ, приметъ отъ архіепископа окончательное посвященіе. Но кипучая душа юноши ужасалась монастырскаго покоя, и какъ преданность въ пользу Донъ Карлоса была наслѣдственнымъ правиломъ его фамиліи, въ минуту революціи оставилъ онъ діаконство, и съ жаромъ бросился въ ряды Карлистовъ. Скоро его пожаловали въ поручики и адъютанты, и когда, въ послѣдствіи, правительство Христины приказало обезоружить этотъ избранный корпусъ, Кабрера, услышавъ о сей мѣрѣ, до того ожесточился, что рѣшился сформировать гверильсовъ, и, во что бы ни стало поддерживать дѣло Донъ Карлоса.

Начальники Карлистовъ собрались въ Наваррѣ, и выбрали Сумалакарреги главнокомандующимъ. Кабрера тотчасъ предложилъ ему свои отчаянныя услуги. Сумалакарреги несчелъ за нужное довѣрить ему команду, и Кабрера ушелъ въ Арагонію. Не смотря на отказъ, мы встрѣчаемъ его въ 1835 году въ дѣлѣ съ его слабымъ отрядомъ. Вскорѣ онъ соединился съ Килесомъ котораго средства также были очень бѣдны. Ихъ партіи, быстро умножившіяся, до того затруднились въ соединеніи обоюдныхъ способовъ продовольствія, что оба начальника, желая принудить своихъ людей жить порознь, не средоточивали больше своихъ дѣйствій.

Кабрера стремился къ цѣли съ невѣроятною силою. Въ послѣдствіи, онъ соединился съ бригаднымъ генераломъ Барономъ Герве; тотъ и другой, въ нѣсколько мѣсяцовъ, собрали значительныя силы, прошли Нижнюю Арагонію, и распространили въ большей части королевства Валенціи ужасъ Донъ Карлосова оружія. По смерти Барона Герве — взятаго въ плѣнъ и разстрѣяннаго Христиносами — Кабрера былъ пожалованъ бригаднымъ генераломъ. Съ этой минуты, планъ дѣйствій Кабреры — постоянно держать непріятеля въ безпрестанномъ страхѣ быстротою маршей и неожиданною жестокостію нападений. Ожесточеніе его характера и непримиримую ненависть, съ которою онъ преслѣдуетъ партію Королевы, болѣе всего должно приписать смерти его престарѣлой матери, безчеловѣчно убитой 16 Февраля 1836 года, за то, что она родила Кабреру. Этотъ звѣрскій поступокъ возбудилъ общій ужасъ и негодованіе, и поразилъ жестокимъ ударомъ дѣло, въ пользу котораго убійцы придумали такое злодѣйство. Съ тѣхъ поръ Кабрера воспламенился новымъ жаромъ — самая кровавая расплата вездѣ означаетъ его слѣды. Можно судить, какое впечатлѣніе произвела въ немъ смерть матери, по приказу, отданному его войскамъ, въ Валь де Роблесѣ, 20 Февраля, 1836 года:

« Главная квартира Главнокомандующаго въ Нижней Арагоніи.

«Варваръ и кровопійца Донъ Августинъ Ногерасъ, называющійся губернаторомъ Нижней Арагоніи, на сихъ дняхъ обнародовалъ, какъ геройскіе подвиги, звѣрское убійство моея невинной и несчастной матери, которую въ Тортосѣ, утромъ 16 числа сего мѣсяца, безчеловѣчно разстрѣляли въ кварталѣ Барбиканскомъ, и недостойные поступки съ моими

трем сестрами, хотя двѣ изъ нихъ были замужемъ за офицерами національной гвардіи, которыхъ всѣхъ теперь посадили въ тюрьму.

«Полный ужаса, но ни сколько непоколебавшійся въ моей рѣшимости и постоянствѣ отъ такого горестнаго, чернаго, подлаго злодѣйства, приличнаго только, людямъ ищущимъ торжества своего дѣла въ ужасѣ и убійствахъ, въ присутствіи того отчаянія, въ которое эти несчастные повергаютъ такимъ образомъ отечество, гражданъ и ихъ семейства, полагая, что система жестокости, однажды объявленная, утвердить преступное хищничество, которому уже столько принесено жертвъ,— я, пользуясь правами, которыя даютъ мнѣ законы и справедливость, въ качествѣ генераль-губернатора сей провинціи, именемъ нашего Короля и законнаго Государя Карла V, властью, мнѣ ввѣренною, объявляю:

1. Самозванецъ бригадиръ Августинъ Ногерасъ, и всѣ тѣ, которые служатъ въ арміи, или занимаютъ какую бы то ни было должность въ правительствѣ Королевы, отнынѣ признаются измѣнниками противъ Е. В.

2. Всѣ тѣ, которые, согласно сему объявленію, будутъ взяты въ плѣнъ, разстрѣливаются.

3. Жена Дона Мануэля Фонтивероса, эксъ-коменданта Хельваскаго, въ королевствѣ Валенсіи, которую задержали, чтобы обуздать звѣрство революціонеровъ, тотчасъ будетъ разстрѣляна въ справедливое возмездіе за убійство моей невинной матери, и еще три другія женщины, по имени: Цинта Тасъ, Маріанна Гвардіа и Франциска Ларгеса, вмѣстѣ съ нею, чтобы отомстить за позорный поступокъ съ достойнѣйшею и лучшею изъ матерей.

4. Хотя сердце мое раздирается горестію и глаза полны слезъ въ эту минуту, какъ я пишу сіе рѣ-

шеніе, объявляю еще, не смотря на мой ужасъ къ такому звѣрству, котораго семейство мое сдѣлалось жертвой, какого я требую мщенія за злодѣянія. Моя жажда вражеской крови будетъ безжалостно утоляема смертью двадцати человекъ за каждую жертву подобныхъ убійствъ, какія могутъ быть сдѣланы въ послѣдствіи.»

Сей дневной приказъ былъ опубликованъ по всей Испаніи, чтобы никто не отговаривался его незнакоміемъ. Четыре вышеупомянутыя женщины преданы смерти, но, въ оправданіе Кабреры, должно сказать что Донъ Мануэль де Фонтиверосъ, жестокость этой мѣры и потерю любимой супруги, самъ приписалъ характеру непримиримости той войны, которую ведутъ именемъ Христины и Карлоса. Звѣрство такъ несподручно Кабрерѣ, что того же мѣсяца, десять дней послѣ убійства его матери, онъ разослалъ къ генераль-губернаторамъ Арагоніи, Валенсіи, Каталоніи, и губернаторамъ Тортосы, Алконеса, Морельи, Кантавехи, Кастелонъ де-ла Плана и Теруэля, преданныхъ Изабеллѣ, циркуляръ, которымъ извѣщалъ объ учрежденіи общаго госпиталя въ Балластеръ, куда отослалъ даже плѣнныхъ Христиносовъ изъ Бреноля, и просилъ уважать неприкосновенность этого мѣста, убѣжища раненныхъ и больныхъ. Сверхъ того, другой циркуляръ предварилъ конституціонныя власти, что кто переступитъ границу, значенную въ окружности шести миль отъ Балластеры, безъ особеннаго извѣщенія, того немедленно разстрѣляютъ. Еще прибавилъ онъ, что Христиносы, призрѣнные въ госпиталѣ, жизнию заплатятъ за обыкновенныя звѣрства, которымъ подвергаются родилсты, попавшіеся въ плѣнъ либеральныхъ войскъ.

«... Защитники хищничества,» прибавилъ онъ въ концѣ, «очернили мой характеръ, приписавъ ему

кровавыя склонности дикаго звѣря, тогда, какъ я всегда дѣйствовалъ по справедливому возмездію. Предлагаю теперь средства облагородить войну, я объявляю истинныя мои чувствованія, и доказываю, что со стороны благородства и доброты, я не отстаю отъ моихъ непріятелей.»

Мы не пойдемъ за Кабрерой по его обширному поприщу; напомнимъ только, что не смотря на бани, распускаемыя либеральною партіею на счетъ мнимыхъ поражений и внезапной смерти этого партизана, вся Испанія дрожитъ передъ его оружіемъ, и еще недавно онъ былъ подъ самыми стѣнами Мадрита. Кабрера бѣденъ; его наставникомъ и благодѣтелемъ былъ Донъ Антоніо Сансъ, пребендарій и профессоръ Толосскаго университета, нынѣ домовый священникъ Инванта Дона Себастьяна. Черные, блестящіе глаза, длинные волосы, черные, какъ смоль, смуглый, оливковый цвѣтъ кожи, выказываютъ живость ума и тѣла Кабреры, и онъ доказалъ это въ тысячѣ разительныхъ случаевъ. Никогда не носитъ онъ генеральскихъ знаковъ. Онъ одинъ между полководцами Донъ Карлоса изъ священниковъ сдѣлался солдатомъ, потому, что Мерино остается и теперь солдатъ и священникъ, вмѣстѣ.

Донъ Херонимо, известный болѣе подъ именемъ *патера Мерино*, родился въ Старой Кастиліи, въ семействѣ земледѣльцевъ. Родители отдали его въ Леннаскую школу, учиться по-Латыни, но какъ ученье худо шло, то его взяли обратно, и заставили пасти стадо барановъ, находя, что это гораздо прибыльнѣе, и для нихъ и для сына. Молодой Херонимо оставался при своихъ пастушескихъ занятіяхъ до самой смерти священника въ ихъ селѣ. Въ это время не къмъ было замѣнить покойнаго. Мерино сталъ учиться, и при помощи стараго ректора Кубасъ-

Рендіаса, послѣ десяти тысячной усиленной работы, онъ былъ поставленъ въ священники.

Непорочность души, евангельская любовь и строгость жизни въ короткое время пріобрѣли ему привязанность, не только его слушателей, но и всѣхъ окрестныхъ прихожанъ. Всего же болѣе горѣло сердце служителя Христова пламенною любовью къ отечеству. Во все время Французскихъ набѣговъ при Наполеонѣ, онъ мирно отправлялъ священное свое служеніе, но когда однажды отрядъ драгуновъ проникъ до его прихода, и Французы захватили его муловъ, требуя, чтобы самъ Мерино повиновался, какъ слуга, онъ сильно воспротивился; его грозили убить, и кончили тѣмъ, что крѣпко избили. Такая жестокость навсегда рѣшила его послѣдующее поведеніе. Онъ тотчасъ разогналъ свое стадо барановъ, созвалъ прихожанъ, вооружилъ тѣхъ, которые хотѣли идти съ нимъ, и своими военными успѣхами распространилъ ужасъ подъ стѣнами Бургоса. Картина его походовъ въ продолженіе Французской войны занимаетъ такое блестящее мѣсто въ воспоминаніяхъ этой замѣчательной эпохи, что бесполезно повторять ее здѣсь. При концѣ войны, Мерино пожаловали въ полковники, но желая опять вступить въ духовный чинъ, онъ принялъ каноникатство въ монашеской общинѣ Валенсійской кафедральной церкви. Вскорѣ, послѣ нѣкоторыхъ несогласій съ монахами, воротился онъ въ свое пресвитерство. Смерть Фердинанда, въ 1833 году, нашла его готовымъ на новыя подвиги. Онъ провозгласилъ Карла V-го, и его примѣру послѣдовали волонтеры Бургосскіе подъ начальствомъ Хозе Гиларіона. Потомъ онъ пробѣгалъ провинціи съ генераломъ Кевильясомъ, и облегчилъ проходъ этому партизану въ Португалію. Съ сего времени подвиги Мерино походятъ на романъ,

самый баснословный, и уловки, которыми онъ обманываетъ своихъ непріятелей, возбуждаютъ постоянное удивленіе. Своею личною опытностью и непоколебимою вѣрностью поселянъ, онъ избѣгалъ, съ самаго начала войны преслѣдованія многочисленныхъ войскъ, которымъ приказано было взять его, живаго или мертваго. Онъ соединился съ Сумалакарреги въ Баскскихъ провинціяхъ, и нѣкоторое время не былъ на службѣ, лечась отъ сильнаго ушиба лошадинымъ копытомъ. Нынѣ, болѣе живой и дѣятельный, чѣмъ когда либо, онъ состоитъ въ штабѣ Инфанта Донъ Себастьяна, въ чинѣ генераль-маіора.

Любовь народа къ Мерино въ обѣихъ Кастиліяхъ безпредѣльная. Онъ рѣдко показывается, говоритъ просто, но краснорѣчиво. Весь гардеробъ его на немъ. Любимый костюмъ его состоитъ въ замаррѣ—это родъ полукафтаныя, обыкновенно изъ овечьаго мѣха, котораго шерсть окрашена въ черный цвѣтъ, одежда теплая и удобная для защиты отъ сильныхъ холодовъ въ Испанскихъ горахъ. Мерино носитъ притомъ черные штаны, и остроконечную шляпу, съ безчисленными, маленькими, желѣзными снурками, какъ у поселянъ Кастильскихъ. Пьетъ онъ только воду и никогда не куритъ табаку. Таковъ сей *labrador* (мужикъ), нынѣ почти семидесятилѣтній.

Тяжелыя раны, полученныя *Гибелалдой*, потеря двухъ сыновей, убитыхъ 16 Мая 1836 года, при защитѣ роялистскихъ линій, которыя стѣснялись не столько движеніями Англо-Христиносовъ, сколько маневрами парашодовъ, только увеличили мужество сего генерала. Гибелалдѣ должно приписать учрежденіе оборонительныхъ укрѣпленій, которыя отъ горы Оріомеци идутъ вдоль Сень-Себастьяна къ Рендеріа и до Ируна. Наружность генерала Ги-

белалда поразительна. Съ характеристическою надмѣнностью Испанца, соединяетъ онъ нѣкоторый родъ наружной снисходительности; въ одно время онъ жестокъ и мягокъ, упрямъ и уступчивъ. Глаза большіе, ротъ маленькій, линіи лба и носа красивы. Но нельзя не замѣтить особаго отблеска свирѣпости во всей его поступи и фигурѣ. Это много отнимаетъ у его прекрасной наружности. Послѣ ужасной раны, которая раздробила ему часть черепа, Гибелалда приходитъ въ совершенное бѣшенство, коль скоро выпьетъ вина. Бѣда Христиносу, который подвернется въ такую хмѣльную минуту! Но тѣмъ не менѣе хвалятъ и его доброту, которую онъ доказалъ, потребовавъ назадъ смертный приговоръ Дуранга. Гибелалде родился въ Лисорсѣ, въ провинціи Гипускоѣ; ему около пятидесяти пяти лѣтъ; ростомъ онъ пяти футовъ десять дюймовъ. Его жена и дочь живутъ съ нимъ въ его Гернанской пустынь. Видъ семейства его, жизни, домашняго быта, все мрачно и печально, какъ и та доля, которую оно раздѣляетъ.

Вотъ главныя лица Донъ-Карлосовой арміи. Во второмъ ряду тоже есть имена, которыя должны быть драгоценны защитникамъ алтаря и престола во всѣхъ монархическихъ державахъ Европы. Недавняя, отчаянная защита Ируна горстью поселянъ, противъ нападенія соединенныхъ Англо-Испанскихъ войскъ, въ числѣ восьми тысячъ человекъ, обратила сильное вниманіе на храбраго офицера, который умѣлъ такъ долго держаться въ такомъ опасномъ мѣстѣ. Услуги, оказанныя имъ при Фонтарабін и при Бидассоѣ, и крики радикальныхъ газетъ, которыя, не имѣя историческихъ фактовъ, позволили себѣ обрисовать этого офицера самыми черными красками, даютъ ему право на почетное мѣсто въ на-

шей статьѣ. Это полковникъ *Сороа*. Онъ происходитъ отъ почтенной, но бѣдной фамиліи, изъ провинціи Гипускон. При началѣ войны былъ онъ простымъ земледѣльцемъ, и обрабатывалъ маленькое свое имущество, когда набать, сзывавшій повсюду именемъ Сумалакарреги, достигъ его слуха. Сороа тотчасъ бросился подъ знамена обожаемаго начальника Басковъ. *Испанскій Наполеонъ* умѣлъ достойно оцѣнить его храбрость, и ввѣрялъ ему самыя опасныя, самыя отчаянныя предпріятія. Не смотря на непреклонность характера, которую пріобрѣлъ Сороа въ лагерь, его великодушіе вошло въ пословицу. Рассказываютъ, что въ одной сшибкѣ, гдѣ поле сраженія осталось за нимъ, его утомленные солдаты оставляли раненыхъ либераловъ на произволь судьбы; полковникъ спросилъ ихъ сурово: кто эти несчастные, брошенные въ пыли безъ помощи? — «Это Христиносы,» отвѣчали ему равнодушно. — «Христиносы!» — закричалъ Сороа, чтобы ни одинъ Христинось не былъ оставленъ — христианина никогда не должно оставлять!» И первый онъ самъ подалъ изумленнымъ войскамъ примѣръ человеколюбія: своими руками сталъ онъ переносить раненыхъ въ походный лазаретъ своего корпуса.

Онъ покрылъ стыдомъ Королевинныхъ генераловъ своей защитой Ируна, съ плохую артиллерією и сто пятьюдесятью поселянами. Эвансъ былъ довольно смѣлъ, рѣшась осадить его съ большими силами. Когда Сороа увидѣлъ, что иностранный легіонъ обставилъ все высоты, окружающія Ирунъ: «Право, вскричалъ онъ — этотъ *кровопродавецъ* (*sangre vendida*) старается поймать вѣрную побѣду; вѣрно ему думается, что онъ нападаетъ на генерала Гариспа!» Эвансъ, развернувъ весь свой легіонъ, предложилъ полковнику сдаться. Сороа отпустилъ парламентаря

съ негодованіемъ, объявивъ, что станетъ защищать городъ до послѣдней крайности. Мы знаемъ, что онъ сдержалъ свое слово.

Сорокъ пять лѣтъ отъ роду, и рана отъ виска поперегъ лица, лишившая его глаза — вотъ внѣшность этого страшнаго Баска. Кажется, война истощила все свои опустошенія на его лицѣ. И объ этомъ удивительномъ челоуѣкѣ, революціонныя газеты осмѣлились сказать, описывая вступленіе въ Сень-Себастьянъ остатковъ, разбѣянныхъ въ Ирунскомъ побоищѣ: «Сороа чудовище, Циклопъ, котораго огромность равняется безобразію...» Щадя честь Англійскихъ журналистовъ, не приводимъ ничего больше.

Въ Британскихъ листкахъ бывають выходки смѣшныя. Они утверждаютъ, напримѣръ, что офицеры Дона Карлоса все начали свою службу только въ нынѣшнюю войну. Напротивъ, *почти все они* были уже въ чинахъ въ арміи Фердинанда VII-го. Такъ, *Донъ Пабло Сансъ* съ 1821 года находился въ королевской службѣ, подъ командой Барона Эролеса. Поручикъ 3-го линейнаго полка, и послѣ 2-го пѣхотнаго, вмѣстѣ съ Сумалакарреги, онъ, еще прежде смерти Фердинанда былъ объявленъ роялистомъ, и отрѣшенъ по наущенію Кесады. Вступивъ въ Бискаію, свою родину, когда Верастеги провозгласилъ Карла V-го, онъ соединился съ этимъ офицеромъ. Но высокое воинское счастье его прежняго товарища, Сумалакарреги, скоро и самого его возвысило до первыхъ степеней. Назначенный командиромъ 6-го Наваррскаго полка, прекрасная выправка и превосходная дисциплина котораго свидѣтельствуютъ объ его достоинствѣ, *Донъ Пабло Сансъ* бралъ участіе въ битвахъ при Арменстеги и Амескоасъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, пуля прошла черезъ

Т. II — У.

2

нижнюю челюсть его въ горло. Страшная рана совершенно исказила его физиономію, сжала низъ рта и измѣнила черты. При осадѣ Бильбао — уже бригаднымъ генераломъ — онъ командовалъ наблюдательнымъ корпусомъ, расположеннымъ на высотахъ, между городомъ и мостомъ Кастохандо. Сей мостъ, ключъ позиціи роялистскихъ войскъ, былъ чрезвычайно важенъ для осажденныхъ; стоило только взять его, и крѣпость могла получить пособіе. Съ однимъ баталіономъ 2-го Гипускойскаго полка, Сансъ отразилъ всѣ нападенія Эспартера на сей пунктъ. Когда Донъ Карлосъ переходилъ черезъ Эбро, Сансъ командовалъ арріергардомъ. Неожиданный маневръ разстроилъ генераловъ правительницы. Эспартеро занимался обороной сѣверныхъ провинцій и соединеніемъ Эвансовыхъ войскъ. Иррибаренъ первый замѣтилъ движеніе роялистовъ, но уже поздно. Въ его глазахъ, можно сказать, Инфантъ и Донъ Карлосъ торжественно вступили въ Гуаску, послѣ десяти дней усиленнаго марша.

Распространяя по фермамъ селеній и въ предмѣстіяхъ Гуаски, арріергардъ выдержалъ покушенія Иррибарена отрѣзать его отъ главнаго корпуса. Артиллерійская, и вмѣстѣ кавалерійская атакка, не удалась. Донъ Пабло опрокинулъ Христиносовъ, прежде чѣмъ два эскадрона Виллареала подоспѣли къ его отряду. Одинъ Донъ Себастьянъ, быстротой своего глазомѣра и помощью, оказанною во время, содѣйствовала Сансу разбить Иррибарена. Нѣсколько баталіоновъ довершили его пораженіе. Извѣстно, что вице-король либеральный остался на полѣ сраженія, столь тяжело раненый, что черезъ нѣсколько времени умеръ въ Альмодоварѣ.

Послѣ полковника Сороа и Дона Пабло Санса, надобно вспомнить о капитанѣ *Геруардѣ*, нѣкогда

гвардейцъ Карла X-го, оказавшемъ большія услуги Дону Карлосу, образованіемъ его артиллеріи. Любимый Сумалакарреги за особенные таланты его въ этомъ родѣ службы, Геруардъ основалъ литейню въ Карлистскихъ линіяхъ; мѣдь, котлы и посуда были потребованы главнокомандующимъ со всей провинціи. Капитану Геруарду приписать должно счастливыя осады, сдѣланныя по морскому берегу, какъ-то, осады Бермео, Лекенсіо, Пленсіи и другихъ укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ счастливыхъ его дѣйствій артиллерією, однажды онъ первый взошелъ на брешь, не смотря на четыре раны, полученные въ пылу сраженія. Онъ употребилъ каменья ядра при Фонтарабиі противъ нападенія Англичанъ. Трудно было покуситься на такое нововведеніе въ Карлистской артиллеріи, но капитанъ успѣлъ и въ этомъ, при помощи печи, которую онъ, съ нѣсколькими поселянами, построилъ передъ глазами удивленнаго гарнизона. Не смотря на то, что Французъ, Геруаръ весьма грубъ. Однажды Баронъ Г*** началъ говорить о себѣ, будто былъ полковникомъ въ гвардіи Карла X-го. «Извините, Баронъ — отвѣчалъ ему Геруардъ — вы лжете: я лично зналъ всѣхъ полковниковъ въ гвардіи Карла X-го; — вы не были въ числѣ ихъ!»

Удовольствуемся простымъ исчисленіемъ еще нѣсколькихъ лицъ, весьма примѣчательныхъ. Таковы: *Донъ Іоахиль Абарка*, епископъ Леонскій, предсѣдатель совѣта Донъ - Карлосовыхъ министровъ, и кромѣ того управляющій департаментомъ наградъ и правосудія; онъ родился въ 1781; — *Донъ Жуанъ Батиста Эрро*, род. въ 1774; бывшій горный директоръ въ Алмаденѣ, государственный министръ при Фердинандѣ VII, былъ первый министръ Донъ Карлоса; — *Донъ Хосе Аснарезъ*, род. въ 1752, пре-

зидентъ генеральнаго совѣта; *Донъ Назаріо-Эгилъ*, род. въ 1777 году, эксъ-вице-король Наваррскій, генераль-лейтенантъ; — *Морено*, род. въ 1778, начальникъ главнаго штаба Инфанта Донъ Себастьяна; — *Виллареаль*, род. въ 1801, первый генераль-адъютантъ Инфанта Донъ Себастьяна; — *Голесъ*, генераль-лейтенантъ; — *Донъ Хосе Иенасіо Уранга*, род. въ 1778. — *Кабанасъ*, род. въ 1773, военный министр; — *Ла Торре*, род. въ 1804, генераль-майоръ; — *Вальдестина*, род. въ 1776 г., президентъ Бискайской юнты; — *Эліо*, род. 1806, директоръ канцеляріи Инфанта Дона Себастьяна; — *Баронъ де лосъ-Вальесъ*, бывший Оге де-Сень-Сильвентъ, гвардеецъ Карла X-го, а нынѣ адъютантъ Дона Карлоса; — *Эшеверриа* (аббатъ), род. въ 1795, генераль-викарій арміи; — наконецъ храбрый *Эссейнъ*, Баскскій поселянинъ, возведенный въ дворяне Дономъ Карлосомъ, за спасеніе жизни его, 25 Сентября, 1834 года. Біографіи этихъ людей, которыхъ жизнь съ 1833 года переплетена столькими приключеніями, бесспорно представили бы много интереснаго.

Должно прибавить здѣсь, какъ характеристическую черту, что во всякомъ случаѣ тотъ сильно обманывается, кто полагаетъ, что между всеми этими лицами существуетъ совершенное согласіе, и будто войны Дона Карлоса только и думаютъ о торжествѣ его власти. Напротивъ, едва ли можно гдѣ либо найти больше раздоровъ, какъ въ совѣтъ и между министрами претендента. Партія духовенства, поддерживаемая Дономъ Карлосомъ, хочетъ все привести подъ свой уровень, а партія Бискайская, болѣе сильная на дѣлѣ, только то считаетъ хорошимъ и старается выполнять, что ей вздумается; потому

слѣдуютъ: радикальные легитимисты, умѣренные, партизаны безпощадной войны, желающіе чтобы Король сошелся съ Христиной; наконецъ, въ срединахъ всѣхъ этихъ разномысліи, стоитъ партія *Кастильскія*, которая предъвыляетъ и свою долю вліянія, окружаетъ Короля гвардіею, составленною изъ Кастильскихъ солдатъ, и въ случаѣ успѣха, готова приписать себѣ всю славу. Словомъ, воинскій дворъ Донъ Карлоса представляетъ самый вѣрный образецъ характера Испанской націи: всякій хочетъ командовать, и никто не желаетъ повиноваться. Солдаты, съ своей стороны, видя только раздоры между начальниками, не упускаютъ случая чернить ихъ жгучими сарказмами: *ojalateros, cortijeros, soldados de la cruz y de la eslola* — по очереди прилагаются къ каждому изъ генераловъ; самъ Донъ Карлосъ не избѣжалъ ѣдкихъ эпиграммъ, и въ Бискайскихъ рядахъ ему тоже есть свое прозвище — *arlote de jauna*. Вообще побужденія простыхъ Донъ-Карлосовыхъ солдатъ очень ложно понимаютъ — нерелигіозный и неполитическій фанатизмъ ихъ одушевляетъ. Да и въ самой вещи, не смѣшно ли полагать, что бѣдные, безграмотные поселяне возстали на защиту правъ, о которыхъ они понятія не имѣютъ, или чтобы они дрались, желая сохранить привилегіи, въ которыхъ они совсѣмъ не участвуютъ? Донъ Карлосъ, по мѣрѣ эмиграціи значительныхъ владѣльцевъ, раздѣляетъ ихъ земли, или между фермерами, которые уже занимали ихъ, или между семействами, которыхъ сыновья особенно отличились подъ его знаменами. Вотъ чѣмъ обезпечилъ онъ себѣ содѣйствіе бѣдняковъ, вдругъ поднятыхъ королевскою властью въ ряды владѣльцевъ. Этимъ создалъ онъ себѣ вѣрные способы набора войскъ, сформировалъ свои фаланги, которые пройдутъ съ нимъ всю Испанію, и, быть можетъ,

пособятъ наконецъ овладѣть престоломъ Фердинанда, столь дурно защищаемымъ, и который теперь не возбуждаетъ уже ни малѣйшаго участія. Тогда какъ во Франціи спорять о выгодахъ и невыгодахъ постоянной арміи, или Прусской системы, Донъ Карлосъ, принявъ послѣднюю, выказалъ ея превосходство. Когда королевскія войска становятся на квартиры, баталіоны распускаются по третямъ; подъ ружьемъ остаются только кадры; солдаты возвращаются въ дома, обрабатываютъ земли, пожалованныя имъ королевскими щедротами; и въ то время, какъ прежніе помѣщики укрываются въ изгнаніи, ихъ поля даютъ богатую жатву Донъ-Карлосовымъ солдатамъ. Путешественники, которые недавно посѣщали четыре возставшія Испанскія провинціи, увѣряютъ, что нигдѣ въ Испаніи нѣтъ такого цвѣтущаго хлѣбопашества. Не странно ли, что наиболѣе нововведеній прокралось въ ту именно землю, которая, послѣ всѣхъ переворотовъ, до сихъ поръ сохраняла свои древніе обычаи? Бискайская, Алавская, Гипускойская и Наваррская провинціи, суть старинныя почти республики, которыя, подчиняясь по-видимому верховной власти Испаніи и Франціи, никогда не оставляли своихъ наслѣдственныхъ привилегій. Эти области такъ же мало Испанскія, какъ и Французскія. Въ Кастиліи и во Франціи нѣтъ и похожаго на тѣ живописныя виды, на тѣ мѣстныя странности, на тѣ лѣса, брошенные по свѣсамъ горъ, на все то, что образуетъ дикую фizioномію четырехъ возставшихъ нынѣ Испанскихъ провинцій. Посмотрите на амфитеатръ Пиренеевъ, гдѣ Баски, эта коренная нація, разсѣялись уступами. Вы не найдете тамъ ни обширныхъ равнинъ Кастильскихъ, ни песчаныхъ степей, какія находятся въ окрестностяхъ Бордо. Въ политическомъ

смыслѣ такое же разобщеніе. Со стороны Испаніи, всѣ сіи провинціи избираютъ членовъ своего мѣстнаго правительства, управляются собственными законами, откупаются отъ военной службы ежегодно суммою денегъ, вмѣсто подати платятъ произвольную контрибуцію, и не только избѣгаютъ системы таксъ, которая тяготѣетъ надъ полуостровомъ, но даже таможенной системы. Такъ это идетъ уже нѣсколько столѣтій. Жители видѣли надъ собою новѣйшія конституціи, не отражалъ ихъ силою, но и не приносилъ имъ въ жертву своихъ привилегій, и не смотря ни на что, въ этой землѣ, среди Басковъ, при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, совершается переворотъ, который, можетъ быть, будетъ имѣть неисчислимыя слѣдствія на всю Испанію.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ АРАВІИ И ЕГИПТА.

(письмо англійскаго капитана меккензи, къ сиру александру джонстонъ, президенту лондонскаго азятскаго общества.)

=

Мегмедъ - Али, паша, или вице-король Египетскій, владѣеть теперь всѣмъ протяженіемъ Аравійскихъ береговъ, начиная отъ Агабы, на сѣверѣ, до Мокки, на южной оконечности Чермнаго Моря, вблизи Пролива Бабель-мандебскаго. Его владѣнія, не включая сюда Мекки и плодоноснаго округа Танфскаго, на востокъ отъ Джедды, простираются отъ морскаго берега во внутренность земли, не болѣе, какъ на одну или двѣ мили; но за то его войска занимаютъ значительнѣйшіе города и гавани на восточной сторонѣ Чермнаго Моря; сіе послѣднее обстоятельство даетъ вице- королю Египетскому возможность владѣть всею торговлею въ Іеменѣ и Геджасѣ, — двухъ главныхъ провинціяхъ западной Аравіи. Покупая товары за самую сходную цѣну, и продавал ихъ съ великою прибылью иностраннымъ купцамъ, онъ вообще прибралъ къ своимъ рукамъ всю внутреннюю торговлю. На товары, вывозимые изъ Индіи, у него положена пошлина въ 10 проц., которые онъ получаетъ или деньгами или вещами. Такъ на корабль съ грузомъ сарачинскаго пшена, на которомъ мы приплыли изъ Калькутты въ Джедду, губернаторъ изъ каждой сотни кулей, объявленныхъ таможи, взялъ по 10, а 90 отдавалъ для продажи нашему *наквиду*. Я не видывалъ таможи, ко-

торая была бы управляема лучше и честиѣе таможи Паши Джеддскаго; то же можно сказать и о таможи Моккской. Здѣсь не нужно подкупать таможенныхъ смотрителей, да нѣтъ и обременительныхъ обысковъ или задержекъ. Это замѣчаніе, конечно, относится только къ товарамъ подъ Британскимъ флагомъ, и я увѣренъ, что вѣжливость, съ какою жители береговъ Чермнаго Моря принимаютъ Англичанъ, должна быть приписываема присутствію двухъ военныхъ кораблей, изъ Индѣйскаго флота, коихъ пушки внушаютъ уваженіе, и сообщаютъ Туркамъ и Аравитянамъ понятіе о нашей силѣ. Значительнѣйшія вывозныя статьи отсюда суть кофе и александрійскій листъ (*cassia senna*), но привозъ перваго чрезвычайно началъ уменьшаться съ тѣхъ поръ, какъ Паша безразсудно завладѣлъ монополіею этой торговли. Удивительно ли, что кофейные плантаторы не хотятъ производить его въ требуемомъ количествѣ, когда не получаютъ отъ него должной прибыли? Паша, вступая въ посредничество между ними и иностранными купцами, лишаетъ ихъ даже той выгоды, которая принадлежитъ имъ по всей справедливости. Кофе и александрійскій листъ растутъ не во владѣніи Мегмеда Али, но въ области Имама Сеннскаго, молодаго, слабаго князя, владѣющаго прекрасною землею, которую, долго или коротко, Паша причислитъ къ своимъ владѣніямъ. Причина, по которой онъ не могъ завладѣть ею совершенно, вѣроятно, та, что онъ потерпѣлъ неоднократныя пораженія отъ Бедуинскаго поколѣнія Ассировъ, населяющихъ землю между Меккою и Сенною, и упорно защищающихъ независимость своего владѣнія. Въ походъ 1835-го года, Египетская армія, къ прискорбію Паши, подъ предводительствомъ внука его, Ибраги-

ма младшаго, потерпѣла сильное пораженіе отъ этихъ питомцевъ пустыни. Въ слѣдствіе сего Паша, въ 1836-мъ году, дѣлалъ новыя приготовленія ко второму походу противъ Ассировъ, и образовалъ армию въ Годаидъ, Джеддъ и Геджасъ, которая и выступила въ походъ послѣ окончанія гаджа, или обрядовъ, отправляемыхъ Музульманами, когда они предпринимаютъ путешествіе къ св. мѣстамъ. Одинъ изъ корпусовъ этой арміи, я видѣлъ въ Джеддѣ: онъ состоялъ изъ 3000 ч. пѣхоты, небольшого отряда конницы и шести легкихъ полевыхъ орудій. Пѣхота была хорошо обмундирована. Послѣ Морейской войны, Паша отмѣнилъ Турецкій мундиръ, и новыя мундиры Египетскій называется *пизаль*. Ружья Египтянъ были сдѣланы въ Каирѣ по Французскому образцу; они гораздо легче и удобнѣе Англійскихъ. Патронташи, порохъ и пули въ совершенной исправности. Я былъ при маневрахъ этого корпуса, на большой равнинѣ, на югъ отъ Джедды; тутъ было ученѣ легкой пѣхоты, которая съ величайшею пользою можетъ быть употреблена противъ необразованныхъ Ассировъ. Дивизія находилась подъ предводительствомъ бей, имѣющаго чинъ генераль-маіора. Шефомъ главнаго штаба былъ Мари, Корсиканецъ, бывший фельдвбель Британской службы. Онъ имѣетъ ближайшій надсмотръ за ученѣмъ войскъ, и въ то же время, исправляетъ должность генераль-квартирмейстера. Онъ показывалъ мнѣ свой недостаточный планъ, который былъ имъ начертанъ для военныхъ дѣйствій противъ Ассировъ. По его словамъ, голодъ, жажда и несносныя жары были причиною пораженія Египетскихъ войскъ. Когда войска находились въ крайности отъ недостатка жизненныхъ потребностей, Ассиры выходили изъ своихъ недоступныхъ убожищъ, и обращали ихъ въ бѣгство.

Мари имѣетъ чинъ подполковника, но, какъ христіанинъ, онъ почти не обладаетъ ни какою властью надъ своими подчиненными. Кромѣ Мари, были тутъ еще многіе офицеры, большею частію, Италійцы и Французы. Эти господа не имѣютъ ни какого чина, и власть ихъ въ войскѣ, немного болѣе власти капрала въ Англійскомъ полку. Въ числѣ ихъ есть однако жъ много людей образованныхъ и благовоспитанныхъ, съ которыми провелъ я нѣсколько пріятныхъ вечеровъ. Врачи и хирурги въ арміи вице-короля почти всѣ Европейцы, и притомъ, большею частію, Французы; есть, правда, нѣсколько Нѣмцевъ, но весьма немного. Особенно отличается однако жъ своими талантами и познаніями Фишеръ, Нѣмецъ. Въ домѣ Англійскаго агента въ Джеддѣ, Миллоса Юсуфа, и за столомъ капитана военнаго шляпа Clive, Гавкинса, видѣли мы много Европейцевъ, находящихся въ вице-королевской службѣ. Англійчанъ, сколько мнѣ извѣстно, вовсе нѣтъ въ арміи Паши: они своею неуступчивостію не нравятся жителямъ Египта, и пренебрегаютъ тѣмъ скуднымъ жалованьемъ, за которое служатъ Италійскіе и Французскіе авантюристы. Армія Паши въ Аравіи состоитъ почти изъ 2500 ч. конницы и 20,000 ч. пѣхоты, съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи. Главная квартира находится въ Меккѣ, гдѣ генераль-губернаторомъ и главнокомандующимъ Хурнидъ-Паша, второй внукъ Мегмеда Али; онъ находился въ Геджасѣ въ то время, какъ я былъ въ Джеддѣ; впрочемъ онъ часто бываетъ и въ Таифѣ и Джеддѣ. Ибрагимъ Паша младшій считается губернаторомъ и главнокомандующимъ въ Іеменѣ; главная квартира его находится въ Годаидѣ. Въ его арміи считается отъ 5000 до 6000 ч.—Въ Моккѣ стоитъ 1200 ч. войска, и стѣны города защищены нѣ-

сколькими старыми пушками. Приморскій городъ Гонфода, былъ главною квартирою дивизіи, состоящей изъ 3000 или 4000 пѣхоты; столь сильный отрядъ войска почли нужнымъ поставить въ этомъ городѣ, по причинѣ близости его къ землѣ Ассировъ. Логей, Ямбо, Медина и другіе города на западныхъ берегахъ Аравіи столь мало имѣютъ гарнизона, что не въ состояніи защищаться отъ разбойническихъ нападений Бедуиновъ. Во всѣхъ городахъ Аравіи подъ правленіемъ Паши, кромѣ военныхъ коммандантовъ, находятся еще гражданскіе губернаторы; они, опасаясь другъ друга, не смѣютъ злоупотреблять своей власти. Мегмедъ Али намѣренъ, если ему удастся побѣдить Ассировъ, или, что вѣроятнѣе, успокоить ихъ мятежные умы общаіями и подарками, отправить войска изъ Мокки къ Адену, лежащему при Проливѣ Бабель-мандебскомъ, чтобы занять этотъ древній городъ, имѣющій двѣ прекрасныя гавани, и владѣющій проѣздомъ въ Черное Море. Адень теперь находится во владѣніи одного разбойническаго шейха, который мало или почти ни какого не можетъ сдѣлать сопротивленія войскамъ Паши. Онъ принадлежитъ къ княжеству Сенискому, но почти не признаетъ надъ собою власти тамошняго имама. Завладѣвши Аденомъ, Мегмедъ-Али, безъ сомнѣнія, постарается распространить свои владѣнія къ Гадраманту — провинціи, которая простирается до южныхъ береговъ Аравіи, и теперь раздѣлена между многими малыми князьками и шейхами, которые всѣ вмѣстѣ не въ состояніи противиться Мегмеду. Войска его, наблюдая пути вдоль береговъ Гадраманта, прійдутъ въ Оманъ, завладѣютъ Маскатомъ и землею на югозападной сторонѣ Персидскаго Залива. Такимъ образомъ, сдѣлаютъ они Мегмеда владыкою всего Аравійскаго

полуострова, а тогда не трудно будетъ ему завладѣть Багдадомъ. Мегмедъ Али слыхалъ о могуществѣ и знатности древняго калифатства, и ему хочется основать государство, которое, если не превзойдетъ, его, по крайней мѣрѣ, сравнялось бы съ нимъ. Имамъ Маскатскій съ завистію и опасеніемъ смотритъ на предпріятія вице-короля въ Моккѣ, и на приготовляемый имъ походъ къ Адену, этому ключу Маската. Думаютъ, что имамъ Маскатскій, лаская Англіи, имѣлъ цѣлью заключить дружественный союзъ съ такимъ могущественнымъ государствомъ, и тѣмъ обезопасить себя на случай нападенія со стороны Мегмеда. Впрочемъ, можно надѣяться, что Англія не позволитъ вице-королю распространить свои завоеванія до Маската, съ одной стороны потому, что тѣмъ была бы нанесена обида имаму, а съ другой потому, что его земли примыкаютъ уже къ берегамъ Индіи. Конечно, правленіе Паши несравненно лучше правленія необузданныхъ шейховъ, подъ кровомъ коихъ ни жизнь, ни собственность людей, не могутъ быть безопасны, но здѣсь рождается вопросъ: если челоуѣколюбіе заставляетъ нецись объ учрежденіи настоящаго образа правленія въ Адень, не лучше ли сдѣлаетъ Англія, если сама завладѣетъ Аденомъ, тѣмъ болѣе, что это благопріятствовало бы и ея видамъ касательно пароходства въ Индію? Кромѣ того, Великобританія пріобрѣла бы чрезъ то силу и значеніе въ Аравіи, Абиссиніи, и на сѣверномъ берегу Африки, чего она еще до сихъ поръ не имѣетъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что или Мегмедъ-Али, или какое нибудь другое сильное государство постарается векоръ завладѣть Аденомъ, и всѣми гаванями въ сей области, ибо невѣроятно, чтобы нынѣшнее варварское положеніе длѣ въ сей землѣ могло продлиться очень долго. Американцы, въ 1835 году,

пытались уже основать факторію на западныхъ берегахъ Аравіи, къ которымъ они приставали съ двумя военными кораблями; можетъ быть, они возобновятъ свою попытку. Мегмедъ-Али завелъ много хорошаго въ Аравіи; подъ его правленіемъ обезопасена жизнь и собственность жителей, уничтожено несправедливое присвоеніе чужаго, въ чемъ онъ даже себя строго отказываетъ, но я не думаю, чтобы въ Аравіи могло надолго утвердиться Турецко-Египетское владычество, ибо Туркамъ не нравятся Аравія, а между тѣмъ Аравитяне, находящіеся подъ ихъ игомъ, вздыхаютъ о своей прежней независимости. Сынъ и преемникъ Мегмеда, Ибрагимъ, умный политикъ, конечно, можетъ еще поддержать обширное владѣніе своего отца но, если наследникъ его не будетъ столько же уменъ, то завоеваніе, утверждаемое силою, непременно должно рушиться, потому, что оно не основано на любви народной.

Владѣть Египтомъ гораздо легче, нежели Аравіею, потому что въ немъ народъ, большею частію, стѣсненъ въ узкой долинѣ при Нилѣ, и живетъ въ деревняхъ почти ни сколько одна отъ другой не отдѣляющихся: потому гораздо удобнѣе держать его въ повиновеніи, нежели кочующія по обширной странѣ племена Аравійскія. Земледѣіе, это мирное занятіе, дѣлающее трудолюбивыми и довольными свою участью тѣхъ, которые имъ занимаются, есть главный промыселъ Египетскихъ феллаговъ. Египтяне столь давно уже лишились своей природной правительственной династіи, что теперь не въ состояніи такъ живо, какъ другіе народы, чувствовать иго чуждаго завоевателя. Посему-то Мегмедъ Али совершенно спокоенъ касательно Египта. Во время моего пребыванія въ сей землѣ, мнѣ рѣдко удавалось видѣть сол-

дата, и самые значительные гарнизоны квартируютъ въ трехъ главныхъ городахъ, Сіутъ, Каиръ и Александріи. Египетъ чрезвычайно истощился теперь, снаряжая арміи въ Сирію и Аравію, ибо въ сихъ отдаленныхъ странахъ войска были гораздо нужнѣе, нежели въ землѣ, находящейся подъ непосредственнымъ правленіемъ самого Паши. Проѣзжая внизъ по теченію Нила, мы были изумлены чрезвычайнымъ множествомъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, занимающихся поливаніемъ и обработываніемъ полей; молодыхъ людей и мужчинъ средняго возраста, которые въ другихъ земляхъ занимаются земледѣіемъ, здѣсь вовсе не было видно. Послѣ неоднократныхъ распросовъ, мы наконецъ узнали, что всѣ они насильно уведены въ армейскую и морскую службу, и что по сей причинѣ домашнія и полевая работы принуждены исправлять старики и малолѣтки. Народъ проклиналъ своего повелителя за его страсть къ завоеваніямъ, которыя, по ихъ словамъ, только опустошаютъ землю, а между тѣмъ большія полосы земель, по недостатку рукъ, должны оставаться необработанными. Всѣ на видъ здоровые земледѣльцы, которыхъ мы замѣтили, были большею частію изувѣчены. Чтобы избавиться отъ военной службы, многіе изъ нихъ лишаютъ себя большаго пальца правой руки, или праваго глаза. Многіе лишаются также глаза, и даже обоихъ, отъ глазной болѣзни, которая становится ужасною отъ неопрятности.

Египтяне особенно уважаютъ Французовъ, которыхъ почитаютъ могущественнѣйшимъ въ Европѣ народомъ. Они говорятъ, что Англійскій флотъ есть сильнѣйшій и лучшій въ мірѣ, но за то ни какъ армія не можетъ сравниться съ Французскою. Прибывши въ Луксоръ, мы пошли осмотрѣть пу-

стой домъ, въ которомъ жили Французы, прїѣзжавшіе за обелискомъ. Къ величайшему для насъ удивленію, насъ не впустили туда, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы не Французы. Наибъ Луксорскій, Турокъ, былъ сильно разгнѣванъ этимъ, но не могъ ничего для насъ сдѣлать, потому что повелѣніе, отказать намъ въ нашей просьбѣ, дано было Французскимъ генеральнымъ консуломъ. Спустя два дня прибылъ сюда изъ Каира Французъ, котораго караульный тотчасъ впустилъ въ означенный домъ, лишь только увидѣлъ на его ботѣ трехцвѣтный флагъ. Жители Луксора при этомъ случаѣ говорили. «Видите-ли могущество Французовъ? Бѣдная Англійская дама и господинъ принуждены жить въ укромныхъ хижинахъ, между тѣмъ какъ Французскій путешественникъ живетъ во дворцѣ!» Это мнѣніе, конечно, было не болѣе какъ мнѣніе невѣжественнаго простолюдина, но подобная молва носится отъ водопадовъ Нила до Розетты, и она еще болѣе распространяется самими Французами, находящимися въ вице-королевской службѣ. Они, обращаясь постоянно съ народомъ, имѣютъ много случаевъ къ тому, чтобы изъ народной зависти превозносить могущество «великой націи,» и унижать Англичанъ.

Египетскіе феллаги бѣдны, но трудолюбивы, перемчивы и большею частію, благоправны. Паша беретъ у нихъ почти все, что вырастаетъ, какъ-то: хлопчатую бумагу, индиго, сахарный тростникъ, хлѣбъ, и оставляетъ имъ столько, сколько нужно для скуднѣйшаго пропитанія. Бѣдность ихъ такъ велика, что они нерѣдко ходятъ въ лохмотьяхъ, не имѣя возможности достать себѣ новую одежду. Когда издохнетъ у нихъ рабочая скотина, то не имѣя возможности купить другой, они остав-

ляютъ полосу земли необработанною. Отъ того количество пустой земли день ото дня увеличивается, и вмѣсто прекрасныхъ зеленѣющихъ нивъ, взорамъ путешественника представляются покинутыя поля, которыя, при посредственныхъ трудахъ, чрезъ благотворное разлитіе Нила могли бы сдѣлаться истинно прекрасными садами. Народъ отягощенъ необыкновенными налогами, для того, чтобы его владыка могъ умножать свои иноземныя завоеванія, но обладаніе Сирією и Аравією малое возмездіе за тѣ бѣдствія, которыми онъ обременилъ Египетъ — лучший камень въ своей коронѣ. Таковую превратную политику должно приписывать не жестокости Мегмеда, или его равнодушію ко благу своихъ подданныхъ, но единственно желанію имѣть въ запасъ огромныя суммы для настоящихъ потребностей — желанію неограниченному. Безъ всякаго сомнѣнія, при такой гибельной системѣ, бѣдствія въ государствѣ Египетскомъ день ото дня будутъ умножаться. Паша думаетъ, что если онъ *вспль* владѣть, то ему должны принадлежать и *всѣ* выгоды, которыя въ другихъ земляхъ остаются въ рукахъ гражданина, въ награду за его труды и способности, и что посему онъ долженъ почитать себя богаче другихъ государей, которые руководствуются противоположными правилами.

Впрочемъ, вице-король ни сколько не увеличилъ своей кассы, и если онъ будетъ и впредь слѣдовать своей нынѣшней системѣ, то годъ отъ году будетъ становиться бѣднѣе, не смотря на то, что владѣть землею самою удобнѣйшею къ воздѣлыванію, и самою плодороднѣйшею. Попеченія Мегмеда Али о воспитаніи чрезвычайно похвальны и даютъ ему право на названіе «*благодѣтеля*». Надобно было ожидать, что при его военномъ деспотизмѣ,

и при той системѣ воспитанія, которой слѣдуютъ въ Египтѣ, изученіе военнаго искусства, медицины и хирургіи будетъ главнѣйшимъ предметомъ образованія. Отличнѣйшія училища находятся вблизи Каира, но они посвящены собственно, такъ называемымъ, наукамъ. Въ сихъ заведеніяхъ, сотни молодыхъ Египтянъ, Коптовъ, Аравитянъ, Турокъ и Грековъ, вмѣстѣ, получаютъ одинаковое образованіе, въ одно время пользуются отдохновеніемъ, и со всѣми ими одинаково обращаются. Я былъ при испытаніи воспитанниковъ военной академіи, находящейся подъ управленіемъ какого-то Армянина; съ нѣкоторыми изъ молодыхъ людей онъ говорилъ по-Французски, съ немногими по-Англійски, а съ большею частию по-Турецки и по-Арабски. Этотъ Армянскій ученый сказывалъ мнѣ, что онъ воспитанъ въ Англій, но что Паша на подобныя мѣста охотнѣе опредѣляетъ людей, получившихъ образованіе во Франціи, потому что сіи послѣдніе оказываютъ себя гораздо лучше воспитанныхъ въ Англій, изъ коихъ многіе предались развратному образу жизни, дѣлающему ихъ неспособными къ отправленію общихъ военныхъ должностей. Притомъ, познанія, заимствованныя молодыми людьми во Франціи, показали Пашѣ гораздо полезнѣйшими для такой земли, какова Египетская, нежели искусство кораблестроенія, мореходства и теорія паровыхъ машинъ, которымъ въ Англій преимущественно обучаютъ Египетскую молодежь. Паша владѣеть, сказать мимоходомъ, столь обширною морскою силою, что онъ не въ состояніи покрывать ея расходовъ, а между тѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ береговыхъ судовъ, у него нѣтъ купеческаго флота, и съ вѣроятностію можно заключить, что не будетъ его и чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Во всемъ государ-

ствѣ пароходовъ не болѣе двухъ или трехъ. Кромѣ училища въ столицѣ, Паша завелъ еще во всѣхъ значительныхъ городахъ уѣздныя училища, въ которыхъ дѣти безмездно обучаются чтенію, письму и арифметикѣ; родителямъ строго приказано посылать въ нихъ дѣтей своихъ. Изъ сихъ училищъ, въ извѣстное время, переводятъ лучшихъ воспитанниковъ для дальнѣйшаго образованія, въ военную академію, или въ медицинскій коллегіумъ, въ Каирѣ. Эта система воспитанія еще такъ недавно введена въ употребленіе, что нельзя сказать опредѣленно, достигнетъ ли она предполагаемой цѣли. Мнѣ кажется, что въ сихъ заведеніяхъ большой недостатокъ въ хорошихъ наставникахъ и въ учебныхъ книгахъ. Если не будутъ переводить Европейскихъ элементарныхъ сочиненій, какъ это принято въ «Обществѣ учебныхъ книгъ» въ Калькуттѣ, и въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ Англійскихъ, на Востокѣ, и если не будутъ заботиться о образованіи хорошихъ учителей, которые были бы въ состояніи преподавать предметы Европейскаго знанія, то, по моему мнѣнію, нельзя многого ожидать отъ Египта въ отношеніи къ просвѣщенію.

Паша хорошо сдѣлалъ, что завелъ въ Египтѣ фабрики. Многіе думаютъ, что Египетъ земля совершенно земледѣльская, и что онъ никогда не можетъ сдѣлаться государствомъ мануфактурнымъ, а потому Паша долженъ всячески поддерживать земледѣліе, отправлять сырыя произведенія во Францію и въ Англій, и оттуда обратно получать уже обдѣланными, ибо онъ все нужное для себя можетъ гораздо сдѣлать купить въ чужомъ государствѣ, нежели приготовить у себя дома. Но, кромѣ народной гордости, по внушенію которой всякое правительство желаетъ имѣть у себя дома всѣ источники бо-

гатства и быть независимымъ отъ другихъ державъ, Паша надѣется, что введеніе мануфактуръ въ его государство будетъ много способствовать къ образованію его народа; предположеніе, въ истинѣ котораго онъ ни мало не ошибся. Почти во всѣхъ большихъ городахъ верхняго и нижняго Египта, онъ завелъ мануфактуры, на которыхъ приготавливаются простыя ткани изъ хлопчатой бумаги. Въ Булакѣ есть много шерстяныхъ и бумажныхъ фабрикъ; на первыхъ приготавливаются одѣяла для арміи, а на послѣднихъ матеріалы для солдатской амуниціи; они состоятъ изъ толстой, въ половину смѣшанной съ хлопчатой бумагою холстины. Смотря по тому, для какого полка она приготавливается, ее окрашиваютъ красною, голубою или желтою краскою. Впрочемъ, многіе полки въ Египтѣ и Аравіи носятъ амуницію бѣлаго цвѣту. Въ Маллугѣ есть сахарный заводъ, подъ надзоромъ Италіянца Антонини. Эта часть земли вся изрѣзана каналами, въ которыхъ, долго послѣ наводненія, собираются воды Нила, и потому сей уѣздъ изобилуетъ сахарнымъ тростникомъ, изъ соку котораго приготавливаютъ отличный, мелкозернистый сахаръ, бѣлизною и чистотою неуступающій лучшему Англійскому рафинаду. Почти половина сахару отпускается отсюда въ Аравію и въ ближайшія гавани, а другая, большая часть его, потребляется въ самомъ Египтѣ. Всѣ фабрики содержатся на иждивеніе Паши. Въ Каирской цитадели находятся пушечный и оружейный заводъ и монетный дворъ. Въ литейной всѣ вещи приготавливаются по Англійскому и по Французскому образцу, но Паша предпочитаетъ послѣдній. Мы видѣли двѣнадцати, девяти, шести и четырехъ-фунтовыхъ пушки, всѣ превосходной отдѣлки. Литейня прежде была подъ надзоромъ какого-то Француза, а

теперь управляетъ ею Турокъ. На оружейномъ заводѣ видѣли мы готовые ружья, пистолеты, штыки и сабли; послѣднія много уступаютъ Англійскимъ. На монетномъ дворѣ, Англійскими и Французскими прессами, чеканятъ золотую, серебряную и мѣдную монету. Одинъ изъ работниковъ говорилъ мнѣ, что Французскіе прессы гораздо лучше Англійскихъ; въ этомъ мнѣніи, вѣроятно, утвердилъ его Французъ, бывшій прежде смотрителемъ завода. Цитадель Каира защищается 18 и 24-хъ фунтовыми Англійскими пушками, на чугунныхъ лафетахъ. Многіе бастионы съ куртинами господствуютъ надъ городомъ, и потому всякое возмущеніе въ немъ можетъ быть прекращено мгновенно.

Прежде, нежели я оставилъ Александрію, Паша удостоилъ меня аудіенціи, въ тѣ часы, когда онъ обыкновенно принимаетъ гостей, въ девятый часъ вечера. Не смотря на то, что повелитель сильнаго государства, Мегмедъ-Али чрезвычайно простъ въ обращеніи. При входѣ во дворецъ стоялъ только одинъ часовой, и народъ могъ свободно войти и выходить изъ притвора, въ которомъ совершалось богослуженіе. Даже мой погонщикъ (это самый низшій классъ народа въ Александріи) могъ безпрепятственно стоять съ чиновниками, караульными солдатами и другими людьми, которые совершали свои молитвы. По выходѣ адмирала, имѣвшаго аудіенцію прежде меня, нашего вице-консула и меня ввели въ залу, украшенную великолѣпнымъ диваномъ. Въ переднемъ углу сидѣлъ Мегмедъ-Али и курилъ свой «чубукъ»; при немъ не было никого, кромѣ переводчика, Армянина, который говоритъ по-Французски и по-Турецки. Паша пригласилъ насъ сѣсть подлѣ себя, и приказалъ подать мнѣ кофе; трубки онъ мнѣ не предлагалъ, потому

что эта честь принадлежит только высокимъ лицамъ, каковы посланники, адмиралы и генералы. Мегмедъ-Али красивый старикъ, съ Римскими чертами лица, сребристо-бѣлою бородою и черными пронизательными глазами. Его обращеніе дружелюбно и вѣжливо; въ продолженіе всего нашего разговора, съ его лица не сходила пріятная улыбка. Узнавъ, что я ѣду изъ Индіи, черезъ Черное Море, онъ началъ подробно спрашивать о своихъ губернаторахъ и коммандантахъ въ Джебдѣ и Моккѣ, о томъ, какъ они обращаются съ Аравитянами; любятъ-ли ихъ подчиненные, такъ-ли они ведутъ себя, чтобы ихъ поведеніе могло принести честь его правленію. Когда на всѣ вопросы сдѣлалъ я удовлетворительные отвѣты, онъ спросилъ меня, что я думаю объ его войскахъ, и могутъ ли они равняться съ Англійскими въ Индостанѣ. Я отвѣчалъ, что они, по моему мнѣнію, хорошо выучены тактикѣ, дисциплинѣ и достаточно вооружены, и не сдѣлали бы безчестія ни какому Европейскому монарху; что я чрезвычайно изумленъ ихъ маневрами, и послѣ этого не дивлюсь ихъ успѣхамъ въ Сиріи. Смѣло можно поставить ихъ, присовокупилъ я, наравнѣ съ нашею Индѣйскою арміею. Предметомъ дальнѣйшаго разговора были разные лица. Паша спрашивалъ меня о Лудовикѣ Филиппѣ, Графѣ Поццо ди Борго, Лордѣ Пальмерстонѣ, Князѣ Меттернихѣ, и другихъ государственныхъ Европейскихъ людяхъ. Выпивши свой кофе, я простился съ Мегмедомъ-Али, весьма довольный его пріемомъ.

Въ заключеніе, скажу вамъ еще нѣсколько словъ о морской силѣ Паши. Въ Александрійской гавани видѣлъ я пять или шесть военныхъ кораблей перваго ранга, много фрегатовъ, шлюповъ и военныхъ бригавъ; всѣ они находятся подъ командою Ту-

рокъ, а экипажъ на нихъ изъ Аравитянъ. Лучшаго порядка на корабляхъ быть не можетъ: палубы содержатся въ необыкновенной чистотѣ; вездѣ блеститъ полированная мѣдь; пушки и весь рангоутъ въ совершенной исправности. Между тѣмъ, флотскіе офицеры увѣрили меня, что большая часть изъ этихъ, повидимому столь прекрасныхъ кораблей, негодны для открытаго моря, и что на нихъ, безъ явной опасности, нельзя предпринять путешествія даже до береговъ Сиріи, потому что вся подводная часть ихъ сгнила. Матросы показали мнѣ молодыми, неопытными людьми; большая часть ихъ, какъ увѣрили меня, не видала другаго моря, кромѣ Александрійской гавани. Капитаны и офицеры весьма бѣдны познаніями въ мореходствѣ, и еще бѣднѣе опытностію. Впрочемъ, и подобный флотъ для Турецкой эскадры можетъ казаться страшнымъ, но противъ какой бы то ни было Европейской морской силы, онъ никуда не годится. *Ниль*, паровой фрегатъ въ 1000 тоннъ, лучший корабль во флотѣ вице-короля. Машинистъ и хирургъ на немъ Англичане, но и этотъ пароходъ подъ начальствомъ неопытнаго капитана, и снабженъ столь же дурнымъ экипажемъ, какъ и всѣ другіе корабли Мегмеда Али.

НОВАЯ ГВИНЕЯ И НИДЕРЛАНДСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ СЕЙ ЗЕМЛѢ.

Подробнѣйшими и лучшими свѣдѣніями о столь мало извѣстной до сихъ поръ Новой Гвинее, обязаны мы въ послѣднее время Голландцамъ, которые, недавно овладѣвъ этою страной, открыли новые значительные источники для своей торговли. Если въ своемъ обращеніи съ туземцами, они будутъ придерживатся принятыхъ ими челоѣколюбивыхъ началъ, то нѣтъ сомнѣній, что такое событіе должно имѣть благодѣтельное и важное слѣдствіе въ будущемъ.

Голландская экспедиція, которой поручено было отыскать удобное мѣсто для основанія крѣпости и факторіи, при первомъ своемъ приближеніи къ берегамъ Новой Гвинее, увидѣла плоскую страну, поросшую высокими деревьями на необозримомъ пространствѣ. Подойдя къ устьямъ рѣки *Дурги*, естественныя испытатели экспедиціи сошли на берегъ. Грунтъ въ окрестности былъ болотистъ, и ничто не давало повода къ заключенію, что эта часть страны была заселена, или удобна къ заселенію. Иностранные гости были привѣтствованы крикомъ множества разнородныхъ птицъ, какъ-то морскихъ ласточекъ, цаплей, какаду; неслыханный рой мускитовъ чрезвычайно ихъ беспокоилъ; но три новыя породы

деревъ вознаградили ихъ за всѣ неудобства. При вторичномъ изслѣдованіи береговъ, увидѣли челоѣческіе слѣды на глинистомъ грунтѣ, и даже можно было ясно различать отдаленные голоса людей и лай собакъ; только прѣсной воды нигдѣ не могли отыскать, и экспедиція почти уже готова была оставить свое предпріятіе, какъ вдругъ появились семь туземцевъ, бросились въ воду, и съ странными тѣлодвиженіями испускали громкіе крики. Толмачъ экспедиціи не могъ объясниться съ ними ни какими словами, но казалось, по крайней мѣрѣ, они понимаютъ пантомиму, которою онъ изъяснялъ имъ дружескія намѣренія, потому что, когда онъ полную горсть воды опрокинулъ надъ своей головой, они сложили съ себя оружіе, и поплыли съ большою довѣренностію къ шлюпкѣ. Толмачъ поплылъ имъ на встрѣчу до половины дороги, взявъ съ собою небольшіе подарки, при видѣ которыхъ дикари стали кричать отъ радости, обнимали его по очереди, и плясали свою народную пляску. Видъ подарковъ привлекъ вскорѣ еще другихъ, и наконецъ набралось до восемнадцати туземцевъ вмѣстѣ, которые всѣ вдругъ ныряли въ воду. Одинъ изъ Голландцевъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Когда такимъ образомъ пріобрѣтена была ихъ довѣренность, они рѣшились даже войти въ шлюпку. Зеркала, почти всегда предметъ удивленія для дикихъ, оставляли они довольно равнодушно; напротивъ того умѣли достойно цѣнить подарки истинно полезныя, какъ-то: полотно и орудія. Вдругъ показалось въ нихъ, по всѣмъ признакамъ, искушеніе овладѣть самою шлюпкой; это возбудило подозрѣніе, обратившееся въ совершенный ужасъ, когда внезапно стрѣла изъ лука, можетъ быть, болѣе нечаянно, чѣмъ умысленно, попала въ одного изъ Голландскихъ офицеровъ. Раненый тотчасъ же при-

частью острова Сирама. Векоръ оказалось, что толмачъ корабля и этотъ туземецъ, по имени Абрамъ, были уже когда-то знакомы. Не смотря на свой небогатый видъ, Абрамъ былъ предводителемъ всѣхъ племенъ этой страны. Онъ жилъ при устьѣ рѣки *Октаматы* въ *кампонгъ Окта* *. Разговоръ, довольно живой, завязался при посредствѣ толмача; послѣдній понималъ языкъ Новой Гвиней несовершенно; за то, Абрамъ въ своихъ продолжительныхъ сношеніяхъ съ Сирамомъ научился языку Сирамскому, родному толмача. Покуда сей полубразованный предводитель оставался на Голландскомъ кораблѣ, спутники его, сидѣвшіе въ своихъ проа, показывали многіе признаки безпокойства, и Абрамъ долженъ былъ выходить къ нимъ отъ времени до времени, желая показать имъ, что находится въ добромъ здоровьи. Наконецъ онъ оставилъ корабль, унося съ собою подарки, которыхъ одна часть была назначена для него и для его семейства, а другая для его свиты. На другой день приплылъ онъ въ сопровожденіи двухъ второстепенныхъ предводителей. Всѣ трое были уже знакомы съ горячими напитками; потому что когда ихъ поподчивали стаканомъ арака, они съ восторгомъ стали кричать: *арраки! arraки!* ** и пили жадными глотками. Также и свойства табачнаго растенія были имъ коротко извѣстны, и они умѣли готовить маленькія, красивыя сигары, за-

* Слово Kampong, встрѣчающееся во всѣхъ Малайскихъ нарѣчіяхъ, собственно означаетъ огражденное мѣсто, простраство, обведенное тыномъ; потомъ деревню, укрепленное село; собственно на Малайскомъ изъ него образуются глаголы ber-Kampong, соединяться, собираться, и meng-ampong, соединять, собирать.

** *Аракъ* (правильнѣе чѣмъ *Арракъ*) происходитъ отъ Арабскаго, и отсюда перешло не только къ Малайцамъ, но и къ народамъ средней Азіи и даже къ Тунгузамъ. Монголы и Манджуры называютъ каждый опьяняющій напитокъ *Арки* и *Арки*.

вертывал небольшое количество табаку въ плантановый листъ. Хотя эти предводители не видали до тѣхъ поръ ни одного Европейца, они не показывали большаго удивленія ни къ чему, что было на кораблѣ, и даже бѣлый цвѣтъ лица Голландцевъ не поражалъ ихъ.

Когда путешественники пришли къ рѣкѣ *Октаматъ*, они увидѣли, на косѣ изъ благаго песку, небольшой *кампонгъ*, резиденцію Абрама. Всѣ жители поспѣшили туда съ женами и дѣтьми, для привѣтствованія иностранныхъ гостей. По тщательномъ разсмотрѣніи мѣстности убѣдились, что берега *Октаматы* неспособны къ заведенію осѣлости, по причинѣ болотистаго грунта, и что было благоразумнѣе предпринять дальнѣйшіе поиски вдоль береговъ. Туземцы до изступленія жадничали полотняныхъ издѣлій, но впрочемъ вели себя весьма благопристойно. Абраму и его подвластнымъ предводителямъ сильно хотѣлось также, чтобы Голландцы выбрали на *Октаматъ* мѣсто для своего будущаго поселенія, и они никакъ не могли понять, почему бы это не годилось. Впрочемъ, дикари не хотѣли слѣдовать за Голландцами въ ихъ дальнѣйшихъ поискахъ вдоль береговъ, и отклоняли все относящееся до этого предложенія.

Въ прибрежномъ плаваніи къ сѣверу отъ *Октаматы* находили путешественники болѣе образованности и довѣрія со стороны туземцевъ. Всюду привѣтствовали корабль бѣлыми флагами, и при входѣ въ одну бухту между *Драман* и *Агдама* подошла къ нему на греблѣ *проа*, и экипажъ, ея безъ малѣйшаго признака недовѣрчивости, взошелъ на палубу корабля. Предводитель округа, находившійся въ числѣ пріѣзжихъ, казалось исполненъ былъ безкорыстной ревности служить иностранцамъ всѣмъ, что только было въ его власти. Мѣстоположеніе здѣсь

имѣло много живописнаго: небольшая, роскошно поросшая кокосовыми пальмами долина разстилалась между рядами крутых холмовъ, и посреди долины стоялъ, по Малайскому обычаю построенный, изъ досокъ, утвержденный на сваяхъ домикъ, жилище Сирамскаго священника, который прибылъ въ Новую Гвинею для обращенія народа въ исламизмъ. Туземцы чествовали это маленькое жилище, какъ будто нѣкій храмъ.

По близости этой долины нашли наконецъ мѣсто, удобное для заселенія, и тотчасъ-же приступили къ строительнымъ работамъ. Одежда жителей доказывала уже, какъ выгодны были для нихъ сношенія съ Сирамомъ: на нихъ были ткани, выдѣланныя изъ волоконъ кокосовыхъ орѣховъ, и обернутыя около пояса, а ихъ старѣйшины носили большею частию полную Малайскую одежду. Всѣ безъ исключенія прельщались орудіями и платьемъ, несравненно больше, чѣмъ другими вещами, которыя имъ предлагали на продажу, или въ обмѣнъ. Что-же касается до денегъ, то дикари имѣли еще весьма не совершенное понятіе объ ихъ цѣнности.

Одинъ изъ предводителей этой страны сообщилъ начальнику экспедиціи много любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Новой Гвинеи. Сношенія туземцевъ съ Сирамомъ ведутся со всевозможною осмотрительностію, потому, что народъ *Ониинскій* часто нападаетъ върломнымъ образомъ на Ново-Гвинейцевъ, похищаетъ ихъ женъ и дѣтей, и продаетъ ихъ въ рабство Сирамцамъ, Макассарцамъ и Китайцамъ. Сирамцы сами, отъ времени до времени, берутъ дѣятельное участіе въ хищничествахъ. Природные жители Онина во всѣхъ отношеніяхъ кровожадный, хищный и върломный народъ; земля ихъ лежитъ на сѣверо-западъ отъ *Тритонскаго Залива* — такъ

называется владѣніе новой Голландской колоніи — и въ сосѣдствѣ острова *Каррасъ*, котораго жители имѣютъ такое-же направленіе характера. Оба народа отправляются съ флотомъ, въ сто и болѣе *проа*, на морскіе разбои. Не задолго до прибытія Голландской экспедиціи напали Ониинцы на селеніе Варандшура, перебили мужей, и увлекли женъ и дѣтей въ плѣнъ. Дурной примѣръ сосѣдей возбудилъ даже и въ Ново-Гвинейцахъ склонность къ торгу невольниками.

Сирамскія купеческія суда приходятъ во время сѣверозападнаго муссона * въ Новую Гвинею. Къ наиболѣе потребнымъ предметамъ торговли принадлежатъ *массаи*, родъ коры, которая употребляется какъ лекарство, и собирается въ весьма маломъ количествѣ, потому, что нужно нѣсколько мѣсяцевъ для нагруженія имъ одной *проа*. Другія произведенія Новой-Гвинеи суть: *беллишани* и *розамала*, благовонныя растенія, употребляемыя, подобно массаи, въ лекарство; мушкатный орѣхъ Трипанги жемчугъ, райская птичка, вънчанная птичка (*crowd-birds*) и лакомая пища Китайцевъ, птичьи гнѣзда. За сѣмъ предметы получаютъ Ново-Гвинейцы желѣзные ломы, паранги или топоры, обыкновенные ножи, мѣдную проволоку и хлопчато-бумажныя издѣлія.

Обитатели береговъ и окрестностей Залива Тритона называютъ себя *Папуа* (*Papua*)** а народу, живущему въ горахъ и во внутренности земли, даютъ они названіе *Арассуровъ* (*Arassura*). Последніе, хотя болѣе многочисленные, обязаны платить Папуамъ дань корою *массаи*, розамалой, жемчугомъ и. т. п., и находятся нѣкоторымъ образомъ въ ихъ зависи-

* *Монсунъ*, или *Муссонъ*, есть Арабское, перешедшее въ Малайскій языкъ, и Европейцами испорченное слово: *Муссимъ*, время года.

** Слово *Папуа*, которымъ вообще называютъ туземцы Новой-Гвинеи и Негры Австраліи, значитъ по-Малайски: *шерсто-волосый*.

мости; впрочемъ, о состояніи этого народа трудно сказать что нибудь подробнѣе.

Право наследства между Папуаскими предводителями имѣетъ совершенно особенный характеръ. Когда царь, или *раджа* умираетъ, власть его переходитъ къ младшему изъ его братьевъ; если и этотъ умретъ, она достается старшему по немъ брату, по смерти же послѣдняго брата, наследуетъ старшій сынъ старшаго изъ братьевъ. Второстепенные предводители назначаются раджею. Тутъ нѣтъ ни какого писаннаго закона; нарушеніе обычая, равносильнаго закону, наказывается тѣмъ, что виновный долженъ отдать часть своей движимой или недвижимой собственности судья. Важныя преступленія имѣютъ слѣдствіемъ отобраніе всего имѣнія; часть его идетъ начальнику кампонга, къ которому принадлежитъ преступникъ, а остальное дѣлится между родственниками обиженной стороны. Примѣчательно, что смертная казнь совершенно тамъ неизвѣстна.

Папуи, обращенные Сирамскимъ миссіонеромъ, давно уже приняли исламизмъ, но новая религія столь мало была замѣтна между ними, что Голландцы могли узнать это обстоятельство, только когда предводители кампонговъ по сосѣдству съ Тритонскимъ Заливомъ, дали присягу въ подданствѣ представителямъ Короля Нидерландскаго что происходило по мусульманскому обряду. Также и гробница одного изъ прежнихъ королевъ Акдамы, лежащая при небольшой бухтѣ на сѣверной сторонѣ острова, можетъ служить свидѣтельствомъ, что туземцы исповѣдуютъ исламизмъ: на обоихъ концахъ ея, согласно съ Мугаммеданскимъ обычаемъ, поставлены высокіе камни. Кромѣ того, надъ памятникомъ сдѣланъ навѣсъ изъ саговыхъ вѣтвей.

У Арассуровъ, если вѣрить свидѣтельству Папуевъ,

нѣтъ ни какой религіи; впрочемъ, въ своихъ клѣткахъ, они призываютъ въ свидѣтели солнце, одну изъ своихъ горъ, и клянутся оружіемъ, твердо увѣренные, что солнце сожжетъ клѣтвоступника, гора разможитъ его, а оружіе нанесетъ ему мучительную смерть. Многоженство позволено въ Новой Гвинее. Папуи одни только ввели у себя отправленіе свадебныхъ обрядовъ Мугаммеданскихъ. Арассуры слѣдуютъ въ этомъ случаѣ обычаю, который отзывается чѣмъ-то романтическимъ. Когда дикарь и дѣвушка почувствуютъ другъ къ другу склонность, и между ними дошло уже до объясненія, они прячутся въ какомъ нибудь отдаленномъ мѣстѣ. Родители съ обѣихъ сторонъ не жалѣютъ ничего, чтобы открыть убѣжище влюбленной четы; если старанія ихъ останутся безъ успѣха, то собираются друзья обоихъ семействъ для совѣщанія. Тогда, буде угодно обѣимъ сторонамъ, чтобы бракъ совершился, прощаютъ бѣглецовъ; женихъ даритъ родственниковъ дѣвушки, и тѣмъ кончится свадьба. Въ случаѣ-же несогласія родителей на союзъ, влюбленные должны разстаться, и если дикарь, или дѣвушка рѣшится, потерлѣвъ предметъ своей первой любви, на выборъ другаго, романическое бѣгство опять таки неизбѣжно.

Когда Арассуръ умретъ, тѣло его моютъ и завертываютъ въ ткань изъ древесной коры, или нитей кокосовой пальмы. Потомъ кладутъ трупъ на подмостки, подъ которыми горитъ небольшой огонь, и когда тѣло уже довольно высушится отъ дѣйствія дыма, его относятъ на особеннаго рода чердакъ подъ кровлей; все семейство собирается внизу, и начинается пиръ, продолжающійся нѣсколько дней. По истеченіи этого времени погребаютъ трупъ въ плотно обложенной листьями могилѣ. Сыновья дѣлятъ между собой отцовское наследство; дочерямъ остав-

лется только самая малая часть. У Папуевъ хоронятъ мертвыхъ по Мугаммеданскому обряду, но, по прошествіи двѣнадцати мѣсяцевъ, вырываютъ кости покойника; пережившіе его родственники учреждаютъ пиръ, и потомъ хоронятъ его въ другой разъ. Папуи дѣлятъ годъ на два муссоновыя времени, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себя шесть лунныхъ мѣсяцевъ, а средній, штилевой, мѣсяць перемежающихся вѣтровъ называютъ они *эйранси*.

Натуралисты экспедиціи были неутомимы въ своихъ изысканіяхъ; мы обязаны ихъ постоянному усердію каталогомъ животнаго и прозябаемаго царства Тритонскаго Залива и его окрестностей. Множество новыхъ и дотолѣ неизвѣстныхъ породъ птицъ открыты ими, кромѣ другихъ птицъ, которыя уже описаны были ученымъ образомъ. *Кускусъ* и многіе другіе виды рода *кенгеру*, кажется, суть единственные изъ туземныхъ четвероногихъ; собаки и свиньи, у нѣкоторыхъ жителей были явно *иностранной* породы. Въ лѣсахъ не замѣтно слѣда обезьянъ, и даже обыкновенныхъ дворовыхъ птицъ, кажется, вовсе нѣтъ въ этой сторонѣ. Лучшіе плоды составляютъ кокосовыя орѣхи, плантаны, дшамбу *, папая, и маленькіе кислые лимоны; хорошо растетъ здѣсь сахарный тростникъ, и Гвинея производитъ также ямсъ и мускатныя орѣхи. Къ числу дорогихъ растений, которыя здѣсь находятся, принадлежатъ, кромѣ кокосовыхъ пальмъ, саго, массан, белишари, розамала, желѣзное и черное дерево. При расчисткѣ лѣса встрѣтили работники многія деревья послѣдняго рода, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли почти пять

* О плодѣ *Дшамбу* смотри Марседена Малайскій лексиконъ (стр. 104), гдѣ исчислены различныя его виды, какъ - то: *dschambu-mera* (красный дшамбу, *eugenia malaccensis*); *dschambu-auger* (водяной дшамбу, *eugenia aquea*) и т. п. — Плодъ Папая (иначе Папау) въ ботаникѣ называется *carica papaya*.

футовъ въ діаметрѣ, и срубить ихъ стоило величайшаго труда.

Если упомянутыя нами произведенія находятся почти во всей Новой Гвинее, не въ правѣ ли мы удивляться, почему туземцы, которымъ природа не отказала ни въ способностяхъ, ни въ желаніи наслаждаться удобствами жизни, во многихъ мѣстахъ лишены всего, что только возвышаетъ челоуѣка надъ обыкновеннымъ образомъ жизни животныхъ? Всѣ ихъ искусства ограничиваются постройкою грубыхъ хижинъ и выдѣлкою челноковъ, приготовленіемъ оружія и нѣкоторыхъ украшеній. Жилища, въ селеніи Окта, на примѣръ, просто дрянныя шалаши изъ бамбуковыхъ жердей, съ кровлею изъ плетеныхъ листьевъ. Дымъ отъ огня, который раскладывается на землѣ, не имѣетъ никакого другаго выхода, кромѣ четырехугольныхъ отверстій, замѣняющихъ окна и двери, почему Европейской посѣтитель не въ силахъ пробыть въ подобномъ жилищѣ болѣе нѣсколькихъ минутъ. Рыба, черепаховыя яйца и плантаны, главная пища туземцевъ, жарятся на огнѣ, безъ всякаго знанія повареннаго искусства, котораго дикари вовсе не вѣдаютъ.

Земля въ окрестностяхъ Тритонскаго Залива отлична своею добротою, но смертность между поселенцами была въ началѣ очень велика. Съ 11-го Іюля до 7-го Августа должно было бороться съ сырою, холодною и туманною атмосферою; отъ захожденія солнца до разсвѣта обыкновенно падалъ дождь. Хуже всѣхъ было работникамъ, которыхъ занимали расчисткою лѣса; зловредная, гнилая горячка, скорбутъ и водяная болѣзнь губили ихъ въ множествѣ.

По принятіи мѣръ, которыя позволяло состояніе здоровья, послѣдовало 24-го Августа, въ день рожде-

нія Короля Нидерландскаго, торжественное освященіе крѣпости. Суда были украшены множествомъ флаговъ и вымпеловъ, и на берегу стояли, кромѣ офицеровъ и солдатъ Голландскаго гарнизона, предводители сосѣднихъ Пауевъ, собранные для выслушанія прокламаціи. Этотъ манифестъ возбѣждалъ всѣмъ что комендантъ уполномоченъ правительствомъ Нидерландской Индіи принять во владѣніе, отъ имени Его Величества Короля, западный берегъ Новой Гвинеи съ прилежащими землями, за исключеніемъ округовъ Мамани Карондесса, Амбаршура и Амбарпонъ, на которыя Султанъ Тидорскій имѣетъ притязанія. По прочтеніи прокламаціи, поднять Голландскій флагъ, при громѣ 101-го пушечнаго выстрѣла. Потомъ прочтенъ заключенный между правительствомъ и туземными предводителями договоръ, по которому Папуи обѣщаютъ покорность, а Голландцы отеческое попеченіе. Трое главнѣйшихъ предводителей утверждены начальниками различныхъ округовъ, и обязались присягою подавать во всякое время своимъ Европейскимъ властителямъ помощь противъ ихъ враговъ. Какъ знаки своего достоинства получили они красныя *каби* и жезлы съ серебряными набадашниками, на которыхъ вырѣзанъ Голландскій гербъ. Кромѣ того, каждый изъ нихъ принялъ письменный патентъ за печатами.

По окончаніи предварительныхъ церемоній, пригласилъ комендантъ Папуйскихъ предводителей къ веселому пиру, причемъ провозглашено было множество тостовъ, чтобы дать случай дикарямъ пить въ волю благороднаго питья, которое такъ сладко говорило ихъ сердцу. Горячій напитокъ раскрылъ сердца Папуйскихъ предводителей до такой степени, что они отбросили всякій этикетъ, и братски обнимали всѣхъ, до кого только доставали ихъ

руки. Обѣдъ былъ столь хорошъ, сколько позволяли обстоятельства: онъ состоялъ изъ рыбъ, пойманныхъ наканунѣ, жареной свинины, нѣсколькихъ гусей, и различныхъ блюдъ изъ рису. Хотя всѣ очень усердно знакомились съ бутылками, однако жъ общество разошлось въ совершенномъ порядкѣ.

(Asiatic Journal.)

=

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

ЗА ФЕВРАЛЬ 1838 ГОДА.

Россія.

Въ Москвѣ произведены были, въ Январѣ мѣсяцѣ, дворянскіе выборы. Не смотря на трауръ, въ какомъ находился любимый Москвою начальникъ, Князь Д. В. Голицынъ, недавно лишившійся своей незабвенной родительницы, онъ явился въ залъ Россійскаго Благороднаго Собранія, 10-го числа, и открылъ выборы рѣчью, гдѣ сказалъ, между прочимъ: «Въ седьмой уже разъ я имѣю честь открывать избирательныя собранія ваши. Вы, безъ сомнѣнія, вполне постигаете величіе своихъ обязанностей, и приходите сюда совершенно проникнутые чувствами благодарности къ попеченіямъ нашихъ Государей, которые властію своею вручили вамъ право составлять судебныя мѣста изъ членовъ нашего-же сословія. Мы управляемся своими собственными избранными, среди насъ самихъ, и судья наши—право великое, право благородное, которымъ верховная власть премудро обезпечила наше общественное благоустройство. Вы, конечно, съ благоговѣніемъ вспоминаете въ сію минуту, что Монархъ, благополучно царствующій для одного счастья своихъ подданныхъ, по внушенію отеческой заботливости объ насъ, благоволилъ еще умножить и возвеличить

права, дарованныя намъ Августѣйшими Его Предками.»

Въ Одессѣ отправлено торжественное молебствіе, Февраля 24-го дня, за совершенное прекращеніе чумы, и городъ объявленъ въ благополучномъ состояніи. Февраля 10, гавань тамошняя очистилась отъ льдовъ, и два Англійскіе корабли уже прибыли въ нее. Февраля 6-го, многочисленнымъ собраніемъ торжествовали тамъ преобразование тамошняго Лицея по новому уставу. — Въ Одессѣ основывается компанія, для освѣщенія улицъ газомъ.

По отчетамъ Московской полиціи, число жителей въ Москвѣ, въ 1837 году, простиралось до 364,092 человекъ (223,186 мужскаго, 140,906 женск. пола), слѣдственно, противъ С.-Петербурга 104,533 *меньше*. Церквей считается въ Москвѣ 399, монастырей 22, при церквахъ придѣловъ 630, колоколовъ 2145; число домовъ 11,696 (въ томъ числѣ, каменныхъ 3,604). Пожаровъ въ 1837 г. было 59 (но ни одного значительнаго), а изъ трубъ выкинуло 92 раза.

По отчетамъ Общества С.-Петербургскаго и Любкескаго пароходства видно, что въ 1837 году, Общество пріобрѣло чистой прибылью 432,351 рубл. 83 коп., изъ коихъ раздано акціонерамъ дивиденды 260,000 рублей, то есть, по 65 рублей на акцію. Число пассажировъ, отправлявшихся на трехъ пароходахъ Общества, простиралось до 2727.

По отчетамъ Россійскаго Страховаго отъ огня Общества, за 1837 годъ, видно, что Общество получило за застраховку 2,097,754 руб. 16 к., и заплатило за убытки пожарами 585,635 руб. 49 коп., такъ, что за расходами, платежами и отложенною въ запасъ суммою, чистаго годоваго дивиденда акціонерамъ раздѣлено *милліонъ* рублей (на 10,000 акцій по 100 р.). Съ начала основанія своего, въ

1827 году, Общество выдало за убытки, причиненные пожарами до 4-хъ миллионъ; казенныхъ пошлинъ заплатило до 550,000; капиталъ Общества въ Коммерческомъ Банкѣ составляетъ теперь до семи миллионъ; барышей, или дивиденды, до нынѣ получили акціонеры Общества по 645 р. на акцію.— Курсъ акцій на биржѣ, 1-го Марта сего года, былъ 1300 рублей. Акции Общества пароходства состояли въ то же время по биржевому курсу въ 590 р., а акции Американской Компаніи въ 895 рублей.

Кому изъ Русскихъ не извѣстенъ патріотическій подвигъ соотечественника нашего, полковника М. П. Бахтина, пожертвовавшего изъ Орловскихъ помѣстьевъ своихъ 4000 душъ крестьянъ, и полтора миллионъ рублей, на учрежденіе въ Орлѣ кадетскаго корпуса? Государь Императоръ, оцѣняя усердіе подданнаго, царски наградилъ почтеннаго благотворителя: корпусу вѣчно называться всегда его именемъ, а самъ почтенный благотворитель пожалованъ въ генералъ-маіоры, и награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Орловское Дворянство просило позволенія поставить въ залѣ корпуса бронзовый бюстъ своего сочлена. Монархъ не только разрешилъ такой знакъ общей благодарности, но повелѣлъ еще выбить въ честь г-на Бахтина золотую медаль. Юля 1-го, прошлаго года, избранная депутация Дворянства Орловскаго поднесла ему сію медаль, въ сель его, находящемся въ Брянскомъ уѣздѣ, въ тотъ день, когда добродѣтельный старецъ праздновалъ храмовой сельскій праздникъ. Домашній обѣдъ слѣдовалъ за тѣмъ, и всѣ присутствовавшіе были приведены въ сердечное умиленіе, когда добродѣтельный мужъ плакалъ отъ радости, видя столь торжественную признательность Царя и Отечества за свой благотворительный подвигъ. Счастлива зем-

ля, гдѣ рождаются благотворители, подобные Шереметеву, Демидову, Голицыну и Бахтину, гдѣ извѣстія о подвигахъ добра утѣшаютъ сердце и радуютъ душу!

Ноября 24-го, въ Херсонѣ торжественно открытъ памятникъ Князю Потемкину, на тамошней площади. Первоначальная мысль объ немъ была Высочайше удостоена соизволенія еще въ 1801 году, но только въ послѣдніе годы приступлено къ сбору потребной суммы, по добровольной подпискѣ, и къ заказу памятника. Онъ состоитъ изъ бронзовой статуи, огромнаго размѣра, на гранитномъ пьедесталѣ. Внизу надпись: *Князю Потемкину - Творическому Новороссійскій Край*. Съ другихъ сторонъ гербъ Князя, и означено время постановленія памятника, по-Русски и по-Латини.

Февраля 2-го, въ Петербургѣ происходило прекрасное торжество Русской Литературы: по взаимному согласію литераторовъ, художниковъ и разныхъ особъ, данъ былъ торжественный обѣдъ Лафонтену нашему, *И. А. Крылову*, въ празднество семидесяти лѣтъ отъ рожденія его, и пятидесятилѣтняго юбилея его литературныхъ трудовъ. Торжество украсилось и сдѣлалось *національнымъ*, когда Государь Императоръ, изъявивъ Высочайшее соизволеніе, благоволилъ притомъ наградить знаменитаго поэта орденомъ св. Станислава 2-й степени. Звѣзда орденская была вручена Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, при рескриптѣ, гдѣ Монархъ изрекъ, что награждаетъ «отличные успѣхи, коими сопровождался долговременные труды» ветерана Русской Литературы, «на поприщѣ отечественной Словесности, и благородное, истинно Русское чувство, которое всегда выражалось въ произведеніяхъ, сдѣлавшихся народными въ Россіи.» Громъ

кая музыка гремѣла во все время объѣда, происходившаго въ залѣ Дворянскаго Собранія. По эту говорили рѣчи, читали, пѣли стихи, при громкихъ рукоплесканіяхъ гостей и распорядителей праздника. Особенно единодушны были рукоплесканія, когда повторялся куплетъ въ честь поэта, оканчивавшійся словами: «Здравствуй, дядюшка Крыловъ!» Стихи г-на Бенедиктова прочелъ г-нъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. «Да, будетъ,» произнесъ г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, провозглашая тостъ за здоровье Крылова, «да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современныхъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству. Считаю однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни день, въ который удостоился я быть, среди васъ, мм. гг., орудіемъ Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора къ нашему незабвенному Крылову, и на этомъ праздникѣ Русской Словесности представителемъ Его державнаго благоволенія къ ея трудамъ и успѣхамъ.»

Въ Гатчинѣ, 24 Января, былъ также замѣчательный праздникъ: друзья и многіе врачи и почтители главнаго доктора тамошняго Воспитательнаго Дома, И. С. Бока, торжествовали *пятидесятилѣтній* юбилей службы его. Старцу поднесена за роскошнымъ объѣдомъ серебряная ваза, въсомъ болѣе 9 фунтовъ. — Нельзя не вспомнить, что такъ нѣсколько лѣтъ тому, въ Москвѣ торжествовали *пятидесятилѣтній* юбилей незабвеннаго Лодера, а въ 1836 году, въ Петербургѣ также *пятидесятилѣтній* юбилей почтеннаго академика П. А. Загорскаго. — Пожелаемъ, чтобы чаще торжествовали

такіе юбилеи людей, оказавшихъ услуги человѣчеству, и памятныхъ подвигами на честь отечества!

Нашъ знаменитый астрономъ Дерптскій, г-нъ Струве, удостоился получить, въ награду ученыхъ трудовъ своихъ, отъ Е. В. Короля Прусскаго, орденъ Краснаго Орла.

На Якутскую ярмарку, въ Іюль 1837 г., было привезено: соболей до 450 сорочковыхъ, бѣлки до 445,000 штукъ, лисицъ до 12,000 штукъ, мамонтовой кости до 1700 пудовъ. Цѣны соболей были отъ 550 до 2000 рублей, бѣлки отъ 30 до 70 коп., лисицы отъ 14-ти до 500 рублей, кости мамонтовой отъ 20 до 60 рублей. Бутылка шампанскаго продавалась по 20 рублей, пудъ говядины по 2 р. 40 к., пудъ муки ржаной по 2 р. 50 к., пшеничной по 4 р. 50 к., круничатой по 15 рублей.

Англія.

Засѣданія Англійскаго Парламента въ послѣднее время нѣсколько разъ были весьма бурны. Многіе важныя вопросы по внутренней реформѣ, внѣшнимъ сношеніямъ и возмущенію Канады были тому причиною. Въ засѣданіи Нижняго Парламента, 5-го Февраля, О'Коннель спорилъ противъ билля о бѣдныхъ въ Ирландіи. Его предложенія были отвергнуты въ засѣданіи 12-го числа. 13-го у Министровъ требовали подробностей, касательно занятія Французами Алжира, не смотря на ихъ отговорки, что Англія не имѣетъ права вступаться въ дѣло, совершенно для нея постороннее.—15-го, депутатъ Гротъ предложилъ объ установленіи подачи голосовъ шарами при выборахъ въ Парламентъ; предложеніе его послѣ большаго спора отвергнуто.—25-го, требовали отчета о состояніи бѣдныхъ остатковъ отъ Англійскаго легіона, который составляли поступившіе въ службу Испанской Королевы Англичане, по-

томъ умолявшіе правительство дать имъ средства возвратиться какъ нибудь въ отечество, изъ раздираемой бѣдствіями Испаніи. — Потомъ завязался споръ, по обвиненію Лордомъ Мейдстономъ О'Коннеля въ дерзкихъ рѣчахъ противъ Парламента. На обѣдѣ, въ гостинницѣ Короны и Якоря, онъ говорилъ, что «испорченность и вѣроломство подрываютъ Парламентъ, между тѣмъ, какъ Ирландія гибнетъ, и высшіе члены подають примѣръ гнуснаго своекорыстія и подкупа.» О'Коннель не отрекся, и сказалъ, что онъ готовъ доказать свои слова. — Споръ возобновился 26-го; дѣло шло о наказаніи О'Коннеля заключеніемъ въ Ньюгетъ. Пилъ оставилъ засѣданіе. — На другой день, большинствомъ 29-ти голосовъ, положено ограничиться выговоромъ О'Коннелю, что и исполнено 28-го. Онъ выслушалъ спокойно выговоръ, протестовалъ противъ него, и требовалъ удовлетворенія, утверждая, что въ послѣдствіи докажетъ истину своихъ словъ. — Въ Верхнемъ Парламентѣ, Брумъ, 2 Февраля, еще разъ противился биллю о Канадѣ, который утверждень однакожь, не смотря на всѣ крики и противорѣчія. — 5-го, Парламентъ слушалъ оправданіе Канадцевъ, произнесенное депутатомъ ихъ, Ребукомъ. — 22-го, Брумъ рѣшительно потребовалъ уничтоженія невольничества Негровъ. — Января 29-го, Парламенту представленъ дружественный и торговый трактатъ, заключенный между Англіею и Греціею. — По бюджету, поданному въ Парламентъ, требуется на флотъ въ 1838 году прибавка суммы 34,504 ф. ст. — Королева пожаловала большой крестъ ордена Бани дядѣ своему, Герцогу Суссекскому, и командорскіе кресты генераламъ Китингу и Джонстону, и полковнику Эвенсу, бывшему начальнику Англійскаго легіона въ Испаніи. — Сиръ Андрью Лейтъ-Гей на-

значень губернаторомъ Бермудскихъ Острововъ, но едва только съ симъ званіемъ оставилъ онъ званіе депутата Нижняго Парламента, кредиторы посадили его за долги въ тюрьму. — Полагають, что Королева вскорѣ вступитъ въ супружество съ Принцомъ Георгіемъ, старшимъ сыномъ младшаго своего дяди, Герцога Кембриджскаго. Принцъ Георгій родился въ 1819 году, и только двумя мѣсяцами старше Королевы.

Франція.

Въ Палатахъ не происходило ничего особеннаго. Лафиттъ опять избранъ въ депутаты, отъ Парижа, большинствомъ 1032 голосовъ, изъ числа 1523-хъ. Февраля 12-го, въ Палатѣ Перовъ шли жаркія пренія о законахъ, касательно ума лишенныхъ. Въ Палатѣ Депутатовъ занимаются теперь всего болѣе проектомъ, по которому определено устройство новыхъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ во Франціи; и другимъ, о законахъ, касательно торговыхъ и промышленныхъ обществъ, которыя доведены до совершеннаго излишества, отъ жадности на акціонерскія спекуляціи. Предполагается устроить каналъ отъ Марны къ Рейну, до Стразбурга; другой между Тулузою и Кастатомъ; желѣзную дорогу отъ Парижа въ Бельгію, другую въ Гавръ, третью отъ Марселя въ Лионъ; четвертую отъ Страсбурга въ Базель, и проч. — Все это будетъ стоить до 300 милл. франковъ. Касательно акціонерскихъ обществъ, не считая обществъ, необъявленныхъ правительству, число основанныхъ въ 1833 г. было не болѣе 55, съ акціями на 15,000,000, въ 1834 г. 84, съ акціями на 79,848,000, въ 1835 г. 106, съ акціями на 45 милліоновъ, въ 1836 г. 216, съ акціями на 156,845,000, а въ 1837 г. уже 288, съ акціями на 361,139,000 франковъ. Все теперь дѣлается во Франціи обществомъ, все стре-

мится быть гдѣ нибудь акціонеромъ, и явно, что здѣсь дѣйствуютъ, или слѣбое корыстолюбіе, или наглое мошенничество. Акціи извлекаютъ изъ народа наличную монету, разоряютъ жителей Франціи, и особливо при раздробленіи на купоны, которые бываютъ даже въ 20 франковъ, когда ничто не ручается ни за прочность предпріятій, ни за совѣсть исполнителей, а несчастный ажіотажъ даетъ средства наживаться богачамъ или плутамъ, на счетъ бѣдняковъ и простяковъ. — По поводу новыхъ издержекъ на Алжиръ, опять были споры, и многіе снова утверждали, что Франціи нѣтъ надобности удерживать за собою это бесполезное завосваніе. — Сильно спорили еще по поводу предложенія депутата Губера — сложить $\frac{1}{2}$ процента съ билетовъ государственнаго долга, замѣнивъ 5 проц. $4\frac{1}{2}$.

Французскіе фабриканты, испуганные переменами, которыя, какъ говорятъ, предположены въ Бельгійскомъ и Англійскомъ тарифахъ, подали просьбу правительству. — Старая пѣсня — они думаютъ, что возвышеніе пошлинъ поведетъ государство къ цвѣтушей промышленности! — Американцы сдѣлали большіе заказы въ Ліонѣ, отъ чего цѣна на шелкъ значительно повысилась.

Послѣ закрытія публичныхъ игорныхъ домовъ, множество ихъ открылось въ Парижѣ въ частныхъ домахъ, такъ, что полиція отыскала уже до 200 мѣсгъ, гдѣ собираются для непозволенной игры, и губятъ время и деньги. Правительство рѣшается приступить къ строгимъ мѣрамъ, для пресѣченія подобныхъ гибельныхъ злоупотребленій. Въ числѣ уличенныхъ въ запрещенной игрѣ находятся депутаты и многія значительныя особы.

Издатель журнала: *Мода*, приговоренъ къ полу-

годовому заключенію и пенѣ 4000 фр., за оскорбительныя статьи противъ Короля.

Процессъ Гюбера, обвиняемаго въ заговоръ на жизнь Короля, возобновляется. Нѣкоторые изъ взятыхъ подъ стражу по сему дѣлу выпущены однакожь на волю. — Слѣдствіе надъ Ле-Претръ-дю-Бокажемъ, у котораго найдены были запасы патроновъ, идетъ дѣлательно. — У винопродавца Шарля также найдены запасы пороху, и Шарль посаженъ подъ стражу. — Ночью, съ 19-го на 20-е Февраля полиція забрала подъ стражу нѣсколько человекъ уличаемыхъ въ подозрительныхъ сборищахъ, и въ томъ, что у нихъ были запасы ружей, пороху, картежей, и проч.

Въ первой половинѣ Января объявлено въ Парижѣ 26 банкротствъ, отъ 4-хъ до 450 тысячъ франковъ.

Февраля 19-го, Палата Депутатовъ разсуждала, можно-ли подвергнуть кого нибудь изъ членовъ ея суду, по частному, недоказанному обвиненію. Это было по поводу жалобы издателя газеты *Вѣкъ*, противъ Эмиль Жирардена, который, бывши депутатомъ, въ тоже время издаетъ журналъ, и дозволяетъ себѣ оскорбительныя выраженія противъ другихъ собратій, журналистовъ. Пренія кончились тѣмъ, что Г-на Жирардена предать суду Палата не противится. Онъ возбудилъ уже давно общую ненависть своими журнальными спекуляціями, безпкойнымъ характеромъ, и особливо смертью Арманъ-Карреля, убитаго имъ на поединкѣ.

Нѣкто Годессанъ представилъ Палатѣ Депутатовъ прошеніе, о памятникѣ изобрѣтателю письменъ. Палата просила г-на Годессана отыскать сперва, кто былъ ихъ изобрѣтателемъ.

Испанія.

Извѣстія о войнѣ Карлистовъ и Христиносовъ такъ сбивчивы, противорѣчащи, исполнены такими преувеличеніями съ обѣихъ сторонъ, что нѣтъ возможности дать объ нихъ вѣрный отчетъ. То маленькая ошибка представляется большимъ сраженіемъ, то обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду. Бригадиръ Флинтеръ, напримѣръ, донося о разбитіи 2000 корпуса Карлистовъ, увѣрялъ, что изъ числа ихъ убито и ранено 1640, а у него — *ни одинъ солдатъ даже не раненъ!* Достоверно, что Христиносы не могли воспрепятствовать разсѣянію Карлистовъ въ Валенсіи, даже въ Андалузіи, и не имѣютъ возможности имъ рѣшительно противиться; всѣ сѣверныя области у нихъ во власти; они завладѣли многими крѣпостями, пресекаютъ пути сообщенія съ Мадритомъ. Отважный наѣздникъ Гарсіа держится теперь въ Сьерра-Морентъ, и корпусъ его увеличился уже до 12,000. Смѣлый Кабрера разстроилъ всѣ планы Эспартера, который терпитъ во всемъ недостатокъ, не считая препятствій, полагаемыхъ дѣятельностью интригъ Мадритскихъ, и враждой съ Кордовою, власть котораго чрезвычайно усилилась. Въ Валенсіи остаются во власти Христиносовъ только столица этой области, Кастильонъ де Плана и Мурвѣдро. *Если спрять* извѣстіямъ Карлистовъ, то въ Наваррѣ, Гипускоѣ, Алавлъ и Бискаіи у Дона Карлоса готово 25,345 человекъ регулярнаго войска, съ 56 пушками, а за Эбро находится 60,000 гверильясовъ, со 100 пушками.

Но если бы силы Дона Карлоса были и гораздо менше, безсиліе, раздоры и вражды Христиносовъ даютъ ему средства. Положено было набрать вновь 40,000 войска, но никто не рѣшилъ, чѣмъ вооружить и содержать его. Одна надежда, что Рот-

шильдъ произведетъ заемъ, за что Испанія уступаетъ ему доходы съ острова Кубы въ обезпеченіе. — Не нашли другихъ средствъ укротить ругательства журнала *Испанецъ*, которыми осмѣялъ онъ главнаго министра Офалію, какъ только заплативши за него 9000 піастровъ. Офалія рѣшался учредить верховный совѣтъ министровъ, но это, и рѣшительное предложеніе его мириться съ Дономъ Карлосомъ, съ тѣмъ, чтобы заключить супружескій союзъ сына его съ малолѣтною Королевою, устранивъ равно отъ правленія Дона Карлоса и Королеву Христину, были причиною паденія этого министра. Кордова заступаетъ теперь его мѣсто. Полагаютъ, что Офалія отправится посломъ въ Парижъ.

Въ Саламанкѣ открытъ Карлистскій заговоръ. — Внутренняя торговля совершенно упала въ Испаніи. Дороги непроходимы отъ гверильясовъ и разбойниковъ.

Португалія.

Безначаліе дошло здѣсь до послѣдней степени. Шайки Ремешидо грабятъ и ходятъ повсюду безъ препятствій. Министры объявили, что у нихъ нѣтъ ни денегъ на войско, ни войскъ, которыя можно-бы послать противъ бунтовщиковъ. Карлисты вступаютъ многочисленными отрядами изъ Испаніи, и соединяются съ Ремешидомъ. Буйство революціонныхъ клубовъ возрастаетъ непрерывно. Министры Саншесъ и Бомфимъ подали въ отставку. Опасаются всего болѣе прибытія Донъ Мигуэля, что можетъ произвести окончательный переворотъ, и вовсе разрушить слабую власть нынѣшняго правительства. — Января 28-го въ Лиссабонѣ совершена торжественная присяга наслѣднику престола, новорожденному принцу Дону Педру. — По отчету Министра Финансовъ, 31 Декабря 1837 года, войско не по-

лучаетъ жалованья съ Августа 1836 года. Суммы, назначенныя на королевскую кухню, не выдаются уже съ 1834 года; членамъ королевскаго семейства выдано содержаніе до половины только 1837 года. — Солдаты Португальскіе просятъ по улицамъ милостыни, и продаютъ свое оружіе и мундиры.

И т а л і я.

Великая Герцогиня Тосканская благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Въ тайной консисторіи, 12-го февраля, Папа возвелъ въ кардинальское достоинство: секретаря Пропаганды Анджело Маи, архіепископа Равеннскаго Меллини, епископа Орвіетскаго Оріоли, главнаго бібліотекаря Ватиканскаго Меззофанти, Римскаго губернатора Чиакки, и президента delle Armi Уголини. Кромѣ того, Его Святѣйшество предоставилъ себя *in petto* наименованіе еще 4-хъ кардиналовъ. Притомъ было производство многихъ епископовъ, и между прочимъ постановленіе консисторіальнаго совѣтника Доктора Латузека Епископомъ Діанскимъ, *in partibus infidelium*.

Между Флоренціею и Ливорномъ начали устраивать желѣзную дорогу. Недавно найдены въ Тосканѣ обильныя копи землянаго угля превосходной доброты.

Во всю зиму Тоскана наслаждалась теплою, прекрасною погодою, и снѣгу тамъ вовсе не было. Въ Неаполь дуютъ нѣсколько дней теплыя вѣтры, или Африканскіе сирокко, что производить сильный, удручившій жаръ.

Н о р в е г і я.

Странное явленіе представляетъ теплая погода на западныхъ берегахъ Норвегіи. Отъ Бергена до Дронтейма настоящій Май наступилъ въ Январѣ; снѣгу

вовсе нѣтъ, трава зазеленѣла, деревья распускаются, сороки вьютъ гнѣзда, и даже по ночамъ термометръ показываетъ нѣсколько градусовъ тепла. Величайшее обиліе сельдей появилось у Норвежскихъ береговъ.

Н и д е р л а н д ы.

Февраля 19-го праздновали 21-й годъ рожденія Е. В. Принца Вильгельма, старшаго внука Королевскаго, послѣ чего юный Принцъ получилъ мѣсто и голось въ государственномъ совѣтѣ, и начальство надъ 1-ю бригадою 1-й пѣхотной дивизіи.

Вторая Палата государственныхъ чиновъ, 26 Февраля открыла свои засѣданія. Главнымъ занятіемъ предполагается разсмотрѣніе займа въ 8½ милліоновъ гульденовъ для уплаты государственнаго долга и процентовъ въ 1838 году, съ обезпеченіемъ части ихъ на счетъ колоніальной кассы, и платежемъ 5 проц., а также отдѣленіе 10-ти милліоновъ гульд. на чрезвычайныя расходы по флоту и войску отъ бюджета другихъ расходовъ государственныхъ. Правительство намѣрено сверхъ того произвести окончательный заемъ 30-ти милліоновъ г., по положенію 1836 года, употребивъ сей заемъ на разные предметы государственнаго хозяйства, какъ-то: устройство желѣзной дороги изъ Амстердама въ Роттердамъ и Аргенмъ, осушеніе Гарлемскаго Озера, улучшеніе дорогъ, и проч.

Г л а н н о в е р ь.

Февраля 20 Король открылъ рѣчью засѣданія государственныхъ чиновъ, а 21-го переданъ имъ проектъ новыхъ государственныхъ постановленій. Король, въ посланіи своемъ, объяснялъ необходимость утвердить сіи постановленія на коренныхъ началахъ туземнаго законодательства, устранивъ всѣ чуждыя *

прибавки, согласно постановленіямъ Германскаго Союза. Въ случаѣ несоглашенія чиновъ, Король объявилъ, что намѣренъ привести въ исполненіе коренной законъ королевства, изданный въ 1819 году.

Швейцарія.

Въ Ваадтѣ составилось общество для учрежденія желѣзной дороги, или прорытія канала, которымъ открылось бы сообщеніе между Женевскимъ и Нешательскимъ Озерами. Планъ работъ предоставленъ инженеру Фрессе.

Греція.

Баварскій Принцъ Максимилианъ прибылъ въ Афины, и пробывши здѣсь сутки, отправился въ Смирну, на Австрійскомъ пароходѣ.

Совершенная довѣренность народа къ Королю Оттону оказывается во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія. Султанъ препоручилъ г-ну Зографу изъяснить Монарху Греціи свое дружественное расположеніе. Король утвердилъ по финансамъ большую экономію, даже значительно уменьшилъ издержки своего двора; это, съ приращеніемъ доходовъ, даетъ надежду, что финансы Греціи скоро получатъ надлежащее устройство.

Января 5-го, въ первый разъ явилось въ Афинскомъ портѣ судно подъ Турецкимъ флагомъ, приветствуя крѣпость 20-ю пушечными выстрѣлами, на что отвѣчали ему равнымъ числомъ. Это событіе произвело общую радость въ жителяхъ Афинъ, удостоверяя ихъ въ прекращеніи всякой непріязни со стороны Турковъ.

Турція.

Уже болѣе мѣсяца въ Царѣградѣ не оказывается ни одного умершаго, или заболѣвшаго отъ чумы,

почему за достовѣрное полагають, что она рѣшительно прекратилась.

Предложеніе Султана объ учрежденіи карантинныхъ встрѣтило такое сильное сопротивленіе въ Диванѣ, что сіе важное нововведеніе отложено до времени.

Января 4-го объявленъ новый списокъ султанскимъ намѣстникамъ. Замѣчательная переменна состоитъ только въ передачѣ начальства надъ восточною Азіатскою арміею Эрзерумскому намѣстнику Гафизъ-Паши, со властью надъ Мушскимъ и Ванскимъ санджаками. Султанъ отмѣнилъ раздачу почетныхъ кафтановъ, при объявленіи награды и назначеній разнымъ чиновникамъ, ограничивъ весь обрядъ только посылкою султанскаго фирмана.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Решидъ-Бей произведенъ въ паши, и назначенъ посломъ въ Парижъ; въ отсутствіе его, мѣсто министра заступитъ Мустехаръ Нури-Эффенди. Муширъ Айдинскій, Ахметъ-Фети-Паши назначенъ посломъ въ Лондонъ.—Посоль въ Австрію Рифать-Бей, и посоль въ Пруссію, Кіамиль-паши, уже отправились въ путь.

Дочь Султана, султанша Атія, назначена невѣстою, и бракъ ея долженъ совершиться черезъ годъ. Султанъ велѣлъ отстроить дворецъ для нея въ Кури-Чесмѣ, но выборъ супруги еще неизвѣстенъ.

Младшій сынъ Султана, Князь Ниссалиджинъ, умеръ 24-го Января, на 3-мъ году отъ рожденія, а старшій сынъ, Князь Абдуль-Мешидъ, былъ опасно боленъ скарлатиною, но теперь оправляется.

Дарданеллы укрѣпляютъ новыми, обширными работами, такъ, что вскорѣ сей проливъ сдѣлается все неприступнымъ для непріятеля.

Важная реформа готовится въ султанскомъ диванѣ: онъ будетъ состоять изъ 12 членовъ, подъ председательствомъ президента, равнаго званіемъ верхов-

ному визирю, и на его разсмотрѣніе будутъ поступать всѣ дѣла для личнаго доклада Султану.

Племена Курдовъ покоряются Султану, не смотря на кончину предводителя ихъ, Ревандусъ-Бел. Таврская армія выступитъ съ весною для покоренія немногихъ Курдскихъ племенъ, оказывающихъ неповиновеніе въ Діарбекирѣ.

Въ области Аграфъ, на Греческой границѣ, явились сильныя шайки разбойниковъ. Морскіе разбои въ Архипелагѣ также не прекращаются, и пираты ходятъ убѣжище на многихъ островахъ. 17-го Января въ Смирну возвратился Австрійскій крейсеръ, тщетно старавшійся встрѣтить и отыскать пиратскіе корабли; видя преслѣдованіе, они немедленно скрываются.

Мегмедъ-Али началъ окончательные переговоры о независимости Египта и Сиріи, предлагая Султану денежныя вознагражденія. Силы его въ Сиріи непрерывно увеличиваются, и онъ объявляетъ, что при несоглашеніи Султана немедленно возобновитъ войну, и ударитъ на Багдадъ и другія Азіатскія области.

Азія.

Дѣла съ Бирманією болѣе и болѣе принимаютъ видъ непріязненный. Британскій резидентъ въ Бирманіи получилъ рѣшительный отказъ во всѣхъ своихъ требованіяхъ.— По договору, заключенному съ Кабульскимъ властителемъ, Англичане заняли область Аттокъ. Это имѣло слѣдствіемъ прекращеніе войны, которою грозилъ Кабулу Ренджитъ-Сингъ.— Ханъ Бухарскій прислалъ увѣренія, что онъ совершенно согласенъ на учрежденіе торговаго пути изъ Индіи въ Бухару, черезъ Кабуль.— Съ другою стороною, Англичане отправили посольство изъ Ассамы въ Тибетъ, для заведенія торговли и сношеній. —

Малайскій властитель, уступившій Англичанамъ Пуло-Пинангъ, гдѣ основали они Сингапуръ, изъявляетъ теперь сильное негодованіе, что Англичане не платятъ ему положенной суммы за уступку, уже въ теченіе 14 лѣтъ, не смотря на его жалобы.

Въ Кантонѣ произошло несогласіе между тамошнимъ Китайскимъ губернаторомъ и начальникомъ сторожевой эскадры, по поводу захваченнаго опиума и серебра, у тамошнихъ контрабандистовъ. Начальникъ эскадры насильно отнялъ у губернатора контрабанду, причѣмъ убито трое Китайскихъ солдатъ.— Любопытно извѣстіе, что Италіанская трупа, возвращаясь изъ Южной Америки, давала въ Кантонѣ представленія, на которыя собиралось множество Китайцевъ, изумляясь, что видятъ на сценѣ женщинъ. Понравилась-ли имъ опера—неизвѣстно.

Изъ Сингапура получены письма отъ 25 Октября; уведомляютъ, что юный Принцъ Вильгельмъ Гейнрихъ, сынъ Наслѣднаго Принца Нидерландскаго, и Великой Княгини Анны Павловны, благополучно прибылъ туда, совершивъ путешествіе на островъ Яву, и въ другія Голландскія колоніи. Октября 11, Его Высочество отправился на фрегатъ Беллона, въ сопровожденіи брига Снельгейдъ, въ Калькутту.

Океанія.

Король Гавайскій заключилъ съ нарочно прибывшимъ для того въ Гоноруру Лордомъ Росселемъ контрактъ, по которому Англичане имѣютъ право завести на Гавайскихъ островахъ колонію. Число судовъ, посѣтившихъ Островъ Оагу въ 1835 г., было 72, въ 1836 г. 58. Въ Гоноруру, въ теченіе полугода было ихъ болѣе 150.—Осенью прошлаго года, болѣе 170 китоловныхъ судовъ занимались промысломъ на полосѣ моря, между 40° с. ш. и тропикомъ Рака, простираясь до самой Японіи. Гавайцы

оказывают во всемъ успѣхи чрезвычайные. Нѣсколько кораблей ихъ занимаются дѣятельно китовловствомъ.

Африка.

Всѣ опасенія на счетъ испріязни Абдъ-эль-Кадера прекратились; войска, двинутыя для охраненія отъ него, возвратились обратно. Предводитель Арабскій снова обратился въ Оранъ. Онъ имѣетъ 8,000 воиновъ подъ ружьемъ, сдѣлалъ большіе запасы артиллерійскіе, самовластвуетъ надъ всѣми внутренними племенами, но изъявляетъ такую дружбу Французамъ, что отправляетъ въ Парижъ своего эмира, который везетъ въ подарокъ Королю льва, тигра и нѣсколько дорогихъ лошадей, съ богатыми уборами.

Чума и смитенія въ Триполѣ прекратились. Число погибшихъ отъ чумы полагаютъ до 70,000. — Англійскій консулъ Варрингтонъ прибылъ въ Триполь, и дружески принятъ Гассанъ-Пашею, который соглашается уступить Англичанамъ землю для колоніи, долженствующей переселиться сюда изъ Мальты.

Санта-Крусъ на Тенерифѣ объявленъ порто-франкомъ, вмѣстѣ съ Оратавою и Пальмою на Великой Канаріи.

По сѣверному берегу Африки стоитъ самая благоприятная погода. Жатвы и сборки были изобильны, и въ Алжирѣ сдѣланы большіе запасы хлѣба. Здоровье Французскихъ войскъ весьма удовлетворительно. Между Боною и Константиною учреждены почты, и письма доходятъ въ восемь дней.

Издавна уже шли споры и неудовольствія между Неграми Золотаго Берега и колонистами Голландской крѣпости Эльминн. Губернаторъ тамошній рѣшился наказать дерзкихъ оружіемъ, но отрядъ его былъ обхваченъ Неграми, и онъ погибъ самъ, съ шестью офицерами; 60 солдатъ, 40 Батавскихъ ре-

круговъ и 40 Европейцевъ кромѣ того были убиты. Это возбудило опасенія за участь всѣхъ Европейскихъ колоній по золотому берегу, ибо при недостаткѣ способовъ, ихъ охраняютъ весьма малые гарнизоны.

Кафры жестоко грабятъ жителей Капской колоніи. Изъ Капштадта отправляется въ Лондонъ депутація, проситъ защиты и принятія мѣръ для безопасности. Въ одномъ Таркскомъ округѣ убытокъ отъ набыга Кафровъ дѣвнать въ полмилліона талеровъ.

Въ Лондонъ прибылъ Египетскій генераль-инспекторъ артиллеріи. Онъ займется обзорніемъ арсеналовъ и наученіемъ лучшему порядку въ артиллерійской стрѣльбѣ, а также хочетъ узнать всѣ нововведенія, которыя могутъ усовершенствовать артиллерию Египетскую.

Америка.

Последнее усиліе Канадскихъ бунтовщиковъ состояло въ томъ, что они укрѣпились на островѣ Неви-Эйлендъ, гдѣ удобство мѣстоположенія давало имъ средства держаться. Пароходъ Американскій Каролина доставлялъ имъ запасы, почему Англичане принуждены были захватить и сжечь его. Въ Январѣ бунтовщики оставили свое убѣжище, и перешли на островъ Бѣлаго льса, что на озерѣ Эріо, гдѣ скопилось ихъ до 3,000 человекъ. Другой отрядъ ихъ захватилъ Малденъ, и еще нѣкоторые мѣстечки въ западной Канадѣ. Къ несчастью, въ пограничныхъ городахъ Штатовъ оказалось много приверженцевъ бунта, и тайно подкрѣпляютъ они возмутителей оружіемъ и людьми. Несогласія между Англійскими начальниками также тому способствуютъ, и бунтъ въ Канадѣ еще не прекращенъ, какъ писали сначала.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ наблюдаетъ строжайшій нейтралитетъ; оно отрядило войско

препятствовать сообщенію Американцевъ съ бунтовщиками; объявило, что лишаетъ защиты законовъ всякаго, кто къ нимъ пристанетъ; признало справедливымъ сожженіе Англичанами парохода Каролина, и чтобы отвратить всѣ поводы къ войнѣ, просило Англію поскорѣе заняться распредѣленіемъ границъ. Отъ города Лондона поднесенъ дипломъ на званіе гражданина Стивенсону, посланнику Американскому при Англійскомъ Дворѣ, въ благодарность за его благородство и прямотуше въ дѣлахъ, чѣмъ соблюдается миръ и дружба между обоими государствами.

Въ Нью-Йоркѣ, 29 Января, былъ сильный пожаръ, а въ Монреаль, въ Канадѣ, было наводненіе, такое, что по городу ѣздили въ лодкахъ, а въ поляхъ погибло много скота. — Число кораблей, приходившихъ въ Нью-Йоркъ въ 1837 году, простиралось до 2,071, а пассажировъ на нихъ до 55,000.

Сильное впечатлѣніе на торговые обороты имѣло внезапное прекращеніе платежей Бостонскимъ банкомъ *Республика*, и Остъ-Кембриджскимъ банкомъ. Но полагаютъ, что дальнѣйшихъ слѣдствій отъ этого не будетъ.

Въ Ноябрь, Мексиканское войско двинулось къ Техасу. Правительству Сѣверныхъ Штатовъ предложено было Мексиканцами кончить споры о Техасѣ посредничествомъ другихъ державъ. Но это предложеніе отвергнуто, и посылкою повѣреннаго въ дѣлахъ къ Техасскому конгресу, Сѣверо-Американцы, хотя и не оффиціально, признаютъ самобытность Техасской республики.

Два парохода погибли въ Новомъ Орлеанѣ. На одномъ изъ нихъ, 24-го Декабря, близъ устья Красной рѣки, лопнулъ котель, но людей потеряно мало, и грузъ спасенъ большею частью. Другой пароходъ загорѣлся на пути изъ Висксбурга; люди спаслись,

но грузъ погибъ весь. — Января 3-го въ Новомъ Орлеанѣ сгорѣло около 20-ти магазиновъ съ товарами; убытокъ полагаютъ въ два милліона долларовъ; погибло много народа.

Вскорѣ прійдетъ къ Гаити Французская эскадра, долженствующая подкрѣпить силою предложенія Франціи, касательно вознагражденій. Она остановилась теперь близъ Мартиники. Дѣло главнѣйше состоитъ въ томъ, что признавъ независимость Гаити, Франція, въ 1825 г., согласилась принять за убытки 150 милліоновъ франковъ, съ платежемъ въ пять лѣтъ. На первый годъ уплата была произведена исправно, но Гаитяне объявили потомъ, что болѣе платить не могутъ, и не утвердили облегчительной конвенціи, какаѣ заключена въ послѣдствіи повѣренными ихъ въ 1829, и дополнительно въ 1831 г. — Достоинство Франціи требуетъ наказать силою такое неуваженіе къ договорамъ, которыхъ не должно было заключать, если они оказывались не возможны къ исполненію.

Область Бахіа отрелася отъ повиновенія Бразильскому правительству, и объявила себя независимою. Войска Императорскія не имѣли удачи въ первыхъ битвахъ съ бунтовщиками. Изъ Рио-Жанейро послано туда подкрѣпленіе.

Чилійское правительство разослало своимъ консуламъ объясненіе причинъ войны съ Перу. Главная состоитъ въ обидѣ, каковую панесли въ Лимѣ повѣренному Чилійскому, Г-ну Вентура-Лавале. Потомъ непріязненные намѣренія Перуанцевъ возмутить Чили, такъ, что прежній Чилійскій президентъ Фрейръ, и множество эмигрантовъ Чилійскихъ, возвращены обратно въ Чили на корабляхъ Перуан-

скихъ. Далѣе слѣдуютъ споры о денежныхъ вознагражденіяхъ. Наконецъ Чилийское правительство говоритъ, что благосостояніе Южной Америки требуетъ освобожденія Боливіи и экваторіальной республики отъ притѣсненій Перуанскихъ, взаимной свободы по торговлѣ, и исключенія Чилийцевъ въ Перу, какъ освобождены Перуанцы въ Чили, отъ всякихъ насильственныхъ налоговъ, и отъ невольной службы въ войскѣ, флотѣ и милиціи Перуанской.

Въ Перу опасаются вторженія непріятеля гораздо страшнѣе Чилийцевъ — холеры, которая опустошаетъ весьма жестоко Центральную республику, и уже явилась въ Трухильо.

Разныя извѣстія.

Французскій Король назначилъ ученую экспедицію, которая должна будетъ объѣхать въ 1838 и 1839 гг. сѣверную Швецію, Норвегію и Лапландію. Часть ея призываетъ въ Гаммерфестѣ. Король, путешествовавшій въ сихъ странахъ въ 1795 г., самъ начерталъ планъ экспедиціи, и долго разговаривалъ съ Г-мъ Гемаромъ, который назначенъ въ начальники экспедиціи. Велѣно снабдить ее въ довольствѣ книгами и инструментами. Король Шведскій изъявилъ дружеское участіе въ полезномъ дѣлѣ, и нѣсколько Шведскихъ ученыхъ соединится съ Французскими.

Изъ Новаго Орлеана совершили экспедицію на пароходѣ по рѣкамъ внутрь Америки, среди малоизвѣстныхъ доселѣ земель. Экспедиція прошла по Красной рѣкѣ, а потомъ по Сульфуръ-Форкъ, Малой (Little-River), Черной (Black-River) и Фалсъ-вашита, пройдя всего отъ Шрюпорта до крайняго мѣста остановки, 2350 миль. Никогда еще не было осмот-

рно такое разстояніе по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ. Экспедиція съ изумленіемъ видѣла разселеніе Европейцевъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. И неудивительно: съ 1833 по 1838 годъ, изъ одного Ливерпуля отправилось въ Сѣверную Америку 113,172 человека, обоюга пола и всякаго возраста; изъ нихъ 99,635 остались въ Соединенныхъ Штатахъ.

Шатобрианъ выдаетъ въ Апрѣлѣ любопытную книгу: «Записки о Веронскомъ конгрессѣ,» гдѣ былъ онъ посланъ. Говорятъ и можно надѣяться, что содержаніе записокъ весьма интересно. Авторъ приложитъ свою переписку съ Каннингомъ, и утверждаетъ, что не союзные Монархи, но Франція требовала тогда посредничества въ Испанскихъ дѣлахъ, и что это посредничество было необходимо: Извѣстно, что Шатобрианъ былъ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ во Франціи, во все время Испанской войны 1823 года.

Венгерскій Архіепископъ Пиркеръ, Патріархъ Венеціанскій воздвигъ въ Эрлау соборъ красоты необыкновенной, употребивъ на созиданіе изъ своихъ доходовъ болѣе 800,000 флориновъ. Надъ входомъ его изображено: Venite, adoremus. Употребляя все свое достояніе и обширные доходы на пользу ближнихъ, почтенный архипастырь устраиваетъ теперь дорогу изъ Эрлау въ Пестъ, что принесетъ весьма большія выгоды жителямъ. Дорога будетъ пробита по каменнымъ горамъ, и проложена черезъ долины и водопады.

Въ Венеціи вскорѣ будетъ произведена продажа съ публичнаго торга двухъ замѣчательныхъ собраній драгоцѣннѣйшихъ рѣдкостей по части изящныхъ художествъ: одно изъ нихъ принадлежало знамени-

тому археологу Графу Чиконьяръ, автору известной «Исторіи Зодчества,» а другое славному Кановъ. Въ первомъ особенно важно собраніе эстамповъ, одно изъ первыхъ въ свѣтъ по числу и выбору, и собраніе издѣлій подь чернью (nielles) лучшихъ мастеровъ Италіянскихъ. Вообще здѣсь были соединены рѣдкости изъ кабинетовъ Маффен, Аженкура, Босси, Біаркони. — Собраніе Кановы расположено въ трехъ обширныхъ галереяхъ.

Во Франкфуртѣ воздвигаютъ памятникъ банкиру Бетману, бывшему статскому совѣтнику и консулу Русскому за благодаренія и услуги его въ пользу города, гдѣ онъ родился и умеръ.

Въ Андели, мѣстѣ рожденія Пуссена, воздвигаютъ памятникъ сему знаменитому Французскому живописцу.

Но вотъ еще странный памятникъ: Французское правительство опредѣлило поставить въ память Ватерлооской битвы монументъ, на достопамятномъ полѣ, гдѣ рѣшилась участь Наполеона. Любопытно, что надзоръ за этимъ предпріятіемъ препорученъ Маршалу Жерару — несчастному участнику послѣдняго Наполеонова предпріятія....

Въ Парижѣ открыта выставка произведеній живописи въ Луврскомъ Дворцѣ. Ни Энгръ, ни Шеферъ, ни Горацій Вернетъ, ни Деларошъ ничего не поставили на нее. Однако жъ, пишутъ, что она богата замѣчательными картинами.

Въ Южной Америкѣ выходитъ около 133 газетъ и журналовъ; изъ сего числа въ Бразиліи 25.

Сынъ знаменитаго Англійскаго актера Кина дебютировалъ на Дрюриленскомъ театрѣ, въ роль Гамлета. Пишутъ, что онъ подаетъ большія надежды.

Теща известнаго композитора Онслова, Маркиза Фонтанжъ умерла, и оставила зятю домъ въ Пари-

жѣ, стоящій миллионъ франковъ, и кромѣ того, множество денегъ и всякой всячины, движимой и недвижимой.

Князь Пюклеръ - Мускау теперь въ Египтѣ. Мегемедъ-Али принялъ его отлично, отвелъ ему для житія дворець, а для побѣдокъ его по морю назначилъ особый бригъ. Ибрагимъ-Паша просить его посѣтить Сирію и Палестину, и онъ скоро туда отправляется.

Въ Лондонѣ приступаютъ къ постройкѣ новой биржи, но спорятъ еще о планѣ и издержкахъ; иные полагаютъ на постройку не болѣе 150, а другіе болѣе 500,000 ф. с. (12½ миллионъ рублей), говоря, что биржа Лондонская должна быть достойнымъ памятникомъ перваго въ мѣрѣ народа по его торговлѣ.

Славная Леди Эсэиръ Стангопъ вышла замужъ за Англійскаго миссіонера Юсифа Вольфа, и теперь оставила свое Ливанское убѣжище, и ѣдетъ обратно въ Англію. Супружество это было странно такъ же, какъ и вся жизнь Леди Стангопъ. По совершеніи брака, супругъ ея, оставя жену и сына, отправился проповѣдовать въ Аравію, гдѣ жестоко избилъ его Бедуины. Это не попрепятствовало ему пробраться въ Абиссинію, а потомъ въ Индію и Сѣверную Америку, гдѣ онъ убѣждалъ Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ отправить миссію, для обращенія дикарей. Посвященный въ Епископы Нью-Жерсейскіе, онъ прибылъ теперь въ Англію, гдѣ ждетъ своей супруги, но здоровье его совершенно разстроено трудами и путешествіями.

Въ 1836 году, число сумасшедшихъ во Франціи простиралось до 18,757 человекъ. Полагаютъ, что такой счетъ невѣренъ, и число умалишенныхъ во Франціи должно быть гораздо болѣе.

Извѣстный композиторъ Штрауссъ, умѣвшій со

ставить себѣ вальсами и деньги и славу, чуть не погибъ въ Парижѣ. Пьяный кучеръ, во время темной ночи, завезъ его въ Сену, и Штрауссъ едва успѣлъ выскочить изъ экипажа, упалъ безъ чувствъ, и теперь жестоко боленъ.

Цѣпь телегъ и экипажей, которую вель паровозъ по Бирмингамской дорогѣ изъ Ливерпула (Grand Junction), за Вейтморомъ встрѣтила лошадь, бѣгавшую по колеямъ; не успѣли остановить паровоза, лошадь была раздавлена, паровозъ повалился отъ такого печальнаго препятствія, проводникъ его былъ убитъ до смерти, инженеръ, тутъ же бывшій, жестоко раненъ, и вся цѣпь много потеряла отъ сильнаго толчка.

Февраля 15, ночью, жители Невера во Франціи пробуждены были страшнымъ трескомъ, и съ ужасомъ увидѣли, что готическая колокольная церкви Спасителя (St. Sauveur), древнее зданіе, памятникъ IX-го вѣка, развалилась, и упала на сосѣдніе дома. Къ счастью, никто не погибъ, ибо жители успѣли выбѣжать. Аббатъ Гранжанъ найденъ потомъ подъ развалинами одного дома; потолокъ его комнаты удержался на бревнѣ, и тѣмъ сохранилась жизнь сего почтеннаго старца, который только переломилъ ногу.

Сгорѣвшій въ Парижѣ Италіанскій театръ взялись отстроить содержатели комической оперы, Кроше и Серфберъ, съ тѣмъ, что они пользуются потомъ безъ всякой платы правомъ владѣнія его въ теченіе 41 года. — Италіанская труппа открыла представленія на Вантадурскомъ театрѣ.

Депутація Парижскихъ книгопродавцевъ подала просьбы министру просвѣщенія и министру внутреннихъ дѣлъ, о вредѣ отъ перепечатыванія книгъ въ Бельгіи и другихъ мѣстахъ, и разореніи ихъ

торговли ввозомъ этихъ перепечатокъ. Министры увѣрили депутатовъ, что касательно провоза Бельгійскихъ книгъ примутся строгія мѣры, и что съ другими государствами идутъ уже переговоры озаботить вредныя взаимно перепечатки.

Паровое судоходство по Рейну чрезвычайно увеличивается. Въ 1821 г. проплыло тамъ 18,606 пассажировъ, и провезено товаровъ 55,854 квинтала въсомъ, а въ 1836 году пассажировъ было 146,961, а товаровъ сплавлено болѣе 150,000 квинталовъ. На нынѣшній годъ пароходство распространяютъ до Базеля, такъ, что на пароходахъ можно будетъ въ четыре дня достигнуть оттуда въ Лондонъ.

Въ Перу, въ области Трухильо, раскапывая землю, открыли цѣлый городъ, вѣроятно, поглощенный во время землетрясенія. Открывается множество мумій, на которыхъ цѣло платье, дома со всеми уборами и утварью, храмы, деньги, разныя вещи — богатый рудникъ Перуанскихъ древностей, Геркуланъ Перувианскій. Начальникъ корабля Логонъ, капитанъ Рей, привезъ это извѣстіе въ Англію; онъ самъ посѣщалъ разрываемый городъ, и доставилъ въ Европу нѣсколько вещей, изъ земли вырытыхъ. Какой былъ этотъ городъ, и когда совершилась его гибель — неизвѣстно.

Съ Октября 1836-го до Сентября 1837 года вывезено изъ Кантона въ Великобританію 37,841,466 фунтовъ чаю (въ томъ числѣ слишкомъ 30 милліоновъ чернаго и около 8-ми зеленаго). Пошлина съ него, взятая въ Великобританіи, простиралась до 25,203,332 ф. ст. — Шелку вывезено Англичанами изъ Кантона 13,762 кипы (около 18,000 квинталовъ).

По желѣзной дорогѣ, устроенной изъ Парижа въ Сентъ-Жерменъ, съ 26-го Августа, по Январю 1838 г. проѣхало 498,492 пассажира. Не смотря на жесто-

кій холодъ, въ Январѣ было пассажировъ до 48,561, то есть, болѣе 1,500 въ день.

Въ Америкѣ дѣятельно занимаются работою надъ водянымъ сообщеніемъ, которое соединитъ Тихое море съ Атлантическимъ Оксаномъ, черезъ Панамскій Перешеекъ: каналъ начинается при устьѣ Никарагуи и идетъ черезъ озеро сего имени, и оканчивается у залива Папагейо. Надѣются въ будущемъ году кончить все его устройство.

Моро де-Жоннесъ издалъ статистику преступленій во Франціи и въ Англии, сравнительно. Открывается, что число осужденныхъ вообще въ Англии превосходитъ число осужденныхъ во Франціи въ *девять* разъ, число осуждаемыхъ на смертную казнь въ 22 раза, а казимыхъ въ три раза. Несмотря на то, убійствъ и воровства въ Англии *сметверо* болѣе противъ Франціи.

Армія Англійская въ прошедшемъ году состояла изъ 101,031 человѣка. По новому бюджету къ сему числу прибавится 7,996 человѣкъ, и число лошадей дополнится 580. Вѣроятно, этимъ только укомплектуются прежніе полки, ибо число прибавочныхъ офицеровъ предполагается не болѣе 26. Итогъ расходовъ на армію опредѣляется въ 4,324,352 фунт. ст., изъ числа которыхъ Остъ-Индская Компанія принимаетъ на свой счетъ 682,948 ф. ст. Прибавка расходовъ противъ 1837 годъ составитъ 144,996 фунт. ст.

Берлинскій фабрикантъ, К. Г. Розенгайнъ, открылъ средство, особенною машиною, обращать снова крошки и обрѣзки суконныя въ шерсть, и ткань изъ нихъ сукно, перемѣшавши ихъ съ новою шерстью. Изобрѣтатель заводитъ для этого обширную фабрику.

Почтовой доходъ во Франціи, въ 1821 году составлялъ 25,892,698 франк.; писемъ было разослано

45,382,451, а въ 1836 году писемъ разослано 78,970,561, что доставило дохода 37,405,510 франк.

Бельгійское Правительство составило отчеты о потеряхъ, какія понесены жителями Бельгіи во время мятежей и войны, по которымъ будетъ опредѣлено потерѣвшимъ награжденіе. Оказывается, что въ Антверпенѣ убытокъ отъ грабежей простирался до 243,467 франк., а отъ войны до *одиннадцати* милліоновъ. Въ восточной Фландріи грабежи оцѣнены въ 948,103 фр., а война въ 4,246,474 фр. Въ Лимбургъ война въ 938,471, въ Брабантъ въ 2,733,208, а грабежи въ 5,728,467 фр. Въ западной Фландріи грабежи 381,505, война 452,011 фр. Въ Литвихъ грабежи причинили убытка 720,738, въ Ганау 465,708 франк.

Нижній Парламентъ въ Англии освѣтили газомъ. Онъ пущенъ по стѣнамъ въ шесть рядовъ, изъ 3,680 рожковъ, и стоитъ каждый часъ по 5 фунт. стерл.

Съ 5 Января по 3 Февраля, въ Ирландіи погибло отъ голода, холода и недостатковъ 51 мужескаго пола, 42 женскаго пола человѣкъ, и 41 дитя.

Въ Саксоніи считаютъ теперь до 2,899 разныхъ фабрикъ и заводовъ, въ томъ числѣ 229 бумагопрядильныхъ, съ 448,829 веретенами, 1559 ткацкихъ фабрикъ (108 суконныхъ, 35 льняныхъ, 91 бумажныхъ, 278 чулочныхъ, 322 кружевныхъ,) 5 заводовъ свекловично-сахарныхъ и проч. Мукомольныхъ мельницъ находится въ Саксоніи 5581, чулочныхъ мастеровъ 3315, суконныхъ 1602.

Землетрясеніе 11 Января, чувствованное во всей южной Россіи, имѣло болѣе гибельныя слѣдствія, нежели сначала думали. Въ Бухарестѣ отъ него разрушилось до 40 домовъ и множество повредилось; развалились стѣны Георгіевского монастыря

ря, и упала часть стѣны во дворецъ господарскомъ. Господарь былъ тогда въ театрѣ. Человѣкъ болѣе 20 убито и изувѣчено. Во многихъ городахъ Молдавіи и Валахіи развалились дома, церкви, колокольни; въ трещины земли выступала вода, а близъ Фокшанъ брызнула она, черная какъ деготь: Въ Темешварѣ жители чувствовали при ударахъ жестокое головокруженіе и тошноту. Въ Старой Оршовѣ всѣ почти дома повредились. Въ Царьградѣ слышны были сильные удары при легкомъ колебаніи. Въ Кронштадтѣ, въ Трансильваніи, удары сопровождались гуломъ подъ землею, и сѣрный туманъ наполнялъ воздухъ; гора Каленбергъ качалась въ основаніи, дома падали, и жители приведены были въ отчаяніе. — Удары землетрясенія прошли до самаго Атлантическаго Океана: ихъ чувствовали въ Крезскомъ Деп. во Франціи. — Но этимъ однимъ не ограничилось, и теперь отсюда пишутъ, что землетрясенія замѣчались въ Январѣ и Февралѣ, въ южной и западной Европѣ: Января 24-го, въ мѣстечкѣ Леовѣ, въ Бессарабіи; Февраля 4-го въ Скутари, весьма жестокое; Февраля 16-го въ Дижонѣ, во Франціи, съ сильнымъ подземнымъ шумомъ; Января 16-го, въ Гибралтарѣ.

Пишутъ, что послѣ землетрясенія, бывшаго въ Мексикѣ 25-го Ноября, морскіе берега были усѣяны мертвою рыбою. — Жестокое землетрясеніе разрушило несчастный Акапулко въ Октябрѣ прошлаго года, а теперь увѣдомляютъ изъ Тасманіи, что 22-го Сентября бѣдственной участи подверглось тамъ мѣстечко Лезел. Явленію предшествовали кровавые сіянія въ облакахъ, и подземные удары; воздухъ потомъ сгустился, и началось жестокое колебаніе земли, разрушившее почти всѣ дома, и погубившее множество жителей. Тигры и чакалы, испуганные,

бѣжали изъ лѣсовъ, и толпились между людьми и домашними животными, трепеща и не причиняя вреда. Въ тучахъ сверкала молнія, и жители ждали совершенной гибели.

Извѣстія о жестокой зимѣ все еще продолжаютъся. Въ Нефшатель морозы доходятъ до 30°! въ Авиньонѣ Рона покрылась крѣпкимъ льдомъ. Въ Ліонѣ замерзъ одинъ адвокатъ, изъ скупости не топившій своего домика (у бѣдняка осталось на миліонъ франковъ имѣніи). Въ Венгріи и Кроаціи всѣ дороги завалило снѣгомъ. Въ Царьградѣ выпалъ онъ толщиною на футъ. Горы около Аенішъ покрыты снѣгомъ. Съ Шведскихъ береговъ по льду ѣздятъ гулять и торговать въ Гельзингеръ. Въ Англіи всѣ каналы замерзли, что причинило большія затрудненія по внутренней торговлѣ. Множество волковъ появилось по селеніямъ въ Швейцаріи и Венгріи.

Жестокія бури на Черномъ Морѣ причинили гибель двухъ Англійскихъ кораблей, вышедшихъ изъ Одессы 15 Декабря; только два матроза съ одного изъ нихъ успѣли спастись; на другомъ погибли матрозъ и шкиперъ. Четыре корабля, шедшіе въ Одессу, разбились у Румелійскихъ береговъ. Любопытно извѣстіе о плаваніи парохода *Императоръ Николай*. Онъ вышелъ изъ Царьграда 15-го Декабря, но не могъ войти въ Одесскій портъ, по причинѣ льдовъ, и обратился къ Варнѣ, гдѣ, по недостатку угля, запасся дровами, отправился снова, но за бурями принужденъ былъ обратиться къ Босфору, не могъ въ ту да войти, укрылся въ Инадъ, и потомъ уже дошелъ въ Царьградъ, Января 2-го, откуда отправился въ Севастополь, Января 18-го, и прибылъ туда благополучно. — Англійскій бригъ *Defiance* шедшій въ Одессу изъ Египта, разбился подлѣ Босфора, и съ него спаслись только юнга и

поварь. — Бури на южномъ берегу Ирландіи причинили также много вреда; почти всѣ суда въ Коркской гавани были сорваны съ якорей. — Ночью на 14-е Февраля, жестокая буря причинила много раззоренія въ Неаполь. Морскія волны переливались черезъ набережную, и заливали вторые этажи домовъ. Дорога въ Портучи была вся затоплена моремъ. — Въ Калифорніи осенью свирѣствовалъ губительный ураганъ.

Зимнее время начали жители Петербурга въ забавахъ и весело, не смотря на жестокіе, бывшіе до сихъ поръ постоянно холода. Театры, собранія, были наполнены посѣтителями. Талони увлекала особенно общее вниманіе своими воздушными танцами. Горы и балаганы о масляницѣ были построены на Царицыномъ Лугу. Многіе частныя балы отличались роскошью и великолѣпьемъ. — Съ 2-й недѣли Поста начались концерты, и никогда еще не было такого собранія отличныхъ музыкальныхъ дарованій въ Петербургѣ. Здѣсь теперь находится Липинскій, Оле-Буль, Вьетанъ. Кромѣ ораторіи: *Страшный Судъ*, Шнейдера, и *Requiem* Моцарта, данныхъ Филармоническимъ Обществомъ, Оле-Буль далъ три концерта. Театральною Дирекціею даны: Оберонъ Вебера, въ видѣ концерта, и три представленія живыхъ картинъ, съ дополненіемъ музыки, и еще частныя концерты: Гросса и Мейнгардта на віолончель, Гилью на флейтъ, Герее и Мейера на фортепіанъ, Шлоссера на кларнетъ, Эйзнера на валторнъ, а на скрипкѣ — Бема, Бера, Вьетана, Маурера, Ромберга, Липинскаго, и вокальный концертъ Брейтинга. — Механикъ Кауфманъ потѣшилъ Петербуржцевъ своими неодушевленными *музикасами*, и какой-то искусникъ привезъ даже въ Петербургъ *Аполлонову лиру!*

И все это мы переглядѣли и переслушали въ три недѣли, съ 20 Февраля по 13-е Марта.

НЕКРОЛОГЪ.

Князь Лудовикъ, Андрей, Іоаннъ Доріа Памфили, Ланди де Вальмонтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ богачей Римскихъ, сконч. въ Римѣ 26 Января.

Графъ Адольфъ Геранъ Мернеръ, управлявшій послѣ Графа Веттерстедта Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ въ Швеціи, и директоръ Агрономической Стокгольмской Академіи, сконч. 30 Января, на 65 году.

Баронъ Сильвестръ Де-Саси, знаменитый ориенталистъ Французскій, которому столь многими обязанна была Европа, касательно изученія Востока, внезапно умеръ 21 Февраля. Несмотря на преклонныя лѣта, онъ былъ еще бодръ и здоровъ; 19-го числа, онъ читалъ свою лекцію во Французскомъ коллегіумѣ, а потомъ присутствовалъ въ Палатѣ Перовъ, и принималъ участіе въ преніяхъ, но едва вышелъ онъ оттуда, и хотѣлъ сѣсть въ карету, какъ упалъ безъ чувствъ, и тихо скончался черезъ сутки. Потеря этого славнаго мужа невознагражима. Похороны его отправлены великолѣпно, и всеобщее соболѣзнованіе сопровождало бранныя его останки. Академія Французская опредѣлила выбить въ честь его медаль.

Графиня Шуазель-Мезъ, извѣстная сочинительница, скончалась на 80 году.

Графъ Дюпонъ - Шомонъ, генераль - лейтенантъ бывшій военный министръ при Лудовикѣ XVIII-мъ, сконч. въ Парижѣ.

Маркизь Осмонъ, перъ Франціи, начавшій дипломатическое поприще съ 1788 года, посольствомъ въ Голландію, а послѣ возстановленія Бурбоновъ, бывшій посланникомъ въ Сардиніи и Англии, сконч. въ Парижѣ.

Баронъ фонъ Гердербъ, извѣстный минералогъ, и директоръ Фрейбергскихъ рудниковъ, скончался въ Дрезденѣ. На половинѣ пути изъ Дрездена въ Фрейбергъ, съ горькими слезами встрѣтили гробъ его Фрейбергскіе рудокопы, жены и дѣти ихъ, оплакивая добродѣтельнаго начальника и благодѣтеля своего.

Гиссенскій *Профессоръ Кlossіусъ*, извѣстный юристъ, сконч. 10 Февраля.

Карлъ Пелицъ, Лейпцигскій профессоръ, столь извѣстный трудами по части историческихъ и политическихъ знаній, сконч. въ Лейпцигѣ 27 Февраля, на 66 году. Только за три недѣли, болѣзнь заставила его прекратить чтеніе лекцій въ университетѣ.

=

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

за Мартъ 1838 года.

Россія.

Въ Четвертокъ, 31-го числа Марта, въ 9 часовъ утра, въ церкви Собственнаго Дворца Его Императорскаго Величества, приобщались Святыхъ Христовыхъ Таинъ: Ихъ Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья: Михаилъ Павловичъ, Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, Великая Княгиня Елена Павловна и Великія Княжны: Марія Николаевна, Ольга Николаевна, Александра Николаевна, Марія Михайловна, Елисавета Михайловна и Екатерина Михайловна. Божественную Литургію совершалъ Духовникъ Его Величества, Протопресвитеръ Н. В. *Муззовской*, соборомъ.

Въ высокаторжественный день Св. Пасхи, 3-го Апрѣля, Ихъ Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица, и Ихъ Императорскія Высочества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Николаевичъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Великая Княгиня Елена Павловна и Великія Княжны Марія и Ольга Николаевны, изволили слушать заутреню въ

походной церкви, поставленной въ Императорскомъ Эрмитажѣ, послѣ коей Ихъ Величества принимали поздравленіе: отъ Членовъ Государственнаго Совѣта, Министровъ, Сенаторовъ, Генераловъ, Шпабъ и Оберъ-Офицеровъ, находящихся въ С. Петербургъ войскъ, Придворныхъ чиновъ и прочихъ знатныхъ Особъ. Велѣдъ за тѣмъ отправлена была Божественная Литургія въ той же церкви.

По полудни въ пять часовъ, Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами: Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, Великою Княгинею Еленою Павловною и Великими Княжнами: Марією Николаевною, Ольгою Николаевною, Александрою Николаевною и Марією Михайловною, изволили выходить къ вечерней службѣ, и по окончаніи оной Государыня Императрица принимала поздравленіе Дамъ.

На другой день 4-го числа, Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества равномѣрно слушали Божественную Литургію, по окончаніи коей приносили поздравленіе Члены Святѣйшаго Синода въ церкви, а вслѣдъ за тѣмъ Особы Дипломатическаго Корпуса въ Мальмезонской комнатѣ Эрмитажа.

Высочайшимъ Приказомъ, отъ 3-го Апрѣля, Министръ Финансовъ, Генераль отъ Инфантеріи Графъ Е. Ф. Канкринъ, назначенъ состоять при Особѣ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ. Число высшихъ генераловъ, удостоенныхъ сей всемилостивѣйшей награды, было донынѣ семь, а именно: Принцъ Евгенийъ Виртембергскій, Князь Д. В. Голицынъ, Графъ П. А. Толстой, Адмираль Р. В. Кронъ, Адмираль А. С. Грейгъ, Ген. отъ Инф. Л. О. Ротъ, и Графъ П. О. Витте.

Марта 14-го, извѣстное донынѣ подъ именемъ *Двадцати Коллегій*, огромное зданіе, находящееся

на Васильевскомъ островѣ, воздвигнутое Петромъ Великимъ, инынѣ, по передѣлкѣ его, занятое С. Петербургскимъ Университетомъ и Педагогическимъ Институтомъ, было удостоено Высочайшаго посьщенія, и вполне обозрѣно Государемъ Императоромъ. Отсюда Монархъ посѣтилъ Академію Наукъ, и обозрѣлъ Азіятскій и Этнографическій Музеумы, Минералогическій кабинетъ, Зоологическій Музеумъ, Ботаническій Музеумъ и Кунстъ-Камеру, или Кабинетъ Петра Великаго, вновь устроенные, и приведенные въ превосходный порядокъ. Высочайшее благоволеніе Государя было повсюду извѣляемо Г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія. — Марта 25-го послѣдовало торжественное открытіе зданія бывшихъ Коллегій, какъ новаго и великолѣпнаго помѣщенія Университета съверной Россійской столицы. — Высочайшимъ Указомъ Апрѣля 2-го, Г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники.

Въ 31 день Марта, въ великій Четвертокъ, въ 4-мъ часу по полудни, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высочайше удостоилъ посѣщеніемъ Своимъ С. Петербургскую Духовную Академію и, обозрѣвъ оную, за найденный въ ней порядокъ, Всемиловивѣйше соизволилъ изъявить свое удовольствіе.

Высочайше повелѣно; въ 19-й день Февраля: открыть въ Петербургѣ Выставку произведеній Россійской промышленности, въ Маѣ будущаго 1839 года.

Продажу въ Россіи промессовъ Польскаго Банка на облигаціи Польскихъ займовъ, Высочайше соизволено продолжить только до 1840 года, то есть, до срока, заключеннаго съ откупщиками классной Польской лоттереи, условия, по которому позволе-

на имъ продажа билетовъ, а послѣ сего «дѣйствіе закона о воспрещеніи въ Россіи лоттерей возстановить въ полной силѣ, и ни какихъ изытій изъ оного не допускать.»

Высочайше повелѣно, для различія городовъ Нахичевана на Дону и Нахичевана въ Армянской Области, означать первый прибавкою названія: Нахичеванъ на Дону, а второй: Нахичеванъ Армянской Области.

Для безопасности домовъ въ С. Петербургъ, Высочайше повелѣно: отнынѣ прекратить выжиганіе трубъ, а наблюдать чищеніе ихъ въ свое время, и какъ устройство, такъ и перенесеніе печей въ домахъ съ одного мѣста на другое производить непременно подъ надзоромъ частныхъ архитекторовъ.

Воль Монарха и превосходному дарованію исполнителя сей священной воли, мы будемъ наконецъ обязаны достойнымъ Русской славы описаніемъ безсмертныхъ событій войны 1812 года. Знаменитый нашъ военный писатель, столь извѣстный уже своими Записками о походахъ 1813 и 1814 годовъ, А. И. Михайловскій - Данилевскій имѣлъ счастье поднести Государю Императору, начатой имъ по Высочайшей волѣ Его, и уже вполне конченный трудъ свой. Въ 28 день Февраля, онъ удостоился получить слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

«Ревнуя обогатить отечество Наше недостававшюю исторію войны 1812 года, на достовѣрныхъ данныхъ основанною, Я, по отличнымъ дарованіямъ вашимъ, поручилъ вамъ составленіе оной. Этотъ важный трудъ нынѣ достойно вами исполненъ. Въ твореніи вашемъ, Я, къ душевному удовольствію Моему, нашелъ столь же вѣрное и точное изложеніе незабвенныхъ событій того времени, сколько живое, пламенное, въ непреложныхъ чувствахъ Русскаго сердца пошерпнутое описаніе безсмертныхъ подвиговъ Императора Александра, непоколебимой Его твердости въ дѣлѣ спасенія оте-

чества и высокихъ царственныхъ Его добродѣтелей, осѣнившихъ Россію въ эту годину бѣдствія и славы. Въ чертахъ не менѣ вѣрныхъ переданы вами знаменитые подвиги войска и доблесть народа, безпредѣльная его преданность Престолу, живая любовь къ отечеству.

За этотъ прекрасный трудъ вашъ, совершенно ожиданіямъ и намѣреніямъ Моимъ соответствующій, Мнѣ особенно пріятно изъяснить вамъ искреннюю Мою признательность, въ вѣщнее ознаменованіе коей жалую васъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Бѣлаго Орла, коего знаки при семъ препровождала, пребываю навсегда вамъ благосклонный.»

На подлинномъ собственно Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Въ то-же время, когда по волѣ Монарха Россія получаетъ достойное изображеніе подвиговъ отечественной войны, и величественные памятники воздвигаются на поляхъ сей безсмертной брани, вниманіе Государя обратилось и на памятникъ любви супружеской, давно воздвигнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ одинъ изъ нашихъ героевъ. Кому неизвѣстно, что вдова убитаго въ Бородинскомъ сраженіи генераль-маіора Тучкова, оставшись въ цвѣтѣ лѣтъ, всю жизнь свою отдала памяти милаго ей супруга? Она выстроила себѣ жилище на Бородинскомъ полѣ, построила тамъ церковь, и рѣшилась жить и умереть на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ незабвенный супругъ ея. Нѣсколько вдовъ и сиротъ жили съ нею. Съ 1833 года убѣжище г-жи Тучковой названо «Спасо-Бородинскимъ богоугоднымъ женскимъ общежитіемъ.» Нынѣ, когда число укрывшихся отъ суеты міра въ убѣжище неутѣшной вдовы составило уже многочисленное общество изъ 56 сестеръ, строеніе обведено оградой, и приведено въ полное образованіе обители, по просьбѣ Г-жи Туч-

ковой Высочайше позволено ей обратить свою обитель въ женскій монастырь 2-го класса; пенсію Г-жи Тучковой повельно опредѣлить постояннымъ окладомъ монастыря. Основательница обители упреждаетъ кромѣ того будущность ея вкладами отъ себя. Такимъ подвигомъ благочестія заключаетъ г-жа Тучкова 25-ти лѣтнюю жизнь вдовицы на полѣ скорби, считая единою отрадою въ жизни — лѣчь тамъ, гдѣ палъ за отечество ея супругъ, чтобы на могилѣ ихъ церковь поминала навѣки незабвенную годовщину брани великой, и память той, которая въ наше время львила собою примѣръ высокаго самоотверженія любви супружеской.

Праздникъ въ честь знаменитаго поэта нашего Крылова сопровождался новымъ знакомъ Монаршей милости: Высочайше соизволено выбить на счетъ казны медаль, съ изображеніемъ нашего поэта, и открыть подписку на составленіе *Крыловской* стипендіи, процентами съ которой всегда будетъ содержимъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній воспитанникъ, или и болѣе, смотря по количеству собранной суммы.

Въ 1837 году получено съ Уральскихъ заводовъ платины 118 пуд. 28 ф. 63 з., а золота 309 п. 23 ф. 37 з.; въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ серебръ отдѣлено золота до 30 пудовъ; въ другихъ мѣстахъ Сибири добыто золота до 130 пудовъ, такъ, что все количество его можно опредѣлить въ 470 пудовъ (48 пуд. болѣе противъ 1836 года).

По отчету 2-го *Россійскаго страховаго отъ огня Общества* видно, что въ теченіе года, съ 1-го Марта 1837 года получило оно страховыхъ платежей 600,228 р. 69 к., а весь доходъ его съ процентами отъ капиталовъ составилъ 816,384 р. 67 к. — Пожарныхъ убытковъ заплачено имъ 251,393 р. 93 к. —

За тѣмъ, и за всеми расходами, чистой прибылью оказалось 488,177 р. 62 к., изъ коей и раздѣлено на 20,000 акцій по 24 рубля, всего 480,000 рублей. Сумма застрахованій, сдѣланныхъ въ 1837 году, превзошла сумму 1836 г. 13,026,296 р., а сумма премій 86,832 рублей.

Общество для застрахованія пожизненныхъ доходовъ и капиталовъ обнародовало отчетъ, изъ коего видно, что дивиденда его за 1837 годъ составляетъ по 8 рублей на акцію, всего 160,000 рублей. Премій застраховки и процентовъ съ капитала въ Банкъ, съ 4-го Сентября 1835 года получило Общество 583,178 р. 71½ к. (въ томъ числѣ премій въ 1837 г. 191,166 р. 27 к.); за вычетомъ 82,701 р. 54½ к. расходовъ и платежей, дивидендъ, и 61,029 р. 38 к. настоящей цѣнности полисовъ, огнесено еще на счетъ запаснаго капитала 119,447 р. 79 к. Основной капиталъ общества состоитъ изъ 4-хъ милліоновъ рублей: Строгое счисленіе жителей Одессы, по случаю бывшей чумы, дало средства узнать достоверно нынѣшнее населеніе сего города. Оно оказалось слѣдующее: въ самомъ городѣ 44,549, въ чертѣ порто-франко 59,092, за чертою 9,934, а всего 73,023 (муж. пола 40,833, женскаго 32,190). Въ 1829 году, оно составляло не болѣе 51,988 человекъ обоего пола.

Возстановленіе свободныхъ сношеній съ Одессою послѣдовало послѣ того, какъ уже 80 дней не оказывалось въ городѣ ни одного чумнаго случая. Число въсѣхъ погибшихъ жертвою гибельной заразы не превысило 108; 17 изъ заразившихся выздоровѣло.

Сообщеніе пароходами между Одессою и Крымомъ непрерывно усиливается. Число пассажировъ на пароходахъ въ 1835 г. не превышало 1504, въ 1836 г. было ихъ 2356, а въ 1837 г. 2416. Товаровъ и

вещей перевезено въ 1835 г. 10,800, въ 1836 г. 66,500, въ 1837 г. 81,904 пудовъ.

Пароходы Николай I-й, Александра и Насльдникъ начнутъ плаванія изъ Травемюнде въ Кронштатъ съ 7-го Мая, 30 Апрель, и 25 Апрель, а изъ Кронштата 14-го, 7-го Мая и 30 Апрель. Цѣны мѣстамъ 250, 175 и 100 рублей; отдѣльныя комнаты по 600, 700 и 900 рублей. Отправление производится еженедѣльно. Пароходы Англійской компаніи, General-Steam-Navigation-Company, въ Гамбургъ изъ Лондона и обратно будутъ ходить по два раза въ недѣлю, изъ Гуля и обратно по три раза, изъ Гавра и обратно еженедѣльно, а Голландскій пароходъ изъ Амстердама въ Гамбургъ и обратно по три раза въ мѣсяцъ. Копенгагенскій пароходъ будетъ приходить въ Травемюнде каждую недѣлю. — Въ Гавръ составляется Общество для пароходства прямо въ Петербургъ.

Великобританія.

Давно уже пренія Англійскаго Парламента не представляли такого раздѣленія партій, такихъ противорѣчій въ голосахъ, и столь оскорбительныхъ выходовъ личныхъ, какія представляютъ они со времени послѣдняго открытія засѣданій. Члены безпрестанно жалуются одинъ на другаго въ обиду. Оппозиція воищетъ, что Министры ведутъ Англію къ гибели. Министры тѣмъ не менѣе одерживаютъ непрерывное большинство голосовъ, и это доказываетъ, что оппозиція раздѣлена частными несогласіями и не въ силахъ противиться. Не входя здѣсь въ подробности засѣданій, мы постараемся потомъ представить для лучшаго обозрѣнія хронологическій очеркъ всѣхъ засѣданій и преній нынѣшняго года. Грозный Брумъ, сбитый съ поля сраженій парламентскихъ, потерялъ наконецъ терпѣніе, уѣхалъ изъ

Лондона, и, по новѣйшимъ извѣстіямъ, прибылъ въ Парижъ. О'Коннель, грозившій жестокимъ нападеніемъ за причиненную ему выговоромъ обиду, молчать. Увѣряютъ, что послѣдняя побѣда министерства была слѣдствіемъ хитрости. Дѣло шло о требованіи отчета по вышнимъ дѣламъ, и предложеніе отвергнуто 70-ю голосами противъ 62-хъ. Почти никто изъ главныхъ ораторовъ не успѣлъ еще прийти въ Парламентъ, когда, за неприсутствіемъ ихъ приступили къ сбору голосовъ.

Въ Англии всѣ увлечены теперь подробностями предстоящаго коронованія юной Королевы. Говорятъ, что роскошь сего священнаго обряда превзойдетъ все, что только донынѣ было видано въ Англии подобнаго. Корону готовятъ новую; она вся составитъ изъ брилліантовъ, съ эмблеммами и дубовыми листьями золотыми. Безчисленное множество народа занято разными приготовленіями. Герцогъ Норфолькскій завѣдываетъ всѣми распоряженіями о коронованіи.

Число войскъ, находящихся въ Ирландіи, уменьшено до 16,784 человекъ. Прежде едва доставало 30-ги для удержанія общаго спокойствія.

Шелковые чулки, перчатки и ленты донынѣ ввозились въ Соединенные Штаты безпошлинно. Теперь Конгрессъ вдругъ обложилъ всѣ шелковые товары огромною пошлиною въ 25 проц. — Это произвело большія замѣшательства между Англійскими фабрикантами, которые приготовили было значительные запасы шелковыхъ издѣлій для Америки.

Въ Лондонскій тоннель опитъ прорвалась вода, но никто не погибъ при ея вторженіи; воду выкачали, прорывъ снова закрыли, и работа продолжается дѣлательно.

Абердинскій университетъ избралъ лордомъ-рек-

торомъ Брума. За него было 94 голоса, а за Лорда Линдгерета 89, и за г-на Колкгоуна 84. Линдгереть протестовалъ.

Марга 6-го, въ 5 часовъ утра, вспыхнулъ огонь въ обширномъ Лондонскомъ зданіи Темплъ, и какъ помощь подали не скоро, то пожаръ произвелъ большія опустошенія. Мебель, бумаги, вещи бросали безъ порядка въ окна. Въ жилищъ генераль-прокурора сгорѣли при семъ случаѣ многіе важныя акты.

Особая коммиссія разсматриваетъ проекты памятника Нельсону, который будетъ поставленъ въ Лондонѣ на Трафальгарской площади. По подпискѣ собрано на сей памятникъ болѣе 4000 ф. ст.

На Гульскомъ пароходѣ *Викторія*, который стоялъ близъ Гринича, внезапно лопнулъ котель; одного человѣка убило и пятерыхъ ранило.

Эдгамъ-Бей, адмиралъ и повѣренный Мегмеда-Али, ревностно закупаетъ въ Англіи артиллерійскіе и морскіе снаряды и ученые инструменты. Молодые Египтяне, обучающіеся въ Лондонѣ, удивляютъ всѣхъ своею дѣятельностью, и быстротою, съ какою пріобрѣтаютъ познанія. Одинъ изъ нихъ недавно читалъ въ Чатамъ публичныя лекціи объ исторіи Египта, и изумилъ превосходствомъ изложенія, и глубокими свѣдѣніями въ исторіи своего достопамятнаго отечества.

Въ Лондонѣ жестоко свирѣпствуетъ заразительная горячка, или *тифусъ*. Изъ числа 554, умершихъ въ одну недѣлю, отъ этой болѣзни умершихъ было 330.

Франція.

Отличительною характеристикою нынѣшнихъ заведеній Палаты во Франціи также можно почесть явную слабость оппозиціи и безспорное торжество министерской партіи, которая рѣшительно одержи-

ваетъ большинство голосовъ во всѣхъ преніяхъ. Медленность въ дѣлахъ и привязки къ мелочамъ показываютъ неимѣніе общаго плана и нерѣшительность оппозиціи, раздѣленной на множество частныхъ партій и неподкрѣпленной общимъ мнѣніемъ. Притомъ и самое вниманіе Палаты обращается теперь наиболѣе къ разнымъ финансовымъ, экономическимъ, и вообще внутреннимъ хозяйственнымъ мѣрамъ; причемъ выходитъ случай многимъ противникамъ Министровъ показать совершенное незнаніе въ государственныхъ дѣлахъ и безталанность краснорѣчія.

Процессъ депутата Жирардена, надѣлавшій столько шума въ Палатѣ Депутатовъ, кончился ничѣмъ: судъ оправдалъ его, и присудилъ противника заплатить штрафъ и издержки процесса.

Министръ коммерціи офиціальнымъ отношеніемъ препоручилъ всѣмъ коммерческимъ судамъ приморскихъ городовъ Франціи предостеречь торгующихъ въ будущихъ предпріятіяхъ и сношеніяхъ съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки, ибо можно опасаться вновь подобнаго прежнему гибельнаго перелома въ торговлѣ Американцевъ. Это предостереженіе было поводомъ протеста со стороны Министра Сѣверо-Американскаго, который объявилъ, что почитаетъ такой поступокъ несомнѣннымъ съ дружбою, какая существуетъ между Штатами и Франціею, и вреднымъ для чести и пользы Сѣверо-Американцевъ.

Посланникъ Абдъ-эль-Кадера, Мулудъ Бенъ-Арошъ, съ переводчикомъ Жидомъ Бенъ-Дурандомъ, Мавромъ Абуверъ-Бегомъ, и съ подаркамъ, прибылъ въ Парижъ. Его приняли съ большимъ привѣтомъ и роскошно. Въ числѣ подарковъ находится 25 Арабскихъ лошадей; одна изъ нихъ принадлежала са-

тому Абдъ - эль - Кадеру, и всѣ красоты удивительной. Посланникъ оказываетъ большую щедрость. Въ Марсели онъ раздалъ бѣднымъ до 500 франковъ, и гребцамъ, которые перевезли его съ корабля, бросилъ горсть золота.

Палатѣ Депутатовъ опять предложили о перенесеніи бранныхъ останковъ Наполеона во Францію, и погребеніи ихъ подъ Вандомскою колонною. Предложеніе передано на сей разъ Министру иностранныхъ дѣлъ, ибо исполненіе его зависитъ отъ согласія Англіи.

Первый и огромнѣйшій во Французскомъ флотѣ корабль, *Стофренъ*, съѣлъ на Маріинскую мель, близъ южныхъ береговъ Испаніи и жестоко поврежденъ, въ бурю 25 Февраля. Не надѣются спасти его.

Полковнику Комбу, убитому на бреши Константины, воздвигаютъ бронзовый памятникъ. По просьбѣ Принца Намурскаго, для сего употребить часть взятыхъ въ Константины орудій.

Король дополнилъ изъ своихъ собственныхъ доходовъ 4000 франковъ пенсіи вдовѣ генерала Дамремона, къ 6000-мъ, которыя, послѣ многихъ споровъ, согласились утвердить Палаты, вмѣсто 10-ти, какъ было имъ предложено.

Считая всѣ публичныя работы, которыя уже утверждены, или представлены къ утверженію Палатъ во Франціи, выходитъ, что въ теченіе 10-ти лѣтъ на сіи работы потребна сумма до 3,355 милл. фр., или до 335 милл. ежегодно; въ семь чиселъ полагается:

На устройство большихъ дорогъ (royales)	
и шоссе	200 милл.
« « каналовъ	660 «
« « рѣкъ	162 «
« « портовъ	70 «
« « желѣзныхъ дорогъ	900 «

Бюджетъ содержанія мостовъ и шоссе	450 «
Дороги среднія (départementaux)	213 «
« малыя (vicinaux)	400 «
Пособіе частнымъ компаніямъ	300 «

Изъ всей суммы, правительство принимаетъ на свой счетъ 2440 милліоновъ, а остальное предполагается дополнить капиталами частныхъ компаній.

Марта 4-го, въ Парижской городской ратушѣ (Hôtel-de-Ville) была раздача медалей ученикамъ школы безденежнаго ученія ремесленнаго рисованья, заведенной г-мъ Шарлемъ. Префектъ, Графъ Рамбюто, произнесъ рѣчь, гдѣ доказывалъ важность рисованья, какъ *искусства правильно смотрѣть на предметы* (Part de bien voir), въ отношеніи занятій ремесла и промышленности. Онъ упомянулъ, что теперь болѣе 10,000 мальчиковъ и дѣвочекъ учатся въ Парижѣ рисованью, въ приложеніи къ ремесламъ и искусствамъ, и уже видны отъ сего во многомъ важныя слѣдствія такого занятія, еще болѣе обещающія на будущее время, при обширной промышленности Парижа. Цѣнность промышленныхъ произведеній Парижа составляетъ ежегодно отъ 250-ти до 300 милл. франковъ, изъ которыхъ вывозъ изъ Парижа должно положить ежегодно не менѣе 130 милліоновъ. Префектъ обратилъ потомъ вниманіе на важность запасныхъ капиталовъ для рабочихъ и ремесленниковъ (caisses d'épargne), которыми, откладывая они хоть самую малую часть своего дохода, они прочно обезпечиваютъ будущность свою и семействъ своихъ.

Испанія.

Важнѣйшее изъ новыхъ событій въ Испанской войнѣ составило внезапное нападеніе Карлистовъ на Сарагоссу. Они вторглись нечаянно въ сей городъ, вечеромъ 3-го Марта, подъ начальствомъ

Кабанеро; начался жестокий бой въ городскихъ улицахъ; Карлисты были сбиты и уступили; 400 человекъ, изъ числа ихъ и затворившихся въ церкви Св. Павла, сдались въ плѣнъ; число убитыхъ полагають вообще до 120, а плѣнныхъ до 700; ихъ потомъ размѣняли. Кромѣ того, обѣ стороны воюють только мелкими отрядами, и непрерывно извѣщаютъ о великихъ побѣдахъ. Главныя силы не двигаются съ своихъ мѣстъ. Базиліо Гарсія ворвался было въ Мурсію, но былъ тамъ стѣсненъ, и принужденъ удалиться. Онъ бросился въ другія области, раздѣлилъ свои отряды, и вдругъ угрожаетъ вездѣ, являясь въ одно время въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Видя, что страхъ распространяеть повсюду одинъ отрядъ Гарсія, Карлисты снарядили еще два сильные летучіе отряда гверильсовъ; одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ Негри, Забала и Мерино, пустился на Эстремадуру, другой быстро кинулся въ Арагонію. — Между тѣмъ, въ Мадридѣ происходятъ безконечныя споры, несогласія, и при недостаткѣ всякихъ способовъ, Правительство остается бездѣйственнымъ. Инфантъ Донъ Франциско требовалъ помѣщенія своего въ Сенатъ. Ему отказали. Онъ оставляетъ Испанію. — Депутатъ Монтесъ де - Оса представлялъ о несчастномъ положеніи Испанскаго морскаго войска и матросовъ: съ 1828 года, по флоту не выдано жалованья за три года, а въ прошломъ году заплатили его только за три мѣсяца. Изъ 37-ми милліоновъ реаловъ, назначенныхъ по бюджету, морское министерство получило дѣйствительно только 10. Предложеніе оставлено безъ вниманія, но Правительство сильно встревожилось приказомъ, какой выдалъ въ своей арміи Эспартеро. Онъ объявилъ, что тщетно требуя отъ Правительства пособія и денегъ, онъ отдастъ на жа-

лованье войску послѣдніе 160 тысячъ реаловъ, а затѣмъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ насильственнымъ контрибуціямъ. Эспартеро потребовали къ отвѣту въ Мадридѣ, ибо Кордова, котораго Королева немедленно назначила на его мѣсто, не согласился ѣхать, пока Эспартеро будетъ въ арміи. Эспартеро отказался, и принуждены были удовольствоваться его извиненіемъ. Какіхъ слѣдствій должно ожидать послѣ сего отъ непримиримой вражды гордаго полководца противъ главныхъ членовъ настоящаго Испанскаго правительства! — Между тѣмъ опять — въ Севильѣ открыли заговоръ Карлистовъ; въ Картагенѣ было открытое возмущеніе; въ Барцеллонѣ едва успѣли предупредить его сіялою. Сарагосса, послѣ отбитія Карлистовъ, отреклась отъ повиновенія Королевѣ, учредила свою отдѣльную юнту. Это событіе происходило 8-го Марта; впрочемъ оно требуетъ еще подтвержденія. — Слухи, будто бы маршалъ Бурмонъ прибылъ къ Дону Карлосу, оказались ложны. Въ Гибралтарѣ явились люди, называющіе себя агентами Дона Мигуэля; они явно закупаютъ порохъ, оружіе, и нанимаютъ суда, для перевозки въ Алгарію военныхъ снарядовъ и людей, которыми подкрѣпятъ войско Ремешидо.

Марта 3-го, въ С. Себастьянѣ началась переправа остатковъ Британскаго легіона на корабли, присланные изъ Англіи. Изъ 700 уцѣлѣвшихъ пѣхотинцевъ только 30 изъявили желаніе остаться въ Испаніи. Жалованья не могли никому изъ нихъ заплатить, и только офицерамъ выдали на дорогу по 10 ф. ст. — Кавалеристы и артиллеристы остаются еще въ Испаніи на время.

Донъ Р. де ла Сагра, извѣстный сочиненіемъ о

Сѣверо-Американскихъ тюрьмахъ, ѣдетъ осматривать тюрьмы во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, а потомъ представить проектъ улучшенія гемницъ въ Испаніи, гдѣ онѣ представляютъ теперь наблюдателю ужасное позорище. Число темницъ вообще полагаютъ до 1500, и въ нихъ томятся, въ отвратительной нечистотѣ, погибая отъ праздности и отъ голода, до 12-ти тысячъ человѣкъ преступниковъ и подсудимыхъ . . . .

Новое министерство Португальское составилось слѣдующимъ образомъ: Виконтъ Са да' Бандейра первый министръ; онъ-же министръ военный и иностранныхъ дѣлъ; Шоазъ д'Оливейра министръ финансовъ; Юліо Саншезъ мин. внутреннихъ дѣлъ; Фернандезъ де Козьмо мин. юстиціи. Всѣ они отличаются умѣренностью своихъ мнѣній и благородствомъ правилъ.

По отчету министра финансовъ, государственный долгъ Португаліи, къ Январю 1838 г., состоялъ изъ слѣдующихъ суммъ:

Внутренній отвержденный (consolidée) заемъ	16.988	к. р.
Внутренній временный заемъ	8000	« «
Платежи по разнымъ частямъ управленія	7040	« «
Билеты за національныя имѣнія	1415	« «
Уничтоженныя, но не выкупленныя ассигнаціи	2500	« «
Билеты на монополию табаку и сборы таможенные	3647	« «
Всего 39,584 конто рейсовъ, что равняется 11,132,908 ф. ст.; иностранный долгъ составляетъ 10,525,000 ф. ст., а всего 21,658,208 ф. ст.		

НИДЕРЛАНДЫ.

Нижняя палата представителей утвердила въ засѣданіи, 23 Марта, два важные финансовыя проекта: о кредитѣ для прикрытія необыкновенныхъ издержекъ по департаментамъ военному и морскому на 1838 годъ (единогласно), и объ уплатѣ процентовъ на государственнѣй долгу за 1838 годъ (47-ю голосами противъ 4-хъ). — Напротивъ, проектъ желѣзной дороги между Роттердамомъ и Аригсеймомъ не былъ утвержденъ, не смотря на усилія Министра финансовъ доказать его пользу. — Апрѣля 3-го засѣданія палаты закрыты рѣчью, произнесенною съ ступеней трона Барономъ фанъ-Бриненъ-фанъ-Гротъ-Линдтомъ, который, за нездоровьемъ президента, Графа Реда, заступалъ его мѣсто.

Важнѣйшее событіе, равно обрадовавшее Голландію и Бельгію, состоитъ въ томъ, что Король Нидерландскій изъявилъ согласіе заключить миръ съ Бельгіею, и признать независимость сего государства, на основаніи извѣстныхъ 24-хъ статей, какія заключены были пятью посредствующими Державами, 15-го Ноября 1831 года. Въ слѣдствіе сего, въ Лондонѣ съ 27 Марта начались окончательныя совѣщанія между Лордомъ Пальмерстономъ, и послами Австріи, Франціи, Пруссіи и Россіи.

БЕЛЬГІЯ.

Марта 9-го, послѣ продолжительныхъ преній, въ Палатѣ представителей утверждено постановленіе о военныхъ училищахъ. — Новый законъ о присяжныхъ принятъ большинствомъ 72 голосовъ противъ 9. — Марта 10-го назначена прибавочная сумма по министерству иностранныхъ дѣлъ, 200,000 фр., для
Т. II. — Отд. V. 8

Бельгійскаго посольства въ Царьградъ. — Марта 12-го представлены палатъ: проектъ о займъ для желѣзныхъ дорогъ, и другой, по которому правительство предполагаетъ заемъ 180-ти милліоновъ, по $4\frac{1}{2}$ проц. для выкупа билетовъ по займу 100 милліоновъ фр., произведенному въ 1831 году, по 5 проц.—Марта 15-го, отвергнуты представленныя палатъ новыя учрежденія о таможняхъ. — Марта 15-го Палата была изумлена жаркою выходкою противъ министровъ аббата Фере, жаркаго защитника Католицизма. Онъ упрекалъ ихъ въ незнаніи дѣлъ, въ неспособности управлять государствомъ, но не входилъ ни въ какія подробности и доказательства. Это было первымъ знакомъ жестокой оппозиціи ультра-католиковъ, которая оказалась въ засѣданіи 16 Марта.

Вывозъ товаровъ изъ Бельгій составлялъ въ 1831 г. 104 милл., въ слѣдующихъ годахъ 124-122-135, а въ 1835 году 160,705,447. Привозъ въ 1831 году не превышалъ 98 милліоновъ; въ слѣдующихъ годахъ составилъ онъ 213-206-192, а въ 1835 году 198,969,674 фр.

Въ Брисселѣ свирѣпствуетъ красуха. Отъ нея умерли дочь сенатора Эндлера, и молодая супруга Барона Сидова, бывшаго Прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, на 24 году жизни.

Ш в е ц і я.

Исчислено, что въ Швеціи, въ царствованіе нынѣшняго Короля Карла Іоанна издержано на устройство старыхъ и новыхъ 15-ти каналовъ 12,811,419 талеровъ; на устройство 8-ми гаваней 290,000; на устройство новыхъ дорогъ 289,000; на укрѣпленіе Карлсборга (центральной крѣпости для 20,000 чело-вѣкъ), защитительныя работы окрестъ Стокголь-

ма, Карлскроны, и по западнымъ берегамъ 2,045,000 талеровъ. Сумма всѣхъ издержекъ 15,709,208 талеровъ. Правительство произвело ихъ, не прибѣгая къ займамъ и не налагая новыхъ податей.

Февраля 19-го сгорѣло почти двѣ трети городка Вексію, мѣстопробыванія знаменитаго Шведскаго поэта Тегнера. Жестокій холодъ не давалъ средства дѣйствовать трубами. Старинный соборъ Вексій уцѣлѣлъ.

Д а н і я.

Наслѣдникъ Датскаго Престола, Принцъ Христіанъ, вскорѣ отправится путешествовать по Германіи и Франціи. Онъ пробудетъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ.

Марта 16-го загорѣлся ночью прекрасный, старинный Кильскій замокъ, и весь сгорѣлъ, кромѣ нижняго этажа со сводами, гдѣ находится библіотека. Погибло много военныхъ запасовъ, оружія и другихъ заготовленій. Сильный вѣтеръ дулъ отъ С. З. и только это спасло самый городъ Киль отъ опасности.

Г а н н о в е р ь.

Марта 9-го, депутація обѣихъ Палатъ поднесла Королю благодарственный адресъ, въ отвѣтъ на рѣчь его, произнесенную при открытіи Палатъ. Внимая чувствамъ вѣрноподданническаго усердія, Король отвѣчалъ рѣчью, и заключилъ ее словами: «Далеко отъ благополучія тотъ властитель, который не убѣжденъ, что подданные его счастливы.»

Королевскимъ повелѣніемъ запрещено Ганноверцамъ учиться въ Лейпцигскомъ университетѣ, и строго приказано всѣмъ, кто нынѣ тамъ находится, немедленно оставить Лейпцигъ.

Всѣ слухи о сопротивленіи Ганноверцевъ волѣ ихъ Короля, уничтожившаго положеніа 1833 года, оказываются совершенно ложными. Ганноверцы изъявляютъ совершенную покорность волѣ своего Государя, и спокойно занимаются теперь, по волѣ его, разборомъ новыхъ государственныхъ постановленій.

ГЕРМАНИА.

Великій Герцогъ Веймарскій, 10-го Марта, въ первый разъ по выздоровленіи, явился въ церковь къ обѣднѣ. Жители Веймара изъявляли общій восторгъ, угостили столомъ нищихъ, и раздали имъ милостыню. Герцогъ не позволилъ освѣщать города, опасаясь, что такое изъясненіе радости будетъ тягостно для бѣдныхъ жителей. Въ театрѣ, гдѣ былъ онъ на другой день съ Августѣйшею своею Супругою, его встрѣтили радостными кликами.

Марта 8-го начались засѣданія Германскаго Сейма, подъ временнымъ предѣдательствомъ Прусскаго посла, генерала Шёлера.

По случаю спора государственныхъ штатовъ Гессенъ-Кассельскихъ, о томъ, чтобы доходы Ротенбургскаго Княжества были обращаемы въ государственное казначейство, а не въ собственный доходъ Курфирста, штаты распущены, и въ теченіе полугода приказано собраться новымъ представителямъ.

Марта 18-го, въ Гамбургѣ торжествовали 25-лѣтіе освобожденія города отъ ига непріятельскаго. Торжество происходило въ биржевой залѣ, при пушечныхъ выстрѣлахъ съ прибрежныхъ баттарей. Корабли, стоявшіе въ гавани были украшены флагами; городъ вечеромъ иллюминированъ.

Общества морскихъ застрахованій составляютъ

теперь важный источникъ доходовъ для капиталистовъ Гамбурга. Въ 1836 г. они застраховали кораблей и грузовъ ихъ на 220 милліоновъ талеровъ. — Число купеческихъ кораблей, принадлежащихъ жителямъ Гамбурга, простирается нынѣ до 153. Одинъ изъ тамошнихъ кораблехозяевъ имѣетъ 8 кораблей, трое по 7-ми, одинъ 6, одинъ 5, два по 4, 19 по 2.

Въ 1837 году, въ Пруссіи подано было Правительству 3,888 просьбъ о брачныхъ разводахъ, по которымъ совершено разводовъ 3291.

Апрѣля 2-го заложена желѣзная дорога, которая устроится отъ Аугсбурга къ Минхену.

Почью съ 17-го на 18-е Марта ужасная гроза свирѣпствовала въ Трирѣ (Treves, въ Пруссіи). Молнія ударила въ колокольню тамошняго Клаузенскаго аббатства, но пожаръ успѣли скоро потушить.

Князь Адольфъ Шварценбергъ назначенъ посломъ Императорскимъ, для присутствованія со стороны Австріи при коронованіи Англійской Королевы. Онъ отправится въ Маѣ въ Лондонъ, и потомъ черезъ Парижъ проѣдетъ въ Миланъ, для присутствованія при коронованіи Императора Ломбардскимъ Королемъ.

Выставка произведеній Австрійской промышленности, въ первый разъ была въ 1836 году. Теперь снова назначено быть выставкѣ, весною 1839 года, въ новомъ зданіи Вѣнскаго Политехническаго Института.

Всюду въ Европѣ оказываются теперь гибельныя слѣдствія большихъ снѣговъ и вдругъ послѣдовавшихъ сильныхъ оттепелей, отъ чего быстро вскрываются рѣки. Отъ разлитія Буга, близъ Вознесенска, нѣсколько дней не было переправы. Рейнъ, Одеръ,

Гаронна выступили изъ береговъ и затопили обширныя поля и многія селенія. Но особенное бѣдствіе причинилъ въ Венгріи Дунай. Разлитіе водъ, при напорѣ льду, хлынуло въ половинѣ Марта на многолюдный и богатый Венгерскій городъ Пестъ, затопило его, и стѣбло не сбывая два дня. Число жителей въ Пестѣ, до наводненія, полагали до 80,000. Къ несчастію, тогда была еще тамъ ярмарка, и множество народа съѣхалось отвсюду. Гибель капиталовъ, людей, строеній, бользни, безпорядки, все это сопровождало столь неожиданное бѣдствіе. Въ Вѣнѣ и другихъ городахъ открыты подписки въ пользу несчастныхъ жителей Песта. Правительство приняло дѣятельныя мѣры для пособія городу, недавно обширному, цвѣтущему, богатому, а теперь превращенному въ груды развалинъ. Можно судить о великости бѣдствія, потому что изъ числа всѣхъ домовъ въ Пестѣ, уцѣлѣло только 1146 — совершенно разрушились 2281, отъ 327-ми остались только стѣны, и 827 такъ сильно повреждены, что оказываются неспособны къ житію. Насчитываютъ болѣе 1200 погибшихъ въ одномъ Пестѣ, но этимъ обширнымъ городомъ не ограничилось раззореніе. Въ городѣ Гранѣ разрушено наводненіемъ до 700 домовъ, въ мѣстечкѣ Паркани болѣе 150, въ Нарѣ болѣе 50-ти, не считая множества мелкихъ прибрежныхъ селеній, хуторовъ и мызь. Село Каква смыто до основанія, и берега Дуная устьяны теперь трупами и развалинами. Но время бѣдствій бываетъ и временемъ подвиговъ. Съ восторгомъ пишутъ изъ Венгріи о великодушій и самопожертвованій, какое оказывали въ настоящемъ бѣдствіи Эрцъ-Герцогъ Палатинъ Юсифъ, сынъ его Эрцъ-Герцогъ Стефанъ, и все знатнѣйшее дворянство Венгерское.

И т а л і я.

Неаполитанцы изумлены неслыханною дерзостью Греческихъ пиратовъ. Съ поддѣльными паспортами, подъ Греческимъ флагомъ, шесть недѣль стоялъ корабль ихъ въ Неаполитанской гавани, выжидал, пока два Сицилійскія корабля выпли въ море, съ большою суммою денегъ, которую выручили за свой грузъ. Едва только Сицилійскіе корабли отплыли, какъ близъ острова Кипреи, пираты напали на нихъ побросали экипажъ въ море, ограбили корабль и скрылись.

Жестокая буря свирѣпствовала Февраля 12-го и 13-го въ Калабріи и Сициліи. Ураганъ опустошалъ лѣса, вырывалъ съ корнемъ деревья, срывая крыши домовъ. Два Неаполитанскіе корабли погибли на морѣ.

Въ дополненіе объ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ Неаполѣ моремъ 14-го Февраля, пишутъ что при жестокомъ волненіи моря, вѣтеръ былъ однако жъ весьма слабый, но валы морскіе были такъ велики и сильны, что перебрасывали и сдвигали огромные камни набережной. Одною человѣка сбросило съ ногъ и убило. Уже съ 11-го числа барометръ опустился, а 13-го море глухо шумѣло и казалось разноцвѣтнымъ; весь день потомъ шелъ проливной дождь. Корабль, съ 400-ми Сицилійскихъ рекрутовъ, разбило на морѣ, и всѣ бывшіе на немъ погибли.

Отъ 20-го Марта пишутъ изъ Неаполя, что послѣ теплой погоды, тамъ опять настали холода, и горы покрылись снѣгомъ. Боятся вреда прозябеніямъ. Мицдальныя деревья были уже въ полномъ цвѣтѣ.

По дорогѣ изъ Рима въ Салерно упала часть горы, и завалила дорогу. Въ Везувіи образуется съ бо-

ку горы новый кратеръ и сильно дымится. Ждутъ жестокаго изверженія. Многіе Англичане посѣщаютъ для этого изъ Рима въ Неаполь.

По отчетамъ Коммиссіи общенароднаго здоровья, число заболѣвшихъ въ Римѣ въ послѣднее появленіе холеры, съ самаго начала до окончанія ея въ Ноябрь 1837 года, простиралось до 9,572 человекъ, изъ коихъ умерло 5,419.

Въ Ливорно, въ 1837 году, пришло 94 нашихъ Русскихъ кораблей, а иностранныхъ съ Русскими товарами, пришедшихъ изъ Россійскихъ портовъ, было 218. Привозъ товаровъ Россійскихъ составлялъ вообще цѣнность въ 18,281,780 лиръ, или 15,356,695 франковъ (противъ 1836 г. болѣе на 9 милліоновъ).

Турція.

Марта 12-го, Султанскимъ гатти-шерифомъ, старшій зять Султана, Рифать Галиль-Паша, лишень званія Румелійскаго Сераскира, и мѣсто его отдано второму зятю Султанскому, Мехмеду-Сеидъ-Пашъ, который торжественно переведенъ послѣ того изъ Султанскаго дворца въ Сераскирь-Капуссійскій дворецъ.

Бывшій президентъ совѣта Министровъ въ Греціи, Рудгардъ, прибылъ въ Царьградъ.

Сынъ Англійскаго адмирала Ли вступилъ въ службу Султанскую, и назначенъ адъютантомъ великаго адмирала Ахмета-Паши.

Подробности смутеній въ Босніи объяснились. Это былъ не бунтъ, но частное буйство разбойничьихъ шайкъ. Какой-то капитанъ Беширевичъ собралъ толпы Австрійскихъ и Турецкихъ бѣглецовъ, которые производили грабежи, и укрывались въ горахъ. Имъ объявлено прощеніе, и всѣ они оставили своего атамана. Мятежникъ послѣ того самъ отдался въ плѣнъ Боснійскому Пашъ. Его везутъ въ Царьградъ.

Шайки разбойниковъ, грабившія на Греческихъ границахъ, истреблены Салоникскимъ Пашею Мустафою.

Полагаютъ, что главная цѣль посольства Рендидъ-Паши во Францію есть желаніе Султана склонить Французскаго Короля къ оставленію Алжира. Рендидъ-Пашъ вѣрно захватитъ въ Неаполь и Римъ, гдѣ долженъ онъ изъяснить Папѣ дружество и почтеніе Султана; потомъ въ Туринѣ надобно ему заключить торговый договоръ съ Сардиніею, а въ Лионѣ вѣрно ему осмотрѣть шелковыя фабрики.

Чума, ворвавшаяся въ Турецкія области по сю сторону Балкана, прекратилась въ началѣ Февраля. Полагаютъ, что число погибшихъ отъ нея простирается до 86,605 человекъ.

Докторъ Бюларъ, начавшій издавать въ Царьградѣ газету (посвященную особенно чумѣ, извѣстіямъ объ ней и средствамъ охраненія) подъ названіемъ: la Peste (*Чума*), прекратилъ ее, но будетъ издавать въ видѣ прибавленій къ Смирнскому журналу. Онъ объявляетъ планъ, по которому предположено Султаномъ обвести карантинную черту по границамъ Албаніи, Сербіи и Булгаріи, до береговъ Чернаго Моря, исключивъ Булгарію и опредѣляя сѣверную границую цѣпью Балкановъ.

Персидскій Посолъ имѣлъ аудіенцію у Султана, послѣ чего начались переговоры его съ Министромъ иностранныхъ дѣлъ. Нѣтъ сомнѣній, что цѣлью ихъ должно быть взаимное опасеніе Персіи и Турціи, при сильныхъ приготовленіяхъ Мегмета-Али въ Сиріи, равно опасномъ для обоихъ государствъ. Шахъ Персидскій все еще не можетъ покорить бунтовщиковъ Гератскихъ, которые рѣшились упорно защищаться.

ГРЕЦІЯ.

Король Оттонъ, съ супругою, посѣтилъ разныя мѣста Греціи, на корветѣ Амалія. Онъ былъ въ Навплии, Монемвасіи, Спартѣ, и всюду встречали его съ неописаннымъ восторгомъ.

Азія.

Съ пароходомъ Hugh-Lindsay, въ четырнадцать дошедшимъ изъ Индіи въ Суэсъ, получены денеши изъ Калькутты отъ 15-го, а изъ Бомбея отъ 28 Января. Бирманцы сильно угрожаютъ Мартабанской крѣпости. Несогласія между Англичанами и Китайцами въ Кантонѣ дошли до того, что въ концѣ Декабря, главный интендантъ Англійскій въ Кантонѣ, Карлъ Эллиотъ прекратилъ сношенія съ Китайскимъ губернаторомъ, и просилъ купцовъ Англійскихъ составить подробное исчисленіе всѣхъ обидъ и притѣсненій со стороны Китайской, для офиціального представленія Англійскому Правительству.

Нидерландскій Принцъ Генрихъ прибылъ благополучно, 27 Января, въ Бомбай.

Навабъ-Экбаль Аддоула, сынъ и наследникъ умершаго Султана Удскаго, прибылъ изъ Бенареса въ Калькутту, и отправляется въ Англію, съ жалобою на Остъ-Индскую Компанію. Не только послѣ смерти отца, лишень онъ былъ престола, и тронъ его отданъ былъ его дядѣ, но и теперь, когда дядя его, старикъ 92-хъ лѣтъ, находится при смерти, Компанія отказывается признать права Князя на Удское Султанство. Онъ надѣется найти правосудіе въ Лондонѣ.

АФРИКА.

Важныя и неожиданныя новости изъ Сиріи: Несогласія Сирійскихъ Друзовъ съ Египетскимъ Пашею показали слѣдствіе гораздо важнѣе ожидан-

ныхъ прежде. Выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями, и особливо наборомъ рекрутъ изъ ихъ племенъ, Друзы Идумейскихъ горъ разбили два посланные на нихъ полка Египетскіе, и начальникъ Египтянъ, Якубъ-Бей, былъ убитъ. Ибрагимъ Паша, оставаясь самъ въ Гамѣ, по причинѣ болѣзни (но онъ не умеръ, какъ несправедливо писали изъ Смирны), отрядилъ сильный 20,000-й корпусъ Египетскій подъ начальствомъ генераль-губернатора Сирійскаго, Шерифъ-Паши, и военного министра Ахметъ-Паши. Друзы собрались многочисленными толпами, встрѣтили ихъ, разбили на голову, захватили артиллерію и обозы. Ахметъ жестоко раненъ. Шерифа спасла только отчаянная храбрость его свиты. Друзы заняли Леджу, гористую область Гауранскую, на половинѣ пути изъ Дамаска въ Бозру. Дружины ихъ спѣшать теперь сюда со всего Ливана. Остатки Египтянъ въ безпорядкѣ укрылись въ Дамаскѣ. Ибрагимъ-Паша посѣдѣлъ изъ Алепа въ Хурсъ, не смотря на болѣзнь свою.

Мегемедъ-Али запретилъ обращеніе Турецкой монеты въ Египтѣ и Сиріи. Онъ встрѣтилъ съ особенною ласкою и привѣтливостью Баварскаго Принца Максимилиана, по пріѣздѣ сего высокаго путешественника въ Каиръ.

Въ Каирѣ прибылъ извѣстный Баварскій прожекторъ генераль Гальбергъ фонъ-Гальбергъ-Мосъ. Онъ предполагаетъ очистить Нилъ отъ пороговъ, или прокопать ему другое русло, открыть этимъ торговлю съ Аббиссинією, обогатить Египетъ, и проч. — Мегметъ-Али, наученный опытами, едва ли повѣритъ всѣмъ такимъ предположеніямъ. Онъ уже платился за проекты Европейскихъ выходцевъ въ Египетъ, и болѣе слышать объ нихъ не хочетъ.

Въ слѣдствіе переговоровъ съ Абдъ-эль-Кадеромъ, по которымъ уступилъ онъ Французамъ область Метиджу, Французское войско заняло Колеагъ, и вскорое займетъ Мелиду.

Главнѣйшая причина неудовольствій съ Абдъ-эль-Кадеромъ объяснилась; она состояла въ томъ, что переводчики трактатовъ смѣшали слова, которыми обозначались границы его и Французскихъ владѣній. Къ общему удовольствію, все это теперь кончено, и Абдъ-эль-Кадеръ изъявилъ полное согласіе на продолженіе дружбы и мира. Впрочемъ, Французы худо вѣрятъ хитрому Аравитянину, и Алжирскія войска ихъ готовы къ походу при малѣйшемъ движеніи Абдъ-эль-Кадера.

Посоль-Ахмеда-Бей ведетъ въ Алжиръ переговоры, объ отдачѣ по прежнему Константины во владѣніе Ахмеда, за что онъ обѣщаетъ заплатить издержки послѣдней войны. Резидентъ Французскій будетъ посланъ сего жить въ Константинь, а Ахмедовы повѣренные въ Бужіи и Бонъ, для отвращенія всякихъ поводовъ къ ссорамъ и недоумѣніямъ.

Между тѣмъ на владѣніе Константиною явился другой искатель, *Бенъ-Аисса*, бывшій храбрый полководецъ Ахмедъ-Бей, защищавшій Константиноу отъ Французовъ. Онъ теперь находится въ Алжирѣ, изъявляетъ покорность, хочетъ самъ отправиться въ Парижъ, и обѣщаетъ привести въ повиновеніе все племена Кабилы. Этотъ замѣчательный человекъ еще не старѣе 50-ти лѣтъ, съ прекраснымъ, мужественнымъ лицомъ. Храбрость его знаменита между Арабами. Съ нимъ находится въ Алжирѣ сынъ его, красавецъ Аравійскій, лѣтъ 20-ти.

По ревизіи, сдѣланной къ Январю 1838 года, въ

Алжиръ находится 7,575 Европейцевъ, 12,332 Мавританъ и 6,065 Жидовъ. Въ Алжирской округѣ живетъ Европейцевъ 2,207 человекъ. Число Кабайловъ, Мозабитовъ, Бискерисовъ, Негровъ Алжирскихъ, полагаютъ до 3,000, такъ, что все пародонаселеніе Алжира, принадлежащее Франціи, простирается до 30,000, не считая гарнизона, морскихъ и сухопутныхъ чиновниковъ, матрозовъ, и проч.

Доходы съ Алжирской колоніи, въ 1831 г. не превышавшіе 1,048,479 фр., въ 1837 г. составляли 3,665,603 фр. Въ 1836 г. продано тамъ Правительствомъ земель 905 участковъ, съ платежемъ 213,613 фр. ежегоднаго поземельнаго акциза, и 1,387,986 фр. единовременной платы, а въ 1837 г. 924 участка, съ платежемъ 167,127 фр. акциза, и 1,489,069 фр. единовременной платы. Число кораблей, приходившихъ въ Алжирскіе порты, въ 1835 году, было 2,090, а въ 1837 г. 3,365.

Аравійское племя Улетъ-Сейтунъ, состоящее изъ 2000 человекъ, переселилось въ Алжирскія области. Имъ отвели мѣста близъ мыса Матифу. Они жестокіе враги Абдъ-эль-Кадера; надѣются, что примѣръ покровительства, имъ оказанный, увлечетъ и другія племена къ переселенію и подданству Французамъ.

А М Е Р И К А.

Несогласія Гаити съ Франціею благополучно окончены. На другой день послѣ прибытія Французскихъ повѣренныхъ въ Портъ-о-Пренсъ, 28 Января, Президентъ Бойе принялъ ихъ съ величайшею почестію, угощалъ великолѣпнымъ обѣдомъ, и Февраля 12-го заключилъ съ ними договоръ, по которому Франція признаетъ навсегда независимость Гаити, обѣщаетъ союзъ и дружбу, а Гаитяне выплачиваютъ Франціи

60 милліоновъ Франковъ, по срокамъ до 1867 года. Все это произвело большую радость между Гаитянами. Февраля 18-го повѣренные Франціи опять пировали у Президента; за столомъ было 120 чловѣкъ гостей, Негровъ, Креоловъ и Европейцовъ, и взаимно пята были тосты. Любопытно описаніе, какое Французскіе повѣренные дѣлаютъ этому пиру, гдѣ Европейская роскошь мѣшалась съ самобытностью Африканскихъ привычекъ. Бойе теперь 65 года. Видь его важень и умень, и разговоръ отъменно увлекателенъ.

О войнѣ между Мексикою и Техасомъ ничего не слышно. Война между Перу и Чили, кажется, кончена. Въ Сентябрѣ Чилійцы явились у береговъ Перу, а Перуанцы у береговъ Чили; съ обѣихъ сторонъ захватили нѣсколько купеческихъ кораблей, и 17-го Ноября заключенъ былъ миръ, съ взаимнымъ возвращеніемъ захваченныхъ кораблей, уравненіемъ правъ между обѣими республиками и небольшими платами денежными. Изъ Буэносъ-Айреса писали потому, что Президентъ Чилійскій не утвердилъ договора, но возобновленія военныхъ дѣйствій до половины Декабря однако жъ не восплѣдовало.

Ничего важнаго не слышно и изъ Канады. Военныя дѣйствія прекратились. Малочисленныя толпы бунтовщиковъ сосредоточиваются въ Верхней Канадѣ, но рѣшительныя мѣры противъ нихъ отложены до прибытія Лорда Дургама. Оказавъ несогласіе соединиться съ буйными мятежниками, Канадцы тѣмъ не менѣе хотятъ требовать исправленія многихъ злоупотребленій. Соединенные Штаты подтверждаютъ свой нейтралитетъ, насильно настоятъ на скорѣйшее распределеніе границъ съ Англіею. Правительство Штатовъ отрывается отъ самовольной помощи, какову

нѣкоторые изъ Сѣверо-Американцевъ частно оказываютъ бунтующимъ Канадцамъ, предоставляя Англичанамъ право преслѣдовать всякую военную контрабанду. Между тѣмъ оно объявило, что преслѣдованіе Канадскихъ бунтовщиковъ въ земляхъ Штатовъ и вступленіе по сему случаю Англичанъ на Сѣверо-Американскія земли, оно почтетъ нарушеніемъ трактатовъ, и воспротивится оружіемъ такимъ насильственнымъ поступкамъ.

Силлей, депутатъ Менскаго Штата на конгрессъ, поссорился съ полковникомъ Уаббомъ, и былъ имъ убитъ на дуэли. Ссора началась за оскорбительныя слова, сказанныя въ собраніи конгресса. Февраля 27-го происходили похороны убитаго, и всѣ жители Вашингтона изъявили при семъ случаѣ большое участіе къ памяти его; члены конгресса добровольно надѣли трауръ; болѣе 600 чловѣкъ шли за гробомъ.

Генералъ Джессупъ, 24 Января, снова разбилъ толпы дикихъ сосѣдей, безпокоившихъ предѣлы Флориды. Конгрессу представлено исчисленіе расходовъ, которыхъ стоила въ два послѣдніе года война съ этими враждебными дикарями, кочующими на предѣлахъ Штата Флоридскаго. Всѣхъ дикарей считаютъ, съ стариками, женщинами и дѣтьми, 2600 чловѣкъ. Но расходы на войну съ ними въ два года составили 10,120,000 долларовъ. Дикари эти свирѣпы, живутъ въ недоступныхъ мѣстахъ, и поклялись вѣчною ненавистью къ бѣлымъ.

По книгамъ обанкротившагося въ Бостонѣ Франклинова Банка открылся дерзкій обманъ: директоры забирали большія суммы, не представляя ручательствъ, и банкротствомъ своимъ лишали Банкъ различныхъ капиталовъ. То же открыто и въ Банкѣ

Республики. Множество чиновниковъ, служившихъ по обонмъ Банкамъ, забрано послѣ сего подъ стражу.

Февраля 3-го, въ Балтиморъ сгорѣлъ огромный циркъ, превосходившій обширностью цирки Франкони въ Парижѣ и Эстлея въ Лондонѣ. Вечеромъ давали на немъ мелодраму *Мазепа*, и ночью онъ вспыхнулъ, такъ быстро, что не было средствъ тушить. Изъ 52-хъ лошадей, бывшихъ въ немъ, спасено только пять, и убытокъ содержателя, г-на Кука, цѣнятъ въ 80,000 долларовъ (около 400 т. руб.).

Въ West-Point сгорѣло военное училище; убытокъ оцѣняютъ въ 100,000 долларовъ. Огромный Нью-Йоркскій театръ Bowery снова сдѣлался добычею пламени. Онъ горѣлъ уже два раза, въ 1828 и 1836 гг., но былъ отстроенъ вновь. Теперь успѣли спасти только желѣзный сундукъ съ деньгами и важнѣйшими бумагами. Убытокъ полагаютъ въ 600000 долларовъ, не считая того, что зданіе было застраховано въ 35,000 долларовъ. Одного человѣка убило горящимъ бревномъ.

По счетамъ Нью-Йоркской таможи, количество привозныхъ товаровъ по сей таможнѣ, въ 1837 году составило сумму не болѣе 50,349,494 долларовъ, а таможенный сборъ только 9,480,124 доллара (*меньше* противъ 1836 г. 7,634,181 долл.)!

Мексиканскій флотъ, состоящій изъ линейнаго корабля, фрегата и двухъ шхунъ, отправился изъ Вера-Круса къ берегамъ Техасскимъ, 6-го Февраля.

Англичане захватили Испанскій корабль *Vencedor* и бригантину *Vigilante*, нагруженные Неграми невольниками. Бригантина имѣла паспортъ отъ Португальскаго губернатора.

Въ Восточной Бандѣ ожидаютъ рѣшительной битвы между тамошнимъ правительствомъ и бунтовщи-

ками. Корпусъ изъ 2,500 человѣкъ отправился противъ нихъ; отрядъ бунтовщиковъ простирается только до 1500 человѣкъ.

Бразильское правительство ведетъ переговоры съ Лондонскими банкирами о займѣ полу-милліона ф. ст. Привозъ товаровъ въ Бразилію въ 1837 г. составлялъ сумму до 22,390,000 рейсовъ, а вывозъ до 15,362,642 рейсовъ. Въ 1836 г. привозъ простирался до 24-хъ слишкомъ, а вывозъ до 19-ти милліоновъ. Половина всей Бразильской торговли производится Англичанами, а другая Французами, Голландцами, Северо-Американцами и прочими народами.

Принцъ Жуанвильскій прибылъ 22-го Января въ Рио-Жанейро. Въ тотъ же день вечеромъ былъ онъ на балѣ при Дворѣ, а потомъ отправился осматривать алмазные копи. Возвращеніе его во Францію предполагается въ Маѣ.

Вильрейтъ, членъ Лондонскаго Географическаго Общества прислалъ извѣстіе, что онъ учредилъ постоянное сообщеніе пароходами между Панамою, Лимою и Валларайзо. Онъ намѣренъ устроить пароходы для постоянного сообщенія Англии съ Панамою, и отсюда съ Сиднеемъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, съ остановкою на Таити, гдѣ пароходы должны запастись угольемъ. Г-нъ Вильрейтъ полагаетъ, что разстояніе 11,000 миль, отъ Англии до Сиднея, можно будетъ переходить въ 60 дней, то есть, въ половину того времени, какое потребно нынѣ кораблю, въ самую благоприятную погоду.

Разныя извѣстія.

Марта 3-го, въ Парижской Академіи было необыкновенное стеченіе всего, что только есть отличнаго, и что имѣетъ право на умъ и извѣстность въ Парижѣ. Талейранъ, въ званіи академика, читалъ рѣчь въ память покойнаго Графа Рейгарда, члена Акаде-

ми и друга своего Онъ увлекъ всѣхъ своимъ провозно шеніемъ, лснымъ, чистымъ, громкимъ, и, несмотря на глубокую старость и слухи о непрерывномъ его хвораньѣ, читалъ безъ очковъ. Громкія рукоплесканія оглашали залу. Старика чуть не несли на рукахъ изъ собранія. Послѣ того начались вопли и клики въ журналахъ; одни обвиняли Талейрана въ неискренности его рѣчи; другіе жестоко бранили рѣчь его. Довольно для стараго дипломата, что онъ еще успѣлъ обратить на себя вниманіе и разговоры всего Парижа и вопли журналовъ на нѣсколько дней, а это уже немало.

Близъ Валансьенна, во Франціи, буравили землю для артезіанскаго колодца, подъ смотрѣніемъ инженера Мегю. Вдругъ буравъ съ силою выбросило вонъ, и горячею водою, брызнувшею высоко, обожгло работниковъ. Послѣ сего открылся фонтанъ сѣрной горячей воды, съ температурою въ 25° жару, и одинаковаго свойства съ водами Сентъ-Аманскими. Издали весь фонтанъ кажется закрытъ паромъ, который высоко разстилается облаками. Драгоценная эта находка обрадовала жителей, ибо они видятъ въ немъ важный источникъ доходовъ.

Вотъ статистическій очеркъ *Великобританіи*, къ 1-му Января 1838 года, составленный извѣстнымъ Моро де-Жонне:

Пространство, 16,000 кв. миль, и 133,000 кв. миль владѣній во всѣхъ частяхъ свѣта. — *Народонаселеніе*, 26 милліоновъ, утроившееся въ теченіе 150 лѣтъ. — *Земледѣліе*, производитъ ежегодно цѣнность въ 5,500 милліоновъ франковъ, въ трое противъ произведенія въ концѣ XVII вѣка. — *Рудники* каменнаго угля и металловъ даютъ ежегодно цѣнность въ 700 милліоновъ франковъ. — *Промышленность* производитъ ежегодно цѣнность въ 4000 милліоновъ

фр., удвоясь въ теченіе 40 лѣтъ. — *Цѣнность капиталовъ* Великобританіи составляетъ 9500 милліоновъ, утроясь въ теченіе 36 лѣтъ. — *Выпущенная торговля* производитъ ежегодный оборотъ въ 3000 милліоновъ. — *Приходящихъ и отходящихъ кораблей* во всѣ порты бываетъ въ годъ до 43,000, съ 7-ю милліонами тоннъ груза. — *Государственные доходы* 1,575 милліоновъ. — *Государственные расходы* 1,164,314,000. — *Государственный долгъ* 19,000 милліоновъ, не считая временнаго и ходячихъ билетовъ. — *Флотъ*, 123 линейныхъ корабля, 122 фрегата и 83 корветта. — *Войско*, 81,000 человекъ. — *Народное ученіе* — 75,000 училищъ, посещаемыхъ 4-мя милліонами учениковъ. — *Столица* — самый обширный и самый богатый въ свѣтъ городъ, въ которомъ живетъ 14-я часть всего народонаселенія Великобританскаго государства собственно.

Отказъ въ десяти-тысячной пенсіи вдовѣ генерала Дамремона, убитаго подъ Константиною, былъ поводомъ жестокаго негодованія оппозиціонныхъ журналовъ во Франціи. Укорила Палату Депутатовъ въ постыдной скупости, одни приводятъ ей въ примѣръ щедроты, съ какою награждаются заслуги воинскія въ Россіи; другіе указываютъ на Англію. По поводу этого, журналы исчисляли, что со времени царствованія Георга II-го, три Англійскіе главнокомандовавшіе арміями были убиты на войнѣ: *Вольфъ* при взятіи Квебека, *Муръ* подъ Коруньею, и *Аберкромби* въ Египтѣ. Двое первыхъ не были женаты. Вдовѣ Аберкромби пожаловано по смерти мужа баронство и перство, съ пенсіею 2000 ф. ст. — *Нельсону* послѣ Санта-Крусской битвы, опредѣлена была пенсія въ 1000 ф. ст., послѣ Абукирской прибавлено еще 2,000 ф. ст., и Компанія Остъ-Индская подарила ему 10,000 ф. ст., а послѣ смерти его при

Трафальгаръ, обѣимъ сестрамъ его выдано по 10,000 ф. ст.; сынъ возведенъ въ званіе графа и виконта, съ пенсіею по 6000 ф. ст., и съ подаркомъ 100,000 ф. ст. на покупку помѣстья. Еще болѣе были награды *Веллингтону*. Послѣ Талаверской битвы пенсія въ 2000 ф. ст., званіе пера и титулъ виконта; послѣ взятія Сіудадъ-Родриго титулъ графа и прибавокъ пенсіи въ 2000 ф. ст.; послѣ занятія Мадрида титулъ маркиза и подарокъ 100,000 ф. ст.; при заключеніи мира въ 1814 г. подарокъ 300,000 ф. ст. и прибавокъ пенсіи въ 14,000 ф. ст.; послѣ Ватерлооской битвы подарокъ 200,000 ф. ст. и Стретфильдское помѣстье въ 500,000 ф. ст.

Въ засѣданіи Лондонскаго Королевскаго Общества, подѣ председательствомъ Герцога Суссекскаго, Марта 17-го, члены занимались особенно разсмотрѣніемъ модели гальваническаго телеграфа. Общее вниманіе привлекли еще опыты профессора Грагама, посредствомъ снаряда, изобрѣтеннаго Тилорье для *отвержденія* (solidification) угольной кислоты и *застуженія* (congelation) ртути. Не менѣе любопытными показались снаряды Чевертонна, для добыванія угольной кислоты въ жидкомъ видѣ.

Знаменитый географъ Риттеръ возвратился въ Берлинъ изъ путешествія своего на Востокъ. Ожидаютъ любопытныхъ свѣдѣній, собранныхъ имъ въ путешествіи.

Въ Штутгартѣ получены извѣстія отъ маіора Кильмейера, который путешествуетъ теперь по Абиссиніи. Онъ пишетъ изъ Адовы, столицы царства Тигре, отъ, 24 Іюля, что надѣется благополучно совершить свое путешествіе. Съ нимъ вмѣстѣ находятся миссіонеръ Блауменгардтъ, и академикъ Эслингенскій Шимперъ, собравшій много новыхъ растений. Князь Хойскій прислалъ въ Адову просить путеше-

ственниковъ къ себѣ, чтобы они научили его поданныхъ *дѣлать все то, чего они еще не умѣютъ дѣлать*. Г-нъ Кильмейеръ располагаетъ въ Сентябрѣ отправиться въ Анкоберъ, столицу князя Хойскаго.

Докторъ Баррашенъ, жившій уже три года въ Персіи, снова отправляется туда. Цѣль его ученое и промышленное путешествіе. Онъ везетъ съ собою богатое собраніе инструментовъ для ученыхъ опытовъ и изслѣдованій, и образцы разныхъ издѣлій Французскихъ. На Востокъ находятся теперь еще два ученые Французскіе странствователя: Тексъе и Евсевій де-Саль.

Коммодоръ Элліотъ вывезъ въ Мальту, на сѣверо-Американскомъ кораблѣ «Конституція», множество драгоценныхъ остатковъ древностей, собранныхъ съ полей Мараѳонскихъ, Троилскихъ, изъ Аѳинъ, Коринѳа, съ мыса Суніумскаго, изъ Сиріи, Бальбека, Палестины и Египта. Между прочимъ, онъ приобрѣлъ два саркофага изъ цѣльныхъ кусковъ бѣлаго мрамора, вырытыхъ подлѣ Байрута, на мѣстѣ древней Беригы. Одинъ изъ нихъ Юліи Мамеи Августы, матери Александра Севера. Все это везетъ онъ въ Сѣверную Америку, которая никогда еще не получала подобныхъ сокровищъ древняго міра.

Въ Константинолѣ найдена надпись, показывающая, что ею означался нѣкогда памятникъ, воздвигнутый въ честь Каракаллы, при полученіи имъ титула Августа отъ Септимія Севера, въ 198 году отъ Р. Х., и поставленный жителями Сигвитана. Имя этой Римской колоніи извѣстно было только изъ реестра Нумидійскихъ епископствъ, но мѣсто, гдѣ она находилась, было вовсе невѣдомо.

Картинная галерея Лоренса въ Лондонѣ, за которую Англійское правительство давало 12,000 ф. ст., распродана по частямъ. Принцъ Оранскій запла-

тиль означенную сумму за одѣвъ картины Рафаэля, Микель-Анджело, Корреджия и Л. Винчи. Сирь Р. Пиль купилъ большую часть картинъ Рубенса и Фейнъ-Дейка, а остальное раскупили Лордъ Эгертонъ и богатые Голландцы.

Ориенталистъ Рейно избранъ профессоромъ Арабскаго языка, на мѣсто С. де Саси.

Въ Вѣнѣ готовятъ модель памятника покойному Императору. На немъ будетъ надпись: Francisco Primo Conservatori.

Въ Эдмбургѣ составила комиссія, подъ предсѣдательствомъ Герцога Букклеяга, для разсужденій о памятникѣ, который предположено воздвигнуть В. Скотту. Собранныя для сего, по подпискѣ, сумма составляетъ 7000 ф. ст.

Въ Алби, родинѣ Лаперуза, хотятъ воздвигнуть статую въ память сего несчастнаго мореплавателя. Король подарилъ городу 5000 килограммъ бронзы для предполагаемаго памятника.

Число родившихся въ Вѣнѣ, въ прошедшемъ году, всѣхъ исповѣданій, простиралось до 15,653 (527 болѣе противъ 1856 г.). Бракомъ сочеталось 3461 пара (516 болѣе противъ 1856 г.). Умерло 16,177 чело-вѣкъ (4062 менѣе противъ 1856 г.), въ томъ числѣ умершихъ при самомъ рожденіи было 597, и не старѣе 10-ти лѣтъ 3652 муж. и 3317 женск. пола. Отъ 90 до 100 лѣтъ умершихъ было 31, *ста одного года одинъ*, 105 лѣтъ одинъ.

Въ 1837 году, по желѣзной дорогѣ изъ Брисселя въ Антверпенъ проѣхало 1,348,577 чело-вѣкъ. Прежде въ дилижансахъ проѣзжало по сей дорогѣ въ годъ не болѣе 75,000. — Между Манчестеромъ и Ливерпулемъ число проѣзжихъ послѣ устроенія желѣзной дороги *утроилось*, противъ того, сколько ѣзжало прежде.

Въ 1834 году, только одинъ Англійскій пакет-ботъ отправлялся ежемѣсячно изъ Фальмута въ Патрасъ, заходя въ Гибралтаръ, Мальту и на Ионійскіе острова. Теперь отправляется пароходъ изъ Лондона каждыя двѣ недѣли въ Патрасъ и Корфу. Австрійскій пароходъ дважды въ мѣсяць ходитъ изъ Триеста въ Аѣины, Царьградъ и Александрію. Французскій пароходъ каждыя 10 дней отправляется изъ Марсели въ Аѣины и Царьградъ, заходя въ Ливорно и Неаполь, а другой каждыя 10 дней ходитъ изъ Марселя въ Александрію и Аѣины.

Въ 1836 году напечатано въ Великобританніи новыхъ книгъ 1254, а въ 1837 г. 1380, которыя составили 1800 томовъ. Сюда не включаются новыя изданія, брошюры и журналы. Число гравюръ 1837 года не превышало 98-ми, а число журналовъ мѣсячныхъ восходило до 256-ти, и трехъ-мѣсячныхъ до 35.

Изъ Риги вывезено въ Англію, въ 1837 году, костей 112,755 пудовъ (18,500 пудовъ болѣе противъ 1836 года). Онѣ употребляются въ Англій для удобренія полей.

Промышленники сельдей рѣшаются обратиться теперь на ловлю ихъ подлѣ береговъ Ньюфаундленда, ибо тамъ оказывается ихъ величайшее множество, и отличной доброты.

Въ Австраліи нашли песокъ, который оказался самымъ превосходнымъ для составленія хрустала, по опытамъ на знаменитой фабрикѣ Пеллета въ Лондонѣ. Цѣлый корабль съ этимъ пескомъ пришелъ въ Ливерпуль, и грузъ его былъ немедленно раскупленъ.

Число мериносовъ, разведенныхъ нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, простирается до 13-ти милліоновъ; съ cadaго снимается шерсти на 1½ доллера,

у 9154 фабрикъ обрабатываютъ и передѣлываютъ эти шерсть.

Директоръ Алторфской школы земледѣлія вывезъ изъ Англіи стадо превосходныхъ короткорогихъ коровъ, называемыхъ *Дургалскими*, которыя донынѣ не были разведены во Франціи.

Съ 1833 года начался вывозъ шерсти изъ Бомбея въ Индію. Въ 1834 г. вывезли ее 69,944 фунта; въ 1835-мъ 486,528; въ 1836-мъ 1,196,665, а въ 1837 году 2,444,091 фунтъ.

Выдѣлка сахару изъ свекловицы чрезвычайно усиливается въ Венгріи. Въ 1836 г. было тамъ только 187 фабрикъ, а въ 1837 году число ихъ возрасло до 851, кромѣ того, что многія увеличили свои занятія, и болѣе 200 крестьянскихъ семействъ завели мелочную выдѣлку сыропа и песку въ домашнемъ быту. Главнѣйшія фабрики суть: Графини Эстергази, аптекаря Гемери, Графа Фестетича, и г-дъ Гиартзани и Томсани. Правительство всячески поощряетъ сію полезную вѣтвь промышленности. Въ Пестѣ открытъ практическій курсъ свеклосахарнаго производства, профессоромъ Лимбергеромъ, и число слушателей у него доходитъ до 500.

Акціи Парижскаго журнала *Messenger* упали съ 500 до 65 франковъ, и 12 Апрѣля положено продать право на журналъ и всѣ акціи — за 20,000 фр. Онъ основался въ Февраль 1836 года, съ капиталомъ въ полъ-милліона. Акціонеры останутся не въ баръшахъ!

Въ Блэквиллѣ находится теперь величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Европѣ пароходовъ, *Great-Western*. Онъ поднимаетъ груза 1640 тоннъ; длина его 234 фута, а ширина по срединѣ 58 футовъ. Сила паровой машины его равняется 450 силамъ лошадинымъ. — Марта 26-го, въ окрестностяхъ Лон-

дона былъ праздникъ, по случаю спуска на воду парохода, посредствомъ коего учредится постоянное сообщеніе съ Булонью. Меръ Булонскій находился на ширшествѣ гостемъ, приглашенный Лондонскимъ Лордъ-Меромъ. — Недавно въ Англіи дѣлали опытъ надъ новымъ паравозомъ, построеннымъ по проекту Гаррисона, механикомъ Ауторномъ въ Нью-Кестлѣ. ны и котель находится на этомъ паровозѣ въ двухъ различныхъ экипажахъ, что даетъ многія удобства и большія средства избѣгать опасностей. Паровой насосъ бьетъ 160 разъ въ минуту; колеса паровоза, 6-ти футовъ въ диаметръ, вертятся по три раза за каждымъ ударомъ, то есть, 480 разъ въ минуту, что даетъ по желѣзной дорогѣ скорость хода непостижимую — 103 мили въ часъ!

Въ Парижѣ учреждаются двѣ замѣчательныя компаніи: одна для устройства желѣзной дороги отъ Парижа до границъ Бельгіи, съ капиталомъ въ 80-тъ милліоновъ франковъ, раздѣленнымъ на акціи по 500 франковъ; дорога эта проложится черезъ Компьень (*Compiègne*) и обѣщаетъ большія выгоды. Еще можетъ быть важнѣе для Франціи другая компанія — *Национальный банкъ поземельнаго долга* (*Banque nationale de la dette foncière*). Капиталь въ 10 милліоновъ раздѣлится на 20,000 акцій. Компанія будетъ производить, за малые проплаты, мелочную ссуду земледѣльцамъ и занимающимся промышленностью отъ земли, подъ залогъ принадлежащихъ имъ доходовъ съ земель, съ надзоромъ, чтобы ссуда употреблялась въ пользу, и съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неплатежа давать неисправнымъ льготы, а не продавать немедленно залоговъ, что ведетъ къ раздробленію участковъ, непрерывному переходу земель изъ рукъ въ руки, и при жадности спекулянтовъ и ростовщиковъ губить и разорять бѣдныхъ земле-

дѣльцовъ и промышленниковъ. Адольфъ Коррешъ директоръ общества, а въ числѣ учредителей находятся: экономистъ Бланки, эксъ-министръ Ватимениль, депутаты Эннекенъ, Тестъ, Ше-д'Этанжъ, Дювержье, и другія извѣстныя особы.

Вотъ еще двѣ новыя компаніи: *Общество для заалжки стали и выдѣлки булатныхъ оружій*. Капиталь 1,200,000 франковъ.—*Общество для добыванія асфальта*. Капиталь 1,600,000 франковъ. Извѣстно, что асфальтъ обращаетъ теперь во Франціи всеобщее вниманіе, послѣ того, какъ узнали выгоду его при устройствѣ дорогъ. — Особенное общество составилось для добыванія его въ Деп. Верхней Луары, съ капиталомъ $1\frac{1}{2}$ милліона. — Большое одобреніе Парижанъ заслужило еще *Общество гальваническаго желѣза*, т. е., предохраняемаго посредствомъ гальванизма отъ ржавчины, что производится какою-то особенною полудою.

По повелѣнію Англійскаго правительства, химикъ Клеркъ осматрѣлъ запасы муки, приготовленные для отправки въ Испанію и Португалію изъ Гуля, и въ 1407 мѣшкахъ нашелъ *болѣе трети* алебастру и молотыхъ костей. Хозяинъ груза осужденъ заплатить 10,000 ф. ст. штрафа за такой подлый и безчеловѣчный обманъ.

Братья Ландауеры, въ Штутгартѣ, получили привилегію на особенную выдѣлку канатовъ. По ихъ изобрѣтенію, нити не перекручиваются одна съ другою, но свиваются параллельно. Канатъ $1\frac{5}{4}$ дюйма въ окружности выдерживаетъ 13 квинталовъ тяжести, и обрывается такъ ровно, какъ будто перерѣзанный пожницами, что служитъ доказательствомъ, какъ ровно поддерживается тягость всѣми его нитями. Замѣчательна и легкость новыхъ канатовъ: канатъ въ 504 нити, $3\frac{1}{16}$ дюймовъ окружно-

сти, 111 футовъ длины, вѣсить 19 фунтовъ, когда такого-же размѣра канатъ обыкновенный составляетъ вѣсъ $51\frac{1}{2}$ фунта.

По случаю несчастій, какія весьма часто причиняетъ на желѣзныхъ дорогахъ встрѣча паровоза съ животными, въ Англій рѣшаются ввести употребленіе Американскаго снаряда *коу-кетчеръ* (коровій ловець). Это огромный деревянный ящикъ, прикрѣпляемый впереди паровоза. Животное, встрѣтившееся съ нимъ, или попадаетъ въ этотъ ящикъ, или сбрасывается рычагами съ дороги въ сторону.

Въ Парижѣ дѣлали удачный опытъ новаго изобрѣтенія г-на Ленънеля, посредствомъ коего паровозы могутъ двигаться во всѣхъ направленіяхъ, взадъ, впередъ, и во всѣ стороны по желѣзнымъ дорогамъ. По извилинамъ дороги, устроенной на Елисейскихъ Поляхъ на пространствѣ 50 метровъ, изобрѣтатель проѣхалъ въ часъ 9 лѣ, и свидѣтельства инженеровъ ручаются за безопасность самыхъ крутыхъ его поворотовъ.

Въ Англій появился новаго рода экипажъ — карета, у которой рессоры сдѣланы сверху на особенныхъ столбикахъ, утвержденныхъ въ оси. Изобрѣтатель увѣряетъ, что при такихъ рессорахъ ни какое паденіе кареты не можетъ быть опасно.

Городовая почта въ Парижѣ принимаетъ теперь письма по семи разъ въ день, въ $7\frac{1}{2}$, 10, 12, 2, $3\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$ и 7 часовъ, а развозитъ ихъ шесть разъ, въ 7, $9\frac{1}{2}$, 12, 2, 4 и 6 часовъ.

Низаръ издастъ въ Парижѣ полное собраніе Латинскихъ классиковъ, въ 48 томахъ, которые будутъ содержать матеріи на 200 томовъ другихъ изданій (Collection des Auteurs Latins), и между тѣмъ, томъ будетъ стоить не болѣе 12 франковъ. Это произвело страшное волненіе между прежними издате-

лами Латинскихъ классиковъ, и книгопродавецъ Эрманъ немедленно объявилъ, что известное изданіе Лемерова (*Bibliothèque des Classiques Latins*), 154 тома, по 600 и 700 страницъ въ каждомъ, продававшаяся по 2006 фр. 50 сант., онъ отдаетъ по $2\frac{1}{2}$ фр. за томъ, а за полный экземпляръ возьметъ — 385 франковъ, съ картами, картинками, и проч. и проч. — Дешевизна неслыханная! И между тѣмъ Эрманъ замѣчаетъ покупателямъ, что хотя Панкуково превосходное изданіе классиковъ, стоящее 1276, фр., и состоитъ изъ 178 томовъ, но Лемерово превосходить его цѣлою *третью*, ибо въ Лемеровомъ 3,247,250 строкъ, а въ Панкуковомъ только 2,169,705.

Въ прошломъ году, Ирландецъ Мурфи издалъ въ Лондонѣ метеорологическій календарь, гдѣ предсказывалъ жестокою зиму 1858 года. Всеобщее изумленіе возбудило потомъ, какъ это, такъ и всѣ другія предсказанія его. Мурфи объявляетъ, что предсказанія его суть плоды многолѣтнихъ наблюденій надъ лунными ущербомъ и рожденіемъ, порядкомъ погодъ и климатомъ, и что онъ полагаетъ возможнымъ, довести метеорологическія предсказанія до необыкновенной точности.

Число заключаемыхъ въ тюрьму въ Англіи, ежегодно, среднимъ числомъ, простирается до 180,000; число судимыхъ уголовнымъ судомъ до 42,000; обвиняемыхъ до 28,000; ссылаемыхъ до 5000; осуждаемыхъ на смерть 1257; казнимыхъ — 409.

Одинъ кредиторъ на островѣ Джерсеѣ, посадившій въ тюрьму должника, имѣющаго недвижимое имѣніе, но не платившаго долга, просилъ судъ позволить ему морить его помаленьку голодомъ, пока онъ не согласится платить. Судъ позволялъ, съ тѣмъ, чтобы эта пытка голодомъ производима была постепенно, уменьшеніемъ ежедневно количества

пищи. Можно-ли повѣрить, что въ Англіи выходятъ подобныя судебныя рѣшенія? Но судъ основался однако жъ на какомъ-то старинномъ законѣ.

Число тигровъ, убитыхъ въ Тагалъ на Явѣ, гдѣ ихъ находится величайшее множество, простиралось въ прошломъ году до 80-ти; въ числѣ ихъ одинъ былъ совершенно черный, что почитается величайшею рѣдкостью. Одинъ изъ Яванскихъ охотниковъ упалъ нечаянно въ яму, приготовленную для ловли тигровъ, гдѣ нашелъ страшнаго товарища — огромнаго тигра, который не причинилъ ему вреда; товарищи спасли несчастнаго Яванца, но, отъ страха, онъ обезумѣлъ.

Марсельскій Коммерческій Судъ получилъ изъ Гибралтара, отъ 28-го Февраля, реестръ разбитымъ въ послѣднія бури на Испанскихъ берегахъ кораблямъ. Всего погибло ихъ 38. Въ семь числѣ было 3 Французскихъ, 4 Англійскихъ, 3 Испанскихъ, 6 Сардинскихъ, 1 Австрійскій, 2 Тосканскихъ. Кроме того разбилося еще 19 мелкихъ судовъ.

Корабль Джонъ Портеръ шелъ изъ Демерари въ Галифаксъ, но встрѣтилъ противныя и жестокія вѣтры, которые гнали его непрерывно къ юго-востоку, черезъ весь Атлантическій Океанъ, такъ, что спасаясь отъ гибели, капитанъ принужденъ былъ пристать къ Англійскимъ берегамъ, и вошелъ въ Ливерпульскую гавань. Примѣръ донынѣ неслыханный!

Въ Январѣ, въ Канадѣ было такъ тепло, что пароходы свободно ходили по озерамъ и рѣкамъ за Монреалемъ.

Въ половинѣ Марта были въ Англіи большіе снѣга, такъ, что ими заваливало цѣлыя фермы, и почты не могли ходить по восточной сторонѣ Англійскихъ береговъ, за непроѣздомъ дорогъ. Письма носили отъ

селенія до селенія пѣшеходы. Одинъ изъ такихъ почтарей провалился въ сугробъ, и попалъ въ каминъ сельскаго дома, который былъ совершенно заваленъ снѣгомъ. Это послужило къ спасенію несчастныхъ, погребенныхъ подъ снѣжными громадами.

Рѣка Ангара въ Иркутскѣ покрылась льдомъ, ночью, на 22 Декабря. Въ Ноябрѣ холодъ доходилъ тамъ до 29°, но въ половинѣ Декабря настала оттепель, морозъ былъ 3°, а въ полдни было даже тепла 1°. Въ Красноярскѣ и другихъ мѣстахъ Восточной Сибири шли проливные дожди. Но съ 18-го по 21-е холодъ въ Иркутскѣ возвысился опять до 30°.

Лавиною завалило три хижинны въ деревнѣ Колле, близъ Дня, во Франціи. Черезъ двадцать три дня отрыли одну изъ нихъ, и нашли живыми мужчину и дѣвушку. Они питались все время молокомъ коровы и козы, которыя жили съ ними вмѣстѣ, а кормильцовъ своихъ пропитывали они картофелемъ, который былъ запасенъ въ хижинѣ.

Въ Сардиніи, за Логулентою, въ прелестной долинѣ Val de Partusu, сплошь усаженной масличными и плодовыми деревьями, Марта 2-го поколебалась земля, и поверхность ея, на пространствѣ 500 кв. шаговъ, взорвало на воздухъ. На мѣстѣ цвѣтущихъ насажденій является теперь тамъ груды безобразныхъ глыбъ земли и камней, но ни какого вулканическаго изверженія притомъ не послѣдовало.

Въ деревенькѣ Грешенбергъ, на Силезскихъ горахъ, лежащей въ 1800 футахъ отъ поверхности моря, выше мѣстечка Фрейвалдау, живетъ простой поселянинъ Приснитцъ. Онъ родился въ 1799 году, и личнымъ опытомъ удостовѣрился, что самое лучшее средство лечить раны, ушибы, вывихи, раздробленные кости и накожные болѣзни — мытье и смачиванье тѣла чистою холодною водою. Говорятъ, что

это средство приложилъ онъ ко многимъ другимъ болѣзнямъ. По крайней мѣрѣ, съ 1830 года Приснитцъ получилъ позволеніе правительства лечить водою, и успѣхи его были такъ велики, что множество больныхъ, и даже знатныхъ особъ, съѣзжаетъ теперь къ Приснитцу, и въ Фрейвалдау недостаетъ квартиръ для пріѣзжающихъ. Число пациентовъ Присница въ 1830 году было не болѣе 54, въ 1831 — 64, въ 1832 — 118, въ 1833 — 206, въ 1834 — 256, въ 1835—342, въ 1836—469! Въ 1837 году число удвоилось, — было 800, и слава Приснитца гремитъ теперь по всей Германіи, на ряду съ Ганнмановою.

Новая бѣда для людей! Мы были жадны къ золоту по многимъ причинамъ, но никто еще не ѣлъ его, ибо люди не знали, что золото есть самое лучшее лекарство отъ слабости желудка и несваренія пищи въ желудкѣ, также при разстройствѣ и слабости тѣла, и проч. Докторъ Легранъ недавно читалъ въ Парижской Академіи Наукъ длинную объ этомъ диссертацию. И такъ, вотъ еще новое побужденіе *пріобрѣтать золото*, для того, чтобы *глотать* его и быть послѣ того здоровымъ!

Какой-то Базиліанскій монахъ нашелъ, въ старинной гробницѣ какого-то Черногорскаго монастыря, кипы старинныхъ бумагъ, завернутыхъ въ масляныя тряпки. Опасались, что это драгоценныя *лѣтописи на разныхъ Славянскихъ языкахъ*, гдѣ описываются дѣла съ перваго вторженія Славянъ на Дунай до 1721 года. Тутъ открылось множество записокъ очевидцевъ, касательно исторіи Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Булгаріи, Крестовыхъ походовъ, Греческой Имперіи, войнъ Польши и Венгріи съ Турками, и проч. — Что-то не вѣрится этому извѣстію, потому что оно довольно нелѣпо. Одна-

кожъ увѣряютъ въ истинѣ событія, и въ томъ, что Князь Милошъ будто-бы купилъ всѣ бумаги за 5000 червонцевъ, поручилъ разобрать ихъ Вуку Стефановичу, придавши ему въ помощь 24 молодыхъ Сербовъ, и что все это будетъ напечатано — не сказано только, во многихъ ли томахъ. Кажется, это опять новая выдумка западныхъ Славянскихъ ученыхъ, которые уже не разъ хотѣли обморочить насъ такимъ образомъ. Мы еще помнимъ Древлянскія рукописи Дубровскаго и Ганкину лѣтопись V-го вѣка....

Марта 21-го, въ Неапольскомъ театрѣ del Fondo, какой-то старикъ нечаянно свалился изъ четвертаго яруса ложъ въ партеръ, съ вышины 30-ти футовъ, но онъ былъ въ плащѣ и ни сколько не ушибся.

Въ Греноблѣ отчаянно больна одна молодая дѣвушка, и доктора объявили, что болѣзнь ея происходитъ отъ сильнаго шнурованья. Сколько разъ нападали на бѣдныхъ дѣвушекъ за это шнурованье! А между тѣмъ, кто виновать? Что скажутъ мужчины, если дѣвушки бросятъ свои шнуровки и станутъ ходить въ блузахъ?

Мольво издастъ *то* новыхъ апологовъ въ четверостишіяхъ. Что-то плохи! Вотъ образчики:

Les deux allées.

Une allée à son but fendait en ligne droite;
Un tortueux sentier s'écriait: «Maladroite!
«J'ai cent et cent détours, et me moque de toi. --
-- Avec toi l'on se perd, on arrive avec moi.

La Méfiance et la Prudence.

«Du monde entier je me défie.»
Disait la Méfiance, «et c'est bien fait à moi.»
La Prudence répond: «Ma charitable amie,
Il faut d'abord te défier de toi.»

L'or et le faux jeton.

Un faux jeton criait en faisant du tapage:
«Tu n'a pas, or maudit! notre bruit enchanteur.»
L'or s'irrite et répond: «Laisse ton bavardage,
Le bruit ne fait pas la valeur.»

Одинъ изъ Французскихъ отчаянныхъ романтиковъ встрѣтилъ своего друга, идущаго во Французскій театръ. «Куда ты?» — Въ театръ. Даютъ пьесу Мольера. — «Какъ? Ты еще смотришь этого дурака Мольера! Да я лучше пойду смотреть Жокри-са!» — Можетъ быть. Подобный подобнаго ищеть (C'est possible; qui se ressemble s'assemble) — отвѣчалъ другъ романтика. Парижскіе журналы увѣряютъ, что это истинное событіе, très historique. Да, что ново подъ луною? Мы читали что-то похожее лѣтъ 20 тому.

Некрологъ.

Фридрихъ Цезарь Лагаръ, генераль-майоръ Русской службы, воспитатель незабвеннаго Монарха нашего Александра Благословеннаго, благодѣтель своей отчизны, скончался въ Ваадтскомъ кантонѣ, на 84 году отъ рожденія. Чувствуя издавна разстроенное свое здоровье, старался онъ окончить скорѣе свои драгоценныя Записки, работая иногда по 15 часовъ въ день. Онъ успѣлъ довести записки до Вѣнскаго Конгресса, но это ускорило его кончину. «Господь! Ты приближище мое!» восклицалъ старецъ, терзаясь предсмертными науками.

Вдовствующая *Принцесса Нассау - Саарбриккская*, супруга послѣдняго Принца сего дома, умершаго въ 1796 году, и дочь Князя Монбарре, бывшаго военнымъ министромъ при Лудовикѣ XVI-мъ, скончалась 2 Февраля, въ Альторфѣ, на 79 году.

Докторъ Адамъ Вильгельмъ Гаухъ, камергеръ, гофмаршалъ, вице-канцлеръ орденовъ Датскихъ, о. Т. II. — Отд. V.

беръ - штальмейстеръ' директоръ Королевской Датской библиотеки, придворной капеллы, кабинета медалей, и проч., скончался въ Копенгагенѣ, на 83 году.

Графъ Далгузи, генераль-лейтенантъ, начальствовавшій при Веллингтонѣ дивизіею въ Испанской войнѣ, и потомъ бывшій губернаторомъ Канадскимъ, скончался въ Шотландіи, на 68 году.

Сиръ Эдуардъ Барнесъ, также служившій въ Испанской войнѣ, бригаднымъ генераломъ, и бывшій потомъ подъ Ватерлоо, сконч. въ Лондонѣ, на 62 году.

Маркизъ Руже, Перъ Франціи, бывшій вторымъ офицеромъ извѣстныхъ ста Швейцаровъ, во время ужасовъ революціи, умеръ въ Парижѣ.

Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, оберъ - егермейстеръ Россійскаго Двора и многихъ орденовъ кавалеръ, скончался въ Спб. 31 Марта, на 79 году, и Апрелья 5-го похороненъ въ Александро - Невской лаврѣ.

Михаилъ Анкарсвердъ, генераль-лейтенантъ Шведскій, сконч. Марта 25-го. Это былъ старѣйшій изъ всѣхъ Шведскихъ генераловъ; онъ скончался 97 лѣтъ.

Докторъ А. Э. Майеръ, Дѣйств. Ст. Сов., бывшій почти 20 лѣтъ инспекторомъ врачебной управы въ Харьковѣ, сконч. тамъ 21 Января, 77 лѣтъ.

Иосафатъ Булакъ, Митрополитъ Греко-Унитскихъ церквей въ Россіи, Архіепископъ Полоцкій, возведенный въ санъ Епископа еще въ 1787 г. Королемъ Станиславомъ, сконч. 23 Февраля, въ Сп.бургѣ, и погребенъ въ Сергіевской пустынѣ.

Графъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Се-

наторъ, Дѣйств. Камергеръ, и разныхъ орденовъ кавалеръ, скончался въ С. Петербургѣ, Апрелья 8-го дня.

Василій Аполлоновичъ Ушаковъ, извѣстный своими сочиненіями и многими критическими статьями, скончался въ Москвѣ.

Молодой литераторъ, *Н. Н. Верескинъ*, сынъ памятнаго для Москвы почтеннаго Коменданта, и въ последнее время помѣщавшій свои стихотворенія въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, а повѣсти въ Б. для Ч., подъ вымышленнымъ именемъ *Рахманнаго*, 5-го Апрелья, въ С.П.бургѣ.

ОЧЕРКИ ИСПАНИИ.

II.

ШТАОБРИАНОВО МНѢНІЕ О СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ И ОБЪ
ИСТОРИИ ИСПАНЦЕВЪ (*).

.... Бывши тогда посломъ Французскимъ въ Лондонъ, я готовъ былъ отправиться на Веронскій Конгрессъ, какъ одинъ изъ представителей Франціи. Не входя еще въ подробности конгресса, дѣль, о которыхъ тамъ вели переговоры, и событій, какія за тѣмъ слѣдовали, мы должны бросить взглядъ на прежнее. Маргиньякъ, изображал Испанскую войну, о которой будемъ мы говорить, понималъ необходимость рассказать предшествовавшее ей. Безпристрастный и умѣренный, онъ удивлялся событіямъ 1823 года, о которыхъ такъ ошибочно судили другіе, и между тѣмъ, все еще не понималъ онъ вполне ихъ важности. Первый томъ изданной имъ книги стоитъ быть прочитаннымъ; это сочиненіе исполнено

(*) Отрывокъ изъ своей книги Штаобріановой о Веронскомъ Конгрессѣ, которая должна выйти въ Парижѣ 20-го Апрѣля, и которой ожидаютъ съ нетерпѣніемъ: предметъ кипитъ интересомъ современности, и онъ обовѣется фразой Штаобріана. Чего-же еще болѣе? И въ самомъ дѣль, что за фраза! Что за *рококо* такое краснорѣчіе! Все тотъ-же, каковъ былъ, создавая свою *Аталу*, и теперь, въ 70 лѣтъ, онъ не старѣется въ словъ, и не подчиняетъ пылкости умственному холоду жизни. Читая его не *убѣждаешься*, но *увлекаешься*. *Прим. Перев.*

занимательности и ума; слогу его прекрасенъ, изященъ, сладокъ, и какъ-то унылъ. Автора уже нѣтъ. Разсказъ его трогаетъ и привлекаетъ васъ, какъ послѣдніе звуки голоса, котораго уже не услышите болѣе.

Съ послѣдней половины XV-го до половины XVII столѣтія, Испанія была первою націею въ Европѣ. Она принесла міру въ приданое Новый Свѣтъ; ея искатели приключеній были великіе люди; ея полководцы сдѣлались первыми въ свѣтѣ; она предписывала свои обычаи, даже свою одежду различнымъ дворамъ; она царствовала въ Нидерландахъ по браку, въ Италіи и Португаліи по завоеванію, въ Германіи по выбору, во Франціи по нашимъ внутреннимъ раздорамъ; она грозила бытію Англіи, послѣ супружества съ дочерью Генриха VIII-го. Она видѣла нашихъ королей въ своихъ тюрьмахъ, и своихъ солдатъ въ Парижѣ; ея языкъ и гений дали намъ Корнеля. Наконецъ она пала; ея славная пѣхота умерла подъ Рокруа отъ руки великаго Конде. Но Испанія дышала еще, пока Анна Австрійская не родила Людовика XIV-го, который былъ сама Испанія, перенесенная на тронъ Франціи, въ то время когда солнце не знало заката въ земляхъ Карла V-го.

Грустно вспоминать, что были эти двѣ монархіи, созерцая развалины ихъ. Печально приходятъ на память сіи слова великаго Боссюэта. «Островъ миротворный, гдѣ должны кончиться несогласія двухъ великихъ государствъ, которыми служишь ты предѣломъ, островъ вѣчно-памятный, августѣйшее мѣсто, куда двѣ гордыя націи, долгое время враги, и теперь примиренныя, приближаются на свои предѣлы, предводимыя своими владыками, но уже не для битвъ, и вы, священныя празднества, счастливое супружество, брачное покрывало, благословеніе,

жертвоприношеніе, могу-ли я смѣшать нынѣ вашъ обряды и ваше великолѣпіе съ симъ великолѣпіемъ похороннымъ, и верхъ величія съ его развалинами!»

Подъ владычествомъ семейства Лудовика Великаго, Испанія заключила себя на своемъ полуостровѣ до самаго начала революціи. Ея посланникъ хотѣлъ пасти Лудовика XVI-го, и не могъ. Богъ воззываетъ къ себѣ мученика; не измѣнить человѣку судьбъ Провидѣнія!

Карль IV-й былъ призванъ на тронъ въ 1778 году; здѣсь является Годои, безвѣстный человѣкъ, котораго видѣли мы воздѣлывающимъ огородъ, послѣ того, какъ онъ перекидывалъ короны и рѣшалъ жребіи царствъ. Любимецъ Королевы Маріи Луизы, Годои полюбился Королю Карлу: одинъ не чувствовалъ, что онъ былъ, другой что онъ дѣлалъ, и они сошлись весьма естественно. Двоюко можно презирать власть и владычество надъ другими—по величію и по ничтожеству — солнце одинаково освѣщало Діоклетіана въ Солунѣ, и Карла IV-го въ Компіенѣ.

Испанія сначала объявила войну республикѣ; потомъ заключила миръ въ Базель. Съ тѣхъ поръ Годои приступилъ къ намѣреніямъ Франціи; Испанцы его ненавидѣли; юни пристали къ Принцу Астурійскому, значительному не болѣе Годои.

Въ 1807 году гулялъ я по берегамъ Тага, въ садахъ Аранхоеса; Фердинандъ ѣхалъ мимо верхомъ, въ сопровожденіи Дона Карлоса. Думалъ-ли онъ, что странникъ, притекшій изъ Святой Земли, на котораго взглянулъ онъ мимоѣздомъ, пособить нѣкогда возвратитъ ему корону?

Бонапарте, послѣ успѣховъ на сѣверѣ, обратился на югъ; желая захватить Португалію, которой покровительствовала Англія, онъ сошелся съ Годои.

Договоръ, подписанный въ Фонтенбло, 29 Октября 1806 года, опредѣлилъ переходъ Французскихъ войскъ черезъ Испанію; этимъ договоромъ объявлено паденіе Браганскаго Дома, брошена часть сѣверной Лузитаніи Королю Эгзурскому, другая часть Карлу IV-му, а Королевство Алгарвское Годои. Жюно вступилъ въ Португалію 19 Ноября 1807 года. Семейство Браганское отправилось за море 27-го; орель Наполеона возсѣлъ на берегахъ Лузитаніи, на тѣхъ башняхъ, которыя видѣли коронованіе трупа Инесы, отплытіе флота Васко де-Гамы, и слышали голосъ Камоэнса:

Ja no largo Oceano navegavam.

Занятіемъ Португаліи прикрыто было вторженіе въ Испанію. Съ 25-го Декабря того же года, второй корпусъ Французской арміи вошелъ въ Ирунь. Общественная ненависть противъ Князя Мира усилилась. Хотѣли возвести Астурійскаго Принца на тронъ его отца. Схваченный въ преступномъ дѣлѣ, Принцъ оказалъ робость. Мюратъ, славный полководецъ Наполеона, близился къ Мадригу.

Народонаселеніе Мадрита возстаетъ, при кликахъ: «Да здравствуетъ Принцъ Астурійскій! Смерть Годои!» Карль IV-й отрекается отъ власти. Князь Мира схваченъ. Фердинандъ VII-й, новый Король, спасаетъ его. Наполеонъ притворяется разгнѣваннымъ за насиліе, оказанное старому Королю, и оканчиваетъ предложеніемъ посредничества между отцомъ и сыномъ. Карль былъ призванъ въ Байонну, и Годои вышелъ изъ Испаніи подъ покровомъ Мюрата. Фердинандъ, въ свой чередъ, идетъ на собраніе, не смотря на свою недовѣрчивость и несогласіе своего народа.

Эта сцена изъ Италіянской исторіи Среднихъ Временъ казалась вдохновенною Маккиавелемъ — чуд-

нымъ геніемъ, который, какъ всѣ высокіе по уму и низкіе по сердцу, говорилъ великое, и дѣлалъ мелкое.

Драма была-бы изумительна, если бѣ она стоила труда, но о чемъ и о комъ шло дѣло? О королевствѣ, вполонину захваченномъ, о Карлѣ и Фердинандѣ. Для того, чтобы Карлъ взялъ корону у своего сына, и снова отрекся отъ нея въ пользу владителя, котораго побѣдителю угодно будетъ наименовать — это значило играть великую драму, только изъ удовольствія играть ее. Нѣтъ надобности всходить на подмостки и переодѣваться скоморохомъ тому, кто всемогущъ, у кого нѣтъ партерра, который надобно-бѣ было обмануть; силѣ нѣтъ ничего неприличнаго интриги. Наполеонъ не былъ въ опасности; онъ могъ быть несправедливо открыто; ему не болѣе стоило взять Испанію, какъ и украсть ее.

Карлъ IV-й, Королева и любимецъ ихъ отправились въ Марсель, съ обѣщаніемъ пенсій, и съ нѣсколькими музыкантами. Инфантовъ повезли въ Барансе.

Фердинандъ, еще болѣе прежняго смирившійся, чтобы просторнѣе и удобнѣе сидѣть въ своей грязной тюрьмѣ, тщетно просилъ руки одной изъ родственницъ Наполеона. Испанцы, лишеныя своихъ монарховъ, оставались свободны. Бонапарте, сдѣлавши ошибку похищеніемъ двухъ королей, встрѣтилъ — націю.

Двѣ партіи владычествовали тогда на Иберійскомъ Полуостровѣ. Первая заключала въ себѣ почти все населеніе селъ и деревень, возбужденное духовенствомъ, и переплавленное въ бронзу вѣрованіемъ религіознымъ и политическимъ; въ другой партіи были вольномыслящіе, liberales, люди, какъ говорили, болѣе другихъ просвѣщенные, но потому са-

мому меньше окаменѣлые въ предрассудкахъ, менѣе упроченные въ добродѣтеляхъ; сношеніе съ иностранцами въ приморскихъ городахъ сдѣлало ихъ доступнѣе нашимъ порокамъ и началамъ нашей гибельной революціи.

Между сими двумя партіями отличалось отдѣльное мнѣніе: эгоизмъ приковалъ нѣсколькихъ удивлявшихся рабовъ къ колесницѣ Наполеона; мы видѣли ихъ потомъ изгнанныхъ, подъ именемъ Афансезадосъ; такъ нѣкогда Испанцы именовали Angevines Неаполитанцевъ, приверженныхъ къ Франціи.

Избѣненіе, которому Герцогъ Бергскій допустилъ совершиться въ Мадридѣ 2-го Мая, было началомъ всеобщаго возстанія Испанцевъ. Мюрать, знакомый съ нашими смятеніями, приходилъ въ восторгъ отъ бойни плебеевъ; онъ истреблялъ это плебейство съ какимъ-то упоеніемъ. У него была походка Короля Аграмана, храбрость Сарацина Мандрикара, хвастовство Гасконскихъ вождей XVI-го вѣка, для которыхъ Брантомъ былъ Тацитомъ. Онъ летѣлъ въ атаку съ бышею радостью и съ такою смѣлостью, какъ будто-бы несся на иппогрифѣ — кривая сабля съ боку, золотое кольцо въ ухѣ, волнистыя перья на каскѣ, Мамелюкъ, Амазонка, герой Аріостовъ!

Вся его храбрость была бесполезна: лѣса вооружились, кустарники сдѣлались врагами. Возмездіе ничего не останавливаетъ въ Испаніи, ибо въ этой землѣ «возмездіе» обыкновенно. Битва Байленская, защита Жироны и Сіудадъ-Родриго показывали воскресеніе народа, тамъ гдѣ видѣли только толпу нищихъ. Ла-Романа, изъ глубины Балтики, ведетъ свои полки въ Испанію, какъ нѣкогда Франки, изторгнувшись съ береговъ Чернаго моря, переправились торжественно къ устью Рейна. Побѣдители лучшихъ солдатъ Европы, мы проливали кровь Ис-

панскихъ монаховъ съ тѣмъ безбожнымъ бѣшенствомъ, какое перешло во Францію съ шутками Вольтера и съ безуміемъ ужасовъ революціи. И между тѣмъ, эти ополченія монастырей положили предѣлъ успѣхамъ нашихъ старыхъ солдатъ; мы не ожидали, что встрѣтимъ этихъ всадниковъ въ капиціонахъ, какъ огненныхъ драконовъ, на горящихъ перекладинахъ зданій въ Сарагоссѣ, заряжающихъ свои штуцеры среди пламени, при звукахъ мандолинъ, при пѣніи болеро, и при *requiem* похоронной мши. Развалины Сагунта рукоплескали Сарагоссѣ.

Наполеонъ отозвалъ Великаго Герцога Бергскаго; между братомъ Юсифомъ и зятемъ Иоакимомъ, вздумалось ему сдѣлать маленькую перемѣну: онъ снялъ корону Неаполитанскую съ головы одного, и надѣлъ ее на голову другаго, а тотъ уступилъ этому корону Испанскую. Бонапарте прихлопнулъ рукою по головнымъ уборамъ двухъ новыхъ королей, и они отправились каждый въ свою сторону, будто два новобранца, которые помѣнялись шапками по приказу капрала.

Разсуждая о цѣльнейшей Испаніи, обыкновенно ошибаются, упрямо судя объ Испанцахъ по идеямъ, какія берутъ съ другихъ образованныхъ народовъ. Наполеонъ раздѣлялъ эту общую ошибку: онъ думалъ, что побѣдить Иберію, какъ побѣдилъ Германію, насиліемъ и обольщеніемъ; онъ обманулся.

Испанцы суть христіанскіе Аравитяне; въ нихъ есть что-то дикое и неожиданное. Смѣшанная кровь Кантабровъ, Кароагенявъ, Римлянъ, Вандаловъ и Мавровъ, текущая въ ихъ жилахъ, течетъ не такъ, какъ всякая другая кровь Европейская. Они въ одно время дѣлательны, лѣнны и важны. «Всякая нація лѣннвая,» сказалъ сочинитель книги «*О существѣ законовъ*», говоря объ Испанцахъ, «бываетъ

важною, ибо тотъ, кто не работаетъ, считаетъ себя властителемъ работающихъ.»

Имѣя самую гордую о самихъ себѣ идею, Испанцы не составляютъ себѣ о справедливомъ и несправедливомъ дѣлаемыхъ съ нами понятій. Пастыръ Запиренейскій, предводя стада свои, пользуется самою полною самобѣгностью.

Въ этой землѣ, личная независимость вредитъ общей; что за дѣло до политическихъ правъ тому челоуку, который объ нихъ не заботится, который заключаетъ всю жизнь свою въ поговоркѣ: *Oveja de casta, pasto de gracia, bifo de casa* (породная овца, даровой овцѣ, домашній ребенокъ), челоуку, который, какъ Бедуинъ, вооружась своимъ штуцеромъ, послѣдуемый своими баранами, для пропитанія имѣетъ надобность только въ жолудь, фигъ, маслинъ? Ему надобенъ притомъ только врагъ-путешественникъ — чтобы отправить его на тотъ свѣтъ; бѣдная хижинка; дѣвушка, дочь стараго отца, которая любила-бы его — «старый отецъ, да разодранный локоть не безчестье (*Padre viejo, y manglea rota, no es deshonor*). Гвадалквивирскій *nacho* (пастухъ), въ шелковомъ платѣ, съ копьемъ въ видѣ посоха, съ волосами, прикрытыми сѣточкою, никогда не различаетъ вещи отъ челоука, и разрѣшаетъ всякое несоглашеніе двойною дилеммою: *Бей или умри!*

Этотъ характеръ такъ глубоко впечатлѣлся въ форму Иберійскую, что самая обновленная часть народонаселенія, принимая новыя идеи, сохраняетъ при нихъ свой первобытный геній. Повѣрятъ-ли, что Испанцы рѣжутъ теперь монаховъ? Да, безъ угрызеній совѣсти и безъ жалости дѣлаютъ это ихъ *liberales*. А между тѣмъ власть духовная издавна владычествуетъ на полуостровѣ, и владычество ея ут-

верждено не только на вѣрованіи народа, но происходитъ еще изъ политическаго источника. Съ 852, года, мученики Кордовы, Аврелій, Іоаннь, Феликсъ, Георгій, Марціалъ, Рогертъ, поражаемые кинжалами или топимые въ Бетисъ, жертвовали собою, столько же для народной независимости, сколько и для торжества Христіанской Вѣры.

Монахи сражались подлѣ Сида, и вошли въ Гренаду съ Фердинандомъ. Теперь ихъ рѣжутъ. Почему? Потому, что въ одной изъ партій, ненависть, взятая съ-чужа, неблагодарная и безпричинная, возстала противъ монаховъ. Въ Испаніи, любятъ-ли, ненавидятъ-ли, убійство всегда кажется естественно. Смертью надѣются тамъ до всего достигнуть. Искатели приключеній, съ шпагою въ рукахъ, заходя по поясъ въ морскія волны, чтобы объявить владычество Испаніи надъ Тихимъ Океаномъ, предприняли возвратить Америкѣ ея степи: Испанецъ хотѣлъ владычества надъ свѣтомъ, но надъ свѣтомъ обезлюдненнымъ; онъ жаждалъ царствованія надъ міромъ-пустынею, какъ недвижные боги Восточныхъ народовъ мирно почиютъ въ пустыняхъ вѣчности.

Къ этому неукротимому деспотизму характера присоединена, по странной противоположности, природа апатическая и комическая, нѣголюбивая и хвастливая. Въ междоусобной войнѣ, если одна шайка пріобрѣла успѣхъ надъ другою, не подумаете-ли вы, что она будетъ преслѣдовать ее? Ни сколько! Останавливаются, огаются на мѣстѣ провозглашать себя похвалы, пѣть свою побѣду, играть на гитарѣ, грѣться на солнцѣ. Побитый спокойно удалется, и также будетъ дѣйствовать, когда въ свой чередъ торжествуетъ. Такъ идетъ рядъ стычекъ безъ слѣдствій. Если сражающіеся не взяли города сегодня, они

возмутъ его завтра, послѣ-завтра, черезъ десять лѣтъ, и если не возмутъ вовсе, что за дѣло? Гидалги хвастаютъ, что они употребили шесть сотъ лѣтъ на изгнаніе Мавровъ.

Они съ удивленіемъ вѣрятъ въ свою долговѣчность. Терпѣніе, передаваемое отъ поколѣнія поколѣнію, становится наконецъ семейнымъ щитомъ, который ни отъ чего не защищаетъ, и служить только древнимъ украшеніемъ наслѣдному обдѣлствію. Дряхлая Испанія всегда считаетъ себя еще невредимою, будто старый отшельникъ Сенъ-Мартиновской обители между Сагунтомъ и Картагену. По разсказу Григорія Турскаго, войны Короля Леувильда наняли обитель, всѣми оставленную, исключая аббата, который *сгорблясь* отъ старости, былъ однако жъ *весьма прями* добродѣтельно и благочестіемъ. Одинъ изъ воиновъ хотѣлъ отрубить ему голову, но мгновенно палъ навзничъ и умеръ на мѣстѣ.

Политическіе люди этой націи раздѣляютъ недостатки ея воиновъ. Въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ, они занимаютъ незначительными мѣрами, произносятъ пустыя рѣчи, все уничтожаютъ въ своихъ возгласахъ, и не сопровождаютъ ихъ никакимъ дѣломъ. Что же они — глупы, или трусливы? Нѣтъ! они Испанцы. Ихъ не такъ поражаютъ предметы, какъ поражаютъ они насъ; они видятъ ихъ не въ томъ свѣтѣ; они оставляютъ времени развязать событіе, которое не торопятся видѣть оконченнымъ; они передаютъ жизнь свою дѣтямъ, безъ малодушія и безъ сѣтованія. Сынъ, въ свой чередъ, поступаетъ такъ же, какъ отецъ; въ нѣсколько столѣтій кончится, къ удовольствію живущихъ, событіе, которое завѣщали имъ мертвые, и которое, у другаго народа кончилось-бы въ недѣлю.

Если въ смятеніяхъ, какія продолжаются нынѣ,

толпы кажутся дѣйствующими по общимъ началамъ менѣе раздѣльнымъ, это доказываетъ только, что общій духъ вѣка начинаетъ грызть частный характеръ, но еще далеко ему до того, когда онъ прогрызетъ его вдоволь. Равнодушіе толпы скрыто за этими происшествіями, которыя издали производятъ столько шуму. Когда возмущеніе, или заговоръ (faction) приходятъ къ ней, она запираетъ отъ нихъ двери, и ждетъ, пока пролетятъ они, какъ туча саранчи. Толпа ни къ кому не пристаётъ: Донъ-Карлосъ не можетъ завладѣть городомъ; Христина не можетъ завоевать деревни. Впрочемъ, Испанцы всегда сражались за спорившихъ между собою властителей. Война кончилась, и каждый, не измѣнясь, обращается къ повиновенію, или лучше сказать, къ своей привычной жизни, которая сохраняется здѣсь вполнѣ, болѣе нежели въ другихъ земляхъ, по причинѣ разъединенія сельскаго народонаселенія, и отъ кочующей общественности, которая бредетъ караванами, черезъ голыя долины и необитаемыя горы...

Шатобрианъ говоритъ послѣ сего о войнѣ 1808 года, и переходить наконецъ къ той эпохѣ, когда смутенія Испанцевъ вызвали посредничество Французское. Онъ очерчиваетъ при семь случаевъ политическія и военныя фигуры, о которыхъ долженъ говорить далѣе.

Это второе собраніе Кортесовъ походило на первыхъ такъ-же, какъ наше законодательное собраніе (assemblée législative) на собраніе учредительное (assemblée constituante). Между новыми избранными были анти-католическіе проповѣдники, многоглаголивые законодатели, члены клубовъ, наконецъ Ріего, молодой офицеръ, хвастливый говорунъ, и Герцогъ дель-Парке, старый болтунъ придворный. Въ жизни есть два младенчества, но весна бываетъ однажды. Ріего возведенъ въ президенты. Желая урав-

новѣсить духъ Кортесовъ, Король наименовалъ Мартинеса де-ла-Роса министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Три поэта — Мартинесъ де-ла-Роса, Каннингъ и авторъ этого разсказа, почти въ одно время, были министрами иностранныхъ дѣлъ. «Не много найдется людей, предавшихся поэзій», говоритъ Монтань, «которые не захотѣли бы лучше быть отцами Энеиды, нежели самаго красиваго ребенка въ Римѣ. Охотнѣе брошусь я въ дѣла государства и цѣлаго міра, когда я одинокъ. Я созданъ весело идти въ самое шумное общество, только будь это по временамъ, и по моей волѣ».

Что думаютъ теперь Мартинесъ де-ла-Роса, подобно мнѣ остающійся на земли, и знаменитый другъ нашъ Каннингъ, узнавшій истину въ вѣчности?

Засѣданія открылись въ Мадридѣ, 1-го Марта 1822 года, между тѣмъ, какъ я, бывши посломъ въ Лондонѣ, присутствовалъ при засѣданіяхъ Британскаго Парламента, или изображалъ, въ первой части моихъ «Записокъ», мои странствованія между дикарями.

Начались работы, относительно финансовъ, но ничего нельзя было сдѣлать. Журналы, тайныя общества, клубы все разстроили. Барселона, Валенсія, Пампелуна двинулись. Съ одной стороны кричали: «во имя Бога!» съ другой: «да здравствуетъ Ріего!» Убивали во имя несоздаваемаго смерти и во имя ничтожнаго смертнаго. Въ Мадридѣ полки дрались съ королевскими гренадерами. Молодые люди ходили по улицамъ, требуя неограниченной монархіи. *Богъ* и *Король* — въ Испаніи одно и то же — два владычества, las ambas magestades. Среди Кортесовъ, многіе депутаты говорили, что отказъ принять требованіе народа упломочивалъ его принятыя за кинжалы...

Сервилесы, *serviles*, пользовались минутами отдыха и противодействий, интригуя против тайных обществъ, и стараясь захватить себѣ власть. Въмѣстѣ съ бунтами революціонными, явились возстанія роялистскія. Они возстановили человѣческія жертвоприношенія, по примѣру предковъ своихъ, Кароагенянъ. Тогда явились королевскіе партизаны прежнихъ временъ. Говостиди, Мизасъ, Мерино, мнѳологическіе герои пресвитерства возстали въ Бискаіи, Каталоніи Кастиліи. Эти возстанія распространялись. Тутъ увидѣли Кесаду, Хоанито, Санто-Ладрона, Трухилью, Скафаудино, Гьерро. Наконецъ Баронъ Эрлесъ показался въ Каталоніи; подлѣ него былъ Антоніо Марнонъ. Антоніо, прозванный Траппистомъ, сначала былъ солдатъ; заброшенный сильными страстями въ обитель, съ одинаковымъ восторгомъ брался онъ за крестъ и шпагу. Военное одѣліе его была одежда Францисканца, при которой, на груди висѣли четки, съ боку была сабля, за поясомъ пистолеты; такъ галопировалъ онъ на конѣ, передъ войскомъ, съ бичемъ въ рукѣ. Миръ и война, вѣра и страсти, жизнь и смерть заключались въ одномъ этомъ человѣкѣ, благословлявшемъ и истреблявшемъ. Крестовые походы и гражданскія избіенія, псалмы и пѣсни о славѣ, *stabat mater* и *tragala*, колыбельное и *jota aragonesa*, торжество страдальца и солдата, благочестіе, идущее въ небеса, при пѣніи *veni creator*, и мятежники, разстрѣливаемые при звукахъ военной музыки — таково было состояніе этого удаленнаго отъ Европы уголка земли.

Фердинандъ, увлеченный на берегъ Таго, *rio qui cria oro e piedras preciosas* (рѣкъ, вымывающей золото и драгоценные камни), невольно далъ слово на новые уставы. Одни уговаривали его уравнивать ихъ, при помощи Кортесовъ; другіе умоляли его

опровергнуть ихъ. Успѣхи роялистовъ радовали въ тайнѣ Короля; надежда на возстановленіе прежняго исполнѣ лъстила ему. Чѣмъ менѣе способны мы къ чему либо, тѣмъ болѣе то любимъ — таковъ человекъ.

Праздникъ королевскій отправлялся 30-го Мая. Его торжествовали крестьяне Ламанчскіе, собранные окрестъ Аранхоеза. Можно было почестъ себя перенесеннымъ въ прекрасные дни древней Беттики. «Эта земля кажется еще сохранившею утѣхи Золотаго вѣка» говоритъ Фенелонъ. «Женщины прядутъ прекрасную волну, и ткутъ изъ нея тонкія ткани, бѣлизны изумительной. Въ кроткомъ климатѣ тамошнемъ, жители носятъ вмѣсто одежды лоскутъ тонкой и нѣжной ткани, которая не разрѣзана, и которую каждый обвиваетъ длинными складками вокругъ тѣла, по скромности, придавая ей какія кому угодно формы.»

Мечты Фенелона должны были исчезнуть передъ дѣйствительностью. Напрасно военные повторяли въ Аранхоезѣ любимый кликъ поселянъ, какъ наша гвардія пѣла нѣкогда въ Версали: «О Ричардъ, о мой король!» Если бы не вступились монархи Европы, Фердинандъ испыталъ-бы, можетъ быть, тогда то самое, до чего Ричардова пѣсня довела Лудовика. — Милиція ударила на мятежниковъ; одинъ изъ негодеевъ, грозилъ саблею Дону Карлосу, этому послѣднему въ числѣ Испанскихъ Королей, нынѣ мечемъ отбивающему свою корону. Въ Валенсіи отрядъ артиллеристовъ хотѣлъ освободить генерала Эліо, заключеннаго въ крѣпость. Каталонскіе инсургенты приводили въ порядокъ ряды свои, и припѣли наименованіе *воиновъ Вѣры*. Урхельская *сеу*, или соборная церковь, была взята приступомъ.

Король оставилъ столицу. Онъ прекратилъ засѣ-
Т. II. — Отд. V.

данія Кортесовъ 30-го Іюня 1822 года. При выходѣ изъ собранія, его встрѣтила битва между милиціею и солдатами. Ландабуру, вольномыслящій гвардейскій офицеръ, былъ убитъ, и Морильо наименованъ полковникомъ гвардіи.

Въ теченіе шести дней смятенія непрерывно возрастали. Съ одной стороны войска роялистовъ, съ другой милиція и линейные полки, стояли одни противъ другихъ, въ канникульные жары, съ голыми саблями, съ зажженными фитилями. Между тѣмъ во дворцѣ дѣло шло на согласіе. Говорили о новыхъ распоряженіяхъ, учрежденіи палатъ. Дипломатическій корпусъ окружалъ Короля. Графъ де-ла Гардь старался о примирительныхъ мѣрахъ. Ужасъ бѣдствія удерживалъ буйныя страсти. Но вдругъ одинъ изъ карабиненныхъ полковъ возсталъ въ Андалузіи; нѣсколько баталіоновъ областной милиціи къ нему присовокупилась, и все вмѣстѣ двинулись къ Мадриту, провозглашая короля *netto*. При такой новости, головы воспаляются. Фердинандъ ничего не слушаетъ, и оставляетъ переговоры, которые могли бы спасти его.

Настало 7-е Іюля. Два гвардейскіе баталіона оставались во дворцѣ; четыре другіе стали лагеремъ вѣд Мадрита; они вошли въ городъ ночью. По прежде обдуманному плану, они раздѣлились на три колонны. Одна пошла къ парку артиллерійскому, другая къ воротамъ Del Sol, третья на главную Мадритскую площадь. Но счастье измѣнило на сей разъ; первая колонна разбѣжалась — нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ *священными баталіонами офицеровъ*, разсѣяли ее; вторая, и третья, одна послѣ другой, были сматы; два баталіона во дворцѣ не получали ни какихъ приказаній, и въ шесть часовъ утра, милиція всюду превозмогла. На

главной площади пѣли Тебе Бога хвалили. Во Франціи не благодарятъ Бога ни за что; въ Испаніи поютъ хвалы ему, даже совершая злодѣйство.

Побѣжденная гвардія была рассѣяна; что оставалось изъ нея, то хотѣло защищаться — посыпались картечи. И эти событія казались тогда происшествіями навсегда достопамятными! Мѣста, на которыхъ они совершались, должны были навсегда остаться для воспоминаній въ погоствѣ... А гдѣ теперь *Алетуа*, *Урсо*, тѣ мѣста, гдѣ погибли сыны Помпея, *in quibus Pompei filii debellati sunt*? Мы ихъ не знаемъ. Описывая ихъ, уже Страбонъ исковеркалъ даже самое имя Помпея. Тысячи солдатъ выиграли цѣною жизни своей битвы при Арбеллахъ, при Фарсалии, подъ Маренго. Изъ именъ столькихъ погибшихъ, много ли осталось? Три — Александръ, Цесарь, Наполеонъ.

Фердинандъ оказалъ нерѣшительность, и это имѣло слѣдствія пагубныя: нетвердость характера не рѣдко найдемъ мы въ завѣскѣ величайшихъ событій. Такъ брѣнная мумія была погребена въ срединѣ Хеопсовой пирамиды.

Самое имя «священныхъ дружинъ», какимъ гордились потомъ Испанцы, было заимствовано ими у другихъ. Но этимъ не удовольствовались: все эти буффонады нашей революціи — *Marseillaise*, *Sanculotides*, воили Марата, пасквили *Смапаго Кордельера*, были повторены: старались подражать всѣмъ ужасамъ дѣла, всѣмъ нечистотамъ языка революціоннаго. И все это не производило ни какого дѣйствія, потому что было чуждо Испаніи. Мятѣжники переводили чужое, и наряжались въ чужое платье. Головы безъ туловищъ и туловища безъ головъ Французскаго террора будутъ для исторіи, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то похожимъ на тѣ погребальницы,

гдѣ въ гробовомъ порядкѣ разставлены скелеты чело-
вѣческіе. Но и этого не представитъ ничтожество
Иберійской борьбы страстей, лишенное всякой са-
мобытности. Революціонеры Испанскіе хотѣли пере-
прыгнуть однимъ разомъ черезъ два столѣтія, съ
одной стороны отъ Инквизиціи къ Вольтеру, съ дру-
гой отъ боя быковъ къ Конвенту, но эти два сто-
лѣтія, насильно изглаженные, возвратились на свои
мѣста, и насильно заняли свои мѣста. Тамъ являлась
самобытная Испанія, гдѣ народъ былъ независимъ, и
король являлся между тѣмъ полнымъ властителемъ
его; когда народъ говорилъ: *Sinon, non*, а всевластный
Король подписывался: «*Я король*». Двѣ полныя неза-
висимости самобытно сливались здѣсь — владычество
всѣхъ, и владычество *одного*, не уничтожая себя вза-
имно, и говоря своимъ собственнымъ языкомъ,
представляя примѣръ, котораго нигдѣ не было, кро-
мѣ Испаніи.

Послѣ событій 7-го Іюля 1822 года, министры тог-
дашніе отказались отъ дѣлъ. Напрасно хотѣли удер-
жать хотъ Мартинеса де-ла-Роса — пѣвецъ чести не
могъ быть сообщникомъ злодѣйствъ. Такъ Колумелла,
уроженецъ Кадикса, оплакивалъ Римъ во времена
Клавдія. Грустно слышать имя Мартинеса де-ла-Ро-
са, когда онъ, оставляя свои Гренадскія развалины,
хочетъ блистать на позорищѣ общественныхъ дѣлъ.
Лопе де Вега ошибочно писалъ къ дочери своей,
посвящая ей свою комедію: «Лекарство противъ
несчастья» — «Да будешь ты счастлива, хотя, ка-
жется, ты не рождена для счастья, если наслѣду-
ешь мой жребій.» Ему не надобно было оплакивать
потери драгоценнаго времени и приближенія старо-
сти. Старость зло неизбѣжное, но благородное
сердце и утѣшитель нашъ — дарованіе не столь ве-
лики въ свѣтѣ, какъ въ уединеніи, гдѣ смѣлѣе гор-

димся мы почестью обладать безсмертною душею,
паче нежели чѣмъ-либо другимъ.

Лопезъ Баньосъ былъ назначенъ военнымъ мини-
стромъ, Санъ - Мигель министромъ иностранныхъ
дѣлъ, Наварро юстиціи. Маркизь ласъ - Амарильясъ,
маркизь Каstellаре, графъ Каса - Серриа, генераль
Лонга, бригадиръ Сиснеросъ были изгнаны. Кастро-
Торрено, Герцогъ Белгиде, Герцогъ Монтемаръ, ве-
ликій майоръ-домъ, удалены. Во дворцѣ явился, для
очищенія прежнихъ грѣховъ, генераль Палаfoxъ.
Санъ-Мартинъ, челоѣкъ благородный, и Морильо,
знаменитый воинъ, увидѣли себя удаленными. Мо-
рильо славилъ себя побѣдителемъ прежде побѣды;
утомленный должностями, казалось, онъ хотѣлъ
промыть славу на почести.

Злодѣи требовали жертвъ, и прикрывали враговъ
своихъ названіемъ убійць Ландабуру. Гуаффеъ былъ
обреченъ ими на смерть. Онъ удалился изъ Мадри-
та; вскорѣ, остановленный на дорогѣ, онъ могъ спа-
ситься, умолчавши свое имя, или обманывая. Но
него спросили кто онъ? «Я Гуаффеъ», отвѣчалъ онъ,
«первый подполковникъ гвардейскій!» Онъ не хо-
тѣлъ спасти себя ложью.

Эліо судили и разстрѣляли въ Валенсіи, на пло-
щади, которую самъ онъ украсилъ деревьями. Из-
мѣнчива прекрасная Валенсія: дитя Мавританское,
она подарила красоту свою Веноззѣ и Лукреціи, а
свои интриги, и свою жестокость Александру VI-му
и Цесарю Борджіа.

Въ Наваррѣ и Каталоніи торжествовали роялис-
ты. Правленіе учредилось подъ именемъ *Высшаго*
Регентства Испаніи, на время плѣна королевскаго.
Маркизь Матафориды, Архіепископъ Таррагон-
скій, Баронъ Эрлестъ составляли это Регентство,
составившееся 14-го Сентября въ Урхельскомъ со-

боръ, или Сеу — какъ называются Мозарабскія зданія въ горахъ Каталаунн.

Фердинандъ заочно, но торжественно, былъ провозглашенъ въ Урхель, какъ Карлъ VII-й въ замкѣ Эспаль: «на стѣнахъ замка было выставлено знамя съ золотыми лиліями; нѣсколько простолодиновъ и немногіе дворяне, со знаками гербовъ своихъ, провозгласили имя Карла, Короля Франціи, при кликахъ: *Vive le Roi!*» Въ сихъ словахъ заключалось для нихъ все будущее, но потребна была рука Иоанны д'Аркъ, чтобы провозглашеннаго короновать въ Реймсъ.

Между тѣмъ, въ Мадритѣ хотѣли разломать двери темницъ, и перерѣзать заключенныхъ. Тогда началась эмиграція. Средиземное Море покрылось бѣглецами, которые оставляли померанцевыя роци Картагены и каменистыя горы Св. Іакова, спасая жизнь и честь. И бѣглецовъ преслѣдовали вопли Эвмениды, восклицавшихъ съ береговъ родины, среди бурь и волненія: *Tragala! Tragala!*...

А между тѣмъ, демонскій кругъ, начертанный духомъ буйства, стѣснялся окрестъ Короля. Но уже собирались властители Европы въ Италиі — рѣшенье судебъ приближалось. Тогда Лордъ Лондондерри погибъ въ Лондонѣ — я спѣшилъ въ Верону...

=

ПОХОДЫ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ АФРИКѢ, И НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ВАРВАРЬСКИХЪ ОБЛАСТЕЙ.

Изъ записокъ саломидца. Статья первая.

Сѣверный берегъ Африки непрерывно открытъ западнымъ вѣтрамъ, и какъ они дуютъ весьма жестоко, то во все ненастное время корабли подвержены здѣсь опасности. Странно, что на пространствѣ берега на 290 льѣ, гдѣ заняты нами главнѣйшія точки, отъ Боны до острова Аргсгуна, находятся только открытыя рейды, мало уважаемые моряками; лучшіе, безъ сомнѣнія, суть Арзевскій и Бужійскій. Мерсь-эль-Кебирскій, въ 2-хъ льѣ отъ Орана довольно закрыта, но флотъ даже немного значительный не можетъ уже здѣсь помѣститься. Другіе, какъ-то: Аргсгунскій, Мостаганемскій, Тенеаскій, Шершельскій, Бонскій, годятся только лѣтомъ. Грунтъ тутъ песчаный; потому ежегодно разбивается здѣсь много кораблей берега, и потери весьма значительны.

Алжиръ могъ-бы достигнуть гораздо высшей степени богатства, если бы портъ его былъ болѣе обширенъ и лучше защищенъ. Правительство производитъ теперь здѣсь большія работы, которыя недорого ему стоятъ, ибо ихъ исполняютъ военные каторжники. Занимался, раздѣльными партіями, при солнечномъ зноѣ, во время ужасныхъ жаровъ въ Августѣ, переносятъ они труды и свѣроятные; впрочемъ кажутся они довольны своихъ жребіемъ, подъ оте-

ческимъ управленіемъ полковника Маренго. Они разбиваютъ утесы, толкутъ ихъ, ссыпаютъ въ огромныя ящики; истолченный камень крѣпнетъ тотомъ на солнцѣ, и образуетъ глыбы, которыя твердѣютъ отъ морскихъ волнъ. Плотина идетъ далеко въ море, и выдвигается уже надъ волнами.

Всѣ означенныя нами приморскія мѣста сообщаются одно съ другимъ по морю; въ Африкѣ нѣтъ дорогъ, и только въ Алжирскомъ округѣ проложили ихъ теперь, весьма удобныя, наши инженеры. Другія области едва пересѣкаются немногими путями, какъ пробитыми, по коимъ ходятъ караваны. Поэтому сухопутныя сообщенія здѣсь весьма затруднительны.

Поколѣнія, живущія между Алжиромъ и Ораномъ, ни сколько непоходятъ на обитающихъ между Алжиромъ и Боною. Они повинуются разнымъ начальникамъ, и хотя суть, болѣе или менѣе хищны и воинственны, но образованы. Потому теперь, когда заключенъ миръ съ Абдъ-эль-Кадеромъ, путешественникъ можетъ отважиться на путь между Ораномъ и Мостаганемомъ, на разстояніи 30-ти льѣ; но далѣе ѣхать, на примѣръ, до самаго Алжира, нельзя безъ немалой опасности. Отъ Алжира къ Бонѣ непременно остановятъ странника Кабайлы Бужійскіе, и между тѣмъ всѣ орды, кочующія между Ораномъ и Алжиромъ, съ Горобатовъ до Гаджutowъ на пространствѣ 90 льѣ признаютъ Абдъ-эль-Кадера своимъ султаномъ. Но между сими племенами живетъ множество бродящихъ семействъ, летучихъ *Дуаровъ*, занятыхъ ремесломъ настоящего Араба, у котораго нѣтъ другихъ средствъ пропитанія, кромѣ грабежа, другаго провидѣнія, кромѣ случая. Только два наши офицера до нынѣ осмѣлились пробѣхать въ Орана въ Алжиръ сухимъ путемъ. Это были Ламорисьеръ, подполковникъ Зуавовъ, и

капитанъ главнаго штаба Татаръ, но пускался въ свое путешествіе, они довѣряли болѣе своей счастливой звѣздѣ, нежели великодушію Арабскаго народа.

Съ 1830 года занимаемъ мы берега Африки. Семь лѣтъ протекло со времени перваго нашего завоеванія, но что до сихъ поръ сдѣлали мы для новой нашей колоніи? Какія перемѣны учинили мы въ нравахъ Африканскихъ народовъ? Какими улучшеніями одолжена намъ эта земля?

Если станемъ читать Латинскихъ писателей, то убѣдимся, что народъ Арабскій съ древнихъ временъ ничего не измѣнилъ, ни въ своемъ характерѣ, ни въ своемъ характерѣ, ни въ своихъ нравахъ. Онъ и нынѣ тотъ-же, какимъ былъ во времена Сципіоновъ. Его манеръ одѣваться прежній; его вкусъ ни чѣмъ не разнится отъ вкуса предковъ; привычки его не потерпѣли никакой перемѣны. Сыновья сражаются, какъ видѣли сражавшимися отцовъ своихъ. Въ этомъ презрѣніи, которое изъясняютъ они къ высшимъ знаніямъ Европейцовъ, правы-ли они, или нѣтъ? Не смѣемъ рѣшить, но одно достоверно, что теряя отъ своего невѣжества, они выигрываютъ въ здоровомъ смыслѣ. Приведемъ здѣсь, кетати, два отвѣта, слышанные нами отъ Арабскихъ вождей, сдѣлавшихся весьма извѣстными въ наши послѣднія кампаніи; одинъ изъ нихъ *Мустафа-бенъ-Измаиль*; другой, племянникъ его *Эль-Мезари*.

Мы были заблокированы въ Тафнѣ, когда генералъ Бюжо далъ намъ средство превратить нашу блокаду въ наступательное движеніе. Въ устьѣ рѣки стояли три корабля линейные. Мустафа былъ приглашенъ Адмираломъ посѣтить одну изъ этихъ громадъ. Арабъ явился на палубѣ Суффрена, гдѣ поздравили его пушечнымъ залпомъ. Самые трудные маневры были передъ нимъ исполнены; парусами

дѣйствовали изумительно; зрѣлище могло повеселить всякаго; мы сами имъ любовались; экипажи кораблей и все было восхищено. Что же? Этотъ красивый старикъ Арабъ до конца соблюлъ свой холодный, угрюмый видъ, не произнесъ ни одного восклицанія, не показалъ ни какого удивленія. Адмиралъ, немного раздосадованный такимъ равнодушіемъ, спросилъ его, какъ все это ему кажется? — «Очень хорошо!» отвѣчалъ, улыбувшись, начальникъ Дуаровъ. — Тебѣ хотѣлось бы, чтобы и Арабы твои могли строить такіе-же корабли? — «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ. — «Для того, чтобы научиться дѣлать такія хорошія вещи, сколько научишься отъ васъ дурныхъ!» Этому, такъ умно отвѣчавшему Арабу, грозному сопернику Абдъ-эль-Кадеру, великому вождю Дуаровъ и Смеловъ, упорному защитнику Тремесена, теперь 72 года отъ роду, и онъ не знаетъ грамоты.

Эль-Мезари достойный племянникъ Мустафы. Когда предложили ему отправить во Францію 15-лѣтняго сына его, для лучшаго воспитанія, онъ важно посмотрѣлъ на предложившаго такой совѣтъ, и отвѣчалъ потомъ: «Если сынъ мой будетъ умѣть ѣздить на лошади, сражаться въ горахъ, и сдѣлаться страшнымъ для другихъ, онъ будетъ знать столько, сколько знаетъ отецъ его, а такого знанія съ него довольно.»

Мы пришли въ Африку, съ намѣреніемъ измѣнить или укротить нравы Африканцевъ, но, надобно признаться, въ продолженіе семи лѣтъ, какъ мы здѣсь, ни сколько не измѣнили мы ихъ, и очень мало укротили. Можетъ быть, въ послѣдствіи будемъ мы счастливые, и, кажется, мы въ этомъ и не отчаяваемся. Теперь, пока, мы пролагаемъ большія улицы, и строимъ въ Алжирѣ прекрасныя дома. Но

эти дома оказываются весьма неудобными; въ нихъ задыхаешься. Мы уничтожили Мавританскія жилища, столь некрасивыя снаружи, столь богатыя и удобныя внутри; расширили маленькія, живописныя улицы стараго Алжира, давашія тѣнь, столь прохладную и пріятную. Странно—лучше хотятъ умереть отъ жара въ Европейскомъ домѣ, и ѣздить въ кабриолетъ по широкой улицѣ, нежели ос тавить старыя дома, и пробираться по старымъ проулкамъ около высокихъ стѣнъ, защищаясь ими отъ солнца. Теперь устроены уже въ Алжирѣ крестообразно, три улицы: Бабъ-а-Зунъ, Бабъ-Алуедъ, и Морская; ихъ вымостили и украсили аркадами и лавками, какъ Ривольскую и Кастиліонскую въ Парижѣ, и вы видите, будто въ Парижѣ, множество разѣзжающихъ по нимъ экипажей.

Есть однако жъ кое-что, чему уже выучились отъ насъ Арабы. Такъ напримѣръ, бильярдъ. Я самъ видалъ даже знаменитыхъ Арабовъ, превосходно играющихъ на бильярдѣ. Что касается до нашей военной тактики, Арабы столь благоразумны, что не станутъ употреблять ея противъ насъ; они опытомъ узнали дѣйствіе нашей артиллеріи, и потому боятся сдвинуться въ колонны, или ходить массами подъ наши пушки. Они сражаются съ нами, какъ Пароляне сражались съ Римлянами — разрѣзываютъ, утомлятъ насъ, замѣняя силу массъ силою каждаго воина отдѣльно, а познанію нашему въ тактикѣ противятся своею храбростью, упорствомъ, и привычкою къ такого рода битвамъ.

Вожди пользуются у нихъ безграничною нравственною властью; владычество ихъ наследственное, и сохраняется въ одномъ семействѣ. Иногда братъ наследуетъ брату, а не дѣти умершаго, если его почитаютъ способнымъ болѣе племянниковъ для

управленія народомъ. Вождь Арабскій есть верховный судія всѣхъ, кто ему повинуется, полновластный повелитель, никому недающий отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Предъ нимъ преклоняются всѣ головы; каждый, при встрѣчѣ съ нимъ молить, какъ милости, позволенія поцѣловать конецъ его пальца, или край его *бурны*. Каждое утро, съ восходомъ солнца шатерь начальника открытъ для его подчиненныхъ. Младшіе вожди, всѣ, кто жалуется, всѣ на кого жалуются, приходятъ сюда. Два *шіауссы*, съ палками въ рукахъ, стоятъ, одинъ противъ другаго, по сторонамъ *кебира* (великаго господина). Начальники оставляютъ свои пантуфли входа, входятъ въ шатерь и благоговѣнно молятся. Непылая гармонія сопровождаетъ стихи корана; потомъ подносятъ кофе, а за тѣмъ начинается общенародное привосудіе. Только начальникъ рѣшаетъ дѣла, но онъ спрашиваетъ совѣта у окружающихъ его. Исполненіе слѣдуетъ немедленно послѣ приговора.

При такой системѣ праводѣнія, часто случается, что судъ рѣшаетъ несправедливо. Тогда подсудимый принимаетъ несправедное наказаніе, какъ опредѣленіе судебъ, и утѣшается мыслью: „Такъ Богу было угодно.“ Въ 1835 году, зарѣзали чело-вѣка. Арабъ, подозрѣваемый въ убійствѣ, былъ представленъ передъ бей Ибрагимомъ, и какъ онъ не могъ дать отчета о томъ, гдѣ провелъ день, то былъ осужденъ на отсѣченіе правой руки и головы. Уже руку у этого несчастнаго отрубили, когда стоящій виновникъ лвился и былъ казненъ. Ибрагимъ опредѣлилъ невинно наказанному 50 франковъ ежегодной пенсїи, и оказалъ такое чело-вѣколюбіе, что призвалъ для помощи ему Французскаго врача. На другой день, объ этомъ дѣлѣ всѣ позабыла.

Судъ всегда кончится пенею, палками, смертью.

Въ этомъ тройкомъ наказаніи всѣ уголовные законы Аравитянъ. Но самое тяжелое наказаніе для нихъ пеня. Начальники отъ этого обогащаются, и потому любятъ налагать ее. Палочные удары не ведутъ за собою ни какого безчестья. Арабъ, получившій по утру пятьдесятъ палочныхъ ударовъ, къ полдню объ этомъ забываетъ. Кожа, кости, фибры его могутъ страдать, пока наказаніе продолжается, но сердце остается нетронутымъ, и потому Арабъ не чувствуетъ негодованія. Напрасно Франгузы старались передавать битымъ свои понятя о палочныхъ побояхъ; Арабы смѣются надъ ними, и говорятъ, что у души нѣтъ ничего общаго съ тѣломъ, и что ей не больно, когда страдаетъ тѣло. Между тѣмъ удары палочные часто достаются имъ нелегко. Виноватаго ставятъ между двумя *шіауссы*, и они поочередно бьютъ по спинѣ его, во весь размахъ руки, какъ будто два кузнеца по наковальнѣ. Тѣ, кого бьютъ, вообще оказываютъ терпѣніе и бодрость удивительныя, сами считаютъ удары, и идутъ потомъ въ шатры свои очень спокойно, если только силы имъ позволяютъ. Но когда наказаніе было уже очень жестоко, и бѣднякъ не въ состояніи итти, то онъ ползетъ куда нибудь къ сторонѣ, завертывается въ свою бурну, и лежитъ, пока укрѣпится въ силахъ, окруженный между тѣмъ своими родными и друзьями, съ которыми, отъ нѣчего дѣлать, разговариваетъ о всякой всячинѣ. Если потомъ вечеромъ встрѣтите вы битаго, онъ уже смотритъ на васъ гордо, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ.

Религіозные обряды наблюдаются строго. Утромъ и вечеромъ, при восхожденіи и захожденіи солнца, вы увидите Араба, распростертаго ницъ лицомъ на землѣ, бормочущаго стихи корана, и перебирающаго пальцами четки. Ловкіе начальники, каковъ Абдъ-эль-Кадеръ, употребляютъ фанатизмъ средствомъ

дѣйствовать на нравственную сторону толпы. Во имя Мугаммеда Абдъ-эль-Кадеръ умѣлъ внушить къ себѣ безпредѣльную преданность, которую всѣ ему оказываютъ, готовые идти съ нимъ всюду, хотя-бы повелъ онъ подчиненныхъ на самыя опасныя предприятия.

Если подумать о томъ, чего стоила намъ до нынѣ, людьми и деньгами, война въ Африкѣ, то нельзя не удивляться. Но если попытаться счесть всѣ потери Арабовъ, и сравнить ихъ съ нашими, то, безъ сомнѣнія, надобно отдать отому народу заслуженную похвалу. Мы обезсмертили Испанцевъ, умирившихъ въ Сагунтѣ, и находившихъ могилы въ развалинахъ Сарагоссы; мы удивлялись Русскимъ, жертвовавшимъ столицей и древними дворцами своихъ Царей національной славы, но даже и малаго удивленія не удѣляемъ мы Африканскому народу, который уже семь лѣтъ борется противъ превосходнаго, могучаго непріятеля, бросаетъ свои города и свои долины, и удаляется въ горы, которыя оставляетъ только отъ времени до времени, чтобы являться на прежнихъ пещинахъ столь же свободнымъ, столь-же бодрымъ, какъ и во дни своего могущества. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ постоянно жгутъ ихъ жатвы, уничтожаютъ ихъ стада, изсушаютъ ихъ источники, искореняютъ ихъ деревья, опустошаютъ ихъ хлѣбныя ямы, захватываютъ и рѣжутъ у нихъ людей, и ничто не можетъ уронить духа, укротить Аравитянъ; гордость ихъ противится всему нашимъ усилиямъ, и ненависть ихъ только, что усиливается.

Арабы не могутъ держаться въ полѣ, или, лучше сказать, не умѣютъ держаться. Когда Абдъ-эль-Кадеръ хочетъ пасть на какой нибудь отрядъ, или дѣйствовать на какой нибудь пунктъ непріятельскій, онъ увѣдомляетъ Аравійскія племена письменнымъ повелѣніемъ, назначая мѣсто сродки. Въ из-

вѣстный день, всѣ Арабы собираются, спѣша повиноваться одному направленію по грозному повелѣнію вождя. Каждый всадникъ везетъ съ собою свои запасы и свой шатеръ. Они весьма умѣренны въ походѣ, а между тѣмъ дома, если и неразборчивы на количество кушанья, то весьма требовательны, по крайней мѣрѣ, на количество его. Они довольствуются весьма нерѣдко ячменемъ, перетертымъ между двумя камнями, и обращеннымъ въ тѣсто, немного подпеченное, изъ чего дѣлаютъ прегадки клецки, но такія клецки объяденіе для Араба, и кажутся ему тѣмъ лучше, чѣмъ онъ огромнѣе.

Съ отъездомъ мужчинъ на войну, женщины, дѣти, старики удаляются въ горы, и какъ всякой Арабъ воинъ, то поля остаются тогда совсѣмъ безъ дѣлателей. Отъ того происходитъ, что Арабскія войска, внезапно собираемыя, быстро готовы на битву, не могутъ оставаться надолго подъ знаменами, и, съдѣственно, не могутъ предпринимать продолжительныхъ походовъ, или противиться упорному нападенію. Черезъ недѣлю, и этого уже много, каждый думаетъ о возвращеніи въ свою семью. Вотъ причина, по которой въ нашихъ продолжительныхъ экспедиціяхъ не встрѣчали мы иногда ни одной живой души. Намъ случалось даже идти по 15-ти дней сряду, не замѣчая и слѣдовъ непріятеля, а потомъ вдругъ, какъ будго волшебствомъ, всѣ горы покрывались передъ нами полками всадниковъ. Но мгновенно собранные, они такъ же скоро разсыплются и исчезаютъ, если необходимость того потребуетъ. Въ Сиккакекомъ дѣлѣ, 6-го Іюля 1836 года, генерала Бюжо встрѣтило все войско эмира; битва завязалась горячо; непріятель былъ смятъ на всѣхъ точкахъ, и Французы были увѣрены, что уничтожатъ его, какъ вдругъ, менѣе нежели въ часъ, всѣ Арабы разсыпались. Войско, состоявшее почти изъ

12-ти тысячъ, совершенно изгладилось изъ вида; каждый отрядъ отдѣльно направился къ своему племени, не заботясь о сосѣднемъ кочевьѣ.

Арабы мало берутъ въ плѣны. Только желаніе умножить число рабовъ, или надежда большаго выкупа, могутъ ихъ заставить пощадить побѣжденнаго. Описаніе, изданное г-мъ Франсомъ, который нѣсколько времени былъ плѣнникомъ Абдъ-эль-Кадера, показываетъ довольно вѣрныя подробности жестокихъ страданій, какія ожидаютъ нашихъ соотечественниковъ, если они попадутся въ руки Арабовъ. Но, хотя крѣпко и тщательно оберегаемые, нѣкоторые плѣнники находятъ однакожъ возможность убѣжать. Вотъ довольно любопытный случай, бывшій въ Оранѣ, въ Сентябрь 1835 года.

Первый договоръ, заключенный между Абдъ-эль-Кадеромъ и генераломъ Демишелемъ, былъ разрушенъ несчастною битвою подъ Мактагомъ, одною изъ самыхъ кровопролитныхъ, какія видѣла Африка современи занятія нами Алжира. Арабы отмстили за всѣ предшествовавшія пораженія, и жадно насытили свою ненависть Французскою кровью. Съ горестью вспоминали мы потомъ о землякахъ, товарищахъ, оставшихся растерзанными на полѣ битвы; всѣ отсутствующіе были почитаемы мертвыми.

Въ Сентябрь, черезъ три мѣсяца послѣ этого несчастнаго сраженія, многіе изъ офицеровъ сошлись въ Оранской большой кофейнѣ. Шла жаркая игра въ бильярдъ, когда отворились двери, и мы увидѣли вошедшаго Араба, довольно плохо одѣтаго. На головѣ у него была повязка изъ верблюжьей плетушки; ноги голыя; остатокъ тѣла прикрытъ каинкомъ и бурну. Въ то время, Арабы никогда не являлись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собирались Французы. Съ удивленіемъ оглянулись всѣ на,

пришедшаго. «Не здѣсь-ли, ММ. ГГ., полковникъ Б. скажите?» заговорилъ нашъ мнимый Бедуинъ чистымъ Французскимъ языкомъ. Полковникъ явился. «Вы не узнаете меня, командиръ?» — Нѣтъ! не узнаю. — «Я капраль Т.» — Да, его убили подъ Мактагомъ! — «Онъ передъ вами.» — Офицеры узнали бѣднаго капрала, и начали обнимать его. — «Чортъ побери!» вскричалъ полковникъ — «ты явился, а я только что сегодня послалъ рапортъ о томъ, что ты убито! хочешь кофе?» — Прежде кофе, дайте мнѣ хлѣба, полковникъ. Я едва живъ отъ голоду. Вотъ ужъ два дня, я ѣлъ только землю и коренья. — Тотчасъ принесли купанья, окружили бѣдняка бутылками и холодною дичиною, такъ, что онъ наѣлся на два дня впередъ.

Когда онъ отдохнулъ и собрался съ силами, воспоминаніе о прошедшихъ бѣдствіяхъ пришло ему на память, и онъ могъ рассказать слѣдующее:

«Я былъ тяжело раненъ, и лежалъ на одной изъ четырнадцати фуръ, которыя всѣ были завалены ранеными, и всѣ, кромѣ одной, достались непріятелю. Наша фура завязла дальше всѣхъ въ болотѣ. Грязь была по брюхо лошадямъ. Мы тутъ и засѣли. Двѣсти всадниковъ налетѣли на насъ, какъ вороны. Въ нихъ грянули выстрѣлы, которая и въ насъ попадала, да все ужъ лучше было умереть отъ своей родной картечи, нежели попасть въ руки Арабовъ. Они валились кругомъ, и мы почитали себя отмщенными. Я лежалъ между двумя офицерами Полкомъ и коннымъ егеремъ. Обоихъ растерзали въ моихъ глазахъ. Меня почли мертвымъ. Я потерялъ память и былъ безъ чувствъ, но когда опомнился, то вижу, чтѣ все еще лежу на тѣлѣ, окруженный гольми, и большею частью безголовыми, трупами. Арабы все съ меня содрали. Я былъ совсемъ нагой. Имъ показалось долго разстегивать

мой мундиръ — они просто разрѣзали его по спинѣ. Тутъ хотѣлъ я проползти въ кустарникъ, но меня замѣтили два Бедуина, и приближали ко мнѣ. Я ждалъ смерти, но мнѣ связали руки и потащили меня. Сраженіе кончилось. Арабы торжествовали побѣду пѣснями, крикомъ, скачками на лошадахъ и выстрѣлами. Меня привели къ Сиди-Болену, одному изъ начальниковъ. Изъ лѣвой руки моей текла у меня кровь, и я страдалъ жестоко. Сиди-Боленъ захохоталъ. Насъ пѣнныхъ всего было съ полдюжины, но за то на каждомъ шагу валялись окровавленные головы нашихъ камрадовъ. Таборъ поднялся; надлежало итти. Меня привязали веревкою къ лошадиному хвосту, и заставили еще нести голову. Труденъ былъ мой походъ. Лошадь, къ которой привязали меня, была отличная, и всадникъ ея галопировалъ во все стороны, не думая о томъ, каково отъ этого мнѣ. Такъ прибыли мы въ Маскару, гдѣ заперли насъ въ тюрьму, и всякій день выводили потомъ на площадь, гдѣ каждому позволялось ругаться надъ нами. Одинъ Арабъ, котораго хорошо поколотили палками, обѣщалъ спасти меня, если я заплачу ему. Мы уговорились за 500 буджу. Онъ досталъ мнѣ одежду, и ночью освободилъ меня; мы убѣжали, и шли только по ночамъ, а днемъ прятались въ кустарники; ѣли мы только пальмовыя коренья и землю. Имѣни моего спасителя сказать вамъ не могу. Это моя тайна. Онъ поступилъ честно, и прямо провелъ меня черезъ знакомые ему мѣста. Смерть его неминуема, если узнаютъ, что онъ сдѣлалъ. Неужели вы откажетесь заплатить за меня выкупъ?»

Деньги были заплачены. Но имя несчастнаго Араба-избавителя узнали его земляки. Онъ былъ сожженъ живой...

VI.

СМѢСЬ И НѢЧТО.

Е. П. Е. В. Е., ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ, 6 ЯНВАРЯ.

Протекло 27 лѣтъ вашей жизни, и сколько чудныхъ, удивительныхъ переменъ произошло въ послѣднюю четверть сего времени. Предавшись въ волю воображенія (imagination), я вижу васъ пролетѣвшихъ черезъ снѣжные сугробы Хамарь-Дабана на Кяхту, и тамъ въ Маймаченѣ угощаемую возторженными вами, намѣстникомъ Небесной Имперіи Дзартучеемъ. Вижу, какъ вы восхищаетесь дикими прелестями природы, несая на тихихъ водахъ широкой Лены; вижу васъ на надоблачныхъ вершинахъ Чагдара и Юнакана и на мѣстахъ увѣковѣченныхъ именами несчастнаго Чехоноя* и пришлеца отъ странъ Юга дромадера.** Вижу, какъ вы, протекая отъ береговъ Невы до Океанскихъ, внимательно созерцали народы, населяющіе необъятное пространство Россіи. — Какъ тѣни мелькали въ глазахъ вашихъ Финны, Татары, Вотляки, Вогуличи, Мордва, Чуваши, Калмыки, Бурлаты, Якуты и Тунгусы. Но, вотъ, вы на пѣнистыхъ волнахъ

* Чехоной, Якутъ, вхавши въ Охотскъ, въ одномъ мѣстѣ лишился всѣхъ своихъ лошадей, падшихъ отъ заразы. Тутъ онъ остался и горько плакалъ. Мѣсто это названо «Чехоносово плачище.»

** Верблюды, проводимый въ Охотскъ, издохъ на пути, и на томъ мѣстѣ очеркъ его фигуры выкладенъ крупными камнями, а мѣсто называется *Верблюжье поле.*

великаго Океана, съ великодушнымъ страданіемъ переносите свирьность бурь и сырость густыхъ тумановъ, и преодолювъ ихъ, являетесь въ новый міръ. Я вижу, съ какою пріятностію, послѣ 33 дневнаго путешествія взглянули вы на потухшій вулканъ, дикій, снѣжный, по миловидный Эчкомъ. Вижу, что мрачное небо и снѣжные хребты горъ Ситхи осыпали васъ легкою грустью. Вижу, съ какимъ удовольствіемъ вступили вы на берегъ новаго свѣта и весело приняты обитателями унылага края. Вижу, съ какою кроткою ласкою приняли вы одного изъ староволяжныхъ, и какъ онъ, одичалый въ пустыняхъ Камчатки и Ситхи, смѣшался отъ изумленія, и не могъ промолвить вамъ ни одного слова. — Вижу даже вашу кроткую, обязательную улыбку, произведшую смѣненіемъ полудикаря. Далѣе, вижу, какъ вы посѣщали угрюмыя окрестности Ситхи, при взглядѣ на разрушенную отъ враговъ старую крѣпость, обновляли воспоминаніями горестное событіе; восхищались быстрымъ низверженіемъ водопада и вихремъ снѣжной пыли, возносящейся до облаковъ, при паденіи съ горъ снѣжныхъ лавинъ; удивлялись спасительному роднику кипящихъ минеральныхъ водъ, и прельщались немовѣрнымъ изобиліемъ рыбы въ Озерскомъ редутъ. Вижу, какъ въ тихій, ясный, лѣтній вечеръ, вы вышли на пристань въ сопровожденіи одной дамы (А. А. Р.), въ то время, когда монотонныя пѣсни Коложъ оглашали воздухъ, и одинъ большой раскрашенный ботъ быстро несся на веслахъ, оставляя пѣнистую струю на гладкой поверхности Ситхинскаго залива. Гребцы — воины, на тотъ разъ раздѣтые до пояса, съ раскрашенными лицами и обнаженными головами, усыпанными ориннымъ пухомъ, — громкимъ уханьемъ показывали свою отвагу. Я слышу, какъ спутница ваша, пораженная необыкновеннымъ видомъ и дикою веселостью суровыхъ воиновъ, вскричала: «какая прелесть!»

Я вижу васъ, въ сырую погоду, безъ прислуги, пробирающуюся по грязнымъ закоулкамъ Ситхинскаго Крысополиса, въ тѣсную лачугу, чтобы помочь страдающей отъ болѣзни женщинѣ, которая нашла въ васъ ангела-утѣшителя.

Я вижу, какъ знаменитая владѣтельница Чильхата, въ первый разъ явившаяся въ Ситху, съ многолюдною свитою, цѣлую ночь просидѣла на камнѣ, обернутая въ шкуру чернаго

медвѣдя. Она пристально озирала большія зданія, безпрестанно испуская крики удивленія и не постигал, какъ могли сложить деревья одно на другое на кекуръ и составить юрту въ три жилья?

Вижу, какъ эта гордая владѣтельница, на другой день, постыла васъ. Угощаемая и ласкаемая вами, она таяла отъ изумленія. Увидѣвъ работу вашу по канвъ, она съ открытымъ сердцемъ призналась, что умѣя ткать покрывала и плести корзины, никогда не можетъ сдѣлать подобной вещи.

Я вижу какъ Хутце, Анахутце, Наушкетель, и другіе старшины Ситхинскихъ Коложъ, угощаемые вами, забывали пріязнь свою и превозносили васъ похвалами.

Я вижу васъ, въ кругу нѣсколькихъ спутницъ, сѣзжающую на окрестные острова, или гуляющую по берегамъ Коложенской рѣчки, чтобы сорвать съ кустарника нѣсколько ароматныхъ, бархатныхъ ягодъ.

Вижу, какъ вы посѣтили мѣста за предѣлами Ситхи. Кадьякъ, Николаевскій редутъ и крѣпость Россъ будутъ передавать отъ поколѣній къ поколѣнію рассказы объ вашемъ тамъ пребываніи, и съ уваженіемъ произносить ваше имя. Вижу, какъ на берегахъ Новаго Албіона, вы, возносясь на верхи горъ, оставляли подъ ногами волнистое туманное море и чувствовали себя превыше міра, обитаемаго людьми.

Вижу, какъ оставляя Ситху, чувствительное ваше сердце сжалось, и облегчилось только тогда, какъ капли слезъ блеснули при паденіи. Я вижу, какъ сопровождавшія васъ особы, обильно проливая слезы, благословляли васъ и молили Всемогущаго сохранить васъ въ пути повомъ и трудномъ.

Опять я вижу васъ на волнахъ Океана, у береговъ туманной Ситхи; вижу какъ кренить корабль Урупъ, остающийся подъ зарифленными марселями. Слѣдуя по пути вашему, вижу, съ какимъ удовольствіемъ выступили вы на берега Монтереля въ Alta California. Вижу васъ въ домѣ донъ Давида, гдѣ добрая жена его подавала вамъ руку съ привѣтствіемъ: Como esta V. Sennorita? И вотъ вы путешествуете въ знаменитый прежде, но теперь бѣдный Mission San Carlos de Carmel. На пути занимали васъ пригорки, украшенныя миловидной эшолціей, красивыя дубовыя рощи, стада тучнаго рога-таго скота и выбѣгающіе изъ перелѣсковъ coyales.

До сих поръ я видѣлъ васъ ясно, и могу назвать мѣста и тропинки, которыми вы проходили, лѣса, которые васъ осыпали, и даже цвѣты, которые вы срывали. Но далѣе взоръ мой тускнѣетъ, и я, сквозь тонкій мракъ, примѣчаю васъ вновь на зеркальныхъ водахъ великаго Океана, и потомъ вышедшую на берега знаменитой Мексики въ портъ Санъ-Блазь Усматриваю, какъ занимали васъ роскошныя растенія тропиковъ, новыя лица, новыя роды животныхъ, и новый для глазъ вашихъ образъ строеній. Послѣ Санъ Блаза, Тепикъ, Гвадалахара, и наконецъ Мексико, прославленный именими Кортеса и Монтезумы, доставляли вамъ обильный предметъ для размышленій о духъ управленія грозныхъ Испанцевъ, и о страданіяхъ бѣдныхъ аборигеновъ. Постигаю удовольствіе, просіявшее въ вашихъ глазахъ при воззрѣніи на величественный, огромный Поросатеретъ, и другіе вулканы, украшающіе равнины Мексики. Чувствую, какъ вы на перѣздѣ изъ Мексико въ Jalaro, возносились на высоты болѣе десяти тысячъ футовъ надъ поверхностію Океановъ, были окружены атмосферою несравненно тончайшею той, которая окружаетъ низменные предѣлы. Наконецъ вы, спустясь съ возвышеній, являетесь въ Веракрузь, садитесь на корабль, и переноситесь въ славный New York, оттуда въ Гавръ, Гамбургъ, Кронштадтъ, и нашъ Петрополь. Вижу васъ въ сей столицѣ почтившихъ первымъ посѣщеніемъ стараго знакома, для котораго эта минута есть одно изъ незабвенныхъ событій въ его жизни.

И такъ до 27 лѣтъ отъ роду совершить необыкновенное путешествіе, видѣть безчисленныя чудеса природы и ознакомиться съ племенами народовъ дикихъ, неизвѣстныхъ въ Европѣ — это событіе истинно рѣдкое. Вы первая изъ дамъ всего міра обошли вокругъ свѣта, по сѣверной его гемисферѣ, слѣдовательно, путемъ необыкновеннымъ, по которому дышали воздухомъ самымъ густымъ, каковъ въ мрачномъ углу сѣверо-западнаго берега Америки, самымъ тончайшимъ, каковъ на высотахъ Баранки — и самымъ губительнымъ, каковъ на низкихъ болотистыхъ окрестностяхъ Санъ Блаза и Веракруза. Я благоговѣю предъ Провидѣніемъ, даровавшимъ вамъ силы къ пренесенію всѣхъ трудностей, и сохранившимъ васъ въ здоровьѣ, и томъ же пріятно-веселомъ расположеніи духа,

которое есть свидѣтельство чистой и возвышенной души. Молю Его хранить васъ до тѣхъ поръ, пока силы духа и тѣла свободно располагаютъ браннымъ составомъ человѣка. — Dios guarda Vuestra Excelencia a muchos años.

А. ХЛѢВНИКОВЪ.

РЕФОРМАЦІЯ У МУГАММЕДАНЪ.

Европейцы, обыкновенно съ гордостію говорятъ, что они наконецъ разрушили преграду, которая отдѣляла ихъ отъ поклонниковъ Мугаммеда, и пробудили въ нихъ послѣднихъ вкусъ къ наукамъ и стремленіе къ гражданской образованности. Но однимъ Европейцамъ нельзя приписать этой заслуги. Кромѣ умышленнаго, или неумышленнаго вліянія ихъ на состояніе Мугаммеданскихъ народовъ, есть еще другое начало преобразованій на Востокъ — это внутреннее раздѣленіе, происшедшее въ самомъ исламизмѣ. Главнѣйшія страны, въ которыхъ господствуетъ Мугаммедова религія, суть: Турція, Бухарія, Персія, Аравія, Египеть, и Могребъ, или часть Африки, лежащая къ сѣверу отъ Сагары. Индія и внутреннія страны Африки въ этомъ отношеніи незначительны. Мы поставили Турцію на первомъ мѣствѣ, не потому, чтобы она была государствомъ самымъ важнѣйшимъ для исламизма, но только потому, что почти всѣ Мугаммедане почитаютъ Турецкаго Султана наслѣдникомъ Калифовъ и главою правовѣрныхъ. Впрочемъ, исламизмъ въ Европейской и Азіятской Турціи есть чужеземное растеніе; многоженство здѣсь не есть необходимое слѣдствіе климата; Мугаммедане перемѣшаны съ Христіанами; правовѣрные не имѣютъ перевѣса на своей сторонѣ по многочисленности; ученіе ихъ всегда находить себѣ сильное противодѣйствіе; религія Мугаммеданская, во многихъ областяхъ, господствуетъ только въ высшихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ исламизмъ не могъ развиваться здѣсь во всей своей силѣ, тѣмъ болѣе, что весьма многіе изъ Турковъ, не понимая Арабскаго языка, не могли принимать участія въ распространеніи догматовъ духовнаго ученія. Въ Бухаріи всѣмъ иначе. Нигдѣ не было столько ревностныхъ послѣдо-

вателей ислама, какъ здѣсь. Начала религіозныя взяли рѣшительный перевѣсъ надъ политикою; государственныя учрежденія въ точности основаны на предписаніяхъ корана. Причины очевидны. Жители Бухаріи смѣлились противодѣйствовать Персидскимъ шитамъ, и поддерживать законъ о многоженствѣ и объ удаленіи женщинъ изъ мужскаго общества.

Рѣзкую противоположность съ обѣими этими землями составляютъ Персія и Аравія. Здѣсь отчизна ислама; многоженство существуетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ; кромѣ немногихъ Евреевъ и Индійцевъ, жители все Мугаммедане, и исламизмъ, развиваясь здѣсь безпрепятственно, превратился въ мрачное, угрюмое суевѣріе. Въ деспотической, по болѣе образованной Персіи, этому содѣйствовалъ суфизмъ. Начавъ мистицизмомъ, онъ перешелъ въ рационализмъ, и въ смѣлыхъ умствованіяхъ своихъ осмѣлился отвергать достовѣрность призванія Мугаммеда. Въ демократической, но необразованной Аравіи произвело сильный переворотъ ученіе Абдуль Вагаба. Онъ возставалъ особенно противъ божественныхъ почестей, оказываемыхъ Мугаммеду, и противъ пышности мечетей. Суфизмъ изъ Азіатской Турціи все болѣе и болѣе распространяетъ по Египту ученіе Вагаба, и такимъ образомъ подрываетъ основаніе обрядовъ и догматовъ исламизма.

Только въ Могребѣ еще неохладѣлъ и не измѣнился религіозный духъ ислама. Абдъ-эль-Кадеръ есть представитель его могущества. Только какъ глава духовенства, онъ могъ приобрести свою силу. Впрочемъ, Африканскія племена слишкомъ грубы, живутъ въ землѣ слишкомъ отдаленной отъ средоточія исламизма, и на судьбу его не могутъ имѣть существеннаго вліянія. Но Персія и Аравія, по своему языку и по своей образованности, оказываютъ чрезвычайное вліяніе на весь Мугаммеданскій міръ. Въ высшихъ сословіяхъ Персіи, Турціи и Египта сохранились теперь только мертвыя формы ислама. Въ Аравіи, Сиріи и Египтѣ, по вліянію ученія Вагаба, масса народа мало по малу отдалится отъ чистыхъ правилъ корана. Въ слѣдствіе такихъ обстоятельствъ, всюду здѣсь появляются Европейскія формы, какъ это обыкновенно случается въ эпоху перехода какого нибудь государства изъ одного состоянія въ другое. Если сила Турокъ въ скоромъ времени

придетъ въ упадокъ, и національный духъ Аравитянъ станетъ укрупляться болѣе и болѣе, то соединившись съ формою Вагабовой религіи, онъ отброситъ все ему чуждое. Что будетъ тогда съ Турецкими владѣніями въ Европѣ и Малой Азіи — это другой вопросъ. Въ Верхней Азіи начинается возникать національный характеръ. Въ Персіи основаніе этому положилъ Изманль Софи, который присталъ къ сектѣ Алія. Въ земляхъ Семитическихъ, Аравіи, Сиріи и Египтѣ, Абдуль Вагабъ началъ новую эпоху исламизма.

ТОСКАНСКІЯ ВУРОВЫЯ ОЗЕРА.

Эти озера въ Европѣ, если не въ цѣломъ свѣтѣ, суть единственные въ своемъ родѣ, и добываемая изъ нихъ буре составляетъ важную статью торговыхъ промысловъ въ Тосканѣ. Они занимаютъ пространство почти на 30-ти Англ. миляхъ и издали видны выходящіе изъ нихъ столбы пару, которые смотря по времени года и по погодѣ, бываютъ болѣе или менѣе густы. Когда приближается къ озерамъ, то кажется, что вода вырывается изъ земли какъ изъ вулкана, съвозъ почву, состоящую болѣею частію изъ извести и песку.

Вблизи жаръ нестерпимый, и сильно обхватываетъ паръ, имѣющій нѣсколько сѣрный запахъ. Все это — жаръ, съ шумомъ вырывающагося, горячая вода, мрачная, какъ будто трясущаяся почва, столбы пару, сильный запахъ, мрачныя уединенныя горы, представляють вмѣстѣ поразительное зрѣлище. Горящая и колеблющаяся подъ ногами путешественника земля покрыта прекрасными кристаллизациями сѣры и другихъ минераловъ.

Ниже вершины горы Черболи, она перевита чернымъ мергелемъ и известно, что издали даетъ ей видъ разноцвѣтнаго мрамора. Прежде, это мѣсто, въ простонародіи, почиталось входомъ въ адъ; очевидно, что такое суевѣріе ведетъ свое начало изъ языческой древности, потому, что самое большое озеро, и близъ него находящійся, извергающій пары вулканъ, носятъ названіе горы Черболи, или горы Цербера.

Крестьяне, проходя мимо, трепетали отъ страха, и перебирала свои четки, нашептывали молитву. Г. Лардерель, въ новѣйшее время, сдѣлалъ эти озера источниками богатствъ для Тосканы. Тамъ, гдѣ изъ горныхъ ущелий стремительно вырываются пары, нынѣ устроены искусственныя озера для окисленія воды, которая горячими парами нагревается между тѣмъ даже до кипѣнія. Черезъ 2/4 часа, вода совершенно бываетъ наполнена кислотою; потомъ ее переводятъ во вторую лагуну, гдѣ происходитъ второе, и потомъ третье насыщенье; это продолжается, пока вода не достигнетъ послѣдней лагуны, и тогда, послѣ 6 или 8 насыщень, она принимаетъ въ себя $\frac{1}{5}$ процента кислоты. Далѣе она переводится въ резервуаръ, изъ котораго, послѣ нѣсколькихъ часовъ устоя, передаютъ ее на испарительныя сковороды, числомъ отъ 10 до 20. Здѣсь происходитъ сильное стущенье кислоты, между тѣмъ, какъ горячей паръ, поднимающійся изъ источниковъ, проходитъ между плоскодонными свинцовыми сковородами. Сей паръ въ источникъ имѣетъ жара до 80° по Р., и послѣ того, какъ онъ пройдетъ между сковородами, еще остается въ немъ жару до 60°. Изъ сковороды кислота переходитъ въ сосуды, гдѣ кристаллизуется; изъ нихъ въ сушильни, гдѣ по прошествіи времени отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ, дѣлается совершенно сухою и готовою къ укладкѣ. Въ озерахъ работаютъ, большею частью, жители Ломбардіи, которые приходятъ сюда въ то время, когда ихъ родныя Аппеннины покрываются снѣгомъ; здѣсь своею работою достаютъ они себѣ ежедневно какуюнибудь *лиру*. Собственно-же обработываніемъ буры занимаются туземцы; всѣ работники носятъ особенное платье, и живутъ въ домахъ, по близости своего промысла. Прежде эти буровыя озера приносили только вредъ Тосканѣ; въ нихъ пропадало много скота, который, заблудившись въ сихъ мѣстахъ, попадалъ въ горячіе источники. Не рѣдко даже люди находили здѣсь смерть. Еще недавно одинъ несчастный проходившій лишился ногъ; поскользнувшись, онъ ступилъ въ горячую воду, и, прежде нежели могъ выскочить, мясо отдѣлилось у него отъ костей.

НѢЧТО О МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ.

У всѣхъ народовъ, во времена ихъ младенчества, литература начинается такими произведеніями, въ которыхъ дѣйствительныя происшествія, мѣшаясь съ вымыслами, излагаются въ эпической формѣ. Монголы играли нѣкогда въ исторіи Азіи значительную роль, и распространили свои завоеванія даже въ Европу. У нихъ также находимъ мы остатки рыцарскихъ поэмъ. Любопытно-бы изслѣдовать эти отрывки, въ отношеніи къ ихъ формѣ и содержанію. Извѣстія о Монгольскихъ поэмахъ находимъ мы въ исторіи восточныхъ Монголовъ Санангъ Сетзена, изданной Я. И. Шмидтомъ, въ Петербургѣ, 1829 года. Этотъ Монгольскій писатель, во многихъ мѣстахъ своей исторіи, вставлялъ отрывки различныхъ стихотвореній, которыя, вѣроятно, принадлежатъ къ эпическому вѣку Монголовъ, и можетъ быть, со времени его (1662 года) до сихъ поръ живутъ еще въ устахъ народа.

Поэтическія произведенія Монголовъ, упоминаемыя Санангъ-Сетзеномъ, за исключеніемъ одного, всѣ относятся къ исторіи Чингисъ-Хана, слѣдовательно, къ блестящему періоду жизни Монгольской. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ ко времени анархіи Монголовъ, сопровождавшейся великими бдствіями. Не смотря на то, что Монгольскіе эпосы появились въ различные вѣка, они по формѣ своей имѣютъ большое сходство между собою.

Вообще въ нихъ есть какая-то соответственность въ частяхъ, производимая повтореніемъ однихъ и тѣхъ же рюмъ, или однихъ и тѣхъ же словъ. Сверхъ того, стихи очень часто начинаются одними и тѣми же буквами, хотя подъ опредѣленнымъ размѣромъ подвести ихъ нельзя, и количество слоговъ въ нихъ произвольно. Однакожъ, при всѣхъ отступленіяхъ въ нихъ сохраняется одна основная форма, одинъ основной типъ. Всѣ стихотворенія раздѣляются на строфы, по четыре строки въ каждой, отдѣльные стихи которыхъ соединяются между собою аллитераціями и рифмами. Иногда послѣ каждаго стиха, иногда послѣ каждой строфы, а иногда гдѣ вздумается поэту, повторяются одинъ и тѣ же слова. Не всѣ строфы составлены одинакимъ образомъ. Есть такія, въ которыхъ аллитераціи совѣмъ нѣтъ, а въ иныхъ она замѣчается въ двухъ стихахъ сряду, или черезъ стихъ.

Въ Монгольскихъ пѣсняхъ, сообщенныхъ Тимковскимъ, и Камыцкихъ, собранныхъ Палласомъ, замѣтно, что онѣ подчинены тѣмъ же правиламъ, по которымъ составлены стихотворенія, нами упомянутыя. Палласъ говоритъ: «Эти стихи, въ которыхъ нѣтъ ни опредѣленнаго размѣра, ни въ падежамъ порядкъ слѣдующихъ рифмъ, но въ нихъ есть кадансъ и подобозвучныя окончанія.»

Изъ всего можно заключить, что вышеизложенныя правила Монгольской поэзіи соблюдаются всеми племенами Монгольскаго происхожденія. Такія правила можно замѣчать также и въ Манчжурскихъ сочиненіяхъ. Основываясь на свѣдѣтельствъ Ремюза, полагаю, что эта форма изобрѣтена императоромъ Каотзунгомъ, но, кажется, вѣрнѣе, что она составляетъ общую принадлежность поэтическихъ произведеній обонхъ племенъ, языки которыхъ столько сходны между собою. Можно полагать, что Манчжуры еще за долго до Каотзуна, даже до покоренія Китайской имперіи, имѣли свою народную поэзію, подобно Монголамъ и другимъ народамъ, которые уступаютъ имъ въ образованіи и стоятъ несравненно ниже ихъ.

О НОВОМЪ ЯВЛЕНІИ УЧЕНОЙ КРИТИКИ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Недавно въ Сѣверной Пчелѣ жаловались мы, что у насъ вовсе нѣтъ ученой критики, по части наукъ математическихъ и ихъ приложений. Какъ пріятно намъ сознаться теперь, что мы ошиблись: недавно вышедшій номеръ *Сына Отечества*, за Мартъ, чрезвычайно изумилъ насъ. Въ этомъ номерѣ помѣщены два разбора, одинъ Геодезіи г. Болотова, другой Механики г. Брашмана, написанные съ знаніемъ дѣла и — главное — съ благонамѣренностію. Конечно, съ положеніями обонхъ рецензентовъ можно поспорить, но въ обѣихъ статьяхъ сочинители сказанныхъ книгъ найдутъ себѣ полезныя совѣты. Благодарность редакторамъ *Сына Отечества*, которые, вѣроятно, не перестанутъ дарить насъ и въ послѣдствіи подобными статьями.

Мы позволяемъ себѣ однакоже сказать нѣсколько словъ г. рецензенту Геодезіи — онъ слишкомъ хвалитъ вторую часть книги Г. Болотова, замѣчая, что первая часть, особенно астрономическая, слабѣе. Мы думаемъ напротивъ, и съ нами вѣрно согласятся многіе, кто читалъ со вниманіемъ превосходное сочиненіе г. Болотова: мы думаемъ напротивъ, что *вторая часть его ниже первой*. — Въ самомъ дѣлѣ, въ первой части изложена *высшая* съемка вполнѣ, описано множество доселѣ неизвѣстныхъ инструментовъ; описаніе всѣхъ подробностей тригонометрической сѣти не оставляетъ ничего желать болѣе. Между тѣмъ, *низшая* Геодезія — написана только для однихъ — *топографовъ*. Да, такова была и цѣль, предположенная г-номъ Болотовымъ: онъ писалъ свое сочиненіе *для руководства въ Военной Академіи*, и для топографовъ г. Болотовъ и не имѣлъ въ виду инженерной съемки *низшей* Геодезіи, а инженерная съемка имѣетъ рѣзкое отличие отъ съемки высшей, и съемки употребляемой топографами; инженерная съемка занимаетъ средину между ними: она должна имѣть всю возможнѣйшую точность высшей съемки, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовать подробности топографической; а пото-

му въ ней не употребляютъ ни *повторительнаго круга* ни *повторительнаго теодолита*, которые описаны г-номъ Болотовымъ въ 1-й части, и которые слишкомъ *тяжелы*, сложны и — дороги для инженерной съемки; нельзя также инженеру употреблять ни *одного* изъ тѣхъ инструментовъ, которые описаны во второй части: онъ можетъ вовлечься въ большія ошибки, если проектъ какой нибудь судходной системы, шоссе, или даже морскаго гидротехническаго сооруженія, будетъ основываться на невѣрно снятыхъ на планъ *дистансахъ*; ни астролябія (§ 437), ни разные буссоли (§ 430) и тѣмъ болѣе отражательные инструменты, * не могутъ служить пособіемъ въ инженерной съемкѣ, въ которой малѣйшая погрѣшность въ положеніи точекъ вовлекаетъ часто въ ужасныя затрудненія, а иногда малѣйшая ошибка въ направленіи оси шоссе, или особенно канала, можетъ испортить все. Какіе же инструменты употребляетъ инженеръ для такой особенной съемки? Онъ употребляетъ чаще всего *теодолитъ*, но не тотъ *повторительный* теодолитъ, который описанъ у г. Болотова, но тотъ, котораго пѣтъ въ его книгѣ; инженеры употребляютъ также *повторительный кругъ* (но рѣдко Минхенскій, а совсѣмъ другой), астролябію съ трубами — чего тоже нѣтъ въ рассматриваемой нами книгѣ. Мы сказали, что г. Болотовъ и не имѣлъ въ предметъ инженерной съемки, которая нужна офицерамъ генеральнаго штаба. Отсылая невѣрующимъ словамъ нашимъ къ самой книгѣ, мы раскрываемъ еще статью: о «топографической нивелировкѣ»; здѣсь пѣтъ описанія того нивелира, который исключительно употребляютъ инженеры, который требуетъ *трехъ* поправокъ, и неужель для топографовъ, нивелирующихъ болышею частью по магистральнымъ линіямъ; кроме того г. Болотовъ вовсе исключилъ статью объ опредѣленіи *скатовъ* земной поверхности, часть вовсе неужную топографамъ, но весьма важную для инженеровъ; онъ ни слова не говоритъ объ *эклиметрахъ*, орудіяхъ, столь необходимыхъ въ инженерномъ искусствѣ, для проведенія дорогъ въ гористыхъ мѣстахъ, каналовъ, и проч. Кажется, всего этого достаточно убѣдиться въ томъ, что *вторая часть* рассматриваемой книги — не *полна*, хотя, повторимъ, она совершенно соответствуетъ той цѣли, для которой написана.

Здѣсь ксати упомянуть о важномъ изобрѣтеніи извѣстнаго нашего механика г. Роде. Во второй части Гедезии г-на Бо-

* Отражательные: секстаны, октаны, полукруги Дугласа, круги Барды, Эртеля, Штейнгеля, и проч. и проч. — все это *полезно* для топографа въ скорой съемкѣ, но *редко* инженеру — въ *точной*.

лотова, совершенно справедливо, выставляются всѣ недостатки извѣстной Минхенской *мензулы* на трехъ винтахъ, и яркими красками выхваляется мензула нашего соотечественника Г. Стефана, который недавно первый употребилъ *только два* винта, для приведенія мензулы въ горизонтальное положеніе; мысль употребленія двухъ винтовъ въ мензулѣ есть важное открытіе въ Гедезии, но должно признаться, что механизмъ г. Стефана довольно сложенъ. Недавно, привилегированный механикъ, г. Роде, изобрѣлъ другой механизмъ, съ двумя же винтами, который такъ простъ, такъ удобенъ, что не оставляетъ уже ничего желать лучшаго, и мензула г. Роде, вмѣстѣ съ *круглыми* (Dosenlibelle) воздушными ватерпасами, которые онъ тоже дѣлаетъ, есть самая лучшая, и мы рекомендуемъ ее всѣмъ съемщикамъ, отдаемъ только должную и заслуженную справедливость г. Роде (магазинъ его противъ Михайловскаго манажа). Въ книгѣ г. Болотова это важное изобрѣтеніе еще не могло быть описано по причинѣ его новосты.

А К.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖЕЛѢЗНОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ДОРОГѢ.

Sine ira....

Въ статьѣ: *Жельзыль и торцовыя дороги*, напечатанной во 2-й кн. Сина Отечества, 1838 г., между прочимъ сказано (стр. 165):

«Г. Герстнеръ удивляется слабому противодействию, встрѣченному имъ въ журналахъ. Кажется, скорѣе можно удивляться равнодушію публикѣ къ его славному предпріятію (т. е. учрежденію желѣзной дороги между Петербургомъ и Павловскомъ).

Вотъ удивленіе, совсѣмъ неожиданное!

Нѣтъ человека, слѣдщаго значительныя событія въ своемъ отечествѣ, который, прочтя одну программу г. фонъ Герстнера, и объявленіе о приступѣ къ работѣ, не замѣтитъ бы многихъ погрѣшностей и недостатка въ мѣстныхъ свѣдѣніяхъ. Такъ, напримеръ: онъ приводитъ въ основаніе своего расчета — на полученіе скромной платы за его труды — суммы по вѣдомству Путей Сообщенія, полученныя изъ Государственнаго Казначейства при управленіи этою частью Принца Георгія Голштейнъ - Ольденбургскаго, въ 1808 го-

ду; но Его Высочество, покойный Принц назначенъ былъ Главнымъ Директоромъ, сперва водяныхъ, а потомъ и сухопутныхъ сообщений, только въ теченіе 1809 года. Отчеты Его Высочества всѣ напечатаны и издавались для общаго свѣдѣнія. И такъ, каждому легко повѣрить, въ какой мѣрѣ показанія и расчеты г. фонъ Герстнера основательны.

Далье, разница горизонта Царскаго Села съ Петербургомъ, по собственной г. Ф. Г. нивелировкѣ, показана въ 20 сажень, по подобна нивелировка сдѣлана при Принцѣ Георгіи, еще въ 1810 году, лучшими инженерами. Пусть ихъ спросятъ, чтобы узнать разность между показаніемъ г. Ф. Г. и настоящимъ положеніемъ дѣла.

Работы ведены отъ Павловска, слѣдовательно, привозка всѣхъ тяжестей должна было обходиться весьма дорого, тогда, какъ начиная работы отъ Петербурга, можно было для подвоза пользоваться удобностію самой вновь устроенной дороги, и издерживать на перевозъ тяжестей гораздо меньше.

На насыпь, еще неосвѣвшуюся, положены рельсы. Даже безъ особенныхъ знаній въ наукѣ построенія, можно было предугадать, что послѣ неизбежной осадки, рельсы (по причинѣ неровности, тяжести земли на грунтѣ глинисто-иловатомъ и торфяномъ) покосятся, и будутъ неспособны къ движенію по нимъ повозокъ. Такъ и случилось. Чтожъ сдѣлалъ при этомъ строитель? Въмѣсто того, чтобы воспользоваться осадкою, временемъ уже произведенною, и выровнять поверхность насыпи крѣпкою землею, покрытою слоемъ каменнаго щебня, насыпь снова раскопана* на значительную глубину и щебень насыпанъ подъ исподъ? Теперь насыпь еще болѣе и болѣе будетъ подвержена осадкѣ — во первыхъ потому, что она снова вскопана, а во вторыхъ потому, что если снизу насыпанъ щебень, или битый камень, то верхній слой глинистой земли еще далѣе будетъ просыпаться и осѣдать, пока не наполнятся всѣ пустоты.

Вотъ, на выдержку, кое-какіе недостатки. Кто не видалъ ихъ изъ числа людей, принимающихъ участіе въ событіяхъ своего отечества? Можеть ли быть, чтобы изъ этого множества не нашелся кто нибудь, расположенный и умбюцій дать отчетъ въ своихъ замѣчаніяхъ публикѣ? Этого не сдѣлано, но отнюдь не отъ равнодушія, а чтобы разрѣшить загадку, прочтите первую статью по этому предмету, напечатанную въ Библиотекѣ для Чтенія, и вы увидите объявленіе Гг. Издателей,

* Я это видѣлъ въ Павловскѣ, подѣ Гостиницы. А. Х.

что они не примутъ ни какого возраженія противъ проекта г. Ф. Г. — Другіе журналы не приняли бы и подавно, да они и не читаются публикою. Что жъ прикажете послѣ этого сдѣлать самому равнодушному человеку?

Къ чему же удивленіе Сына Отечества? Скажемъ правду, наши журналы еще не стоятъ на свойственной имъ дорогѣ: быть органами общественнаго мнѣнія — содѣйствовать мудрому правительству въ распространеніи просвѣщенія, принимая въ дѣлъ наукъ и художествъ сужденія обѣихъ сторонъ, и что говорится — *donner place aux débats.*

А. Х.

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ОТЗЫВЪ ИЗЪ МОСКВЫ.

Съ нѣкотораго времени, Москва удивительно какъ осиротѣла, въ литературномъ отношеніи, и подиала, не знаю справедливой ли онагѣ тѣхъ, кто рѣзко произносить приговоры о всемъ литературномъ, являющемся въ Москвѣ и Россіи. Никто не судя въ своемъ дѣлѣ, и по званію Москвича не имѣю права рѣшать, справедливо ли это, но не должно ли, прежде нежели порицать слѣдствія, взглянуть поглубже на причину, ихъ производящую? Периодическія изданія захватили все вниманіе публики; новыя книги перестали быть необходимою, но согласитесь, что журналъ никогда не образуетъ литературы, какъ бы ни былъ разнообразенъ и всеобъемлющъ. Обратилъ вниманіе публики на книгу теперь трудно; прежде, не развлекаемое, оно само собою на нее обращалось, и потому чувствуемъ мы, какъ трудно усидѣть въ настоящемъ случаѣ. Новый романъ г. Вельмана, о которомъ желаемъ сказать кое-что, имѣеть полное право на вниманіе публики, и вотъ почему.

Г. Вельманъ, съ такою безыскусственностію, съ такимъ доверіемъ и талантомъ явился на сцену литературную, что не нуждался въ покровительствѣ. Онъ самъ проложилъ себѣ путь, путь свой, особенный, какъ говорится, *оригинальный*, и что еще болѣе, не видя на разные толки, совѣты, намеки, постоянно ему слѣдуетъ. Такое, почти психологическое явленіе, рѣдко бываетъ замѣтно.

Совершенно новый, небывалый родъ сочиненій, избранный Г. Вельманомъ, и продолжаемый постоянно, не могъ не

обратить на себя вниманія, во первыхъ чудною, часто слишкомъ эскизною легкостью, во вторыхъ, постоянною идеею, которая есть главное въ произведеніяхъ каждаго автора. Какаѣ же идея господствуетъ въ сочиненіяхъ г. Вельтмана? Вотъ вопросъ, на который отвѣчаемъ только по собственнымъ понятіямъ, не выдавая ихъ за непреложныя. Сообразивъ изданные имъ романы, видимъ, что они сами собою дѣлятся на два отдѣла. Въ однихъ являютя дѣйствующими лицами созданія фантастическія, знакомыя намъ по преданіямъ историческимъ, по живымъ разсказамъ народа, и они-то, свѣаясь вмѣстѣ, образуютъ ткань романа историческо-сказочнаго. Въ другомъ родѣ сочиненій г. Вельтмана дѣйствуютъ люди современные, но въ дѣла ихъ также вмѣшиваются силы міра невидимаго. Всѣ случаи, всѣ событія жизни этихъ людей состоятъ подъ какимъ-то неземнымъ очарованіемъ, и то, что могло бы назваться обыкновеннымъ очарованіемъ, у него принимаетъ характеръ таинственный, совершается подъ вліяніемъ неземныхъ дѣйствователей. Даже въ тѣхъ сочиненіяхъ г. Вельтмана, гдѣ вовсе нѣтъ слова о мірѣ невидимомъ, и тамъ узелъ завязки скрѣпленъ какимъ нибудь постороннимъ, такъ сказать, *мистическимъ* вліяніемъ. Тоска предчувствія, явленія магнетизма, увлеченія мыслей за предѣлы возможнаго — вотъ средства, которыя являютя въ романахъ его, тамъ, гдѣ волшебный міръ, по видимому, не имѣетъ мѣста. При такомъ направленіи, весьма естественно и неизбежно, что сочиненія г. Вельтмана, при всей своей ясности, относительно слога и очерковъ, требуютъ усиленнаго, нерѣдко напряженнаго вниманія читателя — требованіе, конечно, справедливое, но удобоисполнительное ли? Съ такой точки разсматривая сочиненія г. Вельтмана, мы объяснимъ себѣ всю переходчивость вліянія ихъ на публику. Одни принимались съ восторгомъ, другіе равнодушно. Полагая, что вкусъ публики, чистый, простой, можно сказать, *инстинктуальный*, если онъ не возмущенъ постороннимъ вліяніемъ, всегда бываетъ справедливымъ, мы относимъ неравномѣрный успѣхъ сочиненій Г. Вельтмана къ тому, что они имѣли неодинакія достоинства, и это неизбежно. Некстати было-бы распространяться здѣсь, и мы позволимъ себѣ завести рѣчь вообще о сочиненіяхъ автора для того только, чтобы наши собственные сужденія были отчетливѣе, а потому обращаемся прямо къ настоящему предмету статьи нашей: *Сердце и Душка*, «приключеніе.»

Этотъ новый романъ г-на Вельтмана принадлежить къ разряду сочиненій автора, гдѣ дѣйствуютъ люди современные, но дѣйствія ихъ не произвольны, ибо въ нихъ замѣшалась

нечистая сила — надобно сказать, замѣшалась такъ ловко, такъ ириво, и даже такъ естественно, что невольно этому вѣритя. Вотъ очеркъ романа: Кіевская вѣдма по долгу службы предъ Грозою Громоносною, Бурею Великою, хлопочетъ какъ бы къ Новому году прибыла къ прежнимъ еще вѣдма, и для этого выбираетъ она дѣвушку, изъ которой надѣется образовать славную вѣдму. Дѣло не мудреное, особливо, если за него принимаются такъ искусно, какъ принялся авторъ. Стоитъ только оставить эту дѣвушку *настѣкъ въ дѣвкахъ*, и она, по забытому, но неотмѣнному закону природы, непременно сдѣлается *вѣдмою*. Чтобы успѣть въ этомъ намѣреніи, вѣдма, извѣстными ей средствами, разлучаетъ *сердце* дѣвушки съ *душкою*, и заставляетъ ихъ дѣйствовать отдѣльно. Разумѣется, что всѣ поступки сердца опротивлены и чувственны; всѣ поступки думки холодны до равнодушія, и ни тѣ, ни другіе не могутъ составить счастья. Надобно прибавить, что авторъ, имѣя цѣлю представить: очерки женскихъ характеровъ, дѣйствующихъ подъ отдѣльнымъ вліяніемъ ума или сердца, даетъ способность тому и другому переселиться, куда имъ вздумается, и такимъ образомъ сердце и умъ дѣвушки, каждое въ свою очередь, переходятъ въ *семь разныхъ лицъ*, которыя составляютъ полную октаву женскаго характера. Къ тому же, число *семь* есть число *таинственное*. Развитие этой мысли въ картинахъ быта нашего составляетъ содержаніе разсказа, нерѣдко запутанное, но всегда занимательное. Нѣкоторые лица очерчены легко, но выразительно, какъ фигуры въ рисункахъ Жоаино. *Сердце* дѣйствуетъ въ Москвѣ, *Душка* въ Петербургѣ. Разность характеристики этихъ городовъ не подробна, но схвачена поэтически. Такъ одинъ изъ вечеровыхъ поэтовъ Петербурга, подъ вліяніемъ думки, пускается въ описаніе великолѣпной картины сѣверной столицы, но въ своемъ воображеніи по неволѣ рисуетъ свѣтлыя ландшафты юга, мечтаетъ объ Италіи, Греціи, Египтѣ, лимонныхъ и миртовыхъ рощахъ. Подобными сближеніями наполненъ весь разсказъ, и въ легкихъ очеркахъ, въ намекахъ, часто кроется у автора зерно мысли замѣчательной. Затѣмъ вѣдмы разрушаются столкновеніемъ ея съ другимъ лицомъ изъ міра невидимаго, съ Нелегкимъ, очерченнымъ очень мило, такъ, что тутъ представляется воображенію веселый, хитрый, шаловливый духъ Шекспира, котораго страсть и забава была играть людьми. Въ концѣ романа *сердце* и *душка* дѣвушки, независимо отъ вліянія нечистой силы, соединяются, и дѣвушка дѣйствуетъ такъ, какъ должно, не увлекаясь ни холоднымъ умомъ, ни

горячимъ сердцемъ, а нечистая сила, на шабашъ, даетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и средствахъ, какъ управлять людьми. Эта картина мастерская. Вообще намъ особенно правится сцена, гдѣ нечистая сила дѣйствуетъ на людей, увлекаетъ ихъ, то движеніями сердца, то самолюбіемъ ума. Прочтите начало романа — очаровательная прелесть!

В. К.

О Г Л А В Л Е Н І Е В Т О Р А Г О Т О М А .

(*Мартъ и Апрель 1858 года*).

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

	Стр.
<i>Алексева</i> , Разсвѣтъ	20
Моя звезда	21
<i>Ганникова</i> , Подражаніе псалму III	5
<i>Волконскаго</i> <i>Кн.</i> Наполеонъ при Ватерлоо	95
<i>Драгоманова</i> <i>Я.</i> Шафари, Кассида	6
<i>Кольцова</i> <i>А. В.</i> Лѣсъ	17
Цвѣтокъ	22
Горькая доля	99
<i>Домошова</i> <i>М. В.</i> Ода	85
<i>Любима</i> <i>В. И.</i> Жизнь	96
<i>Розена</i> <i>Бар. Е. Ѳ.</i> Покрывало Левкоен	11
<i>Сущикова</i> <i>Д. П.</i> Замогильный голосъ	23
<i>Терюхиной</i> <i>Н.</i> Память быллага	26
Жажда молитвы	95
<i>Филимонова</i> <i>В. С.</i> Страхъ безслѣднаго существованія	15
Картина	100
Къ II . . . . . му	102
<i>Якубовича</i> <i>Л. П.</i> Падающая звезда	16
-- -- -- Звезда	94
-- -- (Друг. Соц.) Два медвѣдя, басня	27

ПРОЗА.

	Стр.
Повѣствованіе о томъ, какъ незваные гости уѣхали безъ обѣда (быль, а не сказка). <i>В. Владимірскаго</i>	29
Отрывокъ изъ романа: «Вотъ моя страсть!» <i>В. К. Войта</i>	60
Поединокъ. разсказъ <i>Ясновидицей</i>	103

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Царевна ба-бе-би-бо-бу. Сказка <i>Марриетта</i>	1
Положеніе учтивѣйшаго челоѣка (историческій раз- сказъ)	26
Книга любви. <i>Беттины Аримъ</i>	55
Любовь, поэзія и сумасшествіе. Отрывокъ изъ записокъ <i>В. Купера</i> . — <i>Ал. Пишо</i>	91

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

Очеркъ новѣйшей Итальянской литературы. <i>Фортуната</i> <i>Пранди</i>	1
Статья изъ <i>Gazettes de France</i> , 1648 г.	29
Гибель корабля Эссекса. (Съ Англ. <i>В. Фодотова</i>)	36
Матеріалы для Русской Исторіи	44
Жизнеописанія: Григ. Иван. Шелихова (<i>К. Т. Хлѣб- никова</i>)	66
Алекс. Вас. Игуменова (<i>Н. П. Щужина</i>)	84
Отрывки изъ описанія Китая, составл. <i>О. Іакимоуль</i>	97
Исторія Литвы. <i>Іосифа Крашевскаго</i>	161
Булавочная фабрика и домъ сумасшедшихъ, <i>Низара</i>	138

IV.

КРИТИКА.

<i>Oeuvres, etc.</i> (Полное собраніе сочиненій Ламартина). Бриссель, 1837 г. — <i>Низара</i>	1
--	---

Стр.

<i>Oeuvres, etc.</i> (Полное собраніе сочиненій Г. Гюго). Парижъ, 1837 г. — <i>г. Планиш</i>	97
Геодезія. Сост. А. Болотовъ. СПб. 1837 г.	56
Статика, и проч. Соч. Брашмана. М. 1837 г.	65
Очеркъ Русской литературы за 1838 г. <i>Н. А. Полеваго</i>	72,
	148

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Очерки Испаніи:	
I. Полководцы Донъ Карлоса	1
II. Мнѣніе Шатобриана объ Испаніи.	140
Нынешнее состояніе Аравіи и Египта. (Письмо кап. Меккези	24
Новая Гвинея.	40
Походы Французовъ въ Африкѣ. Статьи I. <i>А. Гондржур</i> . 159 Льтопись событій за Февраль и Мартъ 1838 года	54, 89

VI.

СМѢСЬ И НѢЧТО.

Е. П. Е. В. В. въ день рожденія. (К. Т. Хлѣбникова).	1
Реформація у Мугаммеданъ	5
Тосканскія буровыя озера.	7
Нѣчто о Монгольской поэзіи.	9
Объ ученой критикѣ въ Русской литературѣ. (А. К.)	11
О желѣзной Царскосельской дорогѣ. (А. Х.)	13
Литературный отзывъ изъ Москвы (В. К.).	15

Отдѣльно приложена статья: *Литературныя поясненія*,
Н. И. Греча.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПОЯСНЕНІЯ.

Въ апрѣльской книжкѣ *Библиотеки для Чтенія* нынѣшняго года, въ отдѣленіи: Литературная Лѣтопись, напечатана статья о новоизданныхъ моихъ сочиненіяхъ, написанная умно, учтиво и съ большимъ ко мнѣ снисхожденіемъ. Имѣя всѣ причины быть довольнымъ ею, и благодарить ея автора, считаю однако нужнымъ сдѣлать къ ней примѣчанія, которыя кажутся мнѣ неизлишними, и сверхъ того могушь пояснить предметъ очень для насъ важный и любезный — свойства и прѣбванія милаго намъ языка Русскаго.

Во-первыхъ, долженъ я опклонить нѣкоторыя нареканія, падшія въ эпоху статьи на *Ө. В. Булгарина*, который, составляя мою біографію, и прѣбуя, чтобы я въ ней ничего не перемѣнялъ, слишкомъ увлекся дружескимъ ко мнѣ расположеніемъ. Нельзя сказать, чтобы я (въ 1833 г.) *формально* былъ избранъ дѣйствующими литераторами въ редакторы *Библиотеки для Чтенія*. Если бѣ *Ө. В.* сказалъ: «былъ избранъ, и эпоху

избраніе подтверждено единогласнымъ одобреніемъ всѣхъ участвовавшихъ въ составленіи Б. липераторовъ,» это было бы пошнѣе. Вообще почтенный нынѣшній директоръ Библиотеки для Чпенія, какъ кажется, опть давно-спн забылъ нѣкоторыя обстоятельства, при которыхъ началось это изданіе. Онъ утверждаесть, что О. В. Булгарина въ то время не было въ Песербургѣ. Нѣтъ! Онъ былъ здѣсь, и усердно содѣйствовалъ успѣху предпріятія, которое казалось ему полезнымъ для липературы, что въ послѣдствіи дѣйствительно такъ и оказалось. Онъ писалъ статьи о предпріемомъ Г. Смирдинымъ журналѣ, въ Сѣверной Пчелѣ, писалъ въ самый день выхода первой книжки (см. N№ 289, 299 и 300 Сѣверной Пчелы 1833 года). — Г. Сенковскій говоритъ, что «Библиотека для Чпенія никогда не издавалась опть имени всѣхъ Русскихъ липераторовъ.» А въ N№ 300 Сѣверной Пчелы 1833, Г. Булгаринъ напечаталъ, между прочимъ, слѣдующее: «Г. Смирдинъ рѣшился соединить *всѣхъ* липераторовъ въ одномъ предпріятіи, и съ сею цѣлію вознамѣрился издавать журналъ: Библиотека для Чпенія, со-спрудниками коего согласились быть *всѣ Русскіе писатели*, всѣ поэты и прозаики, пріобрѣтшіе славу, пзвѣстность или просто благоволеніе публики.» Ясно, кажется. Если бъ въ этомъ заключался неправда или преувеличеніе, то Русскіе писатели, о которыхъ въ сей статьѣ го-

ворится, не преминули бы возразить на нее, но этого не было: всѣ они, въ томъ числѣ и Г. Сенковскій, согласились съ объявленіемъ Г. Булгарина. И такъ Г. Булгаринъ имѣлъ все право сказать, что Библиотека для Чпенія *сначала* издавалась опть имени всѣхъ Русскихъ липераторовъ. Г. Сенковскій ссылается на программу Библиотеки, печатаемую на оберткѣ, но тамъ нѣтъ ни чьего имени, кромѣ Г. Смирдина. — Выше упомянулъ я, что дѣйствительно меня въ редакторы *формально* не избирали, но въ то же время могу сказать, что я никому моего соспрудничества не навязывалъ. Я согласился на предложеніе Г. Смирдина принять на себя надзоръ надъ слогами и языкомъ новаго журнала: такимъ образомъ Г. Сенковскій и я сдѣлались редакторами. Въ Февраль 1834 Г. Сенковскій сложилъ съ себя званіе редактора (и это было напечатано); оставался я одинъ. Въ Декабрь, принявшись за редакцію Энциклопедическаго Лексикона, я отказался опть редакціи Библиотеки. Тогда исчезли и имена соспрудниковъ съ заглавнаго листа, между тѣмъ, какъ въ объявленіяхъ о продолженіи Библиотеки повторялось, что *всѣ* прежніе липераторы въ ней участвуютъ. Тщешно нѣкоторые изъ нихъ объявляли, что уже давно прекратили всякое съ нею сообщеніе. . . .

Г. Сенковскій говоритъ, что я только *слеска* исправлялъ слогъ въ статьяхъ Библиотеки для

Чтенія. Это правда. Я не позволялъ себѣ измѣнять мысли автора, не дерзалъ ничего исключать, а тѣмъ менѣе прибавлять своего, что называется передѣлывать или пародировать. Авторы оставались при своемъ, лишаясь только барбаризмовъ, солецисмовъ и другихъ жестокихъ грамматическихъ ошибокъ. Г. Сенковскій ссылается на хранящіяся у него корректурные листы. И я на нихъ сошлюсь. Если бѣ нынѣшній редакторъ Библиотеки для Чтенія, въ апрѣльской книжкѣ ея, состоящей изъ 27 листовъ, исправилъ двѣсти грамматическихъ, логическихъ и другихъ ошибокъ, которыя безобразятъ ее какъ родимыя пятна, то оказала бы существенную услугу и читателямъ Библиотеки и ея сотрудникамъ, но въ отдѣльныхъ корректурныхъ листахъ его работа была бы незамѣтна: что значатъ двѣсти поправокъ на 432 страницы, а между тѣмъ и одна грубая ошибка противъ языка, искажаетъ цѣлую книгу, какъ одно несвѣжее яще поршитъ огромное блюдо. — Показаніе *Θ. В. Булгарина*, будто слогъ въ первомъ году Библиотеки для Чтенія былъ какъ *жемчугъ*, есть другое дружеское преувеличеніе, или, говоря языкомъ нынѣшнихъ реформаторовъ, *аликальная экзакжерация*. Изъ булыжнаго камня жемчужины не выпочишь. Дѣлано было, что можно.

Во-вторыхъ, Г. Сенковскій произноситъ судъ надъ моимъ слогомъ, утверждая, что «языкъ

въ Черной Женщинѣ, по прихвастію автора къ некоторымъ мертвымъ словамъ, можетъ показаться *теперь*, въ глазахъ девятидесятихъ частей Россіи нѣсколько устарѣлымъ, и даже дикимъ, (стр 26).»

Спранно и смѣшно было бы, если бѣ я смѣлъ вступаться за свой слогъ, если бѣ вздумалъ утверждать, что дѣйствительно пишу по-Русски порядочно. У всякаго свой вкусъ, свое мнѣніе. Мои сочиненія находятся въ рукахъ публики: ея дѣло рѣшить, какъ они написаны. Но не могу не указать на разность въ показаніяхъ часто упоминаемаго моего критика. Разбирая Черную Женщину въ июльской книжкѣ 1834 г. Библиотеки для Чтенія, Г. Сенковскій говорилъ о ней свое мнѣніе откровенно и безъ обиняковъ, строго порицалъ некоторыя спорныя романа, но о языкѣ и слогѣ его отзывался съ безусловною похвалою. «Пріятный, свѣплый слогъ» (стр. 20); «прекрасныя мысли, выраженыя съ очаровательною простотою» (тамъ же); «заманчивость слога и содержанія» (стр. 43); «страницы высокаго краснорѣчія» (стр. 44); и п. д. Теперь, не прошло четырехъ лѣтъ, а ужъ этою самымъ, пріятнымъ, свѣплымъ, очаровательнымъ, заманчивымъ, краснорѣчивымъ слогѣмъ — обвѣщались и одичали! И пакъ, въ Русскомъ языкѣ произошли въ это короткое время важныя перемены? Возникли новыя оригинальныя писатели и выпѣснили прежнихъ литераторовъ; появились

книги, написанныя слогомъ, который оставилъ далеко за собою слогъ писателей прежняго времени? Нѣтъ, ничего этого не бывало. Въ эти годы мы испытывали въ литературѣ однѣ упражненія: писатели, содѣйствовавшіе болѣе другихъ къ усовершенію и обогащенію языка, преждевременно сошли въ могилу. Гдѣ же эти усовершенствованія, это обновленіе Русскаго языка?

Критикъ не заставляетъ насъ долго поминуться недоумѣніемъ. Съ невыразимымъ проспоудшіемъ сознательнаго гевія онъ прямо говоритъ: «Это несчастіе (обвѣщалося и одичаніе Гречева слога), которому мы отчасти причиною.»

Поздравляемъ! И такъ вотъ гдѣ усовершеніе, обогащеніе, обновленіе Русскаго языка! Въ Библіотекѣ для Чтенія! Она открыла намъ незвѣдомыя доподъ тайны Русскаго слова, она его возродила и вознесла на высшую степенъ! Если бы предметъ этого спора былъ пустою или незначительной, довольно было бы сказаннаго, но онъ важенъ и любезенъ сердцу каждаго Россіянина, которому дорого его опечесиво, дорогъ священный, живой завѣтъ предковъ. Займемся этимъ предметомъ со всѣмъ вниманіемъ, со всѣмъ уваженіемъ, какихъ онъ заслуживаетъ. Можемъ увѣрить читателей (да они и сами увидятъ), что въ семъ случаѣ мы говоримъ вовсе не за себя, а за правду, за честь, за неприкосновенность Русскаго языка. Давно пора! скажутъ всѣ без-

пристрастные читатели. Правда, но лучше поздно, нежели никогда.

Библіотека для Чтенія есть безспорно одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Въ ней принимаютъ участіе многіе хорошіе писатели; въ ней помѣщаются переводы прекрасныхъ статей ученыхъ и литературныхъ изъ журналовъ иностранныхъ; въ ней есть полнота, разнообразіе. Исправность ея выхода обратилась въ поговорку. Жалуются на незанимательность многихъ статей, помѣщаемыхъ въсто баласту, на динисмъ и безвкусіе некоторыхъ мыслей, картинъ и выраженій, на спертныя выходы противъ Философіи и учености Германской, на непрерывныя насмѣшки и шуточные эмграммы, которыми испещряются даже ученые и серьезные статьи. По угодишь ли на всѣхъ! Есть люди, есть читатели Библіотеки, которымъ именно нравятся то, что другіе порицаютъ. Дѣйствительный порокъ этого журнала, препятствующій ему дѣйствовать на публику рѣшительно и благотворно, заключается въ дурномъ его слогѣ и варварскомъ языкѣ. Изъ этого, разумѣется, должно исключитъ помѣщаемыя въ Библіотекѣ статьи постороннихъ авторовъ, которыхъ редація коснулась не смѣетъ. Оригинальныя статьи Библіотеки кажутся дурными переводами съ какого-то неизвѣстнаго намъ языка. Слогъ въ нихъ шероховатый, грубый, тяжелый и до крайности неправильный.

И между пѣвъ Библіотека (позвольте употреб-
лять эту мепонимію, для избѣжанія собствен-
ныхъ именъ) громогласно объявляетъ, что она
очищаетъ языкъ Русскій, что она одна хорошо
пишетъ по-Русски, что Русскіе писатели, спа-
рающиеся наблюдать въ своихъ сочиненіяхъ чи-
стоту, правильность, благородство, гармонию—
несчастные запоздалые, заблудшіеся странни-
ки въ Монгольскихъ степяхъ Русскаго слова.
И Карамзинъ и Пушкинъ, и Державинъ и Гри-
бовъ — жалкіе пигмеи предъ великимъ Баро-
номъ Брамбеусомъ! Разберешь это поподробнѣе.

Главное дѣло Библіотеки, конекъ ея, по-
сполная идея (*idea fixa*) есть гоненіе на слова
сей и *онѣй*. Это гоненіе не новость. Лѣтъ за
сорокъ предъ симъ, воздвиглось оно на бѣдныхъ
мѣстоименія погдашними слѣпыми поклонника-
ми Карамзина. «*Fi done!* говорилъ одинъ изъ нихъ
(въ Аглаѣ ли, въ Талии, въ Амурѣ, въ Журналѣ
для милыхъ, не помню): какъ можешь этопомъ
человѣкъ имѣть препензіи на вкусъ? Онъ пи-
шетъ: *сей* и *онѣй!*» И въ моихъ школьныхъ те-
прадкахъ училища немилосердо вымарывали *сей*,
сіа, *сіе*. Помомъ мы вмѣспѣ съ нимъ надѣ этимъ
смѣялись. Думали ль мы тогда, что это наважде-
ніе ворошится съ длинными женскими шаліями!

Слово *сей* есть чистое Славянское, суще-
ствующее въ языкахъ Боснійскомъ (*сай, се*), Ра-
гузанскомъ (*сей, са*), и въ Церковно-Славянскомъ,
чуждое Полякамъ, Сербамъ, Кроамамъ и пр. Въ

Русскомъ языкѣ находимъ оное въ древнѣйшихъ
его памятникахъ, въ договорахъ Олега и Игоря
съ Греками. И памъ оно употребляется съ сло-
вомъ *тотъ*, но не въ одинаковомъ значеніи. Съ
печеніемъ времени оно выпѣснилось изъ упо-
требленія въ просторѣчій Московскомъ, но что
оно дѣйствительно употреблялось народомъ, въ
помъ свидѣтельствуютъ сложныя слова: *сегодня*,
сей часъ, *сію минуту*, *до сихъ поръ*. Совершенно
ли оно равно значеніемъ съ словомъ *этотъ*? Нѣтъ!
Словомъ *этотъ* означаетъ указаніе на предметъ,
съ намѣреніемъ отличить его отъ другаго; на-
примѣръ: *этотъ* человекъ глупъ, а *тотъ* золъ, и
сверхъ того оно употребляется отдѣльно, какъ
Французскія *cela, celui-là, celle-là*: *это дурно*.
Сей есть просто указаніе: *сіа книга продается*
у Смирдина. Это какъ бы членъ опредѣлитель-
ный. *Сей* не употребляется въ языкѣ разгово-
рномъ, и потому не можешь ему быть мѣста
въ комедіяхъ, въ повѣстяхъ, подражающихъ
взуспному разсказу, въ разговорахъ, въ друже-
скихъ письмахъ, и ш. п.; но въ книгахъ содер-
жанія историческаго, дидактическаго, въ бума-
гахъ дѣловыхъ, въ самой поэзіи слово это пер-
пимо и хорошо. Карамзинъ, сочиняя повѣсти,
Письма Русскаго Путешественника и разговоры,
спараясь поддѣлаться подъ языкъ проспонарод-
ный, не употребляетъ слова *сей*. Изъ этого по-
гдашніе его Сеиды заключили, что оно негодное,
и спали преслѣдовать его употребленіе. Но

явилась Исторія Государства Россійскаго, и первое въ немъ слово было *сей*. Попытайтесь поставивъ *этомъ*, и увидите, какъ это будетъ смѣшно. Чѣмъ это слово не хорошо? Оно имѣетъ свой опредѣленный смыслъ, благозвучно, понятно всякому Русскому человеку, припомъ корошко, легко ложится въ стихъ, и не опшнмаешъ риторическаго ударенія опъ гдавнаго слова, которое заимъ слѣдуетъ. Оно имѣетъ еще особенную прелесть для Русскаго уха происхожденіемъ своимъ опъ Церковно-Славянскаго языка. Языкъ *сей*, слышимый Русскимъ народомъ въ печеніе тысячи лѣтъ при опшправленіи службы Божіей, сообщилъ всемъ своимъ словамъ, всемъ своимъ звукамъ какое-то благородство, какую-то шпанственную возвышенность. Исключивъ *сей*, вы должны изгнать *лашты, уста, тело, оги, рамена, стопы* — слова, которыми облагоорожены наименованія частей шѣла человеческого (*).

(*) Библиотека напечатала грозную филиппику за права своего языка въ майской книжкѣ 1837 г., подъ названіемъ Письма Тверскихъ помещиковъ. Спашья презабавная! Авторъ ея хочетъ вышѣснить слова: *объемлющій, злато, молодой*, и п. н., не поспигая, что они вовсе не значатъ: *обнимающій, золото, молодой*. *Обнимаютъ* есть выраженіе физическаго дѣйствія, а *объемлютъ* умственнаго. *Золото* есть павѣстный металлъ, а *злато* вообще богатство, деньги, сокровища. *Молодой* значить не спарый лѣшами, а *младой* — украшенный прелестями конныхъ лѣтъ. Что

У насъ, нѣкогда воспавали противъ употребленія Церковно-Славянскихъ словъ, но только противъ употребленія ихъ въ слогъ простомъ, разговорномъ, письменномъ, а опшнюдь не памъ, гдѣ одинъ звукъ ихъ приговоряетъ уже слухъ нашъ къ принятію мыслей возвыщеныхъ и чувствъ благородныхъ. Нѣтъ вещи, которая не сдѣлалась бы странною не на своемъ мѣстѣ. Величественныя выраженія Славянскія спано-

вышло бы, если бѣ, въ одѣ Державина: Первому Сосѣду, вмѣсто:

Младья дѣвы угощашъ,
Газносишь вина чередой,

поставили: *молодыя дѣвки!* — Досшойно примѣчанія, до какой спещеніи Русское чувство дѣлится и опшщляетъ выраженія Славянскія и простонародныя: послѣднія ограничивающася выраженіемъ предметовъ и дѣйствій тѣлесныхъ, видимыхъ, шзшихъ; первымъ принадлежатъ область умственнаго міра. Возьмемъ въ примѣръ: *огораживать* часноколомъ, и *ограждать* безопасностію; *выблывать* спшну, и *ублывать* сдѣинами; *окрашивать* сукно, и *украшать* жизнь. По мнѣнію Библиотеки, все сіи благородныя, возвышенныя выраженія должны бытъ опринуны! — Но всего забавите Библиотека памъ, гдѣ она принимаетъ на себя званіе профессорши Русскаго языка. Въ этой же спашь (Письмо Тверскихъ помещиковъ), пресеріозно шолкують, что нельзя сказать по-Русски: «N. N. опличившійся изданною *имъ* книжкою,» а должно: «N. N. опличившійся изданною *собою* книжкою!» Увѣряемъ читателей, что это дѣйствительно и не въ шушку надечашано, на 77-й стр. майской книжки 1837 года.

вятся смѣшными въ устахъ фонъ-Визинава Купейкина.

Но — возражають намъ — это слово не употребляется нынѣ въ изустномъ разговорѣ. Волино! Карамзинъ прекрасно сказалъ: «У другихъ народовъ пвердиль, что должно писать такъ, какъ говорятъ. У насъ должно о нѣкоторыхъ предметахъ говорить такъ, какъ напишеть человекъ со вкусомъ.» Для чего отказываться намъ добровольно отъ той сокровищницы, которую открываютъ намъ соплеменные Русскому языку Славянскіе? Почему не обогащать намъ книжнаго, или литературнаго языка нашего словами Богемскими, Сербскими, Польскими, когда этихъ словъ нѣтъ въ языкѣ Русскомъ? Въмѣсто того, мы отвергаемъ свое всегдашнее достояніе, и пишемъ *коттежи, экскурси*, и п. п.! Самый богатый, гибкій и многосторонній изъ всѣхъ нынѣшнихъ языковъ Европы есть, безспорно, Нѣмецкій: онъ принимаетъ въ себя слова всѣхъ своихъ частныхъ нарѣчій, даетъ каждому надлежащее значеніе, приличное мѣсто. Что сказали бы въ Германіи о томъ писателѣ, который посовѣтовалъ бы, не въ шулку, обратіямъ своимъ, ограничиваться, во всѣхъ родахъ писаній, языкомъ Берлинскихъ гостинныхъ? А въ Берлинскихъ гостинныхъ говорятъ по-Нѣмецки. — Не гостинныя наши, въ которыхъ говорятъ по-Французски, должны подавать писателямъ образцы Русскаго разговорнаго слога, а писатели

Русскіе обязаны выучить гостинныя наши говорить по-Русски. Впрочемъ о Библиотекѣ для Чтенія нельзя сказать, чтобъ она заимствовала свой слогъ въ *гостинныхъ*. Это увидимъ ниже.

Теперь о словѣ *онѣй*. Языкъ не составляетъ произвольно, не составляетъ однимъ человекомъ, однимъ десятилетіемъ, однимъ сословіемъ: онъ есть органическое твореніе цѣлой жизни народа въ продолженіе вѣковъ; въ немъ лишнее, чуждое не можетъ держаться долго; все въ немъ, какъ въ природѣ, имѣетъ свою цѣль и свою причину. Слово *онѣй* родилось въ Русскомъ языкѣ по необходимости. Мѣстоименія всякаго языка должны выражать замѣняемые ими имена предметовъ пола мужскаго и женскаго, и еще предметовъ неодушевленныхъ. Это особенно хорошо выражается въ языкѣ Англійскомъ: he мужчина, she женщина, it все прочее. Во Французскомъ языкѣ имена предметовъ неодушевленныхъ бывають рода мужскаго или женскаго. Въ Нѣмецкомъ и въ Русскомъ, они бывають рода мужскаго, женскаго и средняго. И отъ этого, въ послѣднемъ случаѣ, происходитъ сбивчивость. Наше мѣстоименіе 3-го лица средняго рода опличается отъ м. мужскаго рода только въ именительномъ падежѣ: *онъ, оно*; во всѣхъ прочихъ нѣтъ различія. Какъ спущь различить имена предметовъ личныхъ и неодушевленныхъ? Напримѣръ, въ одной изъ предыдущихъ фразъ сей самой статьи, я напи-

саль: «въ Русскомъ языкѣ находимъ *оное* (слово) въ древнѣйшихъ памятникахъ.» Можно ли здѣсь поспавить *его*? Нѣтъ! это значило бы, что мы находимъ не вещь, не неодушевленный предметъ, а челоѵка. Да такъ не говорятъ! Повторяемъ: *вольнѣ!* И всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли писать простонароднымъ, разговорнымъ слогомъ водевилъ или что нибудь подобное, совѣтуемъ избѣгать этого слова. Это было бы то же самое, если бъ кто нибудь заставилъ (на сценѣ или въ повѣсти) Чухонскаго ямщика говорить чисто и правильно по-Русски. Въ двловомъ слогѣ, въ учебномъ и ш. п., слово *онѣй* необходимо, очень употребительно и опинюдь не смѣшно.

Вопь пятый годъ, что Библиотека для Чпенія безпрерывно и неупомимо занимается прелѣдованіемъ сихъ двухъ невинныхъ словъ, поспавляетъ въ томъ свою славу, величается тѣмъ предъ Русскою публикою! Что вышло изъ этого? Писатели плохіе, неопытные, неуѣренныя въ своихъ силахъ, слѣдуютъ навѣпамъ полстныхъ книжекъ. «Что дѣлать!» сказали мнѣ вздыхая одинъ сочинитель, которому я указалъ пятнадцать *этихъ* на одной страницѣ его книги. «Не поставь я *этихъ*, книгу мою разругаютъ въ Библиотекѣ; я не продамъ ни одного экземпляра; у меня жена и дѣти.» И по этой *себязни* вы очень хорошо опличите писателей самостоятельныхъ отъ бѣдныхъ поклон-

никовъ Библиотеки. Къ сожалѣнію, увлеклись этимъ попокомъ и молодые люди съ шланпомъ, но конечно не надолго.

Останется ли это въ нашей литературѣ! Дѣйствительно ли достигнетъ Библиотека своей цѣли — вытѣснить эти слова, на зло Русской грамотѣ? Не бойтесь. Только тѣ писатели дѣйствуютъ на попомство, которые оставляютъ ему законы языка въ твореніяхъ великихъ по предмету и по изложенію. Листы журналовъ опадаютъ, какъ съ деревъ осенніе листья. Величавые дубы и кедръ опаются на цѣлыя поколѣнія. Сколько странностей, нелѣпостей, парадоксовъ — выставляли у насъ въ журналахъ! Помните ли грозныя бои Славенофиловъ и Карамзинистовъ? — «Нѣтъ, не помнимъ.» — Такъ же дѣти наши не будутъ помнить Библиотеки для Чпенія, и развѣ какой нибудь запоздалый чпенецъ раздранныхъ книжицъ спанетъ, на смѣхъ внукамъ, защищать исключительныя права *этого*!

Впрочемъ, если бъ Библиотека ограничилась гоненіемъ сихъ двухъ словъ, мы охотно бы ей это простили. Такая-де ея забава! Въдъ у насъ вооружались и на букву *ѣ*. Тутъ бѣда не большая: это дѣло вкуса. Но Библиотека воображаетъ, какъ мы сказали выше, что языкъ и слогъ ея образцовые; что она опередила всѣхъ Русскихъ писателей, что Карамзинъ и даже Пушкинъ обѣщали, что ей суждено опистить, исправить, разукрасить Русскую гра-

молчу и словесность (*). И на все это у насъ молчать! И эшимъ недѣлосямъ даемъ криши-ка свободный входъ въ литературу!

Только помъ изъ писателей можете по-двинуть языкъ, кто имъ обладаетъ въ совершенствѣ, кто всосалъ его съ молокомъ матери, кто на эпомъ языкъ думаетъ, кого другой языкъ не смущаетъ и не сбиваетъ съ толку. И эпомъ писатель только тогда будетъ успѣшно дѣйствовать на языкъ, когда онъ, какъ мы выше сказали, напишетъ творенія и по содержанию своему достойныя перейши въ попомство. Такъ дѣйствовали въ свое время и дѣйствуютъ на Русскій языкъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Озеровъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Крыловъ, Жуковский. Въ нихъ творчество соединилось съ совершеннымъ знаніемъ языка, знаніемъ не приобрѣтеннымъ, не вычитаннымъ, не нахвапаннымъ, а врожденнымъ, воспитаннымъ съ ними самимъ.

Всякій языкъ состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть, *матеріальная*, есть данное ему количество словъ, предметъ лексикографіи. Вторая, *формальная*, окончанія, измѣненія, сочетанія данныхъ словъ, дѣло грамматики. Третья часть есть *духовная*, метафизика языка, духъ

(*) Все это можете найти въ 41 кн. Библ. для Чп., стр. 65, въ статьѣ Письмо прехъ Тверскихъ помъщиковъ.

его, органическая его жизнь, неосязаемое, невидимое, таинственное наследіе народа. Вы можете выучить всѣ слова языка, можете знать всѣ его формы всегдашнія и измѣняющіяся, но при всемъ помъ не будете въ состояніи выражаться эшимъ языкомъ, если не выикнете въ духъ его. Въ первыхъ двухъ отношеніяхъ, я могу сказать вамъ: «это слово неупотребительно; посмотрите, его нѣтъ въ лексиконѣ; избежите вошь это,» или: «это окончаніе неправильно на основаніи такого-то параграфа грамматики; напишите вошь такъ.» Въ-третьемъ — нѣтъ доказательствъ печатныхъ. Это духъ, спрашь, любовь. Это такъ, потому что такъ. Несправедливо было бы требовать у Библиотеки строгаго опчета о языкъ въ послѣднемъ его отношеніи. Мы съ нею не поняли бы другъ друга. Займемся преимущественно двумя первыми.

Въ доказательство сказаннаго нами, что слогъ Библиотеки неправиленъ и плохъ, что языкъ ея не только не можетъ служить примѣромъ, но и не заслуживаетъ ни какого снисхожденія, возьмемъ примѣры изъ двухъ разныхъ эпохъ ея, 1835 и 1838 года, въ промежуткѣ которыхъ, она, по словамъ ея директора, совершила преобразование Русскаго языка, и оставила насъ за собою, *сдѣлавъ на распутьи*. Мы увидимъ, что она *посвоему* не отспала.

Первая эпоха. Въ февральской и мартовской книжкахъ Библиотеки для Чтенія 1835,

черезъ нѣсколько недѣль по выходѣ ея изъ подъ опеки прежняго редактора, который, по словамъ апрѣльской книжки вышшняго года, стр. 29, *не имѣлъ ни какого вліянія на слогъ ея*, напечатана спашья *Эбсамбуль*, Нубійскія сценны. Въ ней находимъ, между прочимъ, слѣдующія выраженія и обороты: (Февр. стр. 119): «О зачѣмъ не родился я въ Среднихъ Вѣкахъ! Тогда только люди путешествовали съ истинною пользою и пріятностію.» Надлежало бы сказать: *только тогда*. Теперь же выходишь, что тогда путешествовали только люди, а теперь путешествуютъ и не люди. Съ пріятностію — нельзя сказать. Съ удовольствіемъ, такъ. — (Спр. 200). «Они вручатъ тебѣ принцессу.» Вручать можно только то, что беруть физически, *руками*: вручать письмо, вручать деньги, и ш. п. — (спр. 221) «Государство, обведенное *вокругъ* высокою стѣною.» Все, что обведено, то обведено *вокругъ*. Если не *вокругъ*, то оно не обведено. — (Спр. 223). «Съ раннего утра до вечера.» — (Спр. 225) «*Польце* зелени.» Такого слова нѣтъ въ Русскомъ языкѣ. — (Спр. 226). «Образованность Египта, *вручивъ* судьбу свою» и ш. д. Повтореніе прежней ошибки. Слѣдовало бы сказать: *поругивъ*. — (Спр. 227) «*Судна* изъ Тира.» По-Русски говорится *суда*. У насъ есть вещь, называемая *эпимъ* именовъ, но въ ней не вѣдять изъ Тира въ Сиенну. — (Тамъ же) «На *дурные*

глаза наши солище печенъ непримѣпно.» Слѣдовало бы сказать: для слабыхъ глазъ нашихъ, или въ слабыхъ глазахъ нашихъ. — (Спр. 228.) «Бѣсѣда *наогныхъ* свидѣтелей.» *Наогный* слово не Русское, а Польское: *naogny*. У насъ говорится *о свидѣцѣ*. — (Спр. 228). Нубія *докантъ* *вѣсть разрушатъ* свои развалины.» Галлицисмъ. (Тамъ же). «Въ доказательство того, что мы существуемъ *льтомъ*.» Авторъ хотѣлъ сказать: въ печеніе одного льпа, не долге одного льпа, а вышло *льпомъ*, то есть не весною, не осенью и не зимою. — (Спр. 229). «*Валкиѣ*, краски, чернила прехъ эпохъ, которыя бѣдная память наша почиаетъ за *раздѣленныя* большими массами времени, еще не исперлись.» Должно сказать: *изваянія*. Почитаютъ за *раздѣленные*, не по-Русски. — (Спр. 230). «Энгузиасты *къ* развалинамъ.» Не по-Русски. — (Тамъ же). «Стойло бѣ ли,» ш. е. Стоило ли бы. — (Спр. 231). «Спаярыя бочки для *муміеваго* пряпья.» Слово *муміевый* у насъ не существуетъ. Оно даже не Польско: можетъ быть, Нубійское. — (Спр. 231). «*Возвращался назадъ* въ Капръ.» Развѣ можно *возвращаться впередъ*? — (Тамъ же). «Эрудиція прещаетъ подъ вашими подошвами *въ каждомъ* *валлющемся* *въ песокъ предметъ*.» Конструкція самая варварская. — (Спр. 232). «Эти люди *накатываютъ* своимъ поддѣльнымъ воспоргомъ путешественниковъ.» *Накатывать* по-Русски все не значитъ обманывать, обольщать и ш. п.

— (Тамъ же). «Насъ уже столько разъ *обманули* тамошніе аншикваріи.» Обманули однады, а не столько разъ: столько разъ *обманывали*. — (Спр. 234). «Лордъ приказалъ *обдѣлать* судно внупри.» Обдѣлываютъ вещь снаружи. Внупри можно ее *отдѣлать*. — (Спр. 235). «Онъ велѣлъ перенести свое судно на рукахъ черезъ всѣ преграды, во что бы не обошлось.» Надлежало бы сказать: *ни* обошлось. — (Спр. 235). «Мисъ Марія была дѣвица бѣлая, скромная, розовая.» Или бѣлая, или розовая, что нибудь одно. Это промахъ не противъ Русской, а противъ Всеобщей Грамматики. — (Спр. 239). «*Откуда она здѣсь?*» — Не по-Русски. — (Спр. 241). «Почтенный дипломатъ выскочилъ изъ своей спавки *красный и въ остолбѣтніи*.» Не по-Русски. — (Тамъ же). «Все это должна быть *сплетня*.» Слово *сплетни* въ единственномъ числѣ не употребляется. — (Тамъ же). «Когда С. узналъ, что *исторія вышла отъ Сева*, онъ еще болѣе убѣдился въ ея ложности.» Нубіа! — (Спр. 242). «Романическое предпріятіе могло взволновать любопытство *недосужной праздности* въ любомъ Европейскомъ городѣ.» Что такое *недосужная праздность?* — (Спр. 242). «Сиръ Генри устроилъ все это по своему: онъ *родъ власти* въ Египтѣ.» Родъ власти — une espèce de pouvoir. Теперь понимаете? — (Спр. 243). «Лунный свѣтъ, насыщенный въ этой странѣ удивительною *блѣстію*.» По-Русски говорятъ *блѣзною*. —

(Тамъ же): «Безъ *сумерковъ*.» По-Русски говорятъ *безъ сумерекъ*. — (Тамъ же) «Небесный сводъ, налитый лазуревымъ воздухомъ, пылалъ огромными звѣздами, и выводилъ на показъ тысячи новыхъ, невиданныхъ свѣтилъ, скрывающихся въ пучинѣ разстоянія, недоступной глазамъ Европы.» Спрашиваемъ: что это за *недоступная пучина разстояній?* — (Спр. 244). «Денонъ, Египетская коммиссія и Гамильтонъ безбожно *надуми* его своими гравюрами.» *Надутъ* — слово низкое, не употребляемое въ хорошемъ языкѣ. — (Въ марповской книжкѣ, стр. 71). «Путешественникъ *разорвалъ всѣ перпѣнія*.» Не по-Русски. — (Спр. 74). «Наши рубашки придавали имъ *уморительную наружность*.» Придавали *видъ* — пакъ; наружности придавать нельзя. — (Спр. 75). «*Замужняя* женщины. По-Русски пишутъ: *замужнія*.» — (Спр. 75). «Песчаная гора начала *осуваться къ Нилу*.» Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ такого слова. Осовываться, осунулся, а не *осуваться*. — (Спр. 85). «Сиръ Генри, великій жрецъ Эпсамбульскій, долженствовалъ управлять обрядомъ *заклатіа* скопины ученаго любопытства на жертвенникѣ забытаго народомъ божества.» Не входимъ въ разбирательство эпои понкой аллегоріи; скажемъ только, что по-Русски говорится *закланіе*, а не *заклатіе*. — (Спр. 88). «*Прибывающій* сюда путешественникъ.» Прибываетъ вода, а не люди: они *пріѣзжаютъ*, приходятъ. — (Спр. 91). «Любовались

на большія красивыя яблока.» По-Русски говорится любовались яблоками. Слово яблоко во множеств. числѣ пишется яблоки, а не яблока. — (Спр. 93). «Второй залъ не произвелъ ни какого слѣдствія,» т. е. не произвелъ дѣйствія, или не имѣлъ слѣдствія. — (Тамъ же). «Онъ дядя всѣхъ здѣшнихъ крокодилей.» По-Русски должно сказать: крокодиловъ. — (Спр. 95). «Ушибившись спущъ невозможно, потому что подъ первой залы усыпанъ очень далеко пескомъ, кошорый чрезвычайно мягокъ и пріятенъ при вставаніи.» Любопытно знать, что это за песокъ легкой и пріятный при вставаніи! — (Спр. 97). «Чтобы вамъ не вздумалось посмотрѣть со свѣчкою, что такое находится на стѣнахъ и по угламъ зда-нія, и вносить нищій огонь въ эту пышную, великолѣпную темноту, я напередъ скажу вамъ, что тамъ такое.» Можемъ увѣрить чинапедей, что эпохъ періодъ напечатанъ точно такъ на указанной нами страницѣ. — (Спр. 100). «Попъ ладя изъ насъ помокомъ.» По-Русски: поплъ ладя съ насъ ручьями. — (Спр. 101). «Сиръ Генри, мужчина дородный и полнокровный, лежалъ на пескѣ, пыща и восхищаясь.» Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: пыхтя. — (Спр. 202). Тупъ ужъ я не совайся.» Нытъ, не суйся. — (Спр. 103). «Три падашки были соединены вмѣстѣ.» Что соединено, по стоить вмѣстѣ и безъ вмѣстѣ. — (Спр. 104). «Лице ея сдѣлалось сине.» По-Русски говорятъ: посинѣло. — (Спр. 105). «На бывшемъ

съ нами квакръ, безчувственному квакру.» По-Русски слово квакеръ склоняется: квакеръ, квакера, на квакеръ. — (Тамъ же). «Американецъ размахривалъ съ большимъ вниманіемъ рисунокъ попавшей ему шарелки.» Должно сказать: попавшейся. — (Въ майской книжкѣ, стр. 136). «Яковъ Петровичъ разстелилъ скапертъ, которая была вымота не далѣе какъ за недѣлю,» то есть разостлалъ скапертъ, которая была вымыта. (Въ октябрьской книжкѣ: Турецкая Цыганка, стр. 135) «По ступилмъ царей Мидіи.» По-Русски говорится: по слѣдамъ. — (Спр. 152). Тяжелая рука оттолкнула меня прочь.» Если оттолкнула, то разумѣется прочь. — (Спр. 161). «Аглазль.» Что это значить? откуда взялось это слово? Авторъ хотѣлъ сказать: изумился, осполбенѣлъ. А оглазль!! — (Спр. 163). «За испорченіе переплета.» По-Русски говорится: за поврежденіе переплета. — (Тамъ же). «Отворилъ книгу.» Говорятъ: раскрылъ книгу. — (Спр. 167). «Она медленно пронулась съ мѣста, упала на коверъ, выдернула изъ подъ себя цѣпь, и закрывшись шалью съ головою, повидимому, умерла.» Что это за шаль съ головою? — (Спр. 168). «Я ненавижу сценъ даже и бумагъ.» Должно сказать: ненавижу сценъ. — (Спр. 171). Она бросила сердито испытующій взглядъ на его пасмурное лице, украдкой сунула мнѣ подъ шинель руку, и тихонько положила ее въ мою.» Тупъ не нужно комменсарій. Довольно изъ 1835 года. Тамъ есть

и стулы, вмѣсто стулья, и водружилъ, вмѣсто водрузилъ. Перейдемъ къ нынѣшнему году.

Вторая эпоха. Февральская книжка: спатья о путешествіи профессора Эйхвальда. (Спр. 128.) «Это море, которое со времени путешествія Петербургскихъ академикомъ, не было изслѣдуемо, подавало ему надежду на новую, богатую жатву.» Вмѣсто изслѣдуемо, надлежало бы сказать изслѣдовано, или, лучше, не было предметомъ изслѣдованія. — (Спр. 129.) «Всѣ они сообщили такъ немного свѣдѣній по части Естественной Исторіи, что натуралисты не могли не желать, чтобы и п. д.—(Тамъ же). «Мы опнюдь не думаемъ дѣлать упрека автору за то, что онъ не пишетъ по-Русски своего ученаго путешествія по одной изъ Русскихъ областей.» Надлежало бы сказать, что онъ написалъ свое путешествіе не по-Русски или не на Русскомъ языкѣ. — (Спр. 129.) «Когда ученый авторъ до того насъ забываетъ, мы должны сами о себѣ подумать, и познакомиться съ его опличною книгою *мимо* ея сочинителя.» Что это значить? Вѣроятно: безъ пособія, безъ помощи, безъ средства, а не *мимо!* — (Спр. 130.) «Въ это время между множествомъ лодокъ, песпрившихъ Волгу, *выставлялось* нѣсколько казенныхъ транспортовъ.» (Спр. 131.) «Кромѣ главныхъ жителей Русскихъ, здѣсь живутъ Татары, Армяне и Персіяне, но которые совершенно *отуземились*.» Что это за *но?* Какое слово *отуземились?* Об-

русьи, такъ. — (Тамъ же). «Калмыки *кипятъ* болѣе за городомъ.» Кипящъ — какъ самовары! — (Тамъ же). «Во время эпихъ постовъ *учреждаютъ* они гимнастическія упражненія.» По-Русски упражненія не могутъ учреждаться. — (Спр. 132) «Глубиною *въ* ростъ.» Въ чей ростъ? Вѣроятно, человеческій. Не худо было бы прибавить. — (Спр. 132). «Во всѣ народныя игры входятъ музыка, и здѣсь было не безъ нея.» И здѣсь не безъ грѣха. — (Тамъ же). «Описаніе пляски: обыкновенно *осьмеро* (п. е. восьмеро) окружающъ двоихъ, которые, находясь въ серединѣ, подвигаются одинъ къ другому, тогда какъ прочіе *то* идутъ къ нимъ, *то* въ *то* же порядкѣ удаляются, *то* бросаются въ распыжку на землю, *то* опять быстро вскакиваютъ.» То-то-то-то! — (Спр. 133.) «Персіяне привозятъ сюда по большей части *туземные* товары, и по продажѣ ихъ возвращаются домой.» *Туземные* (впрочемъ слово варварское) означаетъ *тамошніе*, добываемые въ Аспрахані: какъ же ихъ Персіяне пуда (въ Аспраханѣ) привозятъ? Непонятно. — (Спр. 134.) «Любопытство вскорѣ привлекло автора къ идолослуженію Индѣйцевъ.» Подумаешь, что почтенный профессоръ обратился въ Индѣйскую Вѣру, а онъ просто пошелъ въ Индѣйское капище. — (Спр. 135.) «У Четырехъ Бугоръ.» (Это повторається нѣсколько разъ.) Помилосердуйте! У Четырехъ Бугоръ, а не бугоръ. Именительный падежъ этого слова въ

единственномъ числѣ есть *бугоръ*, а не *бугра*. — (Спр. 136) «Отсюда Волга *посылаетъ* еще до шестидесяти рукавовъ на сѣверъ отъ Астрахани.» Это не по-Русски. — (Спр. 138). «Вода поняла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прежнія *взморья*.» Взморье отнюдь не есть суша: это разливъ рѣки при устьѣ, рукавъ моря, и всегда покрыто водою. — (Спр. 139). «Красноватость ея (воды) происходитъ отъ одной соляной правы, коюрой множество на днѣ озеръ, и которая *отражаетъ красные луги солту*.» Это что? — (Спр. 140). «Въ этой *экскурси*.» Это что за слово? — (Спр. 143) «Банка съ каждымъ годомъ увеличивается и все болѣе *вышикаетъ* изъ воды.» Этого слова нѣтъ въ Русскомъ лексиконѣ, Еще справитѣ (на стр. 147): «по берегу возвышающіяся четыре или пять такихъ развалинъ, *выстающихъ* на нѣсколько фузовъ изъ воды.» *Выставать* — слышимъ и видимъ въ первый разъ отъ роду. — (Спр. 148). «Городъ Шагбахъ погибъ отъ того, что большая рѣка *поворотилась* прямо на него, и причинила спрашное наводненіе.» — (Спр. 150). «Въ Баку *есть* особеннаго рода *накожная болѣзнь*, которая очень *пьягоспна*, но никогда не смертельна.» Во-первыхъ, болѣзнь не *есть* въ Баку, а случается, господствуетъ и ш. п.; во-вторыхъ, она не *бываетъ* смертельна. — (Спр. 151). «Въ Баку и Дербендѣ водится спрашная порода мелкихъ мошекъ, которыя *кусаютъ огенъ зло*,» ш. е. кусаются очень больно.

— (Тамъ же). «Ночью нѣтъ съ ними ни какого способа.» Не хорошо! — (Спр. 152). «Путешественники *приблизжились*, ш. е. приблизились.» (Спр. 157). «*Отгружаются*, вм. разгружаются.» (Тамъ же). «Гдѣ ни закидывали неводъ, онъ *вездѣ возвращался* пустой.» Неужели самъ собою? — (Спр. 158). «Башмаки у нихъ вообще въ жалкомъ состояніи: кто побѣднѣе, шопъ *привязываетъ къ подошвамъ доскушья кожи*.» Такъ это ужъ не башмаки. Въ началѣ должно было сказать: *обувь*. — (Тамъ же). «Отъ палющаго солнечнаго зноя у Туркменцевъ бываютъ *глазные болѣзни*: они почти всегда съ полужакрытыми глазами.» Тутъ недоспаетъ глагола: *ходящъ, сидящъ, или чего-то такого*. — (Спр. 161). «Матросы ловили ихъ (гусей) руками, и получили изъ нихъ *славное жаркое*.» Здѣсь, во-первыхъ, *получили изъ нихъ славное жаркое*, оборотъ не гладкій; во-вторыхъ, нѣтъ надлежащаго единообразія глаголовъ: *ловили и получили*; должно сказать: *ловили и получали, или изловили и получили*. — (Спр. 168). «Непоколебимая скромность супруги Якши-Магмеда много *поперекривила* (?) *любопытству* нашего ученаго естествоиспытателя, который очень радъ бы былъ *изслѣдовать подробнѣе эту млекопитающую плотоядную*.» Недоумѣваемъ! — (Спр. 171). «Особенно примѣчательны лимонныя деревья: ихъ плодъ, впрочемъ одинаковый съ обыкновеннымъ лимономъ, *совершенно сладокъ*.» Слѣдственно онъ не одинаковъ. — «Айвы и папа-

вѣи представляють весьма странные, южные, виды.» Это непонятно. — (Спр. 172) «Хозяева лошадей бѣжали за ними (путешественниками, вѣхшими верхомъ), и попчасть хватались за поводья, какъ скоро путешественники дозволяли себѣ *странствовать скорѣе.*» То есть: осмѣливались вѣхаться шибче. — (Спр. 173). «*Совѣтывался, вм. совѣщовался.*» — (Спр. 175). «*Противно-сладкій* желтый сахаръ.» По-Русски это называется *приторный.* — (Тамъ же). «Вездѣ зеленѣютъ рощи.» Нѣтъ, *зеленѣются.* Зеленѣютъ значить спановляясь зелеными; напримѣръ: весною поля зеленѣютъ. — (Тамъ же). «Когда путешественникъ спалъ приближаясь къ берегу, ему закричали отпуда (съ берегу?), чпобъ онъ этого не дѣлалъ,» т. е. чпобъ онъ остановился. — (Тамъ же). «Нельзя допустить его на берегъ.» Допустить къ берегу, или *пустить на берегъ.* — (Спр. 190). «Упварь небогатая и недоказывающая его *имовитости.*» Это слово не Русское. — (Спр. 197). «Лезгны припались за домами, бросались на прохожихъ, запыкали имъ рпы, связывали руки и ноги, и убѣгали съ ними.» Съ руками и ногами? — (Спр. 201). «Съ пѣхъ поръ, какъ *смирено* разбойничье гнѣздо.» Должно сказать: *усмирено.* — (Спр. 262). «Теплопа достигла извѣстной степени, и казалось, *не имѣла наипренил* усились!» — (Спр. 264). «Памятники, грубо *выстеченные.*» Выстеченный значить битый плетью, розгами и т. п. Здѣсь должно сказать: *изстеченные.* — Въ мар-

шовской книжкѣ, на спр. 48, являюся *твароки.* Что бы это было такое? Уменьшительное имени *тварь!* И въ послѣдней, апрѣльской, книжкѣ находимъ вещи непоспимыя. — (Спр. 95). «Никто безъ сомнѣнiя, во всемъ безконечномъ ряду полководцевъ Геродота, не соединялъ въ себѣ болѣе правъ на званiе объяснителя четвертой книги его Исторiи, какъ Г. Эйхвальдъ.» Это значить: Въ безконечномъ ряду полководцевъ Геродота, никто не имѣлъ болѣе правъ объяснять четвертую книгу его Исторiи, или: Эйхвальдъ, одинъ изъ безконечнаго числа полководцевъ Геродота, имѣлъ всѣ права объяснять и т. д. Какъ угодно, только не такъ, какъ пишеть авторъ статьи. — (Спр. 95). «Лучшiй изъ критиковъ по этой части, Графъ И. Попоцкiй, *потому что* не умѣлъ сдѣлать этого раздѣленiя, заведенъ былъ сказкою о походѣ Дарiя въ Тулу и Суздаль и пр.» Русскiй чело-вѣкъ написалъ бы: «Графъ И. П. не умѣлъ сдѣлать этого раздѣленiя, и заведенъ былъ и пр.— Увѣрю васъ, что у насъ *ларкихъ* открывається *очень просто.*» — (Тамъ же). «Все, что Геродотъ самъ изслѣдовалъ, вполне подтверждается у автора» и пр. т. е. Все, что Геродотъ изслѣдовалъ самъ, или, лучше: все изслѣдованное самимъ Геродотомъ (*). — (Спр. 96). «Но принимая

(*) Замѣтимъ мимоходомъ странное мнѣнiе автора, будто Дунай называется Донау у Австрiйскихъ Гер-

за основаніе всего событія Гетскій Танаисъ, гдѣ оно и въ самомъ дѣлѣ случилось, всѣ географическія несообразности и сказки сами собою превращаются въ данныя, и пр.» Этого періодъ соснавленъ вопреки основнымъ законамъ нашего синтаксиса. Онъ долженъ быть расположенъ такъ: «Если примемъ за основаніе всего событія Гетскій Танаисъ, гдѣ оно случилось и въ самомъ дѣлѣ, всѣ географическія несообразности этой сказки сами собою превратятся въ данныя.» Теперь же, по грамматическому сложенію, выходитъ: «Географическія несообразности принимаются за основаніе Гетскій Танаисъ и превращаются въ данныя.» Сверхъ того, если слова *несообразности* и *сказки* не опдѣлены одно отъ другаго, выходитъ обоюдность смысла, оспанавливающая читателя. — (Тамъ же). «*Блестящій* разборъ.» Должно: *блестательный*. Что блестящъ, по когда нибудь померкнетъ. — (Тамъ же): «Многіе опличные крипики согласны нынче (п. е. нынѣ) въ томъ, что Славяне всегда были туземными обитателями.» *Были туземными обитателями* — нельзя сказать по-Русски: искони обитали въ этой странѣ, были коренными ея жителями, или же, просто, всегда жили въ той странѣ. — (Спр. 101). «Нѣкоторыя, увлекаясь *иллюзіями* корнесловія.» Почему не

манцевъ: онъ называется такъ у всѣхъ Нѣмцевъ безъ исключенія: и въ Цюрихѣ и въ Ревелѣ, и въ Мюнхенѣ и въ Сарептѣ.

мечпаніями, обаяніями и п. п.? — (Спр. 102). «Тѣ самыя при *племена*.» По-Русски должно сказать: при *племенѣ*. Это не именительный падежъ множественнаго числа, а родительный единственного. — (Спр. 103). «Надобно непременно, чтобы одна половина народа *колдовала* другу.» Такъ нельзя сказать по-Русски: глаголъ *колдовать* есть средний, непереходящій. Такъ же неправильно и слово *колдуемые*, встрѣчающееся на той же страницѣ. — (Тамъ же): «Такое щегольство не советъ идти къ *ерзнымъ шведкамъ*.» Помышлите, для кого вы пишете? На Руси такія выраженія, такія карпины не могутъ имѣть мѣста въ порядочной книгѣ. — (Спр. 105). «Онъ слишкомъ хорошій физиологъ, и *слишкомъ* хорошій натуралистъ, *чтобы* допустить и п. п.» Галлицизмъ, въ Русскомъ языкѣ неперпимый. — (Спр. 107 и еще въ другихъ мѣстахъ) «*Веснушковатый*.» По-Русски говорятъ: *весноватый*, отъ слова *веснина*. — (Спр. 109). «Скифы все похожи между собою, и не похожи на другихъ людей.» Должно сказать: *схожи* между собою, и непохожи на другихъ людей. — (Тамъ же.) «Эти зноеть обезсилены, а пѣ холодомъ,» п. е. эти обезсилены зноеть, а пѣ холодомъ. — (Тамъ же). «Сложеніе у нихъ нолсто и дородно; суспавы мокры и безсильны.» Это переводъ съ Греческаго, но не на Русскій языкъ. Что такое дородное сложеніе? Что за мокрыя суспавы? — (Спр. 115). «*Я* очень сожалью, что обстоя-

шельство, которое многимъ изъ монаховъ чина-шей можеть показаться незанимательнымъ или маловажнымъ, заняло сполько мѣста въ журналѣ, посвященномъ ихъ *прямоу удовольствію*.» Что значить *прямое удовольствіе*? *Исключительно, преимущественно* посвященъ ихъ удовольствію — такъ. (Тамъ же). «Я очень хорошо понимаю, какимъ образомъ иные (кто иные?) могли написать цѣлыя томы объ одной запятой въ текстѣ классическаго писателя.» — (Стр. 116). «Я ни сколько не сомнѣваюсь поже, что и голубоогненный цвѣтъ Вудиновъ, какъ ни ужасны были они колдуны въ свое время, не окажеть зловреднаго дѣйствія на дружескія отношенія наши, которыя могутъ только укрѣпиться въ преніи, веденномъ со вкусомъ и съ искреннимъ желаніемъ открытъ истину.» *Какъ ни ужасны были они колдуны въ свое время* — оборотъ варварскій, котораго и разбирать не нужно. *Преніе, веденное со вкусомъ!* Авторъ и не догадывается, что *преніе со вкусомъ*, значить споръ между авторомъ и вкусомъ!

Довольно выписокъ! Онѣ приведены изъ книжекъ Библіотеки 1835 года, и изъ вышедшихъ въ нынѣшнемъ 1838 году. Между тѣми и другими находятся слишкомъ тридцать книжекъ, и въ нихъ около тысячи листовъ, *печатью мелкаго убитыхъ*, и во всѣхъ эпихъ листахъ можно найти ошибки, промахи, несообразности, барбарисмы, солецисмы, неусупаю-

щія тѣмъ, которые приведены нами здѣсь. Не требуемъ, чтобъ директоръ Библіотеки и его сотрудники писали лучше, чище, правильнѣе: всякъ пишеть какъ можеть, но можемъ требовать, чтобъ эптовъ варварскій языкъ не былъ называемъ образцовымъ и обработаннымъ; чтобъ въ Библіотекѣ для Чтенія не осыпали насмѣшками, не оскорбляли гордымъ презрѣніемъ пѣхъ изъ Русскихъ писателей, которые не поклоняются злешому шельцу Барона Брамбеуса. Мы эпимъ обязаны и предъ соотчичами своими, и предъ потомствомъ, которое не проститъ намъ хладнокровнаго молчанія при посягательствѣ на святыню Русскаго слова. И такъ, спросятъ у насъ, вы полагаете, что одни вы, съ вашими Карамзинымъ, Крыловымъ, Жуковскимъ, Грибѣдовымъ, Пушкинымъ, Загоскинымъ, пишете хорошо по-Русски, и достигли высшей почки совершенства въ Русскомъ языкѣ? Нѣтъ! мы этого не говоримъ. Языкъ нашъ усовершенствуется, обогатится, украсится, вознесется на высшую степень, но не тѣми средствами, которыя употребляются нынѣшними мнимыми его реформаторами. Русскій духъ долженъ оживлять эпостройное тѣло. Будущіе наши классики, которыми мы, ожививъ вѣкъ нашъ, охотно передадимъ книги въ руки, сядятъ шеперь на скамьяхъ гимназій, или еще, въ дѣтской безпечности, гоняющіяся за бабочками на значныхъ берегахъ Волги, Оки, Суры.

Повторяю сказанное въ началѣ сей статьи, что я, въ нынѣшнемъ случаѣ, вступаюсъ оп- нодѣ не за себя, а за общее дѣло Русской Ли- тературы. Никто болѣе меня не уважаетъ отличныхъ дарованій директора Библиотеки для Чтенія; никто не опдѣетъ такъ охот- но должной справедливости его блистательному уму, его глубокимъ познаніямъ, его примѣрному трудолюбію; никто болѣе меня не радуется его успѣхамъ, но и никто болѣе меня не сожа- лѣетъ, что такой умный, ученый, образован- ный, полезный литераторъ берется за дѣло, которое превышаетъ его силы. Нѣтъ стыда, признаться, что мы не знаемъ того или дру- гаго языка: Томасъ Муръ, Шатобрианъ, Тиктъ, Манзони, Тегнеръ ни слова не знаютъ по-Русски. Уважая директора Библиотеки, но въ то же вре- мя страстно любя Русскую Словесность и прав- ду, прошу его убѣдительно оставить въ покоѣ Россійскій языкъ, и выбить изъ головы несчастную мысль, что можно быть преобразователемъ языка, когда не знаешь ни духа, ни началъ его.

Николай Гречъ

5 Апрѣля 1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Апрѣля 15 дня 1838.

Цензоръ А. НИКИТЕНКО.

Въ типографіи Н. Греча.